Масперо.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ НАРОДОВЪ ВОСТОКА.

изд. 2-е

МОСКВА.
—
1911.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

Древняя исторія народовъ Востока.

Книга I.

Египетъ до вторженія кочевниковъ.

ГЛАВА I.

Первобытный Египетъ.

Стран.

ГЛАВА II.

Мемфискій періодъ.

От третьей до десятой династій (Древняя имперія).

ГЛАВА III.

Фиванскій періодъ.

Отъ XI до XV династіи (Средняя исторія).

КНИГА II.

Передняя Азія до и во время Египетскаго владычества.

ГЛАВА IV.

Халдея.

ГЛАВА V.

Египетское завоеваніе.

ГЛАВА VI.

Великія морскія переселенія и XX-я династія.

Книга III.

Ассирійская монархія и Востокъ до воцаренія Саргонидовъ.

ГЛАВА VII.

Первая ассирійская монархія. Евреи въ землѣ Ханаанской.

ГЛАВА VIII.

Царство Іудейское.

ГЛАВА IX.

Вторая Ассирійская монархія до воцаренія Саргона.

Книга IV.

Саргониды и Востокъ до воцаренія Кира.

ГЛАВА X.

Саргониды.

ГЛАВА XI.

Азія во времена Саргонидовъ.

ГЛАВА XII.

Востокъ во времена Мидійской монархіи.

Книга V.

Персидская монархія.

ГЛАВА III.

Персидское завоеваніе.

ГЛАВА XIV.

Паденіе персидской монархіи.

ГЛАВА XV.

Древній Востокъ въ моментъ македонскаго завоеванія.

ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ
НАРОДОВЪ ВОСТОКА.

КНИГА I.

Египетъ до вторженія кочевниковъ.

ГЛАВА I.

ПЕРВОБЫТНЫЙ ЕГИПЕТЪ.

Нилъ и Египетъ.—Происхожденіе египтянъ; номы.—Египетъ въ доисторическую эпоху; божества и божественныя династіи.—Мена и тинетскія династіи.

Нилъ и Египетъ.

Первый путешественникъ, посѣтившій Египетъ, первый, по-крайней мѣрѣ, оставившій намъ разсказъ о своемъ путешествіи, Геродотъ Галикарнасскій, такими словами выразилъ впечатлѣніе, произведенное на него этою страною чудесъ [1]: „Египетъ — это даръ Нила". Египетъ представляетъ протянувшуюся черезъ пустыню полосу плодоносной земли, удлиненный оазисъ, расположенный по берегу рѣки, постоянно снабжающей его необходимою для произрастанія влагой. Нужно видѣть Египетъ въ періодъ наибольшаго спаданія водъ, за мѣсяцъ до начала лѣта, чтобы представить себѣ, во что обратился бы этотъ оазисъ, если бы онъ случайно лишился своей рѣки-кормилицы. „Нилъ уменьшился

[1]) Геродотъ II, VII. Онъ, можетъ-быть, заимствовалъ у Геката Милетскаго.

до половины своей обыкновенной ширины, и его мутныя, илистыя воды кажутся почти неподвижными. Берега его, то плоскiе, то крутые, состоятъ изъ массы черной грязи, выжженной солнцемъ, а за ними—ничего, кромѣ песковъ и безплодiя, такъ какъ хамсинъ (вѣтеръ, несущiй песокъ и продолжающiйся 40 дней) только что прекратился. Кое-гдѣ сквозь пыльную, ослѣпляющую, раскаленную атмосферу виднѣются стволы и вѣтви деревьевъ; листья же покрыты такимъ слоемъ пыли, что издали ихъ нельзя отличить отъ песковъ окружающей пустыни. Только путемъ усиленной и утомительной поливки въ садахъ паши удается поддерживать нѣчто, напоминающее зеленую растительность. Наконецъ, появляется первый предвѣстникъ окончанiя этого ужаснаго времени года—съ сѣвера поднимается сильный вѣтеръ, продолжающiй потомъ съ яростью бушевать изо дня въ день. Благодаря ему вся листва Нижняго Египта освобождается отъ пыли и снова зеленѣетъ. Палящiе лучи солнца, которое въ эту пору достигаетъ наивысшей точки горизонта, къ счастiю значительно ослабляются этимъ вѣтромъ, который 4 мѣсяца безпрерывно господствуетъ надъ всѣмъ Египтомъ.

„Вскорѣ и рѣка измѣняетъ свой видъ. Ниломѣръ въ Каирѣ показываетъ повышенiе уровня рѣки на одинъ-два дюйма; вода, еще вчера представлявшая безподобный напитокъ, теряетъ свою прозрачность и свѣжесть; она становится зеленой липкой и мутной, какъ солоноватая вода подъ тропиками, и до сихъ поръ никакой фильтръ не въ состоянiи освободить ее отъ этихъ противныхъ и нездоровыхъ свойствъ. Такое измѣненiе состава воды, вслѣдствiе котораго рѣка въ эту пору получаетъ названiе „зеленаго Нила“, происходитъ, какъ увѣряютъ, отъ обширныхъ скопищъ воды, застаивающейся послѣ ежегодныхъ разливовъ къ югу отъ Нубiи, на широкихъ песчаныхъ равнинахъ Судана. Прогнивъ 6 мѣсяцевъ или болѣе подъ лучами тропическаго солнца, эта испорченная вода уносится новымъ наводненiемъ и опять попадаетъ въ русло рѣки. Къ счастiю, эти свойства вода сохраняетъ не болѣе трехъ-четырехъ дней; какъ ни коротко это время, но несчастные, вынужденные пить нильскую воду, испытываютъ невыносимыя страданiя мочевого пузыря. Предусмотрительные городскiе жители заранѣе запасаются водой и наполняютъ ею свои бассейнъ и цистерны.

„Между тѣмъ рѣка быстро поднимается, постепенно мутнѣетъ въ теченiе 10—12 дней, когда, наконецъ, появляется послѣднее и самое удивительное измѣненiе Нила. Постараюсь описать свои первыя впечатлѣнiя. Я только-что всталъ съ дивана, на которомъ тщетно старался уснуть въ продолженiе длинной и томительной ночи, и находился у борта нашего судна, которое было задержано безвѣтрiемъ у *Бенисуэфа*, въ Верхнемъ Египтѣ, когда изъ-за цѣпи Аравiйскихъ горъ показался верхнiй край солнечнаго диска. Я былъ удивленъ, увидѣвъ темно-красный отблескъ рѣки, лишь только лучи коснулись ея поверхности. Съ увеличенiемъ свѣта усиливалась густота окраски, и, прежде чѣмъ солнце окончательно вышло изъ-за горъ, Нилъ преобразился въ кровавую рѣку. Предполагая оптическiй обманъ, я поспѣшилъ перегнуться за бортъ, но то, что я увидѣлъ, подтвердило мое первое впечатлѣнiе. Вода была непрозрачна, темно-краснаго цвѣта, скорѣй похожая на кровь, чѣмъ на что-либо другое. Въ то же время я замѣтилъ, что рѣка за ночь прибыла на нѣсколько дюймовъ; арабы объяснили мнѣ, что въ эту пору она называется „краснымъ Ниломъ“. Кровяной цвѣтъ и непрезрачность воды измѣняются все время, пока не завершится разливъ Нила. Когда прибыль воды не превышаетъ одного или двухъ дюймовъ, она становится полупрозрачной, не теряя своего темно-краснаго оттѣнка, тѣмъ не менѣе въ ней нѣтъ тѣхъ вредныхъ примѣсей, какъ въ „зеленемъ Нилѣ“, — никогда вода не бываетъ болѣе здоровой, вкусной и освѣжающей. Въ дни большой прибыли воды, рѣка несетъ такъ много илу, какъ ни одна изъ извѣстныхъ мнѣ рѣкъ Верхняго Египта. Я не разъ замѣчалъ, что масса ила затрудняла даже теченiе. Зачерпнувъ стаканъ воды и давъ ему отстояться, я увидѣлъ наверху непрозрачную жидкость кровяного цвѣта, а на днѣ около четверти стакана черной грязи. Значительная часть этого ила осождается прежде, чѣмъ разливъ достигнетъ Средняго и Нижняго Египта, гдѣ я никогда не видалъ его въ такомъ количествѣ“.

„Во всей природѣ, пожалуй, не найдется болѣе оживленнаго зрѣлища, чѣмъ разливъ Нила. День за днемъ величественно катитъ онъ свои мутныя волны черезъ необъятныя пустыни сухого, жаждущаго влаги песку. Медленно подвигаясь вверхъ, благодаря сѣверному вѣтру, мы постоянно слышали грохотъ обрушивавшихся глыбъ сухого илу; по движенiю всѣхъ живыхъ существъ въ ту сторону, откуда доносился шумъ, мы догадывались, что Нилъ поборолъ еще одно препятствiе и его клокочущiя волны сейчасъ внесутъ жизнь и радость въ новую часть пустыни. Зрѣ-

лице этого разлива составляетъ одно изъ самыхъ пріятныхъ воспоминаній моей жизни. Вся природа ликуетъ отъ радости. Мужчины, дѣти, стада дикихъ быковъ рѣзвятся въ освѣжительныхъ водахъ Нила, широкія волны котораго влекутъ за собою стаи рыбъ, сверкающихъ своею чешуей, а всевозможныя птицы тучами вьются надъ ними. Лишь только плодоносная вода смочитъ песокъ, какъ Нилъ уже кишитъ милліонами насѣкомыхъ. Наводненіе достигаетъ Мемфиса или Каира за нѣсколько дней до начала лѣта; самый разгаръ его и убыль воды начинаются около нашего осенняго равноденствія. Приблизительно къ началу нашей зимы Нилъ возвращается въ свои берега и снова пріобрѣтаетъ голубой цвѣтъ. Въ теченіе этого періода разлива Нила совершаются всѣ посѣвы. Съ весны начинается уборка жатвы, которую спѣшатъ окончить до начала хамсина. Такимъ образомъ, египетскій годъ естественно дѣлится на 3 періода: 4 мѣсяца, приблизительно соотвѣтствующіе нашему ноябрю, декабрю, январю и февралю—время посѣва и созрѣванія хлѣбовъ; 4 мѣсяца уборки, по нашему календарю отъ марта по іюнь включительно, и, наконецъ, 4 мѣсяца разлива завершаютъ циклъ египетскаго года“ [1]).

Египтяне не знали источниковъ своей рѣки. Ихъ побѣдоносныя войска не разъ, въ теченіе многихъ недѣль и мѣсяцевъ, двигались вверхъ по теченію, преслѣдуя кузитовъ и шайки черныхъ племенъ—рѣка на всемъ своемъ протяженіи являлась имъ такою широкою, многоводною, быстротечною, какою они привыкли видѣть ее на своей родинѣ. Она скорѣе казалась моремъ и они, дѣйствительно, называли ее этимъ именемъ [2]). Жрецы, впрочемъ, не затруднялись опредѣлить происхожденіе Нила: онъ ниспадаетъ съ неба и является на землѣ первообразомъ тѣхъ небесныхъ рѣкъ, на которыхъ колышутся корабли боговъ; онъ беретъ начало между Элефантиной и Филэ. среди скалъ водопада, въ бездонныхъ пропастяхъ, именуемыхъ Корти [3]). Его ежегодные разливы образуются отъ переполненія слезами Изиды—этимъ божественнымъ происхожденіемъ и объясняются дары, приносимые

[1]) Обсурнъ. „The Monumental History of Egypt“, т. I, стр. 9—14.

[2]) Наприм. въ „Сказкѣ о двухъ братьяхъ“ Нилъ именуется iaumâ, — ôm—море.

[3]) Геродотъ, II, XXVIII: Масперо „Fragment d'un Commentaire sur le livre II d'Hérodete“ въ „Annales de la Faculté des lettrls de Brdeaux“, т. II, 1880, стр. 97—103.

рѣкою. Къ этимъ легендамъ жрецовъ присоединялось множество чудесныхъ вымысловъ, созданныхъ народною фантазіей. Разсказывали, что корабль, отправившійся къ копямъ Фараона вверхъ по теченію Нила, вышелъ въ невѣдомое море, омывающее страну Пунтъ: точно также арабскіе купцы среднихъ вѣковъ полагали, что по Нилу можно подняться въ страну Синджесъ и въ Индійскій океанъ [1]). Это море было усѣяно таинственными островами, подобными тѣмъ, которые иногда виднѣлись на горизонтѣ португальскимъ и бретонскимъ морякамъ и которые, какъ очарованные, исчезали при первой попыткѣ приблизиться къ нимъ. Острова были населены фантастическими существами, подчасъ коварными, подчасъ доброжелательными къ потерпѣвшимъ кораблекрушеніе. Покинувъ такой островъ, на него уже нельзя было вновь попасть, такъ какъ онъ таялъ въ волнахъ и пропадалъ въ морской пучинѣ [2]).

Вся теперешняя дельта Нила была нѣкогда покрыта водой: волны Средиземнаго моря доходили до подножія песчанаго плато, надъ которымъ высятся большія пирамиды, а Нилъ оканчивался немного сѣвернѣе того мѣста, гдѣ впослѣдствіи былъ основанъ городъ Мемфисъ. Съ теченіемъ времени илъ, который рѣка несла съ Абиссинскихъ горъ и осаждала на береговыхъ отмеляхъ, заполнилъ собою часть залива: образовались обширныя болотистыя, изрѣзанныя озерами равнины, по которымъ воды Нила должны были пролагать себѣ путь къ морю. Морскіе наносы довершили работу рѣки, и окрѣпшая почва образовала такимъ образомъ первоначальную дельту, вершина которой находилась немного ниже Мемфиса, а стороны тянулись на протяженіи 60 километровъ къ морю, до предѣловъ Атрибиса. Отложеніе рѣчныхъ и морскихъ осадковъ продолжалось; море постепенно отодвигалось, и мало-по-малу цѣпь дюнъ, окаймлявшая дельту съ сѣвера, очутилась посреди суши, гдѣ теперь еще остатки ея указываютъ направленіе древняго поморья. Уже въ началѣ историческихъ временъ Нилъ дѣлился, около древней деревни Керказоръ, на 3 рукава: *Пелузійскій*, простиравшійся въ сѣверо-восточномъ направленіи и оканчивавшійся у Сирійской пустыни; *Канопскій*, тянувшійся къ сѣверо-западу, вдоль послѣднихъ склоновъ Ливій-

[1]) Катремеръ „Mémoires géographiques sur l'Egypte et sur quelques contrées voisines“, т. II, стр. 181—182 (по Масуди).

[2]) Сравн. преданіе, открытое въ 1880 г. М. Голенищевымъ; Масперо „Les contes populaires de l'Egypte ancienne“, стр. LXX—LXXXIX, 137—148.

ской пустыни, и *Себеннитскій*, продолжавшій путь Нила по долинѣ, направлявшійся почти прямо къ сѣверу и дѣлившій дельту пополамъ [1]). Эти три большіе рукава были соединены другъ съ другомъ цѣлой сѣтью естественныхъ и искусственныхъ каналовъ, изъ коихъ нѣкоторые тоже прямо изливались въ море и доводили, такимъ образомъ, число устьевъ Нила до 7 [2]), а по временамъ до 14 [3]). Образуемая ими треугольная равнина, каждая песчинка которой была принесена изъ глубины Африки, представляетъ въ настоящее время поверхность почти въ 23 тысячи квадратныхъ километровъ, продолжающую увеличиваться съ каждымъ годомъ.

Жрецы, знавшіе по преданію первоначальное состояніе страны, съ увѣренностью опредѣляли промежутокъ времени, понадобившійся для образованія дельты. Они разсказывали Геродоту, что Мена (Менесъ), первый царь человѣческаго рода, нашелъ почти весь Египетъ подъ водой: море проникало далеко за Мемфисъ, заливая всю Гептаномиду (Средній Египетъ), остальная же страна, кромѣ Ѳиванской области, представляла нездоровое болото [4]). Но жрецы сильно ошибались въ своихъ вычисленіяхъ. Нилъ во время ежегоднаго наводненія осаждаетъ по пути большую часть своихъ примѣсей на прибрежныхъ поляхъ, и чѣмъ ближе къ морю, тѣмъ меньше на немъ ила. Низкіе берега дельты у Канопскаго и Себеннитскаго рукавовъ, продолжающіе свое образованіе и въ настоящее время, увеличиваются ежегодно у впаденія этихъ рукавовъ въ море среднимъ числомъ первый на 14, второй—на 16 гектаровъ; морской же берегъ всей дельты—не болѣе какъ на одинъ метръ въ годъ. Опираясь на эти данныя, вычислили, что при современныхъ условіяхъ Нилу понадобилось бы 740 вѣковъ для того, чтобы заполнить свой лиманъ. Не принимая во вниманіе этого, очевидно, преувеличеннаго вычисленія, такъ какъ въ прежнія времена илъ осаждался въ несравненно большемъ количествѣ,—все-таки придется заключить, что жрецы не имѣли никакого представленія о дѣйствительной древности своей страны. Дельта существовала уже задолго до воцаренія Мена; возможно даже, что она вполнѣ образовалась уже къ тому времени, когда египтяне впервые пришли и поселились въ Нильской долинѣ.

[1]) Геродотъ, II, XVII.
[2]) Геродотъ, II, XVII; Скилаксъ „Peripl", § 106; Страбонъ, XVII, I.
[3]) Плиній, „Historia naturalis", V, 10.
[4]) Геродотъ, II, IV.

Нилъ не только создалъ почву Египта, но и опредѣлилъ общій характеръ страны и ея произведеній. Долина, вышедшая изъ лона водъ и ежегодно затопляемая ими, можетъ питать лишь ограниченное число растительныхъ видовъ. На ней произрастали сикоморы и различные сорта акацій и мимозъ; гранатовыя, тамариндовыя, абрикосовыя и фиговыя деревья украшали сады, а изображеніе персеи на памятникахъ 12-й династіи убѣждаетъ насъ, что Діодоръ ошибся, приписавъ персу Камбизу заслугу ввоза этого дерева въ Египетъ [1]). Два вида пальмъ—финиковая и doûm [2]) росли тамъ почти безъ всякаго ухода; но ни одинъ изъ крупныхъ видовъ европейскихъ древесныхъ породъ не акклиматизировался въ этой части долины, которая была наиболѣе извѣстна древнимъ.

Напротивъ, водяныя растенія развивались тамъ съ необыкновенной пышностью и придавали странѣ своеобразный видъ. Избѣгая береговъ рѣкъ, гдѣ глубина воды и сила теченія не дали бы имъ спокойно расти, они буквально загромождали всѣ каналы, пруды и болота, остающіеся послѣ наводненія. Два вида этихъ растеній особенно извѣстны въ Европѣ по той роли, какую они играютъ въ исторіи, религіи и какъ свѣтской, такъ и въ священной литературѣ Египта—это папирусъ и лотосъ. Папирусъ предпочелъ спокойныя воды дельты и сталъ мистической эмблемой этой области; лотосъ, напротивъ, сдѣлался символомъ Ѳиваиды. Древніе обозначали именемъ лотоса три различные вида кувшинчиковъ. Два изъ нихъ, бѣлый и синій лотосъ, имѣютъ плоды, похожіе на плоды мака: коробочку съ маленькими зернышками величиною съ просяное зерно. Третій видъ — Nymphoea nelumbo, или розовые кувшинчики, подробно описанъ Геродотомъ. „Его плодъ находится на отдѣльномъ отъ цвѣтка стеблѣ, выходящемъ прямо изъ корня, и по виду походитъ на пчелиный сотъ", или, выражаясь болѣе прозаически, на брызгалку отъ лейки. Въ верхней его части находится отъ 20 до 30 углубленій, изъ которыхъ каждое содержитъ по зерну, „величиною съ оливковую косточку; зерна эти годятся для ѣды какъ въ свѣжемъ, такъ и въ сушеномъ видѣ" [3]). Это и есть то, что древніе называли египетекимъ

[1]) Діодоръ, I, 34.
[2]) Относительно третьяго, очень рѣдкаго вида, упоминаемаго въ нѣкоторыхъ документахъ, см. Лоре, „Recueil de travaux relatifs à la Philologie et l'Archéologie égyptiennes et assyriennes", т. III, стр. 21 и слѣд.
[3]) Геродотъ, II, XCII.

бобомъ [1]). „Ежегодно собираютъ также на болотахъ, прибавляетъ историкъ, молодые побѣги папируса; головки ихъ отрѣзываются и выбрасываются, а остающіеся стебли, около локтя въ длину, идутъ въ пищу и въ продажу; впрочемъ, болѣе разборчивые на ѣду предварительно пекутъ ихъ“ [2]). Этотъ хлѣбъ (pain de lis) составлялъ изысканное лакомство и подавался на царскихъ столахъ [3]). Но, чтобы ни говорилъ Геродотъ [4]), обыкновенную пищу египетскаго народа составляли различныя хлѣбныя растенія: пшеница, ячмень, индѣйское просо (сорго), *олира* („Triticum spelta“) и маисъ („Triticum monococcum“), которыми въ изобиліи снабжала его почва Египта. Вика, обыкновенный и такъ называемый „волчій бобъ“, волошскій горохъ, овечій горохъ, чечевица и нѣсколько сортовъ клещевины росли сами собой въ поляхъ; виноградники процвѣтали въ нѣкоторыхъ частяхъ дельты и Гептаномиды; оливковое дерево было рѣдко и ограничивалось нѣсколькими округами [5]).

Двѣ породы животныхъ, живущихъ теперь на берегахъ Нила, именно лошадь и верблюдъ [6]), не встрѣчаются на памятникахъ древнѣйшихъ династій и, вѣроятно, появились, спустя долгое время послѣ основанія государства. Зато египтяне владѣли нѣсколькими породами длиннорогихъ быковъ (въ родѣ быковъ Донголы), многими разновидностями козъ и собакъ. Къ послѣднимъ относятся: помѣсь собаки и лисицы рыжаго цвѣта, съ тонкою мордою, заостренными ушами и пушистымъ хвостомъ, slougui, или африканская борзая съ длинными и прямыми ушами, такса, гіена [7]).

[1]) Діодоръ, I, 34.

[2]) Геродотъ, II, XXXVI.

[3]) „Papyrus Anastasi“ IV, табл. XIV, I.

[4]) Геродотъ, II, XXXVI.

[5]) Страбонъ, кн. XVII, 1. Булакскій музей обладаетъ теперь настоящимъ древне-египетскимъ гербаріемъ, составленнымъ Швейнфуртомъ изъ цвѣтовъ, зеренъ и вѣтвей, найденныхъ въ гробницахъ. Сравн. Масперо, „Guide du Visiteur“, стр. 250 и слѣд., и Швейнфурта, „La Flore de l'ancienne Egypte, въ Bulletin de l'Institut égyptien“, 1882 и въ „Revue scientifique“ № отъ 21 іюля 1883 г.

[6]) Фр. Ленорманъ, „Sur l'antiquité de l'Ane et du Cheval“. стр. 2. Лефебюръ, „Sur l'ancienneté de l'Anect du Cheval en Egypte“, въ „Annuaire de la Faculté des Lettres de Lyon“, годъ 2-й стр. 1—11; этотъ авторъ утверждаетъ, что лошадь была извѣстна въ Египтѣ при 12-й династіи, а, можетъ быть, и раньше.

[7]) Фр. Ленорманъ, „Sur les animaux employés par les anciens Egyptiens à la chasse et à la guerre“, стр. 2—3.

Африканскій оселъ красивѣе и сильнѣе европейскаго [1]), вслѣдствіе благопріятнаго климата. Рядомъ съ домашними животными первые переселенцы нашли здѣсь длинноухаго зайца, ихневмона, безчисленное количество газелей, безоардовыхъ сайгъ (defassas) и антилопъ, съ рогами въ видѣ лиры, на половину прирученныхъ ими впослѣдствіи [2]); изъ болѣе опасныхъ животныхъ: дикую кошку, волка, шакала, полосатую и пятнистую гіену, леопарда, гепарда и, наконецъ, льва [3]), которыхъ послѣ неустанной борьбы имъ удалось отодвинуть къ предѣламъ пустыни [4]). Двѣ чудовищныя амфибіи жили на берегахъ Нила,—крокодилъ и гиппопотамъ и дѣлали доступъ къ рѣкѣ опаснымъ и для людей, и для животныхъ. Гиппопотамы, довольно многочисленные при первыхъ царяхъ, благодаря ожесточеннымъ преслѣдованіямъ, значительно вывелись и ушли затѣмъ въ болота Нижняго Египта, гдѣ, нѣсколько представителей этой породы существовали еще въ серединѣ XIII ст. по Р. Х. Крокодилъ, обожаемый и покровительствуемый въ однихъ номахъ (областяхъ), проклинаемый и преслѣдуемый въ другихъ, продержался до нашихъ дней. Приближаясь къ Кеннэ, Шамполліонъ увидѣлъ на островѣ цѣлое сборище крокодиловъ, до 14 штукъ. Если ничего подобнаго не выпадаетъ на долю современнаго путешественника, то это лишь потому, что крокодилы отступаютъ все далѣе и далѣе на югъ подъ давленіемъ огнестрѣльнаго оружія и шумныхъ пароходовъ, и скоро Нилъ до Ассуана будетъ знакомъ съ ними лишь по преданію“ [5]).

Въ Египтѣ громадное количество пернатыхъ: орелъ, ястребъ, соколъ, коршунъ, сорока, голубь, горлица, ласточка, куропатка, воробей; далѣе, черные и бѣлые ибисы, пеликаны, бакланы, гуси, утки и безчисленныя разновидности этихъ птицъ населяютъ болота и рѣку. Гуси и утки, прирученные съ древнихъ временъ, наполняли птичьи дворы подданныхъ Мена, замѣняя имъ еще мало-

[1]) Фр. Лонорманъ, „Sur l'antiquité de l'Ane et du Cheval“, стр. 2.

[2]) Фр. Ленорманъ, „Notes d'un voyage en Egypte“, стр. 17.

[3]) Гартманъ, „Zeitschrift für Aegyptische Sprache“, 1864—1865.

[4]) Преслѣдованіе и истреблен е дикихъ животныхъ было обязанностью царей; слѣдующій фактъ служитъ примѣромъ, какъ добросовѣстно они исполняли ее: Аменготепъ III убилъ 102 львовъ въ продолженіе перваго десятилѣтія своего царствованія.

[5]) Марьеттъ, „Itineraire des Invités“, стр. 175. Предсказаніе Марьетта сбылось вполнѣ: въ настоящее время совершенно нѣтъ крокодиловъ въ Сѣв. Ассуанѣ.

извѣстную курицу [1]). Всѣ рукава Нила буквально кишѣли рыбой, въ большинствѣ случаевъ годной для употребленія въ пищу: „барвена Пелузійскихъ болотъ“, разжирѣвшая въ лотосѣ, пестрый голавль искусственныхъ прудовъ, голавль обыкновенный и фагакъ (fahaka) [2]), далѣе, оксирикъ съ заостренной мордой, електрическій скатъ и большая прѣсноводная черепаха. Природа, какъ-будто, создала фагака въ припадкѣ шутливаго настроенія: когда эта обыкновенно-продолговатая рыба, имѣющая способность надуваться по произволу, раздувшись сверхъ мѣры, опрокидывается внизъ спиной и плыветъ, покачиваясь, по теченью, выставивъ изъ воды свое усѣянное колючками брюхо, она имѣетъ очень смѣшной видъ и сильно напоминаетъ ежа. Когда же послѣ наводненія Нилъ входитъ въ берега, фагакъ вмѣстѣ съ иломъ остается на тинистыхъ поляхъ и становится добычей хищныхъ птицъ и людей, дѣтямъ которыхъ онъ служитъ игрушкой. Устья Нила всегда переполнены морской и рѣчной рыбой, приплывающей сюда для метанія икры.

Итакъ, все въ Египтѣ опредѣляется Ниломъ — и почва, и ея продукты, и виды животныхъ и птицъ. Египтяне какъ нельзя лучше чувствовали это и не остались неблагодарными: они обоготворили свою рѣку подъ именемъ бога Аписа и неустанно прославляли ея благодѣянія. „Привѣтъ тебѣ, о Нилъ, проявляющій себя на этой землѣ! Ты, мирный пришелецъ, — дающій жизнь Египту! Таинственный богъ, которому угодно смѣнять ночь днемъ,— ты орошаешь сады, взращенные солнцемъ, чтобъ дать жизнь всему живому! Ты повсемѣстно поишь землю, ты путь соединяющій небо съ землей! Богъ Себъ, другъ хлѣбовъ, Богъ Непра, жертвователь (зеренъ), богъ Пта, освѣщающій каждое жилище! О владыка рыбъ! Когда ты входишь на затопленную землю, ни одна птица не дерзаетъ спуститься на твои благодарные дары! Создатель пшеницы, производитель ячменя, онъ сохраняетъ храмы и даетъ отдыхъ рукамъ милліоновъ несчастныхъ.—Если онъ убываетъ, боги падаютъ на поверхность,—люди погибаютъ,— Съ помощью животныхъ онъ взбороздилъ всю землю [3]) и далъ

[1]) Бругшъ, въ „Egiptische Graeberwelt“, стр. 14, утверждаетъ что куры не были извѣстны древнимъ египтянамъ; между тѣмъ изображеніе двухъ цыплятъ было найдено въ Бени-Гассанѣ (Шамполіонъ, „Notices“, т. II, стр. 387).

[2]) „Papyrus Anastasi“, III, табл. II, 6—7. Сравн. Масперо, „Du Genre épistolaire“, стр. 104 и слѣд.

[3]) To-r-zer-ef, „вся земля“, одно изъ употребительнѣйшихъ названій Египта.

отдыхъ большимъ и малымъ.—Люди призываютъ его, когда онъ останавливается, и тогда онъ становится подобнымъ Хнуму [1]).— Встанетъ онъ, и земля преисполнится радости, каждое дыханіе веселится, каждое существо получило свою пищу, каждый зубъ перетираетъ ее. — Онъ приноситъ съ собою чудесные продукты; онъ создалъ все вкусное, онъ властелинъ пріятной и изысканной пищи; благодаря ему, приносятся жертвы.—Онъ заставляетъ произрастать траву для животныхъ, онъ приготовляетъ жертвоприношеніе для каждаго бога, фиміамъ, доставляемый имъ, превосходенъ.—Онъ завладѣлъ обѣими странами [2]), чтобы наполнить амбары и житницы, чтобы приготовить имущество бѣднымъ. — Онъ всему даетъ жизнь, чтобы исполнить желанія всѣхъ, но самъ отъ этого не истощается. Доблесть его — щитъ бѣдняковъ. — Его не высѣчешь изъ камня, его не изобразишь въ видѣ статуи, увѣнчанной двойною короной; онъ невидимъ, — ни одно служеніе, ни одно жертвоприношеніе не доходитъ до него.—Его не привлечешь никакими таинствами, не извѣстно, гдѣ онъ пребываетъ, его нельзя найти съ помощью священныхъ книгъ; ни одно жилище не вмѣщаетъ его, нѣтъ путей (чтобы проникнуть) въ его сердце. — Ты возрадовалъ поколѣніи своихъ дѣтей, тебѣ воздаютъ почести на югѣ; незыблемы твои законы, когда ты проявляешь ихъ передъ лицомъ своихъ слугъ на сѣверѣ. — Онъ осушаетъ всѣ глаза отъ слезъ и расточаетъ въ изобиліи свои блага“ [3]).

Происхожденіе египтянъ, номы.

Египтяне, кажется, рано утратили воспоминаніе о своемъ происхожденіи. Откуда появились они — изъ Центральной Африки или изъ Средней Азіи? Древніе писатели почти единогласно утверждаютъ, что они принадлежали къ африканской расѣ, поселившейся первоначально въ Эѳіопіи, на Среднемъ Нилѣ, и постепенно спустившейся по теченію рѣки къ морю. „Эѳіопы увѣряютъ, что Египетъ былъ одной изъ ихъ колоній... Сама почва его образовалась путемъ осадковъ, приносимыхъ Ниломъ изъ Эѳіопіи... Законы и обычаи обѣихъ странъ представляютъ поразительное сходство: какъ въ той, такъ и въ другой цари отождествлялись съ

[1]) Богъ—творецъ, который вылѣпилъ яйцо міра.

[2]) Верхній и Нижній Египетъ.

[3]) „Papyrus Sallier“, II, табл. XI, строк. 6; табл. XII, строк. 9.

богами; похоронные обряды составляли предметъ исключительной заботливости, употреблялись одинаковыя письмена, а священные знаки, извѣстные въ Египтѣ только жрецамъ, были во всеобщемъ употребленіи въ Эѳіопіи. Въ обѣихъ странахъ существовали одинаково организованныя коллегіи жрецовъ, и жрецы, предназначавшіеся на служеніе богамъ, соблюдали тѣ же правила святости и чистоты, были выбриты и одинаково одѣты; цари ихъ также имѣли одно и то же одѣяніе, а „uraeus" [1]) украшалъ ихъ діадемы... Эѳіопы приводили еще много другихъ соображеній, въ доказательство своего болѣе древняго происхожденія и того, что Египетъ былъ нѣкогда ихъ колоніей" [2]). Эти аналогіи, казавшіяся столь убѣдительными древнимъ, теряютъ свое значеніе, если ихъ сопоставить со свидѣтельствомъ іероглифическихъ документовъ. Въ настоящее время достовѣрно извѣстно, что Эѳіопія въ началѣ исторіи не только не способствовала колонизаціи Египта, но наоборотъ, сама была колонизована имъ во время 12-й династіи и въ продолженіе многихъ вѣковъ составляла часть Египетской территоріи. Цивилизація шла не внизъ по Нилу, а напротивъ, вверхъ по его теченію [3]).

Съ другой стороны, Библія считала родиной египтянъ Азію. Мизраимъ, сынъ Хама (братъ эѳіопа Куша и Ханаана), утвердился съ дѣтьми своими [4]), на берегахъ Нила. Старшій изъ нихъ Лудимъ былъ представителемъ собственно египтянъ, Роту или Лоду, какъ называются они въ іероглифическихъ надписяхъ. Анамимъ является представителемъ великаго племени Ану, основавшаго въ доисторическія времена Онъ Сѣверный (Геліополисъ) и Онъ Южный (Гермонтисъ). Отъ Легавима произошелъ народъ Ливіи, жившій на западъ отъ Нила; Наптуимъ (No-Phtah), поселился въ области дельты, къ сѣверу отъ Мемфиса; наконецъ, Патрузимъ („Patorisi", т. е. южная земля) основался въ нынѣшнемъ Саидѣ, между Мемфисомъ и первымъ Нильскимъ водопадомъ [5]). Преданіе это, по которому египтяне являются пришельцами изъ Азіи по Суецкому перешейку, было извѣстно и древнимъ писателямъ, такъ какъ Плиній Старшій приписываетъ арабамъ основаніе Геліополиса [6]). Однако теорія, производившая египтянъ изъ Эѳіопіи, пользовалась между ними несравненно большей популярностью. Въ новѣйшія времена египетская этнографія послужила предметомъ продолжительныхъ споровъ. Въ то время, когда объ египтянахъ ничего еще не было извѣстно, кромѣ царскихъ именъ, неискусно передѣланныхъ на греческій ладъ и искаженныхъ затѣмъ средне-вѣковыми переписчиками, нѣсколькихъ плохо сохранившихся мумій, да незначительныхъ амулетовъ, хранившихся въ качествѣ драгоцѣнностей въ собраніяхъ рѣдкостей, трудно было составить себѣ о предметѣ вѣрное представленіе и придти къ правдоподобнымъ заключеніямъ. Поэтому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что большинство путешественниковъ при видѣ выродившихся коптовъ, утверждало, что древніе египтяне имѣли пухлое лицо съ глазами на выкатѣ, приплюснутый носъ и мясистыя губы, т. е. вообще всѣ характерныя черты негрской расы. Но это, еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія столь распространенное мнѣніе исчезло безслѣдно съ тѣхъ поръ, какъ французская комиссія напечатала свое обширное изслѣдованіе. Разсматривая безчисленныя воспроизведенія статуй и барельефовъ, которыми переполненъ этотъ трудъ, пришлось признать что древніе египтяне, изображенные на памятникахъ, ни по цвѣту кожи, ни по общему виду не только не могутъ быть отнесены къ негрской расѣ, но напротивъ, представляли громадное сходство съ бѣлой расой Европы и Западной Азіи. Анатомическое изученіе мумій вскорѣ подтвердило это первое впечатлѣніе и убѣдило самыхъ маловѣрныхъ. „Древніе египтяне принадлежали къ племени, вполнѣ тождественному съ Кенну или Барабра, современными обитателями Нубіи. Египетскіе копты не имѣютъ ни одной характерной черты древнихъ египтянъ. Они являютъ собой безпо-

[1]) Именемъ „uraeus" называлась извивающаяся ехидна, украшавшая діадему боговъ и царей.

[2]) Діодоръ Сицилійскій, кн. III, гл. 8.

[3]) Тѣмъ не менѣе, необходимо упомянуть, что нѣкоторые ученые приняли опять съ небольшими измѣненіями теорію, согласно которой движенія египтянъ происходило внизъ по теченію Нила. По ихъ мнѣнію, египтяне перешли Бабъ-эль-мандебскій проливъ, заселили Нубію и утвердились въ странѣ между первымъ Нильскимъ водопадомъ и моремъ. Средоточіемъ египетской цивилизаціи они считаютъ Средній Египетъ, между Сіу и Абидосомъ (Эберсъ, „L'Egypte", т. II, „Du Caire á Philae", стр. 232; сравнив. Дюмихенъ, „Geschichte des Alten Aegyptens", т. I, стр. 118 и слѣд.; Бругшъ, „Aegyptische Beiträge zur Völkerkunde" въ „Deutsche Revue", 1881, окт.—дек., стр. 48).

[4]) Кн. Бытія, гл. X, V. 3—6.

[5]) Э. Де-Руже, „Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon", стр. 4—8; Эберсъ, „Aegypten und die Bücher Moses", стр. 54 и слѣд.

[6]) Плиній, H. N., кв. VI, гл. XXIX.

рядочную смѣсь всѣхъ націй, послѣдовательно господствовавшихъ надъ Египтомъ, и совершенно ошибочно видѣть въ нихъ черты древней расы“ [1]).

Въ настоящее время не трудно представить себѣ — не скажу современника Сезостриса, но по крайней мѣрѣ египтянина временъ Хеопса, участвовавшаго въ постройкѣ пирамидъ. Для этого стóитъ только войти въ музей и внимательно разсмотрѣть собранныя тамъ статуи древняго стиля. Хотя съ перваго раза замѣтно, что художникъ, взявшійся за ихъ воспроизведеніе, стремился сообщить статуѣ сходство именно съ тѣмъ лицомъ, которое ему предстояло изобразить; но, откинувъ индивидуальныя особенности, безъ труда можно найти общій типъ египетской расы. Египтянинъ былъ высокъ ростомъ, сухопаръ и строенъ; широкоплечій и съ хорошо развитой грудью, онъ имѣлъ сильныя руки съ длинными, тонкими кистями, мало развитыя бедра и худощавыя ноги съ рѣзко очерченными колѣнками и ножными мускулами, какъ это обыкновенно бываетъ у народовъ, привыкшихъ къ усиленной ходьбѣ; длинныя и узкія ступни его ногъ плоски къ оконечности вслѣдствіе привычки ходить безъ обуви. Голова часто слишкомъ большая въ сравненіи съ туловищемъ, лицо же носитъ отпечатокъ кротости и даже какой-то инстинктивной грусти. Нѣсколько низкій, но широкій лобъ, короткій и кругловатый носъ, большіе и открытые глаза, округленныя щеки, толстыя, но не вывороченныя губы; немного большой ротъ съ покорной и почти страдальческой улыбкой, — вотъ общія черты во всѣхъ статуяхъ древней и средней монархіи, встрѣчающіяся затѣмъ во всѣ позднѣйшія эпохи. Памятники 18-й династіи саитской и греческой скульптуры, такъ много уступающіе въ красотѣ древнѣйшимъ памятникамъ, сохранили почти безъ измѣненія первоначальный типъ. Даже теперь, въ то время, какъ высшіе классы, вслѣдствіе браковъ съ иностранцами, утратили свою національную физіономію, простой народъ почти вездѣ сохранилъ сходство съ отдаленными предками, и иной феллахъ съ удивленіемъ находилъ знакомыя черты въ статуяхъ Хафрэ (Хафрена), или коллосахъ Узертезена, воспроизводящихъ лица фараоновъ, жившихъ болѣе 4.000 лѣтъ тому назадъ [2]).

---

[1]) Шампольонъ младшій, „Grammaire égyptienne“, введеніе XIX.

[2]) Одна изъ красивѣйшихъ деревянныхъ статуй Булакскаго музея была прозвана жителями Каира Шеихъ-Эль-Беледъ; такъ сильно походитъ она на дѣйствительнаго Шеихъ-Эль-Беледа изъ Саккары. Изображеніе памятниковъ, въ которыхъ лучше всего выразился египетскій типъ, можно найти у Райэ, въ его „Monuments de l'art antique“, т. I.

Въ то время какъ, по своему этнографическому характеру, египетская раса примыкаетъ къ бѣлымъ племенамъ восточной Азіи, по грамматическимъ [1]) формамъ языкъ египтянъ тоже можно отнести къ такъ-называемымъ семитическимъ языкамъ. Онъ имѣетъ не только много корней еврейско-арамейскаго типа, но и грамматическія его формы представляютъ много общаго съ еврейскими и сирійскими. Такъ, въ спряженіи одно изъ древнѣйшихъ и простѣйшихъ временъ образуется въ этихъ языкахъ помощью одинаковыхъ производныхъ мѣстоименій. Мѣстоименія простыя и производныя имѣютъ одинаковые корни и играютъ одну и ту же роль какъ въ египетскомъ, такъ и въ семитическихъ языкахъ [2]). Не распространяясь по поводу этихъ сближеній, изъ которыхъ многія подлежатъ еще сомнѣнію [3]); мы можемъ однакоже утвердительно сказать, что большая часть грамматическихъ процессовъ, вполнѣ развитыхъ въ семитическихъ языкахъ, находится въ зачаточномъ видѣ въ языкѣ египтянъ. Очевидно, что какъ египетскій, такъ и семитическіе языки отдѣлились отъ общей группы въ очень раннюю эпоху, когда ихъ грамматическая система еще не закончила своего развитія. Разобщенные и подверженные различнымъ вліяніямъ, эти родственные языки воспользовались каждой по-своему общими имъ элементами. Въ то время, какъ языкъ египтянъ, подвергшійся болѣе ранней обработкѣ, остановился затѣмъ въ своемъ развитіи, семитическіе языки, напротивъ, продолжали совершенствоваться вѣками, прежде чѣмъ дошли до насъ въ своемъ настоящемъ видѣ; „такъ что, если и существуетъ очевидное соотношеніе въ происхожденіи обоихъ языковъ Египта и Азіи, то оно настолько отдаленно, что не можетъ придать опредѣленной физіономіи интересующему насъ народу“ [4]).

---

[1]) Бенфей, „Ueber das Verhältniss der Aegyptischen Sprache zum semitischen Sprachstamm“, Лейпцигъ, 1844; Шварце, „Das alte Aegypten“ т. I, часть 2, стр. 2003 и слѣд.; Э. де-Ружe, „Recherches sur les monuments“, ст. 2 — 4; Лепсіусъ, „Zeitschrift“, 1870, стр. 91—92.

[2]) Масперо, „Mémoires de la Société de Linguistique de Paris“, томъ II, стр. 1—8.

[3]) См. Ренанъ, „Histoire des langues sémitiques“, 4-е изданіе, томъ I, стр. 80 — 92.

[4]) Э. де-Ружe, „Recherches“, стр. 3; сравн. Гоммель, „Die Semitischen Völker und Sprachen“, т. I, стр. 94 и слѣд., 439 и слѣд.

Итакъ, египтяне принадлежатъ, очевидно, къ прото-семитической расѣ. Придя изъ Азіи по Суэцкому перешейку, они нашли на берегахъ Нила другую расу, вѣроятно, черную, которую оттѣснили въ глубь страны [1]). Египетъ, столь богатый и плодородный въ настоящее время, являлъ тогда, должно быть, картину опустошенія. Рѣка, предоставленная самой себѣ, постоянно мѣняла русло. Во время наводненія она никогда не достигала нѣкоторыхъ частей долины, остававшихся, вслѣдствіе этого, безплодными; въ другихъ же, напротивъ, вода застаивалась такъ долго, что превращала почву въ болѣзнетворныя топи. Дельта, наполовину затопленная рѣчной водой, наполовину покрытая волнами Средиземнаго моря, представляла обширное болото, усѣянное песчаными островами и покрытое папирусомъ, лотосомъ и громаднымъ тростникомъ, по которому рукава Нила медленно прокладывали свой измѣнчивый путь. По обѣ стороны рѣки безплодная пустыня захватывала все, что не покрывалось водой во время ежегодныхъ наводненій, и представляла рѣзкій контрастъ съ сосѣдними болотами, покрытыми разнообразной тропической растительностью. Понемногу новые пришельцы научились регулировать теченіе рѣки, начали дѣлать запруды, каналы, съ помощью которыхъ самые отдаленные уголки въ долинѣ стали плодородными. Египетъ вышелъ изъ воды и, благодаря усиліямъ человѣка, сдѣлался страной, наиболѣе приспособленной къ мирному развитію цивилизаціи.

Періодъ образованія почвы и націи продолжался очень долго: миріады лѣтъ—по словамъ самихъ древнихъ, отъ 2 до 3 тысячъ лѣтъ—по самымъ умѣреннымъ вычисленіямъ большинства современныхъ ученыхъ. По свойственному человѣку инстинктивному наивному стремленію идеализировать прошлое, египтяне смотрѣли на первые вѣка своего пребыванія на берегахъ Нила, какъ на золотой вѣкъ, а на своихъ полудикихъ предковъ, какъ на благочестивыхъ людей, которыхъ они звали общимъ именемъ Шосу-Го́ръ (служителей Го́ра) [2]). Этимъ доисторическимъ поколѣніямъ принадлежитъ честь созданія Египта въ томъ видѣ, въ какомъ мы его встрѣчаемъ въ началѣ историческихъ временъ. Дѣлясь

[1]) Лепсіусъ, „Zeitschrift", 1870, стр. 92.

[2]) Лепсіусъ, „Denkm." III, 5 a; Дюмихенъ, „Baukunde der Tempelangen von Denderah", таб. XVI; сравн. Э. де-Руже, „Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dynasties de Manéthon" стр. 12, примѣч. I, стр. 165 и слѣд.

первоначально на многочисленныя племена, они образовали одновременно нѣсколько мелкихъ независящихъ княжествъ въ различныхъ мѣстахъ страны, изъ которыхъ каждое имѣло свои законы и свой религіозный культъ. Съ теченіемъ времени онѣ слились и образовали два большія государства: Нижній Египетъ (То-мери), или Сѣверную страну (То-мери), въ области Дельты, и Верхній Египетъ, или Южную страну (То-рези), простиравшуюся отъ начала Дельты до перваго Нильскаго водопада. Объединившись подъ однимъ скипетромъ, Египетъ составилъ наслѣдіе фараоновъ, или страну Камитъ, но при этомъ не исчезло и его первоначальное дѣленіе: мелкія государства обратились въ провинціи и дали толчокъ къ новому политическому раздѣленію на административные округа, которымъ греки дали названіе номовъ.

Номъ состоялъ обыкновенно изъ небольшой территоріи [1]) съ однимъ или нѣсколькими городами; самый большой изъ номовъ былъ много меньше любого изъ современныхъ французскихъ департаментовъ. Территорія каждаго нома подраздѣлялась на нѣсколько частей: во 1-хъ, главный городъ (нуитъ) съ его округомъ, мѣстопребываніе гражданской и военной администраціи и религіозный центръ провинцій; во 2-хъ, пахотныя земли (уу), засѣваемыя хлѣбными растеніями и ежегодно удобряемыя наводненіемъ; въ 3-хъ—болотистыя мѣста (по-у), рѣдко просыхавшія благодаря присутствію въ нихъ глубокихъ озеръ, оставляемыхъ Ниломъ послѣ разлива; здѣсь разводили лотосъ, папирусъ, а также множество водяныхъ птицъ; земли эти обращались также, по мѣрѣ возможности, въ пастбища; наконецъ, въ 4-хъ—отводные каналы Нила, необходимые для земледѣлія и навигаціи [2]). Во главѣ гражданской и военной администраціи находились наслѣдственные правители (гикъ или га), чаще номархи (мер-нут-цат-то или просто мер-нут-цатъ), непосредственно назначавшіеся царемъ [3]). Религіозная власть сосредоточивалась въ рукахъ главнаго жреца при храмѣ, должность котораго то переходила по наслѣдству, то была выборной. Жители номовъ были обложены въ пользу царя и его чиновниковъ натуральной

[1]) Бругшъ „Geographische Inschriften", т. I, стр. 93 и слѣд.

[2]) Жакъ де Руже, „Textes géographiques du temple d'Edfou", стр. 29.

[3]) Лепсіусъ, „Denkmaeler", II, таб. 124—125. Сравн. Бругшъ „G. Inschriften", т. I, стр. 111—116; Масперо. „Une Enquête judiciaire à Thèbes", стр. 9, прим. 1.

повинностью, пропорціально съ размѣрами ихъ поземельной собственности, причемъ распредѣленіе этихъ податей требовало частыхъ переписей и расцѣнокъ. Кромѣ того, жители несли воинскую повинность и барщину; послѣдняя состояла въ исполненіи всякихъ общественныхъ работъ: они строили храмы, крѣпости, прокладывали дороги, дѣлали плотины, рыли канавы.

Съ теченіемъ времени мѣнялось и число номовъ. Большинство древнихъ историковъ насчитываютъ ихъ тридцать шесть [1]); судя по египетскимъ спискамъ, число ихъ доходило иногда до сорока четырехъ: по двадцать два въ Верхнемъ и Нижнемъ Египтѣ [2]). Самый южный номъ назывался То-Кеннэ, подобно Нубіи, къ которой онъ примыкалъ; столицей его былъ городъ Абу, (греческая Элефантина), а позднѣе, во времена римлянъ, Нуби (Омбосъ). Въ составъ этого округа входилъ также городъ Суану (Сіэна) и два знаменитыхъ острова: Сенемъ (Бигэ) и Лакъ (Аилакъ, Пи-лакъ, Филэ), служившіе убѣжищемъ послѣднихъ египетскихъ язычниковъ во время преслѣдованія ихъ христіанами. Затѣмъ слѣдовали номы: Тесъ-горъ (Аполлонитесъ) съ городами Дебу (Аполлонополисъ-Магна, Эдфу) и Хенну (Сильсилисъ), и Тенъ (Латополитесъ), столицей котораго былъ первоначально городъ Нехебъ (по мнѣнію Шамполіона, греческая Эйлитія), игравшій важную роль въ исторіи Египта. Во время 17-ой династіи, когда кочевники заняли Дельту, независимые южные князья сдѣлали этотъ городъ оплотомъ страны, а по временамъ онъ бывалъ ихъ столицей. Управленіе имъ поручалось какому-нибудь князю изъ царской фамиліи, который принималъ титулъ „царственнаго сына“ Нехеба. Позднѣе, въ греко-римскую эпоху, столица изъ Нехеба была перенесена въ городъ Сни (Латополисъ), современный Эсне [3]).

Рядомъ съ номомъ Тенъ находился номъ Уасъ (греческій фатиритесъ) съ столицей Апитъ или Тапитъ (стовратныя Өивы Гомера), мѣстопребываніе Аммона-Ра, главнаго божества и творца міра (Па-Амонъ, Діосполисъ-Магна). Происхожденіе Өивъ теряется во мракѣ вѣковъ; народное преданіе считаетъ ихъ земнымъ мѣстопребываніемъ Озириса [4]), и резиденціей одной изъ

[1]) Діодоръ, I, 44; Страбонъ, кн. XVII, гл. 1, Плиній (H. N., V, 9, 9) упоминаетъ сорокъ три нома, а Птоломей (IV, 5)—сорокъ семь.
[2]) Бругшъ, „G. Inschr.“ т. I, стр. 99.
[3]) Бругшъ, „Inschr.“ т. I, стр. 178.
[4]) Его же, т. I, стр. 176.

доисторическихъ человѣческихъ династій. Въ эпоху своего наибольшаго процвѣтанія этотъ городъ былъ расположенъ по обѣ стороны Нила и простирался отъ подножія Ливійскихъ горъ до Аравійскихъ. Столица всего Египта при девяти династіяхъ (отъ 11-ой до 20-ой), пришедшая въ упадокъ только при 21-ой династіи, Өивы были взяты и разграблены сначала эѳіопами, потомъ ассирійцами, персами, наконецъ, при Птоломеѣ Латирѣ потеряли всякое политическое значеніе, а въ 27 г. до Р. Хр. были на половину разрушены землетрясеніемъ. На развалинахъ этого города возникло множество маленькихъ деревень [1]), которые существуютъ и понынѣ и носятъ арабскія имена: Эль-Аксораинъ (Луксоръ) и Карнакъ на правомъ берегу Нила; Гурнахъ, Мединетъ-Абу, Деиръ-эль-Бахари — на лѣвомъ. Съ этихъ поръ столицей Египта дѣлается Онъ-Южный, или Гермонту (Гермонтисъ), происхожденіе котораго тоже относится къ доисторическимъ временамъ [2]).

Къ сѣверу отъ Өивъ номы шли въ слѣдующемъ порядкѣ: номъ Горуи (Коптитесъ), съ крѣпостью и важнѣйшимъ рынкомъ Верхняго Египта Кобти (Коптосъ) на правомъ берегу, и номъ Тентюра съ городомъ Тариръ, или Тентароръ (Дендера),—на лѣвомъ берегу рѣки; номы Гасехекъ (Діосполитесъ) и Тинетесъ, сначала съ столицей Тине, а позднѣе — Абту (Абидосъ), были расположены по обѣ стороны Нила. Абидосъ принадлежалъ къ значительнѣйшимъ городамъ Египта. Страбонъ, видѣвшій его въ полнѣйшемъ упадкѣ, говоритъ, что нѣкогда онъ занималъ второе мѣсто въ государствѣ [3]); и дѣйствительно, послѣ Өивъ я не знаю ни одного города, который бы такъ часто упоминался въ различныхъ памятникахъ хотя величина его и населенность не соотвѣтствовали его извѣстности. Занимая узкую полосу земли между пустыней и водоотводнымъ каналомъ Нила, тамъ, гдѣ теперь находятся деревни Эль-Хербетъ и Арабатъ эль-Мадфунъ, этотъ городъ и не могъ раздвинуть свои предѣлы. Абидосъ славился, какъ священный городъ: онъ былъ средоточіемъ культа Озириса; въ немъ находились знаменитые храмы, его празднества посѣщались всѣмъ Египтомъ и богатые люди считали за честь быть похороненными въ немъ рядомъ съ могилой Озириса. При

[1]) Страбонъ, кн. XVII, гл. I.
[2]) Бругшъ, „Inschr.“, т. I, стр. 193—195.
[3]) Страбонъ, кн. XVII, гл. I.

Птолемеяхъ Абидосъ потерялъ свое значеніе и столицей стало мѣстечко Суи (Сіисъ, Псуй, Псой), оно было названо впослѣдствіи Птолемаидой, въ честь Птоломея Сотера, который заселилъ его и способствовалъ его возвышенію [1]).

Номы средняго Египта, между Абисодомъ и Мемфисомъ, никогда не достигали значительнаго превосходства надъ другими, тѣмъ не менѣе они имѣли важное вліяніе на судьбы страны [2]). При многочисленномъ народонаселеніи, владѣя многими выгодными крѣпостями, построенными на разныхъ рукавахъ Нила, они могли по произволу прекращать сообщеніе между Ѳивами и Мемфисомъ и подолгу преграждать дорогу войскамъ. На правомъ берегу рѣки находился городъ Апъ или Хемъ (Панополисъ или Хеммисъ) въ округѣ того же имени. Въ немъ воздавались божескія почести Мена, причемъ греки, вслѣдствіе простаго созвучія словъ: одного изъ эпитетовъ этого божества „Перера“ или „Пересa“ (вѣстникъ) и имени греческаго героя „Персей“,—отожествляли его съ личностью послѣдняго [3]). Ниже, тоже на правой сторонѣ Нила, находились города: Тукау и Пагарнубъ въ номѣ Дуфъ (Антеополитесъ) [4]). На лѣвой сторонѣ рѣки шли номы: Бааръ (Гипселитесъ) съ крѣпостью Шашготепъ (Шотпъ) [5]), Атефъ Верхній (Атефъ, Хентъ, Ликополитесъ) съ главнымъ городомъ Сіутъ (Ликонполисъ Оззіутъ) [6]), наконецъ, Атефъ Нижній (Атефъ Пенъ) съ столицей, которою во времена фараоновъ былъ городъ Кузитъ (Кузы). Въ греко-римскую эпоху территорія его была распредѣлена между двумя сосѣдними провинціями [7]).

Древнее названіе Гермополиса было Хмуну (Сесунту) (городъ 8 боговъ) и Уну [8]); онъ находился въ номѣ Уну (Гермополитесъ), поодаль отъ Нила и вблизи канала, который теперь еще называется Баръ-эль-Юзуфъ. Это былъ одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Египта: по преданію, здѣсь Горъ одержалъ побѣду

---

1) „Corpus inscr. graec.“, по 4925.

2) Семь изъ этихъ номовъ, отдѣленныхъ отъ Верхняго Египта и соединенныхъ подъ однимъ управленіемъ, составили въ эпоху римскаго владычества провинцію Гептаномиду.

3) Геродотъ, кн. II, гл. XCI.

4) Ж. де Руже, „Revue archéologique“, іюль 1870, стр. 5—6.

5) Тамъ же, стр. 1 и слѣд.

6) Бругшъ, „G. Inschr.“, т. I, стр. 217—219.

7) Ж. де Руже, стр. 12—15.

8) Бругшъ, „Dict. Géogr., стр. 749.

надъ Сетомъ, а главный богъ Гермополиса, Тотъ, принималъ доблестное участіе въ войнахъ Озириса. Территорія этого города граничила на сѣверѣ и востокѣ съ округомъ Мега [1]), самымъ знаменитымъ изъ всѣхъ номовъ Ѳиваиды. Столицей послѣдняго былъ городъ Гбону (Туго, Ѳеодозіополисъ) [2]), но и кромѣ него было еще нѣсколько важныхъ пунктовъ: Нофрусъ (Кумъ-эль-Агмаръ) и Пакубъ (Спеосъ Артемидосъ, Бени-Гассанъ) на правомъ берегу рѣки, и Менатъ-Хуфу на лѣвомъ; послѣдній былъ основанъ и расширенъ царемъ Хуфу (Хеопсомъ), и процвѣталъ еще во время 12-ой династіи, а имя его, передававшееся изъ вѣка въ вѣкъ, было передѣлано египетскими арабами въ Миніэ [3]). Къ сѣверу отъ нома Мега, на восточномъ берегу рѣки находились два нома: Па съ столицей Габенну [4]) (Гиппоносъ) и Матенну (Афродитесъ) съ городомъ Па-Нибтепаге (Афродитополисъ, Атфіе); на западномъ же берегу, между Ниломъ и Ливійской цѣпью, находились номы: Уаба (Оксирринхитесъ) съ главнымъ городомъ Па-Машатъ (Оксирринхосъ, Пемсже), Верхній Негеръ (Гераклеополитесъ) съ главнымъ городомъ Гахемнен-зу или Гнесъ (Гераклеополитесъ Магна) и, наконецъ, номъ Нижній Негеръ [5]) съ землею Тошъ или страною озера Мерисъ, впослѣдствіи Файюмъ. Въ Нижнемъ Негерѣ находился городъ Меритумъ, или Меи-тумъ (Мейдумъ), расположенный у подошвы Ливійской цѣпи. Въ греко-римскую эпоху онъ уже не существовалъ. Часть его территоріи, между Ниломъ и горой, была присоединена къ ному Гераклеополитесу. Файюмъ образовалъ новый округъ Арсиноитесъ съ столицей Крокодилополисомъ (древній Шедъ).

Въ нѣсколькихъ километрахъ къ сѣверу отъ Меидума, за пограничной чертой нижняго Египта, находился номъ Бѣлой Стѣны (Анебъ-гаша, Мемфитесъ); далѣе, миновавъ стѣны укрѣпленнаго города Тетауй, одного изъ оплотовъ Дельты противъ вторженій съ юга, входишь въ Манноферъ (Мемфисъ). Мемфисъ городъ Пта, Га-ка-пта отъ котораго греки произвели названіе Египта [6]), и который былъ самой сильной крѣпостью страны. Онъ состоялъ

---

1) Ж. де Руже „Revue archéologique“, февраль 1872, стр. 68 и слѣд.

2) Тамъ же, стр. 70—76.

3) Бругшъ, „G. Inschr.“, т. I, стр. 224.

4) Жакъ до Руже, стр. 76.

5) Тамъ же, стр. 76—80.

6) Бругушъ „G. Inschr.“, т. I, стр. 83.

изъ стараго города, Бѣлой-Стѣны, гдѣ находился большой храмъ бога Пта, и нѣсколько кварталовъ, изъ которыхъ главный, Анхтауи, сдѣлался въ персидскую эпоху любимымъ мѣстопребываніемъ иностранцевъ, преимущественно финикіянъ [1]). Съ основаніемъ Александріи, и особенно Каира, Мемфисъ потерялъ всякое значеніе и къ XIII вѣку нашей эры представлялъ лишь величественныя развалины. „Несмотря на обширность этого города и его глубокую древность, развалины его до сихъ поръ такъ поражаютъ зрителя, что нѣтъ словъ для передачи этого впечатлѣнія... Громадные камни развалившихся зданій покрываютъ всю поверхность. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стоятъ еще части стѣнъ, сложенныя изъ такихъ камней; въ другихъ остался только фундаментъ, да груды обломковъ. Я видѣлъ арку очень высокой двери, каждая изъ боковыхъ стѣнъ которой состояла изъ цѣльнаго камня, такъ же какъ и главный сводъ, который обрушился и лежалъ передъ дверью. Чтобы обойти развалины Мемфиса со всѣхъ сторонъ, потребуется не менѣе полдня пути“ [2]), — вотъ что говорилъ о Мемфисѣ въ XIII вѣкѣ Абдаллатифъ. Съ тѣхъ поръ часть его развалинъ, обращенная въ каменоломню, пошла на постройку домовъ Каира и сосѣднихъ пригородовъ; рѣчной илъ покрылъ остальное.

На лѣвомъ берегу Нила, у начала Дельты, рядомъ съ Ливійской пустыней находился, по словамъ древнихъ, номъ Летополитесъ съ городами Сехемъ (Летополисъ) и Керказоръ [3]); на правомъ же берегу — у Аравійской пустыни — номъ Геліополитесъ съ столицей Онъ Сѣверный (Геліополисъ у грековъ). Построенный на искусственномъ возвышеніи, Онъ Сѣверный занималъ небольшое пространство и имѣлъ незначительное населеніе, но тѣмъ не менѣе былъ однимъ изъ религіозныхъ центровъ Египта и имѣлъ знаменитую богословскую школу, пользовавшуюся всемірной извѣстностью. Греки разсказываютъ, что Солонъ, Пифагоръ, Платонъ и Евдоксій жилъ здѣсь по нѣскольку лѣтъ, изучая египетскую науку и философію. Два сосѣднихъ селенія, Херау и Габенбенъ, (Египетскій Вавилонъ) играли важную роль во время Озирійскихъ войнъ и считались священными. На берегу Нила находился также городъ Туру, расположенный по-

[1]) Геродотъ, III, XCI... „ἐν τῷ λευκῷ τείχει τῷ ἐν Μέμφι“. Срав. Бругшъ „Zeitschrift für Aegyptische Sprache“, годъ 1863, стр. 9.

[2]) Абдаллатифъ (франц. перев. Сacu), кн. I, IV.

[3]) Бругшъ, „G. Inschr.“, т. I, стр. 243—244.

чти противъ Мемфиса. Его каменоломни были открыты царями первыхъ династій и разрабатывались почти безъ перерыва до арабской эпохи. Греки называли его Троей и говорили, что онъ былъ построенъ плѣнными троянцами, подобно тому, какъ и сосѣдній Египетскій Вавилонъ — плѣнными вавилонянами [1]).

Номенклатура провинцій Дельты до сихъ поръ точно не установлена, а потому я ограничусь лишь перечнемъ слѣдующихъ именъ: на правомъ берегу Канопскаго рукава Нила — въ номѣ Саитесъ городъ Саи (Саисъ); между Канопскимъ и Себеннитскимъ рукавами—въ номѣ Амѣ Нижнемъ, или Патонуцѣ (Фтенеотесъ [2]) Пауатъ (Буто) и городъ Хсоу (Ксоисъ); на лѣвой сторонѣ Себеннитскаго рукава—Тебнутеръ (Себенитосъ); на правой—Гатрибъ (Атрибисъ); между рукавами Себеннитскимъ и Пелузійскимъ—Паба, Бантатъ или Даду (Мендесъ, и Танисъ). За Пелузійскимъ рукавомъ, между Ниломъ и пустыней, возвышался городъ Цару, пограничная египетская крѣпость со стороны Сиріи, мѣсто которой еще до сихъ поръ не опредѣлено [3]). Несмотря на свою древность и богатство, города Дельты имѣли второстепенное значеніе въ исторіи Египта. Изъ 20 первыхъ династій отсюда вышла лишь только одна незначительная 14-я династія, ведущая свое происхожденіе изъ Ксоиса. Хотя города эти достигли политическаго первенства въ XI вѣкѣ, но страна уже была близка къ распаденію, которому они еще болѣе способствовали своими постоянными раздорами. Основаніе Наукратиса и въ особенности Александріи окончательно разорило ихъ, такъ что къ первому вѣку нашей эры они обратились въ небольшіе поселки.

Египетъ въ доисторическую эпоху: боги и божественныя династіи.

Судя по древне-египетскимъ памятникамъ, уже со времени первыхъ династій всѣ номы имѣли каждый своихъ особыхъ боговъ,

[1]) Діодоръ Сицилійскій, кн. I, гл. LVI; Страбонъ, кн. XVII, глава I, Сравн. относительно Туру, Бругшъ, „Zeitschr.“, 1867, стр. 89—95.

[2]) Бругшъ, „Zeitschrift“, 1871, стр. 11 -13.

[3]) Отождествленіи этого города, а также другихъ, сосѣднихъ съ нимъ, предлагаемыя Бругшемъ въ его „Dictionnaire géographique“, сильно поколеблены раскопками, произведенными Навилемъ въ Тель-эль-Масхутѣ въ 1883 г. Превосходную географію древняго Египта содержитъ I томъ соч. Дюмихена „Geschichte des Alten Aegyptens“ (1880—1884).

которые большею частью намъ еще мало извѣстны. Такъ у нильскихъ водопадовъ воздавались божескія почести Хнуму, въ Тине—богу Ангуръ, въ Геліополисъ—богу Ра, въ Мендесѣ—Озирису. Мы ничего не знаемъ о происхожденіи этихъ боговъ, о томъ, былъ ли культъ всѣхъ ихъ перенесенъ египтянами съ прежней родины, или многіе изъ нихъ появились только на берегахъ Нила, гдѣ мы встрѣчаемъ ихъ уже сильно видоизмѣненными подъ вліяніемъ вѣковъ и, вѣроятно, сохранившими мало чертъ своего первоначальнаго характера. На сколько возможно судить, божества древнихъ египтянъ дѣлились на три различныя по происхожденію группы: боговъ мертвыхъ, боговъ стихій и боговъ солнца. Сокаръ, Озирисъ и Изида, Анубисъ, Нефтида были преимущественно покровителями мертвыхъ. Боги стихій являются олицетвореніемъ земли (Себъ) неба (Нутъ), первобытной воды (Ну), Нила (Аписъ), причемъ къ этой группѣ относятся, вѣроятно, Себакъ, Сетъ-Тифонъ, Арoири и Пта, исторія которыхъ намъ мало извѣстна. Изъ боговъ солнца слѣдуетъ упомянуть прежде всего Ра (солнце), Атена (солнечный дискъ), далѣе Шу, Ангура и Амона (дневной свѣтъ). По свидѣтельству древнѣйшихъ изъ дошедшихъ до насъ религіозныхъ текстовъ Египта, большая часть боговъ этой страны являются повтореніемъ другъ друга при различныхъ политическихъ и географическихъ условіяхъ. Такъ Сокаръ былъ богомъ усопшихъ въ Мемфисѣ, подобно тому какъ Озирисъ былъ имъ въ другихъ частяхъ Египта, причемъ различіе между этими богами состояло только въ оттѣнкахъ мѣстнаго культа; солнце, обоготворяемое въ одной области подъ именемъ Ра, никогда не носило въ ней имени Шу, подъ которымъ ему воздавались почести въ другихъ округахъ. Первоначально области боговъ этихъ трехъ группъ были рѣзко разграничены: они никогда не смѣшивались, хотя и дополняли другъ друга. Одинъ и тотъ же округъ могъ имѣть своихъ боговъ солнца, стихій и усопшихъ, но онъ не имѣлъ еще божества, идея о которомъ въ одно и тоже время включала бы въ себѣ представленіе о солнцѣ, стихіяхъ и о загробномъ мірѣ.

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что главными божествами отдѣльныхъ округовъ должны были быть непремѣнно боги, а не богини; въ нѣсколькихъ египетскихъ номахъ именно богини занимали первое мѣсто, какъ, напримѣръ, Гаторъ въ Дендерѣ, Неитъ—въ Саисѣ и Нехебъ—въ Эль-Кабѣ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Египта существовали двойные боги, представлявшіе

соединеніе въ одномъ божествѣ или двухъ боговъ (Ануръ-Шу—въ Тине), или бога и богини (Шу-Тафнэ въ Геліополисѣ). Вообще, египетскіе боги не любили одиночества; подобно простымъ смертнымъ, они соединялись въ семьи: каждый изъ нихъ имѣлъ жену и сына, благодаря чему возникали тройственныя божества, какъ напр., Пта, супруга его Сехетъ и сынъ ихъ Имготепъ, Озирисъ и Изида съ сыномъ своимъ Гарпократомъ (Горъ-дитя) и т. п., причемъ остальныя, второстепенныя божества нома группировались вокругъ главнаго тройственнаго бога. Каждая такая тройца сохраняла характеръ главнаго, образовавшаго ее божества. Если богиня избирала супруга, она становилась главнымъ лицомъ тройцы; если богу принадлежалъ выборъ жены, онъ являлся преобладающимъ элементомъ во вновь образованномъ божествѣ. Въ Дендерѣ мужъ богини Гаторъ былъ только ея отраженіемъ; въ Ѳивахъ богиня Мутъ, супруга Амона, была лишь олицетвореніемъ женскаго элемента въ божествѣ. Понемногу египтяне пришли къ заключенію, что сынъ, происходя отъ отца и матери, вполнѣ тождественъ съ ними, и стали смотрѣть на боговъ тройцы не какъ на отдѣльныя божества, а какъ на три видоизмѣненія одного и того-же бога. Тройственныя божества существовали во всѣхъ номахъ, что подтверждается древнѣйшими памятниками, въ которыхъ они носятъ названія „богъ", „одинъ богъ", „единственный богъ". Но никогда такой единственный богъ не былъ просто богомъ [1]), олицетвореніемъ божественнаго начала вообще. Это былъ всегда или единственный богъ Амонъ, или единственный богъ Пта, или единственный богъ Озирисъ, словомъ, божество съ опредѣленной физіономіей, съ присвоеннымъ ему именемъ, атрибутами, костюмомъ, наружностью, семьей,—это былъ тотъ же человѣкъ, только несравненно болѣе совершенный, чѣмъ остальные люди. Онъ вполнѣ походилъ на царей земныхъ; власть его, подобно власти послѣднихъ, ограничивалась могуществомъ сосѣднихъ властелиновъ, боговъ другихъ областей. „Единственнымъ" каждый изъ нихъ былъ только для своего округа, т.-е. эпитетъ этотъ обусловливался постольку же географическими и политическими, поскольку религіозными соображеніями; единственные боги отдѣльныхъ номовъ никогда не отождествлялись въ понятіи египтянъ. Если житель Ѳивъ при-

---

1) Лепажъ-Ренуфъ, „Lectures on the Origin and Growth Religion, as illustrated by the Religion of Ancient Egypt", Лондонъ, 1880, стр. 99.

сами по себѣ, какъ существа, внушавшія человѣку или страхъ и преклоненіе передъ ихъ могуществомъ, силой и ловкостью (сфинксъ, левъ, крокодилъ), или благодарность за услуги, оказываемыя человѣку, за облегченіе условій его жизни (быкъ, гусь, баранъ). Съ теченіемъ времени понятіе о богахъ-животныхъ существенно измѣнилось, по крайней мѣрѣ у египетскихъ жрецовъ: они перестали уже быть богами и разсматривались только, какъ священныя вмѣстилища, такъ сказать, живые храмы, въ которыхъ боги оставили частицу своего божества. Ястребъ былъ воплощеніемъ Гора, но не Горомъ самимъ; шакалъ и быкъ—воплощеніемъ Анубиса и Пта, но не самими богами. Съ тѣхъ поръ боги стали изображаться, то въ человѣческой, то въ своей животной формахъ, часто даже въ смѣшанномъ видѣ, причемъ, въ послѣднемъ случаѣ, человѣческій и животный элементы комбинировались во всевозможныхъ соотношеніяхъ: Горъ, напримѣръ, изображался то въ видѣ человѣка, то въ видѣ ястреба, то въ видѣ человѣка съ головой ястреба, то, наконецъ, въ видѣ ястреба съ человѣческой головой. Всѣ эти четыре образа были воплощеніемъ Гора, но ни одинъ изъ нихъ не имѣлъ преимущества представлять его въ большей степени, чѣмъ другой. Иногда замѣна бога-животнаго богомъ-человѣкомъ была просто слѣдствіемъ игры словъ: Сетъ-Тифонъ, напр., соотвѣтствовалъ гиппопотаму, потому что на египетскомъ языкѣ названіе этого бога, Тобу, звучитъ такъ же, какъ и названіе гиппопотама [1]).

Нѣкоторые боги-животныя, подобно человѣкообразнымъ богамъ, воплощеніемъ которыхъ они служили, признавались во всей странѣ, напр. жукъ — Пта, ибисъ — собакоголовый Тотъ, ястребъ — Горъ и шакалъ—Анубисъ; другіе же, почитаемые въ своемъ номѣ, отрицались жителями другихъ областей. Такъ жители Элефантины убивали крокодила, между тѣмъ какъ жрецы Өивъ и Шедъ, напротивъ, „выбравъ самаго красиваго, кормили его и пріучали ѣсть изъ своихъ рукъ; они вдѣвали ему въ уши золотыя и эмалированныя серьги и надѣвали браслеты на переднія лапы“ [2]). — „Нашъ хозяинъ, взявъ съ собою пироги, жареную рыбу и питье, приготовленное изъ меду, отправился вмѣстѣ съ нами къ озеру.

[1]) Первымъ авторомъ, выставившимъ на видъ фетишизмъ, проявляющійся въ религіи древнихъ египтянъ, является Питшманнъ („Der Aegyptische Fetischdienst, und Götterglaube“ въ Zeitschrift für Ethnologie, 1878, стр. 153 и слѣд.).

[2]) Геродотъ, II, LXIX.

знавалъ единственнымъ бога Амона, онъ отрицалъ въ то же время первенство бога Ра, котораго, въ свою очередь, считали единственнымъ жители Геліополиса. Тѣмъ не менѣе, признавая единственнымъ исключительно своего бога, житель отдѣльнаго нома не отрицалъ существованія другихъ областныхъ боговъ. Такъ, житель Геліополиса хотя и считалъ Амона могущественнымъ богомъ и отдавалъ ему извѣстную дань благоговѣнія, но ставилъ его ниже своего главнаго божества. Такимъ образомъ, каждый единственный богъ считался таковымъ только въ своей области (причемъ онъ назывался *нутиръ*), или городѣ (*нути*) и никогда не былъ обще-египтскимъ, національнымъ, единственнымъ богомъ [1]).

Чаще всего египтяне изображали своихъ боговъ въ видѣ людей, облаченныхъ въ человѣческія одежды и снабженныхъ эмблемами своего могущества. При этомъ одни боги получали въ удѣлъ красоту (такъ Пта и Гаторъ отличались красотою лица), другіе являлись поистинѣ чудовищами, олицетвореніемъ различныхъ естественныхъ уродствъ: Пта представлялся иногда въ видѣ рахитическаго ребенка [2]), Бизу—въ видѣ свирѣпаго карлика. Рядомъ съ этими человѣкообразными богами памятники египетской древности представляютъ намъ изображенія быковъ, ястребовъ, ибисовъ, змѣй, пользовавшихся, повидимому, такимъ же, если не большимъ почитаніемъ. Дѣйствительно, въ древнемъ Египтѣ существовалъ культъ животныхъ, и каждый номъ, кромѣ бога-человѣка, имѣлъ еще бога-звѣря, поклоненіе которому пріурочивалось преимущественно къ данной мѣстности. Богъ Тотъ изображался съ собачьей головой или въ видѣ ибиса, Горъ—въ видѣ ястреба, Себакъ—въ видѣ крокодила, Армахисъ (Гор-ем-аху) въ видѣ сфинкса, съ человѣческой головой на львиномъ туловищѣ [3]); Амонъ имѣлъ видъ большого гуся [4]); Анубисъ—шакала [5]). Всѣ эти животныя сдѣлались первоначально предметомъ культа

[1]) Масперо, въ „Revue de l'Histoire des Religions“, 1880, стр. 125—126.

[2]) Д-ръ Парро. „Sur l'origine de l'une des formes du dieu Phtah“, въ „Recueil de Travaux“, т. II, стр. 129—133.

[3]) Масперо, въ „Revue de l'Histoire des Religions“, т. I, стр. 121.

[4]) Масперо, „Notes sur quelques points de Grammaire et d'Histoire“ въ „Recueil de Travaux“, т. II. стр. 115.

[5]) Смотр. списокъ священныхъ животныхъ у Партея, „De Iside et Osiride“, стр. 260 и слѣд. и „Erdkunde des Alten Aegyptens“, XVI.

Животное лежало на берегу; жрецы подошли къ нему, двое изъ нихъ разинули ему пасть, а третій сунулъ въ нее сначала пироги, потомъ жареное и затѣмъ влилъ питье, послѣ чего крокодилъ погрузился въ воду и вышелъ лишь на другомъ берегу. Когда вслѣдъ затѣмъ другой иностранецъ явился съ такими же приношеніями, жрецы обошли озеро и, подойдя къ крокодилу, такимъ же путемъ всунули ему яства" [1]). Культъ животныхъ былъ такъ же разорителенъ, какъ и культъ человѣкообразныхъ боговъ. Нерѣдко случалось, что богатый человѣкъ тратилъ половину и даже все свое состояніе на великолѣпныя похороны одного изъ такихъ боговъ [1]). Смерть богопочитаемаго животнаго облекала въ трауръ обитателей всего нома, иногда даже всего Египта; его убіеніе считалось преступленіемъ, достойнымъ смертной казни. Если туземецъ или иностранецъ неумышленно убивалъ его, жрецамъ удавалось иногда спасти виновнаго отъ народной ярости, подвергнувъ его покаянію, но чаще всего даже ихъ заступничество было безсильно въ этомъ случаѣ. Во время путешествія историка Діодора по Египту, въ половинѣ I-го вѣка до нашей эры, одинъ римлянинъ, поселившійся въ Александріи, нечаянно убилъ кошку; тотчасъ же сбѣжался народъ, схватилъ его и умертвилъ, несмотря на то, что какъ римскій гражданинъ, онъ не подлежалъ суду египетскихъ законовъ, несмотря на упрашиванія своего царя, находившагося въ зависимости отъ Рима и опасавшагося за свою корону [3]). Самыми священными животными считались: быкъ Мневисъ, „душа бога Ра", и птица Бону или Фениксъ въ Геліополисѣ; далѣе козелъ „душа Озириса" — въ Мендесѣ и быкъ Аписъ—въ Мемфисѣ. По сказаніямъ грековъ, Фениксъ каждыя пятьсотъ лѣтъ прилеталъ съ запада и опускался на храмъ Ра. Одни утверждали, что онъ приносилъ съ собою тѣло своего отца, объятое благовоніями мирры; другіе же — что онъ прилеталъ для того, чтобы, устроивъ костеръ изъ ароматическаго дерева и мирры, сжечь себя и, возродившись изъ пепла, тотчасъ же улетѣлъ на свой родной востокъ [4]). На самомъ дѣлѣ птица Бону представляла изъ себя родъ пиголицы, съ двумя длинными развѣвающимися перьями на головѣ. Ее считали воплоще-

[1]) Страбонъ, кн. XVII, гл. I.
[2]) Діодоръ, I, 84.
[3]) Діодоръ, I, 83.
[4]) Геродотъ, II, LXXIII.

ніемъ Озириса, подобно тому какъ ибисъ былъ воплощеніемъ Тота, а ястребъ—воплощеніемъ Гора.

Но самой совершенной эмблемой божества въ образѣ животнаго въ глазахъ египтянъ сдѣлался Аписъ. Онъ происходилъ одновременно и отъ Озириса и отъ Пта, и назывался поэтому „второй жизнью Пта" и „душой Озириса" [1]). О его происхожденіи разсказываютъ, что у него не было отца, но лучъ свѣта, нисшедшій съ неба, оплодотворилъ телку, его мать, которая съ тѣхъ поръ не могла болѣе имѣть дѣтей [2]). Аписъ долженъ былъ быть чернаго цвѣта, съ бѣлымъ треугольнымъ пятномъ на лбу, имѣть на спинѣ изображеніе коршуна или орла съ распростертыми крыльями, на языкѣ изображеніе жука, и хвостъ съ двойными волосами. „Конечно всѣ эти знаки, въ видѣ жука, коршуна и т. п., присутствіе которыхъ усматривалось во взаимномъ расположеніи волосковъ шерсти быка, не существовали въ дѣйствительности. Одни жрецы, посвященные въ тайны Аписа, умѣли находить ихъ и видѣть въ нихъ требуемые символы подобно тому, какъ астрономы въ расположеніи созвѣздій видятъ очертанія дракона, лиры ни медвѣдицы" [3]). Аписъ жилъ въ Мемфисѣ, въ часовнѣ, прилегавшей къ главному храму бога Пта, въ которой жрецы воздавали ему божескія почести. Приходящимъ къ нему за совѣтомъ, онъ служилъ оракуломъ и могъ даже сообщить пророческій экстазъ дѣтямъ, которыя къ нему приближались [4]).

Продолжительность жизни Аписа не должна была превышать извѣстнаго количества лѣтъ, установленнаго религіозными законами: по прошествіи двадцати пяти лѣтъ жрецы топили его въ бассейнѣ, посвященномъ солнцу. Это правило, примѣнявшееся въ римскую эпоху, не существовало еще, или не соблюдалось строго во времена фараоновъ, такъ какъ при 22-й династіи, два Аписа прожили болѣе двадцати шести лѣтъ [5]). Умершій Аписъ становился Озирисомъ и принималъ имя Озоръ-Аписа, откуда греки произвели названіе своего бога Сераписа. Первоначально каждое

[1]) De Iside, глав. XX; Страбонъ, кн. XVII, част. I.
[2]) Геродотъ, III, XXVIII. Сравн. Помпонія Мелы I, 9; Плиній H. N., VIII, XLVI.
[3]) Марьетъ, „Renseignements sur les Apis", въ „Bulletin archéologique de l'Athenaeum français", 1855, стр. 54.
[4]) Плиній, H. N., VIII, гл. IV, 6.
[5]) Огюстъ Марьеттъ, „Renseignements", въ „Bulletin archéologique", 1855, стр. 94—100.

священное животное имѣло свою отдѣльную гробницу въ той части мемфическихъ катакомбъ, которая получила у грековъ названіе Серапейона. Она состояла изъ небольшого храма, украшеннаго барельефами, внутри котораго устраивали четырехугольную комнату съ плоскимъ потолкомъ.

Къ половинѣ царствованія Рамзеса II отдѣльныя гробницы были замѣнены общимъ кладбищемъ. Въ скалѣ была продѣлана галлерея около ста метровъ длины, по обѣимъ сторонамъ ея высѣчены были довольно грубо четырнадцать камеръ; впослѣдствіи число галлерей и камеръ увеличивалось по мѣрѣ надобности. Какъ только мумію Аписа ставили на мѣсто, рабочіе тотчасъ же замуравливали входъ въ камеру; но посѣтители и богомольные люди обыкновенно воздвигали въ стѣнѣ, заграждавшей доступъ къ склепу, или въ прилегающей части скалы, памятникъ на которомъ начертывали свои имена и молитвы умершему Апису. Этотъ культъ, окончательно установленный вторымъ царемъ 2-й династіи, существовалъ до послѣднихъ дней Египта [1]). Но когда жрецы были разсѣяны, могилы эти подверглись поруганію и, покинутыя, попали во власть пустыни, которая въ нѣсколько лѣтъ окончательно занесла ихъ своими песками, гдѣ онѣ пролежали въ полномъ забвеніи болѣе 14 вѣковъ, пока Маріетту не удалось открыть ихъ въ 1851 г. [2]).

Судя по тому, что мы знаемъ теперь о религіи древнихъ египтянъ, боги трехъ различныхъ группъ пользовались въ ней далеко не одинаковымъ почитаніемъ. Боги стихій (Себъ, Нутъ, Тоненъ) были предметомъ незначительнаго культа: роль ихъ, если только она была когда-нибудь значительна въ предѣлахъ отдѣльныхъ мѣстностей, рано стушевалась передъ преобладающей ролью бога солнца, который сталъ типическимъ божествомъ древняго Египта: его жизнь и смерть стали первообразомъ жизни и смерти всѣхъ „единственныхъ“ боговъ этой страны. Нарождаясь на Востокѣ, торжественно сіяя въ полдень во всемъ блескѣ своей славы, поглощаясь каждый вечеръ ночью запада, — оно всѣми фазами своего суточнаго движенія, понимаемыми и толкуемыми по произволу, создало цѣлый рядъ божествъ различныхъ номовъ, обусловило ихъ образъ и исторію. Ра, богъ всей массы солнца, Атенъ, богъ солнечнаго диска, и Атуму, олицетвореніе солнца до восхода, — пользовались богопочитаніемъ въ Геліополисѣ; въ различныхъ номахъ Египта воздавались божескія почести Ангуру, увлекающему небо во слѣдъ солнцу, далѣе лучезарному Шу, Копри, богу восходящаго (нарождающагося) солнца, Гарпократу, солнцу-ребенку, — и все это создавало особую систему, родъ религіознаго феодализма, рядомъ съ феодализмомъ политическаго характера. Жрецы различныхъ школъ, находившихся при ихъ храмахъ, рѣшительно настаивая на превосходствѣ своего главнаго божества, не могли не признать, что боги другихъ храмовъ представляли много общаго съ ихъ единственными богами: такимъ образомъ намѣчалось стремленіе соединить различныя разсѣянныя черты божества. Въ тотъ моментъ, когда мы впервые знакомимся съ исторіей Египта, сліяніе этихъ элементовъ далеко еще не завершилось; боги сохраняли еще свою обособленность, но миѳы о нихъ настолько смѣшались, что божества эти слились въ одну нераздѣльную семью: Шу является неизмѣнно сыномъ Ра; Пта, Сокаръ и Озирисъ составляютъ одно тѣло, одно существо (Пта—Сокаръ, Сокаръ—Озирисъ, Пта—Сокаръ — Озирисъ). Тройственныя божества соединяются въ новыя тройцы и образуютъ божества изъ девяти лицъ („паутъ нутиру“); послѣднія, въ свою очередь, удваиваются или утраиваются, и уже въ глубокой древности встрѣчаются такія сложныя божества, которыя, состоя изъ двадцати семи отдѣльныхъ боговъ, дѣйствовали какъ одно лицо въ дѣлѣ творчества и управленія міромъ [1]).

Выйдя изъ рукъ этихъ творцовъ, человѣкъ совсѣмъ еще не былъ приспособленъ къ жизни, онъ не умѣлъ даже говорить и могъ только подражать крику животныхъ. Боги взяли на себя его воспитаніе и съ этой цѣлью нисходили поочередно на землю и образовали, такимъ образомъ, божественныя династіи, царствовавшія въ Египтѣ въ продолженіе тысячелѣтій. Число и порядокъ этихъ династій мѣняется, сообразно различнымъ условіямъ времени и мѣста. Въ Геліополисѣ богъ Атуму является во главѣ списка царственныхъ боговъ; затѣмъ слѣдуютъ:

---

[1]) Послѣднимъ Аписомъ, существованіе котораго достовѣрно извѣстно, былъ Аписъ, торжественно объявленный при Юліанѣ въ 362 г. (Амміанъ, кн. XXII, XIV, 6).

[2]) Все, сказанное о гробницѣ Аписа, сравн. съ „Serapéum de Memphis“, Маріетта, т. I, Парижъ, 1882 г.

[1]) Лепсіусъ, „Ueber den ersten Aegyptischen Götterkreis“, in 4°, Берлинъ, 1852. Масперо, „Mémoires sur quelques Papyrus du Louvre“. Толковый миѳологическій словарь, s. v. „Сезуну“.

Царь Верхняго и Нижняго Египта, Ра ж. з. с.; Царь Верхняго и Пижняго Египта Шу, сынъ Ра ж. з. с.; Царь Верхняго и Нижняго Египта Себъ, ж. з. с.; Царь Верхняго и Нижняго Египта, Озирисъ Ун-нофэръ, ж. з. с.; Царь Верхняго и Нижняго Египта, Горъ, ж. з. с. [1]).

Въ Мемфисѣ Пта занималъ первое мѣсто. Въ Ѳивахъ, Атуму и Пта уступали пальму первенства Амону-Ра, царю боговъ, „первоначальному богу“. Царствованіе этой божественной династіи египтяне позднѣйшихъ временъ считали золотымъ вѣкомъ и смотрѣли на него съ завистью. Желая охарактеризовать несравненное превосходство чего-либо, они говорили, что такое совершенство „не видано со временъ бога Ра“.

Царствованіе легендарныхъ царей-боговъ было такъ же обильно событіями, какъ и царствованіе историческихъ фараоновъ. Исторія даетъ намъ только отрывочныя свѣдѣнія о времени божественныхъ династій, но то немногое, что мы знаемъ, дѣлаетъ честь богатству египетской фантазіи. Богу Ра на склонѣ лѣтъ пришлось испытать неблагодарность людей, составившихъ заговоръ противъ своего творца и учителя. Онъ устроилъ въ главномъ храмѣ города Она тайное совѣщаніе боговъ и предложилъ имъ высказаться относительно мѣръ къ самозащитѣ. „Посмотрите на людей, которыхъ я создалъ; они сговорились противъ меня. Скажите же, какъ поступили бы вы съ ними, потому что я ждалъ вашего рѣшенія и не хотѣлъ умертвить ихъ, не выслушавъ васъ“. Боги порѣшили истребить провинившееся поколѣніе, и богинѣ Тафну съ львиной головой было поручено исполненіе этого приговора. Она спустилась на землю, умертвила людей и „въ продолженіе нѣсколькихъ ночей мыла ноги въ ихъ крови по пути къ городу Книнсу“. Кровь убитыхъ, смѣшанная съ различными веществами, была представлена Ра въ семи тысячахъ кубкахъ, и удовлетворенный богъ поклялся щадить впредь родъ человѣческій. Но онъ не остался на землѣ; утомленный земной жизнью, онъ удалился на небо, предоставивъ царствованіе сыну своему Шу [2]).

[1]) Вотъ греческія имена этихъ боговъ-царей: „Ἥφαιστος“, Ἥλιος, Εὦς, Κρόνος, Ὄσιρις, Τυφῶν, Ὧρος. Буквы ж. з. с. представляютъ сокращеніе изреченія „жизнь, здоровье, сила“, сопровождающаго царственныя имена въ египетскихъ текстахъ.

[2]) Навилль, „La Destruction des hommes par les dieux“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. IV, 1875, стр. 1—19.

Озирисъ былъ самымъ популярнымъ изъ боговъ-царей. Я не берусь разсказывать его легендарную исторію, для которой недостаетъ многихъ важныхъ документовъ: тѣ свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ, слишкомъ темны, чтобы дать возможность разобраться въ отразившемся на нихъ вліяніи различныхъ теологическихъ школъ, послѣдовательно смѣнявшихся въ Египтѣ [1]). Миѳъ о немъ—это повтореніе вѣчной исторіи о борьбѣ добра со зломъ,—изображеніе борьбы творца міра съ хаосомъ. Озирисъ, по преимуществу добрый богъ (Унъ-Нофэръ), находится въ вѣчной борьбѣ съ злымъ богомъ Сетомъ-Тифономъ; Озирисъ, богъ солнца и образъ бога Ра,—вѣчный врагъ Сета, бога мрака и ночи; двигаясь безъ остановки и отдыха, богъ Ра никогда не прерываетъ своего пути. Послѣ странствій „по таинственнымъ странамъ Запада“, по мрачнымъ дебрямъ ада, „откуда не возвращается ни одинъ смертный“, онъ снова черезъ 12 часовъ достигаетъ предѣловъ востока, чтобы снова показаться во всемъ блескѣ. Изъ этого ежегодно и безконечно повторяющагося возрожденія и смерти солнца египтяне почерпнули миѳъ объ Озирисѣ. Какъ и всѣ боги, Озирисъ — это солнце: въ образѣ Ра, оно свѣтитъ на небѣ въ продолженіе 12 часовъ дня; въ образѣ Озириса-Унъ-Нофэра, оно управляетъ землей. Подобно тому, какъ Ра каждый вечеръ побѣждается ночью, поглощающей его, повидимому, навсегда, Озирисъ попадаетъ во власть Сета, который разрываетъ его на части и разсѣиваетъ его члены, чтобы помѣшать его возрожденію. Но, несмотря на это временное исчезновеніе, ни Озирисъ, ни Ра не умираютъ. Озирисъ-Хентъ-Аменти, подземный Озирисъ, солнце ночи, возрождается опять въ видѣ утренняго солнца подъ именемъ Гарперхруда, Гора-дитяти, Гарпократа древнихъ грековъ. Гарпократъ, т. е. Озирисъ, борется съ Сетомъ и побѣждаетъ его, подобно тому, какъ восходящее солнце разсѣиваетъ ночныя тѣни, онъ мститъ за своего отца, но не уничтожаетъ врага. Эта ежедневная борьба, служившая символомъ жизни божества, была также и символомъ человѣческой жизни, не ограничивающейся только земнымъ существованіемъ. Каждый родившійся уже жилъ когда-то и долженъ будетъ жить еще гдѣ-то: его же земное существованіе есть

[1]) Обстоятельное изслѣдованіе объ Озирисѣ представляетъ сочин. Лефебюра „Mythe Osirien“; т. I, „les Yeux d'Horus“, in 4°, Парижъ, 1874; т. II „Osiris“ in 4°, Парижъ, 1875. Сетъ сеставляетъ нредметъ диссертаціи Эд. Мейера „Set Typhon“, in 8°, Лейпцигъ, 1875.

одно изъ обязательныхъ временныхъ пребываній, одна изъ стадій бытія (Хепрау), ни начало, ни конецъ котораго ему неизвѣстны.

Каждый моментъ человѣческаго существованія, а слѣдовательно и жизнь человѣческая, соотвѣтствуетъ одному дню жизни солнца и Озириса. Рожденіе человѣка – аналогично появленію солнца на востокѣ; смерть его — исчезновеніе на западѣ. Послѣ смерти человѣкъ становился Озирисомъ и погружался во мракъ до того момента, когда ему предстояло опять возродиться къ новой жизни, подобно тому какъ Горъ-Озирисъ возрождается съ началомъ новаго дня.

По египетскимъ понятіямъ, человѣкъ состоялъ не изъ тѣла и души, какъ это принято думать у насъ, но изъ тѣла и его двойника („ка"). Послѣдній являлся какъ бы вторымъ экземпляромъ одной и той же личности, и, состоя изъ матеріи менѣе плотной, чѣмъ тѣлесная оболочка человѣка (изъ окрашеннаго воздушнаго вещества), онъ въ то же время съ точностью копіи воспроизводилъ мельчайшія его черты, являясь то ребенкомъ, то мужчиной, то женщиной и т. п., смотря по полу, возрасту и другимъ отличительнымъ признакамъ даннаго существа. Позднѣе, съ возвышеніемъ понятій, грубое представленіе о двойникѣ замѣнилось представленіемъ о существѣ, хотя и одаренномъ свойствами матеріи, но являющемся какъ бы эссенціей человѣческой природы, о существѣ, которое египтяне представляли себѣ въ видѣ птицы („Ба", - „Бау") или же въ видѣ луча пламени или свѣта, которому они давали названіе Ху (лучезарный). Съ каждымъ такимъ представленіемъ о душѣ связывалось представленіе объ особой средѣ, въ которой могли существовать различные виды ея. Двойники жили въ гробницахъ и никогда не покидали ихъ; птица Бау улетала въ „другой міръ" въ видѣ хохлатаго журавля, или въ видѣ ястреба съ человѣческой головой и руками: Ху, вооруженная всѣми сокровищами человѣческой мудрости и всѣми талисманами, могущими предохранить ее отъ сверхъестественныхъ опасностей, навсегда оставляла землю и присоединялась къ свитѣ лучезарныхъ боговъ свѣта. Эти противорѣчивыя представленія о душѣ, казалось, исключали другъ друга, но египтяне, измѣняя свои взгляды на душу человѣка, не съумѣли отдѣлаться отъ первоначальныхъ представленій о ней. Они вѣрили въ Бау, и въ Ху, и въ двойниковъ; притомъ каждый человѣкъ имѣлъ не одну душу, соотвѣтствовавшую послѣднему, установившемуся вѣрованію, а нѣсколько — сообразно поочередно возникавшимъ представленіямъ объ этомъ предметѣ [1]).

Идея загробной жизни мѣнялась соотвѣтственно перемѣнѣ въ понятіяхъ о душѣ. Признававшіе существованіе двойниковъ удовлетворялись мыслью, что мертвые продолжаютъ жить подъ землею, и старались доставить имъ всѣ предметы роскоши и земныхъ удовольствій. Въ своемъ одиночествѣ двойникъ чувствовалъ голодъ и жажду; онъ подвергался тамъ преслѣдованію чудовищныхъ животныхъ, которыя угрожали ему вторичной смертью, т.-е. полнымъ уничтоженіемъ. Оставшіеся въ живыхъ стремились своими молитвами доставить усопшимъ съѣстные припасы, жилище, слугъ и охранителей отъ враговъ. Земная жизнь человѣка не имѣла при этомъ никакого вліянія на его загробное существованіе: злой или добрый, справедливый или несправедливый, разъ надъ нимъ совершены были опредѣленные обряды и аккуратно произносились извѣстныя милитвы, становился счастливымъ и богатымъ въ загробной жизни. Другіе переносили душу въ особый міръ, совершенно отличный отъ нашего, и къ вѣрѣ въ будущую жизнь присоединили вѣру въ достойное возмездіе за добрыя и злыя дѣла, совершенныя во время земнаго существованія. Не зная своей участи, душа, освобожденная отъ оковъ плоти, должна была предстать предъ судилищемъ Озириса, въ которомъ засѣдаетъ этотъ властелинъ Запада, окруженный сорока двумя членами подземнаго суда [2]). Совѣсть этой души, или ея сердце, какъ выражались древніе египтяне, говоритъ за нее и противъ нея и представленный ею отчетъ о совершенныхъ добрыхъ и злыхъ дѣлахъ ведетъ къ полному оправданію или къ полному осужденію ея [3]); дѣла эти взвѣшиваются на чуткихъ вѣсахъ истины и справедливости, и послѣ этого судъ произноситъ свое рѣшеніе. Душа, признанная порочной, попадала въъ адъ, гдѣ она питалась нечистой пищей, гдѣ змѣи и скорпіоны преслѣдовали ее, и гдѣ, наконецъ, послѣ тысячи мученій, она находила смерть и полное уничтоженіе. Праведная

---

[1]) Масперо, „Etudes égyptiennes", т. I, стр. 191—192.

[2]) „Книга Мертвыхъ" глав. CXXV.

[3]) Тамъ же, гл. XXX, 1 и слѣд.: „О, сердце, мое сердце, полученное мною отъ матери, сердце моей земной жизни, не свидѣтельствуй противъ меня; не направляй противъ меня своего божественнаго могущества, но обвини меня предъ богомъ великимъ".

душа, выслушавъ свой приговоръ, не была изъята еще отъ испытаній и опасностей. Знанія ея увеличились, могущество ея возросло, она получила право избрать для себя новую оболочку [1]); но зло вооружается противъ нея, принимая тысячу отвратительныхъ образовъ, и пытается уничтожить ее или, по крайней мѣрѣ, остановить посредствомъ угрозъ и запугиваній [2]). Чтобы восторжествовать надъ злыми силами, душа должна отождествиться съ Озирисомъ [3]) и получить отъ Изиды, Нефтиды (Небтады) и другихъ добрыхъ божествъ ту помощь, которую оказали они Озирису. При ихъ поддержкѣ она проникаетъ въ божественныя сферы [4]), совершаетъ тамъ мистическій обрядъ запашки священныхъ полей Аилу, послѣ чего присоединяется къ сонмищу боговъ и всецѣло сливается съ ними въ обоготвореніи солнца [5]). Чтобы сдѣлаться достойнымъ такого блаженства, египтянинъ долженъ былъ выполнять извѣстныя предписанія, составлявшія нѣчто въ родѣ кодекса практической морали, отдѣльныя статьи котораго встрѣчаются въ болѣе или менѣе полномъ видѣ на памятникахъ всѣхъ эпохъ [6]), и самое полное изложеніе котораго представляетъ глава CXXV, такъ называемой, Книги Мертвыхъ.

Книга Мертвыхъ, однимъ экземпляромъ которой снабжалась, обыкновенно, каждая мумія, представляла сборникъ молитвъ и предписаній, необходимыхъ усопшему въ загробномъ мірѣ. Душа, представшая передъ судилищемъ Озириса, должна была сама защищать себя передъ подземнымъ судомъ. „Хвала Вамъ, повелители Истины и Справедливости! Хвала тебѣ, великій богъ, повелитель Истины и Справедливости! Я пришелъ къ тебѣ, о господинъ мой; я предсталъ передъ тобою, чтобы созерцать твои совершенства! Потому что я знаю тебя, — мнѣ извѣстно твое имя и имя сорока двухъ божествъ, находящихся съ тобой въ храмѣ Истины и Справедливости, питающихся смертными останками грѣшниковъ и упивающихся ихъ кровью въ тотъ день, когда взвѣшиваются слова ихъ передъ лицомъ справедливаго Озириса. Духъ двойной, повелитель Истины и Справедливости — вотъ твое имя! Конечно, я знаю васъ, повелитель Истины и Справедливости, я принесъ вамъ Истину; я отбросилъ всякую ложь ради васъ. Я никого не обманывалъ изъ людей! Я никогда не мучилъ вдовы! Я не лгалъ передъ судилищемъ! Я не зналъ лжи! Я не дѣлалъ ничего запретнаго! Я не заставлялъ рабочихъ трудиться сверхъ положеннаго! Я не былъ безпеченъ! Я не предавался праздности! Я не ослабѣвалъ и не падалъ духомъ! Я не дѣлалъ ничего противнаго богамъ! Я не вредилъ рабу во мнѣніи его господина! Я не морилъ голодомъ, не заставлялъ плакать, не убивалъ и не подстрекалъ къ вѣроломному убійству! Я не совершалъ подлоговъ, не способствовалъ уменьшенію пожертвованій въ пользу храмовъ, не похищалъ изъ храма жертвенныхъ хлѣбовъ! Я не похищалъ у мертвыхъ ни провизіи, ни ихъ повязокъ! Я не собиралъ мошенническихъ барышей! Я не измѣнялъ недобросовѣстно мѣры хлѣба! Я не плутовалъ въ игрѣ! Я не дѣлалъ злоупотребленій въ поляхъ! Я не обмѣривалъ и не обвѣшивалъ! Я не лишалъ младенцевъ молока матери! Я не охотился за священными животными на ихъ пастбищахъ! Я не ловилъ сѣтью священныхъ птицъ! Я не удилъ священныхъ рыбъ въ ихъ прудахъ! Я не мѣшалъ разливу воды, когда приходило его время, и не преграждалъ пути рѣчнымъ рукавамъ! Я не тушилъ священнаго огня не во время! Я не нарушалъ священнаго круга во время избранныхъ жертвоприношеній! Я не угонялъ священныхъ быковъ изъ ихъ владѣній! Я не отталкивалъ Бога въ его процессіи! Я чистъ! Я чистъ! Я чистъ!“

Та же отрицательная исповѣдь почти слово въ слово повторяется во второй части главы, въ отдѣльномъ обращеніи къ каждому изъ сорока двухъ божествъ адскаго судилища.

Третья часть воспроизводитъ, чисто въ мистической формѣ,

---

1) Оболочку Золотого Ястреба „Книга Мертвыхъ“, (глава LXXVII), Лотоса (гл. LXXXI), Феникса (LXXXIII), Журавля (гл. CXXXIV), Ласточки (глава LXXXVI), Ехидны (гл. CXXXII). Принятіе одного изъ этихъ видовъ совершалось добровольно и не означало перенесенія человѣческой души въ тѣло животнаго. Каждый изъ нихъ представлялъ одно изъ видоизмѣненій божества, и принятіе человѣкомъ одной изъ этихъ оболочекъ доказывало сліяніе его съ божествомъ, олицетвореніемъ котораго были эти различные образы.

2) На виньеткахъ погребальныхъ папирусовъ отрицательное начало изображается въ видѣ Крокодила (гл. XXXI, XXXII). Черепахи (глава XXXVI) и различныхъ породъ змѣй (гл. XXXIII, XXXV, XXXVII, XLI).

3) Начиная со времени 12-й династіи, къ имени умершаго присоединялось названіе „Озирисъ N“. Въ предшествующія эпохи эпитетъ этотъ рѣдко встрѣчается, но всѣ религіозные тексты, извѣстные до настоящаго времени, доказываютъ полное отождествленіе усопшаго и божества.

4) „Книга Мертвыхъ“, гл. LXXIV - LXXV.

5) Тамъ же, гл. CX, CXLVI.

6) Лепсіусъ, „Denkm.“ II, 43 и 81.

мысли, изложенныя въ первой: „Привѣтъ вамъ, боги, находящіеся въ храмѣ Истины и Справедливости, вы, которые не знаете лжи, живете истиной и питаете ею ваше сердце, вы, находящіеся въ Онѣ передъ лицомъ бога, живущаго въ солнечномъ дискѣ. О судьи, въ этотъ день высшаго суда освободите меня отъ Тифона, питающагося внутренностями; позвольте умершему притти къ вамъ, ему, который не грѣшилъ, не лгалъ, не дѣлалъ зла, не совершалъ никакого преступленія, не свидѣтельствовалъ ложно, который не погрѣшилъ ни въ чемъ противъ самого себя, но служилъ истинѣ и питался справедливостью. Онъ (всюду сѣялъ) радость, люди говорятъ о его дѣлахъ, и боги радуются имъ. Онъ привлекъ къ себѣ бога своего любовью; онъ накормилъ голоднаго, напоилъ жаждущаго, одѣлъ нагого, далъ лодку нуждающемуся въ ней; онъ приносилъ жертвы богамъ, устраивалъ погребальныя пиршества умершимъ. Освободите его отъ него самого! Охраняйте его отъ него же (варіантъ), не говорите противъ него передъ господиномъ смерти, потому что чисты его уста, и обѣ руки его тоже чисты!“ [1]).

Борьба между Озирисомъ и Сетомъ окончилась побѣдой послѣдняго, послѣ чего, въ продолженіе по крайней мѣрѣ четырехсотъ лѣтъ [2]), Сетъ царствовалъ надъ Египтомъ, въ странѣ, бывшей мѣстомъ одержанной имъ побѣды. Но у Озириса послѣ смерти его родился сынъ, Горъ, которому предстояло отомстить за отца. Разсказъ о войнѣ Гора съ Сетомъ сохранился въ надписяхъ храма въ Эдфу, изобилующихъ такой массой подробностей, какой не всегда могутъ похвалиться достовѣрно историческія надписи [3]). Въ надписяхъ этихъ горъ носитъ имя Гармахиса (Гармахути); онъ имѣетъ свой дворъ, министровъ, армію, флотъ. Старшій сынъ его, Гарудти, вѣроятный наслѣдникъ престола, командуетъ войсками. Главный министръ Гора, Тотъ, богъ наукъ, искусствъ и изобрѣтатель письменъ, — превосходный знатокъ географіи и риторики; онъ былъ придворнымъ исторіографомъ, и на него была возложена обязанность заносить въ списки побѣды своего властелина и изобрѣтать для нихъ громкія названія.

---

[1]) Revue critique, 1872, t. II, p. 338—348.

[2]) Указаніе на 400-й годъ царствованія египетскаго царя Сета находится на памятникѣ Рамзеса II, открытомъ Маріеттомъ въ Танисѣ (Масперо, „Revue critique“, 1880, т. I, ст. 467.

[3]) Навиль, „Le Mythe d'Horus“, 1870, Женева, in-folio; Бругшъ. „Die Sage von der geflügelten Sonnenscheibe“, Гёттингенъ, 1870, in 4⁰.

Государь, имѣвшій такихъ превосходныхъ слугъ, не могъ долго выносить могущество узурпатора Сета: на 363 году своего царствованія онъ рѣшился объявить ему войну. Горъ двинулся въ походъ со своими стрѣлками и колесницами, спустился внизъ по Нилу въ своей баркѣ и повелѣлъ организовать наступленіе и контръ-марши по всѣмъ правиламъ военной науки; онъ давалъ генеральныя сраженія, бралъ города, пока, наконецъ, весь Египетъ не подчинился его владычеству. Но торжество Гора было не полное: ему не удалось уничтожить самого узурпатора. Послѣ многихъ превратностей взаимныя распри обоихъ боговъ царей были подвергнуты на разсмотрѣніе бога Себу; послѣдній, разсудивъ ихъ притязанія, раздѣлилъ между ними Нильскую долину, образовавъ, такимъ образомъ, два царства, граница которыхъ находилась въ Титоуи, нѣсколько южнѣе Мемфиса [1]). Этимъ было совершено политическое устройство Египта; онъ раздѣлился на двѣ *половины:* половину Гора и половину Сета, Верхній и Нижній Египетъ, которыя, соединившись впослѣдствіи, образовали царство фараоновъ.

Первый достовѣрный египетскій царь, по крайней мѣрѣ первый, о которомъ египтяне сохранили воспоминаніе, назывался Мена (Менесъ) [2]) и происходилъ изъ города Тине, находившагося въ Верхнемъ Египтѣ [3]). До того времени городъ Онъ и другіе сѣверные города были преимущественно центромъ развитія египетской цивилизаціи. Египетскія молитвы и гимны, составившіе впослѣдствіи ядро священныхъ книгъ, были написаны въ Онѣ. Главный богъ Она, Ра, былъ образцомъ, подъ вліяніемъ котораго сложился типъ египетскихъ мѣстныхъ боговъ. Пришествіе основателя тинетской династіи разрушило преобладающее значеніе, которымъ такъ долго пользовался городъ Солнца.

Основанная Меной монархія существовала, по крайней мѣрѣ, 4000 лѣтъ, при тридцати послѣдовательныхъ династіяхъ. Этотъ промежутокъ времени, самый длинный, какой только можетъ представить исторіи, принято дѣлить на три части: Древнюю Имперію,

---

[1]) Гоодвенъ, въ „Mélanges égyptologiques“ серія III, т. I, стр. 246—286.

[2]) Относительно произношенія этого имени и вообще египетскихъ именъ см. Масперо, „Réponse à la lettre de M. Edouard Naville“ въ „Zeitschrift“, 1883, p. 110—123.

[3]) Раскопки, произведенныя въ 1883—1884 г., заставляютъ меня думать, что Тине—это или нынѣшній городъ Джирдже, или деревня Мешеихъ, расположенная противъ Джирдже, на правомъ берегу Нила.

отъ первой до одиннадцатой династіи, Среднюю Имперію — отъ одиннадцатой династіи до вторженія кочевниковъ, и Новую Имперію—отъ вторженія кочевниковъ до персидскаго завоеванія. Но это подраздѣленіе имѣетъ свое неудобство: оно не вполнѣ соотвѣтствуетъ ходу самой исторіи. Дѣйствительно, въ исторической жизни Египта произошли три крупные переворота. При первыхъ человѣческихъ династіяхъ центромъ Египта былъ Мемфисъ, столица царей, откуда они владычествовали надъ всей остальной страной, средоточіе египетской торговли и промышленности. Начиная съ шестой династіи, центръ тяжести начинаетъ постепенно перемѣщаться къ югу, устанавливается одно время въ Гераклеополисѣ, въ Среднемъ Египтѣ (при девятой и десятой династіяхъ) и, наконецъ, утверждается въ Ѳивахъ (при одиннадцатой династіи). Съ этихъ поръ Ѳивы дѣлаются дѣйствительной столицей страны и снабжаютъ ее царями; за исключеніемъ четырнадцатой ксоитской династіи, всѣ остальныя отъ одиннадцатой до двадцать первой, были ѳиванскаго происхожденія. Когда кочевники завоевали Египетъ, Ѳиваида сдѣлалась убѣжищемъ египетской національности, и ея князьямъ, послѣ вѣковой борьбы съ завоевателями, удалось, наконецъ, освободить всю долину Нила, послѣ чего въ ней воцарилась восемнадцатая (ѳивская) династія, открывшая эру великихъ войнъ съ чужеземцами. При девятнадцатой династіи замѣчается движеніе обратное тому, какое происходило въ концѣ перваго періода; центръ тяжести опять начинаетъ постепенно передвигаться на сѣверъ страны. При двадцать первой, тинетской, династіи Ѳивы теряютъ свое значеніе, а города Дельта, Танисъ, Бубастисъ, Мендесъ, Себеннитосъ и особенно Саисъ оспариваютъ другъ у друга пальму первенства. Съ этихъ поръ вся политическая жизнь страны сосредоточивается въ приморскихъ номахъ; номы же Ѳиваиды, разрушенные эѳіопскими и ассирійскими нашествіями, потеряли всякое значеніе, а Ѳивы, обратившіяся въ груду развалинъ, стали только мѣстомъ свиданій любознательныхъ туристовъ. Я предлагаю поэтому раздѣлить исторію Египта на три періода, соотвѣтственно періодамъ преобладанія того или иного города, или той или другой части страны надъ всѣмъ остальнымъ Египтомъ.

1. Періодъ Мемфисскій *(1—10 династіи).*—Преобладаніе Мемфиса и мемфисскихъ царей.

2. Ѳиванскій періодъ. *(11—20 династіи).*—Преобладаніе Ѳивъ и ѳиванскихъ царей. — Этотъ періодъ раздѣляется вторженіемъ кочевниковъ на 2 части:

a) Древнюю Ѳиванскую Имперію. 11—15 династіи.

b) Новую Ѳиванскую Имперію. 16—20 династіи.

3. Саисскій періодъ. *(21—23 династіи).*—Преобладаніе Саиса и другихъ городовъ Дельты. — Этотъ періодъ дѣлится тоже на 2 части вторженіемъ Персовъ:

a) Первый Саисскій періодъ.—21—26 династіи.

b) Второй Саисскій періодъ. 27—30 династіи [1]).

Мена и Тинетскія династіи.

Если вѣрить преданію, Мена не счелъ необходимымъ сдѣлать свой родной городъ центромъ основанной имъ монархіи. Новому государству — новая столица. Онъ основалъ городъ Мемфисъ на лѣвомъ берегу Нила, въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ начала Дельты [2]). „Этотъ Мена, по словамъ жрецовъ, окружилъ Мемфисъ плотинами. Дѣйствительно, нѣкогда рѣка текла въ сторону Ливіи, вдоль песчаныхъ горъ, окаймляющихъ Египетъ съ запада; Мена засыпавъ рукавъ, текущій къ югу, въ 100 стадіяхъ выше Мемфиса, осушилъ старое русло рѣки и заставилъ ее течь по самой срединѣ пространства, раздѣляющаго обѣ цѣпи горъ. Персы и теперь еще зорко наблюдаютъ за этимъ рукавомъ Нила, имѣющимъ вполнѣ опредѣленное русло, и каждый годъ укрѣпляютъ плотину, чтобы предохранить Мемфисъ отъ наводненія, въ случаѣ, если бы рѣка вздумала прорвать ее. Выбравъ твердый грунтъ и оградивъ это мѣсто плотинами, Мена, впервые принявшій царскій титулъ, основалъ здѣсь городъ, называемый теперь Мемфисомъ (Мемфисъ, дѣйствительно, находился въ узкой части Египта). За городомъ, тутъ же около него, онъ вырылъ озеро, воду для котораго отвелъ изъ рѣки; озеро это окаймляетъ городъ съ сѣвера и запада, между тѣмъ какъ Нилъ замыкаетъ его съ востока“ [3]).

Плотина Мена существуетъ до настоящаго времени подъ именемъ Кошеишской плотины и служитъ ключомъ всѣхъ резервуаровъ, образуемыхъ наводненіями въ Верхнемъ Египтѣ. Новый

---

[1]) Revue critique 1873, t. 1, p. 82—83.

[2]) Діодоръ (I, 50) приписываетъ основаніе Мемфиса другому царю, по имени Уэрхересъ.

[3]) Геродотъ, II, XCIX.

городъ, получившій названіе Маннофэръ, „хорошее мѣсто“ [1]), былъ посвященъ богу Пта, который сообщилъ ему священное имя Га-ка-Пта, т. е. „жилище Пта“, изъ котораго греки образовали слово „Египетъ“ [2]). Основаніе Мемфиса имѣло рѣшительное вліяніе на судьбы Египта. Сдѣлавъ своимъ мѣстопребываніемъ начало Дельты и привлекая въ новый городъ, свободный еще отъ религіозныхъ тродицій, всѣ живыя силы страны, Мена, такимъ образомъ, можетъ быть, безъ предвзятаго намѣренія, произвелъ коренную перемѣну во внутреннемъ устройствѣ Египта. До сихъ поръ вліяніе жреческихъ коллегій и городовъ, въ которыхъ онѣ утвердились, было преобладающимъ въ нильской долинѣ: если не боги, то, во всякомъ случаѣ, ихъ жрецы безусловно царили въ странѣ. Со времени Мена значеніе жрецовъ отодвигается на задній планъ, и преобладаніе получаетъ военное сословіе. Въ то время какъ городъ Онъ и его божества—Солнце, Саисъ со своей богиней Нейтъ, Абидосъ, — гробница Озириса, Ѳивы, — родина бога, и Дендера,—мѣстопребываніе богини Гаторъ, были покинуты и все болѣе и болѣе погружались въ мракъ забвенія,—Мемфисъ становился очагомъ египетской цивилизаціи. Въ Мемфисѣ развивалась и процвѣтала затѣмъ литература; такъ во дворцахъ царей усиленно разрабатывались точныя науки: въ Мемфисѣ, наконецъ, появились впослѣдствіи образцовыя произведенія пластическихъ искусствъ.

Мена въ томъ видѣ, въ какомъ намъ рисуетъ его преданіе, являетъ собой самый типичный образецъ египетскаго монарха. Онъ въ одно время и строитель, и законодатель: онъ воздвигаетъ большой храмъ богу Пта [3]) въ Мемфисѣ и регламентируетъ культъ боговъ [4]). При случаѣ онъ воинъ и отправляется во главѣ войскъ за предѣлы своихъ владѣній [5]). Жрецы, недовольные своимъ низложеніемъ, приписываютъ несчастный конецъ столь блестящему существованію Мена: они увѣряютъ, что онъ погибъ въ зубахъ гиппопотама послѣ 60—62-хъ лѣтняго царствованія [6]).

---

[1]) Можетъ быть, „хорошая пристань“.

[2]) Бругшъ, „G. Inschr.“, т. I, стр. 83.

[3]) Геродотъ, II, XCIX.

[4]) Діодоръ (I, 94) называетъ Мена въ этомъ случаѣ Мневисомъ; по Эліену („Hist. Anim.“ XI, 10), онъ установилъ культъ Аписа.

[5]) Манеѳонъ, изданіе Унгера, стр. 78.

[6]) Манеѳонъ, стр. 78—81. Сравн. относительно роли Мена. Бунзенъ, „Egypt's place“, т. II.

Скоро и легенда присоединилась къ имени Мена. Разсказываютъ, что онъ потерялъ единственнаго сына во цвѣтѣ лѣтъ; народъ сложилъ въ память этого событія печальную пѣснь называвшуюся Манеросъ, мотивъ и слова которой переходили изъ вѣка въ вѣкъ [1]). Мена сдѣлался въ народномъ воображеніи типомъ царя-любителя роскоши, изобрѣлъ, какъ говорятъ, искусство сервировки обѣда и научилъ своихъ подданныхъ возлежать за трапезой [2]). Поэтому одинъ саисскій князь, Тафнехтъ, отецъ Бокенранфа, принадлежавшаго къ двадцать четвертой династіи, вынужденный, во время одной изъ экспедицій противъ арабовъ, отказаться отъ привычной ему роскоши и нѣги царскаго двора, вслѣдствіе безплодія страны, и прожившій нѣсколько дней въ качествѣ простого смертнаго, торжественно проклялъ Мена и велѣлъ вырѣзать эти проклятія на памятникѣ, воздвигнутомъ въ храмѣ Амона въ Ѳивахъ [3]). Но это не помѣшало первому царю человѣческаго рода остаться всегда дорогимъ для египтянъ: его имя находится въ заголовкѣ почти всѣхъ царскихъ списковъ, а культъ его продержался до Птоломеевъ [4]).

Намъ почти ничего неизвѣстно о царяхъ первыхъ трехъ династій. Ихъ памятники или погибли, или еще не найдены, а то немногое, что намъ извѣстно о ихъ жизни, скорѣе относится къ области легенды, чѣмъ исторіи. Манеѳонъ съ педантической точностью перечисляетъ всѣ чудеса, озарявшія или омрачавшія ихъ царствованія. Двуглавый журавль, появившійся въ первый годъ царствованія Тета, сына Мена, служилъ предзнаменованіемъ продолжительнаго благоденствія для Египта [5]); при Уэнефесѣ страшный голодъ обезлюдилъ страну [6]). Кое-гдѣ встрѣчаются краткія подробности относительно царскихъ построекъ; Тета положилъ основаніе большому Мемфисскому дворцу [7]), а Уэнефесъ воздвигъ

---

[1]) Геродотъ II, LXXIV. Сравн. о „Манеросѣ“ Іесихія, слово Μανέρως Суидаса, слово: Μανέρως и Περιμανώς.

[2]) Діодоръ, I, 45.

[3]) Діодоръ, I, 45; „De Iside et Osiride“, § 8, въ которомъ Тафнехтъ и Бокенранфъ носятъ имена Τνεφαχθος или Τέχνατις и Βόκχορις.

[4]) Памятникъ Ун-нофоръ въ Луврѣ. „Историческая зала“, 421; сравн. Э. де-Руже, „Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six premières dinasties de Manéthon“, стр. 30—31.

[5]) Эліенъ, „H. Anim.“, XI, 40, гдѣ сынъ Мена носитъ имя „Οἰνῖς“.

[6]) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 79.

[7]) Тамъ же, стр. 78.

пирамиды Ко-коме, близъ теперешняго городка Саккары [1]). Многіе изъ этихъ царей, настолько отдаленныхъ отъ насъ во времени, что мы съ трудомъ допускаемъ вѣроятность ихъ существованія, претендовали, по преданію, на званіе писателей или ученыхъ. Такъ Тета изучалъ медицину и писалъ трактаты по анатоміи [2]); а глава LXIV Книги Мертвыхъ [3]) и одно изъ сочиненій, находящееся въ Берлинскомъ Медицинскомъ Папирусѣ, считаются появившимися „въ дни святости царя обоихъ Египтовъ, Гузапти Справедливаго“ [4]). При Шепзекафѣ (Себесгересъ) внукѣ Гузапти, страшная чума унесла много народу; при этомъ законы нарушались, совершены были страшныя преступленія, вспыхнулъ мятежъ, и все это вскорѣ повлекло за собою паденіе первой династіи.

Вторая династія происходила изъ города Тине, и находилась въ связи съ родомъ Мена; связь эта, однако, до сихъ поръ еще не выяснена. Относительно родоначальника ея Бутау (Βοηθός) Нутербау, Манееонъ приводитъ лишь слѣдующій фактъ случившагося въ его царствованіе бѣдствія: около города Бубастиса открылась бездна и поглотила много народу [5]). Но съ воцареніемъ Какаа (Καιέχως) начинается рядъ царей-законодателей, постановленія которыхъ, по преданію, глубоко измѣнили религіозный и политическій строй Египта. Какаа провозгласилъ богами слѣдующихъ священныхъ животныхъ: Аписа Мемфисскаго, Мневиса Геліополисскаго и козла Мендесскаго; имя его, означающее „самецъ самцовъ“ или „быкъ быковъ“, представляетъ, вѣроятно, намекъ на господствовавшія въ его время символическія идеи, блистательнымъ выраженіемъ которыхъ явилось вышеупомянутое обоготвореніе священныхъ животныхъ [6]). Его преемникъ, Бинутеру (Βίνωθρις), предоставилъ женщинамъ царской крови право престолонаслѣдія, руководствуясь при этомъ религіозными и политическими соображеніями. Въ Египтѣ царь не былъ, какъ у другихъ народовъ, обыкновеннымъ смертнымъ, призваннымъ управлять другими людьми. Преемникъ и потомокъ боговъ, царствовавшихъ нѣкогда въ долинѣ Нила, онъ являлся живымъ образомъ и воплощеніемъ бога, сыномъ Солнца („Се Ра“), какъ именуетъ онъ себя вездѣ во всеуслышаніе, а также, подписывая свое имя; въ его жилахъ течетъ кровь боговъ и упрочиваетъ за нимъ верховную власть. Конечно, пока не было недостатка въ мужскихъ представителяхъ божественнаго рода, женщины, запертыя въ гинекеѣ, не имѣли никакихъ правъ на престолъ; но съ пресѣченіемъ мужской линіи, изъ опасенія чтобы престолъ не перешелъ къ обыкновеннымъ смертнымъ, вспомнили, что и женщины могутъ дать поколѣнія солнечной расы, и имъ было предоставлено право престолонаслѣдія. Съ этихъ поръ, всякій разъ какъ пресѣкалась династія, основатель новой династіи, главной заботой котораго было связать себя съ божественной семьей, или самъ женился или женилъ одного изъ своихъ сыновей на принцессѣ царской крови. Этотъ союзъ возстановлялъ временно прерванную цѣпь солнечныхъ династій и узаконилъ, такимъ образомъ, узурпацію [1]).

Наши свѣдѣнія о другихъ представителяхъ 2-й династіи ограничиваются почти одними ихъ именами. Сендъ почитался еще въ греческую эпоху [2]), но относительно остальныхъ ничего не осталось, кромѣ нѣсколькихъ забавныхъ разсказовъ. Такъ, при Ноферкерѣ Нилъ въ продолженіи одиннадцати дней текъ медомъ, а Сезохрисъ оставилъ по себѣ репутацію гиганта [3]). Нѣкоторые изъ памятниковъ, найденныхъ въ некрополяхъ Мемфиса, могила Тотготепа въ Саккарѣ, большой памятникъ Шири въ Булакскомъ музеѣ [4]), статуи Сепа, хранящіяся въ Луврѣ [5]), кажется могутъ быть отнесены къ этой эпохѣ. Но, что-бы тамъ ни говорили [6]), всѣ эти произведенія носятъ слѣды искусства, вышедшаго уже

Footnotes (p. 44):

1) Манетонъ, изд. Унгера, стр. 79; Бругшъ, „G. Inschr.“, I, стр. 124, 240; Марьеттъ, „Histoire d'Egypte“, 2-е издан., стр. 134, гдѣ авторъ принимаетъ пирамиду съ уступами за пирамиду Уэнефеса. Это — простая гипотеза, не оправдываемая ни однимъ прямымъ доказательствомъ.

2) Тамъ же, стр. 78

3) Гоодвенъ, въ „Zeitschrift“, 1867, стр. 55—56.

4) „Papyrus médical“, изданіе Бругша, pl. XV, t. 1 — 2. „Papyrus Ebers“, pl. CIV, 1—2.

5) Манееонъ, изд. Унгера, стр. 84; Э. де-Руже „Recherches sur les monuments“, стр. 20 21.

6) Манееонъ и де-Руже, loc. cit... Вѣроятно, примѣчаніе Манееона представляетъ легенду, присоединившуюся впослѣдствіи къ имени царя Какаа.

Footnotes (p. 45):

1) Э. де-Руже, „Notice de quelques textes hiéroglyphiques“, стр. 36 и слѣд.; Масперо, „Essai sur l'inscription du temple d'Abydos, стр. 69—70.

2) Э. де-Руже, „Recherches“, стр. 31.

3) Манееонъ, изд. Унгера, стр. 84.

4) Масперо, „Guide du Visiteur au Musée de Boulaq“, стр. 213.

5) Э. де-Руже, „Notices des Monuments égyptiens du Louvre“, 1855, стр. 50.

6) Маріеттъ, „Sur les tombes de l'Ancien Empire“, стр. 13.

изъ періода своего младенчества. Конечно, іероглифы на нихъ какъ бы спутаны, а фигуры скорѣе изсѣчены наскоро, чѣмъ закончены, но эти недостатки показываютъ только, что дошедшіе до насъ памятники не принадлежали къ числу старательно выполненныхъ. Плохія произведенія встрѣчаются во всѣ времена и въ томъ, что раскопки дали намъ только такіе образцы данной эпохи, можно видѣть лишь простую случайность. Какъ ни грубы статуи Сепа и памятникъ Шири, они нисколько не грубѣе любой статуи, любого надгробнаго столба 4-й или 6-й династій. Языкъ ихъ и письмена не болѣе архаичны и необычайны, чѣмъ языкъ и письмена обыкновенныхъ мемфисскихъ памятниковъ. Нѣкоторыя же особенности въ костюмѣ и прическѣ фигуръ, зеленую полоску подъ нижнимъ вѣкомъ на ихъ лицахъ можно разсматривать лишь какъ капризъ моды,—не болѣе.

Съ послѣднимъ царемъ 2-ой династіи пресѣклось, вѣроятно, прямое потомство Мена. Оно царствовало пять съ половиной вѣковъ и за это время совершило не мало трудныхъ и славныхъ дѣлъ. Мена объединилъ подъ своею властью всѣ племена, населявшія Нильскую долину; но сліяніе ихъ въ одинъ народъ, конечно, не могло совершиться въ одно царствованіе. Князья различныхъ номовъ, низведенные на степень наслѣдственныхъ правителей въ своихъ областяхъ, вѣроятно, не безъ труда привыкали къ своему зависимому положенію и не разъ хватались за всякій удобный случай въ царствованіе жестокихъ или слабыхъ царей, чтобы произвести возстаніе. Весьма вѣроятно, что многимъ изъ нихъ удавалось по временамъ возвращать свою независимость и даже основывать побочныя династіи, оспаривавшія верховную власть у царствующей фамиліи и временно обезсиливавшія ее. Многія изъ царскихъ именъ, записанныя въ нѣкоторыхъ спискахъ фараоновъ, но не встрѣчающіяся въ спискахъ Манееона, принадлежатъ, вѣроятно, представителямъ такихъ незаконныхъ династій. Потомки Мена въ концѣ концовъ восторжествовали и овладѣли всей страной. Областные князья, пріученные къ повиновенію, сдѣлались важными сановниками и первыми лицами при дворѣ фараоновъ; племена смѣшались и постепенно слились „отъ Абу до Аттү“, отъ Элефантины до Дельты Мена положилъ основаніе Египетскому государству; его преемники, представители двухъ первыхъ династій, создали египетскую націю [1]).

[1]) Сравн. Маріеттъ, „Table de Saqqarah“ и „Nouvelle Table d'Abydos“, де-

Вотъ возстановленная въ наибольшей полнотѣ, какая только возможна въ настоящее время, таблица двухъ первыхъ династій.

I-я династія (тинетская).	**II-я династія** (тинетская).
I. Мена (Μήνης, Μνεῦις).	I. Бутау (Βόηθος).
II. Тета (Ἄθωθις ά).	II. Какаа (Какеу) (Καιέχος).
III. Атоти (Ἄθωθις β).	III. Бинутеру (Βίνωθρις).
IV. Ати { KENKE′ NHΣ. OYENE′ ΦHΣ.	IV. Утнасъ (Τλᾶς).
V. Гузапти (Οὐσαφαΐδος).	V. Сендъ (Σεθένης).
VI. Мериба (Μιέβιδος).	VI. ? (Χαίρης).
VII. Шензекафъ, (Себесгересъ, Семсу) (Σεμέμφης).	VII. Ноферкера (Νεφερχέρης).
VIII. Кобу (Кабугу) (Χονβιέης ? Βιενέχης).	VIII. Ноферказокаръ (Σέσοχρις).
	IX. ? (Χενέρης).

Руже „Recherches sur les monuments qu'on peut attribuer aux six prémières dynasties“; Деверіа, „La Table d'Abydos“ и въ противоположномъ духѣ, Э. I. Краллъ, „Die Composition und die Schicksale des Manethonischen Geschichtswerkes“, in 8⁰, Вѣна, 1879.

ГЛАВА II.

МЕМФИССКІЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ третьей до десятой династіи (Древняя Имперія).

Мемфисскія гробницы: четвертая и пятая династія. — Египетская литература мемфисскаго періода. — Отъ шестой до десятой династіи.

Мемфисскія гробницы: четвертая и пятая династіи.

Третья египетская династія была мемфисскаго происхожденія. Фактъ этотъ, подтверждаемый Манеѳономъ, имѣетъ чрезвычайно важное значеніе для исторіи своей эпохи. Какъ ни достовѣрно для насъ существованіе тинетскихъ царей, единогласно подкрѣпляемое свидѣтельствами египетскихъ памятниковъ, — они, тѣмъ не менѣе, представляются намъ почти такими же неуловимыми призраками, какъ и сказочные „служители Гора", которыми египетскіе хроникеры населяли первобытный міръ [1]). Освобождаясь изъ подъ власти тинетскихъ династій и подчиняясь царямъ мемфисскаго происхожденія, Египетъ безповоротно порывалъ со своимъ прошлымъ, т.-е. съ періодомъ господства жрецовъ. Въ Мемфисскій періодъ Тине окончательно пришелъ въ упадокъ: Абидосъ, построенный всего въ нѣсколькихъ миляхъ отъ этого стариннаго города, вокругъ гробницы Озириса, отвлекъ отъ него поклоненіе вѣрныхъ, а Мемфисъ, изъ офиціальной резиденціи царя, превратился въ колыбель и достояніе царской семьи. Стоя во главѣ Египта въ продолженіе семи вѣковъ, онъ далъ

[1]) Поэтому Кралль, безъ особенной натяжки, считаетъ ихъ если не выдуманной то, по крайней мѣрѣ, произвольно выдвинутой коллегіей жрецовъ, эпохи Тутмеса (Die Composition стр. 16—18).

ему три послѣдовательныя династіи, самыя знаменитыя изъ всѣхъ, господствовавшихъ въ тѣ отдаленныя времена въ долинѣ Нила.

Первые цари третьей династіи не оставили намъ никакихъ памятниковъ, и, для возстановленія ихъ исторіи, намъ приходится прибѣгать къ подчасъ ребяческимъ сообщеніямъ компиляторовъ труда Манефона. Согласно этимъ источникамъ, начало третьей династіи было ознаменовано серьезными волненіями. Ливійцы, покоренные еще во времена Мена, возмутились противъ царя Нехерофеса и угрожали неприкосновенности имперіи. Но въ рѣшительную минуту суевѣріе пришло на помощь египтянамъ. Однажды ночью, когда враждебныя арміи стояли другъ противъ друга, лунный дискъ сталъ принимать необычайные размѣры, къ ужасу враговъ, принявшихъ это явленіе за знакъ небеснаго гнѣва и поспѣшившихъ сдаться безъ боя [1]). Возстановленный миръ, почти не нарушавшійся болѣе, способствовалъ развитію наукъ и искусствъ. Преемникъ Нехерофеса, Тозортросъ, усовершенствовалъ письмо и тёску каменныхъ глыбъ. Будучи врачемъ, подобно Тета, онъ написалъ нѣсколько медицинскихъ трактатовъ, существовавшихъ еще въ первые вѣка христіанской эры, почему греки отожествляли его съ своимъ богомъ Асклепіемъ, египетскимъ Имготепомъ [2]). Въ царствованіе этого царя и его преемниковъ богатство страны возросло, количество памятниковъ увеличилось. Еще нѣсколько царствованій, и могилы доставляютъ намъ такое обиліе оригинальныхъ документовъ, что мы можемъ возстановить точнѣйшимъ образомъ не только исторію государей этого періода, но и жизнь простыхъ подданныхъ.

Около 4 километровъ къ западу отъ Мемфиса Ливійская цѣпь горъ образуетъ обширное плоскогоріе, простирающееся въ одномъ направленіи съ Ниломъ на протяженіи нѣсколькихъ миль. На сѣверномъ краѣ этого плоскогорія неизвѣстный царь, жившій, пожалуй, еще до времени Мена, велѣлъ выбить въ скалѣ огромнаго сфинкса, символъ Гармахиса (восходящаго солнца). Позднѣе, въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ изображенія этого божества, былъ построенъ храмъ изъ алебастра и гранита, единственный дошедшій до насъ образецъ монументальной архитек-

[1]) Манефонъ, изд. Унгера, стр. 86—87.
[2]) Тамъ же, стр. 87.

туры Древней Имперіи. Много другихъ храмовъ, нынѣ разрушенныхъ, возвышалось тамъ и сямъ на плоскогоріи и превращало его какъ бы въ обширное святилище, посвященное загробнымъ богамъ. Жители Мемфиса хоронили здѣсь своихъ покойниковъ, чтобы предохранить ихъ могилы отъ наводненія. Умершихъ изъ простого народа зарывали здѣсь въ песокъ на глубинѣ одного метра, чаще всего безъ гробовъ и всякой одежды. Другихъ хоронили въ небольшихъ прямоугольныхъ зданьицахъ, грубо сложенныхъ изъ желтыхъ кирпичей съ сводчатымъ потолкомъ, оканчивавшимся обыкновенно острой крышей. Ни украшеній, ни драгоцѣнностей не клали въ могилу съ покойниками, а ставили рядомъ съ муміей простую глиняную посуду съ провизіей, необходимой усопшему въ другой жизни [1]). Гробницы эти, собственно говоря, считались жилищемъ двойниковъ. Вполнѣ сохранившіяся онѣ состоятъ обыкновенно изъ трехъ частей: наружной часовни, шахты и подземелья. Наружная часть гробницы, представляющая четыреугольное сооруженіе, имѣетъ издали видъ усѣченной пирамиды. Ея боковыя стѣны, сложенныя изъ камня или кирпича и симметрически наклоненныя, чаще всего имѣютъ ровную поверхность; иногда же слои этихъ камней расположены другъ надъ другомъ уступами и образуютъ родъ лѣстницы. Обыкновенно надъ дверью, продѣланной въ большинствѣ случаевъ въ западной стѣнѣ часовни, устроенъ родъ цилиндрическаго барабана; иногда она бываетъ украшена по сторонамъ барельефами, изображающими покойника во весь ростъ, причемъ надъ нею находится широкая плита, покрытая письменами, расположенными въ видѣ горизонтальныхъ строчекъ и содержащими молитву и указаніе дней, посвященныхъ культу предковъ. „Молитва (Proscynème) къ Анупу, обитающему въ божественномъ дворцѣ, о томъ, чтобы предоставлено было мѣсто погребенія въ Аментѣ, странѣ запада, странѣ очень обширной и очень хорошей, въ совершенствѣ по требованію бога великаго; чтобы онъ шелъ по тому пути, по которому слѣдуетъ идти въ совершенствѣ, сообразно требованію бога великаго; чтобы онъ имѣлъ приношенія въ видѣ хлѣбовъ, муки и сладкихъ винъ въ праздникъ начала года, въ праздникъ Тота, въ первый день новаго года, въ праздникъ Уака, въ большой праздникъ жары, во время процессіи бога Мена, въ праздникъ приношеній, въ праздникъ начала и середины мѣсяца и каждый день“.

---

1) Маріеттъ, „Sur les tombes de l'Ancien Empire“, стр. 2—3.

Обыкновенно внутренность часовни состоитъ изъ одной только комнаты. Въ глубинѣ ея, на почетномъ мѣстѣ, возвышается памятникъ (stéle), имѣющій видъ четыреугольнаго столба колоссальныхъ размѣровъ, у подножія котораго довольно часто находятъ жертвенный столъ въ видѣ куска алебастра, гранита или известковаго камня, плашмя положеннаго на землю, а иногда два обелиска или два небольшіе жертвенника съ выдолбленной верхушкой, куда клались священные хлѣбы, сладкія вина и другіе съѣстные припасы, перечисленные въ надписи надъ дверью.

Наружная поверхность вышеупомянутыхъ памятниковъ представляетъ обыкновенно какъ бы продѣланную въ ней невысокую, узкую запертую дверь, на притолкѣ которой написано имя покойника, а на косякахъ высѣчены фигуры, изображающія его и членовъ его семьи. Самъ онъ изображается на заднемъ планѣ, сидящимъ за столомъ, причемъ непозабыто даже меню его обѣда, выгравированное тутъ же рядомъ. Прислоненные къ стѣнѣ, памятники эти представляютъ, собственно говоря, задній фасадъ „вѣчнаго жилища“, и сходство ихъ съ запертой дверью какъ-бы указываетъ на то, что никто не долженъ входить въ комнату саркофага послѣ дня погребенія. Надпись надъ дверью является не только эпитафіей, долженствовавшей напоминать будущимъ поколѣніямъ о существованіи нѣкогда такого-то или такой-то, но, сохраняя имя и родословную покойнаго, она, такимъ образомъ, давала ему опредѣленное званіе, безъ котораго онъ лишался права гражданства въ загробной жизни, такъ-какъ усопшій, имя котораго не упоминается на памятникѣ, какъ бы не существовалъ никогда. Но этимъ не исчерпывается значеніе памятника: вырѣзанныя на немъ молитвы и фигуры имѣли также цѣлью обезпечить умершему пользованіе всѣми необходимыми средствами къ существованію въ загробной жизни. Не имѣя возможности находиться въ непосредственномъ общеніи съ усопшими и передавать имъ приношенія изъ рукъ въ руки, остающіеся въ живыхъ принуждены были брать одного изъ боговъ въ посредники, условившись съ нимъ о томъ, что часть приносимыхъ ему въ даръ съѣстныхъ припасовъ онъ употребитъ на пропитаніе покойника. Божество, къ которому почти всегда обращались въ такихъ случаяхъ, былъ или шакалъ Анубисъ или „великій богъ“, т.-е. Озирисъ. Душа (или, вѣрнѣе, двойникъ) хлѣбовъ, мяса и т. п. пе-

реходила, такимъ образомъ, въ другой міръ и питала тамъ двойника человѣка. Не было даже необходимости, чтобы приношенія были сдѣланы въ дѣйствительности: достаточно было произнести опредѣленную молитву въ честь умершаго, чтобы доставить этимъ его двойнику обладаніе всѣми перечисленными въ ней предметами.

Въ большинствѣ случаевъ скульптурныя изображенія находятся только на памятникѣ, но часто и стѣны комнаты старательно изукрашены фресками и барельефами. Содержаніе ихъ составляютъ обыкновенно эпизоды изъ жизни покойнаго и только въ одномъ случаѣ сюжетъ ихъ имѣетъ ясно выраженное отношеніе къ погребальнымъ обрядамъ, изображая моментъ перехода усопшаго въ загробное странствованіе. Египтяне, какъ и большинство народовъ, думали, что переходъ въ „иную страну“ не можетъ совершаться съ какой угодно точки земли. Мѣстомъ, откуда души переходили въ таинственный загробный міръ, была разсѣлина въ скалѣ, находившейся нѣсколько западнѣе Абидоса. Ладья, на которой солнце совершаетъ свое дневное движеніе, окруженная сопровождающимъ ее кортежемъ боговъ, проскользала въ отверстіе разсѣлины и проникала, такимъ образомъ, въ область ночи; вмѣстѣ съ нею проскользали и души усопшихъ подъ покровительствомъ Озириса. Поэтому для перехода въ загробную жизнь имъ приходилось стекаться со всѣхъ концовъ Египта въ Абидосъ, и предполагалось, что переѣздъ этотъ онѣ совершали по водѣ. Изображенія такого путешествія рисуютъ намъ усопшаго въ томъ костюмѣ, какой онъ носилъ обыкновенно при жизни, командующимъ судномъ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ живые люди. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, онъ изображается на катафалкѣ, окруженнымъ плакальщицами и жрецами. Нагруженные приношеніями лодки и плашкоты сопровождаютъ обыкновенно главную барку. Матросы испускаютъ при этомъ напутственные крики: „Съ миромъ, съ миромъ! къ Озирису!“ разговариваютъ и ободряютъ другъ друга. Можно бы подумать, что дѣло идетъ объ обыкновенномъ переѣздѣ, и египтяне поэтому утверждали, что знатные и богатые ихъ соотечественники совершали путешествіе въ Абидосъ, чтобы, скончавшись тамъ, удостоиться чести погребенія рядомъ съ Озирисомъ. На самомъ же дѣлѣ, лица, изображенныя въ вышеупомянутыхъ сценахъ, были похоронены въ Мемфисѣ, Бени-Гассанѣ, Ѳивахъ и другихъ городахъ, и только

души ихъ, по вѣрованію египтянъ, направлялись затѣмъ въ Абидосъ [1])

Содержаніе остальныхъ картинъ надгробной часовни составляетъ приготовленіе и перевозка погребальныхъ приношеній. Обыкновенно египетскіе вельможи еще при жизни заключали съ жрецами формальные договоры, по которымъ, взамѣнъ отказанныхъ тому или иному храму земель и доходовъ, жрецы обязывались совершать жертвоприношенія въ честь умершихъ жертвователей въ установленные обычаемъ сроки. Пожертвованныя земли составляли такъ называемое „имущество гробницы“ и служили источникомъ дохода для обезпеченія за умершимъ извѣстнаго количества хлѣба, мяса, овощей, бѣлья, словомъ всего необходимаго для домашняго обзаведенія [2]). Поэтому на стѣнахъ могильныхъ склеповъ мы то и дѣло встрѣчаемъ различные эпизоды изъ земледѣльческой, промышленной и домашней жизни. Съ одной стороны, эта распашка полей, сѣяніе, сборъ жатвы, свозка хлѣба, уборка его въ склады, разведеніе скота, откармливаніе птицы, съ другой — цѣлыя вереницы различныхъ ремесленниковъ — сапожниковъ, стекольщиковъ, литейщиковъ, столяровъ и т. п. — за исполненіемъ всевозможныхъ работъ. Здѣсь плотники рубятъ лѣсъ и строятъ барку; тамъ женщины ткутъ на станкахъ подъ надзоромъ нахмуреннаго евнуха, очевидно, мало расположеннаго выслушивать ихъ болтовню. Все это сопровождается объяснительнымъ текстомъ, приводятся даже рѣчи изображенныхъ личностей. „Держи хорошенько, захвати покрѣпче“, говоритъ мясникъ своему помощнику, готовязь убить быка. „Готово, дѣйствуй въ свое удовольствіе“, отвѣчаетъ помощникъ. Въ другомъ случаѣ шутникъ-лодочникъ кричитъ издали опоздавшему старику, оставшемуся на берегу: „Иди по водѣ!“ — „Ну, не слишкомъ много разговаривай“, отвѣчаетъ старикъ [3]). Всѣ изображенныя сцены и сопровождающій ихъ текстъ имѣли особенное значеніе: каково-бы ни было ихъ содержаніе, они считались обладающими силой обезпечить усопшему счастливое существованіе послѣ смерти и предохранять его отъ опасностей, могущихъ встрѣтиться въ загробной жизни. Подобно тому, какъ повтореніе на памятникахъ, о

---

[1]) Масперо, „Etude égyptiennes“, т. I, стр. 121—128.

[2]) Масперо, „Egyptian Documents relating to tho Dead“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. VII, стр. 6—36.

[3]) Марьеттъ, „Sur les tombes de l'Ancien Empire“, стр. 17—22; Бругшъ, „Die Aegyptische Gräberwelt“, стр. 15—26.

которыхъ мы говорили выше, формулы: „Молитва къ Озирису, чтобы онъ далъ усопшему часть отъ хлѣбовъ, напитковъ, одеждъ, съѣстныхъ припасовъ“, долженствовало доставить умершему пользованіе всѣми перечисленными благами, хотя бы приношенія и не были сдѣланы въ дѣйствительности,—скульптурныя изображенія на стѣнахъ гробницъ какъ бы гарантировали покойнику дѣйствительность воспроизведенныхъ на нихъ эпизодовъ. Заключенный въ свою часовню двойникъ, видя себя изображеннымъ въ видѣ охотника, обѣдающимъ съ женой и т. п., какъ бы дѣйствительно пользовался удовольствіями охоты, обѣда; изображенная на стѣнахъ запашка, жатва и уборка хлѣба, были для него реальными событіями, а многочисленные слуги, изготовляющіе ему обувь, приготовляющіе пищу, сопровождающіе на охоту въ пустыню или на рыбную ловлю въ чащи папируса,—реальными слугами и защитниками. Какъ бы то ни было, реальность изображенныхъ на стѣнахъ часовни подчиненныхъ вполнѣ соотвѣтствовала реальности ихъ повелителя двойника, который былъ только отраженіемъ живаго человѣка, и египтяне, наполняя гробницы образами живыхъ людей и сценами изъ дѣйствительной жизни, были вполнѣ увѣрены, что этимъ обезпечиваютъ за порогомъ земного бытія дѣйствительное существованіе всѣхъ воспроизведенныхъ предметовъ и эпизодовъ [1]).

Въ этой-то такъ изукрашенной комнатѣ собирались въ опредѣленные дни наслѣдники умершаго вмѣстѣ со жрецами, приставленными къ его культу, для воздаянія ему должныхъ почестей. Здѣсь они находили его какъ-бы живымъ среди обычной ему обстановки: тутъ и слуги его, и все, чѣмъ онъ любилъ окружать себя во время жизни. Они значи также, что за одной изъ стѣнъ, въ узкомъ пространствѣ, нарочно оставленномъ во время кладки зданія, были сложены статуи, изображающія покойника. Обыкновенно этотъ складъ статуй не сообщался съ часовней и оставался затеряннымъ въ стѣнѣ, иногда же онъ соединялся съ комнатой гробницы, но такимъ узкимъ отверстіемъ, въ которое едва проходила рука. По извѣстнымъ днямъ родственники умершаго приходили пошептать передъ этимъ отверстіемъ свои молитвы и курить благовоніями: они были увѣрены, что то и другое дойдетъ до покойника [2]). По вѣрованію египтянъ, разъ эти

1) Масперо, „Etudes égyptiennes“, т. I, стр. 191—194.
2) Марьеттъ, „Sur les tombes de l'Ancien Empire“, стр. 8—9.

молитвы и куренія достигали статуи умершаго, они доходили до него самого, такъ какъ статуя была для покойника въ загробной жизни тѣмъ же, чѣмъ была для него его тѣлесная оболочка во время земного существованія. Желая сохранить за усопшимъ эту тѣлесную оболочку, египтяне старались замедлить разрушеніе труповъ посредствомъ бальзамированія. Но обезображенная мумія являлась лишь отдаленнымъ подобіемъ живаго человѣка; кромѣ того, она была только одна и легко подвергалась разрушенію: ее можно было сжечь, сломать и разбросать куски. Разъ такая участь постигнетъ мумію, что станется съ ея двойникомъ? И вотъ въ дополненіе къ бренной тѣлесной оболочкѣ, египтяне стали дѣлать статуи, т.-е. каменныя и деревянныя тѣла, въ точности воспроизводящія образъ умершихъ. Статуи имѣли передъ муміями преимущество прочности, притомъ ничто не мѣшало воспроизводить ихъ въ какомъ угодно количествѣ. Этимъ увеличивалось для двойника число шансовъ существованія за гробомъ, тогда какъ мумія могла быть только единственнымъ обезпеченіемъ этого существованія. Отсюда такая поистинѣ изумительная многочисленность статуй, встрѣчающихся иногда въ одной гробницѣ. Предусмотрительность умершаго и благочестіе его родственниковъ, стремясь умножить образы двойника, доставляли ему, такимъ образомъ, почти безсмертіе. По этой же причинѣ египтяне заботились также объ увеличеніи числа статуй, изображающихъ слугъ умершаго за исполненіемъ всевозможныхъ домашнихъ работъ; напримѣръ, за приготовленіемъ тѣста, растираніемъ зеренъ, засмаливаніемъ кувшиновъ для вина и т. п. Понятно, какой своеобразный характеръ получало египетское искусство, благодаря такому представленію египтянъ о душѣ. Необходимымъ условіемъ возможности для двойника приспособиться къ своему каменному тѣлу было воспроизведеніе въ мельчайшихъ подробностяхъ чертъ и тѣлосложенія покойнаго. Отсюда реальный характеръ египетскихъ статуй, несмотря на присущую имъ идеализацію тѣла умершаго и сообщенной ему позы. Среди образцовъ египетской скульптуры рѣдко удается встрѣтить изсохшее тѣло старика или увядшую грудь и огрубѣвшую талію старѣющей женщины. Мужскія статуи изображаютъ всегда или стройныхъ юношей, или мужей въ возрастѣ наибольшей силы и развитія, женскія—молодыя дѣвичьи фигуры съ упругой грудью и нѣжными членами. Статуи воспроизводятъ, можно сказать, среднее тѣло личности, ея образъ въ лучшую пору раз-

витія, стремясь доставить такимъ образомъ покойному пользованіе въ томъ мірѣ всей полнотой своихъ физическихъ силъ. Только въ случаяхъ крупнаго безобразія, художникъ отклонялся отъ идеализаціи сюжета; такъ, напримѣръ, статуѣ карлика онъ сообщалъ всѣ уродливости тѣлосложенія послѣдняго, такъ какъ, привыкнувъ во время земной жизни къ неправильности своихъ членовъ, двойникъ карлика не могъ бы примѣниться къ новому, идеализированному тѣлу и тѣмъ самымъ былъ бы поставленъ въ условія, лишающія удобнаго пользованія за гробомъ изготовленными для него тѣлами [1]). Но допуская идеализацію, скульпторъ, тѣмъ не менѣе, стремился къ возможно болѣе вѣрному воспроизведенію лица и осанки умершаго и дѣлалъ это часто съ наивной точностью, доходя иногда даже до рѣзкости. Египетскія статуи являются поистинѣ портретами и даютъ намъ возможность возстановить населеніе Египта до времени первыхъ династій съ большимъ удобствомъ, чѣмъ это мы можемъ сдѣлать относительно населенія Италіи до эпохи первыхъ царей. Позы изображаемыхъ лицъ соотвѣтствуютъ ихъ общественному положенію: книжники (scribes) изображаются сидящими на корточкахъ, цари и знатные люди—или стоящими въ величественной позѣ, или сидящими на великолѣпномъ тронѣ въ позѣ, въ которой они обыкновенно встрѣчали являющихся съ приношеніями вассаловъ [2]).

Шахта, ведущая въ склепъ, иногда дѣлалась въ углу комнаты, но чаще всего, для того, чтобы найти ее, необходимо взойти на плоскую кровлю наружной часовни. Она обыкновенно квадратная или прямоугольная и выложена большими красивыми камнями до того мѣста, гдѣ она углубляется въ скалу. Средняя глубина ея 12—15 метровъ, но встрѣчаются шахты въ 30 и болѣе метр. глубины. Въ днѣ шахты. въ южной стѣнѣ ея, открывается узкій проходъ, въ который можно войти только согнувшись, ведущій въ самую усыпальницу, высѣченную въ скалѣ и не имѣющую никакихъ украшеній. Посрединѣ ея возвышается большой саркофагъ изъ чистаго известняка, розоваго гранита или чернаго базальта, съ вырѣзанными на немъ именами и титулами покойника. Запечатавъ гробъ, рабочіе ставили на землю части быка, только что принесеннаго въ жертву въ верхней комнатѣ, и большіе сосуды изъ красной глины, наполненные мутной водой; затѣмъ они тщательно замуровывали узкій проходъ и наполняли всю шахту до самаго отверстія осколками камней, смѣшанными съ землей и пескомъ. Все это, обильно политое водой, обращалось въ концѣ концовъ въ такой, почти непроницаемый и прочный цементъ, что покойникъ былъ вполнѣ застрахованъ отъ возможности поруганія [1]). Эти часовни, настоящіе памятники, составляли цѣлые города, которые занимали большее пространство, чѣмъ нѣкоторые города, населенные живыми людьми. Греки называли эти гробницы „вѣчными жилищами“ египтянъ, а дворы послѣднихъ—только ихъ гостиницами. Въ Гизехѣ могильныя часовни расположены по симметрическому плану, образуя правильныя улицы; въ Саккара безпорядочно разбросаны по всему плоскогорію, то широко разставлены другъ отъ друга, то небрежно скучены въ одномъ мѣстѣ. Въ мѣстахъ, наиболѣе ими загроможденныхъ встрѣчаются обыкновенно пирамиды или въ одиночку, или группами [2]). Однѣ изъ нихъ, въ 7—8 метровъ высоты, еле превышаютъ сосѣднія гробницы; другія доходятъ до 150 метровъ и теперь еще считаются самыми громадными памятниками, какіе когда-либо были воздвигнуты рукой человѣка. Это—царскія гробницы. Сооружая ихъ, каждый фараонъ отдавалъ приказаніе обтесывать скалу и рыть землю, лишь только вступалъ на престолъ. Знатные люди страны объѣзжали всю имперію въ поискахъ за алебастровой или гранитной глыбой, достойной идти на царскій саркофагъ; населеніе городовъ и цѣлыхъ провинцій посылалось на каменоломни и лѣсные склады. Рядомъ съ каждой пирамидой находился храмъ, гдѣ покойный монархъ принималъ приношенія своихъ подданныхъ и должныя почести отъ цѣлой коллегіи жрецовъ, спеціально приставленныхъ къ его культу.

Изъ глубины этихъ некрополей медленно подымается на свѣтъ Божій образъ Египта времени Мемфисскихъ династій, съ его царями и подвластнымъ имъ народомъ, съ его жрецами и солдатами, придворными чинами и простыми ремесленниками, и, освѣ-

---

[1]) Сравн. статую карлика Хнуму въ Булакскомъ музеѣ (Масперо въ „Monuments de l'art antique“, О. Ралэ, т. I).

[2]) Масперо, „Guide du Visiteur“, стр. 214—216.

[1]) Марьеттъ, „Notice des principaux monuments“, стр. 34—36; „Sur quelques tombes de l'Ancien Empire“, стр. 9—10.

[2]) Пирамида есть, собственно говоря, ничто иное, какъ воспроизведенная съ наибольшей правильностью форма могильнаго кургана. Относительно мистическаго значенія, придаваемаго египтянами этимъ памятникамъ, см. Чапарелли, Il Significato simbolico delle Piramidi Egiziane“ in 4, Римъ, 1884.

щенный яркимъ свѣтомъ исторіи, даетъ намъ возможность возстановить нравы, одежду и историческій процессъ развитія каждаго изъ этихъ типовъ; строители пирамидъ, какъ живые, встаютъ передъ нашими глазами, и портретъ Хафрэ составляетъ украшеніе нашихъ музеевъ. Цари 3-ей династіи не появляются еще на этихъ памятникахъ, но ихъ преемники окончательно уже вышли на свѣтъ изъ того мрака, въ который были погружены преданіями о нихъ иностранцевъ. Люди этихъ отдаленныхъ эпохъ стали для насъ такими же реальными, какъ греки и римляне; мы усвоили уже ихъ имена, а свѣдѣнія, почерпнутыя изъ ихъ гробницъ, позволяютъ возстановить „царскій Альманахъ„ двора Хуфу со всѣми мельчайшими подробностями.

И вотъ, въ это время „умеръ его величество царь Гуни и на престолъ вступилъ, въ качествѣ благодѣтеля всей страны, его величество царь Снефру" [1]) Снефру (Сорисъ Манеѳона)—первый изъ царей, указанія на которыхъ даютъ намъ эти монументы [2])—объявилъ войну кочующимъ племенамъ (Ментіу), то и дѣло тревожившимъ своими набѣгами восточныя границы Дельты, и проникъ въ глубь Синайскаго полуострова. Одинъ изъ барельефовъ Уади-Магара, трофей его похода, изображаетъ этого „царя двухъ Египтовъ, властителя діадемъ, господина правосудія, Гора побѣдителя, Снефру, великаго бога", уничтожающаго своей булавой повергнутаго передъ нимъ варвара [3]). Онъ сталъ разрабатывать въ пользу Египта мѣдные и бирюзовые рудники въ Синаѣ и, чтобы оградить на будущее время Дельту отъ вторженій, построивъ много пограничныхъ крѣпостей, изъ которыхъ одна, по крайней мѣрѣ, Ше-Снефру [4]), существовала еще при первыхъ царяхъ 12-й династіи [5]). Культъ этого фараона, установленный сейчасъ же послѣ его смерти, продолжался цѣлые вѣка и просуществовалъ до Птоломеевъ [6]).

---

1) Папирусъ Присса, табл. II, строк. 7—8.

2) Э. де Руже, ,,Recherches sur les monuments etc.", стр. 28—41. Снефру фигурируетъ въ одной сказкѣ, найденной г. Голенищевымъ въ Петербургѣ, (Zeitschrift, 1876, стр. 107—111).

3) Лепсіусъ, ,Denkm", II, 2.

4) Уади царя „Снефру".

5) Шабасъ, „Les Papyrus de Berlin", стр. 91; Э. де Руже, ,,Recherches", стр. 90.

6) Э. де Руже, ,,Recherches", стр. 41. Раскопки послѣднихъ лѣтъ заставляютъ думать, что пирамида этого царя находилась въ Дахшурѣ, а не въ Мейдумѣ, какъ это предполагали до сихъ поръ.

Но какъ ни велика была его слава въ Египтѣ, она меркнетъ передъ славой трехъ его преемниковъ, строителей пирамидъ,—Хуфу (Хеопса), Хафрэ (Хефрена) и Менкара. „Хеопсъ построилъ обширный памятникъ своей славы или безумія въ столь отдаленную эпоху отъ того времени, съ котораго начинаются достовѣрныя данныя свѣтской исторіи, что мы не имѣемъ никакой возможности измѣрить необъятную пропасть, раздѣляющую эти двѣ эпохи; онъ жилъ во время, столь чуждое всѣмъ симпатіямъ и интересамъ человѣчества, населяющаго теперь земной шаръ, что даже священная исторія ничего не знаетъ о современныхъ ему поколѣніяхъ, кромѣ того, что они жили и умерли, давъ жизнь другимъ. Однако, пирамида Хеопса все еще высится надъ песками пустыни, и бѣлизна ея нуммулитовыхъ глыбъ, напоминающая мертвенную блѣдность, продолжаетъ и нынѣ сверкать подъ палящими лучами солнца, причемъ отбрасываемая ею громадная тѣнь окутываетъ окружающія ее безплодныя равнины и на склонѣ дня надвигается на покрытыя маисомъ и пшеницей поля Гизеха. Если наблюдатель, разсматривая пирамиду съ какого-нибудь удобнаго пункта, постарается составить себѣ точное представленіе о дѣйствительныхъ размѣрахъ этого громаднаго монумента, — какое невыразимо гнетущее чувство подавленности овладѣваетъ его душой! Точно громадная глыба наваливается на его сознаніе, и оно колеблется подъ ея тяжестью. Напротивъ, развалины многихъ другихъ памятниковъ и остальныя пирамиды, откуда бы ихъ ни разсматривать, никогда не кажутся ни горами, ни гигантскими грудами обломковъ, они не перестаютъ производить впечатлѣнія дѣла рукъ человѣческихъ. Это именно неизгладимая печать ихъ происхожденія и вызываетъ, вѣроятно, въ зрителѣ то смѣшанное чувство страха и уваженія, которое потрясаетъ душу при первой попыткѣ представить себѣ реальные размѣры этихъ сооруженій" [1]).

Чтобы понять, сколько усилій понадобилось для того, чтобы воздвигнуть эти гигантскія громады, достаточно взглянуть на нихъ, если бы даже исторія и не давала на этотъ счетъ никакихъ указаній. Долгое время спустя послѣ Хеопса и Хафрэ, когда фараоны Древней Имперіи и ихъ подданные затерялись уже во мракѣ вѣковъ, воспоминаніе о трудахъ, положенныхъ на возведеніе пирамидъ было еще живо въ памяти египетскаго народа.

---

1) Обсюрнъ, ,,The Monumental History of Egypt", I, 270—271.

Во времена Геродота и Діодора, Хеопсъ пользовался репутаціей ненавистнаго тирана. „Онъ началъ съ того, что заперъ всѣ храмы, запретилъ жертвоприношенія и заставилъ всѣхъ египтянъ работать на себя. Однимъ было вмѣнено въ обязанность перетаскивать глыбы изъ каменоломнѣ Аравійской горной цѣпи, къ Нилу; другіе должны были подвозить эти глыбы на баркахъ и доставлять ихъ къ Ливійскимъ горамъ. Работой было занято 100,000 человѣкъ, которые смѣнялись каждые три мѣсяца. Это время народныхъ страданій распредѣлялось слѣдующимъ образомъ: 10 лѣтъ пошло на сооруженіе насыпи, на которую перетаскивались каменныя глыбы, причемъ работа эта, по-моему, мало чѣмъ уступала постройкѣ самой пирамиды, такъ какъ насыпь имѣла въ длину 5 стадій, въ ширину 10 оргій и въ вышину не менѣе 8—и сложена была изъ обтесанныхъ, украшенныхъ скульптурными изображеніями камней. Итакъ, 10 лѣтъ пошло на устройство насыпи и подземныхъ комнатъ, вырытыхъ въ холмѣ, на которомъ возвышаются пирамиды... Что же касается самой пирамиды, она строилась 20 лѣтъ и имѣетъ въ основаніи четыреугольникъ, причемъ длина каждой стороны основанія равна ея высотѣ и составляетъ 8 плетровъ; она вся сложена изъ полированныхъ, прекрасно пригнанныхъ другъ къ другу глыбъ, изъ которыхъ каждая не менѣе 30 футовъ" [1]) — „Египетскіе знаки, вырѣзанные на пирамидѣ, указываютъ на ту сумму денегъ, которая была потрачена при ея постройкѣ на рѣпу, лукъ и чеснокъ для рабочихъ; если не ошибаюсь, переводчикъ, разбирая для меня надпись, сказалъ, что эта сумма доходила до 1600 серебряныхъ талантовъ. Сколько же потребовалось расходовъ на инструменты, съѣстные припасы и одежду для рабочихъ, необходимые не только въ продолженіе указаннаго времени, ушедшаго на постройку пирамиды, но также и того, не менѣе продолжительнаго времени, которое ушло на обточку и перевозку камней, и рытье подземныхъ ходовъ?" [2]). Преданіе, собираемое Геродотомъ, идетъ еще дальше. Оно изображаетъ Хеопса оставшимся безъ всякихъ средствъ, благодаря безумнымъ затратамъ, причемъ, доведенный до крайности, онъ продавалъ свою дочь всякому встрѣчному [3]). Другая легенда, записанная Манеѳономъ,

[1]) Геродотъ, II, CXXIV.
[2]) Геродотъ, II, CXXV.
[3]) Геродотъ, II, CXXVI. Сравн. съ Масперо „Fragment d'un commentaire sur le second livre d'Hérodote, 1875, стр. 4—7.

менѣе жестока къ фараону: въ ней Хеопсъ является раскаявшимся въ старости и ему приписывается какая-то священная книга, бывшая въ большомъ почетѣ у его соотечественниковъ [1]).

„Египтяне разсказывали мнѣ, что этотъ Хеопсъ царствовалъ 50 лѣтъ, и что послѣ его смерти ему унаслѣдовалъ братъ Хефренъ, управлявшій государствомъ такъ же, какъ и его братъ, и построившій пирамиду, размѣры которой, однако, уже меньше; мы сами измѣряли ее... Обѣ пирамиды находятся на холмѣ вышиною въ 100 футовъ. Говорятъ, что Хефренъ царствовалъ 56 лѣтъ. Такимъ образомъ, насчитываютъ не менѣе 106 лѣтъ страданій и всевозможныхъ лишеній египетскаго народа: во все это время храмы были заперты и не открывались даже ни разу. Изъ ненависти египтяне избѣгаютъ употреблять имена этихъ фараоновъ, называютъ пирамиды именемъ пастуха Филитиса, пасшаго здѣсь въ то время свои стада" [2]). Согласно преданію, ни Хеопсъ, ни Хефренъ не воспользовались могилами, которыя были воздвигнуты цѣною столькихъ страданій: доведенный до отчаянія народъ возмутился, выхватилъ тѣла изъ саркофаговъ и растерзалъ ихъ [3]).

Рядомъ съ этими двумя тиранами преданіе отводитъ мѣсто кроткому монарху—Менкара, сыну Хеопса, строителю третьей пирамиды. „Онъ не одобрялъ поведенія отца, открылъ храмы и позволилъ народу, доведенному до послѣдней степени нищеты, совершать религіозные обряды и вернуться къ своимъ дѣламъ. Кромѣ того, время его считается періодомъ наибольшаго торжества правосудія въ Египтѣ. Изъ всѣхъ египетскихъ государей онъ пользуется наибольшими похвалами соотечественниковъ не только за свою справедливость, но еще и потому, что всегда стремился удовлетворить недовольнаго приговоромъ, предлагая ему какой-нибудь подарокъ" [4]).

Но этотъ благочестивый царь былъ очень несчастливъ: у него умерла единственная дочь, и вскорѣ послѣ этого оракулъ пред-

[1]) Манеѳонъ, издан. Унгера, стр. 91. Между сочиненіями алхимиковъ находится одно, которое приписывается Сорею египтянину; это вѣроятно и есть та книга, которая подъ именемъ Суфи-Хеопса продавалась во времена Африкана.
[2]) Геродотъ, CXXVII—CXXVIII.
[3]) Діодоръ, I, 64.
[4] Геродотъ, II, CXXIX.

сказалъ ему, что онъ умретъ черезъ 6 лѣтъ. Стараясь утѣшиться, онъ велѣлъ заключить трупъ своего ребенка во внутренность выдолбленной деревянной телки, поставилъ ее въ Саисѣ и здѣсь повелѣлъ воздавать ей божескія почести.

Способъ, который онъ придумалъ для того, чтобы обойти оракула, очень оригиналенъ и о немъ стоитъ разсказать. „Онъ обратился съ упреками къ богу, жалуясь на то, что его отецъ и дядя, закрывшіе храмы, позабывшіе боговъ и такъ притѣснявшіе людей, все-таки жили долго, между тѣмъ, какъ онъ, такой набожный, долженъ такъ скоро погибнуть. Въ отвѣтъ оракулъ сказалъ ему, что за это именно жизнь его и будетъ сокращена, потому что онъ не сдѣлалъ того, что долженъ былъ сдѣлать. Египетъ осужденъ былъ на страданіе въ продолженіе 150 лѣтъ, и цари, его предшественники, знали это. Послѣ такого отвѣта (Менкара) считая себя приговореннымъ къ смерти, сталъ кутить безъ отдыха день и ночь, зажигалъ по ночамъ несмѣтное множество лампъ, бродилъ у прудовъ и по лѣсамъ, вездѣ, гдѣ только разсчитывалъ найти веселое препровожденіе времени. Онъ придумывалъ все это, чтобы доказать лживость оракула и прожить, вопреки его предсказанію, 12 лѣтъ, считая и ночи за дни“ [1]).

Разсказы греческихъ историковъ нисколько не соотвѣтствуютъ свѣдѣніямъ. добытымъ на основаніи египетскихъ памятниковъ. Хефренъ не могъ быть братомъ Хеопса: этому сильно противорѣчитъ продолжительность обоихъ царствованій. Хефренъ не былъ даже непосредственнымъ преемникомъ Хеопса, потому что списки египетскихъ монументовъ вводятъ между ними еще одного царя, по имени Дуд-эф-Ра [2]), о которомъ сохранились нѣкоторыя воспоминанія. Очень короткое и не имѣвшее никакого значенія для исторіи царствованіе этого правителя можетъ уяснить намъ одинъ изъ пунктовъ легенды, записанной греками. Можетъ быть Дудефра и былъ сыномъ Хеопса и старшимъ братомъ Хефрена, почему послѣдній и считается братомъ своего непосредственнаго

---

[1]) Геродотъ, II, CXXIX--CXXXIII.

[2]) Э. де Руже, „Recherches“, стр. 52 54. Де Руже читаетъ это имя иначе — Ратотефъ — (Râ-tot-ef) и отожествляетъ этого правителя съ Ратоизесомъ Манеѳона, пятымъ царемъ четвертой династіи. Но по аналогіи съ другими именами приходится читать Дудефра, какъ читаютъ Менкара, а не Раменка (Râ-men-ka). Мнѣ кажется, что слѣдуетъ отказаться отъ произношенія этого имени и отъ отождествленія, предлагаемыхъ де Руже.

предшественника. Но такъ какъ Дудефра безслѣдно исчезъ изъ памяти народа, то понятно упоминаніе о Хеопсѣ, какъ о непосредственномъ предшественникѣ и старшемъ братѣ Хефрена.

Традиціонное беззаконіе обоихъ царей не менѣе проблематично, какъ ихъ родство. Титулы, которые носили они, и члены ихъ семьи, а также ихъ придворные, доказываютъ, напротивъ, ихъ уваженіе къ религіи. Хефренъ именуется „Горъ и Сетъ“, „Горъ могущественное сердце“, „добрый Горъ, великій богъ, господинъ діадемъ“, жена его, царица Меризанхъ, была жрицей Тота [1]); одинъ изъ его родственниковъ, князь Минанъ, былъ верховнымъ жрецомъ Тота въ Хмуну или Гермополисѣ [2]). Наконецъ, одинъ памятникъ, на которомъ упоминается о сооруженіи погребальной пирамиды въ честь принцессы Гонтсенъ, показываетъ намъ Хеопса историческаго созидающимъ и возобновляющимъ храмы въ противоположность Хеопску легендарному. „Горъ живой (тотъ, который сокрушаетъ своихъ враговъ?), царь Египта Хуфу, животворящій, нашелъ храмъ Изиды, покровительницы пирамиды, рядомъ съ храмомъ Сфинкса, къ сѣверо-западу отъ храма Озириса, господина гробницы, онъ построилъ себѣ пирамиду рядомъ съ храмомъ этой богини, а также и пирамиду своей царственной дочери, Гонтсенъ, близъ этого храма. Онъ сдѣлалъ это для своей божественной матери Изиды, для богини Гаторъ (Hathor) повелительницы водъ (падающихъ сверху) [3]). Записавъ свои дары на памятникѣ, онъ снабдилъ богиню новымъ достояніемъ; онъ перестроилъ ея святилище и нашелъ слѣдующихъ боговъ въ ея храмѣ“. Затѣмъ слѣдуетъ списокъ и изображенія этихъ боговъ: Горъ и Изида въ нѣсколькихъ видахъ, Нефтида, Селькитъ Пта, Сехетъ, Озирисъ, Аписъ. На обратной сторонѣ каждаго изображенія указанъ матеріалъ, изъ котораго они сдѣланы: лодка Изиды, ястребъ Горъ и ибисъ Тота были изъ золоченаго дерева, сама Изида изъ золота и серебра; Нефтида изъ вызолоченной бронзы; Сехетъ изъ бронзы [4]). Въ другомъ мѣстѣ мы находимъ указанія на то, что Хеопсъ, если не построилъ, то, по крайней мѣрѣ, подновилъ храмъ богини Гаторъ въ Дендерѣ [1]). Все это ри-

---

[1]) Э. де Руже, „Recherches“, стр. 54.

[2]) Э. де Руже, „Recherches“, стр. 62.

[3]) Что означаетъ „съ неба“, какъ и въ первой главѣ книги Бытія.

[4]) Марьеттъ, „Notice des principaux monuments“, 2-е изданіе, стр. 207—209 и Monuments divers“—53. Сравн. Э. де Руже, Recherches, стр. 46—50.

суетъ намъ этого царя въ совершенно иномъ свѣтѣ, чѣмъ это дѣлаетъ Геродотъ, по словамъ котораго онъ заперъ всѣ храмы Египта и изгналъ поклоненіе богамъ.

Въ настоящее время извѣстна причина такой разницы между исторической достовѣрностью и греческими преданіями. Разсказы Геродота являются ничѣмъ инымъ, какъ записанными сказками египетскаго народа. Древніе египтяне проявили къ Хуфу, Хафрэ и Менкера то же отношеніе, какое мы видимъ у средневѣковыхъ романистовъ по отношенію къ Карлу Великому; послѣ возвеличеній на всѣ лады, тѣ и другія кончили тѣмъ, что сдѣлали своихъ героевъ отвратительными и смѣшными. Судя по дошедшимъ до насъ оригиналамъ египетскихъ романовъ, народная фантазія никогда не колебалась соединять съ именами своихъ фараоновъ самыя невѣроятныя исторіи. Разсказчику нравилось давать своимъ героямъ знакомыя имена Рамзеса, Менепта и др., и это какъ нельзя лучше объясняетъ происхожденіе тѣхъ басенъ, которыя греки передали намъ относительно царей четвертой династіи. Хеопсъ Геродота и Хеопсъ историческій носятъ только одно имя и являются оба строителями большой пирамиды, во всемъ остальномъ они ни въ чемъ не похожи другъ на друга. Хеопсъ и Хефренъ греческихъ традицій не болѣе какъ герои романовъ [2]; Хуфу и Хафрэ египетскихъ надписей представляются намъ могущественными царями, благочестивыми почитателями своихъ боговъ и страшными не только для враговъ, но и для своихъ подданныхъ. Хеопсъ велъ войну съ кочующими племенами Аравійской пустыни и блистательно защищалъ отъ ихъ нападеній рудники, открытые Снефру на Синайсиомъ полуостровѣ [3]). Военноплѣнные, доставленные этими войнами, сдѣлались, вѣроятно, согласно обычаю, строителями его пирамиды. Но можно ли изъ этого заключить, что народное преданіе было совершенно ложно, и что онъ щадилъ своихъ подданныхъ? Какъ бы ни было велико число военноплѣнныхъ, оно не могло удовлетворить обширности задуманнаго предпріятія: вѣроятно, приходилось прибѣгать и къ труду чистокровныхъ египтянъ, на что и указываетъ Геродотъ.

---

1) Дюмихенъ, „Bauurkunde", pl. XVI, a. b.

2) Масперо, „Fragment de commentaire", въ „Annuaire de l'Association pour l'encouragement des Etudes greques", 1875 и 1878, Les Contes populaires de l'Ancienne Egypte", стр. 20 и слѣд.

3) Лепсіусъ, „Denkmäler", II, 2.

„Въ царствованіе его вопль раздавался по всей имперіи! вопль притѣсняемаго противъ притѣснителя; вопль страданія и безъисходной муки; такой вопль, что теперь, когда я пишу эти строки, онъ не изгладился еще изъ памяти народной; одинъ изъ тѣхъ воплей, которые со временъ Суфиса часто раздавались въ Египтѣ, и звукъ которыхъ донесся, наконецъ, до повелителя войскъ. И что же, тронуло ли это Суфиса? Не болѣе чѣмъ Магомета-Али или Ибрагима-Пашу! Разъ исполненъ эгоистическій капризъ тирана и подвигается передъ сооруженіе большой пирамиды или плотины, какое дѣло властелину до страданій своего народа?" [1]). Въ Египтѣ все можетъ измѣниться: религія, языкъ, народность; фараонъ можетъ превратиться въ султана или пашу, но судьба феллаха всегда остается одинаковой. Черезъ 4000 лѣтъ послѣ упомянутыхъ событій греческіе историки собрали отголоски тѣхъ проклятій, которыми египетскій народъ обременилъ память Хуфу. Ничто не мѣшаетъ думать, что возмущеніе, о которомъ разсказываетъ Діодоръ [2]), дѣйствительно, имѣло мѣсто: разбитыя статуи Хафрэ были найдены близъ храма въ колодцѣ, куда, вѣроятно, были нѣкогда брошены, можетъ-быть въ день революціи [3]).

Благочестіе приписываемое народнымъ преданіемъ царствованію Менкара (Микериноса, по Геродоту) подтверждается и свидѣтельствомъ памятниковъ. Но заслуга его состоитъ не въ томъ, что онъ, какъ говоритъ преданіе, велѣлъ открыть храмы (мы уже знаемъ, что они никогда не были заперты), но въ томъ, что онъ приказалъ одному изъ своихъ сыновей, Дудуфгору, осмотрѣть всѣ египетскіе храмы съ тѣмъ, вѣроятно, чтобы реставрировать тѣ изъ нихъ, которые находились въ плохомъ состояніи и основать новые во всѣхъ городахъ. Во время этой инспекціи принцъ нашелъ, какъ гласятъ нѣкоторые документы, LXIV главу Похороннаго Ритуала, „въ Хмуму (Гермополисъ) у ногъ бога Тота, написанную голубой краской на алебастровой плитѣ... Принцъ доставилъ ее царю, какъ чудесную находку" [4]). Такія обрѣтенія религіозныхъ или научныхъ книгъ часто упоминаются въ древней египетской литературѣ. Мы уже видѣли, что LXIV глава припи-

---

1) Осбіорнъ. „The Monumental History of Egypt", t. I, стр. 275—276.

2) Діодоръ, I, 64.

3) Маріеттъ,—„Lettre à L. le vicomte de Rougé", стр. 7.

4) Todtd. CXIV, 30—32; „Бирчъ „On formulas relating to the heart" въ „Zeitschrtfi", 1867, стр. 54—55.

сывается нѣкоторыми авторитетами царю Гузапти, между тѣмъ, какъ царь Тета считается нашедшимъ медицинскую книгу, добрая половина которой дошла до насъ. Другой медицинскій трактатъ, недавно открытый, относится тоже къ царствованію царя Хеопса. Онъ былъ найденъ ночью въ Коптосѣ однимъ изъ священнослужителей богини, вошедшимъ въ большую залу храма и проникнувшимъ въ самое его святилище. „Земля была окутана мракомъ, но лунный свѣтъ освѣщалъ книгу со всѣхъ сторонъ. Какъ чудесный предметъ, она была доставлена его святости царю Хуфу Справедливому“ [1]). Глава LXIV, представляющая конспектъ египетскаго ученія о будущей жизни и душѣ, составляетъ самую туманную часть Книги Мертвыхъ: „Ты приходишь ко мнѣ“, говоритъ книжникъ эпохи Рамессидовъ, „хорошо снабженный великими тайнами, ты говорищь мнѣ по поводу формулъ принца Дедефгора: Ты тутъ ничего не зналъ, ни хорошаго, ни дурнаго. Передъ тобой ограда, проломить которую не дано непосвященному. Ты самый искусный книжникъ изъ всѣхъ твоихъ товарищей, свѣдущій въ книгахъ, съ очищеннымъ сердцемъ, въ совершенствѣ владѣющій языкомъ; когда слова исходятъ изъ устъ твоихъ, одна твоя фраза имѣетъ утроенное значеніе; ты меня заставилъ онѣмѣть отъ страха“ [2]). Наши современники, не всегда постигающіе смыслъ этихъ мистическихъ отрывковъ, могутъ утѣшиться: древніе египтяне понимали не больше ихъ.

Саркофагъ Менкера, найденный въ третьей пирамидѣ, былъ однимъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ египетскаго искусства этой отдаленной эпохи. Онъ погибъ у береговъ Португаліи вмѣстѣ съ кораблемъ, который долженъ былъ доставить его въ Англію. Уцѣлѣла только крышка деревяннаго гроба изъ сикоморы, въ которомъ покоилась мумія фараона. Этотъ гробъ, имѣющій форму человѣческой фигуры, носитъ слѣдующую надпись: „О Озирисъ, царь обоихъ Египтовъ, Менкера, вѣчно живущій, рожденный небомъ, выношенный во чревѣ богини Нутъ, потомокъ Себу: твоя мать Нутъ, какъ бездна небесъ, простираетъ надъ тобой свои объятія. Она сдѣлаетъ тебя богомъ, погрузивъ въ ничтожество твоихъ враговъ, о царь Менкера, вѣчно живущій“ [1])!

---

1) Бирчъ „Medical Papyrus with the name of Cheops“, въ „Zeitschrift“, 1871, стр. 61—64.

2) Папирусъ Анастасія I, табл. X, строка 8; - табл. XI, строка 4.

1) Wyse, Pyramids of Gizeh, t. II. стр. 86 и слѣд.; Ш. Ленорманъ. „Eclair

Легенда греческой эпохи присоединяла къ этимъ тремъ фараонамъ еще одного, котораго Геродотъ называетъ Асихисомъ, а Діодоръ Сицилійскій—Сасихисомъ. „Онъ воздвигъ въ храмѣ Пта, въ Мемфисѣ, южный портикъ, самый красивый и самый обширный изъ всѣхъ; хотя всѣ они украшены скульптурными изображеніями, безконечно разнообразными въ архитектурномъ отношеніи, этотъ портикъ превосходитъ всѣ остальные великолѣпіемъ и оригинальностью стиля... Желая превзойти своихъ предшественниковъ, онъ построилъ пирамиду изъ кирпичей съ слѣдующей надписью, выбитой на камнѣ: „Не презирай меня, глядя на каменныя пирамиды; я выше ихъ настолько, насколько Юпитеръ выше остальныхъ боговъ. Потому что, погружая въ болото куски дерева и собирая налипшую на нихъ глину, дѣлали кирпичи, изъ которыхъ я построена“ [2]). По свидѣтельству Діодора, Сисихисъ былъ однимъ изъ пяти великихъ законоучителей Египта: онъ тщательно установилъ всѣ церемоніи культа, изобрѣлъ геометрію и искусство наблюдать небесныя свѣтила [3]). Онъ издалъ также законъ о займѣ, разрѣшивъ каждому частному лицу закладывать мумію своего отца, причемъ заимодавецъ могъ располагать гробницей кредитора. Если долгъ не былъ уплаченъ, то ни кредиторъ, ни его близкіе не могли быть похоронены ни въ отцовской могилѣ, ни въ какой-либо другой [4]). Пятая династія является во всѣхъ отношеніяхъ продолженіемъ четвертой. Цари ея предпринимали нѣсколько удачныхъ внѣшнихъ походовъ противъ азіатскихъ кочевниковъ [5]), внутри государства они занимались возведеніемъ своихъ погребальныхъ пирамидъ [6]), реставрированіемъ

---

cissements sur le cercueil de Mycerinus“, Э. де Руже, „Recherches sur les monuments“, стр. 63—66.

2) Геродотъ, II, CXXXVI.

3) Діодоръ, I, 94.

4) Геродотъ, II, CXXXVI.

5) Памятники Сагурэ (Лепсіусъ, „Denkm.“, II. табл. 39 а); Узерекра Менкаугеръ Ани (Лепсіусъ, „Denkm.“, табл. 152 а); Дадкера (Лепсіусъ, „Denkm.“, II, табл. 39 d; Бирчъ, въ „Zeitschrift“, 1869, стр. 26; Эберсъ, „Durch Gosen zum Sinai“, стр. 536), въ Уади Магарахѣ въ воспоминаніе этихъ правителей надъ бедуинами (Ментіу).

6) Вообще принято считать, хотя и безъ продолжительныхъ доказательствъ, то пирамиды Абушира служили гробницами фараоновъ 5-й династіи. Что же касается меня, то я полагаю, что пирамида № 2 въ Саккара (планъ Перринга) была построена царемъ Асса. Пирамида Унаса была открыта въ 1881, (сравн. Масперо, „La Pyramide du roi Ounas“, въ „Recueil de travaux“, т. III).

храмовъ и постройкой новыхъ городовъ [1]. Вообще же всѣ они содѣйствовали поддержанію Египта на той степени благоденствія и величія, на которую возвели его цари предшествующей династіи.

Вотъ возстановленная съ возможной для настоящаго времени полнотой, таблица третьей, четвертой и пятой династіи:

III-я династія (мемфисская).		**IV-я династія** (мемфисская).	
I. Беби. Зази.	I. Νεχερώφης.	I. Хуфу.	I. Σώρις (Χέοψ).
II. Нибка.	II. Τόσορθρος.		II. Σούφις.
III. Зозеръ.	III. Τύρεις.	II. Дудефра.	?
IV. Зозертети.	IV. Σέσωχρις.	III. Хафрэ.	III. Σούφις (Χεβρήν).
V. Сетосъ.	V. Σωύφις.	IV. Менкера.	IV. Μενχέρης (Μοκερίνος).
VI. Ноферкера.	VI. Τοσέρτασις.	V. Шепсескафъ.	?
VII. Небкара.	VII. Ἄχης.		V. Ρατοίσης.
VIII. Гуни.	VIII. Σήφουρις.		VI. Βιχέρης.
IX. Снефру.	IX. Κερφέρης.		VII. Σεβερχέρης.
			VIII. Θαμφθις.

V-я династія (мемфисская).			
I. Узеркафъ.	I. Οὐσερχέρης.	VI. Узерепра Анъ.	V. Χέρης.
II. Сагура.	II. Σέρρης.		VI. Ραθούρης.
III. Кака'а	?	VII. Менкегоръ.	VII. Μενχέρης.
IV. Ноферар-кера.	III. Νεφερχέρης.	VIII. Дадкера Асса.	VIII. Ταγχέρης.
V. Шепсескера.	IV. Σισίρης.	IX. Унасъ.	IX. Ὄννος.

[1] Напр., Пасагура, близъ Эсне Сены (Дюмихенъ, „Ceschichte des Alten Aegyptens", т. I, стр. 61), построенный Сагура (Э. де Руже „Recherches", страница 93).

Египетская литература мемфисскаго періода.

На одной изъ могилъ Гизеха нѣкій важный сановникъ первыхъ временъ 6-ой династіи именуется „управляющимъ книжнаго дома" [1]. Это случайное упоминаніе среди болѣе важныхъ титуловъ могло бы за неимѣніемъ другихъ указаній, служить доказательствомъ того, какого удивительнаго развитія достигла въ то время египетская цивилизація. Не только существовала уже литература, но образовавшіяся библіотеки были настолько обширны и значительны, что потребовалось назначить отдѣльнаго чиновника, который бы заботился о „храненіи" царской библіотеки. Вѣроятно, помимо произведеній современныхъ писателей, тутъ находились книги, писанныя при первыхъ династіяхъ, книги временъ Мена, а можетъ быть его предшественниковъ. Въ основаніе этой библіотеки легли, по всей вѣроятности, религіозныя сочиненія, главы изъ „Книги Мертвыхъ", списанныя съ поддлинныхъ текстовъ, хранившихся въ храмахъ; ученые трактаты по геометріи, медицинѣ и астрономіи; историческія книги, въ которыя занесены были изреченія и дѣла древнихъ царей съ точнымъ указаніемъ на продолжительность ихъ жизни и царствованія; руководства по философіи и практической морали, пожалуй, также нѣсколько романовъ [2]. Если бы все это сохранилось, мы владѣли бы библіотекой, болѣе драгоцѣнной, чѣмъ Александрійская [3]; но, къ несчастью, отъ всего этого богатства до насъ дошли только отрывки одного философскаго сочиненія. Что же касается остальнаго, приходится ограничиваться рѣдкими указаніями, которыя, будучи разъяснены и дополнены свидѣтельствами египетскихъ памятниковъ, даютъ намъ нѣкоторую возможность опредѣлить съ приблизительной достовѣрностью размѣры знаній, которыми владѣли египтяне того времени.

Съ первыхъ же дней своихъ наблюденій надъ свѣтилами небесными, египетскіе астрономы замѣтили, что одни изъ нихъ обладаютъ способностью перемѣнять мѣсто относительно осталь

[1] Лепсіусъ, „Denkm.", II, 50.

[2] Одинъ отрывокъ изъ сказки (Берлинскій папирусъ, III) можетъ быть отнесенъ ко времени 5-ой династіи. Сравн. Масперо, „Etudes égyptiennes", т. I, стр. 73—80.

[3] Э. де Руже, „Recherches", стр. 73.

ныхъ свѣтилъ небеснаго свода, другія же остаются неподвижными. Это наблюденіе, многократно повторенное, привело ихъ къ установленію дѣленія свѣтилъ на планеты и звѣзды, или, какъ они называли эти послѣднія, „неразрушимыя“ (ахиму-сску). Къ планетамъ они причисляли „Гора, путеводителя по таинственнымъ пространствамъ“ (Гартапшетау); это нашъ Юпитеръ, считающійся, благодаря своему блеску, самой главной планетой; далѣе, къ планетамъ относился „Горъ, вышній производитель“ (Гаркари), какъ они называли Сатурна, самую удаленную изъ планетъ, видимыхъ простымъ глазомъ; затѣмъ Гармахисъ, т.-е. Марсъ, (его красноватый цвѣтъ доставилъ ему названіе Гардошира, т.-е. Гора-Краснаго), попятное движеніе котораго въ нѣкоторые моменты года не ускользнуло отъ древнихъ египтянъ; къ планетамъ они причисляли Себакъ, или Меркурія, и, наконецъ, Венеру, которая въ качествѣ утренней звѣзды называлась Дуау, а въ качествѣ вечерней звѣзды, кажется Бону [1]). Изъ древнихъ текстовъ можно заключить, что египетскіе астрономы тоже причисляли землю къ планетамъ и приписывали ей движеніе, аналогичное движенію Марса или Юпитера [2]). Даже солнце, этотъ неподвижный центръ всѣхъ древнихъ системъ, у нихъ подчиняется закону всемірнаго движенія и путешествуетъ по небу въ сопровожденіи блуждающихъ звѣздъ [3]).

По мнѣнію египетскихъ астрономовъ, какъ и автора 1-ой главы Книги Бытія, небо—это жидкая масса, со всѣхъ сторонъ окружающая землю и покоющаяся на воздухѣ, какъ на твердомъ фундаментѣ. Въ первые дни творенія, когда хаосъ распался на свои составные элементы, богъ Шу собралъ небесныя воды и разсѣялъ ихъ въ пространствѣ [4]). По этому-то небесному океану, Ну, плаваютъ планеты и вообще всѣ свѣтила. Памятники изображаютъ ихъ въ видѣ духовъ, принявшихъ образъ человѣка или животнаго, причемъ каждый изъ нихъ плыветъ въ своей лодкѣ вслѣдъ за Озирисомъ. Другая теорія, распространенная не менѣе первой, представляетъ неподвижныя звѣзды въ видѣ лампъ (*хабизу*), привѣшенныхъ къ небесному своду и каждый вечеръ зажигаемыхъ божественной силой для освѣщенія земли по ночамъ. Первое мѣсто среди этихъ свѣтилъ-лампъ отводилось зодіакальнымъ знакамъ, состоящимъ изъ отдѣльныхъ звѣздъ или группъ и соотвѣтствующимъ 36 и 37 декадамъ египетскаго года; сюда относятся: Сопдъ или Сотисъ, свѣтило, посвященное Изидѣ; Оріонъ Сагу, посвященный Озирису и считавшійся нѣкоторыми мѣстопребываніемъ блаженныхъ душъ; Плеяды, Гіады и многія другія, аналогія древнихъ названій которыхъ съ нашими современными названіями въ точности не установлена. Вообще всѣ свѣтила, видимыя простымъ глазомъ, были срисованы, записаны, тщательно классифицированы. Обсерваторіи Верхняго и Нижняго Египта, въ Дендерѣ, Тине, Мемфисѣ, Геліополисѣ, наблюдали за ихъ фазами и ежегодно составляли таблицы ихъ восхода и захода, отъ которыхъ до насъ дошли нѣкоторые отрывки.

[1]) Э. де Руже, „Recherches sur les noms égyptiens des planètes“, въ „Bulletin archéologique de l'Athenaeum français“, 1856, стр. 18- 21, 25—28.

[2]) Шабасъ, „Sur un texte égyptien relatif au mouvement de la terre“, въ „Zeitschrift“, 1864, стр. 91—103.

[3]) Берлинскій папирусъ, п., VIII, стр. 56.

[4]) Самый послѣдній и лучшій изъ трудовъ, посвященныхъ этому вопросу, принадлежитъ Бругшу, „Thesaurus Inscriptionum Aegyptiacarum“, т. I. „Astronomische und Astrologische Inschriften“, in 4⁰, 1882.

Изъ всѣхъ этихъ свѣтилъ, наиболѣе извѣстнымъ и наиболѣе важнымъ было свѣтило Изиды, Сиріусъ по-египетски Сопдъ, имя котораго греки передѣлали въ Сотисъ (Sothis). Геліаческое восхожденіе этой звѣзды (совпаденіе ея восхожденія съ восходомъ солнца) служило признакомъ скораго наводненія и началомъ гражданскаго года, такъ что вся хронологическая системы страны покоилась на движеніяхъ этой звѣзды. Первый годъ египтянъ, первый, по крайней мѣрѣ, извѣстный намъ историческій годъ, состоялъ изъ 12 мѣсяцевъ, по 30 дней въ каждомъ, т.-е. изъ 360 дней. Эти 12 мѣсяцевъ дѣлились на 3 времени года, по 4 мѣсяца въ каждомъ: „время начала“ („Ша“), соотвѣтствующее періоду наводненія; „время сѣянія“ („Про“), соотвѣтствующее зимѣ; „время жатвы“ („Шаму“), соотвѣтствующее лѣту. Каждый мѣсяцъ состоялъ изъ трехъ декадъ; каждая ночь и каждый день раздѣлялись на 12 часовъ, такъ что полдень соотвѣтствовалъ 6 часамъ дня, а полночь 6 часамъ ночи.

Какъ ни проста была эта система, недостатки ея не замедлили обнаружиться. Между тогдашнимъ египетскимъ и тропическимъ годами составилась разница въ $5^1/_4$ дней; вслѣдствіе ежегоднаго уклоненія отъ дѣйствительнаго года на эту разницу, времена года перестали согласоваться съ фазами луны. Новыя наблюденія надъ движеніемъ солнца побудили астрономовъ ввести въ концѣ

каждаго года, по истеченіи 12 мѣсяцевъ и передъ началомъ новаго, 5 дополнительныхъ дней, которые они назвали „сверхгодичными“, или „эпагоменными“ днями. Эта перемѣна произошла въ столь отдаленную эпоху, что мы затрудняемся опредѣлить годъ ея, да и сами египтяне относили ее къ миѳическимъ временамъ, предшествовавшимъ царствованію Мена „Реа (Нутъ) имѣла тайную связь съ Кроносомъ (Себу); замѣтивъ это, Солнце (Ра) околдовало ее, благодаря чему она не могла разрѣшиться отъ бремени ни въ одинъ изъ мѣсяцевъ какого бы то ни было года; но Гермесъ (Тотъ), любившій богиню, началъ играть въ кости съ Луной и выигралъ у нея 60-тую часть каждаго дня, изъ чего составилъ 5 дней, которые и прибавилъ къ 360 днямъ“ [1]). Но годъ этой системы, имѣвшій 365 дней, не вполнѣ еще соотвѣтствовалъ астрономическому году въ $365^1/_4$ дней. Такимъ образомъ, запаздывая каждые 4 года на одинъ день, 1460 астрономическихъ годовъ, оказались равными 1461 гражданскому году, благодаря чему, спустя $14^1/_2$ вѣковъ, долго нарушенное равновѣсіе возстановилось, т.-е. начало гражданскаго года совпало тогда съ началомъ года астрономическаго, а это начало обоихъ годовъ совпало съ утреннимъ геліаческимъ восхожденіемъ Сиріуса-Сотиса, а слѣдовательно и съ началомъ наводненія. Жрецы привѣтствовали восхожденіе этого свѣтила торжественными празднествами, происхожденіе которыхъ относится ко времени Шосу-Гора, еще до эпохи первой династіи; они назвали періодъ этого чудеснаго совпаденія (1460—1461), „Сотіакскимъ періодомъ“.

Относительно математической литературы той эпохи мы ничего не знаемъ. Но памятники доказываютъ намъ, что эпоха пирамидъ должна была сильно повліять на развитіе геометріи, если не теоретической, то, по крайней мѣрѣ, практической, служившей для измѣренія площадей и вычисленіе объема твердыхъ тѣлъ. Архитекторы, строившіе пирамиды и большія гробницы Саккара, были, вѣроятно, почтенными геометрами. Къ несчастію, отъ книгъ, въ которыхъ были изложены научныя доктрины, ничего не осталось; единственный дошедшій до насъ математическій трактатъ относится ко времени, спустя, по крайней мѣрѣ, 2000 лѣтъ послѣ

[1]) „De Iside et Osiride“, гл. XXII.

эпохи пирамидъ и даетъ намъ понятіе о состояніи науки въ сравнительно новѣйшее время при 19-ой династіи [1]).

Свѣдѣнія объ египетской медицинѣ мы можемъ почерпнуть изъ одного, еще не напечатаннаго трактата, относящагося къ царствованію Хеопса и двухъ дошедшихъ до насъ книгъ. Первая составленная отчасти при Менкера, содержитъ между прочимъ рецепты, приписываемые иностраннымъ ученымъ [2]); вторая найденная при Гузапти, считается дополненной царемъ Сендъ [3]). Рукописи этихъ двухъ трудовъ восходятъ къ 18 и 19 династіямъ; текстъ ихъ, вѣроятно измѣнился съ теченіемъ времени, но, благодаря своей древности они сохранились въ школахъ. Онѣ, безъ сомнѣнія, входили въ составъ библіотеки храма Имготепъ въ Мемфисѣ, которая существовала еще въ римскую эпоху и снабжала своими рецептами греческихъ врачей [4]).

Египетъ очень здоровая страна. „Египтяне, говоритъ Геродотъ, самые здоровые изъ смертныхъ“; но тѣмъ внимательнѣе они относились къ своему здоровью. „Каждый мѣсяцъ, въ продолженіе 3-хъ дней, они производили очищеніе съ помощью рвотнаго и клистировъ, считая, что всѣ болѣзни человѣкъ получаетъ черезъ пищу“ [5]). „Медицинская практика у нихъ была раздѣлена: каждый врачъ занимался лѣченіемъ только одного какого-нибудь рода болѣзней. Существовали врачи глазные, головные, зубные, врачи только желудочныхъ или вообще внутреннихъ болѣзней. Ихъ вездѣ было множество“ [6]). Не слѣдуетъ думать, что это подраздѣленіе, о которомъ говоритъ Геродотъ, было вполнѣ безусловно. Одинъ и тотъ же врачъ могъ лѣчить вообще всѣ болѣзни, но по глазнымъ и нѣкоторымъ другимъ болѣзнямъ существовали, какъ и у насъ, спеціалисты, къ которымъ охотнѣе обращались за совѣтомъ. Количество врачей-спеціалистовъ, казавшееся

[1]) Онъ былъ обнародованъ А. Эйзенлоромъ, „Ein mathematisches Handbuch der Alten Aegypter“ („Papyrus Rhind des British Museum“), 1877.

[2]) Г. Эберсъ, „Papyrus Ebers, das Hermetische Buch über Arzeneimittel der Alten Aegypter“, Лейпцигъ, 1875; Шабасъ, „Détermination d'une date certaine“. Парижъ, 1877, in. 4⁰.

[3]) Бругшъ, въ „Recueil de Monuments égyptiens“, t. II, стр. 101—102, LXXXV—CVII. Шабасъ, „Mélanges égyptologiques“, 1-я серія, стр. 55—79.

[4]) Галіенъ, „De compos. medic. sec. gen.“, кн. V, гл. II. Нѣкоторыя изъ рекомендуемыхъ здѣсь лѣкарствъ перешли въ нашу фармакопею.

[5]) Геродотъ, II, LXXXII.

[6]) Геродотъ, II, LXXXIV.

греческому историку громаднымъ, зависѣло отъ условій страны, гдѣ до сихъ поръ глазныя воспаленія и кишечныя болѣзни встрѣчаются чаще, чѣмъ гдѣ-либо въ Европѣ.

Что же касается теоретической медицины, она, кажется, не сдѣлала большихъ успѣховъ, несмотря на то, что искусство бальзамированія давало врачамъ полную возможность изучить внутреннее устройство человѣческаго тѣла. Такой же религіозный страхъ, какъ и у средневѣковыхъ христіанскихъ врачей, не позволялъ имъ во имя чистой науки анатомировать тѣла, которымъ суждено было воскреснуть. Ихъ ужасъ передъ всякимъ кто только нарушалъ неприкосновенность человѣческаго тѣла, былъ такъ великъ, что даже бальзамировщики, обязанные дѣлать извѣстные надрѣзы, были предметомъ всеобщаго омерзѣнія. Всякій разъ, какъ имъ приходилось исполнять свою обязанность, присутствующіе бросали въ нихъ камнями, что, иногда, грозило бы имъ смертью, если бы они не убѣгали. Сверхъ того, правила, которымъ были подчинены врачи, мало поощряли къ научнымъ изысканіямъ. Они должны были лѣчить больныхъ по предписаніямъ, изложеннымъ въ нѣкоторыхъ книгахъ, которымъ приписывалось божественное происхожденіе. Если они отступали отъ священныхъ предначертаній, то только на свой рискъ и страхъ: въ случаѣ смерти паціента, ихъ обвиняли въ предумышленномъ убійствѣ и наказывали какъ убійцъ [1]). Изъ всѣхъ медицинскихъ ученій того времени до насъ дошла только теорія жизненныхъ силъ, согласно которой тѣло заключаетъ въ себѣ извѣстное количество сосудовъ, несущихъ животворящія силы. „Въ головѣ находятся 32 сосуда, которые несутъ и передаютъ дуновеніе жизни во внутрь и по всѣмъ частямъ тѣла; 2 сосуда въ животѣ, откуда жаръ идетъ во внутрь... по два сосуда въ задней части головы, темени, затылкѣ, вѣкахъ, ноздряхъ, въ правомъ и лѣвомъ ухѣ, черезъ которые входитъ дыханіе жизни“ [2]). Въ другомъ мѣстѣ эти дуновенія называются „добрыми дуновеніями, восхитительными дуновеніями сѣвера“. Считалось, что они проникаютъ въ вены и артеріи, смѣшиваются съ кровью, которая разноситъ ихъ по всему тѣлу; они приводятъ въ движеніе животное, такъ сказать, носятъ его. Въ моментъ

[1]) Діодоръ Сицилійскій, I, 82.

[2]) Папирусъ Эберса, табл. XCIX, кн. I с., кн. 14; Берлинскій медицинскій папирусъ, табл. XV, кн. 5; табл. XVI кн. 3. Сравн. Шабасъ, „Mél. égypt. I“, стр. 63–64.

смерти „они удаляются вмѣстѣ съ душой, кровь сгущается, вены и артеріи пустѣютъ и животное погибаетъ [1]).

Не всегда легко опредѣлить, о какихъ болѣзняхъ говорится въ египетскихъ медицинскихъ сочиненіяхъ; насколько можно судить это—воспаленіе глазъ, растяженіе жилъ или нарывы на ногахъ, рожа и эпилепсія, „божественная смертельная болѣзнь“—divinus morbus латинскихъ народовъ.

Существуетъ особая глава, трактующая о вопросахъ, относящихся къ зачатію и родамъ. Во многихъ случаяхъ приведенъ діагнозъ, который могъ бы послужить врачу для распознанія рода болѣзни. Вотъ, напримѣръ, діагнозъ одного воспаленія: „Тяжесть въ желудкѣ; боль въ шейкѣ сердца; воспаленіе и учащенное біеніе сердца. Одежды давятъ больного и не могутъ согрѣть его. По ночамъ жажда. Испорченный вкусъ, какъ у человѣка, поѣвшаго плодовъ сикоморы. Слабость во всемъ тѣлѣ, близкая къ обморочному состоянію. Животъ воспаленъ, и не смотря на позывъ, больной не можетъ очистить кишечникъ“ [2]).

Всѣ лѣкарства дѣлятся на 4 сорта: мази, питье, припарки и клистиры. Они составлялись изъ различныхъ веществъ всѣхъ царствъ природы. Такъ упоминаются болѣе 50-ти сортовъ растеній, начиная съ травъ, кустарниковъ и кончая деревьями; кедръ, напримѣръ, опилки и стружки котораго обладали якобы мягчительными свойствами, дикая смоковница и многія другія древнія названія, которыя для насъ непонятны. Затѣмъ слѣдуютъ минеральныя вещества: сѣрно-кислая мѣдь, соль, селитра, мемфисскій камень („анеръ сопду“), которому приписывалось свойство притуплять боль, благодаря чему его прикладывали къ больнымъ изъязвленнымъ мѣстамъ. Сырое мясо, сердце, печень, желчь, свѣжая или высушенная кровь различныхъ животныхъ, оленья шерсть и рога все это играло большую роль при составленіи важнѣйшихъ мазей противъ воспаленій. Рекомендуется много специфическихъ средствъ: „молоко женщины, родившей мальчика“, пометъ льва, мозгъ черепахи, старый козелъ, сваренный въ оливковомъ маслѣ [3]). Составные ингредіенты каждаго лѣкарства толклись вмѣстѣ, кипятились и процѣживались. Лѣкарства принимали обыкновенно въ

[1]) „Poemander“ (изд. Партея), X.

[2]) Берлинскій папирусъ, табл. XIII, строка 3–6. Сравн. Бругшъ, кн. I, стр. 112–113.

[3]) Папирусъ Эберса, табл. LXVIII, кн. 22; табл. LXIX, кн. 2.

чистой водѣ, но часто ихъ смѣшивали съ различными жидкостями, съ обыкновеннымъ пивомъ („гакъ"), или сладкимъ пивомъ („гакъ нозму"), съ ячменнымъ отваромъ, съ коровьимъ или овечьимъ молокомъ, съ зеленымъ или очищеннымъ оливковымъ масломъ („бикъ нозму"), или даже на подобіе мольеровскаго лѣкарства, съ человѣческой или животной мочей;—все это, подслащенное медомъ, принималось въ видѣ горячаго питья утромъ и вечеромъ [1]).

Но не всегда болѣзни были естественнаго происхожденія. Причиной ихъ часто считались злые духи, присутствіе которыхъ въ человѣкѣ проявлялось болѣе или менѣе серьезными разстройствами. Дѣйствуя на внѣшнія проявленія болѣзни, можно было облегчить больного, но для полнаго выздоровленія нужно было уничтожить причину болѣзни, т. е. заклинаніями изгнать духа, овладѣвшаго человѣкомъ. У каждаго хорошаго доктора медицина шла объ руку съ магіей. Вотъ одно изъ заклинаній, подкрѣпляющее дѣйствіе рвотнаго: „о демонъ, вселившійся въ чрево такого-то сына, такой-то матери, о ты, имя отца котораго „отсѣкающій головы", имя котораго „смерть", имя котораго „самецъ смерти", имя котораго „презрѣнный навѣки" [2]). Чтобы избавиться отъ головной боли, нужно было только сказать: „передняя часть головы божественнымъ шакаламъ, задняя часть головы поросенку бога Ра. Положи ихъ на жаровню; когда вышедшія изъ нихъ испаренія достигнутъ неба, то на землю упадетъ капля крови. Эти слова должны повторяться 4 раза" [3]). Если эта галиматья не излѣчивала больного, то, по крайней мѣрѣ, освобождала его отъ суевѣрнаго ужаса, которымъ онъ былъ охваченъ. Успокоивъ больного, врачъ пробовалъ на немъ дѣйствіе традиціонныхъ лѣкарствъ. Магическія заклинанія укрощали таинственную причину недуга, лѣченіе же дѣйствовало на видимыя его проявленія. Философская литература пользовалась большимъ почетомъ. Одинъ изъ берлинскихъ папирусовъ даетъ намъ отрывокъ разговора египтянина съ своею душою, причемъ душа старается доказать, что смерть не

[1]) Большія подробности относительно египетской медицины, сравн. Масперо, въ Revue critique", 1876, т. I, стр. 233–239.

[2]) Лейденскій папирусъ, I, 348, обрат. сторона; табл. XIII, строка 5–6. Сравни Плейтъ, „Etudes égyptologiques", т. I, стр. 145–146.

[3]) Лейденскій папирусъ, табл. IV, строка 9, 10. Сравн. Плейтъ. „Etudes", т. I, стр. 61–62.

представляетъ ничего страшнаго для человѣка [1]). Другой папирусъ, приподнесенный Приссомъ парижской національной библіотекѣ, представляетъ единственный полный трудъ, дающій намъ образчикъ первобытной египетской философіи [2]). Онъ былъ, вѣроятно, написанъ въ одно изъ первыхъ царствованій 12-ой династіи и состоитъ изъ сочиненій двухъ авторовъ, одинъ изъ которыхъ жилъ при 3-ей династіи, а другой—при 5-ой. Сочиненіе это, слѣдовательно, не безъ основанія названо „древнѣйшей книгой міра". Неполное въ началѣ, оно содержитъ прежде всего конецъ одного этическаго трактата, написаннаго нѣкіимъ Какимна при восшествіи на престолъ фараона Снефру; затѣмъ, слѣдовало сочиненіе, нынѣ утерянное (одинъ изъ древнихъ владѣльцевъ папируса уничтожилъ его съ цѣлью замѣнить другимъ, которое никогда не было написано); послѣднія 15 страницъ заняты небольшимъ произведеніемъ, которое пріобрѣло уже извѣстность въ наукѣ подъ именемъ „Наставленій Птаготепу".

Этотъ Птаготепъ, сынъ царя 5-ой династіи, былъ, вѣроятно, въ очень преклонныхъ лѣтахъ, когда писалъ свою книгу, представляющую неприкрашенное изображеніе старческаго возраста. Номархъ Птаготепъ говоритъ: „О Гангенъ [3]), покровитель преклонныхъ лѣтъ, когда появляется старость, она ведетъ за собою безпомощность и (дѣтскую) слабость. Цѣлые дни старецъ лежитъ и недомогаетъ; глаза и уши его уменьшаются, сила изнашивается, нѣтъ болѣе покоя сердцу. Уста сомкнуты, не говорятъ. Сознаніе омрачено: оно не можетъ вспомнить, что происходило вчера. Кости страдаютъ въ свою очередь. [Хорошее принимается за дурное: вкусъ совершенно исчезаетъ. Старость дѣлаетъ человѣка несчастнымъ во всѣхъ отношеніяхъ: носъ закупоривается и не дышетъ. Одинаково утомительно стоять или сидѣть. Чтобы сдѣлалъ другой старецъ въ моемъ положеніи? Сказать ли ему слова тѣхъ, которые слышали исторію минувшихъ временъ, тѣ самыя слова, которымъ внимали сами боги? Поступай согласно съ ними,

[1]) Лепсіусъ „Denkm." VI. Стр. 111–112.

[2]) Этотъ папирусъ былъ изданъ въ Парижѣ, въ 1847 г. у Франка; онъ былъ проанализированъ Шабасомъ въ „Revue archéologique", 1-я серія, т. XIV. стр. 1 и слѣд. и переведенъ на англійскій языкъ Гетзомъ (Heaht), „A Record of the Patriarchal Age; or, the Proverbs of Aphobis", Лондонъ, 1856; на нѣмецкій языкъ перевед. Лаутзомъ.

[3]) Имя бога, можетъ-быть, Озириса.

отталкивай зло отъ разумныхъ существъ, рази презрѣнныхъ!“ Святость этото бога [1]) говоритъ: „Наставь его въ словахъ прошлаго, и ему будутъ удивляться дѣти великихъ; все, что отъ него услышатъ, проникаетъ въ глубину души, потому что это правда сердца. Все, что онъ будетъ говорить, никогда не надоѣстъ [2]). Очевидно, Поаготепъ берется за каламій [3]), чтобы указать старикамъ на возможность быть полезными. Онъ хочетъ преподать имъ мудрость предковъ съ тѣмъ, чтобы они, въ свою очередь, научили ей молодежь и этимъ содѣйствовали поддержанію добродѣтели въ мірѣ. Не слѣдуетъ искать въ этомъ сочиненіи особенной глубины мысли. Ученый анализъ, тонкія толкованія и метафизическія абстракціи были не въ ходу въ эпоху Птаготепа. Спекулятивное мышленіе уступало мѣсто положительнымъ фактамъ, теорія—практикѣ. Производились наблюденія надъ человѣкомъ, его страстями, привычками, искушающими его соблазнами, его слабостями не затѣмъ, чтобы на основаніи всего этого построить новую философскую систему, но лишь съ цѣлью усовершенствованія человѣческой природы и указанія душѣ путей, ведущихъ къ вѣчному блаженству. Птаготепъ и не пытается изобрѣтать системы, давать выводы. Онъ передаетъ свои размышленія и совѣты такъ, какъ они ему приходятъ на умъ, не группируя ихъ и не дѣлая заключеній. Наука полезна для постиженія блага,—онъ рекомендуетъ науку; кротость къ подчиненнымъ необходима для спасенія,—онъ восхваляетъ ее. Все это перемѣшано совѣтами, какъ слѣдуетъ вести себя въ различныхъ житейскихъ случаяхъ, въ присутствіи важнаго лица, при выѣздѣ въ свѣтъ, при женитьбѣ. „Если ты мудръ, обставь хорошенько свой домъ; люби свою жену, не ссорься съ ней, корми ее, доставляй ей украшенія, эту необходимую роскошь ея членовъ. Спрыскивай ее благовоніями, весели все время, пока живешь съ ней, потому что этотъ даръ долженъ быть достоинъ своего обладателя. Не будь грубъ“ [4]). Анализировать въ подробностяхъ это сочиненіе невозможно, еще менѣе,—вполнѣ перевести его. Самый предметъ этой книги, странность нѣкоторыхъ совѣтовъ, слогъ ея,—все только можетъ сбить съ толку изучающаго и спутать его

---

[1]) Это отвѣтъ бога Гангена на призывъ Птаготепа.

[2]) Парирусъ Присса, табл. IV, строка 1; табл. V, строка 7.

[3]) Палочка, которой писали на папирусѣ.

[4]) Папирусъ Присса, табл. X, строка 9—10.

изслѣдованія. Наука о нравственности сама по себѣ съ самыхъ давнихъ временъ считалась хорошей и похвальной наукой, но тема эта была до такой степени избита, что обновленіе ея было возможно только со стороны формы, и Птаготепъ, взявшись за нее, въ полной мѣрѣ удовлетворилъ этому требованію. Многія, якобы, вновь провозглашенныя имъ истины, были давно уже сказаны другими; для приманки читателей ему понадобилась новая непредвидѣнная и привлекательная формулировка, и онъ вполнѣ успѣлъ въ этомъ: нѣкоторыя мѣста его книги отличаются такой изысканностью, что нравственный смыслъ его рѣчей совершенно исчезаетъ за наборомъ словъ.

Отъ 6-й до 11-й династіи.

Переходъ отъ 5-й къ 6-й династіи, кажется, совершился не безъ волненій. На памятникахъ того времени упоминаются имена двухъ царей: Тета и Узеркара Ати. Царствованіе Тета, котораго Манееонъ называетъ Отоэсомъ (*Othoës*), имѣло больше значенія; по преданію, онъ былъ убитъ офицерами своей гвардіи [1]). Былъ ли онъ родственникомъ своего предшественника—неизвѣстно. Туринскій списокъ царственныхъ именъ прерывается между Унасомъ и Тета, что указываетъ на перемѣну династіи; судя по греческимъ спискамъ, новая династія происходила изъ Абу (Элефантины), съ юга Египта [2]).

Послѣ Тета на престолъ вступилъ Пепи I-й Мерира. Съ воцареніемъ его авторитетъ Мемфиса начинаетъ постепенно падать. Представители новой династіи, не покидая старой столицы, очевидно, предпочитали ей города Средняго Египта и особенно Абидосъ, некрополь котораго сохранилъ столько предметовъ, напоминающихъ объ ихъ существованіи. Величіе страны не пошатнулось при нихъ; напротивъ, они расширили ея предѣлы удачными войнами, далеко оставившими за собою завоеванія всѣхъ предшествовавшихъ фараоновъ. Пепи I, второй царь этой династіи, тоже является героемъ этихъ побѣдъ. Дѣятельность его не ослабѣвала во все продолженіе его 18-го царствованія. Имѣя помощника въ лицѣ своего перваго министра, Уна, онъ, во время вой-

---

[1]) Манееонъ, изд. Унгера, стр. 101.

[2]) Манееонъ, изд. Унгера, стр. 101—102, исправл. Лепсіусомъ.

ны съ азіатскими кочевниками, возвратилъ странѣ всѣ синайскія завоеванія, потерянныя его предшественниками, покорилъ Эѳіопію и усѣялъ Египетъ памятниками.

Еще ребенкомъ Уна находился при дворѣ царя Тети. Сначала онъ былъ простымъ пажемъ (носителемъ короны), но вскорѣ получилъ мѣсто въ министерствѣ земледѣлія и неважный духовный титулъ. Пепи съ самаго восшествія своегоъ на царство очень полюбилъ его и послѣдовательно назначилъ въ слѣдующія должности: „друга", смотрителя за пророками надгробной пирамиды", „аудитора", причемъ Уна справлялся со своими обязанностями лучше всѣхъ своихъ предшественниковъ, за что и былъ посланъ въ каменоломни Тура на поиски за бѣлой каменной глыбой для царскаго саркофага. Дѣятельность, выказанная имъ и въ этомъ случаѣ, заслужила ему новыя милости: онъ былъ возведенъ въ новое достоинство—„царскаго друга", назначенъ управляющимъ дома царицы, и, мало-по-малу, захватилъ всѣ дѣла въ свои руки. „Съ помощью только одного секретаря я писалъ все, что мнѣ нужно было", говоритъ онъ. Египту не приходилось жаловаться на его администрацію. Синайскіе рудники, эксплоатировавшіеся теперь съ большею правильностью и лучшимъ надзоромъ, дали небывалые до сихъ поръ результаты [1]). Черезъ пустыню Коптосъ къ Красному морю была проложена дорога, открывшая новыя пути торговлѣ. Разработка каменоломенъ въ Роганну энергично подвигалась впередъ [2]), и хотя всѣ воздвигнутые въ то время памятники исчезли почти безслѣдно, надписи доказываютъ, съ какой кипучей дѣятельностью велись работы по ихъ постройкѣ. Въ Гептаномои былъ основанъ новый городъ, близъ того мѣста, гдѣ находится теперь мѣстечко Шеихъ-Саидъ [3]). Храмъ богини Гаторъ въ Дендерѣ, воздвигнутый „служителями Гора" въ баснословныя времена исторіи Египта и съ тѣхъ поръ разрушенный былъ возстановленъ по случайно найденнымъ, первоначальнымъ планамъ [4]). Это благочестіе относительно наиболѣе уважаемаго божества было награждено по заслугамъ. Пепи при-

---

[1]) Лепсіусъ, „Denkm." II, табл. 116 а.

[2]) Сравн. Масперо, „Les Monuments égyptiens de la vallée de Hammamât", въ „Revue orientale et américaine", т. I, стр. 330 и слѣд.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm." II, табл. 112 d, e.

[4]) Дюмихенъ, Bauurkunde der Temp. von Denderah", т. III, табл. XIV, строка 20; Марьеттъ, „Dendérah", т, III, табл. 71-72.

нялъ титулъ „сына богини Гаторъ" и велѣлъ съ этихъ поръ писать его на картушѣ своего царскаго герба [1]).

Во внѣшней политикѣ министерство Уна ознаменовалось завоеваніями. Нубія была тогда отчасти населена негрскими племенами [2]), по всей вѣроятности, остатками тѣхъ, изъ которыхъ составилось первоначальное населеніе Египта. Безпрестанныя возстанія ихъ, усмиряемыя полководцами фараоновъ, доставляли послѣднимъ дешевыя побѣды и заполняли солдатами изъ подчиненныхъ племенъ ряды ихъ полковъ. Уна направилъ эти нубійскія племена противъ Аму и Геруша, жившихъ въ пустыняхъ перешейка и въ Южной Сиріи. „Его Святости пришлось отразить Аму и Геруша. Его Святость сформировалъ армію, собравъ нѣсколько разъ по 10,000 солдатъ со всей страны: отъ Элефантины до сѣвернаго моря, во всѣхъ домахъ, городахъ, крѣпостяхъ въ странѣ У'артетъ, между неграми земли Замъ, между неграми страны Амамъ, неграми Уауатъ, неграми Каау, неграми страны Татамъ [3]), и Его Святость поставилъ меня во главѣ этой арміи. И вотъ, придворные полководцы, „друзья" дворца, номархи, южные и сѣверные князья, „золотые друзья", начальники южныхъ и сѣверныхъ пророковъ, завѣдующіе храмами во главѣ капитановъ юга и сѣвера, городовъ и храмовъ,—всѣ обучали негровъ этихъ странъ". Какъ видно, не легко было организовать этихъ своеобразныхъ рекрутовъ. „Это я направлялъ ихъ", прибавляетъ Уна и, несмотря на темный смыслъ слѣдующихъ затѣмъ фразъ, можно догадаться о всевозможныхъ трудностяхъ, съ которыми ему приходилось бороться. Повидимому, очень трудно было организовать продовольственную часть, т.-е. правильно снабжать войско пищей и одеждой. Но, благодаря терпѣнію и ловкости, удалось водворить порядокъ, и экспедиція двинулась въ путь.

„Мирно подвигалась эта армія: она вошла, какъ и слѣдовало, въ страну Геруша. Мирно подвигалась эта армія: она сокрушила могущество страны Геруша. Мирно подвигалась эта армія: она пробила бреши во всѣхъ ихъ укрѣпленіяхъ. Мирно подви-

---

[1]) На глыбѣ, найденной въ Тунисѣ; сравн. Э. де Руже, „Inscriptions recueillies en Egypte", т. I, табл. LXXV.

[2]) Лепсіусъ, „Nubische Grammatik, Einleitung", LXXXVI-LXXXVIII.

[3]) Эти народы жили на югѣ и востокѣ Египта, между Ниломъ и чернымъ моремъ. Сравн. Бругшъ, „Die Negerstämme der Unainshrift" въ „Zeitschrift". 1882, стр. 30—36.

галась эта армія: она срѣзала ихъ смоковницы и виноградники. Мирно подвигалась эта армія: она сожгла всѣ ихъ хлѣба. Мирно подвигалась эта армія: она убила миріады ихъ солдатъ. Мирно подвигалась эта армія: она увела въ плѣнъ большое количество ихъ мужей, женъ и дѣтей, чему больше всего радовался Его Святость". Эти плѣнники, употребленные для общественныхъ работъ или проданные въ рабство частнымъ лицамъ, не мало способствовали благоденствію царствованія Пепи. „Его Святость послалъ меня, чтобы раздавить его враговъ, и я ходилъ пять разъ въ землю Геруша, чтобъ подавить мятежъ съ помощью этой арміи; я поступалъ такъ, что царь былъ этимъ больше всего доволенъ". Несмотря, однако на частыя побѣды, война еще не была окончена: „Пришло извѣстіе, что варвары собрались въ странѣ *Тоби* [1]). Я опять отправился съ этой арміей уже на судахъ и причалилъ къ самымъ отдаленнымъ берегамъ этой мѣстности на сѣверѣ страны Геруша. И вотъ, эта армія отправилась въ путь: она побѣдила ихъ и уничтожила всѣхъ собравшихся". Это рѣшительное дѣло положило конецъ борьбѣ и повлекло за собой полное подчиненіе враговъ. По возвращеніи изъ вышеуказаннаго похода, Уна, и безъ того уже осыпанный всевозможными почестями, получилъ наивысшій знакъ отличія, какого только удостоивался подданный отъ своего царя, — позволеніе носить сандаліи во дворцѣ и даже въ присутствіи самого фараона.

Внутри страны все было мирно; за предѣлами ея Нубія, Ливія и часть Сиріи, граничащая съ Дельтой, находились въ ленной зависимости отъ Египта. Никогда со временъ Хеопса страна не отличалась такимъ могуществомъ и благоденствіемъ. Но Пепи не долго пользовался своей славой. Вскорѣ по возвращеніи Уна онъ умеръ, оставивъ корону Меренрэ Харемсавъ [2]), старшему сыну отъ второй жены своей, царицы Мерирэ-Анхнесъ.

Меренрэ былъ почти ребенкомъ, когда вступилъ на престолъ [3]). Ему не пришлось вести продолжительныхъ войнъ. Блестящія побѣды его отца были еще слишкомъ живы въ памяти варваровъ,

[1]) Относительно этого названія и его произношенія см. Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire", въ „Zeitschrift", 1883, стр. 64.

[2]) Впрочемъ, прозвище его хорошо извѣстно см. Meyer Eduard „Geschichte des alten Aegyptens".

[3]) На его муміи, находящейся въ настоящее время въ Булакскомъ музеѣ, видна еще длинная прядь волосъ, которую носили въ Египтѣ молодые люди. (Масперо „Guide du Visiteur". Стр. 347. № 5249).

чтобы у нихъ явилась мысль о новомъ возстаніи. Уна, такъ много сдѣлавшій для величія предшествующаго царя, былъ утвержденъ во всѣхъ своихъ должностяхъ и получилъ еще новыя. Онъ былъ назначенъ правителемъ всѣхъ южныхъ земель, отъ Элефантины до начала Дельты: „Никогда еще ни одинъ изъ подданныхъ не достигалъ такой чести". Согласно обычаю, оставивъ всѣ другія работы, онъ тотчасъ же занялся приготовленіемъ гробницы для новаго царя. Сооруженіе погребальной пирамиды заставило его предпринять нѣсколько длинныхъ и трудныхъ путешествій по ввѣреннымъ ему землямъ. „Его Святость послалъ меня въ страну Абхатъ (Абеха) отыскать царскій саркофагъ съ крышкой и драгоцѣннымъ пирамидіономъ [1]) погребальной пирамиды Гонтханофера Меренрэ. Его Святость послалъ меня въ Элефантину, чтобы доставить оттуда гранитъ для наоса [2]) и порога, карнизовъ (?) и притолокъ (?), а также привести гранитъ для дверей и пороговъ верхней комнаты (?) пирамиды Гонтханофера Меренрэ. Я отправился за пирамидой Меренрэ съ шестью плашкотами, тремя транспортными судами, тремя плотами (?) и съ однимъ военнымъ кораблемъ; никогда еще ни при одномъ изъ предковъ, Абхатъ (Абеха) или Элефантина не сооружала военныхъ кораблей. Его Святость послалъ меня въ страну *Ганубъ*, чтобы привести оттуда большой алебастровый столъ для возліянія винъ. Я доставилъ ему этотъ столъ для возліянія въ 17 дней". Прежде чѣмъ отправить водой всѣ эти каменныя глыбы, пришлось предпринять много побочныхъ работъ, какъ-то: сооружать корабли, рыть бассейны и проводить каналы къ югу отъ Элефантины во вновь завоеванной странѣ Уауатъ. Уна навербовалъ для этого работниковъ изъ тѣхъ же черныхъ племенъ, изъ которыхъ онъ уже разъ составилъ армію при Пепи. „И вотъ правители земель Уартетъ, Уауатъ, Амамъ, Маза снабдили лѣсомъ, необходимымъ для постройки судовъ. Въ продолженіе года различныя работы были окончены, корабли, выстроенные въ Нубіи, благодаря высокимъ водамъ, прошли въ первый нильскій водопадъ и поплыли внизъ по Нилу. Въ первый разъ, можетъ быть, со временемъ Мена суда прошли не безъ труда естественную границу, отдѣляющую Египетъ отъ Эфіопіи. Царь Меренрэ самъ посѣтилъ всѣ работы и, желая объ этомъ оставить память по-

[1]) Пирамидообразная верхушка обелиска.

[2]) Naos, внутреннее пространство древнегреческихъ храмовъ.

томству, велѣлъ высѣчь во весь ростъ свое изображеніе на скалахъ Ассуана. Постройка этой пирамиды была послѣднимъ великимъ дѣломъ въ жизни Уна. Вскорѣ послѣ этого онъ умеръ, и его повелитель тоже не замедлилъ послѣдовать за нимъ въ могилу [1]).

Преемникомъ Меренрэ былъ младшій братъ его, Неферкерэ, Пепи II. Манеѳонъ говоритъ, что этотъ правитель царствовалъ 100 лѣтъ и свидѣтельство это подтверждается Туринскимъ папирусомъ, приписывающимъ одному фараону, имя котораго къ несчастью исчезло, по крайней мѣрѣ, 90 лѣтъ царствованія. Одна надпись въ Уади-Магарахъ, помѣченная 11-тымъ годомъ его царствованія, гласитъ, что онъ продолжалъ разработку синайскихъ рудниковъ и сумѣлъ отразить съ этой стороны нападенія варваровъ [2]). Съ другой стороны, число и красота гробницъ, снабженныхъ картушами этого царя, свидѣтельствуютъ, что Египетъ, въ продолженіе по крайней мѣрѣ части его столѣтняго управленія, ничего не потерялъ ни въ величіи, ни въ благоденствіи.

Со смертью же Пепи II тотчасъ начались волненія въ государствѣ, но исторія этого періода ограничивается легендами, собранными Геродотомъ и Манефономъ. Во время одного возстанія, меньше чѣмъ черезъ годъ по своемъ восшествіи на тронъ, Ментесуфисъ II Ментемсафъ (?) палъ отъ руки убійцы. Наслѣдницей его была сестра его Нитакритъ, или легендарная Нитокриса, „красавица съ розовыми щечками", ставшая, по обычаю, его женой; она твердо рѣшила отомстить за него. „Выстроивъ громадную подземную залу и пригласивъ, подъ видомъ освященія ея, къ сервированному въ ней столу многихъ египтянъ, преимущественно подозрѣваемыхъ въ подстрекательствѣ къ совершонному убійству, она во время пира велѣла впустить въ подземелье воду Нила, проведенную въ залу посредствомъ скрытаго канала. Вотъ, что разсказываютъ о ней. Послѣ этого, говорятъ, царица бросилась въ большую комнату, наполненную пепломъ, чтобы такимъ образомъ избѣжать кары" [3]).

Во время своего семилѣтняго царствованія Нитокриса окончила постройку третьей большой пирамиды, начатую царемъ Менкера. Она увеличила болѣе чѣмъ вдвое размѣры этого па-

[1]) Э. де Руже, „Recherches sur les monuments", стр. 80 и слѣд.; Эрманъ, „Commentar zur Inschrift des Una", въ Zeitschrift", 1882, стр. 1—29.

[2]) Лепсіусъ „Denkm." II, табл. 116a.

[3]) Геродотъ, II, 100.

мятника и выложила его цѣннымъ сіенитомъ, что впослѣдствіи вызывало понятное восхищеніе греческихъ, римскихъ и арабскихъ путешественниковъ. Въ самомъ центрѣ этой пирамиды, надъ комнатой, гдѣ уже болѣе 8 вѣковъ покоился благочестивый Микериносъ, была похоронена въ свою очередь и царица въ великолѣпномъ саркофагѣ изъ голубого базальта, обломки котораго теперь найдены [1]). Впослѣдствіи это дало поводъ, въ ущербъ Микериносу, положившему дѣйствительно основаніе постройкѣ пирамиды, считать исключительной строительницей пирамиды Нитокрису. Греческіе путешественники, которымъ ихъ проводники разсказывали исторію о „красавицѣ съ розовыми щечками", сдѣлали изъ принцессы куртизанку, а имя Нитокриса подмѣнили болѣе гармоническимъ именемъ Родописъ. Однажды, когда она купалась въ рѣкѣ, орелъ унесъ одну изъ ея сандалій и, полетѣвъ по направленію къ Мемфису, уронилъ ее на колѣни царя, который въ то время производилъ судъ и расправу подъ открытымъ небомъ. Царь, восхищенный оригинальностью происшествія и красотой сандаліи, велѣлъ искать по всей странѣ женщину, которой принадлежала эта сандалія, и такимъ образомъ, Родописъ сдѣлалась царицей Египта. Послѣ смерти она была похоронена въ третьей пирамидѣ [2]). Христіанское и арабское завоеваніе еще разъ измѣнили характеръ этой легенды, не исключая совершенно воспоминанія о Нитокрисѣ. „Разсказываютъ, что духъ южной пирамиды всегда появляется въ образѣ нагой, прекрасной женщины; если она пожелаетъ кому-либо внушить любовь къ себѣ, то, улыбаясь ему, очаровываетъ, манитъ къ себѣ и сводитъ съ ума; потерявъ разсудокъ, несчастный скитается по странѣ. Многіе видѣли, какъ она вилась около захода солнца надъ южной стороной пирамиды [3])". Такъ посѣщаетъ Нитокриса памятникъ, постройку котораго она докончила.

Новѣйшія изысканія придали 6-й династіи такую достовѣрность, какой не имѣютъ даже многія изъ послѣдующихъ династій. Намъ доступны пирамиды, воздвигнутыя въ Сахарѣ министромъ Уна для своихъ повелителей, и, благодаря найденнымъ въ нихъ надписямъ, мы знаемъ имена нѣкогда погребенныхъ въ нихъ госу-

[1]) Визе, „Pyramids of Gizeh", стр. 79 и слѣд.

[2]) Страбонъ, кн. XV, глава I. Сравн. Геродотъ, CXXXIV—CXXXV.

[3]) "Egypte de Murtadi fils du Gaphiphi", изъ перевода Пьера Ватье. Парижъ, MDCLXVI, стр. 65.

дарей [1]): Унасъ, послѣдній царь 5-й династіи, Тета, первый царь 6-й династіи, Пени I, Меренрэ I, Пепи II сдѣлались для насъ такими же реальными личностями, какъ и Сети I или Рамзесъ II; найдена даже мумія царя Меренрэ вмѣстѣ съ его саркофагомъ, которая хранится въ настоящее время въ Булакскомъ музеѣ [2]). Всѣ пирамиды этой группы построены по одному общему плану. Длинный, узкій корридоръ, идущій въ наклонномъ направленіи и загроможденный у входа громадными каменными глыбами, ведетъ въ небольшую комнату, родъ передней, стѣны которой или совсѣмъ голы, или испещрены длинными іероглифическими надписями. Отсюда идетъ второй горизонтальный коридоръ, прегражденный въ серединѣ своего протяженія тремя каменными рѣшетками и ведущій въ продолговатую комнату, къ которой примыкаютъ слѣва 3 низенькія, лишенныя всякихъ украшеній комнатки, а справа—покой, въ которомъ возвышается саркофагъ. Надписи въ пирамидахъ, какъ и фресковыя изображенія на стѣнахъ частныхъ гробницъ, имѣютъ цѣлью доставить умершему все необходимое въ загробномъ мірѣ,—отъ съѣстныхъ припасовъ до амулетовъ, способныхъ предохранить его отъ укушеніи змѣй и отъ злыхъ божествъ. Надписи эти образуютъ какъ бы гигантскую книгу, разрозненныя главы которой, разсѣянныя по памятникамъ минувшихъ временъ, знакомятъ насъ не только съ религіей древняго Египта, но и съ языкомъ его населенія въ самыя отдаленныя эпохи существованія страны: нѣкоторыя священныя формулы могутъ быть отнесены ко времени первыхъ династій, можетъ быть, даже до воцаренія Мена [3]).

Со смерти Нитокрисы до воцаренія 11-й династіи, прошло около пяти вѣковъ, о которыхъ исторія почти безмолвствуетъ. За это время смѣнились, быстро возвышаясь и падая, 4 династіи, не оставивши намъ ни одного памятника, на основаніи котораго можно было бы опредѣлить имена и порядокъ наслѣдованія ихъ фараоновъ. Манеѳонъ упоминаетъ еще и о 7-й мемфисской династіи, которая по одной версіи просуществовала только 70 дней, причемъ въ составъ ея вошли не менѣе 70 царей; - по другой же версіи, династія эта состояла изъ 5-ти царей, царствовавшихъ

[1]) Бругшъ, „Zwei Pyramiden mit Inschriften aus den Zeiten der VI Dynastie“, въ „Zeitshrift, 1881, стр. 1—15.

[2]) Масперо „Guide du Visiteur“, стр. 347, № 5249.

[3]) Сохранившіеся въ этихъ пирамидахъ тексты были переведены и изданы Масперо въ „Recueil de travaux“ начиная съ 1881 года.

75 лѣтъ. Затѣмъ, тотъ же историкъ указываетъ слѣдующую мемфисскую династію, 8-ю, 27 царей которой царствовали только 146 лѣтъ. Дѣйствительно, какъ ни искалѣченъ Туринскій Папирусъ, онъ тоже даетъ указанія на крайнюю непродолжительность царствованій этой эпохи. Царь Ноферка, непосредственный преемникъ Нитокрисы, царствовалъ всего два года, одинъ мѣсяцъ и одинъ день; царь Снофру II—четыре года, два мѣсяца и одинъ день; царь Абъ—два года, одинъ мѣсяцъ и одинъ день; другой царь, имя котораго осталось неразобраннымъ,—одинъ годъ и восемь дней. Незначительность этихъ чиселъ служитъ доказательствомъ безпрерывныхъ волненій и гражданскихъ войнъ, терзавшихъ въ то время Египетъ и бывшихъ, вѣроятно, причиной послѣдовавшаго затѣмъ его раздѣленія на нѣсколько независимыхъ государствъ, надъ которыми удалившіеся въ Мемфисъ правители официальной династіи сохранили только чисто номинальную верховную власть.

Наконецъ, послѣ продолжавшихся полтора вѣка волненіи и смутъ, мемфисская линія пресѣклась и мѣсто ея заняла новая династія, родомъ изъ Гераклеополиса. Гахненсутенъ [1]), Гераклеополисъ греческихъ географовъ (имя котораго, послѣдовательно измѣнявшееся въ Хининсу и Гнесъ [2]), еще теперь можно узнать въ арабской формѣ Агнасъ-эль-Мединехъ), былъ однимъ изъ древнѣйшихъ и богатѣйшихъ городовъ Египта. Расположенный въ самомъ центрѣ Гептаномиды, приблизительно въ 120-ти километрахъ къ югу отъ Мемфиса, онъ возвышался на довольно большомъ островѣ, омываемомъ съ востока водами Нила, а съ запада большимъ каналомъ, идущимъ вдоль подножія Ливійскихъ горъ. Основанный въ доисторическія времена вокругъ одной изъ наиболѣе почитаемыхъ святынь страны, городъ не имѣлъ политическаго значенія, пока одинъ изъ его правителей, имя котораго дошло до насъ въ греческой формѣ Ахтоэса (Achthoès), не извлекъ его изъ неизвѣстности и не сообщилъ ему превосходства, которое такъ долго принадлежало до этого времени Мемфису. „Онъ былъ самымъ жестокимъ изъ всѣхъ царствовавшихъ до сихъ поръ правителей и совершилъ много преступленій. Онъ кончилъ безуміемъ, и былъ растерзанъ крокодиломъ“ [3]). По его смерти, Гераклеопо-

[1]) Буквально—жилище царственнаго ребенка.

[2]) Исаія, XXX, 4; Шамполіонъ, „l'Egipte sous les Pharaons“, т. I, стр. 309—310.

[3]) Манеѳонъ, изданіе Унгера, стр. 107.

лисъ сдѣлался на нѣкоторое время главнымъ городомъ страны и далъ двѣ послѣдовательныя династіи,—9-ю и 10-ю. Отрывки Туринскаго Папируса, вторая верхняя строка Абидосской таблицы, каномъ Ератосѳена—сохранили нѣкоторыя изъ именъ этой эпохи. Полнѣйшее отсутствіе оригинальныхъ памятниковъ не позволяетъ намъ распредѣлить по династіямъ царей, картуши которыхъ дошли до насъ въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ. Царствовали ли они въ продолженіе трехъ вѣковъ, какъ утверждаютъ одни, или шести, какъ говорятъ другіе? Удалось ли распространить свое господство на всю страну, отъ перваго нильскаго водопада до Средиземнаго моря, или же они владѣли только частью Египта? Вотъ вопросы, на которые невозможно отвѣтить при современномъ состояніи знаній. Видно только, что послѣдніе изъ нихъ, послѣ безплодной борьбы съ мятежными южными провинціями, должны были подчиниться всевозрастающему могушеству ѳиванскихъ правителей, образовавшихъ, по Манеѳону, 11-ю династію.

Вотъ, составленная съ возможною полнотою, таблица династій, исторія которыхъ изложена выше:

VI Династія (элефантинская).

I. Тета въ Мемфисѣ.	I. Ὀθόης.
Ати—на югѣ.	
II. Мерира Пепи I.	II. Φιός.
III. Меренрэ I Харемсавъ.	III. Μεθέσονφις.
IV. Неферкерэ Пепи II.	IV. Φίωψ.
V. Меренрэ II Ментемсавъ.	V. Μενθέσονφις.
VI. Нитакритъ.	VI. Νίτωκρις.

VII Династія (мемфисская).

?

VIII Династія (мемфисская).

?

IX Династія (гераклеополисская).—1. Ἀχθόης.

?

X Династія (гераклеополисская).

?

ГЛАВА III.

ФИВАНСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Отъ XI до XV династіи (Средняя Имперія).

Одиннадцатая династія; начало ѳиванскаго могущества.—Двѣнадцатая династія; завоеваніе Нубіи; озеро Мѣрисъ; отъ тринадцатой до пятнадцатой династіи.

Одиннадцатая династія; начало Ѳиванскаго могущества.

Съ воцареніемъ Мена вся египетская цивилизація сосредоточилась, повидимому, въ средней части страны, между Мемфисомъ и Абидосомъ. Въ Мемфисѣ жили царственные правители, здѣсь же развились искусства и дали свои образцовыя произведенія; южные номы играли при этомъ второстепенную роль. Метрополіи ихъ были погружены въ глубокій мракъ; даже боги ихъ были до такой степени мало извѣстны, что на дошедшихъ до насъ памятникахъ первыхъ 6-ти династій мнѣ разъ только пришлось видѣть имя великаго бого Ѳивъ, Аммона, повелителя обоихъ міровъ, покровителя Египта во время завоеваній.

Когда Мемфисъ, послѣ тысячелѣтняго первенства, навсегда потерялъ свою верховную власть во время революцій, волновавшихъ царствованіе Гнесскихъ [1]) фараоновъ, начали возрождаться къ политической жизни южные города Египта: Коптосъ, Сильсилисъ и, главнымъ образомъ, Ѳивы. Первые дошедшіе до насъ южно-египетскіе памятники непосредственно примыкаютъ къ послѣднимъ памятникамъ 6-й династіи, но носятъ еще печать провинціальной грубости и нескладности. Это, обыкновенно, гробни-

1) Т. е. Гераклеополискихъ.

цы, высѣченныя въ скалѣ и расписанныя фресками, но безъ скульптурныхъ украшеній. Въ нихъ нѣтъ картинъ, изображающихъ сцены изъ египетской жизни; фрески ихъ воспроизводятъ просто нагроможденныя кучи приношеній и сопровождаются молитвенными текстами, заимствованными отчасти изъ Книги Мертвыхъ, отчасти изъ Ритуала царскихъ пирамидъ. Какъ и въ мемфисскихъ надгробныхъ камняхъ, все значеніе гробницы сводится къ памятнику (stéle); онъ принимаетъ здѣсь форму полукруглой ниши, соотвѣтствующей сводамъ погребальной часовни, въ которой онъ воздвигнутъ, и тоже служитъ для надписей и изображеній, долженствующихъ доставить усопшему всѣ необходимые для существованія предметы. На немъ же часто изображены боги, покровительству которыхъ поручается хозяинъ гробницы, со всѣми ихъ атрибутами. Обыкновенно, въ такихъ случаяхъ обращаются къ Озирису, Хнуму, Хему и особенно къ Аммону. Фта, Имготепъ, Ра, вообще всѣ мемфисскіе и гераклеополисскіе боги снизошли на степень провинціальныхъ боговъ, какъ только Мемфисъ превратился изъ столицы въ провинціальный городъ.

Одиннадцатая династія была родомъ изъ Ѳивъ. Связь ея съ Пепи Мерира еще не выяснена, но доказано, что она была родоначальницей 18-й династіи. Сначала она находилась въ вассальномъ отношеніи къ гераклеополисскимъ царямъ и только постепенно завоевала себѣ независимость. Первый изъ правителей этой династіи, имя которрго намъ извѣстно, Антефъ I (Энтефъ), не имѣлъ еще права на свой гербъ: онъ былъ простой дворянинъ („эрна“), съ такими же правами на титулы, какъ и другіе представители знатныхъ египетскихъ фамилій. Сынъ его Ментуготепъ I-й, хотя и получилъ право имѣть гербъ, но былъ еще не болѣе, какъ „Горомъ“, т.-е. владѣтелемъ части Египта, правителемъ южныхъ земель, подъ верховной властью законныхъ царей. Только черезъ три поколѣнія Антефъ IV уничтожилъ послѣдній слѣдъ вассальной зависимости и провозгласилъ себя „добрымъ богомъ“, повелителемъ обѣихъ странъ [1]). Но не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія этому титулу, думать, что авторитетъ Антефа распространился на весь Египетъ: цари Гераклеополиса еще владѣли Дельтой и, вѣроятно, не разъ давали чувствовать свою

[1]) Всѣ эти факты почерпнуты изъ легендъ Карнакской таблицы. Сравн. Приссъ д'Авенъ, „Notices sur la Salle des Ancêtres“, стр. 14—15; Э. де Руже „Lettre á M. Leemans“, стр. 5—6 и 13.

власть ѳиванскимъ монархамъ. Первымъ изъ ѳиванскихъ царей, „объединившимъ“ подъ своимъ скипетромъ „обѣ области“, былъ Ментуготепъ IV (Ра-неб-Херу), благодаря этому занявшій впослѣдствіи почетное мѣсто въ царскихъ спискахъ и неоднократно считавшійся единственнымъ представителемъ своей династіи [1]). Потомкамъ его не долго удалось удержать власть въ своихъ рукахъ, и они уступили мѣсто основателю 12-й династіи, послѣ почти полувѣковаго господства надъ всѣмъ Египтомъ [2]).

Отъ 16-ти царей, составлявшихъ первую ѳиванскую династію, какъ въ періодъ ихъ вассальной зависимости, такъ и въ періодъ величія, намъ осталось лишь нѣсколько высѣченныхъ на скалахъ плитъ, нѣсколько надгробныхъ памятниковъ, кое-какія мелочи, разбросанныя по разнымъ музеямъ Европы, да нѣсколько наполовину разрушенныхъ гробницъ. Несмотря на постоянную борьбу, которую ѳиванскіе монархи должны были вести съ гераклеополисскими царями, первые совершили нѣсколько удачныхъ экспедицій противъ сосѣднихъ народовъ Египта. Ментуготепъ III (Ра-неб-тауи) велѣлъ изобразить себя близъ Филэ побѣдителемъ тринадцати варварскихъ народовъ; Антефъ IV (Ра-неб-Хоперъ) разбилъ негровъ и азіатовъ [3]); Санкхара Амени считалъ себя предметомъ ужаса всѣхъ народовъ [4]). На самомъ дѣлѣ успѣхи ихъ были, вѣроятно, очень незначительны. На сѣверѣ и западѣ синайскія колоніи были покинуты, на югѣ завоеванія Пепи и его преемниковъ утрачены, а граница простиралась немногимъ дальше Элефантины. Обратить Нубію въ египетскую провинцію было суждено парямъ двѣнадцатой династіи. Какъ строители, цари Антефъ и Ментуготепъ оставили по себѣ мало слѣдовъ: скудныя средства, которыми они располагали даже во время своего величія, не позволяли имъ сооружать значительныхъ построекъ. Они посильно украшали свой родной городъ Ѳивы, по крайней мѣрѣ, одна надпись II-го года царствованія Ментуготепа III-го (Ра-неб-тауи) гласитъ, что этотъ правитель отправилъ экспедицію въ долину Гаммаматъ на поиски за камнемъ, необходимымъ для по-

[1]) Маріеттъ, „La Table de Saaqqarah“, стр. 6.

[2]) Всего 43 года, по Манеѳону (изданіе Унгера). Истинный смыслъ этихъ цифръ былъ открытъ Ф. Барукчи, „Discorsi critici sopra la Cronologia Egizia“; in 4⁰, Туринъ, 1844, стр. 131—134.

[3]) Бирчъ „Le Papyrus Abbott“, стр. 11—12.

[4]) Лепсіусъ, „Denkm“, II, 150, стр. 107.

строекъ, воздвигаемыхъ въ Өивахъ [1]). Единственныя, существующія до сихъ поръ, развалины этой эпохи находятся въ Драгъ-абуль-Неггахѣ на мѣстѣ некрополя. Здѣсь, именно, велѣли себя похоронить Антефъ Аа I-й, Антефъ Аа II-й, Антефъ (Ра-неб-хоперъ) IV, Ментуготепъ IV (Ра-неб-херъ) и нѣсколько ихъ преемниковъ. Эти гробницы, подвергшіяся поруганію при 20-й династіи [2]), теперь разрушены, кромѣ могилы Антефъ Аа I-го. Послѣдняя представляла изъ себя пирамиду, сложенную изъ необожженныхъ кирпичей, посредственной работы, воздвигнутую почти на границѣ пустыни. Склепъ, весь красиво выложенный известнякомъ, заключалъ въ себѣ, кромѣ невозвратно исчезнувшаго саркофага, еще памятникъ (stèle) L года, на которомъ царь изображенъ во весь ростъ, съ діадемой, „uraeus", на головѣ, окруженный 4-мя любимыми собаками [3]).

Послѣ Өивъ можетъ гордиться дѣятельностью своихъ первыхъ князей өиванскаго періода городъ Коптосъ. Расположенный при пересѣченіи дорогъ, ведущихъ къ берегамъ Краснаго моря и къ каменоломнямъ Рогану [4]), городъ этотъ началъ быстро рости съ возвышеніемъ Өивъ. Антефъ (Ра-неб-хоперъ) воздвигъ въ немъ много сооруженій, остатки которыхъ пошли въ наше время на постройку моста [5]). Ментуготепъ III (Ра-неб-тауи) особенно почиталъ мѣстнаго бога Мена [6]), одного изъ видовъ Аммона-Ра, производителя, и доказалъ свое усердіе сооруженіемъ различныхъ памятниковъ, нынѣ разрушенныхъ. Изслѣдованіе долины Гаммаматъ подало поводъ одному изъ послѣднихъ князей династіи Санкхера Амени къ болѣе дальновиднымъ соображеніямъ. Желая установить непосредственныя сношенія между Аравіей и Египтомъ, онъ послалъ одного изъ важныхъ придворныхъ сановниковъ съ порученіемъ основать колонію на берегу Краснаго моря,

---

1) Лепсіусъ, „Denkm", II, 149a; Масперо. „Les monuments égyptiens de la vallée de Hammamat", въ „Revue orientale et américaine", т. I, стр. 333 и слѣд.

2) Бирчъ, „Le Papyrus Abbott"; Шабасъ „Mélanges égyptelogiques", III-я серія, т. I: Масперо, „Une Enquête judiciaire à Thèbes".

3) Марьеттъ „Monuments divers", стр. 49; Бирчъ, „The Tablet of Antef-Aâ, II, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaelogy", IV, стр. 172—195.

4) Въ настоящее время Уадиль-Гаммаматъ.

5) Уилькинсонъ, „A Handbook for Travellers", стр. 321.

6) Иначе Хема.

весьма вѣроятно, въ окрестностяхъ Косеира [1]). Какъ видно, эти малоизвѣстные правители не были лишены иниціативы. Дальнѣйшее развитіе ихъ могущества было прервано революціями, причины и подробности которыхъ намъ неизвѣстны. Когда же Египетъ, раздѣленный въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, снова объединился подъ властью одного человѣка, царствованіе 11-й династіи уже прекратилось.

Двѣнадцатая династія; завоеваніе Нубіи; озеро Мѣрисъ.

Воцареніе новой династіи не обошлось безъ волненій. Въ первые же годы царствованія, Аменемхату I-му, который, подобно своимъ предшественникамъ, былъ өиванскаго происхожденія, пришлось бороться съ другими соискателями престола. „Это случилось послѣ вечерней трапезы", такъ говоритъ онъ въ приписываемыхъ ему „Наставленіяхъ" царю Узертезену I-му; „при наступленіи ночи, я отдался на часъ наслажденію. Я растянулся на мягкомъ ложѣ въ моемъ дворцѣ и предался покою; только-что сонъ сталъ овладѣвать мною, какъ вдругъ возмущеніе подняло оружіе противъ меня, и я сталъ такъ слабъ, какъ полевая змѣя. Тогда я проснулся, чтобы самому, своими руками защищать себя, и замѣтилъ, что я разилъ тѣхъ, кто не защищался. Взявъ нападающаго, я его обезоружилъ и этимъ сдѣлалъ его безсильнымъ даже ночью: никто не сопротивлялся болѣе, и со мной не случилось ничего дурного" [2]). Итакъ, благодаря своей настойчивости, царь восторжествовалъ. „Появлялась ли саранча, происходили ли какіе-нибудь безпорядки въ моемъ дворцѣ, высыхали ли цистерны вслѣдствіе недостаточнаго наводненія, вспоминали ли о твоей [3]) молодости, чтобы дѣйствовать (противъ меня),—я никогда не отступалъ съ самаго дня своего рожденія" [4]). Война, на-

---

1) Лепсіусъ, „Denkm.", II табл., 150a; Шабасъ, „Voyage d'un Egyptien", стр. 57; Масперо, „Sur quelques navigations des ègyptiens", стр. 8—10.

2) „Papyrus Sallier", II, табл. I, строка 9; табл. III, строка 3; сравн. Дюмихенъ, Zeitschrift, 1874, стр. 30 и слѣд.

3) Аменемхатъ говоритъ это своему сыну.

4) Ibid, II, табл. III, строка 4—6. Сравни полный переводъ этого текста, сдѣланный Масперо, „The Instructiions of King Amenemhat I unto his son Usertesen I" въ „Records of the Past", т. II, стр. 9—16, а также переводъ, сдѣланный Шакомъ (Schack), „Die Unterweisung des Koenigs Amenemhat I", in 4°, 1882—84.

конецъ, сконцентрировалась вокругъ крѣпости Титоуи, къ югу отъ Мемфиса. Взятіе этого города окончательно рѣшило успѣхъ войны и повлекло за собой подчиненіе всего Египта [1]).

Начиная съ этого времени Аменемхатъ неустанно заботился о томъ, чтобы исправить зло, причиненное гражданскими войнами, и отразить сосѣдніе ливійскіе, нубійскіе и азіатскіе народы, постоянные набѣги которыхъ нарушали спокойствіе Египта. „Я сдѣлалъ такъ, чте носящіе трауръ перестали носить его, и что о немъ не стало даже слышно; никто нъ видѣлъ болѣе безпрестанныхъ войнъ [2]), тогда какъ до меня люди дрались, какъ быки, не знающіе прошлаго, и ничье благосостояніе, ни невѣжды, ни ученаго, не было обезпечено“ [3]). „Я велѣлъ вспахать страну до Абу [4]); я распространилъ радость до Атгу [5])... Я творецъ трехъ сортовъ зернового хлѣба, другъ Непра [6]). Нилъ по моимъ молитвамъ разлился по всѣмъ полямъ: при мнѣ не было голодныхъ, не было жаждущихъ, потому что всѣ дѣйствовали по моимъ приказаніямъ,—и все, что я ни говорилъ, было лишь новымъ поводомъ для любви. Я побѣдилъ льва и взялъ крокодила; я покорилъ Уаратъ [7]), я увелъ въ рабство Матіу [8]); я заставилъ азіатовъ слѣдовать за собою, какъ борзыхъ собакъ“ [9]). Въ Нубіи царь снова открылъ золотые рудники, заброшенные со временъ Пепи.

Аменемхатъ I-й при восшествіи своемъ на престолъ не былъ уже молодымъ человѣкомъ и послѣ 19-лѣтняго царствованія передалъ власть сыну своему Узертезену I-му, который съ этихъ поръ дѣлилъ съ нимъ царскіе тутулы [10]). „Изъ подданнаго, какимъ ты былъ, я возвысилъ тебя и далъ тебѣ возможность пользоваться своими руками, чтобы этимъ ты могъ внушать страхъ.

[1]) Это мое толкованіе отрывка изъ царскаго Туринскаго Папируса, въ которомъ упоминается названіе Титоуи.

[2]) Буквально: большаго поля для того, чтобы драться.

[3]) „Papyrus Sallier“ II, табл. I, стр. 7—9.

[4]) Элефантина—южная граница Египта.

[5]) Адгу или Ну-Адгу, Ναφώ Геродота, въ области Дельты, а также сама Дельта.

[6]) Божество сѣмянъ.

[7]) На XXIX году своего царствованія (Бругшъ, „Die Negerstämme“, въ „Zeitschr.“, 1881, стр. 30.

[8]) Народъ Ливіи.

[9]) „Papyrus Sallier“, II, табл. II, стр. 7, табл. III, стр. 1.

[10]) Марьеттъ, „Abydos“, т. II, табл. 22.

Что же касается меня, то я одѣлся въ тончайшія ткани своего дворца, чтобы походить на растеніе моего сада, и надушился благовоніями, чтобы они исходили изъ меня, какъ вода изъ моихъ цистернъ“ [1]). Спустя нѣсколько лѣтъ, старый царь до такой степени стушевался, что нерѣдко забывали писать на памятникахъ его имя рядомъ съ именемъ его сына [2]). Запершись въ своемъ дворцѣ, онъ ограничился ролью совѣтника, въ которой повидимому, не мало содѣйствовалъ благоденствію Египта. Слава, которую онъ снискалъ себѣ своею мудростью, была такъ велика, что одинъ книжникъ, приблизительно его современникъ, сочинилъ отъ его имени маленькій памфлетъ, въ которомъ царь, „подымаясь, подобно богу“, обращается къ сыну своему съ наставленіями, какъ надо управлять. „Выслушай мои слова. Ты царствуешь надъ обоими мірами, ты управляешь 3-мя областями [3]). Дѣйствуй еще лучше, чѣмъ твои предшественники. Поддерживай доброе согласіе между собою и твоими подданными, чтобы они не поддались страху; не уединяйся среди нихъ; не переполняй своего сердца; не называй братомъ своимъ только богатаго и знатнаго, но и не приближай къ себѣ первыхъ встрѣчныхъ, дружба которыхъ еще не испытана“ [4]). Въ подтвержденіе своихъ совѣтовъ старый государь даетъ краткое описаніе своей жизни, выдержки изъ котораго я уже привелъ выше. Это небольшое сочиненіе, содержащее не болѣе трехъ страницъ, скоро сдѣлалось классическимъ и было въ большой чести болѣе 1000 лѣтъ: еще при 19-й династіи оно заучивалось въ школахъ, а молодые книжники списывали его, какъ образецъ слога [5]).

Но ничто такъ хорошо не рисуетъ состоянія Египта и сосѣднихъ земель въ ту эпоху, какъ нѣкоторые мѣста изъ „Воспоминаній“ одного искателя приключеній того времени, по имени Синехъ [6]). Когда онъ явился ко двору одного мелкаго азіатскаго

[1]) „Papyrus Sallier“, II, табл. I, стр. 5—7.

[2]) Напримѣръ, на двухъ памятникахъ IX-года царствованія Узертезена I-го (Louvre, с. 2, 3) и на памятникѣ VII года (Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, „Zeitschrift“, 1881, стр. 116 и слѣд.).

[3]) Оба Египта и Нубія.

[4]) „Papyrus Sallier“, II, табл. I, строк. 2—4.

[5]) Сравн. Масперо, „The Instructions of Amenemhat I unto his son Usertesen I“ (Records of the Past, t. II, 1874, in 12), списокъ рукописей, въ которыхъ дошло до насъ это сочиненіе.

[6]) Шабасъ, „Les Papyrus hiératiques de Berlin“, стр. 37—51, и Гудвинъ

владѣтеля, его начали разспрашивать о подробностяхъ жизни могущественныхъ египетскихъ царей. „Развѣ можетъ произойти хоть одинъ смертный случай во дворцѣ Аменемхата, безъ того чтобы мы не знали объ этомъ? Тогда я сталъ восхвалять царя въ поэтической формѣ... Мое изгнаніе въ эту страну было какъ бы предначертаніемъ самого бога, такъ какъ Египетъ находится въ рукахъ властелина, котораго зовутъ благодѣтельнымъ богомъ; и страхъ, который онъ внушаетъ, витаетъ надъ всѣми сосѣдними народами, какъ богиня Сехетъ надъ землей въ годину болѣзней. Я ему высказалъ свою мысль и сказалъ ему: спаси насъ. Сынъ его [1]) можетъ входить во дворецъ, потому что отецъ передалъ ему дѣла правленія; это богъ, не имѣющій себѣ равнаго; никогда никто не былъ такимъ; это совѣтникъ, мудрый въ своихъ предначертаніяхъ, благодѣтельный въ своихъ рѣшеніяхъ, который можетъ входить и выходить по произволу; онъ покоряетъ чужеземныя области и въ то время, какъ отецъ его остается въ своемъ дворцѣ, онъ возвѣщаетъ ему о своихъ завоеваніяхъ. Это храбрецъ, дѣйствующій мечомъ; это доблестный мужъ, не имѣющій себѣ равнаго; завидѣвъ варваровъ, онъ бросается на нихъ, обрушивается на грабителей. Это метатель копій, обезсиливающій руки враговъ; тому, кого поразитъ онъ, не поднять болѣе копья. Это грозный боецъ, который раскалываетъ черепа [2]), никто не можетъ противостоять ему; это быстрый гонецъ, убивающій настигнутаго бѣглеца, никто не можетъ догнать его. Это сердце, всегда готовое, когда приходитъ часъ его. Это левъ, поражающій когтями [3]) и никогда не сдающійся. Это—сердце, окутанное броней при видѣ полчищъ и ничего не оставляющее позади себя. Это храбрецъ, идущій впередъ при видѣ битвы. Это воинъ, бросающійся съ радостью на варваровъ; схвативъ свой щитъ, онъ дѣлаетъ прыжокъ и убиваетъ, не повторяя дважды удара; никто не укроется отъ его стрѣлы; ему не нужно натягивать лука,—варвары, какъ борзыя собаки, бѣгутъ отъ него. Великая богиня дала ему силу побивать тѣхъ, кто не знаетъ ея

(Goodwin), „The Story of Saneha" въ „Frasser's Magazine", 1865, стр. 185—220 и Records of the Past, т. VI, стр. 131—150. Масперо, „Le Papyrus de Berlin", № 1 въ „Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne". т. III, стр. 68—82, и въ „Contes populaires de l'ancienne Egypte", стр. 96-134.

1) Узертезенъ I-й.

2) Дословный переводъ: „моющій лица".

3) Буквально: „это разитель когтями".

имени; настигнувъ кого-нибудь, онъ не щадитъ, и не оставляетъ никого въ живыхъ. Это превосходный другъ [1]), сумѣвшій овладѣть расположеніемъ страны, въ которой любятъ его больше, чѣмъ себя, и радуются ему болѣе, чѣмъ богу; мужчины и женщины торопятся воздавать ему почести. Онъ царь, онъ управляетъ страной съ незапамятныхъ временъ. Съ самаго своего рожденія онъ умножаетъ количество рожденій; онъ единственное существо божественнаго происхожденія, владычеству котораго радуется земля. Это правитель, расширяющій границы своихъ владѣній, ему предстоитъ овладѣть страной юга, но онъ не трогаетъ страны сѣвера. Онъ подчинилъ себѣ азіатовъ и покорилъ Немmеша" [2]). Египтяне привыкли смотрѣть на Узертезена I, какъ на дѣйствительнаго царя, даже при жизни его отца, благодаря тому, что онъ былъ его соправителемъ. Вотъ почему послѣ смерти Аменемхата, царствовавшаго 30 лѣтъ [3]), изъ которыхъ послѣдніе 10 лѣтъ онъ былъ только соправителемъ своего сына, такое щекотливое событіе, какъ переходъ престола въ новой династіи отъ основателя династіи къ его непосредственному преемнику, совершился незамѣтно, безъ волненій. Съ этихъ поръ примѣру Аменемхата I слѣдовало большинство его преемниковъ. Послѣ 42-хъ лѣтъ царствованія, Узертезенъ I пріобщилъ къ дѣламъ правленія сына своего, Аменемхата II [4]), а послѣдній, спустя 32 года, раздѣлилъ власть съ Узертезеномъ II-мъ [5]).

---

1) Буквально: семуръ (semour), что, въ переводѣ на греческій языкъ означаетъ „другъ царя" (φιλός βασιλικός)

2) Масперо, „Les contes populaires", стр. 108-111. Судя по формѣ этого слова, именемъ Неммеша назывались, вѣроятно, бедуины пустыни.

3) На одномъ памятникѣ Булакскаго музея стоитъ XXX-й годъ царствованія Аменемхата I и X-й г. Узертезена I (Марьеттъ, „Abydos", т. II, табл. XXII). Два другіе памятника того же музея (Марьеттъ, „Abydos", т. III, стр. 128, второй не изданъ) указываютъ только на X г. царствованія Узертезена I. Вслѣдствіи отсутствія имени Аменемхата I можно было бы заключить, что онъ умеръ на XXX-мъ г. своего царствованія и на X-мъ году царствованія своего сына, но памятники, упомянутые выше на стр. 95, прим. 6, показываютъ, что не слѣдуетъ слишкомъ полагаться на монументныя указанія такого рода. Первый Булакскій памятникъ доказываетъ, что Аменемхатъ жилъ еще во время X-го года царствованія своего сына; другіе же памятники ничѣмъ не подтверждаютъ его смерти въ этомъ именно году.

4) Лейденскій памятникъ (stèle) V 4, на которомъ помѣченъ XLIV-й годъ царствованія Узертезена I-го и II-й Аменемхата II.

5) Ассуанская молитва (proscynème), (Юнгъ, „Hieroglyphics" табл. 61),

Аменемхатъ III и Аменемхатъ IV долго царствовали вмѣстѣ [1]). Только относительно двухъ царствованій мы не имѣемъ никакихъ указаній на совмѣстное управленіе страной: это — царствованіе Узертезена III и царицы Себакнофрурэ, Скеміофрисы Манеѳона, со смертью которой пресѣклась 12-я династія, просуществовавъ двѣсти тридцать лѣтъ, одинъ мѣсяцъ и двадцать семь дней [2]).

Изъ всѣхъ египетскихъ династій, 12-я отлачается неибольшей достовѣрностью и единствомъ относящихся къ ней историческихъ свѣдѣній. Безъ сомнѣнія, мы далеко не знаемъ всѣхъ событій, случившихся при этой династіи: біографія ея восьми государей и подробности относительно ихъ войнъ еще могутъ считаться самыми неполными. Но, по крайней мѣрѣ, мы можемъ безъ перерыва слѣдить за развитіемъ ихъ политики, что даетъ намъ возможность черезъ 4000 съ лишнимъ лѣтъ возстановить Египетъ такимъ, какъ они создали его и передали своимъ преемникамъ. Будучи въ одно и то же время инженерами и солдатами, любителями искусствъ и покровителями земледѣлія, они ни на минуту не переставали работать для возвеличенія управляемой ими страны. Расширить границы имперіи въ ущербъ варварскимъ племенамъ, колонизовать среднюю часть Нильской долины отъ 1-го до 4-го водопада, регулировать систему каналовъ и, съ помощью озера Мёрисъ достигнуть болѣе правильнаго распредѣленія водъ; украсить зданіями большіе города: Геліополисъ, Ѳивы, Танисъ и сотни другихъ, менѣе извѣстныхъ, городовъ—такова была задача, которою они задались и преслѣдованіе которой передавалось отъ отца къ сыну въ продолженіе болѣе, чѣмъ 2-хъ вѣковъ. Вышедши изъ рукъ этихъ фараоновъ, Египетъ, увеличенный на цѣлую треть завоеваніемъ Нубіи, и разбогатѣвшій, благодаря продолжительному миру и хорошей администраціи, пользовался несравненнымъ благоденствіемъ. Позднѣе, во времена азіатскихъ войнъ и

помѣченная XXXV-ымъ годомъ царствованія Аменемхата II-го и III-мъ Узертезена II.

[1]) Э. де Руже, „Lettre à Leemans", стр. 17.

[2]) Числа эти взяты изъ царскаго Туринскаго папируса. Двѣнадцатая династія была сначала неизвѣстна Шамполіону, который относилъ Аменемхатовъ къ 17-й д., къ современникамъ кочевниковъ. Подъ конецъ жизни онъ созналъ свою ошибку, но открытіе это такъ и осталось въ его бумагахъ и было опубликовано только въ 1873 г. Честь исправленія этой ошибки всецѣло поэтому принадлежитъ Лепсіусу—„Ueber die Zwölfte Aegyptische Koenigsdynastie", въ „les Mémoires de l'Académie des Sciences de Berlin", 1852.

дальнихъ завоеваній, Египетъ отличался большимъ внѣшнимъ блескомъ, и слава его болѣе гремѣла въ мірѣ, но во времена Узертезеновъ страна была счастливѣе.

Два поля военныхъ дѣйствій были открыты для фараоновъ: одно—къ востоку отъ Дельты, въ Сиріи, другое—къ югу отъ Элефантины, въ самой Нубіи. На востокѣ Египту, отдѣленному отъ сирійскихъ племенъ песками пустыни, казалось, нечего было опасаться. Самое большее, что ему могло угрожать, это набѣги нѣкоторыхъ варварскихъ кочевыхъ племенъ, болѣе страшные для благосостоянія отдѣльныхъ богачей, чѣмъ для безопасности страны. Чтобы защитить себя отъ этихъ набѣговъ, которыхъ было трудно избѣжать, не смотря на бдительность пограничныхъ крѣпостей, государи Древней Имперіи возвели цѣлый рядъ крѣпостей, отъ Краснаго моря до Нила, и построили стѣну, преграждавшую разбойникамъ путь въ Уади Тумилатъ [1]). Эта стѣна, заботливо поддерживаемая Аменемхатомъ I и его преемниками, служила съ этой стороны крайней границей имперіи фараоновъ. За ней начиналась пустыня и почти невѣдомый міръ для людей той эпохи. Относительно народовъ Сиріи и Палестины они имѣли самыя смутныя понятія, позаимствованныя или отъ каравановъ, или отъ моряковъ, посѣщавшихъ гавани Средиземнаго моря. Впрочемъ, иногда прибрежнымъ жителямъ Дельты приходилось видѣть въ своихъ городахъ толпы эмигрантовъ, или даже цѣлыя племена, которыя, гонимыя изъ родной страны нищетой или революціями, приходили искать убѣжища въ Египтѣ. Одинъ изъ барельефовъ гробницы Хнемготепъ въ Бени-Гассанѣ изображаетъ прибытіе толпы этихъ несчастныхъ. Въ количествѣ 37 человѣкъ, мужчинъ, женщинъ и дѣтей, они предстали передъ правителемъ нома Меги и приподнесять ему въ даръ зеленоватое притираніе, называемое мошмидъ, и двухъ откормленныхъ барановъ. Подобно египтянамъ, они вооружены луками, копьями, топорами, палицами и одѣты въ длинныя платья или въ узкіе запоны, стянутые на бедрахъ; одинъ изъ нихъ на ходу играетъ на инструментѣ, который формою своей напоминаетъ лиры древнегреческія [2]). Различныя частности ихъ одеждъ, блестящія и не лишенныя вкуса пестрыя матеріи ихъ

[1]) Шабасъ, „Les Papyrus hiératiques de Berlin", стр. 38—39, 81—82, 91.

[2]) Этотъ барельефъ былъ впервые описанъ Шамполіономъ „Monuments", т. IV, табл. CCCLXI и т. п.), который принялъ изображенныхъ на немъ эмигрантовъ за грековъ. Онъ воспроизведенъ у Лепсіуса „Denkm.", II, стр. 131—133 и Бругша („Histoire d'Egypte", стр. 63).

костюмовъ, украшенныхъ длинной бахромой, изящество большинства принесенныхъ ими съ собою предметовъ—свидѣтельствуютъ о сравнительно высокомъ развитіи ихъ цивилизаціи, хотя и уступающей египетской Уже въ то время Египетъ получалъ изъ Азіи рабовъ, благовонія, потребляемыя имъ въ такомъ большомъ количествѣ, кедровый лѣсъ и добываемыя изъ него эссенціи, драгоцѣнные камни, лазуревый камень и эмалированныя вазы, вышитыя или крашеныя ткани, монополію на которыя Халдея сохранила за собой до римской эпохи [1]).

Только въ одномъ пунктѣ азіатской территоріи фараоны 12-й династіи стремились обосноваться попрочнѣе, именно на Синайскомъ полуостровѣ, рядомъ съ мѣдными и бирюзовыми рудниками, которые разрабатывались нѣкогда государями Древней Имперіи. Устроенные въ ущельяхъ Синайскихъ горъ, военные посты защищали рабочихъ отъ нападеній бедуиновъ и, благодаря такой предосторожности, можно было приняться опять за разработку древнихъ рудныхъ жилъ, открывать новыя и вообще повести работы съ большей чѣмъ раньше энергіей [2]). Даже и тутъ цари 12-й династіи остались вѣрны своей обычной политикѣ: они завладѣли только тѣми участками земли, которые были имъ необходимы для разработки руды, предоставивъ все остальное кочевникамъ пустыни.

Изъ всѣхъ этихъ кочевыхъ племенъ, болѣе всего было извѣстно египтянамъ племя Сати или Шасу, набѣги котораго имъ часто приходилось отражать; это были наглые грабители, что доказываетъ даже имя ихъ, которымъ сами они называли себя [3]). Разсѣянные у границъ Египта и Сиріи на рубежѣ пустыни и воздѣланныхъ земель, Шасу жили, какъ современные намъ бедуины, частью грабежомъ, частью доходами отъ своихъ скудныхъ стадъ, не имѣя осѣдлости. Нѣкоторыя изъ основанныхъ ими царствъ, Эдомъ, напримѣръ, посѣщались египетскими купцами и были убѣжищемъ изгнанниковъ. Одна народная сказка, герой которой жилъ при Аменемхатѣ и Узертезенѣ I-омъ, живо рисуетъ намъ жизнь, которую вели эти изгнанники при дворахъ маленькихъ азіатскихъ шейховъ. Синехъ, вынужденный бѣжать изъ Египта по неизвѣстнымъ причинамъ, перебравшись черезъ большую стѣну, углубился въ пустыню. „Я шелъ ночью, разсказываетъ онъ, и на разсвѣтѣ, дойдя до Петена, направился къ Кимоиртъ. Меня мучила жажда, я изнемогалъ, горло у меня пересохло, и я говорилъ уже: вотъ предвкушеніе смерти. Вдругъ я воспрянулъ духомъ и напрягъ свои силы: до меня донеслись пріятные звуки голосовъ животныхъ. Я увидѣлъ бедуина и попросилъ его указать путь, который помогъ бы мнѣ удалиться отъ границъ Египта. Онъ далъ мнѣ воды: я вскипятилъ молоко и ушелъ съ бедуиномъ, чтобы присоединиться къ его племени" [1]).

Бедуины, принявшіе въ свою среду Синеха, переходя отъ одной стоянки къ другой, довели его до страны Эдомъ. Одинъ изъ начальниковъ этой страны послалъ за нимъ и пригласилъ остаться у себя. „Живи со мной, ты можешь слышать здѣсь звуки египетской рѣчи". И дѣйствительно, Синехъ встрѣтилъ здѣсь нѣсколько египтянъ, въ числѣ княжескихъ гостей [2]). Это обстоятельство побудило авантюриста обосноваться въ этой странѣ, гдѣ онъ быстро нажилъ состояніе. „Начальникъ поставилъ меня выше всѣхъ своихъ дѣтей, женилъ меня на своей старшей дочери и далъ мнѣ выбрать лучшія изъ всѣхъ принадлежавшихъ ему земель до границъ сосѣдней страны. Это прекрасная страна, по имени Аіа [3]); здѣсь растутъ фиговыя деревья и виноградъ, а вина больше, чѣмъ воды; много меду, а также оливковыхъ и разныхъ плодовыхъ деревьевъ; здѣсь есть ячмень, а пшеницы и скота неимовѣрное количество. Начальникъ оказалъ мнѣ, конечно, большое довѣріе, облекая меня властью, и сдѣлавъ главнымъ надъ однимъ изъ лучшихъ племенъ страны. Я получалъ ежедневныя порціи хлѣба, вина, вареной говядины, жареныхъ гусей, не считая мясной дичи, которую мнѣ приносили въ большемъ количествѣ, чѣмъ мои охотничьи собаки; для меня приготовлялись разные сорта масла и сыра. Я прожилъ здѣсь много лѣтъ, мои дѣти выросли храбрецами, и каждый изъ нихъ управлялъ своимъ племенемъ. Каждый путешественникъ, посѣщавшій страну, обра-

1) Сравн. съ „Aegypetn und die Bücher Moses", Эберса, т. I, стр. 228 и слѣд.

2) Лепсіусъ. „Briefe", стр. 337—338 и слѣд.

3) Слово „Шасу" происходитъ отъ семитическаго корня שסה, что значитъ—грабить, разбойничать.

1) „Берлинскій Папирусъ" № 1, строка 19—28; Масперо, Contes populaires", стр. 107.

2) Шабасъ, „Les Papyrus hiératiques de Berlin", стр. 40.

3) Слово Аіа или Іа напоминаетъ до нѣкоторой степени имя Эанъ Αιάν, даваемое древними географами округамъ, примыкающимъ къ Акабахскому заливу.

щался ко мнѣ, потому что я всѣхъ принималъ радушно: я давалъ воды жаждущему, указывалъ путь заблудившемуся, я ловилъ разбойниковъ. Я руководилъ походами Сати, направлявшихся въ далекія страны, чтобы сражаться тамъ и изгнать правителей изъ ихъ владѣній,—и они повиновались, потому что царь земли Тону заставилъ меня провести нѣсколько лѣтъ въ его странѣ въ качествѣ военачальника. Я принуждалъ жителей каждой завоеванной земли платить дань мѣстными продуктами; я бралъ ихъ стада; я захватывалъ все, что имъ принадлежало, уводилъ ихъ быковъ и убивалъ людей; они вполнѣ зависѣли отъ моего меча, моего лука, отъ моихъ походовъ и исполненныхъ мудрости намѣреній, одобряемыхъ царемъ. Послѣдній любилъ меня, зная мою храбрость; онъ поставилъ меня надъ своими дѣтьми, зная силу моей руки".

„Одинъ удалецъ изъ Тону пришелъ ко мнѣ въ палатку и вызвалъ меня на бой: это былъ знаменитый боецъ, не имѣвшій себѣ равнаго, такъ какъ онъ уничтожилъ всѣхъ своихъ соперниковъ. Онъ сказалъ: „пусть Синехъ сразится со мной, потому что ему еще ни разу не удалось поразить меня", и заранѣе радовался, что возьметъ для своего племени весь мой скотъ. Царь посовѣтовался со мной, и я сказалъ: „я не знаю его; я не братъ ему и держусь далеко отъ его жилища. Развѣ я когда-нибудь открывалъ его дверь или переходилъ черезъ ограду? Это какой-нибудь авантюристъ, желающій меня видѣть и считающій себя призваннымъ отнять у меня моихъ кошекъ, собакъ, еще болѣе моихъ коровъ, напасть на моихъ быковъ, козъ, телятъ и все это присвоить себѣ". Я натянулъ мой лукъ, приготовилъ стрѣлы, наточилъ кинжалъ, вычистилъ оружіе. На разсвѣтѣ пришелъ самъ Тону, собравъ всѣ свои племена и созвавъ всѣхъ своихъ вассаловъ: онъ хотѣлъ видѣть бой. Всѣ сердца были расположены въ мою пользу: мужчины и женщины восклицали: „ахъ!" и каждое сердце печалилось обо мнѣ; всѣ говорили „тотъ ли это храбрецъ, который можетъ бороться съ нимъ? Вотъ и противникъ со щитомъ, съ пикой, съ пучкомъ копій". Когда я вышелъ и онъ показался, я не глядѣлъ на него. Такъ какъ никто изъ насъ не двигался, онъ бросился на меня и тогда я спустилъ мой лукъ. Когда стрѣла моя вонзилась ему въ шею, онъ испустилъ страш-

---

[1]) „Берлинскій Папирусъ", № 1, строка 76—141; Масперо, „Les Contes populaires", стр. 111—115.

ный крикъ и упалъ на землю" [1]). Такова была жизнь народовъ пустыни, болѣе 4000 лѣтъ тому назадъ, такова она и теперь; разсказъ Синеха почти безъ измѣненій можетъ быть примѣненъ и къ бедуинамъ нашихъ дней.

Фараоны 12-й династіи обратили особенное вниманіе на Эѳіопію. Отсюда, дѣйствительно, Египту угрожали бродячія племена, жившія по обѣ стороны Нила и въ окружающихъ пустыняхъ. Сейчасъ же за первымъ водопадомъ, на полдорогѣ отъ второго, жили Уауатъ, исконные враги египтянъ, съ которыми пришлось имѣть дѣло еще царю Пепи. Разбитые правителями 11-й династіи и укрощенные Аменемхатомъ I-мъ, они все отступали передъ фараонами, готовые скорѣе удалиться изъ отчизны, чѣмъ покориться имъ. Еще южнѣе, у второго водопада, находились земли Гехъ и Шаадъ съ каменоломнями бѣлаго известняка [1]). Далѣе, въ пустынѣ и за вторымъ водопадомъ, блуждали сотни племенъ со странными названіями: Шемикъ, Хаса, Сусъ, Каасъ, Акинъ, Ану, Сабири, Акити, Макиса, всегда готовыя къ набѣгамъ, вѣчно разбиваемыя, но ни разу не покоренныя [2]). Племена эти принадлежали къ бѣлой расѣ Кушъ [3]), появившейся на берегахъ Чермнаго моря немного спустя послѣ мемфисскихъ завоеваній и оттѣснившей негровъ въ область Верхняго Нила [4]). Эти новые пришельцы, происходившіе отъ той же вѣтви народовъ, изъ которой вышли впослѣдствіи и финикіяне, принесли съ собою зачатки новой цивилизаціи, почти не уступающей египетской. Фараоны поняли, насколько было необходимо подчинить себѣ эти еще не успѣвшія осѣсть и окрѣпнуть племена, и обратили противъ нихъ всѣ силы страны. Благодаря необыкновенной настойчивости въ преслѣдованіи своей цѣли, имъ удалось подчинить себѣ большинство этихъ племенъ; тѣ же изъ нихъ, которыя упорно сопротивлялись, были или истреблены, или далеко отодвинуты къ югу, причемъ на мѣстѣ ихъ заведены колоніи феллаховъ. Съ тѣхъ поръ вся Нильская долина, начиная съ того мѣста, гдѣ Нилъ, покидая абессинскія равнины, входитъ въ узкое русло, проло-

---

[1]) Бругшъ. „G. Inschrift.", т. I, стр. 160.

[2]) Бругшъ, „Die Negerstämme" въ „Zeitschrift", 1882, стр. 31 и слѣд. Къ этой эпохѣ слѣдуетъ отнести имена народовъ, выбитыя на статуѣ Лувра А 18, 19, захваченной Аменготепомъ III-мъ (Деверіа, Lettre á M. A. Mariette" въ Revue archéologique", 1861, т. III, стр. 252).

[3]) Въ текстахъ слово „Кушъ" встрѣчается измѣненнымъ въ „Кишу".

[4]) Лепсіусъ „Nubische Grammatik, Einleitung", стр. XC и слѣд.

женное имъ по пустынѣ до впаденія своего въ Средиземное море, образуетъ одну имперію, населенную однимъ народомъ, который говоритъ на одномъ общемъ языкѣ, чтитъ однихъ и тѣхъ же боговъ и подчиненъ одному общему властелину.

Аменемхатъ I разбилъ племя Уауатъ [1]), сынъ его, Узертезенъ I, побѣдилъ 7 негрскихъ союзныхъ племенъ и простеръ свое могущество до Уади-Гальфа [2]), При Аменемхатѣ II земля Уауатъ была уже не болѣе, какъ египетской провинціей, управляемой, подобно остальнымъ номамъ, особымъ царскимъ чиновникомъ [3]). Узертезенъ II, повидимому, блестяще продолжалъ дѣло своихъ предшественниковъ, законченное сыномъ его, Узертезеномъ III-мъ. Этотъ государь, настолько популярный въ Египтѣ, что Манееонъ или его компиляторы отождествляли его съ Сезострисомъ греческихъ преданій и приписывали ему всемірныя завоеванія [4]), самъ сталъ во главѣ войскъ [5]) и подчинилъ окончательно всю Нубію своему владычеству. Присоединивъ землю Гехъ, онъ установилъ границу имперіи въ Семнехѣ, недалеко отъ второго водопада, что доказываетъ надпись, относящаяся къ VIII-му году его царствованія: „здѣсь находится южная граница, проведенная въ VIII-омъ году, во времена его святости, царя обѣихъ странъ, Хакери-Узертезена III, вѣчнаго животворителя, чтобы ни одинъ негръ не могъ перейти границу, спускаясь внизъ по теченію, кромѣ тѣхъ случаевъ, когда понадобится провести принадлежащій неграмъ скотъ, ихъ быковъ, козъ и барановъ“ [6]). Другая надпись XVI-го года гласитъ о томъ же запрещеніи и изъ нея

[1]) Бругшъ, „Die Negerstämme“, въ Zeitschrift“, 1882, стр. 32; сравн. выше стран. 96.

[2]) Памятникъ Флорентинскаго музея, Розеллини, „Monumenti storici“, т. XXV, n⁰ 4; Шампольонъ, „Monuments“, т. 1, табл. I, и „Notices“, т. 1, стр. 692 и слѣд.; Беранъ (Berend), „Principaux monuments du Musée égyptien de Florence“, стр. 51—52.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.“ II, 123, а; Бирчъ, въ „Zeitschrift“, 1874, стр. III и слѣд.

[4]) Это мнѣніе было подвергнуто критикѣ въ одной изъ первыхъ замѣтокъ Э. де Руже: Deuxiéme lettre á M. Alfred Maury sur le Sésostris de la douziéme dynastie de Manéthon“.

[5]) Экспедиція VIII года, у Бирча, „Zeitschrift“, 1875, стр. 50 и слѣд.; экспедиція XIX г. у Масперо, Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne“, т. II, стр. 217—219.

[6]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 136, i.

мы узнаемъ, что „его святость позволилъ соорудить свою статую на утвержденной имъ границѣ“ [1]).

Ни одно мѣсто не могло служить Египту лучшимъ оплотомъ противъ вторженій съ юга. Большая цѣпь гранитныхъ скалъ, пересѣкающихъ здѣсь долину въ перпендикулярномъ направленіи и образующая цѣлую серію пороговъ, пробраться черезъ которые возможно только во время разлива рѣки, защищала страну отъ нападенія всякаго флота, который пытался бы проложить себѣ здѣсь путь. На обоихъ берегахъ Нила, на спускающихся отвѣсно къ рѣкѣ скалахъ, Узертезенъ III построилъ крѣпость, которой было суждено окончательно подчинить себѣ и рѣку, и долину. Построенныя изъ необожженныхъ кирпичей, какъ и всѣ военныя сооруженія той эпохи, укрѣпленія эти были снабжены не только высокими стѣнами и массивными башнями древнихъ цитаделей, но и эскарпомъ, рвомъ, контръ-эскарпомъ и гласисомъ крѣпостей позднѣйшихъ временъ и долго могли выдерживать всевозможные роды аттаки, какими только располагали въ то время. Въ ихъ оградѣ находился храмъ, посвященный основателю, и многочисленныя жилыя постройки, нынѣ разрушенныя [2]).

Съ этихъ поръ экспедиціи, отправляемыя египетскими монархами за предѣлы Семнеха, не имѣли въ виду завоеваній и ограничивались взиманіемъ дани и провозглашеніемъ, всегда недостаточно прочной, верховной власти Египта. Такими-то побѣдами надъ эѳіопскими неграми хвалится и Аменемхатъ III, ничего не упоминая о новыхъ завоеваніяхъ [3]). Фараоны довольствовались укрѣпленіемъ и украшеніемъ вновь присоединенной области. Узертезенъ III основалъ въ ней, немного южнѣе Элефантины, городъ, который назвалъ по своему имени Геру-Хакери, что значитъ „пути Хакери, а также построилъ вдоль рѣки столько полезныхъ сооруженій, что послѣ его смерти ему стали воздаваться въ Семнехѣ [4]) божескія почести и культъ его просуществовалъ болѣе 10 вѣковъ наравнѣ съ культомъ Дудуна, Анукита, Хнуму и дру-

[1]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 136, h. Эти надписи, попорченныя путешественниками, желавшими увезти ихъ, находятся въ Булакскомъ музеѣ съ декабря 1883 года.

[2]) Де-Вогюэ, „Fortifications en Semnéh de Nubie“, въ „Bulletin archéologique de l'Athénaeum français“, 1855, стр. 81 и слѣд.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 138.

[4]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 136, b; Бругшъ, „G. Insch.“, т. I, стр. 46; де-Руже, „Inscriptions des rochers de Semnéh“, стр. 2—3.

гихъ мѣстныхъ боговъ. Его храмъ, разрушенный въ началѣ 18-й династіи, былъ возстановленъ Тутмесомъ III и сохранился до нашихъ дней. Сынъ его и преемникъ, Аменемхатъ III, выстроилъ важную крѣпость [1]) противъ Псельксиса. У него явилась также мысль записывать высоту, какой достигала рѣка у Семнеха во время своего разлива, и замѣтки его по этому поводу, записанныя на сосѣднихъ скалахъ, принадлежатъ къ числу любопытнѣйшихъ и важнѣйшихъ памятниковъ его царствованія [2]).

Собравшіеся въ Семнехѣ египетскіе инженеры составляли эти записи не изъ одного простого любопытства. Они занимались вычисленіями для тѣхъ изъ своихъ собратій, которымъ было поручено завѣдываніе каналами. Очевидна вся важность задуманной работы въ странѣ, гдѣ успѣхъ культуры зависитъ отъ распредѣленія водъ на поверхности почвы, вслѣдствіе чего цари не переставали изыскивать всевозможныя средства для избѣжанія послѣдствій то чрезмѣрнаго, то недостаточнаго наводненія. Еще Узертезенъ I построилъ плотины вдоль западнаго берега рѣки, куда съ особенной силой направлялась вода, а его преемники, не смотря на отвлекавшія ихъ нубійскія войны, проявляли тѣмъ не менѣе дѣятельную заботливость о распредѣленіи нильскихъ водъ. Но Аменемхатъ III всѣхъ ихъ превзошелъ широтой своихъ замысловъ и тѣмъ умѣньемъ, съ которымъ онъ доводилъ до конца самыя гигантскія предпріятія. Недовольный, вѣроятно, незначительными результатами, какіе получались отъ резервуаровъ небольшихъ размѣровъ, которые, какъ и теперь были расположены вдоль Нила, — онъ составилъ проектъ замѣнить ихъ или, по крайней мѣрѣ, дополнить громаднымъ резервуаромъ, въ которомъ сохранялся бы избытокъ воды послѣ обильныхъ наводненій до того времени, когда недостаточный разливъ Нила станетъ угрожать засухой странѣ. Этотъ бассейнъ, одно изъ чудесъ древняго Египта, имѣлъ нѣсколько названій: Гунитъ, (наводненіе) [3]); затѣмъ Мири (въ точномъ смыслѣ озеро), отъ котораго греки стали называть бассейнъ „Мерисъ“, наконецъ, Ф—іумъ (море), названіе, передѣланное арабами въ Файюмъ и

[1]) Приссъ д'Авеннъ, въ „Les inscriptions des mines d'or“, Шабаса, стр. 13—14.

[2]) Лепсіусъ, „Brief an Ehrenberg“, въ „Monatsberichte“, Берлинской Академіи, 1845; „Denkm.“, II, 139.

[3]) Булакскій Папирусъ, № 2.

перенесенное ими и на провинцію, въ которой находился этотъ резервуаръ нильскихъ водъ [1]).

Въ нѣсколькихъ миляхъ выше Мемфиса, Ливійская цѣпь вдругъ прерывается и открываетъ входъ въ долину, которая сначала сжата съ обѣихъ сторонъ горами, какъ стѣнами, но по мѣрѣ протяженія къ западу все расширяется и образуетъ, наконецъ, родъ амфитеатра. „Въ центрѣ тянется обширная плоская возвышенность, высота которой надъ уровнемъ моря соотвѣтствуетъ высотѣ египетскихъ равнинъ; въ западной же части значительное пониженіе почвы образуетъ котловину, наполненную водами естественнаго озера, имѣющаго болѣе 10 миль въ длину, Биркетъ Керунъ“ [2]). Мѣстность эта представляла два существенныя преимущества для устройства здѣсь превосходнаго резервуара: съ одной стороны, она была настолько удалена отъ Нила, что воды наводненія непосредственно не достигали ея; съ другой, — она, тѣмъ не менѣе, была не выше уровня нильской долины. Поэтому Аменемхату III не пришлось даже дѣлать глубокихъ выемокъ; онъ только обвелъ часть центральнаго плоскогорія плотинами, достаточно крѣпкими для того, чтобы сдержать напоръ воды и помѣшать ей стекать въ сторону западнаго пониженія долины, а также достаточно высокими, чтобы вода во время сильныхъ наводненій не затопляла ихъ. Остатки этихъ плотинъ существуютъ и понынѣ между современными городами Иллагунъ и Мединетъ-эль-Файюмъ. Онѣ доходили до 50 метровъ въ ширину и до 3 съ половиной метровъ въ вышину [3]); вопреки мнѣнію Геродота, утверждавшаго, что озеро Мёрисъ занимало 90 миль, пространство, заключенное внутри этихъ плотинъ, составляло не болѣе 30 миль [4]). Два канала, снабженные шлюзами, соединяли резервуаръ съ Ниломъ и регулировали входъ и выходъ воды [5]). Одинъ изъ нихъ соединялся съ рѣкой нѣсколько южнѣе другого, простираясь въ видѣ діагонали вдоль Ливійской цѣпи горъ, приблизительно по направленію теперешняго Баръ-Юсуфа; другой примыкалъ къ Нилу много ниже по его теченію, къ западу отъ Файюма, и, вѣроятно, находился на мѣстѣ вспомогательнаго канала, ко-

[1]) Шампольонъ, „L'Egypte sous les Pharaons“, т. I, стр. 323.

[2]) Маріеттъ, „Aperçu de l'histoire d'Égypte“, стр. 33.

[3]) Лепсіусъ, „Briefe“, стр. 81.

[4]) Геродотъ, II, CXLIX; сравн. Линанъ-Бей, „Mémoire sur le lac Moeris“

[5]) Страбонъ, I, XV, глава 1.

торый въ настоящее время соединяется съ Ниломъ близъ Бени-Суэфа. Вѣроятно, въ точкѣ пересѣченія этихъ каналовъ были устроены шлюзы, и во время низкихъ водъ открыта была только сѣверная вѣтвь этихъ искусственныхъ протоковъ [1]). Во время умѣреннаго разлива канала, вода, собранная въ озерѣ и спускаемая по мѣрѣ надобности, поддерживала уровень рѣки на необходимой высотѣ во всемъ среднемъ Египтѣ и по лѣвому берегу Нила до самаго моря. Въ слѣдующемъ году, если наводненіе угрожало городамъ и даже деревнямъ Дельты, возведеннымъ на искусственныхъ насыпяхъ, или, если вода долго застаивалась въ низкихъ мѣстахъ и угрожала обратить ихъ въ болота,—излишекъ воды направлялся въ озеро Мёрисъ и сохранялся тамъ до того времени, пока рѣка не начинала убывать. Посреди озера возвышались, по преданію, двѣ пирамиды, увѣнчанныя каждая колоссальной сидячей статуей, изъ которыхъ одна изображала царя Аменемхата, другая царицу, его жену [2]). Казалось, съ высоты этого пьедестала старый фараонъ владычествуетъ надъ дѣлами рукъ своихъ и вѣчно созерцаетъ страну, благосостояніе которой онъ упрочилъ.

Этотъ громадный и самый полезный трудъ изъ всѣхъ, которые когда-либо предпринимались египетскими государями, обыкновенно приписывается одному Аменемхату III [3]). Я нисколько не сомнѣваюсь въ томъ, что царю этому принадлежала главная доля участія въ немъ, но не могу также отказаться отъ мысли, что и предшественники его принимали въ ней участіе, по крайней мѣрѣ, исполненіемъ подготовительныхъ работъ, необходимыхъ для такого предпріятія. Извѣстно, напримѣръ, что еще основатель 12-ой династіи Аменемхатъ I-й построилъ въ Файюмѣ монументъ, подъ развалинами котораго была найдена его статуя [4]). Узертезенъ I воздвигъ въ столицѣ нома Шоду, который греки назвали Крокодилополисомъ (при Птоломеяхъ, Арсиноэ), значительныя постройки, нынѣ разрушенныя, отъ которыхъ остались лишь обломки обелиска, возвышавшагося у входа одного изъ храмовъ этого города [5]). Аменемхатъ III, въ продолженіе своего

[1]) Уилькинсонъ, „Handbook“, стр. 238 b.
[2]) Геродотъ, II, CXLIX; Діодоръ I, 52.
[3]) Лепсіусъ, „Briefe“, стр. 81 и слѣд.; Бругшъ, „Histoire d'Egypte“, I, стр. 67—68.
[4]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 118.
[5]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 119.

долгаго царствованія, сдѣлалъ для Файюма больше, чѣмъ всѣ его предшественники вмѣстѣ. Если онъ и не основалъ Крокодилополиса, какъ это утверждаютъ нѣкоторые классическіе авторы [1]), то, во всякомъ случаѣ, украсилъ его своими памятниками, а созданіемъ озера Мёрисъ сообщилъ ему небывалое до сихъ поръ значеніе. Онъ утвердилъ свою столицѣ въ этой странѣ и построилъ себѣ здѣсь дворецъ и гробницу въ одно время [2]). Дворецъ, который послѣ смерти своего основателя превратился въ храмъ, сталъ называться Лопе-ро-гунитъ, т. е. храмъ, построенный у входа въ озеро, изъ чего греки впослѣдствіи сдѣлали названіе Лабиринтъ [3]).

Лабиринтъ возвышался на небольшомъ плато, къ востоку отъ озера, противъ древняго Крокодилополиса. Это было массивное и обширное четыреугольное зданіе, около 200 метровъ въ длину и 170 въ ширину [4]) Весь фасадъ его, выходившій на озеро Мёрисъ, былъ изъ такого бѣлаго известняка, что древніе принимали его за паросскій мраморъ; остальная часть зданія была изъ гранита [5]). Всякій, попавъ въ него, чувствовалъ себя какъ бы потеряннымъ среди запутаннаго ряда небольшихъ, темныхъ, четыреугольныхъ комнатъ, покрытыхъ, вмѣсто крышъ, цѣльными каменными глыбами и соединенныхъ такъ искусно переплетенными проходами, что иностранецъ, вздумавшій войти сюда безъ проводника, рѣшительно не могъ самостоятельно выбраться [6]) Всѣхъ покоевъ, какъ говорятъ, было 3000, изъ которыхъ половина находилась подъ землей [7]). Стѣны и потолки ихъ были покрыты изваянными на нихъ легендами и барельефными изображеніями. Здѣсь хранились эмблемы божествъ, статуи умершихъ царей [8]), а также, безъ сомнѣнія, различные цѣнные предметы, священныя одежды, систры [9]), ожерелья, эмблематическіе уборы, однимъ словомъ, всѣ вещественные принадлежности культа, которыя, благодаря

[1]) Діодоръ, I, 89, 3.
[2]) Линцей Самосскій и Демотель у Плинія, H. N. XXXVI, II.
[3]) Маріеттъ, „Papyrus de Boulaq“, I, введеніе.
[4]) Зданіе было вымѣрено на мѣстѣ членами прусской комиссіи (Лепсіусъ, „Briefe“, I I.). Полученныя при этомъ числа значительно расходятся съ числовыми данными древнихъ.
[5]) Плиній, „Hist. nat.“, XXXVI, 13.
[6]) Страбонъ, кн. XVII, глава I.
[7]) Геродотъ, II, CXLVIII.
[8]) Плиній, I, I,
[9]) Египетскіе музыкальные инструменты (родъ погремушки). Пер.

царившему здѣсь вѣчному мраку, были предохранены отъ насѣкомыхъ, мухъ, пыли и солнца. Въ центрѣ главной массы зданія находилось 12 большихъ залъ съ колоннами, расположенныхъ другъ противъ друга по шести съ каждой стороны, причемъ шесть дверей одного ряда этихъ залъ были обращены къ сѣверу, а шесть дверей другого ряда—къ югу [1]). Въ сѣверномъ углу этого (гигантскаго) четыреугольника Аменемхатъ III воздвигъ себѣ гробницу въ видѣ пирамиды изъ необожженныхъ кирпичей, выложенной камнями, покрытыми скульптурными изображеніями. Здѣсь-то, послѣ 40 слишкомъ лѣтъ царствованія [2]), онъ былъ погребенъ посреди своихъ сооруженій.

Сооруженія эти тщательно поддерживались его преемниками и просуществовали долгое время послѣ пресѣченія его рода и паденія его имперіи. Около 5-го вѣка до начала нашей эры, когда сѣверные варвары, усвоившіе уже цивилизацію, явились на берега Нила любоваться остатками медленно угасавшей великой цивилизаціи,—озеро Мёрисъ и Лабиринтъ были въ ихъ глазахъ совершеннѣйшими памятниками египетскаго искусства. „Я видѣлъ Лабиринтъ, разсказываетъ Геродотъ, и нахожу, что онъ превышаетъ свою славу. Всѣ зданія и сооруженія грековъ, вмѣстѣ взятыя, не могутъ сравниться по работѣ и по цѣнности съ этимъ Лабиринтомъ, а между тѣмъ Эфесскій и Самосскій храмы замѣчательны. Пирамиды мнѣ тоже показались выше своей славы, и каждая изъ нихъ въ отдѣльности стоитъ многихъ великихъ греческихъ сооруженій, но Лабиринтъ превосходитъ даже пирамиды [3]). Что же касается озера Мёрисъ—это нѣчто еще болѣе чудесное, чѣмъ самъ Лабиринтъ“ [4]). Дальнѣйшій разсказъ показываетъ, что имя Аменемхата III было тогда уже забыто. Греческому путешественнику серьезно разсказывали, что озеро было вырыто однимъ царемъ по имени Мёрисъ; что, желая освободиться отъ вырытой земли, ее бросали въ Нилъ, что Псаметихъ и его одиннадцать соперниковъ, задумавъ оставить общій памятникъ своего царствованія, выстроили Лабиринтъ немного выше озера Мёрисъ, противъ города Крокодиловъ. Другіе авторы замѣнили геродотовскія имена Псаметиха и Мёриса именами вымышленныхъ фараоновъ, какимъ-то Мневисомъ [1]), Имендесомъ [2]), Петесухисомъ [3]), которыхъ мы напрасно стали бы искать въ спискахъ Манеѳона. Только въ наши дни было открыто среди развалинъ имя настоящаго сооруди теля, остававшееся неизвѣстнымъ болѣ 20 вѣковъ [4]).

1) Геродотъ, II, CXLVIII.

2) Послѣдній годъ его царствованія, извѣстный по настоящее время, это XLIII.

3) Геродотъ, II, CXLVIII.

4) Геродотъ, II, CXLIX.

Рядомъ съ этими гигантскими предпріятіями, другія работы и самого Аменемхата III, и его единоплеменниковъ въ остальномъ Египтѣ не представляютъ особаго интереса. Въ Ѳивахъ Аменемхатъ и Узертезенъ I украсили большой храмъ Аммона [5]); въ священномъ городѣ Абидосѣ, Узертезенъ I-й реставрировалъ храмъ Озириса [6]). Въ Мемфисѣ Аменемхатъ III воздвигъ пропилеи съ сѣверной стороны храма Фта [7]). Въ Танисѣ Аменемхатъ I основалъ въ честь Мемфисскихъ божествъ храмъ, возвеличенію котораго неоднократно способствовали его преемники [8]). Факусъ [9]), Геліополисъ [10]), Гахнинсу [11]), Зо-

1) Плиній „Hist. nat.“, XXXVI, 13.

2) Стабронъ, кн. XVII, глава 1.

3) Плиній, I. 1.

4) Одинъ американскій путешественникъ, Уайтгоусъ (Whitehause), пробовалъ въ послѣднее время опровергнуть мнѣніе Линана (Linant), принятое большинствомъ ученыхъ („Revue archéologique“, 1882, т. I, стр. 335 и слѣд. и „Proceedings of the Society of Biblical Archaeology“, 1882, стр. 124 и слѣд.).

5) Жертвенный столъ Аменемхата I-го (Марьеттъ, „Karnak“, табл. 8 e) и рядъ статуй съ именемъ этого царя (тамъ же, табл. 8 d); камни съ именемъ Узертезена (тамъ же, табл. 8 a—c).

6) Памятникъ Ментеготепъ въ Булакѣ (Марьеттъ, „Abydos“, т. II, табл. 23; т. III, стр. 144), переводъ отчасти Лушингтона („Transactions of the Society of Biblical, Archaeology“, т. VIII, стр. 353 и слѣд.).

7) Діодоръ, I, 51.

8) Э. де Руже, „Cours au Collège de France“, 1869.

9) Гранитная дверь съ именемъ Аменемхата I-го, открытая въ Факусѣ въ іюнѣ 1883 г.

10) Освященіе храма въ Геліополисѣ въ III году царствованія Узертезена I (Л. Стернъ „The foundation of the Temple of the sun of Heliopolis“, въ „Records the of Past“, т. XII, стр. 51—57; сравн. „Zeitschrift“, 1874, стр. 85 и слѣд.). Берлинскій Папирусъ № VII представляетъ, собственно говоря, копію съ текста, написаннаго на одной изъ стѣнъ храма, построеннаго Узертезеномъ I-мъ въ Геліополисѣ (Лепсіусъ, „Denkm.“, VI, табл. 121 c; сравн. Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“ въ „Zeitschrift“, 1879, стр. 63). Обелискъ Матаріеха, вотъ, вѣроятно, все, что осталось отъ этого храма.

11) Памятникъ XIV года царствованія Узертезена III (Лепсіусъ, „Denkm.“, II, табл. 136 a).

ритъ [1]), Эдфу [2]) и другіе менѣе важные города—не были позабыты въ свою очередь. Подобно царямъ Древней Имперіи, фараоны 12-й династіи прилагали всѣ старанія, чтобы приготовить себѣ великолѣпныя гробницы. „Господинъ мой,—говоритъ одинъ книжникъ времени Узертезена I-го, по имени Мерри,—послалъ меня съ порученіемъ приготовить ему обширное вѣчное жилище. Проходы и внутренняя комната его были изъ камня, и повторяли собой чудеса божественныхъ построекъ. Внутри находились прекрасныя, какъ само небо, колонны, украшенныя скульптурными изображеніями, вырытый бассейнъ, сообщавшійся съ Ниломъ, двери и обелиски; фасадъ былъ изъ бѣлаго камня, привезеннаго изъ Руу; и возрадовался Озирисъ, господинъ Аменти, при видѣ памятниковъ моего господина, и я самъ былъ въ восторгѣ и радовался, видя результатъ своихъ трудовъ“ [3]). Погребальныя пирамиды Аменемхата III-го въ развалинахъ Лабиринта и Узертезена III въ Дашурѣ [4]) являются единственными изъ этихъ памятниковъ, просуществовавшими и понынѣ. Поэтому не царскія могилы и не общественныя зданія могутъ дать намъ понятіе объ образѣ жизни и совершенствѣ египетскаго искусства той эпохи, но катакомбы частныхъ лицъ, лучше сохранившіяся отъ хищничества завоевателей Египта и разрушающаго вліянія времени и пережившія всѣ случайности; онѣ однѣ возрождаютъ передъ нашими глазами Нильскую долину въ томъ видѣ, въ какомъ она существовала 5000 лѣтъ тому назадъ.

Чтобы лучше понять, при какихъ условіяхъ находилась въ то время страна, обратимся къ Бени-Гассану, этой усыпальницѣ наслѣдственныхъ князей нома Мега [5]). Князья эти были представителями египетскаго феодализма, о которомъ я уже говорилъ раньше. Въ смутныя времена 10-й и 11-й династій предки ихъ, вѣроятно, пользовались полной независимостью и составляли одну изъ мѣстныхъ династій, которыя, хотя и не упоминаются ни въ одной изъ оффиціальныхъ египетскихъ лѣтописей, но отличались необыкновенной живучестью и при каждой новой революціи появлялись на сцену, ослабляя авторитетъ центральной власти. Покоренные Антефами и Ментуготепомъ, не успѣвъ распространить свою власть на сосѣдніе номы, они временно удовольствовались тѣмъ, что заняли самыя высшія должности при фараонѣ, на какія только имъ позволяла разсчитывать іерархія того времени. Поэтому ничего нѣтъ интереснѣе ихъ біографій для того, чтобы составить себѣ понятіе о положеніи знатнаго сословія въ Египтѣ. Первый изъ извѣстныхъ намъ такихъ князей былъ назначенъ Аменемхатомъ I номархомъ города Менатъ-хуфу во время побѣдъ, упрочившихъ за этимъ царемъ неоспоримое господство надъ Египтомъ. Когда этотъ номархъ сдѣлался владѣтелемъ Мега, сынъ его, Нехтъ, занялъ его мѣсто въ Менатъ-хуфу съ титуломъ правителя, а послѣ смерти Нехта, не оставившаго потомства, царь Узертезенъ I сдѣлалъ наслѣдницей молодого человѣка сестру его, княжну Бикитъ. Она принесла номъ Мега въ приданое своему мужу, Нури, происходившему изъ рода князей Хмуну и этимъ удвоила его состояніе. Рожденный отъ этого брака Хнумготепъ былъ назначенъ въ ранней юности правителемъ Менатъ-хуфу, т.-е. получилъ титулъ, принадлежавшій, повидимому, каждому наслѣднику этого рода, подобно тому, какъ позднѣе, при 19-й династіи, титулъ князя Кушъ принадлежалъ наслѣднику египетскаго престола. Его женитьба на Хети, послѣдней принцессѣ 17-го нома, отдала въ его власть одну изъ плодороднѣйшихъ провинцій Гептаномиды. При его сынѣ Нехтѣ родъ этотъ достигъ апогея своего величія. Нехтъ, утвержденный во всѣхъ своихъ титулахъ, князь 17-го нома, унаслѣдованнаго имъ отъ матери, былъ сдѣланъ Узертезеномъ II правителемъ обширной области, заключавшей въ себѣ 15 южныхъ номовъ, отъ Афродитеполиса до границъ Ѳивъ [1]).

Изъ этого примѣра видно, съ какой легкостью номы, наслѣдственныя княжества, находящіеся въ рукахъ нѣсколькихъ из-

---

1) Нынѣшній Таудъ. Жертвенный столъ съ именемъ Узертезена I, (Масперо „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Zeitschrift“ 1882, стр. 123).

2) Судя по одной надписи въ большомъ храмѣ, въ которой упоминаются имена Аменемхата и Узертезена, безъ всякаго указанія на то, о которомъ именно изъ этихъ государей идетъ рѣчь въ данномъ случаѣ (Бругшъ, „Drei Festkalender“, A. кн. 25).

3) Лувръ, C. 3, кн. 4—7; сравн. Масперо, Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“ въ „Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne“, т. I, стр. 221.

4) Э. де Руже, „Examen critique“, стр. 51; еще неизвѣстно съ полной достовѣрностью, представляетъ ли пирамида въ Дашурѣ памятникъ Узертезена III.

5) Въ Гептаномидѣ. Сравн. объ этихъ князьяхъ, Масперо, „La Grande Inscription de Béni-Hassan“, въ „Recueil“, т. I, стр. 160 и слѣд.

1) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 140—143.

вѣстныхъ фамилій, переходили изъ рукъ въ руки или по наслѣдству, или какъ приданое, съ условіемъ, чтобы новый владѣтель былъ утвержденъ въ своихъ пріобрѣтеніяхъ царствующимъ государемъ. Обязанности этихъ князьковъ относительно своего сюзерена и своихъ поданныхъ были съ точностью опредѣлены: первому они платили подать и несли военную службу, относительно вторыхъ были обязаны строгимъ отправленіемъ правосудія. „Я служилъ своему господину, когда онъ шелъ побѣждать враговъ въ чужія земли. Я шелъ въ качествѣ сына начальника, камергера, генерала отъ инфантеріи и номарха Мега. Я шелъ противъ Кушъ и доходилъ до конца земли. Я препровождалъ добычу моего господина, и хвала моя дошла до неба. Когда его величество, разбивъ враговъ въ презрѣнномъ Кушѣ, возвратился съ миромъ, я пришелъ служить ему. Ни одинъ изъ моихъ солдатъ не дезертировалъ, когда я конвоировалъ продукты золотыхъ пріисковъ его святости царя Узертезена I, всегда и вѣчно живущаго. Я отправился тогда съ наслѣднымъ принцемъ, старшимъ сыномъ царя, Амени, ж. з. с. [1]); я шелъ съ четырьмя стами отборныхъ воиновъ, я вернулся съ миромъ, и ни одинъ изъ нихъ не дезертировалъ, когда я конвоировалъ продукты золотыхъ пріисковъ. Все это доставило мнѣ похвалы царей".—„Я былъ добрымъ, привѣтливымъ повелителемъ, былъ правителемъ, любящимъ свою страну... Я работалъ, и весь номъ былъ преисполненъ дѣятельности. Я никогда не обидѣлъ ребенка, не обращался дурно со вдовой, никогда не оттолкнулъ землепашца, не препятствовалъ пастуху. Не было начальника, хотя бы надъ 5-ю человѣками, отъ котораго бы я требовалъ людей для своихъ работъ. Во все мое время не было голода, не было голоднаго въ моей области даже въ годы безкормицы, потому что я вспахалъ всю землю нома Мега до самыхъ сѣверныхъ и южныхъ его границъ, и такъ распредѣлилъ областныя работы между жителями, что никто не голодалъ. Я одинаково надѣлялъ вдову и замужнюю; давая, я не предпочиталъ большихъ малымъ. Когда вода въ Нилѣ была высока, и владѣльцы полей и другихъ вещей оживлялись надеждой, я не преграждалъ пути водѣ въ каналахъ, орошающихъ поля" [2]).

[1]) Жизнь, здоровье, сила (египетскій титулъ).

[2]) Лепсіусъ, „Denkm.", II, 122. Сравн. Бирчъ, „On a remarkable inscription of the XII dynasty"; Бругшъ, „Reiseberichten", стр. 93 и слѣд.: „Georg Inschr.", стр. 111—116.

Подъ мирнымъ вліяніемъ мѣстныхъ владѣтелей, богатство страны, значительное даже въ смутныя времена, развилось до невѣроятности. Чтобы составить себѣ представленіе о кипучей дѣятельности той эпохи, нужно видѣть на стѣнахъ гробницъ Бени-Гассана или въ таблицахъ обширнаго труда Лепсіуса [1]) картины художниковъ того времени, изображающія различныя занятія и ремесла, бывшія тогда въ употребленіи. На однѣхъ картинахъ изображена запашка съ помощью быковъ или людей; сѣяніе, уравниваніе почвы посредствомъ катковъ, бороньба; сборъ и связка въ снопы льна и хлѣба, молотьба, вымѣриваніе и перевозка разныхъ продуктовъ на ослахъ или плашкотахъ; сборъ и чистка винограда, производство вина при помощи двухъ различныхъ прессовъ, разливка его въ амфоры (глиняные сосуды), установка ихъ въ погребахъ. Другія картины изображаютъ скульпторовъ за работой по камню или по дереву, стекольщиковъ, выдувающихъ бутылки; горшечниковъ за лѣпкой и обжиганіемъ сосудовъ, башмачниковъ, плотниковъ, слесарей, кожевниковъ; женщинъ, неустанно ткущихъ полотно подъ наблюденіемъ евнуховъ. Несмотря на человѣколюбіе, которымъ похваляются номархи на своихъ памятникахъ, положеніе рабочихъ было тогда изъ самыхъ тяжелыхъ. Вѣчно согбенные подъ палкою надсмотрщика, они принуждены были трудиться съ утра до вечера за скудное вознагражденіе, въ видѣ опредѣленнаго количества съѣстныхъ припасовъ, едва достаточнаго для прокормленія каждаго изъ нихъ и его семьи. „Я видѣлъ кузнеца за работой, передъ жерломъ печи", говоритъ одинъ книжникъ того времени своему сыну. „Его пальцы такъ шероховаты, какъ вещи изъ крокодиловой кожи, и пахнетъ отъ него хуже, чѣмъ отъ рыбьей икры. А работающіе надъ металлами,—развѣ у нихъ больше отдыха, чѣмъ у землепашца? Дерево—ихъ нива; металлъ—ихъ орудія. Ночью, когда предполагается, что они свободны, они все еще работаютъ, несмотря на то, что рукамъ ихъ пришлось уже такъ много дѣлать въ теченіе дня; даже ночью они бодрствуютъ при свѣтѣ факела".

„Каменотесъ ищетъ работы надъ различными твердыми камнями. Когда онъ оканчиваетъ се—руки его утомлены, онъ отдыхаетъ; такъ какъ ему приходится работать, сидя на корточ-

[1]) Лепсіусъ „Denkm.", II. табл. 120—130.

кахъ съ самаго разсвѣта,—спина его и колѣни разбиты. Цырульникъ брѣетъ до ночи: только за ѣдой онъ можетъ отдохнуть, облокотившись на столъ. Онъ бѣгаетъ изъ дома въ домъ въ поискахъ за работой; онъ утомляетъ свои руки, чтобы наполнить желудокъ, подобно пчеламъ, поѣдающимъ продукты своихъ трудовъ. Перевозчикъ спускается внизъ до Наѳо, чтобы заработать что-либо. Оканчивая одну работу за другой, настрѣлявъ гусей и фламинго, утомившись до послѣдней степени,—не успѣетъ онъ придти въ свой садъ, въ свой домъ, какъ долженъ уже снова уходить"...

„Я тебѣ скажу словами самого каменьщика, что болѣзнь подтачиваетъ его, потому что его обдуваетъ вѣтромъ въ то время, когда, при трудныхъ строительныхъ работахъ, онъ высоко привязанъ къ лотообразнымъ капителямъ зданій, чтобы достать верхушки ихъ. Руки его портятся отъ работы, одежда его въ безпорядкѣ; онъ самъ гложетъ себя; его пальцы—это его хлѣбъ; онъ моется только разъ въ сутки. Онъ долженъ унижаться, чтобы понравиться. Онъ подобенъ пѣшкѣ, переходящей съ одного квадрата шахматной доски на другой на пространствѣ 6—10 локтей; эта пѣшка, медленно передвигающаяся съ балки на балку по лѣсамъ, прикрѣпленнымъ къ лотообразнымъ капителямъ домовъ, исполняетъ тамъ всѣ необходимыя работы. Когда у него есть хлѣбъ, онъ возвращается домой и бьетъ своихъ дѣтей..."

„Ткачъ, работающій дома, несчастнѣе женщины. Его колѣни всегда находятся на высотѣ его сердца; онъ не дышетъ чистымъ воздухомъ. Если хоть одинъ день онъ не изготовитъ положеннаго количества матеріи,—его привяжутъ, какъ лотосъ на болотѣ. — Только подкупивъ привратниковъ подачками, въ видѣ кусковъ хлѣба, онъ можетъ повидать дневной свѣтъ. Оружейникъ тоже несетъ тяготу, отправляясь въ чужія земли: онъ долженъ уплатить крупную сумму заословъ, онъ долженъ уплатить большія деньги за ихъ постой въ пути. Не успѣетъ онъ вернуться въ свой садъ, пріѣдетъ ли домой вечеромъ, какъ уже снова надо отправляться въ путь. Гонецъ, отправляемый въ чужія страны, спѣшитъ завѣщать свое имущество дѣтямъ, опасаясь дикихъ звѣрей и азіатовъ. Что же ждетъ его по возвращеніи въ Египетъ? Не успѣетъ онъ пріѣхать въ свой садъ, къ себѣ домой, какъ снова надо отправляться въ путь. Уѣзжая, онъ чувствуетъ весь гнетъ нищеты; онъ радуется, если ему можно остаться. Пальцы красильщика издаютъ зловоніе, какъ тухлая рыба; глаза смыкаются отъ усталости; но рука не перестаетъ работать. Все время его проходитъ за кройкой лоскутовъ; видъ одежды внушаетъ ему отвращеніе. Сапожникъ очень несчастливъ; онъ вѣчно бѣдствуетъ; здоровье его—это здоровье дохлой рыбы; онъ грызетъ кожу, чтобы утолить голодъ" [1]).

Нельзя сказать, чтобы авторъ этихъ портретовъ польстилъ имъ; если вѣрить ему, Египетъ при 12-й династіи былъ страной нищеты. Но все это позаимствовано мной изъ письма стараго, степеннаго книжника, пристрастнаго къ своей профессіи, желающаго отвратить сына отъ всякихъ ремеслъ и убѣдить его избрать литературную карьеру. „Я видѣлъ насиліе, я видѣлъ насиліе, вотъ почему совѣтую тебѣ пристраститься къ литературѣ! Я присмотрѣлся къ ручному труду, и, дѣйствительно, ничего нѣтъ лучше литературы. Какъ погружаются въ воду, такъ ты погрузись въ книгу Кими [2]), ты найдешь тамъ подлинныя слова этого совѣта. Разъ книжникъ отправился учиться въ Сильсилисъ,—его физическая бездѣятельность не отразится на немъ. Другой будетъ кормить его; онъ ничего не дѣлаетъ, онъ отдыхаетъ".—„Я видѣлъ ремесла изображенными", такъ говорится буквально въ текстѣ, поэтому-то я хочу, чтобы ты полюбилъ литературу, свою мать; я выставляю передъ тобой всѣ ея красоты. Она важнѣе всѣхъ ремеслъ; она не праздное слово на землѣ; тотъ, кто началъ извлекать изъ нея пользу съ дѣтства, пользуется почетомъ; ему даются различныя миссіи. Тотъ, кто не идетъ по этому пути, пребываетъ въ нищетѣ" [3]).

„Кто знаетъ письмена, тотъ уже въ силу этого одного лучше тебя. Не то въ ремесленномъ трудѣ, картину котораго я развернулъ передъ тобой: тамъ товарищъ презираетъ товарища. Никогда не скажутъ книжнику: „работай за такого-то"; или: „не нарушай своихъ уставовъ". И такъ, я везу тебя въ Хену изъ любви къ тебѣ, потому что, если ты хоть день пробылъ въ школѣ, польза для тебя будетъ вѣчная; труды, которымъ тамъ предаются, такъ же незыблемы, какъ горы. Ихъ-то я хочу, чтобы ты, какъ можно скорѣй, познал и полюбилъ, такъ какъ они

---

1) Масперо, „Du genre épistolaire", стр. 50—62.

2) Любопытно, что у греко-египетскихъ алхимиковъ (Бертело въ „Nouvelle Revue", 1884) упоминается египетская книга по имени „Химасъ" или „Химисъ".

3) Масперо, „Du genre épistolaire", стр. 49—50.

удаляютъ врага“ [1]). Изученіе священныхъ письменъ и званіе книжника открывали всѣ пути: по окончаніи экзаменовъ книжникъ, смотря по способностямъ, могъ сдѣлаться жрецомъ, полководцемъ, сборщикомъ податей, правителемъ номовъ, инженеромъ, архитекторомъ. Будучи средствомъ къ блестящей карьерѣ, литература поэтому была въ большомъ почетѣ въ то время; отъ нея осталось нѣсколько отрывковъ, считавшихся классическими въ послѣдующія эпохи. Мнѣ уже не разъ приходилось ихъ цитировать почти изъ всѣхъ произведеній времени 12-й династіи, какъ напримѣръ, разсказы Синеха [2]), поученія царя Аменемхата I сыну своему Узертезену [3]), наставленія книжника Хроди, сына Дуауфа, сыну своему Пепи [4]) и прекрасный гимнъ въ честь Нила, хранящійся въ Британскомъ музеѣ [5]). По приведеннымъ мною отрывкамъ можно судить о томъ значеніи, какое эти произведенія могли имѣть въ глазахъ египтянъ.

Что касается пластическихъ искусствъ, то мы имѣемъ еще болѣе данныхъ для оцѣнки ихъ достоинствъ. Конечно, мы не можемъ въ точности возстановить храма или дворца той эпохи: время почти цѣликомъ уничтожило всѣ крупныя сооруженія, украшавшія царскіе города Египта. Однако портики гробницъ Бени-Гассана даютъ намъ возможность утверждать, что архитектура достигла въ то время высокаго развитія. Одинъ изъ этихъ портиковъ, представляющій образцовое произведеніе египетскаго зодчества, былъ украшенъ колоннами чистѣйшаго дорическаго стиля, несмотря на то, что былъ построенъ по крайней мѣрѣ за 2000 лѣтъ до появленія въ Греціи первыхъ зданій, снабженныхъ колоннами дорической архитектуры. Скульптура, хотя уступающая въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ этому великому искусству Древней Имперіи, оставила намъ столько чудесныхъ образцовъ, что невольно задаешься вопросомъ: гдѣ Египетъ находилъ столько художниковъ для ихъ исполненія? Статуи Аменемхата I и Узертезена I, найденныя Марьеттомъ въ Танисѣ, почти такъ же совершенны, какъ и статуя Хафрэ. Онѣ казались настолько прекрасными

---

1) Тамъ же, стр. 66—67.
2) Масперо. „Les Contes populaires de l'ancienne Egypte“, стр. 97—134 ср. стр. 97—98, 102—104.
3) Тамъ же стр. 94—97.
4) Тамъ же стр. 117—118.
5) Масперо, „Hymne au Nil“, in.-4⁰, Парижъ, 168. ср. стр. 11—13 этого сочиненія.

самимъ египтянамъ, что фараоны позднѣйшей эпохи, Рамзесъ II и Менефта присвоили ихъ себѣ [1]). Колосъ изъ розоваго гранита, воздвигнутый Узертезеномъ III у одной изъ дверей храма Озириса въ Абидосѣ, доказываетъ, что скульптурныя работы Верхняго Египта ни въ чемъ не уступали образцамъ этого искусства въ Дельтѣ [2]). Вообще стиль этихъ памятниковъ отличается часто даже преувеличенной смѣлостью; ноги въ особенности носятъ на себѣ слѣды бойкаго рѣзца. Всѣ мелочи, орнаменты, выгравированные іероглифы достигли такого совершенства, дальше котораго они уже не шли. Барельефы, попрежнему лишенные перспективы, какъ и въ Мемфисскій періодъ, отличаются необыкновенно тонкой работой, они расписаны яркими красками, до сихъ поръ не утратившими первоначальнаго блеска. Въ общемъ, искусство 12-й династіи мало чѣмъ уступало искусству мемфисскихъ династій. Позднѣйшіе недостатки, замедлившіе развитіе египетской скульптуры, какъ-то: условность въ передачѣ подробностей, тяжеловѣсность въ сгибахъ и традиціонная угловатость линій,—въ то время едва давали себя чувствовать. Всякій разъ, когда въ періодѣ упадка искусства происходило временное возрожденіе его, скульпторы 18-й и 26-й династій, напримѣръ, искали моделей среди произведеній 12-й и 14-й династій, стараясь воспроизвести стиль своихъ предшественниковъ.

От 13-й до 15-й династіи.

Въ послѣдніе годы Аменемхата III Египетъ находился въ періодѣ полнѣйшаго процвѣтанія. 12-я династія завоевала Нубію и возвратила прежнія завоеванія на Синайскомъ полуостровѣ, оздоровила почву, регулировала разливы Нила, украсила главные города храмами и памятниками, упрочила хорошую администрацію, и этимъ удвоила богатство страны; словомъ она закончила дѣло предыдущей династіи, намѣтившей планъ этихъ дѣйствій, и пресѣклась послѣ двухъ незначительныхъ царствованій, Аменем-

---

1) Марьеттъ, Catalogue, стр. 260—261.
2) Марьеттъ, „Abydos“, т. I, табл. 21 а., т. III, стр. 29. Въ 1884 г. было отдано приказаніе перенести этотъ колоссъ въ Булакскій Музей.

хата IV и сестры его, Себакнофрурэ. Не прошло и 13 лѣтъ съ нѣсколькими мѣсяцами со смерти Аменемхата III, какъ ѳиванецъ Себакготепъ I (Хутоуири), или Схемаузетоири, взошелъ на престолъ, начавъ собой 13-ю династію.

Династія эта продолжалась, по преданію, 453 года и насчитываетъ 60 царей, порядокъ наслѣдованія которыхъ еще въ точности не извѣстенъ [1]). За этотъ длинный промежутокъ времени она нѣсколько разъ прекращалась за неимѣніемъ наслѣдника мужской линіи, но снова возобновлялась без потрясеній, благодаря наслѣдственнымъ правамъ принцессъ, которыя передавали ихъ своимъ дѣтямъ. Себакготепъ II (Схемуазетгоуири) сынъ простого жреца, Ментуготепа, и принцессы царской крови, унаслѣдовалъ корону Египта послѣ своей матери [2]); Неферготепъ II (Хасошшури), отецъ котораго не принадлежалъ къ царствующей фамиліи, сдѣлался царемъ по правамъ своей матери, Кемы [3]). Наряду съ этими случаями мирной передачи наслѣдственныхъ правъ, можно подмѣтить указанія на нѣсколько военныхъ революцій. Большой колоссъ изъ сѣраго гранита, найденный Марьеттомъ въ Танисѣ, передаетъ намъ легенду объ одномъ фараонѣ (Смонкхери) [4]) Мермашау, т.-е. „генералѣ“... „Мнѣ нѣтъ надобности останавливать вниманіе на всей странности этого царскаго имени. Что это, въ самомъ дѣлѣ, за генералъ, довольствующійся только титуломъ для картуши своего герба, долженствующей заключать его „имя“. Главные жрецы, отнявшіе власть у послѣднихъ Рамзесовъ, дѣйствовали аналогично; но эти узурпаторы не скрывали своихъ именъ, а если и записывали свои титулы на картушахъ, коренная разница состоитъ въ томъ, что

[1]) Самая удачная изъ сдѣланныхъ до сихъ поръ попытокъ возстановить тѣ части Туринскаго Папируса, въ которыхъ перечислены цари этой и слѣдующей династій, принадлежитъ Лауту (Lauth) „Manetho und der Turiner Königspapyrus“, стр. 235 и слѣд.

[2]) Бругшъ, „Geschichte Aegyptens“, стр. 180. Родственная связь въ данномъ случаѣ доказывается нѣсколькими статуями священныхъ жуковъ, относящимися къ тому времени (Марьеттъ, „Monum. divers“, табл. 48 j.). Срав. Лувръ, стр. 8.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 151, e—h.

[4]) Э. Де-Руже читаетъ это имя Мерменфитъ. Мнѣ кажется, что во времена Древней и Средней Имперіи знакъ, входящій въ составъ этого имени, чаще всего произносили „машау“, поэтому я сохранилъ произношеніе г. Марьетта.

ихъ картуши имѣли другой характеръ“ [1]). Марьеттъ предполагаетъ въ лицѣ Мермашау мятежнаго генерала, достигшаго престола, благодаря своимъ побѣдамъ, но эта гипотеза пока еще не доказана. Бругшъ обратилъ вниманіе на то, что главный жрецъ Мендеса тоже носилъ титулъ Мермашау, и задался вопросомъ, не слѣдуетъ ли, вмѣсто признаковъ военной узурпаціи, видѣть въ этомъ имени царя слѣды узурпаціи со стороны жрецовъ [2]). Какъ бы то ни было, для разрѣшенія этого вопроса необходимы еще новыя открытія.

Но чѣмъ бы ни были вызваны перерывы въ наслѣдованіи этихъ фараоновъ, изученіе памятниковъ того времени доказываетъ, что 13 династія обезпечила Египту нѣсколько вѣковъ благоденствія. Всѣ эти Себакготепы и Неферготепы, то и дѣло попадающіеся въ спискахъ, и имена которыхъ невольно напоминаютъ 18 эфіопскихъ царей, жившихъ, по словамъ Геродота, задолго до Сабакона [3]),—сумѣли не только сохранить завоеванія своихъ предшественниковъ, но, по временамъ, даже увеличивали ихъ. Двадцать четвертый или двадцать пятый фараонъ этой династіи, Себакготепъ (Ханофирри) [5]), воздвигалъ колоссальныя статуи на островѣ Арго, въ глубинѣ Эѳіопіи, почти въ 200 киллометрахъ къ югу отъ Семнеха [6]). Внутри страны цари эти продолжали гидрографическія работы, начатыя Узертезенами и Аменемхатами. Одинъ изъ нихъ, Себакготепъ (Скемхутоуири [7]), велѣлъ измѣрять и записывать въ обсерваторіи Семнеха высоту разливовъ Нила впродолженіи 4-хъ лѣтъ своего царствованія [8]). Они прилагали всѣ старанія къ украшенію большихъ городовъ Египта и, благодаря имъ, было произведено много замѣчательныхъ работъ въ Ѳивахъ, въ большомъ храмѣ Аммона [9]), въ Бубастѣ, въ Дельтѣ, гдѣ, говорятъ, была найдена прекрасная статуя Себакготепа (Ха-

[1]) Марьеттъ, „Deuxième lettre à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis“, стр. 4—5.

[2]) Бругшъ, „Geschichte Aegyptens“, стр. 181.

[3]) Геродотъ, II, с.

[4]) Себакемсауфы—по Мейеру, „Geschichte des altens Aegyptens“.

[5]) Себекготепъ IV-й, по Э. де-Руже,—VI-й, по Бругшу.

[6]) Лепсіусъ, „Denkm.“, II, 151 i.

[7]) Совхотну III, Бругшъ, „Geschichte“, стр. 183.

[8]) Э. де-Руже, „Sur une inscription trouvée á Semneh“; Лепсіусъ, „Denkm.“, II. 151 b и d.

[9]) Статуя Себакготепа (Схемуазтоуири), найденная въ Карнакѣ Марьеттъ,

нофирри), въ настоящее время хранящаяся въ Луврѣ [1])—въ Танисѣ, изъ котораго они, повидимому, сдѣлали одну изъ своихъ любимыхъ резиденцій [2]) Абидосская святыня была для нихъ предметомъ особаго почитанія. Царь Неферготепъ (Хасошшури) сдѣлалъ въ пользу нея большія вклады [3]); царь Ранузиръ Ранматанъ заново реставрировалъ и украсилъ ее, поручивъ это дѣло одному изъ своихъ офицеровъ [4]); Себакемзауфъ (Схемуазкури) поставилъ здѣсь свою статую [5]), а частныя лица, слѣдуя примѣру своихъ государей, на щадили пожертвованій въ пользу храма Озириса. Стиль произведеній этой эпохи уступаетъ стилю произведеній 12-й династіи: пропорціональность въ чертахъ человѣческаго лица нарушается; моделировка членовъ тѣла теряетъ свою законченность и смѣлость. Но, несмотря на эти недостатки, часто мало замѣтные, большинство извѣстныхъ до сихъ поръ царскихъ статуй считаются образцовыми произведеніями, съ которыми рѣдко могли сравниться произведенія позднѣйшихъ эпохъ. Стоитъ только внимательно разсмотрѣть одинъ изъ такихъ образцовъ и припомнить, что подобные памятники были неоднократно находимы вдоль всей Нильской долины, отъ 3-го водопада до самаго устья рѣки, чтобы вполнѣ убѣдиться, что Египетъ той этохи былъ могущественной державой, объединенной подъ однимъ скипетромъ,

„Karnak", табл. 8 m), статуи Совхотпу Нибка... и Совхотпу Миркоури, нѣкогда хранившіяся въ Луксорѣ, въ домѣ, принадлежавшемъ Франціи и находящіяся въ настоящее время въ Парижѣ (Марьеттъ, „Karnak", табл. 8 k.—l); камень, найденный въ Карнакѣ съ картушами Неферготепа (Хасошшури) и Себакготепъ (Ханофирри) (Марьеттъ, „Karnak", табл. 8 n—o) и друг.

1) Лувръ, А 16; происхожденіе другой статуи того же царя (А 7) неизвѣстно.

2) Марьеттъ, „Abydos", т. II, табл. 28—30.

3) Лувръ, с. 11 и 12, переводъ Горрака (Horrack). „Sur deux stèles de l'Ancien Empire" у Шабаса, „Mélanges égyptologiques", III-я серія, т. II, стр. 203 и слѣд. Имя царя, которое я еще разъ сличилъ съ оригиналомъ, есть собственно Ранматанъ (Масперо, „Notes sur quelques de grammaire et d'histoire" въ „Mélanges", т. II, стр. 140), а не Ра-эн-Маа-ентъ (Видеманнъ, „Aegyptische Geschichte", т. I, стр. 278, № 4).

4) Въ настоящее время въ Булакскомъ музеѣ (Марьеттъ, Abydos", II, табл. 26 и III, стр. 30).

5) Марьеттъ, „Première et Deuxième lettres à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis". Сравн. Э. и Ж. де-Руже, „Inscriptions recueilles en Egypte", табл. LXXVI, надпись на этой статуѣ Себакготепъ (Ханофирри), найденная въ Танисѣ.

а не государствомъ, раздѣленнымъ на два независимыя царства [1]), или подчиненнымъ въ военномъ отношеніи пастушескимъ царямъ Дельты, какъ это утверждаютъ нѣкоторые авторы [2]).

Были ли послѣдніе годы 13-й династіи такъ же счастливы, какъ и первые? На этотъ вопросъ нельзя отвѣтить при настоящемъ состояніи науки. Списки Манеѳона доказываютъ, что около этого времени центръ тяжести египетскаго могущества, перемѣстился опять. Перевѣсъ, которымъ Ѳивы пользовались болѣе 700 лѣтъ надъ всѣмъ Египтомъ, перешелъ къ населенію Дельты. Этотъ переходъ былъ подготовленъ фараонами 12-й и особенно 13-й династіи, вслѣдствіе предпочтенія, которое они оказывали сѣвернымъ городамъ: Мендесу, Саису, Бубасту и въ особенности Танису, въ ущербъ южнымъ городамъ. Съ исчезновеніемъ этихъ фараоновъ, Ѳивы перестали быть столицей государства, и роль эта перешла на одинъ изъ городовъ Нижняго Египта—Ксоисъ. Расположенный въ самомъ центрѣ Дельты, между фатметійскимъ и себеннитскимъ рукавами Нила. Ксоисъ [3]) былъ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ страны, но игравшимъ до сихъ поръ самую незначительную роль. Онъ далъ 14-ю династію, которая насчитывала, какъ говорятъ, 75 царей, царствовавшихъ 484 года. Искаженныя имена этихъ фараоновъ покрываютъ страницы царскаго Туринскаго Папируса, но исторія ихъ неизвѣстна. Самое большее, что можно предположить, это то, что послѣдніе изъ нихъ были застигнуты революціями и гражданскими войнами, повлекшими за собою ихъ паденіе и полное разореніе страны.

1) Бругшъ, „Histoire", т. I, стр. 71—72.

2) Эта теорія, принадлежащая Лепсіусу, была съ самаго начала опровергнута де-Руже во второй статьѣ его „Examen critique", стр. 30 и слѣд. Результаты, полученные Марьеттомъ, послѣ раскопокъ въ Танисѣ, дѣлали все болѣе и болѣе труднымъ ея подтвержденіе. Тѣмъ не менѣе, Либлейнъ придерживается ея во всѣхъ своихъ трудахъ отъ „Aegyptische Chronologie", (Христіанія, 1863, стр. 61 и слѣд.) до его „ Aegiptian Religion" (Лейпцигъ, 1844, стр. 44—45).

3) Ксоисъ—нынѣшняя Саха (Шампольіонъ, „L'Egypte sous les Pharaons" т. II, стр. 211—225).

XI Династія (діосполисская).

?

XII Династія (діосполисская).

I. Шотпабри.	Аменемхатъ I.	᾿Αμενέμης.
II. Хопиркери.	Узертезенъ I.	Σεσόγχωσις.
III. Нубкоури.	Аменемхатъ II.	᾿Αμμανέμης.
IV. Хахопирри.	Узертезенъ II.	Σέσωστρις.
V. Хакоури.	Узертезенъ III.	Λαχάρης.
VI. Ранмаитъ.	Аменемхатъ III.	᾿Αμὲρης.
VII. Махроури.	(Аменемхатъ IV).	᾿Αμενὲμης.
VIII. Себакнофрурэ.		Σκεμίοφρις.

XIII Династія (діосполисская).

?

XIV Династія (ксоисская).

?

КНИГА II.

Передняя Азія до и во время Египетскаго владычества.

ГЛАВА IV.

ХАЛДЕЯ.

Первоначальное населеніе Халдеи.—Сотвореніе міра, потопъ; легендарная исторія Халдеи; первые историческіе цари.—Вторженіе хананеянъ и кочевниковъ въ Египетъ.

Первоначальное населеніе Халдеи.

Къ сѣверу и востоку отъ Египта на громадномъ пространствѣ, между Средиземнымъ, Чернымъ и Каспійскимъ морями, Кавказомъ, Индомъ и морями, омывающими южные берега Азіи, смутно волновались племена различнаго происхожденія, въ большинствѣ случаевъ неизвѣстные первымъ фараонамъ. Египетъ, отдѣленный отъ нихъ пустыней и моремъ, до сихъ поръ не принималъ никакого участія въ ихъ волненіяхъ, основавъ лишь по ту сторону Синая колоніи, населенныя рудокопами, съ нѣсколькими крѣпостями для ихъ защиты. Въ то же время стѣна, пересѣкающая перешеекъ и снабженная укрѣпленными постами, служила Египту прекрасной защитой отъ азіатовъ и ихъ вторженій съ сѣвера, предоставляя его такимъ образомъ всецѣло своей судьбѣ [1]).

Нѣкоторыя изъ этихъ племенъ, не имѣвшихъ еще ни имени, ни исторіи, принадлежали, безъ сомнѣнія, къ расамъ, населявшимъ землю въ тѣ отдаленныя эпохи, давность которыхъ въ

[1]) Ср. стр. 100-ую этой книги.

состоянии опредѣлить только геологи. Большинство изъ нихъ происходило отъ болѣе благородныхъ и сильныхъ расъ, жившихъ на пространствѣ между Средиземнымъ и Каспійскимъ морями и явившихся сюда, вѣроятно, изъ степей Сѣверной Азіи въ поискахъ за болѣе мягкимъ климатомъ и болѣе плодородной почвой. Часть этихъ переселенцевъ заняла гористыя мѣстности, простирающіяся къ югу отъ Каспійскаго моря и окаймляющія Иранское плоскогоріе. Послѣднее у подножія горъ прекрасно орошено и богато лѣсомъ, но, по мѣрѣ углубленія внутрь плоскогорія, рѣки его дѣлаются все маловоднѣе и, наконецъ, теряются въ пескахъ, за исключеніемъ двухъ-трехъ, изливающихся въ большое озеро Гамунъ. За исключеніемъ береговъ рѣкъ, все пространство плоскогорія представляетъ обширную солонцеватую пустыню, почва которой состоитъ мѣстами изъ гравія, мѣстами изъ мелкаго сыпучаго песка, вздымаемаго вѣтромъ въ огромныя продольныя волны,—мѣстами же изъ твердой, обожженной солнцемъ, глины. Главная масса поселенцевъ прочно утвердилась въ западной части плоскогорія, получившей впослѣдствіи названіе Мидіи. Нѣкоторыя племена ушли на западъ въ Атропатесу, Мидію и даже Малую Азію; другія пошли на югъ и осѣли по другую сторону горъ, въ равнинахъ Сузіаны и на берегахъ Тигра и Евфрата [1].

Тигръ [2]) и Евфратъ [3]) берутъ свое начало въ Арменіи, въ горной цѣпи Нифатесъ [4]), самой высокой изъ простирающихся

1) Относительно родства несемитическихъ племенъ Халдеи съ жителями Сузіаны и неарійскими племенами Мидіи, см. Опертъ „Etudes sumériennes“, стр. 83—85; Ленорманъ, „La Magie chez les Chaldéens et les Origines Accadiennes“, стр. 315 и слѣд.; Сеесъ (Sayce) „The Languages of the Cuneiform of Insriplions Elam and Media“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archeology“, т. III, стр. 465—485).

2) На аккадскомъ нарѣчіи, Идигна или Идигну, т.-е. „рѣка съ высокими берегами“—семитическая форма этого слова, происшедшая изъ разговорной формы Идигла (Гоммель, „Die Semitischen Völker und Sprachen“, т. I, стр. 446, 472), Идиклатъ или Диклатъ (Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?“, стр. 171). Классическая этимологія, по которой названіе Тигра означаетъ „стрѣла“, якобы благодаря быстротѣ теченія этой рѣки (Плиній, „Hist.-Nat.“, VI, 127; Кв. Курцій, IV, 9, 16; Страбонъ, VI, 14, 8); имѣетъ иранское происхожденіе.

3) На аккадскомъ нарѣчіи, Пура-Нуну, „большая рѣка“, сокращенное въ Пура и перешедшее затѣмъ въ Пуратъ, Пурату на семитическомъ халдейскомъ нарѣчіи (Деличъ, op. c., стр. 169—170).

4) Теперь Келишинъ-Дагъ.

между Понтомъ-Эвксинскимъ и Месопотаміей, единственной, достигающей въ нѣкоторыхъ мѣстахъ линіи вѣчныхъ снѣговъ. Сначала рѣки эти текутъ параллельно другъ другу: Евфратъ съ востока на западъ до Малатіэха, Тигръ съ запада на востокъ по направленію къ Ассиріи [1]). За Малатіэхомъ Евфратъ круто поворачиваетъ къ юго-западу, прокладывая себѣ путь черезъ Тавръ и какъ бы направляясь къ Средиземному морю [2]) потомъ, отклоняется къ юго-востоку и течетъ по направленію къ Персидскому заливу. По выходѣ изъ горъ, Тигръ сейчасъ же поворачиваетъ къ югу и постепенно приближается къ Евфрату; около Багдада обѣ рѣки отдѣляются другъ отъ друга только ровной, низменной полосой земли, шириною всего въ нѣсколько километровъ. Но, пробѣжавъ параллельно около 100 килом., онѣ снова расходятся и соединяются только на 300 килом. ниже, образуя своимъ сліяніемъ Шатъ-эль-Арабъ, изливающійся въ Персидскій заливъ. Въ средней части своего теченія Евфратъ принимаетъ съ лѣвой стороны два большихъ притока: Баликъ [3]) и Хабуръ [4]) которые несутъ воду съ Кораджа-Дага [5]); послѣ впаденія Хабура, до самаго устья онъ уже не имѣетъ болѣе притоковъ. Тигръ, наоборотъ, принимаетъ съ лѣвой стороны Битлисъ-Каи [6]), два Заба [7]), Адемъ [8]) и Діялехъ [9]). Обѣ рѣки судоходны въ большей части своего протяженія: Евфратъ отъ Сумензата, Тигръ отъ Моссула. Во время таянія снѣговъ, въ началѣ или срединѣ апрѣля, вода въ рѣкахъ сильно прибываетъ; онѣ разливаются и только въ іюнѣ, во время самыхъ сильныхъ жаровъ, входятъ въ обычное русло [10]).

1) Книга Бытія, II, 14.

2) Помпоній Мела, „De Situ Orbis“, III, 8; „Occidentem petit in Taurus obstet, in nostra maria venturus“.

3) По-ассирійски Балихи, греческій Билихосъ.

4) Аборрасъ или Хаборрасъ классическихъ писателей.

5) Мазіосъ у грековъ (Страбонъ, XI, 12, 4; 14, 2).

6) Кентритесъ у грековъ (Ксенофонтъ, „Анабазисъ“, IV, 3, 1).

7) Забъ верхній носилъ у ассиріянъ названіе Забу-элу, а Забъ нижній—Забу-шупалу (Деличъ, „Wo lag das Paradies?“, стр. 186), у грековъ они назывались Ликосъ и Капросъ.

8) У ассирянъ, Радану (Деличъ, op. c., стр. 186).

9) Гиндесъ или Торнадотусъ; по-ассирійски, Турнатъ.

10) Леардъ (Layard), „Nineveh and Balilon“, стр. 297; Дж. Раулинсонъ (G. Rawlinson), „The five great Monarchies“, т. I, стр. 11—13. Свидѣтельства современниковъ расходятся съ показаніемъ Геродота, по которому „рѣка не разливается сама собой на засѣянныя поля, какъ въ Египтѣ, но разливы ея производятся съ помощью машинъ“.

Бассейнъ Тигра и Евфрата не всегда имѣлъ тотъ же видъ, что въ настоящее время. Въ началѣ нашего геологическаго періода, обѣ рѣки пробѣгали пространство приблизительно въ 5 градусовъ по обширной холмистой равнинѣ вторичной формаціи, прорѣзанной нѣсколькими потоками, которые брали начало съ горъ Мазіосъ [1]). Вся эта мѣстность, вообще голая и безлюдная, была плодородно только по берегамъ рѣкъ и въ мѣстахъ, гдѣ пробивались ключи [2]). Южная окраина этой равнины составляла морской берегъ; обѣ рѣки на разстояніи 80 килом. другъ отъ друга изливались въ заливъ Наръ-Маррату [3]), ограниченный на востокѣ послѣдними склонами горъ Ирана, на западѣ же песчаными высотами, ограничивающими Аравійское плоскогоріе. Вся нижняя часть долины, сравнительно недавней формаціи, образовалась путемъ наносовъ Тигра и Евфрата, а также рѣкъ Адхема, Гиндеса и Хоаспеса, которыя оставались долгое время самостоятельными и вливались прямо въ море, не потомъ превратились въ простые притоки Тигра. Еще и теперь дельта Шатъ-эль-Араба быстро растетъ, причемъ берегъ ея увеличивается въ продолженіе 70-ти лѣтъ почти на одну англійскую милю [4]); въ древнія времена приростъ этотъ былъ, должно быть, гораздо чувствительнѣе, берегъ Дельты увеличивался приблизительно на милю въ 30 лѣтъ [5]). Поэтому, весьма вѣроятно, что въ то время, когда колонисты спустились въ долину, Персидскій заливъ находился на 40—45 миль выше, чѣмъ теперь [6]); Тигръ и Евфратъ впадали въ море на нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга и слились только нѣсколько тысячъ лѣтъ спустя.

Область наносовъ и особенно та часть ея, которая примыкала къ берегамъ Персидскаго залива, послужила пристанищемъ для первыхъ колонистовъ. Эта была обширная низменная равнина,

1) Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. I, стр. 3—4.

2) Раулинсонъ, тамъ же, т. I, стр. 182.

3) Заливъ этотъ вмѣстѣ съ Персидскимъ заливомъ, съ которымъ онъ соединяяся, носилъ названіе моря Восходящаго Солнца (Шрадеръ „Die Namen der Meere in den Assyrischen Inschriften", въ „Mémoires de l'Academie de Berlin", 1877, стр. 176—177).

4) Лофтусъ (Loftus), „Chaldea and Susiana", стр. 282.

5) Генри Раулинсонъ, „Journal of the Geographical Society", т. XXVI, стр. 186.

6) Лофтусъ, „Journal of the Geographical Society", т. XXVI, стр. 142; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. I, стр. 4—5.

монотонное однообразіе поверхности которой не нарушались ни однимъ холмикомъ. Евфратъ, плохо сдерживаемый своими берегами, давалъ вѣтви направо и налѣво, изъ которыхъ однѣ соединились съ Тигромъ, другія — терялись въ болотахъ. Та часть почвы, которая была всегда лишена воды, отвердѣвала подъ палящими лучами солнца; другая—почти совершенно исчезала подъ песчаными холмами, наносимыми вѣтромъ изъ пустыни; вся же остальная почва представляла изъ себя зараженную лагуну, покрытую громаднымъ тростникомъ, вышиною отъ 12 до 15 футовъ [1]). Но даже и въ такомъ положеніи страна давала поселенцамъ много средствъ къ существованію. Въ ней мало полезныхъ древесныхъ породъ, „такъ какъ нѣтъ ни винограда, ни фиговыхъ, ни оливковыхъ деревьевъ" [2]), но зато пшеница [3]) и финикъ составляютъ ея естественныя произведенія. „Почва тамъ такъ благопріятна для хлѣбныхъ растеній, что урожай бываетъ обыкновенно самъ 200, а въ нѣкоторыхъ, исключительно плодородныхъ мѣстностяхъ и самъ 300. Листья ржи и ячменя достигаютъ тамъ ширины въ 4 пальца. Что же касается проса и кунжута, которые являются здѣсь настоящими деревьями, я и не стану говорить о ихъ вышинѣ, хотя ихъ самъ видѣлъ, ибо я знаю заранѣе, что тѣ, кто не былъ въ землѣ Вавилонской, отнесутся съ недовѣріемъ ко всему, сказанному объ этой странѣ. Вмѣсто оливковаго масла тамъ употребляется масло, добываемое изъ кунжута" [4]). „Пальма удовлетворяетъ всѣмъ прочимъ потребностямъ народонаселенія. Изъ нея приготовляютъ родъ хлѣба, вино, уксусъ, медъ, пироги и разныя ткани; кузнецы употребляютъ ея орѣхи вмѣсто углей; эти же самыя орѣхи, только истолченныя и размоченные, служатъ для откармливанія быковъ и барановъ. Говорятъ, что существуетъ персидская пѣсня, перечисляющая до 360 различныхъ употребленій пальмы" [5]). Рѣки и болота изобилуютъ рыбой, преимущественно чебаками и кар-

1) Всѣ подробности этой картины позаимствованы изъ современнаго состоянія страны, но всѣ онѣ вполнѣ примѣнимы и къ отдаленному прошлому. Сравн. Лофтусъ, „Susiana and Chaldaea", стр. 14 и слѣд.

2) Геродотъ, I, CXCIII.

3) Берозъ, (Berose), „Fragm", I, издан. Ленормана, стр. 6.

4) Геродотъ, I, CXCIII; сравн. Θеофрастъ, „Hist. Plant", VIII, 7, и Плиній, „H. N.", XVIII, 17, 45.

5) Страбонъ, XVI, XIV; сравн. Θеофрастъ, „Hist. Plant", II, 2, и Плиній, „H. N.", XIII, 4.

пами; рыба и до сихъ поръ еще составляетъ существенную часть пищи современныхъ обитателей страны [1]). Въ одномъ только отношенiи Халдея уступаетъ Египту: въ ней нѣтъ ни плотнаго известняка, ни мрамора, ни базальта, вообще ни одной изъ тѣхъ крѣпкихъ каменныхъ породъ, которыми египетскiе художники пользовались съ такимъ успѣхомъ для своихъ работъ. Халдейскiе зодчiе принуждены были извлекать изъ почвы матерiалы для своихъ построекъ и пользовались въ широкихъ размѣрахъ кирпичемъ; поэтому, ихъ произведенiя не могли успѣшно бороться съ разрушающимъ влiянiемъ времени. Развалины ихъ построекъ представляютъ въ большинствѣ случаевъ не болѣе, какъ груды глины [2]).

Съ самаго своего появленiя на берегахъ Евфрата, Шумероаккадскiя племена, составлявшiя одно нацiональное цѣлое, знали главныя необходимыя для человѣка ремесла, имѣли письменность [3]) и вполнѣ сложившiяся законодательства и религiю. Первоначально письмена ихъ имѣли такой же чисто iероглифическiй характеръ, какъ и у Египтянъ. Каждый знакъ былъ или воспроизведенiемъ предмета, который предстояло изобразить, или же такой вещи, котокая представляла наибольшую аналогiю съ тѣмъ отвлеченнымъ понятiемъ, которое надо было передать. Такъ понятiе *богъ* передавалось изображенiемъ восьмиконечной звѣзды; понятiе *царъ* — изображенiемъ пчелы. Неискусные гравировщики и писцы исказили оба эти знака и замѣнили ихъ болѣе или менѣе безформенными знаками. Изображенiя эти искажались все болѣе и болѣе, такъ что, наконецъ, стало невозможно по получившимся сочетанiямъ чертъ или клиньевъ узнать первоначальный типъ изображаемыхъ ими предметовъ. Къ счастью, къ тому времени, когда произошло это измѣненiе, при чтенiи знаковъ не было уже необходимости распознавать тотъ предметъ, который они изображали. Знакъ звѣзды механически возбуждалъ представленiе о богѣ; послѣднее приводило на умъ читателя соотвѣтствующее этому представленiю слово „анъ“, Поэтому, знакъ звѣзды, будучи символомъ бога, означалъ въ то же время и слогъ „анъ“ во многихъ словахъ не имѣющихъ ни-

[1]) Леардъ, „Nineveh and Babylon“, стр. 567.
[2]) Перро и Шипье, Histoire de l'art dans l'antiquité, т. II, стр. 113—138.
[3]) Это было доказано Оппертомъ („Rapport adressé à Son Exc. M. le Ministre de l'Instruction publique et des cultes“, май, 1856 г., стр. 11 и слѣд.).

чего общаго съ божествомъ. Изъ соединенiя нѣсколькихъ знаковъ образовались слова, отдѣльные звуки которыхъ были названiемъ то того, то другого знака. Напримѣръ знакъ, изображающiй 3 капли воды и означающiй *воду*, читается А; знакъ звѣзды имѣлъ значенiе — *богъ* и произносился какъ „анъ“; написанные вмѣстѣ iероглифы эти (а + ан), произносились какъ „аанъ“, что значило *дождь*. Эта система представляетъ серьезныя неудобства, такъ какъ многiе знаки имѣютъ не только различное значенiе, но и различное произношенiе. Такъ, одинъ и тотъ же знакъ означаетъ: *кончать*, *старѣть*, *докончить*, *умереть*, *открыть*, *кровь*, *трупъ*, и читается, смотря по значенiю, *бе*, *бат*, *тил*, *пагаръ*, *ус*, — словомъ, служитъ для выраженiя многихъ самыхъ разнообразныхъ звуковъ. Изъ всѣхъ различныхъ значенiй и произношенiй, читатель, смотря по положенiю знака, сообщалъ ему то произношенiе и тотъ смыслъ, которые, по его мнѣнiю, болѣе соотвѣтствовали общему значенiю всей фразы. Вся эта полифонiя настолько затемнила смыслъ написаннаго, что часто сами ассирiяне и вавилоняне не могли разобраться. „Доказательствомъ этого могутъ служить отрывки букварей и грамматическихъ словарей, служившихъ для раскрытiя тайнъ нацiональной графической системы, которые, начертанные на глиняныхъ дощечкахъ, были найдены въ большомъ изобилiи въ развалинахъ Ниневiи. Добрая половина дошедшихъ до насъ памятниковъ клинообразныхъ письменъ состоитъ изъ руководствъ, дающихъ намъ возможность разбирать остальную половину, и мы пользуемся ими точно такъ же, какъ это дѣлали 2500 лѣтъ тому назадъ учащiеся древней страны Ассуръ“ [1]).

[1]) Фр. Ленорманъ, „Essai sur la propagation de l'alphabet phénicien“, I, стр. 48. Лѣтъ пятнадцать тому назадъ Галеви издалъ нѣсколько значительныхъ трудовъ, „Recherches critiques sur de la civilisation babylonienne“ in 8^{0}, 1876, извлеченiе изъ „Journal asiatique“ (1874—1876); „Etude sur les documents philologiques assyriens“ (1878); „Les Nouvelles Inscriptions chaldéennes et la question de Sumer et d'Accad“ (1882); „Observations sur les noms de nombre sumériens“ (1883) въ Mélanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples sémitiques“ (in 8^{0}, Парижъ. 1884); „Documents religieux de Assyrie et de la Babylonie“ (in 8^{0}, Парижъ. 1883). Онъ пытался доказать, что шумероаккадскiй языкъ не существовалъ вовсе и что тексты, которые ассирiологи считали написанными на этомъ языкѣ, были, по его мнѣнiю, на семитическомъ нарѣчiи обыкновенныхъ надписей, только для изображенiя ихъ былъ употребленъ гieратическiй алфавитъ, подчиненный особымъ, правиламъ. Система эта нашла во Францiи только одного приверженца, Гюйара, (Guyard).

Матеріальная сторона цивилизаціи была, повидимому, довольно развита уже въ самомъ началѣ. Спеціальные знаки для обозначенія простыхъ и драгоцѣнныхъ металловъ встрѣчаются въ числѣ самыхъ древнихъ іероглифовъ и доказываютъ также, что первые обитатели Халдеи были знакомы съ ремеслами литейщика и золотыхъ дѣлъ мастера. Въ самыхъ старинныхъ могилахъ находятъ золотыя, бронзовыя, даже желѣзныя вещи, ножи, топоры, косы, браслеты и серьги [1]). „Рядомъ съ этимъ встрѣчаются все еще находившіеся въ употребленіи инструменты и оружія изъ отточеннаго и полированнаго камня, — стрѣлы, топоры, молотки. Самый распространенный металлъ — это бронза; всѣ металлическіе инструменты сдѣланы изъ нея. Что же касается желѣза, оно болѣе рѣдко и принадлежитъ, повидимому, къ драгоцѣннымъ металламъ, вслѣдствіе трудности добыванія; вмѣсто инструментовъ изъ него дѣлаютъ браслеты и другія грубыя украшенія“ [2]). Образцы другихъ ремеслъ, напримѣръ, ткацкаго, не дошли до насъ. Политическое устройство и законодательство намъ почти совершенно неизвѣстны. Содержаніе единственнаго, извѣстнаго намъ отрывка древняго халдейскаго права настолько темно, что даетъ поводъ ко всевозможнымъ толкованіямъ. Самая достовѣрная гипотеза утверждаетъ, что въ немъ говорится о тѣхъ случаяхъ, когда юридическій приговоръ по отношенію къ одному члену семьи освобождаетъ другихъ отъ обязанностей относительно него и позволяетъ имъ примѣнять къ нему законъ во всей его строгости. Мужъ, которому судебный приговоръ позволяетъ развестись со своей женой, долженъ уплатить ей въ видѣ возмездія полмины серебра. Наоборотъ, если судъ давалъ право женѣ развестись съ оскорбившимъ ее мужемъ, несчастнаго бросали въ рѣку. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ сыновья могли отказываться отъ отца и матери, причемъ виновному отцу брили голову и онъ могъ быть проданнымъ въ рабы; мать же подвергалась пожизненному заключенію [3]).

---

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. I, стр. 98—99.

[2]) Фр. Ленорманъ, „Les Prémières Civilisations“, т. I, стр. 118—119.

[3]) Я придерживаюсь въ данномъ случаѣ толкованія Опперта („Journal asiatique“, 5-я серія, т. I, стр. 371 и слѣд.; „Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1879, стр. 1601—1628 и Менана (les Documents juridiques de l'Assyrie et de la Chaldée) стр. 56—59, 61—63; другіе переводы были предложены Фр. Ленорманомъ, „La Magie chez les Chaldéens“, стр. 310—312 и Гауптомъ, „Die Sümerischen Familiengesetze“, in 4⁰, VII—75, 1879.

Первоначальные жители Халдеи представляли себѣ землю въ видѣ барки, опрокинутой углубленіемъ внизъ [1]), но не продолговатой, какъ теперешнія барки, а совершенно круглой, въ родѣ корыта, часто встрѣчаемаго на древнихъ барельефахъ и употребляемаго до сихъ поръ племенами, живущими по нижнему теченію Евфрата. Въ углубленіи снизу находилась бездна, средоточіе мрака и смерти. По наружнымъ выпуклымъ склонамъ разстилалась земля въ собственномъ смыслѣ, окруженная со всѣхъ сторонъ рѣкой Океаномъ (Абзу); Халдея считалась при этомъ центромъ міра. Далеко за предѣлами Тигра возвышалась священная гора, - гора боговъ, Карсагъ Каламма, соединявшая небо съ землей. Небо (Анна) имѣло видъ обширнаго полушарія, покоившагося на краяхъ земной барки, за предѣлами рѣки Океана. Небосклонъ, „покрываломъ развернувшійся надъ землей“, вертѣлся какъ на стержнѣ вокругъ горы Востока, увлекая въ своемъ вѣчномъ движеніи неподвижныя звѣзды, которыми былъ усѣянъ его сводъ. Между небомъ и землей совершали свое движеніе семь планетъ, родъ большихъ животныхъ, одаренныхъ жизнью, затѣмъ облака, вѣтры, молнія, дождь. Земля покоилась на безднѣ, небо на землѣ; но вопросъ, на чемъ покоилась бездна, не приходилъ въ голову халдеямъ.

Эта вселенная, состоящая изъ трехъ частей, была населена множествомъ различныхъ существъ и племенъ: одни изъ нихъ, люди и животныя, занимали небольшое опредѣленное пространство вселенной, другіе, боги и духи, было невидимо разсѣяны по всему міру. Духи олицетворяли собой добрыя, злыя или безразличныя силы природы: они дѣлаютъ добро и зло по произволу, управляютъ порядкомъ и ходомъ свѣтилъ небесныхъ и, сообразно временамъ года, посылаютъ вѣтры и дожди, заставляютъ проростать сѣмена и поднимаютъ всходы, оживляютъ или убиваютъ все живое. Боги (анъ, дингиръ, димиръ), духи высшаго порядка, управляютъ всѣми частями міра и главнѣйшими явленіями природы. Каждая изъ трехъ частей міра подчинена особому божеству: Анна управляетъ небомъ, Эа — землей и Муллула — бездной. Анна, духъ неба, былъ въ одно время и тѣломъ, и душей послѣдняго, т. е. небомъ вещественнымъ и высшимъ разумомъ, управляющимъ этой небесной матеріей. Эа, духъ земли, царствовалъ надъ земной поверхностью и атмосферой, но люби-

---

[1]) Diodore de Sicile, II, 29.

мымъ его мѣстопребываніемъ была рѣка Океанъ; поэтому матерью его часто считалась богиня Ріа, „жидкость, вода по преимуществу“. Его самого часто называютъ „великой рыбой Океана, чудесной рыбой“; онъ объѣзжаетъ свои владѣнія на символическомъ суднѣ, которое управляется его дѣтьми — богами, подобно египетской солнечной барки, управляемой сыновьями бога Ра. Его спутница, Дамкина или Дамгалнунна, олицетворяетъ землю: богъ простирается надъ ней, оплодотворяетъ ее, и она производитъ воду, отъ которой все зеленѣетъ. Муллилла и его женскій образъ Нинлилла живутъ въ подземной безднѣ и къ нимъ направляются души смертныхъ. Перенесенныя по ту сторону вѣчной рѣки, души приходятъ къ подножію большой горы Запада, за которую заходитъ солнце, и попадаютъ въ Курнуде, „неизбѣжную страну, изъ которой нѣтъ возврата, въ жилище, въ которое входитъ съ тѣмъ, чтобы никогда не выйти изъ него, вступаютъ на путь, по которому никто не шелъ обратно, —въ обитель, въ которую всегда приходятъ слишкомъ рано, въ тюрьму, въ мѣсто, гдѣ для утоленія голода нѣтъ ничего, кромѣ пыли и грязи, гдѣ не увидятъ болѣе свѣта, и гдѣ бродятъ во мракѣ; гдѣ тѣни, какъ птицы, наполняютъ пространство подъ сводомъ“. Тамъ нѣтъ ни награды для праведныхъ, ни наказанія для нечестивыхъ: возмездіе за добро и зло начинается и кончается на землѣ [1]). Но въ одномъ изъ угловъ бездны пробивается источникъ жизни, который адскіе духи ревниво скрываютъ отъ глазъ усопшихъ; одни только боги могутъ открыть къ нему доступъ и вернуть на землю душу, вкусившую отъ воды ихъ источника.

Этимъ верховнымъ божествамъ было подчинено несмѣтное количество низшихъ боговъ и духовъ, находящихся въ вѣчной борьбѣ другъ съ другомъ. Богъ дневнаго солнца, Уту, Баббаръ, „уничтожаетъ неправду, разсѣиваетъ вредныя вліянія и разстраиваетъ злые умыслы“. „Солнце, ты сіяешь въ самой глубинѣ небесъ, ты отмыкаешь замки, на которые заперты высокія небеса, ты открываешь двери неба. Солнце, ты поворачиваешь свой ликъ къ поверхности земли; солнце ты разстилаешь, какъ покрывало, необозримыя небеса надъ поверхностью земли“. Огонь, Бильги или Гисбаръ, стоящій выше самого солнца, считался „верховнымъ первосвященникомъ на поверхности земли“, все равно, горѣлъ-ли на жертвенникѣ или на домашнемъ очагѣ. „Я пламя золота, великое пламя, исходящее изъ сухого тростника, я высокій знакъ отличія боговъ, пламя мѣди, я покровитель, простирающій свои огненные языки; я вѣстникъ Меррудуга“. Меррудугъ,—тотъ, который „располагаетъ людскими благами“, сынъ бога Эа, является посредникомъ между своимъ божественнымъ отцомъ и страждущимъ человѣчествомъ. Черезъ него Эа объявляетъ свои повелѣнія и открываетъ то великое таинственное слово, которое обращаетъ въ бѣгство злыхъ духовъ. „Кто можетъ избѣжать посылаемаго имъ града? Его воля—верховный законъ, который ты утверждаешь на небѣ и на землѣ... Повелитель, ты великъ: кто тебѣ равенъ“?

[1]) См. изображеніе ада у Клермонъ-Ганно, „L'Enfer assyrien (Revue Archéologique“, т. XXXVIII, табл. XXV).

Демоны и злые духи считались выходцами изъ ада. Они проникаютъ всюду и, скрываясь подъ различными видами, вредятъ добрымъ духамъ и людямъ. Одни причисляются къ полубогамъ и извѣстны подъ именемъ *масъ*, борцовъ, или *ламасъ*, гигантовъ; другіе же дѣлятся на 7 іерархическихъ соподчиненныхъ классовъ: *алаловъ*, разрушителей, *телаловъ*, воиновъ, *маскимовъ*, или строителей козней, „которые прячутся въ самой глубинѣ бездны и въ нѣдрахъ земли; они безполы, не имѣютъ женъ и не производятъ дѣтей“. Нѣкоторые изъ этихъ духовъ являются врагами міроваго порядка и пытаются разрушить вселенную. Другіе врываются въ жизнь людей, чтобы дѣлать имъ зло: „они проникаютъ изъ дома въ домъ, проскальзываютъ въ двери, какъ змѣи. Они мѣшаютъ женѣ быть оплодотворенной своимъ мужемъ; они похищаютъ дѣтей съ колѣнъ родителей; они изгоняютъ свободную женщину изъ жилища, гдѣ она родила.., они обращаютъ въ бѣгство сына изъ отцовскаго дома“. Эти злые духи предпочитали жить въ пустынныхъ мѣстахъ и выходили оттуда только затѣмъ, чтобы нападать на людей и животныхъ. Они входили въ тѣла живыхъ существъ и порождали въ нихъ болѣзни. Чума и лихорадка, привидѣнія, призраки, вампиры, огненные змѣи и злые духи въ образѣ женщинъ, все это были различныя существа, принадлежавшія къ этому же страшному отродью. Будучи ихъ вѣчною мишенью, человѣкъ походилъ на путника, заблудившагося въ незнакомой странѣ и окруженнаго дикими племенами. Для своей защиты ему необходимо было заручиться союзниками среди боговъ и духовъ, запастись оборонительнымъ или наступатель-

нымъ оружіемъ противъ демоновъ, словомъ прибѣгать къ магіи. И дѣйствительно, культъ первоначальныхъ обитателей Халдеи является настоящей магіей; всѣ гимны въ честь божества походили скорѣе на заклинанія, а жрецы—на волшебниковъ [1]).

Рядомъ съ этимъ страннымъ народомъ, въ странѣ, по свидѣтельству имѣющихся памятниковъ, существовали еще представители другой расы, существенно отличавшейся отъ него темпераментомъ и стремленіями. Языкъ ихъ былъ очень близокъ къ еврейскому, арабскому и другимъ семитическимъ нарѣчіямъ; что же касается ихъ происхожденія, то оно покрыто мракомъ неизвѣстности. Въ то время, какъ одни ученые считаютъ ихъ переселенцами съ сѣвера и востока, въ первые осѣвшими въ Арменіи, у подножія Арарата, по верхнему теченію Тигра, Евфрата и Кироса,—другіе переносятъ ихъ первоначальныя поселенія далѣе къ югу, на Аравійскій полуостровъ [2]). Самые древніе изъ указывающихъ на нихъ памятниковъ относятся къ тому времени, когда народъ этотъ жилъ уже осѣдло по берегамъ Тигра, Евфрата и Персидскаго залива. Часть его, наиболѣе значительная, поселилась между Тигромъ и Евфратомъ, рядомъ съ древними обитателями страны, и сдѣлалась съ теченіемъ времени господствующимъ элементомъ въ Халдеѣ. Другая часть, осѣвшая на границахъ Аравійской пустыни и въ болотистой мѣстности, прилегающей къ устьямъ Тигра и Евфрата, была извѣстна подъ родовымъ именемъ арамеянъ [3]). Третья вѣтвь этой пришлой народности утвердилась на западномъ берегу Персидскаго залива и на близлежащихъ островахъ Сурѣ и Арадѣ [4]), Дильмунѣ или Тильвунѣ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ устьевъ Тигра [5]); древнее преданіе, записанное Берозомъ [1]), указываетъ на эту мѣстность какъ на колыбель халдейской цивилизаціи. Религія новыхъ пришельцевъ существенно разнилась отъ религіи мѣстныхъ обитателей. Послѣдніе поклонялись Лунѣ, какъ верховному божеству, причемъ повелительницей Луны, а также планеты Венеры, богиней любви и войны, была единственная богиня этого народа—Истаръ (Астарта), богини же другихъ религіозныхъ центровъ были только разновидностями той же Астарты. Семиты считали главнымъ божествомъ Солнце и соединяли въ лицѣ каждаго изъ своихъ боговъ два необходимыя начала всякой производительности: мужское и женское. Поэтому, Ану, богъ неба, двоился на Ану и Анату, Билу, Белъ, повелитель,—на Бела и Белиту или Белтиду, Мардукъ—на Мардука и Зарпаниту. Сліяніе религіозныхъ идей семитовъ и ихъ предшественниковъ происходило очень медленно и при обстоятельствахъ намъ мало извѣстныхъ. Въ общемъ, семиты признали всѣхъ боговъ мѣстнаго Пантеона, даже сохранили имена большинства главныхъ божествъ, или же подвергли нѣкоторыя изъ нихъ незначительнымъ измѣненіямъ. Нѣкоторыя божества были при этомъ отожествлены другъ съ другомъ, напр., Уту, богъ дневного солнца, съ Самасомъ, Муллилла съ Билу, Маррудугъ съ Мардукомъ. Что же касается низшихъ божествъ, то они были включены въ число 300 небесныхъ и 600 земныхъ духовъ, почти не потерявъ при этомъ своего первоначальнаго значенія. Въ такомъ измѣненномъ видѣ религія была не болѣе, какъ безсвязной смѣсью часто противорѣчивыхъ понятій, позаимствованныхъ съ одной стороны изъ ритуала духовъ и магическихъ суевѣрій несемитическихъ племенъ, съ другой стороны,—изъ культа Солнца и астрономическихъ познаній семитовъ [2]).

Сначала боги не были еще сгруппированы и распредѣлены въ правильномъ іерархическомъ порядкѣ. Они существовали одновременно безъ взаимнаго соподчиненія, и нѣкоторые изъ нихъ

---

[1]) Фр. Ленорманъ „La Magie chez les Chaldéens et les Origines Accadienes, in 8⁰, Парижъ, 1874; Гоммель, „Die Semitischen Völker“, т. I, стр. 356—396; Сэйсъ, „The Ancient Empires of the East, Herodotos“, I—III 1883, стр. 388—389.

[2]) Шпренгеръ, „Leben und Lehre des Muhammad“ I, 241 и слѣд., и „Alte Geographie Arabiens“, стр. 293—295, въ особенности примѣчаніе на стр. 294; сравн. Шрадеръ въ „Zeits. der Morgenl. Gesells“, XXVII.

[3]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?“, стр. 237 241, 257 и слѣд.

[4]) Тиръ или Тилъ и Арадъ. Сравн. Андросеенъ у Ѳеофраста, „De caus. plant.“, II, 5, 5; отрывокъ 3 у Арріана, въ изданіи Дидо, стр. 73.

[5]) Фр. Ленорманъ въ „Essai sur un document mathématique“, стр. 123—145 (сравн. „Essai de comentaire“, стр. 220 222), отожествляетъ островъ съ Бендеръ-Диллуномъ. Деличъ („Wo lag das Paradies“, стр. 229—330) указываетъ на островъ лежавшій близъ теперешняго устья Шаттъ-Эль-Араба и вошедшій въ составъ позднѣйшихъ наносныхъ образованій. Оппертъ „Le siège primitif des Assyriens et des Phéniciens“, въ „Journal asiatique, 1880, т. XV, стр. 90—92 и 349—350) называетъ островъ Тильвуномъ и отождествляетъ его съ Тиломъ (Tylos) Плинія, Самакъ-Барейномъ современныхъ географическихъ картъ.

[1]) Берозъ, „Fragm.“, I, издан. Ленормана.

[2]) Сейсъ „The Ancient Empires of the East“, стр. 389-390.

почитались преимущественно передъ другими въ отдѣльныхъ городахъ и у отдѣльныхъ народовъ. Такъ, Ану былъ предметомъ предпочтительнаго культа въ Урукѣ, Белъ—въ Нипурѣ, Синъ—въ Уру, Мардукъ—въ Вавилонѣ. Порядокъ и преобладаніе того или иного религіознаго культа были связаны съ политическими условіями: божества болѣе могущественныхъ городовъ ставились выше другихъ боговъ. Синъ, богъ Луны, пользовался особыми почестями во время политическаго преобладанія города Уру, а Шамашъ, богъ Солнца,—во время главенства Ларсама. Въ Халдеѣ, подобно тому, какъ и въ Египтѣ, политическое объединеніе страны подъ одной властью повело, повидимому, къ единству религіозныхъ представленій: отдѣльные боги становятся постепенно только силами или разновидностями божества, почитаемаго въ главномъ городѣ страны. Нѣкоторыя школы, въ томъ числѣ школа Эриду [1]), провозгласили абсолютное единство божества и молились единому богу. Ученіе ихъ не получило преобладанія и исчезло довольно рано [2]), тысячи за три лѣтъ до начала нашего лѣтосчисленія. При Шаргонѣ I-омъ, царѣ агаданскомъ, и сынѣ его Нарамсинѣ боги перестаютъ быть равными по значенію, и жрецы вводятъ правильную систему взаимнаго соподчиненія божества. Мѣсто отдѣльныхъ независимыхъ культовъ занялъ родъ оффиціальнаго вѣроисповѣданія, безпрепятственно господствовавшаго съ тѣхъ поръ въ Халдеѣ и Ассиріи [3]).

Во главѣ божественной іерархіи стоитъ верховная троица: Ану, Билу (Белъ) и Эа. На памятникахъ, Ану, богъ неба, „древній богъ, отецъ боговъ, повелитель подземнаго міра, властелинъ мрака и скрытыхъ сокровищъ“, изображается въ видѣ человѣка, съ орлинымъ хвостомъ, съ головой отвратительной рыбы вмѣсто шапки, причемъ тѣло рыбы спускается ему на плечи и поясницу. Белъ, „творецъ вселенной, и властелинъ міра, государь всѣхъ странъ, повелитель духовъ“, имѣетъ видъ царя, сидящаго на тронѣ. Онъ имѣлъ двѣ вторичныя формы: Одна изъ нихъ Белъ-Мардукъ, второй творецъ, была предметомъ культа въ Вавилонѣ, другая, Белъ-Даганъ, имѣла видъ рыбы съ человѣческимъ бюстомъ. Эа, „духовный руководитель, богъ видимаго міра, наукъ, славы и

[1]) Таково, по крайней мѣрѣ, мнѣніе сэра Г. Раулинсона.

[2]) Сейсъ, The Ancient Empires“, стр. 391.

[3]) Фр. Ленормамъ, „La Magie chez les Chaldéens et les Origines Accadiennes“, стр. 113—124. „Les dieux de Babylone et de l'Assyrie“, стр. 19 и слѣд.

жизни“, *Духъ, носящійся надъ водами*, имѣетъ видъ генія, снабженнаго четырьмя крыльями, на подобіе херувимовъ. Каждый изъ этихъ боговъ отдѣляетъ отъ себя божество женскаго рода, составляющее его пассивную форму, какъ бы его отраженіе. Всѣ эти богини: Аната (Анаитида), Белита (Белтита, Милитта) и Дамкина (Дауке), были менѣе долговѣчны, чѣмъ ихъ мужскія половины; иногда онѣ взаимно сливаются, но чаще всего соединяются въ одну богиню Белиту, олицетворяющую женское начало въ природѣ, влажную и плодовитую матерію [1]).

Между тѣмъ какъ въ составъ первой тройцы входятъ божества со смутнымъ, неопредѣленнымъ характеромъ,—вторая тріада отличается полной опредѣленностью составляющихъ ее божествъ, которыя происходятъ отъ предыдущихъ и являются ихъ символами. Она состоитъ изъ бога-луны—Сина, бога-солнца—Шамаша (Самаса) и бога-атмосферы—Раману. Халдеи, астрономы по преимуществу, отдавали предпочтеніе лунному богу передъ богомъ солнца; Синъ, освѣтитель (Наннару), носитъ у нихъ названія „повелителя, могущественнаго, сверкающаго“, а также господина 30-ти мѣсячныхъ дней“. Самасъ является „великимъ двигателемъ, правителемъ, властелиномъ неба и земли“. Раману (Мермеру) [2]), министръ неба и земли, распредѣлитель изобилія, властитель каналовъ“, представляетъ изъ себя въ одно и то же время божество грозное и благодѣтельное: онъ повелитель бури, вихря, наводненія, молніи“; въ рукѣ у него громовая стрѣла съ четырьмя остріями, и онъ потрясаетъ ею, какъ бы огненнымъ мечемъ. За второй тріадой слѣдуютъ пять боговъ покровителей планетъ: Нинипъ [3]) (Сатурнъ), Мардукъ (Юпитеръ), Нергалъ (Марсъ), Астарта (Венера) и Набу (Меркурій). Нинипъ, часто обозначаемый именемъ могущественнаго Санданну [4]), никто иной, какъ ассирійскій Гер-

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. I, стр. 115—123; Фр. Ленорманъ, „Essai de commentaire des fragments cosmogoniques de Bérose“, стр. 64—70; „Les Dieux de Babylone“, стр. 6—8.

[2]) Или иначе Меру (Pognon, Inscription de Meron-Nerar въ „Journal asiatique“, 1883, т. II, стр. 372, 404.

[3]) Имя это читалось Адаръ; къ первоначальному его произношенію—Нинибъ, Нинипъ,—возвратились только въ послѣднее время (сравн. съ Гюяромъ въ „Revue critique“, 1879, т. I, стр. 145), но оно не принято еще всѣми ассиріологами (Шрадеръ, „Zur Kritik der chronologischen Angaben des. Alexander Polyhistor und des Abydenus“, 1880, стр. 19, примѣч.; Фр. Деличъ; „Die Sprache der Kossäer“, стр. 1884, 53, примѣч. 1).

[4]) Оппертъ („Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1878, стр. 1044—1045) настаи-

кулесъ; это онъ изображенъ на Луврскихъ барельефахъ въ видѣ великана, который душитъ въ своихъ объятіяхъ льва. Немудрено, поэтому, что ему расточаются самые энергичные эпитеты: онъ „устрашитель, повелитель храбрыхъ, властитель силы, истребитель враговъ, онъ тотъ, кто караетъ непокорныхъ и истребляетъ бунтовщиковъ, онъ—властелинъ желѣза". Мардукъ сдѣлался впослѣдствіи главнымъ богомъ Вавилона и отождествлялся съ Беломъ. Нергалъ считается „великимъ героемъ, царемъ стычекъ, повелителемъ войнъ, бойцомъ боговъ" и изображается въ видѣ льва съ головой или бюстомъ человѣка. Астарта, такъ же какъ Аната и Белтида, олицетворяетъ природу. Иногда она является воительницей, „царицей побѣды", „судьею военныхъ подвиговъ", и тогда изображается на львѣ или быкѣ, со звѣздной тіарой на головѣ, вооруженная лукомъ и колчаномъ. Въ другихъ случаяхъ, она богиня сладострастія и размноженія, причемъ называется Зирбанитой, „производительницей существъ", или Зарпанитой и изображается нагой, съ прижатыми къ груди руками. Наконецъ, Набу, „начальникъ вселенной, управляющій явленіями природы, слѣдящій за послѣдовательностью явленій восхода и захода солнца"; онъ считался олицетвореніемъ всѣхъ земныхъ совершенствъ и образцомъ, къ которому должны были стремиться цари земные[1]).

Пять планетныхъ боговъ, вмѣстѣ съ богами двухъ тріадъ и верховнымъ божествомъ, составляли великій совѣтъ двѣнадцати боговъ; они были повелителями боговъ и управляли двѣнадцатью мѣсяцами года и двѣнадцатью знаками зодіака [2]). Ихъ культъ былъ распространенъ по всей странѣ и лежалъ въ основаніи оффиціальной религіи, но народное благочестіе почитало на ряду съ этими главными божествами еще многихъ второстепенныхъ боговъ; имена нѣкоторыхъ изъ нихъ были часто лишь синонимами именъ главныхъ божествъ, а носящіе ихъ боги, только благодаря мѣстнымъ традиціямъ, получали самостоятельное значеніе. Такъ, богъ Загаръ носилъ имя, бывшее первоначально лишь эпитетомъ Нинипа; имя Белиты-Балати, или богини жизни", было эпитетомъ одушевленной Белиты. Другіе боги были самостоятельными существами и исполняли особенно важныя функціи: они управляли

ваетъ на произношеніи Санданну, Самданъ, вмѣсто Данданну, предлагаемаго Деличемъ.

1) Фр. Ленорманъ, „Essai de Commentaire", стр. 93—124.

2) Діодоръ Сицилійскій, II, 30.

созвѣздіями, какъ, напримѣръ, Асмунъ или Куммутъ, или заботились объ уборкѣ жатвы, какъ Серахъ; Бау представлялъ хаосъ, Марту, сынъ Ану,—Западъ и Суту—Югъ. Нѣкоторые изъ этихъ боговъ были позаимствованы у сосѣднихъ народовъ, напримѣръ, у сузіанъ. Тридцать шесть третей всѣхъ двѣнадцати знаковъ зодіака олицетворялись въ видѣ тридцати шести, такъ называемыхъ „вторичныхъ боговъ". „Одна половина этихъ второстепенныхъ боговъ живетъ надъ землей, въ то время, какъ другая находится подъ землей и сторожитъ ее: каждые 10 дней одинъ изъ боговъ верхней области посылается, въ качествѣ вѣстника, въ нижнюю область, а изъ той, въ свою очередь, отправляется ему на смѣну другой богъ" [1]).

Суевѣрное населеніе Халдеи не довольствовалось этимъ мудрымъ и послѣдовательнымъ религіознымъ ученіемъ. Древній культъ духовъ, постепенно вытѣсненный вновь водворившимся культомъ боговъ, сохранился въ магіи и образовалъ рядомъ съ господствующей религіей родъ простонародной религіи, получившей въ свою очередь прочную организацію. Жреческое сословіе маговъ дѣлилось на 3 класса: заклинателей, врачей и богослововъ. Жрецы эти „старались предотвратить зло и привлечь добро помощью очищеній, жертвоприношеній или волхвованій" [2]). Обряды и заклинанія, употребляемые ими, сохранились отчасти въ большомъ сочиненіи, остатки котораго находятся въ британскомъ музеѣ.

Послѣднее дѣлилось на 3 книги. Въ книгѣ „Злыхъ духовъ" собраны молитвы, направленныя противъ демоновъ: вторая книга заключаетъ заклинанія противъ болѣзней: третья — таинственные гимны для призыванiй боговъ. Самая дѣйствительная изъ всѣхъ предохранительныхъ формулъ заимствовала свою силу отъ „*великаго вышняго* имени" божества, извѣстнаго только богу Эа, который сообщалъ свое знаніе Мерудугу. Необходимымъ дополненіемъ къ заклинаніямъ были различные талисманы: полосы матеріи, привязанныя къ мебели и одеждѣ; деревянные, каменные или изъ обожженой глины фетиши, статуэтки чудовищъ и духовъ. Носитель или владѣлецъ амулетовъ становился неприкосновеннымъ даже для боговъ, такъ какъ „талисманъ",—это неустранимая преграды, которой небеса даже не могутъ переступить; это—нерушимая преграда между небомъ и землей, которой ни одинъ богъ не могъ

---

1) Діодоръ Сицилійскій, II, 30.

2) Діодоръ Сицилійскій, II, 29.

уничтожить; это—неизмѣнный оплотъ противъ порчи отъ колдовского навожденія; это неуничтожаемая препона, противопоставляемая колдовству“. Въ Луврѣ можно видѣть талисманъ въ видѣ бронзовой статуэтки, изображающей демона съ собачьимъ туловищемъ, съ орлиными ногами и съ львиными когтями на переднихъ конечностяхъ, съ хвостомъ скорпіона, съ голымъ черепомъ мертвеца, вмѣсто головы, и съ козьими рогами; четыре распростертыя крыла осѣняютъ его спину. Надпись, идущая вдоль спины, объясняетъ намъ, что „это хорошенькое существо—демонъ юго-западнаго вѣтра“, и что, желая отогнать злыхъ духовъ, достаточно поставить это изображеніе передъ дверью или окномъ дома.

Рядомъ съ благодѣтельными магами существовали колдуны, призывавшіе демоновъ съ преступными цѣлями: чародѣи, колдуны, маги, наносившіе вредъ дурнымъ глазомъ, и маги, приготовлявшіе любовные напитки. Халдейскій волшебникъ, какъ и его современные собратья, продавалъ яды, наводилъ порчу и своими заклинаніями вызывалъ духовъ изъ бездны. „Заклинаніе дѣйствуетъ на человѣка,-какой злой духъ... злобное заклинаніе—это причина болѣзни“. Каждый больной считался испорченнымъ и могъ излѣчиться только дѣйствіемъ заклинанія, противоположнаго тому, съ помощью котораго онъ былъ околдованъ. Поэтому, врачей въ собственномъ смыслѣ не было въ Вавилонѣ [1]; мѣсто ихъ занимали жрецы-колдуны, продававшіе любовныя зелья и амулеты противъ болѣзней. Конечно, благодаря вѣковому опыту, они познакомились со свойствами многихъ растеній и медицинскихъ веществъ; ихъ лѣкарственные напитки и магическіе порошки оказывались часто дѣйствительно цѣлительными средствами во многихъ болѣзняхъ. Но употребленіе ихъ всегда сопровождалось заклинаніями, и если больной выздоравливалъ, излѣченіе приписывалось обыкновенно заклинаніямъ, а не лѣкарству [2].

Сотвореніе міра, потопъ: легендарная исторія Халдеи; первые историческіе цари.

Народы, населяющіе Халдею, постепенно утратили воспоминаніе о своихъ переселеніяхъ и стали считать своей колыбелью

---

1) Геродотъ, I, CXCVII.

2) Фр. Ленорманъ, „La Magie“, стр. 11-20.

страну, въ которой, какъ имъ казалось, они обитали вѣчно. „Въ тѣ времена, когда все, находящееся вверху, не называлось еще небомъ, въ тѣ времена, когда все находящееся внизу, не называлось еще — землей, Апсу, безпредѣльная бездна, и Мумму Тіаматъ, Хаосъ моря, соединились [1]) и произвели на свѣтѣ тѣ фантастическія существа, образы которыхъ мы встрѣчаемъ на древнихъ памятникахъ, т.-е. „воиновъ съ туловищами птицы, людей съ головами ворона [2]), быковъ съ человѣческими головами, собакъ съ четырьмя туловищами и общимъ рыбьимъ хвостомъ [3]). Боги вытѣснили это чудовищное отродіе, послѣ чего былъ созданъ въ теченіе семи дней весь существующій міръ: земля, небесный сводъ, свѣтила, растенія, животныя и, наконецъ, человѣкъ, вышедшій изъ рукъ бога Эа [4]). Человѣкъ былъ помѣщенъ въ роскошномъ саду, расположенномъ между четырьмя большими рѣками, имена которыхъ, — Евфратъ, Тигръ, Пишонъ и Гигонъ [5]), —дошли до насъ, благодаря еврейскимъ преданіямъ. Изгнанный за непослушаніе Всевышнему, человѣкъ спустился въ равнины Халдеи и быстро населилъ ее своими потомками. „Послѣдніе вели сначала безпорядочную жизнь, подобно животнымъ. Но въ первый же годъ изъ подъ Краснаго моря, тамъ, гдѣ оно граничитъ съ Вавилонской землей, вышло разумное существо, по имени Оаннесъ [6]). Существо это имѣло двѣ головы: одну чело-

---

1) Тексты, относящіеся къ сотворенію міра, открыты и переведены Д. Смитомъ въ его „Chaldeaen Account of Genesis“. Лондонъ, 1876, стр. 62 и слѣд.: нѣмецкій переводъ Фр. Делича, 1876 г., стр. 293 и слѣд , и второе англійское изданіе Сейса, 1880, стр. 57 и слѣд. Далѣе, переводы Опперта, „Fragments de cosmogonie chaldéenne“, въ приложеніи къ Ледрену, Histoire d'Israël, т. I, стр. 411—414: перевод. Ленормана, „Les Origines de l'histoire“, 1880, т. I, стр. 494 и слѣд., Шрадера, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 1 и слѣд.

2) Сейсъ, („Records ef the Past“, т. IX, стр. 109 и слѣд.) даетъ переводъ этого текста.

3) Берозъ, „Fragm“, I, Ленормана.

4) Смитъ, „Chaldaean Account“, стр. 62 и слѣд.

5) Фр. Деличъ, (Wo lag das Paradies?“, in 8⁰, 1881) отождествляетъ Тигонъ и Пишонъ съ двумя главными вавилонскими каналами — Шаттъ-эн-Ниломъ и Паллакопасомъ. Ему хочется видѣть въ Эденѣ (ассир. Эдину) названіе той части Месопотаміи, которая простирается отъ Аны и Текрита до Персидскаго залива (сравн. критическую статью Опперта въ Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1881. стр. 801—831).

6) Геллацій (у Фотія) называетъ его Ωής; Гигинъ (Fabula, CCLXIV) Euhanes.

вѣческую, а другую рыбью, рыбье туловище съ человѣчьими ногами и рыбьимъ хвостомъ, а также человѣческій голосъ. Изображеніе Оаннесса, сохранилось до настоящаго времени. Онъ проводилъ весь день среди людей, не принимая никакой пищи, обучилъ ихъ употребленію буквъ и разнымъ наукамъ и искусствамъ, научилъ строить города и воздвигать храмы, сообщилъ имъ основныя начала законовѣдѣнія и геометріи, показалъ, какъ сѣять и убирать хлѣбъ, словомъ, далъ людямъ все, что только можетъ скрасить ихъ жизнь. Съ тѣхъ поръ не было изобрѣтенно ничего выдающагося. Съ закатомъ солнца этотъ чудовищный Оаннесъ погружался въ море и проводилъ ночь въ волнахъ, такъ какъ онъ былъ земноводнымъ животнымъ. Онъ написалъ книгу о происхожденіи всѣхъ вещей и цивилизаціи и передалъ ее людямъ" [1]).

Длинный промежутокъ времени протекъ между первымъ появленіемъ божества и появленіемъ мифической династіи. „Первымъ царемъ былъ Алоросъ, халдей, изъ Вавилона, о которомъ говорится только, что онъ былъ избранъ самимъ божествомъ въ пастыри народу. Онъ царствовалъ 10 саровъ, т.-е. 36000 лѣтъ, такъ какъ саръ состоитъ изъ 3600 лѣтъ. 600 лѣтъ составляютъ одинъ неръ, а 60 лѣтъ — одинъ соссъ. По смерти Алороса, его сынъ, Алапаросъ, управлялъ страною въ продолженіи 3-хъ саровъ; послѣ него Амилларосъ [2]), изъ города Пантибибліи [3]), царствовалъ 13 саровъ. При немъ-то вышелъ изъ моря Эриѳрей, второй Аннедотосъ, наполовину человѣкъ, наполовину рыба, приближающійся по своему полубожественному виду къ Оаннесу. Затѣмъ слѣдуетъ халдей Амменонъ, тоже изъ Пантибибліи, правившій въ продолженіи 12 саровъ, при которомъ, какъ говорятъ, появился мистическій Оаннесъ. Затѣмъ Амелагоросъ, изъ Пантибибліи, царствовалъ 18 саровъ; Давосъ, пастухъ, изъ Пантибибліи, царствовалъ 10 саровъ; при послѣднемъ вышелъ изъ моря Эриѳрей, четвертый Анедотосъ, походившій по своему наружному виду на остальныхъ, т.-е. представлявшій смѣсь рыбы и человѣка. Послѣ него Еведоранхосъ, изъ Пантибибліи, царствовалъ 18 саровъ; въ его правленіе вышло изъ моря еще одно чудовище по имени Анодафосъ. Всѣ эти чудовища тщательно развивали, шагъ

---

1) Берозъ, „Fragm.", I, издан. Ленормана.

2) Варіантъ: Алмелонъ.

3) Сиппара или, по новѣйшимъ изысканіямъ Фр. Ленормана („La langue primitive de la Chaldée", p. 341—342), Урукъ.

за шагомъ, всѣ тѣ знанія, которыя были сообщены Оаннесомъ. Затѣмъ царствовали халдеи Амемпсиносъ и Обартесъ [1]), оба изъ Ларанхи [2]), первый — въ продолженіи 10-ти, второй — въ продолженіе 8 саровъ. Наконецъ, послѣ смерти Обартеса, скипетръ перешелъ въ руки его сына, Ксисутроса [3]), царствовавшаго 18 саровъ, при которомъ произошелъ потопъ. Такимъ образомъ высчитываютъ до потопа всего 10 царей, царствовавшихъ вмѣстѣ 120 саровъ" [4]).

Классическіе писатели смѣялись надъ баснословнымъ числами лѣтъ, приписываемыхъ халдеями ихъ первымъ царямъ [5]). Дѣйствительно, промежутокъ времени отъ сотворенія міра до потопа опредѣлялся, повидимому, въ 691,200 лѣтъ, изъ которыхъ 259,200 лѣтъ считались истекшими до воцаренія Алороса, а 432,000 были щедро распредѣлены между нимъ и его непосредственными преемниками [6]). Поэтому нѣкоторые современные историки согласились придать этимъ 10 царямъ астрономическій характеръ и видѣть въ нихъ олицетвореніе 10 зодіакальныхъ знаковъ [7]). Періодъ, обнимающій всѣ эти царствованія, вычисленный къ 432,000 лѣтъ, т. е. по 43,200 л. на каждое царствованіе, входилъ, очевидно, въ составъ исчисленнаго халдеями великаго астрономическаго періода = 12 разъ по 43,200 лѣтъ. Существованіе такого исчисленія можетъ, кажется, считаться доказаннымъ, хотя происхожденіе его и обоснованія еще неизвѣстны. Время, предшествовавшее потопу, было какъ бы пробнымъ періодомъ для человѣчества, находившагося еще въ состояніи первобытной грубости и нуждающагося для преодолѣнія окружающихъ его трудностей въ помощи свыше.

Въ продолженіе этого времени божество шесть разъ появлялось на землѣ, чему, вѣроятно, соотвѣтствуетъ число божественныхъ книгъ, въ которыхъ жрецы видѣли самое полное вы-

---

1) Варіантъ: Отіартесъ.

2) Ларсамъ или, если принять поправку Ленормана („La langue primitive", стр. 342) въ текстѣ Бероза.—[Σον] ρά [π] χα, вмѣсто [Λα] ρά [γ] χα — Суриппакъ.

3) Варіантъ: Сисптесъ.

4) Берозъ „Fragm.", IX—XI. изд. Ленормана.

5) Цицеронъ, „De Divinatione", I, 19; Африкан., „ap. Sync.", стр. 17.

6) Фр. Ленорманъ, „Essai d'interprétation", стр. 226—240.

7) Моверсъ, „Die Phœnizier", т. 1, стр. 105 и слѣд.; Ленорманъ, „Essai", стр. 236—240.

раженіе божественнаго откровенія [1]). Между тѣмъ люди развратились, и Белъ въ гнѣвѣ своемъ порѣшилъ ихъ уничтожить. Царь Шамашнаписти, по прозванію Хасисарда, Ксисутросъ по Берозу, получилъ слѣдующее повелѣніе боговъ: „Человѣкъ изъ Шуриппака, сынъ Убаратуту, сооруди большой корабль для себя и своихъ домочадцевъ, потому что я собираюсь уничтожить сѣмя жизни. Введи въ этотъ корабль сѣмя жизни всѣхъ существъ, чтобы сохранить ихъ". Царю было приказано зарыть въ городѣ Сиппарѣ книги, содержащія начало, середину и конецъ божественнаго закона и, окончивъ всѣ приготовленія, отправиться въ путь. На вопросъ Ксисутроса: „куда идти?", богъ отвѣтилъ: „къ богамъ", прибавивъ, что слѣдуетъ молиться о ниспосланіи людямъ блага. Ксисутросъ послушался его и выстроилъ судно, законопаченное и осмоленное. „Я собралъ все, что только имѣлъ: все серебро, которое я имѣлъ, я собралъ; все золото, которое я имѣлъ, я собралъ; все, что я имѣлъ изъ сѣмени жизни, я собралъ, я собралъ все и препроводилъ на судно, собралъ всѣхъ моихъ служителей, мужчинъ и женщинъ, всѣхъ домашнихъ и дикихъ полевыхъ животныхъ, а также молодыхъ людей, моихъ родственниковъ, и всѣхъ ихъ ввелъ на корабль. Когда приготовленія были окончены, раздался голосъ, „вечеромъ небо пошлетъ разрушительный ливень: взойди въ ковчегъ и запри за собою дверь". И вотъ настало время, которое предвѣщалъ этотъ голосъ, говоря: „вечеромъ небо пошлетъ разрушительный ливень". Со страхомъ видѣлъ я приближеніе вечера, вечера того самаго дня, когда было назначено взойти всѣмъ на корабль; я боялся. Тѣмъ не менѣе я взошелъ на корабль и заперъ дверцу, довѣривъ судно вмѣстѣ со всѣми заключавшимися въ немъ существами кормчему Бусуръ-Шадираби [2]).

„Утромъ поднялась жестокая буря и широко охватила небосклонъ. Раману гремѣлъ среди небесъ, Нэбо и Шарру дружно надвигались; разрушители шли по горамъ и равнинамъ; Нергалъ далъ волю вихрямъ; Нинипъ широко разлилъ рѣки; Геніи несли повсюду разрушеніе и сметали все съ лица земли; разлитыя воды Раману вздулись до небесъ, и дневной свѣтъ потухъ во мракѣ... Братъ не видѣлъ брата; люди не узнавали другъ друга; самн боги небесные испугались потопа и въ поискахъ за убѣжищемъ поднимались до самой вершины Анну". Астарта (Истаръ) плакала надъ судьбой человѣчества, и „боги, а также и духи вмѣстѣ съ нею; боги горевали на своихъ престолахъ... Шесть дней и семь ночей буря и ураганъ безпрепятственно царили надъ всѣмъ. На зарѣ седьмого дня дождь прекратился, и буря, свирѣпствовавшая на подобіе могущественной арміи, притихла. Уровень моря понизился; вѣтеръ и буря улеглись. Я плакалъ, носясь по волнамъ, потому что человѣчество погибло, и трупы плавали вокругъ меня, какъ бревна. Я открылъ окно, и когда свѣтъ палъ на мое лицо, грусть овладѣла мною,—я усѣлся, заплакалъ и слезы текли по моему лицу".

Ковчегъ, заключавшій въ себѣ судьбы грядущаго человѣчества, остановился въ странѣ Низиръ, на вершинѣ Гордіенскихъ горъ. Прождавъ шесть дней, „я выпустилъ голубку. Она полетала немного и, не найдя мѣста, гдѣ бы можно было отдохнуть, вернулась назадъ. Я выпустилъ ласточку; она полетала и, не найдя, гдѣ отдохнуть, вернулась ко мнѣ. Я выпустилъ ворона; онъ полетѣлъ и, увидѣвъ плавающія тѣла, начало пожирать ихъ; долго видѣлъ его летающимъ вдали; и онъ не вернулся. Тогда я выпустилъ животныхъ на всѣ четыре стороны. Я сдѣлалъ возліяніе и выстроилъ жертвенникъ на вершинѣ горы". Запахъ жертвы дошелъ до небесъ; боги сбѣжались и ликовали, но Белъ разсердился, что не всѣ люди погибли и хотѣлъ истребить оставшихся въ живыхъ. Молитвы Ксисутроса смягчили, наконецъ, его гнѣвъ: онъ согласился оставить жизнь всему, что спаслось въ ковчегѣ, и не возобновлять болѣе потопа. „Постановивъ свое рѣшеніе, Белъ вошелъ въ ковчегъ, взялъ меня за руку и вывелъ изъ него, затѣмъ привелъ ко мнѣ мою жену и положилъ ея руку въ мою". Преданіе говоритъ, что Белъ изрекъ при этомъ слѣдующее пророчество: „До сихъ поръ онъ былъ человѣкомъ; теперь онъ и жена его будутъ причислены къ богамъ и будутъ жить въ далекой странѣ у устьевъ рѣкъ". Дѣйствительно, Ксисутросъ исчезъ. „Оставшіеся на суднѣ, не дождавшись его возвращенія, сошли на берегъ и стали громко звать его, называя по имени. Но онъ не являлся; послышался голосъ съ неба, повелѣвавшій имъ быть благочестивыми, такъ какъ Ксисутросу, въ награду за его благочестіе, предстояло отнынѣ жить вмѣстѣ съ богами; его жена, дочь и кормчій удостоились той же чести, остальные же получили приказаніе вернуться въ Вавилонъ; вы-

---

[1]) Моверсъ, „Die Phœnizier", т. I, стр. 93 и слѣд.

[2]) Или Бусуркургалъ.

ходцамъ изъ Сиппары разрѣшалось откопать зарытыя книги и передать ихъ людямъ; наконецъ, имъ объявлено было, что земля, гдѣ они находятся, Арменія. Выслушавъ эти слова и принеся жертву богамъ, оци отправились пѣшкомъ въ Вавилонъ. Часть этого ковчега, остановившагося въ Арменіи, существуетъ до сихъ поръ въ Гордіенскихъ горахъ этой страны; пилигримы соскребываютъ покрывающую его смолу, которая служитъ имъ амулетами противъ колдовства [1]). Прійдя въ Вавилонъ, спутники Ксисутроса открыли книги въ Сиппарѣ, написали много новыхъ книгъ, построили храмы и снова основали Вавилонъ" [2]). Они сдѣлались родоначальниками племени великановъ. Халдейскія легенды сохранили имена мятежныхъ великановъ Этаны или Титана, Нера и другилъ [3]). „Разсказываютъ, что первые люди возгордившись своей силой и величіемъ, стали презирать боговъ и считать себя выше ихъ; они построили высокую башню на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь находится, Вавилонъ. Башня эта уже почти касалась небесъ, какъ вдругъ вѣтры пришли на помощь богамъ и опрокинули сооруженіе на строившихъ его; развалины получили названіе Бабелъ (Babel). До того времени люди говорили однимъ языкомъ, но боги заставили говорить ихъ на различныхъ нарѣчіяхъ [4]). Приблизительно такое же преданіе находится въ священныхъ еврейскихъ книгахъ [5]). Согласно одной изъ версій разсказа, „Башня Языковъ" находилась близъ Уру, одной изъ самыхъ

---

1) Дѣйствительно, найдены Вавилонскіе амулеты изъ смолы, относящіеся къ глубокой древности, на которыхъ греческими буквами написаны кабалистическія слова.

2) Берозъ, „Fragm.", XV—XVI, изд. Ленормана. Разсказъ о потопѣ взятъ отчасти изъ „Fragm" Бероза, отчасти изъ текста ассирійскихъ дощечекъ, впервые переведенныхъ Дж. Смитомъ, „The Chaldaean Account of the Deluge" въ „Transactions of the Society of Biblicai Archœology", т. I, стр. 213—234; сравн. Ленорманъ, „Les Premières Civilisatious", т. I, стр. 1—146; Дж. Смитъ, „Assyrian Discoveries", 1875, стр. 165-22?; Оппертъ, „Fragments de cosmogonie chaldéenne" въ „Histoire d'Israel", Ледрена, т. I, стр. 422—434; Н. Гауптъ, „Der Keilinschriftliche Sintfiuthbericht" въ „Die Keilinschriften und das Alte Testament", Шредера, 1883, стр. 55—79.

3) Отрывки разсказа о борьбѣ Этаны съ Эа находятся у Дж. Смита, „The Chaldœan Account of Genesis", стр. 142—146; отожествленіе Этаны съ Титаномъ принадлежитъ Сейсу, „Babylonische Literatur" (перев. Фридерици), стр. 25.

4) Берозъ, „Fragm.", XVII, XVIII.

5) Книга Бытія, XI, 1—9.

древнихъ, если не самой древней метрополіи южной Халдеи [1]), но самое распространенное преданіе помѣщаетъ башню близъ Вавилона или даже въ самомъ Вавилонѣ, не потому, однако, что названіе ея Бабелъ—соотвѣтствуетъ значенію библейскаго слова *бабелъ*, отъ „бебель", т. е. „смѣшивать"; Бабель, Бабъ-илу означаетъ просто „дверь бога Илу". Что же касается самой башни, то халдеи отождествляли ее съ башней Борсиппы, которая по свидѣтельству царя Набукудуруссура, съ незапамятныхъ временъ оставалась неоконченной [2]). Она состояла изъ семи террасъ, построенныхъ одна на другой, изъ которыхъ каждая посвящена была отдѣльному богу и выкрашена въ его цвѣтъ. Каждая терраса составляла правильный квадратъ, построенный на нижней, но нѣсколько большей террасѣ, такъ что все зданіе имѣло видъ обширной пирамиды съ уступами, очень широкой при основаніи и очень узкой у вершины. Все покоилось на прямоугольномъ цоколѣ [3]), надъ которымъ высилось восемь этажей. Вопреки вавилонскому обычаю, стѣны зданія, а не углы, были обращены къ четыремъ главнымъ сторонамъ свѣта [4]).

Сейчасъ же послѣ потопа и смѣшенія языковъ началось царствованіе первой человѣческой династіи. По словамъ Бероза, она была халдейскаго происхожденія и насчитывала 86 царей, царствовавшихъ въ продолженіе 34,080 лѣтъ. Два первые царя, Евехусъ и Хомасбелосъ, царствовали одинъ 2,400, а другой 2,700 лѣтъ. По Синцеллу, династія состояла только изъ 6 монарховъ: Евхуса, Хомасбелоса, Пороса, Нехубаса, Набіоса, Онибаллоса и Зинзироса, которые царствовали послѣдовательно въ продолженіе только 225 лѣтъ [5]). Не слѣдуетъ придавать этимъ именамъ какое-нибудь историческое значеніе или провѣрять правдоподобіе указанной продолжительности царствованія первой династіи. Первыя эпохи халдейской исторіи украшены баснословными разсказами, остатки которыхъ дошли и до насъ, благодаря преданіямъ и памятникамъ. Евреи говорили, что на сѣверѣ царствовалъ „Нимродъ, впервые достигшій могущества на землѣ. Онъ

---

1) Іcaія, IX, 10 (версія LXX).

2) W. A. J, I, 51, 1; Оппертъ „Études assyriennes", стр. 91—132, и Фр. Ленорманъ. „Essai d'interprétation", стр. 351—352; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 121—127.

3) Цоколь—нижняя часть устроенія. Пер.

4) Оппертъ „Fragm."; у Мюллеръ, Н., Gr. Fragm.", т. II.

5) Берозъ, „Fragm."; у Мюллера, Н., Gr „Fragm.", т. II.

былъ великимъ ловцомъ передъ лицомъ Предвѣчнаго Бога, и вотъ почему до сихъ поръ еще говорятъ: „Какъ Нимродъ, великій ловецъ передъ Богомъ“. Въ началѣ царство его составляли города: Вавилонъ, Эрехъ, Аккадъ и Калнехъ, въ странѣ Сеннаръ“ [1]). Іосифъ приписывалъ ему построеніе Башни Языковъ [2]). Христіанскіе толкователи отождествляютъ его съ Белосомъ [3]). Мусульманская легенда говоритъ о немъ, что онъ бросилъ іудея Авраама въ раскаленную печь и что онъ старался подняться на небо на орлѣ [4]). Еще теперь въ странѣ его славы народное воображеніе связываетъ его имя со всѣми болѣе значительными развалинами верхней и нижней Халдеи [5]). Между тѣмъ памятники до сихъ поръ умалчиваютъ о немъ; преемники его не извѣстны; Библія не даетъ никакихъ указаній, на сколько времени пережила его основанная имъ имперія, ни даже продолжалось ли послѣ него ея существованіе.

Почти всѣ черты, приписываемыя Нимроду еврейскими преданіями, халдейскія традиціи относятъ къ имени Истубара [6]), царя Шуриппакскаго. Подобно Нимроду, онъ царствовалъ въ Урукѣ, подобно ему, странствовалъ по лицу земли, подобно ему, наконецъ, былъ великимъ ловцомъ передъ Богомъ Предвѣчнымъ. Однажды морское чудовище по имени Булъ опустошало страну и принуждало ея обитателей давать ему въ дань молодыхъ дѣвушекъ, которыхъ оно пожирало. „Истубаръ сказалъ своему ловчему, Саиду: Ступай, мой ловчій, съ женщинами Гакоиту и Упасамру, и, какъ только чудовище покажется, пусть обѣ женщины снимутъ одежды; тогда красота ихъ будетъ на виду и чудовище бросится на нихъ. Ты же воспользуйся этой минутой и заколи его“. Черезъ три дня торжествующій Саидъ вернулся въ городъ Урукъ. Однако же этотъ Саидъ былъ только самымъ незначительнымъ изъ слугъ героя. Другомъ его и соратникомъ въ великихъ предпріятіяхъ былъ Эабани, чудовище съ бюстомъ человѣка и крупомъ быка. Когда Хумбаба, царь Эламскій, напалъ

---

1) Бытіе, X, 8, 10.
2) Ant. Jud., 1, 4, § 2.
3) Моисей Корена, „Trad Ital.“, стр. 23, кн. I, глава VII.
4) Коранъ, глава 29, 23. Якутъ (Yakout), „Lexic. Geogr.“, ст. слово „Niffer“.
5) Д. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“ т. I, стр. 154.
6) Шредеръ „Die Keilinschriften uud das Alte Testament“ 1872 г. стр. 92 и слѣд.

на нихъ,—Истубаръ и Эабани убили его и разорили его дворецъ. Между тѣмъ богиня Астарта, восхищенная ихъ подвигами, влюбилась въ Истубара. „Богиня Астарта обратила свои благосклонные взоры къ Истубару и такъ говорила ему: „Послушайся меня, Истубаръ, и будь моимъ мужемъ; я буду твоей подругой, и ты будешь моимъ другомъ; ты будешь моимъ мужемъ, а я буду твоей женой... Тогда тебѣ подчинятся государи, цари и князья; они будутъ носить тебѣ дань съ горъ и равнинъ; они будутъ чествовать тебя подарками... У тебя не будетъ соперниковъ“...

Но любовь богини была гибельна для всѣхъ, кто отдавался ей, и возлюбленныхъ ея постигала печальная участь. Поэтому, Истубаръ отказался отъ столь опаснаго, хотя и почетнаго предложенія. Оскорбленная богиня послала противъ него крылатаго быка, прототипъ тѣхъ быковъ, которые украшали впослѣдствіи дворцы ассирійскихъ монарховъ. „Эабани преодолѣлъ его, потому что Эабани пронзилъ его тѣло: онъ схватилъ божественнаго быка за голову и вонзилъ ему остріе своего оружія въ затылокъ“ [1]).

Между тѣмъ пришла старость и появились болѣзни. Эабани умеръ, а Истубаръ, никогда ничего не боявшійся, сталъ „страшиться смерти, этого послѣдняго врага человѣка“. Онъ рѣшился испросить совѣта у своего предка Ксіаутроса и узнать отъ него, какъ излѣчивать свои недуги и сдѣлаться безсмертнымъ. Получивъ откровеніе во снѣ относительно пути, который ему слѣдуетъ избрать, Истубаръ отправился въ дорогу. Миновавъ страну Масъ, входъ въ которую охраняется людьми-скорпіонами, наблюдающими за восходомъ и заходомъ солнца, онъ достигъ морского берега, построилъ корабль и отправился въ путь вмѣстѣ съ магомъ Урбиломъ [2]). Послѣ полуторамѣсячнаго плаванія они пріѣхали въ страну, расположенную среди болотъ, бывшую мѣстопребываніемъ обоготвореннаго стараго царя. Издали еще они замѣтили его спящимъ рядомъ съ женой, но никакъ не могли переѣхать рѣку, отдѣляющую ихъ отъ рая. Голоса ихъ разбудили, наконецъ, Ксисутроса; онъ разсказалъ имъ, какъ благодаря своему благочестію, спасся отъ потопа [3]), и научилъ Исту-

---

1) Оппертъ читаетъ „Бельбирутъ“, вмѣсто „Эабани“, и ставитъ вопросъ, не былъ ли быкъ, побѣжденный героемъ, получившей жизнь статуей (у Ледрена, въ его „Histoire d'Israël“, т. II, стр. 462—462.
2) Урхамси - по Смиту, Уріель—по Опперту.
3) Здѣсь приведенъ разсказъ о потопѣ, разобранный выше.

бара искупительнымъ обрядамъ, могущимъ доставить ему вѣчную жизнь среди боговъ. Такими-то удивительными разсказами украшали халдейскіе поэты начало своей исторіи [1]).

Насколько возможно судить въ настоящее время, Уру раньше другихъ городовъ пріобрѣлъ преобладающее значеніе въ странѣ. Расположенный на правомъ берегу Евфрата, недалеко отъ его стараго устья, онъ былъ важнымъ складочнымъ пунктомъ для морской торговли того отдаленнаго періода; и корабли его плавали не только по Персидскому заливу, но и достигали Индѣйскаго океана [2]). Онъ возвышался среди плоской равнины, прорѣзанной тамъ и сямъ песчаными холмами; посреди него высился трехъ-этажный храмъ, посвященный мѣстному божеству, Сину, построенный изъ кирпичей и покрытый асфальтомъ. Вокругъ города тянулась круговая цѣпь гробницъ, которыми любознательные путешественники широко воспользовались для научныхъ цѣлей [3]). На югѣ, еще ближе къ морю, процвѣтали Эриду, городъ бога Эа [4]), и Бабъ-Салиметн, южный портъ Халдеи [5]); на сѣверѣ— города Урукъ [6]), Ларсамъ [7]) и Сиртелла [8]). Скученные на не-

[1]) Фр. Ленорманъ, „Les Prémières Civilisations", т. II, стр. 146; Шрадеръ, „Die Höllenfahrt der Istar", 1874, стр. 57—68; Дж. Смитъ, „Assyrian Discoveries", стр. 165—222. Отрывки поэмы, въ которой разсказываются легенда объ Истубарѣ, были изданы П. Гауптомъ, „Das Babilonische Nimrodepos", in-4⁰, I отдѣленіе, 1884, и переведены большею частью Оппертомъ, „Fragments rélatifs à la mythologie assyrienne" въ „Histoire d'Israël", Ледрера, т. II, стр. 459-469. Изображенія различныхъ эпизодовъ были собраны Менаномъ, „Recherches sur la glyptique orientale", часть I-я; „Cylindres de la Chaldée", стр. 43—44, 63 и слѣд., 77—81, 84—102, и т. д.

[2]) Г. Раулинсонъ въ „Journal of the Geographical Society", т. XXVII, стр. 185.

[3]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. I. стр. 1[illegible]—16; Финци, „Ricerche", стр. 174—177. Городъ носитъ въ настоящее время названіе Мугаиръ, что значитъ „Асфальтовый".

[4]) „Рата" Птоломея; сравн. „Expédition de Mésopotamie", Опперта, т. I, часть 3-я, стр. 77. Теперь Абу-Шарейнъ (сравн. „Notes on Abon-Shahrien and Tel-el-Lahm" Тейлора въ „Journal of the R. Asiatic Society", т. XV, стр. 412.

[5]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?", стр. 228—229.

[6]) На первоначальномъ языкѣ Халдеи, Уну, Унугъ; Эрехъ или Орехъ Библіи (Бытіе, XIV, 1), Орхоэ древнихъ (Страбонъ, XVI, 1; Птоломей, V, 20), въ настоящее время Вархахъ.

[7]) На первоначальномъ языкѣ Баббаръ-Уну; сравн. Делича, „Wo lag das Paradies?", ст. 223—224; въ настоящее время Сенкерехъ.

[8]) Теперь Телль-Лохъ. Произношеніе сомнительно (Гоммель, „Die Semitischen

большомъ пространствѣ, города эти составляли одну изъ двухъ крупныхъ провинцій страны, носившую въ царскихъ спискахъ названіе земли Шумирской [1]). Нѣсколько сѣвернѣе, въ томъ мѣстѣ гдѣ Тигръ и Евфратъ отдѣляются другъ отъ друга только узкой полосой земли, находилась земля Аккадская, въ которой была расположена другая группа городовъ: Нипуръ, на правомъ берегу Шатъ-енъ-Нила [2]), почти на половинѣ пути между Вавилономъ и Урукомъ; Барсипъ, второй Вавилонъ, въ которомъ, согласно преданію, находилась Вавилонская башня [3]) и, наконецъ, Вавилонъ. Послѣдній состоялъ изъ двухъ городовъ, находившихся на берегу Евфрата: Ка-димирры, т.-е вратъ Божіихъ, и Динтирры, на мѣстѣ которой, якобы, находилось нѣкогда древо жизни [4]). Далѣе, Кути, на востокѣ [5]), и двойной городъ Сиппаръ и Агаде [6]) дополняли эту группу городовъ, носившую общее названіе—Кардуніашъ [7]). Каждый изъ этихъ городовъ имѣлъ, повидимому, своихъ царей и свои мѣстныя династіи, то находившіяся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ сосѣднимъ царямъ, то, въ свою очередь, подчинявшія ихъ своему владычеству.

Цари Уру носили титулъ патеши, или патизи, т.-е. царей-жрецовъ, и играли религіозную роль, по крайней мѣрѣ, постольку же, поскольку и политическую. Самымъ древнимъ изъ всѣхъ царей, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія, былъ Урбагусъ, или Урбау [8]), жившій, повидимому, приблизительно въ одно время съ царями

Völker", т. I, стр. 212—223; я принялъ версію Опперта „(Journal asiatique", 1882, т. XIX, стр. 79).

[1]) Относительно положенія земель Аккадской и Шумирской, сравн. Фр. Делича, „Wo lag das Paradies?", стр. 197 и слѣд.; Гомель „Die Semitischen Völker", стр. 246—266.

[2]) Ноферъ Талмуда, теперь Нифферъ.

[3]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?", стр. 216—217.

[4]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?", стр. 212—216.

[5]) Теперь Тилль-Ибрагимъ.

[6]) Фр. Ленорманъ, „Les Prémières Civilisations", т. II, стр. 105; Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies", стр. 209—212.

[7]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies", стр. 209—212. Сиппаръ и Агаде носятъ въ Библіи общее названіе Сефарваимъ, два Сиппара.

[8]) Раулинсонъ и Гинксъ (Hincks) предлагаютъ читать Урукъ, Уріякъ, аналогично съ названіемъ Эрекъ въ книгѣ Бытія XIV, 1[illegible] по Опперту, слѣдуетъ читать Урхамму въ память царя Урхамма классической легенды (Овидій, Metam. IV, 212); Гоммель въ послѣднее время предлагаетъ произносить Урбау („Die Semitischen Völker", т. I, стр. 380).

5-ой египетской династіи [1]). Владычество его распространилось и на земли Аккадскую и Шумирскую, а остатки его сооруженій можно видѣть еще въ настоящее время въ Ларсамѣ, Урукѣ, Нипурѣ, Сиппарѣ, а также въ самой столицѣ.

Все, что имѣетъ отношеніе къ этому царю, носитъ характеръ несомнѣнной древности. Не только кирпичи, проштемпелеванные его именемъ, зарыты гораздо глубже, чѣмъ кирпичи съ именами другихъ халдейскихъ князей, но самый стиль сооруженій, построенныхъ изъ этихъ кирпичей, грубъ и примитивенъ. Это храмы гигантскихъ размѣровъ, направленіе 4-хъ угловъ которыхъ строго сообразовано съ 4 главными сторонами свѣта. Развалины самаго большого изъ нихъ, находившагося въ Урукѣ, образуютъ возвышеніе приблизительно въ 70 метровъ въ поперечникѣ и 35 метровъ въ вышину; такъ что на эту постройку должно было пойти приблизительно 30 милліоновъ кирпичей [2]). Другіе памятники, хотя и меньшихъ размѣровъ, все же поражаютъ своей величиной. Ихъ количество и размѣры, за неимѣніемъ другихъ документовъ, достаточно убѣдительны для того, чтобы мы могли себѣ составить понятіе о могуществѣ воздвигнувшаго ихъ правителя и степени цивилизаціи его народа. Только завоеванія могли доставить царю Уру необходимое количество работниковъ для постройки всѣхъ этихъ сооруженій безъ истощенія силъ своей имперіи [3]).

Преемники Урбау, цари Дунги и Илги, продолжали начатыя имъ крупныя постройки. До насъ дошли только имена этихъ царей и ихъ вассаловъ, патизи городовъ Сиртеллы и Эриду. Извѣстно, впрочемъ, что двое изъ правителей Сиртеллы [4]), Урбау и сынъ его Гудіа, воздвигали дворцы и храмы, остатки которыхъ украшаютъ въ наше время галлереи Лувра. Найденныя въ нихъ статуи изображаютъ обыкновенно царей сидящими на тронѣ съ

---

[1]) Т. Пинчъ (Pinche), „Some recent Discoveries bearing on the Ancient History and Chronology of Babylonia", въ „Proceedings of the Society of Biblical Archaeology", 1882, стр. 8 и 12. Набунагидъ, царь Вавилонскій, объявляетъ (стихъ 520), что Парамсинъ царствовалъ за 3200 лѣтъ до него, т. е. за 3750 л. до Р. Х., (Оппертъ, въ „Journal asiatique", т. I, стр. 89).

[2]) Лофтусъ, „Chaldaea and Susiana", стр. 167 и слѣд., Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. I, стр. 156.

[3]) Оппертъ. „Histoire", стр. 46 и слѣд.; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. I, стр. 156.

[4]) Вѣроятно, этотъ Урбау не тождественъ съ Урбау, отцомъ Дунги (Томмель) Die semitischen Völker", т. I, стр. 485—486.

планами построенныхъ ими зданій на колѣняхъ. Статуи эти, которыя всѣ, къ сожалѣнію, обезображены временемъ, не отличаются изяществомъ и тонкой работой египетскихъ или современныхъ намъ статуй, но моделировка ихъ поражаетъ силой и легкостью рѣзьбы. Найденныя возлѣ нихъ головы, къ сожалѣнію, однако, не принадлежащія имъ, старательно исполнены и имѣютъ прекрасное выраженіе [1]). Это первое объединеніе страны подъ властью одного правителя было, кажется, непродолжительно: Уру утратилъ могущество и уступилъ гегемонію другимъ, менѣе знаменитымъ городамъ Халдеи. Мы находимъ имена различныхъ государей этого отдаленнаго періода въ отрывкѣ царскаго списка, составленнаго впослѣдствіи вавилонскими учеными [2]); нѣкоторые памятники подтверждаютъ въ общихъ чертахъ достовѣрность этого списка, но они слишкомъ немногочисленны, чтобы можно было, опираясь на нихъ, возстановить болѣе или менѣе связно исторію того времени. Одинъ только фактъ подтверждается всѣми документами, именно то, что при слѣдующихъ династіяхъ совершилось полное сліяніе двухъ господствующихъ расъ Халдеи. Древнее нарѣчіе совершенно исчезло изъ обиходнаго употребленія и сохранилось только въ коллегіи жрецовъ, какъ священный языкъ, необходимый для пониманія старинныхъ книгъ и соблюденія установленнаго ритуала.

Одному изъ сѣверныхъ правителей Халдеи, Шаргонѣ I, царю Агадискому, принадлежитъ честь окончательнаго утвержденія преобладанія семитическаго элемента [3]). Приключенія его послужили содержаніемъ многихъ народныхъ легендъ, которыми много лѣтъ спустя воспользовалась историческая наука. Постаментъ статуи, воздвигнутой ему впослѣдствіи въ городѣ Агади, носитъ слѣдующую надпись: „Шаргонъ, могущественный царь, царь Агадискій,—это я. Моя мать зачала меня, не зная моего отца, между

---

[1]) Дворецъ Гудія былъ открытъ въ Телѣ Лохѣ — Сарзекомъ. Гензен въ 1882 г. купилъ всѣ найденные тамъ памятники для Лувра, см. Оппертъ въ „Journal asiatique" 1882 г. т. XIX стр. 79—80 и въ „Comptes rendus de L'Academie des inscriptions et belles-lettres 1883, стр. 78—85. Heuzey „Les fouilles de „Chaldée" въ Revue archéologique, ноябрь 1881 г.; Перро и Шипье „Histoire de l'art" т. II, стр. 586 и слѣд.

[2]) Дж. Пинчъ, „Notes on a new List of Early Babylonian Kings" въ Proceedings of the Society of Biblical Archœology", 1881, стр. 37—46.

[3]) Шаргонъ помѣщается обыкновенно послѣ царей эламитской династіи. Свитокъ Набунагида, открытый и изданный Т. Пинчемъ (сравн. стр. 155 примѣч. 2) заставляетъ насъ отнести его царствованіе къ 3800 г.

тѣмъ какъ братъ моего отца угнеталъ страну. Она зачала меня въ городѣ Азупирану, расположенномъ на берегу Евфрата. Моя мать зачала меня, тайно родила меня; она положила меня въ тростниковую корзинку, осмолила ее и такъ бросила меня въ рѣку, вода которой не достигала меня. Теченіе рѣки донесло меня до гребца Акки. Акки, работникъ-гребецъ, въ добротѣ своего сердца подобралъ меня; Акки, работникъ-гребецъ, научилъ меня ремеслу; Иштаръ благопріятствовалъ мнѣ въ моей профессіи работника, я черезъ... лѣтъ достигъ царской власти". Все это — одна и та же народная сказка, украшающая исторію основателей религій и государствъ; это — исторія Моисея, брошеннаго въ рѣку и подобраннаго дочерью Фараона, исторія Кира и Ромула, покинутыхъ и вскормленныхъ до юношескаго возраста нашедшими ихъ пастухами [1]).

Шаргонъ I оставилъ по себѣ славу завоевателя. Онъ подчинилъ своей власти всѣ мелкія халдейскія государства, исключая царствъ Ларсамскаго и Апиракскаго, спустился внизъ по рѣкѣ до Персидскаго залива и, направивъ свое оружіе противъ Эламитовъ, неоднократно побѣждалъ ихъ и принудилъ платить дань. Сѣверныя племена, по имени Гутимъ, занимавшія всю страну между Тигромъ и Гордіенскими горами, тоже были покорены, и Шаргонъ проникъ въ Сирію; даже Кипръ не могъ устоять противъ его оружія, и побѣдитель воздвигъ свою статую на берегу этого острова, противоположномъ материку [2]). Возвратившись изъ походовъ, Шаргонъ отстроилъ храмъ въ Агади и пирамиду въ Улбарѣ, посвященную богинѣ Анунитѣ. Царствованіе его было съ одной стороны апогеемъ внѣшняго халдейскаго могущества, съ другой — началомъ внутренняго процвѣтанія семитической расы во всей Халдеѣ. Онъ устроилъ въ Уруихѣ библіотеку, которая доставила этому городу названіе Города Книгъ. Для пополненія этой библіотеки Шаргонъ тщательно собиралъ старинныя книги, заключавшія преданія халдейскихъ жрецовъ, а также приказывалъ составлять новыя книги на семитическомъ нарѣчіи. Одно изъ такихъ сочиненій, отличавшееся крупными размѣрами, вмѣщало въ себѣ собраніе различныхъ уставовъ древнихъ жрецовъ

[1]) Фоксъ Табольтъ, „A Fragment of ancient Assyrian Mythology (Transacitons of the Society of Biblical Archœology", т. I, стр. 271—280); Фр. Ленорманъ, „Les Première Civilisations", т. II, стр. 104—110.

[2]) Сейсъ, „The Ancient Empires", стр. 370.

и всѣ наблюденія предшествовавшихъ астрономовъ; другое — сообщало грамматическія правила обоихъ языковъ: семитическаго и несемитическаго. Что же касается трактатовъ по магіи и законовѣдѣнію, написанныхъ первоначально на древнемъ нарѣчіи, — Шаргонъ повелѣлъ ихъ перевести и снабдить комментаріями. Приведенные въ порядокъ и съ большимъ трудомъ переписанные на терракотовыя плитки, они просуществовали еще болѣе пятнадцати вѣковъ; царь ассирійскій Ашшурбанипалъ велѣлъ сдѣлать съ нихъ копіи, остатки которыхъ, подобранныя на развалинахъ Ниневіи, составляютъ одно изъ сокровищъ Британскаго Музея [1]).

Подъ конецъ своей жизни Шаргонъ опять предпринялъ походъ и проникъ, какъ говоритъ преданіе, на Синайскій полуостровъ (Маганъ); возмущеніе, вспыхнувшее въ его государствѣ, заставило его возвратиться. Онъ свергъ Кастубилу, царя Караллы, и, среди глубокаго, такъ доблестно водвореннаго имъ мира, закончилъ свое продолжительное царствованіе, длившееся пятьдесятъ четыре года. Преемникомъ его былъ сынъ его, Нарамсинъ, тоже воинъ и строитель. Нарамсинъ, подобно отцу, успѣшно сражался въ Халдеѣ и Сиріи и доходилъ до Синая. Но подвластное ему государство не надолго пережило его. Въ то время какъ несемитическія племена, жившія между Тигромъ и Евратомъ, были мало-по-малу ассимилированы семитами, — племена, обитавшія на востокъ отъ Тигра, сохранили свою независимость и основали могущественную имперію. Начинаясь у самаго берега рѣки богатою наносною равниною, Эламъ [2]) былъ не менѣе плодороденъ, чѣмъ и сама Халдея. Пшеница и ячмень давали тамъ урожай самъ-сто, а иногда и самъ-двѣсти [3]); финиковыя и другія пальмовыя деревья произрастали въ изобиліи, преимущественно близъ городовъ; другіе виды древесныхъ породъ: акаціи, тополь, ива, — распространены были по всей странѣ [4]). Но по мѣрѣ

[1]) Фр. Ленорманъ, „Etudes Accadiennes", 1-я часть, 3-я тетр. стр. 79, и „Les Prémières Civilisations", т. II, стр. 105—106; Ж. Менанъ, „La Bibliothèque du palais de Ninive". in 8[0], Парижъ, 1880.

[2]) Имя Иламту, Эламъ, семитическаго происхожденія и означаетъ „Высокая страна" (Шрадеръ, „Die Keilinschriften nnd das Alte Testament", 1882, стр. 111—112). Національное названіе было Шушинакъ, откуда произошло слово Сузіана.

[3]) Страбонъ, кн. XV, 3.

[4]) Лофтусъ, „Chaldœa and Susiana", стр. 270—346.

того, какъ почва постепенно возвышается, и равнина переходитъ въ Мидійское плоскогорье, климатъ становится все болѣе и болѣе холоднымъ, а страна все менѣе и менѣе производительной. Горы спускаются къ многочисленнымъ рѣкамъ, самыя значительныя изъ которыхъ, именно Укну (Хоаспесъ), Паситигрисъ, Улаи (Эвлеосъ), — въ нижнемъ своемъ теченіи не уступаютъ по ширинѣ Тигру и Ефрату. При сліяніи двухъ рукавовъ Хоаспеса, на рубежѣ обширной равнины, въ разстояніи 30—40 килом. отъ горъ, цари Эламскіе построили свою столицу, Сузу [1]). Крѣпость и дворецъ возвышались на склонахъ холма, господствующаго надъ всей долиной; у подножія его, по направленію къ востоку, тянулся городъ, построенный изъ высушенныхъ на солнцѣ кирпичей [2]). Выше по рѣкѣ находился городъ Мадакту, Бадака классическихъ авторовъ; далѣе шли большіе каменные города — Надиту, Хаману — носящіе, большею частью, титулъ царственныхъ городовъ [3]). Сузіана представляла въ самомъ дѣлѣ нѣчто вродѣ феодальной имперіи, раздѣленной на болѣе мелкія государства: Габардинъ [4]), Гусси [5]), Ниме, — независимыя другъ отъ друга, но часто соединенныя подъ властью общаго правителя, жившаго преимущественно въ Сузѣ. Послѣдняя была средоточіемъ цвѣтущей цивилизаціи, болѣе древней, можетъ быть, чѣмъ халдейская. То немногое, что мы знаемъ о религіи этого города по памятникамъ послѣдующей эпохи, переноситъ насъ въ новый міръ, полный странныхъ именъ и образовъ. Во главѣ божественной іерархіи стояли, кажется, два высшія божества, богъ и богиня, носившія въ Сузѣ имена: Шушинка и Нахунду; статуя богини Нахунду, недоступная для простыхъ смертныхъ, была скрыта въ священномъ лѣсу Сузы, откуда Ашурбанипалъ извлекъ ее въ седьмомъ вѣкѣ до нашей эры. Далѣе, слѣдуетъ 6 боговъ перваго порядка, которые дѣлились на двѣ тріады; самый извѣстный изъ нихъ, Умманъ, можетъ

---

[1]) Шушанъ или Шушунъ сузіанскихъ текстовъ, Шушанъ ассирійскихъ текстовъ (Оппертъ, „Les Inscriptions en langue susienne“ въ „Mémoires du Congrès des orientalistes de Paris“, т. II, стр. 179; „Etudes Sumérien nes“, стр. 83).

[2]) Оппертъ, „Les Inscriptions“, стр. 347.

[3]) Финци, „Ricerche per lo studio dell'antichità Assira“, стр. 293—304.

[4]) Амарди Страбона (Оппертъ, „Les Instructions“, стр. 173, 183).

[5]) Уксіи греческихъ и Кузистанъ современныхъ географовъ (Оппертъ, op. laud. стр. 183).

быть, кажется, отождествленъ съ греческимъ Мемнономъ [1]). Въ остальномъ сузанская цивилизація представляетъ, повидимому, большую аналогію съ халдейской: мы видимъ у эламитовъ и халдеевъ почти одни и тѣ же нравы, одни и тѣ же военные пріемы, однѣ и тѣ же ремесленныя и торговыя наклонности.

Между 2300 и 3280 годамъ до начала нашей эры, царь города Сузы, Кудуръ-Нахунду, спустился на равнины Евфрата, овладѣлъ всѣми городами отъ Уру до Вавилона и, захвативъ два изображенія халдейскихъ боговъ [2]), поставилъ ихъ въ видѣ трофеевъ въ храмахъ своей столицы. Онъ удалился, обложивъ данью всю страну, а преемники его основали здѣсь новую династію, которую Берозъ называетъ Мидійской и которую ошибочно считали арійской [3]).

Вторженіе хананеянъ и кочевниковъ въ Египетъ.

Паденію халдейской имперіи предшествовали нѣсколько добровольныхъ или вынужденныхъ эмиграцій. Одна изъ нихъ направилась въ сторону Ашшура и осѣла въ бассейнѣ средняго Тигра [4]); другая достигла Сиріи. Я не знаю, слѣдуетъ ли считать эти переселенія одновременными событіями или послѣдовательными вторженіями; во всякомъ случаѣ, они были вызваны, какъ мнѣ кажется, одной и той же причиной, именно появленіемъ въ западной Азіи новыхъ народовъ. Позднѣйшіе историки, собравшіе дошедшіе до нихъ смутные отголоски азіатскихъ преданій, приписываютъ вторженіе скиѳамъ: они утверждаютъ, что одинъ скиѳскій царь, неправдоподобно именуемый Индатирсесомъ, побѣдоносно прошелъ всю Азію и проникъ даже въ Египетъ [5]). И дѣйствительно, покореніе Египта было какъ бы подобно тому историческому моменту, который въ четвертомъ и пятомъ вѣкѣ нашей эры повліялъ рѣшающимъ образомъ на

---

[1]) Ленорманъ, „La Magie“, стр. 137 - 323.

[2]) Дата взята нами изъ одной надписи Ашурбанипала (Дж. Смитъ. „History of Assurbanipal“, стр. 251), въ которой этотъ царь разсказываетъ, что онъ перенесъ изъ Сузы въ Вавилонъ статую богини Нана, захваченную 1635 годами раньше царемъ Кудуръ-Нуханду.

[3]) См. объ этомъ у Опперта, „Histoire“, стр. 9—10, и Дж. Раулинсона. „The five great Monarchies“, т. I, стр. 159—161.

[4]) „Бытіе“, X, 11—12.

[5]) Страбонъ, кн. XV, гл. I, „Indica“, 5—6.

паденіе Римской имперіи. Мы уже раньше указали, что большинство семитическихъ племенъ сконцентрировалось еще въ глубокой древности на западномъ и южномъ берегахъ Персидскаго залива. Они научились мореплаванію, чему много благопріятствовалъ характеръ мѣстности, и обогатились торговлей. Ихъ караваны, отправились по Аравійской пустынѣ, доходили до береговъ Краснаго моря, а откуда проникали въ Африку. Вотъ почему, безъ сомнѣнья, національное имя одного изъ этихъ племенъ, Пунтъ, Пёни, Пюни, прилагалось египтянами къ Аравіи и къ землѣ Сомаловъ [1]). Первое вторженіе было произведено племенемъ Кушъ въ бассейнѣ рѣки Нила; второе — было переселеніемъ племени Пунтъ на сѣверъ Египта. Классическое преданіе считаетъ причиной этого выселенія народовъ сильныя землетрясенія; мнѣ кажется, что переселеніе эламитовъ въ Халдею было не чуждо этой причины. Покинувъ родину, они направились къ западу, увлекая за собой встрѣчаемые на пути народы. Согласно одной версіи, они шли вдоль Евфрата и, отдохнувъ въ окрестностяхъ Вавилона, на берегахъ большого Ассирійскаго озера, проникли въ Сирію съ сѣвера [2]). По свидѣтельству же арабскихъ историковъ, они прошли по Аравійскому полуострову между устьями Евфрата и долиной рѣки Іордана [3]). Побѣдивъ безъ труда оказавшія имъ сопротивленіе полуварварскія племена,—Рефаимъ, Нифилимъ, Зомзоммимъ,—они овладѣли всей страной отъ Евфрата до Суэцкаго перешейка. Но этимъ не окончилось ихъ движеніе впередъ: нѣкоторыя племена, привлеченныя, вѣроятно, молвой о богатствѣ Египта, перешли пустыню, отдѣлявшую Африку и Азіи, и проникли въ Нильскую долину [4]).

---

[1]) Маріеттъ, „Sur une découverte récemment faite á Karnak“, въ „Comptes rendus“, 1874, стр. 247—249, и въ Listes géographiques des pylones de Karnak“ стр. 60—66. Съ 4-й династіи упоминается богиня Гаторъ, какъ покровительница Пунта.

[2]) Юстинъ, кн. XVIII, гл. III, § 2. Ассирійскимъ озеромъ, можетъ быть, или Баръ-и-Неджифъ, или озеро Бамбисъ (Гутшмидъ, „Beitraege zur Geschichte des alten Orients“, I, 1858, стр. 26). Поддерживать отождествленіе его съ озеромъ Меромъ (Гитцигъ, „Urgeschichte und Mythologie der Philistœer“, стр. 181—183)—невозможно.

[3]) Коссенъ де Персеваль, „Histoire des Arabes“, т. I, стр. 38 и слѣд. О недостовѣрности преданій, собранныхъ арабскими историками, сравн. Т. Нёльдеке, „Ueber die Amalekiter“, стр. 34 и слѣд.

[4]) Финикійское происхожденіе царей-кочевниковъ и ихъ народа засви-

Условія того времени особенно благопріятствовали вторженію. Какъ и во всѣ смутныя эпохи своей исторіи, Египетъ былъ тогда раздѣленъ на мелкія, вѣчно воюющія другъ съ другомъ княжества, никогда не желавшія подчиниться законному государю. Четырнадцатая династія, загнанная въ Ксоисъ, въ самый центръ Дельты, оканчивала свое существованіе среди безпорядковъ и гражданскихъ войнъ; она не выдержала напора и была сразу свергнута завоевателями. „У насъ царствовалъ Тимеосъ. Не знаю, почему во времена этого царя богъ прогнѣвался на насъ. Вопреки всякому ожиданію, пришли съ востока люди невѣдомаго происхожденія, внезапно вторглись въ страну и легко завладѣли ею безъ битвы [1])“. Какъ будто туча саранчи налетѣла на Египетъ. Города и храмы были разрушены, разграблены, сожжены. Часть мужского населенія была перебита; другая часть вмѣстѣ съ женщинами и дѣтьми была взята въ рабство. Мемфисъ былъ взятъ, вся Дельта покорена; варвары выбрали царемъ одного изъ своихъ начальниковъ, по имени Шалати (Салатисъ, Саитесъ) [2]). Шалати положилъ основаніе ихъ правильной правительственной организаціи; онъ выбралъ столицей Мемфисъ и обложилъ податью своихъ египетскихъ подданныхъ.

Двѣ опасности угрожали ему: на югѣ ѳиванскіе князья, сосредоточивъ въ своихъ рукахъ управленіе страною послѣ паденія Ксоисской династіи, отказали ему въ повиновеніи и оказывали сопротивленіе. На сѣверѣ же приходилось сдерживать алчность хананейскихъ племенъ, поселившихся въ Сиріи, и честолюбіе эламитскихъ завоевателей Халдеи [3]). Шалати сразу сообразилъ, что ему слѣдуетъ дѣлать. Египтяне, раздѣленные и

дѣтельствовано Манеѳономъ, изд. Унгера, стр. 140 и слѣд. и другими хро-
нографами. Сравн. переходъ Конона въ греческихъ миѳографахъ Вестерма-
на, стр. 141: οἱ δὲ Φοίνικες τότε μέγα τε, ὡς λόγος, ἴσχυον, καὶ
πολλὴν τῆς Ἀσίας καταστρεφόμενοι, τὸ βασίλειον ἐν Θήβαις ταῖς
Αἰγυπτίαις ἔχον. Эта гипотеза о происхожденіи Гиксовъ принята Лепсіу-
сомъ, „Nubische Grammatik“, введеніе, CVIII и слѣд., и Гоммелемъ. „Die Se-
mitischen Völker“, т. I, стр. 125 и слѣд.

[1]) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 140.

[2]) Существовало предположеніе, что имя Шалати было найдено на разбитой картушѣ сфинкса Телль-Мохдама; однако, толкованіе это до сихъ поръ остается сомнительнымъ (Эберсъ, „Aegypten und die Bücher Moses“, стр. 202; Эд. Мейеръ, „Set-Typhon“, стр. 56; Лаутъ, „Manetho“, стр. 249).

[3]) Манеѳонъ неправильно называлъ ихъ ассиріянами.

ослабленные своими несогласіями, были для него въ эту минуту нисколько не опасны; онъ ограничился лишь сооружеіемъ въ стратегическихъ пунктахъ долины укрѣпленныхъ постовъ, обезпечивавшихъ ему покорность окружающихъ номовъ и перенесъ главныя силы къ перешейку.

Благодаря мирнымъ переселеніямъ, столь частымъ при 12-й династіи, азіатскія племена уже проникли въ восточную часть Дельты. Посреди этихъ племенъ и на развалинахъ древняго города Гауару (Аварисъ), легендарная исторія котораго была связана съ миѳомъ объ Озирисѣ и Тифонѣ, Шалати основалъ обширный укрѣпленный лагерь, способный вмѣщать 240,000 солдатъ. Каждый годъ, лѣтомъ, онъ отправлялся туда, чтобы присутствовать при военныхъ упражненіяхъ, платить жалованье солдатамъ и распредѣлять провіантъ. Этотъ постоянный гарнизонъ ограждалъ новое царствованіе отъ вторженій и сталъ для преемниковъ Шалати неистощимымъ разсадникомъ отличныхъ солдатъ, съ помощью которыхъ они докончили завоеваніе Египта. Болѣе двухсотъ лѣтъ понадобилось на подчиненіе ѳиванскихъ князей; пять царей— Бнонъ, Апахнасъ, Апопи I, Іаннасъ и Ассесъ—всю свою жизнь „провели въ вѣчныхъ войнахъ, стремясь искоренить ихъ въ Египтѣ [1]“. Царю Ассесу удалось, наконецъ, свергнуть 15-ю династію и сдѣлаться единственнымъ повелителемъ всего Египта.

Египтяне называли кочевыя сирійскія племена Шусъ, Шасу, „грабителями“, „ворами“, т.-е именемъ, которое они съ не меньшимъ правомъ, чѣмъ и наши современники примѣняли къ бедуинамъ пустыни. Такъ же называли они и своихъ азіатскихъ побѣдителей: хананейскій царь былъ для нихъ царемъ Шасу, Гикъ-Шасу, откуда греки произвели слова Гикусосъ, Гиксосъ [2]. Пришлый народъ назывался у нихъ общимъ именемъ Ментіу, — пастухи, или Ситіу, стрѣлки изъ лука. Воспоминаніе о жестокости пришельцевъ долго жило въ памяти египтянъ; 20 вѣковъ

---

1) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 141. Іеверіа предполагалъ, что нашелъ ихъ имена въ отрывкѣ царственнаго Туринскаго папируса („Lettre à M. Auguste Mariette sur quelques monuments relatifs aux Hyq-Sôs“ въ „Revue Archéologique“, 1861, т. III, стр. 253 256; сравн. Лаутъ, Aegyptische Chronologie“, стр. 136 и слѣд.).

2) Манеѳонъ, тамъ же, стр. 142. Гиксосъ соотвѣтствуетъ единственному числу Гикъ-Шасу, т. е. царь Шасу, а Гикусосъ - множественному Гику-Шосу, т.-е. цари Шасу.

спустя историкъ Манеѳонъ приходилъ въ изступленіе по этому поводу. Народная ненависть надавала имъ позорныхъ эпитетовъ, называя ихъ проклятыми, зачумленными, прокаженными [1]. Несмотря на это, они скоро дали себя прибрать къ рукамъ. Хотя побѣдители и стояли выше въ политическомъ и военномъ отношеніи, однако они вполнѣ сознавали нравственное и умственное превосходство своихъ подданныхъ. Цари ихъ скоро поняли, что гораздо выгоднѣе эксплуатировать страну въ свою пользу, чѣмъ разорять ее, и такъ какъ среди завоевателей никого не нашлось, кто бы могъ разобраться въ сложныхъ операціяхъ государственной казны, пришлось воспользоваться египетскими чиновниками, какъ въ дѣлѣ фиска, такъ и въ дѣлѣ администраціи. Допущенные въ мѣстные школы, варвары быстро восприняли египетскую цивилизацію. Все прежнее великолѣпіе двора фараоновъ окружило теперь царей-пастуховъ, сопровождаемыхъ обыкновенно многочисленной свитой изъ болѣе или менѣе крупныхъ сановниковъ; царскій формуляръ Хеопсовъ и Аменемхатовъ былъ примѣненъ къ иностраннымъ именамъ Іаннеса и Апопи. Религія египтянъ, не признанная оффиціально, была терпима, а религія хананеянъ подверглась нѣкоторымъ измѣненіямъ, во избѣжаніе возможности слишкомъ сильнаго оскорбленія религіознаго чувства поклонниковъ Озириса.

Сутехъ, воитель, національный богъ побѣдителей, былъ отождествленъ съ египетскимъ Сетомъ. Въ Танисѣ, сдѣлавшемся столицей страны, были вновь открыты храмы и увеличено число дворцовъ. На развалинахъ этого города найдены сфинксы и статуи, дающіе намъ возможность судить о состояніи скульптуры во времена кочевниковъ. „Глаза малы; носъ—крупный, горбатый и плоскій; толстыя и скуластыя щеки, выдающійся подбородокъ и ротъ, углы котораго опущены особеннымъ образомъ. Общій характеръ лицъ поражаетъ грубостью чертъ, а жесткія космы волосъ, обрамляющія какъ бы утопающую въ немъ голову, придаютъ памятникамъ еще болѣе поразительный видъ [2]“. Эта

---

1) Шабасъ, „Mél. égyptologiques“, 1-я серія, стр. 28—41.

2) А. Марьеттъ, „Lettre à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis“, стр. 9. Фр. Ленорманъ открылъ въ Римѣ обломки одной египетской статуи, которая ему кажется приближающейся къ этому типу („Frammento di statua di uno dei re pastori di Egitto“, извлечено изъ „Boletino della Commissione Comunale di Roma“ 1877).

новая цивилизація, наполовину египетская, наполовину семитическая, развилась во время второй династіи царей-пастуховъ, которую національные исторіографы въ концѣ-концовъ признали и начали разсматривать какъ 16-ю египетскую династію [1]).

Если во времена фараоновъ народы Сиріи массами приходили въ Египетъ, гдѣ обращались съ ними какъ съ подвластными, а можетъ-быть даже какъ съ рабами, то во времена царей-пастуховъ переселенческое движеніе еще усилилось. Новые пришельцы находили на берегахъ Нила людей своей расы, превращенныхъ, правда, въ египтянъ, но не забывшихъ окончательно ни своего языка, ни своего происхожденія. Такъ какъ побѣдители чувствовали необходимость укрѣпиться среди враждебнаго имъ народонаселенія, они съ тѣмъ большей предупредительностью встрѣчали новыхъ пришельцевъ. Царскіе дворцы неоднократно открывались для совѣтниковъ и фаворитовъ азіатскаго происхожденія, а укрѣпленный лагерь въ Гауарѣ часто заключалъ въ себѣ сирійскихъ и арабскихъ рекрутовъ. Нашествія, голодъ, гражданскія войны,—все, казалось, толкало къ переселенію въ Египетъ не только отдѣльныхъ личностей, но и цѣлыя племена. По свидѣтельству Библіи, одна семья семитическаго происхожденія выселилась изъ Ура халдейскаго и, подъ предводительствомъ легендарнаго Ѳарры, утвердилась на лѣвомъ берегу Евфрата, близъ Харрана, въ Месопотаміи. Вскорѣ послѣ того она, вмѣстѣ съ Аврамомъ или Авраамомъ, перешла Евфратъ и прошла всю Сирію, съ сѣверныхъ до южныхъ ея предѣловъ. Люди Авраама, утвердившись послѣ многихъ превратностей въ окрестностяхъ Киріатъ Арбы, распространились оттуда по всему Ханаану. Нѣкоторые изъ нихъ перешли Іорданъ и сдѣлались родоначальниками моавитянъ и аммонитянъ; другіе, углубившись на югъ пустыни, смѣшались съ эдомитами. Остальные приняли имя Дѣтей Израиля [2])

[1]) Къ этой эпохи относится, вѣроятно, царь Апопи Аусирри, имя котораго можно прочесть на двухъ деревянныхъ дощечкахъ, хранящихся въ Берлинскомъ музеѣ (Эйзенлоръ, „An Historical Monument“, въ Proceeding of the Society of Biblical Archaeology“, 1881, стр. 97—98). Это вѣроятно, тотъ самый Аусирри, на тридцать третьемъ году царствованія котораго былъ переписанъ математическій трактатъ папируса Ринда (Эйзенлоръ, „Ein Mathematisches Handbuch“, стр. 7, 28).

[2]) Израиль, „Богоборецъ“, прозваніе, принятое Іаковомъ, согласно одной легендѣ, послѣ его борьбы съ Богомъ (Кн. Бытія, XXXII, 24—32).

и, послѣ долгихъ скитаній по равнинамъ и горамъ Ханаана, спустились въ Египетъ со всѣмъ своимъ имуществомъ.

Согласно легендѣ, патріархъ Іаковъ имѣлъ 12 сыновей. Самаго младшаго изъ нихъ, Іосифа, братья ненавидѣли за то, что отецъ оказывалъ ему предпочтеніе. Они продали его купеческому каравану, ѣхавшему въ Египетъ, и увѣрили отца, что дикій звѣрь растерзалъ его любимое чадо. Но Богъ былъ съ Іосифомъ и помогалъ ему. Проданный одному изъ главныхъ царскихъ чиновниковъ, Пентефрію, онъ скоро сдѣлался управителемъ у своего господина, а потомъ и первымъ министромъ фараона. Когда въ голодный годъ братья его пріѣхали въ Египетъ для закупки хлѣба, онъ открылся имъ и привелъ ихъ къ царю. Тогда фараонъ сказалъ Іосифу: „Скажи твоимъ братьямъ слѣдующее: навьючьте животныхъ и уѣзжайте къ себѣ въ Ханаанъ, возьмите вашего отца и ваши семьи и возвращайтесь ко мнѣ; я вамъ дамъ лучшую землю Египта, и вы будете пользоваться лучшими благами земли“ [1]). Израиль отправился въ путь со всѣмъ своимъ имуществомъ, „и дѣти Израиля посадили Іакова, своего отца, и своихъ маленькихъ дѣтей и женъ въ колесницы, присланныя фараономъ. Они увели съ собой весь скотъ и все, что пріобрѣли въ Ханаанѣ, и Іаковъ и вся семья его прибыли въ Египетъ“ [2]). Они поселились между Себеннитскимъ рукавомъ Нила и пустыней, въ странѣ Гошенъ [3]), гдѣ они чрезмѣрно размножились [4]). Преданіе относитъ ихъ водвореніе въ Египтѣ ко времени одного изъ царей-пастуховъ, по имени Афобиса [5]). Это, очевидно, былъ одинъ изъ Апопи, тотъ самый, можетъ быть, который украсилъ Танисъ, и монументы котораго были найдены Марьеттомъ.

Какъ во времена господства туземныхъ фараоновъ, такъ и при иноплеменныхъ царяхъ, въ Египтѣ продолжало существовать феодальное устройство. Кочевники владѣли Дельтой вмѣстѣ съ городами Мемфисомъ, Гауару и Танисомъ, — но, кажется, непосредственное ихъ господство не простиралось за предѣлами Мем-

[1]) Бытіе, XLV, 17—18.

[2]) Ibid, XLVI, 5—6.

[3]) Земля Гесемская въ русск. переводѣ Свящ. Исторіи.

[4]) Относительно пространства, занимаемаго страной Гошенъ можно почерпнуть свѣдѣнія въ сочиненіи Эберса, „Durch Gosen zum Sinai“.

[5]) Іоаннъ Антіохійскій, отрыв. 39, у Мюллера, „Fragm. H. Gr., т. IV.

фиса, далѣе Файюма [1]). Верхній Египетъ и прилегающая къ нему часть Нубіи такъ же, какъ и при 11-й династіи, находились въ рукахъ мѣстныхъ тирановъ, обязанныхъ платить ежегодно дань. Ѳивы, пользовавшіяся преобладаніемъ со времени Аменемхата I, сохранили за собой родъ гегемоніи надъ этими мелкими князьями, что дѣлало ихъ правителей естественными соперниками государей Дельты. Неоднократно во время 16-й династіи ѳиванцы старались сбросить съ себя чужеземное иго, но все безуспѣшно; только послѣ двухвѣкового подчиненія дѣло дошло до дѣйствительнаго возстанія. Въ то время Апопи царствовалъ въ Танисѣ, а ѳиванскій князь, Сокнури Тіауа I [2]), сдѣлавшійся впослѣдствіи царемъ (сутонъ), былъ пока только правителемъ (гикъ) южныхъ округовъ. Ближайшія причины возстанія намъ неизвѣстны, и, кажется, сами египтяне не болѣе насъ знали объ этомъ. Народное воображеніе произвольно истолковало впослѣдствіи это событіе и сообщило ему чисто миѳическій характеръ. Судя по свѣдѣніямъ, относящимся ко времени 19-й династіи [3]), съ тѣхъ поръ установилось мнѣніе, что столкновеніе было вызвано религіозными мотивами. „И вотъ, царь Апопи объявилъ Сутеха верховнымъ божествомъ и не признавалъ, кромѣ Сутеха, ни одного изъ боговъ Священной Страны. Онъ построилъ у воротъ своего дворца храмъ превосходной и долговѣчной работы и ежедневно, вставъ отъ сна, приносилъ жертвы богу Сутеху, между тѣмъ какъ вассалы государя присутствовали при этомъ съ гирляндами цвѣтовъ, совершенно такъ же, какъ это дѣлалось въ храмѣ Фра-Гармахиса“. Окончивъ постройку храма, онъ задумалъ подчинить культу своего бога и ѳиванскаго князя, но вмѣсто силы употребилъ при этомъ хитрость. Онъ созвалъ своихъ книжниковъ, и тѣ дали ему слѣдующій совѣтъ: „Пошли вѣстника къ начальнику Южнаго города и вели сказать ему: „Царь Ра-Апопи посылаетъ сказать тебѣ: повели изгнать гиппопотамовъ изъ каналовъ своей страны, такъ какъ они не даютъ мнѣ спать ни днемъ, ни ночью“. Онъ не

[1]) А. Марьеттъ, „Notice des Monuments“, стр. 56. Въ концѣ 1883 года мною были найдены въ Дамангурѣ остатки памятниковъ, сходныхъ съ произведеніями искусства времени кочевниковъ.

[2]) Относительно произношенія этого имени см. „Études égyptiennes“, т. I, 199, 2.

[3]) Сальерскій папирусъ № 1, въ которомъ сохранилось начало этого сказанія, былъ написанъ въ срединѣ или концѣ эпохи девятнадцатой династіи.

сможетъ отвѣтить тебѣ ни да, ни нѣтъ. Тогда ты пошлешь къ нему другого вѣстника со словами: „Царь Ра-Апопи повелѣлъ сказать тебѣ: если глава Юга не можетъ мнѣ отвѣтить, пусть онъ не поклоняется другому богу, кромѣ Сутеха; но если онъ дастъ мнѣ отвѣтъ и сдѣлаетъ то, что я ему приказываю, я ничего не отниму у него и не стану поклоняться другому богу земли египетской, кромѣ Аммона-Ра, царя боговъ“ и національнаго божества ѳиванцевъ. Какъ ни странно это заявленіе, восточное преданіе влагаетъ аналогичныя слова и въ уста другихъ царей. Такъ фараонъ Нектанеба передаетъ черезъ своего посла вавилонскому царю Лицерусу: „У меня въ Египтѣ есть кобылицы, которыя слышатъ ржаніе коней, находящихся подъ Вавилономъ“. Вавилонянинъ, не желая остаться въ долгу, имѣлъ, въ свою очередь, кошку, которая душила ночью мемфисскихъ пѣтуховъ и къ утру возвращалась домой [1]). Конечно, гиппопотамы ѳивскаго озера, которыхъ нужно было изгнать, чтобы они не мѣшали спать царю Таниса, сродни тѣмъ лошадямъ, ржаніе которыхъ въ Египтѣ доносилось до Вавилона, и той кошкѣ, которая въ одну ночь совершала путешествіе изъ Вавилона въ Египетъ и обратно. Къ сожалѣнію, сказка эта подверглась извращенію: Сокнунри вышелъ цѣлъ и невредимъ, а Апопи, запутавшись въ своихъ сѣтяхъ, принужденъ былъ отречься отъ Сутеха и признать культъ Аммона-Ра. Очень вѣроятно, что онъ отказался подчиниться собственному рѣшенію и объявилъ войну счастливому сопернику [2]).

Война продолжалась болѣе столѣтія и кончилась тѣмъ, что Тіауа I принялъ титулъ царя и основалъ 17-ю (діосполитанскую) династію. Всѣ мелкіе египетскіе князья приняли его сторону противъ національнаго врага и присоединились къ нему со своими войсками. Кочевники были прогнаны съ занятыхъ ими позицій въ среднемъ Египтѣ и отодвинуты до Мемфиса. Послѣ ожесточенной борьбы Мемфисъ былъ взятъ царемъ, котораго Манеѳонъ

[1]) Жизнь фригійца Эзопа, перевед. на франц. яз. Лафонтеномъ („Fables“ Лафонтена, изд. Лемерра, т. I, стр. 41—45).

[2]) Ж. Масперо, Études égyptiennes“, т. I, стр. 195—216; „Les Contes populaires de l'Ancienne Egypte“, стр. 185—196. Я не принимаю во вниманіе царя Нубти, о которомъ говорится въ одной танисской надписи (Марьеттъ, „La Stèle de l'an 400), и котораго всѣ египтологи причисляютъ къ царямъ-пастухамъ; въ другомъ мѣстѣ я уже указалъ, что вижу въ этой надписи намекъ на бога Сета, считавшагося государемъ Египта во времена божественныхъ династій (сравн. „Revue critique“, 1880, т. 1, стр. 467).

называетъ Алисфрагмутозисомъ. Вытѣсненные изъ западной части Дельты кочевники столпились въ своемъ укрѣпленномъ лагерѣ, въ Гауару. Они долго еще продержались здѣсь, несмотря на отчаянныя усилія ѳиванцевъ; Сокнунри III Тіуакену, Камосу и ихъ вассаламъ не удалось овладѣть крѣпостью кочевниковъ. Ахмосъ I, преемникъ Камоса, былъ счастливѣе ихъ и на пятомъ году своего царствованія овладѣлъ укрѣпленіемъ Гауару. Остатки побѣжденной арміи удалились въ Сирію; египтяне преслѣдовали ихъ и тамъ еще разъ разбили ихъ при Шаруханѣ [1]) въ VI году царствованія Ахмоса. Послѣ 6 съ лишнимъ вѣковъ иноземнаго владычества, Египетъ былъ, наконецъ, свободенъ отъ самыхъ водопадовъ до береговъ Средиземнаго моря [2]).

Война за освобожденіе продолжалась болѣе 150 лѣтъ: она окончательно дезорганизировала Египетъ и покрыла его развалинами. Ахмосъ прежде всего занялся приведеніемъ въ порядокъ дѣлъ правленія. Мелкіе князья, помогавшіе ему въ борьбѣ съ кочевниками, были низведены на степень наслѣдственныхъ правителей отдѣльныхъ номовъ; въ утѣшеніе имъ были оставлены почести и царскій титулъ, присвоенный себѣ многими изъ нихъ и учрежденный ими до самой смерти [3]). Хотя Нубія, по крайней мѣрѣ номинально, никогда не переставала составлять часть имперіи,— правители ея не сразу рѣшились признать непосредственную верховную власть фараоновъ. По возвращеніи изъ похода въ Азію, Ахмосу I-му пришлось немедленно отправиться на югъ, противъ возмутившихся племенъ Хонтонноферъ, которыя послѣ своего пораженія принуждены были покориться. Даже Египетъ призналъ не безъ сопротивленія власть одного государя. На югѣ его вспыхнулъ мятежъ, подъ предводительствомъ Тити-ану, который стѣснялъ въ продолженіе нѣкотораго времени дѣйствія царскаго флота [1]). Съ разбитіемъ и взятіемъ въ плѣнъ Тити-ану, мятежъ прекратился, и Ахмосъ могъ спокойно отдаться мирнымъ занятіямъ. Цари предшествовавшихъ династій, обезсиленные и озабоченные, не продолжали крупныхъ построекъ, начатыхъ въ Ѳивахъ ихъ предками, царями двѣнадцатой и тринадцатой династій. Ахмосъ реставрировалъ святилище Аммона и началъ постройку нѣкоторыхъ другихъ, менѣе важныхъ религіозныхъ зданій [2]). Мемфисъ, бывшій долго яблокомъ раздора между египтянами и кочевниками, сильно пострадалъ, и храмы его лежали въ развалинахъ. Въ XXII-й годъ своего царствованія Ахмосъ торжественно открылъ древнія каменоломни въ Турахѣ и принялся за возстановленіе большого храма Фта [3]). Конечно, работы эти производились военно-плѣнными кочевниками и нубійцами; изъ простыхъ работниковъ, какими они были при Апопи, египтяне превратились въ главныхъ мастеровъ, тогда какъ азіаты снова принялись добывать камни, выдѣлывать кирпичи, какъ и до вторженія. Манеѳонъ разсказываетъ, что царь, желая отдѣлаться отъ остатковъ побѣжденной арміи, заключилъ съ нею договоръ, по истеченіи срока котораго она удалилась въ Сирію [4]). Большая часть націи, утвердившаяся между пустыней и восточными рукавами Нила, предпочла рабство въ богатой египетской землѣ всѣмъ случайностямъ свободы, которую ей открывала эмиграція. Кочевники, а съ ними іудейскія и сирійскія племена, которымъ они оказали гостепріимство, остались на этой землѣ, но уже не въ качествѣ хозяевъ. Ихъ укрѣпленный лагерь былъ уничтоженъ; съ цѣлью удержать ихъ въ повиновеніи, была выстроена крѣпость Зару, служившая также аванпостомъ Египту на случай новаго нападенія азіатскихъ народовъ. На столицу Апопи, Танисъ, смотрѣли, какъ на врага и оставили ее въ томъ разоренномъ видѣ, въ какой повергла ее война; въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ она исчезаетъ изъ исторіи [5]).

[1]) Вѣроятно, городъ Шарухена, изъ колѣна Симеонова, „Josue“ (книга Івсуса Навина), XIX, 6.

[2]) Источники для изученія этой эпохи могутъ служить: Лепсіусъ, „Chronologie“; Бругшъ, „A History of Egypt under the Pharaohs“, т. I, стр. 198 и слѣд.; Масперо, „Revue critique“, 1870, стр. 116, и „Une Enquete judiciaire à Thébes“, стр. 71–81; Erman, Zur Chronologie der Nyxos въ Zeitschrift 180; Л. Штернъ, „Die Nyksos“, въ „Deutsche Revue“, VII. Шабасъ соединилъ въ одномъ спеціальномъ сочиненіи почти все, что до сихъ поръ извѣстно о кочевникахъ, „Les Pasteurs en Egypte“, Амстердамъ, 1886, in-4º.

[3]) Бирчъ, „Le Papyrus Abbott“. стр. 175 b. Самые извѣстные изъ этихъ князей, именно правители Нехаба, но имѣли гербовъ; гробницы ихъ, благодаря тонкости рисунка ихъ украшеній, можно сравнить съ лучшими гробницами Бени-Гассана. Другіе князья извѣстны намъ или по небольшимъ оставшимся послѣ нихъ памятникамъ или по спискамъ, хранящимся въ гробницахъ ѳивскаго некрополя (Лепсіусъ, „Denkm“, III, табл. 2).

[1]) Лепсіусъ, „Auswahl“, т. XIV и „Denkm.“, III, 37, строк. 17—22 надписи Ахмосъ-си-Абина.

[2]) Э. де Руже, „Etude sur les monuments du massif de Karnak“, въ „Mélangess d'archéologie égyptiene“, т. I.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 71; сравн. Бругшъ, Zeitschrif“, 1867, стр. 89—93.

[4]) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 150–151.

[5]) Гробница и тѣла царя, жены его Нефертарэ, одного изъ ихъ сыновей

Ахмосъ I, царь освободитель, всегда пользовался большимъ уваженіемъ египтянъ: они объявили его богомъ и основателемъ новой 18-й династіи [1]). Онъ получилъ корону по правамъ своей жены, Нофертарэ, дочери царя Камоса и царицы Ахотепъ [2]); она раздѣлила съ нимъ воздаваемыя ему божескія почести и даже вытѣснила его изъ благоговѣйнаго вниманія вѣрующихъ [3]). Сынъ ихъ, Аменготепъ (Аменотесъ I) [4]), продолжалъ политику своего отца. Неизвѣстно, что онъ сдѣлалъ по отношенію къ Сиріи, но на югѣ онъ далеко расширилъ границы имперіи. Цѣлый рядъ удачныхъ экспедицій способствовалъ проникновенію египетской арміи въ самый центръ Эѳіопіи и докончилъ ея завоеваніе [5]). Съ этихъ поръ фараонамъ не приходилось болѣе вести большихъ войнъ на югѣ: достаточно было нѣсколько внезапныхъ набѣговъ, чтобы привести въ полу-повиновеніе племена пустыни и снабдить Египетъ достаточнымъ количествомъ черныхъ рабовъ. На югѣ египетская цивилизація не только водворилась въ прежнихъ границахъ, но даже перешла за предѣлы принадлежавшей ей территоріи, утраченной со времени 14-ой династіи, благодаря инозем-

одной изъ ихъ дочерей, умершихъ въ раннемъ дѣтствѣ, а также нѣсколькихъ принцевъ и принцессъ царской фамиліи, открыты въ 1881 г. въ тайникѣ Дейръ-эль-Бахари и находятся въ настоящее время въ Булакскомъ музеѣ (Масперо, „Guide du Visiteur", глав. V, § 2; зала царственныхъ мумій).

[1]) Марьеттъ, „Notice des monuments", стр, 272—273.

[2]) Нофертарэ изображается иногда съ чернымъ лицомъ (Шампольонъ, „Notices", т. I, стр. 520—525, 846 и стр. 534), что подало поводъ думать что она была дочерью негритянскаго князя, и что Ахмосъ женился на ней съ цѣлью пріобрѣсти въ отцѣ ея союзника противъ кочевниковъ. Но эта черная окраска, довольно, впрочемъ, рѣдкая, замѣняется иногда голубой (въ гробницѣ Казы въ Деиръ-эль-Мединэ, Видеманъ, „Aegyptische Geschichte", т. I, стр. 315); она примѣнялась къ царицѣ, какъ къ богинѣ, и имѣетъ не болѣе, какъ миѳологическое значеніе.

[3]) Масперо, „Rapport sur une mission en Italie", въ „Recueil", т. III, стр. 109—110 и т. д.

[4]) Общепринятая форма, Аменофисъ, составляетъ греческое начертаніе имени Аменемопитъ; имя же Аменготепъ греки писали Аменотесъ (Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire", въ „Zeitschrift", 1882, стр. 128, 129).

[5]) Лепсіусъ, „Auswahl", т. XIV и „Denkm.", III, 87, строк. 25—25 надписи Акмосъ-си-Абины. Деревянный памятникъ (stèle) въ туринскомъ музеѣ происходитъ, какъ утверждаютъ, изъ Мероэ (Гаццера, „Descrizione dei Monumenti Egizii", табл. I, 8) и доказываетъ якобы, что Аменготепъ I распространилъ силу своего оружія и на это государство.

ному вторженію; господство ея простиралось теперь вверхъ по Нилу до Напаты, а можетъ быть и дальше. По обоимъ берегамъ рѣки поселены были колонисты; города и храмы строились вездѣ, гдѣ только позволялъ характеръ мѣстности: языкъ, нравы и культъ ѳиванцевъ [1]) прочно утвердились между первымъ и четвертымъ водопадами, и Египетъ фактически, а не номинально, какъ прежде, занялъ всю Нильскую долину, отъ равнинъ Сенаара до береговъ Дельты.

Но война за независимость и послѣдовавшіе за нею походы пробудили воинственный духъ въ египетской націи, а въ правителяхъ ея развили стремленіе къ завоеваніямъ. Наступила реакція противъ грубаго насилія, столько вѣковъ тяготѣвшаго надъ Египтомъ, и онъ былъ охваченъ, несвойственной ему до сихъ поръ, жаждой пріобрѣтенія, чувствуя въ свою очередь потребность угнетать другихъ. На югѣ дѣло колонизаціи было окончено, но на востокѣ, въ тѣхъ азіатскихъ земляхъ, до предѣловъ которыхъ только доходили солдаты первой ѳиванской имперіи, представлялось обширное поле для стяжанія славы и добычи. Египетскіе легіоны тяжело зашевелились и двинулись въ Азію, по пути, проложенному остатками кочевниковъ; съ этихъ поръ они уже не забывали его. Отъ верховьевъ голубого Нила до источниковъ Евфрата, по всей Эѳіопіи и по всей Сиріи то-и-дѣло происходили битвы и совершались грабежи. То въ Ѳивахъ получалась вѣсть о пораженіи абиссинскихъ негровъ и прибытіи князя Куша, одержавшаго побѣду; его добыча, солдаты, и фантастическія процессіи жирафъ, ведомыхъ за недоуздки, павіановъ на цѣпяхъ, пантеръ и прирученныхъ абровъ,—безконечно тянулись по улицамъ. То на слѣдующій день приходило извѣстіе о побѣдѣ, одержанной надъ Ливійцами и ихъ союзниками въ странѣ, лежащей къ западу отъ Дельты, и сѣверные варвары, съ странными касками на головахъ, или съ головами продѣтыми въ пасть звѣриныхъ шкуръ, которыя развѣвались у нихъ по плечамъ, выставляли передъ глазами смуглыхъ египтянъ свои крупныя, бѣлыя тѣла, разукрашенныя татуировкой. Или, наконецъ, приходила вѣсть о побѣдѣ надъ Рутэну и о взятіи укрѣпленнаго торговаго пункта сирійцевъ,—и снова открывалось шествіе при звукахъ трубъ и барабанномъ боѣ, причемъ возгласы толпы и пѣніе жрецовъ всюду привѣтствовали тріумфальный кортежъ фараона. То

[1]) Лепсіусъ, „Ueber die widderköpfigen Götter Ammon und Chnumis", въ „Zeitschrift", 1877, стр. 8 и слѣд.

было время рѣзкихъ перемѣнъ въ судьбѣ отдѣльныхъ лицъ: сынъ феллаха уходилъ простымъ солдатомъ и возвращался генераломъ. Понадобилось пять вѣковъ постоянныхъ войнъ, чтобы утолить воинственный пылъ египтянъ.

Нашествіе кочевниковъ на Египетъ и, какъ противовѣсъ ему, нападеніе Египта на Азію—таковы были результаты вторженія, уничтожавшаго первую халдейскую имперію. Съ появленіемъ египтянъ въ Сиріи открывается новая эпоха въ судьбахъ древнихъ націй: кончается исторія отдѣльныхъ народовъ и начинается всемірная исторія.

XV-я династія.

Въ Дельтѣ. I-я династія кочевниковъ.	**Въ Верхнемъ Египтѣ.** Ѳиванская династія.
I. Шалати Σάλατις, Σαΐτης.	. . . .
II. . . . . . Βνῶν.	. . . .
III. Ап. . . . Ἀπαχνάν.	. . . .
IV. Апопи I-й Ἄφωφις Ἄφωδις.	. . . .
V. . . . . . Σταάν или Ἰάννας.	. . . .
VI. . . . . . Ἀσσηθ, Ἄσσης.	. . . .

XVI-я династія.

2-я династія кочевниковъ во всемъ Египтѣ.

I. Апопи II, Аусирри.

. . . .

XVII-я династія.

3-я династія кочевниковъ. **43 царя (?).**	**43 ѳиванскіе царя.**
I. Апопи III Акнунри.	I. Тіуаа I Сокнунри I.
. . . .	II. Тіуаа II Сокнунри II.
. . . .	? . . . .
. . . .	? (Ἀλισφραγμούθωσις).
. . . .	? Τέτμωσις.
. . . .	? Тіуакенъ Сокнунри III.
. . . .	? Камосъ Уазхопирръ.

ГЛАВА V.

ЕГИПЕТСКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ.

Сирія и Халдейская имперія со времени вторженія хананеянъ до египетскихъ войнъ.—Восемнадцатая династія.—Девятнадцатая династія: Сети I-й и Рамзесъ II-й.

Сирія и Халдейская имперія со времени вторженія хананеянъ до египетскихъ войнъ.

Первымъ государемъ, побудившимъ египтянъ къ завоеванію Азіи, былъ Тутмосъ, сынъ и преемникъ Аменготепа. Страна, по которой прошли завоеватели по ту сторону перешейка, получила съ того времени названіе Сиріи [1]). На сѣверѣ Сирія доходитъ до послѣднихъ отроговъ Тавра; на востокѣ она граничитъ съ Евфратомъ и пустыней; на югѣ съ Краснымъ моремъ, на западѣ со Средиземнымъ. Съ сѣвера на югъ страны тянутся двѣ параллельныя цѣпи горъ, Ливанъ и Антиливанъ, между которыми находится долина, прорѣзанная во всю длину рѣками: Нарыми Лазаною (Литани) и Оронтомъ. Оронтъ беретъ начало въ Антиливанѣ и составляется изъ множества ручейковъ и потоковъ. Онъ направляется сначала на сѣверо-западъ, но, дойдя до равнины, поворачиваетъ на востокъ, протекаетъ озеро приблизительно въ 12 килом. длины и 4 килом. ширины, затѣмъ поворачиваетъ къ сѣверу и течетъ почти параллельно морю до 36°

---

[1]) По-египетски Хару или, вслѣдствіе перехода гортанной х въ шипящую, Шару. Можетъ быть, это варіантъ слова Ахарру-западъ, какъ обозначали Ассиріяне ассирійскій берегъ Средиземнаго моря. На египетскихъ памятникахъ древнихъ эпохъ слово это пишется Ашару.

широты. Здѣсь онъ круто поворачиваетъ сначала на западъ, потомъ на югъ и, пробѣжавъ приблизительно 250 килом., съ необыкновенной стремительностью изливается въ море [1]). Назана [2]) тоже беретъ начало съ Антиливана въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Оронта и направляется на ю.-ю.-западъ. По мѣрѣ удаленія отъ истока, долина все суживается и стѣсняетъ теченіе рѣки; въ концѣ концовъ она образуетъ крутое ущелье, имѣвшее болѣе трехсотъ метровъ глубины и такое узкое, что въ одномъ мѣстѣ каменныя глыбы, оторвавшіяся отъ горъ съ одной стороны рѣки, повисли надъ ней и соединились со склонами горъ противоположной стороны, образуя, такимъ образомъ, естественный мостъ надъ долиной. Сейчасъ же по выходѣ изъ этой тѣснины, Назана изливается въ море приблизительно въ 120 килом. отъ своего главнаго источника. Бассейнъ обѣихъ рѣкъ представляетъ собой одну долину около 320 километр. длины, раздѣленную при истокахъ Назаны и Оронта невысокою цѣпью холмовъ. Мало странъ древняго міра могли похвалиться болѣе плодородной почвой, чѣмъ это ущелье въ Сиріи. На югѣ хлѣбныя поля и виноградники устилали долину и склоны сосѣднихъ горъ, гдѣ только могла ступить человѣческая нога. На сѣверѣ наносы Оронта образовали въ высшей степени плодородную, черноземную почву, дававшую въ изобиліи всевозможные злаки и фрукты. Вотъ почему эта долина, получившая названіе Глубокой Сиріи (Coelé-Syrie), прокормивъ всѣхъ поочередно господствовавшихъ въ ней завоевателей, — египтянъ, ассирянъ, персовъ, македонянъ,—въ рукахъ римлянъ сдѣлалась, наконецъ, житницей міра.

Вокругъ этой счастливой страны, составляющей какъ-бы ядро всей Сиріи, разстилаются во всѣ страны, — на сѣверъ, югъ, западъ и востокъ, другія области, крайне различныя по природѣ и внѣшнему виду. Къ сѣверу, между Оронтомъ и Евфратомъ находится убогая и безплодная страна, окаймленная на сѣверѣ и западѣ Тавромъ и Хаману (Аманосъ). Отъ этихъ двухъ горныхъ цѣпей идутъ, постепенно понижаясь, ихъ отроги, которые вскорѣ превращаются въ каменистыя или мѣловыя плоскогорія, усѣянныя холмиками съ округленными и голыми вершинами и изрѣзанныя узкими, извилистыми долинами, открытыми со стороны Евфрата, Оронта и пустыни. За плоскогоріями слѣдуютъ обширныя равнины, пересѣченныя цѣпями низкихъ и обнаженныхъ холмовъ; почва здѣсь суха и камениста, съ рѣдкою растительностью, рѣки немногочисленны и всѣ маловодны. Самая главная рѣка Алепъ, Халусъ, Ксенофонта, медленно течетъ съ сѣвера на югъ и на границѣ пустыни впадаетъ въ маленькое соляное озеро, усѣянное островками и мелями. Приблизительно на одинаковомъ разстояніи между Халусомъ и Евфратомъ находится второе соляное озеро, довольно обширное, но не дающее никакихъ истоковъ. Злаки, виноградъ, оливковыя и фисташковыя деревья съ трудомъ произростаютъ въ этой выжженной мѣстности, и только гористая часть плодородна настолько, что можетъ прокормить мѣстныхъ жителей.

Къ востоку отъ Антиливана разстилается Дамасская Сирія, представляющая поистинѣ сплошной садъ; надъ нею высятся снѣговыя вершины Гермона, а двѣ рѣки, Абана и Фарфаръ, поддерживаютъ въ ней, несмотря на сосѣдство пустыни, роскошную растительность. Напротивъ, страна, находящаяся къ западу отъ Ливана, представляетъ узкую полосу земли, не болѣе 40 килом. средней ширины. Между устьями Назаны и Оронта разстилается, на подобіе длинной ленты, крутой берегъ, изрѣзанный неглубокими гаванями и усѣянный скалистыми вершинами и высокими мысами, довольно далеко вдающимися въ море и образующими болѣе или менѣе годныя мѣста для стоянокъ. По нижнимъ склонамъ холмовъ и въ балкахъ прекрасно растутъ оливковыя деревья, виноградъ и хлѣбъ. Верхніе же склоны горъ были нѣкогда покрыты громадными дубовыми, еловыми, лиственными, кипарисовыми, сосновыми и кедровыми лѣсами [1]). Нигдѣ ни одной значительной рѣки, но всюду бурные потоки, — Леонъ, Ликосъ, (Нахр-эль-Кельбъ), неудержимо стремящіеся съ вершинъ Ливана прямо въ море.

У западнаго склона Гермона и южной оконечности Антиливана начинается единственная въ своемъ родѣ долина. Это ши-

[1]) Отсюда современное простонародное названіе ея Нахръ-эль-Асси, что значитъ „бурная рѣка". Названіе Асси происходитъ отъ Аксіосъ, имени которое македоняне дали Оронту въ память своей родины.

[2]) Относительно имени Назана сравн. Масперо, въ „Mélanges", т. I, стр. 140—141.

[1]) Четыре породы строевого лѣса, — ель, сосна, лиственница и кипарисъ, составляли казенную собственность во времена римскаго владычества (Э. Ренанъ, „Mission de Phénice", стр. 258—280), а также, можетъ быть, еще и при халдеяхъ.

рокая разсѣлина, образованная съ незапамятныхъ временъ на поверхности земли дѣйствіемъ вулканическихъ силъ и никогда не закрывавшаяся съ тѣхъ поръ. Іорданъ, орошающій ее, образуетъ въ нѣсколькихъ миляхъ отъ своего истока озеро Меромъ, находящееся на одномъ уровнѣ съ Средиземнымъ моремъ. Но здѣсь долина, если можно такъ выразиться, начинаетъ все болѣе и болѣе углубляться въ землю; рѣка, по выходѣ изъ Мерома, протекаетъ черезъ Генисаретское озеро и впадаетъ затѣмъ въ Мертвое море, гдѣ пониженіе почвы достигаетъ наибольшей степени, именно четырехсотъ девятнадцати метровъ ниже уровня Средиземнаго моря. Къ югу отъ Мертваго моря долина суживается и, доходя до Краснаго моря, быстро достигаетъ высоты 500 метровъ. Трудно себѣ представить что-нибудь болѣе различное чѣмъ два противоположные берега Іордана. Къ востоку отъ рѣки почва вдругъ поднимается до высоты почти въ 1000 метровъ, на подобіе отвѣсной стѣны, и переходитъ въ обширное плоскогоріе со слегка волнообразной поверхностью, покрытое лѣсами и пастбищами и орошенное притоками Іордана и Мертваго моря, — Ярмукомъ, Яббокомъ и Арнономъ. Къ западу отъ Іордана разстилается мѣстность, вся покрытая безпорядочно разбросанными холмами, склоны которыхъ, несмотря на тощую почву, производятъ хлѣбъ, оливковыя и фиговыя деревья. Горный отрогъ, Кармель [1]), отдѣлившійся отъ главной цѣпи горъ нѣсколько южнѣе Генисаретскаго озера, тянется въ сѣверо-западномъ направленіи прямо къ морю. Къ сѣверу отъ Кармеля, Галилея изобиловала водой и зеленью, „обширныя фермы находились подъ тѣнью виноградниковъ и фиговыхъ деревьевъ; сады были сплошь покрыты яблоками, орѣхами и гранатами. Вино было превосходно, если судить по тому, которое евреи еще и теперь добываютъ въ Сафедѣ“. Къ югу отъ Кармеля страна естественно дѣлится на три параллельныя полосы. Сначала вдоль морскаго берега тянется полоса, покрытая болотами и дюнами; за ней слѣдуетъ широкая равнина, мѣстами покрытая лѣсомъ и орошенная рѣками, изобилующими тростникомъ, и, наконецъ, гористая полоса, отдѣляющая береговой склонъ отъ Іорданской долины. Область дюнъ обладаетъ способностью къ культурѣ, и находящіеся въ ней города,—Газа, Іоппе, Ашдодъ, — окружены цѣлыми рощами фруктовыхъ деревьевъ. Почва равнины еже-

[1]) Кармиль, въ русскомъ періодѣ Св. Ист.

годно безъ удобренія и почти безъ обработки, даетъ значительный урожай. Гористая область, мѣстами еще покрытая лѣсомъ, все болѣе и болѣе обнажается по мѣрѣ приближенія къ югу. Долины тамъ безводны; безплодная и сожженная почва постепенно теряетъ свою производительность и незамѣтно сливается съ пустыней. Далѣе, до самаго Краснаго моря, страна представляетъ сплошную песчаную пустыню, изрѣзанную пересохшими потоками, надъ которой высятся вулканическія громады: на востокѣ — гора Сеиръ, на югѣ — Синай. Послѣ весеннихъ дождей здѣсь появляется на нѣсколько недѣль скудная растительность, удовлетворяющая потребностямъ кочевыхъ племенъ и ихъ стадъ.

Народы, занимавшіе эту обширную территорію во времена древней египетской имперіи, почти безслѣдно уже исчезли съ міровой арены [1]) въ то время, когда тяжелые баталіоны Тутмозиса I-го впервые перешли перешеекъ и пустыню. Захваченные нѣкогда врасплохъ великимъ вторженіемъ хананеянъ, они были частью уничтожены, частью поглощены завоевателями. Только очень немногимъ первобытнымъ племенамъ удалось сохранить свою независимость. Еврейскіе завоеватели застали еще представителей племени Рефаимъ, утвердившагося къ востоку отъ Іордана [2]). „Высокій и статный народъ“,—анакимы, о которыхъ говорилось: „Кто можетъ устоять передъ дѣтьми Анака“ [3]) — жилъ, разсѣянный въ горахъ, окаймляющихъ Мертвое море. Одинъ изъ ихъ миѳическихъ начальниковъ построилъ тамъ городъ Киріатъ-Арбу, позднѣе называвшійся Хеврономъ [4]). На границахъ пустыни, въ окрестностяхъ горы Сеиръ [5]), жилъ народъ Хоримъ, а на равнинѣ, къ юго-востоку отъ Газы [6]), — Аввимъ. Остальныя племена, вѣроятно, спаслись и продержались нѣсколько времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ территоріи, но и они, въ концѣ концовъ, принуждены были покориться. Имена ихъ забыты, и память о нихъ исчезла, затерявшись въ общей

[1]) Необходимо, однако, замѣтить, что названіе Эдомъ, уже упомянутое въ воспоминаніяхъ Синеха, упорно сохранилось.

[2]) „Deutéronome“ (Второзаконіе“), III, 8.

[3]) „Deutéronome“, IX, 2.

[4]) „Juges“ („Книга Судей“), I, 10; „Josué“ („Книга Іисуса Навина“), XIV, 15.

[5]) „Génèse“ (Бытіе“), XIV, 7; „Deut“, II, 12–22.

[6]) „Deutéronome“, II, 28.

массѣ сказаній. Древнихъ хозяевъ страны принято было представлять себѣ въ видѣ гигантовъ (рефаимъ), съ неопредѣленнымъ бормотаньемъ вмѣсто рѣчи (зомзоммимъ), въ видѣ страшныхъ чудовищъ (эмимъ) [1]), сравнительно съ которыми другіе народы „казались саранчей“ [2]). Вся Сирія, обновленная послѣдовательными вторженіями, раздѣлилась на три крупныя расы: хети, на сѣверѣ [3]), хананеянъ, вдоль береговъ, въ центрѣ и на югѣ страны, въ долинахъ верхняго Оронта, Назаны и Іордана, и, наконецъ, терахитовъ, жившихъ къ югу и востоку отъ Мертваго моря, на границахъ Аравійской пустыни.

Хети, такъ же какъ и родственные имъ табалы и мушки, принадлежали, вѣроятно, къ расѣ, населившей Кавказъ. Поселившись впервые на самыхъ высокихъ плоскогоріяхъ Каппадокіи, они проникли сквозь ущелія Тавра въ сѣверную Сирію и Киликію [4]). Нѣкоторыя племена при этомъ, увлеченныя во слѣдъ гиксамъ, остановились по среднему теченію Іордана и у береговъ Мертваго моря и тамъ сконцентрировались вокругъ Хеброна, гдѣ природный характеръ мѣстности долго служилъ имъ защитой отъ нападеній сосѣднихъ народовъ [5]). Но самая большая часть этого племени заняла страну между Балихомъ и Оронтомъ, Нагараиномъ [6]), а также склоны Аманоса и часть Киликійской равнины.

Находясь между двумя главными государствами древняго міра, Халдеей и Египтомъ, страна, въ которой осѣли хети, сдѣлалась вскорѣ однимъ изъ богатѣйшихъ рынковъ востока. Караваны, вмѣсто того, чтобы, избѣгая пустыни, идти прямо отъ Мертваго моря и Іордана къ берегамъ Евфрата и Персидскому заливу, — шли вверхъ по долинѣ до Назаны и Оронта, а потомъ

---

1) „Deutéronome“, II, 10—11, 20—21.

2) „Nombres“ („Книга Чиселъ“), XIII, 34.

3) Относительно произношенія этого слова, см. Э. де Руже „„Leçons professées au Collége de France“, изд. Робіу, въ „Mélanges d'archéologie“, т. II, стр. 271.

4) Сейсъ, „Fresh Light from the Monuments“, стр. 96—97.

5) „Génèse“ („Бытіе“), XIV, 13; XXIII, и слѣд.; Сейсъ, „Fresh Light from the Monuments“, стр. 94. Въ одномъ изъ текстовъ Тутмозиса III говорится о племени Великихъ Хети; южные хеттиты были, можетъ быть, тѣмъ племенемъ, которое носило у египтянъ названіе Малыхъ Хети (Э. де Руже, „Leçons“. въ „Mélanges“, т. II, стр. 270).

6) Или Нагарена.

уже по среднему теченью Евфрата спускались въ Вавилонъ. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ только незначительная глубина рѣки позволяла устраивать переправы, хети, владѣвшіе въ этомъ мѣстѣ обоими берегами рѣки, настроили крѣпостей, соединявшихъ Сирійскій берегъ съ Месопотамскимъ. Такъ, у самой южной переправы возвышалась крѣпость Турмеда или Тапсакъ [1]), а у центральной—Гаргамишъ [2]). Послѣдній, благодаря своему положенію въ центрѣ цивилизованной страны, былъ излюбленнымъ мѣстомъ переправы и складочнымъ пунктомъ каравановъ. Это создало ему господствующее положеніе въ странѣ; можетъ быть даже онъ былъ столицей этого государства, предѣлы котораго доходили на югѣ до истоковъ Оронта, а на сѣверѣ проникали въ самый центръ Малой Азіи [3]). Почти все, что мы знаемъ теперь о хети, позаимствовано изъ египетскихъ и ассирійскихъ источниковъ, такъ какъ памятники этого народа очень малочисленны и малоизвѣстны [4]), а надписи ихъ, написанныя іероглифическими письменами, совершенно отличными отъ египетскихъ,—до сихъ поръ не поддаются усиліямъ ученыхъ, пытающихся разобрать ихъ. Между тѣмъ народъ этотъ обладалъ высокоразвитой цивилизаціей, имѣлъ свою литературу [5]) и процвѣтающую промышленность. Религія племени Хети представляла почти полную аналогію съ религіей хананеянъ, каждый городъ имѣлъ своего мѣстнаго бога, носившаго, подобно національному богу кочевниковъ, имя Сутехъ и свою

---

1) Моверсъ, „Die Phönizier“, т. II, часть 2-я, стр. 164.

2) Ассирійскіе тексты доказываютъ, что слово это писалось именно такъ, а не Каркамишъ. Я считаю, что Гаргамишъ находился на мѣстѣ Гіераполиса, гдѣ теперь находится Мембидже (Ж. Масперо, „De Carchemis oppidi situ“, Парижъ, 1873, in-8⁰; противъ отождествленія Нёльдеке „Karkemisch, Circesium und andre Euphratübergänge“, въ „Nachrichten der K. Ges. der Wissenschaften zu Göttingen“, 1876, стр. 1—16, и въ пользу отождествленія, сдѣланнаго Уильсономъ „Recent Biblical Research“, въ „Quart. Stat.“, 1884, стр. 49); Дж. Смитъ помѣщаетъ этотъ городъ въ Іерабисѣ, на мѣстѣ Оропоса (Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies“, стр. 265 и слѣд.).

3) Сейсъ, „The Monuments of the Hittites“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. VIII, стр. 253 и слѣд.).

4) Они были собраны и изданы г. Рейлендомъ, „The inscribed stones from Jerabis, Hamath, Aleppo“ и т. д. въ „Transactions“, т. VII, стр. 429—442.

5) При Рамзесѣ II, царь Хетисаръ бралъ съ собою на войну исторіографа, обязаннаго записывать его подвиги (Э. де Руже, „Leçons“, въ „Mélanges“, т. II, стр. 227.

богиню, общее родовое имя которой было Астарта [1]). Этотъ религіозный феодализмъ соотвѣтствовалъ феодальному политическому устройству страны; каждый городъ управлялся отдѣльнымъ государемъ, который находился въ вассальной зависимости отъ Великаго Повелителя племени Хети и былъ обязанъ ему военной службой. Города эти были: Туненъ [2]), Хиссапа, Сарсу, Урима [3]) и сотни другихъ, мѣстонахожденіе которыхъ не опредѣлено [4]). Въ нѣсколькихъ миляхъ къ юго-западу отъ Гаргамиша находились города Патина [5]) и Халупу [6]). Халупу, занимавшій менѣе удобное положеніе, чѣмъ Гаргамишъ, никогда не достигалъ равнаго съ нимъ значенія, но онъ тоже принадлежалъ къ числу значительныхъ городовъ, и слава о произведеніяхъ его „ненасытныхъ полей" доходила до самаго Египта [7]).

Вскорѣ послѣ завоеванія хананейскія племена раздѣлились на двѣ группы. Одни изъ нихъ разсѣялись по внутреннимъ долинамъ отъ Аманоса до Сеира и по равнинамъ, простирающимъ къ югу отъ горы Кармель до пустыни и египетской границы; другіе расселились вдоль берега, между Ливаномъ, горами Палестины и моремъ. Различіе мѣстоположенія повело за собой и различіе въ нравахъ и характерѣ этихъ двухъ родственныхъ племенныхъ группъ. Въ то время какъ хананеяне, поселившіеся внутри страны и занявшіеся земледѣліемъ или скотоводствомъ, смотря по характеру мѣстности, дѣлились на громадное количество племенъ, вѣчно враждовавшихъ между собою,—береговые хананеяне, замкнутые между горами и моремъ, сдѣлались мореходцами и купцами. Классическая древность называетъ береговыхъ хананеянъ финикіянами. Согласно нѣкоторымъ греческимъ преданіямъ, они получили свое названіе отъ Феникса, сына Агенора и родоначальника племени [8]); по другимъ источникамъ, слово фениксъ означало просто красные

[1]) Судя по списку хеттитскихъ боговъ, находящемуся при договорѣ Рамзеса II съ Хетисаромъ.

[2]) Теперь Тиннабъ, близъ Алепа (Нёльдеке, „Tunip und Charbu", въ „Zeitschrift", 1876. стр. 10—11).

[3]) Сравн. Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire", въ „Zeitschrift", 1879, стр. 55, № 5.

[4]) Списокъ ихъ можно найти у Марьетта, „Karnak", табл. 20, 21, 25, 26.

[5]) Батне классическихъ текстовъ.

[6]) Алепъ (Шабасъ, „Voyage d'un Egyptien", стр. 101—110).

[7]) Лейденскій папирусъ, I, 343, табл. VII, стр. 8.

[8]) Стефанъ Византійскій, подъ словомъ Φοινίκη.

люди и примѣнялось къ береговымъ хананеямъ или въ память о Красномъ морѣ (Эритрей), на берегахъ котораго они такъ долго жили, или благодаря большому количеству пурпуровыхъ фабрикъ, заведенныхъ ими во всѣхъ ихъ колоніяхъ, или, наконецъ, какъ намекъ на цвѣтъ ихъ лица. Наиболѣе распространенное до настоящаго времени мнѣніе считаетъ слово фениксъ названіемъ пальмы; а слову „Финикія" придаетъ значеніе „страна пальмъ" [1]). Дѣйствительно, слово фениксъ представляетъ увеличенную форму отъ слова пунъ (пёни, пюни), то-есть древняго національнаго имени хананеянъ, которое они носили нѣкогда въ своемъ первоначальномъ отечествѣ и сохранили за собою вездѣ, куда только ни переселялись. Самые древніе египетскіе памятники отождествляютъ восточныя области Аравіи съ страною Пунтъ; хананеяне, жившіе у Персидскаго залива и переселявшіеся въ Сирію, перенесли туда съ собою и названіе Финикія; сирійскіе финикіяне перенесли его въ Африку, а африканскіе финикіяне (пёни) распространили его на самыя отдаленныя изъ своихъ колоній.

„Финикія не была страной въ собственномъ смыслѣ. Это былъ рядъ портовыхъ городовъ съ очень небольшой, относящейся къ нимъ территоріей [2]). Возвышавшіяся надъ нею Ливанскія горы были всегда убѣжищами разбойниковъ [3]); сообщеніе между финикійскими городами, находившимися на разстояніи 50 килом. другъ отъ друга, было безопасно только по морю. Города эти вскорѣ распались на три группы, независимыя другъ отъ друга и имѣвшія каждая своеобразный характеръ. На сѣверѣ, въ той части Финикіи, которую египтяне называли Захи [4]), два большіе города, Арадъ и Зимира, отличались безпокойнымъ и воинственнымъ населеніемъ, всегда готовымъ воевать съ сосѣдями и возставать противъ иноземнаго владычества, будь то египетское, ассирійское или персидское. Арадъ возвышался на небольшомъ островкѣ, находящемся менѣе чѣмъ въ трехъ километрахъ отъ мате-

[1]) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 1-я, стр. 1—4.

[2]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie", стр. 836.

[3]) Путешественникъ „Папируса Анастасія I", (табл. XIX, строк. 1—2), жившій во времена Рамзеса II, жалуется на Шасу, которые бродили въ лѣсахъ, покрывавшихъ горы (сравн. Шабасъ, „Voyage d'un Egyptien", стр. 112 и слѣд.).

[4]) Общее имя Захи примѣнялось египтянами ко всему сирійскому берегу отъ устьевъ Нила до устьевъ Оронта. Но тексты Тутмозиса III доказываютъ что названіе это принадлежало преимущественно Сѣверной Финикіи.

рика. „Это скала, о которую со всѣхъ сторонъ разбиваются морскія волны, имѣющая приблизительно семь стадій въ окружности. Вся она застроена и теперь еще такъ густо заселена, что дома имѣютъ тамъ обыкновенно по нѣскольку этажей. Жители пьютъ или дождевую воду, сохраняемую ими въ цистернахъ, или же привозную съ противоположнаго берега". Въ узкомъ проливѣ между островомъ и берегомъ находился свой источникъ прѣсной воды, пробивавшійся въ морскомъ днѣ и снабжавшій водою жителей острова въ военное время. Водолазы спускали на дно моря свинцовый колоколъ, къ верхней оконечности котораго придѣлывалась длинная мѣдная трубка, и ставили его надъ отверстіемъ источника. Изолированная такимъ образомъ прѣсная вода накоплялась въ колоколъ, по законамъ гидростатики, поднималась вверхъ по трубкѣ и достигала морской поверхности, гдѣ жители острова тщательно собирали ее [1]). На противоположномъ берегу, окаймляя его сплошнымъ рядомъ жилищъ на протяженіи 15 килом., находились города или селенія Маратъ, Карне, Антарадосъ, „въ которомъ процвѣтало все, чему было мало простора на островѣ" [2]). Господство арвадитовъ простиралось довольно далеко вдоль берега и вглубь страны. На сѣверѣ они владѣли Габалой и Палтосомъ; на югѣ—подчинили себѣ племя и одноименный съ нимъ городъ Симиру, а на востокѣ Гаматъ на Оронтѣ признавалъ нѣсколько времени ихъ владычество.

Переходя къ другой группѣ городовъ, точно попадаешь въ иной міръ. Гебель или Гебонъ [3]), который греки называли Библосомъ, считалъ себя самымъ древнимъ городомъ міра. Онъ былъ, якобы, построенъ въ незапамятныя времена богомъ Эломъ, но не на томъ мѣстѣ, гдѣ находился въ историческія времена, а близъ сѣвернаго берега Нахр-эль-Келба, въ нѣсколькихъ миляхъ отъ него. Позднѣе городъ былъ покинутъ жителями; населеніе его придвинулось къ морю и, выстроивъ новый городъ около рѣки

---

[1]) Страбонъ, кн. XVI, 3, стр. 753; Плиній, II, 103, V, 31. Гейярдо въ одинъ изъ своихъ переѣздовъ съ острова на материкъ, видѣлъ источникъ прѣсной воды, клокотавшій въ морской глубинѣ (Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie" стр. 41—42).

[2]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie", стр. 21.

[3]) Названіе этого города—Гапуна, Гебонъ, взято изъ „Папируса Анастасія I", табл. XX, строк. 17. Срав. Шабасъ, „Le Voyage d'un Egyptien", стр. 156—160.

Адониса, дало ему названіе прежняго. На холмѣ, у подошвы котораго теперь находятся развалины Гебеля, между городомъ и моремъ, возвышался нѣкогда большой храмъ, къ которому стекались пилигриммы со всей Сиріи [1]). Поэтому Гебель, вмѣстѣ съ долиной, по которой протекала его рѣка, представляли „нѣчто въ родѣ святой земли Адониса, усѣянной храмами и монументами, посвященными его культу" [2]). Въ Машнакѣ находилась одна изъ гробницъ божества. Въ Гинехѣ Адонисъ былъ умерщвленъ кабаномъ и здѣсь оплакивала его кончину его божественная возлюбленная. Наиболѣе почитаемое изъ его святилищъ находилось близъ Апаки, у самаго источника, представлявшаго „родъ воронки", изъ которой вытекаетъ рѣка, и которая находится какъ бы въ центрѣ обширнаго амфитеатра, образуемаго высокими окружными скалами. Свѣжесть воды, мягкость воздуха, красота растительности—все это вмѣстѣ представляетъ нѣчто восхитительное. Опьяняющая и причудливая природа этихъ высотъ объясняетъ, почему человѣкъ въ этомъ фантастическомъ мірѣ давалъ полную волю своимъ мечтамъ" [3]). Берутъ, подобно Гебелю, считалъ тоже бога Эла своимъ основателемъ. Это былъ хорошо защищенный портъ, построенный на оконечности одной изъ самыхъ плодородныхъ равнинъ Финикіи. Оба города играли, повидимому, крупную политическую роль вслѣдъ за появленіемъ финикіянъ въ странѣ. Они не умѣли надолго сохранить свое политическое положеніе, но значеніе ихъ отъ этого нисколько не уменьшилось. До послѣднихъ дней язычества они были пентромъ одной изъ самыхъ живучихъ сирійскихъ религій.

Въ нѣсколькихъ миляхъ къ югу отъ Берута царилъ городъ Сидонъ, по прозванію „первенецъ Ханаана". Несмотря на такой притязательный титулъ, онъ былъ вначалѣ простой рыбацкой деревушкой. Преданіе говоритъ, что Сидонъ былъ построенъ Беломъ (греческій Агеноръ) на сѣверномъ откосѣ небольшого мыса съ отвѣснымъ юго-западнымъ склономъ. Эта столь знаменитая въ древности гавань замыкается низкой цѣпью скалистыхъ горъ, начинающейся у сѣверной оконечности полуострова и идущей параллельно берегу на протяженіи нѣсколькихъ сотъ метровъ. Окру-

---

[1]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie", стр. 174 -178.

[2]) Idem, стр. 295.

[3]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie", стр. 296.

жающая равнина орошается „граціознымъ Бостреномъ“ (Нахр-Эль-Ауали) и покрыта садами, красота которыхъ дала городу прозваніе „цвѣтущаго Сидона“ [1]).

Територія Сидона, ограниченная на сѣверѣ Тамуромъ, доходила на югѣ до устьевъНазаны; далѣе начиналась область города Тира. Въ первобытныя времена, когда боги жили еще среди людей, Самемрумъ положилъ на континентѣ основаніе городу изъ тростника; братъ его, Хисоосъ, первый мореплаватель, занялъ нѣсколько находящихся противъ этого города острововъ и воздвигъ на нихъ нѣсколько священныхъ колоннъ. Таково было начало Тира. Въ городѣ находился храмъ Мелькарта, Тирскаго Геркулеса. Жрецы этого бога разсказывали историку Геродоту, что „храмъ былъ основанъ одновременно съ городомъ; слѣдовательно, жреческая каста, приставленная къ культу Мелькарта, просуществовала до того времени 2300 лѣтъ“. Вычисленіе тирскихъ жрецовъ относится къ 2750 году, т.-е. ко времени кочевниковъ и хананейскаго вторженія. Но Тиръ не обладалъ, подобно Араду, источникомъ прѣсной воды на днѣ моря: жители его пользовались только водой изъ цистернъ или привозили ее съ материка на лодкахъ [2]). Тиръ владѣлъ всѣмъ берегомъ отъ устьевъ Назаны до южныхъ склоновъ горы Кармель; владѣнія эти находились въ вассальной зависимости отъ Сидона, а соединенная область Тира и Сидона носила у египтянъ названіе Кафти [3]).

Хананеяне внутреннихъ областей, разсѣянные отъ Аманоса до южной оконечности Мертваго моря, не составляли такой сплоченной массы, какъ ихъ береговые собратья. Большинство этихъ племенъ раздѣлилось на нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ группъ, утвердившихся въ различныхъ частяхъ территоріи.

Аморреяне, утвердившіеся на плоскогоріи къ востоку отъ Іордана, образовали здѣсь два главныя государства континентальныхъ хананеянъ: одно на сѣверѣ, между Гермономъ и Яббокомъ, со столицею Эдреи; другое на югѣ, между Яббокомъ и Арнономъ, со столицей Хешбономъ [1]). Одно изъ аморрейскихъ племенъ проникло даже въ долину рѣки Оронта, гдѣ оно владѣло знаменитымъ Кодшу (Кадешъ) [2]); другое кочевало по берегу моря, между Экрономъ и Іоппе [3]), третье, поселившееся въ Іебусѣ, возлѣ горы Моріахъ, называло себя іебуситами [4]); нѣкоторыя изъ нихъ, наконецъ, утвердились близъ Сихема и къ югу отъ Хеброна и, благодаря своей численности, сообщили горамъ, окружающимъ Мертвое море, названіе Аморрейскихъ [5]).

Хивиты [6]) жили къ востоку отъ Сидона, въ долинахъ верхняго Іордана и Назаны; колоніи ихъ простирались на сѣверъ до Гамата, на югѣ же проникали въ землю Эдомскую. Что же касается гиргасеянъ, послѣдняго и наименѣе извѣстнаго изъ большихъ хананейскихъ племенъ,—часть ихъ жила, кажется, къ востоку отъ Іордана [7]); между тѣмъ какъ другая обитала въ сѣверной Сиріи, недалеко отъ сѣверныхъ хеттитовъ.

Терахитскія племена имѣли въ то время только второстепенное значеніе. Разъ попавъ въ Египетъ, дѣти Израиля только много вѣковъ спустя вернулись въ страну своихъ отцовъ. Аммонитяне оспаривали у аморреянъ страну, лежащую къ сѣверу отъ Арнона. Моавитяне жили къ югу отъ Арнона и съ трудомъ держались у береговъ Краснаго моря. Эдомитяне, собравшіеся вокругъ горы Сеиръ, на сѣверѣ соприкасались съ моавитянами, на югѣ же простирались по направленію къ Красному морю. Имъ постоянно приходилось сражаться съ арабскими племенами пустыни, съ амалекитянами и другими племенами, которыхъ египтяне называли общимъ именемъ шасу (грабители). Эти шасу, бродившіе на пространствѣ отъ Суецкаго перешейка до береговъ Евфрата, на границѣ культурныхъ странъ, то и дѣло тревожили народы, населявшіе Сирію. Они одинаково были грозою какъ сѣверныхъ, такъ и южныхъ равнинъ; даже Глубокая Сирія и Финикія подвергались

---

[1]) Ζιδόνα ανθεμόεσσαν (Денисъ Періегетъ).

[2]) „Папирусъ Анастасія I“, табл. XXI, строк. 1—2; сравн. Шабасъ, „Le Voyage d'un Egyptien“, стр. 165—171; Либлейнъ, „Sur la ville du Tyr“ въ „Atti dei IV Congresso Internazionale“, Флоренція, 1880, стр. 15 и слѣд.

[3]) Не является ли названіе Кифта, найденное Небауэромъ („La Géographie du Talmud“, стр. 93) въ соединеніи съ именемъ Цезаря, послѣднимъ отголоскомъ имени Кафти? Грекамъ область Кафти была извѣстна подъ названіемъ Кефенесъ (Лепсіусъ, „Nubische Grammatik“, введеніе стр. CI—CVII.

---

[1]) Кнобель, „Die Völkertafel“, стр. 120 и слѣд.

[2]) Бругшъ, „G. Inshr.“ т. II, стр. 21—22.

[3]) Juges (Кн. Судей), I, 34.

[4]) Моверсъ. „Die Phoenizier“, т. II, часть 1-я, стр. 30.

[5]) „Deutéronome“, I, 7, 19—20 и слѣд.

[6]) Кнобель, „Die Völkertafel“, стр. 332.

[7]) Кнобель, „Völkertafel“, стр. 333.

ихъ нападеніямъ, и путешественникъ могъ ихъ встрѣтить вездѣ, вплоть до ущелій Ливана [1]), по дорогѣ въ Дамаскъ.

Дамаскъ занимаетъ положеніе, которое какъ бы самой природой испоконъ вѣковъ предназначено для большого города. Согласно еврейскому преданію, онъ былъ основанъ Узомъ, сыномъ Арама. Городъ расположенъ на равнинѣ, среди садовъ, охватывающихъ его со всѣхъ сторонъ и проникающихъ даже въ его предѣлы; раздѣленный Абаною на двѣ неравныя части, онъ безпрестанно освѣжается каналами, идущими по всѣмъ направленіямъ отъ рѣки. Еще теперь видъ его возбуждаетъ восторгъ путешественника, выѣзжающаго изъ ущелій Антиливана. „Передъ нимъ разстилается городъ, нѣкоторыя зданія котораго издали вырисовываются сквозь зелень деревьевъ, за нимъ величественный куполъ Гермона, напоминающій очертаніями своей снѣговой вершины сѣдую голову старика; направо отъ него двѣ небольшія параллельныя цѣпи, Горанъ, сжимающія нижнее теченіе Фарфара [2]), а далѣе курганы озерной области; налѣво послѣдніе отроги Антиливана, соединяющіе его съ Гермономъ. Прекрасно воздѣланныя поля, восхитительные плодовые сады, отдѣленные другъ отъ друга канавками и переполненные самыми лучшими фруктами,—все это производитъ впечатлѣніе глубокаго мира и счастья... Попавъ въ цвѣтущія окрестности Дамаска [3]), особенно послѣ путешествія по суровымъ и палящимъ областямъ Гаулонитиды и Итуріи, вы съ трудомъ вѣрите себѣ, что находитесь на Востокѣ; душа ваша преисполнена радости при видѣ окружающихъ его опять плодовъ человѣческаго труда и нисходящаго на него благословенія небесъ. Съ самой глубокой древности и до нашихъ дней вся эта область, сообщающая Дамаску его свѣжесть и благосостояніе, носитъ одно имя и навѣваетъ одну мечту—„о божественномъ раѣ“ [4]). Дамаскъ господствовалъ надъ всѣми городами долины и всѣми деревнями, гнѣздившимися въ ущельяхъ Гермона,—надъ городомъ Абилой, Хелбономъ, городомъ винъ и надъ нѣкоторыми мелкими сосѣдними государствами: Рогобомъ [1]), Манахой [2]), Гессуромъ, расположенными въ долинѣ верхняго Іордана. Но Дамаскъ въ эту эпоху не игралъ еще той значительной роли, которая выпала на его долю впослѣдствіи. Онъ находился въ сторонѣ отъ караваннаго пути и театра военныхъ дѣйствій и, защищенный Антиливаномъ отъ нападеній сосѣднихъ племенъ, какъ бы дремалъ въ тѣни виноградниковъ и фиговыхъ пальмъ.

[1]) „Папирусъ Анастасія I“, табл. 19, стр. 1—2; сравн. Шабасъ, „Voyage“, стр. 112—116. Р. Пичманъ совершенно вѣрно замѣтилъ, что это названіе разбойничьихъ племенъ соотвѣтствуетъ прилагаемому къ нимъ римлянами названіе набатеянъ (Де-Люинь, „Revue Numismatique“ 1858, стр. 382 и слѣд.; Блау, „Zeitschr. d. Morgenl. Gesellsch.“, 1871, стр. 560).

[2]) Теперь Нахръ-Эль-Ауаджъ.

[3]) Средняя вышина равнины надъ уровнемъ моря составляетъ 1700 метровъ.

[4]) Э. Ренанъ, „Les Apôtres“, II, стр. 177—178.

За предѣлами Евфрата начиналась, если не сама Халдейская имперія, то, во всякомъ случаѣ, земли, населенныя народами, находившимися въ непосредственной зависимости отъ халдейскихъ царей. Эламскимъ завоевателямъ не удалось уничтожить мелкія государства нижнихъ бассейновъ Тигра и Евфрата; они превратили только ихъ обитателей въ данниковъ чужеземнаго народа. Первый изъ эламскихъ государей, Кудуръ-Нахунду, сдѣлалъ центромъ управленія Сузу; преемники его послѣдовали его примѣру.

Къ числу ихъ, должно быть, относился библейскій Кудуръ-Лагамеръ, захватившій Сирію съ ея вассалами: Амрафеломъ, царемъ Синеарскимъ, Эрехомъ, царемъ Эллассарскимъ, и Таргаломъ, царемъ Гутимскимъ. Онъ разбилъ государей Южной Сиріи, составившихъ союзъ противъ него, и обложилъ ихъ данью, которую бралъ въ продолженіи 12 лѣтъ. На тринадцатомъ году произошло всеобщее возстаніе; Кудуръ-Лагамеръ поспѣшилъ въ Сирію, усмирилъ взбунтовавшихся въ долинѣ Сиддимъ и разграбилъ ихъ города. Еврейское преданіе воспользовалось этимъ фактомъ и довольно неудачно пріурочило его къ сказаніямъ объ одномъ изъ миѳическихъ іудейскихъ родоначальниковъ. Возвращаясь изъ вышеупомянутой экспедиціи, Кудуръ-Лагамеръ былъ якобы застигнутъ врасплохъ Авраамомъ и потерпѣлъ легкое пораженіе [4]).

Одинъ изъ царей той же династіи, Кудуръ-Мабукъ, предпринималъ экспедиціи въ Сирію, но со смертью его вліяніе эламитовъ стало все болѣе и болѣе клониться къ упадку. Въ то время какъ цари южной Халдеи, особенно Ларсамскіе и Ниппурскіе,

[1]) II „Samuel“ (I кн. Самуила), X, 6, 8.

[2]) I „Chroniques“ (I книга Паралипоменонъ), 19, 6.

[3]) II „Samuel“, XV, 8.

[4]) Genèse, XIV и слѣд.; Дж. Раулинсонъ. „The five great Monarchies“. стр. 161—163; Фр. Ленорманъ, „La langue primitive de la Chaldée“, стр. 372—379.

открыто требовали независимости, на сѣверѣ цари Агадисскіе принялись за расширеніе предѣловъ своего государства.

Династія, состоявшая изъ одиннадцати государей и царствовавшая въ продолженіе 304 лѣтъ, соединила всю Халдею подъ властью Вавилона [1]). Пятый изъ этихъ монарховъ, Хаммураби, извѣстенъ намъ по многимъ надписямъ. Онъ обратилъ свою энергію на мирныя работы: прорылъ много новыхъ каналовъ, расчистилъ старые, сообщилъ болѣе правильное направленіе теченію Евфрата и реставрировалъ монументы, воздвигнутые его предшественниками. Возвеличенный Вавилонъ сдѣлался столицей Шумира и Аккада [2]). Одно изъ разбойничьихъ племенъ, обитавшихъ въ гористой области къ востоку отъ Тигра, именно племя Кашшу [3]), стало невыносимымъ вслѣдствіе своихъ постоянныхъ набѣговъ. Благодаря захвату земель, сдѣланному при эламскихъ государяхъ, они захватили въ концѣ концовъ всю Халдею и основали въ ней династію, царствовавшую въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ безъ особеннаго, повидимому, блеска.

Если бы мы обладали полной лѣтописью событій этой эпохи, мы не нашли бы въ ней ничего, кромѣ возмущеній противъ центральной власти, прерываемыхъ иногда борьбою съ эламитами, и указаній на реставрированные и вновь выстроенные храмы, на расчищенные и вновь прорытые каналы. Халдея, возвращенная къ своимъ первоначальнымъ предѣламъ, потеряла всѣ дальнія завоеванія Шаргона, Нарамсина и Кудуръ-Лагамера [4]).

---

[1]) По списку обнародованному Т. Пинчемъ, „Notes on a new list of early Babylonian Kings", въ „Proceedings of the Society of Biblical Archoeology", 1881, стр. 37 и слѣд.

[2]) На Хаммураби указываютъ обыкновенно какъ на основателя коссейской династіи; дощечка, найденная Пинчемъ, доказываетъ, что онъ принадлежалъ къ вавилонской династіи (сравн. Фр. Деличъ, „Die Sprache der Kossäer", стр. 64—75). Относительно его памятниковъ, см. Ж. Менанъ, „Les Inscriptions de Hammourabi", 1862, и „Recueil de travaux", т. II, стр. 76 и слѣд. Аміо, въ „Recueil de travaux", т. I, стр. 181 и слѣд.; въ „Journal Asiatique" 1882, т. XX, стр. 231—244.

[3]) Коссеяне классическихъ авторовъ. Свѣдѣнія, которыми мы обладаемъ въ настоящее время относительно этого народа, можно найти отчасти въ трудѣ Поньона (Pognon), „Inscription de Mérou-Nérari I-ier, roi d'Assyrie" (Journal Asiatique, 1883, т. II, стр. 351—431) отчасти у Фр. Делича, „Die Sprache der Kossäer", in-8⁰ Лейпцигъ, 1884 (сравн. Галеви, въ „Revue critique", 1884, стр. 481—487).

[4]) Деличъ („Die Sprache der Kossäer", стр. 62—63 сообщаетъ списокъ царей этой коссейской династіи.

Между тѣмъ къ сѣверу отъ Вавилона, въ странѣ, занимаемой до того времени гутимами, возвысился городъ Элассаръ и образовалось новое царство Ашшуръ. Элассаръ [1]) былъ расположенъ на лѣвомъ берегу Тигра, въ 60-ти километрахъ ниже соединенія его съ Нижнимъ Забомъ. На томъ же берегу рѣки, но нѣсколько выше, за Верхнимъ Забомъ, находилась крѣпость Нинивія [2]). Страна Ашшуръ, управляемая царями-первосвященниками, зависѣла отъ Халдеи. Первые изъ государей этой страны, о которыхъ дошли до насъ свѣдѣнія: Билькапкану, Шамшираманъ I, Ишмидаганъ и Шамшираманъ II,—извѣстны намъ только по именамъ: они жили между 1800 и 1600 годами до начала нашей эры и были современниками царей 18-й египетской династіи. Ихъ преемникамъ, если не имъ самимъ, пришлось вскорѣ почувствовать всю тяжесть ѳиванскаго могущества.

Восемнадцатая династія.

Интересно было бы знать впечатлѣніе первыхъ египтянъ, полученное ими отъ новаго міра, въ который они отважились вступить. Къ несчастью, разсказъ о походахъ Тутмоса I (или Тутмозиса, или Тотмеса) не дошелъ до насъ. Намъ извѣстно только, что въ первый же годъ своего царствованія онъ дошелъ до Сѣверной Сиріи [3]) и что онъ воздвигъ свои памятники въ честь побѣды на берегахъ Евфрата [4]), вѣроятно, въ окрестностяхъ Гаргамиша. Этотъ походъ или, лучше сказать, путешествіе съ цѣлью рекогносцировки намѣтило путь, по которому во всѣхъ послѣдующихъ войнахъ должны были неуклонно слѣдовать египетскія войска. По выходѣ изъ Египта, они шли на Рафію, самый южный сирійскій городъ, оттуда на Газу, Аскалонъ, Іерсу [5]) и Іухму [6]). Это былъ обыкновенный маршрутъ каравановъ кото-

---

[1]) Теперь Калахъ-Шергатъ.

[2]) Названіе Ніи, найденное въ египетскихъ спискахъ и отождествляемое съ Нинивіей, относится къ одному изъ городовъ или — Кёле-Сиріи (глубокой Сиріи), или Хораны.

[3]) „Лепсіусъ", Denkm., III, 5.

[4]) Э. де Руже, „Annales de Touthmès", III, стр. 17.

[5]) Въ настоящее время Хирбетъ-Іорза (Э. де Руже, „Divers monuments de Touthmès", III, стр. 54, № 59).

[6]) Согласно Ф. де Соси (Saulcy), съ мнѣніемъ котораго и я соглашаюсь, Эль-Хеймехъ („Lettre à M. Chabas sur quelques points de la géographie de

рый велъ прямо на сѣверъ, оставляя слѣва большую укрѣпленную гавань Іоппе съ ея восхитительными садами [1]), а справа — цѣпь Аморрейскихъ горъ. Близъ Аруна [2]) дорога углублялась въ Кармельскія ущелья, потомъ снова шла по равнинѣ, немного сѣвернѣе Таанаку, одного изъ царственныхъ городовъ Ханаана, а затѣмъ черезъ нѣсколько миль достигала города Магеди [3]). Но эта дорога, самая прямая и самая удобная для торговцевъ, была небезопасна для передвиженія войскъ. Кармельскіе проходы были такъ узки, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ воины принуждены были итти гуськомъ, поэтому нѣсколько храбрецовъ, засѣвши въ этихъ проходахъ, могли заградить путь многочисленному непріятелю. Другая дорога, болѣе длинная, но менѣе опасная, чѣмъ первая, обходила это препятствіе. Она отдѣлалась отъ предыдущей у теперешняго Какона и шла направо, пролегая чрезъ Аморрейскія горы, до Іефельской долины, которой она достигала сѣвернѣе Магеди и кончалась у Зафити [4]).

Къ Магеди, построенному на берегу потока Кина, сходились всѣ пути изъ Ливана, благодаря чему онъ могъ, смотря по желанію, или пропускать впередъ всѣ арміи, направлявшіяся къ Евфрату, или же преграждать имъ путь. Поэтому-то онъ игралъ такую значительную роль во всѣхъ войнахъ, которыя египтяне вели въ Азіи. Онъ былъ сборнымъ пунктомъ всѣхъ хананейскихъ силъ и передовымъ постомъ сѣверныхъ народовъ противъ нападеній, шедшихъ съ юга. Сраженіе, проигранное подъ его стѣнами, отдавало всю Палестину въ руки побѣдителя и открывало послѣднему путь въ Глубокую Сирію (Келе-Сирію).

Завладѣвъ Магеди, и перейдя черезъ Ѳаворъ, египтяне переправлялись обыкновенно черезъ холмы, отдѣляющіе верхній

la Syrie, selon la science égyptienne, въ „Mélanges d'archéologie“, т. I, стр. 120).

[1]) Сосѣдняя мѣстность, упомянутая въ спискѣ завоеваній Тутмоса III подъ № 79, носитъ названіе Гануту, что значитъ „Сады“. Сравн. „Папирусъ Анастасія I“, табл. XXV, строк. 2—3.

[2]) Я предположилъ было отождествить Аруну съ Арранехомъ, и сходство этихъ именъ поразило также Кондера („Megiddo“, въ Quarterly Statement“ „Palestine Exploration Fund'a“, январь, 1877, стр. 19); но мѣсто не соотвѣтствуетъ разсказу о битвѣ при Магеди.

[3]) Кондеръ пытался доказать, что Магеди находился въ Межеддѣ, близъ Бетъ-Сеана (сравни „Megiddo“, въ „Quarterly Statement“, январь, 1877, стр. 13 и слѣд.).

[4]) Вѣроятно, современное селеніе Зеберъ.

Іорданъ отъ финикійскаго берега и достигали долины рѣки Назаны, недалеко отъ современнаго городка Гаазе. Затѣмъ они поднимались до истоковъ Насаны, недалеко отъ Тибехата (Баалбекъ) и спускались по долинѣ Оронта до Хамата. Самымъ значительнымъ городомъ на ихъ пути былъ Большой Кодшу (Кадешъ). Построенный въ странѣ аморреянъ, въ углу одного изъ изгибовъ Оронта [1]), онъ попалъ во власть хети и сдѣлался одною изъ столицъ, однимъ изъ оплотовъ ихъ могущества противъ фараоновъ. Сирійскіе вожди, разбитые при Магеди, отступали обыкновенно до самыхъ стѣнъ этого города и давали подъ ними второе сраженіе. Въ случаѣ пораженія оставалось только разсѣяться во всѣ стороны, послѣ чего каждый запирался въ своей крѣпости. Преслѣдовавшіе ихъ египтяне шли вдоль Оронта, брали Хаматъ, затѣмъ, приблизительно на высотѣ Антіохіи поворачивали направо и достигали Халупу и Патины (Батане) [2]). Отсюда до Гаргамиша оставалось уже всего нѣсколько часовъ ходьбы.

Народы, жившіе по правую и лѣвую стороны этого военнаго пути, признали власть фараоновъ и составляли часть ихъ имперіи. Одни, по примѣру финикіянъ, подчинились почти безъ сопротивленія; съ другими же надо было вести длинныя и ожесточенныя войны. Поэтому-то нельзя себѣ представить никакой аналогіи между владычествомъ египтянъ и позднѣйшимъ владычествомъ римлянъ. Сирія, Аравія и Эѳіопія никогда не были номами Египта и никогда не управлялись чиновниками египетскаго происхожденія. Онѣ сохранили свои законы, религію, обычаи, династіи, словомъ остались такими, какими были до завоеванія. Онѣ составили родъ феодальнаго государства, въ которомъ фараонъ былъ сюзереномъ, а сирійскіе и негрскіе правители — вассалами. Вассалы обязаны были воздавать должный почетъ сюзерену, платить ему дань, давать свободный проходъ по своей территоріи египетскимъ войскамъ и преграждать путь врагамъ фараона. Во всемъ остальномъ они были у себя полными хозяе-

[1]) М. Томсонъ („The Land and the Book“, стр. 110) и, послѣ него, Кондеръ видятъ остатки Кодшу въ Телл-Наби-Мендохѣ, на мѣстѣ древней Лаодицеи-адъ-Либанумъ („Quarterly Statement“, іюль, 1881, стр. 163—173). Предлагаемое ими отождествленіе не достаточно соглашается, по моему, съ египетскими текстами. Сравн. Т. Д. Томкинсъ, „Kadesh on the Orontes“ въ „Quarterly Statement“, 1882, стр. 47—50.

[2]) Ж. Масперо, „De Carchemis oppidi situ“, стр. 5.

вами и могли сражаться другъ съ другомъ, заключать миръ, выбирать союзниковъ, устраивать по своему внутреннія дѣла своихъ областей, не допуская при этомъ вмѣшательства фараона.

Государство, устроенное такимъ образомъ, не могло отличаться устойчивостью. Пока высшая власть находилась въ рукахъ энергичнаго государя, или, вѣрнѣе, пока живо было въ умахъ побѣжденныхъ воспоминаніе объ ихъ неудачной попыткѣ отвоевать себѣ независимость, до тѣхъ поръ сирійскіе начальники оставались вѣрными вассалами и платили дань. Но смерть царствующаго государя и восшествіе на престолъ новаго, пораженіе или только слухъ о пораженіи египетскихъ генераловъ, наконецъ, иногда малѣйшее событіе бывали причиной общаго возстанія. Каждый отказывался платить свою долю дани, города и цѣлыя государства объявляли себя независимыми, а Египетъ терялъ въ нѣсколько дней всѣ свои завоеванія и ограничивался только своей собственной территоріей. Приходилось тогда начинать снова. Обыкновенно мятежники составляли коалицію, войска которой ожидали нападенія при Магеди или Кодшу. Одно или два сраженія рѣшали дѣло: союзники разбѣгались въ разныя стороны, и каждый укрѣплялся въ своемъ городѣ. Египтянамъ не приходилось уже имѣть дѣло съ большими арміями; они преслѣдовали каждаго возмутившагося правителя отдѣльно и подолгу осаждали ихъ замки, пока, наконецъ, не приводили ихъ въ повиновеніе. Возстаніе въ одинъ день такъ расшатывало имперію, что для возстановленія ея приходилось вести войну въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, а иногда и въ продолженіе цѣлаго царствованія. Напрасно побѣдитель прибѣгалъ къ мѣрамъ строгости: разорялъ поля, уводилъ стада, уничтожалъ крѣпости, предавалъ огню и обагрялъ кровью города, низлагалъ и казнилъ правителей, уводилъ цѣлыя племена въ рабство — ничто не помогало. Завоевавъ страну въ продолженіе одного царствованія, египтяне теряли ее при началѣ слѣдующаго, чтобы снова отвоевать и позднѣе опять потерять ее, никогда не создавая ничего прочнаго.

Изъ всѣхъ дѣтей Тутмоса I отъ его законной жены, Ахмосъ [1]), осталась въ живыхъ только одна дочь, Хатсопситу [2]). Незадолго до своей смерти царь сдѣлалъ ее своей соправительницей, выдавъ замужъ за сына своего Тутмоса II, рожденнаго одною изъ женщинъ его гарема [1]). Царствованіе Тутмоса II продолжалось всего нѣсколько лѣтъ и не отличалось ничѣмъ выдающимся. Нѣсколько экспедицій противъ сирійцевъ и негровъ укрѣпили его верховную власть въ Азіи и Ѳіопіи [2]). Нубійскія племена, вѣчно воевавшія со времени Ахмоса I, казалось, примирились, наконецъ, съ потерей своей независимости. Страна ихъ, раздѣленная на номы, по примѣру Египта, была преобразована въ вице-королевство, увеличенное на счетъ эѳіопскихъ народовъ и простиравшееся отъ перваго нильскаго водопада до Абиссинскихъ горъ. Сначала управленіе Ѳіопіей поручалось важнымъ сановникамъ, благодаря чему оно сдѣлалось вскорѣ одной изъ важнѣйшихъ государственныхъ должностей; при египетскомъ дворѣ установился даже обычай давать наслѣдняку престола титулъ князя Кушитскаго [3]). Инога этотъ титулъ былъ только почетнымъ: молодой принцъ жилъ при отцѣ, а особый намѣстникъ управлялъ за него страной кушитовъ. Иногда же наслѣдный принцъ самъ бралъ въ руки бразды правленія, обучаясь въ области Верхняго Нила искусству управлять государствомъ. Такъ Горъ, сынъ Озириса, царствовалъ тамъ до объявленія войны Сету и, затѣмъ, до приведенія въ исполненіе мести за отца. Начать свою карьеру, какъ Горъ, и побѣдоносно предводительствовать походомъ противъ враговъ,— было для будущаго повелителя Египта еще однимъ лишнимъ доказательствомъ его божественнаго происхожденія.

Царица Хатсопситу получила отъ своей матери, Ахмосъ, и бабушки, Нофертарэ, большія права, чѣмъ тѣ, которыми пользовались ея отецъ и мужъ. Въ глазахъ націи она была законной наслѣдницей престола и непосредственной представительницей древнихъ династій. Поэтому, когда Тутмосъ I на склонѣ дней своихъ призвалъ ее на царство [4]), въ этомъ рѣшеніи, помимо отеческой нѣжности, участвовало и государственное соображеніе. Автори-

[1]) Подобно ему, она была дочерью Аменготепа I-го и сестры его, Аменхотпу II. Она фигурируетъ вмѣстѣ съ матерью у Лепсіуса, „Denkmäler“ III, 26, 1 б.

[2]) Имя это читается обыкновенно Хатасу.

[1]) Сравн. Масперо, „Notes sur quelques points be grammaire et d'histoire“ въ „Zeitschrift“, 1882, стр. 132—133.

[2]) Памятникъ въ Ассуанѣ, у Лепсіуса, „Denkm“, III, 16 a.

[3]) Египетскій титулъ былъ слѣдующій: „царствующій сынъ Куша“. Въ Папирусѣ Орбинея (табл. XIX, ст. 1), напримѣръ, герой романа, сынъ фараона, носитъ имя принца Кушитскаго со дня своего рожденія.

[4]) Э. де-Руже, „Etude des monuments du massif de Karnak“ въ „Mélanges d'archéologie“, т. I, стр. 50.

тетъ царицы, освященный главою семьи, все болѣе и болѣе усиливался при жизни Тутмоса II и достигъ своего апогея послѣ смерти этого государя, не оставившаго наслѣдника мужескаго пола. Хатсопситу возвела на престолъ своего младшаго брата рожденнаго отъ простой женщины царскаго гарема, по имени Иситы [1]), и женила его на своей дочери Хатсопситу-Мирири, которая была единственнымъ оставшимся въ живыхъ ребенкомъ отъ ея брака съ Тутмосомъ II-мъ [2]).

Тутмосъ III долго былъ государемъ только по имени, въ то время, какъ сестра его пользовалась неограниченной властью. Она строила и освящала храмы, приносила царственныя жертвоприношенія, рѣшала вопросы о войнѣ и мирѣ; она велѣла изображать себя въ видѣ мужчины, съ накладной бородой, какія носили египетскіе государи. Хатсопситу сумѣла сохранить владычество Египта надъ сѣверными и южными областями страны и продолжала, подобно отцу, получать дань съ сирійскихъ народовъ; она возобновила разработку синайскихъ рудниковъ [3]) и произвела развѣдки въ Тонутирѣ, куда не заходилъ до того времени ни одинъ египтянинъ. Тонутиръ граничилъ съ Пунтомъ и включалъ въ себѣ всѣ неизвѣстныя земли, находившіяся къ юго-востоку отъ Египта, въ томъ числѣ и Аравію. Расположенный близъ двухъ величайшихъ торговыхъ пунктовъ древняго міра, Индіи и семитической Азіи, Іеменъ былъ какъ бы общимъ рынкомъ и вѣковымъ мѣстомъ взаимной встрѣчи для всѣхъ восточныхъ націй. Народы Декана посылали туда свои товары, а арабы и арамеяне пересылали ихъ въ Вавилонъ — въ Ассиріи, Нагаранну — въ Финикіи, и даже на египетскіе берега Краснаго моря, гдѣ товары эти принимались коптскими купцами. Хатсопситу, владычица Сиріи и Ѳеіопіи, порѣшила „изслѣдовать землю Пунтъ до самаго конца Тонутира“ и съ этой цѣлью отправила туда прямо моремъ экспе-

1) Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Zeitschrift“, 1882, стр. 132—133. Разсказъ о юности Тутмоса Ш, приведенный Бругшемъ въ его книгѣ („Geschichte Aegyptens“, стр. 288—289, 361) и позаимствованный имъ изъ текстовъ, сообщенныхъ Марьеттомъ („Karnak“, табл. 16, строк. 47—49), основанъ на ошибочномъ ихъ истолкованіи: Бругшъ принялъ за историческіе факты рядъ сравненій, позаимствованныхъ изъ миѳологіи.

2) Э. де-Руже, „Etude sur les monuments“, въ „Mélanges“, т. I, стр. 50.

3) Памятникъ XVI года ея царствованія въ Уади-Магарахѣ (Лепсіусъ „Denkm“, Ш, 28 b).

дицію за драгоцѣнными породами деревьевъ, камедью, благовоніями, золотомъ, серебромъ, лаписъ-лазурью, драгоцѣнными камнями, словомъ за всѣми сокровищами, въ которыхъ такъ нуждались культъ и цивилизація Египта. Она послала въ Красное море эскадру изъ пяти кораблей [1]), которые счастливо достигли благовонныхъ городовъ, расположенныхъ на берегу страны Ароматовъ, на небольшомъ разстояніи отъ мыса Гвардафуй. Египтяне сошли съ кораблей, построили палатку и сложили въ ней свои плохенькіе товары для обмѣна ихъ на произведенія страны, въ которую они прибыли.

Туземцы принадлежали къ той же расѣ, что и кушиты Южной Аравіи и Нубіи. Они были высоки, стройны; цвѣтъ кожи ихъ переходилъ отъ кирпично-краснаго въ коричневый, почти черный. Начальникъ ихъ, по имени Париху [2]), держалъ бумерангъ [3]) въ рукѣ; за поясомъ у него былъ кинжалъ, шея была украшена ожерельемъ изъ мелкихъ стеклянныхъ бусъ, а правая нога покрыта широкими кольцами изъ желтаго металла, вѣроятно, изъ золота. Жена его, Ати, и дочь его имѣли странный видъ: мать представляла изъ себя груду отвислыхъ тѣлесъ, а дочь начинала уже походить на нее. На нашъ взглядъ, это было верхомъ безобразія, но жители Тонутира имѣли иное представленіе о красотѣ. Они принадлежали къ числу народовъ, у которыхъ такая полнота формъ считается идеаломъ женской красоты [4]). Главнымъ условіемъ начала торговыхъ сношеній было, кажется, пиршество, за которымъ варварамъ подавались всѣ деликатессы египетской кухни. Посланные царицы получили отъ нихъ, въ числѣ другихъ драгоцѣнностей, тридцать два благовонныхъ деревца, которыя были посажены въ набитыя землею корзины. Впослѣдствіи царица велѣла посадить ихъ въ своихъ Ѳивскихъ садахъ, что было, какъ мнѣ кажется, первой до сихъ поръ извѣстной попыткой аккліма-

1) См. у Масперо, „De quelques navigations des Egyptiens (Revue historique“, т. IX, стр. 12, примѣч. 1), относительно соображеній, объясняющихъ, почему нельзя предположить въ данномъ случаѣ болѣе пяти караблей.

2) Имя это тождественно, вѣроятно, съ арабскимъ именемъ Фаригу, отъ корня *fariha*, „laetus, hilaris fuit“.

3) Метательный снарядъ, употребляемый въ настоящее время австралійцами.

4) Сравн. Спикъ (Speke), „Les Sources du Nil“, франц. перев., стр. 183; Швейнфуртъ, „Au Cœur de l'Afrique“, франц. перев., т. I, стр. 282; Шабасъ, „Études sur l'antiquité historique“, стр. 154; Марьеттъ, „Dier-el-Bahari“, стр. 30.

тизаціи растеній [1]). Экспедиція эта имѣла мѣсто на IX году оффиціальнаго царствованія Тутмоса III-го [2]); регентша умерла на XX году и со смертью ея произошелъ рѣзкій поворотъ въ общественномъ мнѣніи о ней. Женщину, такъ много способствовавшую прославленію Египта, стали считать узурпаторшей. Надписи, въ которыхъ разсказывалось о сдѣланной ею рекогносцировкѣ въ Тонутирѣ, были попорчены, ея гербы—стерты, списокъ ея титуловъ замѣненъ перечнемъ титуловъ ея братьевъ.

До того времени Тутмосъ III пользовался только царскими титулами и великолѣпіемъ, окружающимъ обыкновенно коронованныхъ особъ; получивъ фактически власть въ свои руки, онъ началъ предпринимать завоеванія и отдаленныя экспедиціи. Прежде всего онъ обратилъ свое оружіе противъ Сиріи. „По цѣлымъ годамъ несогласія терзали страну Рутону. Каждый направлялъ свое оружіе противъ сосѣда, все равно слабаго или могущественнаго"; безпрестанныя возмущенія ослабили авторитетъ Египта. Тутмосъ III собралъ свои войска и 25-го фармути оставилъ Зару, что на границѣ Дельты. Прибывъ въ Газу 3-го пахонса, онъ торжественно отпраздновалъ здѣсь день своего коронованія и двадцать третій годъ своего царствованія. Потомъ онъ медленно двинулся въ путь и, пройдя не болѣе 80 кил. на югъ отъ Газы, остановился 16-го около города Іухму, поджидая донесеній своихъ развѣдчиковъ, чтобы окончательно опредѣлить планъ кампаніи. Наконецъ, онъ узналъ, что повелитель города Кодшу вошелъ вмѣстѣ съ мятежниками въ Магеди и укрѣпился въ немъ. Тутмосъ собралъ военный совѣтъ и сообщилъ своимъ генераламъ о полученныхъ имъ извѣстіяхъ. Нѣкоторые изъ нихъ, предвидя опасности перехода по ущельямъ близъ Аруны, совѣтовали перемѣнить позицію и идти по дорогѣ, ведущей въ Зафити. Тутмосъ съ негодованіемъ

---

[1]) Тексты, относящіеся къ этой экспедиціи, были опубликованы Дюмихеномъ въ двухъ большихъ трудахъ: „Die Flotte einer Aegyptischen Königin и „Hist. Inschriften", т. II, а также Марьеттомъ въ „Deir-el-Bahari", Они были изслѣдованы Э. де-Руже, „Etudes des monuments du massif de Karnak", въ „Mélanges d'archéologie", т. I, стр. 49 и слѣд.; и Ж. Масперо, „De quelques navigations des Egyptiens sur les côtes de la mer Erythrée", въ „Revue historique", т. IX, стр. 1 и слѣд. Сравн. Гоммель, „Die semitischen Völker", т. I, стр. 136 и слѣд.

[2]) Эта дата приведена Дюмихеномъ въ его „Die Flotte", табл. XVIII, а, 3, но нельзя съ точностью опредѣлить, означаетъ-ли она начало экспедиціи, возвращеніе кораблей, или же день открытія храма, построеннаго царицей Хатсопсису въ память этого событія.

отвергъ ихъ мнѣніе, которое онъ считалъ верхомъ трусости. „Клянусь моей жизнью, клянусь любовью, которую питаетъ ко мнѣ богъ Ра; клянусь благоволеніемъ ко мнѣ отца моего Аммона, я пройду по Арунской дорогѣ, несмотря на то, есть ли между вами желающіе избрать иные пути или же такіе, которые пожелаютъ пойти за мною. Что сказали бы эти презрѣнные враги, къ которымъ богъ Ра питаетъ такое отвращеніе? „Фараонъ идетъ другой дорогой; онъ боится насъ"; вотъ что они сказали бы". Тогда воины такъ отвѣтили царю: „Да хранитъ тебя твой отецъ Аммонъ. Мы послѣдуемъ за тобою, куда бы ты ни шелъ, какъ и слѣдуетъ, чтобы слуги всюду шли за своимъ господиномъ". Послѣ трехъ дней быстраго перехода, войска Тутмоса были уже въ Арунѣ. 20-го, рано утромъ, онъ прошелъ ущелье, не встрѣтивъ, къ счастію, другихъ препятствій, кромѣ естественныхъ трудностей пути, остановился на минуту на сѣверномъ склонѣ горы, поджидая запоздавшій арьергардъ, и къ 7 часамъ вечера спустился въ долину. Было уже поздно предпринимать что-либо въ тотъ же день, и Тутмосъ расположился лагеремъ на берегу рѣчки Кины, противъ непріятельскаго стана.

21-го лишь только стало разсвѣтать, египетская армія приготовилась къ битвѣ. Ея правое крыло упиралось въ потокъ, а лѣвое, развернувшись по равнинѣ, доходило до сѣверо-западныхъ предѣловъ Магеди, для того, конечно, чтобы опередить непріятеля и отбросить его къ стѣнамъ города. Царь находился въ центрѣ своего войска. Сирійцы, опрокинутые послѣ непродолжительной стычки, были охвачены паникой. Оставивъ лошадей и колесницы, они побѣжали по направленію къ Магеди, но въ ту же минуту, какъ они врывались въ ограду города, гарнизонъ, опасавшійся вторженія вслѣдъ за ними египтянъ, захлопнулъ передъ ними ворота и только съ трудомъ согласился поднять на стѣны съ помощью веревокъ генераловъ.

Но „Богу было угодно, чтобы воины его величества не бросились на эти жалкіе остатки презрѣнной непріятельской арміи. Въ одну минуту они были уже въ Магеди". Алчность египтянъ спасла побѣжденныхъ; они потеряли только восемьдесятъ три убитыхъ и сто сорокъ плѣнниковъ. За то египтяне нашли на полѣ битвы двѣ тысячи сто тридцать два боевыхъ коня, девятьсотъ девяносто четыре колесницы и всю добычу азіатовъ, оставленную ими во время бѣгства. Въ тотъ же вечеръ побѣдоносная армія торжественно прошла передъ Тутмосомъ III и положила

передъ нимъ взятую у непріятеля добычу. Тутмосъ отвѣтилъ на эти почести упреками: „Если бы вы взяли Магеди, говорилъ онъ, это значило бы гораздо больше, чѣмъ всѣ милости, посланныя мнѣ сегодня богомъ Ра. Всѣ начальники страны заперлись въ этомъ городѣ, такъ что взять Магеди значило бы то же, что взять тысячу непріятельскихъ городовъ". Городъ, осажденный безъ отлагательства, сдался спустя нѣсколько дней, и паденіе его рѣшило исходъ войны. Прежде другихъ начальникъ страны Ассуръ, а за нимъ и другіе правители Сиріи и Месопотаміи, поспѣшили уплатить дань и принести побѣдителю вѣрноподданническую присягу [1]).

Три послѣдовательныхъ похода, съ XXIV по XXVIII годъ царствованія Тутмоса III, довершили дѣло окончательнаго подавленія возстанія въ Сиріи и Южной Финикіи. Въ XXIX г., когда фараонъ находился въ самомъ сердцѣ Нахаранны, между Евфратомъ и Оронтомъ, онъ, для пущаго прославленія Аммона, предалъ грабежу города Тунипу и Гаргамишъ [2]) и всѣ области, лежавшія къ западу отъ Халупу; золото, серебро, лаписъ-лазурь, вообще всѣ драгоцѣнности хетійскихъ князей перешли въ сокровищницу ѳивскаго бога. „Съ сердцемъ, преисполненнымъ радости", Тутмосъ уже возвращался въ Египетъ, какъ вдругъ до него дошла вѣсть, что область Захи [3]), расположенная въ сторонѣ отъ большихъ военныхъ дорогъ, можетъ быть легкой и вмѣстѣ съ тѣмъ богатой добычей: погреба ея изобиловали виномъ, житницы хлѣбомъ, даже сборъ жатвы еще не начинался, а деревья были обременены плодами. Царь немедленно повернулъ на востокъ и внезапно вторгся со своими войсками въ область Арада. Это былъ скорѣе набѣгъ, чѣмъ походъ по правиламъ войны. Городъ не былъ

[1]) Тексты, относящіеся къ этому походу, были разобраны въ „Notices" Шампольона, т. II, стр. 154—158, и опубликованы всѣ вмѣстѣ Лепсіусомъ, „Dekm.", III, табл. 31b—32. Они были изслѣдованы Э. де Руже, „Annales de Touthmès", III, стр. 8—9, 26—28, „Sur quelques monuments inédits du règne de Thoutmès", III, стр. 35—40, переведены Бругшемъ, „Geschichte Aegyptens", стр. 294—305, и Масперо, „Le Récit de la campagne contre Mageddo" въ „Recueil", т. II, стр. 48—56, 139—150.

[2]) Надпись Амонемхаби, сообщенная Эберсомъ, „Thaten und Zeit Tothmes III", въ „Zeitschrift der D. Morg. Gesellschaft", т. XXX, стр. 391 и слѣд., т. XXXI, стр. 439 и слѣд. Я отожествляю экспедицію, упомянутую въ 3—71 строкахъ этого текста, съ пятымъ походомъ Тутмоса III.

[3]) Сѣверная Финикія.

взятъ, но поля были опустошены, сады ограблены, скотъ уведенъ, и вся область отдана на разграбленіе солдатамъ. Добыча побѣдителей была такъ велика, что воины могли ежедневно опиваться оливковымъ масломъ,—роскошь, которую они себѣ позволяли въ Египтѣ только по праздничнымъ днямъ [1]). Въ слѣдующемъ году египтяне опять появились въ странѣ. Города Кодшу, Симира, Арадъ, Арроту на берегахъ Нисроны,—пали одинъ за другимъ, а начальники ихъ принуждены были отдать сыновей своихъ въ заложники. Кампанія окончилась только въ XXXI году, и 3-го пашонса царь отпраздновалъ годовщину своего восшествія на престолъ осмотромъ добычи, взятой у непріятеля. Кромѣ ежегодной дани, начальники Рутону обязаны были поставлять провіантъ на всѣхъ стоянкахъ египетскаго царя и его арміи [2]). Спустя два года очередь дошла до Нахаранны. Хетійскій царь приготовился дать мужественный отпоръ непріятелю, но исходъ войны былъ не въ его пользу. Тутмосъ III обратилъ въ бѣгство его солдатъ и такъ ожесточенно преслѣдовалъ ихъ, „что ни одинъ изъ нихъ не осмѣлился даже оглянуться: охваченные единственной мыслью бѣжать безъ оглядки, они мчались какъ стадо барановъ". Чтобы увѣковѣчить память этой побѣды, фараонъ воздвигъ два памятника, находившіеся, вѣроятно, около Гаргамиша, одинъ — къ востоку отъ рѣки, другой рядомъ съ памятникомъ Тутмоса I, воздвигнутымъ почти за полвѣка до того времени. На обратномъ пути фараонъ захватилъ городъ Ніи [3]) и обложилъ данью ея правителя. Пребываніе Тутмоса въ этомъ городѣ отмѣчено любопытнымъ эпизодомъ. Обычай вмѣнялъ въ обязанность египетскимъ царямъ истребленіе дикихъ звѣрей, и одинъ изъ фараоновъ, Аменготепъ III, хвалился, что убилъ собственноручно сто двухъ львовъ въ продолженіе первыхъ десяти лѣтъ своего царствованія [4]). Тутмосъ III устроилъ охоту на слоновъ

[1]) „Annales de Thoutmos III", строка 1—7.

[2]) „Annales de Thoutmos III", строка 7—15. Кажется, названіе Нисрона примѣнялось къ рѣкѣ Кувелкъ и къ озеру-болоту, въ которое впадаетъ эта рѣка. А можетъ быть отъ имени Нисрона произошло названіе городка Киннес-ринъ? Нёбауеръ („Géographie du Talmud", стр. 307), однако называетъ этотъ городокъ Кан-Ништрайя.

[3]) Городъ этотъ смѣшивали съ Нинивіей (сравн. „Zeitschrift", 1879, стр. 58; Паньонъ, „L'Inscription de Bavian", стр. 115—116); онъ находился, повидимому, или въ Келе-Скріи, или въ Сѣверной Сиріи.

[4]) Розеллини, „Mon stor.", табл. XLIV.

и убилъ 120 этихъ животныхъ [1]). Всѣ народы Сиріи, въ томъ числѣ Лимнану [2]), Хети, жители Сингары и Аси [3]) должны были преклониться передъ неотразимымъ могуществомъ фараона; возстаніе усилило только гнетъ тяготѣвшаго надъ ними египетскаго ига. Коалиція, составившаяся въ XXXVII году, съ правителемъ Нагаранны во главѣ, была уничтожена послѣ кровопролитной битвы близъ Амуны [4]). Годъ спустя городъ Оно-Гасу подвергся общей участи. Въ XLI году Келе-Сирія испытала на себѣ всю тяжесть войны. Наконецъ, въ XLII [5]) году осажденъ Кодшу. Напрасно царь этого города прибѣгалъ къ хитростямъ, которыя дозволяла стратегія того времени. Онъ велѣлъ вывести изъ города разъяренную кобылицу и пустить ее на египетскій станъ, съ цѣлью произвести замѣшательство въ рядахъ войскъ. Но наѣздникъ фараона, Аменемхабъ, бросился на встрѣчу бѣшеному животному, убилъ его однимъ ударомъ меча и хвостъ его представилъ фараону въ видѣ трофея. Кодшу былъ взятъ приступомъ и отданъ на разграбленіе солдатамъ [6]).

Въ Эѳіопіи года не проходило безъ столкновенія вице-короля этой страны съ Уауанту. Племена, жившія по Верхнему Нилу, издавна привыкшія трепетать передъ фараономъ, обращались въ бѣгство при малѣйшей тревогѣ и искали убѣжища въ пустынѣ, въ горахъ или болотахъ. Побѣдители входили въ покинутыя ими

---

1) Галеви („Mélanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples sémitiques", стр. 27, прим. 2), котораго удивляетъ присутствіе слоновъ въ Сиріи, переноситъ Ніи въ Африку, именно „въ южную Нубію, на берега Астабораса, гдѣ слоны всегда водились въ изобиліи". Между тѣмъ изображеніе слона встрѣчается на гробницѣ Рехмири, въ Ѳивахъ, гдѣ онъ изображенъ посреди людей племени Рутону. Разсказъ объ охотѣ на слоновъ находится въ „Надписи Амемемхаби", строка 22—23.

2) Отождествляемые долго съ армянами, Лимнану получили, повидимому, свое названіе отъ Либнаны, Ливана, и имя ихъ, вѣроятно, означаетъ „жители Ливанскихъ горъ".

3) Названіе острова Кипра, судя по тексту Канопскаго декрета, въ которомъ египетскій писецъ написалъ Асинаи, по аналогіи со словомъ Асине, которое составляетъ названіе города, находившагося на этомъ островѣ (Мёрсіусъ, „Cyprus", стр. 28), можетъ быть, Саламина.

4) „Annales de Thoutmos III", строка 37 и слѣд.

5) Относительно этой даты нѣтъ полной увѣренности; очень возможно что упомянутый фактъ относится и къ XLI году. Срав. Шабасъ, „Mélanges égyptologiques", серія 3-я, т. II, стр. 297.

6) „Inscription d'Amenemhabi", строка 25—32; сравн. Эберсъ, „Zeit und Thaten Touthmes III" въ „Zeitschrift", 1873, стр. 6—7.

деревни, предавали огню и грабежу ихъ жилища, уводили въ плѣнъ оставшихся жителей, угоняли скотъ и уносили съ собою драгоцѣнности, цѣнныя породы деревьевъ, золотые слитки и такой же песокъ, эмальированныя и рѣзныя металлическія вазы, страусовыя перья, вообще, все, что только не успѣвали спрятать или захватить съ собой несчастные бѣглецы, и побѣдоносно входили въ Египетъ послѣ нѣсколькихъ недѣль такъ легко доставшихся имъ побѣдъ. На югѣ, какъ и на сѣверѣ, долгое царствованіе Тутмоса III было рядомъ удачныхъ войнъ, почему онъ, не безъ основанія, получилъ имя Великаго. Вѣчно въ походахъ, переходя съ одного конца своего государства на другой, находясь одинъ годъ подъ стѣнами Гаргамиша, а другой—въ самой глубинѣ Эѳіопіи,—Тутмосъ III расширилъ предѣлы египетской имперіи и передалъ ее своимъ преемникамъ такой могущественной и обширной, какою она никогда уже не бывала ни до, ни послѣ него. Не удивительно, поэтому, что его громкія дѣла такъ воодушевляли придворныхъ поэтовъ!

„Я пришелъ", говоритъ Тутмосу III богъ Аммонъ на одномъ памятникѣ, открытомъ въ Карнакѣ, „я пришелъ и дозволяю тебѣ сокрушить князей Захи; я бросаю ихъ къ твоимъ ногамъ вмѣстѣ съ ихъ владѣніями, — я показываю имъ твое величіе, когда ты, на подобіе повелители свѣта, блистаешь надъ ихъ головами, какъ мое изображеніе.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить азіатскихъ варваровъ, увести въ плѣнъ начальниковъ племени Рутону; я показываю имъ твое величіе, когда ты, облачившись въ военные доспѣхи и стоя на колесницѣ, хватаешься за оружіе.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить страну Востока; Кафти и Аси трепещутъ передъ тобою; я показываю имъ твое величіе въ видѣ молодого, храбраго, снабженнаго рогами быка, противъ котораго никто не можетъ устоять.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить народы, живущіе въ приморскихъ городахъ; области Мадона трепещутъ передъ тобою; я показываю имъ твое величіе въ видѣ гиппопотама, ужаснаго властителя водъ, къ которому никто не могъ подойти.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить народы, живущіе на островахъ; тѣ, которые обитаютъ у морскаго залива, страшатся твоего рыканія; я показываю имъ твое величіе въ видѣ мстителя, бросающагося на спину своей жертвы.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить Тагону; Данайскія

острова находятся въ твоей власти; я показываю имъ твое величіе, въ видѣ разъяреннаго льва, ложащагося на ихъ трупы въ ихъ долинахъ.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить приморскія страны; вся окружность великой области водъ находится въ твоихъ рукахъ; я показываю имъ твое величіе въ образѣ повелителя крылатыхъ (ястреба), однимъ взглядомъ обнимающаго все, что онъ хочетъ видѣть.

„Я пришелъ, я дозволяю тебѣ сокрушить народы, живущіе по своимъ лагунамъ, и взятъ въ плѣнъ повелителей песковъ (Хирушаиту); я показываю имъ твое величіе въ образѣ южнаго шакала, стремительнаго гонца, блуждающаго въ обѣихъ областяхъ.

„Я пришелъ, дозволяю тебѣ сокрушить варваровъ Нубіи; все до народа Путъ, уже въ твоихъ рукахъ; я показываю имъ твое величіе, подобное величію обоихъ твоихъ братьевъ, руки которыхъ я соединилъ, чтобы обезпечить за тобой твое могущество“ [1]).

Успѣхи фараона произвели сильное впечатлѣніе на воображеніе египетскаго народа: подобно древнему Хеопсу и Узертезену I, онъ сдѣлался вскорѣ героемъ легендарныхъ романовъ. До насъ дошла одна изъ тысячи и одной легендъ, ходившихъ о немъ впродолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Однажды правитель города Іоппе возмутился и выступилъ въ походъ противъ фараона. Тутмосъ III, величіе котораго приковывало его къ берегамъ Нила, не пошелъ лично противъ мятежника, но поручилъ его усмиреніе одному изъ своихъ храбрѣйшихъ генераловъ, Тутіи. Послѣдній заманилъ мятежнаго князя въ свой лагерь, подъ предлогомъ показать ему магическую тросточку египетскаго царя, и умертвилъ его. Но мало было освободиться отъ начальника; предстояло еще овладѣть городомъ. Тутіи взялъ 500 кувшиновъ и по-

[1]) Марьеттъ, „Revue générale de l'Architecture“, 1860, т. XVIII, столбецъ 57, 60, и „Notice des principaux monuments du Musée de Boulaq“, изданіе 3-е, стр. 78—80; Бирчъ, „Archeeologia“, т. XXVIII; Э. де Руже, „Revue archéologique“, 1861; Масперо, „Du genre épistolaire“, стр. 85—89. Этотъ прекрасный гимнъ сдѣлался классическимъ гимномъ Египта. Нѣсколько вѣковъ послѣ Тутмоса, Сети I-й воспроизвелъ часть его (Шампольонъ „Notices“, т. II, стр. 96), а Рамзесъ III взялъ изъ него нѣсколько фразъ для прославленія своихъ подвиговъ (Дюмихенъ, „Hist. Inschriften“, т. I, табл. XI—XII).

садивъ въ каждый по одному воину, перенесъ ихъ къ самымъ стѣнамъ Іоппе. Потомъ онъ принудилъ оруженосца убитаго князя объявить осажденнымъ, что египтяне разбиты, и что въ городъ ведутъ ихъ плѣннаго генерала. Граждане повѣрили и открыли ворота, между тѣмъ солдаты Тутіи вышли изъ своихъ временныхъ убѣжищъ и овладѣли городомъ. Это исторія Али-Бабы и четырехсотъ разбойниковъ изъ Тысяча и одной ночи, только передѣланная на египетскій ладъ. Со времени 20-й династіи, Тутмосъ III становится единственнымъ царемъ, по имени котораго относятся всѣ войны, всѣ подвиги, всѣ побѣды, способствовавшія возвеличенію Египта. Позднѣе слава его померкла передъ славой Рамзеса II, а имя его совершенно изгладилось изъ памяти народовъ и стало извѣстно только благодаря трудамъ нашимъ современниковъ, нашедшихъ и разобравшихъ [1]) надписи, въ которыхъ оно встрѣчается.

Тутмосъ III умеръ въ послѣдній день фаменота, на LV году своего царствованія [2]) и былъ похороненъ въ Ѳивахъ сыномъ своимъ, Аменготепомъ II [3]). Сирійскіе начальники хотѣли воспользоваться моментомъ и привѣтствовали возстаніемъ восшествіе на престолъ новаго царя. Аменготепъ немедленно и жестоко наказалъ ихъ. Онъ опустошилъ область Верхняго Іордана, „какъ страшный левъ, обращающій въ бѣгство цѣлыя страны“. 26-го тиби онъ перешелъ Аросати [4]), и подвигался впередъ съ цѣлью сдѣлать рекогносцировку внѣшнихъ укрѣпленій Анато. „Нѣсколько азіатовъ прискакали верхомъ и старались помѣшать ему идти дальше. Царь надѣлъ свои военные доспѣхи, и удаль его равнялась въ эту минуту таинственному могуществу Сета; лишь только его величество взглянулъ па одного изъ варваровъ, — они уступили и обратились въ бѣгство“. 10-го эпифи Аменготепъ подошелъ къ стѣнамъ Ніи, но городъ сдался безъ боя, и „жители

[1]) Гудвенъ, „Translation of a Fragment of an Historical Narrative relating to the reign of Thotmes the Third“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archoeology“, 1874, т. III, стр. 348; Бирчъ, „Egypt from the earlier times“, стр. 203—204; Масперо, „Les Contes populaires“, стр. 83—96.

[2]) Эберсъ, „Thaten und Zeit Tothmes III“ въ „Zeitschrift“, 1873, стран. 7. Царствованіе это продолжалось пятьдесятъ четыре года и одиннадцать мѣсяцевъ.

[3]) Масперо, „Notes sur quelques points“ въ „Zeitschrift“, 1882, стр. 132.

[4]) Бругшъ предлагаетъ писать это названіе Аринатхъ („Geschichte“, стр. 389), что напоминаетъ Оронтъ. Форма Аросати взята изъ „Notices“, Шампольона.

его, мужчины и женщины, появились на стѣнахъ, чтобы привѣтствовать его величество« [1]). Другія укрѣпленія, въ томъ числѣ Акити, выдержали, прежде чѣмъ сдаться, продолжительную осаду.

На III-емъ году царствованія Аменготепа возстаніе было окончательно подавлено. Въ числѣ другихъ подвиговъ, фараонъ побѣдилъ и самъ лично взялъ въ плѣнъ семерыхъ начальниковъ страны Тахисъ; во время его тріумфальнаго возвращенія въ Ѳивы, плѣнники были привязаны къ передней части его барки во все время путешествія. Шестеро изъ нихъ были торжественно принесены въ жертву Аммонну, причемъ руки и головы ихъ были выставлены на стѣнахъ Карнакскаго храма; седьмой былъ отвезенъ въ Напату, гдѣ жестокое обращеніе съ нимъ долженствовало служить устрашеніемъ мелкимъ эѳіопскимъ князькамъ и научить ихъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ авторитету фараона [2]). Возстаніе племенъ, населявшихъ пустыню и оазисы къ востоку отъ Египта было также подавлено Аменемхаби, который занималъ при Аменемготепѣ II-омъ тотъ же постъ, что и при Тутмосѣ III-емъ [3]). Имперія находилась въ хорошихъ рукахъ: Тутмосъ IV, сынъ Аменготепа, сумѣлъ внушить уваженіе чужеземнымъ народамъ своими счастливыми походами въ Сирію и Эѳіопію [4]). При Аменготепѣ III, преемникѣ Тутмоса III, границы египетскаго владычества простирались на сѣверѣ до Евфрата, а на югѣ до страны Галласовъ [5]). Нѣкогда безпокойные сирійскіе князья примирились съ своей участью и стали отдавать своихъ дочерей въ гаремъ фараоновъ [6]).

Войны уже не велись съ завоевательной цѣлью; это были просто набѣги, охота за людьми, для пополненія контингента рабочаго сословія, необходимаго для большихъ построекъ, предпринимаемыхъ въ Нильской долинѣ.

---

1) Шамполіонъ, „Notices“, т. II, стр. 185—186; Масперо, „Notes sur quelques points“ въ „Zeitschrift“, 1879, стр. 55—58.

2) Лепсіусъ, „Denkm“, III, табл. 65, строка 16—20.

3) „Inscription d'Amenemhabi“, строка 39—42, у Эберса, „Thaten und Zeit Tothmes III“, въ „Zeitschrift“, 1873, стр. 1 и слѣд.

4) Лепсіусъ, Denkm.“, III, табл. 69, e. f; Шарпъ „Eg. Insc.“, табл. 93, строка 5—6; Лувръ, С. 202.

5) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 77 с.; Лувръ „Salle historique“, витрина № 582.

6) Бругшъ, „Ueber ein merkwüdiges historisches Denkmal aus den Zeiten Königs Amenophis III“, въ „Zeitschrift“, 1880, стр. 81—87.

Первые цари 18-й династіи, Ахмосъ и Аменготепъ I, употребили все свое царствованіе на борьбу съ кочевниками, стараясь изгнать ихъ и возстановить Египетъ въ прежнемъ видѣ. Они ограничились лишь открытіемъ каменоломень по сосѣдству съ Мемфисомъ [1]) и реставраціей памятниковъ, наиболѣе пострадавшихъ отъ нашествія и во время войны за независимость. Тутмосъ I, по возвращеніи изъ экспедиціи въ Азію, предпринялъ много крупныхъ сооруженій и употреблялъ въ качествѣ каменьщиковъ набранныхъ въ Азіи плѣнниковъ. Преемники его продолжали начатыя имъ постройки. Вся Нильская долина отъ 4-го водопада до моря покрылась памятниками. Въ Напатѣ Аменготепъ III основалъ храмъ, аллеи котораго обставлены были, вмѣсто сфинксовъ, изображеніями сидящихъ барановъ; онъ украсилъ зданіе, воздвигнутое Тутмосомъ III-мъ въ Солебѣ, между вторымъ и третьимъ водопадами. Тутмосъ III-й реставрировалъ отъ своего имени храмъ въ Семнехѣ, основанный великимъ завоевателемъ 12-й династіи, Узертезеномъ III-мъ, и построитъ близъ Амада храмъ богу Ра, въ которомъ сохранились нѣкоторые самые любопытные историческіе тексты той эпохи [2]). Въ Элефантинѣ [3]), Омбосѣ [4]), Эснехѣ [5]) Эйлитии [6]), Коптосѣ [7]), Дендерахѣ [8]), Абидосѣ [9]) Мемфисѣ [10]), Геліополисѣ [11]), въ большинствѣ

---

1) Памятникъ XXII года царствованія Ахмоса у Визе, „Piramids of Gizeh“, т. III, стр. 94; Лепсіусъ, „Deukm.“, III, табл. 3 a, b.

2) Относительно этого храма, сравн. „Une inscription historique bu temps de Séti I-er“, Шабаса.

3) Храмъ существовалъ еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія и былъ разрушенъ Магометомъ Али.

4) Ворота Аменготепа I (Масперо, „Notes“ въ „Zeitschrift“, 1883, ст. 73; ворота Тутмоса III-го во внѣшней стѣнѣ города (Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 28).

5) Возобновленіе храма при Тутмосѣ III (Шамполіонъ, „Notices“, т. I, стр. 278).

6) Сооруженіе Тутмоса III (Шамполіонъ, „Notices“, т. I, стр. 626).

7) Гранитные столбы имени Тутмоса III (Уилькинсонъ, „Modern Egypt. and Thebes“, стр. 411). Одинъ изъ столбовъ, стоявшій еще до 1883 года, былъ опрокинутъ недавно искателями кладовъ.

8) Возобновленіе храма Аторы Тутмосомъ III (Дюмихенъ, „Bauurkunde“, табл. XIV, XVI; Марьеттъ, „Dendérah“, т. III, табл. 78).

9) Работы Тутмоса I въ храмѣ Озириса (Э. де Руже, „Inscription“, т. III, табл. XIX—XX). Колоссъ Тутмоса III у входа въ малый храмъ Озириса (Марьеттъ, „Abydos“, т. III, стр. 6).

10) Памятникъ XLVII года царствованія Тутмоса III, сообщающій о возведеніи стѣны въ Геліополисѣ (Лепсіусъ, „Denkm.“, 29, b).

11) Постройки Ахмоса въ храмѣ (Лепсіусъ, „Denkm.“ III, 3 a—b.)

большихъ городовъ собственно Египта и теперь еще находятъ слѣды дѣятельности фараоновъ 18-й династіи. Они оставили въ сторонѣ только Танисъ, столицу царей-пастуховъ и средоточіе культа бога Сетху. Ахмосъ разрушилъ укрѣпленія этого города, а преемники его систематически забывали о существованіи [1]).

Во времена мемфисскихъ царей, Ѳивы представляли провинціальный городъ, выстроенный на правомъ берегу Нила съ однимъ только значительнымъ памятникомъ въ честь тріады Аммона, Мута и Хонса. На другомъ берегу въ Драхъ-абулъ-Неггахѣ возвышались надгробныя пирамиды мѣстныхъ князей и могилы ихъ подданныхъ. Цари двѣнадцатой династіи изо всѣхъ силъ старались украшать свою столицу. Аменемхатъ I трудился надъ этимъ въ Ассассифѣ [2]); Узертезенъ I началъ въ Карнакѣ постройку храма изъ гранита и песчаника, надъ которымъ работали впослѣдствіи Аменемхатъ II и Аменемхатъ III [3]).

Нѣсколько сохранившихся и реставрированныхъ впослѣдствіи столбовъ и стѣнъ позволяютъ намъ возстановить до нѣкоторой степени планъ этого сооруженія. Сначала это было зданіе небольшихъ размѣровъ, украшенное многогранными колоннами, напоминающими столбы Бени-Гассана. Въ такомъ видѣ храмъ существовалъ еще въ началѣ 18-й династіи, пока Тутмосъ III, обогащенный эѳіопскимъ завоеваніемъ, не задумалъ расширить его. Египетскіе зодчіе сохранили старое зданіе нетронутымъ, сдѣлавъ его какъ бы ядромъ новаго храма. Они пристроили къ нему спереди двѣ гранитныя залы съ относящимся къ нимъ обширнымъ дворомъ и присоединили къ нимъ три пилона съ уступами, расположенные въ рядъ и соединенные двумя большими залами, украшенными колоннадой. Все зданіе получило видъ обширнаго четыреугольника, прислоненнаго къ другому четыреугольнику, продолговатому въ поперечномъ направленіи. Тутмосъ II и Хатсоиситу ничего не измѣнили въ планѣ постройки. Регентша велѣла только проломить стѣну въ одномъ мѣстѣ, чтобы поставить свои обелиски въ промежуткѣ между двумя пилонами; для этого

---

1) Марьеттъ, „Lettre à M. de Rougé sur les Touilles de Janis“ въ „Revue archéologique“, 1861, т. 1.

2) Уилькинсонъ, „Handbok of a Traveller“, стр. 328.

3) Ibid., стр. 328, 376, 378; Шампольонъ, „Not. man.“, т. II, стр. 45. Сравн. Марьеттъ, „Karnak in-folio“, 1875, и одинъ томъ „Texte“, in 4⁰; Масперо въ „Revue critique“, 1877, т. 1, стр. 265 и слѣд.

понадобилось также уничтожить шестнадцать изъ двадцати двухъ колоннъ, находившихся въ этомъ мѣстѣ. Тутмосъ III докончилъ части храма, начатыя его предшественниками, возстановилъ затѣмъ восточную сторону стариннаго зданія, одна изъ залъ которой служила мѣстомъ остановки и отдыха во время процессій; онъ окружилъ все сооруженіе каменной стѣной и вырылъ съ южной его стороны озеро, на которое въ праздничные дни спускались священныя барки. Такимъ образомъ, онъ нарушилъ пропорціональность, существовавшую до сихъ поръ между храмомъ и фасадомъ: внѣшняя ограда оказалась слишкомъ широкой для пилона. Сто лѣтъ спустя Аменготепъ III исправилъ этотъ недостатокъ: онъ пристроилъ къ внѣшнему пилону новый пилонъ, болѣе массивный, а, слѣдовательно, и болѣе способный служить фасадомъ увеличенному храму.

Такъ какъ одного святилища было уже недостаточно, Аменготепъ III основалъ къ югу отъ Карнака другой храмъ, посвященный культу Аммона. Развалины его существуютъ еще и теперь на берегу рѣки въ Луксорѣ и по справедливости считаются образцовымъ произведеніемъ египетской архитектуры. Строительная дѣятельность государей восемнадцатой династіи широко развернулась на лѣвомъ берегу Нила, въ Ассасифѣ, Шеихъ-Абд-эль-Гурнахъ, Мединетъ-Абу, Деиръ-эль-Бахарѣ, гдѣ царица Хатсопситу велѣла живописцамъ и скульпторамъ подробно изобразить свой походъ въ Аравію [1]). Передъ храмомъ Аменготепа III, нынѣ разрушеннымъ, возвышались двѣ колоссальныя статуи высѣченныя каждая изъ цѣлаго камня, которыя долгое время возбуждали удивленіе древняго міра. Одна изъ нихъ была разрушена большимъ землетрясеніемъ въ 27 году до Р. Х.; при этомъ статуя раскололась на-двое, и верхняя часть ея упала на землю. Вскорѣ потомъ распространился слухъ, что цоколь статуи издаетъ каждое утро при восходѣ солнца звуки, напоминающіе звукъ обрывающейся струны арфы или лиры [2]). Стали стекаться туристы; чудесная легенда переходила изъ устъ въ уста. Греки, несмотря на свидѣтельство обитателей Ѳивъ [3]), отказывались видѣть въ поющей статуѣ колоссъ фараона Аменготепа III и считали ее изо-

---

1) Обстоятельное описаніе у Дюмихена, „Die Flotte der Aegyptischen Königin“ и въ „Historische Inschriften“, томъ I и II; Марьеттъ, „Deir-el-Bahari“.

2) Страбонъ, кн. XVII, гл. I.

3) Павзаніасъ, I, 42, 2.

браженіемъ эѳіопа Мемнона, сына Титонъ и Авроры, который послѣ смерти Гектора оказалъ помощь Пріаму противъ грековъ и былъ убитъ Ахиллесемъ. Каждое утро Мемнонъ, какъ благовоспитанный сынъ, привѣтствовалъ свою мать Аврору чистыми, гармоническими звуками. Въ половинѣ II-го вѣка нашей эры императоръ Адріанъ и императрица Сабина предприняли путешествіе въ Верхній Египетъ, чтобы услышать это удивительное пѣніе. Всевозрастающее поклоненіе Мемнону внушило, наконецъ, повелителямъ міра желаніе реставрировать божественную статую: императоръ Септимій Северъ возстановилъ ее въ томъ видѣ, въ какомъ она была до крушенія. Но, противъ всѣхъ ожиданій, Мемнонъ смолкъ. „Я не отрицаю существованія факта, единогласно подтверждаемаго столькими свидѣтелями, что чудесный колоссъ, дѣйствительно издавалъ когда-то гармоническіе звуки, лишь только первые лучи солнца касались его. Я скажу только, что мнѣ неоднократно приходилось сидѣть передъ разсвѣтомъ на необъятныхъ колѣнахъ Мемнона, созерцая меланхолическую равнину разстилающуюся вокругъ Ѳивъ, съ разбросанными по ней обломками этого древнѣйшаго царственнаго города,—и ни одинъ музыкальный аккордъ ни разу не нарушалъ окружающаго безмолвія“ [1]).

Воцареніе и громкія дѣла восемнадцатой династіи не только доставили Ѳивамъ господство надъ всѣмъ остальнымъ Египтомъ, но возвысили также ѳивскаго бога, Аммона, надъ богами другихъ египетскихъ городовъ. Аммонъ, болѣе, можетъ-быть, чѣмъ цари египетскіе, воспользовался результатами блестящихъ военныхъ дѣйствій на сѣверѣ и югѣ имперіи. Каждая побѣда доставляла ему львиную долю добычи, захваченной на полѣ битвы: большую часть наложенной на непріятеля дани, большую часть уведенныхъ въ рабство военноплѣнныхъ. Систематически возроставшее изъ поколѣнія въ поколѣніе богатство сдѣлало египетскаго верховнаго жреца почти такой же важной особой, какъ и самъ фараонъ. Можно было даже, не дѣлая большой натяжки,

[1]) Шампольонъ, „Lettres écrites d'Egipte“, стр. 312. Сравн. Летронъ, „La Statue vocale de Memnon“, in 40⁰, 1832. По мнѣнію Бругша („Der Tempel von Deir-el-Medineh“, въ Zeitschrift“, 1875, стр. 123—128; „Nohc einmal Amenhotep der Sohn des Hapu“, въ „Zeitschrift“, 1876), архитекторомъ колоссовъ былъ нѣкій Аменготепъ, статуя котораго, найденная въ Карнакѣ, находится теперь въ Булакскомъ музеѣ.

сказать, что для него, и для него одного, египтяне предпринимали завоеваніе Азіи. Одновременно съ увеличеніемъ матеріальнаго благосостоянія, возрастало безпрестанно и нравственное вліяніе жреческаго сословія. Видя, какъ сильные міра воздавали почести повелителю Ѳивъ, жрецы увѣрили себя, что и ѳивскій богъ имѣлъ право на такое же почетное положеніе среди другихъ боговъ. Они считали Аммона единственнымъ истиннымъ богомъ, рядомъ съ которымъ другіе боги не имѣли никакого значенія. Жрецы извлекли изъ древнихъ текстовъ находившійся въ нихъ только въ зародышѣ догматъ о единствѣ божества и пытались навязать его всей странѣ. Аммонъ, единственный изъ боговъ, являющійся всегда и вездѣ побѣдителемъ, сдѣлался для нихъ единымъ богомъ [1]). Цари, смотрѣвшіе не безъ неудовольствія на возрастаніе честолюбивыхъ стремленій жрецовъ, задумали оградить себя отъ могущихъ возникнуть впослѣдствіи на этой почвѣ попытокъ къ узурпаціи. Уже Тутмосъ IV, подъ вліяніемъ видѣннаго имъ таинственнаго сна, открылъ изъ-подъ песковъ большого сфинкса и возстановилъ древній культъ Гармахути, солнца обоихъ горизонтовъ [2]). Аменготепъ III, присоединяясь къ древнему геліополисскому преданію, перенесъ въ Ѳивы культъ Атона, солнечнаго диска, и въ X-мъ году своего царствованія учредилъ въ Карнакѣ празднество въ честь бога-узурпатора [3]). Сынъ его, Аменготепъ IV, пошелъ въ своей смѣлости еще дальше. Чтобы вѣрнѣе обезпечить себѣ успѣхъ въ борьбѣ съ жрецами, онъ задумалъ отнять у Ѳивъ значеніе столицы, принадлежавшее имъ еще двадцать вѣковъ передъ тѣмъ, и дать своей имперіи новую столицу, богъ которой могъ бы замѣнить Аммона въ прерогативахъ верховнаго божества. Немногіе цари пользуются у потомковъ такой дурной славой, какъ Аменготепъ IV. Современные писатели какъ бы условились усугубить еще тѣ проклятія, которыми египетскіе жрецы обременили память царя. Большинство считаетъ его экзальтированнымъ фанатикомъ; нѣкоторые прямо бросаютъ ему упрекъ въ безуміи; есть и такіе, которые считаютъ его простымъ евнухомъ. Мать его, Тіи (Таи), раздѣлила съ

[1]) Масперо, „Bulletin de la religion de l'Egypte“, въ „Revue de l'histoire des religions“, 1882, т. V, стр. 99—100.

[2]) Вейзъ, „Pyramids of Gizeh“, т. III, стр. 114; Лепсіусъ „Denkm.“. III, табл. 43; Бругшъ, „Der Traum Königs Thutmes IV bei der Sphinx“, въ „Zeitschrift“, 1876, стр. 89—95.

[3]) Бирчъ „History of Egypt.“, стр. 107.

сыномъ привилегію служитъ предметомъ самыхъ разнообразныхъ гипотезъ. Всѣ соглашаются, что она была иностранкой; но въ то время, какъ одни утверждаютъ, что она происходила изъ семитической расы, другіе ведутъ ея происхожденіе изъ Ливіи. Недостатки Аменготепа, какъ государя, считаются слѣдствіемъ даннаго ему матерью односторонняго воспитанія. То предпочтеніе, которое Аменготепъ оказывалъ Атону, бывшему якобы національнымъ богомъ Тіи, считалось внушеннымъ ему матерью, задумавшей навязать культъ этого бога своему новому отечеству. Однако, имя Тіи и имена ея родителей носятъ слѣды древне-египетскаго происхожденія. Она не вышла изъ царской семьи, а была дочерью простыхъ смертныхъ, и очень возможно, что, если бы мы лучше знали ея исторію, мы натолкнулись бы на романическій эпизодъ женитьбы царя по любви на традиціонной пастушкѣ [1]). Аменготепъ IV, при восшествіи своемъ на престолъ, пытался, повидимому, провести мирнымъ путемъ задуманную имъ политическую и религіозную реформу. Отдавая явное предпочтеніе Атону, онъ тѣмъ не менѣе публично воздавалъ почести отцу своему Аменготепу и Аммону въ Карнакѣ [2]). Но вскорѣ Ѳивы надоѣли ему и, оставивъ ихъ, онъ удалился въ Средній Египетъ, гдѣ построилъ на правомъ берегу Нила, нѣсколько сѣвернѣе Сіута, городъ, въ которомъ ничто не напоминало ему ненавистныхъ ѳиванскихъ жрецовъ. Въ Египтѣ издавна существовалъ обычай отдавать вновь возникающія колоніи подъ покровительство главнаго божества метрополіи, и колонизованные Ѳивами Оазисы и Эѳіопія приняли культъ ѳивскаго бога, Аммона [3]). Аменготепъ IV объявилъ богомъ-покровителемъ новой столицы Атона, назвалъ городъ Хутнатонъ (Хутатенъ или Ахтенатенъ), т.-е. горизонтъ диска, и измѣнилъ свое собственное имя, данное ему въ честь Аммона, назвавъ себя Хунатономъ (Хунатономъ), т.-е. великолѣпіемъ солнечнаго диска. Въ ущербъ территоріямъ древнихъ номовъ, Сіутъ и Хмуну, былъ учрежденъ новый номъ, пограничные знаки котораго сохранились и до настоящаго времени [4]).

---

1) Масперо, „Rapport sur une mission en Italie“ въ „Recueil de travaux“, т. III, стр. 127—128. и у Райе, „Monuments de l'art antique“, т. I.

2) Марьеттъ, „Monument divers“, табл. 27 e.

3) Сравн. Лепсіусъ, „Ueber die widderköpfigen Götter Ammon und Ghnumis, in Beziehunga uf die Ammons-Oase“, въ „Zeitschrift“, стр. 8—23.

4) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 91 g; Приссъ д'Авеннъ, „Monuments“, табл. XII—XIV.

Городъ, быстро возникшій по повелѣнію государя, сдѣлался уже черезъ нѣсколько мѣсяцевъ большимъ и великолѣпнымъ, а Ѳивы и Мемфисъ занимали въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ только второстепенное значеніе въ Египтѣ.

Культъ Атона былъ видоизмѣненіемъ культа Ра, бывшаго, вѣроятно, самой древней религіей Египта. Солнечный дискъ (Аденъ, Атенъ или Атонъ) которому поклонялись вѣрующіе, былъ уже не только лучезарной видимой оболочкой божества, какъ это мы видимъ въ нѣкоторыхъ миѳахъ о солнцѣ,—это было само божество. Не къ нему ли исключительно обращены прекрасные гимны, слова которыхъ вырѣзаны на стѣнахъ гробницъ Телль-ель-Амарны? Это онъ, „не имѣющій себѣ равнаго и веселящій міръ своими лучами. Не успѣвъ появиться на восточномъ горизонтѣ неба, онъ уже расточаетъ жизнь своимъ твореніямъ: человѣку, животнымъ о четырехъ ногахъ, птицамъ, гадамъ,—всему, что движется по землѣ и живетъ на ней [1])“. Верховные жрецы Хутнатона получили названіе верховныхъ жрецовъ Ра, и культъ его былъ установленъ, сообразно съ культомъ Ра, въ Геліополисѣ [2]). Живопись и скульптура того времени изображаетъ Атона въ видѣ диска, лучи котораго нисходятъ на землю; каждый лучъ оканчивается рукой, въ которой находится крестъ съ ручкой, символъ жизни. Куда бы ни шелъ фараонъ, дискъ вездѣ сопровождаетъ его и ниспосылаетъ на него свою благодать. Но Атонъ не былъ единственнымъ божествомъ. Онъ исключаетъ культъ Аммона и требуетъ уничтоженія имени своего соперника на всѣхъ памятникахъ, вообще, вездѣ, гдѣ только можно его найти, но онъ уважаетъ другихъ боговъ—Ра, Гармахиса, Гора, Озириса, Маитъ, независимо отъ того, олицетворяютъ ли они солнце или нѣтъ. Заботы религіознаго характера не помѣшали Хунатону быть, по примѣру своихъ предковъ, строителемъ и завоевателемъ. Онъ воздвигъ нѣсколько храмовъ своему богу: одинъ въ Мемфисѣ [3]),

---

1) Самая полная версія этого гимна сообщена Буріаномъ, „Deux jours de fouilles à Tell-el-Amarna“, въ „Mémoires publiés par la Mission archéologique française au Caire“, т. I, 1884.

2) Масперо, „Rapport sur une mission en Italie“ въ „Recueil“, т. III, стр. 128

3) Сэръ Ч. Никольсонъ, „On. some remains of the Disk Worshippers“. Въ Булакскомъ музеѣ находятся остатки нѣсколькихъ гробницъ, открытыхъ въ Саккарѣ въ 1882—1884 и относящихся къ царствованію Хунатона. Въ одной изъ башенъ Бабъ-эль-Насра и въ мечети султана Гакема, въ Каирѣ, хранится много обломковъ храма, нѣкогда построеннаго имъ въ Мемфисѣ.

другой въ Ѳивахъ, напротивъ Карнакскаго [1]) святилища остальные въ Эѳіопіи. Царствованіе его продолжалось, по крайней мѣрѣ, двѣнадцать лѣтъ [2]) и смерть его не тотчасъ остановила предпринятое имъ дѣло: его зятья, наслѣдовавшіе ему одинъ за другимъ, изъ всѣхъ силъ способствовали утвержденію культа солнечнаго диска. Вскорѣ, однако, самый извѣстный изъ нихъ, Аи, прекратилъ преслѣдованія противъ Аммона; онъ оставилъ Хутнатонъ, гдѣ уже вырылъ было себѣ гробницу [3]), и возвратился въ Ѳивы, гдѣ заставилъ похоронить себя рядомъ съ Аменготепомъ III. Преемникъ его, Тутонхамонъ, былъ властителемъ всего Египта и всенародно принималъ отъ иноземныхъ народовъ изъявленіе подданическаго долга [4]). Но послѣ него вспыхнула гражданская война. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ цари то-и-дѣло смѣнялись, оспаривая престолъ другъ у друга, и восемнадцатая династія угасла среди терзавшихъ государство волненій, не оставивъ исторіи даже именъ своихъ послѣднихъ царей [5]).

Девятнадцатая династія; Сети и Рамзесъ II.

Попытка Аменготепа IV-го была направлена противъ Ѳивъ и божества этого города; послѣдовавшая затѣмъ реакція произошла въ ихъ пользу. Гармгаби (Гармаисъ или Гаремгеби), происхожденіе котораго намъ неизвѣстно [6]), возстановилъ культъ Аммона во всемъ его великолѣпіи. Онъ разрушилъ храмъ Атона и матеріалъ его употребилъ на постройку тріумфальныхъ воротъ, ведущихъ въ святилище Карнака; имена царей-еретиковъ были стерты, а памятники ихъ уничтожены до основанія. Новому царю пришлось много потрудиться для того, чтобы исправить бѣдствія предшествовавшихъ лѣтъ: внутри страны, весь правительственный механизмъ пришелъ въ разстройство и отказался служить; внѣ ея, вассальные народы отказывались платить дань. Онъ уничтожилъ разбои, казнилъ вѣроломныхъ чиновниковъ [1]); возвратилъ храмамъ захваченное у нихъ имущество и вскорѣ достигъ достаточной степени могущества, чтобы предпринимать внѣшнія войны. Онъ обложилъ данью отдаленныя племена Пунта [2]), произвелъ набѣги на жителей верхняго Нила [3]) и хвалился тѣмъ, что подчинилъ опять сирійскіе народы, покоренные нѣкогда Тутмосомъ III [4]). Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о его завоеваніяхъ, но внѣшній видъ его многочисленныхъ памятниковъ даетъ указаніе на славное, счастливое и продолжительное царствованіе [5]).

---

1) Раскопки 1882—1883 г. навели меня на мысль, что маленькое зданіе, построенное изъ обломковъ храма Аменготепа II, между первымъ и вторымъ пилонами Гармгаби, составляетъ, пожалуй, остатки храма Атона.

2) Это послѣдняя изъ датъ, которыми помѣчены его памятники (Лепсіусъ, „Denkm." III, табл. 91 g).

3) Гробница Аи составляетъ часть такъ называемой южной группы, въ Телль-эль-Амарнѣ, изображенія которой были изданы Лепсіусомъ, „Denkm" III, 100, 103, 104, 105.

4) Лепсіусъ, „Denkm.", III, табл. 115—117.

5) Царь Тети, имя котораго найдено на двухъ памятникахъ, изъ коихъ одинъ находится въ Луврѣ, а другой въ Марселѣ, не можетъ, какъ мнѣ кажется, быть отнесеннымъ къ числу этихъ царей; согласно указанію Навиля, это былъ основатель 6-й династіи, культъ котораго былъ еще въ силѣ въ Мемфисѣ во время 18-й династіи (Эд. Навиль, „Le Roi Teta Merenphtah" въ „Zeitschrift", 1878, стр. 69—72).

6) Относительно тождества этого царя, котораго ошибочно называютъ Горусомъ, съ Армаисомъ, см. Деверіа, „Le Papyrus judiciaire de Turin", стр. 70 и слѣд., и позднѣе у I. Краллѣ, „Studien zur Geschichte des Alten Aegyptens", II, 1884, стр. 90. Армаисъ причисляется обыкновенно къ царямъ 18-й династіи, но онъ фигурируетъ и на памятникахъ своихъ преемниковъ, родоначальниковъ 19-й и 20-й династіи, по тому же праву, что и Рамзесъ I. Бругшъ думаетъ, что онъ былъ женатъ на сестрѣ Нофрититиженѣ Хунатона (Geschichte, стр. 439), и получилъ отъ нея права на корону. Но, судя по его портретамъ, онъ взошелъ на престолъ очень юнымъ, а сестра Нофритити могла быть только значительно старше его. Смыслъ разсказа о его воцареніи, сохранившагося на одной изъ статуй Турона, слишкомъ теменъ, чтобы можно было извлечь изъ него что-нибудь (Бирчъ, „Inscription of Harmhebi on a statue at Turin", въ „Transactions of the Society of Biblical Archaelogy", т. III, стр. 486 и слѣд.). Бюстъ Булакскаго музея, изображающій, по мнѣнію Марьетта, Менефту, представляетъ портретъ Гармгаби (Масперо, у О. Райе, Les Monuments de l'art antique", т. I,

1) Памятникъ, найденный въ 1882 году у одного изъ пилоновъ Гармгаби (сравн. У Буріанъ, „Fouilles à Thèbes", въ „Recueil", 1884, т. IV).

2) Марьеттъ, „Mon. div." табл. 88; Бругшъ, „Recueil de monuments", т. II, табл. LVII, 3.

3) Небольшой *spéos* въ Сильсилисѣ представляетъ Гармгаби побѣдителемъ тріумфально несомымъ его намѣстниками (Лепсіусъ, „Denkm.", III, 121).

4) Списокъ сѣверныхъ народовъ, побѣжденныхъ Гармгаби, найденъ въ 1882 г. на первомъ пилонѣ, построенномъ этимъ царемъ.

5) Предположеніе Бирча („Zeitschrift", 1877, стр. 148 въ статьѣ Эд. Мейера. „Die Stele des Horemheb"), что Гармгаби былъ или свергнутъ, или самъ отрекся отъ престола, основывается на производительномъ отожествленіи Гармгаби съ однимъ частнымъ лицомъ того же имени, гробница котораго была открыта въ Саккарѣ Марьеттомъ.

Неизвѣстно также, когда царствованіе перешло въ руки Рамзеса I, и какія узы соединяли этого царя съ его предшественникомъ [1]). Мы знаемъ только, что онъ служилъ подъ скипетрами Аи и Гармгаби и взошелъ на престолъ фараоновъ въ довольно пожиломъ возрастѣ. Экспедиція противъ Эѳіопіи [2]) и кратковременный походъ противъ Сиріи, окончившійся договоромъ съ Хети [3]), заполнили достойнымъ образомъ его царствованіе, продолжавшееся шесть или семь лѣтъ. Онъ умеръ, оставивъ престолъ сыну своему Сети, Сетозису греческихъ преданій.

Съ первыхъ же дней своего царствованія Сети заявилъ себя завоевателемъ. „Однажды сказали его величеству: презрѣнные Шасу подняли возстаніе; начальники ихъ собрались вмѣстѣ въ области Хару ослѣпленные яростью, обезумѣвшіе, и каждый истребляетъ своего сосѣда“ [4]). Сети переправился близъ крѣпости Зару черезъ каналы на границѣ Египта и пошелъ прямо на востокъ по пустынѣ [5]). Длина этаповъ и теперь еще регулируется разстояніемъ между источниками, которые тогда охранялись построенными возлѣ нихъ крѣпостями или, по крайней мѣрѣ, сторожевыми башнями, носившими названіе „крѣпости Льва“, „башни (Мактель) Сети I“, „цистерны Сети I“ и т. п. Лишь только показывался непріятель, воины легко справлялись съ нимъ и безжалостно уничтожали деревья и жатвы оказывавшихъ сопротивленіе. Переходя отъ стоянки къ стоянкѣ, египтяне достигли, наконецъ, двухъ фортовъ—Раббити и Канана. Послѣдній, расположенный въ красивой мѣстности, на берегу небольшого озера, на одномъ изъ послѣднихъ склоновъ Амморрейскихъ горъ, защищалъ входъ въ одну изъ богатѣйшихъ

1) Гипотеза о семитическомъ происхожденіи Рамзеса I (Марьеттъ, „La Stèle de l'an 400“) основывается на сомнительномъ истолкованіи одного мѣста надписи на памятникѣ 400 года и не имѣетъ никакого значенія для исторіи.

2) Памятникъ С 57 въ Луврѣ.

3) Договоръ Рамзеса II съ царемъ Хети строка 14, у Бругша, „Recuel de monuments“, т. L, табл. XXVIII.

4) Шамполіонъ, „Notices, т. II, стр. 93.

5) Бругшъ пытался опредѣлить путь, по которому шелъ Сети I, но, какъ я думаю, безуспѣшно („Dict. Géogr.“ стр. 590—597; „Gechichte“, стр. 438 и слѣд.). Мнѣ кажется, такъ же, какъ и Томкинсу („The Fortress of Canaan“ въ „Palestine Exploration Fund, Q. Stat.“; 1884, стр. 59—60), что маршрутъ египетской арміи совпадаетъ въ большей части своего протяженія съ маршрутомъ, указаннымъ Голлендомъ („Palestine Exploration Fund, Q. Stat.“, 1879, стр. 70—72, и 1884, стр. 4—15).

областей Южной Сиріи [1]). Первый приступъ рѣшилъ дѣло, и городъ былъ взятъ, а защищаемая имъ богатая долина разграблена египтянами [2]). За этимъ первымъ успѣхомъ послѣдовали другіе, болѣе значительные. Сети направился на сѣверъ, къ подножію Ливана и, прибывъ туда принудилъ племя Либнану вырубить лѣсъ и отправить его въ Египетъ для начатыхъ имъ сооруженій въ честь бога Аммона [3]). Оттуда царь прошелъ въ долину рѣки Оронта, чтобы помѣряться съ Хети; побѣдой надъ этими традиціонными врагами Египта благополучно оканчивается первый походъ Сети [4]).

Возвращеніе побѣдителя было непрерывнымъ тріумфомъ начиная отъ самой границы, гдѣ его привѣтствовали громкими восклицаніями знатные люди страны и жрецы, до самыхъ Ѳивы, гдѣ онъ принесъ военноплѣнныхъ въ жертву отцу своему Аммону [5]), Египетъ готовъ былъ думать, что вернулись счастливыя времена Тутмосовъ и Аменготеповъ. Къ несчастью, эти побѣды отличались скорѣе внѣшнимъ успѣхомъ, чѣмъ внутреннимъ значеніемъ. Состояніе Азіи въ теченіе вѣка сильно измѣнилось. Южная Сирія, разоренная проходившими по ней арміями, отказалась отъ всякой мысли объ ожесточенномъ сопритивленіи и отдавалась почти безъ боя. Финикіяне находили добровольную уплату дани болѣе удобной для себя, чѣмъ войну съ фараонами, и вполнѣ утѣшились отъ нѣкотораго стѣсненія ихъ свободы, забравъ въ свои руки всю морскую торговлю Дельты. Но на сѣверѣ Хети оказались болѣе грозными, чѣмъ когда бы то ни было раньше.

Избавившись въ эпоху царей еретиковъ отъ вѣчнаго страха передъ египетскими вторженіями, они не только распространили

1) Мѣсто, гдѣ находилась „Канана, очень удачно опредѣлено Кондеромъ („The Fortress of Canaan“ въ „Q. Stat.“, „Pal. Expl. F.“, окт. 1883, стр. 175—176; ср. Томкинсъ, „The Fortress of Canaan“, тамъ же, 1884, стр. 57—61) въ Хирбетъ-Канаанѣ, къ югу отъ Хеброна.

2) Тексты и барельефы относящіеся къ этому походу, воспроизведены Шампольономъ, „Notices manuscrites“, т. II, стр. 86 и слѣд., и „Monuments“, таб. CCLXC—CCC; Лепсіусъ, „Denkm.“, III, таб. 126 и слѣд., и т. д. Самый послѣдній переводъ принадлежитъ Люшингтону, „The Victories of Seti I recorded in the Great Temple at Karnak“, въ „Trans. of the Society of Bibl. Arch.“, т. VI, стр. 509—534.

3) Шамполіонъ, „Man.“, табл. CCLXC, „Not.“, т. II, стр. 87; Розеллини, „Mon. stor.“, табл. 46.

4) Шамполіонъ, „Not.“, т. II, 96—97.

5) Буртонъ, „Exc. Hier.“, табл. XXXVI; Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 128.

свое господство на всю Нагаранну, отъ Гаргамиша до Кодшу, но перешли черезъ Таврскія горы и проникли въ Малую Азію. Неизвѣстно, какъ далеко простиралось здѣсь ихъ господство. Кажется, однако, что оно не шло дальше области Киди [1]), то есть Киликійской равнины и Катаоніи.

Какъ бы то ни было, они вступили въ непосредственныя сношенія съ народами, раздѣлившими между собою южную и западную части полуострова, съ обитателями Ликіи, Мизіи, Дарданіи, Иліона и Педасоса. Опираясь на этихъ союзниковъ и прибѣгая иногда къ помощи ихъ солдатъ, Хети достигли такого могущества, что могли теперь помѣряться и съ египтянами [2]). Сети убѣдился въ этомъ, напавъ на нихъ съ фронта. Ему не трудно было взять Кодшу и большинство амморейскихъ городовъ по Оронту [3]); но упорство Хети, всегда готовыхъ къ борьбѣ, несмотря на пораженія, превышало его терпѣніе. Утомленный борьбой, онъ отказался продолжать войну и заключилъ союзъ съ хетійскимъ царемъ Морусаромъ [4]), сыномъ Сапалула, продолжавшійся до самой его смерти [5]). Съ тѣхъ поръ господство фараоновъ не шло далѣе источниковъ Оронта. Ограниченное Южной Сиріей и Финикіей, оно столько же выиграло въ смыслѣ устойчивости, сколько потеряло со стороны обширности подчиненной ему территоріи. Кажется, что Сети I, вмѣсто прежняго обложенія покоренныхъ племенъ данью, ввелъ у нихъ египетскихъ правителей и поставилъ въ нѣкоторыхъ городахъ, напримѣръ, въ Гэзѣ и Магеди, постоянные египетскіе гарнизоны. Конечно, это было лучшей мѣрой предосторожности, но, сравнивая имперію Сети I

---

[1]) Такъ же по крайней мѣрѣ, я долженъ заключить по одной фразѣ Папируса Анастасія I, въ которой царь Хети, желая возвратить визитъ Рамзесу II, приглашаетъ себѣ въ спутники только князя Киди. Имя Киди или Коди сохранилось въ классическую эпоху въ формѣ названія Κῆτις, которое Птоломей (V, 8, 3) даетъ одной изъ областей Киликіи (Cilicie Trachée), расположенной между моремъ и горою Имбаросъ, противъ сѣвернаго берега Кипра; можетъ быть, оно сохранилось въ названіи Катаоніи, а также Κήτειοι Гомера (Odyss., XI, 519—521), которыхъ Гладстонъ (Homeric Synchronism, стр. 169) отождествляетъ съ Хети.

[2]) Робіу, „Questions homériques", 1876, стр. 61, 65 и слѣд.: и Сейсъ, „The Anciens Empire of the East", т. I, стр. 425 и слѣд., гдѣ авторъ сгруппировалъ весь матеріалъ изданнаго имъ по этому поводу сочиненія.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm." III, табл. 130 а; Шамполіонъ, „Mon.", CCLXCV.

[4]) Въ текстѣ слово *Мотуръ* ошибочно написано *Маутунръ*; слогъ *унр* читается по-египетски какъ *ур*.

[5]) „Traité de Ramsès II avec le prince Khiti.", строка 14.

и Тутмоса III, нельзя не замѣтить, сколько Египетъ былъ могущественнѣе во времена восемнадцатой династіи.

Никогда фараоны той эпохи не смотрѣли на сирійскихъ царьковъ, какъ на равныхъ себѣ государей, съ которыми можно было заключать почетный міръ; они видѣли въ нихъ только враговъ, которыхъ имъ предстояло покорить, или мятежниковъ, которыхъ необходимо было наказать. Канцелярія Сети I сохранила, правда, обычай поносить царей Хети тѣми презрительными эпитетами, какіе имъ расточала и канцелярія Тутмоса III: она называла ихъ хетійскими развратниками, а ихъ народы — презрѣнными Хети. Но это было не болѣе какъ офиціальной фразеологіей, подобно титуламъ „побѣдителя вваровъ" и „всемірнаго повелителя", которыми они величали своего государя.

Все это не мѣшаетъ, однако, назвать царствованіе Сети блестящей эпохой египетской исторіи. Награбленная въ Сиріи добыча дала ему возможность воздвигнуть нѣсколько самыхъ совершеннѣйшихъ памятниковъ египетскаго искусства: усыпальницу въ Абидосѣ [1]), дворецъ съ колоннадой въ Карнакѣ [2]), и гробницу царя [3]). Помощникомъ Сети въ этомъ дѣлѣ явился сынъ его, Рамзесъ.

Еще при жизни своего отца, Сети женился на принцессѣ древняго царскаго рода, можетъ быть даже на дочери Гармгаби Гаремнеби, внучкѣ Аменготепа III и такимъ образомъ узаконилъ узурпацію Рамзеса I. Родившійся отъ этого брака Рамзесъ естественно унаслѣдовалъ всѣ права своей матери; съ самаго его рожденія египетскіе законники смотрѣли на него, какъ на единственнаго законнаго государя Египта. Отцу его, царю de facto, пришлось объявить Рамзеса своимъ соправителемъ, во избѣжаніе, вѣроятно, возмущенія. Сначала это было не болѣе какъ легальная фикція, пріятная, безъ сомнѣнія, сторонникамъ древнихъ политическихъ традицій, но безразличная для остальной націи и мало принимаемая во вниманіе какъ самимъ Сети, такъ и его министрами. Въ эту первую половину своего существованія, Рамзесъ не былъ собственно ни царемъ, ни наслѣднымъ принцемъ, — онъ занималъ какое то промежуточное и, вѣроятно, довольно неопре-

---

[1]) Марьеттъ, „Abydos", т. I, 1871.

[2]) Марьеттъ, „Karnak", стр. 37. Идея дворца съ колоннадой возникла еще при Рамзесѣ I.

[3]) Гробница № 17, такъ называемая „Гробница Бельцони", по имени итальянскаго археолога, открывшаго ее въ началѣ XIX столѣтія.

дѣленное положеніе. Признанный государемъ обоихъ Египтовъ, онъ имѣлъ въ принципѣ всѣ права на регаліи и прерогативы царской власти, но фактически не пользовался ни тѣми, ни другими. Онъ имѣлъ право носить „uraeus" и двойную корону, но чаще всего ходилъ въ головномъ уборѣ обыкновенныхъ принцевъ царской фамиліи, т.-е. съ толстой завернутой или спущенной косой. Онъ имѣлъ право на двѣ картуши и на самые высокіе титулы, но чиновники египетской канцеляріи, обязанные составлять надписи, часто забывали вписывать его имя и давали ему только скромные титулы, „сына любящаго своего отца", или „наслѣднаго принца". Онъ имѣлъ право на почетное мѣсто и главную роль въ церемоніяхъ культа, но памятники показываютъ намъ его всегда на второмъ планѣ: онъ или держитъ жертвенное блюдо, или совершаетъ возліянія и произноситъ заклинанія въ то время, какъ его отецъ совершаетъ священные обряды. Рамзесъ былъ царемъ только по имени и по виду: канцелярскіе чиновники забывали о его несомнѣнныхъ правахъ и вспоминали о нихъ или случайно, или когда имъ вздумается [1]).

Когда Рамзесу исполнилось 10 лѣтъ, онъ предпринялъ войну съ Сиріей и, если вѣрить греческимъ историкамъ, съ Аравіей. Возмужавъ и привыкнувъ, благодаря этимъ походамъ, предводительствовать на войнѣ, онъ потребовалъ для себя активнаго участія во внутреннемъ управленіи имперіей и возвращенія своихъ наслѣдственныхъ правъ. Превращеніе Рамзеса изъ незамѣтнаго принца, почти совсѣмъ неизвѣстнаго своимъ подданнымъ, въ царя, „повелителя обоихъ міровъ", грозу враговъ, происходило очень медленно, постепенно, по мѣрѣ развитія и увеличенія его личнаго значенія. Состарившійся и утомленный дѣяніями своихъ молодыхъ годовъ, Сети понемногу уступалъ власть и, наконецъ, почти совершенно стушевался передъ своимъ славнымъ сыномъ. Онъ удалился въ свой дворецъ, и здѣсь окончилъ жизнь, окруженный божескими почестями. Нѣкоторыя картины Абидосскаго храма показываютъ намъ его сидящимъ на тронѣ среди боговъ; въ одной рукѣ онъ держитъ булаву, въ другой сложный скипетръ, составленный изъ различныхъ символовъ силы и жизни. Рядомъ съ нимъ находится Изида, а сзади всемогущей четы, которой Рамзесъ воздаетъ почести, сидятъ по трое (тройственные) боги (parèdres). Это — преждевременный апоѳеозъ, идея котораго дѣлаетъ честь благочестію новаго царя, но не оставляетъ ни малѣйшаго сомнѣнія относительно дѣйствительнаго положенія Сети во время старости. Египтяне воздавали богамъ почести, но не предоставляли имъ дѣлъ правленія. Сети не составилъ исключенія изъ этого правила: его боготворили, но онъ уже не царствовалъ болѣе [1]).

[1]) Ж. Масперо, „Essai sur l'inscription d'Abydos", и „Revue critique", 1870 т. II, стр. 35—40.

Непредвидѣнная опасность прервала мирное теченіе дѣлъ. Народы Малой Азіи до сихъ поръ оставались внѣ сферы военныхъ дѣйствій Египта. Нѣкоторые изъ нихъ, Шардана, турса (тирсены), о которыхъ египтяне никогда и не слыхали до того времени, высадились на африканскій берегъ и вступили въ союзъ съ ливійцами. Рамзесъ II разбилъ ихъ, а плѣнники, взятые у непріятеля, были включены въ царскую гвардію [2]). Остальные вернулись въ Малую Азію, унося съ собой такое вспоминаніе о своемъ пораженіи, что Египетъ около вѣка былъ застрахованъ отъ ихъ нападеній.

Возстановивъ миръ на сѣверѣ, Рамзесъ отправился въ Эѳіопію, гдѣ послѣдніе годы царствованія своего отца прошелъ въ войнахъ и набѣгахъ на береговыя племена Верхняго Нила. Здѣсь онъ одержалъ даже значительныя побѣды, хотя греческія преданія о нихъ сильно преувеличены. „Сначала онъ направилъ свои войска противъ эѳіоповъ, обратилъ ихъ въ бѣгство и обложилъ данью, состоявшею изъ чернаго дерева, золота и слоновыхъ клыковъ; затѣмъ онъ завелъ на Красномъ морѣ флотъ изъ 400 судовъ, причемъ былъ первымъ египтяниномъ, построившимъ военные корабли. Флотъ этотъ овладѣлъ всѣми близь-лежащими островами и всѣмъ морскимъ побережьемъ до Инда" [3]). По Страбону, онъ проникъ въ Африку до страны, производящей корицу; тамъ показывали оставленные имъ памятники. Онъ колонизовалъ также берега Краснаго моря, гдѣ нѣкоторыя мѣста, еще во времена грековъ, носили названіе „стѣны Сезостриса", и сдѣлалъ надпись на скалѣ мыса Дире у Бабъ-эль-мандебскаго пролива [4]). Разсказы эти, очевидно, вымышлены: у Сезостриса никогда не было флота, и онъ никогда не доходилъ до Инда. Ничто не указываетъ также на то, чтобы онъ подчинилъ себѣ береговыхъ

[1]) Масперо, въ „Revue critique", 1870.
[2]) Де Руже, „Extrait d'un Mémoire sur les attiques", стр. 5—6.
[3]) Геродотъ, II, СП.
[4]) Страбонъ, кн. XV, 2.

жителей Краснаго моря и доходилъ до океана Африки. Какъ доказываютъ памятники, онъ ограничился нѣсколькими удачными и неопасными набѣгами на негрскія племена Верхняго Нила.

Получивъ извѣстіе о смерти отца, Рамзесъ II, сдѣлавшійся отнынѣ единодержавнымъ государемъ, покинулъ Эѳіопію и, отправившись въ Ѳивы, принялъ тамъ бразды правленія. Онъ находился въ то время въ полномъ расцвѣтѣ своихъ силъ и былъ окруженъ многочисленными дѣтьми, изъ которыхъ нѣкоторыя были уже въ состояніи сражаться подъ его начальствомъ. Въ первые годы его царствованія не было ни одной значительной войны; памятники указываютъ только на двѣ короткія экспедиціи въ Сирію: въ страну аморреянъ и къ берегамъ Нахръ-Эль-Кельба, близъ Бейрута [1]), изъ которыхъ первая имѣла мѣсто во II, вторая въ IV-мъ году его царствованія. Хети, вѣрные договору, заключенному съ Сети, не пытались производить возстаній. Народы Ханаана, сдерживаемые египетскими гарнизонами, тоже не шевелились. Все, казалось, шло къ лучшему, какъ вдругъ къ концу VI-го года вспыхнуло ужасное возмущеніе. Царь Хети, Мотуръ, сынъ Морусара, былъ убитъ [2]), и мѣсто его занялъ братъ его, Хетисаръ. Послѣдній созвалъ своихъ вассаловъ и союзниковъ и расторгъ договоръ съ Египтомъ. Нагаранна и столица ея Гаргамишъ, Арадъ и Сѣверная Финикія, Кодшу и страна Амаура, Кидн и группа народовъ Ликіи, —все это присоединились къ коалиціи.

Надежда пограбить, если не самый Египетъ, то хоть египетскія провинціи въ Сиріи, побудила Иліонъ, Педасосъ, Гергисъ, Дарданію и Мизію присоединиться къ Хети противъ Сезостриса. Троянскія полчища прошли во всю длину полуострова и расположились лагеремъ въ долинѣ Оронта, въ 300 миляхъ отъ своей родины [3]). Въ составъ египетской арміи, выставленной Рамзесомъ

[1]) Оставленные тамъ памятники воспроизведены Лепсіусомъ, „Denkm.“, III, 197.

[2]) „Договоръ Рамзеса съ царемъ Хети“, строк. 7—8.

[3]) Э. де Руже, „Extrait d'un Mémoire sur les attaques“, стр. 4; Масперо, „De Carchemis oppidi situ“, стр. 57—58. Эд. Мейеръ („Geschichte von Troas“, стр. 60—61) отказывается признать тождество народовъ, упомянутыхъ въ разсказѣ объ этой войнѣ, съ населеніемъ троянскаго государства. Бругшъ („Geschichte“, стр. 491—492 и т. д.) видитъ въ нихъ отчасти народы Кавказа и Ассиріи. Я не вижу никакого основанія ни измѣнять въ Майюна, какъ предлагаетъ Шабасъ („Antiquité historique“, стр. 190), слово Иліуна, произношеніе котораго установленно Э. де Руже, ни вообще измѣ-

противъ союзниковъ, вошли, кромѣ чистокровныхъ египтянъ, ливійцы, Машуаша изъ Ливіи, Мазіу и Шардана; послѣдніе составляли остатки племенъ, вторженіе которыхъ такъ побѣдоносно было отражено за нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ [1]). Легкость, съ которой всѣ эти народы отказались отъ своей прежней родины, доказываетъ, какъ сильно преувеличено установившееся мнѣніе о неподвижности восточныхъ народовъ. Рамзесъ назначилъ исходнымъ пунктомъ своихъ военныхъ дѣйствій городъ Па-Рамзесъ-Ананахту (городъ храбрѣйшаго Рамзеса), основанный имъ на границѣ Египта и Аравійской пустыни; онъ прошелъ Ханаанъ, который былъ у него еще въ повиновеніи, и, быстро направившись въ сѣверныя области, остановился въ виду Кодшу въ Сирійскомъ пригородѣ Шабтунѣ, расположенномъ къ юго-западу отъ города. Онъ остался здѣсь нѣсколько дней, изучая мѣстность и стараясь разузнать позицію непріятеля, о которой имѣлъ лишь смутное понятіе. Союзники, напротивъ, благодаря своимъ шпіонамъ, въ большинствѣ случаевъ принадлежавшимъ къ кочевымъ племенамъ Шасу, отлично знали малѣйшее движеніе египетской арміи. Царь Хети, ихъ начальникъ, надумалъ и привелъ въ исполненіе ловкій маневръ, поставившій египетскую армію на волосокъ отъ гибели и рушившійся только благодаря личнымъ качествамъ самого фараона.

Однажды, когда Рамзесъ ушелъ нѣсколько дальше впередъ, къ югу отъ Шабтуны, два бедуина попались ему навстрѣчу и сказали ему: „Наши братья, начальники племенъ, присоединившись къ подлому предводителю Хети, послали насъ сказать его величеству: мы хотимъ служить фараону ж. с. з., мы бросимъ подлаго предводителя Хети; онъ находится теперь въ странѣ Халупу, къ сѣверу отъ города Тунипы, куда онъ поспѣшно отступилъ изъ страха передъ фараономъ“. Царь былъ введенъ въ обманъ этимъ донесеніемъ, не лишеннымъ правдоподобія. Успокоенный, вопреки своему удивленію, неожиданнымъ извѣтіемъ о

нять что-нибудь въ отождетсвленіяхъ, предложенныхъ послѣднимъ въ данномъ случаѣ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ послѣднія открытія даютъ намъ во всей Малой Азіи вещественныя доказательства господства Хети (Сейсъ, „Monuments of the Hittites“, въ „Trans. of the Soc. of. B. A. Arch.“, т. VII, стр. 248 и слѣд.).

[1]) Эти Шардана изображены у Розеллинъ, „Mon. storici“, табл. CI, CVI. Одиръ изъ отрядовъ, принимавшихъ участіе въ компаніи V-го года оффиціально носилъ семитическое названіе „наруна“, т.-е. молодые люди, рекруты.

предполагаемомъ удаленіи врага (Хулупъ находится въ 150 килом. къ сѣверу отъ Кодшу), онъ, ничего не подозрѣвая, двинулся впередъ во главѣ своихъ отрядовъ, въ сопровожденіи только своей гвардіи, между тѣмъ какъ главныя силы его арміи, легіоны Аммона, Фра, Фта и Сутеха, слѣдовали за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи. Но въ самый моментъ такого раздѣленія египетскихъ силъ, союзники, бывшіе будто-бы, по словамъ предателей, очень далеко, тайно собрались къ сѣверо-востоку отъ Кодшу и готовились напасть на египетскую армію во время ея фланговаго марша, которымъ она должна была итти мимо нихъ. Число ихъ было весьма значительно, если чудить по тому, что въ день битвы одинъ князь Халупу выставилъ 18 тысячъ отборныхъ солдатъ; кромѣ отлично дисциплинированной инфантеріи, они имѣли 2500 боевыхъ колесницъ, въ каждой изъ которыхъ помѣщалось по три человѣка. Тѣмъ временемъ развѣдчики привели въ главную квартиру двухъ новыхъ пойманныхъ шпіоновъ. Царь, у котораго, повидимому, зародились въ это время подозрѣнія, велѣлъ жестоко колотить палками плѣнниковъ и вынудилъ у нихъ, такимъ образомъ, полное признаніе. Они сознались, что были посланы для наблюденія за движеніями египетской арміи и объявили, что силы союзниковъ, давнымъ-давно сконцентрированныя за Кодшу, ждали только удобнаго случая для нападенія. Рамзесъ созвалъ военный совѣтъ и объявилъ собравшимся о своемъ критическомъ положеніи. Генералы разсыпались въ извиненіяхъ и, стараясь снять съ себя отвѣтственность, ссылались на неосторожность губернаторовъ провинцій, не позаботившихся освѣдомляться ежедневно о позиціи непріятеля; немедленно былъ посланъ курьеръ къ главнымъ силамъ арміи, чтобы вызвать ихъ, если еще не поздно, на помощь своему главѣ. Не успѣлъ совѣтъ разойтись, какъ пришло извѣстіе, что непріятель вышелъ изъ своей засады. Хетійскій царь быстро перенесъ свои силы къ югу отъ Кодшу, въ то время, какъ фараонъ находился уже къ сѣверу отъ этого города, на западномъ берегу Оронта,—уничтожилъ находившійся въ центрѣ легіонъ Фра и разсѣкъ такимъ образомъ египетскую армію надвое. Цврь принужденъ былъ лично ударить на непріятеля во главѣ своей гвардіи. Восемь разъ къ ряду бросался онъ на окружающихъ враговъ, опрокидывалъ ряды, снова собиралъ свои разсѣянные полки и выдерживалъ нападенія впродолженіе цѣлаго дня. Къ вечеру Хети, потерявъ всѣ преимущества, которыми владѣли утромъ, должны были отступить передъ главными силами египетской арміи, явившимися, наконецъ, на помощь; но наступившая ночь прекратила бой. Рѣшительное сраженіе произошло на слѣдующій день. Хети и ихъ союзники, опрокинутые въ различныхъ пунктахъ, обратились въ бѣгство. Оруженосецъ Хетійскаго царя, Гарбатуза, генералъ его инфантеріи и колесницъ и начальникъ надъ евнухами, а также Халепсаръ, писатель, вѣроятно, придворный историкъ, обязанный передать потомству всѣ дѣянія своего повелителя,—остались на полѣ битвы. Часть сирійской арміи, припертая къ Оронту, бросилась въ рѣку въ надеждѣ переплыть ее. Братъ Хетійскаго царя, Мизраимъ, счастливо добрался до берега, но начальникъ страны Нисса утонулъ, а правитель Халупу былъ полумертвымъ вынутъ изъ воды. Картины, изображающія эту битву, показываютъ намъ его повѣшаннымъ за ноги внизъ головою и извергающимъ поглощенную имъ воду. Если бы не вылазка гарнизона, остановившая на-время успѣхи египтянамъ и давшая возможность жителямъ Кодшу принять въ свои стѣны раненыхъ и бѣглецовъ,—вѣроятно, никто изъ побѣжденныхъ не спасся бы. На другой день царь Хети просилъ о мирѣ и получилъ его.

Война, сверхъ ожиданія, еще не окончилась этой побѣдой: Ханаанъ и сосѣднія съ нимъ провинціи возстали въ тылу побѣдоносной арміи. Благодаря такому неожиданному обороту, Хетійскій царь ободрился, собрался съ силами и нарушилъ перемиріе: вся Сирія запылала отъ береговъ Евфрата до береговъ Нила. Союзъ, расторгнутый битвой при Кодшу, не возобновлялся: народы Малой Азіи отказались отъ участія и не присоединялись болѣе къ распрѣ. Большихъ сраженій уже не было; начался цѣлый рядъ мелкихъ стычекъ и осадъ, продолжавшихся около 15 лѣтъ; воаждебныя дѣйствія переносились съ одного мѣста на другое безъ всякаго опредѣленнаго плана: война, начинаясь на сѣверѣ, кончалась на югѣ. Въ VIII-мъ году египетская армія находилась въ Галилеѣ, подъ стѣнами Мерома [2]). Въ XI-мъ году былъ

[1]) Э. де Руже, „Le Poème be Pentaour; Cours de 1868—66", въ краткомъ изложеніи Робіу въ „Revue contemporaine"; Шабасъ, „Analyse de l'inscription b'Ibsamboul". Вовросы относительно битвы при Кодшу были разобраны Томкинсомъ, „On the Campaing of Rameses the Second, in his V-th year against Kadesh on the Orontes", въ „Proceedings" (1881—1882, стр. 6—9) и въ „Transactions", т. VIII.

[2]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 156. Къ сожалѣнію, большая часть названій городовъ, упомянутыхъ въ данномъ случаѣ, остались неразобранными.

взятъ Аскалонъ, несмотря на геройское сопротивленіе защищавшихся въ немъ хананеянъ [1]). Въ другую кампанію царь перенесъ военныя дѣйствія далѣе на сѣверъ и взялъ два города въ странѣ Хети, причемъ нашелъ въ одномъ изъ нихъ свою статую [2]). Война тянулась такимъ образомъ изъ года въ годъ, пока, наконецъ, соперники, утомленные безполезными усиліями, не рѣшились положить оружіе. Царь Хети вторично просилъ мира у египетскаго государя, который и на этотъ разъ согласился, и миръ былъ заключенъ въ XXI-мъ году.

Подлинникъ договора былъ написанъ на языкѣ Хети и, выгравированный на серебряной пластинкѣ, торжественно преподнесенъ фараону въ городѣ Рамзеса. Главная суть договора была та же, что и въ прежнихъ договорахъ, неоднократно заключавшихся между египетскими царями и правителями Хети во времена Рамзеса I-го и Сети I-го. Оба народа постановили вѣчный миръ. „Если какой-нибудь врагъ двинется противъ одной изъ странъ, подвластнымъ египетскому царю, и если послѣдній пошлетъ сказать великому повелителю Хети: „Приходи на помощь и приведи свои войска противъ нихъ“, то великій повелитель Хети исполнитъ то, чего потребуетъ великій царь Египта; великій повелитель Хети уничтожитъ его враговъ. Но если великій повелитель Хети не захочетъ явиться лично, онъ пошлетъ стрѣлковъ и колесницы изъ страны Хети къ великому царю Египта для уничтоженія его враговъ“. Аналогичная статья договора обезпечиваетъ за княземъ Хети поддержку со стороны египетской арміи. Затѣмъ, слѣдуютъ спеціальные пункты, касающіеся защиты торговли и промышленности союзныхъ націй и введенія у нихъ болѣе правильнаго отправленія правосудія. Каждый преступникъ, скрывшійся въ сосѣднюю страну во избѣжаніе кары мѣстныхъ законовъ, подлежалъ выдачѣ чиновникамъ своей націи; каждый бѣглецъ, не преступникъ, каждый подданный, уведенный силой, каждый рабочій, перешедшій на жительство въ другую территорію, возвращался, въ силу этого договора, на родину, причемъ его переселеніе изъ нея не вмѣнялось ему въ преступленіе. „Тотъ, кто будетъ возвращенъ такимъ образомъ, не долженъ подвергаться отвѣтственности за свою ошибку, не слѣдуетъ отнимать у него ни его дома, ни жены, ни дѣтей, ни убивать

[1]) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 145 c.

[2]) Бругшъ, „Recueil“, т. II, табл. V, строка 2 и слѣд.

его матери; не должно бить его ни по глазамъ, ни по устамъ, ни по ногамъ, накопецъ не должно возбуждать противъ него уголовнаго преслѣдованія“. Равенство и полная взаимность между обоими народами, наступательный и оборонительный союзъ, выдача преступниковъ и перебѣжчиковъ — таковы главныя условія этого договора, еще до сихъ поръ могущаго считаться самымъ древнимъ памятникомъ дипломатической науки [1]).

Такъ окончились войны Рамзеса II. Какъ ни блестящи онѣ были въ дѣйствительности, преданіе не удовлетворилось ими. Согласно греческимъ историкамъ. Сезострисъ [2]) проникъ въ глубину Азіи, покорилъ Сирію, Мидію, Персію, Бактрію и Индію до океана; возвращаясь по пустынѣ Скиѳіи, онъ дошелъ до Танаиса и оставилъ въ окрестностяхъ Палусъ Меотиса нѣкоторое количество египтянъ, сдѣлавшихся родоначальниками народовъ Колхиды [3]). Разсказываютъ даже, что онъ прошелъ Европу до Ѳракіи, гдѣ недостатокъ съѣстныхъ припасовъ и суровый климатъ положили конецъ его честолюбивымъ замысламъ. Онъ вернулся въ Египетъ послѣ девяти лѣтъ безпрерывныхъ побѣдъ, оставивъ вездѣ на пути, въ видѣ трофеевъ, статуи и памятники (stèles) со своимъ именемъ [4]). Геродотъ видѣлъ нѣсколько экземпляровъ ихъ въ Сиріи и Іоніи [5]). Другіе путешественники видѣли невдалекѣ отъ Бейрута, при устьѣ Нахръ-эль-Кельба, 3 памятника, помѣченные II-мъ и IV-мъ г. царствованія Рамзеса II и высѣченные въ скалахъ. Двѣ фигуры, которыя, по словамъ Геродота, существовали въ его время въ Малой Азіи, и теперь еще стоятъ близъ Нинфи, между Сардами и Смирной. Съ перваго взгляда,

[1]) Текстъ этого трактата былъ напечатанъ у Шампольона, „Not. man.“, т. II; Бругшъ, „Monuments“, т. I, табл. XXVIII; Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 46; онъ былъ переведенъ Э. де Руже въ „Etudes sur les traités publics“ Эгтера, стр. 243;—Шабасомъ, „Le Voyage d'un Egyptien“, стр. 322 и слѣд., и Гудвиномъ, „Treaty of peace between Ramses II and the Hittites“ въ „Records of the Past.“, т. IV, стр. 25—32.

[2]) Имя Сезостриса и Сезоосисъ было произведено отъ наиболѣе популярнаго имени Рамзеса II, Сестури или Сессури.

[3]) Геродотъ, II, CIII—CV. Гайдъ Клеркъ пробовалъ доказать дѣйствительность этого преданія филологіей. „Memoir of the comparative Grammar of Egyptian, Coptic and Ude“. Лондонъ, 1873.

[4]) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, 197. Одинъ изъ такихъ памятниковъ, но сильно попорченный, найденъ былъ въ Адлунѣ, близъ Тира (Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie“, стр. 661—662).

[5]) Геродотъ, II, CII—CVII.

ихъ, дѣйствительно, можно принять за произведенія временъ фараоновъ, но внимательный осмотръ обнаруживаетъ въ нихъ массу мелочей, чуждыхъ египетскому искусству. Обувь, напримѣръ, имѣетъ загнутые носки, какъ у средневѣковыхъ остроконечныхъ башмаковъ; головной уборъ болѣе походитъ на фригійскую тіару, чѣмъ на двойную египетскую корону, а полоски каласириса идутъ поперекъ, а не вдоль [1]). Очевидно, это произведенія хетійскаго, а не египетскаго художника, что и подтверждается надписями [2]).

Въ продолженіе сорока шести лѣтъ, начиная съ XXI-го года царствованія Рамзеса до самой его смерти, миръ ни разу не нарушался. Условія договора добросовѣстно соблюдались съ обѣихъ сторонъ; вскорѣ даже дружба, соединившая обоихъ властителей, скрѣпилась семейными узами. Рамзесъ женился на старшей дочери царя Хети и, нѣсколько лѣтъ пустя, пригласилъ своего тестя посѣтить долину Нила. „Великій начальникъ Хети послалъ сказать правителю Кнди: готовься, такъ какъ мы отправляемся въ Египетъ. Слово царя объявлено, да повинуемся Сезострису. Онъ даетъ дыханіе жизни тѣмъ, которые его любятъ, потому вся земля и любитъ его, и Хети составляетъ съ нимъ одно цѣлое" [3]). Сирійскій повелитель посѣтилъ въ XXXIII году городъ Рамзеса, можетъ быть, даже Ѳивы, въ память чего былъ сооруженъ памятникъ, на которомъ онъ изображенъ въ сопровожденіи своей дочери и зятя [4]). Не безъ нѣкотораго удивленія и благодарности смотрѣлъ Египетъ на своихъ самыхъ ожесточенныхъ враговъ, ставшихъ теперь самыми вѣрными его союзниками, и на то, что „народы Кимитъ составляли теперь одну душу съ повелителями Хети, чего не случалось со временъ бога Ра" [5]).

Благодарю глубокому миру, царь могъ отдаться своему влеченію къ сооруженію памятниковъ. „Онъ выстроилъ, говорятъ греческіе историки, по храму въ каждомъ городѣ въ честь главнаго мѣстнаго божества". И, дѣйствительно, Рамзесъ II былъ царемъ-

[1]) Шарль Тексье, „Asie Mineure", II, 304. Каласирисомъ называется родъ короткой юбки, обтягивавшей бедра и составлявшей самую существенную часть національнаго костюма египтянъ.

[2]) Сейсъ, „The Monuments of the Hittites" въ „Trans. of the Soc. of B. Arch.". т. VIII, стр. 265 и слѣд.

[3]) „Папирусъ Анастасія II", табл. II. „Папирусъ Анастасія IV", табл. VI, строк. 7—9. Сравн. Шабасъ, „Mél. Egypt.", серія 2, стр. 151, и Ж. Масперо, „Du genre épistolaire", стр. 102.

[4]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 196.

[5]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, табл. 193, стр. 26 и слѣд.

строителемъ по преимуществу. За 67 лѣтъ своего царствованія, щедро отсчитанныхъ богами на его долю, онъ успѣлъ окончить все начатое его предшественниками и самостоятельно исполнить работу нѣсколькихъ поколѣній. Можно смѣло сказать, не боясь погрѣшить противъ истины, что почти нѣтъ развалинъ въ Египтѣ и Нубіи, на которыхъ не было бы его имени [1]). Обширный spéos въ Исамбулѣ увѣковѣчилъ воспоминаніе о походахъ противъ негровъ и сирійцевъ, четыре колосса изъ цѣльнаго камня, вышиною въ 20 метровъ, украшаютъ его входъ. Въ Ѳивахъ храмъ Аменготепа III (Луксоръ) былъ дополненъ пристроеннымъ къ нему дворомъ, двумя пилонами и двумя гранитными обелисками, красивѣйшій изъ которыхъ находится теперь на площади Согласія въ Парижѣ. Храмъ въ Гурнахѣ, постройка котораго была начата царемъ Сети въ честь Рамзеса I-го, былъ оконченъ и освященъ. Рамессейонъ, извѣстный у древнихъ подъ именемъ Могилы Осимандіаса, также напоминаетъ своими рисунками о кампаніи V-го года. Вездѣ,—въ некрополѣ Абидоса [2]) и Мемфисѣ [3]), въ Бубастѣ, въ каменоломняхъ Сильсилиса [4]) и въ Синайскихъ рудникахъ— видна рука Рамзеса II. Храмъ въ Танисѣ, заброшенный государями 18-й династіи, былъ реставрированъ и увеличенъ; самый городъ былъ почти заново отстроенъ [5]) и какъ бы возсталъ изъ своихъ развалинъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ египетскіе зодчіе, заваленные работой, произвели настоящія кражи: они просто стирали на статуяхъ и храмахъ имена царей, ихъ основателей, и замѣняли ихъ гербами Рамзеса II-го [6]). Во всякомъ случаѣ, несомнѣнно одно, что при этомъ государѣ были исполнены декора-

[1]) Марьетъ, „Histoire d'Egypte", стр. 60—61.

[2]) Марьеттъ, Abydos", т. I и II. Рамзесъ II окончилъ постройку храма, начатую его отцомъ, и самъ построилъ другой храмъ, теперь совершенно разрушенный.

[3]) Опрокинутый колоссъ Митъ-Рагинеха и остатки стѣнъ, видимыя еще теперь близъ Комъ-Абу-Ханзира, свидѣтельствуютъ о размѣрахъ работъ, предпринятыхъ для храма Пта (Марьетъ, „Monuments divers", табл. 31).

[4]) Лепсіусъ, „Denkm", III, 175 a, 200 d, 218 d; Штернъ, „Zeitschrift", 1873, стр. 129 и слѣд., и 1875, стр. 175 и слѣд., и „Records of the Past". т. X, стр. 37—44, гдѣ изданы и переведены три главныя подписи, выгравированныя въ Сильсилисѣ при Рамзесѣ II.

[5]) Марьеттъ, „Lettres à M. le vicomte de Rougé sur les fouilles de Tanis" въ „Revue archéologique", 1860, т. IV, стр. 97 и слѣд.; 1861, т. V, стр. 297 и слѣд.

[6]) Такъ напр., большой Луврскій сфинксъ (A. 21) былъ сдѣланъ при одномъ изъ царей 12-й или 13 династіи.

тивныя работы въ карнакскомъ дворцѣ съ колоннадой: Рамзесу I принадлежитъ планъ послѣдняго, Сети I — начало постройки, а Рамзесу II—всѣ его украшенія.

Общеполезнымъ общественнымъ работамъ было также удѣлено не мало вниманія и денегъ. Съ III-го же года своего царствованія, фараонъ, желавшій какъ можно лучше поставить дѣло разработки золотыхъ пріисковъ Нубіи, построилъ по дорогѣ, ведущей отъ Нила къ Гебель-Оллаки, цѣлый рядъ станцій, снабженныхъ цистернами и колодцами [1]. Позднѣе онъ велѣлъ расчистить и увеличить число каналовъ, цѣлою сѣтью покрывающихъ Нижній Египетъ; между прочимъ, онъ работалъ и надъ каналомъ, прорытымъ между Ниломъ и Краснымъ моремъ [2], на границѣ пустыни. Онъ возобновилъ стѣны и укрѣпленные посты, предназначенные защищать Египетъ отъ бедуиновъ. Принужденный изъ-за политическихъ соображеній поселиться въ восточной части Дельты, онъ и здѣсь основалъ нѣсколько новыхъ городовъ, почти на самой границѣ, самый значительный изъ которыхъ носилъ его имя. Рамзесъ-Анахту. Тогдашніе поэты оставили намъ самыя напыщенныя описанія этого города. „Онъ находится, говорятъ они, между Сиріей и Египтомъ и наполненъ чудными припасами. Это какъ бы воспроизведеніе Гермонтиса;—долговѣчность его равна долговѣчности Мемфиса, солнце восходитъ и заходитъ въ немъ. Всѣ люди покидаютъ свои города и селятся въ его территоріи [3]. Приморскіе жители приносятъ ему въ даръ ужей и рыбъ, и даютъ ему дань отъ своихъ болотъ. Горожане ежедневно въ праздничныхъ одеждахъ въ новыхъ парикахъ и напомажены душистымъ масломъ. Въ день въѣзда фараона они стоятъ у дверей, руки ихъ обременены букетами и зелеными вѣтвями изъ города Иа-Гатора, гирляндами изъ города Пагура. Всюду царствуетъ радость, — и ничто не удерживаетъ ее,—о.

[1] Бирчъ, „Upon an historical tablet of Ramses II", въ „Archaeologia", т. XXXIV, стр. 357, 399; Шабасъ. „Les Inscriptions des mines d'or", стр. 13, 199.

[2] Аристотель, „Météor", I, 14; Страбонъ. кн. I, § 1; кн. XVII, § 1; Плиній, „H. N.", VII, 29, § 165. Всѣ эти авторы говорятъ, что предпріятіе было начато, но неокончено. Памятникъ временъ Сети I указываетъ, что каналъ дѣйствовалъ еще до Рамзеса II.

[3] „Pap. Anastasi II", табл. I, строк. 2—5; „Pap. Anastasi VI", табл. VI, строк. 2—4. Сравн. Шабасъ, „Mél. Egypt.", 2-я серія, стр. 151; Масперо. „Du genre épistolaire", стр. 102.

Узирмара Сотперни! ж. з. с., Менту, богъ обоихъ Египтовъ,— Рамзесъ-Міамунъ! ж. з. с., богъ! [1]".

Поэзія, какъ видно, процвѣтала во времена Рамзеса II, и рукописи сохранили намъ творенія бывшихъ тогда въ модѣ поэтовъ, не присоединяя къ нимъ, однако, именъ послѣднихъ [2]. Самый популярный и самый вдохновенный изъ поэтовъ того времени любилъ прославлять подвиги Рамзеса во время похода V года, въ битвѣ при Кодшу. Фабула поэмы уже извѣстна: фараонъ, застигнутый врасплохъ царемъ Хети, долженъ былъ самъ, во главѣ своей арміи, броситься въ атаку. „И вотъ его величество возсталъ, подобно отцу своему Менту; онъ схватилъ оружіе и надѣлъ кольчугу, подобно Ваалу въ часъ его. Крупныя лошади его величества, — „Ѳиванская побѣда" было ихъ имя,— происходили изъ конюшенъ Узирмара Сотперни, любимца Аммона. Царь бросился впередъ и проникъ въ ряды этихъ нечестивыхъ Хети. Онъ былъ одинъ; съ нимъ никого не было; выдвинувшись такимъ образомъ на глазахъ у всѣхъ, оставшихся позади его, онъ былъ окруженъ 2500 колесницами; отступленіе было ему отрѣзано всѣми воинами нечестивыхъ Хети и многочисленными народами, сопровождавшими ихъ, — жителями Арада, Мизіи, Педаса. Они всѣ собрались вмѣстѣ, по три человѣка въ каждой колесницѣ. „Со мной не было ни одного князя, ни одного генерала, ни одного вождя стрѣлковъ, ни одного начальника надъ колесницами. Солдаты меня покинули; всадники обратились въ бѣгство, и ни одинъ изъ нихъ не остался со мной на полѣ сраженія". Тогда его величество сказалъ: „Кто ты, о мой отецъ, Аммонъ? Развѣ отецъ забываетъ своего сына? Развѣ я что-нибудь дѣлалъ безъ тебя? Развѣ я не шелъ и не останавливался по одному твоему слову? Я не приступалъ твоихъ приказаній. Онъ великъ, повелитель Египта, опрокидывающій на своемъ пути варваровъ! Что значатъ предъ тобой эти азіаты? Аммонъ обезсиливаетъ нечестивцевъ. Развѣ я не приносилъ тебѣ безчисленныхъ жертвъ? Я наполнилъ твою священную обитель моими плѣнниками; я выстроилъ тебѣ храмъ на милліоны лѣтъ, я отдалъ все, что имѣлъ, для твоихъ складовъ. Я предоставилъ тебѣ весь міръ для обогащенія твоихъ владѣній... Несчастная участь

[1] „Pap. Anastasi III", табл. III, строк. 1—9. Сравн. Шабасъ, Mél. Egypt., 2-я серія, стр. 132—134; Масперо, „Du genre épistolaire", стран. 105—106.

[2] А. Эрманъ, „Neuägyptische Grammatik", стр. 6—7.

грозитъ тому, кто будетъ противиться твоимъ намѣреніямъ! Счастье тому, кто тебя позналъ, потому что твои дѣйствія вытекаютъ изъ любвеобильнаго сердца... Я взываю къ тебѣ, о мой отецъ, Аммонъ! Вотъ я среди многочисленныхъ и неизвѣстныхъ мнѣ народовъ; всѣ племена соединились противъ меня, я одинъ-одинешекъ, и никого нѣтъ со мной. Мои многочисленные солдаты покинули меня; ни одинъ изъ всадниковъ не обернулся въ мою сторону; когда я звалъ ихъ, ни одинъ изъ нихъ не послушался моего голоса. Но я думаю, что Аммонъ сильнѣе милліона солдатъ, 100,000 всадниковъ, миріады братьевъ или молодыхъ сыновей, собравшихся вмѣстѣ! Дѣянія людей ничто: Аммонъ всѣхъ побѣдитъ. Я совершилъ это по твоему совѣту, Аммонъ! И я не преступалъ твоихъ совѣтовъ; вотъ я прославилъ тебя до предѣловъ земли!“ Не слѣдуетъ забывать, что онъ говоритъ это на полѣ битвы, окруженный враждебными ему сирійцами, противъ которыхъ онъ одинъ-одинешенекъ. Рамзесъ не думаетъ уже о побѣдѣ; онъ желаетъ только прорвать непріятельскую цѣпь или умереть, какъ подобаетъ царю. Несмотря на грозящую ему опасность, первая мысль его обращается къ богу. Передъ тѣмъ, какъ рѣшиться на послѣднюю отчаянную попытку и броситься въ общую свалку, онъ призываетъ въ свидѣтели своего отца Аммона, зоветъ его на помощь и дѣлаетъ это не спѣша, не въ двухъ словахъ, какъ бы случайно вылетѣвшихъ въ промежутокъ между двумя взмахами сабли, но торжественно и съ такимъ полнымъ спокойствіемъ и ясностью, какъ будто онъ находится въ мирныхъ святилищахъ Ѳивъ. Мысль о божествѣ всецѣло овладѣла имъ и на минуту оторвала его отъ земли: опасность и враги исчезли, весь міръ, кажется, раздвинулся передъ нимъ, онъ чувствуетъ себя незамѣтно перенесеннымъ въ предѣлы иного міра, столь спокойнаго и высокаго, что даже шумъ сраженія не достигаетъ до него. Онъ созерцаетъ Аммона лицомъ къ лицу, напоминаетъ ему о почестяхъ, которыя онъ оказалъ богамъ, о благодѣяніяхъ, которыми онъ осыпалъ ихъ храмы, и требуетъ помощи божественныхъ силъ, не какъ простой смертный—въ скромныхъ, покорныхъ выраженіяхъ, а, напротивъ, величественнымъ и повелительнымъ тономъ, въ которомъ проглядываетъ чувство сознанія собственной божественности.

Помощь не заставила себя ждать. „Раздался голосъ до самого Гермонтиса; Аммонъ идетъ на мой призывъ: онъ протягиваетъ мнѣ свою руку. Я испускаю крикъ радости и слышу его голосъ сзади меня: „Я пришелъ къ тебѣ, къ тебѣ, Рамзесъ-Міамунъ, ж. з. с.; я съ тобой. Это я, твой отецъ! Моя рука съ тобой, и я сильнѣе сотенъ тысячъ людей. Я господинъ силы, любящій храбрость, я нашелъ мужественное сердце, и я удовлетворенъ. Моя воля исполнится“. Подобно Менту, я мечу правой рукой мои стрѣлы, а лѣвой—опрокидываю враговъ. Я передъ ними, какъ Ваалъ въ свой часъ; 2500 колесницъ, окружающихъ меня, разбиты вдребезги моими кобылицами. Ни одинъ изъ нихъ не можетъ нанести удара; сердце замираетъ у нихъ въ груди, и страхъ сковываетъ ихъ члены. Они не могутъ уже пускать свои стрѣлы и не имѣютъ силы держать свои пики. Я гоню ихъ въ воду, куда они падаютъ, какъ крокодилы; они лежатъ ничкомъ на землѣ, одинъ на другомъ, а я убиваю ихъ. Я хочу, чтобъ ни одинъ не смѣлъ обернуться и бросить взглядъ назадъ: кто упалъ не подымется болѣе“.

Впечатлѣніе производимое неожиданнымъ появленіемъ божества среди сраженія, сильно даже для современника, привыкшаго видѣть во вмѣшательствѣ боговъ обыкновенный театральный эфектъ. Для египтянина, воспитаннаго въ духѣ безграничнаго уваженія къ сверхъестественнымъ силамъ, оно было неотразимо. Какъ ни велико было торжество царя Хети, считавшаго себя побѣдителемъ, онъ вдругъ почувствовалъ себя какъ бы остановленнымъ невидимой силой, и „пораженный ужасомъ, отступилъ“. „Тогда онъ выставилъ впередъ всѣхъ своихъ военачальниковъ, окруженныхъ колесницами и воинами всякаго рода оружія; здѣсь были правители Арада, Мизіи, Иліона, Ликіи, Дарданіи, Гаргамиша, Каркиша и Халупу. Эти союзники Хети всѣ вмѣстѣ имѣли 3000 колесницъ“. Всѣ усилія ихъ были тщетны. „Я бросился на нихъ, какъ Менту, моя рука скосила ихъ въ одну минуту; я рубилъ и убивалъ ихъ. Они говорили другъ другу: „это не человѣкъ среди насъ, это Сутехъ, великій воитель, это самъ Ваалъ Это не человѣческія дѣянія: одинъ, совсѣмъ одинъ, безъ военачальниковъ и солдатъ, онъ заставляетъ отступать сотни тысячъ. Поспѣшимъ укрыться отъ него, сохранимъ нашу жизнь и переведемъ еще разъ духъ!“. Всякій, пытавшійся сразиться со мною, чувствовалъ, какъ слабѣла его рука; они не могли уже держать ни лука, ни копья. До самаго соединенія дорогъ, я преслѣдовалъ ихъ, подобно грифу“.

Когда непріятель обратился въ бѣгство, тогда только царь

созвалъ своихъ воиновъ, но уже не для помощи, а какъ свидѣтелей своей храбрости. „Будьте тверды, закалите ваше сердца, мои солдаты! вы видите мою побѣду, а я былъ одинъ. Это Аммонъ придалъ мнѣ силы, его рука со мной“. Онъ обнадеживаетъ своего оруженосца, Менну, пришедшаго въ ужасъ отъ количества враговъ, и бросается въ середину сѣчи. „Шесть разъ бросился я на врага“, говоритъ онъ. Наконецъ, только къ вечеру явившаяся на помощь армія освободила его. Онъ собираетъ своихъ генераловъ и осыпаетъ ихъ упреками: „Что скажетъ вся земля, когда узнаетъ, что вы оставили меня одного безъ помощи, что ни одинъ правитель, ни одинъ начальникъ стрѣлковъ, ни одинъ командующій боевыми колесницами не протянулъ мнѣ руку помощи? Я сражался, я заставилъ отступить милліоны народовъ, одинъ и! „Ѳиванская побѣда“ и „Удовлетворенная Нуритъ“, мои лошади, только и были у меня подъ рукой, когда я находился среди трепетавшихъ враговъ. Я ежедневно самъ буду кормить ихъ, когда вернусь во дворецъ, потому что ихъ однѣхъ я нашелъ среди враговъ, съ моимъ оруженосцемъ, Менною, и сопровождавшими меня офицерами гвардіи, бывшими свидѣтелями битвы, вотъ все, что я нашелъ. Я вернулся послѣ славной борьбы,—поразилъ мечомъ массы людей“.

Стычка перваго дня была только прологомъ послѣдующихъ, болѣе значительныхъ сраженій. На другой день утромъ битва возобновилась, и мы уже говорили, какимъ успѣхомъ сопровождалась она для египтянъ и какими потерями для азіатовъ. Поэтъ не вдается въ подробное описаніе второго дня сраженія; онъ описываетъ его однимъ взмахомъ пера, въ нѣсколькихъ строкахъ, всецѣло посвященныхъ восхваленію царя. Сюжетомъ поэмы служитъ не побѣда при Кодшу и не разгромъ сирійскихъ войскъ: какъ ни важны эти событія для историка, поэтъ оставляетъ ихъ совсѣмъ въ сторонѣ. Онъ хотѣлъ воспѣть необузданную храбрость Сезостриса, его вѣру въ помощь боговъ, неотразимую силу его руки; онъ хотѣлъ изобразить, какъ герой, застигнутый врасплохъ и покинутый своими, искупаетъ ошибки своихъ генераловъ только своею храбростью; онъ описываетъ, какъ этотъ герой одиноко идетъ на врага, заставляетъ послѣдняго шесть разъ отступать и стѣсняетъ его военныя дѣйствія въ продолженіе цѣлаго дня, до самаго заката солнца. Всѣ остальныя событія, могущія повредить общему впечатлѣнію или уменьшить блескъ царской доблести, остаются въ тѣни. О царской гвардіи упоминается лишь вскользь;

второй день сраженія описывается въ нѣсколькихъ словахъ. Царь Хети молилъ о мирѣ, и Сезострисъ даруетъ его, послѣ чего съ торжествомъ возвращается въ Ѳивы. „Аммонъ привѣтствовалъ его говоря: „Приди нашъ возлюбленный сынъ, о Рамзесъ Міамунъ“! Боги даровали ему безконечное существованіе на двойномъ тронѣ отца его, Атума, и всѣ народы повергли́сь къ его ногамъ [1])“.

---

[1]) Текстъ поэмы находится въ папирусахъ „Raifé“ и „Sallier III“, а такъ же въ Ибсамбулѣ, Абидосѣ, Луксорѣ, Карнакѣ и Рамессейонѣ, Переводъ сдѣланъ Э. де Руже, „Recueil de travaux“, 1870, т. I, стр. 1—8.

ГЛАВА VI.

ВЕЛИКІЯ МОРСКІЯ ПЕРЕСЕЛЕНІЯ и XX-ая ДИНАСТІЯ.

Колонизація Сидона, Малой Азіи и Хети.—Переселенія народовъ Малой Азіи и Исходъ.—Рамзесъ III и двадцатая династія; первосвященники Аммона.

Колонизація Сидона, Малой Азіи и Хети.

Изъ всѣхъ народовъ Сиріи финикіяне болѣе всѣхъ воспользовались египетскимъ завоеваніемъ. Расположенные въ сторонѣ отъ военной дороги, по которой обыкновенно двигались завоеватели, они не страдали ни отъ переходовъ непріятельской арміи черезъ ихъ территорію, ни отъ перепетій борьбы, принесшей такъ много вреда другимъ племенамъ Ханаана. Жители Арада и Симиры принимали при Тутмосѣ III участіе въ возстаніяхъ Рутону, и были такъ жестоко наказаны, что навсегда потеряли охоту къ повторенію подобныхъ попытокъ. Гебелъ и Берутъ, Сидонъ и Тиръ оставались вѣрны своимъ чужестраннымъ властителямъ со временъ Тутмоса I до Рамзеса II. Они сдѣлались посредниками въ торговлѣ между Египтомъ и иноземными народами и, благодаря этой привелегіи, Сидонъ завелъ у себя прекрасный флотъ и достигъ высокой степени благосостоянія и славы.

Финикіяне вели одновременно какъ морскую, такъ и сухопутную внѣшнюю торговлю, при помощи каравановъ и судовъ. Всѣ дороги, ведущія на Западъ отъ большихъ рынковъ крайняго Востока, изъ Индіи, Бактріи, Халдеи, Аравіи и Кавказа сходились въ Тирѣ и Сидонѣ. Достовѣрно неизвѣстно, ходили-ли финикійскіе купцы сами лично за золотомъ Алтая и продуктами Ганга;

обыкновенно, они получали эти товары въ международныхъ складахъ Аравіи и Халдеи.

Извѣстно только, что они доходили до самыхъ отдаленныхъ концовъ большихъ торговыхъ путей и занимали всѣ главнѣйшіе пункты у рѣчныхъ переправъ и въ горныхъ ущельяхъ [1]). Лаисъ, расположенный у истоковъ Іордана, недалеко отъ того мѣста, гдѣ дорога, ведущая изъ Египта въ Ассирію, переходитъ изъ Южной Сиріи въ Келе-Сирію,—былъ колоніей Сидона [2]). Гаматъ въ долинѣ рѣки Оронта, Тапсакъ (Тапсакосъ) при одномъ изъ переходовъ черезъ Евфратъ [3]), Низибисъ [4]) у истоковъ Тигра, считались основанными финикіянами. Эти города и многіе другіе, о которыхъ не сохранилось воспоминаній въ исторіи, были какъ бы вѣхами, которыя сидонскіе купцы разставили на пути своихъ каравановъ; сюда они направляли всѣ продукты окрестныхъ областей, чтобы потомъ, въ удобное время, перевезти въ торговые склады Ливана.

Но Гаматъ, Низибисъ и Тапсакъ, затерянные среди чужихъ земель, не составляли въ сущности сидонскихъ владѣній: это были просто факторіи, находившіяся въ зависимости отъ сосѣднихъ правителей или племенъ, но никакъ не отъ митрополіи. Морская торговля съ народами Средиземнаго моря, напротивъ, повела за собой созданіе настоящаго колоніальнаго государства.

Происхожденіе и развитіе этой колонизаціи, превратившей Средиземное море въ Финикійское, недостаточно намъ извѣстно: ни документы, относящіеся къ этому вопросу и хранившіеся въ архивахъ Тира и Сидона, ни труды, составленные на основаніи ихъ историками греко-римской эпохи, уже не существуютъ. Почти всѣ, дошедшія до насъ свѣдѣнія имѣютъ миѳическій характеръ. Такъ, разсказываютъ, что однажды Мелькартъ, тирскій Геркулесъ, собралъ значительную армію и флотъ, намѣреваясь завоевать Иберію, гдѣ царствовалъ въ то время Хрисааръ, сынъ Геріона. На своемъ пути онъ подчинилъ Африку, ввелъ тамъ земледѣліе и основалъ баснословный городъ Гекатомпилесъ, затѣмъ перешелъ проливъ, которому далъ свое имя, укрѣпилъ Гадесъ и завоевалъ Испанію. Похитивъ миѳическихъ быковъ Геріона, онъ

---

1) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-ая, стр. 159—165.
2) Іисусъ Навинъ, XIII, 6; книга „Судей", XVIII, стр. 7—8.
3) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-ая. стр. 164.
4) Стеронъ Византійскій, подъ словомъ Νίσιβις.

вернулся въ Азію черезъ Галлію, Италію, Сардинію и Сицилію. Къ этому преданію, удачно соединившему въ общихъ чертахъ всѣ главнѣйшія событія финикійской колонизаціи, присоединились тысячи мѣстныхъ легендъ. Одна изъ нихъ повѣствуетъ о Кинирасѣ, основывающемъ города на Кипрѣ и Милосѣ; другая—о похищеніи Европы Зевсомъ и о поискахъ за нею брата ея, Кадма, посѣтившаго при этомъ Кипръ, Родосъ и Цикладскіе острова, построившаго Ѳивы въ Беотіи и окончившаго свои дни въ Иллиріи. Вездѣ, гдѣ только побывали финикіяне, величіе и смѣлость ихъ предпріятій оставили неизгладимое впечатлѣніе на воображеніи народа. Ихъ имена, религія, продолжительность ихъ владычества,—все это дошло до насъ въ видѣ легендъ, съ примѣсью баснословныхъ разсказовъ, благодаря чему мы можемъ хотя отчасти возстановить исторію ихъ открытій.

Первыми финикійскими колонистами были гиблиты [1]). Но построенный ими Библосъ, съ его знаменитыми храмами, былъ скорѣе религіознымъ центромъ, куда стекались многочисленные богомольцы, чѣмъ торговымъ городомъ [2]). Жители Сидона пошли дальше гиблитовъ и заняли Кипръ, на которомъ жители Библоса имѣли только незначительныя поселенія. По свидѣтельству древнихъ, Кипръ не уступалъ ни одному изъ извѣстныхъ въ то время острововъ [3]). Онъ имѣетъ около 240 кил. въ длину и среднимъ числомъ 80 кил. въ ширину; въ сѣверо-восточной части его находится узкій полуостровъ, имѣющій форму пальца, вытянутаго по направленію къ устью Оронта. Двѣ невысокія горныя цѣпи тянутся по острову, почти параллельно другъ другу, отъ востока къ западу; раздѣляющая ихъ долина еще теперь поражаетъ путешественниковъ своимъ плодородіемъ. Почва ея представляетъ черноземъ, не уступающій египетскому [4]) и ежегодно обновляемый разливами Педіэоса и его притоковъ [5]). Горы, нѣкогда покрытыя лѣсомъ [6]), были для морской державы неистощимымъ источникомъ для кораблестроенія; при римскихъ императорахъ, жители Кипра хвастались, что могутъ построить и

[1]) Моверсъ, „Die Phönizier“, т. II, часть 2-ая, стр. 103 и слѣд.
[2]) Э. Ренанъ („Mission de Phénici“, стр. 179 и сл.) даетъ перечисленіе этихъ храмовъ въ классическую эпоху.
[3]) Страбонъ, кн. XIV, 6; Евстаоій, Ad Dionys“, стихъ 508.
[4]) Эліен. „Hist. Anim.“, V, 56.
[5]) Россъ, „Voyage aux Iles“, IV, стр. 119.
[6] Эратосѳенъ, у Страбона, кн. XIV, 6.

оснастить большой корабль, отъ килевой части по верхушки мачтъ, не прибѣгая для этого ни къ какимъ привознымъ матеріаламъ [1]). Въ общемъ, почва Кипра плодородна, даетъ достаточное количество хлѣба для его обитателей и поддается разведенію на ней винограда и маслинъ; но главное богатство кипріотовъ состоитъ въ рудникахъ. И теперь еще на Кипрѣ добывается желѣзо, квасцы, горный ленъ, агатъ и драгоцѣнные камни; въ древности же холмы Тамассоса заключали въ себѣ столько мѣди, что римляне дали этому металлу названіе кипріумъ (cyprium) [2]) перешедшее потомъ во всѣ европейскіе языки. Какъ назывались первоначальные обитатели острова и къ какой расѣ они принадлежали, — неизвѣстно. Судя по египетскимъ документамъ, кажется, что Кипръ былъ извѣстенъ египтянамъ подъ именемъ Аси, но во времена восемнадцатой династіи островъ былъ уже во владѣніи Финикіи.

Библосъ основалъ на западномъ берегу большое святилище Пафоса; Галгосъ, Лапетосъ, Куріонъ, Карпасіа, Соли, Тамассосъ представляли маленькія государства, управляемыя независимыми другъ отъ друга царями. Подчиненные сначала Библосу, они перешли потомъ подъ власть Сидона и, благодаря начавшейся въ нихъ сидонской колонизаціи, мало-по-малу вполнѣ подчинились метрополіи, -такъ что весь островъ обратился въ семитическую страну [2]).

На югѣ финикіянамъ не удалось такъ прочно обосноваться. У нихъ были укрѣпленные посты на южномъ берегу Сиріи,—въ Дорѣ [4]), Іоппе [5]), и въ горахъ Казіоса, на границѣ Египта. Но за предѣлами Казіоса власть ихъ кончалась: фараоны никогда не дозволяли иностранцамъ строить крѣпостей на египетской территоріи, у устьевъ принадлежащей Египту рѣки. Финикіяне должны были довольствоваться учрежденіемъ складочныхъ пунктовъ въ большихъ городахъ Дельты: въ Танисѣ, Бубастѣ, Мендесѣ, Саисѣ и Рамзесъ-Анахту, находившихся подъ покровительствомъ Египта. Ихъ склады, помѣщавшіеся въ кварталѣ Анхтоуи въ

[1]) Амміенъ Марцеллинъ, кн. XIV, 27.
[2]) Страбонъ, кн. XIV, 6; Плиній, „H. N.“, кн. XXXIV, 8.
[3]) Моверсъ „Die Phönizier“, т. II, часть 2-ая, стр. 203–246.
[4]) Стефанъ Византійскій, подъ слов. Δῶρος. Въ Дорѣ находились укрѣпленія и производилась ловля багрянокъ (ср. Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie“, стр. 40—41, 757).
[5]) Стефанъ Византійскій, подъ слов. Ἰόπη.

Мемфисѣ, значительно увеличились и сдѣлались настоящимъ городомъ [1]). Изъ Египта финикійскіе суда направлялись на Западъ вдоль береговъ Африки, но вначалѣ безъ особеннаго успѣха: негостепріимные берега Мармарики, остановили на время колонизаторскія стремленія финикіянъ въ этой странѣ.

За то сѣверныя страны представляли для финикійскихъ моряковъ обширное поле для изслѣдованій и похожденій. По ту сторону Оронта, немного поодаль отъ его устьевъ, берегъ поворачиваетъ къ западу и долгое время идетъ въ этомъ направленіи; здѣсь кончается Сирія и начинается Малая Азія. Послѣдняя представляетъ изъ себя плоскогоріе, изрѣзанное и окруженное со всѣхъ сторонъ высокими цѣпями горъ; этъ какъ бы „Иранъ въ миньятюрѣ, возвышающійся изъ нѣдръ трехъ морей“ — Средиземнаго, Эгейскаго и Понта Эвксинскаго [2]). На югѣ плоскогоріе ограничено Тавромъ, на сѣверѣ невысокимъ отрогомъ Кавказскихъ горъ, идущимъ параллельно Черному морю и оканчивающимся у Олимпа въ Мезіи, между Никеей и Дорилеей. Рядъ невысокихъ холмовъ, — соединяющій Тавръ съ Олимпомъ, тянется съ юго-востока на сѣверо-западъ и діагонально пересѣкаетъ полуостровъ; на востокѣ страна примыкаетъ къ Евфрату и горамъ Арменіи. Не всѣ рѣки, низвергающіяся съ внутреннихъ склоновъ и текущія къ центру плоскогорія, доходятъ до моря. Только Пирамосъ и Саросъ — на югѣ. Ирисъ, Галисъ и Сангаріосъ — на сѣверѣ, благодаря сильному теченію, проложили себѣ путь сквозь твердыни, отдѣляющія ихъ отъ берега. Другія же рѣки оканчиваются въ лощинахъ, гдѣ образуютъ болота, пруды и озера съ неопредѣленными очертаніями, подобныя озерамъ Ирана и Туркестана. Самое большое изъ нихъ, соляное озеро Татта, измѣняется въ объемѣ, смотря по временамъ года.

„Нигдѣ не увидишь такого контраста между внутренней и приморской областью, какъ въ Малой Азіи. Береговая полоса представляетъ какъ бы иной міръ, подчиненный другимъ законамъ, чѣмъ внутренность страны [3]). Въ западной части Малой

[1]) Бругшъ, въ „Zeitschrift für aegyptische Sprache“, 1863, стр. 9. На кладбищѣ этого чужеземнаго квартала найдены арамейскіе памятники персидской эпохи.

[2]) „Wie ein kleines Irân baut es sich aus der Mitte dreier Meere auf“. (Э. Курціусъ, „Griechische Geschichte“, т. I, стр. 5).

[3]) Э. Курціусъ, „Die Ionier vor der ionischen Wanderung“, стр. 9.

Азіи находятся открытыя къ западу широкія и глубокія долины, орошенныя рѣками-труженицами: Кайкосомъ, Гермосомъ, Кайстромъ и Меандромъ, наносы которыхъ ежегодно заполняютъ море. Всѣ эти рѣки изобиловали золотомъ, по крайней мѣрѣ, въ глубокой древности; онѣ отдѣлены другъ отъ друга цѣпями горъ, круто возвышающимися на гладкой поверхности равнины, на подобіе островов на зеркальной поверхности океана. Между Меандромъ и Кайстромъ находятся горы Мессогисъ (Кастане-дагъ), между Кайстромъ и Гермосомъ — Тмолосъ (Кисилія-муса-дагъ). Вдоль глубоко изрѣзаннаго берега идутъ большіе, плодородные острова: Лесбосъ, Хіосъ, Самосъ, Косъ и Родосъ. Большинство изъ нихъ находятся достаточно близко къ континенту, чтобы управлять его рынками, и въ то же время достаточно удалены отъ него, чтобы быть застрахованными отъ внезапныхъ вторженій съ материка. Изобилуя хлѣбомъ, виноградомъ, оливками, металлами и мраморомъ, а также многочисленными и безопасными гаванями, западная часть Малой Азіи соединила въ себѣ всѣ преимущества земледѣльческой и торговой страны; она должна была сдѣлаться мѣстопребываніемъ населенія, которое могло въ одно и тоже время выдѣлять изъ себя земледѣльцевъ и моряковъ, производителей и купцовъ. Районъ ея заключался между двумя группами горъ, мало связанными съ центральнымъ плоскогоріемъ; на сѣверѣ возвышалась покрытая лѣсомъ Ида, богатая металлами и стадами; на югѣ вулканическія вершины Ликіи, которыя преданіе считало мѣстопребываніемъ огнедышащей Химеры. Къ западу отъ Ликіи и къ югу отъ Тавра тянулся крутой берегъ прерываемый устьями потоковъ, которые, свергаясь съ горныхъ вершинъ въ море, прорѣзываютъ своимъ теченіемъ нѣсколько параллельныхъ долинъ. На восточной окраинѣ этой области, въ углу, образуемомъ границами Сиріи и Киликіи, рѣки Пирамосъ и Саросъ образовали соединенными усиліями обширную наносную равнину, которую древніе географы назвали плоской Киликіей (Cilicia campestris), въ противоположность каменистымъ районамъ Тавра (Cilicia trachaea).

Всѣ расы древняго міра, казалось, назначили Малую Азію мѣстомъ свиданія. На сѣверо-западѣ ея жили варвары, родственные, можетъ быть, древнѣйшимъ обитателямъ Мидіи, Элама и Халдеи; у подножія Кавказа—Иберы, Кашки или Колхидяне, на берегахъ Фазы; далѣе, по берегу Понта Эвксинскаго — Саспиры и Халибы, занимавшіеся добываніемъ металловъ и снабжавшіе

оловомъ, мѣдью и желѣзомъ, даже золотомъ и серебромъ большинство восточныхъ народовъ.

Южнѣе обитали Мушки и Табалы, которыхъ Библія называетъ Мешехами и Тубалами. Тубалы, занимавшіе бассейнъ Ириса, примыкали къ Черному морю, а мушки, кочующіе наѣздники, жившіе по обоимъ берегамъ верхняго Евфрата, доходили до Галиса [1]). Изъ двухъ столицъ классической Каппадокіи, одна, Мазака, расположенная на горѣ Аргейонъ, сохранила имя, позаимствованное отъ названія племени мушки; другая — Куману (Комана), была основана этимъ племенемъ и долгое время принадлежала ему. Понадобились цѣлые вѣка борьбы, чтобы вытѣснить ихъ изъ отечества и отодвинуть къ Кавказу.

Еще южнѣе, въ дикой области Тавра, жили Хети и много другихъ слившихся съ ними племенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя были семитическаго происхожденія. Весьма вѣроятно, что въ первыя времена своего вторженія семиты не ограничивались колонизацией Сиріи и береговъ Евфрата, но отбросили вѣтви на западъ, въ Киликію [2]) можетъ быть даже къ Понту Эвксинскому и Эгейскому морю. Къ сожалѣнію, невозможно еще засвидѣтельствовать этотъ фактъ историческими данными. Большинство словъ, оставшихся намъ отъ древнихъ языковъ Малой Азіи, принадлежитъ къ арійскому [3]). корню, а миѳы и религія говорившихъ на нихъ народовъ болѣе родственны съ миѳами древней Греціи, чѣмъ съ семитическими. Правда, принято отождествлять потомковъ Луда, сына Сима, съ лидійцами, но если бы даже это отождествленіе и было достовѣрно, все-таки оно во все не рѣшаетъ вопроса о происхожденіи самого народа. Если нѣкоторыя семитическія племена и проникли въ Малую Азію, то они были или вытѣснены, истреблены, или поглощены мѣстнымъ населеніемъ.

Итакъ, Малоазійскій полуостровъ находился въ рукахъ арійцевъ. Геллеспонтъ и Босфоръ никогда не были этнографической границей. Оба материка, между которыми они находятся, представляютъ въ этомъ мѣстѣ только два противоположные берега одного и того же бассейна, два противоположные склона одной долины, покрытой морскими волнами. Народы, населившіе Балканскій полуостровъ и колонизовавшіе Ѳракію, перешли въ незапамятные времена [1]) оба морскіе рукава, отдѣлявшіе ихъ отъ Азіи, и перенесли туда съ собою большинство именъ, бывшихъ въ употребленіи на ихъ европейской родинѣ. Поэтому, дарданейцы встрѣчаются и въ Македоніи, на берегахъ Аксіоса, и въ Троадѣ, около Иды; кебрены жили у подошвы Балкановъ, а городъ Кебрене находился близъ Илліона. Знаменитые бриги, бебрисы или фригійцы оставили часть своихъ соплеменниковъ въ бассейнѣ рѣки Стримона и перешли въ Малую Азію [2]). Главная масса этихъ переселенцевъ сконцентрировались въ западной окраинѣ мало-азіатскаго плоскогорія, въ области, орошаемой на сѣверѣ Сангаріосомъ, на югѣ Меандромъ. Страна эта, получившая отъ переселенцевъ названіе Фригіи, всегда славилась плодородными нивами и тучными лугами. Достаточно теплая, чтобы способствовать разведенію винограда, но настолько прохладная, чтобы сохранить прирожденную энергію новыхъ переселенцевъ, она сдѣлалась въ древности средоточіемъ могущественнаго государства и извѣстной своимъ трудолюбіемъ націи. Фригійскій языкъ сродни греческому даже, можетъ быть, въ большей степени, чѣмъ языкъ готовъ -средневѣковому верхнегерманскому [3]); его склоненія и спряженія имѣли греческія окончанія и подвергались, по крайней мѣрѣ отчасти, законамъ греческой фонетики [4]). Отдѣленные моремъ отъ остальныхъ народовъ одной съ ними семьи, фригійцы вскорѣ обособились и это наложило своеобразный отпечатокъ на ихъ цивилизацію. Главнымъ божествомъ былъ у нихъ Багайосъ [5]), котораго греки отождествляли со сво-

---

[1]) Относительно этихъ племенъ см. у Гельцера, „Kappadokien und seine Bewohner“, въ „Zeitschrift“, 1875, стр. 14—26; и особенно у Шрадера, „Keilinschriften und Geschichtforschung“, стр. 155—162.

[2]) Въ Киликіи рядомъ съ чужеземными именами, принадлежащими, вѣроятно, къ языкамъ Лити, Нинепсъ, Куалисъ, Бла, Тутустуесъ, находятся семитическія названія Саросъ, Гаросъ и др.

[3]) Можно найти нѣсколько примѣровъ въ диссертаціи П. Беттикера (де Лагардъ), „Arica“, in⁰ 12, 1841, Галле.

[1]) Геродотъ, VI, XLV; VII, LXIII; Ксаноосъ, въ „Fragm. H. Graec.“, т. I, стр. 37; Страбонъ, X, 3, 16.

[2]) Страбонъ, XII, III, 4; VII, III, 2, и т. д.; Геродотъ, VII, LXXVIII, Діодоръ Сицилійскій, V, 48.

[3]) Э. Курціусъ, Griechische Geschichte“, т. I, ст. 31.

[4]) Такъ, измѣненіе конечной буквы *m* въ *n* (Э. Курціусъ, „Griechische Geschichte“, т. I, стр. 63). Именительный падежъ единственнаго числа имѣетъ окончанія—*as*,—*es*,—*is*,—*os* и *a*; родительный *afos*, дательный—*aï*,—*eï*. Третье лицо единственнаго числа въ глаголѣ *sosesait* (exstruxit) и т. д. оканчивается на—*t* вмѣсто греческаго ς и т. д.

[5]) Гезихій, подъ слов. Βαγαῖος. Слово имѣющее то же значеніе, что персидское *бага*, славянское *богъ* и означающее божество, - богъ, по преимуществу.

имъ Зевесомъ. Богъ луны у нихъ назывался Минъ или Менесъ [1]), а богиня-мать—Áмма [2]), которую называли также Кибелой, Агдистидой, Диндименой, Идеой, отъ горъ, на которыхъ находились ея храмы. Любовь между Кибелой и Атисомъ, сыномъ Менеса, болѣзнь, смерть и воскресеніе молодого бога, печаль богини, финатизмъ и варварскіе обряды жрецовъ, — все это сдѣлало фригійскую религію однимъ изъ прославленныхъ культовъ древности. Населеніе занималось преимущественно полевыми работами; одинъ изъ древнѣйшихъ фригійскихъ законовъ каралъ смертью всякаго, убившаго быка или уничтожившаго земледѣльческое орудіе [3]). Преданіе говоритъ, что первый фригійскій царь, Гордій, былъ простымъ крестьяниномъ, и имущество его состояло только изъ двухъ паръ быковъ. Мидасъ, сынъ Гордія и богини Кибелы, пользовался, наоборотъ, репутаціей богатаго и воинственнаго князя: города Примнесосъ и Мидайонъ почитали въ немъ своего героя—основателя. Фригійское царство, ограниченное сначала очень небольшой территоріей, сильно расширилось и начало процвѣтать подъ скипетромъ цѣлаго ряда царей, изъ которыхъ многіе носили имя своего знаменитаго предка. Одинъ англійскій путешественникъ, Ликъ, открылъ въ началѣ XIX-го вѣка у истоковъ Сангаріоса цѣлую долину древнихъ гробницъ. „Онѣ принадлежатъ къ неизвѣстной эпохѣ, но значительно предшествовавшей греческому и римскому владычеству; ихъ вполнѣ мѣстный характеръ заставляетъ насъ видѣть въ нихъ образцы архитектурнаго стиля древнихъ фригійцевъ. Даже языкъ надписей чисто фригійскій; языкъ этотъ, а также алфавитъ его, еще не вполнѣ разобранный, но дающій намъ единственную возможность воспользоваться рѣдкими памятниками фригійскаго народа, — встрѣчаются только въ предѣлахъ древняго государства, въ которомъ царствовала нѣкогда династія царя Мидаса. На всемъ протяженіи страны, въ которой попадаются эти драгоцѣнные остатки древняго туземнаго населенія, нѣтъ другихъ указаній на жившіе здѣсь потомъ народы, кромѣ рѣдкихъ обломковъ памятниковъ римской эпохи. Какъ будто, завоеватели послѣдующей эпохи игнорировали эти уединенныя долины, въ которыхъ позд-

[1]) Лукіанъ, Jup. Tragaelus“, 42; Баддингтонъ и Лебасъ, „Voyage en Asie Mineure“, т. III, стр. 668, и т. д.

[2]) Николай Дамасскій, „Fragm.“, 128, въ „Fragm. Hist. Graec.“, Мюллера, т. III.

[3]) Аріанъ, „Anabase“, II, III, 2 и слѣд.

нѣе христіанскія семьи искали убѣжища отъ преслѣдованій язычниковъ, а можетъ быть загнаны были сюда мусульманскимъ завоеваніемъ“ [1]). Нѣсколько гробницъ, нѣсколько барельефовъ, въ которыхъ чувствуется вліяніе, а, можетъ быть, и рука хеттійскихъ художниковъ [2]), вотъ все, что намъ осталось отъ фригійскихъ царей, столь славившихся нѣкогда своимъ богатствомъ, своей любовью къ породистымъ лошадямъ и фанатическимъ обожаніемъ Матери боговъ и Діониса. Колесница царя Мидаса и ея Гордіевъ узелъ долго оставались неприкосновенными, какъ воспоминаніе о древнемъ фригійскомъ владычествѣ; нуженъ былъ мечъ Александра, чтобы разрубить этотъ узелъ, и нашествіе грековъ, чтобы заставить забыть старыхъ національныхъ царей.

На сѣверѣ Фригіи нѣкоторыя немногочисленныя арійскія племена разсѣялись по лѣсамъ, окамляющимъ берега Понта Эвксинскаго, и между Белеосомъ и Галисомъ сдѣлались родоначальниками расы пафлагонійцевъ, судьбы которой покрыты мракомъ неизвѣстности. Влѣво отъ нихъ асканійцы и фракійцы подъ именемъ Тини, Битини и Бебрикесъ, утвердились на обоихъ берегахъ Босфора [3]). Еще лѣвѣе находилась великая нація Мизійцевъ и родственныя ей племена Тевкрійцевъ, Кебреновъ, Дардановъ, населявшія долины Риндакоса и Каика, высоты Иды и полуостровъ, омываемый Пропонтидой, Геллеспонтомъ и Эгейскимъ моремъ. Легенда разсказываетъ, что Дарданосъ, подъ покровительствомъ Юпитера Идейскаго, основалъ городъ Дарданію [4]) и сдѣлался родоначальникомъ дардановъ. Нѣкоторыя изъ его дѣтей спустились съ горныхъ ущелій къ берегамъ Скамандры и окопались на крутомъ холмѣ, который еще издали высится надъ всей долиной и моремъ. „Огибаемый съ востока широкимъ изгибомъ рѣки, этотъ холмъ постепенно понижается къ западу. Многочисленные ручейки, начинающіеся на склонахъ его, соединяясь, образуютъ два потока, которые отличаются большимъ обиліемъ воды и тем-

[1]) Ш, Тексье, „Description de l'Asie Mineure“, стр. 153.

[2]) Перро. „Exploration archeologique“, стр. 135—149, 156—163 и т. д. табл. 8, 9, 10, 34—52, 53—68 и т. д. Сравн. Сейсъ, „Monuments of the Hittites“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archoeologie“, т. VII, стр. 216 и слѣд.

[3]) Геродотъ, I, XXVIII и VII, LXXV; Өекидидъ, IV, 75; Ксенофонтъ, Анабазисъ, VI, 4; Страбонъ, XII, III, 3 и 4.

[4]) „Иліада“, XX, 215 и слѣд. Во времена Страбона не было уже никакихъ слѣдовъ этого города.

пературой, одинаковой во всѣ времена года. Эти два потока составляютъ какъ бы неизгладимые природные знаки, по которымъ намъ не трудно узнать въ этой надменной цитадели крѣпость Илліонъ. Ручьи остались такими же, какъ и въ тѣ отдаленныя времена, когда троянки спускались къ нимъ за водой и для мытья бѣлья; они еще и теперь протекаютъ въ стѣнахъ древняго города, соединяясь въ болѣе крупные потоки и водоемы" [1]).

Благодаря вторичнымъ раскопкамъ Шлимана, на мѣстѣ древней Трои найдены развалины нѣсколькихъ городовъ, похороненныхъ подъ толстымъ слоемъ земли. Остатки, открытые въ одномъ изъ древнѣйшихъ изъ этихъ городовъ, доказываютъ существованіе вполнѣ самобытной цивилизаціи, въ которой напрасно стали бы искать слѣдовъ египетскаго или ассирійскаго вліянія. Большинство орудій сдѣланы или изъ отточеннаго камня, или изъ кости, что не исключало, однако, употребленія металловъ. Мѣдь, золото, серебро, электронъ, свинецъ были уже извѣстны и находились въ употребленіи. Изъ бронзы дѣлались посуда и оружіе, но олово входило въ составъ ея въ очень ограниченномъ количествѣ и только для того, чтобы придать сплаву требуемую плотность. Очевидно, что первые троянцы пытались подражать въ изготовленіи бронзовыхъ предметовъ образцамъ, которые они получали изъ чужихъ странъ; но они еще не были мастерами своего дѣла, и имъ приходилось довольствоваться только нѣкоторымъ приближеніемъ къ оригиналу [2]); за то они были превосходными золотыхъ дѣлъ мастерами: ихъ чаши, ожерелья и разныя золотыя украшенія, найденныя въ урнахъ, отличаются изяществовъ формы и чистотой линій. Посуда дѣлалась отъ руки, безъ помощи гончарнаго круга; она не окрашена и не глазирована, а только отполирована съ помощью каменнаго гладила.

Первая Троя погибла отъ пожара, подожженная, безъ сомнѣнія, сосѣдними племенами, составившими союзъ противъ нея, но она быстро возродилась изъ пепла. „На отлогихъ склонахъ горы возвышался самый городъ; надъ нимъ, на вершинѣ крутой скалы, помѣстилась крѣпость Пергамъ. Съ высоты ея зубчатыхъ стѣнъ можно было обозрѣвать всю равнину до самаго моря съ текущими по ней Симоисомъ и Скамандромъ, смѣшивающими вдали свои воды,—а за нею необъятное море отъ того мѣста, гдѣ могучія волны Геллеспонта изливаются въ Эгейское море, до самаго Тенедоса. Ни одна изъ столицъ древняго міра не занимала болѣе удачнаго положенія, чѣмъ эта троянская крѣпость: хорошо укрытая и защищенная, она въ то же время давала возможность своимъ правителямъ видѣть далеко вокругъ и повелѣвать издали. Сзади нея находились покрытые лѣсомъ и богатые стадами горные склоны; у подошвы разстилалась плодоносная равнина, а за нею обширное море, изъ нѣдръ котораго выходили отдаленныя вершины Самофракіи, наблюдательный постъ Посейдона, возвышавшійся противъ Иды, которую Зевесъ сдѣлалъ престоломъ своей славы" [1]).

[1]) Курціусъ, „Griechische Geschichte", т. I, стр. 66.

[2]) Фр. Ленорманъ, „Les Antiquités de la Troade", I, стр. 10—11.

Къ Югу отъ Троады и Мизіи жила цѣлая группа народовъ неопредѣленной расы: Лидійцы, Лелеги, Ликійцы и Карійцы. Лидійцы заселили богатыя долины Гермоса,—Кайстрскую и Меандрскую. Древнѣйшія преданія страны сохранили воспоминаніе о могущественномъ государствѣ, расположенномъ нѣкогда по склонамъ Сицила, между долиной Гермоса и Смирнскимъ заливомъ. Столицей его была Магнезія, древнѣйшій изъ городовъ, первоначальный центръ цивилизаціи этихъ странъ, резиденція Тантала, друга боговъ, отца Ніобы и Пелопидовъ. Лелеги появляются повсемѣстно; имя ихъ примѣшивается къ самымъ отдаленнымъ воспоминаніямъ Греціи и Малой Азіи. Они встрѣчались въ Ликіи, Каріи и Троадѣ, на берегахъ Меандра и по склонамъ Иды. Антандросъ [2]), Гаргара [3]), а можетъ быть, и другіе города троянскаго берега, принадлежали нѣкогда лелегамъ; Педасосъ на берегахъ Сатніоеиса, бывшій одной изъ ихъ колоній [4]), и нѣсколько другихъ Педасовъ, разсѣянныхъ по западнымъ склонамъ Малой Азіи, позволяютъ намъ опредѣлить область ихъ переселеній. Въ Каріи еще во времена Страбона показывали гробницы, на половину

[1]) Э. Курціусъ, „Griechische Geschichte", т. I, стр. 67. Исторія Троады тщательно написана Эд. Мейеромъ, „Geschichte von Troas", Лейпцигъ, 1877, in-8⁰, сравн. Робіу, „Questions homériques", Парижъ, 1876, in-8⁰.

[2]) Алкея у Страбона, XIII, I, 31.

[3]) Стефанъ Бизантійскій, подъ слов. „Gargara".

[4]) По схоліасту Никандра (Ther., 804), слово Педасосъ, на языкѣ лелеговъ, означало, вѣроятно, гору. До сихъ поръ извѣстны 4 Педаса: одинъ въ Мессеніи (Страбонъ, VIII, IV, 1 и 3), гдѣ позднѣе онъ назывался Меѳонамъ; другой на берегахъ Сатніоеиса (Страбонъ, XIII, 1, 7, 50, 59; сравн. Масперо, „De Carchemis oppidi situ, De Pedaso Homerica", стр. 37—39); третій близъ Сизика (Агаѳоклъ, въ „Fragm H. Grœc.", IV, стр. 289); четвертый—въ Каріи.

разрушенныя, и города, лежавшія въ развалинахъ, къ которымъ примѣнялось названіе Лелегія. Рядомъ съ лелегами, карійцы господствовали по берегамъ и островамъ Эгейскаго моря; ликійцы примыкали къ карійцамъ и отчасти смѣшивались съ ними. Одно изъ ликійскихъ племенъ, Тремилы, безвыходно жили на гористомъ полуостровѣ, который греки также называли Ликіемъ; другіе разсѣялись внутри страны до береговъ Галиса и Евфрата, гдѣ ассирійскіе памятники указываютъ на ихъ присутствіе [1]). Часть Троады, къ югу отъ Иды, называлась Ликіей; существовала еще Ликія въ Аттикѣ, и ликійцы на Критѣ [2]). Эти три племени, карійцы, ликійцы и лелеги такъ перемѣшались между собою съ самаго начала, что невозможно точно опредѣлить границы ихъ владѣній и часто приходится прилагать ко всѣмъ нимъ то, что, можетъ быть, относится только къ одному изъ нихъ.

Между тѣмъ какъ арійскіе переселенцы быстро подвигались съ сѣверо-запада къ юго-востоку, народы другого происхожденія шли имъ на встрѣчу въ діаметрально противоположномъ направленіи. Къ концу 18-й династіи, хетійскія племена проникли въ центръ Малой Азіи, а можетъ быть, даже доходили въ своихъ завоеваніяхъ и до береговъ Эгейскаго моря. Воспоминаніе о ихъ побѣдахъ скоро изгладилось, оставивъ только неопредѣленныя представленія въ умахъ послѣдующихъ поколѣній. Поэты эпохи Гомера смутно знали еще, что въ числѣ племенъ, явившихся на помощь Троѣ, были какіе-то кетеяне, предводитель которыхъ былъ убитъ Неоптолемомъ [3]). Обыкновенно же хетійцевъ смѣшивали съ ихъ египетскими и ассирійскими противникамъ и относили на счетъ послѣднихъ легенды, которыя, можетъ быть, имѣли отношеніе къ первымъ. Такъ, Сезострису приписывалось завоеваніе Малой Азіи и Ѳракіи [4]); а послѣдній союзникъ Пріама противъ грековъ былъ превращенъ въ царя Сузы, Мемнона, сына Авроры [5]).

---

[1]) Э. де-Руже, „Mémoire sur les attaques“, стр. 29—30; Финци, „Ricerche“ стр. 256.

[2]) Э. Курціусъ, „Die Jonier vor der jonischen Wanderung“, стр. 34—36.

[3]) Одиссея, XI, 519-521. Отождествленіе Κήτειοι съ Хети предложено Робіу, „Questions homériques“, 1876, стр. 64—65, и Гладстономъ, „Homeric Synchronisms“, 1876, стр. 174 и слѣд.; но названіе Киди болѣе соотвѣтствуетъ ороографіи греческаго слова Κήτειοι (см. стр. 215).

[4]) Геродотъ II, CVI (см. стр. 225).

[5]) То мѣсто у Геродота (II, CVI), въ которомъ онъ говоритъ, что въ барельефныхъ изображеніяхъ двухъ воиновъ на дорогѣ въ Сарды, одни видятъ Сезостриса, а другіе—Мемнона,—кажется мнѣ объясненіемъ той легенды, по которой Мемнонъ былъ начальникомъ хеттитовъ.

Вмѣсто историческихъ хроникъ, Хети оставили тамъ безчисленные памятники своихъ побѣдъ. Вездѣ, гдѣ бы они ни проходили, отъ горъ Киликіи до береговъ Эгейскаго моря, дорога усѣяна этими памятниками. Въ Ибризѣ, у ущелій Тавра, находится барельефъ съ надписью: царь поклоняется богу-солнцу, держащему въ своихъ рукахъ колосья и виноградъ [1]). Въ Иконіонѣ фигура воина какъ бы отправляетъ караулъ съ высоты каменной глыбы [2]). Въ Фригіи, Каппадокіи, Лидіи, вездѣ, гдѣ только находились какіе-нибудь стратегическіе пункты, для наблюденія ли за ущельями и дорогами или для прикрытія крѣпостей, — хети выгравировали на окружающихъ скалахъ фигуры своихъ царей и боговъ, сопровождаемыя часто надписями [3]). Но и здѣсь также мѣстное преданіе, забывшее ихъ имя, приписало другимъ заслугу сооруженія этихъ памятниковъ. Статуя богини, высѣченная въ скалѣ горы Сипилъ, близъ Магнезіи, считалась изображеніемъ Ніобы [4]); а оба завоевателя Карабела были, по мнѣнію однихъ, изображеніемъ Сезостриса, а по мнѣнію другихъ—изображеніемъ Мемнона [5]).

Финикіяне пристали къ берегамъ Малой Азіи какъ разъ въ то время, когда хети проникли во внутрь этой страны. Киликійцы, кажется, ничего не имѣли противъ того, чтобы впустить первыхъ въ свои города, и финикійскія факторіи — Кибира, Масура, Рускопусъ, Силіонъ, Мигдале, Фаселисъ и Сидима покрыли весь берегъ, противоположный Кипру [6]). Но ликійцы, вмѣсто того, чтобы радушно встрѣтить мореплавателей, привозившихъ имъ всѣ продукты восточныхъ цивилизацій, воспрепятствовали имъ завести свои колоніи въ Ликіи. На всемъ пространствѣ отъ Священнаго мыса до Книда была только одна значительная фини-

---

[1]) Девисъ, „On a new Hamathite inscription at Ibreez“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archoeologi“, т. IV, стр. 336—346.

[2]) Тексье. „Description de l'Asie Mineure“, т. II, стр. 103.

[3]) Сейсъ, „The Monuments of the Hittites“ (въ „Transactions of the Society of Biblical Archoeology“, т. VII, стр. 248—293) и Ленорманъ, „Sur un bas-relief découvert près de Roum-Qalah“ (въ „Gazette archéologique“, 1883, стр. 121 и слѣд.) даютъ систематическій каталогъ этихъ памятниковъ.

[4]) „Иліада“, XXIV, 614. Она снабжена хетійской надписью (Дж. Денисъ, въ „Proceedings of the Society of Biblical Archoeology“, № XX, стр. 49).

[5]) Геродотъ, II, CVI.

[6]) Моверсъ, „Die Phönizier“, т. II, ч. 2-я, стр. 346.

кійская факторія, Астира, напротивъ Родоса [1]). Карійцы оказали меньше сопротивленія. Они позволили сидонцамъ высадиться на Родосѣ, отодвинуть въ горы туземныхъ обитателей и овладѣть тремя гаванями: Ялисомъ, Линдосомъ и Камиросомъ [2]). Многіе изъ нихъ поступили на службу къ чужестранцамъ и, благодаря бракамъ, настолько слились съ ними, что иногда странѣ ихъ давали въ насмѣшку названіе финике, т.-е. финикійской земли [3]). Народъ, получившійся отъ этого смѣшенія, имѣлъ долгое время неизмѣримое значеніе для развитія цивилизаціи въ странахъ, прилегающихъ къ Эгейскому морю. Онъ далеко распространилъ свои колоніи, которыя были и въ Мегарѣ, и въ Аттикѣ, гдѣ нѣкоторыя знаменитыя фамиліи вели отъ него свое происхожденіе. Потомъ, значеніе его стушевалось, и онъ безслѣдно исчезъ, не завѣщавъ исторіи никакихъ болѣе или менѣе значительныхъ слѣдовъ своего существованія, какъ это обыкновенно бываетъ съ большинствомъ народовъ смѣшаннаго происхожденія. Прибытіе финикіянъ и толчокъ, данный ими, возродили карійцевъ для цивилизованной жизни; соединившись съ пришельцами, они объѣхали съ ними весь свѣтъ, но когда могущество финикіянъ начало ослабѣвать, стало падать и значеніе карійцевъ. Они исчезли изъ исторіи въ тотъ самый моментъ, когда послѣдняя эгейская колонія финикіянъ пала подъ наплывомъ греческой цивилизаціи.

По ту сторону Родоса два пути открывались для мореплавателей. Направляясь къ сѣверу, вдоль береговъ Азіи, корабли доходили до Геллеспонта. Часть финикійскаго флота отправилась по этому пути. Постоянно оттѣсняемые отъ материка туземнымъ населеніемъ, финикіяне вознаградили себя за это занятіемъ Спорадскихъ и Цикладскихъ островов, положеніе, а, можетъ быть, и естественныя богатства которыхъ привлекли къ себѣ ихъ вниманіе [4]). При содѣйствіи карійцевъ [5]), они колонизовали Делосъ,

---

[1]) Стефанъ Византійскій, подъ слов. Ἄστυρα; сравн. Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, ч. 2-я, стр. 247—257.

[2]) Діодоръ Сицилійскій, IV, 2, 5, и т. д.; Эргіасъ Родосскій у Атенея кн. VIII, стр. 360 и слѣд.

[3]) По Атенею (кн. III, стр. 174 и слѣд.), двое изъ древне-греческихъ поэтовъ, Коринна и Вакхилидъ, употребляли безразлично одно вмѣсто другого названія—карійцы и финикіяне.

[4]) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 262—263.

[5]) Θукидидъ, I, 8.

Рене, Паросъ и сосѣдніе островки. Оліаросъ достался Сидону [1]), а Мелосъ гиблитамъ [2]). Мелосъ давалъ въ изобиліи сѣру, квасцы и сукновальную глину и онъ имѣлъ такіе же богатые рудники, какъ Тера и Сифносъ. Въ Низирѣ и Гіаросѣ добывался пурпуръ; въ Косѣ, Аморгосѣ и Мелосѣ производились и красились матеріи. Всѣ эти острова представляли менѣе удобствъ для нападеній и болѣе удобствъ для защиты, чѣмъ факторіи на континентѣ [3]). Сидонцы не ограничились этимъ, они поднялись къ берегамъ Θракіи и занялись разработкой золотыхъ залежей въ Пангейскихъ горахъ. Они пытались также овладѣть Самофракіей, Лемносомъ и Тазосомъ, но безъ большаго успѣха: развитіе начатой ими здѣсь колонизаціи выпало на долю Тира.

Цикладскіе острова не были послѣднимъ предѣломъ колонизаторской дѣятельности финикіянъ. Вѣчно блуждая въ погонѣ за новыми рынками, они смѣло проникли въ узкій каналъ Геллеспонта и очутились въ просторномъ и спокойномъ бассейнѣ, окаймленномъ съ юга большими островами, которые легко было завоевать и сохранить за собою. Основавъ Лампсакъ и Абидосъ и тѣмъ упрочивъ за собой свободное плаваніе по проливу, финикіяне поселились въ Протектосѣ [4]), при входѣ въ Асканійскій заливъ, вблизи серебряныхъ рудниковъ, разработкой которыхъ занимались въ горахъ виθинійцы [5]). Въ глубинѣ этого перваго внутренняго моря они открыли другой каналъ, походившій скорѣе на устье большой рѣки, чѣмъ на проливъ; они съ трудомъ прошли черезъ него, ежеминутно опасаясь силою теченія быть разбитыми о береговыя скалы и рифы, которые, казалось, надвигались на нихъ съ цѣлью раздавить ихъ корабли [6]), и, наконецъ, очутились въ обширномъ, бурномъ морѣ, лѣсистые берега котораго безконечно тянулись къ востоку и западу. Они поплыли вдоль восточнаго берега, куда ихъ привлекала молва о богатыхъ рудникахъ Кавказа [7]), и привезли изъ этого далекаго плаванія скумбрію и сар-

---

[1]) Гераклидъ Понтійскій у Стефана Византійскаго подъ слов. Ὠλίαρος.

[2]) Стеф. Визант. подъ слов. Μῆλος; сравн. Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 130—131.

[3]) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 263—373.

[4]) Стеф. Визант., подъ слов. Πρόνεκτος.

[5]) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 295—297.

[6]) Сравн. легенду о Симплегадахъ, которыя раздавливали галеры при выходѣ изъ Босфора.

[7]) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 297—308.

дины, пурпуръ, янтарь, золото, серебро, свинецъ и олово; последнее было имъ необходимо для приготовленія бронзы; они его получали также сухимъ путемъ, черезъ Арменію и Сирію.

Съ Родоса, далеко по направленію къ югу, виднѣются вершины Критскихъ горъ. Въ то время, какъ одна часть финикійскаго флота открывала Понтъ-Эвксинскій, другая поплыла къ Криту и изслѣдовала его. Этотъ островъ, преграждающій на югѣ входъ въ Эгейское море, представляетъ какъ бы отдѣльный маленькій континентъ, вполнѣ удовлетворяющій потребностямъ своихъ жителей: на немъ есть и плодородныя долины, и покрытыя лѣсомъ горы. Туземцы, вытѣсненные изъ равнины финикіянами, укрылись въ недоступныхъ ущельяхъ Иды. Такъ какъ уженіе багрянокъ привлекало колонистовъ въ Итаносъ, то они утвердились на сѣверѣ — въ Лаппѣ и Каиратосѣ [1]), на югѣ — въ Фенике или Арадѣ, Гортинѣ и Лебенѣ, которые были отчасти захвачены, отчасти же основаны ими [2]). Съ Крита они перенеслись скоро на Киѳеру. Расположенная при входѣ въ Лаконскій заливъ, не дальше 10—12 килом. отъ континента, Киѳера служила мѣстомъ стоянки судовъ, отправлявшихся съ востока въ Италію или Сицилію [3]). Багрянка (murex brandaris), изъ которой добывался „пурпуръ островов" [4]), водилась здѣсь въ такомъ изобиліи, что одно время островъ этотъ назывался Порфироесса, „Пурпурнымъ" [5]). Финикіяне поселились здѣсь и построили святилище въ честь Астарты, бывшее, можетъ быть, первымъ храмомъ этой богини, воздвигнутымъ на греческой территоріи [6]). Отсюда они перешли на Іонійскіе острова, а затѣмъ въ Иллирію и Италію [7]). Континентальная Греція, затронутая уже занятіемъ Киѳеры на югѣ, и Цикладскихъ острововъ на востокѣ, не замедлила сама сдѣлаться предметомъ посѣщенія: финикіяне появились на Коринѳскомъ перешейкѣ и на прилегающихъ къ нему островкахъ, Эгинѣ и Саламинѣ, а также въ Арголидѣ и Аттикѣ. Очень популярная въ древности легенда утверждаетъ даже, что финикія-

1) Позднѣе Кносось.
2) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 258—261.
3) Ѳукидидъ, IV, 53.
4) Эзекіиль, XXVII, 7.
5) Стеф. Визант., подъ сл. Κύθηρα. Сравн. Клерманъ-Ганно. „Le Dieu Satrape et les Phéniciens dans le Péloponnèse", стр. 66 и сл.
6) Геродотъ, I, CV; Павзаній, I, 15, 5; III, 23, 1.
7) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 341—313.

нинъ Кадмъ, основатель Ѳивъ и изобрѣтатель письменъ, основалъ свою колонію въ самомъ центрѣ Беотіи [1]). Ни одна изъ этихъ финикійскихъ колоній не пережила вторженія дорянъ, но ихъ присутствіе среди первоначальнаго населенія Греціи имѣло такое крупное вліяніе на національный характеръ и религію эллинской расы, что фактъ этотъ сдѣлался предметомъ живого интереса и изслѣдованій со стороны ученыхъ, слишкомъ долго отрицавшихъ его.

Переселеніе народовъ Малой Азіи и Исходъ.

Реакція не заставила себя ждать. Съ одной стороны, это была реакція фригійцевъ и другихъ племенъ внутреннихъ областей Малой Азіи противъ хетійцевъ; съ другой стороны, реакція грековъ и прибрежныхъ жителей противъ финикіянъ. „Мы даемъ приморскимъ народамъ Малой Азіи, по крайней мѣрѣ тѣмъ, которые принадлежали къ фриго-пеласгической расѣ, названіе восточныхъ грековъ. Какъ ни различно держали себя эти народы относительно финикіянъ, всѣ они, безъ исключенія, сумѣли воспринять цивилизацію болѣе культурнаго народа и усвоить его ремесла и искусства. Занимаясь съ незапамятныхъ временъ рыболовствомъ, они научились у финикіянъ снабжать свои лодки килемъ, что дало имъ возможность предпринимать болѣе далекіе переѣзды; по образцу торговаго финикійскаго судна съ широкой кормой и округленными боками, они соорудили, такъ называемую ими, „морскую лошадь". Они научились управлять парусами одновременно съ веслами; находящійся на своемъ посту лоцманъ могъ теперь, не боясь ежеминутно всевозможныхъ случайностей, устремлять свои взоры на созвѣздія. Финикіяне открыли у полюса очень яркую звѣзду, которую считали самой вѣрной своей путеводительницей во время ночнаго плаванія; греки избрали себѣ путеводнымъ свѣтиломъ болѣе блестящее созвѣздіе, Большую Медвѣдицу, и хотя не проявили въ данномъ случаѣ такой вѣрности астрономическихъ наблюденій, какою отличались ихъ учителя, — финикіяне, — во всемъ остальномъ они сдѣлались ихъ по-

1) Моверсъ, „Die Phönizier", т. II, часть 2-я, стр. 85—92; Фр. Ленорманъ, „La Légende de Cadmus et les établissements phéniciens en Grèce", въ „Les Premières Civilisations", т. II.

слѣдователями и счастливыми соперниками. Благодаря этому, имъ удалось окончательно вытѣснить финикіянъ изъ своихъ морей, и вотъ почему, несмотря на все, находятъ такъ мало слѣдовъ финикійскаго владычества по берегамъ Іонійскаго моря" [1]).

Сидонцы и карійцы не преминули заняться профессіей морскихъ разбойниковъ въ Архипелагѣ. Подобно средневѣковымъ норманамъ, они далеко отправлялись на поиски за выгодными приключеніями; они блуждали вдоль береговъ, вѣчно на сторожѣ, выискивая удобный случай и всегда готовые на смѣлое предпріятіе. Если они не чувствовали себя достаточно сильными, то мирно высаживались на берегъ, раскладывали свои товары и, на худой конецъ, удовлетворялись получаемою при ихъ обмѣнѣ законной прибылью. Если же они были увѣрены въ успѣхѣ, то обыкновенно хищническіе инстинкты брали верхъ: они поджигали хлѣба, грабили города и уединенные храмы и захватывали все, что попадалось имъ подъ руку, преимущественно же женщинъ и дѣтей, которыхъ немедленно продавали въ рабство на восточныхъ рынкахъ, гдѣ этотъ живой товаръ цѣнился очень высоко. Греки „привыкли смотрѣть на морское разбойничество, какъ на всякое другое ремесло, какъ, напримѣръ, на ремесло охотника или рыбака; когда чужеземцы приставали къ берегу, ихъ добродушнѣйшимъ образомъ опрашивали (по утвержденію Гомера),—купцы они, или пираты?" Вскорѣ флотъ финикіянъ и ихъ факторіи въ свою очередь подверглись нападеніямъ, и цикладскіе острова были отвоеваны греками. Сидонцы стали думать только о томъ, какъ бы удержать за собою такіе болѣе значительные пункты, какъ Тазосъ—на сѣверѣ, Мелосъ и Тера—на Цикладскихъ островахъ, Родосъ и Киѳера—на югѣ. Этеокриты, подкрѣпленные, вѣроятно, переселенцами съ континента, изгнали ханаанскихъ колонистовъ, и освобожденный Критъ образовалъ государство, имѣвшее не меньше сотни городовъ, столицей котораго сдѣлался Кноссъ. „Первое государство древней Греціи было царствомъ островов и морскихъ побережій; первымъ царемъ ея былъ морской царь, Миносъ". Миносу приписывается честь уничтоженія морского разбойничества на островахъ Архипелага и обузданіе финикійскихъ и карійскихъ мореплавателей. Возвышеніе Крита положило конецъ сидонскому владычеству въ моряхъ Греціи: нѣсколько удержавшихся коегдѣ колоній существовали только въ силу дѣлаемыхъ имъ уступокъ [1]). Намъ ничего неизвѣстно о войнахъ внутреннихъ народовъ Малой Азіи противъ хетійцевъ. Постоянный наплывъ ѳракійскихъ племенъ не могъ не произвести глубокаго измѣненія во взаимныхъ отношеніяхъ народовъ, жившихъ до того времени на берегахъ Эгейскаго моря. Приходилось очистить мѣсто новымъ пришельцамъ. Меоніи, Тирсеніи, Троадѣ и Лидіи приходилось удалять изъ своихъ предѣловъ значительную часть своего населенія [2]). Согласно мѣстнымъ преданіямъ, Манесъ, сынъ Зевса и Земли, сочетался съ Котидой изъ Каллироэ, дочерью Океана. Котида родила Азіоса, героя, давшаго имя Азіи [3]), и Атиса, основавшаго въ Лидіи династію Атіадовъ. Каллиѳея, дочь Тиллоса и жена Атиса, произвела на свѣтъ двухъ сыновей, носившихъ, по мнѣнію однихъ, имена Тирсеноса, или Тирреноса, и Лидоса [4]), а по мнѣнію другихъ, Торребоса и Лидоса [5]). Изслѣдованіе этой генеалогіи доказываетъ, что сначала на западномъ берегу Малой Азіи жилъ народъ, по имени Меоны, дѣлившійся на нѣсколько племенъ: Лидійцевъ, Тирсеновъ или Тирреновъ (Турса), Торребовъ и Сардановъ (или Шардановъ). Нѣкоторыя изъ нихъ, тѣ, которыхъ тянуло къ морю влеченіе къ жизни морскихъ разбойниковъ, покинули родину и отправились искать счастья на чужбину. „Во времена Атиса, сына Манеса [6]), былъ сильный голодъ во всей Лидіи... Царь рѣшился раздѣлить свой народъ на двѣ половины и бросить жребій, которая изъ нихъ должна оставаться, а которая выселиться изъ страны. Онъ оставался царствовать надъ остающейся половиной населенія, эмигрантамъ же назначилъ въ начальники сына своего, Тирсеноса. Когда жребій былъ вынутъ, тѣ, кому пришлось эмигрировать, спустились въ Смирну, выстроили тамъ суда, нагрузили ихъ всѣмъ, что было имъ необходимо, и отправились на поиски за богатствомъ и гостепріимной землей. Миновавъ много народовъ, они достигли

---

[1]) Э. Курціусъ, „Gri chische Geschichte", т. I, стр. 37—38.

[1]) Э. Курціусъ, „Griechische Geschichte" т. I, стр. 58—62.

[2]) Относительно египетскихъ источниковъ, см. Э. де Руже. „Extrait d'un Mémoire sur les attaques", „Revue archéologique", сентябрь 1867; Шабасъ, „Etudes sur l'autiquité historique", стр. 191 и сл.; Масперо, въ „Revue critique", 1873, т. I, стр. 84—86; 1878, т. I, стр. 320; 1880, т. I, стр. 100—110.

[3]) Названіе Азія кажется мнѣ однозначащимъ съ именемъ Аси (некстати читаемыхъ Асеби), которое Египтяне примѣняли къ островку Кипру, а также, я думаю, къ финикійскимъ колоніямъ азіатскаго берега.

[4]) Геродотъ, I, XCIV.

[5]) Ксантосъ Ликійскій, у Дениса Галикарнасскаго, Ant. Rom.", I.XXVIII.

[6]) По другимъ генеалогіямъ, Атисъ былъ внукъ Манеса.

Омбріи, гдѣ основали города, въ которыхъ живутъ еще и теперь. Они оставили свое прежнее названіе Ликійцевъ и стали называться тирсенійцами, въ честь царскаго сына, бывшаго ихъ руководителемъ“ [1]). Но что бы ни говорилъ Геродотъ, переселеніе это произошло не вдругъ и не въ одномъ направленіи: оно продолжалось около двухъ вѣковъ, со временъ Сети I до Рамзеса II, и распространилось на самыя различныя области. Указываютъ на существованіе нѣкогда тирренскихъ пеласговъ на Имбросѣ и Лемносѣ, въ Самофракіи и Колхидѣ, на берегахъ и островахъ Пропонтиды, на Киѳерѣ и въ южной оконечности Лаконіи. Прибывъ въ Африку, они соединились съ ливійцами и напали на Египетъ въ концѣ царствованія Сети I. Мы уже видѣли, что они были такъ энергично отражены, что не рѣшались болѣе на нападенія въ царствованіе Рамзеса II. Шарданы, взятые въ плѣнъ въ эту кампанію вошли въ составъ египетской арміи и отличились въ войнѣ съ хетійцами. Здѣсь они столкнулись съ ликійцами, мизійцами и троянцами, которые задумали сухимъ путемъ и съ помощью сирійцевъ произвести то, чего не удалось сдѣлать морскимъ народамъ при помощи ливійцевъ. Пораженіе при Кодшу отвратило троянцевъ отъ далекихъ экспедицій. Побѣда, одержанная египетскими войсками, отразилась и на берегахъ Эгейскаго моря; она расторгла тѣ узы дружбы или вассальной зависимости, которыя связывали прибрежные народы этого моря съ ихъ хетійскимъ сюзереномъ. Египетскіе поэты были отчасти правы, говоря, что Рамзесъ „сломалъ навсегда спину Хети“.

Во время заключенія договора съ Хетисаромъ, Рамзесу II было, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ, изъ которыхъ 40 онъ провелъ въ войнахъ [2]). Понятно, что онъ чувствовалъ потребность въ отдыхѣ, а потому передалъ царскую власть одному изъ своихъ сыновей. Такъ какъ три первые его сына умерли, онъ избралъ въ цари, около XXX года своего царствованія, четвертаго сына, Хамоиса (Хамуаса) [3]), который былъ въ то время главнымъ жрецомъ въ Мемфисѣ. Царствованіе Хамоиса продолжалось до самой его смерти въ LV году [4]), затѣмъ скипетръ перешелъ къ

[1]) Геродотъ, кн. I, XCIV.

[2]) Масперо, „Essai sur l'inscription d'Abydos“. стр. 80.

[3]) Относительно произношенія этого имени см. Масперо, „Une Page du roman de Santi“, въ „Zeitschrift“, 1877, стр. 143.

[4]) Хамоисъ былъ похороненъ не въ Серапеумѣ, какъ утверждаютъ Бругшъ

тринадцатому сыну Рамзеса, Менефтѣ (Минефта). Провозглашенный наслѣдникомъ престола въ очень юныхъ годахъ, украшенный самыми почетными титулами, Минефта раздѣлялъ съ принцессой Бит-Анати и принцемъ Хамоисомъ, которые были такъ же, какъ и онъ, дѣтьми царицы Исинофриты (Изинoферты), особенную благосклонность Сезостриса. По крайней мѣрѣ его неоднократно величаютъ княземъ, „который появился, какъ Фта, среди людей, чтобы установить совершенные законы въ обѣихъ земляхъ“. Онъ былъ соправителемъ своего отца впродолженіе двѣнадцати лѣтъ, съ LV по LXVII годъ, и сдѣлался царемъ по смерти Рамзеса, получивъ при этомъ титулы Бинри-Минутиру (Банра-Мернутеру), сына Солнца, Минефта Готфимаитъ (Менефта готепъ-ги-ма). При своемъ воцареніи Минефта не былъ уже молодымъ человѣкомъ. Такъ какъ онъ родился не позже, какъ въ первые годы царствованія своего отца, ему было уже шестьдесятъ лѣтъ, если не больше: это былъ старецъ, наслѣдовавшій другому старцу въ тотъ моментъ, когда Египту необходимъ былъ молодой и дѣятельный правитель. Тѣмъ не менѣе первые годы были довольно счастливы. Внѣ предѣловъ государства сирійскіе гарнизоны не подвергались нападеніямъ [1]): хети, удрученные голодомъ, получили отъ египтянъ помощь хлѣбомъ и изъ чувства признательности не нарушали мира. Внутри страны продолжались большія сооруженія въ Ѳивахъ, Абидосѣ, Мемфисѣ и въ особенности въ Дельтѣ, гдѣ Минефта, по примѣру своего отца, утвердилъ свою резиденцію. Все, казалось, предвѣщало, если не славное, то, по крайней мѣрѣ, мирное царствованіе. Но народы Малой Азіи и Ливіи успѣли уже оправиться отъ своего пораженія при Сети и Рамзесѣ II. Присутствіе на престолѣ стараго царя еще сдерживало ихъ, но съ воцареніемъ Минефты они отважились на новую попытку. Вдругъ, въ V году [2]) въ Ѳивы пришла вѣсть, что флотъ Архипелага высадился на берегахъ Ливіи съ отрядами тирсеновъ, шардановъ и ликійцевъ въ сопровожденіи, неизвѣстныхъ до сихъ

и Марьеттъ: намъ удалось найти остатки его гробницы въ Кафръ-эльБатранѣ, близъ большой гизехской пирамиды.

[1]) „Pap. Anastasi III“, обратная сторона, стр. 5—6; сравн. Шабасъ, „Recherches pour servir à l'histoire de la dix-neuvième dynastie“, стран. 95 и слѣд. Эрманъ, „Tagebuch eines Grenzbeamtei“, „Zeitschrift“, 1879, стр. 29 и слѣд.

[2]) Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Zeitschrift“, стр. 1881; 1883, стр. 65.

поръ египтянамъ союзниковъ, Акайушей и Шакалушей [1]). Ливійскій царь, Мимайу (Мермайу) сынъ Диди (Деида) [2]), присоединился къ нимъ съ Темигу (Тамагу), Машуашами и Кагаками, и всѣ вмѣстѣ двинулись къ долинѣ Нила. Эта армія состояла изъ отборныхъ отрядовъ; воины были выбраны изъ лучшихъ скороходовъ своего племени. Они отправились съ твердымъ намѣреніемъ совершить не простой набѣгъ, но завоевать Дельту и основать въ ней свои колоніи.

Вѣсть о ихъ приближеніи навела ужасъ на Египетъ. Полувѣковой миръ, продолжавшійся съ XXI года царствованія Рамзеса II, охладилъ воинственный пылъ египтянъ. Армія была сокращена, вспомогательныхъ войскъ не было; плохо поддерживаемыя крѣпости оставляли границы открытыми. Первымъ движеніемъ номовъ, которымъ прежде всего угрожала опасность,—было сдаться безъ битвы. Минефта, поспѣшившій на мѣсто опасности, возстановилъ порядокъ и дисциплину. Онъ собралъ и пополнилъ армію, вызвалъ изъ Азіи наемныя войска и отправилъ впередъ свою кавалерію, съ приказаніемъ немедленно извѣщать о малѣйшемъ движеніи непріятеля. Самъ же онъ съ главными силами войска остался для прикрытія Мемфиса, и укрѣплялъ большой рукавъ Нила, чтобы, по крайней мѣрѣ, восточную часть Дельты оградить отъ вторженій. Едва только окончились приготовленія, какъ непріятель появился уже въ Пирисопитѣ (Просописѣ) [3]) и разсѣялся по всѣмъ прилегающимъ окрестностямъ, какъ бы собираясь поселиться здѣсь. Минефта выставилъ сначала противъ него свою кавалерію съ вспомогательными отрядами, обѣщая генераламъ авангарда прійти къ нимъ на помощь съ остальными войсками черезъ 14 дней. Въ этотъ промежутокъ времени ему явился во снѣ богъ Фта и запретилъ ему показываться на полѣ сраженія [4]). Это неблагопріятное обстоятельство не охладило, повидимому, рвенія египтянъ; 3-го эпифи, послѣ шестичасоваго боя, они нанесли союзникамъ полное пораженіе. Гвардія Мирмайу была опрокинута и уничтожена, а самъ онъ принужденъ былъ спасаться бѣгствомъ, оставивъ свой лукъ, колчанъ и палатку. Лагерь сдѣлался добычей египтянъ: варвары, неотступно преслѣдуемые египетской кавалеріей, никакъ не

[1]) Имя города Сигалососа въ Пизидіи, Масперо, въ „Revue critique. 1881, т. I, стр. 109—110.
[2]) Гудвинъ, въ „Zeitschrift“, 1868, стр. 39.
[3]) Бругшъ, въ „Zeitschrift“, 1867, стр. 98.
[4]) Э. де Руже „Mémoire sur les attaques“, стр. 9.

могли соединиться въ стройную армію и покинули страну, не успѣвъ завладѣть ею. Начальникъ ливійцевъ едва успѣлъ спастись здравымъ и невредимымъ. Извѣстіе объ этой побѣдѣ преисполнило Египетъ энтузіазмомъ, который былъ тѣмъ искреннѣе, чѣмъ сильнѣе былъ предшествовавшій ему ужасъ. Возвращеніе въ Ѳивы царя и его конвоя было безконечнымъ тріумфомъ. „Онъ очень силенъ, Банри ж. з. с.; очень осмотрительны его намѣренія; слова его благодѣтельны, какъ Тотъ; все, что онъ предпринимаетъ, исполняется. Когда онъ появляется во главѣ своихъ стрѣлковъ, его слова проникаютъ черезъ стѣны. Друзья тѣхъ, кто согнулъ свою спину передъ Міамуномъ ж. з. с.,—его храбрые солдаты, щадятъ всѣхъ, кто преклонился передъ его храбростью и силой; они устремляются на ливійцевъ, истребляютъ сирійцевъ. Шарданы, которыхъ ты возвратилъ къ повиновенію силой своего меча, берутъ въ плѣнъ своихъ единоплеменниковъ. Блаженъ твой торжественный возвратъ въ Ѳивы! Твою колесницу люди везутъ на себѣ; побѣжденные начальники пятятся передъ тобой, когда ты ведешь ихъ къ твоему почтенному отцу, Аммону, мужу твоей матери“ [1]).

Эта побѣда освободила страну отъ вражескаго вторженія, но, чтобы вывести ее изъ того состоянія оцѣпенѣнія, о которомъ свидѣтельствуютъ надписи, нужна была болѣе твердая рука, чѣмъ рука 60—70-лѣтняго старца. Слабость Минефты оживила надежды князей, считавшихъ себя законными претендентами на престолъ: кажется даже, что нѣкоторые изъ нихъ еще при жизни его открыто заявили о своихъ притязаніяхъ. На одномъ изъ абидосскихъ памятниковъ, хранящемся въ Булакскомъ музеѣ, первый царскій министръ, Рамзесемпиринри (Рамезесъ-ем-пер-ен-Ра), прозванный Миріу, сопровождаетъ свое имя слѣдующей, обыкновенно не употреблявшейся, формулой: „любимый Рамзесомъ Міамуномъ, какъ солнце, во вѣки“. „Припомнивъ, что Рамзесъ II былъ обоготворенъ и добавивъ послѣ формулы „любимый Рамзесомъ, Міамуномъ“ слова „та-анхъ“ (животворитель), мы все-таки не можемъ понять, какимъ образомъ простой смертный, какую бы высокую должность онъ ни занималъ, могъ присвоить себѣ титулъ, принадлежащій только царямъ. За отсутствіемъ подлинныхъ доказа-

[1]) „Pap. Anastasi II“, табл. IV, стр. 4; табл. V, строк. 4. Сравн. Э. де-Руже, „Mémoire sur les attaques“, стр. 35 — 36; Масперо, „Du genre épistolaire“, стр. 82—83; Шабасъ, „Recherches pour servir à l'histoire de la 19-me dynastie“, стр. 93—94.

тельствъ, намъ трудно опредѣлить, въ чемъ состояла узурпація, на которую указываетъ этотъ памятникъ" [1]). Впрочемъ, этотъ Рамзесемпиринри вмѣсто того, чтобы быть узурпаторомъ, былъ, можетъ быть, просто вице-королемъ, облеченнымъ исключительными титулами и такими же полномочіями, какими самъ Минефта пользовался при жизни своего отца.

Если даже и допустить, что въ царствованіе Минефты не было еще болѣе или менѣе замаскированныхъ поползновеній къ узурпаціи, то все-таки нельзя отрицать того, что подобныя попытки имѣли мѣсто послѣ его смерти [2]).

Сквозь мракъ, покрывающій эту эпоху, выступаетъ слѣдующій болѣе или менѣе достовѣрный фактъ. Сети II, сынъ Минефты, бывшій при жизни отца княземъ кушитскимъ и его предполагаемымъ наслѣдникомъ [3]), не сразу вступилъ на египетскій тронъ. Онъ былъ оттѣсненъ отъ престола нѣкіимъ Аменмоссу (Аменмезессомъ), сыномъ или внукомъ одного изъ дѣтей Рамзеса II, умершихъ раньше отца [4]). Аменмоссу царствовалъ нѣсколько лѣтъ не только въ Ѳивахъ, но, можетъ быть, и во всемъ Египтѣ. Его преемникъ, Минефта II Сифта, утвердился „на престолѣ своего отца", благодаря преданности своего министра Бай [5]), а также, вѣроятно, благодаря своей женитьбѣ на царицѣ Таусритъ (Таузертъ), имя которой всегда сопровождаетъ его имя. Онъ управлялъ Эѳіопіей и хвастался, что принималъ посольства отъ всѣхъ народовъ [6]). Кажется, что между сторонниками этого царя, съ одной стороны, и сторонниками сыновей Минефты — съ другой былъ заключенъ родъ сдѣлки: какой-то Сети, можетъ быть даже и Сети II, жилъ при дворѣ Сифты въ званіи „князя кушитскаго, управляющаго принадлежавшими Аммону золотыми розсыпями, хранителя царскаго опахала по правую руку царя, управляющаго дворцомъ и директора царской библіотеки". Единственный точный годъ, относящійся къ царствованію этихъ узурпаторовъ, это III годъ царствованія Сифты; списки же Манеѳона отводятъ всѣмъ этимъ царствованіямъ не болѣе двадцати лѣтъ. Послѣ смерти послѣдняго изъ нихъ, Сети II вступилъ, наконецъ, на престолъ благодаря или удачному государственному перевороту, или соглашенію между двумя враждебными линіями. Одна надпись II года приписываетъ ему побѣды надъ чужеземными народами [1]), а одинъ изъ папирусовъ Британскаго музея восхваляетъ его величіе въ краснорѣчивыхъ выраженіяхъ. Я не знаю, въ какой степени слѣдуетъ довѣряться этимъ указаніямъ: торжественный гимнъ, находящійся въ папирусѣ Анастасія IV, есть лишь дословная копія съ побѣднаго гимна, посвященнаго нѣкогда Минефтѣ, и только благодаря простой замѣнѣ именъ, отнесеннаго къ Сети II. Нѣсколько документовъ, относящихся къ этой эпохѣ, указываютъ на смуты и узурпаціи, аналогичныя съ тѣми, которыя омрачали послѣдніе годы царствованія Минефты. Если не соглашаться съ тѣмъ, что Сети II родился въ то время, когда его отецъ находился уже въ преклонномъ возрастѣ и что онъ въ продолженіе 10 — 12 лѣтъ былъ оттѣсняемъ отъ престола честолюбіемъ своихъ родственниковъ, то нужно допустить, что этотъ государь былъ уже, вѣроятно, не молодъ, когда отецъ его вступилъ на царство и, слѣдовательно, самъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ достигъ царской власти; поэтому онъ не могъ обладать необходимой энергіей, чтобы устоять передъ грозой. Одна изъ Луврскихъ статуэтокъ изображаетъ человѣка, сидящаго на корточкахъ и сжимающаго между колѣнями наосъ, на которомъ фигурируетъ богъ Фта - Сокари. Гербы царя Сети II изображены на плечахъ этого человѣка и опредѣляютъ эпоху, къ которой относитъ его статуэтка; имя его читается Аіари. „Его титулы такъ высоки, что его можно было бы принять за самого наслѣднаго принца, если бы сильныя смуты, послѣдовавшія за царствованіемъ Минефты, непозволяли намъ предположить здѣсь незаконную узурпацію этихъ титуловъ. Кромѣ обыкновенныхъ титуловъ, присвоенныхъ первосвященнику Мемфиса, которые этотъ субъектъ считаетъ своимъ наслѣдственнымъ правомъ, онъ величаетъ себя еще наслѣдникомъ обители бога Себа

---

[1]) Марьеттъ, „Catalogue du Musée du Boulaq", стр. 156.

[2]) Шабасъ („Recherches pour servir à l'histoire de la 19-me dynastie, стр. 114—118), понимаетъ совершенно иначе исторію этой эпохи. Впредь до могущей произойти новой постановки вопроса, я принимаю систему Э. де-Руже, „Etude sur une stèle", стр. 185 и слѣд.

[3]) По крайней мѣрѣ, титулы эти выставлены рядомъ съ его именемъ на принадлежавшемъ ему экземплярѣ „*Сказки о двухъ братьяхъ*", сохранившейся до нашего времени.

[4]) Сравн. по этому поводу Г. Масперо, „Lettre à M. G. d'Eichthal, sur les conditions de l'histoire d'Egypte, qui peuvent servir à expliquer l'Exode du peuple hébreu", стр. 40—43.

[5]) Лепсіусъ, „Denkm.", Ш, 202 с.

[6]) Тамъ же, 201 а.

[1]) Лепсіусъ, „Denkm.", Ш, 204. Сравн. съ легендами и гипогеѣ (подъемномъ храмѣ) у Шамполіона, „Not. Desc.", т. I, стр. 459.

(въ Египтѣ) и верховнымъ наслѣдникомъ обѣихъ странъ. Конецъ надписи отбитъ, но въ ней нѣтъ никакихъ указаній на родство неизвѣстнаго съ царской фамиліей, несмотря на присвоенные ему столь высокіе титулы“ [1]).

Всѣ эти разнообразныя причины, т. е. безсиліе дряхлыхъ царей, неповиновеніе разныхъ чиновниковъ, узурпаціи побочныхъ династій, почти полвѣка терзавшія Египетъ, повели за собой, наконецъ, въ царствованіе Сети II или непосредственно тотчасъ по его смерти, полное разложеніе—не скажу египетской имперіи, но собственно Египта. „Страна Кимитъ была брошена на произволъ судьбы; жители ея не имѣли уже верховнаго правителя въ продолженіе многихъ лѣтъ, пока не настали другія времена, потому что страна Кимитъ была въ рукахъ князей отдѣльныхъ номовъ, которые, и большіе и малые, убивали другъ друга. Потомъ наступили другія времена, годы ничтожества [2]), когда одинъ сиріецъ, по имени Ирису (Арибу) [3]), сдѣлался начальникомъ надъ князьями номовъ и заставилъ всю страну воздавать себѣ почести: люди вступали между собою въ заговоръ, чтобы удобнѣе грабить другого, а такъ какъ съ богами обходились такъ же, какъ и съ людьми, то, въ храмахъ перестали приноситься жертвы“ [4]). Слова эти очень выразительны и доказываютъ полную анархію. Они показываютъ намъ, какъ легко распадалась совокупность номовъ, составлявшихъ Египетъ, лишь только ослабѣвала центральная власть. Сезострисъ побѣдоносно прошелъ Азію и Африку во главѣ своей арміи, а менѣе чѣмъ черезъ пятьдесятъ лѣтъ послѣ его смерти Египетъ былъ уже раздробленъ на части. „Предположите, что пустыня превратилась въ плодоносную равнину, а горы понизились, писалъ лѣтописецъ того времени, варвары сейчасъ же пришли бы въ Египетъ“. Но не надо было и такихъ чудесъ для того, чтобы произошло иноземное вторженіе. Со времени Рамзеса II военное могущество фараоновъ и ихъ господство за предѣлами Египта быстро пали. Минефта еще тщательно поддерживалъ союзъ съ хетійцами и содержалъ гарнизоны въ главныхъ городахъ южной

1) Э. де-Руже, „Notice des monuments“, изд. 3-е, стр. 37—38, A. 71.

2) Буквально: „*пустые* годы“.

3) Имя сына Гамона.

4) Большой Папирусъ Гарриса, таб. LXXV, строк. 2—6. Сравн. Эйзенлоръ. „On the political condition of Egypt before the reign of Ramses III“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. I, стр. 355—384, и Шабасъ, „Recherches pour servir à l'histoire de la 19-me dynastie“, стр. 1—23.

Сиріи. Но что касается Аменмоссу, Сифты и даже самого Сети II-го, то хотя и находятъ многочисленныя свидѣтельства одержанныхъ ими побѣдъ, нѣтъ никакихъ указаній на предпринимаемыя ими большіе заграничные походы. Безъ сомнѣнія, понадобилось отозвать отряды изъ сирійскихъ провинцій для удовлетворенія нуждъ гражданскихъ войнъ. Когда чужеземные народы, до сихъ поръ неудачно пытавшіеся вернуть себѣ независимость, рѣшились снова возстать, они встрѣтили только самое слабое сопротивленіе и на время успѣли въ своихъ предпріятіяхъ.

Пользуясь возникшими смутами и вторженіемъ чужеземцевъ, рабы, приведенные въ Египетъ фараонами 18-й и 19-й династіи, возстали во всѣхъ концахъ имперіи. „Говорятъ, что вавилонскіе плѣнники Сезоозиса возмутились противъ царя, не будучи въ состояніи выносить болѣе тѣхъ работъ, на которыя ихъ обрекли. Они овладѣли хорошо укрѣпленнымъ постомъ, возвышавшимся надъ рѣкою, и дали египтянамъ нѣсколько сраженій; они разорили всю прилегающую страну, а, впослѣдствіи, когда ихъ простили, колонизовали ее и назвали Вавилономъ, въ память своего отечества“. О сосѣднемъ городкѣ Троѣ разсказывали тоже аналогичную исторію [1]). Обреченные добывать камни, выдѣлывать кирпичи, рыть каналы, строить храмы, дворцы и крѣпости, рабы влачили тягостное существованіе и только, благодаря бдительному надзору, находились въ повиновеніи и исполняли свои обязанности [2]). Они пользовались первой возможностью возмутиться и бѣжать. Число ихъ было громадно, особенно въ Нижнемъ Египтѣ, куда фараоны переселили цѣлыя племена ливійскаго и семитическаго происхожденія, Фонху и Мазіу. Между ними были и дѣти Израиля, по крайней мѣрѣ, тѣ изъ нихъ, которые предпочли остаться въ Египтѣ послѣ изгнанія кочевниковъ. Обращенные въ общественныхъ рабовъ, они вскорѣ пожалѣли о времени тѣхъ фараоновъ, которые „знали объ Іосифѣ“ [3]). Рамзесъ II, болѣе чѣмъ кто либо другой, жестоко притѣснялъ ихъ; лишенный, благодаря миру съ хетійцами, того источника рабства, который представляла для него война съ ними, онъ употреблялъ въ качествѣ

1) Діодоръ Сицилійскій, кн. I, 56. Троя—это египетскій городъ Туру (Бругшъ, „Zeitschrift“, 1867, стр. 89 и слѣд.); Вавилонъ, вѣроятно, Хабонбенъ, называемый также Ха-бобенъ, Ха-боберъ.

2) См. относительно этого у Шабаса, „Mél Egypt.“, 2-я серія, стр. 108—165.

3) Исходъ, I, 8.

работниковъ при постройкѣ своихъ памятниковъ египтянъ и въ особенности иноземныя племена, поселенныя въ Египтѣ. Національныя преданія евреевъ рисуютъ въ самыхъ печальныхъ краскахъ тѣ плачевныя условія, при которыхъ еврейскій народъ жилъ въ то время въ Египтѣ; „И поставили надъ нимъ начальниковъ работъ, чтобы изнуряли его тяжкими работами. И онъ построилъ фараону крѣпости Пиѳомъ и Раамзесъ, города для запасовъ. Но чѣмъ болѣе изнуряли его, тѣмъ болѣе онъ умножался и тѣмъ болѣе возрасталъ, такъ что египтяне опасались сыновъ Израилевыхъ. И потому египтяне съ жестокостью принуждали сыновъ Израилевыхъ къ работамъ и дѣлали жизнь ихъ горькою, обременяя тяжкой работой надъ глиной и кирпичами и всякой работой полевой, всякой работой, къ которой принуждали ихъ съ жестокостью [1]). Такъ же какъ и другіе плѣнники, евреи ждали только случая, чтобы вырваться изъ жестокаго рабства.

Наиболѣе достовѣрное преданіе относитъ Исходъ къ царствованію Минефты [2]). Этотъ царь былъ якобы библейскимъ фараономъ, запретившимъ евреямъ совершать жертвоприношенія въ пустынѣ. Но принимая во вниманіе извѣстные до сихъ поръ памятники этой эпохи, мы не находимъ еще въ то время признаковъ столь полнаго разложенія Египта, при которомъ возможно было бы удачное возстаніе и бѣгство даже такого незначительнаго племени, какимъ были евреи въ Египтѣ. Вторженіе приморскихъ народовъ было направлено на западные предѣлы Дельты, причемъ послѣдніе никогда не проникали до страны Гошенъ, гдѣ, согласно еврейскимъ книгамъ, сосредоточилось большинство еврейскаго народа. Нашествіе это продолжалось не настолько долго, чтобы находившійся въ рабствѣ чужеземный народъ успѣлъ сообразить удобство этого момента и принять необходимыя мѣры для своего освобожденія. Слѣдовательно, врядъ ли въ царствованіе Минефты евреи могли совершить безнаказанно свой трудный исходъ, когда побѣда, одержанная надъ пришельцами со стороны моря, подняла опять на нѣкоторое время престижъ египетскаго оружія, и когда всѣ силы Египта были наготовѣ и легко могли подавить возникшее движеніе. Только въ года, непосредственно предшествовавшіе и послѣдовавшіе за смертью Сети II, сгруппировались

[1]) Исходъ, I, 11—14.

[2]) Э. де-Руже, „Examen critique de l'ouvrage de M. le chevalier de Bunsen" часть 2-я, стр. 74.

всѣ благопріятныя для исхода условія: разложеніе и расчлененіе египетской имперіи, чужеземное вторженіе и продолжительная война съ врагами, разорившая всю Дельту. Весьма понятно, что среди всеобщаго безпорядка чужеземное племя, выведенное, наконецъ, изъ терпѣнія преслѣдованіями египтянъ, могло покинуть свои поселенія и направиться къ пустынѣ, не встрѣтивъ энергическаго препятствія со стороны прежнихъ своихъ властителей, которымъ самимъ угрожала слишкомъ большая опасность, чтобы особенно безпокоиться о бѣгствѣ толпы рабовъ.

Національное преданіе евреевъ разсказываетъ, что фараонъ, обезпокоенный сильнымъ размноженіемъ израильтянъ, издалъ повелѣніе убивать всѣхъ новорожденныхъ дѣтей мужскаго пола. Одна женщина изъ колѣна Левина три мѣсяца скрывала своего сына, потомъ положила его въ тростниковую корзину и спустила ее въ Нилъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ дочь фараона имѣла обыкновеніе купаться. Принцесса сжалилась надъ ребенкомъ и взяла его къ себѣ; она назвала его Моисеемъ, что значитъ „спасенный изъ воды", и воспитала въ своемъ дворцѣ, давъ ему превосходное образованіе, познакомившее его со всей египетской мудростью. Моисею было уже сорокъ лѣтъ, когда однажды, увидѣвъ, какъ египтянинъ билъ еврея, убилъ обидчика и спасся бѣгствомъ въ Синайскую пустыню. Онъ пробылъ сорокъ лѣтъ въ изгнаніи; однажды Богъ явился ему въ горящемъ кустѣ и приказалъ вывести народъ свой изъ Египта. Моисей и братъ его Ааронъ отправились къ фараону и просили разрѣшенія для евреевъ приносить жертвы Богу въ пустынѣ. Но для того, чтобы получить это разрѣшеніе, котораго царь не хотѣлъ дать добровольно, имъ пришлось подвергнуть нильскую долину десяти легендарнымъ казнямъ и уничтожить при этомъ всѣхъ первенцевъ египетского народа. Преслѣдуемые фараономъ, евреи прошли по суху по дну Краснаго моря, воды котораго разступились передъ ними и, пропустивъ ихъ, поглотили погнавшихся за ними египтянъ [1]). Тогда Моисей и дѣти Израиля пропѣли Богу слѣдующій гимнъ: „Пою Господу, ибо Онъ высоко превознесся; коня и всадника его ввергнулъ въ море. Господь крѣпость моя и слава моя. Онъ былъ мнѣ спасеніемъ. Онъ Богъ мой, и прославлю Его, Богъ отца моего, и превознесу Его. Господь мужъ брани, Іегова имя Ему. Колесницы фараона и войско его ввергнулъ Онъ въ море, и избранные

[1]) Исходъ I, 14.

военачальники его потонули въ Чермномъ морѣ. Пучины покрыли ихъ: они пошли въ глубину, какъ камень... Врагъ сказалъ: погонюсь, настигну, раздѣлю добычу; насытится ими душа моя, обнажу мечъ мой, истребитъ ихъ рука моя. Ты дунулъ духомъ Твоимъ, и покрыло ихъ море: они погрузились, какъ свинецъ, въ великихъ водахъ" [1]).

Въ такомъ видѣ представляли себѣ евреи исторію своего исхода изъ Египта въ тотъ моментъ, когда были написаны ихъ священныя книги, сохранившіяся въ своей первоначальной формѣ до нашего времени. Одинъ только фактъ этого разсказа не подлежитъ сомнѣнію,—это бѣгство толпы евреевъ, измученныхъ тяжелыми условіями жизни въ Египтѣ и воспользовавшихся возникшими смутами, чтобы скрыться въ пустыню. Египтяне сначала удивились, а потомъ и думать перестали о дальнѣйшей судьбѣ своихъ бѣглыхъ рабовъ. Но позднѣе, около македонской эпохи, когда евреи стали играть нѣкоторую роль при Птоломеяхъ,—стали искать въ египетскихъ лѣтописяхъ упоминанія объ исходѣ. Еврейское преданіе, удачно соединенное съ нѣкоторыми историческими и легендарными данными Египта, доставило Манееону матеріалы для новой версіи, еще болѣе удивительной, чѣмъ предыдущая. Царь Аменофисъ, говоритъ Манееонъ, возымѣлъ желаніе созерцать боговъ, какъ дѣлалъ это Горосъ, одинъ изъ его предковъ. Ясновидящій, съ которымъ онъ совѣтовался по этому поводу, сказалъ ему, что для этого онъ долженъ прежде всего освободить страну отъ прокаженныхъ и другихъ нечистыхъ людей. Вслѣдствіе этого Аменофисъ велѣлъ собрать 80 тысячъ египтянъ, страдавшихъ различными тѣлесными недостатками, и ввергнуть ихъ въ Турахскія каменоломни. Между ними были жрецы, и это святотатство оскорбило боговъ. Ясновидящій, опасаясь ихъ гнѣва, написалъ пророчество, въ которомъ объявлялъ, что нѣкоторые люди соединятся съ нечистыми и будутъ господствовать надъ Египтомъ въ продолженіе тринадцати лѣтъ; затѣмъ, онъ лишилъ себя жизни. Между тѣмъ царь сжалился надъ сосланными и даровалъ имъ городъ Аварисъ, остававшійся ненаселеннымъ со времен кочевниковъ. Они соединились здѣсь въ одинъ народъ подъ предводительствомъ Геліополисскаго жреца, Осарсифа или Моисея, который далъ имъ законы, несоотвѣтствовавшіе египетскимъ обычаямъ, вооружилъ ихъ и заключилъ союзъ съ остатками кочев-

[1]) Исходъ, XV, 1—10.

никовъ, уже нѣсколько вѣковъ укрывавшихся въ Сиріи. Они напали соединенными силами на Египетъ и овладѣли имъ безъ боя. Аменофисъ вспомнилъ о предсказаніи ясновидящаго, собралъ изображенія боговъ и бѣжалъ въ Эеіопію со своей арміей и множествомъ египтянъ. „Солимиты, овладѣвшіе страной вмѣстѣ съ нечистыми, такъ недостойно вели себя съ ея жителями, что ихъ господство сдѣлалось невыносимымъ для тѣхъ, кому приходилось теперь испытывать на себѣ ихъ нечестіе. Дѣйствительно, они не только жгли города и деревни, грабили храмы и разбивали изображенія боговъ, но пользовались даже для своей кухни наиболѣе почитаемыми въ Египтѣ животными; они приказывали закалывать ихъ и рѣзать на части жрецамъ и пророкамъ, которыхъ потомъ изгоняли совершенно нагими... Аменофисъ вернулся изъ Эфіопіи во главѣ большой арміи, а также, и сынъ его Рамзесъ, имѣвшій тоже свою армію. Оба вмѣстѣ напали на кочевниковъ и нечистыхъ, побѣдили ихъ и, убивъ великое множество, остальныхъ преслѣдовали до границъ Сиріи [1]).

Рамзесъ III и 20-я династія; первосвященники Аммона.

Среди всеобщихъ безпорядковъ выступила новая династія. Ея глава, Пахтсети (Нехтъ-Сети), потомокъ Рамзеса II и властитель Эивъ, усмирилъ бунтовщиковъ и не безъ труда отнялъ власть у сирійца Ирису. „Въ гнѣвѣ онъ напоминалъ боговъ Хопри (Хепра) и Сутху (Сутеха), онъ сразу возстановилъ порядокъ во всей странѣ, убивъ всѣхъ варваровъ, бывшихъ въ Дельтѣ и очистивъ великій тронъ Египта; онъ сталъ правителемъ обѣихъ земель, вмѣсто Туму, стараясь возстановить все, что было ниспровергнуто, такъ что вскорѣ люди стали узнавать братьевъ въ тѣхъ, кто были такъ долго удалены отъ нихъ [2]); онъ возстановилъ храмы и жертвоприношенія, благодаря чему снова стали воздаваться циклу боговъ традиціозныя почести" [3]).

[1]) Манееонъ, у Іосифа, „Contra Apionem" I, XXVI, XXVII. Весьма возможно, что картина эта позаимствована въ главныхъ чертахъ изъ разсказа о преслѣдованіи Охоса, память о которомъ была еще свѣжа во времена Манееона.

[2]) Буквально: „узналъ брата въ тѣхъ, кто былъ замурованъ".

[3]) Большой Папирусъ Гарриса, табл. LXXVI, строк. 8—9. Сравн. Эйзенлоръ, „On the political condition", стр. 363, 364; Шабасъ, „Recherches pour servir à l'histoire de la 19-me dynastie", стр. 23—27.

Его сынъ Рамзесъ III, котораго онъ еще при жизни своей пріобщилъ къ престолу, былъ послѣднимъ изъ великихъ государей Египта. Стараясь сравняться во всемъ со своимъ одноименнымъ предкомъ [1]), онъ въ продолженіе тридцатидвухлѣтняго царствованія не переставалъ заботиться о внѣшней неприкосновенности имперіи и о внутреннемъ процвѣтаніи ея. Несмотря на успѣхи своего отца, онъ нашелъ сирійскія провинціи отложившимися, а границы нарушенными со всѣхъ сторонъ. На востокѣ бедуины тревожили укрѣпленные посты Дельты и Синайскія рудокопныя колоніи; на западѣ ливійскіе племена вторглись въ нильскую долину. Увлеченныя своими начальниками, Диди, вѣроятно, сыномъ Мермайу, современника Минефты, Машакеномъ, Тамаромъ и Заутмаромъ, — племена Тагону, Тимигу (Тамагу), Кегаки и ихъ сосѣди покинули песчаныя равнины пустыни и направились въ Египетъ. Они заняли Мареотійскій и Саисскій номы, устья Нила до большого рукава рѣки, словомъ всю западную часть Дельты до города Карбины на западѣ [2]) и до предѣловъ Мемфисскаго округа на югѣ. Жестоко наказавъ бедуиновъ, Рамзесъ III обратился въ V году противъ ливійцевъ и разбилъ ихъ на голову. „Они были испуганы, какъ овцы передъ нападающимъ быкомъ, который лягается копытами, бодаетъ рогами и потрясаетъ горы, бросаясь на всѣхъ, кто только къ нему приблизится". Опустошенія, произведенныя варварами, ожесточили египтянъ: они не давали пощады. Ливійцы обратились въ безпорядочное бѣгство; нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, замѣшкавшіяся въ Дельтѣ, были окружены непріятелемъ, взяты въ плѣнъ и включены въ вспомогательную египетскую армію [3]).

Освободившись отъ враговъ съ этой стороны, Рамзесъ III сейчасъ же обратилъ свое оружіе противъ Сиріи. Между тѣмъ какъ Египетъ, терзаемый гражданскими войнами, приходилъ въ упадокъ, его прежніе враги, хети, теряли послѣднія свои владѣнія. Народы Малой Азіи, постоянно тѣснимые нашествіемъ новыхъ племенъ, покинули свою родину и направились къ отдаленнымъ предѣламъ Сиріи и Египта, слухи о богатствѣ которыхъ

[1]) Въ этомъ подражаніи онъ дошелъ до того, что далъ даже своимъ дѣтямъ имена сыновей Рамзеса П (Эрманъ, „Die Söhne Ramses Ш", въ „Zeitschrift", 1883, стр. 60—61).

[2]) Относительно Карбины, см. Г. Масперо, въ „Mélanges d'archoelogie ègyptienne", т. I, стр. 110.

[3]) Шабасъ, „Études sur l'antiquité historique", стр. 230—250.

доходили до нихъ. Данайцы, тирсены, шакалаши, тевкрійцы, унаслѣдовавшіе отъ дарданійцевъ гегемонію надъ троянскими народами, ликійцы и филистимляне, вошли въ составъ этой конфедераціи. Одни сѣли на корабли и должны были начать непріятельскія дѣйствія съ моря, другимъ предстояло перейти Сирію и напасть на провинціи, расположенныя на перешейкѣ; увеличивая по пути свой составъ присоединеніемъ побѣжденныхъ народовъ, эта сухопутная армія напала на Киликію, принудила киди и хети слѣдовать за собою, и, захвативъ съ собою войска Гаргамиша, Арада и Кодшу, въ окрестностяхъ котораго, въ странѣ арамеянъ, она передохнула нѣсколько времени, направилась прямо въ Египетъ. Этотъ длинный переходъ не могъ совершиться такъ быстро, чтобы не дать Рамзесу III времени подготовиться къ ожидаемому нападенію. Вооруживъ населеніе устьевъ Нила и поселеній Дельты, онъ пошелъ навстрѣчу непріятелю. Столкновеніе обѣихъ непріятельскихъ армій и флотовъ произошло въ VIII году между Рафіей и Пелузіемъ, подъ стѣнами укрѣпленнаго замка, носившаго названіе Башни Рамзеса III. „Устья рѣки представляли какъ бы могучую стѣну изъ галеръ, кораблей, всевозможныхъ судовъ, вооруженныхъ съ носа до кормы самыми храбрыми воинами. Отборные воины египетской инфантеріи походили на львовъ, потрясающихъ горы своимъ рыканіемъ; во главѣ отборныхъ храбрецовъ, управляющихъ военными колесницами, находились всевозможные военачальники, увѣренные въ своихъ силахъ [1]). Лошади дрожали всѣми членами и горѣли нетерпѣніемъ смять всѣхъ этихъ иноплеменниковъ; что же касается меня, говоритъ Рамзесъ, я былъ подобенъ Менту воителю: я возсталъ передъ ними, и они увидѣли силу моей руки. Я, царь Рамзесъ, дѣйствовалъ, какъ герой, знающій себѣ цѣну и простирающій руку надъ своимъ народомъ въ день сраженія. Нарушившіе неприкосновенность моихъ границъ не вкусятъ болѣе отъ плодовъ земли; дни ихъ сочтены въ вѣчности... Тѣхъ, которые были на берегу, я повалилъ у самой воды и изрубилъ ихъ, какъ связку прутьевъ; я опрокинулъ ихъ корабли, и все имущество ихъ упало въ воду" [2]). Но этой быстрой побѣдой еще не окончились войны Рамзеса III.

[1]) Буквально: знающіе свою руку.

[2]) Гринъ, „Fiulles à Thèbes", 1855. Сравн. де Руже, „Notice de quelques textes hiéroglyphiques", въ „Athenaeum français", 1855, и Шабасъ, „Etudes sur l'antiquité historique", стр. 250—288.

Союзники приморскихъ народовъ еще въ прежней ихъ кампаніи противъ Египта,—ливійцы и теперь не прочь были принять участіе въ ихъ нападеніи на страну фараоновъ; если они не сдѣлали этого, то только потому, что не успѣли оправиться отъ своихъ потерь. Но какъ только они возстановили свои силы, то сейчасъ же приняли участіе въ этой борьбѣ. Начальникъ ихъ, Капуръ, и сынъ его, Машашаръ, увлекли Машуашей, Сабита, Кайкашей и другія менѣе значительныя племена и, соединившись съ тирсенами и ликійцами, овладѣли Дельтой въ XI году царствованія Рамзеса III. „Они вторично сказали себѣ въ душѣ, что проведутъ свою жизнь въ номахъ Египта и будутъ воздѣлывать его долины и равнины, какъ свою собственную землю“. Однако результатъ не соотвѣтствовалъ ихъ ожиданіямъ. „Смерть постигла ихъ въ Египтѣ, потому что они собственными ногами сбѣжались къ тому горнилу, которое сожигаетъ все нечистое, въ самый огонь доблестныхъ дѣйствій царя, свирѣпствующаго какъ Ваалъ съ высоты небесъ. Всѣ его члены обладаютъ побѣдоносной силой: правою рукою онъ поражаетъ массы, а лѣвую простираетъ впередъ, какъ бы направляя стрѣлы въ стоящихъ передъ нимъ, желая истребить ихъ; мечъ его остеръ, какъ мечъ отца его, Менту. Капуръ, пришедшій требовать почестей, теперь, ослѣпленный страхомъ, бросилъ свое оружіе; то же сдѣлала его армія. Онъ взмолился къ нему и сынъ его остановилъ свою руку и свою ногу. Но вотъ возсталъ передъ нимъ богъ, знавшій всѣ его сокровеннѣйшія мысли. Его величество, какъ гранитная скала, обрушился имъ на голову; онъ раздавилъ ихъ и напоилъ землю ихъ кровью, какъ водой: ихъ армія была изрублена, изрублены были ихъ воины. Ими овладѣли и били ихъ, связавъ имъ руки; они напоминали птицъ, брошенныхъ на дно лодки, подъ ноги его величества. Царь былъ подобенъ Менту; онъ побѣдоносно попиралъ ногами головы враговъ; кулакъ его тяготѣлъ надъ стоявшими передъ нимъ начальниками. Мысли его были радостны, потому что онъ совершилъ свои подвиги“ [1]). Съ этихъ поръ ливійцы не отваживались болѣе смущать миръ Египта.

Побѣды этихъ двѣнадцати лѣтъ поправили несчастія предыдущихъ годовъ. Послѣ неудачи приморскихъ народовъ достаточно было одной экспедиціи вдоль морскихъ береговъ, чтобы возвратить къ повиновенію прежнія сирійскія провинціи и союзныхъ

1) Шабасъ, „Etudes sur l'antiquité“, стр. 242—249.

хетійцамъ жителей Гаргамиша и Киди. Вскорѣ была снаряжена вторая морская экспедиція противъ Аравіи. „Я снарядилъ корабли и галеры, снабдивъ ихъ множествомъ матросовъ и рабочихъ. Начальники вспомогательныхъ морскихъ силъ находились на нихъ со своими контролерами и счетоводами, обязанные снабжать войска всѣми безчисленными продуктами Египта; суда были всевозможныхъ величинъ; ихъ было здѣсь десятки тысячъ всякаго размѣра. Отправившись по большому морю Кити (Кати) [1]), они достигли страны Пунтъ здравыми и невредимыми и приготовили къ нагрузкѣ свои корабли и галеры продуктами Тонутира, всѣми таинственными чудесами этихъ земель и благовоніями Пунта, ими они нагрузили въ неисчислимомъ количествѣ десятки тысячъ судовъ. Сыновья ихъ, начальники Тонутира, пришли въ Египетъ съ своими племенами; они достигли здравыми и невредимыми страны Коптоса и мирно высадились на берегу со всѣми своими богатствами. Навьючили ими караваны, состоявшіе изъ ословъ и людей, и отправили къ рѣкѣ, гдѣ нагрузили ими барки въ гавани Коптоса“ [2]) Другія экспедиціи на Синайскій полуостровъ снова отдали области каменоломень во власть фараону [3]). Египетская имперія была возстановлена въ томъ видѣ, въ какомъ была за сто лѣтъ передъ тѣмъ, во времена Рамзеса II. Сарданы (Шарданы), тирсены, ликійцы, трояицы перестали высаживаться массами на африканскомъ берегу. Волна азіатской эмиграціи, устремлявшаяся, по крайней мѣрѣ, въ теченіе ста пятидесяти лѣтъ въ сторону Долины Нила, отхлынула на западъ и достигла Италіи одновременно съ направившимися туда финикійскими колонистами. Тирсены высадились на сѣверѣ, у устьевъ Тибра; сарданы заняли большой островъ, получившій впослѣдствіи названіе Сардиніи. Вскорѣ въ Азіи и Европѣ осталось лишь одно воспоминаніе о ихъ хищничествѣ и легендарный разсказъ объ ихъ скитаніяхъ, окончившихся переселеніемъ съ береговъ Архипелага на западные берега Средиземнаго моря. Одному только изъ народовъ, участвовавшихъ въ союзѣ противъ Египта, именно филистимлянамъ, было дозволено утвердиться въ Сиріи; они поселились вдоль южнаго

1) Одно изъ названій Краснаго моря.

2) „Большой Папирусъ“ Гарисса, табл. LXXVII, строка 8—70, стр. 1. Сравн. Шабасъ, „Recherches sur la 19-me dynastie“, стр. 59—63; Бирчъ и Эйзенлоръ, „Annales of „Ramses III“, въ Records of the Past“, т. VIII, стр. 49—50.

3) Шабасъ, „Recherches“, стр. 63—68.

берега, между городомъ Іоппе и потокомъ на границѣ Египта, въ области, занимаемой до сихъ поръ хананеянами, и находились сначала въ вассальной зависимости отъ фараона. На другой границѣ Дельты одно изъ ливійскихъ племенъ, машуаши, тоже получило отдѣльную территорію; солдаты этого племени, набранные частью въ самой Ливіи, частью же изъ машуашей, поселившихся на берегахъ Нила, составили отборное войско, начальники котораго вскорѣ начали играть видную роль во внутренней исторіи Египта.

Геродотъ разсказываетъ, что по возвращеніи изъ этихъ походовъ Сезострисъ едва не былъ измѣннически убитъ. „Братъ его, которому онъ поручилъ управленіе государствомъ, пригласилъ его на пиршество со всѣми дѣтьми, послѣ чего приказалъ обложить дровами домъ, въ которомъ находился царь, и поджечь его. Царь, узнавъ объ этомъ, сталъ совѣщаться съ женой, которую привелъ съ собой; она посовѣтовала ему двоихъ изъ шестерыхъ дѣтей положить на горящія дрова и по ихъ трупамъ спастись, какъ по мосту. Сезострисъ такъ и сдѣлалъ,—сжегъ такимъ образомъ двоихъ дѣтей; остальныя же спаслись вмѣстѣ съ отцомъ“ [1]). Памятники доказываютъ намъ, что Сезострисомъ геродотовой легенды былъ не Рамзесъ II, а его тезка, Рамзесъ III. Одинъ изъ царскихъ братьевъ, извѣстный въ документахъ подъ фиктивнымъ именемъ, Пентоирита (Пентаурта), составилъ заговоръ со многими придворными и женщинами гарема съ цѣлью убить фараона, и самому занять престолъ. Заговоръ былъ открытъ, заговорщики отданы подъ судъ и приговорены одни къ смертной казни, другіе къ пожизненному заключенію [2]). Рамзесъ III мирно прожилъ послѣдніе годы своего царствованія. Онъ выстроилъ въ Ѳивахъ въ память своихъ войнъ большой дворецъ Мединетъ — Абу, увеличилъ Карнакъ и реставрировалъ Луксоры. Подробности его благотворной дѣятельности въ Дельтѣ сохранились въ одной рукописи Геліополисской библіотеки, такъ называемомъ большомъ папирусѣ Гарриса [3]). Изъ этого документа

[1]) Геродотъ, II, CVII.

[2]) Т. Деверіа, „Le Papyrus judiciaire de Turin“, гдѣ находится переводъ документовъ этого процесса, снабженный комментаріями.

[3]) Относительно этого папируса см. Шабасъ, „Le Papyrus magique Harris“, стр. 2, и переводы его, сдѣланные Бирчемъ и Ѳйзенлоромъ, въ „Zeitschrift“, 1873—1874, а также „Records of the Past“, т. VI, стр. 21 и сл. т. VIII, стр. 5 и слѣд.

видно, что Рамзесъ III возстановилъ не только внѣшнее могущество Египта, но также торговую и промышленную дѣятельность страны. Казалось, что вернулись блаженныя времена Тутмоса III и Рамзеса II.

Тѣмъ не менѣе упадокъ Египта приближался. Обезсиленная четырьмя вѣками безпрерывныхъ войнъ, страна потеряла способность къ мало-мальски серьезному усилію: населеніе, уменьшенное военными наборами и плохо пополняемое безпрестаннымъ наплывомъ чужеземнаго элемента, не обладало уже ни терпѣніемъ, ни энергіей прежнихъ лѣтъ. Высшіе классы, привыкшіе къ благоденствію и богатству, уважали лишь гражданскія профессіи и насмѣшливо относились ко всему, что касалось военнаго быта. „Почему, думаешь ты, что пѣхотный офицеръ счастливѣе писца? спрашиваетъ скрибъ у своего ученика.—Хочешь, я опишу тебѣ участь пѣхотнаго офицера и всю силу его несчастій! Его уводятъ еще ребенкомъ, чтобы запереть въ казармахъ;—у него рана на животѣ, рана на глазу,—шрамъ на обѣихъ бровяхъ;—голова разсѣчена и покрыта гноемъ [1]). Его бьютъ, какъ связку папируса, онъ изломанъ насиліемъ.—Хочешь, я разскажу тебѣ о его походахъ въ Сирію,—его экспедиціяхъ въ дальнія страны?—Онъ несетъ на себѣ свой хлѣбъ и воду; онъ навьюченъ, какъ оселъ,—отчего его шея и затылокъ становятся похожими на ослиные;—всѣ суставы его спины растянуты.—Онъ пьетъ испорченную воду,—затѣмъ возвращается къ своему посту. Настигаетъ ли онъ непріятеля,—онъ дрожитъ, какъ гусь,—потому что члены его не имѣютъ болѣе силы. Возвращается ли онъ, наконецъ, въ Египетъ,—онъ похожъ на палку, изъѣденную червями. Боленъ ли онъ, приходится ли ему слечь, его увозятъ на ослѣ;—одежду его похищаютъ воры;—люди его разбѣгаются“ [2]). Такова участь пѣхотинца, но немногимъ лучше живется и кавалеристу. „Писецъ Аменомопитъ говоритъ писцу Пенбиситу: „Когда до тебя дойдетъ это посланіе, постарайся сдѣлаться писцемъ;—ты всѣхъ превзойдешь.—Послушай, какъ утомительны обязанности офицера, командующаго боевыми колесницами.—Когда отецъ или мать отдаютъ его въ училище,—то изъ своихъ пяти рабовъ онъ дол-

[1]) Это описаніе ранъ, бывшихъ слѣдствіемъ тренія каски и кирассы.

[2]) Папирусъ Анастасія III, табл. V, строка 5; табл. VI, строка 2; Пап. Анаст. IV, табл. IX, строка 4; табл. X, строка 1; Э. де-Руже, „Discours d'ouverture“, стр. 34—35; Масперо, „Du genre épistalaire“, стр. 41—42.

женъ отдать двоихъ [1]). Обучившись всему, онъ ѣдетъ выбирать себѣ упряжь въ конюшняхъ въ присутствіи его величества ж. з. с. Получивъ хорошихъ кобылицъ,—онъ громко изъявляетъ свою радость.—Чтобы доѣхать до своего города,—онъ пускается въ галлопъ,—но онъ способенъ скакать въ галлопъ, развѣ только на палкѣ.—Такъ какъ будущее ему неизвѣстно, то онъ передаетъ всѣ свои владѣнія отцу съ матерью,—затѣмъ привозитъ себѣ колесницу,—дышло которой вѣситъ три утона,—тогда какъ сама колесница вѣситъ пять утоновъ [2]).—Поэтому, если онъ захочетъ заставить колесницу нестись вскачь,—то долженъ сойти на землю и тянуть ее. Онъ берется за нее,—но попадаетъ на гада,—и отскакиваетъ въ кусты:—его ноги искусаны пресмыкающимися,—подошва прокушена.—Когда дѣлаютъ провѣрку его вещамъ, тогда его бѣдствія достигаютъ послѣднихъ предѣловъ,—его растягиваютъ на землѣ и даютъ ему сто ударовъ" [3]). И эти-то строки были написаны въ царствованіе Рамзеса II, подъ звуки побѣдныхъ пѣсенъ. Массы еще легко поддавались энтузіазму, слѣдовавшему за побѣдой, и сопровождали криками радости тріумфальную колесницу фараона. Но послѣ первыхъ минутъ опьяненія, народъ, обезсиленный цѣлыми вѣками непрерывныхъ войнъ, угнетаемый непосильно тяжелой работой и податями, опять впадалъ въ обычное ему уныніе, между тѣмъ какъ образованные египтяне подымали на смѣхъ страданія солдата. Это пресыщеніе успѣхомъ, это отвращеніе къ кровавой и дорого стоющей побѣдѣ объясняютъ намъ многія темныя мѣста изъ исторіи Египта; они не мало способствовали быстрому паденію того зданія, которое такъ заботливо воздвигалось царями 18-й и 19-й династіи. Египетъ Тутмоса III хотѣлъ войны; Египетъ Рамзеса III хотѣлъ мира, во чтобы то ни стало [4]).

Такое настроеніе страны проявляется во все продолженіе двадцатой династіи. На XXXII году своего царствованія Рамзесъ III, утомленный трудами правленія, сдѣлалъ своимъ сопровителемъ сына своего Рамзеса IV [5]) Два года спустя онъ умеръ, а сынъ

[1]) Вѣроятно, какъ плату за ученье.

[2]) Здѣсь говорится о колесницѣ для грузовъ, части которой плохо соразмѣрены.

[3]) Папирусъ Анастасія III, табл. VI, строка 2—10; Масперо, „Du genre épistolaire", стр. 42 43.

[4]) Idem, стр. 43—44.

[5]) Шабасъ, „Recherches", стр. 73—75; Масперо „Le Papyrus Mallet", въ „Recueil".

его, процарствовавъ не болѣе 3—4 лѣтъ, былъ смѣщенъ съ престола своимъ отдаленнымъ родственникомъ, принявшимъ имя Рамзеса V. Затѣмъ слѣдуютъ четыре сына Рамзеса III: Рамзесъ VI, Рамзесъ VII, Рамзезъ VIII и Мейамунъ-Миритумъ, быстро смѣнявшіе другъ друга.

Эти Рамессеиды предпринимали по временамъ походы, но никогда не вели большихъ войнъ: ихъ дни проходили среди внѣшняго и внутренняго мира, и если вѣрно, что народы, не имѣющіе исторіи, счастливы, то Египетъ былъ счастливъ подъ ихъ скипетромъ. Не было уже ни сраженій изъ года въ годъ, ни отдаленныхъ походовъ къ горамъ Киликіи или равнинамъ Верхняго Нила. Сирія еще продолжала нѣкоторое время платить дань, потому что, если Египетъ и былъ обезсиленъ своей побѣдой и едва заставлялъ себѣ повиноваться, то и Сирія въ свою очередь, была истощена пораженіями и не имѣла силъ сопротивляться. Но между обѣими сторонами была громадная разница: одна, имѣвшая 3000 лѣтъ исторической жизни, приближалась уже къ старости и не могла болѣе воспрянуть, другая, напротивъ, быстро оправилась отъ своихъ недуговъ. Египетская монархія умирала отъ истощенія на высотѣ своихъ успѣховъ.

Историческіе памятники даютъ намъ возможность быть свидѣтелями этой агоніи. Конечно, это не оффиціальные документы, до утомленія повторяющіе напыщенныя фразы, вошедшія въ употребленіе при предшествовавшихъ династіяхъ,—но частные документы, памятныя книжки подрядчиковъ, юридическіе акты, корреспонденціи частныхъ лицъ и чиновниковъ [1]). Они раскрываютъ передъ нами анекдотическую исторію Ѳивъ въ продолженіе болѣе ста лѣтъ; они рисуютъ намъ картину постепеннаго оскудѣнія великаго города. Народонаселеніе значительно возросло со времени изгнанія кочевниковъ. При фараонахъ-завоевателяхъ, каждая война доставляла извѣстный контингентъ рабовъ изъ сирійцевъ, ливійцевъ или негровъ; при послѣднихъ Рамессидахъ, поставщицей людей, вмѣсто войны, такъ долго сохранявшей за собою это право,—становится торговля. Всѣ эти рабы, женщины или мужчины, въ концѣ концовъ сливались съ чистокровными египтянами, образуя при этомъ расу смѣшаннаго происхожденія, нъ кото-

[1]) Самая полная коллекція этихъ папирусовъ находится въ Туринскомъ музеѣ. Они были отчасти опубликованы Плейтомъ и Росси, „Papyrus de Turin", Лейденъ, 1869—1876, in-4°.

рой соединялись обыкновенно всѣ недостатки обѣихъ расъ—прародительницъ, какъ это мы видимъ часто на востокѣ. Черезъ два или три поколѣнія они дѣлались свободными, и только ихъ иностранныя имена или насмѣшливыя прозвища, въ родѣ Пихари (сиріецъ), Плимнани (человѣкъ изъ Ливана), Пинахси (негръ), Пашури (ассиріянинъ),—напоминали объ ихъ неегипетскомъ происхожденіи. Нѣтъ надобности прожить долго въ Каирѣ, чтобы узнать по опыту, на какую глубокую развращенности способно подобное населеніе. Большинство ихъ было занято при храмахъ; нѣкоторые находились въ непосредственной зависимости отъ царя или верховнаго жреца; нѣкоторые оставались свободными. Корабельныя верфи доставляли работу по крайней мѣрѣ доброй половинѣ этого люда; остальные, почти всѣ, жили на лѣвомъ берегу Нила, занимаясь разными ремеслами, связанными съ культомъ умершихъ и обычаемъ бальзамированія труповъ.

Заработная плата, по крайней мѣрѣ, простыхъ работниковъ, была очень низка. Значительная доля ея состояла въ зерновомъ или въ уже изготовленномъ хлѣбѣ, который раздавался въ первый день каждаго мѣсяца, и котораго должно было хватать до перваго числа слѣдующаго мѣсяца. Вѣроятно, назначенное количество припасовъ было совершенно достаточно для людей разсчетливыхъ; но обыкновенная непредусмотрительность рабочаго класса дѣлала его недостаточнымъ. Въ первые дни мѣсяца, они питались обильно, не щадя провизіи; къ срединѣ его припасы уже истощались, и начинались жалобы: „Мы голодаемъ, а еще остается восемнадцать дней до начала слѣдующаго мѣсяца“. Работы пріостанавливаются; голодный людъ бросаетъ мастерскія и собирается на публичныхъ площадяхъ, около ближайшаго монумента, у двери храма Тутмоса III, позади храма Минефты или въ храмѣ Сети I. Помощники главныхъ мастеровъ преслѣдуютъ ихъ; полицейскіе даннаго квартала, жандармы Мазіу и сосѣдніе чиновники сбѣгаются и ведутъ съ ними переговоры. Иногда ихъ удавалось уговорить, иногда они ничего не хотѣли слушать: „Нѣтъ, мы не возвратимся; скажи это своему собравшемуся тамъ внизу начальству“. Приходилось согласиться, что жалобы ихъ были основательны: „мы ходили выслушивать ихъ, и они говорили намъ правду“. Всего чаще такія волненія имѣли своимъ слѣдствіемъ только болѣе или менѣе продолжительную забастовку: раздача провизіи въ началѣ новаго мѣсяца возвращала бунтовщикамъ. необходимыя для работы силы и энергію. Но иногда эти поочередные переходы отъ лишеній къ излишеству бывали причиной серьезныхъ смутъ. Человѣкъ страдалъ не одинъ: у него была жена, сестра, дѣти, плакавшія отъ голода, а подъ рукой были магазины, принадлежавшіе государству или храмамъ и переполненные хлѣбомъ. Искушеніе было сильно, и стачечники не всегда могли устоять передъ нимъ. Они собирались толпами, проникали за одну или двѣ ограды, за которыми находились житницы; но здѣсь мужество измѣняло имъ, и они посылали одного изъ своей среды къ главному чиновнику съ изложеніемъ своей жалобы: „мы пришли, понуждаемые голодомъ, понуждаемые жаждой; намъ не во что одѣться; у насъ нѣтъ ни масла, ни рыбы, ни овощей. „Пошлите къ фараону ж. з. с., нашему государю, пошлите къ царю, нашему повелителю, чтобы намъ дали средства къ существованію“. Если одинъ изъ нихъ, менѣе терпѣливый, чѣмъ остальные, выходилъ изъ себя, ругался, клялся „именемъ Аммона, именемъ государя ж. з. с., гнѣвъ котораго есть смерть!“, требовалъ, чтобы его допустили къ высшему начальству, передъ которымъ онъ могъ бы изложить свою жалобу, — остальные вступались за него передъ властями и просили избавить его отъ суровой кары, назначаемой закономъ за богохульство. Чиновникъ, если онъ былъ добрымъ человѣкомъ, заминалъ дѣло и удовлетворялъ, по мѣрѣ возможности, заявленнымъ требованіямъ; ему удавалось иногда взять изъ остатковъ, образовавшихся отъ предшествующихъ мѣсяцевъ нѣкоторое количество провизіи, способное прокормить ихъ въ продолженіи нѣсколькихъ дней; а тѣмъ временемъ онъ передавалъ ихъ жалобу въ судебную инстанцію и добивался, наконецъ, дополнительной ассигновки съѣстныхъ припасовъ именемъ фараона. „Мы сказали: „не дадутъ-ли намъ хлѣба въ добавокъ къ тому, что намъ назначено; если нѣтъ, мы не двинемся отсюда!“ И вотъ въ послѣдній день мѣсяца мы предстали передъ лицомъ магистратуры, и начальство сказало: „Позвать писца счетовода Хамоиса!“ Онъ былъ приведенъ передъ лицо высшихъ городскихъ властей, и ему сказали: „возьми зерно, которое дается тебѣ, и дай его жителямъ некрополя“. И позвали Пмонтунибоиса и давали намъ ежедневно дополнительныя порціи“ [1]).

Всевозможныя преступленія были очень многочисленны среди этого вѣчно нуждающагося и безпокойнаго населенія. Египтянинъ

[1]) Либлейнъ-Шабасъ. „Deux Papyrus hiératiques“, стр. 38.

и теперь еще воръ отъ природы: онъ воруетъ изъ любви къ искусству, воруетъ часто совершенно ненужные для себя предметы. Кладбища были источникомъ богатой добычи для египтянина той эпохи: многія плохо охраняемыя могилы заключали въ себѣ муміи, покрытыя золотомъ и драгоцѣнностями. Но похитить послѣднія было не легко; приходилось иногда дѣлать значительные подкопы, чтобы пробраться во внутренность саркофага, и составляли цѣлыя шайки, занимавшіяся исключительно обиворы раніемъ могилъ. Въ составъ этихъ шаекъ входили люди всевозможныхъ профессій,—тутъ были и простые рабочіе, и бродяги, и чиновники, и жрецы, и даже чины полиціи: весь некрополь подвергался грабежу, и даже гробницы царей не избѣгали общей участи. Въ царствованіе Рамзеса IX судебное слѣдствіе открыло, что подземная гробница царя Совкумсауфа и его жены была осквернена, что подъ гробницы Аменготепа III и Энтуфа IV былъ сдѣланъ подкопъ, и что та же участь угрожала гробницамъ другихъ царей [1]). По другую сторону горы, возвышающейся на сѣверной оконечности ѳивской равнины, находилось нѣкогда углубленіе, родъ закрытаго со всѣхъ сторонъ бассейна, не имѣвшаго другого сообщенія съ долиной, кромѣ нѣсколькихъ очень опасныхъ горныхъ тропинокъ. Бассейнъ этотъ дѣлился на двѣ части, пересѣкавшіяся почти подъ прямымъ угломъ: одна изъ нихъ направлялась на востокъ, другая простиралась въ югозападномъ направленіи и давала нѣсколько второстепенныхъ развѣтвленій. Къ востоку отъ этой маленькой долины возвышалась гора, вершина которой своими гигантскими размѣрами напоминала видъ Саккарракской пирамиды съ уступами. Долина, кажется, самой природой предназначалась для устройства въ ней кладбища, но крайняя трудность сообщенія съ ней была причиной, что ею не воспользовались для этой цѣли ни во времена Древней, ни во времена Средней монархіи. Наконецъ, къ концу восемнадцатой династіи, инженеры, въ поискахъ за подходящимъ мѣстоположеніемъ для кладбища, замѣтили, что вышеупомянутая долина отдѣляется отъ

[1]) Дознаніе это сохранилось въ „Папирусѣ Аббота“; оно переведено и снабжено комментаріями Шабасомъ, „Une spoliation des hypogées de Thèbes au XI siècle“, въ „Mélanges égyptologiques, серія, 3, т. I, стр. 1—172; затѣмъ Г. Масперо, „Une Enquête judiciaire à Thèbes au temps de la 20-me dynastie“, in-4°; и, наконецъ, Эрманомъ, „Beiträge zur Kenntniss des aegyptischen Gerichtsverfahrens“, въ „Zeitschrift“, 1879, стр. 81—83, 148—152.

ущелья, выходящаго къ Гурнаху, только простымъ каменнымъ порогомъ, толщиной около пятисотъ локтей. Это было вовсе не страшно для такихъ землекоповъ, какими были египтяне. Они высѣкли въ цѣльной скалѣ ровъ, глубиною въ 50—60 локтей, который, съуживаясь въ концѣ, образовалъ родъ воротъ, выходившихъ въ долину. Былъ ли этотъ гигантскій трудъ предпринятъ при Гармхаби или при Рамзесѣ I,—неизвѣстно. Во всякомъ случаѣ, Рамзесъ I является древнѣйшимъ изъ царей, могилы которыхъ найдены въ этой долинѣ, Сынъ его, Сети I и внукъ, Рамзесъ II, похоронены по обѣимъ его сторонамъ; далѣе идутъ рядомъ остальные Рамзесы; всѣ эти гробницы доставили долинѣ названіе Долины Царей, которое она носитъ и до сихъ поръ. Комиссія, снаряженная подъ предсѣдательствомъ верховнаго жреца Аммона, посѣтила долину, осмотрѣла великолѣпныя гробницы фараоновъ [1]) и удостовѣрилась, что онѣ остались къ удивленію, нетронутыми. Ничто болѣе ярко не доказываетъ той степени упадка, на которой находился Египетъ полстолѣтія спустя послѣ смерти Рамзеса III, какъ это безсиліе полиціи оградить царственныя муміи отъ покушеній ѳиванской черни.

Среди всеобщей разслабленности, одинъ Аммонъ и его жрецы преуспѣвали. Послѣ борьбы, выдержанной этимъ богомъ съ Хунатономъ, его права, какъ верховнаго божества, не подвергались сомнѣнію, и догматъ о единствѣ божества, выработанный въ святилищѣ Карнака, восторжествовалъ на всемъ югѣ Египта. Старинные тексты толковались въ смыслѣ самомъ благопріятномъ для притязаній Аммона; часто даже въ нихъ дѣлались вставки, долженствовавшія выставлять на видъ величіе этого бога. Вся издревле установившаяся религіозная система была незамѣтнымъ образомъ примѣнена къ новымъ религіознымъ идеямъ, и ловко придуманная космогонія указывала на единаго бога, какъ на творца стихій.

Въ началѣ былъ только Ну, первобытный океанъ, въ бездонныхъ нѣдрахъ котораго въ хаотическомъ видѣ находились зародыши всего существующаго Но прежде всѣхъ вѣкъ, въ этой безформенной и не имѣющей опредѣленнаго назначенія жидкой массѣ, былъ богъ, зародившійся въ ней самъ собою. Этотъ богъ ѳиванскихъ жрецовъ былъ существо единое, совершенное, разумное и

[1]) Въ гробницѣ Сети I-го находятся и теперь еще протоколы этого посѣщенія.

непостижимое. Онъ „единый по существу, живущій во всемъ существующемъ, единственный производитель на небѣ и землѣ, который самъ не былъ зачатъ; отецъ отцовъ, мать матерей". Всегда одинаковый, неизмѣнный въ своемъ совершенствѣ, вѣчно существующій какъ въ прошедшемъ, такъ и въ будущемъ, онъ наполняетъ собой всю вселенную, и никакое изображеніе въ мірѣ не можетъ дать даже слабаго понятія объ его всеобъемлемости; присутствіе его чувствуется повсюду, но его не увидишь нигдѣ.

Единый по существу, онъ не единъ въ лицахъ. Онъ отецъ уже потому одному, что онъ одинъ; онъ даетъ начало всему, и сущность его такова, что онъ никогда не оскудѣваетъ. Ему незачѣмъ искать внѣ себя плодотворнаго начала, — онъ носитъ въ своихъ нѣдрахъ источникъ вѣчнаго произрожданія. Единый по полнотѣ своего существа, онъ носитъ въ себѣ оба необходимыя начала всякой жизни: плодотворящее и произрождающее, и самъ себя рождаетъ изъ самого же себя. Онъ въ одно и то же время и отецъ, и мать, и сынъ божій. Зарожденныя въ богѣ, оплодотворенныя богомъ, не выходя изъ него, эти три лица суть богъ въ богѣ и не только не нарушаютъ единства божественной природы, но, напротивъ, способствуютъ ея безконечному совершенству.

Этотъ богъ единый, но въ трехъ лицахъ, обладаетъ всѣми божественными свойствами: онъ — всеобъемлющій, вѣчный, свободный, всемогущій, всеблагій, постоянно развивающій, дающій эти славныя основныя качества или, какъ любили выражаться религіозныя школы древняго Египта, „создающій собственные члены, т.-е. боговъ", которые присоединяются къ его благодѣтельнымъ дѣйствіямъ. Каждый изъ этихъ вторичныхъ боговъ, отождествляемый съ единымъ богомъ, можетъ также образовать низшихъ боговъ, которые въ свою очередь производятъ такимъ же путемъ божества низшаго типа. Переходя отъ одной тріады къ другой, отъ олицетворенія къ олицетворенію, спускаясь постепенно отъ самыхъ высшихъ къ самымъ низшимъ ступенямъ естества, скоро наталкиваемся на невѣроятное количество божествъ, иногда забавныхъ по виду, но чаше всего чудовищныхъ. Но всѣ эти безчисленныя разновидности божества, съ самыми разнообразными именами, бывшія въ представленіи простого народа различными, независимыми другъ отъ друга богами, являлись въ умѣ просвѣщеннаго вѣрующаго единымъ существомъ, единымъ богомъ.

Всѣ божества, взаимно поглощаясь другъ другомъ, терялись въ одномъ высшемъ богѣ. Ихъ подраздѣленія, доходившія до без-

конечности, ни мало не нарушали единства божественной сущности. Неизвѣстно, былъ ли этотъ единый богъ, Аммонъ-Ра, само солнце или только душа солнца. Болѣе всего распространено мнѣніе, что онъ олицетворялъ само солнце; къ послѣднему обращены всѣ большіе гимны, прекрасные образцы которыхъ даетъ намъ литература времени Рамессидовъ. Ежедневное движеніе солнца и его борьба съ тьмой отъ того момента, когда оно появляется на горизонтѣ востока, до момента, когда оно скрывается за горою запада, сдѣлалось эмблемой жизни высшаго бога и его борьбы съ злыми силами.

Вотъ оно, медленно освобождаясь изъ объятій ночи, не успѣло еще показаться на „восточномъ горизонтѣ неба", а уже „животворящіе лучи его глазъ проникаютъ, оживляютъ и укрѣпляютъ всѣ созданія". Аммонъ-Ра стоитъ въ каютѣ своей священной барки, „доброй барки, существующей уже милліоны лѣтъ" и обвитой кольцами змѣи Михни (эмблема ея пути), медленно скользитъ по неизмѣнному теченію небесныхъ водъ; барка его управляется и сопровождается цѣлой арміей второстепенныхъ боговъ, причудливые образы которыхъ показываютъ намъ египетскіе рисунки. Горъ, стоя впереди, окидываетъ испытующимъ взглядомъ горизонтъ и, указывая на врага, собирается проткнуть его копьемъ; другой Горъ управляетъ рулемъ. Никогда не перестающіе существовать Ахиму-Урду и никогда не уничтожаемые Ахиму-Соку, съ помощью длинныхъ веселъ управляютъ баркой и направляютъ ее по теченію. Ихъ ряды постоянно пополняются праведными душами, и сами цари обоихъ Египтовъ добивались чести принадлежать къ ихъ числу.

„Ты просыпаешься, благодѣтельный Аммонъ-Ра-Гармахисъ! Ты просыпаешься, справедливый Аммонъ-Ра, владыка обоихъ горизонтовъ! О благодѣтельный, лучезарный, пламенѣющій! Твои гребцы Ахиму-Урду гребутъ! Твои перевозчики Ахиму-Соку подвигаютъ тебя впередъ! Ты выходишь, поднимаешься, ты достигаешь высшей точки своего благодѣтельнаго пути, управляя своей баркой, въ которой совершаешь ежедневно переѣздъ по высшему приказанію твоей матери Нуитъ! [1]) Стоитъ тебѣ совершить свой путь по вышнему небу, и враги твои посрамлены. Когда ты поворачиваешься лицомъ къ западной сторонѣ земли и неба, твои кости испытаны, члены гибки, тѣло полно жизни, сильныя вены вздуты, душа твоя

[1]) Небесный сводъ.

просвѣтлена! Твою святую оболочку боготворятъ, тебя сопровождаютъ по пути мрака, и ты слышишь призывъ тѣхъ, которые, сопровождая твою барку, находятся позади твоей каюты и испускаютъ возгласы. Гребцы твоей барки, сердца ихъ довольны, владыка небесъ, а начальники подземнаго неба радуются; боги и люди, испуская крики радости, падаютъ ницъ передъ престоломъ солнца, по верховному повелѣнію твоей матери Нуитъ; ихъ сердце радуется, потому что Ра побѣдилъ враговъ! Небу и землѣ радость, богамъ и людямъ праздникъ, они могутъ воздать хвалу Ра-Гармахису, лишь только завидятъ его поднимающимся въ своей баркѣ и въ свой часъ побѣдившаго враговъ! Его барка въ безопасности, потому что змѣя Михни находится на своемъ мѣстѣ, а uraeus уничтожилъ враговъ. Иди скорѣй къ твоей матери Нуитъ, богъ вѣчности! Разсказавъ тебѣ о прелестяхъ произрожденія, Изида и Нефтида поднимаются, когда ты выходишь изъ лона своей матери Нуитъ! Возстань, Ра-Гармахисъ! Ты встаешь и, поднимаясь, достигаешь высшей точки своего пути, ты произносишь свое слово противъ своихъ противниковъ. Ты велишь открыть свою каюту и отталкиваешь лукаваго въ его часъ, чтобы онъ, воспользовавшись моментомъ, не успѣлъ войти! Ты уничтожилъ власть нечестивца: противникъ Ра попадаетъ въ огонь; Пугиго [1]) оттолкнутъ въ часъ его; дѣти мятежа обезсилили; Ра одержалъ верхъ надъ противниками. Упрямые сердцемъ падаютъ подъ его ударами; ты заставляешь нечестивца отдать то, что онъ поглотилъ. Возстань Ра, въ глубинѣ твоей каюты:

„Силенъ Ра; слабъ нечестивецъ!
„Высокъ Ра; попранъ нечестивецъ!
„Живъ Ра; мертвъ нечестивецъ!
„Великъ Ра; малъ нечестивецъ!
„Сытъ Ра; голоденъ нечестивецъ!
„Напоенъ Ра; жаждетъ нечестивецъ!
„Лучезаренъ Ра; тусклъ нечестивецъ!
„Добръ Ра; золъ нечестивецъ!
„Могущественъ Ра; слабъ нечестивецъ!
„Существуетъ Ра; уничтоженъ Апопъ!
„О Ра! дай полную жизнь фараону!

„Дай хлѣба для его желудка, воды для его горла, благовоній для его волосъ! О благодѣтельный Ра-Гармахисъ, сопутствуй ему

[1]) „Отвращенное лицо“, одно изъ именъ демона.

въ его молитвахъ! Находящіеся въ твоей баркѣ ликуютъ; смущены и разстроены нечестивцы! Радостные клики раздаются на всемъ пространствѣ; ликуетъ каюта барки; гребцы Ра, сидя въ баркѣ, существующей милліоны лѣтъ, ликуютъ при видѣ Ра. Боги и весь божественный циклъ преисполнены ликованія, воздавая хвалу великой; празднества совершаются въ таинственной часовнѣ.

„О возстань, Аммонъ Ра-Гармахисъ, самъ себя создавшій! Обѣ твои сестры [1]) уже стоятъ на востокѣ; ихъ встрѣчаютъ и несутъ къ твоей баркѣ, этой доброй баркѣ, источнику всякаго зарожденья. Ра, податель всѣхъ благъ! Приди Ра, самъ себя создающій! Сдѣлай такъ, чтобы фараонъ получалъ всѣ жертвоприношенія, совершаемыя въ Хабонбенѣ [2]), на алтаряхъ бога, имя котораго покрыто тайной! Честь тебѣ, старецъ, объявляющійся въ свой часъ, многоликій владыко Уреусъ, испускающій лучи, которые разсѣиваютъ мракъ! Всѣ пути залиты твоими лучами. Тебѣ циноцефалы приносятъ дары, которые въ ихъ рукахъ, къ тебѣ обращаютъ они свои пѣсни, танцуютъ передъ тобою, производятъ для тебя свои заклинанія и къ тебѣ возсылаютъ молитвы [3]). Ихъ призываютъ и на небо и на землю; они присутствуютъ при твоемъ милостивомъ пробужденіи; они открываютъ для тебя (варіанъ — выламываютъ передъ тобою) врата западной части неба; въ восторгѣ отъ твоей матери, Нуитъ, они способствуютъ мирному пути Ра. Твоя душа смотритъ на всѣхъ находящихся въ подземномъ мірѣ, и восхищеніе охватываетъ души и утромъ, и вечеромъ. Потому что тобою сдѣланъ бичъ, который наноситъ смертельные удары, и ты утоляешь страданіе Озириса; ты даешь дыханіе всѣмъ находящимся въ долинѣ мертвыхъ.

„Ты освѣтилъ землю, погруженную въ мракъ; ты облегчилъ горе Озириса. Всѣ живущіе наслаждаются дыханіемъ жизни; они обращаютъ къ тебѣ свои возгласы; они преклоняютъ колѣни передъ тобою, передъ образомъ *царя всѣхъ образовъ!* Они воздаютъ почести твоей силѣ въ этомъ благодѣтельномъ образѣ, который принадлежитъ тебѣ, *богъ утра!* Боги, въ моментъ ихъ рожденія твоей матерью Нуитъ, простираютъ къ тебѣ свои руки.

[1]) Изида и Нефтида.

[2]) „Жилище Феникса“—большой храмъ въ Геліополисѣ.

[3]) Памятники дѣйствительно показываютъ намъ циноцефаловъ, воздающихъ божескія почести восходящему солнцу.

Прійди къ фараону, воздай ему должное на небѣ, а на землѣ дай могущество, о Ра! возвеселившій небо, о Ра! поразившій страхомъ землю.

„О благодѣтельный Ра-Гармахисъ [1]).

„Ты приподнялъ верхнее небо, чтобы возвысить свою душу; ты окуталъ мракомъ нижнее небо, чтобы скрыть тамъ свой посмертный образъ!

„Ты приподнялъ верхнее небо на высоту длины своихъ рукъ; ты увеличилъ землю по ширинѣ своего шага.

„Ты возвеселилъ верхнее небо величіемъ своей души; благодаря оракулу твоей статуи, боится тебя земля.

„Священный ястребъ со сверкающими крыльями; многоцвѣтный фениксъ.

„Большой левъ, существующій самъ по себѣ и открывающій пути барки Соктитъ [2]).

„Твое рычаніе побѣждаетъ твоихъ противниковъ въ то время, какъ ты подвигаешься впередъ въ большой баркѣ.

„Люди призываютъ тебя, боги боятся тебя; ты разбилъ враговъ въ ихъ присутствіи.

„Небесный гонецъ, котораго нельзя настигнуть въ утро его рожденія,—ты выше боговъ и людей.

„Возстань ради насъ, мы не знаемъ твоего образа: покажись намъ, мы не знаемъ твоего тѣла.

„О благодѣтельный Ра-Гармахисъ!

„Ты—мужъ, оплодотворяющій всѣхъ.

„Быкъ — ночью, начальникъ — днемъ, прекрасный голубой дискъ [3]).

„Царь неба, властелинъ земли, великій образъ на обоихъ горизонтахъ неба.

„Ра — творецъ всего живущаго, Тотуненъ — животворитель разумныхъ существъ.

„Пусть сынъ Солнца, фараонъ будетъ почитаемъ за твои заслуги; пусть онъ будетъ обожаемъ, когда ты, благодѣтельный, появляешься на востокѣ. Это онъ направляетъ твой путь, побѣждаетъ твоихъ враговъ, отталкиваетъ всѣхъ твоихъ против-

1) Это обращеніе повторяется передъ каждой строфой.

2) Барка Соктитъ, т.-е. барка Солнца.

3) Дискъ надъ головами многихъ божествъ, часто окрашенный въ голубой или зеленый цвѣтъ.

никовъ и слѣдитъ за движеніемъ божественнаго *ока* [1]), ради тебя“ [2]).

Между тѣмъ богъ медленно проходитъ по небесному своду въ ослѣпительномъ блескѣ, не позволяющемъ человѣку измѣрить глазомъ всю глубину его существа:

„О богъ, открывшій тебѣ пути, о ты, проникшій сквозь стѣны! О богъ, встающій въ видѣ солнца! Существо, появляющееся подъ видомъ Хопри (Хепра) на двойномъ горизонтѣ. Ты пробудилъ тѣхъ, которые заставляютъ тебя пробѣгать небесные пути; подойди къ Верховному Повелителю, чтобъ распредѣлить время во все теченіе вѣчности!

„Дитя, ежедневно рождающееся!

„Старецъ, заключенный въ предѣлахъ времени!

„Старецъ, пробѣгающій вѣчность!

„Въ своей неподвижности открытый для всѣхъ взоровъ!

„Недосягаемый на высотѣ своего величія!

„Властитель таинственнаго жилища, въ которомъ онъ скрывается!

„Таинственное существо, образъ котораго неизвѣстенъ!

„Властитель годовъ, дающій жизнь кому захочетъ!

. . . .

„Ты пришелъ и открылъ всѣ дороги; ты пришелъ по путямъ вѣчности“ [3]).

Среди такихъ-то восклицаній и молитвъ солнце совершаетъ свое лучезарное шествіе, пока, увлекаемое все тѣмъ же непреодолимымъ движеніемъ, не исчезнетъ на западѣ и не погрузится на нѣкоторое время во тьму подземнаго царства. Хотя злыя силы были побѣждены и стѣснены въ своихъ дѣйствіяхъ, но богъ не завершилъ еще всѣхъ своихъ дѣлъ. „Онъ создалъ землю, серебро, золото, — онъ создалъ настоящій лазуревый камень по своей доброй волѣ [4]),—онъ создалъ пастбища для скота и всѣ растенія, которыми питаются люди. Онъ даетъ жизнь рыбамъ въ водѣ, птицамъ въ небесахъ, — вдыхаетъ жизнь въ зародышъ яйца. — Онъ даетъ жизнь гадамъ, — производитъ то, чѣмъ питаются птицы;—гады и птицы равны въ его глазахъ. Онъ доставляетъ пищу крысѣ въ ея норѣ—и питаетъ птицу на вѣткѣ.—Да будешь

1) Правое око божье—это солнце, лѣвое—луна.

2) Лепсіусъ, „Denkm.“, табл. CXV- табл. CXVII.

3) Лепсіусъ, „Denkm.“, VI, табл. CXX, строк. 66—77.

4) „Булакскій Папирусъ“, т. II, табл. XI, стр. 8, строк. 6—7.

ты благословенъ за все это, — единый богъ, многорукій“ [1]). Наконецъ, „изъ обоихъ глазъ вышли люди [2]) и распространились по всей землѣ. Это были „стада Ра“, дѣлившіяся на четыре расы: египтянъ (роту), людей по преимуществу и негровъ (Нахси), находившихся подъ покровительствомъ Гора; азіатовъ (аму) и, наконецъ, сѣверныхъ народовъ, съ бѣлой кожей, которыхъ взяла подъ свое покровительство Сохитъ, богиня съ львиной головой [3]). Привѣтъ тебѣ! говорили они всѣ, — хвала тебѣ, потому что ты живешь среди насъ. — Мы повергаемся къ твоимъ стопамъ, потому что ты создалъ насъ! — Тебя благословляютъ всѣ твари; тебя обожаютъ во всѣхъ предѣлахъ, — на самой высотѣ неба, на всемъ протяженіи земли, — на самой глубинѣ морей.—Боги преклоняются передъ твоей святостью;—души, созданныя тобою, превозносятъ тебя,—онѣ радуются, что могутъ предстать передъ лицомъ своего создателя, — онѣ говорятъ тебѣ: „Иди съ миромъ, отецъ отцовъ всѣхъ боговъ,—ты, распростершій надъ нами небо,—ты, создавшій землю;—творецъ всѣхъ живыхъ существъ, зиждитель всѣхъ вещей,—верховный государь, ж. з. с., повелитель боговъ,—мы боготворимъ твои мысли, потому что ты создалъ насъ;—мы приносимъ тебѣ жертвы, потому что ты далъ намъ жизнь; — мы благословляемъ тебя, потому что ты живешь посреди насъ“ [4]).

Но эти возвышенныя идеи были достояніемъ незначительнаго числа жрецовъ и образованныхъ людей,—въ народныя массы онѣ не проникали. Напротивъ, здѣсь царилъ культъ животныхъ; гусь, ласточка, кошка, змѣя были предметами болѣе усерднаго поклоненія, чѣмъ сами боги [5]); вѣра въ злыхъ духовъ и привидѣнія была широко распространена [6]), а занятіе магіей практиковалось открыто, несмотря на самыя строгія запрещенія [7]). Неудивительно поэтому, что среди такого суевѣрнаго народа вліяніе жре-

1) „Idem.“, табл. XI, стр. 6, строк. 3—7.
2) „Idem.“, табл. XI, стр. 6, строк. 3
3) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 135—136.
4) „Булакскій Папирусъ“, т. II, табл. XI, стран. 7, строк. 2; стран. 8, строк. 1. Сравн. Гребо, „L'Hymme à Ammon-Râ des papyrus de Boulaq“, 1875, in-8⁰; Л. Штернъ, въ „Zeitschrift“, 1873, стр. 76; Гудвинъ, въ „Transactions of the Society of Biblical Archeology“, т. II, стр. 250—263.
5) Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Recueil“, т. II, стр. 108 и слѣд.
6) Масперо, „Etudes égyptiennes“, т. I, стр. 145 и слѣд.
7) „Idem“, стр. 43 и слѣд.

цовъ быстро возросло и превзошло не только вліяніе, но даже и могущество фараоновъ. Уже въ самыя цвѣтущія времена восемнадцатой династіи фараоны ничего не предпринимали, не посовѣтовавшись съ Аммономъ, причемъ богъ иногда соизволялъ отвѣчать имъ собственнымъ голосомъ. При Рамессидахъ Аммонъ систематически и непосредственно вмѣшивался въ государственныя дѣла. По теоріи жрецовъ, статуи боговъ состояли изъ каменной, металлической или деревянной оболочки и двойника, тоесть души, составляюшей частицу божества и заключенной въ это искусственное тѣло, благодаря молитвамъ при его освященіи. Желая испросить совѣтъ боговъ, царь отправлялся въ святилище и, обращаясь къ этимъ одухотвореннымъ статуямъ, иногда даже всенародно, излагалъ суть дѣла. Если боги одобряли рѣшеніе, принятое совѣтниками царя, статуя, послѣ обращеннаго къ ней вопроса, утвердительно кивала головой [1]). Понятно, поэтому, какимъ авторитетомъ пользовались въ государствѣ жрецы, и, въ особенности, главный прорицатель Аммона, истолкователь воли боговъ. Прошло едва нѣсколько лѣтъ послѣ смерти Рамзеса III, а уже первосвященникъ Рамзеснахту былъ всесильнымъ лицомъ при особѣ Рамзеса IV [2]). Сынъ Рамзеснахту, Аменготепъ, стоялъ почти наравнѣ съ царемъ Рамзесомъ IX и освящалъ монументы отъ своего имени, что было до сихъ поръ привилегіей царствующихъ лицъ [3]). Но честолюбію жрецовъ показалось мало сдѣлать Аммона орудіемъ своихъ замысловъ. Аммонъ, повелитель боговъ, былъ слишкомъ далекъ отъ простыхъ смертныхъ, чтобы легко вступать съ ними въ непосредственныя сношенія; поэтому жрецы ввели посредника между нимъ и людьми, именно бога-сына ѳиванской тріады, Хонсу. Рамзесъ III положилъ основаніе храму этого бога въ нѣсколькихъ сотняхъ миляхъ къ югу отъ святилища Карнака; преемники его ревностно продолжали начатое имъ дѣло, а жрецы, руководимые желаніемъ получить для своего излюбленнаго божества традиціонные почетные титулы,—не постѣснились пустить въ ходъ оффиціальные документы, свидѣтельствующіе якобы о чудесахъ, совершенныхъ нѣкогда этимъ богомъ.

1) Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Recueil“, т. I, стр. I, 157 и слѣд.
2) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 219.
3) Прорицатель Аммона стоялъ также во главѣ той слѣдственной комиссіи, о которой говорится въ Папирусѣ Аббота. Относительно Аменготепа, см. у Марьетта, „Karnak“, табл. 40.

Они соорудили большой памятникъ (stèle), выдавали его за построенный при Рамзесѣ II и изобразили на немъ легенду, соединенную съ именемъ этого царя. Однажды Рамзесъ II, какъ гласитъ надпись, получилъ въ заложничество дочь одного сирійскаго правителя. Онъ женился на ней и объявилъ ее своей первой супругой. Нѣсколько лѣтъ спустя, сестра царицы, по имени Бинтрошитъ, серьезно захворала, и жрецы объясняли ея болѣзнь тѣмъ, что въ нее вселился злой духъ. Никакія волхвованія главнаго царскаго мага, Тотемхаби, не могли исцѣлить ее. Послѣ продолжительныхъ страданій принцессы отецъ ея сталъ просить болѣе дѣйствительной помощи. Рамзесъ II палъ ницъ передъ изображеніемъ Хонсу и просилъ его помочь молодой дѣвушкѣ. Онъ велѣлъ принести къ главной статуѣ бога другую его статую и просилъ его: „Сообщи ей свою благодать и я пошлю ее, чтобы она излѣчила дочь бахтанскаго правителя“. Богъ согласился, и статуя была отправлена въ Бахтанъ, куда она прибыла послѣ торжественнаго путешествія, продолжавшагося годъ и пять мѣсяцевъ. Отецъ больной вышелъ къ ней навстрѣчу со своими солдатами и генералами, и, простершись передъ нею, сказалъ: „Вотъ ты пришелъ къ намъ, ты снизошелъ до насъ по повелѣнію царя Египта, верховнаго судьи солнца, утвержденнаго богомъ Ра“. Богъ отправился къ принцессѣ Бинтрошитъ, пріобщилъ ее къ своей благодати и моментально исцѣлилъ ее. Тогда духъ, поселившійся было въ ней, сказалъ въ присутствіи Хонсу, совѣтника Ѳивъ: „Привѣтъ тебѣ, великій богъ, изгоняющій непокорныхъ; городъ Бахтанъ принадлежитъ тебѣ; жители его твои рабы; я самъ рабъ твой. Я возвращусь туда, откуда пришелъ, дабы возрадовать твое сердце тѣмъ, что цѣль твоего путешествія достигнута. Пусть только твое величество повелитъ, чтобы князь Бахтана совершилъ празднество въ честь меня!“ Богу угодно было сказать прорицателю: „Надо, чтобы князь Бахтана принесъ обильную жертву этому духу“. Пока все это происходило и совѣтникъ Ѳивъ, Хонсу, бесѣдовалъ съ духомъ,—князь Бахтана вмѣстѣ со своимъ войскомъ былъ объятъ глубокимъ страхомъ. Онъ поднесъ богатые подарки Хонсу, совѣтнику Ѳивъ, а также духу, и устроилъ въ честь обоихъ празднество; послѣ этого духъ, по повелѣнію Хонсу, совѣтника Ѳивъ, мирно удалился, куда хотѣлъ. Князь былъ внѣ себя отъ радости, такъ же какъ и все населеніе Бахтана; потомъ онъ сказалъ самому себѣ: „Надо бы, чтобы богъ этотъ остался въ Бахтанѣ; я не отпущу его въ Египетъ“. Прошло три года и девять мѣсяцевъ съ тѣхъ поръ, какъ Хонсу поселился въ Бахтанѣ, какъ вдругъ однажды, когда бахтанскій князь лежалъ въ своей постели, ему представилось, что онъ видитъ, какъ богъ Хонсу въ образѣ золотого ястреба оставляетъ свой наосъ и, воспаривъ къ небесамъ, направляется въ сторону Египта. Вставъ съ постели, князь почувствовалъ себя больнымъ; тогда онъ сказалъ жрецу бога Хонсу, совѣтника Ѳивъ: „Богъ хочетъ оставить насъ и вернуться въ Египетъ: отправьте туда его колесницу“. Хонсу возвратился въ свой ѳиванскій храмъ, осыпанный подарками [1]).

Ко времени Рамзеса XII всѣ эти ухищренія возымѣли уже надлежащее дѣйствіе. Хотя царь принадлежалъ еще къ династіи Рамессидовъ, но дѣйствительнымъ повелителемъ Египта былъ главный прорицатель ѳиванскаго Аммона, Григоръ. Вице-король Эѳіопіи, послѣ Пинахси, сына Рамзеса XII [2]), главнокомандующій національными и иноземными войсками, Григоръ пользовался всѣми правами фараона, кромѣ короны и списка царственныхъ титуловъ; сверхъ того, мать его была царскаго происхожденія и завѣщала ему права на престолъ [3]). Онъ немедленно воспользовался имъ послѣ смерти Рамзеса XII, объявилъ себя государемъ обоихъ Египтовъ и смѣло присоединилъ къ царственнымъ титуламъ свое званіе главнаго прорицателя Аммона. Эта узурпація не встрѣтила сначала никакого противодѣйствія, но вскорѣ сѣверные города стали завидовать Ѳивамъ и выдвинули имъ соперника. Одинъ танисецъ, по имени Смендесъ, объявилъ себя царемъ, былъ признанъ въ Дельтѣ и Среднемъ Египтѣ и основалъ новую династію, двадцать первую, спустя менѣе полутораста лѣтъ послѣ смерти Рамзеса III.

---

[1]) Памятникъ, на которомъ изображена эта легенда, хранится въ настоящее время въ Парижской Національной Библіотекѣ; описаніе его, переводъ надписи и комментаріи къ ней сдѣланы Э. де-Руже, „Etude sur une stèle égyptienne appartenant à la Bibliothèque Impériale“. Сначала памятникъ этотъ считался подлиннымъ, пока Эрманъ не доказалъ, что въ немъ слѣдуетъ видѣть подлогъ жрецовъ бога Хонсу („Die Bentreschtstele“, въ „Zeitschrift“, 1883, стр. 54—64); Флоигль („Geschichte des Sem. Alterth.“, стр. 50) доказалъ, что царемъ, о которомъ говорится въ надписи, былъ именно Рамзесъ II. Почтенное открытіе Эрмана позволяетъ намъ вычеркнуть изъ списка египетскихъ царей предполагаемаго Сезостриса II, на существованіе котораго указывалъ только одинъ этотъ памятникъ.

[2]) Плейтъ, „Papirus de Turin“, стр. 89—90.

[3]) Навиль, „Trois reines de la 19-me dynastie“, въ „Zeitschrift“, 1878 стр. 29—30.

Списокъ египетскихъ царей XVIII-й, XIX-й и XX-й династій, составленный по даннымъ настоящаго времени.

XVIII династія (діосполитанская).

I. Ахмосъ I, Нибпехтири.
II. Аменготепъ I, Зосоркери.
III. Тутмосъ I (или Тутмозисъ), Ахопиркери.
IV. Тутмосъ II, Ахопириири.
V. Хнунитамонъ Хатсопситу, Макери.
VI. Тутмосъ III (или Тутмозисъ), Менхопирри.
VII. Аменготепъ II, Ахопирури.
VIII. Тутмосъ IV (Тутмозисъ), Хакеу, Менхопирури.
IX. Аменготепъ III, Манибри.
X. Аменготепъ IV, Нофирхопирури-уаири (Хупатонъ).
XI. Саанахтъ (?).
XII. Нутиръ-іотфъ Ан хикъ нутиръ оисъ, Хопирхопирури при маитъ.
XIII. Тутонхамонъ хикъ Онъ—риси, Хопирупибри.
. . . .

XIX династія (діосполитанская).

I. Гармгаби Міамунъ, Созорхопирури сотпенри.
II. Рамзесъ I. Монпегтири.
III. Сати I Минефта, Менмари.
IV. Рамзесъ II Міамунъ, Усирмари сотпенри.
V. Минефта I хотпу-хи-маитъ, Бинри Міамунъ ми нутиру.
VI. Аменмоссу гикъ онъ, Менхари сотпенри.
VII. Минефта II Сифта, Хунри сотпенри.
VIII. Сети II Минефта, Усирхопирури Міамунъ.
. . . .

XX династія (діосполитанская).

I. Нахтсети мири Міамунъ, Усирмари Міамунъ.
II. Рамзесъ III хикъ нутиръ онъ, Усирмари Міамунъ.
III. Рамзесъ IV хикъ маитъ (маити) Міамунъ, Усирмари сотпенри.
IV. Рамзесъ V Амонгихопшуфъ Міамунъ, Усирмари скгопирипри.
V. Рамзесъ VI Амонгихопшуфъ нутиръ хикъ онъ, Нибмари Міамунъ.
VI. Рамзесъ VII Атамонъ Нутиргикъ онъ Усирмари Міамунъ сотпенри.
VII. Рамзесъ VIII Ситхихопшуфъ Міамунъ, Усирмари Хунамонъ.
VIII. Міамунъ митумъ . . . . (?).
IX. Рамзесъ IX Сифта, сханри Міамунъ.
X. Рамзесъ X Міамунъ, Нофиркоури сотпенри.
XI. Рамзесъ XI Амонгихопшуфъ, Хопирмари сотпенри.
XII. Рамзесъ XII Хамонсъ нутиръ хикъ онъ Міамунъ, Менмари сотпенфта.

КНИГА III.

Ассирійская монархія и Востокъ до воцаренія Саргонидовъ.

ГЛАВА VII.

ПЕРВАЯ АССИРІЙСКАЯ МОНАРХІЯ. ЕВРЕИ ВЪ ЗЕМЛѢ ХАНААНСКОЙ.

Ассирія: Нинъ и Семирамида; Тугултипалесарра I-й. —Завоеваніе Ханаана израильтянами.—Палестина и Финикія во времена Судей.

Ассирія: Нинъ и Семирамида; Тугултипалесарра I.

Положеніе Сиріи таково, что она можетъ быть независимой только при отсутствіи сильныхъ сосѣдей. Лишь только на берегахъ Нила или Тигра возвышалось какое-нибудь государство, сейчасъ же богатства Дамаска и Сидона, Гаргамиша и Газы, казалось, неодолимо притягивали его къ себѣ. Египетъ, освободившись отъ кочевниковъ, устремился на страну Хару, поставилъ гарнизоны въ ея городахъ, обложилъ данью всѣ ея племена, и крупныя, и мелкія, держалъ ее въ своей зависимости въ продолженіе нѣсколькихъ вѣковъ. Не успѣли еще выйти изъ страны египетскія войска, какъ на мѣсто ихъ появились ассирійскія полчища.

Страна Ассуръ занимала средній бассейнъ Тигра, отъ притока Курниба до того мѣста, гдѣ онъ входилъ въ наносныя равнины Халдеи. На востокѣ среднее теченіе Большого Заба и нѣсколько отроговъ Загроша составляли какъ бы естественную границу и отдѣляли Ассуръ отъ страны Намри и отъ племенъ Мидіи. На

сѣверѣ границею служили горы Мазіосъ, а на юго-востокѣ—рѣка Адемъ; на западѣ и юго-западѣ страна простиралась по направленію къ Хабуру и Евфрату, причемъ неизвѣстно, доходила ли она когда-нибудь до этихъ рѣкъ [1]). Восточная часть ея, орошенная многочисленными рѣками, Курнибомъ или Хабуромъ, Большимъ и Малымъ Забомъ и Адемомъ, испещренная холмами, была богата минералами, металлами, хлѣбомъ и всевозможными плодами. Въ древности масса каналовъ, проведенныхъ изъ Тигра и его притоковъ, замѣняли рѣдкіе дожди во время лѣта. Тутъ находилось много богатыхъ и населенныхъ городовъ, названія которыхъ наполняютъ царскіе временники, а развалины еще и теперь покрываютъ почву; но не всегда можно опредѣлить съ точностью тождество этихъ названій съ тѣми или другими развалинами: двѣ изъ столицъ Ассиріи, Нинивія (Нинуа, Ниневія) и Калахъ (Калхоу), были основаны еще первыми халдейскими колонистами. На западъ отъ рѣки находилось обширное, волнообразное плоскогоріе, пересѣкаемое у Сингара нѣсколькими группами мѣловыхъ горъ. Здѣсь то, въ скудной и плохо орошенной мѣстности, за исключеніемъ береговъ Тигра, возвышались Сингаръ и Эль-Ассуръ, древнѣйшая изъ столицъ Ассиріи.

Со времени Тутмоса III относительное положеніе государствъ, находившихся въ этихъ краяхъ, измѣнилось. Халдея, уже значительно ослабленная, не переставала клониться къ упадку; Ассуръ, напротивъ, все болѣе и болѣе возвышался. За царями первосвященниками, Исмидаганомъ, Самсираманомъ (Самси-меру) и Иріамтукомъ, слѣдовали самодержавные цари: Ассурнирари, Набудаганъ, Ассурбелнисису, царствованія которыхъ относятся къ XV вѣку до начала нашей эры. Благодаря усиліямъ этихъ, еще не достаточно извѣстныхъ намъ государей, страна Ассуръ съумѣла внушить уваженіе своимъ сосѣдямъ. Ассурбелнисису и сынъ его Бусурассуръ (между 1400 и 1370 г.) обходились уже какъ съ равными съ Кара-индасомъ и преемникомъ его Бурнабуріясомъ I, царями Халдеи. Послѣдній женился на дочери Ассурубаллита, преемника Бусурассура, которому бракъ этотъ далъ возможность

[1]) Въ классическія времена названіе Ассирія служило для обозначенія областей съ далеко неодинаковымъ протяженіемъ. Геродотъ прилагаетъ его къ Халдеѣ, I, 106, 192; III, 92, Плиній ко всей Месопотаміи, „H. N.“, 26. Сравн. Страбонъ, L, XVI. Область Нинивіи носила болѣе спеціальное названіе Ατορία.

вмѣшиваться во внутреннія дѣла Вавилона. Карахардасъ, сынъ Бурнабуріяса, былъ убитъ во время возмущенія Кассіевъ и замѣненъ на престолѣ нѣкіимъ Назибугасомъ; Ассурубалатъ убилъ узурпатора и посадилъ на его мѣсто второго сына Бурнабуріяса, по имени Куригалзу. Не прошло и ста лѣтъ, какъ другой ассирійскій правитель, Тугултининипъ I (около 1270 г.) явился въ Вавилонъ уже не въ качествѣ союзника, а завоевателя, и подчинилъ его своему владычеству [1]). Съ этихъ поръ Вавилонъ находился въ вассальной зависимости отъ Ассиріи; правители, водворенные тамъ побѣдителемъ, считались его подданными и платили дань.

Позднѣе, къ началу персидской эпохи, сообщенные нами факты были облечены въ форму миѳологическихъ легендъ. Разсказывали, что въ началѣ исторіи одинъ начальникъ, по имени Нинъ (Ниносъ), прославился своими завоеваніями и основалъ въ Азіи имперію, состоявшую изъ Вавилоніи, Арменіи, Мидіи и всѣхъ странъ отъ Средиземнаго моря до Инда. На берегу Тигра онъ построилъ Нинивію. „Городъ былъ построенъ въ видѣ продолговатаго четыреугольника, длинная сторона котораго имѣла 150 стадій длины, а короткая—90, такъ что вся площадь города равнялась 480 стадіямъ (89 километрамъ)... Помимо ассиріянъ, составлявшихъ самую богатую и значительную часть народонаселенія, Нинъ допускалъ въ свою столицу много иностранцевъ; вскорѣ она сдѣлалась самымъ большимъ и цвѣтущимъ городомъ въ свѣтѣ“. Война съ Бактріей оторвала царя отъ строительныхъ работъ. Онъ осадилъ Бактры и встрѣтился у этого города съ Семирамидой, которой молва приписывала божественное происхожденіе. Она считалась дочерью смертнаго и богини, Деркето, изъ Аскалона. Брошенная сейчасъ послѣ рожденія, она была подобрана и воспитана пастухомъ Симасомъ. Когда она выросла, Оаннесъ, правитель Сиріи, женился на ней за ея красоту и взялъ ее съ собой на войну. Нинъ, восхищенный ея храбростью, похитилъ ее, взялъ себѣ въ жены и сдѣлалъ своей наслѣдницей.

Сдѣлавшись царицей, Семирамида построила Вавилонъ по плану, еще лучше задуманному, чѣмъ планъ Нинивіи. Стѣны Вавилона имѣли 360 стадій (66 километровъ) въ окружности; съ боковъ къ нимъ примыкали 250 большихъ башенъ, а толщина стѣнъ была

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 54—59; Ленорманъ, „Histoire“, т. II, стр. 55—59; Менанъ, „Annales“, стр. 15—28; „Babylone et la Chaldée“, стр. 11—124.

такова, что по нимъ свободно могли проѣхать 6 колесницъ въ рядъ. Евфратъ былъ запруженъ и окаймленъ набережной на протяженіи 160 стадій (30 километровъ), и оба берега его соединялись мостомъ. Среди города возвышался храмъ бога Бела. Лишь только окончились работы, какъ вспыхнуло возстаніе въ Мидіи. Семирамида усмирила возстаніе, послѣ чего начала объѣзжать различныя провинціи своей имперіи. Она построила Экбатану въ Мидіи, Семирамокарту — въ Арменіи, при озерѣ Ванъ и Тарсъ— въ Киликіи. Вездѣ на своемъ пути она прорѣзывала горы, разрушала скалы, прокладывала большія и прекрасныя дороги. На равнинахъ она воздвигала курганы, служившіе надгробными памятниками для ея полководцевъ, павшихъ въ походахъ. Достигнувъ границъ Сиріи, она перешла перешеекъ и завоевала Египетъ и Эѳіопію. Слава о богатствахъ Индіи отвлекла ее отъ береговъ Нила къ берегамъ Инда, но здѣсь счастье покинуло ее. Она была разбита царемъ Стратобатесомъ и, вернувшись въ свои владѣнія, уже не покидала ихъ болѣе. Она соорудила побѣдные памятники на самыхъ крайнихъ предѣлахъ обитаемой земли, въ глубинѣ Скиѳіи, недалеко отъ Яксарта, гдѣ Александръ Великій нашелъ ихъ еще нетронутыми. „Природа, говоритъ отъ имени Семирамиды надпись одного изъ этихъ памятниковъ, дала мнѣ тѣло женщины, но мои дѣйствія сравняли меня съ величайшими мужами. Я управляла Имперіей Нина, доходящей на западѣ до рѣки Гинамана (Индъ?), на югѣ до странъ ѳиміама и смирны, на сѣверѣ до Сакъ и Согдіаны. До меня не одинъ ассиріянинъ не видалъ моря, я же видала четыре океана, къ берегамъ которыхъ никто не подходилъ, — такъ они были далеки. Я заставила рѣки течь, куда мнѣ хотѣлось, а мои желанія направляли ихъ туда, гдѣ они были болѣе всего полезны; я сдѣлала безплодную землю плодородной, орошая ее этими рѣками. Я построила неприступныя крѣпости, съ помощью желѣза, я проложила дороги чрезъ непроходимыя скалы. Я прокладывала для своихъ колесницъ дороги тамъ, гдѣ даже дикіе звѣри никогда не ходили. И среди всѣхъ этихъ заботъ я находила время для удовольствій и для моихъ друзей“. Но всѣ эти заслуги не оградили царицу отъ заговоровъ противъ нея. Узнавъ, что одинъ изъ такихъ заговоровъ былъ составленъ сыномъ ея, Ниніасомъ, она отказалась отъ власти въ его пользу и превратилась въ голубку, обнаруживъ послѣднимъ поступкомъ свое божественное происхожденіе. Нинъ и Семирамида, не принадлежатъ исторіи они

составляютъ божественную чету, скрывая подъ своими именами образы Нинипъ-Сандана и Истары (или Иштарты), Геркулеса и Венеры ассирійской миѳологіи. Ихъ необыкновенныя дѣянія должны быть отнесены къ области басенъ, которыми вавилонскій эпосъ наполнялъ первоначальные времена міра. Только въ эпоху персидскихъ царей историкъ Ктезій Книдскій, собравъ разрозненные разсказы объ этихъ двухъ миѳологическихъ личностяхъ, облекъ ихъ плотью и кровью ассирійскихъ царей [1]).

Исторія дѣйствительныхъ первыхъ ассирійскихъ царей далека отъ романической исторіи Нина и Семирамиды. Завоеваніе Халдеи вовлекло ихъ въ цѣлый рядъ кровавыхъ войнъ. По смерти Тугултининипа I-го, Раманбалиддинъ, одинъ изъ назначенныхъ имъ правителей въ побѣжденной странѣ, возсталъ противъ его сына, Белкудуріуссура, прогнавъ ассирійскіе гарнизоны и, возстановивъ обширныя укрѣпленія Нипура, завладѣлъ Ассиріей. Белкудуріуссуръ былъ разбитъ и убитъ; царская печать Тугултининипа, похищенная во время пораженія, была положена, какъ трофей, въ сокровищницу Вавилона, гдѣ оставалась 600 лѣтъ. Нининпалекуръ перешелъ опять къ наступательнымъ дѣйствіямъ: „организовавъ страну Ассуръ и учредивъ впервые ассирійскую армію“, онъ разбилъ Раманбалиддина подъ стѣнами Эль-Ассура. Съ этихъ поръ могущество Нинивіи все возрастало. Ассурданъ, сынъ Нинипалекура, „превзошелъ все, что только было до него“. Онъ одержалъ рѣшительную побѣду надъ Замамашумиддиномъ, царемъ вавилонскимъ, взялъ города Заббу, Ирригу и Агарсалъ и вернулся домой съ многочисленной добычей. Его два преемника, Мутаккилнуску и Ассуррисиси, были еще счастливѣе его. Послѣдній изъ нихъ „напалъ на земли бунтовщиковъ и подчинилъ себѣ князей всей ихъ страны“. Два раза Набукудуріуссуръ I, царь вавилонскій, нападалъ на Ассирію и оба раза принужденъ былъ обратиться въ бѣгство, оставивъ въ рукахъ непріятеля весь обозъ и царскій штандартъ, который обыкновенно носили передъ нимъ [2]).

Ассирія составляла прекрасно сплоченное и могущественное

---

[1]) Фр. Ленорманъ, „La Légende de Sémiramis“, 1872. Одинъ англійскій ученый, M. Daniel Haigh, сдѣлалъ попытку отождествить Вавилонскую Семирамиду съ Египетской царицей, Ахмосъ Нофритари („Zeitschrift“ 1874, стр. 18—23).

[2]) Менанъ, „Annales“, 29—32; „Babylone et la Chaldée, стр. 125 127.

государство, всѣ силы котораго могли быть сконцентрированы въ одномъ мѣстѣ и были въ состояніи уничтожить всякое сопротивленіе. Цари ея, за исключеніемъ южной границы, гдѣ можно было еще опасаться Халдеи, имѣли передъ собой одинокія, разрозненныя и слабыя племена, которыя они легко побѣждали, одно за другимъ. Поэтому, они съ давнихъ поръ распространили свое могущество на бассейнъ верхняго Тигра и Месопотамію: страна Куммухъ (Коммагена) [1]) и часть страны Наири [2]) платили имъ дань. Тугултипалесарра I-й (Тиглатъ-Фаласаръ или Туклатпаласаръ) значительно увеличилъ свои владѣнія. Въ началѣ его царствованія мускайа (мосхійцы), управляемые пятью царями, спустились съ горъ, въ которыхъ обитали, и овладѣли Коммагеною. Народъ этотъ находился нѣкогда въ зависимости отъ ассирійскихъ царей, затѣмъ возсталъ, лѣтъ за 60 до того времени, и пользовался съ тѣхъ поръ независимостью. Тугултипалессара пошелъ имъ навстрѣчу и разбилъ ихъ. „Я наполнилъ ихъ трупами ущелія до горныхъ вершинъ, говоритъ онъ, я отсѣкъ имъ головы и украсилъ этими головами стѣны ихъ городовъ. Я взялъ безчисленное количество плѣнниковъ, добычи и сокровищъ. Шесть тысячъ человѣкъ, взбунтовавшихся противъ моей власти, обнимали мои колѣни, и я взялъ ихъ въ плѣнъ“. Завоеваніе Коммагены произошло вслѣдъ за пораженіемъ мосхійцевъ. Ассиріяне перешли Тигръ и разграбили Сириси, столицу страны, несмотря на вмѣшательство нѣкоторыхъ сосѣднихъ племенъ. „Остальные ихъ солдаты, испуганные могуществомъ моего оружія, не выдержали натиска сильной атаки, и, спасая свою жизнь, бросились къ вершинамъ горъ, на высокія плоскогорія, къ лѣснымъ опушкамъ, по извилистымъ горнымъ оврагамъ, гдѣ едва возможно было пройти человѣку. Я погнался за ними; они вступили со мною въ бой, и я обратилъ ихъ въ бѣгство; я, какъ буря, пронесся по рядамъ сражающихся, среди горныхъ овраговъ... Я подчинилъ себѣ всю страну Куммухъ и съ этихъ поръ включилъ ее въ составъ своего государства, потому что я, Тугултипалессара, могущественный царь, истребитель негодныхъ, уничтожающій непріятельскія войска“.

[1]) Это не Коммагена классическихъ историковъ, но другая болѣе обширная Коммагена, занимавшая склоны Тавра, около Самосата, и весь верхній бассейнъ Тигра до Діарбекира (Шрадеръ. Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 181—213).

[2]) Страна, расположенная по обоимъ склонамъ горъ Мазіосъ, между верхнимъ Тигромъ и среднимъ Евфратомъ.

Завоеваніе Коммагены и пораженіе мосхійцевъ не могли имѣть рѣшающаго значенія при независимости сосѣднихъ племенъ. На слѣдующій годъ, въ то время, какъ часть ассирійскаго отряда перешла Малый Забъ и успѣшно производила набѣги въ горахъ Курдистана, Тугултипалесарра пошелъ войной на жителей Харіи и на войска Курхіэ, „въ непроходимые лѣса, куда еще ни одинъ царь не заходилъ. Богъ Ассуръ, мой повелитель, велѣлъ мнѣ идти: я собралъ мои колесницы и мои войска и пустился въ непроходимую страну между горами Итни и Айа, вершины которыхъ такъ остры, какъ остріе кинжала, и гдѣ не было прохода для моихъ колесницъ. Я оставилъ колесницы въ равнинѣ, а самъ взобрался на горы“. Этотъ походъ привелъ царя въ самую середину горныхъ высотъ Арменіи. Онъ разбилъ тамъ жителей Курхіэ и взялъ 25 городовъ въ странѣ Харіа. „Я покрылъ развалинами округи Сарауса и Аммауса, съ незапамятныхъ временъ никому не подчинявшіеся. Я помѣрялся силами съ ихъ арміей у горы Арума; Я каралъ ихъ, я разилъ ихъ, какъ дикихъ звѣрей и усѣялъ землю ихъ трупами; я занялъ ихъ города, я унесъ ихъ боговъ; я взялъ ихъ въ плѣнъ, я владѣлъ ихъ имуществомъ и драгоцѣнностями; я предалъ ихъ города пламени, разрушилъ и уничтожилъ ихъ, я обратилъ ихъ въ развалины и мусоръ; я наложилъ на нихъ тяжелое иго моего владычества и въ ихъ присутствіи воздалъ благодарственныя почести богу Ассуру, моему повелителю“ [1]).

Заручившись спокойствіемъ на сѣверѣ и востокѣ, Тугултипалесарра направился на западъ. Его первый походъ въ этомъ направленіи былъ всецѣло посвященъ завоеванію Наири. „Храбрый въ стычкахъ, мужественный въ сраженіяхъ, я шелъ, не имѣя себѣ равнаго, по указанію Ассура, противъ царей, которые владѣли берегами великаго моря и которые никогда никому не подчинялись. Я прошелъ недосягаемыя высоты и крутыя ущелья, въ которыя никогда не проникалъ ни одинъ изъ прежнихъ царей; я прошелъ по труднымъ дорогамъ и сквозь густыя чащи“. Племена, находившіяся на востокъ отъ Евфрата, не оказали большого сопротивленія, но по другую сторону рѣки пришлось отвоевывать землю

[1]) Страна Кирхи, Хурхи, была расположена къ востоку отъ земли хети и къ западу отъ озера Урміи, въ гористой области источниковъ Тигра. Въ составъ ея входили отчасти Арзанена, Софена и Гордіена греко-римскихъ географовъ (Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 145—147, прим.).

шагъ за шагомъ. Двадцать три царя земли Наири собрали свои отряды, призвали на помощь народы береговъ Средиземнаго моря и дали сраженіе ассирійцамъ. Но они были разбиты, города ихъ разрушены, а сыновья ихъ уведены въ качествѣ заложниковъ. Этотъ успѣхъ былъ только прелюдіей къ новому, еще бóльшему успѣху. Тугултипалесарра покинулъ Эллассаръ на слѣдующій годъ, „въ назначенный имъ благопріятный день, который былъ открытъ ему во снѣ; онъ пошелъ въ страну Арамъ, не признававшую Ассура, его господина“. Отъ устья Хабура онъ пошелъ вверхъ по Евфрату, разбилъ Зуховъ; преслѣдовалъ ихъ до Гаргамиша, переправился вслѣдъ за ними и былъ первымъ представителемъ своего народа, вступившимъ въ предѣлы территоріи сѣверныхъ хетійцевъ.

Со времени нашествія морскихъ переселенцевъ при Рамзесѣ III хетійцы окончательно потеряли власть, которую они было временно создали себѣ въ Сиріи и Малой Азіи. Теперь они представляли собою немногочисленное племя, расположившееся между Евфратомъ и Апріе, вокругъ Гаргамиша. Рядомъ съ ними съ полдюжины мелкихъ государствъ раздѣлили между собою долину верхняго Оронта и равнины Нагаранны. Въ числѣ ихъ находились государства: Патинъ [1]) (со столицей Киналуа), Питру и Халупу, которую ассирійцы называли Хальваномъ. Городъ Кодшу существовалъ еще, но находился въ упадкѣ [2]); Хаматъ и Соба занимали то же положеніе, что и во времена фараоновъ. Тугултипалесаррѣ не трудно было подчинить себѣ эти народы, еще не забывшіе египетскаго владычества. Пройдя сѣверную Сирію и перебравшись черезъ Ливанъ, онъ вошелъ въ страну Ахарру; Арвадъ открылъ ему свои ворота и далъ свои корабли. Царь не отказалъ себѣ въ удовольствіи отправиться въ открытое море и собственноручно убилъ дельфина. Вѣсть о его побѣдахъ распространилась далеко на югъ и дошла до египта; царствовавшій тогда фараонъ счелъ болѣе благоразумнымъ не отстаивать своихъ правъ на землю хети, завѣщанныхъ ему его предками. Поэтому, онъ послалъ подарки могущественному царю Ассиріи и, между прочимъ,

[1]) Относительно страны Патинъ, смотр. у Шрадера. „Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 214—221; и у Делича, „Wo lag das Paradies“, стр. 269 и сл.

[2]) Послѣднее, до Геродота, упоминаніе объ этомъ городѣ встрѣчается въ Библіи (II кн. Самуила, XXXIV, 6; сравн. „Галеви, Mélanges de critique et d'histoire“ стр. 31—32).

крокодиловъ (намсухъ) и гиппотамовъ (умми). Эти животныя, неизвѣстныя на берегахъ Тигра, возбудили живѣйшее любопытство, и упоминаніе о ихъ присылкѣ удостоилось занять мѣсто рядомъ съ важнѣйшими событіями царствованія [1]).

Разсказъ объ этихъ войнахъ даетъ высокое понятіе о личныхъ качествахъ предпринимавшаго ихъ царя и о его народѣ. Подобно великимъ фараонамъ 18-й и 19-й династій, Тугултипалесарра былъ прежде всего неутомимымъ военачальникомъ. Онъ руководитъ лично большинствомъ своихъ походовъ, самолично ведетъ атаку, и приводитъ въ повиновеніе безчисленныя племена; вѣчно въ переходахъ изъ конца въ конецъ своего государства, онъ не думаетъ ни о разстояніи, ни о препятствіяхъ; къ тому же онъ страстный охотникъ на львовъ, истребитель дикихъ звѣрей. Ассирійцы безспорно были наиболѣе одаренной расой Западной Азіи. Они были менѣе оригинальны, чѣмъ передавшіе имъ свою цивилизацію халдеи, но обладали большей стойкостью и энергіей. Они въ высшей степени обладали военными качествами, физической силой, дѣятельностью, ловкостью, хладнокровіемъ и непоколебимой храбростью; выгнавъ изъ логовища дикаго быка или льва, которыми изобиловала ихъ страна, они безстрашно встрѣчали звѣря лицомъ къ лицу. Но порочныя наклонности преобладали надъ добродѣтелями. Это былъ кровожадный народъ, преисполненный жестокости и лжи, чувственный, до крайности надменный, плутоватый и вѣроломный, съ презрѣніемъ относившійся къ своимъ врагамъ. Мало націй злоупотребляло болѣе нагло правомъ сильнаго. Они разрушали и жгли города на своемъ пути; сажали на колъ непокорныхъ начальниковъ или сдирали съ нихъ живьемъ кожу. Несмотря на блескъ и утонченность своей внѣшней цивилизаціи, они всегда оставались варварами. И всѣ эти ужасы они продѣлывали во имя Ассура, такъ какъ были религіознымъ народомъ по преимуществу. „Царь много прославилъ себя, но еще болѣе онъ прославилъ боговъ. Онъ сражается ради собственной славы и расширенія своего царства, но сражается также за честь боговъ, которыхъ не признаютъ другіе народы, и ради далекаго распространенія ихъ культа во всѣхъ извѣстныхъ странахъ. Его войны столько же религіозныя, сколько и завоевательныя; его постройки, по крайней мѣрѣ, о которыхъ онъ всего

[1]) Факты эти позаимствованы изъ надписи одного разбитаго памятника, который, можетъ быть, не принадлежалъ Тугултипалесаррѣ.

болѣе заботится,—постройки религіозныя“ [1]). „Храмъ Ану и Раману, великихъ боговъ, моихъ повелителей, построенный 641 годъ тому назадъ Самсираманомъ, верховнымъ жрецомъ Ассура, сыномъ Исми-Дагана, верховнаго жреца Ассурскаго,—обратился въ развалины. Ассурданъ, разрушилъ этотъ храмъ, но не отстроилъ его. Въ теченіи 60 лѣтъ не прикасались къ нему“ [2]). Тугултипалесарра построилъ его еще въ большихъ размѣрахъ, и окружилъ храмами и дворцами, великолѣпіе которыхъ онъ восхваляетъ. Несмотря однако на эти восхваленія, образцы ассирійской архитектуры не могутъ сравниться съ египетскими ни величіемъ плана, ни выборомъ матеріаловъ. Ея громадныя сооруженія ничтожны сравнительно съ луксорскими и карнакскими; а стиль отличается неуклюжестью и отсутствіемъ оригинальности. Для построекъ ассиріяне употребляли преимущественно кирпичи, которые покрывались тонкими каменными скульптурными изображеніями: между тѣмъ какъ египетскіе архитектора предпочитали (въ качествѣ строительнаго матеріала) известнякъ и гранитъ. Поэтому ассирійскіе храмы и дворцы не существовали такъ долго, какъ египетскіе: они разсыпались въ безформенныя груды.

Послѣ побѣды надъ Наири, Тугултипалесарра воздвигъ себѣ побѣдный памятникъ у одного изъ источниковъ Тигра. „По волѣ Ассура, Самаса и Раману, великихъ боговъ, моихъ повелителей, я, Тугултипалесарра, царь страны Ассуръ, сынъ Ассуррисиси, царя Ассурскаго, сына Мутаккилиуску, царя Ассурскаго, побѣдитель народовъ отъ великаго моря до страны Наири, я въ третій разъ покорилъ страну Наири“. Новая экспедиція повела за собой завоеваніе страны Хуману (Комана). Другая привела царя въ центръ Халдеи: въ два года онъ прошелъ ее по всѣмъ направленіямъ; Дур-Куригалзу (Аккеркуфъ?), Сиппаръ, Вавилонъ, Упи (Описъ) были взяты, а страна Зуховъ разорена. Но слава этихъ первыхъ успѣховъ не замедлила омрачиться поразительными превратностями. Мардукнадинахе, царь Вавилона, прогналъ завоевателей, проникъ вслѣдъ за ними въ Ассирію и овладѣлъ городомъ Гекали. Онъ похитилъ оттуда статуи боговъ и перенесъ въ Вавилонъ, гдѣ онѣ оставались въ плѣну 418 лѣтъ.

1) Дж. Раулинсонъ, The five great Manarchies“, т. II, стр. 72—73.

2) Надписи Тугултипалесарры были переведены Лотцемъ, „De Inschriften Tiglathbelizer's I“, Лейпцигъ, 1880, in-8⁰; въ трудѣ этомъ нѣтъ никакихъ историческихъ объясненій.

Ассурбелкала вознаградилъ страну за неудачи своего отца: онъ взялъ Багдаду (Багдадъ), опустошилъ окрестности Вавилона и принудилъ царя Мардуксапикзирмати просить мира, который продолжался и при его преемникѣ Самсираманѣ III. Но Ассурабаморъ, сынъ Самсирамана, царствовалъ несчастливо. Онъ былъ разбитъ недалеко отъ Гаргамиша соединенными силами хетійцевъ и потерялъ всѣ завоеванія своего дѣда. Сирія ускользнула изъ рукъ ассиріянъ и стала самостоятельнымъ государствомъ [1]).

Вотъ таблица первыхъ ассирійскихъ династій, насколько мнѣ ее удалось возстановить:

Ассурскіе Исакку:

I. Адаси.	V. Исмидаганъ.
II. Белбани.	VI. Самсираманъ II.
. . . .	. . . .
III. Белкапкапу.	VII. Иріамтукъ (около 1520).
IV. Самсираманъ I.	

Цари Ассирійскіе:

I. Ассурнирари и Набудаганъ (около 1500).	X. Белкудуріуссуръ (ок. 1250).
. . . .	XI. Нинипалекуръ (ок. 1220).
II. Ассурбелнисису (ок. 1420).	XII. Ассурданъ (ок. 1200).
III. Бусурассуръ (ок. 1400).	XIII. Мутаккилнуску (ок. 1170).
IV. Ассурубаллитъ (ок. 1380).	XIV. Ассурисиси (ок. 1150).
V. Белнирари (ок. 1360).	XV. Тугултипалесарра (ок. 1130).
VI. Пудіель (около 1340).	XVI. Ассурбелкала (ок. 1090).
VII. Раманнирари I (ок. 1330).	XVII. Самсираманъ III (ок. 1070).
VIII. Салмануссуръ I (ок. 1300).	XVIII. Ассуррабамаръ (ок. 1060).
IX. Тугултининипъ I (ок. 1275).	

1) Менанъ, „Annales“, стр. 53 56.

Завоеваніе израильтянами земли Ханаанской [1]).

По выходѣ изъ Египта, евреи устремились вглубь Синайскаго полуострова. Это было какъ разъ въ то время, когда соединенныя силы ливійцевъ и морскихъ народовъ угрожали обитателямъ Дельты; поэтому евреи, во избѣжаніе встрѣчи съ непріятельскими войсками, а также изъ опасенія передъ погоней фараона, держались въ сторонѣ отъ большихъ военныхъ дорогъ. Пустыня представляла для бѣглецовъ убѣжище, самое подходящее къ кочевымъ инстинктамъ ихъ расы. Еврейскія преданія сообщаютъ свѣдѣнія о жизни израильтянъ въ пустынѣ и опредѣляютъ даже количество времени, которое они тамъ пробыли. Вождь ихъ, Моисей, повелъ ихъ къ горѣ Синай, и здѣсь-то Господь лично сообщилъ народу свои заповѣди, легшія въ основаніе еврейскаго законодательства. Спустя сорокъ лѣтъ послѣ перехода черезъ Красное море, Моисей получилъ позволеніе Всевышняго ввести свой народъ въ землю Ханаанскую, изъ которой нѣкогда вышли его предки. Моисей занялъ страну къ востоку отъ Іордана, но смерть помѣшала ему войти въ землю Обѣтованную. Завоеваніе ея досталось на долю Іисуса, сына Навина, сдѣлавшагося послѣ смерти Моисея вождемъ израильскаго народа.

Весьма вѣроятно, что евреи оставались довольно долго на Синайскомъ полуостровѣ: побѣды Рамзеса III врядъ ли могли имъ внушить желаніе сдѣлать нападеніе на страну, въ которой они могли встрѣтиться со своими прежними хозяевами. Позднѣйшее преданіе утверждаетъ, что евреи, какъ и большинство народовъ ихъ расы [2]), представляли тогда союзъ мелкихъ племенъ, которыхъ насчитывали двѣнадцать, и которыя якобы происходили болѣе или менѣе прямо отъ двѣнадцати сыновей патріарха Іакова: Рувима, Симеона, Левія, Іуды, Иссахара и Завулона, — отъ его первой жены, Ліи, — Іосифа и Веніамина, — отъ второй жены, Рахили, и Дана, Невѳалима, Гада и Ассира — отъ служанокъ гарема. Вмѣсто Левія и Іосифа, родоначальниками двухъ племенъ считались сыновья Іосифа отъ одной египтянки — Ефремъ и Манассія. Хотя такое дѣленіе евреевъ было скорѣе миѳомъ, чѣмъ дѣйствительнымъ фактомъ, оно до того вкоренилось въ представленіи народа, что существовало номинально даже тогда, когда евреи жили въ пустынѣ: число племенъ и ихъ названія не были еще съ точностью опредѣлены. Составлявшіе ихъ роды были связаны очень слабыми узами; не было ни единства дѣйствій, ни единства управленія, ни даже общаго религіознаго руководительства. Проблуждавъ нѣсколько времени въ поискахъ за страной, на которой они могли бы поселиться, евреи остановились къ юго-западу отъ Мертваго моря, въ гористой мѣстности, окружающей городъ Кадесъ [1]). Эта была убогая, безплодная страна, съ немногочисленными, тщательно охраняемыми источниками и съ нѣсколькими оазисами, пригодными для обработки почвы и разведенія скота. Израильтяне встрѣтились здѣсь съ нѣсколькими племенами одного съ ними происхожденія, — кенитами, эдомитянами, мадіанитянами, — и поочередно то вступали въ союзы, то сражались съ ними, ведя жизнь современныхъ намъ бедуиновъ, полу-пастушескую, полуразбойничью. Воспоминаніе объ этомъ идиллическомъ періодѣ было всегда дорого ихъ сердцу даже много времени спустя послѣ занятія земли Ханаанской Синай былъ въ ихъ представленіи священной горой, по преимуществу, на которой возсѣдалъ Богъ ихъ, Іегова, и оттуда онъ посылалъ помощь своему народу, въ годины опасности [2]).

Нѣкоторые роды, изъ которыхъ составились впослѣдствіи колѣна Іудино и Симоново, направились прямо къ сѣверу и утвердились вмѣстѣ съ кенитами по сосѣдству съ Кадесомъ, недалеко отъ Хеврона [3]). Но большая часть еврейскаго народа не пошла по этому пути, хотя и самому прямому изъ всѣхъ, вѣроятно, изъ страха передъ египтянами и народами, платившими дань фараону. Вмѣсто этого евреи совершили медленный переходъ вдоль юж-

[1]) Во всемъ, что касается этого событія, я присоединяюсь къ результатамъ историческихъ изслѣдованій Эд. Рейса, „La Bible, Ancien Testament“, часть 3-я, т. I, стр. 80 и сл., и Велльгаузенъ, „Prolegomena zur Geschichte Israel“, стр. 237 и сл., 362 и сл.

[2]) Эдомитяне дѣлились на 12 племенъ, къ которымъ присоединялось еще незаконное племя, Амалеково (Бытіе, XXXVI, 4—14, 16—22); нахориды (Бытіе, XXII, 20—24), измальтяне (Бытіе, XXV, 12—16) и хетурійцы (Бытіе, XXV, 1—6) тоже дѣлились на столько же племенъ.

[1]) Теперь Аинъ Кадисъ; сравн. C. Trumbull, „A Visit to Aïn Qadis, the supposed site of Kadesh Barnea“, въ „Pal. Expl. Fund , Quart. St.“, іюль, 1881, стр. 208 и слѣд.

[2]) „Пѣсня Деворы“ („Кн. Судей“, сл. V, стих. 4—6), изъ которой извлечены мѣста, „Десятикнижія“, XXXIII, 2; Книги пророка Аввакума, III, 2, Псалмовъ, LXVIII, 8, 9 и т. д., — въ которыхъ говорится о томъ же.

[3]) Б. Штаде, „„Geschichte des Volkes Israel“, стр. 131—132.

ныхъ береговъ Мертваго моря, потомъ пошли по землѣ родственныхъ имъ моавитянъ и аммонитянъ и вступили въ страну Галаадскую. Послѣдняя представляла волнистое плоскогоріе, возвышавшееся приблизительно на восемьсотъ метровъ надъ долиной рѣки Іордана и покрытое обширными пастбищами; на югѣ деревья рѣдки и одиноко разсѣяны по плоскогорію, но, по мѣрѣ приближенія къ сѣверу, они встрѣчаются все въ большемъ и большемъ количествѣ и переходятъ въ цѣлые лѣса буковъ, сосенъ, пробковыхъ деревьевъ и сикоморъ, перемѣшанныхъ съ терпентинными деревьями и гигантскими смоковницами. Сквозь глубокія и крутыя ущелія, рѣки Арнонъ, Яббокъ и Ярмукъ изливаютъ свои воды въ Мертвое море и Іорданъ. Прародители евреевъ, Исавъ, Лаванъ и Іаковъ кочевали нѣкогда въ этихъ краяхъ, и еврейская хроника пыталась указать слѣды ихъ прежняго пребыванія здѣсь. Въ Маханаимѣ якобы Іаковъ видѣлъ Бога лицемъ къ лицу [1]), а въ Пнуэлѣ – вступилъ съ Нимъ въ единоборство, продолжавшееся всю ночь [2]). Преданіе говоритъ о сраженіяхъ, которыя давалъ Моисей въ землѣ Галаадской, о побѣдахъ соединенныхъ израильтянъ надъ Сигономъ, царемъ амморрейскимъ и, Огомъ, царемъ васанскимъ. Но на самомъ дѣлѣ завоеваніе происходило крайне медленно и постепенно; пришельцы проникали въ страну подъ видомъ мелкихъ пастушескихъ отрядовъ или разбойничьихъ шаекъ, которыя, взаимно соединяясь, понемногу достигли количества, способнаго прогнать, поработить или поглотить прежнихъ обитателей страны. Потомки Гада взяли себѣ лучшую часть завоеванной территоріи, а колѣно Рувимово отвоевало себѣ участокъ на восточномъ берегу Мертваго моря, въ землѣ аммонитянъ и моавитянъ. Позднѣе, потомки Махира и Іаира, причисляемые къ колѣну Манассіину, оспаривали у арамеянъ равнины, расположенныя между озеромъ Генисаретскимъ и сѣвернымъ берегомъ Ярмука, а потомки Нобаха подвинули свои передовые отряды до Кенаѳа, расположеннаго у подошвы Хорана [3]). Всѣ эти отдѣльные роды, утвердившись въ землѣ своихъ отцовъ, жили совершенно изолировано отъ остальныхъ израильтянъ; если къ нимъ обращались за помощью, они никогда не были въ состояніи подать ее, потому что, говоря словамя благодарственной пѣсни

---

[1]) „Бытіе“, XXXII, стих. 2--3.
[2]) „Бытіе“, XXII, 23–33.
[3]) Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 148–152.

Деворы, „Галаадъ живетъ спокойно за Іорданомъ“, а „въ племенахъ Рувимовыхъ большое несогласіе“ [1]). Племенамъ этимъ было и безъ того слишкомъ много дѣла съ нападавшими на нихъ дамасскими сирійцами, съ бедуинами пустыни, моавитянами и аммонитянами [2]). Вѣчно тревожимое сосѣдями, колѣно Гадово успѣшно защищалось [3]), но колѣно Рувимово было совершенно уничтожено безпрерывной борьбой за свою территорію, и вскорѣ стало извѣстно въ землѣ Израильской только по имени [4]).

Завоеваніе земель, лежащихъ къ западу отъ Іордана, произошло, несомнѣнно, при тѣхъ же условіяхъ, что и занятіе земли Галаадской. Но священныя преданія евреевъ отрицаютъ фактъ постепеннаго перехода земли Обѣтованной въ руки израильтянъ; они приписываютъ рѣшающее вліяніе одной побѣдѣ, одержанной дѣтьми Израиля по повелѣнію и подъ покровительствомъ Іеговы. Согласно этимъ преданіямъ, послѣ смерти Моисея, Іисусъ, сынъ Навина, перешелъ черезъ Іорданъ, нѣсколько выше его устьевъ, и взялъ городъ Іерихонъ, паденіе котораго повлекло якобы за собою и паденіе другихъ сосѣднихъ городовъ — Аи, Веѳиля и Сихема. Сихемъ, находившійся въ самомъ центрѣ Ханаана, былъ какъ бы сборнымъ пунктомъ для всего еврейскаго народа; Іисусъ Навинъ утвердилъ въ немъ свою резиденцію и построилъ близъ него на горѣ Гевалъ большой каменный жертвенникъ, на которомъ были изображены основныя статьи закона, даннаго Богомъ израильтянамъ. Первый союзъ южныхъ ханаанскихъ царей противъ завоевателей, составленный по иниціативѣ Адониседека, царя іевусійскаго, былъ уничтоженъ пораженіемъ союзникоовъ при Гаваонѣ (Гибсонѣ), послѣ чего всѣ союзные цари были казнены. Вторую коалицію, организованную Ябиномъ, царемъ азорскимъ, постигла та же участь: Ябинъ былъ разбитъ близъ водъ Мерома, а столица его сожжена. Докончивъ завоеваніе, Іисусъ Навинъ раздѣлилъ землю Ханаанскую, согласно установленнымъ правиламъ дѣлежа, и каждое изъ колѣнъ израильскихъ получило территорію, доставшуюся ему по жребію. Такова легенда о завоеваніи Ха-

---

[1]) „Пѣсня Деворы“ („Судьи“, V, 13 и сл.).
[2]) Сравн. выраженія, употребленныя въ „Благословеніи Іакова“ („Бытіе“, XLIX, 3) и Моисея „Десятикнижіе“, XXXIII, 6).
[3]) „Бытіе“, XLIX, 19.
[4]) Сравн. I кн. „Паралипоменовъ“, V, 18—19, гдѣ упоминается объ одной изъ войнъ Рувима, составляющей, вѣроятно, историческій фактъ.

наана, но не такова его исторія [1]). Всѣ еврейскія племена дѣйствовали далеко не съ такимъ похвальнымъ единодушіемъ; каждое изъ нихъ предпочитало вести дѣло на свой страхъ и рискъ, и часто болѣе многочисленныя племена пользовались своей силой и захватывали львиную долю. Они перешли черезъ Іорданъ поодиночкѣ, одинъ родъ за другимъ. Преданіе указываетъ на Іерихонъ, какъ на первый городъ на пути еврейскихъ переселенцевъ, по переходѣ черезъ Іорданъ. И дѣйствительно, очень правдоподобно, что нѣкоторыя племена и прошли по этому пути. Но, если обратить вниманіе на то, что большая часть еврейскихъ поселеній были основаны близъ Сихемы, — нельзя не предположить, что главная масса переселенцевъ перешла черезъ рѣку приблизительно въ срединѣ ея теченія [2]). На западномъ берегу Іордана евреямъ пришлось столкнуться съ населеніемъ, стоявшимъ сравнительно съ ними на гораздо болѣе высокой степени цивилизаціи и обладавшимъ могущественными средствами для самозащиты: укрѣпленные города и желѣзныя колесницы этого народа, оказывавшаго вѣковое сопротивленіе искуснымъ войскамъ фараоновъ, могли, конечно, служить надежной защитой отъ плохо вооруженныхъ еврейскихъ кочевниковъ. Военныя дѣйствія израильтянъ не были войной въ собственномъ смыслѣ: это былъ цѣлый рядъ набѣговъ, стычекъ, неожиданныхъ нападеній, отдававшихъ отъ времени до времени какой-нибудь укрѣпленный постъ въ руки евреевъ. Нѣкоторыя ханаанскія племена, утомленныя безпрерывной тревогой, предпочли войти въ сдѣлку съ грабителями и уступить имъ часть своей территоріи; другія — добровольно открыли имъ ворота своихъ городовъ, а впослѣдствіи тѣсно соединились съ ними посредствомъ браковъ. Самое сильное изъ еврейскихъ племенъ, колѣно Ефремово, прочно утвердилось въ самомъ центрѣ страны, въ горахъ, отдѣляющихъ долину рѣки Іордана отъ сирійскаго берега, и поглотило постепенно прежнихъ обитателей этой мѣстности, амалекитянъ; другія еврейскія племена размѣстились по мѣрѣ возможности. Колѣно Веніаминово поселилось на югѣ, на возвышенностяхъ, господствующихъ надъ плодородной іерихонской равниной; колѣно Манассіино—на сѣверѣ, въ іорданскихъ болотахъ и ущельяхъ Ѳавора. Четыре второстепенныя колѣна, — Иссахарово, Асирово, Невѳалимово и Завулоново, — заняли холмы,

[1]) Рейсъ, „La Bible, l'Histoire Sainte et la Loi“, т. I, стр. 79.

[2]) Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 137—138.

возвышавшіеся за Тиромъ и Сидономъ. Колѣна Левіино и Симеоново сразу потерпѣли полную неудачу въ своей попыткѣ завладѣть городомъ Сихемомъ; при этомъ первое было совершенно истреблено, а отъ второго осталось лишь нѣсколько семействъ, присоединившихся впослѣдствіи къ колѣну Іудину [1]). Потомки Дана долго блуждали въ поискахъ за территоріей для своихъ поселеній; наконецъ, часть ихъ, въ числѣ шести сотъ, неожиданно напала на сидонскую колонію Лаисъ, перебила всѣхъ ея жителей и назвала городъ своимъ именемъ (Данъ) [2]). Но почти всѣ ханаанскіе города и крѣпости сохранили свою независимость; таковы были: Веѳъ-Анаѳъ, Веѳъ-Самисъ, Мегиддонъ (Магиддо), Ѳаанахъ, Веѳъ-Санъ и Сихемъ — на сѣверѣ и Іевусъ, Ивлеамъ (Гибеонъ), Газеръ, Аіалонъ и друг. — на югѣ [3]). Не сумѣвъ овладѣть этими городами, завоеватели оказались, такимъ образомъ, раздѣленными на три, ничѣмъ не связанныя и неравныя по значенію, части: колѣно Ефремово и потомковъ Іосифа — въ центрѣ Ханаана, колѣна Иссахарово, Асирово, Невѳалимово и Даново—на сѣверѣ и колѣно Іудино и Симеоново—на югѣ.

Годы, непосредственно послѣдовавшіе за завоеваніемъ Ханаана, являются какъ бы героическимъ періодомъ исторіи еврейскаго народа. Священное преданіе, сохранившее намъ воспоминаніе о нихъ, дѣлаетъ попытку объединить всѣ относящіяся къ тому времени легенды, придавая имъ произвольное толкованіе. По свидѣтельству этого преданія, узы, соединявшія двѣнадцать колѣнъ израильскихъ, стали постепенно ослабѣвать послѣ завоеванія, по мѣрѣ того, какъ изглаживалась память о Моисеѣ и Іисусѣ Навинѣ. Побѣдители расселились „среди хананеевъ, хеттеевъ, аморреевъ, ферезеевъ, еваевъ (гоpгесеевъ) и іевусеевъ и брали дочерей ихъ себѣ въ жены, и своихъ дочерей отдавали за сыновей ихъ, и служили богамъ ихъ. И сдѣлали сыны Израилевы злое

[1]) Въ „Благословеніи Іакова“ говорится о Симеонѣ и Левіи („Бытіе“, XLIX, V, 7): „раздѣлю ихъ въ Іаковѣ, и разсѣю ихъ въ Израилѣ“. Симеонъ уже не упоминается въ „Благословеніи Моисея“ („Десятккнижіе“, XXXIII), а по свидѣтельству священныхъ текстовъ, колѣно Симеоново владѣло только небольшимъ клочкомъ земли въ территоріи колѣна Іудина („Іисусъ Навинъ“, XIX, 1—9) и, все уменьшаясь въ численности, постепенно слилось со своими сосѣдями, или, можетъ быть, выселилось неизвѣстно куда (I „Паралипоменонъ“, IV, 24, 43).

[2]) „Кн. Судей“, XVIII, 1, 27—31.

[3]) „Кн. Судей“, I, 21 и слѣд., гдѣ перечисляются ханаанскіе города, оставшіеся незавоеванными.

передъ очами Господа и забыли Господа, Бога своего, и служили Вааламъ и Астартамъ" [1]). Съ нарушеніемъ религіознаго единства, пало само собою и единство политическое. Возникли междоусобныя войны; болѣе сильныя еврейскія племена предоставляли хананеямъ угнетать своихъ болѣе слабыхъ единоплеменниковъ, а иногда и сами оказывались безсильными защищать свою независимость. Понемногу израильтяне, несмотря на свои сорокъ тысячъ населенія, способнаго носить оружіе, сдѣлались жертвою сосѣдей. Аморреяне, амонитяне, моавитяне и филистимляне господствовали поочередно надъ различными еврейскими племенами и заставили ихъ съ избыткомъ искупить всѣ бѣдствія, причиненныя имъ Іисусомъ Навиномъ во времена вторженія. „Куда они ни пойдутъ, рука Господня вездѣ была имъ во зло, какъ говорилъ имъ Господь, и какъ клялся имъ Господь. И имъ было весьма тѣсно. И воздвигалъ имъ Господь судей [2]), которые спасали ихъ отъ рукъ грабителей ихъ; но и судей они не слушали, а ходили блудно вслѣдъ другихъ боговъ и поклонялись имъ (и раздражали Господа), скоро уклонялись отъ пути, коимъ ходили отцы ихъ, повинуясь заповѣдямъ Господнимъ. Они такъ не дѣлали. Когда Господь воздвигалъ имъ судей, то Самъ Господь былъ съ судьею, и спасалъ ихъ отъ враговъ ихъ во всѣ дни судьи: ибо жалѣлъ ихъ Господь, слыша стонъ ихъ отъ угнетавшихъ и притѣснявшихъ ихъ. Но какъ скоро умиралъ судья, они опять поступали хуже отцовъ своихъ, уклоняясь къ другимъ богамъ, служа и поклоняясь имъ и не отставали отъ строптиваго пути своего" [3]). Но ничто не можетъ быть неправильнѣе такого толкованія историческаго факта. Судьи вовсе не слѣдовали правильно другъ за другомъ. Это не были чиновники, облеченные оффиціальной властью и признанные всей націей, или президенты вполнѣ организованной республики, непосредственно избранные національнымъ богомъ [4]). Это были не болѣе какъ

[1]) „Кн. Судей", III, 5—7.

[2]) Названіе „судьи" довольно неудачно и вызываетъ представленіе о правильно организованной гражданской власти. Между тѣмъ еврейское слово „Shophet", которое мы встрѣчаемъ также въ классическія времена въ формѣ „суффетъ", хотя и имѣетъ это значеніе, но выражаетъ скорѣе понятіе объ абсолютной власти, независимо отъ того, правильно ли она организована или нѣтъ. Болѣе подходящимъ переводомъ были бы термины: начальникъ, правитель, намѣстникъ.

[3]) „Кн. Судей", II, 15.

[4]) Эд. Рейсъ, „La Bilbe Histoire des Israélites", т. I, стр. 99—100.

мѣстные герои, прославившіеся среди своего племени, но чаще всего не имѣвшіе никакого вліянія на сосѣдей; таковы: Аодъ въ колѣнѣ Веніаминовомъ, Іеѳай изъ Галаада, Гедеонъ въ колѣнѣ Манассіиномъ. Нѣкоторые изъ нихъ дѣйствительно существовали, но другіе, какъ напримѣръ, Оѳніель, являются только миѳическимъ олицетвореніемъ расы или рода. „Наконецъ, судья, относительно котораго сохранилось наибольшее количество свѣдѣній, могучій Самсонъ былъ, правда, исторической личностью, но описаніе его подвиговъ и страданій носитъ совершенно легендарный характеръ, а вся его исторія представляетъ такую смѣсь горькой насмѣшки и глубокаго трагизма, что врядъ ли можно найти еще что-нибудь подобное на страницахъ Ветхаго Завѣта" [1]).

Понятно, что при такихъ условіяхъ не можетъ быть и вопроса о послѣдовательной исторіи этой эпохи. Борьба Израиля съ ханаанскими городами погрузилась въ глубокое забвеніе, и только отдѣльные эпизоды ея, сохранившіеся въ памяти населенія, даютъ намъ нѣкоторое понятіе о судьбахъ еврейскаго народа въ тѣ времена. Потомки Іосифа сдѣлались борцами за вѣру и защитниками слабыхъ собратій. Когда хананеяне, жившіе въ долинѣ Кисона, довели до отчаянія сѣверныя племена, послѣднія составили коалицію противъ хананейскаго вождя, Сисары, и впервые объединили, въ виду общей опасности, половину всей націи. На зовъ притѣсненныхъ „отъ Ефрема пришли укоренившіеся въ землѣ Амалика; за тобою, Веніаминъ, среди народа твоего; отъ Махира шли начальники — и отъ Завулона владѣющіе тростію писца. И князья Иссахаровы съ Деворою, и Иссахаръ, такъ же какъ Варакъ, бросился въ долину пѣшій". Колѣна Рувимово, Гадово, Асирово и Даново не откликнулись на обращенный къ нимъ призывъ. Сисара же собралъ хананейскихъ шейховъ и появился съ ними на равнинѣ. Столкновеніе непріятельскихъ войскъ произошло „въ Ѳанаахѣ, у водъ Мегиддонскихъ". „Съ неба сражались, звѣзды съ путей своихъ сражались съ Сисарою. Потокъ Киссонъ увлекъ ихъ, потокъ Кедумимъ, потокъ Киссонъ! Попирай, душа моя, силу! Тогда ломались копыта конскія отъ побѣга, отъ побѣга сильныхъ его! Прокляните Мерозъ, говоритъ ангелъ Господень, прокляните, прокляните жителей его, за то, что не

[1]) Т. Нёльдеке, „Histoire littéraire de l'Ancien Testament", переводъ Деренбурга и Сури, стр. 62. Сравн. Велльгаузена, „Prolegomena", стр. 213.

пришли на помощь Господу, на помощь Господу съ храбрыми". Обратившійся въ бѣгство Сисара у шатра Іаили, жены Хевера кенеянина, „воды просилъ; молока подала она, въ чашѣ вельможской принесла молока лучшаго. (Лѣвую) руку свою притянула къ колу, а правую свою къ молоту работниковъ; ударила Сисару, поразила голову его, разбила и пронзила високъ его. Къ ногамъ ея склонился, палъ; гдѣ склонился, тамъ и палъ сраженный" [1]). Долго еще послѣ побѣды дѣти Израиля пѣли, какъ „въ окно выглядываетъ и вопитъ мать Сисарина сквозь рѣшетку: что долго не идетъ конница его, что медлятъ колеса колесницъ его. Умныя изъ ея женщинъ отвѣчаютъ ей, и сама она отвѣчаетъ на слова свои: Вѣрно, они нашли, дѣлятъ добычу, по дѣвицѣ, но двѣ дѣвицы на каждаго воина, въ добычу полученная разноцвѣтная *одежда* Сисарѣ, полученная въ добычу разноцвѣтная одежда, вышитая съ обѣихъ сторонъ, снятая съ плечъ плѣнника! Такъ да погибнутъ всѣ враги Твои, Господи! любящіе же Его да будутъ какъ солнце, восходящее во всей силѣ своей" [2]).

Но вліяніе этой побѣды было непродолжительно. Соединяясь въ минуты общей опасности, еврейскія племена каждый разъ послѣ того, какъ она миновала, разъединялись снова, и хананеяне, подобно тому, какъ и во времена египетскихъ вторженій, быстро оправлялись отъ пораженій и съ удвоенной силой принимались за прежнія притѣсненія. Впрочемъ, не они одни наводили тогда страхъ на израильтянъ: бедуины пустыни играли по отношенію къ евреямъ ту же роль, какую послѣдніе играли по отношенію къ хананеянамъ. Ихъ отряды не ограничивались набѣгами на территорію колѣнъ Рувимова и Гадова, они переходили Іорданъ и неожиданно нападали на племена, жившія въ центрѣ Ханаана. Уже Аодъ, изъ колѣна Веніаминова, освободилъ однажды своихъ соотечественниковъ тѣмъ, что убилъ Еглона, царя моавитскаго, въ самомъ его дворцѣ. Но когда моавитяне были прогнаны, мѣсто ихъ заняли мадіанитяне, и ихъ ежегодные

[1]) „Кн. Судей", IV—V. Только „Пѣсню Деворы" можно считать подлинной (см. однако у Верна „Les Débuts de la nations juive", въ „Revue de l'Histoire des Religions", 1883, стр. 331 — 338); предшествующій ей разсказъ въ прозѣ заключаетъ много невѣрнаго и не имѣетъ никакого историческаго значенія (Велльгаузенъ, „Prolegomena", стр. 251). Текстъ „Кн. Судей" приведенъ изъ русскаго перевода Библіи (*прим. ред.*).

[2]) „Кн. Судей", V, 2—31, русск. переводъ Библіи.

набѣги совершенно разорили потомковъ Ефрема. Сознаніе своего безсилія заставило отдѣльные роды, изъ которыхъ состояло племя, соединиться для общей защиты отъ непріятеля и даже избрать общаго начальника, царя. Человѣкомъ, впервые носившимъ этотъ титулъ въ Израилѣ, былъ Іероваамъ, изъ колѣна Манассиина, называемый также Гедеономъ [1]). Самое достовѣрное преданіе сообщаетъ, что два мадіамскіе вождя, Зевей и Салманъ, имѣли несчастіе убить двухъ его братьевъ близъ Ѳавора. Гедеонъ бросился за ними въ погоню, настигъ ихъ по другую сторону Іордана и собственноручно убилъ ихъ послѣ побѣды надъ ихъ войсками, чѣмъ навелъ ужасъ на кочевниковъ и обезпечилъ Израилю спокойствіе, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Колѣно Манассіино провозгласило Іероваама царемъ. Онъ утвердилъ свою резиденцію въ Офрѣ [2]) и, по обычаю восточныхъ деспотовъ, основалъ въ ней святилище, священники котораго находились у него въ полномъ повиновеніи. Преданіе говоритъ о немъ, какъ о могущественномъ и богатомъ правителѣ, власть котораго простиралась даже на Сихемъ. Послѣ его смерти наслѣдство должно было перейти къ одному изъ его многочисленныхъ законныхъ дѣтей, но Авимелехъ, незаконный сынъ его отъ одной хананеянки, провозгласилъ себя царемъ Сихема, опираясь на поддержку братьевъ своей матери. Подобно начальникамъ бедуиновъ нашихъ дней, Авимелехъ злоупотреблялъ своимъ привилегированнымъ положеніемъ и установилъ дорожную пошлину съ проходившихъ мимо его владѣній каравановъ, при чемъ грабилъ тѣ изъ нихъ, которые отказывались исполнять его требованія. Старая сихемская аристократія, присоединившаяся къ израильтянамъ съ первыхъ лѣтъ ихъ вторженія, съ неудовольствіемъ переносила господство Авимелеха и возмутилась, подстрекаемая Гааломъ, однимъ изъ вождей шайки авантюристовъ. Но она жестоко поплатилась за свою неудачную попытку. Гаалъ былъ разбитъ, городъ взятъ безъ

[1]) Исторія Гедеона состоитъ изъ двухъ частей, плохо связанныхъ между собою и часто противорѣчивыхъ. Единственный разсказъ, болѣе или менѣе достойный довѣрія, къ сожалѣнію, не полонъ („Судьи", VIII, 4 и сл.). Сравн. Велльгаузенъ, „Prolegomena", 252—255.

[2]) Было нѣсколько городовъ, носившихъ это названіе. Офра Гедеона отличалась отъ другихъ тѣмъ, что къ ней присоединялось названіе рода, которому она принадлежала, вслѣдствіе чего она называлась Офрой Авіезеровой. Мѣстонахожденіе ея съ точностью не опредѣлено; вѣроятно, она находилась недалеко отъ Сихема.

сопротивленія, и около тысячи бѣглецовъ, спасшихся въ храмѣ Ваалъ-Верита [1], погибли въ пламени. Возвративъ себѣ Сихемъ, Авимелехъ осадилъ Тевецъ; городъ былъ взятъ, но побѣдитель погибъ подъ его стѣнами, сраженный камнемъ, брошеннымъ съ высоты осаждаемой цитадели. Такъ окончилась первая попытка ефремлянъ основать у себя царство [2]. Послѣ смерти Авимелеха, разрозненныя племена, лишившись общаго начальника, все болѣе и болѣе слабѣли и стали легкой добычей хищниковъ. Преданіе упоминаетъ еще о нѣсколькихъ временныхъ успѣхахъ,—такъ, оно говоритъ объ одномъ изъ начальниковъ разбойничьихъ шаекъ, Іевоаѣ, освободившемъ страну Галаадскую отъ аммонитянъ. Но всѣ эти побѣды,—если онѣ дѣйствительно имѣли мѣсто,—не имѣли продолжительнаго значенія: спустя нѣсколько лѣтъ непріятель появлялся снова и съ новой силой и заносчивостью громилъ израильтянъ.

Палестина и Финикія во времена Судей.

Къ югу отъ земли Обѣтованной положеніе дѣлъ было еще хуже. Изъ трехъ израильскихъ племенъ, попытавшихся поселиться между Мертвымъ и Средиземнымъ морями, колѣно Даново принуждено было отказаться отъ своего намѣренія и искать счастія у источниковъ Іордана; колѣно Симоново было почти совершенно истреблено, и нѣсколько уцѣлѣвшихъ семействъ его присоединились къ колѣну Іуды, между тѣмъ какъ послѣднее могло похвалиться только очень умѣренными успѣхами въ дѣлѣ завоеванія. Проникнувъ въ Сирію съ юга, потомки Іуды насильственно колонизовали часть Нехаба и заключили съ хананеянами нѣсколько договоровъ, отдавшихъ въ ихъ руки Хевронъ и Ародъ, хотя этимъ и ограничились ихъ успѣхи [3]. Но Іевусъ, Газеръ и Гивеонъ успѣшно отражали нападенія и какъ бы стояли на стражѣ между іудеями и домомъ Іосифа; филистимляне не допускали ихъ спуститься въ равнину и держали ихъ въ горахъ, какъ бы въ осадѣ.

[1]) Ваалъ Договора.

[2]) По утвержденію автора „Книги Судей“ (VIII, 22 и слѣд.), Гедеонъ отказался отъ царствованія; относительно неправдоподобности этого преданія, см., кромѣ Велльгаузена, Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 19—191.

[3]) „Книга Судей“, 1, 9—10.

Филистимляне, какъ и евреи, были новыми пришельцами въ Ханаанѣ. „Весьма правдоподобная гипотеза, принятая лучшими эгзегетами и этнографами, производитъ ихъ изъ Крита [1]). Само названіе ихъ—Плисти (Plishti) указываетъ на ихъ иностранное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, на продолжительныя странствованія и напоминаетъ названіе Пеласговъ. Еврейскіе писатели неоднократно называютъ ихъ „crethi“ [2]), т.-е. названіемъ очень близкимъ къ слову „критяне“. Въ другихъ мѣстахъ [3]) это слово замѣнено, повидимому, словомъ кари (карійцы?), для обозначенія тѣлохранителей іудейскихъ царей; извѣстно, что карійцы были союзниками критянъ и, подобно имъ, играли [4]) въ древности роль наемниковъ. Еврейскія преданія единодушно производятъ филистимлянъ съ острова Кафтора [5]), названіе котораго имѣло для евреевъ весьма смутное значеніе и, подобно словамъ Киттимъ, Тарсисъ и Офиръ,—вызвало у нихъ представленіе объ отдаленной приморской странѣ. Правда, слово Кафторъ какъ будто напоминаетъ слово Купросъ, но тотъ фактъ, что евреи обозначали вообще всѣ острова и берега Средиземнаго моря словами Киттимъ (собственное имя города Киттіума на островѣ Кипрѣ) и Тарсисъ (финикійская колонія Тартесъ въ Испаніи), заставляетъ допустить, что они могли примѣнять и имя острова Кипра ко многимъ другимъ островамъ, а въ частности и къ острову Криту. Стефанъ Византійскій [6]) говоритъ о городѣ Газѣ, какъ о крит-

[1]) „Кн. Судей“, III—IX: Гитцигъ, „Urgeschichte und Mythologie des Philistœer“, стр. 14 и слѣд.; Гезеніусъ, „Thesaurus“, подъ словами „Caphtor, Crethi“ и т. д.; „Эвальдъ, Geschichte des Volkes Israel“, I, стр. 325 и слѣд., 2-е изд.; Берто, „Zur Geschichte der Israeliten“, стр. 188 и слѣд.; Моверсъ, „Die Phœnizier“, 1, стр. 3—4. 10, 27—29, 33 и слѣд. 663. Тухъ, „Commentar über die Genesis“, стр. 243; Ленгерке, „Kenaan“, 1, стр. 193 и слѣд.; Кнебель, „Die Völkertafel ueber die Genesis“, стр. 215 и слѣд.; Мункъ, „Palestine“, стр. 82 и слѣд.

[2]) „I Кн. Царствъ“, XXX, 14; „Кн. Пророка Софоніи“, II, 5; „Кн. Пророка Іезекіиля“, XXV, 16.

[3]) „II Кн. Царствъ“, 23; „II Кн. Царствъ“, XI, 4, 19.

[4]) Эвальдъ, „Geschichte“, I, 285; Винеръ, „Bibl. Realw“, стат. „Krethi und Plethi“; Берто, „Zur Geschichte“, стр. 307, 312 и слѣд.

[5]) Глава X, 14 „Книги Бытія“ производитъ, повидимому, ихъ изъ Египта или изъ страны Каслухима, но весьма вѣроятно, что въ этомъ мѣстѣ произошла перестановка словъ, и что слѣдовало написать... „и кафторимы“ послѣ „Каслухимы“.

[6]) Подъ словами Γάζα и Μινώα.

сопротивленія, и около тысячи бѣглецовъ, спасшихся въ храмѣ Ваалъ-Вериѳа [1]), погибли въ пламени. Возвративъ себѣ Сихемъ, Авимелехъ осадилъ Тевецъ; городъ былъ взятъ, но побѣдитель погибъ подъ его стѣнами, сраженный камнемъ, брошеннымъ съ высоты осаждаемой цитадели. Такъ окончилась первая попытка ефремлянъ основать у себя царство [2]). Послѣ смерти Авимелеха, разрозненныя племена, лишившись общаго начальника, все болѣе и болѣе слабѣли и стали легкой добычей хищниковъ. Преданіе упоминаетъ еще о нѣсколькихъ временныхъ успѣхахъ,—такъ, оно говоритъ объ одномъ изъ начальниковъ разбойничьихъ шаекъ, Іеѳаѣ, освободившемъ страну Галаадскую отъ аммонитянъ. Но всѣ эти побѣды,—если онѣ дѣйствительно имѣли мѣсто,—не имѣли продолжительнаго значенія: спустя нѣсколько лѣтъ непріятель появлялся снова и съ новой силой и заносчивостью громилъ израильтянъ.

Палестина и Финикія во времена Судей.

Къ югу отъ земли Обѣтованной положеніе дѣлъ было еще хуже. Изъ трехъ израильскихъ племенъ, попытавшихся поселиться между Мертвымъ и Средиземнымъ морями, колѣно Даново принуждено было отказаться отъ своего намѣренія и искать счастія у источниковъ Іордана; колѣно Симоново было почти совершенно истреблено, и нѣсколько уцѣлѣвшихъ семействъ его присоединились къ колѣну Іуды, между тѣмъ какъ послѣднее могло похвалиться только очень умѣренными успѣхами въ дѣлѣ завоеванія. Проникнувъ въ Сирію съ юга, потомки Іуды насильственно колонизовали часть Нехаба и заключили съ хананеянами нѣсколько договоровъ, отдавшихъ въ ихъ руки Хевронъ иАродъ, хотя этимъ и ограничились ихъ успѣхи [3]). Но Іевусъ, Газеръ и Гивеонъ успѣшно отражали нападенія и какъ бы стояли на стражѣ между іудеями и домомъ Іосифа; филистимляне не допускали ихъ спуститься въ равнину и держали ихъ въ горахъ, какъ бы въ осадѣ.

[1]) Ваалъ Договора.

[2]) По утвержденію автора „Книги Судей“ (VIII, 22 и слѣд.), Гедеонъ отказался отъ царствованія; относительно неправдоподобности этого преданія, см., кромѣ Велльгаузена, Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 19 —191.

[3]) „Книга Судей“, 1, 9—10.

Филистимляне, какъ и евреи, были новыми пришельцами въ Ханаанѣ. „Весьма правдоподобная гипотеза, принятая лучшими эгзегетами и этнографами, производитъ ихъ изъ Крита [1]). Само названіе ихъ—Плисти (Plishti) указываетъ на ихъ иностранное происхожденіе, или, по крайней мѣрѣ, на продолжительныя странствованія и напоминаетъ названіе Пеласговъ. Еврейскіе писатели неоднократно называютъ ихъ „crethi“ [2]), т.-е. названіемъ очень близкимъ къ слову „критяне“. Въ другихъ мѣстахъ [3]) это слово замѣнено, повидимому, словомъ кари (карійцы?), для обозначенія тѣлохранителей іудейскихъ царей; извѣстно, что карійцы были союзниками критянъ и, подобно имъ, играли [4]) въ древности роль наемниковъ. Еврейскія преданія единодушно производятъ филистимлянъ съ острова Кафтора [5]), названіе котораго имѣло для евреевъ весьма смутное значеніе и, подобно словамъ Киттимъ, Тарсисъ и Офиръ,—вызвало у нихъ представленіе объ отдаленной приморской странѣ. Правда, слово Кафторъ какъ будто напоминаетъ слово Купросъ, но тотъ фактъ, что евреи обозначали вообще всѣ острова и берега Средиземнаго моря словами Киттимъ (собственное имя города Киттіума на островѣ Кипрѣ) и Тарсисъ (финикійская колонія Тартесъ въ Испаніи), заставляетъ допустить, что они могли примѣнять и имя острова Кипра ко многимъ другимъ островамъ, а въ частности и къ острову Криту. Стефанъ Византійскій [6]) говоритъ о городѣ Газѣ, какъ о крит-

[1]) „Кн. Судей“, III—IX: Гитцигъ, „Urgeschichte und Mythologie des Philistœer“, стр. 14 и слѣд.; Генезіусъ, „Thesaurus“, подъ словами „Caphtor, Crethi“ и т. д.; „Эвальдъ, Geschichte des Volkes Israel“, I, стр. 325 и слѣд., 2-е изд.; Берто, „Zur Geschichte der Israeliten“, стр. 188 и слѣд.; Моверсъ, „Die Phœuizier“, l, стр. 3—4. 10, 27—29, 33 и слѣд. 663. Тухъ, „Commentar über die Genesis“, стр. 243; Ленгерке, „Kenaan“, l, стр. 193 и слѣд.; Кнебель, „Die Völkertafel ueber die Genesis“, стр. 215 и слѣд.; Мункъ, „Palestine“, стр. 82 и слѣд.

[2]) „I Кн. Царствъ“, XXX, 14; „Кн. Пророка Софоніи“, II, 5; „Кн. Пророка Іезекіиля“, XXV, 16.

[3]) „II Кн. Царствъ“, 23; „II Кн. Царствъ“, XI, 4, 19.

[4]) Эвальдъ, „Geschichte“, I, 285; Винеръ, „Bibl. Realw“, стат. „Krethi und Plethi“; Берто, „Zur Geschichte“, стр. 307, 312 и слѣд.

[5]) Глава X, 14 „Книги Бытія“ производитъ, повидимому, ихъ изъ Египта или изъ страны Каслухима, но весьма вѣроятно, что въ этомъ мѣстѣ произошла перестановка словъ, и что слѣдовало написать... „и кафторимы“ послѣ „Каслухимы“.

[6]) Подъ словами Γάζα и Μινώα.

ской колоніи“ [1]). Египетскіе памятники подтверждаютъ эту гипотезу и даютъ намъ годъ переселенія филистимлянъ. Филистимляне находились въ числѣ племенъ, сдѣлавшихъ нападеніе на Египетъ во время Рамзеса III. Разбитые этимъ царемъ, они предпочли остаться у него на службѣ, вмѣсто того, чтобы возвратиться въ свое отдаленное отечество, и получили отъ него позволеніе поселиться на южномъ берегу Сиріи [2]). Территорія, уступленная имъ, находилась между Сиріей, моремъ и пустыней и простиралась отъ Египетскаго потока до предѣловъ Іоппе. Здѣсь находились 5 значительныхъ городовъ: Газа, Аскалонъ, Ашдодъ, Экронъ и Гаѳъ, которые управляли рынками Палестины и владѣли дорогой къ перешейку. Поэтому фараоны съ давнихъ поръ старались упрочить за собой эту страну: Тутмосъ III, Сети I и Рамзесъ II держали семитическіе гарнизоны въ Газѣ [3]). Рамзесъ III поселилъ тутъ филистимлянъ, на вѣрность которыхъ онъ считалъ возможнымъ разсчитывать. Аввимы, составлявшіе сельское населеніе страны, не оказали никакого сопротивленія. Филистимляне овладѣли пятью городами и, благодаря бракамъ, слились съ первоначальнымъ населеніемъ, принявъ его языкъ и религію: Марна, богъ Газы, и боги рыбы Аскалона, Дагона и Деркето, стали ихъ богами. Новый народъ, происшедшій отъ этого смѣшенія, дѣлился естественно на два класса; чернь, состоявшую преимущественно изъ семей туземнаго происхожденія, и военную аристократію, потомковъ колонистовъ Рамзеса III.

Пять „городовъ-сестеръ“ сдѣлались вскорѣ столицами пяти княжествъ, соединенныхъ узами федераціи. Газа обыкновенно пользовалась чѣмъ-то въ родѣ гегемоніи, благодаря военному и торговому значенію своего положенія; затѣмъ шли, по степени важности—Ашдодъ, Аскалонъ, Гаѳъ и Экронъ. Каждый изъ этихъ

---

[1]) Э. Ренанъ „Histoire générale des langues sémitiques“, 4-е изданіе, т. I, стр. 53—55.

[2]) Г. Шабасъ оспариваетъ это мнѣніе. “Etudes sur l'antiquité historique“ 1-е изд., стр. 292—296; „Recherches sur la dix-neuvième dynastie“, стр. 99—101; сравн. по этому поводу Масперо въ „Revue critique“, 1873, т. II, стр. 84—85, и Фр. Ленормана, „Histoire anciene“, т. I, стр. 207—208.

[3]) Смотр. „Папирусъ Анастасія III“, обратная сторона, табл. V—VI, списокъ семитическихъ начальниковъ въ гарнизонѣ въ Газѣ при Минефтѣ I за полвѣка приблизительно до пришествія филистимлянъ. Сравн. Шабасъ, „Recherches sur l'histoire de la 19-me dynastie“, стр. 95—99; А. Эрманъ „Tagebuch eines Grenzbeamten“ въ „Zeitschrift“, 1879, стр. 29 и слѣд.

городовъ управлялся военачальникомъ или сереномъ; въ Гаѳѣ, гдѣ въ населеніи больше, чѣмъ гдѣ либо, преобладалъ хананейскій элементъ, должность серена была наслѣдственной, и онъ носилъ титулъ царя (мелекъ). Пять сарнимовъ составляли совѣтъ для обсужденія дѣлъ и для жертвоприношеній отъ всей конфедераціи; они вели войну сообща, каждый во главѣ своего населенія. Ихъ главная сила состояла въ колесницахъ, управляемыхъ дворянствомъ, и въ стрѣлкахъ, ловкость которыхъ вошла въ пословицу у израильтянъ [1]).

Когда Ремессиды должны были отказаться отъ господства, которымъ ихъ предшественники пользовались въ Сиріи, филистимляне, предоставленные самимъ себѣ, стали пробовать свои силы надъ сосѣдними народами. Въ то время силы сидонцевъ были ослаблены значительными потерями: не довольствуясь отнятіемъ у нихъ острововъ Эгейскаго моря, кромѣ Родоса, греки преслѣдовали жителей Сидона даже въ ихъ владѣніяхъ на берегахъ восточныхъ морей. Карія, Киликія и Памфилія сдѣлались мѣстомъ болѣе или менѣе значительной греческой колонизаціи и даже Кипръ подвергся нападенію со стороны ахеянъ. Они высадились на его берегу, основали тамъ Саламинъ и мало-по-малу принудили финикіянъ предоставить имъ почти весь островъ, за исключеніемъ Китіона, Лапеѳоса и нѣсколькихъ менѣе значительныхъ городовъ. Поселившись на границѣ восточнаго міра, кипрскіе греки позаимствовали отчасти у Востока его цивилизацію. Ихъ художники, находившіеся подъ прямымъ или косвеннымъ вліяніемъ египетскаго и ассирійскаго искусства, склонялись въ своихъ произведеніяхъ то къ египетскимъ, то къ ассирійскимъ образцамъ. У хетійцевъ восточные греки позаимствовали, по крайней мѣрѣ отчасти, ихъ систему письменъ, и, несмотря на ея недостатки, употребляли ее еще долго послѣ того, какъ другія родственныя имъ племена усвоили и усовершенствовали кадмейскій алфавитъ [2]).

Вторженіе грековъ нанесло финикіянамъ значительный уронъ, но они вознаградили себя открытіемъ отдаленныхъ странъ, гдѣ

---

[1]) Относительно филистимлянъ можно, не безъ нѣкоторой осмотрительности, справиться въ монографіи Старке, „Gaza und die Philistinische Küste, Iена 1852.

[2]) Такова по крайней мѣрѣ гипотеза, предложенная Сейсомъ „The Hamathite Inscriptions“, въ Transaction, of the Society of Biblical Archoeology“ 1876, т. V, стр. 31—32.

они не встрѣчали соперниковъ. Подобно терсенцамъ и другимъ народамъ Малой Азіи, привлекаемые на западъ слухами о странѣ, богатой драгоцѣнными металлами и изобилующей всѣмъ, что только необходимо для жизни,—они перешли изъ Греціи въ Италію, Сицилію, на Мальту и въ Африку [1]). Тамъ передъ ними открывались двѣ дороги. Направляясь отъ береговъ Сициліи прямо къ сѣверу и потомъ, повернувъ на востокъ, они достигли Сардиніи и Балеарскихъ острововъ; избирая путь вдоль африканскаго берега, они доходили до Гибралтарскаго пролива, мѣста соединенія Средиземнаго моря съ океаномъ. Весьма вѣроятно, что они плавали по тому и другому направленію и колонизовали по пути Балеарскіе острова; обладаніе этими островами было для нихъ тѣмъ болѣе необходимо, что восточный берегъ Испаніи былъ въ достаточной степени негостепріименъ, а Минорка считалась однимъ изъ лучшихъ портовъ Средиземнаго моря [2]). Проливъ былъ для нихъ крайнимъ предѣломъ завоеваній Мелькорта. Тогда онъ былъ загроможденъ небольшими островками, не существующими уже въ настоящее время [3]); на двухъ изъ нихъ, изъ которыхъ одинъ находился въ Европѣ, а другой въ Африкѣ, были воздвигнуты въ память побѣдъ финикійскаго бога два памятника (stéles), и эти миѳическіе подвиги Мелькорта доставили проливу названіе Геркулесовыхъ Столбовъ. По ту сторону Столбовъ начиналась страна тарсисовъ, которыхъ греки называли тартессами; это была одна изъ плодороднѣйшихъ областей древняго міра. Равнины, разстилающіяся по берегамъ Бетиса (Гвадалквивира) и Анаса (Гвадіаны), производили въ изобиліи маслины, виноградъ и пшеницу; тонкая и нѣжная шерсть разводившихся здѣсь стадъ доставляла самый лучшій матеріалъ для издѣлій, которыми славились финикіяне. Рѣки несли золотой песокъ и были широки, глубоки и судоходны почти на всемъ протяженіи, въ самой глубинѣ страны. Горы, тогда покрытыя лѣсомъ, скрывали въ своихъ нѣдрахъ самые разнообразные металлы: золото, серебро, олово, мѣдь, желѣзо. Море изобиловало рыбой и въ особенности скумброй [4]). Финикіянамъ пришлось сдѣлать нѣсколько попытокъ,

[1]) О. Мельцеръ, „Geschichte der Karthager“, т. I, стр. 28.

[2]) Извѣстенъ отвѣтъ Андреа Доріа Карлу V-му: „Іюнь, іюль, августъ и Портъ-Магонъ—лучшіе порты Средиземнаго моря“.

[3]) Страбонъ, I, Ш, 3, указываетъ на два островка, изъ которыхъ одинъ назывался островомъ Юноны: Плиній насчитываетъ ихъ больше.

[4]) Полибій въ *Атенеѣ*, VII, стр. 302; Аристотель, „Hist. an. VII, 19.

прежде чѣмъ они овладѣли страной. Самыми древними ихъ колоніями здѣсь были, кажется, Сиксъ, по эту, и Онюба по ту сторону Геркулесовыхъ Столбовъ. Наконецъ, въ 1100 году до начала нашей эры, тирская эскадра появилась у береговъ Испаніи, и колонисты, высадившіеся на небольшомъ длинномъ островкѣ, отдѣленномъ отъ материка узкой полосой воды,—построили здѣсь Гадиръ [1]). Благодаря своему превосходному положенію, послѣдній вскорѣ сдѣлался центромъ финикійскихъ владѣній въ Испаніи, Картеѣ, Маланѣ и Абдерѣ. Вскорѣ между Тиромъ и Гадиромъ установилась такая же правильная навигація, какъ между Кипромъ и Финикіей.

Небольшіе корабли древнихъ мореплавателей не могли дѣлать продолжительныхъ переѣздовъ и принуждены были часто останавливаться то съ цѣлью укрыться отъ морскихъ бурь, то для того, чтобы запастись съѣстными припасами. Финикіяне усѣяли свой путь колоніями, служившими мѣстомъ остановокъ ихъ флота, и открыли новыя мѣста сбыта для своихъ рынковъ [2]). Замѣтивъ гдѣ-нибудь хорошо защищенную гавань или маленькій островокъ по близости материка, или удобный для стоянки судовъ морской берегъ,—они сейчасъ же высаживались тамъ и устраивали, смотря по обстоятельствамъ, факторію, портъ или городъ. Они окружили Сицилію цѣлымъ кольцомъ колоній [3]); таковы Росъ Мелькартъ [4])—на югѣ, Мотія—на востокѣ [5]), Солосисъ [6]) и Зизъ [7])—на сѣверѣ. Храмъ Астарты, построенный на вершинѣ

[1]) Страбонъ, L, Ш. Слово Гадиръ означало *загороженное мѣсто, ограда* по-финикійски: Poeni *Gadir*, ita Punica lingua septem significante“ (Плиній „H. N“, IV, 22).

[2]) Относительно послѣдовательнаго развитія финикійской колонизаціи въ этихъ мѣстахъ см. у Отто Мельцера, „Geschichte der Karthager“, т. I, стр. 28—38.

[3]) Ѳукидидъ, VII, 2.

[4]) Греческая Гераклея Миноа. Гераклидъ Понтійскій (XXIX, изд. Дидо, „Fragm. H. Gr.“, т. II, стр. 220—221) даетъ намъ эллинизированную форму древняго названія,—Макара или Макарія.

[5]) Она была расположена на островѣ, приблизительно въ одномъ километрѣ разстоянія отъ берега, недалеко отъ Лилибеи.

[6]) Греческое названіе произошло отъ слова Sela (скала), неоднократно встрѣчаемаго въ финикійской номенклатурѣ.

7) Названіе Маканаѳъ, встрѣчаемое на медаляхъ и прилагаемое обыкновенно къ Панормѣ, означаетъ просто монету, отчеканенную въ торговомъ станѣ для расплаты съ финикійскими купцами. Настоящее названіе города было кажется, Зизъ. (Сравн. Шрёдеръ, „Die Phönizische Sprache“, стр. 278—279).

горы Эриксъ, пользовался большимъ престижемъ до послѣднихъ дней существованія язычества и въ продолженіе многихъ вѣковъ обезпечивалъ за финикіянами господство надъ сосѣдними областями [1]). Рудники Сардиніи были также большой приманкой для финикіянъ, которые въ наиболѣе благопріятныхъ для горнаго дѣла мѣстахъ, построили свои города: Каралисъ, Ѳаросъ и Сулки. Часть Африки, находившаяся прямо противъ Сициліи, была богата обширными торговыми рынками, которые она снабжала въ изобиліи сырыми произведеніями, слоновой костью, драгоцѣннымъ деревомъ, пряностями, драгоцѣнными металлами, словомъ всемъ, въ чемъ только нуждалась финикійская мануфактура; неудивительно, поэтому, что финикіяне не приминули завладѣть ею. Преданіе, къ сожалѣнію, не достаточно обоснованное, относитъ основаніе Утики, древнѣйшаго поселенія финикіянъ на африканскомъ берегу, къ двѣнадцатому вѣку до начала нашей эры. Вскорѣ рядомъ съ Утикой возникли и другіе города колонистовъ: два Гиппо, Гадруметъ, Лептисъ, а можетъ быть и Карѳагенъ [2]). Если вѣрить разсказамъ, относящимся ко времени Саллюстія [3]), финикіяне были обязаны своимъ успѣхомъ присутствію въ Африкѣ родственныхъ имъ народовъ. Во время ли нашествія гиксовъ или, можетъ быть, во время вторженія въ Африку морскихъ народовъ,—племена азіатскаго происхожденія разселились вдоль ливійскаго берега, проникли за предѣлы Сирта и, достигнувъ истоковъ озера Тритона, заняли Визацену. Позднѣе къ этому пуническому преданію присоединилось также преданіе еврейско-хри-

---

[1]) Нѣтъ точныхъ указаній на то, что святилище горы Эриксъ относится къ такому отдаленному прошлому, но то почитаніе, предметомъ котораго оно было у карѳагенянъ, доказываетъ повидимому, что оно было основано финикіянами гораздо раньше, чѣмъ Карѳагенъ достигъ своего значенія.

[2]) Согласно съ историкомъ Филистомъ, который могъ быть хорошимъ знатокомъ исторіи Карѳагена, городъ этотъ былъ основанъ за 21 годъ до взятія Трои Эзорасомъ (Зоросъ? Тиръ) и Карxедономъ тирійскими („Fragm. H. Gr“, изд. Дидо, т. I, стр. 190, отрывокъ 50). Относительно всего, что касается основанія Карѳалена, сравн. О. Мельцеръ, „Geschichte der Karthager“, т. 1, стр. 90—141.

[3]) Саллюстій, „Bel Jug.“ 18. О неправдоподобности этого преданія, принятаго Моверсомъ, смотр. у О. Мельцера „Geschihte der Karthager“, т. I, стр. 54 и слѣд. Вивсенъ Сенъ-Мартенъ („Le Nord de l'Afrique“, стр. 113 и слѣд.) утверждаетъ, что заблужденіе Саллюстія произошло вслѣдствіе случайнаго сходства классическихъ именъ персовъ, мидянъ и т. д. съ названіями нѣкоторыхъ ливійскихъ племенъ.

стіанскаго происхожденія. Послѣднее утверждало, что хананеяне, изгнанные евреями изъ земли Обѣтованной, удалились сначала въ Финикію, а потомъ въ Африку; къ числу этихъ бѣглецовъ относили также въ VI вѣкѣ и гиргасеевъ. „Они живутъ еще въ странѣ, говоритъ историкъ Прокопій, и говорятъ на финикійскомъ нарѣчіи. Они устроили фортъ въ одномъ нумидійскомъ городѣ, на мѣстѣ котораго находится теперь Тигисисъ. Тамъ у большого фонтана, находятся два памятника изъ бѣлаго камня, покрытые финикійскими письменами, которыя на финикійскомъ нарѣчіи гласятъ слѣдующее: *Мы тѣ, которые бѣжали отъ Іисуса, сына Навина*“ [2]). Каково бы ни было значеніе этихъ легендъ, достовѣрно то, что колонисты, заселившіе морской берегъ Африки, систематически эксплуатировали страну въ пользу своей отдаленной родины. Хлѣбъ, шерсть, страусовыя перья, слоновые клыки, золотой песокъ, камедь, вообще всѣ продукты Западной Африки,—всѣ товары, доставляемые сюда караванами изъ Судана,—направлялись на рынки Сидона.

Филистимлянамъ предстояло завладѣть всѣмъ этимъ, потягавшись съ финикіянами. Въ концѣ двѣнадцатаго вѣка до начала нашего лѣтосчисленія, одинъ изъ филистимлянскихъ флотовъ, вышедшій изъ Аскалона, уничтожилъ сидонскую эскадру и взялъ Сидонъ, причемъ спасшіеся отъ непріятеля жители Сидона нашли убѣжище въ Тирѣ, надолго сдѣлавшемся съ тѣхъ поръ самымъ могущественнымъ государствомъ Финикіи [1]). Не менѣе успѣшно шли дѣла филистимлянъ на сушѣ. Вначалѣ они, повидимому, вполнѣ удовлетворились тѣмъ, что имъ удалось отразить нападеніе евреевъ: колѣно Даново, попытавшееся поселиться на ихъ равнинѣ, встрѣтило энергическій отпоръ и удалилось по частямъ на сѣверъ; колѣно Іудино не выходило изъ горъ, въ которыхъ было заперто филистимлянами. Неизвѣстно, по какому поводу началась ихъ наступательная борьба съ дѣтьми Іосифа, вѣроятно, стремленіе завладѣть главными станціями большой торговой дороги, ведшей изъ Египта въ Дамаскъ и Сѣверную Сирію, заставило филистимлянъ обратить свое оружіе противъ горъ, населенныхъ потомками Ефрема, и противъ долинѣ Кисона. Отдѣльные роды колѣна Данова, занимавшіе передовые посты Израиля, храбро вы-

---

[1]) Прокопій, „De Bello Vandalico“, II, C. XX. Сравн. Моверсъ, „Die Phönizeer“, т. II, часть 2-я, стр. 427—435.

[2]) Юстинъ, XVIII, 3.

держивали нападеніе, иногда даже не безъ успѣха [1]), и эта борьба, безпрерывно возобновляемая, породила два или три вѣка спустя легенду о Самсонѣ [2]). Военныя дѣйствія израильтянъ противъ нападеній врага окончились для нихъ большимъ несчастіемъ. Въ городѣ Силомѣ, въ колѣнѣ Ефремовомъ, жило семейство, члены котораго посвятили себя служенію при ковчегѣ завѣта Іеговы, бога-покровителя воиновъ. Ковчегъ этотъ имѣлъ отчасти видъ большого ящика, отчасти видъ барки, напоминающей ту, въ которой египетскіе жрецы переносили Аммона. Въ ковчегѣ были положены два камня, бывшіе изображеніемъ бога, на которыхъ, какъ предполагалось впослѣдствіи, начертаны были еврейскіе законы. Охранявшій ковчегъ священникъ Илій, хотя и не былъ судьею въ томъ смыслѣ, въ какомъ это слово примѣнялось къ другимъ героямъ еврейскаго народа, — пользовался большимъ вліяніемъ въ Израилѣ, и съ нимъ всегда совѣтовались въ дѣлахъ общественной важности. Тѣснимые филистимлянами, евреи обратились къ нему, и Илій довѣрилъ имъ ковчегъ, какъ залогъ покровительства Іеговы. Но надежды ихъ не оправдались: на первыхъ же порахъ они были побѣждены, ковчегъ достался въ руки непріятеля, и два сына Иліевы, Офни и Финеесъ, погибли, спасаясь бѣгствомъ. „И побѣжалъ одинъ Веніамитянинъ съ мѣста сраженія, и пришелъ въ Силомъ въ тотъ же день; одежда на немъ была разодрана и прахъ на головѣ его. Когда пришелъ онъ, Илій сидѣлъ на сѣдалищѣ, при дорогѣ у воротъ и смотрѣлъ; ибо сердце его трепетало за ковчегъ Божій. И когда человѣкъ тотъ пришелъ, и объявилъ въ городѣ; то громко застоналъ весь городъ. И услышалъ Илій звуки вопля, и сказалъ: отчего такой шумъ? И тотчасъ подошелъ человѣкъ тотъ, и объявилъ Илію. Илій былъ тогда девяноста восьми лѣтъ; и глаза его померкли, и онъ не могъ видѣть. И сказалъ тотъ человѣкъ Илію: я пришелъ изъ стана, сегодня же бѣжалъ я съ мѣста сраженія. И сказалъ Илій: что произошло, сынъ мой? И отвѣчалъ вѣстникъ, и сказалъ: побѣжалъ Израиль передъ филистимлянами, и пораженіе великое произошло въ народѣ, и оба сыновья твои, Офни и Финеесъ, умерли, и ковчегъ Божій взятъ. Когда упомянулъ онъ о ковчегѣ Божіемъ, Илій упалъ съ сѣдалища навзничь у во-

[1]) Относительно колѣна Данова, см. Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, т. I, стр. 165–168.

[2]) Кн. Судей, XIII–XVI.

ротъ, сломалъ себѣ хребетъ и умеръ; ибо онъ былъ старъ и тяжелъ“ [1]). Потомки Ефремовы, подобно потомкамъ Іудинымъ, подчинились филистимлянскому игу, и филистимляне разставили свои гарнизоны въ ихъ городахъ, какъ, напримѣръ, въ Гибеѣ колѣна Веніаминова, и полновластно господствовали по крайней мѣрѣ надъ половиною израильскаго народа.

---

[1]) I Кн. Царствъ, IV, 1—18. Сравн. Велльгаузенъ, „Prolegomena“, стр. 147 и слѣд.

ГЛАВА VIII.

ЦАРСТВО ІУДЕЙСКОЕ.

Начало Іудейскаго царства. Саулъ, Давидъ и Соломонъ.—Религіи Ханаана и Израиля; расколъ между десятью израильскими колѣнами. — Израиль и колѣно Іудино до воцаренія Амврія; двадцать первая египетская династія—Шешонкъ I. Начало Дамасскаго царства.

Начало Іудейскаго царства. Саулъ, Давидъ и Соломонъ.

Господство филистимлянъ продолжалось, вѣроятно, полстолѣтія. Преданіе пыталось впослѣдствіи сократить продолжительность этого періода подчиненія дѣтей Израиля иноземному игу, или, по крайней мѣрѣ, внести въ его время нѣсколько израильскихъ побѣдъ. Одинъ израильтянинъ, Самуилъ, сынъ Елканы, былъ облеченъ на служеніе Іеговѣ матерью своей, благочестивой Анною. Еще въ младенчествѣ онъ былъ отправленъ въ Силомъ и здѣсь, одѣтый въ льняной ефодъ и небольшой плащъ, который ежегодно приносила ему мать, онъ служилъ Богу въ присутствіи Иліи до того дня, когда на него снизошло откровеніе свыше. Съ этихъ поръ „Господь былъ съ нимъ; и не осталось ни одного изъ словъ его неисполнившимся. И узналъ весь Израиль отъ Дана до Вирсавіи, что Самуилъ удостоенъ быть пророкомъ Господнимъ“ [1]). Двадцать лѣтъ спустя послѣ смерти Иліи, Самуилъ счелъ возможнымъ свергнуть филистимлянское иго. Онъ убѣждалъ народъ отказаться отъ культа Ваала и призвалъ евреевъ въ Массифу, чтобы принести покаяніе въ грѣхахъ. Филистимляне, встревоженные этимъ сборищемъ, не предвѣщавшимъ ничего хорошаго для ихъ могущества, „пошли на Израиля. Израильтяне, услышавъ о томъ,

[1]) „I Кн. Царствъ“, III, 19.

убоялись филистимлянъ. И взялъ Самуилъ одного ягненка отъ сосцевъ и принесъ его (со всѣмъ народомъ) во всесожженіе Господу и возвалъ Самуилъ къ Господу объ Израилѣ, и услышалъ его Господь“. Филистимляне, испугавшись грома, обратились въ бѣгство и съ трудомъ вернулись въ свою землю. „И взялъ Самуилъ одинъ камень и поставилъ между Массифою и между Сеномъ и назвалъ его Авенезеръ, сказавъ: до сего мѣста помогъ намъ Господь“. Онъ поспѣшилъ воспользоваться побѣдой, разбилъ тирянъ, аморреевъ и вернулъ утраченные города.

Потомъ, онъ утвердилъ свою резиденцію въ родномъ своемъ городѣ Рамѣ, гдѣ построилъ жертвенникъ Всевышнему; ежегодно онъ совершалъ путешествіе, останавливаясь въ Веѳилѣ, Гилгалѣ и Массифѣ (Мицпѣ), гдѣ руководилъ народными собраніями и „судилъ Израиля во всѣхъ сихъ мѣстахъ“ [1]). Такъ говоритъ священное преданіе; другое преданіе, болѣе близкое къ истинѣ, изображаетъ положеніе израильтянъ менѣе яркими красками. Оно разсказываетъ, что филистимляне, въ качествѣ побѣдителей, обезоружили своихъ новыхъ подданныхъ. „Кузнецовъ не было во всей землѣ Израильской; ибо филистимляне опасались, чтобы евреи не сдѣлали меча или копья. И должны были ходить всѣ израильтяне къ филистимлянамъ оттачивать свои сошники, и свои заступы, и свои топоры, и свои кирки, когда сдѣлается щербина на остріе у сошниковъ, и у заступовъ, и у вилъ, и у топоровъ, или нужно рожокъ поправить“ [2]). За массой бѣдствій послѣдовало, наконецъ, избавленіе. Нашествіе аммонитянъ создало эфемерныя царствованія Іероваама и Абимелека; теперь опять филистимлянская тиранія заставила израильтянъ искать исцѣленія отъ своихъ страданій въ объединеніи всѣхъ своихъ силъ подъ властію одного человѣка. Но на этотъ разъ опасность была серьезнѣе, поэтому и усилія избавиться отъ нея были сильнѣе, и результатъ соотвѣтствовалъ этимъ усиліямъ. Царствованіе Абимелека ограничивалось двумя - тремя родами, царствованіе Саула захватило всю націю [3]).

Колѣно Веніаминово, самое немногочисленное и самое храброе

[1]) „I Кн. Царствъ“, VII, 16.

[2]) „I Кн. Царствъ“, XIII, 19—21.

[3]) Относительно характера царствованія колѣна Веньяминова и относительно связи его съ царствованіемъ Абимелека, см. Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 160—162.

изъ племенъ израильскихъ представляло изъ себя какъ бы авангардъ, расположившійся лагеремъ на южной границѣ территоріи колѣна Ефремова. Владѣнія его состояли изъ нѣсколькихъ поселеній (Рама, Михмосъ, Гива, Анатотъ, Номвъ), отдѣленныхъ хананейскимъ городомъ Іевусомъ отъ владѣній колѣна Іудина, причемъ два изъ этихъ поселеній, Гива и Михмосъ, подпали подъ власть филистимлянъ послѣ смерти Иліи. Тѣмъ не менѣе, религіозная жизнь была сильно развита между этими потомками Израиля. Въ Номвѣ спаслись служители Силомскаго храма послѣ пораженія при Афекѣ [1]). Въ Рамѣ жилъ Самуилъ и изъ нея совершалъ свои ежегодныя объѣзды по Веѳилю, Галгалѣ и Массифѣ, вообще, по всѣмъ мѣстностямъ, подчиненныхъ его неоспоримой власти; здѣсь, по свидѣтельству преданія, онъ столкнулся съ Сауломъ. Саулъ и сынъ его Іонаѳанъ, стояли во главѣ одного изъ значительнѣйшихъ родовъ колѣна Веніаминова. Предводительствуя немногочисленной, но искусно владѣющей оружіемъ шайкой, они взяли одинъ изъ филистимлянскихъ постовъ въ Гивѣ и захватили гарнизонъ, расположенный филистимлянами въ Михмасѣ. Колѣно Виніаминово отвоевало себѣ независимость, и глава его, такъ доблестно поведшій дѣло освобожденія, пріобрѣлъ большое вліяніе въ Израилѣ: „и когда Саулъ видѣлъ какого-либо человѣка, сильнаго и воинственнаго, онъ бралъ его къ себѣ“ [2]). Провозглашенный царемъ, онъ продолжалъ жить въ Гивѣ, въ родѣ, котораго онъ былъ главой, но власть его распространялась на востокѣ на землю Галаадскую и на югѣ — на территорію потомковъ Іуды. Сосѣдніе народы, издавна привыкшіе угнетать Израиля, были побѣждены и подверглись притѣсненіямъ въ свою очередь. Саулъ „воевалъ со всѣми окрестными врагами своими, съ Моавомъ и съ аммонитянами, и съ Едомомъ (и съ Веѳеромъ), и съ царями Совы, и филистимлянами, и вездѣ, противъ кого ни обращался, имѣлъ успѣхъ. И устроилъ войско, и поразилъ Амалика, и освободилъ Израиля отъ руки грабителей его“ [3]).

---

[1]) Сравн. съ мѣстами въ „I Кн. Царствъ“, XXI, 1—9 и XXII, 9—23, гдѣ говорится о первосвященникѣ Номвѣ, Ахимелекѣ, правнукѣ Иліи.

[2]) „I Кн. Царствъ“, XIV, 52.

[3]) „I Кн. Царствъ“, XIV, 47, 48. Относительно начала царствованія Саула, кромѣ пространнаго и глубокаго изслѣдованія Рейсса въ „Resumé de l'histoire israélite“, обнимающаго первый томъ Библіи, см. также Велльгаузена, „Prolegomena“, стр. 259—274 и Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 207—223.

Сепаративныя стремленія слишкомъ сильно привились къ національному характеру евреевъ, чтобы новое царттвованіе не вызвало энергичнаго сопротивленія, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыхъ племенъ. Колѣно Іудино не принимало до того времени никакого участія въ народной жизни. Затерянное среди окружавшихъ его ханаанскихъ народовъ, оно жило самостоятельной внутренней жизнью и не успѣло еще утратить прирожденныхъ свойствъ своей расы. Рано покоренные филистимлянами, потомки Іуды оставались въ зависимости отъ нихъ, несмотря даже на побѣды веніамитянъ, но нѣкоторые изъ ихъ начальниковъ поступили въ ряды войскъ Саула. Въ числѣ такихъ искателей приключеній, явившихся въ Гиву, находился и Давидъ, сынъ Іесеевъ, родившійся въ Виѳлеемѣ. Давидъ былъ первымъ іудейскимъ героемъ, дѣйствительнымъ основателемъ іудейскаго царства; не удивительно поэтому, что религіозное преданіе евреевъ даетъ полную волю своему воображенію, разъ дѣло коснется личности этого царя. Согласно этому преданію, престарѣлый Самуилъ, недовольный Сауломъ, отправился въ Виѳлеемъ подъ предлогомъ жертвоприношенія, но въ дѣйствительности съ цѣлью тайнаго помазанія въ цари сына Іесеева.

Призванный ко двору, чтобы развлекать царя, впавшаго въ меланхолію, Давидъ скоро сдѣлался любимцемъ Саула и сердечнымъ другомъ Іонаѳана. Его подвиги и храбрость въ войнѣ противъ филистимлянъ отличили его вскорѣ въ глазахъ народа. „При возвращеніи Давида съ побѣды надъ филистимляниномъ, женщины изъ всѣхъ городовъ израильскихъ выходили на встрѣчу царю Саулу съ пѣніемъ и плясками, съ торжественными тимпанами и кимвалами. И восклицали игравшія женщины, говоря: „Саулъ побѣдилъ тысячи, а Давидъ — десятки тысячъ“. Въ Саулѣ проснулась зависть: разъ, въ припадкѣ ярости, онъ бросился на Давида и пытался пронзить его копьемъ. Придя въ себя, онъ удалилъ молодого человѣка, назначивъ его начальникомъ военнаго отряда, и отдалъ ему въ жены вторую дочь свою, Мелхолу. Неоднократно спасаемый женою, зятемъ своимъ Іонаѳаномъ и первосвященникомъ Ахимелекомъ, Давидъ въ концѣ концовъ принужденъ былъ покинуть страну и удалился къ Гефскому царю, Ахису. Одинъ фактъ во всей этой исторіи обладаетъ достовѣрностью, это то, что Давидъ, вступившій въ качествѣ искателя приключеній на службу къ веніамитянамъ, объявилъ себя вассаломъ филистимлянъ и получилъ отъ нихъ въ награду городъ Циклагъ.

Филистимляне не могли, конечно, отказаться отъ господства, не сдѣлавъ энергической попытки сохранить его. Увѣренные въ покорности колѣна Іудина и южныхъ еврейскихъ клановъ, они напали на израильскія племена, жившія въ центрѣ Ханаана, и всѣми силами старались освободить караванную дорогу, такъ какъ занятіе Ѳавора евреями преграждало имъ путь. Саулъ, ожидавшій непріятеля въ долинѣ Израильской, у подошвы Гельвуйскихъ горъ, былъ разбитъ и убитъ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ Іонаѳаномъ. Побѣдители сняли голову убитаго царя и обезглавленный трупъ его повѣсили на стѣнахъ Беѳсана, откуда онъ былъ унесенъ жителями Іависа для воздаянія ему послѣднихъ почестей. Легенда не рѣшается допустить, чтобы первый царь израильскій погибъ такимъ естественнымъ образомъ. Проклятый Самуиломъ, Саулъ отправился якобы на войну съ самыми мрачными предчувствіями. Наканунѣ рокового дня онъ тайно отправился къ Эндорской волшебницѣ и просилъ ее вызвать тѣнь Самуила. Пророкъ явился съ лицомъ, закрытымъ плащомъ, и, мертвый, повторилъ тѣ же проклятія, которыя онъ бросилъ Саулу при жизни: „Отниметъ Господь царство изъ рукъ твоихъ и отдастъ его ближнему твоему, Давиду. Такъ какъ ты не послушалъ гласа Господня и не выполнилъ ярости гнѣва его на Амалика, то Господь и дѣлаетъ это надъ тобою нынѣ. И предастъ Господь Израиля вмѣстѣ съ тобою въ руки филистимлянъ: завтра ты и сыны твои будете со мною, и станъ Израильскій предастъ Господь въ руки филистимлянъ“ [1]). При извѣстіи о несчастіи, постигшемъ Саула, Давидъ разразился рыданіями, причемъ его поэтическій талантъ облекъ выраженія его скорби въ форму прелестной элегіи:

„Краса твоя, о Израиль, поражена на высотахъ твоихъ! Какъ пали сильные! Не разсказывайте въ Геѳѣ, не возвѣщайте на улицахъ Аскалона, чтобы не радовались дочери филистимлянъ, чтобы не торжествовали дочери необрѣзанныхъ. Горы Гельвуйскія! Да (не сойдетъ) ни роса, ни дождь на васъ и да не будетъ на васъ полей съ плодами, ибо тамъ поверженъ щитъ сильныхъ, щитъ Саула, какъ бы ни былъ онъ помазанъ елеемъ. Безъ крови раненыхъ, безъ тука сильныхъ лукъ Іонаѳана не возвращался назадъ, и мечъ Саула не возвращался даромъ. Саулъ и Іонаѳанъ, любезные и согласные къ жизни своей, не разлучились и въ смерти своей; быстрѣе орловъ, сильнѣе львовъ они были. Дочери Израильскія! Плачьте о Саулѣ, который одѣвалъ васъ въ багряницы съ украшеніями и доставлялъ на одежды ваши золотые уборы. Какъ пали сильные на брани! Сраженъ Іонаѳанъ на высотахъ твоихъ. Скорблю о тебѣ, братъ мой Іонаѳанъ: ты былъ очень дорогъ для меня, любовь твоя была для меня превыше любви женской. Какъ пали сильные, погибло оружіе бранное!“ [2]).

[1]) „I Кн. Царствъ“, XXVIII, 8—19.

Успѣхъ филистимлянъ былъ полный; всѣ израильтяне, жившіе къ западу отъ Іордана, подчинялись ихъ власти. Остатки разбитой арміи, подъ предводительствомъ Абнера Авенира, укрылись въ землю Галаадскую и пригласили на царство Исбаала, сына Саулова. Вся территорія веніамитянъ, съ городъ Гивою во главѣ, досталась въ руки непріятеля. Поэтому, Исбаалъ избралъ своей резиденціей Маханаимги, одно изъ самыхъ старинныхъ святилищъ націи. Воцареніе сына Саулова возбудило недовольство въ другихъ племенахъ: колѣно Іудино и сосѣдніе кланы избрали на царство Давида. Вражда между двумя претендентами повела къ ничего не рѣшившей битвѣ при Гивенѣ и продолжалась, какъ говорятъ, болѣе 7 лѣтъ съ измѣнчивымъ успѣхомъ для обѣихъ странъ. Она можетъ быть окончилась бы не въ пользу Давида, если бы Абнеръ, жестоко оскорбленный своимъ господиномъ не покинулъ его; Исбаалъ вскорѣ послѣ этого былъ убитъ двумя изъ своихъ людей, и Давидъ освободился отъ соперника. Представители еврейскихъ родовъ, державшіе сторону дома Саулова, собрались въ Сихемѣ и провозгласили Давида царемъ.

Съ тѣхъ поръ исчезло старинное дѣленіе еврейскаго народа; насталъ моментъ, когда объединенныя племена составили навсегда одно неразрывное цѣлое. Лѣтописцы той эпохи, видѣвшіе воочію всѣ преимущества, доставленныя еврейской націи соединеніемъ всѣхъ ея силъ въ рукахъ одного царя, приписываютъ свои чувства по этому поводу всей націи и увѣряютъ, что окончательное утвержденіе царской власти было обставлено необыкновенной торжественностью. Они утверждаютъ, что всѣ племена собрались въ Хевронъ, столицу Іудеи, и „со всякимъ воинскимъ оружіемъ. Всѣ эти воины, въ строю, отъ полнаго сердца пришли въ Хевронъ воцарить Давида надъ всѣмъ Израилемъ. И пробыли тамъ у Да-

[2]) „II Кн. Царствъ“, I, 19—27.

вида три дня, потому что братья ихъ все приготовили для нихъ. Да и близкіе къ нимъ, даже до колѣна Иссахарова, Завулонова и Неѳалимова, привозили все съѣстное на ослахъ, и верблюдахъ, и мулахъ, и волахъ: муку, смоквы, и изюмъ, и вино, и елей, и крупнаго и мелкаго скота множество; такъ какъ радость была для Израиля“ [1]).

Хевронъ, находящійся въ центрѣ территоріи колѣна Іудина, былъ, естественно, его столицей, но не могъ занять той же роли относительно царства, долженствовавшаго объединить израильскія племена. Давидъ пріискалъ для столицы городъ, болѣе удаленный отъ южной границы, и избралъ хананейскую крѣпость Іевусъ, бывшую до того времени преградой между южными евреями и территоріей колѣна Ефремова. Энергическая осада подъ предводительствомъ Іова, отдала городъ въ руки евреевъ. Съ перемѣной владычества измѣнилось и имя города: онъ сталъ называться Іерусалимомъ. Давидъ поспѣшилъ укрѣпить его: предоставивъ высоты Моріа жителямъ, онъ устроилъ свою резиденцію въ Сіонѣ и укрѣпилъ холмы Милло, но не позаботился обнести эти три части города одной сплошной стѣною [2]). Позднѣе, когда первыя успѣшныя войны доставили ему нѣсколько досуга, онъ заставилъ тирскихъ рабочихъ выстроить себѣ дворецъ изъ кедроваго дерева и обтесаннаго камня [3]); а пока отправился въ Киріаѳъ-Іеаримъ за ковчегомъ завѣта, остававшимся тамъ будто бы со времени побѣды филистимлянъ при Афекѣ, и поставилъ его у себя на высотахъ Сіона [4]); Іерусалимъ, какъ резиденція царя, сталъ, по восточному обычаю, не только политическимъ, но и религіознымъ центромъ страны. Положеніе это было очень выгодное. Іерусалимъ находился на возвышенности, окруженной съ востока, юга и запада теченіемъ потока Кедрона и ущеліемъ Гиннома и ограниченной съ сѣвера легкимъ пониженіемъ почвы. Расположенный въ мѣстѣ пересѣченія дорогъ, ведущихъ отъ Іоппе къ Іордану и изъ пустыни въ Сирію, Іерусалимъ господствовалъ такимъ образомъ надъ большей частью территоріи, населенной евреями. Изъ своего дворца, Давидъ, повернувшись спиною къ землѣ колѣна Іудина, могъ черезъ Іерихонъ спуститься въ Іорданскую долину, а отсюда проникнуть въ страну Галаадскую, или же направиться черезъ Беѳаронъ на морскую равнину и подняться до Галилеи. Конечно, колѣна Завулоново, Асирово и Неѳалимово были слишкомъ удалены отъ него, но это были племена второстепеннаго значенія. Чтобы господствовать, ему необходимо было держать въ рукахъ колѣно Ефремово и Іудино; вотъ почему было такъ положеніе Іерусалима.

[1]) „I Паралипоменонъ“, XII, 40.
[2]) „II Кн. Царствъ“, V, 5—9; „I Паралипоменонъ“, XI, 4—8.
[3]) „II Кн. Царствъ“, V, II; „I Паралипоменонъ“, XIV, 1.
[4]) „II Кн. Царствъ“, VI; „Паралипоменонъ“, XIII, XV—XVI.

Пока былъ живъ Исбаалъ, и пока продолжались раздоры среди Израиля, филистимляне считали себя обезпеченными съ этой стороны и не нарушали мира; но лишь только всѣ двѣнадцать колѣнъ соединились вмѣстѣ,—они стали чувствовать серьезныя опасенія, почему они и рѣшились напасть на новаго царя, прежде чѣмъ онъ возстановитъ порядокъ и организуетъ армію. Территорія колѣна Іудина была захвачена филистимлянами; Іерусалиму угрожала опасность; Виѳлеемъ былъ осажденъ, но все было напрасно. Давидъ разбилъ филистимлянъ въ два пріема; онъ преслѣдовалъ ихъ отъ Гаваона до Гезера [1]) и оттѣснилъ до предѣловъ ихъ территоріи. Борьба, завязавшаяся по всей границѣ, отъ Геѳа до Екрона, тянулась долго безъ всякихъ результатовъ въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ; она состояла лишь въ набѣгахъ, неожиданныхъ нападеніяхъ и безпрерывныхъ стычкахъ съ обѣихъ сторонъ. Давидъ не щадилъ себя и весь отдался борьбѣ. Однажды, во время схватки, онъ такъ далеко ушелъ, что Авесса съ трудомъ освободилъ его отъ опасности; съ этихъ поръ спутники его запретили царю на будущее время участвовать въ битвахъ. Около него всегда находилось 600 тѣлохранителей (гибборимъ), набранныхъ изъ еврейскихъ и иноземныхъ искателей приключеній и составлявшихъ ядро царской арміи; начальники ихъ, Іоавъ и Авесса, Елеазаръ, сынъ Додо, Елхананъ изъ Виѳлеема, Іонаѳанъ и Ванея,—остались навсегда популярными среди израильтянъ. Долго послѣ ихъ смерти разсказывали, какъ въ одну изъ битвъ [2]) Іавсахамъ, сынъ Гакмони, единолично положилъ 300 человѣкъ на мѣстѣ, и какъ „Ванея, сынъ Іодая, мужа храбраго, великій по дѣламъ, изъ Кавцеила“, „поразилъ двухъ сыновей Аріила Моавитскаго; онъ же сошелъ и убилъ льва во рвѣ въ снѣжное время; онъ же убилъ одного египтянина, человѣка виднаго; въ рукѣ египтянина было копье, а онъ пошелъ къ нему съ палкой и отнялъ копье изъ руки египтянина и убилъ

[1]) „II Кн. Царствъ“, V, 17—25; „I Паралипоменонъ“, XIV, 8—17.
[2]) „I Паралипоменонъ, XI, 11.

его собственнымъ копьемъ" [1]). Филистимляне, утомленные бѣдствіями, просили мира. Геѳъ и прилегающія къ нему поселенія остались во власти израильтянъ [2]); остальные четыре города сохранили свою независимость и не были даже обложены правильной данью. Израиль съ этихъ поръ не опасался уже внезапныхъ нападеній филистимлянъ: ихъ военное могущество было навсегда уничтожено; оно пало такъ же быстро, какъ и возвысилось [3]). Счастливый исходъ этой продолжительной борьбы развилъ въ Давидѣ вкусъ къ побѣдамъ; царство его укрѣпилось и развилось сразу по всѣмъ направленіямъ съ быстротой, свойственной восточнымъ монархіямъ. Первыми пали моавитяне: двѣ трети этого народа были безпощадно уничтожены, остальные подчинились [4]). На сѣверѣ евреи встрѣтили болѣе могущественнаго врага. Сирія была раздѣлена, какъ и во время египтянъ, на враждебныя царства: Дамасское, Рогобское, Маахейское, Сувское и Гаматское. Князь, царствовавшій тогда въ Сувѣ, Адраазаръ, сынъ Рехова, уничтожилъ ихъ одно за другимъ. Давиду не могло понравиться образованіе большого государства въ долинѣ Оронта; онъ напалъ на Арамъ-Суву, въ то время какъ Адраазаръ „шелъ, чтобы возстановить свое владычество при рѣкѣ (Евфратѣ)", и одержалъ надъ нимъ значительную побѣду. Преданіе утверждаетъ даже, что Давидъ покорилъ Дамаскъ, и что сосѣдніе царьки явились къ нему, чтобы воздать болѣе или менѣе номинальныя почести; но это не доказано. Побѣда надъ Адраазаромъ преисполнила радостью не только сердца евреевъ, но и многихъ сирійскихъ князей, сильно страдавшихъ отъ безпокойнаго нрава Адраазара: Ѳой, царь Гаматскій, послалъ своего сына, Іоарама, къ Давиду, чтобы поздравить его съ побѣдой [5]). Это завоеваніе повлекло за собой и другія. Чтобы занять Суву, необходимо было очистить южныя территоріи; идумеяне воспользовались этимъ и возобновили свои набѣги на землю потомковъ Іуды. Давидъ поспѣшно отдѣлилъ часть войска, воевавшаго въ Сиріи, и послалъ его подъ предводительствомъ Іова и Авессы, которые разбили идумеянъ въ Соляной долинѣ, къ югу отъ Мертваго

[1]) „II Кн. Царствъ", XXIII, 20—21; „I Паралипоменонъ", XI, 22—23.
[2]) „I Паралипоменонъ", XVIII, 1.
[3]) Относительно этихъ филистимлянскихъ войнъ см. Штаде, „Geschichte des Volkes Israël", стр. 265—267.
[4]) „II Кн. Царствъ", VIII, 2; „I Паралипоменонъ", XVIII, 2.
[5]) „II Кн. Царствъ", VIII, 3—10; „I Паралипоменонъ", XVIII, 3—10.

моря [1]). Царь идумейскій погибъ въ сраженіи, а его сынъ Адеръ убѣжалъ въ Египетъ съ нѣсколькими вѣрными слугами. Іоавъ истребилъ все мужское населеніе Идумеи и, занявъ ее войсками [2]), расположилъ еврейскіе гарнизоны въ Елаѳѣ и Этсіонгаберѣ, у восточной оконечности Краснаго моря; Давидъ посвятилъ Богу добычу отъ этихъ войнъ, и принялъ ее Господь и „хранилъ Давида вездѣ, куда онъ ни ходилъ" [3]).

Нѣсколько лѣтъ искусной политики превратили евреевъ въ завоевателей. Ихъ власть простиралась отъ береговъ Оронта до рѣки Египта и береговъ Краснаго моря. Моавитяне, эдомитяне, аммонитяне находились въ непосредственной зависимости отъ ихъ военачальниковъ; филистимляне поставляли къ царскому столу пшеницу и масло. Финикія старалась пріобрѣсти ихъ дружбу, снабжая ихъ драгоцѣннымъ деревомъ и и посылая своихъ художниковъ; Сува, Гаматъ и арамейскія государства платили дань. Царство Давида было настоящимъ восточнымъ государствомъ, устроеннымъ по тому же образцу, что и египетское и халдейское, но оно было менѣе обширно и менѣе прочно. Какъ и во времена фараоновъ, народы, платившіе дань, не совсѣмъ отказались отъ мысли вернуть свою независимость: въ глубинѣ своего сердца они не признавали господства Израиля и ждали лишь удобнаго случая, чтобы помѣряться силами. По смерти Нааса, царя аммонитянъ, Давидъ послалъ привѣтствовать сына его, Аннона, отецъ котораго когда-то покровительствовалъ Давиду во время преслѣдованій Саула. Аннонъ, вообразивъ, что послы были просто шпіоны, присланные снять планъ царственнаго города, велѣлъ сбрить имъ полбороды, обрѣзать половину одежды по поясъ и въ такомъ видѣ, съ безчестіемъ прогналъ ихъ. Это послужило сигналомъ къ войнѣ.

Аммонитяне соединились съ Адраазаромъ и подняли Сирію; войска Рогоба (Рехова), Маахи, Истоваи Сувы явились къ нимъ на помощь. Іоавъ, командовавшій за отсутствіемъ Давида, очутился между аммонитянами и вспомогательными войсками ихъ союзниковъ; онъ раздѣлилъ все свое войско на двѣ части: одной, составлявшей фронтъ сирійцамъ, командовалъ самъ, а другую передалъ своему брату, Авессѣ. Сирійцы были оттиснуты, аммони-

[1]) „II Кн. Царствъ", VIII, 13 — 14; „I Паралипоменонъ", XVIII, 12 — 13 Псал. IX.
[2]) „I Кн. Царствъ", XI, 15—16.
[3]) „II Кн. Царствъ", VIII, 11—14; „I Паралипоменонъ", XXIII, 10—11.

тяне разстроены, и Іоавъ не нашелъ нужнымъ преслѣдовать ихъ до ихъ города. Адраазаръ, не считая себя разбитымъ, собралъ всѣ оставшіяся войска и послалъ просить подкрѣпленія у арамеянъ по ту сторону Евфрата. На этотъ разъ Давидъ перешелъ къ наступательной войнѣ: переправившись черезъ Іорданъ, онъ дошелъ почти до Алама, гдѣ Совакъ, военачальникъ Адраазара, далъ ему битву. Сирійцы снова подались: Совакъ былъ убитъ во время бѣгства, а Адраазаръ, покинутый своими союзниками, просилъ пощады. На слѣдующій годъ, Іоавъ осадилъ Равву. Въ ту минуту, какъ городъ готовъ былъ сдаться, онъ призвалъ царя въ лагерь, чтобы доставить ему честь побѣды. Съ аммонитянами было поступлено такъ же жестоко, какъ и съ родственными имъ моавитянами: Давидъ „положилъ ихъ подъ пилы, подъ желѣзныя молотки, подъ желѣзные топоры и бросилъ ихъ въ обжигательныя печи“ [1]). Милосердіе не принадлежало, очевидно, къ числу добродѣтелей Давида.

Сирія, наконецъ, нашла своего господина. Ассирійцы, отброшенные къ Тигру пораженіемъ Ассуррабамара, не думали болѣе безпокоить ее, а Египетъ въ гражданскихъ войнахъ тратилъ послѣдній запасъ силъ, время было самое подходящее, чтобы образовать одно государство и одинъ народъ изъ всѣхъ націй, находящихся между Евфратомъ и Краснымъ моремъ. Еврейское царство не дало Сиріи того единства, которое необходимо было для поддержанія независимости и возможности, хоть съ нѣкоторымъ успѣхомъ, противостоять нападеніямъ могущественныхъ сосѣдей.

Въ сущности, евреи не были воинственнымъ народомъ. Увлеченные личной доблестью одного изъ своихъ начальниковъ, они могли выдти на время изъ своего привычнаго миролюбія, но скоро національныя черты брали верхъ, и они возвращались къ своимъ земледѣльческимъ и пастушескимъ занятіямъ, къ своимъ мелкимъ междоусобнымъ распрямъ; насколько они были склонны къ внезапнымъ нападеніямъ и набѣгамъ на сосѣдей, настолько не любили продолжительныхъ войнъ, требовавшихъ такой прочной организаціи, какой обладали Египетъ и Ассирія. Походы Давида или, вѣрнѣе, его военачальника Іоава, такъ какъ Давидъ рѣдко появлялся на полѣ сраженія съ иноплеменниками [2]), — имѣли по-

[1]) „II Кн. Царствъ“, X—XII; „I Паралипоменонъ“, XIX—XX.

[2]) Сравн. „II Кн. Царствъ“, XVIII, 3, съ наивными рѣчами, которыя авторъ

этому своимъ результатомъ только пріобрѣтеніе добычи, стадъ и рабовъ въ пользу Израиля. Побѣжденные давали обѣщаніе платить дань и платили ее до тѣхъ поръ, пока находились подъ впечатлѣніемъ пораженія, — при первомъ удобномъ случаѣ они прекращали свои обязательства и уступали только изъ страха новаго пораженія. Было бы поэтому преувеличеніемъ говорить о еврейской монархіи временъ Давида и его преемника; какой же тогда болѣе сильный терминъ можно было бы пріискать для господства египтянъ и ассиріянъ?

Давиду слѣдовало умереть на другой день послѣ своей послѣдней побѣды; но, какъ большинство государей Востока, онъ прожилъ больше чѣмъ слѣдовало, пройдя черезъ рядъ испытаній, которыя обыкновенно омрачаютъ конецъ долгаго царствованія. Восточный обычай требовалъ, чтобы съ увеличеніемъ успѣховъ монарха, увеличивалось число его слугъ и женщинъ. Давидъ не составилъ исключенія изъ этого правила. Къ двумъ женамъ, которыхъ онъ взялъ во время своего изгнанія въ Циклагъ (Секелагъ), онъ присоединилъ Мааху, арамеянку, дочь царя Гессурскаго, кромѣ того Аггиѳу, Авиталу, Эглу и многихъ другихъ. Во время осады Раввы онъ соблазнилъ Вирсавію, жену Урія хеттіянина, способствовалъ смерти ея мужа, существованіе котораго было ему помѣхой. Послѣ строгихъ упрековъ пророка Наѳана, онъ раскаялся, а Вирсавію взялъ себѣ въ жены [1]). Вскорѣ не замедлили возникнуть распри между дѣтьми различныхъ матерей. Амнонъ, рожденный Ахинаамой, соблазнилъ свою сестру Ѳамарь, дочь Маахи. Авессаломъ, братъ Ѳамари, отомстилъ за нее, убивъ преступника. Прощенный отцомъ, онъ вскорѣ послѣ этого возмутился противъ него и увлекъ народъ. Его колебанія въ рѣшительную минуту дали возможность Давиду скрыться за Іорданъ; недисциплинированныя толпы, увлеченныя Авессаломомъ, были легко разсѣяны небольшой царской арміей, а самъ онъ былъ убитъ Іоавомъ во время бѣгства [2]). Со смертью предводителя,

этой книги влагаетъ въ уста воиновъ: „не выйдешь ты больше съ нами на войну“ („II Кн. Царствъ“. XXI, 17). Во „II Кн. Царствъ“, VIII, 16, сказано, что „Іоавъ, сынъ Саруи, былъ начальникомъ войска“; и, въ самомъ дѣлѣ, Іоавъ руководилъ военными дѣйствіями противъ аммонитянъ и арамеянъ („II Кн. Царствъ“, X, 8 и слѣд.). Давидъ является только тогда, когда побѣда была обезпечена успѣхами его военачальника („II Кн. Царствъ“, X, 15 — 16; XII, 26—31).

[1]) „II Кн. Царствъ“, XI, XII.

[2]) „II Кн. Царствъ“, XIII, XVI.

казалось, наступилъ конецъ и гражданской войнѣ, но зависть другихъ еврейскихъ племенъ къ колѣну Іудину продлили ее еще нѣсколько лѣтъ. Она окончилась только подъ стѣнами Авела-Беѳ-Мааха смертью Савея Веніамитянина [1]). Давидъ не опасался болѣе народныхъ возмущеній, но выборъ преемника повергъ его въ безвыходныя затрудненія. По закону престолъ долженъ былъ перейти къ четвертому его сыну, Адонію, рожденному отъ Аггиоы, но Вирсавія уговорила стараго царя провозгласить царемъ въ Іерусалимѣ юнаго сына ея Соломона и передать ему власть еще при жизни. Давидъ жилъ всего нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего отреченія и умеръ 71 года, на 41 году своего царствованія [2]).

Интриги гарема, возведшія на престолъ Соломона, окончились страшнымъ кровопролитіемъ. Всѣ, кого только можно было заподозрить во враждебномъ отношеніи къ новому царю, были умерщвлены; самъ Іоавъ погибъ во время этой рѣзни [3]). Онъ не нашелъ себѣ замѣстителя; Соломонъ не отличался воинственными наклонностями Давида и потерялъ многія пріобрѣтенія, сдѣланныя съ такимъ трудомъ его отцомъ. Чтобы подчинить себѣ Газеръ, жители котораго, хананеяне по происхожденію, сохранили до того времени свою независимость, Соломону пришлось прибѣгнуть къ помощи египтянъ. Онъ женился на дочери фараона Псинахеса или Псусеннеса II-го, царствовавшаго тогда въ Египтѣ, и склонилъ своего тестя придти къ нему на помощь. Египетскіе инженеры скоро овладѣли городомъ, сломали его укрѣпленія и отдали его іудейскому царю въ качествѣ приданнаго за женой [4]). Тѣмъ не менѣе неудачи преслѣдовали Соломона. Адеръ, сынъ царя идумейскаго, убитаго при Давидѣ, возвратился изъ Египта, гдѣ онъ долго скрывался, и поднялъ Идумею противъ евреевъ [5]). Резонъ (Разонъ), царь Сувскій, овладѣлъ Дамаскомъ и основалъ на сѣверной границѣ военное государство, вражда котораго къ дѣтямъ Израиля часто угрожала имъ опасностью [6]). Къ счастью, моавитяне и аммонитяне оставались спокойны, а Тиръ, который успѣшно могъ оказать сопротивленіе Соломону, искалъ его дружбы.

[1]) „II Кн. Царствъ“, XX.
[2]) „II Кн. Царствъ“, I—II.
[3]) „Ш Кн. Царствъ“, II, 10—35.
[4]) „Ш Кн. Царствъ“, III, 1.
[5]) „Ш Кн. Царствъ“, XI, 14—22.
[6]) „III Кн. Царствъ“, XI, 23—24.

Со времени паденія Сидона, Тиръ сдѣлался столицей Финикіи. Управляемый сначала суффетами, онъ призвалъ затѣмъ на царство Авиваала, приблизительно въ то же время, когда евреи призвали Давида. Хиромъ I-й, сынъ Авиваала, всегда находился въ дружескихъ отношеніяхъ со своимъ іудейскимъ сосѣдомъ; онъ снабжалъ его строевымъ лѣсомъ и финикійскими зодчими при постройкѣ царскаго дворца. Онъ продолжалъ ту же политику и при Соломонѣ и, благодаря своему искусному поведенію, могъ посвятить всѣ силы, находившіяся въ его распоряженіи, дѣлу колонизаціи [1]).

Если Соломонъ не былъ военнымъ геніемъ, за то ему никакъ нельзя отказать въ званіи искуснаго администратора. Онъ возобновилъ стѣны Магедди и Азора; Газеръ, два Веѳорона и Тамаръ [2]) были укрѣплены по новымъ планамъ и защищали южную границу. Одно преданіе, довольно запоздалаго происхожденія [3]), увѣряетъ, что Соломонъ вымостилъ чернымъ васанскимъ базальтомъ дороги, ведшія въ Іерусалимъ. Іерусалимъ тоже былъ окруженъ стѣнами; царь настроилъ въ немъ дворцовъ (одинъ для себя, другой для дочери фараона), портиковъ, устроилъ пруды. Такъ какъ война не доставляла болѣе средствъ для всей этой роскоши, тяжесть издержекъ на нее легла на народъ: всѣ потомки хананеянъ были обложены податями, и даже сами евреи принуждены были поставлять натурою все необходимое для содержанія царскаго двора. Территорія Израиля, простиравшаяся между Средиземнымъ и Краснымъ морями и пустыней, находилась на пути въ Африку и управляла такимъ образомъ двумя обширными всемірными рынками, египетскимъ и халдейскимъ. Кромѣ дорожной пошлины, которую всегда платили караваны, Соломонъ монополизировалъ въ свою пользу нѣкоторые египетскіе продукты,— пряжу, колесницы и коней. Египетская пряжа, самая тонкая, какая только была извѣстна въ древности, особенно цѣнилась ва-

[1]) Относительно происхожденія тирскаго царства, см. отрывокъ изъ сочиненія Менандра („Fragm. H. Grœs“, изд. Дидо, т. IV, стр. 445 и слѣд.). Очень можетъ быть, что это Хиромъ упоминается на обломкѣ бронзовой вазы, найденной на Кипрѣ („Corpus inscripitonum semiticarum“, т. I, стр. 22—26 и табл. V).

[2]) Это былъ, вѣроятно, небольшой городокъ, расположенный въ пустынѣ іудейской. Преданіе замѣняетъ Тамаръ названіемъ Тадморъ и приписываетъ Соломону основаніе Пальмиры.

[3]) Іосифъ. „Ant. Jud.“, 7, § 4.

вилонскими красильщиками и вышивальщиками. Колесницы, прочныя и въ тоже время легкія, были очень важнымъ предметомъ торговли въ эту эпоху всеобщаго употребленія боевыхъ колесницъ. Наконецъ, лошади, приведенныя кочевниками на берега Нила, акклиматизировались тамъ и усовершенствовали свою породу, благодаря заботливости о нихъ фараона и знатныхъ классовъ. Въ большинствѣ городовъ Средняго и Нижняго Египта, Хмуну, Хнинсу и другихъ, находились славившіеся въ древности конскіе заводы [1]), поставлявшіе коней сирійскимъ правителямъ. Соломонъ порѣшилъ сдѣлаться единственнымъ посредникомъ между иноземными покупателями и страной - производительницей этихъ продуктовъ. Онъ оцѣнилъ, какъ говорятъ, коней по сту пятьдесятъ сиклей серебра, а колесницы — по шестьсотъ сиклей и продавалъ ихъ хетійскимъ правителямъ, очевидно, съ большой выгодой для себя [2]). Но и этого ему показалось недостаточно: по примѣру, а, можетъ быть, и по наущенію финикіянъ, онъ порѣшилъ присоединить къ естественнымъ богатствамъ своего царства доходы отъ торговли съ отдаленнымъ странами.

Хиромъ одолжилъ ему рабочихъ и финикійскихъ матросовъ, съ помощью которыхъ онъ выстроилъ флотъ въ Этсіонгаберѣ, снарядилъ его и отправилъ на поиски Офирскихъ странъ [3]). Черезъ три года флотъ вернулся, нагруженный золотомъ, серебромъ, слоновой костью, драгоцѣнными камнями, деревомъ и удивительными животными, какъ напримѣръ обезьянами и павлинами. Успѣхъ этого перваго путешествія поощрялъ къ повтореніямъ; въ царствованіе Соломона, одно время, по крайней мѣрѣ флотъ совершалъ правильныя поѣздки, благодаря которымъ завя-

---

[1]) Для восьмого вѣка это доказано надписью Піонхи Міамуна. Въ ней упоминаются конскіе заводы Хмуну, въ строк. 64—65, Хнинсу—въ строк. 70—71 и Нижняго Египта, въ строк. 109, 111, 112, 113, 114 и 119.

[2]) „Ш Кн. Царствъ“, X, 28 — 29. Еще позднѣе, во время Саргона, ассиріяне очень цѣнили египетскихъ лошадей (Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“. 1883, стр. 187—188).

[3]) Можно составить цѣлую библіотеку изъ однихъ трактатовъ о мѣстонахожденіи Офира. То относили его въ Аравію, то на берега Африки, въ Персію, въ Индію, на Яву и даже въ Перу, но названіе деревьевъ альмугъ и павлиновъ, кажется, индійскаго происхожденія, почему отдаютъ предпочтеніе скорѣе Индіи. Весьма мозможно, что матросы Соломона, не заходя въ Индію, могли найти всѣ эти предметы въ многочисленныхъ факторіяхъ на африканскомъ берегу, которыя еще въ глубокой древности находились въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ Индіей.

зались сношенія евреевъ съ правителями Южной Аравіи [1]). Дѣйствительная выгода отъ этихъ дальнихъ экспедицій была невелика, но смѣлость ихъ такъ живо поразила умы современниковъ, что наиболѣе способствовала легендарной славѣ Соломона, чѣмъ побѣды—славѣ Давида.

Но Соломонъ пользовался славой у послѣднихъ евреевъ не только какъ искусный политикъ: они приписывали ему несравненно большія заслуги. Честолюбіе семитическихъ государей требовало, чтобы въ самомъ дворцѣ монарха или, по крайней мѣрѣ, близъ него, находилось святилище съ приставленнымъ къ нему священникомъ, непосредственно подчиненнымъ государю. Начальники отдѣльныхъ израильскихъ племенъ и клановъ учредили много такихъ домашнивъ культовъ, — такъ Героваалъ устроилъ святилище въ Офрѣ въ честь своей побѣды [2]). Давидъ, овладѣвъ Іерусалимомъ, задумалъ построить въ немъ храмъ и даже избралъ для него мѣсто; Соломонъ исполнилъ на дѣлѣ то, что было только задумано его отцомъ.

Избранная для постройки храма гора Морія имѣла неправильныя очертанія, и поверхность ея мало соотвѣтствовала своему назначенію; Соломонъ исправилъ ея контуры при помощи подставныхъ стѣнъ, которыя, смотря по условіямъ почвы, опирались или на склоны горы или спускались въ глубину долины; пространство, заключавшееся между этими стѣнами, было заполнено землей и составило квадратную площадку, на которой покоилось основаніе храма. Хиромъ обязался снабжать Соломона рабочими, инженерами и строевымъ лѣсомъ, необходимымъ для этого предпріятія [3]). Фасадъ храма былъ обращенъ на востокъ; самое зданіе имѣло въ ширину двадцать локтей, въ длину—шестьдесятъ и въ вышину — тридцать. Стѣны были сложены изъ массивныхъ каменныхъ глыбъ, а всѣ деревянныя части были сдѣланы изъ кедроваго лѣса, украшеннаго рѣзьбой и золотомъ. Чтобы войти въ храмъ надо было пройти подъ портикомъ (уламъ) и между двухъ колоннъ изъ отчеканенной бронзы, одну изъ которыхъ называли Якинъ, другую — Боазъ. Внутренность храма

---

[1]) „Ш Кн. Царствъ“, IX, 26—28; X, 11, 15, 22; „II Паралипоменонъ“, VIII, 17—18; IX, 10, 13, 21.

[2]) „Судьи“, VIII, 25—28. Сравн. „Судьи“, XVII, 5 и слѣд., исторію о Левитѣ, изъ колѣна Іудина, о Михѣ и о колѣнѣ Дановомъ.

[3]) Тамъ же, V, 7—11; „II Паралипоменонъ“, II, 3—11.

дѣлилась на двѣ части: святая святыхъ и святилище. Въ святилищѣ (гегалъ) стоялъ жертвенникъ, на которомъ воскурялись благовонія, семисвѣчный свѣтильникъ и столъ для хлѣбовъ предложенія. Въ святой святыхъ (дебиръ) ковчегъ завѣта покоился подъ крыльями двухъ херувимовъ, сдѣланнаго изъ позолоченнаго дерева. Къ тремъ сторонамъ средней части храма были пристроены трехъярусныя зданія, доходившія до половины высоты храма; въ нихъ были устроены комнаты, въ которыхъ хранились сокровища и священныя вещи. Первосвященникъ могъ входить въ святую святыхъ только одинъ разъ въ годъ. Святилище было доступно для священниковъ и служило для обыкновенныхъ церемоній культа: здѣсь сожигали благовонія и клали хлѣбы предложенія. Во внутреннемъ дворѣ, противъ входа, въ храмѣ были поставлены: большой жертвенникъ для жертвъ всесожженія, „бронзовое море“ и десять водоемовъ меньшаго размѣра, въ которыхъ были различные предметы, предназначаемые въ жертву, жаровни, ножи, лопаточки и другія принадлежности, употребляемыя при кровавыхъ жертвоприношеніяхъ. Невысокая стѣна, украшенная вызолоченной балюстрадой изъ кедроваго дерева, отдѣляла этотъ внутренній дворъ отъ другого двора, куда народъ имѣлъ доступъ во всякое время. Въ XII г. своего царствованія Соломонъ самъ освятилъ храмъ: онъ перенесъ ковчегъ завѣта изъ Сіона въ святое святыхъ и принесъ жертвы среди всеобщихъ изъявленій радости и восторга [1]). Неопытность евреевъ въ дѣлѣ архитектуры заставила ихъ смотрѣть на созданіе Соломона, какъ на образецъ единственный въ своемъ родѣ. На самомъ же дѣлѣ этотъ храмъ, относительно грандіозныхъ построекъ Египта и Халдеи былъ тѣмъ же, чѣмъ было еврейское царство, сравнительно съ другими монархіями древняго міра: маленькій храмъ соотвѣтствовалъ маленькому народу.

Религіи Ханаана и Израиля; расколъ между десятью израильскими колѣнами.

Трудно начертать полную картину первоначальныхъ религій Ханаана. Подчинившись вліянію египетской и халдейской политики, страна не осталась самостоятельной и въ дѣлѣ религіоз-

[1]) „III Кн. Царствъ“, VI—VIII. Описаніе храма, встрѣчаемое здѣсь мѣстами, въ общемъ даетъ довольно вѣрное представленіе о зданіи, принимая во вниманіе вещественные факты, доставляемые сравненіемъ съ египетскими храмами.

ныхъ идей. Вавилонское божество — рыба повторяется въ Аскалонѣ въ формѣ Дагона [1]). Имя и роль богини Астарты кажутся позаимствованными у вавилонской Истары. Очень возможно, что культъ этихъ божествъ проникъ къ хананеямъ, когда часть ихъ жила еще на берегахъ Персидскаго залива въ постоянномъ соприкосновеніи съ обитателями Халдеи. Египетское вліяніе началось не раньше эпохи восемнадцатой династіи, но оно глубоко измѣнило нѣкоторые финикійскіе культы. Легенда объ Изидѣ и Озирисѣ привилась въ Библосѣ и тѣсно соединилась съ легендой объ Адонисѣ и Астартѣ; утверждали, что тѣло Озириса, изрѣзанное на куски Тифономъ и брошенное въ море, было вынесено волнами на берегъ Сиріи и оставалось тамъ въ продолженіе многихъ лѣтъ [2]). Богъ Тотъ, получившій право гражданства въ Финикіи, сохранилъ въ новой родинѣ свое званіе божественнаго исторіографа и изобрѣтателя письменъ [3]). Что это смѣшеніе миѳовъ было дѣломъ не только финикіянъ, но общимъ дѣломъ, въ которомъ египтяне и семиты принимали равную долю участія, это не подлежитъ сомнѣнію, судя по тому множеству сирійскихъ божествъ, которыя пользовались поклоненіемъ въ Мемфисѣ и Ѳивахъ со времени Рамессидовъ [4]). Процессъ сліянія происходилъ такъ же успѣшно на берегахъ Нила, какъ и у подножія Ливана, что доказываютъ дошедшіе до насъ отрывки египетской версіи легенды объ Астартѣ; перенесенные изъ финикійскихъ святилищъ Египта въ финикійскія святилища Азіи, миѳы такъ тѣсно слились съ національными догматами, что въ концѣ концовъ сдѣлались неотъемлемымъ достояніемъ всего народа.

[1]) „Кн. Судей“, XVI, 23; „I Кн. Царствъ“, V, 1 и слѣд.

[2]) „De Iside et Osiride“, XV. По мнѣнію автора „De deâ Syriâ“, VII, Озирисъ остался въ Финикіи; празднества, которыя считались установленными въ честь Адониса, были якобы чествованіемъ египетскаго бога.

[3]) Сравн. отрывокъ изъ сочиненія Санхоніаѳона относительно Тота у Бунзена, „Egypt's Place“, т. I, стр. 800.

[4]) Атора Библосская, т.-е. богиня Атора, которой поклонялись въ Библосѣ, упоминается въ одной туринской надписи (Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“ въ „Recueil“, т. II, стр. 120); главная богиня Библоса, Ваалоѳъ-Гевалъ, изображена въ видѣ Аторы на обломкѣ барельефа, открытаго Ренаномъ („Mission de Phénicie“, стр. 179) и на памятникѣ Іехавмелека („Corpus inscriptionum Semitica“, т. I, стр. 2 и табл. I). Ваалъ-Зефонъ и Марна упоминаются на обратной сторонѣ Папируса Анастасія n⁰ IV; Ваалъ Анати, Астарта — въ поэмѣ Пентаоирита и на памятникѣ Лувра, Турина и Брит. Музея.

Хананеяне, финикіяне, идумеяне и всѣ сирійскіе народы семитическаго происхожденія, а также и тѣ, которые смѣшались съ ними, какъ напримѣръ, хети и филистимляне, исповѣдывали религію, аналогичную съ религіями Халдеи и Ассиріи. Но въ Вавилонѣ могущественное жреческое сословіе объединило всѣ миѳы и создало изъ нихъ совершенно законченное догматическое цѣлое [1]). Въ Сиріи миѳы долго не имѣли опредѣленнаго характера, и боги дѣлили между собою территорію, на подобіе феодальныхъ правителей. Каждый народъ, каждое племя, каждый городъ имѣли своего властителя (адонъ), своего господина, своего Ваала, которому давалось особое названіе въ отличіе отъ другихъ Вааловъ, повелителей сосѣднихъ странъ и городовъ. Богъ, которому поклонялись въ Тирѣ, назывался Ваалъ-Суръ, т.-е. повелитель Тира, а богъ Сидона носилъ названіе Ваалъ-Сидонъ, т.-е. повелитель Сидона. Главнѣйшіе изъ боговъ, тѣ, которые олицетворяли во всей чистотѣ идею небеснаго огня, солнца, какъ творца и двигателя вселенной—назывались царями (мелекъ, моликъ) боговъ [2]). Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстны имена всѣхъ этихъ царей. Элъ или Хроносъ господствовалъ въ Вавилонѣ, Хамосъ у моавитянъ [3]), Аммонъ у аммонитянъ. Сутехъ у хети, причемъ каждая хетійская область имѣла своего Сутеха, такъ что существовали Сутехъ Халупскій, Сутехъ Тунинскій, Сутехъ Хиссанскій [4]) и т. п. „Мелькартъ, главный богъ Тира, культъ котораго былъ далеко перенесенъ тирскими колонистами, былъ никто иной, какъ Ваалъ некрополя, посвященнаго богу Мелькарту, тирскому Ваалу“ [5]). Каждый Ваалъ дополняется женскимъ божествомъ, причемъ, по-

---

1) Бирчъ, „Varia“ въ „Zeitschrift“, 1871, стр. 119-120.

2) Характеристику финикійскихъ Вааловъ см. у Тиле (Tiele) „Vergelijkende Geschiedenis van de Aegyptische en Mesopotamische Godsdiensten“, 1872, стр. 451—457.

3) Особое божество, носящее имя Молоха, существуетъ только въ воображеніи ученыхъ (Тиле, Vergelijkende Geschiedenis“, стр. 457).

4) „Кн. Судей“, XI, 24, гдѣ Хамосъ названъ богомъ аммонитянъ. Слово Милкомъ означало, кажется, *царь ихъ* и представляло произвольное извращеніе формулы Милконъ, *царь нашъ*, которую употребляли хананеяне, обращаясь къ божеству (Тиле, „Vergelijkende Geschiedenis“, стр. 457—458). Таковъ по крайней мѣрѣ переводъ семидесяти двухъ толковниковъ „II-й Книги Царствъ“, XII, 30 и „I-й Паралипоменонъ“, XX, 2: Μολχόμ ὁ βασιλεὺς μυτῶν.

5) Сравн. списокъ боговъ Сутеховъ, приложенный въ концѣ къ договору Рамзеса II съ княземъ хети, L., 27.

добно тому, какъ онъ былъ повелителемъ, такая богиня являлась повелительницей, Ваалатой, города и царицей (Милкатой) небесъ [1]). Родовое имя такой богини было Астарта, къ которому присоединялось иногда имя бога, супругой котораго считалась богиня (напр. Астора-Камоса) [2]), или одна изъ присвоенныхъ ей эмблемъ, напр. Асторета Корнаимъ, отъ двухъ роговъ прибывающей луны [3]), или города или страны, покровительницей которыхъ она была, напр., Астарта хетійская [4]); или ея мѣстнаго прозванія: Танита, Асераха, Анати [5]); или, наконецъ, эпитета, присвоеннаго ей въ честь одного изъ ея качествъ, напр., Асторета Наамахъ, т.-е. добрая Астарта [6]). Не всегда возможно опредѣлить характеръ этихъ божествъ. Почти всѣ Ваалы являются олицетвореніемъ силъ природы, солнца, свѣтилъ; Астарты — это богини любви, произрожденія, войны, а потому и различныхъ временъ года, — какъ того времени года, когда природа возрождается и даетъ жизнь, такъ и того, когда она, повидимому, умираетъ. Всѣ боги и богини считались живущими на вершинахъ горъ (на Ливанѣ [7]), Гермонѣ [8]), Синаѣ, Казіосѣ) [9]), въ лѣсахъ, водахъ; они показывались смертнымъ на возвышенностяхъ (бамотъ), селились въ деревьяхъ, въ неотесанныхъ камняхъ (бетилесъ) и даже въ отдѣленныхъ каменныхъ глыбахъ, принявшихъ форму колоннъ (массеботы) [10]).

Стремленіе къ объединенію всѣхъ божествъ, замѣчаемое въ Египтѣ и Халдеѣ, преобладаетъ и въ Сиріи. Вся масса второстепенныхъ Вааловъ и Астартъ клонится къ возсоединенію въ одной верховной четѣ, Илѣ и Илатѣ, Белѣ и Ваалатѣ, рядомъ

---

1) М. де Вогюэ, „Mélanges d'archeologie orientale“, стр. 51—52.

2) „Кн. прор. Іереміи“, VII, 16; XXIV, 17—23.

3) Надпись Месы, строка 11.

4) Имя богини сохранилось только въ названіи города. „Бытіе“, XIV, 5.

5) Договоръ Рамзеса II съ княземъ хети, стр. 28.

6) Анати упоминается часто въ египетскихъ, даже простонародныхъ текстахъ.

7) Моверсъ („Die Phönizier“, т. I, стр. 636) и Ленорманъ („Lettres assyriologiques“, т. II, стр. 285) считаютъ болѣе правильнымъ правописаніе Αστρονόμη, чѣмъ 'Αστρονόη.

8) „Corpus inscriptionum semiticarum“, т. I, стр. 25—26, по поводу одной надписи, которую можно отнести ко времени Хорома I (Клермонъ-Ганно, „Hiram king of Tyre“, въ „Palestine Expl. Fund“, 1880, стр. 174—181).

9) Сравн. имя Ваалъ-Гермона въ „Кн. Судей“, III, 3.

10) M. de Вогюэ „Syrie centrale, Inscriptions“, стр. 103—105.

съ которой другія божественныя четы пользовались только кажущимся существованіемъ. Ваалъ, въ этомъ смыслѣ, назывался Эліуномъ, богомъ по преимуществу, повелителемъ неба [1]), временъ и вѣчности [2]); онъ олицетворялъ солнце, а подруга его — луну.

Другая религіозная система, болѣе другихъ извѣстная грекамъ, состояла въ томъ, что семь боговъ, сыновей Сидика, носившихъ названіе Кабировъ, группировалась вокругъ восьмого бога, Эсмуна, какъ главнаго божества, и составляли классъ боговъ-творцовъ. Этотъ миѳъ, пользовавшійся большой популярностью въ торговыхъ городахъ, — Аскалонѣ, Бейрутѣ и Сидонѣ, былъ перенесенъ мореплавателями на берега Средиземнаго моря и здѣсь пережилъ даже финикійскую колонизацію; учрежденныя въ честь него знаменитыя мистеріи, при посвященномъ ему храмѣ на островѣ Самофракіи, просуществовали до послѣднихъ дней язычества. Позднѣе, въ греко-римскую эпоху. Филонъ изъ Библоса, работая надъ старинными книгами, которыя сохранившая ихъ жреческая коллегія приписывала Санхоніаѳому, пытался объединить всѣ легенды въ одно религіозное ученіе и составилъ нѣчто въ родѣ финикійской книги Бытія. „Въ началѣ, говоритъ онъ, былъ хаосъ (*боху*), и хаосъ этотъ былъ полонъ мрака и смятенія, и дыханіе (*руа*) носилось надъ хаосомъ. И хаосъ этотъ не имѣлъ конца, и такъ продолжалось изъ вѣка въ вѣкъ. Но вотъ дыханіе прониклось любовью къ своимъ собственнымъ началамъ; оно смѣшало ихъ, и отъ этого смѣшенія произошло желаніе (*хефезъ*), которое и стало творческимъ началомъ, а само дыханіе не знало своего собственнаго творенія. Дыханіе смѣшалось съ хаосомъ, и появился *мотъ* (тина), и изъ него вышли всѣ зародыши творенія, и *мотъ* сдѣлался отцомъ всего существующаго; онъ имѣлъ форму яйца. И солнце, луна, звѣзды и большія созвѣздія заблистали. Появились и живыя существа, получившія названіе *зофезаминовъ* (созерцателей неба). Раскатъ грома, какъ слѣдствіе борьбы начавшихъ разъединяться элементовъ, какъ бы пробудилъ отъ сна эти разумныя существа: они стали двигаться и на поверхности земли, и въ морской глубинѣ, — мужскія и женскія особи стали взаимно

[1]) Относительно всего этого см. обстоятельное сочиненіе Бодиссена, „Studien zur semitischen Religionsgeschichte“, т. II, стр. 145 и слѣд.

[2]) Ваалсаминъ.

искать встрѣчи“ [1]). Врядъ ли въ десятомъ вѣкѣ до начала нашей эры финикіяне были въ состояніи облекать свои религіозныя представленія въ такую отвлеченную форму [2]).

Религіозные культы Ханаана представляли грубую смѣсь кровавыхъ и неблагопристойныхъ обрядовъ, пожалуй даже самую грубую, какую только представляли въ то время другіе культы. Ваалы отличались свирѣпымъ и ненасытнымъ характеромъ; они властно требовали принесенія себѣ въ жертву не только животныхъ, но и людей. Въ обыкновенное время можно было откупиться отъ смерти принесеніемъ въ жертву части человѣческаго тѣла, напримѣръ, обрядомъ обрѣзанія [3]), но въ болѣе важныхъ случаяхъ, такое подобіе крававой жертвы было недостаточно, и боги требовали даже смерти первенца [4]). Въ случаяхъ общественной опасности, царь и представители знатнаго сословія не ограничивались даже одной жертвой; они отдавали для жертвоприношенія всѣхъ дѣтей, какихъ только требовали боги. Ихъ сожигали живыми передъ изображеніемъ божества, и запахъ ихъ мяса утолялъ гнѣвъ его; звуки трубъ и флейтъ покрывали стоны страдальцевъ, при чемъ жертва считалась наиболѣе достигающей цѣли, если мать приносимаго ребенка присутствовала при ней, безучастная и одѣтая въ праздничныя одежды [5]). Астарты были менѣе жестоки, но не менѣе требовательны; онѣ приговаривали своихъ жрецовъ къ бичеваніямъ, добровольному самоизуродова-

[1]) М. де Вогюэ „Syrie centrale, Inscriptions“, nº 73, стр. 53, въ одномъ пальмирскомъ текстѣ. Толкованіе Αλδήμιος, принятое въ „Etym. Magnum“, соотвѣтствуетъ формулѣ Ваалъ-Галадимъ, т.-е. „господинъ временъ“, и названіе это прилагалось къ верхнему богу Газы.

[2]) Филонъ и Санхоніаѳонъ, отрывокъ 2 въ „Fragm. H. Graec.“, изд. Дидо, т. III, стр. 565. Сравн. Букзенъ, „Egypt's Place“, т. V, стр. 257—295. Относительно значенія этихъ отрывковъ, смотри у Э. Ренана, „Mémoire sur l'origine et le caractère véritable de l'Histoire phénicienne qui porte le nom de Sankhoniathon“, въ „Mémoires de l'Academie des Inscriptions et Belles-Lettres“, 1858, т. XXIII, стр. 241 и слѣд., и у Бодиссена въ „Studien zur semitischen Religionsgeschichte“, т. I, 1876.

[3]) Сравни Исходъ, IV, 24 и слѣд. объясненіе, даваемое стариннымъ преданіемъ, обычая обрѣзанія у евреевъ.

[4]) Финикіяне приносили въ жертву богамъ своихъ первенцовъ, по примѣру своего бога Эла, котораго греки отождествляли съ Хроносомъ (Филонъ-Санхоніаѳонъ. Отрыв. 5 въ „Fragm. H. Graec.“ т. III, стр. 570—571.

[5]) Плутархъ, „De Superst.“, стр. 171. Если вѣрить Тертулліану („Apolog.“, 9), обычай приносить въ жертву дѣтей продержался до времени проконсульствъ Тиверія.

нію, иногда даже къ оскопленію [1]. Ко многимъ изъ нихъ въ жрицы допускались только развратныя женщины и блудницы (кедешотъ). Самыя блестящія, но и самыя неблагопристойныя празднества въ честь великой богини происходили близъ Библоса. Два раза въ году, весною и осенью, пилигримы стекались къ храму Астарты и въ долину рѣки Адониса [2]. Въ періодъ лѣтняго солнцестоянія, въ то время, когда „лѣто убиваетъ весну“ [3], празднуемыя здѣсь мистеріи принимали траурный характеръ. Богиня любила царя царей, Адона Адонима, но ревнивый соперникъ, скрывавшійся подъ видомъ чудовищнаго вепря, убилъ ея возлюбленнаго. Астарта приказала зарыть себя, и вся Финикія присоединилась къ трауру Таммуза [4]. На катафалкáхъ, устроенныхъ въ храмахъ и на возвышенныхъ мѣстахъ, клались деревянныя раскрашенныя статуи, изображавшія умершаго бога, охраняемаго вѣрными до положенія его во гробъ, между тѣмъ какъ по улицамъ города, по лѣсамъ и горамъ бродили толпы женщинъ, съ разстрепанными или совершенно обритыми волосами, въ растерзанныхъ одеждахъ, съ лицомъ, исцарапаннымъ ногтями въ знакъ печали, и громко выражали свое горе. По прошествіи нѣкотораго времени идола хоронили съ соблюденіемъ традиціонныхъ обрядовъ и приготовляли, такъ называемые, сады Адониса, родъ вазъ, въ которыя вставлялись зеленѣющія вѣтки, растенія безъ корней, которыя засыхали на солнцѣ. Проходило лѣто; къ осени, „вслѣдствіе сильныхъ и внезапныхъ дождей всѣ потоки несли въ море свои воды красноватаго цвѣта, а такъ какъ вѣтеръ дулъ при этомъ по направленію, перпендикулярному къ берегу, воды потоковъ очень медленно смѣшивались съ морскими волнами, образуя при этомъ прямыя ленты вдоль береговъ“ [5].

---

[1]) Сравн. исторію Комбабоса въ „De deâ syriâ“, 20. Возможно, что обычай добровольнаго оскопленія началъ распространяться только въ послѣднія времена финикійскаго культа.

[3]) О празднествахъ Адониса у Тиле, „Vergelijkendu Geschiedenis“, стр. 465—467.

[3]) Johannes Zydns, „De Mensibus“, IV, 44.

[4]) Фр. Ленорманъ, въ „Il mito di Adone-Tammux nei documenti cuneiformi (Attidel IV Conareso internazionale“, стр. 143—173), производитъ имя Думузи-Таммузъ и миѳъ объ этомъ богѣ изъ Халдеи.

[5]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie“, стр. 28. Ренанъ видѣлъ это явленіе близъ Амшима въ началѣ февраля, а Мондреллъ („Voyage“, стр. 57—58)—17 марта; но оно чаще всего происходитъ въ началѣ осени, во время осеннихъ дождей.

Это была, по мнѣнію вѣрныхъ, кровь Адониса, и видъ ея оживлялъ ихъ печаль. Семь дней проливались горькія слезы, но на восьмой день жрецы объявляли, что воскресшій Адонисъ собирается соединиться со своей божественной повелительницей. Взрывъ шумной, безграничной радости привѣтствовалъ это извѣстіе; подобно тому, какъ разыгрывались сцены смерти и траура, начиналось изображеніе сценъ воскресенія. Не только плакальщицы, но всѣ женщины принимали въ нихъ участіе; онѣ брили себѣ головы или же, если кокетство не допускало ихъ до этой жертвы, отдавались иностранцамъ, на подобіе богини, отдающейся своему воскресшему возлюбленному [1]; плата за ихъ позоръ присоединялась къ священнымъ сокровищамъ [2].

Религія израильтянъ при своемъ возникновеніи мало отличалась отъ другихъ религій Ханаана. Она признавала самыхъ разнообразныхъ боговъ, какъ домашнихъ (терафимовъ), особыхъ для каждой семьи [3], такъ и боговъ неба и свѣтилъ, во главѣ которыхъ стоялъ Іегова [4]. Это былъ національный богъ израильтянъ, подобно тому, какъ Камосъ былъ національнымъ богомъ моавитянъ и Мелькартъ—богомъ жителей Тира. Какъ и всѣ ханаанскія божества, это былъ грозный богъ, болѣе склонный къ гнѣву, чѣмъ къ милосердію и безжалостный по отношенію къ оскорбившимъ его [5]. Эмблемой его, какъ и хананейскихъ боговъ, были изображенія (Эфоды) человѣка, тельца [6], змѣи,

---

[1]) De deâ Syriâ, гл. 8.

[2]) Геродотъ, CXCIX; Юстинъ, XVIII, 6.

[3]) См. исторію Рахили въ „Бытіи“, XXXI, 19—38; сравн. „Кн. Судей“, XVIII, 15 и слѣд.; „I Кн. Царствъ“, XIX, 13 и слѣд.

[4]) Словое Іегова относится, вѣроятно, къ стариннымъ семитическимъ корнямъ, ибо, какъ имя божества, оно встрѣчается въ соединеніи съ именемъ царя Гаматъ-Іаубиди (вар. Илубиди) во время Саргона (Шрадеръ „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 23 и слѣд.). Происхожденіе и смыслъ его еще недостаточно выяснены, но нѣкоторые критики рѣшаются утверждать, что раньше, чѣмъ сдѣлаться богомъ израильтянъ, онъ былъ національнымъ богомъ кенитянъ, (Тиле, „Vergelijkende Geschiedenes“, стр. 558, 560); Штаде, „Geschichte des Volkes Israel“, стр. 130—132). Сравн. относительно греческой формы Ἰαώ сочин. Бодиссена „Studien I“, стр. 181—254.

[5]) „I Кн. Царствъ“, XV; „II Кн. Царствъ“, XXVI.

[6]) Форма тельца, преобладавшая въ Данѣ и Веѳилѣ, не имѣетъ ничего общаго съ египетскимъ Аписомъ, который былъ настоящимъ быкомъ, живымъ богомъ, а не изображеніемъ божества. Изображеніе змѣи существовало въ Іерусалимѣ, гдѣ утвердилась легенда о мѣдномъ зміѣ, какъ образѣ бо-

сдѣланныя изъ металла, дерева, неотесаннаго или отдѣланнаго камня. Богъ стихій—онъ всего чаще являлся своимъ почитателямъ во время грозы; раскаты грома были его голосомъ, вѣтеръ—его дыханіемъ, молнія—его лучезарной одеждой [1]). Разгнѣванный, онъ задерживалъ небесные потоки и останавливалъ дожди; умиротворенный,—позволялъ дождю падать на землю и оживлять поля. Мѣстопребываніемъ его считался изстари Синай, но послѣ завоеванія Ханаана онъ поселился въ завоеванныхъ городахъ, Хевронѣ, Пнуэлѣ (Фануилъ), Силомѣ, Сихемѣ, и изгналъ изъ нихъ прежнихъ боговъ. Чтобы оправдать этотъ захватъ обратились къ воспоминаніямъ, при чемъ очень кстати оказалось, что города эти были нѣкогда полемъ дѣятельности миѳическихъ героевъ еврейской расы: Хевронъ былъ однимъ изъ любимыхъ мѣстопребываній Авраама, Силомъ, Сихемъ, Пнуэль, Маханаимъ были полны воспоминаніями объ Іаковѣ. Силомъ былъ наиболѣе посѣщаемымъ городомъ во времена, предшествовавшія основанію еврейскаго царства, такъ какъ присутствіе въ немъ мистическаго ковчега завѣта привлекало толпы богомольцевъ. Іегова обиталъ въ ковчегѣ завѣта въ видѣ двухъ священныхъ камней, аналогичныхъ съ бетилями, и всякій, даже непроизвольно прикоснувшійся къ его жилищу, падалъ, сраженный громомъ [2]). Утвердившись въ этихъ знаменитыхъ городахъ, Іегова не преминулъ утвердиться и въ горахъ, бывшихъ мѣстопребываніемъ прежнихъ боговъ; оттуда онъ изрекалъ свои пророчества и тамъ принималъ воздаваемыя ему почести. Культъ Іеговы во многомъ приближался къ культамъ другихъ боговъ Ханаана, но отличался меньшей кровожадностью и неблагопристойностью. Обычай обрѣзанія освобождалъ евреевъ отъ человѣческихъ жертвъ [3]), а принесеніе въ жертву перворожденныхъ было замѣнено принесеніемъ въ жертву ягненка [1]). Но бывали случаи, когда Іегова требовалъ человѣческихъ жертвъ и охотно принималъ ихъ; такъ Іевѳай, давшій обѣтъ отдать на всесожженіе Господу перваго человѣка, встрѣченнаго имъ при возвращеніи домой послѣ побѣды, долженъ былъ принести въ жертву собственную дочь, вышедшую ему навстрѣчу [2]).

До водворенія евреевъ въ землѣ Ханаанской, у нихъ существовали только пастушескія празднества, какъ, напримѣръ, праздникъ стрижки овецъ [3]). Хананеяне же, земледѣльцы и винодѣлы, освятили множествомъ религіозныхъ церемоній время сѣва, сбора жатвы и винограда и другія главнѣйшія событія земледѣльческаго года; каждый изъ нихъ считалъ себя обязаннымъ принести въ воздаяніе Богу за владѣніе или, вѣрнѣе, пользованіе землей первые плоды этой земли. Израильтяне, сдѣлавшись земледѣльцами, по примѣру хананеянъ, позаимствовали у нихъ и ихъ празднества, тѣмъ болѣе, что къ нимъ перешли и многіе хананейскіе храмы, съ которыми были связаны тѣ или другія религіозныя церемоніи. На мѣстныя празднества каждаго храма стекались обыкновенно жители окрестныхъ областей: въ Силомѣ во время сбора винограда молодыя дѣвушки устраивали пляски въ виноградникахъ [4]), а въ Сихемѣ жители толпой выходили изъ города и разсѣивались по виноградникамъ, и, по окончаніи работы, собирались въ храмъ для жертвоприношеній и священныхъ церемоній [5]). Несмотря на воздвигнутый Соломономъ храмъ, другіе храмы и мѣстныя празднества продолжали свое существованіе: Соломонъ строилъ его вовсе не съ этой цѣлью, а просто хотѣлъ сдѣлать свою резиденцію мѣстопребываніемъ божества. Къ тому же, хотя и признанный верховнымъ божествомъ, Іегова не исключалъ существованія другихъ боговъ и даже милостиво да-

---

жества, отлитомъ Моисеемъ въ пустынѣ для исцѣленія евреевъ отъ укушенія змѣй.

[1]) Какъ справедливо замѣтилъ Кененъ, мѣста священныхъ книгъ, откуда позаимстводаны эти слова, могли быть просто реторическими фигурами въ то время когда книги эти были написаны, т.-е. въ шестомъ и седьмомъ вѣкахъ до начала нашей эры; но вначалѣ они понимались буквально и точно передавали представленіе народа о Іеговѣ. Сравн. Тиле, „Vergeiljkende Geschiedenis". стр. 445 и слѣд.

[2]) „Кн. Царствъ", VI, 7; loc. laud Кененъ, „De Godsdienst van Israel", т. I, стр. 230 и слѣд.; Тиле, „Vergelijkende Geschidenis", стр. 545—546.

[3]) „Исходъ", IV, 24 и слѣ., гдѣ указано миѳическое происхожденіе обычая обрѣзанія у евреевъ.

[1]) „Бытіе", XXII, 1—13, гдѣ приведенъ легендарный разсказъ о такой замѣнѣ. Принесеніе людьми своихъ первенцевъ въ жертву богамъ, часто практиковавшееся во времена предшествовавшія изгнанію, было позаимствовано евреями изъ религіи сосѣднихъ народовъ; оно опиралось на неправильномъ истолкованіи закона, требовавшаго принесенія въ жертву богамъ первыхъ плодовъ земли и первенцевъ домашняго скота (Велльгаузенъ, „Prolegomena", стр. 91—92.

[2]) „Кн. Судей", XI, 28-40.

[3]) „I Кн. Царствъ", XXV, 2 и слѣд., 36.

[4]) „Кн. Судей", XXI, 19 и слѣд.

[5]) „Кн. Судей", IV, 26. Сравн. Велльгаузена, „Prolegomena", стр. 96 и слѣд.

валъ имъ пріютъ. Рядомъ съ нимъ существовала Астарта, съ присвоенной ей коллегіей жрецовъ [1]), и мѣдный змій, исцѣлявшій отъ болѣзней и отъ укушеній ядовитыхъ животныхъ [2]). Лошади и колесницы Ваала торжественно вступали въ одну часть храма Іеговы, между тѣмъ какъ въ другой его части освященныя культомъ жрицы-куртизанки ткали свои полотна для палатокъ, въ которыхъ принимали потомъ богомольцевъ въ дни празднествъ, а далѣе, плакальщицы оплакивали смерть Таммузъ-Адониса [3]). Внѣ храма, на Масличной горѣ [4]), были воздвигнуты даже жертвенники Хамосу и богу аммонитянъ; не удивительно поэтому, что храмы, въ которыхъ со времени завоеванія воздавалось поклоненіе національному богу, продолжали существовать. Единственнымъ серьезнымъ результатомъ начавшагося преобладанія культа Іеговы можно считать измѣненіе и возвышеніе жреческаго сословія. До того времени всякій желающій могъ быть священникомъ въ Израилѣ, то-есть приносить жертвы и быть посредникомъ между богомъ и народомъ. Только въ дѣлѣ прорицаній отъ поступающаго въ священники требовалась нѣкоторая подготовка. Изображеніе Іеговы предсказывало будущее. Мы уже видѣли, какъ въ Египтѣ статуи боговъ отвѣчали на предложенные имъ вопросы наклоненіемъ головы, а иногда даже звуками живой рѣчи. Неизвѣстно, какіе пріемы употребляли еврейскіе священники для истолкованія воли своего божества, но искусство вопрошать Іегову было тайной и давалось только послѣ довольно продолжительнаго испытанія. Но, даже ограниченное такимъ образомъ, званіе священника не было привилегіей. Можно было сдѣлаться священникомъ по естественному призванію или же по обѣту родителей [5]). Тѣмъ не менѣе, въ нѣкоторыхъ священныхъ мѣстахъ существовали цѣлыя семьи, посвятившія себя культу божества, въ которыхъ званіе священника переходило отъ отца къ сыну; такъ, намъ извѣстны двѣ такія семьи: Семья Ильи въ Силомѣ и Семья Іонаѳана-бенъ Герсома въ Данѣ [6]). Исторія послѣдней очень знаменательна. Одинъ еврей, жившій на горѣ Ефремовой,

---

1) „IV Кн. Царствъ“, XVIII, 4; XXIII, и слѣд.
2) „IV Кн. Царствъ“, XXIII, 7.
3) „Кн. пророка Іезекіиля“, VIII, 14—15.
4) „III Кн. Царствъ“, XI, 5 и слѣд.; „IV Кн. Царствъ“, XXIII, 13.
5) См. исторію Самуила и его посвященія въ Силомѣ („I Кн. Царствъ“, I—III).
6) Велльгаузенъ, „Prolegomena zur Geschichte Israels“, стр. 131—136.

по имени Миха, движимый отчасти благочестіемъ, отчасти расчетами спекуляціи, построилъ въ своихъ владѣніяхъ „домъ Божій“, поставилъ въ немъ вылитую изъ серебра статую Іеговы [1]) и посвятилъ одного изъ сыновей своихъ въ священники при этомъ храмѣ. Этого было совершенно достаточно для матеріальной стороны культа, для дароприношеній и жертвъ, но въ храмѣ не было священника для исполненія самой прибыльной функціи, — произнесенія прорицаній. Какъ-то разъ храмъ Михи посѣтилъ одинъ левитъ изъ колѣна Іудина, Іонаѳанъ, сынъ Герсома, искавшій святилища, при которымъ онъ могъ бы остаться для исполненія своихъ обязанностей, какъ левита; Миха попросилъ его остаться у него за что предложилъ ему опредѣленное годовое жалованье, пропитаніе и одежду. Междѣ тѣмъ отрядъ данитовъ, направлявшихся на сѣверъ, испросивъ совѣта у бога и получивъ разрѣшеніе совершить предпринимаемое дѣло, похитилъ и идолъ, и священника. Послѣдній хотѣлъ сопротивляться, но угрозы и обращеніе къ его собственнымъ интересамъ побѣдили его колебанія: „Лучше ли тебѣ быть священникомъ въ домѣ одного человѣка“, говорили даниты, нежели быть священникомъ въ колѣнѣ или племени Израилевомъ?“ Потомки Дановы поставили идола въ одномъ изъ храмовъ Лаиса, которымъ они владѣли, и слава этого храма стала быстро возрастать [2]). На ряду со священниками тексты упоминаютъ еще о благочестивыхъ людяхъ, аналогичныхъ тѣмъ, которые встрѣчаются еще теперь у мусульманъ: ясновидящихъ (роэ), неожиданно одержимыхъ духомъ божіимъ, который открывалъ имъ грядущія событія, и пророковъ (наби), жившихъ въ одиночку или вмѣстѣ, и достигавшихъ дара предвидѣнія только послѣ старательнаго самовоспитанія. Ихъ благочестивыя упражненія сопровождались музыкой и пѣніемъ, какъ это имѣетъ мѣсто и у современныхъ дервишей, а экзальтація, въ которую они впадали при этомъ, передавалась иногда и присутствующимъ, что также наблюдается и у мусульманъ [3]). Но не только Іегова вдохновлялъ

---

1) Въ текстѣ говорится о двухъ идолахъ („Кн. Судей“ XVI, 3—5) я предполагаю вмѣстѣ съ Рейссомъ, что на самомъ дѣлѣ въ храмѣ Михи былъ одинъ кумиръ.
2) „Кн. Судей“ XVII—XVIII.
3) „I Кн. Царствъ“, IX, 9 и слѣд.; сравн. Велльгаузенъ, „Prolegomena“, стр. 281, гдѣ авторъ сравниваетъ наби съ дервишами, „Die Haufen Jahvertrunkener Derwische. Иллюстраціей того вліянія, которое производило на присутствующихъ пѣніе пророковъ и ихъ учениковъ, можетъ служить любопыт-

пророковъ; Ваалъ имѣлъ тоже своихъ прорицателей, дѣятельность и вліяніе которыхъ ни въ чемъ не уступали дѣятельности и вліянію соперниковъ [1]).

Утвержденіе царской власти и концентрація политическихъ силъ отразилась на религіозныхъ учрежденіяхъ и на организаціи сословія священниковъ. Богъ верховнаго государя и храмъ этого бога имѣли всегда преобладающее значеніе въ восточныхъ монархіяхъ; такъ въ Египтѣ мы видимъ преобладаніе Фта во время мемфисскихъ династій и Аммона при ѳиванскихъ монархахъ. То же самое произошло и въ Израилѣ. Саулъ, самый независимый изъ царей, имѣлъ свой храмъ въ Номвѣ, въ колѣнѣ Веніаминовомъ, и приставилъ къ нему, въ началѣ своего царствованія, священника изъ дома Иліева, по имени Ахію; послѣдній сопровождалъ царя на первую его войну съ филистимлянами и испрашивалъ для него совѣта у идола Іеговы [2]). При Давидѣ священникъ Авіаѳаръ игралъ довольно значительную роль, а при Соломонѣ привилегія священническаго сана при царскомъ дворѣ, принадлежавшая до сихъ поръ дому Иліи, была передана дому Садока. Въ этомъ союзѣ царской власти со священствомъ, конечно, преобладаніе принадлежало первой. Царь приносилъ жертву, когда и гдѣ хотѣлъ; не только Давидъ присутствовалъ лично при перенесеніи ковчега Іеговы, но и Соломонъ, во время освященія храма, сталъ передъ жертвенникомъ, молился, воздвигнувъ руки къ небу и благословилъ собравшійся народъ [3]). Священники исполняли при государяхъ лишь второстепенныя функціи культа; они заботились о порядкѣ въ храмахъ, охраняли священное движимое имущество и вопрошали изображеніе Іеговы, соблюдая при этомъ установленныя церемоніи, если приходилось обращаться къ богу за прорицаніемъ. Они совершали дароприношенія и жертвы только отъ имени подданныхъ царя и очень рѣдко отъ имени самого царя: въ тѣхъ только случаяхъ, когда послѣдній почему-нибудь отказывался самолично совершать ихъ. Тѣмъ не менѣе Соломонъ далъ своему духовенству при постройкѣ іерусалимскаго храма все, чего ему недоставало до того времени, именно точку опоры въ землѣ израильской и объединяющій центръ, которому предстояло оставаться непоколебимымъ даже въ томъ случаѣ, если бы все вокругъ измѣнилось въ Израилѣ [1]). Садокъ, назначенный первосвященникомъ, получилъ въ помощь себѣ массу второстепенныхъ священниковъ, между которыми были распредѣлены, по степени мудроустроенной іерархіи, тысячи разнообразныхъ функцій, входящихъ въ составъ ежедневнаго ритуала при храмѣ. Еврейское духовенство не составляло еще тогда замкнутой касты. Конечно, стремленіе замѣнить отца сыномъ въ исполненіи возложенныхъ на перваго обязанностей, замѣчалось съ самаго начала; но пополненіе рядовъ духовенства совершалось совершенно свободно, особенно для низшихъ должностей. По словамъ Библіи, священство принадлежало тому, „который говоритъ объ отцѣ своемъ и матери своей: я на нихъ не смотрю, и братьевъ своихъ не признаетъ, и сыновей своихъ не знаетъ. Ибо они, левиты, слова Твои хранятъ, завѣтъ Твой соблюдаютъ. Учатъ законамъ Твоимъ Іакова и заповѣдямъ Твоимъ Израиля, возлагаютъ куреніе предъ лице Твое и всесожженіе на жертвенникъ Твой“ [2]). Всякій, отказавшійся отъ міра, могъ быть священникомъ или служителемъ при храмѣ. Какъ священники, такъ и служители, вообще весь персоналъ приставленныхъ къ храму людей, находились въ зависимости отъ первосвященника, который въ свою очередь, находился въ зависимости отъ царя. Храмъ былъ лишь дополненіемъ дворца, а духовенство — учрежденіемъ, подчиненнымъ царской власти [3]).

Политическое и религіозное главенство, доставленное этими учрежденіями колѣну Іудину, возбудили по отношенію къ нему зависть и ненависть другихъ племенъ. Колѣно Ефремово, въ особенности, не могло равнодушно видѣть того, какъ власть ускользала изъ его рукъ и переходила къ начальникамъ клана, члены котораго были, по крайней мѣрѣ, отчасти иноплеменнаго происхожденія. Кажется, что недовольство не доходило до открытаго

ная сцена, приведенная въ Библіи и показывающая намъ Саула въ тотъ моментъ, когда онъ, заразившись изступленіемъ пророковъ, начинаетъ пѣть и пророчествовать вмѣстѣ съ ними („III Кн. Царствъ“, X, 9 и слѣд.).

[1]) Борьба между Иліемъ и пророками Ваала разсказана въ „III Кн. Царствъ“, XVIII.

[2]) „I Кн. Царствъ“, XIV, 16 и слѣд. Правда, что позднѣе Саулъ угрожалъ Ахіи и всей его семьѣ; отъ преслѣдованій царя спасся одинъ Авіаѳанъ, нашедшій убѣжище у Давида.

[3]) „IV Кн. Царствъ“, VIII, 14, 32 и слѣд., 54 и слѣд., 62 и слѣд.

[1]) Велльгаузенъ. „Prolegomena“, стр. 136 и слѣд.

[2]) „Второзаконіе“, XXXIII, 8—12. Благословеніе Моисея относится, вѣроятно, къ восьмому вѣку и даетъ, слѣдовательно, понятіе о томъ, каковы были въ то время условія еврейскаго духовенства.

[3]) Велльгаузенъ, „Prolegomena“, 143—144.

возмущенія, тѣмъ не менѣе Соломонъ имѣлъ серьезнаго соперника въ Іеровоамѣ, сынѣ Навата; Іеровоамъ принужденъ былъ бѣжать въ Египетъ [1]), къ царю Шешонку, но уже тотъ фактъ, что его противопоставляли одно время законному государю, былъ дурнымъ предзнаменованіемъ на будущее время. Послѣдующія поколѣнія были менѣе строги къ Соломону, чѣмъ его современники. Позднѣе, когда сословіе священниковъ достигло всемогущества, въ тяжелыя времена изгнанія и опасностей, угрожавшихъ евреямъ при возвращеніи въ Іерусалимъ, они съ удовольствіемъ переносились воображеніемъ ко времени основанія перваго храма и любили украшать его легендами. Соломонъ былъ для этого поколѣнія евреевъ величайшимъ мудрецомъ ихъ расы, который „изрѣкъ три тысячи притчей; и пѣсней его было тысяча и пять, и говорилъ онъ о деревахъ кедра, что въ Ливанѣ, до иссопа, выростающаго изъ стѣны; говорилъ и о животныхъ, и о птицахъ, и о пресмыкающихся, и о рыбахъ" [2]). Не довольствуясь сообщеніемъ Соломону литературной славы, евреи разсказывали, что Іегова трижды являлся ему: въ первый разъ на другой день послѣ смерти Давида, чтобы даровать ему мудрость и благоденствіе [3]); второй разъ послѣ освященія храма, чтобы утвердить его въ знаніи всѣхъ религіозныхъ обрядовъ [4]), въ третій разъ подъ конецъ его жизни, чтобы упрекнуть его въ малодушномъ поклоненіи идоламъ и предсказать паденіе его дома [5]). Утверждали, что Соломонъ находился въ сношеніяхъ со всѣми царями земными [6]) и что царица Савская приходила въ Іерусалимъ изъ глубины Аравіи для оказанія ему должныхъ почестей [7]). Но со-

[1]) „I Кн. Царствъ", XII, 26—40, гдѣ эпизодъ съ пророкомъ Ахіей кажется вставленнымъ впослѣдствіи.

[2]) „I Кн. Царствъ", IV, 29—34. Самая старинная изъ книгъ, приписываемыхъ Соломону, „Пѣснь Пѣсней", представляетъ сборникъ пѣсенъ, посвященныхъ любви, изданный въ израильскомъ царствѣ около восьмого вѣка; другія книги относятся къ позднѣйшей эпохѣ.

[3]) „III Кн. Царствъ", III, 4—5; „Паралипоменонъ", VIII, 7—12.

[4]) „Кн. Царствъ", XI и слѣд.; „II Паралипоменонъ", VII, 12—22.

[5]) „I Кн. Царствъ", IX, 9—13.

[6]) „I Кн. Царствъ", IV, 34; сравн. „Евполемосъ", въ „Fragm. H. Græc.", изд. Дидо, т. III, стр. 225 и слѣд.

[7]) „I Кн. Царствъ", X, 1—13; „II Паралипоменонъ", IX, 1—12. Абиссинцы присвоили себѣ легенду о царицѣ Савской и сдѣлали ее однимъ изъ эпизодовъ своей исторіи. Сравн. Прēторіусъ, „De fabulâ reginae Sabae apud Ethiopas", Берлинъ, 1871.

временники Соломона не раздѣляли такого взгляда на него: въ ихъ глазахъ онъ былъ надменнымъ и жестокимъ царемъ, обременявшимъ ихъ налогами для украшенія своего города и обогащенія своего племени.

Едва умеръ Соломонъ (929), какъ вспыхнуло возстаніе. Сынъ его Регавеамъ (Ровоамъ) безпрепятственно вступилъ на престолъ въ Іерусалимѣ, но еврейскія племена, жившія на сѣверѣ и въ центрѣ Ханаана, собравшіяся въ Сихемѣ для избранія царя, послали сказать Ровоаму, что они не изберутъ его, если онъ не облегчитъ ига, наложеннаго на нихъ его предшественникомъ. Іеровоамъ, возвратившійся изъ изгнанія, взялся представить Ровоаму требованія Израиля; онъ отправился къ царю во главѣ собравшихся израильтянъ и сказалъ ему: „Отецъ твой наложилъ на насъ тяжкое иго, ты же облегчи намъ жестокую работу отца твоего и тяжкое иго, которое онъ наложилъ на насъ, и тогда мы будемъ служить тебѣ". Ровоамъ попросилъ три дня на размышленіе и сталъ совѣтоваться со старыми царскими слугами, которые совѣтовали ему уступить; но мнѣніе окружавшей царя молодежи взяло верхъ: когда Іеровоамъ вернулся, онъ получилъ въ отвѣтъ лишь оскорбленія и угрозы. „Отецъ мой, сказалъ Ровоамъ, наложилъ на васъ тяжкое иго, а я увеличу иго ваше: отецъ мой наказывалъ васъ бичами, а я буду наказывать васъ скорпіонами". Всѣ сѣверныя и восточныя племена, филистимляне, моавитяне, аммонитяне, признали главенство колѣна Ефремова и провозгласили Іеровоама царемъ Израильскимъ [1]). Такъ отомстили потомки Іосифа колѣну Іудину, и послѣднее, не желая поддаться, отдѣлилось отъ остального народа. Ни одно изъ племенъ израильскихъ не послѣдовало за нимъ, но территорія, занимаемая остатками колѣна Симеонова, и нѣсколько городовъ колѣна Данова и Веніаминова, находившихся близко отъ Іерусалима, чтобы избѣжать притягивающаго вліянія большого города, остались въ рукахъ Ровоама [2]).

Такъ палъ домъ Давида, а съ нимъ вмѣстѣ и государство, которое онъ старался твердо обосновать. Если принять во вниманіе только личныя особенности обоихъ царей этого дома, то невольно явля-

[1]) „III Кн. Царствъ", XII, 1—19. Разсказъ этотъ относится ко времени предшествовавшему паденію Самаріи, но написанъ, вѣроятно, іудеемъ.

[2]) Позднѣйшее преданіе, по которому колѣно Веніаминово присоединилось будто бы къ колѣну Іудину, формально опровергается „I-й Кн. Царствъ", XII, 20.

ется мысль, что предпріятіе заслуживало лучшей участи. Давидъ и Соломонъ представляютъ курьезнѣйшую смѣсь добродѣтелей и пороковъ, давшихъ великихъ царей семитической расы. Первый,—случайный солдатъ и герой всякихъ приключеній, является настоящимъ основателемъ династіи; онъ лукавъ, жестокъ и развратенъ, но храбръ, предусмотрителенъ, способенъ на самоотверженіе, великодушіе и раскаяніе; второй,—тщеславный, чувственный монархъ и ханжа, является обыкновеннымъ наслѣдникомъ главы династіи. Если они не основали ничего прочнаго, такъ это потому, что оба не знали народа, съ которымъ имѣли дѣло. Евреи не были воинственнымъ народомъ, а Давидъ вовлекъ ихъ въ военныя предпріятія; они не были ни мореплавателями, ни строителями, не имѣли еще тогда склонности къ ни къ торговлѣ, ни къ промышленности, а Соломонъ навязалъ имъ флоты, дороги и торговыя предпріятія. Счастливыя обстоятельства одно время, казалось, благопріятствовали усиліямъ израильскихъ царей. Ослабленіе Египта и Ассиріи, раздѣленіе Арама и Финикіи позволили Давиду выигрывать сраженія и сдѣлать завоеванія: выгодный союзъ съ Тиромъ далъ возможность Соломону осуществить свои торговые и строительные проекты. Но основанное ими царство держалось только ими, а съ ихъ исчезновеніемъ, исчезло и оно, безъ шуму и почти безъ потрясеній, въ силу самого порядка вещей.

Израиль и колѣно Іудино до воцаренія Омри (Амврія). Двадцать первая египетская династія; Шешонкъ I-й. Начало Дамасскаго царства.

Объединеніе потомковъ Ефрема и Іуды подъ однимъ скипетромъ было слишкомъ непродолжительно, чтобы много измѣнить въ традиціонномъ порядкѣ эпохи судей; благодаря ему, исчезло только дѣленіе израильскаго народа на колѣна, и безъ того уже очень слабое и представляющее скорѣе историческое воспоминаніе, чѣмъ дѣйствительный фактъ. Существовало собственно только два племени: іудейское на югѣ, и израильское на сѣверѣ и въ областяхъ, расположенныхъ по другую сторону Іордана. Израильтяне были гораздо болѣе могущественны; пока они существовали, іудеи оставались въ тѣни и играли только второстепенную роль въ глазахъ иноземцевъ. Ровоамъ стремился укрѣпить военныя силы своего государства; онъ вооружалъ воиновъ и воздвигалъ городскія стѣны, Іеровоамъ, въ свою очередь проявлялъ не меньшую дѣятельность; избравъ своей резиденціей Сихемъ, онъ укрѣпилъ на лѣвомъ берегу Яббока (Іавока) городокъ Пнуэль (Фануилъ), съ цѣлью охраны Галаада. Во вновь возникшемъ государствѣ не было недостатка въ святилищахъ, могшихъ поспорить съ іерусалимскимъ храмомъ. Избравъ два города, Данъ — на сѣверѣ и Веѳиль — на югѣ, на границѣ іудейскаго царства и почти въ виду Іерусалима, — Іеровоамъ способствовалъ возвышенію престижа ихъ храмовъ необыкновенной щедростью. Онъ „сдѣлалъ двухъ золотыхъ тельцовъ и сказалъ народу; не нужно вамъ ходить въ Іерусалимъ; вотъ боги твои, Израиль, которые вывели тебя изъ земли Египетской“. Подобно священникамъ храма Давида, священники храмовъ Іеровоама не представляли замкнутой касты: „кто хотѣлъ, того онъ и посвящалъ; и тотъ становился священникомъ высотъ“ [1]). Такое оффиціальное признаніе израильскихъ храмовъ возбуждало зависть іудейскихъ священниковъ, и къ политическому соперничеству двухъ царствъ присоединилось религіозное соперничество ихъ духовенства. Хотя и израильскіе, и іудейскіе священники служили одному и тому же Іеговѣ и исполняли одинаковые религіозные обряды, но какъ тѣ, такъ и другіе утверждали, что культъ соперниковъ былъ запятнанъ преступленіемъ и былъ непріятенъ національному Богу. Слѣды раздоровъ видны еще въ рѣчахъ, которыя авторы кн. Бытія вложили въ уста умирающаго Іакова. Перечисляя израильтянскія племена, поэтъ осыпаетъ одни изъ нихъ похвалами, другія—порицаніями. При этомъ колѣно Іудино не подвергается особеннымъ нападкамъ, высказывается только пожеланіе, чтобы оно скорѣе склонилось передъ священнымъ княземъ Силома; но колѣна Веніаминово, Симеоново и Левіино покрываются оскорбленіями. Напротивъ, потомки Іосифа и ихъ союзники осыпаются благословеніями; дѣти Іосифа называются тамъ отраслью плодоноснаго дерева, колѣно Иссахарово—крѣпкимъ осломъ, а колѣно Рувимово—первенцемъ Израиля [2]). Народъ, среди котораго взаимная ненависть племенъ достигла такой силы и интенсивности, не могъ оставаться долго независимымъ: его распри дѣлали его совершенно беззащитнымъ предъ притязаніями сосѣднихъ народовъ.

Изъ окружающихъ государствъ одинъ Египетъ былъ въ то

[1]) „Ш Кн. Царствъ“, XIII, 33.

[2]) Тиле, „Vergelijkende Geschiedenis“, стр. 630—633.

время достаточно силенъ, чтобы извлечь нѣкоторую пользу изъ несогласій среди евреевъ. Періодъ, начавшій со времени узурпаціи царей-жрецовъ и очищенія Палестины отъ послѣднихъ отрядовъ фараона, былъ наполненъ въ Египтѣ гражданскими войнами и революціями. Старый Египетъ великихъ ѳиванскихъ царей былъ похороненъ, на его мѣсто народился новый Египетъ; жизнь отхлынула съ юга, отъ Ѳивъ, и перенеслась на сѣверъ и въ города Дельты. Пока завоеванія фараоновъ ограничивались приблизительно бассейномъ Нила, Ѳивы были естественнымъ центромъ страны. Расположенные почти въ точкѣ пересѣченія главныхъ торговыхъ путей Африки и Аравіи, городъ этотъ былъ своего рода обширнымъ складочнымъ мѣстомъ, куда стекались всѣ богатства чужеземныхъ странъ, отъ Персидскаго залива до дальнихъ предѣловъ Сахары, отъ Средиземнаго моря до области Великихъ Озеръ. Города Дельты, находившіеся по сосѣдству съ народами, съ которыми поддерживались еще только неправильныя сношенія, имѣли мало значенія: самъ Мемфисъ, несмотря на свою обширность и связанныя съ нимъ воспоминанія о Мена и первыхъ династіяхъ, находился на второмъ планѣ. Нашествіе кочевниковъ, обратившее Ѳиваиду въ послѣдній оплотъ и убѣжище египетской національности, увеличило ея значеніе: во время вѣковыхъ войнъ Ѳивы были уже не первымъ городомъ страны, но самой страною, въ ихъ стѣнахъ билось сердце Египта. Побѣды Ахмоса (Ахмеса) и завоеванія Тутмоса I расширили предѣлы древняго міра; египетскія войска проникли за Суэцкій перешеекъ, покорили Сирію и перешли черезъ Тигръ и Евфратъ, чѣмъ увеличили благосостояніе и престижъ Ѳивъ; въ продолженіе двухсотъ лѣтъ жители Ѳивъ неоднократно видѣли, какъ побѣжденные народы проходили по улицамъ ихъ города. Но когда наступили тревожныя времена 19-й и 20-й династій, когда азіатскіе варвары, такъ долго попираемые, наконецъ, воспрянули и начали оказывать сопротивленіе фараонамъ, Карнакъ оказался слишкомъ удаленнымъ отъ границъ Сиріи, и городъ, расположенный болѣе чѣмъ за 400 килом. внутри страны, былъ плохой резиденціей находившихся въ вѣчной тревогѣ египетскихъ фараоновъ. Рамзесъ II, Менефта и Рамзесъ III провели большую часть своей дѣятельной жизни въ восточной части Дельты, гдѣ они возвеличили древніе города и основали новые, быстро обогатившіеся, благодаря торговлѣ съ Азіей. Центръ тяжести Египта, который послѣ паденія первой имперіи былъ перенесенъ на югъ, въ Ѳивы,

благодаря завоеванію Эѳіопіи и развитію египетскаго могущества въ Суданѣ, — сталъ постепенно подниматься къ сѣверу и колебался нѣсколько времени между нѣсколькими городами Дельты. Танисъ, Бубастъ, Саисъ, оспаривавшіе власть другъ у друга почти съ равнымъ успѣхомъ, дѣлались поочередно столицами царей, но никогда не могли приблизиться къ великолѣпію Ѳивъ и не дали ни одной династіи, которая могла бы сравниться съ ѳиванскими династіями.

Со времени узурпаціи Григора и воцаренія Смендеса, (или Сименту Мейамуна) Египетъ раздѣлился на двѣ части. Очевидно, что такое положеніе дѣлъ не могло долго продолжаться безъ того, чтобы одна изъ царствующихъ династій не попыталась вытѣснить другую; на этотъ разъ соперничество окончилось въ пользу танисской династіи. Два первые преемника Григора: Піонхи [1]) и Пинотму I-й (Пинадъемъ) носили титулъ первосвященниковъ Аммона, а послѣ Пинотму I-го танисскій царь Псіуханy I-й (или Псіунха) овладѣлъ Ѳивами. Сынъ его, Пинотму II-й царствовалъ, кажется, надъ всѣмъ Египтомъ [2]), но очень недолго. Между тѣмъ, какъ правители съ титуломъ царей замѣнили Пинотму II-го въ управленіи Танисомъ,— сыновья его, Масагирти и Менхопирри, наслѣдовали другъ другу въ исполненіи обязанностей первосвященника Аммона и управляли всѣмъ Египтомъ, начиная отъ Файюма [3]). Узурпаціи эти были, по традиціонному обычаю, узаконены браками. Рамессиды еще не вымерли, но въ то время, какъ мужскіе представители династіи перешли въ разрядъ простыхъ смертныхъ, дѣвушки этой фамиліи поступали въ гаремы египетскихъ правителей и, вступая въ бракъ съ государями, передавали своимъ царственнымъ дѣтямъ унаслѣдованныя ими права на египетскій престолъ [4]). Вотъ почему, вѣ-

---

[1]) Относительно Піонхи, сравн. Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire", въ „Zeitschrift", 1883, стр. 62.

[2]) Видеманнъ, „Zur 21 Dynastie Manetho's" въ „Zeitschrift", 1882, стр. 86—88.

[3]) Муміи Масагирти и принцессъ его фамиліи, а также Пинотму II-го и Пинотму III-го находятся въ настоящее время въ Булакскомъ музеѣ (Масперо, „Guide du visiteur au Musée de Boulaq", стр. 320 и слѣд.). Стѣны Эльгиба, противъ Фешна, построены изъ кирпичей, въ штемпелѣ которыхъ находятся имена Менхопирри и Исимхиба.

[4]) Относительно этихъ Рамессидовъ см. Бругша, „Ramses und Scheschonk" въ „Zeitschrift", 1875, стр. 163—165; Масперо, „La Trouvaille de Deir-el-Bahari", стр. 31.

роятно, послѣдній изъ первосвященниковъ Аммона, Пинотму II-й, соединилъ въ своемъ лицѣ кровь Рамессидовъ, Григора и танисскихъ фараоновъ [1]).

У послѣднихъ, повидимому, не было недостатка ни въ силѣ, ни въ средствахъ. Какъ ни рѣдки и разсѣяны ихъ монументы, они показываютъ, что танисскіе государи не прекратили совершенство строительной дѣятельности своихъ предшественниковъ. Двое изъ нихъ, Псіухану I-й и Аменемопи, возобновили небольшой храмъ, построенный нѣкогда царемъ Хеопсомъ близъ большихъ гизехскихъ пирамидъ въ честь своей дочери Гонитсенъ [2]). Но самое большое вниманіе они обратили на украшеніе Таниса, своей столицы. Главный храмъ этого города, возвеличенный государями двѣнадцатой и тринадцатой династій, разоренный во время войнъ съ гиксами и возстановленный при Рамессидахъ, могъ поспорить тогда въ красотѣ и обширности съ ѳиванскими храмами [3]); колоссъ изъ цѣльнаго камня, подаренный храму Рамзесомъ II, своей вышиной и громадностью могъ сравниться не только съ обоими Мемнохами, но и съ разбитой теперь статуей Рамессейона. Сіамонъ-Міамунъ, первый царь двадцать первой династіи, докончилъ возстановленіе храма, а Псіухану I-й окружилъ зданіе исполинской стѣной изъ необожженныхъ кирпичей, придававшей ему видъ крѣпости [4]). При этомъ не обошлось, конечно, и безъ узурпаціи: Псіухану изобразилъ свое имя на сфинксахъ и статуяхъ гиксовъ съ не меньшей безцеремонностью. чѣмъ послѣдніе, присвоившіе себѣ сооруженія тринадцатой династіи [5]). Такъ какъ всѣ фараоны-строители были или, по крайней мѣрѣ, пытались быть фараонами-завоевателями, я не сомнѣваюсь въ томъ, что цари двадцать первой династіи пытались возстановить свою власть въ Сиріи, а именно въ южной ея части, и экспедиція

[1]) Относительно Пинотму I-го см. у Эд. Навиля, „Inscription historique de Pinodijem III“, 1883, Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire въ „Zeitschrift“, 1882, стр. 134—135 и 1883, стр. 70 и слѣд. Относительно нѣкоторыхъ монументовъ Масагирти. — Масперо, „Zeitschrift“, 1882, стр. 133—134.

[2]) Масперо, „Guide du visiteur au Musée de Boulaq“, стр. 423; сравн. А. Марьеттъ, „Monuments divers“, табл. 102 b, c.

[3]) Марьеттъ, „Lettres à M. de Rougé sur les fouilles de Tanis“ въ „Revue archéologique“, 1861.

[4]) „Lettres de M. Pettrie“ въ „Academy“, 15 марта 1884 г., въ которомъ изложены результаты раскопокъ, предпринятыхъ въ Санѣ въ 1884 г.

[5]) Сравн. Масперо, „Guide du visiteur au Musée de Boulaq“, стр. 64—65.

Псіухану II противъ Гозера, а также замужество его дочерей съ Соломономъ и Ададомъ Идумеяниномъ должны были казаться въ глазахъ египтянъ фактами, доказывающими нѣкоторое возобновленіе ихъ прежняго господства. Но у нихъ не хватило силъ пойти дальше этихъ легкихъ успѣховъ. Отдѣльные номы повиновались центральной власти только по принужденію. Туземное населеніе страны, уменьшенное непрерывными войнами, перестало поставлять необходимый контингентъ рекрутовъ. Чтобы выдержать внутри страны борьбу съ соперниками и выставлять на границахъ государства нужное число воиновъ, фараоны Таниса должны были прибѣгать къ помощи наемниковъ: они отдали Египетъ въ руки варваровъ.

Вмѣшательство варваровъ въ дѣла Египта произошло не такъ внезапно и неожиданно, какъ это можетъ показаться съ перваго взгляда. Съ незапамятныхъ временъ считалось актомъ мудрой политики пополненіе плѣнниками пробѣловъ, образуемыхъ въ народонаселеніи войной. Еще фараоны 12-й династіи ставили себѣ въ заслугу перемѣщеніе сѣверныхъ народовъ на югъ, а южныхъ на сѣверъ; дѣйствительно, они переселяли въ долину Нила цѣлые народы. Нашествіе кочевниковъ значительно увеличило число иностранцевъ въ странѣ. Послѣ побѣды Ахмоса, царская фамилія гиксовъ и военное сословіе эмигрировали въ Азію, но большая часть народонаселенія осталась на египетской территоріи; можно смѣло сказать, что Гауару, Танисъ, а также города и номы, расположенные на сѣверо-востокѣ Дельты, преимущественно въ окрестностяхъ озера Мензале, остались въ рукахъ семитовъ. Будучи египетскими подданными, семиты были тѣмъ не менѣе вѣрны своимъ національнымъ преданіямъ: они сохранили родъ автономіи, отказались платить нѣкоторыя подати и хвалились тѣмъ, что не принадлежали къ расѣ фараоновъ. Ихъ сосѣди, коренные египтяне, давали имъ въ насмѣшку иноземныя клички: Па-шемуръ, Варвары (Башмуриты), Пі-аму, Азіаты (Біамиты) [1]) и др. При 18-й династіи нѣкоторые изъ нихъ сдѣлались начальниками войскъ, иные достигли важныхъ духовныхъ должностей. Ихъ божества, Сутехъ, Ваалъ, Ваалъ-Цефонъ, Марна, Астарта, Анати (Аната), Кодшу (Кадешъ), проникли въ египетскій пантеонъ и имѣли свои храмы въ Мемфисѣ.

[1]) А. Марьеттъ, въ „Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne“, т. I, стр. 91—93.

Въ половинѣ 19-й династіи завоеваніе Сезостриса и тѣсный союзъ этого царя съ хетійскимъ государемъ ввели въ моду употребленіе сирійскихъ языковъ. Египтяне хвалились, что языкамъ этимъ обучались не только дѣти свободныхъ гражданъ, но и дѣти негрскихъ и ливійскихъ рабовъ [1]; свѣтскіе люди и ученые любили украшать свой языкъ иностранными выраженіями. Считалось признакомъ дурного тона, говорить, напримѣръ, что живешь въ городѣ (*нуитъ*), а не въ *карти*: называть дверь—*ро*, а не *тираа*, аккомпанировать себѣ на арфѣ (*бонитъ*), а не на *киннорѣ*. Побѣжденные не воздавали почести (аау) фараону, а приносили ему *саламъ*, а войска не желали маршировать иначе, какъ подъ звуки тупара или тофа (барабана). Если въ семитическомъ языкѣ не хватало слова для извѣстнаго предмета, то его придумывали, коверкая египетскій языкъ на иностранный ладъ. Вмѣсто того, чтобы писать *хабсу*—лампа, *сонту*—дверь, писали *хабуса, санешау*. Ѳиванскіе и мемфисскіе щеголи находили столько же удовольствія *семитизировать* свой языкъ, какъ современные французы любятъ уснащать свою рѣчь плохо произносимыми англійскими словами [1]).

На западѣ Дельты находились другія иноземныя расы и господствовали иныя вліянія. Саисъ и сосѣдніе города, находясь въ постоянныхъ сношеніяхъ съ ливійскими племенами, привлекли въ свои предѣлы добрую часть ихъ населенія. Здѣсь преобладало племя Мазіу, а съ царствованія Рамзеса III—главнымъ образомъ Машуаши; но въ то время, какъ семиты постепенно превращались въ земледѣльцевъ, книжниковъ, священниковъ, купцовъ и солдатъ,—ливійцы сохраняли свой воинственный характеръ и свою военную организацію. Появившись въ странѣ болѣе двухъ тысячъ лѣтъ до того времени, мазіу продолжали стоять лагеремъ, и не научились жить осѣдло; это были скорѣй наслѣдственныя наемныя войска, чѣмъ мирные граждане. Они пополняли полицейскіе отряды, расположенные въ каждомъ домѣ и находившіеся въ распоряженіи правителей и мѣстныхъ властей; они снабжали пограничные посты стражей и сопровождали фараона въ его дальнихъ походахъ; представленіе объ оружіи и сраженіи такъ тѣсно сливалось съ представленіемъ о нихъ, что въ эпоху упадка языка,

[1]) Марьеттъ, „Les Papyrus égyptiens du Musée de Boulaq“, т. I, папир. n⁰ 3, послѣдняя страница, строк. 2—3.

[2]) Г. Масперо, „Du genre épistolaire“, стр. 9.

ихъ имя, измѣненное въ Матои, сдѣлалось для коптовъ нарицательнымъ именемъ солдата [2]). Машуаши сохранили свой характерный костюмъ и вооруженіе, и ихъ легко можно узнать на памятникахъ по головному убору, въ видѣ куска матеріи. Постоянно пополняемые рекрутами, набранными изъ лучшихъ ливійцевъ, которыхъ привлекали или случайности войны, или большое жалованіе,—они не замедлили составить главную силу и основаніи египетской арміи. Фараоны окружили себя этими иностранцами какъ стражей, болѣе надежной, чѣмъ туземные отряды, и назначали надъ ними начальниковъ изъ князей царской крови. Эти начальники машуашей постепенно сдѣлались независимыми отъ своего сюзерена: нѣкоторые изъ нихъ, при помощи своихъ солдатъ, достигли трона, другіе предпочитали вѣнчать и развѣнчивать царей, смотря по желанію. Съ конца двадцать первой династіи Египетъ находился во власти иностранцевъ и всѣ его повелители были навязаны ему иностранцами.

Въ половинѣ или въ концѣ двадцатой династіи, одинъ ливіецъ, по имени Буйуа (или Буаи, или Бубубуаи или, наконецъ, Бебаи), жилъ въ Бубастѣ или его окрестностяхъ [2]). Его потомки продолжали благополучно проживать здѣсь, и пятый изъ нихъ, Шашанку (Шешонакъ), женился на принцессѣ царской крови, Мичтинуосхитъ, (или Мет-эн-узехъ). Его сынъ Намрудъ, присоединилъ къ религіозному сану, которымъ онъ былъ облеченъ, и военное званіе предводителя машуашей. Судьба его внука, Ше-

[1]) Мнѣ кажется, что бедуинское племя Маазехъ происходитъ отъ племени Мазіу; названіе Маазехъ могло произойти отъ уподобленія арабскаго слова *маазехъ*, козленокъ, древнему ливійскому названію племени.

[2]) Относительно ливійскаго происхожденія 22-й династіи, указаннаго впервые Краллемъ, („Die Composition und die Schicksale des manethonischen Geschichtswerkes“, стр. 73, (прим. 1), см. Л. Штерна, „Die XXII manethonische Dynastie“, въ „Zeitschrift“, 1883, стр. 15—26. Бирчъ приписывалъ ей вавилонское происхожденіе („Transactions of the R. Society of Literature“, second series: т. III, стр. 165 и слѣд.), Лепсіусъ азіатское („Ueber die XXII Aegyptische Königsdynastie“, стр. 261, 285). Оппертъ—сузіанское, „Les Inscriptions en langue susienne“ въ Mémoires du Congrès international des Orientalistes“, Парижъ, 1873, т. II, стр. 183). Все, что говорится у Бругша („Geschichte“, стр. 644, 651—659) объ ассирійскомъ вторженіи въ Египетъ и объ ассирійской генеалогіи Шешонка, основано на слишкомъ смѣломъ истолкованіи нѣкоторыхъ текстовъ (Масперо, въ „Revue critique“. 1880, т. I, стр. 112—115); система Краля, представляющая нѣчто среднее между системой Бругша и Лепсіуса, также мало оправдывается послѣдними трудами („Die Composition“, стр. 71—76).

шонка, была еще болѣе блестяща. Съ первыхъ же дней своей жизни онъ сталъ пользоваться титуломъ величества и назывался княземъ князей, что доказываетъ, повидимому, что онъ занималъ первое мѣсто среди начальниковъ машуашей.

Во всякомъ случаѣ, онъ былъ самымъ могущественнымъ лицомъ въ государствѣ и пользовался почти такимъ же значеніемъ, какъ и цари египетскіе. Такъ, въ одномъ актѣ, въ которомъ устанавливается погребальный культъ его отца, онъ прямо обращаетъ къ себѣ слова Аммона-Ра, что было только привилегіей царя и первосвященника. Сверхъ того онъ женилъ своего сына на Озорконѣ, дочери Горъ-Псіухану, послѣдняго царя двадцать первой династіи, и союзъ этотъ обезпечилъ за его родомъ право на престолъ. Спустя нѣсколько лѣтъ онъ соединилъ весь Египетъ подъ своей властью, присвоивъ себѣ послѣ смерти Псіухану гербы и регаліи фараоновъ, а послѣ смерти Пинотму III-го унаслѣдовалъ санъ первосвященника Аммона, которымъ онъ облекъ сына своего Аупута. Родъ Пинотму не оказалъ, повидимому, сопротивленія и удалился въ Эѳіопію, въ Напату, гдѣ основалъ независимое государство. Воцареніе Шешонка I-го и занятіе сыномъ его должность первосвященника Аммона—довершили паденіе Ѳивъ. Безпорядки среди населенія этого города и обѣднѣніе его, достигшіе ужасающихъ размѣровъ при Рамессидахъ, еще усилились при преемникахъ Григора. Воровства въ Некрополѣ стали такъ часты, и воры стали такъ дерзки въ своихъ предпріятіяхъ, что, для защиты отъ нихъ мумій ѳиванскихъ царей, приходилось вынимать ихъ изъ саркофаговъ и класть въ часовнѣ, пристроенной къ гробницѣ Аменготепа I-го; назначаемые государемъ инспектора должны были констатировать отъ времени до времени неприкосновенность погребальныхъ покрововъ царственныхъ мумій. Цари семнадцатой династіи, какъ напримѣръ Сокнунри Тіуакенъ, первые фараоны восемнадцатой династіи,—Ахмосъ I-й, Аменготепъ I-й, Тутмосъ II-й, Тутмосъ III-й и принцессы ихъ гарема,—Нофритари, Аххотпу и Мошонтимху, затѣмъ, представители девятнадцатой династіи,—Рамзесъ I-й, Сети I-й и Рамзесъ II-й,—были собраны въ этой часовнѣ, образуя родъ торжественнаго собранія. Аупуту, имѣвшему только очень отдаленное отношеніе къ этимъ знаменитымъ мертвецамъ, надоѣла та неусыпная заботливость, которой они требовали, и онъ порѣшилъ запрятать ихъ подальше, найдя имъ такое убѣжище, гдѣ бы они могли находиться въ полной безопасности отъ всякаго покушенія на нихъ.

Первосвященники Аммона вырыли себѣ фамильный склепъ въ южномъ углу Деиръ-эль-Бахарской котловины, гдѣ всѣ они покоились, начиная съ Пинотму II. Аупутъ сложилъ въ этотъ склепъ какъ попало всѣ царственныя муміи, находившіяся въ часовнѣ Аменготепа I-го, и такъ хорошо скрылъ входъ въ него, что онъ просуществовалъ нетронутымъ до нашихъ дней [1]).

Шешонкъ I-й отличался энергіей и смѣлостью. Междоусобныя распри евреевъ доставили ему случай возобновить въ Сиріи политику своихъ предшественниковъ. Не разрывая союза съ Соломономъ, онъ открылъ у себя пріютъ всѣмъ недовольнымъ евреямъ; такъ, идумеянинъ Ададъ (Гадаръ) и Іеровоамъ нашли у него убѣжище. Пять лѣтъ спустя послѣ раскола, происшедшаго между еврейскими племенами, онъ напалъ на Іудею, пошелъ на Іерусалимъ и разграбилъ его, послѣ чего пришелъ въ израильское царство [2]). По возвращеніи на родину, онъ велѣлъ выгравировать на стѣнахъ Карнака списокъ завоеванныхъ имъ городовъ. Сравненіе этого списка со спискомъ Тутмоса III показываетъ всю глубину упадка египетскаго могущества во время двадцать второй династіи, даже въ моментъ военнаго успѣха. Въ спискѣ нѣтъ уже ни Гаргамиша, ни Кодшу, ни Дамаска, ни городовъ Нагаранны. Магеди былъ самымъ сѣвернымъ пунктомъ, до котораго дошелъ Шешонкъ; всѣ перечисленные послѣ него города: Раббитъ, Таанакъ, Гафараимъ, Маханаимъ, Гивеонъ, Бетхоронъ, Аіалонъ, Мигдолъ, Іерца, Соко и поселенія въ пустынѣ іудейской переносятъ насъ все болѣе и болѣе къ югу. Перечисливъ имена всѣхъ мелкихъ поселеній и раздѣливъ на двое тѣ изъ нихъ, которыя состояли изъ нѣсколькихъ словъ, Шешонокъ несказанно радовался, что написанный на стѣнѣ списокъ его вассаловъ не уступаетъ по длинѣ такому же списку его предшественника [3]). Удовлетворенное честолюбіе и военная добыча были единственнымъ результатомъ его похода; вскорѣ послѣ

---

[1]) Всѣ эти муміи находятся съ 1881 г. въ Булакскомъ музеѣ; Масперо, „La Travaille de Deir-el-Bahari“, съ 40 фотографическими снимками, работы Эмиля Бругша-Бея и „Guide du visiteur au Musée de Boulaq“, стр. 14 и слѣд.

[2]) Это видно изъ Карнакскаго списка, въ которомъ израильскіе города перечислены рядомъ съ іудейскими.

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 252; Шамполіонъ, „Not. man.“, т. II, стр. 113 и слѣд.; Масперо, „Notes sur quelques points“ въ „Zeitschrift“, 1880, стр. 44—49.

этого онъ умеръ, а преемники его и не подумали отстаивать верховную власть, которою онъ пользовался нѣкоторое время въ Іудеѣ [1]).

Послѣ удаленія Шешонка изъ Ханаана гражданскія войны все сильнѣе и сильнѣе разгорались въ Іудеѣ и Израилѣ. Іеровоамъ умеръ въ 908 году, а сынъ его, Наватъ, былъ убитъ въ Гиббеѳонѣ (Гаваѳонъ) Ваасою, сыномъ Аосіи, послѣ двухъ лѣтъ царствованія. Вааса бросился на Іудею, гдѣ только-что воцарился Аса, сынъ Авіи и внукъ Ровоама, и укрѣпилъ городъ Раму въ 8 килом. къ сѣверу отъ Іерусалима. Аса, съумѣвшій, согласно легендѣ, дать отпоръ многочисленной эѳіопской и ливійской арміямъ [1]), не чувствовалъ себя достаточно сильнымъ, чтобы противостоять нашествію израильтянъ, и призвалъ на помощь сирійскаго царя. Со времени возмущенія Резона значеніе и военное могущество Дамаска не переставало увеличиваться при Гезіонѣ [2]), Табриммонѣ, Бенададѣ I [3]); онъ покорилъ Гаматъ, Келе-Сирію и всю прилегающую къ Евфрату пустыню. Венададъ воспользовался представившимся случаемъ, чтобы распространить свое могущество къ югу: онъ напалъ на Галилею и взялъ ея города. Вааса, призванный на сѣверъ, не могъ удержаться въ Рамѣ, а Аса защитилъ свою границу, укрѣпивъ Гибею (Гиву) и Мицпу. Ваасѣ, такъ же какъ Іеровоаму, не удалось основать прочной династіи; какъ онъ поступилъ съ Наватомъ, такъ Зимри поступилъ съ сыномъ его, Илою. На этотъ разъ также армія находилась въ странѣ филистимлянъ и передъ Геваоономъ; когда совершено было убійство, она возмутилась, призвала своего военачальника Амврія (Омри) и пошла на убійцъ. Замврій, загнанный въ Тирцу (Ѳирцу), поджегъ царскій дворецъ и сгорѣлъ въ немъ послѣ семидневнаго царствованія. Побѣдитель Амврій нашелъ себѣ соперника въ Тибни (Ѳамній), сынѣ Ганаоа; гражданская война продолжалась еще четыре года и окончилась естественной или насильственной смертью Ѳамнія и брата его Іо-

[1]) „II Кн. Паралипоменонъ“, XIV, 9–13, единственный источникъ, откуда мы заимствуемъ разсказъ объ этой баснословной экспедиціи, называетъ главу нападавшихъ эѳіоплянъ Зараемъ; Шампольонъ видитъ въ немъ Озоркона I („Précis du Système hieroglyphique“, стр. 257–262.

[2]) По Іосифу, „Ant. Jud“, VIII, 12, 5, Тибни былъ убитъ.

[3]) Имя Гезіонъ представляетъ, можетъ быть, не болѣе какъ искаженіе имени Резонъ; въ такомъ случаѣ его слѣдуетъ вычеркнуть изъ перечня дамасскихъ царей.

рама [1]). Взятіе Іерусалима Шешонкомъ, вѣчная вражда между Іудеей и Израилемъ, преступленія и внутреннія войны въ конецъ ослабили еврейскій народъ и отняли у него послѣдній престижъ, связанный съ именемъ Давида. Гегемонія отъ Іерусалима перешла къ Дамаску. Потомки Резона попробовали соединить въ одно государство различныя націи Сиріи и, можетъ быть, успѣшно окончили бы свою задачу, если бы не рѣшительное вмѣшательство Ассиріи.

Таблица 21-й династіи можетъ быть установлена въ слѣдующемъ, приблизительно, видѣ:

Ѳивы.	Танисъ.
I. Григоръ-Сіамонъ.	I. Нутирхопирри сотпенамонъ Сіамонъ Міамунъ.
II. Пинохи.	II. Ахопирри сотпенамонъ Псіухапу Міамунъ.
III. Пинотму I.	III. Усирмари сотпенамонъ Аменемопи Міамунъ.
IV. Хопиркери сотпенамонъ Пинотму II Міамунъ.	
V. Масагирти.	V. . . . .
VI. Менхопирри.	VI. . . . .
VII. Пинотму III.	VII. Уозгикри . . . Горъ Псіухапу Міамунъ.

[1]) Ассирійскіе памятники называютъ, кажется, этого царя именами Раманъ-Индри и Биръ-Дадда, а 72 толковника—именемъ νἱὸς Ἄδέρ. Каково бы ни было ассирійское произношеніе этого имени, я считаю нужнымъ сохранить, до первыхъ указеній, произношеніе Бенадъ („Benhadad“), какъ самое распространенноэ (сравн. Шрадеръ, Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 371–398; „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 200 и слѣд.

ГЛАВА IX.

ВТОРАЯ АССИРІЙСКАЯ МОНАРХІЯ ДО ВОЦАРЕНІЯ САРГОНА.

Ассурназирпалъ и Салманасаръ; цари Дамаска и домъ Амврія.—Временный упадокъ ассирійской имперіи; израильскіе пророки; Іеровоамъ II; Тугултипалесарра II; Паденіе Дамаска—Двадцать вторая и двадцать третья династія; эѳіопляне въ Египтѣ: Піонхи и Шабаку. Паденіе Израильскаго царства.

Ассурназирпалъ и Салманасаръ; цари Дамаска и домъ Амврія.

Годы, послѣдовавшіе за пораженіемъ Ассуррабамара, были годами бѣдствій и униженія для Ассиріи. Она потеряла завоеванія Тугултипалесарры (Туклат-габал-асара) въ Сиріи, а страны, входившія въ составъ ея и непосредственно примыкавшія къ ней на сѣверѣ и югѣ, тоже ускользнули изъ-подъ ея владычества. Вавилонія сбросила съ себя ассирійское иго, племена Наири и Намри вернули свою независимость; даже Месопотамія отдѣлилась отъ Ниневіи, и ассирійскіе монархи съ трудомъ удержали за собой округи, находившіеся по сосѣдству съ ихъ столицей. Они энергично работали надъ поправленіемъ постигшихъ ихъ бѣдствій и возстановленіемъ своего могущества. Ирбараманъ, Ассуридинахе I-й, Ассурданъ II-й, Раманнирари I отвоевали территорію шагъ за шагомъ; Раманнирари I успѣлъ уже настолько окрѣпнуть, что ему удалось разбить царя вавилонскаго и раздвинуть свои границы за предѣлы Большаго Заба. Внутри страны, цари ассирійскіе возстановили города и храмы, прорыли новые и вычистили прежніе оросительные каналы, укрѣпили большія плотины, предохранявшія равнину отъ разливовъ

Тигра. Тугултининипъ II (Туклатъ-Адаръ) (889 — 885), сынъ Раманнирари, возобновилъ, наконецъ, такъ долго прерванныя завоеванія и прославился своей храбростью и свирѣпостью: „онъ сажалъ на колъ тѣла побѣжденныхъ“. Цари Ассиріи терпѣливо занимались укрѣпленіемъ своей имперіи все то время, которое цари Израиля потратили на свои безплодныя распри [1]).

По мѣрѣ того какъ власть ассирійскихъ монарховъ распространялась къ сѣверу, городъ Ассура терялъ постепенно то значеніе, какое имѣлъ въ первые вѣка монархіи, и, переставая быть центромъ имперіи, продолжалъ считаться столицей только по преданію. Ассурназирпалъ, преемникъ Тугултининипа II-го, нанесъ ему смертельный ударъ, избравъ другую резиденцію. За пять вѣковъ до того времени, Салманасаръ I построилъ въ Калахѣ, на лѣвомъ берегу Тигра, при сліяніи его съ Большимъ Забомъ, городъ, которому послѣдовавшія затѣмъ смуты не дали развиться. На четвертомъ году своего царствованія Ассурназирпалъ велѣлъ снести все, что оставалось отъ построекъ его отдаленнаго предшественника, и положилъ основаніе новому городу. Съ этихъ поръ, въ продолженіе цѣлаго вѣка, по крайней мѣрѣ, ассирійскіе цари Салманасаръ, Самсираманъ (Самси-Бинъ), Раманнирари (Биннирари) не переставали ревностно украшать его и проживали здѣсь въ рѣдкія минуты отдыха отъ войны. На обширной площади, служившей основаніемъ городу, воздвигались дворцы, одинъ за другимъ, и богато украшались рѣзнымъ деревомъ, золотомъ, живописью, скульптурой и эмалью, каждый старался превзойти своимъ великолѣпіемъ все, что было построено до него: каменные львы, сфинксы, обелиски, жертвенники, священныя башни украшали городъ, нарушая монотонность его построекъ. Высокая пирамида съ уступами (зиггуратъ), принадлежавшая храму Нинипа, господствовала надо всѣмъ, какъ бы объединяя окружавшіе ея дворцы и зданія. Тигръ, омывающій съ запада подошву площадки, на которой возвышался городъ, отражалъ въ своихъ водахъ его зданія; отраженіе увеличивало высоту зданій, и скрадывало нѣсколько ихъ тяжеловѣсность, составляющую слабое мѣсто ассирійской архитектуры. Когда заходящее солнце бросало

---

[1]) Оппертъ, „Histoire des empires de Chaldée et d'Assyrie“, стр. 61 — 69; Дж. Раулинсонъ, The five great Monarchies“, т. II, 89 — 93; Фр. Ленорманъ, Histoire d'Orient“, т. II, стр. 64—65; Ж. Менанъ, „Annales des rois d'Assyrie“, стр. 59—64.

на городъ свои послѣдніе лучи, окрашивая его тѣми сверкающими тонами, которые можно видѣть только на востокѣ, Калахъ могъ показаться путешественнику, впервые увидѣвшему его, видѣніемъ изъ волшебнаго царства“ [1]).

Изъ Калаха ассирійскіе монархи почти ежегодно отправлялись на войну. Прислоненное къ плоскогорію Мидіи и ограниченное высотами Арменіи, ассирійское государство не могло желать распространенія своего господства на востокъ и сѣверо-востокъ: это стоило бы слишкомъ большого труда и дало бы мало выгоды. Поэтому, ассирійскіе цари не заботились о расширеніи своихъ владѣній въ этомъ направленіи, и самое большое, если обращали оружіе противъ безпокойныхъ племенъ, живущихъ на дальней границѣ долины Тигра, въ горахъ Курдистана; если они и переходили иногда за эти предѣлы, то лишь для того, чтобы предпринять нѣсколько набѣговъ на берега Чернаго и Каспійскаго морей или нѣсколько смѣлыхъ экспедицій на дальнія окраины самой Мидіи. Арена ихъ боевой дѣятельности находилась не въ этой сторонѣ, но на югѣ, въ Вавилоніи и Эламѣ, на сѣверѣ, въ Арменіи, и на западѣ и сѣверо-западѣ, въ Сиріи. Ежегодно въ продолженіе двухъ вѣковъ, ассирійскія арміи проходили—только въ обратномъ порядкѣ — если не весь, то хоть часть того пути, по которому восемь вѣковъ тому назадъ шли арміи Тутмоса III и Аменготепа II. Несмотря на упорное сопротивленіе, они по частямъ завладѣли всей Сиріей, взявъ сначала Гаргамишъ, потомъ Финикію и Дамаскъ, Израиль и Газу, уничтожая одну за другой всѣ преграды, отдѣлявшія ихъ отъ Египта, пока, наконецъ, обѣ великія монархіи Востока не очутились снова лицомъ къ лицу, какъ во времена фараоновъ 18-й династіи. Но теперь онѣ помѣнялись ролями. Въ тѣ времена Египетъ шелъ черезъ Малую Азію къ берегамъ Евфрата, навстрѣчу своему сопернику, теперь, напротивъ, Ассирія являлась нападающей стороной, а Египетъ съ трудомъ защищался отъ нея. Въ Мемфисѣ, во дворцѣ Бѣлой Стѣны, былъ поставленъ ассирійскій гарнизонъ, а онванскіе храмы были разграблены военачальниками Ассурбанипала.

Это наступательное движеніе было начато Ассурназирпаломъ. Ассирійская имперія была ему обязана своимъ внезапнымъ возвышеніемъ и одновременнымъ расширеніемъ всѣхъ своихъ гра-

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 98–99.

ницъ. Первая экспедиція была предпринята въ Курдистанъ и въ южные области Арменіи. Туземное населеніе, не способное къ правильному сраженію, говоря словами Ассурназирпала, „удалилось въ недоступныя горы и засѣло на ихъ вершинахъ, чтобы я не могъ добраться до него, такъ какъ величественныя горы ихъ оканчиваются остроконечными верхушками, на подобіе острія меча, и однѣ птицы небесныя могутъ долетѣть до нихъ... Въ три дня я взошелъ на горы и посѣялъ ужасъ въ ихъ убѣжищахъ... трупы усѣяли склоны горъ, какъ древесныя листья; оставшіеся въ живыхъ старались укрыться въ скалахъ“. Завоеватель предалъ огню деревни несчастныхъ и напалъ затѣмъ на округъ Кархи; „я перебилъ, говоритъ онъ, всѣхъ сражавшихся, въ числѣ двухсотъ шестидесяти, отрѣзалъ имъ головы и сложилъ изъ нихъ пирамиды“. Послѣ Кархи насталъ чередъ страны Куммухъ. Получивъ дань съ племенъ Мушки, Ассурназирпалъ собирался уже двинуться далѣе на сѣверъ, какъ вдругъ возмущеніе одного города въ Месопотаміи заставило его вернуться назадъ. Бунтовщики при его приближеніи побросали оружіе и стали молить о прощеніи, но царь былъ неумолимъ. „Я, говоритъ онъ, убивалъ одного на двухъ... Я выстроилъ стѣну передъ главными воротами города и покрылъ ее кожею, содранною съ предводителей бунтовщиковъ. Нѣкоторые изъ нихъ были заживо замурованы, другіе, посаженные на колъ, были разставлены во всю длину стѣны; со многихъ я велѣлъ содрать при себѣ кожу и покрыть ею стѣну; головы ихъ я расположилъ въ видѣ вѣнковъ и пронзенныя тѣла ихъ—въ видѣ гирляндъ“. Главный начальникъ возмущенія былъ привезенъ въ Ниневію; съ него тоже содрали кожу и прибили ее къ стѣнѣ. Послѣ этого нечего удивляться, что жители страны Лаки подчинились безъ сопротивленія. Другіе бунты, разразившіеся въ закоулкахъ Арменіи, были подавлены съ неменьшей поспѣшностью и жестокостью. Возвращаясь въ Калахъ къ концу этого перваго года, Ассурназирпалъ могъ похвастаться, что далъ почувствовать силу своей руки на всемъ пространствѣ своей территоріи и на всѣхъ пунктахъ своей границы.

Предпріятія послѣдующихъ годовъ соотвѣтствовали его первымъ счастливымъ опытамъ. Въ 881 г. происходила война противъ народовъ, расположенныхъ въ области Загроша; въ 880 г. война съ Арменіей; въ 879 г. война противъ Куммуха, Наири и большинства племенъ Верхняго Тигра. Разсказы объ этихъ побѣдахъ

переполнены такими-же жестокостями относительно побѣжденныхъ. Въ 879 году жители Кархи, вторично осажденные, „покинули свои укрѣпленныя мѣста и замки и, спасая свою жизнь, бѣжали въ могущественную страну Матни. Я погнался за ними: я усѣялъ горы тысячами труповъ ихъ воиновъ, я наполнилъ ими ущелья. Двѣсти плѣнниковъ попались мнѣ живыми: я отсѣкъ имъ кисти рукъ“. Въ самой серединѣ Месопотаміи оставалось еще нѣсколько независимыхъ городовъ и племенъ, но достаточно было одной кампаніи для ихъ покоренія. Ассурназирпалъ прошелъ внизъ по Хармису и Хабуру до Евфрата, затѣмъ по Евфрату отъ притока Хабура до Аната. Это была скорѣе военная прогулка, чѣмъ война: всѣ прибрежные города,—Садикани [1]), Бит-Халупіэ, Сирки [2]), Анатъ,—безпрекословно согласились уплатить дань. Князь Зуховъ (тсухи), осмѣлившійся воспротивиться, былъ побѣжденъ послѣ двухдневной битвы и бѣжалъ за Евфратъ, въ Аравійскую пустыню. Съ нимъ было нѣсколько халдейскихъ отрядовъ подъ предводительствомъ военачальниковъ Бел-бал-иддина и Забдана, брата Набу-бал-иддина, царя вавилонскаго. Оба они попали въ руки побѣдителя, и Ассурназирпалъ злоупотребилъ этимъ, чтобы доказать свое торжество надъ Халдеей. „Страхъ передъ моимъ могуществомъ, говоритъ онъ, распространился въ странѣ Кар-Дуніасъ, ужасъ передъ моимъ оружіемъ овладѣлъ страной Калду“. Слишкомъ много словъ для такого незначительнаго факта! Набу-бал-иддинъ не особенно испугался этого хвастовства, а ассирійскій царь, удовлетворенный своей побѣдой, считалъ болѣе благоразумнымъ не компрометировать себя вторженіемъ въ Халдею. Къ тому же Ассурнизирпалу пришлось еще разъ продѣлать предыдущую кампанію, когда въ 878 г. возстали зухи. Всѣ области, лежавшія вдоль Хабура и Евфрата, были безжалостно опустошены, города сожжены, плѣнники посажены на колъ. Ассурназирпалъ имѣлъ полное основаніе воскликнуть: „Только на развалинахъ чело мое проясняется; только утоляя гнѣвъ свой, я чувствую удовлетвореніе“ [3]).

Въ слѣдующемъ году онъ появился въ такихъ областяхъ, куда ни одинъ ассирійскій монархъ не заходилъ уже около двухсотъ лѣтъ. Весной 877 г., покинувъ Калахъ, Ассурназирпалъ углубился въ Месопотамію, перешелъ Хабуръ и Балихъ и достигъ береговъ Евфрата. Сѣверная Сирія дѣлилась тогда на мелкія независимыя государства, соединенныя, какъ во времена египтянъ, въ родъ союза. Большинство народовъ, населявшихъ ее за нѣсколько вѣковъ раньше, уже не существовали. Хети, уже сильно уменьшившіеся въ числѣ во времена Тугултипалессары, еще болѣе ослабѣли и только географическое положеніе ихъ страны сохраняло за ними извѣстное значеніе: столица ихъ, Гаргамишъ, владѣла въ этихъ мѣстахъ лучшей переправой черезъ Евфратъ. Окружавшія ихъ государства, находившіяся въ вѣчной враждѣ другъ съ другомъ и оказавшіяся безсильными передъ нападеніемъ дамасскихъ царей, конечно, не могли дать отпора ассирійскому завоевателю. Для него они представлялись легкой добычей и тѣмъ болѣе привлекательной, что страна ихъ была богата и хорошо населена, несмотря на междоусобныя войны и вторженія извнѣ: земледѣліе, промышленность и торговля процвѣтала въ ней. Здѣсь находились въ изобиліи драгоцѣнные и полезные металлы: — золото, серебро, мѣдь, олово, желѣзо, а торговля съ Финикіей доставляла сюда пурпуръ и шерстяныя матеріи, черное дерево и сандалъ. Нападеніе Ассурназирпала захватило, кажется, правителей хети среди глубокаго мира. Сангаръ, царь Гаргамиша, безпрекословно отдалъ въ руки ассиріянъ переправу черезъ Евфратъ и открылъ имъ двери своего города. Лубарна, царь Патина, „убоялся могущества врага и исхода битвы; онъ заплатилъ двадцать талантовъ золотомъ, одинъ серебромъ, двѣсти оловомъ и сто желѣзомъ, отдалъ тысячу быковъ, десять тысячъ овецъ, тысячу шерстяныхъ и бумажныхъ одеждъ“, не считая мебели, оружія и рабовъ. Страна Лухути оказала сопротивленіе и съ ней поступлено было сообразно съ этимъ: города ея были отданы на расхищеніе, а плѣнники посажены на колъ. Послѣ этого подвига, когда Ассурназирпалъ опустошилъ оба склона Ливана и спустился до береговъ Средиземнаго моря, Финикія не стала ждать его прибытія для изъявленія подданническихъ чувствъ: цари Тира, Сидона, Гебела и Арада, „который находится среди моря“, послали ему подарки. Ассиріяне употребили все время на рубку лѣса на Ливанѣ и Аманосѣ; они перевезли въ Ниневію много кедровъ, сосенъ и кипарисовъ для постройки храма богинѣ Астартѣ [1]).

---

[1]) Теперешній Арбанъ.

[2]) Цирцесіумъ при впаденіи Хабура въ Евфратъ. Сравн. Фоксъ Тальботъ „Assyrian Texts“, стр. 30–31.

[3]) Оппертъ, „Histoire“, стр. 92.

[1]) Опертъ, „Histoire“, стр. 69 -- 104; Дж. Раулинсонъ, „The five great Mo-

Начиная съ этого времени, намъ болѣе ничего не извѣстно объ Ассурназирпалѣ. Онъ царствовалъ еще шестнадцать лѣтъ, и то, что намъ извѣстно о его характерѣ, не позволяетъ думать, чтобы онъ ихъ провелъ въ покоѣ. Ему наслѣдовалъ въ 860 г. сынъ его, проведшій всю свою жизнь въ войнахъ. Въ первый же годъ своего воцаренія онъ перешелъ Евфратъ и остановился только у береговъ Средиземнаго моря. Слѣдующіе четыре года онъ употребилъ на подавленіе бунтовъ и укрѣпленіе своей власти въ Сѣверной Сиріи; потомъ, подчинивъ Гаргамишъ и Патинъ, онъ отправился въ долину Оронта, гдѣ его ожидалъ царь Дамаска со своими вассалами [1]).

Побѣдивъ Тибни, сына Ганаѳа, Амврій старался укрѣпить свое могущество. До сихъ поръ у Израиля не было опредѣленной столицы; Сихемъ, Ѳирца, Рама поочередно служили резиденціей для преемниковъ Іеровоама и Ваасы. Въ послѣднее время городъ Ѳирца взялъ верхъ надъ остальными,—но его дворецъ былъ сожженъ Замвріемъ; къ тому же легкость, съ какою онъ былъ взятъ, не могла не возбудить опасеній основателя династіи. Амврій выбралъ для своей резиденціи мѣстность нѣсколько къ сѣверо-западу отъ Сихема и горы Гевалъ: онъ купилъ ее у владѣльца, по имени Семира, и назвалъ поэтому Симрономъ (Симерономъ, Самарія) [2]). Выборъ былъ удаченъ и основателенъ, что вскорѣ было доказано быстрымъ развитіемъ города. Онъ былъ расположенъ среди глубокой и широкой котловины, на вершинѣ холма, соединеннаго съ окружающими возвышенностями узкой и невысокой полосой земли. Долина, среди которой онъ возвышался, была плодородна и снабжена въ изобиліи водою; склоны горъ воздѣлывались почти до вершинъ, и трудно было найти въ Палестинѣ мѣстоположеніе, которое могло бы сравниться съ городомъ Амврія по удобству положенія и красотѣ [3]). Поэтому Симронъ сдѣлался для царства Израильскаго тѣмъ, чѣмъ былъ Іерусалимъ для Іудейскаго, т.-е. центромъ сопротивленія, вокругъ котораго, при малѣйшей опасности, собиралась вся нація.

narchies", т. II, 84–89; Фр. Ленорманъ, „Histoire", т. II, стр. 66—68; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 64—94.

[1]) Оппертъ, „Histoire", стр. 108 — 111; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. II, стр. 111; Фр. Ленорманъ, „Histoire", т. II, стр. 68 — 69; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 96—99, 105—112.

[2]) „III Кн. Царствъ", XVI, 24.

[3]) Робинсонъ, „Biblikal Researches in Palestine", т. III, стр. 138—139, 146

Важность основанія этого города не ускользнула отъ современниковъ; имя Амврія въ ихъ представленіи навсегда нераздѣльно слилось съ израильскимъ царствомъ. Съ этихъ поръ Самарія и само Израильское царство носятъ у иноземцевъ названіе Битъ-Омри, т.-е. домъ Амврія, и названіе это продолжало существовать еще долго, послѣ того какъ Амврій и домъ его перестали царствовать надъ евреями [1]).

Престарѣлый Венададъ (Бен-гадаръ) I-й, нѣкогда воевавшій съ Ваасою воспользовался смутами, возникшими въ Израилѣ, благодаря войнамъ между Амвріемъ и Ѳамніемъ, чтобы возобновить свои нападенія; онъ захватилъ много городовъ и принудилъ царя уступить во владѣніе сирійцамъ одинъ кварталъ Самаріи [2]). Амврій, вознаградилъ себя побѣдой надъ моавитянами, которыхъ онъ обложилъ тяжелой данью, выплачиваемой шерстью и скотомъ [3]). Но это не была побѣда, способная вознаградить его за всѣ потери; ограничиваясь только такими успѣхами, Израиль рисковалъ остаться въ вѣчной вассальной зависимости отъ Дамаска. Амврій хорошо понималъ это и искалъ опоры извнѣ. Но Египетъ былъ слишкомъ далекъ; ассиріяне только недавно появились на правомъ берегу Евфрата, а религіозныя и политическія распри образовали пропасть между нимъ и Іудеей. Поэтому Амврій обратился къ финикіянамъ и получилъ для сына своего Ахава руку Іезавели, дочери Тирскаго царя Итобаала (Еѳваала).

При Хиромѣ I, другѣ Давида и Соломона, Тиръ достигъ апогея своего возвышенія. Съ возстановленіемъ владычества метрополіи на Китіонѣ и Кипрѣ, съ развитіемъ и упорядоченіемъ торговли съ Испаніей, наконецъ, съ открытіемъ, благодаря союзу съ евреями, дорогъ, ведущихъ на дальній востокъ, наплывъ населенія въ Тиръ такъ сталъ великъ, что стѣны города не могли уже вмѣщать его. Тиръ былъ расположенъ на нѣсколькихъ островахъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга неглубокими морскими

[1]) Оппертъ, „Histoire", 105 — 107; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, 189–191. Представленія объ Амвріи и Израилѣ были до того нераздѣльны въ умахъ ассиріянъ, что одна надпись Салманасара говоритъ о Іиуѣ, уничтожившемъ домъ Амврія, какъ о *Jaoua habal Khumrii*, т.-е. Іиуѣ, сынѣ Амврія.

[2]) „III Кн. Царствъ", XX, 34.

[3]) „IV Кн. Царствъ", III, 4. Въ *Надписи Месы* (строк. 5, 7), точно говорится, что Амврій господствовалъ надъ моавитянами.

рукавами, которые были усѣяны такими острыми, доходящими до уровня воды скалами, что преграждали мѣстами доступъ къ сирійскому берегу. На самомъ большомъ изъ островковъ и на самомъ возвышенномъ пунктѣ его первые колонисты построили, почти за восемь вѣковъ передъ тѣмъ, храмъ Мелькарта, а на сосѣднемъ островкѣ находился храмъ другого бога, котораго греки отождествляли впослѣдствіи съ Зевесомъ Олимпійскимъ. Хиромъ съумѣлъ увеличить вдвое пространство, на которомъ была расположена столица. Онъ засыпалъ проливы, раздѣлявшіе отдѣльные кварталы города, а въ южной части его отвоевалъ отъ моря, при помощи насыпей и укрѣпленныхъ набережныхъ, довольно значительный кусокъ земли. Даже и въ такомъ видѣ площадь, занимаемая городомъ, была невелика и могла вмѣщать не болѣе тридцати, тридцати пяти тысячъ жителей; поэтому, подобно Араду, Тиръ расширилъ свои предѣлы на счетъ близлежащаго материка, и купцы его, которые „были князья, торговцы-знаменитости земли“ [1]), воздвигли свои виллы на склонахъ Ливанскихъ горъ. Но часть города, расположенная на островахъ, осталась мѣстопребываніемъ правительства, благодаря своему превосходному положенію и той изолированности отъ остального міра, которую ей обезпечивалъ отдѣлявшій ее отъ материка каналъ [2]). Со смертью Хирома, въ Тирѣ начались кровавыя революціи. Царская власть едва успѣла привиться къ этому населенію мануфактуристовъ и мореплавателей, какъ умеръ Валеастартъ, сынъ и преемникъ Хирома, послѣ семилѣтняго царствованія, а самый старшій изъ его дѣтей, Абдастартъ, былъ убитъ во время народнаго волненія. Извѣстно то вліяніе, какимъ пользуются на Востокѣ царскія кормилицы; четыре сына кормилицы Абдастарта убили своего молочнаго брата, и самый старшій изъ нихъ завладѣлъ престоломъ. Поддерживаемые массой рабовъ, наемныхъ солдатъ и безпріютной черни, наполнявшей финикійскіе города, они удерживали за собою власть въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ. Господство ихъ имѣло самыя печальныя послѣдствія, выразившіяся въ томъ, что часть тирской аристократіи эмигрировала въ далекія страны, колоніи отдѣлились отъ родной метрополіи, и погибель угрожала монархіи, если бы такой по-

[1]) „Кн. прор. Исаіи“, XXI, 8.

[2]) Моверсъ, „Die Phönizier“, т. II, часть 1-я, стр. 188 и слѣд.; Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie“, стр. 546—575.

рядокъ вещей еще продолжался. Новая революція изгнала узурпатора и возстановила прежнюю династію, но не дала несчастному городу того спокойствія, въ которомъ онъ такъ нуждался: оставшіеся въ живыхъ три сына Валеастарта, — Астартъ, Астаримъ и Фели быстро смѣнили другъ друга на царскомъ престолѣ. Послѣдній былъ убитъ послѣ девятимѣсячнаго царствованія однимъ изъ своихъ родственниковъ, Еѳвааломъ, который крѣпко захватилъ власть въ свои руки и удержалъ ее за собой тридцать два года [1]).

Начало этихъ смутъ совпало съ распаденіемъ Соломонова царства; евреи, занятые гражданскою войной, не могли воспользоваться несчастіями своего сосѣда. Тѣмъ не менѣе приходилось всегда опасаться, чтобы какой-нибудь еврейскій царь, болѣе предпріимчивый или менѣе поглощенный внутренними дѣлами, чѣмъ его предшественники, не соблазнился богатствами Финикіи и не попытался бы овладѣть ими. Еѳваалъ воспользовался представившимся случаемъ отдалить отъ себя опасность при помощи семейнаго союза съ новой израильской династіей. Дочь его, Іезавель, сдѣлалась женою Ахава и вскорѣ пріобрѣла неограниченное вліяніе на своего мужа. Религіозная, благодаря воспитанію, полученному ею отъ отца, который, прежде чѣмъ сдѣлаться царемъ, былъ главнымъ жрецомъ Астарты, она сумѣла уговорить Ахава, чтобы онъ позволилъ ей открыто служить культу финикійскихъ и хананейскихъ божествъ. Ваалъ и Астарта имѣли въ Самаріи свои храмы и свои священныя дубравы, а ихъ жрецы и пророки получили доступъ къ царскому столу. Ахавъ съ своей стороны, остался вѣренъ національному богу и далъ своимъ дѣтямъ отъ Іезавели имена, связанныя съ именемъ Іеговы: Ахазія, Іорамъ, Аталія [2]). Это былъ уже вовсе не первый примѣръ такой вѣротерпимости въ Израилѣ: Соломонъ давалъ согласіе своимъ иноземнымъ женамъ на то же, что Ахавъ дозволилъ Іезавели. Оппозиція явилась не со стороны оффиціальнаго духовенства; царскіе храмы и духовныя коллегіи Дана, Веѳиля, Іерихона и Гилгала продолжали процвѣтать и этого было для него совершенно достаточно. Но время было уже не таково, чтобы можно было воздвигать храмы Ваала рядомъ съ храмами Іеговы;

[1]) Моверсъ, „Die Phoenizier“. т. II, часть 1-я, стр. 340-346.

[2]) Ахазія означаетъ—„Quem Iahveh (Іегова) sustinet“; (Іорамъ) — „Iahveh altus est“, Аталія—„Quam Iahveh afflixit“.

не возбуждая этимъ вражды и народнаго гнѣва. Еще ста лѣтъ не прошло со дня смерти Соломона, а уже часть еврейскаго народа успѣла проникнуться убѣжденіемъ, что нѣтъ и не должно быть другого бога, кромѣ Іеговы, и что все, чему инеземные народы поклонялись подъ именемъ бога, далеко уступало въ могуществѣ и силѣ богу Израиля. Отсюда уже недалеко было до отрицанія деревянныхъ, металлическихъ и каменныхъ идоловъ, нѣкоторыхъ обрядовъ при дароприношеніяхъ и жертвахъ и другихъ принадлежностей иноземнаго культа. Уже въ Іудеѣ благочестивый Аса, сынъ и преемникъ Авіи, изрубилъ идолъ Астарты, который мать его Мааха сдѣлала на собственныя средства [1]). Нѣкоторые израильскіе пророки вооружились противъ Ваала, противъ поклонявшейся ему царицы, противъ царя, допускавшаго это поклоненіе, и неотступно преслѣдовали ихъ своей ненавистью [2]). Одинъ изъ нихъ, въ особенности, Илія Ѳесвитянинъ, отличался непримиримымъ противодѣйствіемъ. Разсказы о его приключеніяхъ и подвигахъ, преувеличенныхъ и перетолкованныхъ народнымъ воображеніемъ, въ настоящее время заключаетъ въ себѣ столько чудеснаго, что нѣтъ возможности различить заключающуюся въ нихъ долю истины. Вдохновленный духомъ Божіимъ, Илія объявилъ Ахаву, что въ ближайшіе годы не будетъ ни росы, ни дождя, развѣ только по слову его, и затѣмъ бѣжалъ отъ царскаго гнѣва въ пустыню. Сначала вóроны питали его, принося ему утромъ и вечеромъ мяса и хлѣба; потомъ, когда источникъ, изъ котораго онъ пилъ воду, высохъ, Господь сдѣлалъ неистощимыми кадку съ мукою и кувшинъ съ масломъ у одной вдовы изъ Сарепты Сидонской, и Илій дѣлилъ съ нею ихъ содержимое. Вдругъ сынъ этой вдовы внезапно умеръ; Илій воскресилъ его именемъ Іеговы и, руководимый вдохновеніемъ свыше, оставилъ свое убѣжище, отправившись опять къ царю. Ахавъ принялъ его безъ всякаго озлобленія, собралъ всѣхъ пророковъ языческихъ и устроилъ имъ совѣщаніе съ Иліей на горѣ Кармель (Кармилъ). Финикіяне призывали своихъ Вааловъ громкими криками и, по обычаю, кололи свое тѣло ножами. Илія, давъ имъ время накривляться и накричаться до истощенія, въ свою очередь обратился съ молитвой къ своему Богу; при звукѣ его голоса, огонь сошелъ съ неба и моментально уничтожилъ жертвоприношеніе.

[1]) „III Кн. Царствъ", XV, 13.

[2]) Велльгаузенъ, „Prolegomena", стр. 305 и слѣд.

Народъ бросился на языческихъ жрецовъ и умертвилъ ихъ, послѣ чего пошелъ обильный дождь. Говорятъ, что послѣ этой побѣды надъ язычниками, Илія еще разъ удалился въ пустыню и тамъ, на горѣ Божіей Хоривѣ, „предсталъ передъ лицомъ Іеговы, который сказалъ ему: „И вотъ Господь пройдетъ, и большой и сильный вѣтеръ, раздирающій горы и сокрушающій скалы передъ Господомъ; но не въ вѣтрѣ Господь. Послѣ вѣтра землетрясеніе; но не въ землетрясеніи Господь. Послѣ землетрясенія огонь; но не въ огнѣ Господь. Послѣ огня вѣяніе тихаго вѣтра и тамъ Господь". Услышавъ сіе, Илія закрылъ лицо свое милотью своею и вышелъ, и сталъ у входа въ пещеру. И былъ къ нему голосъ, и сказалъ ему: „Что ты здѣсь, Илія?" Іегова повелѣлъ ему помазать Хазаила (Азаила) въ цари надъ Сиріей, Іиуя, сына Нимеи (Памессіи),—въ цари надъ Израилемъ, и Елисея, сына Сафатова, въ пророки вмѣсто себя, и сказалъ, что если „кто убѣжитъ отъ меча Азаилова, того умертвитъ Іиуй; а кто спасется отъ меча Іиуева, того умертвитъ Елисей" [1]). Конечно, такой пророкъ стоялъ выше общечеловѣческихъ законовъ: Илія не умеръ, но вознесся живымъ на небо въ огненной колесницѣ [2]). Такъ говоритъ преданіе, и самое преувеличеніе, которымъ отличается этотъ разсказъ, свидѣтельствуетъ о томъ сильномъ впечатлѣніи, которое великій пророкъ оставилъ по себѣ въ умахъ Израильскаго народа.

Этой первой попыткѣ измѣнить водворившійся въ Израилѣ порядокъ вещей не суждено было быть доведенной до конца; тѣмъ не менѣе, она была достаточно серьезна для того, чтобы присоединить еще религіозныя распри къ ужасамъ иноземной войны. Когда Венададъ I умеръ, и Ахавъ поспѣшилъ отказаться отъ своей вассальной зависимости, Венададъ II призвалъ своихъ остальныхъ вассаловъ и прямо пошелъ на Самарію. Ахавъ, осажденный въ своей столицѣ, просилъ мира на какихъ угодно условіяхъ. Но отвѣтъ былъ такъ оскорбителенъ, что евреи рѣшились на все, лишь бы только не принять предложенныхъ условій. Съ возвращеніемъ храбрости и счастье улыбнулось имъ. Разъ, среди бѣлаго дня, Венададъ былъ испуганъ неожиданной вылазкой осажденныхъ; паника распространилась по всему его лагерю, и армія его въ безпорядкѣ бѣжала до самой территоріи Дамаска.

[1]) „III Кн. Царствъ", XIX, 8—17.

[2]) „IV Кн. Царствъ", II, 1—12.

На слѣдующій же годъ она снова возвратилась въ землю Израиля, но не расположилась уже въ гористой мѣстности колѣна Ефремова, парализовавшей значеніе численности арміи, а помѣстилась въ Израильской долинѣ, около небольшого городка Афека. По и здѣсь она была также разбита, какъ и подъ стѣнами Самаріи, причемъ Венададъ былъ взятъ во время всеобщаго бѣгства его войскъ. Но, несмотря на это вторичное пораженіе, могущество Дамаска еще было настолько сильно, и взятіе царя такъ далеко отъ окончанія войны, что Ахавъ не посмѣлъ продолжать свои побѣды. Онъ привѣтствовалъ побѣжденнаго, „какъ брата", несмотря на ревностную оппозицію со стороны нѣкоторыхъ пророковъ и, заключивъ съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ, возвратилъ ему свободу. Израиль возвратилъ себѣ земли, утраченныя въ предыдущія царствованія, и евреи получили право занять въ Дамаскѣ отдѣльный кварталъ, что было какъ бы отвѣтомъ на прежній договоръ и отплатой за условія того мира, который былъ заключенъ между Амвріемъ и Венададомъ 1 мъ [1]).

Не успѣла окончиться война, какъ ассиріяне показались на берегахъ Оронта. Венададъ съ безпокойствомъ слѣдилъ за ихъ возрастающими успѣхами и приготовился дать имъ энергическій отпоръ. Онъ возобновилъ союзы съ Гаматомъ, Арадомъ и Финикіей, потребовалъ помощи у Израиля и арабовъ и навербовалъ союзниковъ даже въ Египтѣ и у аммонитянъ. Когда осенью 854 года Салманасаръ перешелъ Евфратъ, Венададъ храбро пошелъ навстрѣчу ассиріянамъ и далъ имъ битву при Каркарѣ [2]). Съ нимъ было двѣ тысячи колесницъ и десять тысячъ евреевъ, посланныхъ Ахавомъ; семьсотъ колесницъ, семьсотъ всадниковъ и десять тысячъ пѣхотинцевъ изъ Гамата; тысяча египетскихъ наемниковъ и тысяча аммонитянъ; все это, вмѣстѣ съ войсками его вассаловъ, составляло армію въ шестьдесятъ двѣ тысячи девятьсотъ пѣхотинцевъ, тысяча девятьсотъ всадниковъ и четыре тысячи восемьсотъ десять колесницъ; одинъ арабскій военачальникъ, по имени Джендибъ, привелъ съ собой отрядъ изъ тысячи боевыхъ верблюдовъ. Союзники проиграли битву: четырнадцать тысячъ погибли [3]); остальные бѣжали за Оронтъ. Тѣмъ не менѣе, битва отличалась такою ожесточенностью, что Салманасаръ пересталъ настаивать на покореніи Дамаска [1]). Въ слѣдующемъ году онъ уже не вернулся, отвлеченный дѣлами на юго-востокъ своей имперіи. Мардукшумизкуръ, царь Вавилона, обманутый и побѣжденный своимъ побочнымъ братомъ, Мардукбелусате, призвалъ на помощь царя Ассиріи. Салманасаръ опустошилъ въ первую же кампанію (852) округи, расположенные къ сѣверу отъ Дурпата, а въ слѣдующую разбилъ претендента на престолъ, убилъ его и, овладѣвъ Вавилономъ, Барсиппою и Кути, спустился въ приморскую Халдею [2]).

1) „Ш Кн. Царствъ", XX.

2) Каркаръ былъ расположенъ въ окрестностяхъ Гамата (Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 180).

3) По другому тексту 20,500.

Миръ между Ахавомъ и Венададомъ былъ непродолжителенъ. Говоря о возвращеніи еврейскихъ городовъ, въ переговорахъ забыли упомянуть о Рамоѳъ - Галаадѣ. А между тѣмъ это былъ весьма важный пунктъ: господствуя надъ лѣвымъ берегомъ Іордана, онъ угрожалъ въ одно и тоже время Израилю и Іудеѣ. Ахавъ хотѣлъ воспользоваться несчастнымъ исходомъ кампаніи противъ ассиріянъ, чтобы исправить результатъ своей забывчивости и вернуть Рамоѳъ-Галаадъ; но онъ сталъ искать союзниковъ, которые помогли бы ему въ этомъ предпріятіи. Въ Іерусалимѣ къ тому времени въ умахъ и политикѣ произошла большая перемѣна. Іоасафатъ (Іосафатъ), какъ и отецъ его Аса, былъ ревностнымъ почитателемъ Іеговы. Но религіозное благочестіе не закрывало ему глаза на политическія задачи его времени. Опытъ предшествовавшихъ царствованій доказалъ, какъ пагубно было соперничество между Израилемъ и Іудой. Во время гражданскихъ войнъ, которыя они вели между собою, моавитяне, аммонитяне, эдомскіе и филистимлянскіе вассалы отложились отъ своихъ верховныхъ повелителей, а Дамаскъ сдѣлался столицей могущественнаго государства и угрожалъ возстановить въ пользу Венадада монархію Давида. Опасеніе подвергнуться нападенію въ свою очередь, въ случаѣ, если бы израильскія племена были побѣждены, взяло верхъ надъ взаимными распрями пророковъ Іеговы, которымъ ненависть къ Ваалу закрыла глаза на опасное положеніе отечества. Іосафатъ убѣдился въ необходимости покончить съ раздорами и

1) Опперть, „Histoire", стр. 111—119; 136—142; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. II, стр. 102—103; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 193—200; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 99, 112—113.

2) Опперть, „Histoire", стр. 112; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. II, стр. 102; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 99—100, 114.

соединить всѣ силы націи противъ сирійцевъ. Онъ женилъ своего сына, Іоарама, на Аталіи, дочери израильскаго [1]) царя, и когда Ахавъ пришелъ просить у него помощи въ предпріятіи противъ Рамоѳъ-Галаада, согласился сопровождать его въ этомъ походѣ [2]). Въ первый разъ за цѣлое столѣтіе іудейская армія вступила безъ враждебныхъ намѣреній на территорію колѣна Ефремова и стала съ нимъ подъ однимъ общимъ знаменемъ.

Іосафатъ съ самаго же начала своего царствованія выказалъ себя дѣятельнымъ и воинственнымъ: онъ совершилъ нѣсколько счастливыхъ экспедицій противъ своихъ южныхъ сосѣдей, что укрѣпило его власть надъ Эдомомъ [3]). Но всѣ его достоинства не помогли ему устоять передъ удачей Венадада. Онъ едва не былъ взятъ въ плѣнъ въ битвѣ подъ стѣнами Рамоѳъ-Галаада, а его армія была наполовину уничтожена. Ахавъ, смертельно раненный стрѣлою раннимъ утромъ, храбро оставался весь день на своемъ посту, но къ вечеру онъ скончался отъ истощенія силъ, а воины его, охваченные паникой, разбрелись во всѣ стороны. Ахазія увезъ тѣло своего отца въ Самарію; Іосафатъ бѣжалъ въ Іерусалимъ [4]), и Венададу, казалось, оставалось только двинуться впередъ, чтобы безъ всякихъ усилій завладѣть Израилемъ и Іудеей (851). Вмѣшательство ассиріянъ спасло евреевъ отъ неминуемаго паденія. Царь Дамаска, отозванный на сѣверъ, нашелъ Салманасара повелителемъ всей страны, отъ Евфрата до Оронта, и потерпѣлъ полное пораженіе; несмотря; на помощь Гамата и Финикіи, онъ былъ разбитъ еще разъ въ 850 г. и еще разъ годъ спустя. Онъ потерялъ десять тысячъ воиновъ; часть его колесницъ и военныхъ припасовъ остались на полѣ битвы. Но всегда побѣдоносные ассиріяне были все-таки слишкомъ ослаблены дорого стоившей побѣдой, чтобы ею воспользоваться надлежащимъ образомъ. Слѣдующіе два года они употребили на подчиненіе нѣсколькихъ племенъ въ Арменіи и Мидіи и только въ 846 г., съ обыкновенно имъ присущимъ успѣхомъ, возвратились къ своей задачѣ [5]). Венададъ былъ побѣжденъ еще разъ, но не дозволилъ

[1]) Сравн. „Ш Кн. Царствъ", VIII, 18, съ той же „Кн. Царствъ", VIII, 26.
[2]) „Ш Кн. Царствъ", XXII, 1—19; II Паралипоменонъ, XVIII, 1—27.
[3]) „II Кн. Паралипоменонъ", XVII.
[4]) „Ш Кн. Царствъ", XXII, 20—29; „II Паралипоменонъ", XVIII, 28—34.
[5]) „Оппертъ, Histoire", стр. 112, 120; Ж. Мenанъ, „Annales", стр. 100—114; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 200—205.

непріятелю затронуть свое государство; едва освободившись отъ своихъ противниковъ, онъ сейчасъ же пошелъ на евреевъ.

Онъ нашелъ ихъ оправившимися отъ пораженій. Царствованіе Ахазіи было очень кратковременно, но братъ его, Іорамъ, чувствовалъ себя настолько сильнымъ, что началъ подумывать о завоеваніяхъ. Послѣ битвы при Рамоѳѣ Галаадскомъ, Меса, царь моавитскій, возсталъ и отказался давать дань, которую народъ его уже сорокъ лѣтъ платилъ израильскимъ царямъ [1]).

Походы его были очень удачны. Онъ взялъ Медебу, Нэбо, Атаротъ, издавна принадлежавшій колѣну Гадову, и Горонаимъ; перебивъ или обративъ въ рабство еврейское населеніе этихъ городовъ, онъ населилъ ихъ моавитскими колонистами, послѣ чего укрѣпилъ многіе города, начиная съ Дибона, своей столицы [2]). События показали, что эти мѣры предосторожности были не излишни. Не чувствуя себя въ силахъ одному справиться съ бунтовщиками, Іорамъ призвалъ на помощь Іосафа. Такъ какъ оба союзника не рѣшались направить свои военныя силы на сѣверъ, изъ опасенія передъ сирійскими гарнизонами, расположенными въ Галаадѣ, они сдѣлали нападеніе на страну къ югу отъ Мертваго моря и осадили столицу моавитянъ. Не смотря на нѣсколько одержанныхъ побѣдъ, походъ не удался. Меса, преслѣдуемый по пятамъ, отчаявшись въ человѣческихъ силахъ, прибѣгнулъ къ самому высшему средству, какими только располагаетъ религія въ такихъ случаяхъ: онъ принесъ въ жертву богу Камосу своего собственнаго сына и сжегъ его на стѣнѣ, въ виду непріятельскаго лагеря. При видѣ дыма, подымавшагося отъ жертвоприношенія, израильтяне, видя въ этомъ признакъ безсилія Іеговы, были охвачены ужасомъ и удалились. Правду сказать, вторженіе Венадада способствовало отчасти торжеству моавитянъ. Сирійскія войска напали на колѣно Ефремово и поднялись до Самаріи: городъ крѣпко держался, и Венададъ, потерявъ надежду взять его, снялъ осаду въ тотъ самый моментъ, когда голодъ довелъ осажденныхъ до послѣдней крайности. Ему не суждено было болѣе войти въ землю Израильскую. Больной и уже почти умирающій, онъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ офицеровъ, Азаиломъ, кото-

[1]) Эти факты извѣстны намъ, благодаря знаменитому памятнику Дибана, который открытъ въ 1869 г. Клермономъ-Гано и обломки котораго хранятся въ Луврскомъ музеѣ.
[2]) „IV Кн. Царствъ", III, 4—27.

рый объявилъ себя царемъ вмѣсто него [1]). Царствованіе послѣдняго продолжалось около тридцати лѣтъ и не безъ славы. Онъ заключилъ тѣсный союзъ съ Гаматомъ и Финикіей, господствовалъ надъ тридцатью двумя вассальными царями и храбро сопротивлялся ассиріянамъ; онъ пытался завоевать всю Палестину; но не успѣвъ въ этомъ, подчинилъ себѣ по крайней мѣрѣ почти всю страну Галаадскую, между Хораномъ и моавитской границей. Дамаскъ въ его рукахъ обратился въ настоящую столицу и сдѣлался оплотомъ Сиріи.

Азаилъ не оказался недостойнымъ того высокаго положенія, котораго онъ достигъ помощью преступленія. Онъ подчинилъ себѣ оба склона Антиливана и большую часть Сѣверной Сиріи; когда же Іорамъ и Ахазія возобновили попытку противъ Рамооа Галаадскаго, такъ пагубно окончившуюся для ихъ предшественниковъ за нѣсколько лѣтъ передъ этимъ, то они потерпѣли такую же неудачу, какую нѣкогда имѣли Ахава и Іосафатъ [2]). Вскорѣ послѣ этого Салманасаръ, побѣдившій племена Верхняго Евфрата (845), совершившій походъ на Мидійское плоскогоріе (844) и окончившій войну съ народами Аманоса (843), снова началъ враждебныя дѣйствія противъ Арама. Азаилъ ожидалъ его въ старательно выбранной позиціи, но былъ побѣжденъ. Это была самая кровавая битва изъ всѣхъ когда-либо данныхъ ассиріянами и имѣла рѣшающее значеніе. Азаилъ потерялъ шестнадцать тысячъ пѣхотинцевъ, четыреста семьдесятъ всадниковъ и тысячу сто одну колесницу; Дамаскъ, осажденный непріятелемъ, избѣжалъ ярости побѣдителей, но ассирійскіе передовые отряды проникли въ горы Хорана, грабя и сожигая все на своемъ пути. Цари Сидона и Тира, опасаясь подобной же участи для своихъ государствъ, поспѣшили признать власть побѣдителя. Израильскій царь Іиуй послалъ въ качествѣ дани слитки золота и серебра, блюда, кубки и золотую посуду, скипетры и оружіе; этимъ было положено начало сношеній между еврейскимъ народомъ и Ассиріей (842) [3]).

Въ продолженіе этихъ нѣсколькихъ мѣсяцевъ оба государства были потрясены кровавыми революціями. Пророки никогда не

[1]) „IV Кн. Царствъ“, VI, 8; VIII, 15.
[2]) „IV Кн. Царствъ“, VIII, 28-29.
[3]) Оппертъ, „Histoire“, стр. 113, 118; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, стр. 104—106; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 206-211; Ж. Менанъ, „Annales“, стр. 100, 115—116.

могли простить дому Амврія допущенія въ страну финикійскаго культа. Еще Илія подумывалъ свергнуть съ престола Ахава и посадить на его мѣсто Іиуя [1]); Елисей, любимый ученикъ и преемникъ Иліи, исполнилъ намѣреніе своего учителя. Іорамъ былъ раненъ подъ Рамооомъ и удалился для излѣченія въ Іезреельскій дворецъ, находившійся вдалекѣ отъ его столицы и арміи. Одинъ изъ учениковъ Елисея отправился въ лагерь, въ Рамооъ, и, придя туда, увидѣлъ, что „сидятъ военачальники; и сказалъ: у меня слово до тебя, военачальникъ. И сказалъ Іиуй: до кого изъ всѣхъ насъ? И сказалъ онъ: до тебя, военачальникъ. И всталъ онъ, и вошелъ въ домъ. И отрокъ вылилъ елей на голову его“, передалъ ему повелѣніе истребить домъ Ахава и скрылся. „И вышелъ Іиуй къ слугамъ господина своего, и сказали ему: съ миромъ ли? Зачѣмъ приходилъ этотъ неистовый къ тебѣ?“ Онъ имъ отвѣтилъ: „вы знаете этого человѣка, и что онъ говоритъ“. Но они сказали: „не знаемъ скажи намъ“. Тогда онъ сказалъ: „то и то онъ сказалъ мнѣ, говоря: такъ говоритъ Господь: помазую тебя въ царя надъ Израилемъ“. И поспѣшили они, и взяли каждый одежду свою, и подостлали ему на самыхъ ступеняхъ, и затрубили трубою, и сказали: воцарился Іиуй!“ Ахазія, царь іудейскій, явился навѣстить своего дядю и бабушку свою, Іезавель. Когда часовой извѣстилъ о приближеніи арміи, оба царя, вмѣсто того, чтобы обратиться въ бѣгство, взошли на колесницы и отправились ей навстрѣчу. Іиуй пронзилъ стрѣлою Іорама и велѣлъ своей стражѣ убить Ахазію, который пытался спастись бѣгствомъ.

Узнавъ объ убійствѣ и приближеніи убійцы, престарѣлая Іезавель порѣшила умереть, какъ подобаетъ царицѣ: „она нарумянила лицо свое и украсила голову свою и глядѣла въ окно. Когда Іиуй вошелъ въ ворота, она сказала: миръ ли Замврію, убійцѣ государя своего? И поднялъ лицо свое къ окну и сказалъ: кто со мною, кто? И выглянули къ нему два, три евнуха. И сказалъ онъ: выбросите ее. И выбросили ее. И брызнула кровь ея на стѣну, и на коней, и растоптали ее“. Оставались еще князья изъ дома Ахава, которыхъ преданіе насчитываетъ семьдесятъ; Іиуй велѣлъ прислать къ себѣ ихъ головы изъ Самаріи и сложить ихъ въ двѣ кучи у дверей Іезреельскаго дворца. Іудейскіе князья, пришедшіе на помощь къ Ахазіи, были также убиты на дорогѣ;

[1]) „III Кн. Царствъ“, XIX, 16.

поклонники и жрецы Ваала, измѣннически завлеченные въ храмъ, были всѣ до одного перерѣзаны, и культъ Іеговы воцарился въ Израилѣ. Отраженіе этой революціи дало себя неожиданно почувствовать и въ Іерусалимѣ. Аталія, дочь Іезавели и мать Ахазіи, видя истребленіе почти всего царскаго дома, велѣла умертвить всѣхъ оставшихся въ живыхъ потомковъ Іосафа, но одинъ ребенокъ, Іоасъ, былъ спасенъ главнымъ священникомъ. Окончивъ избіеніе и захвативъ власть въ свои руки, Аталія окружила себя финикійской гвардіей и стала открыто исповѣдывать культъ своего Ваала. Итакъ, преступленіе Іиуя дало слѣдующій поразительный результатъ: возстановивъ національную религію среди Израиля, оно ниспровергло ее въ Іудеѣ, благодаря чему Іегова царилъ въ Самаріи, а Ваалъ—въ Іерусалимѣ [1]).

Преобразованіе Іиуя мало подвинуло впередъ дѣла евреевъ: Азаилъ все продолжалъ угрожать имъ. Черезъ два года послѣ своего перваго пораженія, въ 840 г., онъ снова напалъ на ассиріянъ, но безуспѣшно: онъ потерялъ нѣсколько крѣпостей и заплатилъ дань такъ же, какъ и цари Тира, Сидона и Гебела [2]). Это была его послѣдняя попытка сопротивленія противъ Салманасара: вмѣсто того, чтобы еще подвергаться неизбѣжнымъ пораженіямъ, онъ предпочелъ покорностью купить себѣ право спокойно продолжать свои посягательства на израильтянъ. Вопреки ожиданію, они удались ему какъ нельзя лучше: Іиуй, бывшій болѣе искуснымъ убійцей, чѣмъ военачальникомъ, былъ побѣжденъ „во всемъ предѣлѣ Израилевомъ“. Азаилъ поразилъ „на востокъ отъ Іордана всю землю Галаадъ, колѣно Гадово, Рувимово, Манасіино, начиная отъ Ароера, при потокѣ Арнонѣ, и Галаадъ, и Васанъ“ [3]). Дамаскъ, униженный на сѣверѣ ассиріянами, былъ еще достаточно силенъ, чтобы въ свою очередь унизить евреевъ на югѣ. Но его силы не соотвѣтствовали уже честолюбію его правителей: обезсиленный безпрерывными войнами, онъ, при малѣйшемъ серьезномъ толчкѣ, грозилъ рухнуть самъ собою. Если среди всеобщаго безсилія, онъ былъ еще оплотомъ Сиріи, то, во всякомъ случаѣ, оплотомъ сильно расшатаннымъ и наполовину разрушеннымъ.

Съ побѣдою надъ Дамаскомъ главное дѣло Салманасара было

[1]) „II Кн. Царствъ“, IX—XI, 2.

[2]) Оппертъ, „Histoire“, стр. 121; Менанъ, „Annales“, стр. 101.

[3]) „II Кн. Царствъ“, X, 32—33.

окончено. Его отецъ завоевалъ Сѣверную Сирію; онъ сдѣлалъ еще одинъ шагъ впередъ по направленію къ Египту, побѣдивъ царства Центральной Сиріи. Остальная часть его царствованія почти вся ушла на походы противъ народовъ сѣвера и востока. Послѣ двухъ лѣтъ войны онъ владѣлъ обоими склонами Аманоса и плоской Киликіей; даже Тарзи (Тарсъ) перешелъ въ его руки (831). Страны Урарту и Ванъ въ Арменіи три года сопротивлялись ему и въ концѣ концовъ сдались въ свою очередь [1]). Но годы шли своимъ чередомъ, а съ ними появились и немощи: старый царь, обезсиленный столькими войнами, долженъ былъ покинуть лагерную жизнь и передать управленіе своимъ военачальникамъ. Его старшій сынъ, Ассурданипалъ, нашелъ, что онъ слишкомъ зажился, и поднялъ противъ него половину его имперіи. Ассуръ, Амидъ, Арбелссъ и двадцать четыре другихъ города приняли участіе въ бунтѣ, но Калахъ и Ниневія остались вѣрны своему государю. Салманасаръ отрекся отъ престола въ пользу своего второго сына, Самсирамана. Менѣе чѣмъ черезъ четыре года мятежъ былъ подавленъ, Ассурданипалъ убитъ, и Салманасаръ могъ, по крайней мѣрѣ, мирно отойти въ вѣчность послѣ тридцатипятилѣтняго царствованія (825) [2]).

Временный упадокъ ассирійской имперіи; израильскіе пророки и Іеровоамъ II; Тугултипалесарра II; паденіе Дамаска.

Со смертью Салманасара военное могущество Ассиріи еще продолжалось нѣкоторое время. Самсираманъ IV (Самсонъ) (824—812), благодаря неоднократнымъ экспедиціямъ, покорилъ племена Наири и завоевалъ Мидію до страны Парсуа, [3]) расположенной

[1]) Ж. Менанъ, „Annales“, стр. 101—104.

[2]) Оппертъ, „Histoire“, стр. 122; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 109—110; Фр. Ленорманъ, „Histoire“, т. II, стр. 73; Ж. Менанъ, „Annales“, 118—120; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 211—217.

[3]) Это былъ, по мнѣнію Шрадера (Kelinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 173), гористый округъ, граничившій съ Мидіей; Сейсъ, по свидѣтельству надписи Вана („The Decypherment of the Vannic Inscriptions“ въ „Verhandlungen des V internationalen Orientalisten-Kongresses zu Berlin“, часть 2-я, 1-я половина, стр. 310), утверждаетъ, что Парсуа находилась на лѣвомъ берегу озера Урумійеха.

на берегахъ озера Урумійеха. Мардукбалатсуикби (Мардук-балат-ирибъ), самый могущественный изъ тогдашнихъ царей Сѣверной Халдеи, не могъ противостоять Ассиріи, несмотря на поддержку Элама и арамеянъ; въ сраженіи при Дабанѣ (819) онъ потерялъ семь тысячъ воиновъ, двѣсти колесницъ, вмѣстѣ съ царскимъ знаменемъ и имуществомъ. Но эта побѣда не имѣла рѣшающаго значенія такъ же, какъ и двѣ другія экспедиціи, направленныя въ 812 и 811 году противъ Вавилона. Но она, по крайней мѣрѣ, подготовила почву для Раманирари III (812—784), подчинившаго себѣ халдейскихъ царей. Раманнирари III (Бин-нирари II) отличался такимъ же дѣятельнымъ характеромъ, какъ его отецъ и дѣдъ: каждый годъ его царствованія отмѣченъ побѣдоноснымъ походомъ. Онъ семь разъ проникалъ въ Мидію, два раза дѣлалъ нападенія на страну Манна [1]) и три раза на Сирію. Когда Маріа, царь дамасскій, одинъ изъ преемниковъ Венадада III, возсталъ, Романнирари осадилъ его резеденцію и взялъ ее. Быстрота, съ какой были усмирены бунтовщики, помѣшала другимъ царямъ Сиріи послѣдовать примѣру Маріа: Финикія, Израиль, Эдомъ и филистимляне не осмѣливались бунтовать въ продолженіе всего его царствованія [2]). Ассирійская монархія занимала тогда большую часть западной Азіи, ея вассальныя земли доходили съ одной стороны до Персидскаго залива и Элама, съ другой до Краснаго моря и Египта. На востокѣ она господствовала надъ гористыми округами, въ которыхъ берутъ свое начало притоки Тигра. Въ Арменіи, со времень Тугултиналессары I-го, успѣхи ассиріянъ были невелики; они заняли страну по берегамъ озера Вана, у истоковъ Тигра, но за этими предѣлами характеръ поверхности страны и храбрость жителей не давали возможности дѣлать прочныя завоеванія. Месопотамія, Халдея, Сѣверная Сирія признавали верховную власть Ассура; Салманасаръ и его преемники перешли даже за предѣлы Тавра и Аманоса; табулы, жители равнинъ Киликіи и Каппадокіи находились у нихъ въ по-

[1]) По мнѣнію Сейса, Манна, все же на основаніи надписей Вана, лежала между областями Ванъ и Парсуа (loc. lau).

[2]) Одна изъ женъ Раманнирари называлась Саммурамитъ. Такъ какъ имя это составляетъ первообразъ, отъ котораго произошло имя Семирамиды, то въ женѣ Романнирари нѣкоторые видѣли Семирамиду Геродота, жившую за полтора вѣка до Набонолассара и украсившую Вавилонъ. Послѣдняя же Семирамида считалась прототипомъ легендарной Семирамиды. Обѣ эти гипотезы не всѣми признаны.

виновеніи. Сирійскій берегъ отъ устьевъ Оронта до Газы и всѣ внутреннія царства, заключавшіяся между моремъ и пустыней, перешли въ зависимость Ниниви [1]). Къ царю Ассиріи можно было уже примѣнить слова еврейскаго пророка: онъ былъ „кедръ на Ливанѣ,—высота его превысила всѣ дерева полевыя. На сучьяхъ его вили гнѣзда всякія птицы небесныя, подъ вѣтвями его выводили дѣтей всякіе звѣри полевые, и подъ тѣнью его жили всякіе многочисленные народы" [2]).

Достигнувъ такой степени славы и могущества, ассирійская имперія вдругъ пошатнулась. Салманасаръ IV (784—773) все свое царствованіе провелъ въ безуспѣшной войнѣ съ Арменіей и Мидіей, и послѣ одной экспедиціи противъ Дамаска (772) принужденъ былъ покинуть Сирію. При Ассурданѣ II-мъ (773—756) возмущенія происходили уже не только среди недавно присоединенныхъ вассаловъ, но разражались у самыхъ воротъ Ниниви, въ странѣ Арракѣ и городѣ Гозанѣ. Воинственный духъ ослабѣвалъ; государи уже не предводительствовали самолично своими войсками и часто вовсе отказывались отъ войны. Тогда какъ Ассурназирпалъ, Салманасаръ III, Самсираманъ и Раманнирари отмѣчали каждый годъ своего царствованія какой-нибудь удачной экспедиціей, Ассурданъ II-й изъ восемнадцати лѣтъ своего царствованія девять лѣтъ провелъ въ мирѣ. При Ассурнирари II (752—745) было еще хуже въ этомъ отношеніи: за восемь лѣтъ было только два похода, оба на страну Намри, находившуюся всего въ нѣсколькихъ дняхъ пути отъ столицы [3]). Классическія преданія относятъ къ этой эпохѣ первое разрушеніе Ниниви. Не зная именъ великихъ царей предшествовавшаго столѣтія, они выводятъ вмѣсто нихъ цѣлый рядъ царей—тунеядцевъ, которыхъ они производили отъ Нина и Семирамиды. О Сарданапалѣ, послѣднемъ изъ нихъ, они говорятъ, что онъ проводилъ всю жизнь въ гаремѣ, окруженный женщинами, одѣтый въ женское платье и занимаясь женскими работами. Когда двое изъ вассаль-

[1]) Относительно предѣловъ Ассиріи при Раманнирари, см. очень вѣрныя замѣчанія Делаттра, въ его „Esquiese de géographie assyrienne" извлеченіе изъ „Revue des questions historiques", стр. 22—29) и „Le Peuple et l'empire des Mèdes", стр. 74—84.

[2]) „Кн. пророка Іезекиля", XXXI, 3—6.

[3]) Оппертъ, „Histoire", стр. 122—139; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", т. II, стр. 110—127; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 119—134.

ныхъ князей, Арбакесъ мидійскій и Белезисъ вавилонскій, увидѣвши царя за такимъ время препровожденіемъ, возмутились противъ него, предстоящая опасность пробудила въ Сарданапалѣ военную доблесть, свойственную его расѣ; онъ сталъ во главѣ оставшейся въ его распоряженіи арміи, разбилъ нѣсколько разъ мятежниковъ и собирался уже захватить ихъ, какъ вдругъ отряды, шедшіе изъ бактріи къ нему на помощь, измѣнили ему и передались на сторону непріятеля. Онъ заперся въ Нинивіи и два года выдерживалъ осаду, но на третій годъ, Тиръ, вслѣдствіе дождей, вышелъ изъ береговъ и подмылъ городскія стѣны на протяженіи двадцати стадій. Тогда царь вспомнилъ предсказаніе оракула, обѣщавшаго ему побѣду до того дня, пока рѣка не обратится противъ него. Не желая попасться живымъ въ руки своихъ мятежныхъ подданныхъ, онъ сжегъ себя во дворцѣ со всѣми своими сокровищами и женами. Исторію этого перваго разрушенія Нинивіи можно отнести къ области сказокъ: но памятники доказываютъ намъ, что въ промежутокъ времени, продолжавшійся приблизительно тридцать лѣтъ, между царствованіемъ Романнирари II-го и Тугулгипалесарры II-го, могущество Ассиріи пало почти такъ же быстро, какъ и возвысилось [1]).

Этотъ временный упадокъ ассирійской монархіи далъ возможность воспрянуть народамъ Сиріи, которые не сумѣли однако воспользоваться своимъ освобожденіемъ и продолжали взаимно терзать другъ друга, все глубже и глубже погружаясь въ гражданскія войны. Аталія хотѣла уничтожить домъ Іосафата и оффиціально возстановить въ Іудеѣ культъ Ваала, но она не успѣла ни въ одномъ, ни въ другомъ своемъ предпріятіи. Главный священникъ, Іодай, спасъ отъ смерти Іоаса, ребенка Ахазіи, и тайно воспиталъ его въ храмѣ. Сословіе священниковъ получило къ этому времени большое значеніе. Осыпаемое почестями при Асѣ и Іосафатѣ, терпимое и утвержденное въ своихъ владѣніяхъ ихъ преемниками, оно сумѣло пріобрѣсть довѣріе народа и стало вмѣшиваться въ политику. Іодай подкупилъ начальниковъ царской стражи и другихъ военачальниковъ, открылъ имъ тайну существованія Іоаса и провозгласилъ его царемъ. Прибѣжавшая на шумъ Аталія была убита; Матѳанъ, верховный жрецъ Ваала, подвергся

[1]) Относительно легенды о Сарданапалѣ, см. Ктезія „Fragments", изд. Дидо, стр. 39–41; сравн. Діодоръ, II, 23—28; Атеней, XII, 7 и т. д.

подвергся той же участи [1]). Іодай объявилъ себя опекуномъ новаго царя, которому не было еще и семи лѣтъ. Царствованіе это было царствованіемъ священниковъ. Они захватили въ свои руки управленіе имуществомъ храма и, воспользовавшись своей властью, безцеремонно присвоили себѣ часть священныхъ доховъ; ихъ злоупотребленія получили такую сильную огласку, что Іоасъ принужденъ былъ отнять у Іодая и первосвященниковъ право свободно распоряжаться имуществами храма. Израиль находился еще въ худшемъ положеніи, чѣмъ Іудея. Посредственный военачальникъ и еще болѣе посредственный политикъ, Іиуй не сумѣлъ помѣшать Азаилу безпрепятственно и побѣдоносно пройти по всему царству Самарійскому. Сирійскій царь проникъ до Гаѳа на филистимлянской границѣ, и „вознамѣрился итти на Іерусалимъ". Іоасъ откупился отъ войны: онъ взялъ все пожертвованное храму предками его, Іосафатомъ, Іорамомъ и Ахазіей, и „все золото, найденное въ сокровищницахъ дома Господня и царскаго дворца", и послалъ Азаилу, который вслѣдъ затѣмъ отступилъ отъ Іерусалима [2]). Бѣдствія превысили всякую мѣру при сынѣ Іиуя. „Іоасъ дѣлалъ неугодное въ очахъ Господнихъ. И воспылалъ гнѣвъ Господа на Израиля, и Онъ предавалъ ихъ въ руку Азаила, царя Сирійскаго, и въ руку Венадада, сына Азаилова, во всѣ дни [3]). Іоасъ, освободившись отъ нападеній извнѣ, благодаря отступленію сирійцевъ, и отъ давно тяготившаго его авторитета своего учителя, благодаря смерти Іодая,—попытался отдѣлаться и отъ власти священниковъ. Но онъ не успѣлъ и въ этомъ, а возбудилъ ненависть къ себѣ и былъ убитъ во время сна. Его сынъ Амасія похоронилъ его въ усыпальницѣ царей и отомстилъ убійцамъ за смерть отца съ рѣдкимъ для того времени великодушіемъ: онъ „дѣтей убійцъ не умертвилъ" [4]). За два года передъ этимъ умеръ Іохазъ, царь Израиля, оставивъ сыну своему истощенную казну, безсильную армію и почти на половину уменьшенное государство [5]).

Всѣ эти бѣдствія, наносившія ударъ за ударомъ, сильно повліяли на умы народа. Въ довершеніе ихъ явились голодъ, за-

[1]) II Кн. Царствъ" XI; сравн. Велльгаузенъ, „Prolegomena", стр. 203—208.
[2]) „II Кн. Царствъ", XII, 17—18.
[3]) Тамъ же, XIII, 1—8.
[4]) „IV Кн. Царствъ", XIV, 5—6.
[5]) „IV Кн. Царствъ", XIII, 9–10, XIV, 1.

суха и моровая язва [1]), внезапное ассирійское нашествіе переполнило чашу страданій. Со времени утвержденія царской власти въ Изралѣ, евреи и окружавшія ихъ мелкія государства, Моавъ, Аммонъ, Газа, Тиръ и даже Дамаскъ, не менѣе обезсиленныя, чѣмъ они сами, составляли какъ бы отдѣльный мірокъ, въ которомъ происходили вѣчныя распри изъ-за безвѣстныхъ городковъ и полуразоренныхъ областей. До сихъ поръ они разъ только, именно во время Шешонка, почувствовали надъ собою тяжесть иноземнаго ига, наложеннаго на нихъ одной изъ великихъ монархій Востока; но это было одинъ разъ только. Появленіе на исторической аренѣ новаго народа, еще болѣе свирѣпаго и воинственнаго, чѣмъ египтяне, обратило ихъ къ сознанію собственной слабости и заставило призадуматься о силѣ своего національнаго бога передъ богами своихъ побѣдителей. Конечно, въ эту эпоху суевѣрной глубокой вѣры не могло быть и рѣчи о положительномъ невѣріи и полномъ отрицаніи божества, но у многихъ невольно явилась мысль, дѣйствительно ли Іегова такъ могуществень, какимъ его считали до сего времени. Боги Дамаска и Ассура, разгромившіе Геѳъ, Калне и Гамаѳъ [2]); боги Тира и Сидона, отдавшіе въ руки финикіянъ торговлю всего міра, даже боги моавитянъ и аммонитянъ,—не были ли они выше того бога, который оказывался всегда побѣждаемымъ, несмотря ни на какія его обѣщанія? Израиль обратился къ поклоненію чужимъ богамъ съ невиданной до того времени ревностью; онъ преклонялся передъ всѣми силами неба, толпился вокругъ алтарей Кевана и звѣзды Эла, проникалъ въ ставки царя боговъ [3]). Іегова ничего не потерялъ отъ прибавленія новыхъ боговъ; напротивъ, народъ удвоилъ свое вниманіе къ нему, и цари слѣдовали примѣру народа. Чаще чѣмъ когда бы то ни было, совершались путешествія на богомолье въ Веѳиль, Гилгалъ, Миспу, Пнуэль (Фанулъ) и Вирсавію; каждое утро приносились жертвы, каждые три дня взималась десятина, и добровольныя дароприношенія стекались со всѣхъ сторонъ [4]). Но къ этому культу національнаго бога примѣшивалась масса обрядовъ, бывшихъ въ употребленіи въ культѣ другихъ боговъ и считавшихся пріятными Іеговѣ. Ахазія, царь іудейскій, воздвигъ въ іерусалимскомъ

1) „Кн. пророка Амоса“, 4—11.
2) Ibid., VI, 1—2.
3) „Кн. пророка Амоса“, V, 25—27.
4) Ibid., IV, 4—5; V, 4—6.

храмѣ жертвенникъ на подобіе тѣхъ, какіе онъ видѣлъ въ Дамаскѣ [1]). Посты и всенародное покаяніе въ грѣхахъ, а также жертвы всесожженія, получили громадное распространеніе [2]). Сирійскіе боги требовали принесенія себѣ въ жертву перворожденныхъ: Ахазія прибѣгъ къ этому средству, сослужившему такую службу Месѣ во время его борьбы съ Израилемъ, и сжегъ собственнаго сына въ честь Іеговы [3]). Обычай сожигать своихъ дѣтей до того распространился въ Іерусалимѣ, что у самыхъ ступеней храма было отведено особое мѣсто, на которомъ совершались эти ужасныя жертвы [4]). Вліяніе оффиціальнаго духовенства и коллегіи священниковъ только выиграло отъ усиленія религіозной ревности. Мы уже видѣли, какую преобладающую роль игралъ Іодай въ заговорѣ и возмущеніи противъ Аталіи, а между тѣмъ первосвященникъ былъ только скромнымъ служителемъ царя, и ему пришлось поплатиться за то, что онъ забылъ объ этомъ, когда Іоасъ достигъ совершеннаго возраста. Въ сѣверномъ еврейскомъ государствѣ дворцовыя революціи, иноземныя войны, узурпаціи и, въ особенности, одновременное существованіе нѣсколькихъ одинаково знаменитыхъ храмовъ лишали высшее духовенство возможности прочно утвердить свою власть. Но въ южномъ государствѣ, менѣе обширномъ и болѣе защищенномъ отъ внѣшнихъ нападеній, оно вскорѣ достигло необыкновеннаго и прочно обоснованнаго могущества. Какъ и всѣ вліятельныя корпораціи, оно стремилось образовать изъ себя замкнутую касту, въ которую принимались только потомки семействъ, издавна обрекшихъ себя на служеніе богамъ и принадлежавшихъ къ племени, которое упоминалось въ легендахъ на-ряду съ остальными двѣнадцатью колѣнами Израиля и которое производилось прямо отъ Леви, сына Іакова. Народъ израильскій вздумалъ протестовать противъ этой централизаціи культа и противъ бывшаго причиной его единства главнаго святилища. Къ концу девятаго вѣка было обнародовано гражданское уложеніе, извѣстное подъ именемъ Книги Завѣта [5]). Изложенныя въ немъ правила морали и жизненнаго обихода были въ ходу въ обоихъ

1) „III Кн. Царствъ“, XVI, 10—16.
2) „III Кн. Царствъ“, XXI, 9, 27—29.
3) „IV Кн. Царствъ“, XVI, 3.
4) „Кн. прор. Іеремія“, VII, 31 и слѣд.
5) „Исходъ“, XX, 23—XXIII, 30, гдѣ о Книгѣ Завѣта говорится какъ о словахъ самого Бога, обращенныхъ къ Моисею на горѣ Синайской.

царствахъ и представляютъ, вѣроятно, сводъ законовъ, бывшихъ въ употребленіи въ ту эпоху, но начальныя строки его направлены прямо противъ принципа единаго іерусалимскаго храма, который они осуждаютъ. „Сдѣлай мнѣ жертвенникъ на земли“, говорится въ нихъ, „и приноси на немъ всесожженія твои, овецъ твоихъ и воловъ твоихъ; на всякомъ мѣстѣ, гдѣ я положу память имени Моего, Я прійду къ тебѣ, и благословлю тебя. Если ты будешь дѣлать мнѣ жертвенникъ изъ камней, то не сооружай его изъ тесаныхъ. Ибо какъ скоро наложишь на нихъ тесло твое, то осквернишь ихъ. И не всходи по ступенямъ къ жертвеннику Моему, дабы не открылась при немъ нагота твоя“ [1]). Патріархи и родоначальники еврейскаго народа поклонялись Богу подъ открытымъ небомъ, передъ грубыми небольшими жертвенниками и неотесанными камнями, и уложеніе указываетъ, что слѣдовало бы подражать имъ, а не священникамъ Іудеи. Сверхъ того, увеличеніе числа алтарей не умножало ли число связей, соединяющихъ Іегову съ его дѣтьми?

Между тѣмъ, ни поклоненіе иноземнымъ богамъ, ни весь блескъ національнаго культа, ни развитіе сословія іудейскихъ священниковъ ни мало не способствовали уменьшенію народныхъ бѣдствій. Цари Дамаска и Ассура продолжали побѣждать и процвѣтать, а цари израильскіе и іудейскіе были вѣчно побѣждаемы и гибли. Пророки совершенно иначе освѣтили эту неизмѣнность тяжелыхъ испытаній, выпавшихъ на долю Израиля, чѣмъ это дѣлали священники: они видѣли въ ней доказательство величія Іеговы и новое основаніе необходимости исключительнаго поклоненія ему. Простой народъ, признавая національнаго бога Израиля, допускалъ существованіе и чужихъ боговъ; въ этомъ-то, какъ утверждали пророки, и коренилась причина гнѣва Іеговы на свой народъ. Боги иноземцевъ, говорили они, не только не боги, но ихъ нѣтъ вовсе; они не только безсильны и смѣшны, но и существуютъ только въ воображеніи людей. Одинъ Іегова — единственный Богъ: онъ есть, и нѣтъ никого, кромѣ него; онъ создалъ міръ изъ ничего и охраняетъ его. Онъ можетъ, если захочетъ, оказать особое покровительство одному изъ многочисленныхъ человѣческихъ родовъ, которыми онъ населилъ землю, но для него они всѣ равны. „Не таковы ли, какъ сыны Эѳіоплянъ, и вы для Меня, дѣти Израилевы? говоритъ Господь. Не Я ли вывелъ Израиля

[1]) „Исходъ“, XX, 24—26.

изъ земли Египетской, и филистимлянъ изъ Кафтора, и арамлянъ изъ Кира?“ [1]). Тѣмъ не менѣе Іегова не удостоилъ другіе народы своей исключительной благосклонности: въ видѣ особой милости, причину которой онъ вправѣ не открывать, онъ избралъ Израиля своимъ народомъ и обѣщалъ ему обладаніе землей Ханаанской до тѣхъ поръ, пока народъ этотъ останется ему вѣрнымъ. Но Израиль согрѣшилъ, Израиль поклонился другимъ богамъ, и бѣдствія, угнетающія его, являются достойнымъ наказаніемъ за совершенное преступленіе. Такъ понимаемый Іегова перестаетъ быть національнымъ Богомъ евреевъ: онъ становится всемірнымъ Богомъ, и именно въ видѣ такого всеобщаго божества изображаютъ его намъ первые изъ пророковъ, сочиненія которыхъ дошли до насъ [2]).

Самый ранній изъ пророковъ по времени, Амосъ, родился въ городѣ Текоа, въ Іудеѣ, но дѣятельность его сосредоточивалась преимущественно въ Израилѣ [3]); такъ какъ политическая жизнь націи была почти исключительно сосредоточена въ сѣверномъ ея государствѣ, то именно тамъ и слѣдовало особенно рѣшительно дѣйствовать. Амосъ, возвысившійся, благодаря осѣнившему его вдохновенію надъ узкими рамками, въ которыя заключалъ представленіе о Іеговѣ племенной патріотизмъ, изрекаетъ проклятія „безпечнымъ на Сіонѣ и надѣющимся на гору Самарійскую“, думающимъ, что для нихъ все позволительно, разъ они могутъ себя назвать народомъ Божіимъ. „Пройдите въ Калне“, говоритъ онъ, „и посмотрите: оттуда перейдите въ Емаѳъ великій, и спуститесь въ Геѳъ Филистимлянскій: не лучше ли они сихъ царствъ? не обширнѣе ли предѣлы ихъ предѣловъ вашихъ?“ [4]). Іегова, не пощадившій этихъ могущественныхъ городовъ, не намѣренъ щадить и евреевъ. Подобно тому, какъ онъ безъ колебаній покорилъ Дамаскъ, Газу, филистимлянъ, эдомитянъ, аммо-

[1]) „Кн. прор. Амоса“, IX, 7.

[2]) Относительно перемѣны, происшедшей тогда въ самомъ духѣ пророчества, см. статью Велльгаузена подъ заглавіемъ „Israel“ въ новомъ изданіи „Encyclopaedia Britannica“, т. XIII; Кененъ, „Religion nationale et religion universelle“, стр. 86 и слѣд.

[3]) Существуетъ мнѣніе, что пророкъ Іоиль подвизался раньше Амоса, но доказательства, приводимыя въ подтвержденіе того, что произведенія его относятся къ болѣе отдаленному времени, слишкомъ слабы, чтобы быть убѣдительными. Амосъ жилъ въ серединѣ VIII вѣка до начала нашей эры.

[4]) „Кн. прор. Амоса“, VI, 2.

нитянъ, онъ пошлетъ „огонь на Іуду, и пожретъ чертоги Іерусалима. Такъ говоритъ Господь: за три преступленія Израиля и за четыре не пощажу его, потому что продаютъ праваго за серебро и бѣднаго за пару сандалій". Іегова призываетъ иноземцевъ въ свидѣтели позора и излишествъ своего народа: „соберитесь на горы Самаріи и посмотрите на великое безчинство въ ней и на притѣсненія среди нея" [1]). Господь возмущенъ несправедливостью и изнѣженностью сильныхъ земли, ихъ жестокостью по отношенію къ слабымъ, ихъ суевѣріемъ и лицемѣрнымъ благочестіемъ. „Ненавижу, отвергаю праздники ваши", говоритъ онъ, „и не обоняю жертвъ во время торжественныхъ собраній вашихъ.—Если вознесете мнѣ всесожженіе и хлѣбное приношеніе,—Я не приму ихъ, и не призрю на благодарственную жертву изъ тучныхъ тѣльцовъ вашихъ.—Удали отъ меня шумъ пѣсней твоихъ, — ибо звуковъ гуслей твоихъ Я не буду слушать!—Пусть, какъ вода, течетъ судъ, и правда, какъ сильный потокъ!" [2]). Въ одномъ изреченіи Іегова резюмируетъ будущія судьбы своего народа, упорно воздающаго ему полуязыческія почести, которыхъ онъ вовсе не желаетъ, и говоритъ о наказаніи за это, которое не замедлитъ: „Гнушаюсь высокомѣріемъ Іакова, — и ненавижу чертоги его; — и предамъ городъ и все, что наполняетъ его.—И будетъ, если въ какомъ домѣ останется десять человѣкъ,—то умрутъ и они!—И возьметъ ихъ родственникъ ихъ или сожигатель;—чтобы вынести кости ихъ изъ дома,—и скажетъ находящемуся при домѣ:—есть ли еще у тебя кто?—Тотъ отвѣтитъ: Нѣтъ никого. — И скажетъ сей: молчи! — ибо нельзя упоминать имени Господня!" [3]). Гнѣвъ Божій вездѣ будетъ преслѣдовать виноватыхъ: „Хотя бы они зарылись въ преисподнюю,—оттуда рука моя возьметъ ихъ;—хотя бы взошли на небо,—и оттуда свергну ихъ.—И хотя бы они скрылись на вершинѣ Кармила,—и тамъ отыщу и возьму ихъ;—хотя бы сокрылись отъ очей Моихъ на днѣ моря, — и тамъ повелю морскому змѣю уязвить ихъ.—И если пойдутъ въ плѣнъ впереди враговъ своихъ, — то повелю мечу и тамъ убить ихъ! обращу на нихъ очи Мои и на бѣду, а не во благо" [4]). Это былъ первый случай, когда пророкъ возвѣщалъ разореніе и изгнаніе; идея всеобщности

[1]) „Кн. пророка Амоса", III, 9
[2]) Ibid., V, 21—24.
[3]) Ibid., VI, 8—10.
[4]) „Кн. пророка Амоса", IX, 2—4.

божества затмила уже у Аммоса идею патріотизма, однако не настолько, чтобы лишить его возможности желать обновленія своего народа и предсказывать его. Іегова разрушитъ домъ Іакова, но онъ не уничтожитъ его окончательно; грѣшники умрутъ отъ меча, но вѣрные увидятъ возобновленіе дома Давидова. „Вотъ, наступятъ дни, говоритъ Господь,—когда пахарь застанетъ еще жнеца, — а топчущій виноградъ — сѣятеля", — „И возвращу изъ плѣна народъ Мой, Израиля,—и застроятъ опустѣвшіе города, и поселятся въ нихъ;—насадятъ виноградники, и будутъ пить вино изъ нихъ.—И водворю ихъ на землѣ ихъ, и они не будутъ болѣе исторгаемы изъ земли своей, — которую Я далъ имъ, говоритъ Господь Богъ твой" [1]).

Восшествіе Іоаса на израильскій престолъ и Амасіи—на іудейскій, казалось, ободрило нѣсколько еврейскій народъ. Іоасъ разбилъ Венадада III при Афекѣ [2]) и еще въ трехъ сраженіяхъ, но ему не удалось совершенно изгнать сирійцевъ. Разсказывали, что прежде чѣмъ рѣшиться на эту войну, онъ обратился за совѣтомъ къ умирающему Елисею. Пророкъ приказалъ ему выпускать въ его присутствіи стрѣлы въ землю. „И ударилъ онъ три раза и остановился. И разгнѣвался на него человѣкъ Божій и сказалъ: надобно было бить пять, шесть разъ, тогда ты побилъ бы сиріянъ совершенно, а теперь только три раза поразишь сиріянъ" [3]). Амасія съ своей стороны побѣдилъ эдомитянъ въ Соленой долинѣ, бывшей нѣкогда полемъ сраженія Давида, и взялъ ихъ столицу Селахъ. Упоенный своимъ успѣхомъ, онъ считалъ себя призваннымъ возстановить царство Соломона и послалъ вызовъ Іоасу въ Самарію. Израильскій царь отвѣчалъ на его вызовъ притчей: „Тернъ, который на Ливанѣ, послалъ къ кедру, который на Ливанѣ же, сказать: „отдай дочь свою въ жены сыну моему". Но прошли дикіе звѣри, что на Ливанѣ, и потоптали этотъ тернъ. Ты поразилъ идумеянъ, и возгордилось сердце твое. Величайся и сиди у себя дома. Къ чему тебѣ затѣвать ссору на свою бѣду? Падешь ты и Іуда съ тобой". Встрѣча противниковъ произошла въ Веѳсамисѣ, на филистимской границѣ. Амасія былъ побѣжденъ и взятъ въ плѣнъ. Іоасъ безпрепятственно вступилъ въ Іеруса-

[1]) „Кн. пророка Амоса", IX, 13 — 15. Значеніе Амоса опредѣлено довольно ясно Кененомъ въ „Religion nationale et religion universelle", стр. 108—110.
[2]) „II Кн. Царствъ", XIII, 17.
[3]) „IV Кн. Царствъ", XIII, 25.

лимъ, сломалъ городскія стѣны на протяженіи четырехсотъ локтей, разграбилъ храмъ, какъ будто дѣло касалось языческаго бога, а не Іеговы, увелъ заложниковъ и вернулся въ Самарію, гдѣ вскорѣ умеръ [1]). Іеровоамъ II докончилъ то, что едва успѣлъ намѣтить себѣ его отецъ: подобно Давиду и Соломону, онъ соединилъ подъ своей властью всѣ племена, по крайней мѣрѣ въ продолженіе первыхъ пятнадцати лѣтъ своего царствованія и подчинилъ себѣ нѣкоторые сосѣдніе народы. Ихъ безсиліе, не менѣе его усиленія, способствовало на этотъ разъ возрожденію могущества евреевъ. Ассирійскіе цари упустили верховную власть надъ Арамомъ и Финикіей. Дамаскъ, разоренный сначала войнами съ Салманасаромъ III, а затѣмъ пораженіемъ своего царя Маріа, не могъ противостоять нападеніямъ евреевъ. Если вѣрить книгамъ царствъ, Іеровоамъ отвоевалъ опять на сѣверѣ и востокѣ всѣ территоріи, которыми владѣли нѣкогда Давидъ и Соломонъ, — страны Моавъ и Аммонъ. Келе-Сирію, Дамаскъ и даже самый Гаматъ [2]). Послѣ многолѣтнихъ бѣдствій, во время которыхъ „сирійцы молотили Галаадъ желѣзными молотилами [3]), царствованіе Іеровоама казалось наступленіемъ эпохи мира и безопасности; торговля съ Финикіей и Египтомъ опять стала процвѣтать, и „жили сыны Израилевы въ шатрахъ своихъ, какъ въ прежнія времена“ [4]). Воображеніе поэтовъ не преминуло воспользоваться сюжетомъ. Какъ нѣкогда оно вложило въ уста умирающаго Іакова пророчества относительно грядущей судьбы его сыновей, такъ и теперь оно украсило смерть Моисея легендою о благословеніи имъ колѣнъ израильскихъ. Благословеніе это расточаетъ, можетъ быть, искреннія, но нѣсколько сдержанныя похвалы колѣнамъ Іудину и Веніаминову; потомкамъ Іосифа тоже воздается въ немъ по заслугамъ, но самую главную роль въ немъ играетъ колѣно Левіино. Вмѣсто того, чтобы проклинать его, какъ это дѣлаетъ Іаковъ, Моисей приходитъ въ восторгъ отъ него и ставитъ за образецъ всему Израилю. Это можетъ служить вѣрнымъ признакомъ того значенія, которымъ пользовалось въ странѣ сословіе священниковъ вотъ уже цѣлое столѣтіе.

---

1) „II Кн. Царствъ“, XIV, 1—15; „II Паралипоменонъ“, XXV, 1—24.
2) „IV Кн. Царствъ“, XIV, 23—28.
3) Амосъ, 1—3.
4) „II Кн. Царствъ“, XIII, 5, гдѣ это мѣсто отнесено ко времени Іоахаза.

Царствованіе Іеровоама II было не только періодомъ политическаго величія государства; по всей вѣроятности, эпоха эта является также самой плодотворной въ дѣлѣ религіозной литературы. Объединеніе израильскихъ племенъ въ два взаимно солидарныя государства способствовало тому, что евреи стали доискиваться своего происхожденія и собирать старинные образцы національнаго эпоса, отрывки законовъ, пророчества, пословицы, пѣсни любви и, въ особенности, ходившія въ народѣ и среди книжныхъ людей преданія о сотвореніи міра, патріархахъ, пребываніи въ Египтѣ и въ пустынѣ, о завоеваніи Ханаана и судьяхъ, защищавшихъ свой народъ до появленія царей. Почти сто лѣтъ спустя послѣ смерти Соломона, около 840 г., одинъ іудейскій священникъ составилъ разсказъ, въ которомъ своеобразно изложилъ все извѣстное ему о началѣ человѣческаго рода, о сооруженіи старинныхъ жертвенниковъ въ Хевронѣ, Пнуэлѣ, Сихемѣ и Веѳилѣ, о завѣтѣ законодателя Моисея, заключенномъ имъ съ Богомъ на горѣ Синайской, и, наконецъ, о событіяхъ, происшедшихъ затѣмъ до того времени, когда онъ жилъ. Никакихъ теологическихъ тенденцій не замѣчается въ дошедшихъ до насъ отрывкахъ этого сочиненія; оно носитъ вполнѣ непосредственный народный характеръ. Іегова является въ немъ богомъ, близкимъ по типу и родственнымъ Камосу и Мелькарту. Желая оказать милость слугѣ своему Аврааму, онъ появляется ему въ образѣ человѣка, ѣстъ и пьетъ съ нимъ. Города Содомъ и Гоморра совершили тяжелыя преступленія, „и сказалъ Господь: вопль Содомскій и Гоморскій, великъ онъ, и грѣхъ ихъ, тяжелъ онъ весьма“. Но прежде чѣмъ наказать жителей провинившихся городовъ, Господь сошелъ на землю, говоря: „посмотрю, точно ли они поступаютъ такъ, каковъ вопль на нихъ, восходящій ко Мнѣ, или нѣтъ; узнаю“ [1]). Однажды Господь всю ночь боролся съ Іаковымъ [2]); въ другой разъ онъ бросился на Моисея „и хотѣлъ умертвить его“ [3]). Такой наивный способъ изложенія священнаго сюжета былъ уже недостаточенъ въ тѣ времена, когда пророкъ Амосъ провозглашалъ единство Бога. Одинъ священникъ изъ колѣна Ефремова, жившій, вѣроятно, во времена Іеровоама, проникнутый духомъ пророчества, взялся за изложеніе тѣхъ же событій, присоединивъ къ нимъ новые факты.

---

1) „Бытіе“, XVIII, 1-2, 7—8, 20-21.
2) „Бытіе“ XXXII, 24 и слѣд.
3) „Исходъ“, IV, 24—27.

Само собою разумѣется, что все, что первый разсказывалъ къ большей славѣ Іуды, второй старался примѣнить къ большей славѣ Израиля; такъ онъ отказываетъ Іудѣ въ правѣ старшинства между дѣтьми Іакова и приписываетъ старшинство Рувиму. Но въ чемъ онъ всего болѣе отличается отъ своего предшественника, это — въ идеѣ о Богѣ. Богъ не носитъ уже у него чисто матеріальнаго характера. Онъ уже не показывается человѣку во всякое время и во всякомъ мѣстѣ, но только ночью и въ сновидѣніи; онъ начинаетъ даже уклоняться отъ непосредственныхъ сношеній съ людьми, пользуясь ангелами, какъ посредниками, и только постепенно совершаетъ свое божественное откровеніе. Патріархи называли его Елогимъ, т.-е. боги, и только во времена Моисея онъ открываетъ свое настоящее имя — Іегова. Съ этого момента весь интересъ разсказа начинаетъ сосредоточиваться въ Іеговѣ, его священникахъ и пророкахъ. Уже не одинъ Моисей является освободителемъ своего народа; рядомъ съ нимъ мы видимъ Аарона и первосвященника Елеазара. Жертвоприношеніе перестаетъ быть доступнымъ для каждаго: оно становится привилегіей одного племени, именно колѣна Левіина. Завоеваніе Ханаана изображается совершившимся сразу, по повелѣнію Божіему, причемъ раздѣленіе территоріи происходитъ по жребію и утверждается санкціей религіозной власти [1]). Безъ сомнѣнія, легенды о Самуилѣ, Давидѣ, Соломонѣ, пророкѣ Иліи получили свою первоначальную форму во времена этого историка-елогиста. Нравственныя изреченія, вложенныя въ уста самой мудростью, и слившіяся впослѣдствіи съ притчами Соломоновыми, пѣсни любви, соединенныя въ Пѣсни Пѣсней, нѣсколько псалмовъ и еще коекакіе отрывки принадлежатъ, можетъ - быть, также къ произведеніямъ поэтовъ той же эпохи [2]); къ сожалѣнію, вслѣдствіе всеобщей переработки, которой подверглись произведенія еврейской литературы послѣ возвращенія изъ плѣна Вавилонскаго, не всегда легко отличить, что именно относится къ царствованію Іеровоама II.

Послѣднія сорокъ лѣтъ царства Израильскаго были годами славы и глубокаго мира. Спустя шесть мѣсяцевъ послѣ смерти

[1]) Первый писатель извѣстенъ обыкновенно подъ именемъ іеговиста, второй — подъ именемъ второго елогиста или даже просто елогиста. Въ данномъ случаѣ, да и вездѣ почти, я придерживаюсь системы Велльгаузена; сравн. Штаде, Geschichte des Volkes Israel", стр. 57—59.

[2]) Тиле, „Vergelijkende Geschindenis", стр. 670—679.

Іеровоама, сынъ его Захарія былъ всенародно убитъ Селлумомъ, сыномъ Іависа, и домъ Іиуя пересталъ существовать [1]). Самъ Селлумъ, воцарившійся въ Израилѣ, всего мѣсяцъ пользовался царской властью: онъ былъ убитъ въ Самаріи Менаимомъ, сыномъ Гадія, воцарившимся вмѣсто него [2]). Типсахъ, и нѣсколько другихъ городовъ, пытавшихся сопротивляться узурпатору, были наказаны съ безпримѣрной жестокостью. Наказаніе за преступленія узурпаторовъ не замедлило. И въ 745 году разразилось возмущеніе въ Калахѣ, во время котораго погибъ Ассурнирари [3]), и власть перешла въ руки человѣка, мало расположеннаго вести праздный образъ жизни царя - тунеядца. Неизвѣстно, откуда происходилъ Тугултипалесарра (Тиглатфаласаръ) II: принадлежалъ ли онъ къ роду своихъ предшественниковъ или былъ только ловкимъ узурпаторомъ. Если происхожденіе его пока темно, зато личность его въ исторіи окружена несравнимымъ ореоломъ. Онъ представлялъ изъ себя образецъ великихъ завоевателей прежнихъ временъ; онъ былъ дѣятеленъ и честолюбивъ и въ лагерѣ проводилъ больше времени, чѣмъ во дворцѣ. Появленіе на престолѣ, послѣ годовъ слабости и упадка, было причиной того, что царствованіе его сдѣлалось однимъ изъ поворотныхъ пунктовъ въ исторіи Ассиріи. Преемникъ Ассурнирара, продолжая поступать по примѣру своего предшественника, скоро довершилъ бы разореніе имперіи. Тугултипалесарра II поднялъ энергію націи, снова открылъ ей пути въ иноземныя государства и повелъ ее въ этомъ направленіи дальше, чѣмъ она была когда - нибудь до него. Къ достоинствамъ солдата онъ присоединилъ достоинство искуснаго администратора. Цари, его предшественники, понимали завоеваніе въ томъ смыслѣ, въ какомъ его понимали фараоны восемнадцатой династіи: побѣжденныя страны грабились вволю, облагались данью, и цари ихъ присоединялись къ числу вассаловъ, но никогда ихъ земли не включались въ составъ ассирійской территоріи. Тиглатфаласаръ дѣйствовалъ путемъ присоединенія завоеванныхъ областей и колонизаціи ихъ. Если онъ считалъ полезнымъ для себя пріобрѣтеніе страны, онъ свергалъ въ ней царствующій домъ, населялъ ее плѣнниками, взятыми въ отдаленныхъ странахъ, и управленіе ею поручалъ ассирійскимъ военачальникамъ,

[1]) „IV Кн. Царствъ", XV, 8—12.

[2]) Тамъ же, XV, 12—17.

[3]) Менанъ, „Annales", стр. 134.

находившимся въ непосредственной зависимости отъ него самого. Населеніе, принужденное поступать въ военную службу, давало ежегодно опредѣленное число рекрутъ. Города облагались опредѣленной данью, которая взималась деньгами и натурой. Такъ, Ниневія платила тридцать талантовъ, изъ которыхъ 10 шли на общіе расходы, а 20 — на содержаніе флота. Калахъ платилъ 9 талантовъ, не говоря о матеріяхъ, колесницахъ, коняхъ, хлѣбѣ и другихъ произведеніяхъ почвы и мѣстной индустріи [1]). Къ сожалѣнію это столь блестящее и обильное достословными результатами царствованіе труднѣе всѣхъ заключить въ сложившіяся рамки исторіи Востока; данныя, которыми насъ снабжаютъ его памятники относительно Израиля и Іудеи, настолько отличаются отъ данныхъ, сообщаемыхъ еврейскими источниками, что невозможно пока установить точную его хронологію, не рискуя впасть въ заблужденіе или противорѣчіе [2]).

---

[1]) Сейсъ, „Fresh Lights from the Ancient Monuments", стр. 108.

[2]) Тугултипалесарра имѣлъ дѣло съ тремя царями израильскими, — Менаимомъ (Менахемомъ) Пекахомъ (Факіей) и Осіей, — и съ двумя царями іудейскими, Азаріей (Асреягу) и Уахазомъ, имена которыхъ значатся на его памятникахъ. Установившаяся библейская хронологія и затрудненія при чтеніи надписей заставили Опперта во-первыхъ, смотрѣть на Менаима ассирійскаго, какъ на Менаима II, не упомянутаго въ Библіи, котораго онъ вводитъ въ царствованіе Пекаха; во-вторыхъ, іудейскаго царя Асріягу считать сыномъ Табеела, котораго Резонъ II и Пекахъ думали возвести на мѣсто Ахаза (Іоахазъ) іудейскаго (Оппертъ, „La Chronologie biblique" и проч., стр. 29—32). Я, напротивъ, присоединяюсь къ мнѣнію Шрадера, который уменьшаетъ всѣ числа, предлагаемыя Библіей, и изъ Асріягу іудейскаго дѣлаетъ Азарію и Озію Прокаженнаго. Разницу въ обѣихъ системахъ наглядно изображаетъ слѣдующая табличка, параллельно представляющая годы царствованій:

1) По Библіи:

Азарія (Озія)	царствовалъ	отъ 809	до 759
Менаимъ	„	„ 771	„ 760
Пекахъ	„	„ 759	„ 730

2) По ассирійскимъ документамъ:

Азарія	„	„ 745	„ 739
Менаимъ	„	въ 738	
Пекахъ	„	въ 734 и даже въ 729.	

Это заставляетъ насъ внести значительныя измѣненія въ установившееся рѣшеніе этого вопроса. Не входя здѣсь въ детальный разборъ аргументовъ, приводимыхъ какъ съ одной, такъ и съ другой стороны, я предлагаю, до новой постановки вопроса, разсматривать царей Фулу и Тиглатфаласара, упоминаемыхъ въ Библіи, какъ тожественныхъ съ Тугултипалессаррой II-мъ ассирійскихъ источниковъ, хотя для этого и придется пожертвовать хронологическими данными Библіи въ пользу свидѣтельства ассирійскихъ памятниковъ того періода. Къ этой отдаленной эпохѣ особенно приложимы слова святого Іеронима въ письмѣ его къ священнику Виталію: Relege omnes et Veteris et Novi Testamenti libros, et tantam annorum reperies dissonantiam, et numerum inter Judam et Israel, id est, inter regnum utrumque, confusum, ut hujuscemodi haerere quaestionibus non tam studiosi quam otiosi hominis esse videatur" („Sancti Hieronymi *Opera*", изд. Мартіанея, Парижъ, 1669, т. II, столбецъ 662).

Тиглатфаласаръ взошелъ на престолъ 13 іiара (апрѣля) 745 г. Его первый походъ имѣлъ единственной цѣлью засвидѣтельствовать господство Ассура надъ Сѣверной Халдеей. Набунасиръ (Набонасаръ), царствовавшій тогда въ Вавилонѣ (747 — 733), не оказалъ никакого сопротивленія и получилъ обратно свой престолъ изъ рукъ самого завоевателя. Страны, лежавшія къ югу отъ Вавилона, почти у самыхъ воротъ города, дѣлились на мелкія независимыя государства, изъ которыхъ одни были населены собственно халдеями, другія арамеянами. Большинство округовъ, населенныхъ халдеями, позаимствовали свои названія отъ имени этого народа или, вѣрнѣе, его царствующаго дома (bît); таковы: Бить-Дакури, Бить-Амуккани, Бить-Силани, Бить-Салли и др., но самымъ большимъ значеніемъ пользовался округъ Бить-Іакинъ, расположенный на берегу моря, у устьевъ Евфрата, среди болотъ и дюнъ [1]). Арамеяне жили также вдоль Тигра и Укну, на границѣ съ Эламомъ и, можетъ быть, были еще болѣе раздроблены, чѣмъ халдеи. Изъ сорока мелкихъ государствъ, на которыя они распадались и которыя носили странныя названія: Итуу, Рубуу, Хамаранисъ, Лухуату, Набату и др., — только два, Пукуду и Гамбулъ, расположенныя, такъ же какъ и Бить-Іакинъ, въ болотахъ близъ Персидскаго залива и на границѣ Элама, — пользовались неоспоримымъ значеніемъ [2]). Тиглатфаласаръ напалъ на эти государства и опустошилъ Бить-Силани, какъ единственно оказавшее ему сопротивленіе, причемъ царь его, Набуусабси, былъ посаженъ на колъ у воротъ своего города. Остальныя государства подчинились, и побѣдитель вернулся въ свою столицу, принявъ оффиціально титулъ царя Симурійскаго и Аккадійскаго [3]). Послѣ незначительной экспедиціи въ страну Намри, по ту сто-

---

[1]) Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies", стр. 200—203.

[2]) Фр. Деличъ, Ibid., стр. 237—241.

[3]) До сихъ поръ извѣстныя надписи соединяютъ вмѣстѣ оба похода, какъ 745, такъ и 731 года. Я слѣдовалъ указаніямъ Шрадера, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 249 и 259.

рону Заба (744), продолжавшейся нѣсколько мѣсяцевъ, онъ прошелъ въ Сирію и, перейдя черезъ Евфратъ, созвалъ около города Арпада [1]) всѣхъ своихъ вассаловъ, находившихся въ той странѣ. Правители Тира, Гаргамиша, Коммагены и семь правителей другихъ городовъ отозвались на его призывъ [2]); если многіе отказались явиться къ нему, то благодаря лишь тому, что вспыхнувшее возстаніе въ Арменіи заставило его направиться въ сѣверныя провинціи своей монархіи и помѣшало ему сейчасъ же наказать виновныхъ (743). Онъ вернулся на слѣдующій годъ для борьбы съ коалиціей, составившейся противъ него въ его отсутствіе, по наущенію жителей Арпада. Царь Гамата, нѣсколько береговыхъ царьковъ и даже правители весьма отдаленныхъ отъ театра войны мѣстностей, какъ, напримѣръ, Азарія, царь іудейскій, поочередно вступали въ эту коалицію, но не могли помѣшать ея пораженію. Послѣ трехлѣтней осады (742—739), Арпадъ былъ взятъ; вскорѣ послѣ этого палъ Гаматъ, и часть его жителей была переселена въ городъ Улуба и Бирту, которые только-что были разграблены царемъ (739). Этотъ примѣръ оказалъ рѣшительное вліяніе на ослушниковъ: въ числѣ восемнадцати покорившихся царей, перечисляемыхъ ассирійскими книжниками, фигурируютъ на этотъ разъ—Менаимъ изъ Самаріи и Рѣзонъ [3]) изъ Дамаска [4]).

Уже давно народы Месопотаміи поддерживали непрерывныя сношенія съ народами Мидіи. Три главныя дороги вели изъ долины Средняго Тигра къ Израильскому плоскогорью: одна, наиболѣе проторенная шла черезъ Большой Забъ и выходила въ бассейнъ Уруміельскаго озера черезъ Келишинское ущелье; другая шла черезъ Баннейскій проходъ до Сѣверной Экбатаны; третья, наконецъ, поднималась по Малому Забу. По этимъ тремъ дорогамъ караваны привозили въ Нинивію продукты Центральной

[1]) Теперь Тель-Эрфадъ, приблизительно въ 10 килом. отъ Алепа (Кипертъ, въ „Zeitschr. der D. Morgl. Gesch“, XXV, стр. 655).

[2]) Весьма вѣроятно, хотя и нельзя утверждать достовѣрно, что Менаимъ Самарійскій и Резонъ Дамасскій были обложены данью. Сравн. Смитъ, „Assyrian History“ въ „Zeitschrift“, 1869, стр. 92.

[3]) Рецинъ русскаго перевода Библіи.

[4]) Смитъ, „The Annals of Tiglath-Pilezer II“, въ „Zeitschrift“, 1869, стр. 11—13; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 249—253, гдѣ авторъ излагаетъ сущность своего сочиненія „Zur Kritik der Inschriften Tiglath-Piliser's II“, Берлинъ, 1879 (1880).

Азіи: золото, желѣзо, мѣдь, матеріи, драгоцѣнные камни, сердоликъ, агатъ, лаписъ-лазурь, иногда, наконецъ, рѣдкихъ животныхъ, слона, носорога и двугорбаго верблюда изъ Трансоксіаны [1]). Вотъ почему большинство нинивійскихъ царей всегда стремились къ обладанію страной Намри, къ которой примыкали большія торговыя дороги.

Они натолкнулись при этомъ на воинственныя племена, напоминающія своей дерзкой отвагой и своими нравами современныхъ курдовъ, подчиняющихся верховной власти своихъ турецкихъ и персидскихъ правителей скорѣе номинально. На югѣ, на границахъ Элама и Сузіаны, господствовалъ еще семитическій элементъ; тамъ находилась страна Умліяшъ со столицей Битъ-Истаръ, области Битъ-Сангибути и Битъ-Капси, города Гиргира, Аксибуна и еще десятка два другихъ, имена которыхъ указываютъ на ихъ происхожденіе. Далѣе, все по той же эламской границѣ слѣдовали народы Эллиби. Убѣжищемъ ихъ были глубокія лѣсистыя долины, въ которыхъ берутъ начало притоки Тигра и Улаи; мѣстность эта была неблагопріятна для дѣйствія ассирійскихъ боевыхъ колесницъ и тяжело вооруженной пѣхоты, и если иногда и удавалось наносить пораженія ея обитателямъ, — никому изъ завоевателей древняго міра, ни персамъ, ни македонянамъ, ни париянамъ, не удалось подчинить ихъ своему владычеству [2]). Далѣе, къ сѣверу отъ этихъ варваровъ и къ югу отъ Нижняго Заба, жили Намри, а къ сѣверо-востоку отъ Нинивіи — Бикни, дополняя собою этотъ живой барьеръ, отдѣлявшій Нинивію отъ Иранскаго плоскогорья. Уже многіе цари пытались пробить въ немъ брешь: самъ Раманнирари I прилагалъ къ этому свои усилія и проникъ даже въ Мидію. Первое нападеніе Тиглатфаласара (738) было направлено противъ Умліаша и юговосточныхъ областей. Предпріятіе окончилось быстрымъ и полнымъ успѣхомъ, и въ то время, когда Тиглатфаласаръ опустошалъ страну, его военачальникъ Ассурданинани совершилъ удачный набѣгъ „на могущественныхъ мидянъ, жившихъ въ странѣ восхода солнца“, и увелъ у нихъ пять тысячъ лошадей, много людей, быковъ и овецъ. По окончаніи похода ассиріяне вмѣнили себѣ въ обя-

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 553—554, 557—558.

[2]) Делаттръ, въ своемъ сочиненіи „Le Peuple et l'empire des Mèdes“, стр. 90, при помощи искусныхъ сопоставленій, отождествляетъ эллиби съ элимеянами Страбона, кн. XVII, I, 17, 18.

занность твердо обосноваться въ пунктахъ, наиболѣе приближенныхъ къ ихъ территоріи. Тиглатфаласаръ „преобразовалъ города, ввелъ въ нихъ поклоненіе своему богу, Ассуру, поселилъ въ нихъ жителей побѣжденныхъ имъ странъ и поставилъ во главѣ ихъ своихъ военачальниковъ“. Возникшія въ слѣдующемъ году волненія заставили его снова посѣтить страну, послѣ чего армія его возвратилась въ Нинивію, нагруженная добычей. Единственнымъ результатомъ этихъ двухъ походовъ было присоединеніе и колонизація нѣсколькихъ областей, обложеніе нѣсколькихъ другихъ болѣе или менѣе правильной данью, но собственно Мидія поплатилась только нѣкоторымъ количествомъ отнятыхъ у нея людей и скота [1]).

Не успѣлъ окончиться этотъ блестящій эпизодъ въ исторіи Ассиріи, какъ болѣе неотложныя нужды призвали Тиглатфаласара на югъ и на западъ его имперіи. До сихъ поръ не существовало прямыхъ сношеній между Іудеей и Ассиріей. Послѣ пораженія, которое Амасія потерпѣлъ отъ Іоаса, онъ употребилъ остальное время царствованія на то, чтобы вернуть свои потери. Его сынъ Азарія, или Озія, докончилъ завоеваніе Эдома и вернулъ на Красномъ морѣ гавань Элатъ, утраченную со времени Іосафата. Пораженный проказой къ концу своего царствованія, онъ пріобщилъ къ престолу своего сына, Іоѳама. Благодаря энергіи этихъ двухъ царей, Іудея сдѣлалась могущественной и процвѣтала даже въ то время, когда у Израиля рушились послѣднія надежды со смертью Іеровоама II. Слава ея распространилась далеко, и когда Тиглатфаласаръ угрожалъ Гамату, послѣдній, нуждаясь въ поддержкѣ, обратился за помощью къ Азаріи. Этотъ союзъ не былъ счастливъ и могъ имѣть печальныя послѣдствія для евреевъ, если бы ассирійскій монархъ не былъ отвлеченъ дѣлами въ Мидіи. Азарія, а вскорѣ и Іоѳамъ, мирно отошли въ вѣчность,

[1]) Присутствіе именъ Зикрути, Аракуту, Аріарва, Нисса въ числѣ именъ побѣжденныхъ народовъ подало поводъ думать, что въ своихъ походахъ въ Азію и Арахозію, Тиглатфаласаръ доходилъ до долины Инда (Е. Норрисъ, „Assyrian Dicttionary“, подъ слов. „Namri, Zikrouti, Ariarva, Araqouttou“: Фр. Ленорманъ, „Sur la campague de Teglathphalazar II dans l'Ariane“ въ „Zeitschrift“, 1870, стр. 48—55, 69—71). Эта заманчивая гипотеза была опровергнута Паткановымъ, сочиненіе котораго, написанное по-русски, къ сожалѣнію, недоступно для большинства ученыхъ. Вопросъ о тождествѣ вышеупомянутыхъ народовъ былъ, наконецъ, успѣшно разобранъ Делаттромъ въ его сочин. „Esquisse de geographie assyrienne“, стр. 40—49, и „Le Peuple et l'empire des Médes“, стр. 85—99.

возстановивъ свое государство [1]). Израиль, наоборотъ, спускался все ниже и ниже. Несмотря на всю свою неукротимую энергію, Менаимъ все-таки не могъ защитить государство отъ посягательствъ ассиріянъ; онъ долженъ былъ купить ихъ отступленіе цѣною своихъ сокровищъ [2]). Его сынъ и наслѣдникъ Пекахія (Факія, по Библіи) былъ убитъ на слѣдующій годъ однимъ изъ своихъ военачальниковъ, Пекахомъ (Факеемъ), сыномъ Ремаліи [3]). Убійство это доставило Пекаху истощенное государство, угрожаемое со всѣхъ сторонъ. Дамаскъ не долго держалъ у себя гарнизоны Іеровоама II. Послѣ Венадада IV, о которомъ ничего неизвѣстно [4]), на престолъ вступилъ Резонъ II. Подъ его управленіемъ Дамаскъ вышелъ, наконецъ, изъ полувѣкового оцѣпененія. Сначала онъ не чувствовалъ себя достаточно окрѣпшимъ, чтобы противостоять Ассиріи, и призналъ верховную власть Тиглатфаласара; но на югѣ, въ странахъ, когда-то подчиненныхъ Венададу II и Хазаилу, онъ далъ волю своему честолюбію. Пекахъ, слишкомъ слабый, чтобы ему воспротивиться, слишкомъ бѣдный, чтобы удалить его цѣною денегъ, призналъ себя его вассаломъ, и оба они обратили свое оружіе противъ Іудеи. Двадцатилѣтній молодой человѣкъ, Ахазъ [5]), наслѣдовавшій Іоѳаму, былъ разбитъ въ двухъ сраженіяхъ; его поля были опустошены, а плѣнные евреи наполнили собою невольничьи рынки Сиріи. Вслѣдъ затѣмъ возмутились эдомитяне, а филистимляне устремились на южные и западные города—Беѳъ-Шемесъ, Аялонъ, Соко и Тимна; на югѣ Резонъ прошелъ до береговъ Краснаго моря и взялъ Элатъ. Такъ какъ, несмотря на все это, Ахазъ все еще продолжалъ упорствовать, оба союзника порѣшили развѣнчать его и посадили на его мѣсто одного изъ своихъ приспѣшниковъ, сына Табеела, на вѣрность котораго они могли разсчитывать [6]). Находясь въ такой крайности, Ахазъ обратилъ свои взоры къ единственному довольно могущественному правителю,

[1]) „II Кн. Царствъ“, XIV, 17—21; XV, 1—7; 32—38.

[2]) „II Кн. Царствъ“, XV, 19—20, гдѣ Тугултипалесара носитъ имя Фула.

[3]) „II Кн. Царствъ“, XV, 22—25.

[4]) Этотъ Венададъ упоминается въ одномъ искаженномъ текстѣ, какъ отецъ Резона. Сравн. Шрадера „Die Keilinschriften und das Alte Testament“.

[5]) По ассирійскимъ текстамъ Іоахазъ.

[6]) Оппертъ предполагаетъ, что имя этого сына Табеела было Азарія, судя по ассирійскимъ памятникамъ (сравн. „La Chronologie biblique“ и т. д., стр. 29—32).

могшему его выручить изъ бѣды и достаточно честолюбивому, чтобы ухватиться за предлогъ побывать въ Палестинѣ; собравъ всѣ сокровища храма, онъ отправилъ посольство для поднесенія этой дани царю Ассиріи [1]).

Тиглатфаласаръ поспѣшилъ на помощь; видя, какъ возросли силы Резона за время его отсутствія, онъ не сталъ прямо нападать на Дамаскъ, а бросился на землю Израиля. Пекахъ не былъ въ состояніи сражаться и заперся въ Самаріи, предоставивъ все остальное царство въ распоряженіе завоевателя. Сѣверныя и восточныя племена, уже на половину разоренныя во время войнъ съ Дамаскомъ, получили послѣдній ударъ. Тиглатфаласаръ (Ѳеглаофелласаръ, по Библіи), „пришелъ и взялъ Іонъ, Авелъ-беф-Мааху и Іанохъ, и Кедесъ, и Асоръ, и Галаадъ, и Галилею, всю землю Невѳалимову и переселилъ ихъ въ Ассирію" [2]). Царство Израильское состояло теперь только изъ территоріи колѣна Ефремова и нѣсколькихъ сосѣднихъ съ нею областей. Эта быстрая расправа привела въ ужасъ Палестину и ускорила ея покореніе. Ганонъ, царь Газы, считавшійся, въ качествѣ врага Ахаза, въ наиболѣе опасномъ положеніи, бѣжалъ въ Египетъ; филистимляне обязались платить дань [3]) (734). Резонъ, руководимый страхомъ, или, можетъ быть, дѣйствительнымъ сознаніемъ своего безсилія, предоставилъ своего союзника непріятелю, ничего не попытавшись сдѣлать въ его защиту. Самъ онъ, несмотря на полную свою изолированность, цѣлыхъ два года (733 — 732) оказывалъ сопротивленіе, но, наконецъ, силы его истощились, столица его была взята, а самъ онъ убитъ. Восемь тысячъ жителей Дамаска были переселены въ Киръ, въ Арменію; страна была обращена въ ассирійскую провинцію, и ничего не осталось отъ ея прежняго могущества [4]).

Прежде чѣмъ удалиться въ Ассирію, Тиглатфаласаръ созвалъ своихъ вассаловъ (732), и 25 царей отозвались на его призывъ. Въ числѣ прочихъ явился и Ахазъ благодарить своего избавителя

[1]) „II Кн. Царствъ", XVI; „Исаія", VII, VIII, IX.
[2]) „II Кн. Царствъ", XV, 29.
[3]) Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 255 - 256.
[4]) „II Кн. Царствъ", XVI, 9; сравн. „Исаія", XVII, 1 и сл.; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 264—265; Смитъ, „The annals of Tiglath-Pilezer II", въ „Zeitschrift", стр. 14.

и поднести ему дань [1]). Казалось, что для полнаго господства надъ древнимъ міромъ ассиріянамъ оставалось только перейти въ Египетъ. Халдея отвлекла ихъ на время отъ береговъ Средиземнаго моря къ берегамъ Евфрата.

Со смерти Набуусабси, государство Битъ-Амуккани получило преобладаніе надъ остальными государствами Халдеи и правитель его, Кинзиру, далъ энергичный отпоръ ассиріянамъ. Напрасно Тиглатфаласаръ осаждалъ его въ столицѣ, Сапіѣ,—Кинзиру истощилъ все терпѣніе своего противника [2]). Зато въ остальной Халдеѣ ассиріянъ встрѣчалъ успѣхъ за успѣхомъ: они опустошили Битъ-Силани, Битъ-Салли и покрыли всю Халдею развалинами. Цари ея просили пощады; самъ Мардукбалиддинъ (Меродахъ-Баладанъ) склонился подъ грозой, и Тиглафаласаръ провозгласилъ себя царемъ Вавилона. Но прежде чѣмъ возвратиться въ Ассирію, ему необходимо было покончить съ Кинзиру; подчинивъ его власти всѣхъ сосѣднихъ правителей и воцаривъ его въ Вавилонѣ, Тиглатфаласаръ уговорилъ его признать себя вассаломъ Ассиріи [3]): завоеваніе Битъ-Іакина и Битъ-Амуккани раздвинуло предѣлы ассирійской монархіи до самаго моря (731), и это было послѣднимъ значительнымъ событіемъ царствованія.

Только возмущеніе Муттона II, царя тирскаго, и умерщвленіе Пекаха (729) сдѣлали еще разъ необходимымъ вмѣшательство ассиріянъ въ дѣла Сиріи. Провозглашенный царемъ израильскимъ на мѣсто своей жертвы, Осія послалъ въ даръ ассирійскому царю, какъ залогъ своего воцаренія, девять талантовъ золота и тысячу талантовъ серебра [4]). Нѣсколько времени спустя, Тиглатфаласаръ спокойно умеръ (727) въ Калахѣ, послѣ восемнадцатилѣтняго царствованія, самаго удачнаго и самаго славнаго изъ всѣхъ, какія только когда-либо были занесены на страницы исторіи его страны.

[1]) „II Кн. Царствъ", XVI, 10: „Паралипоменонъ", XXVI, 20—21.
[2]) Дж. Смитъ, „Early History of Babylonia", въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology", т. I, стр. 85—86, 92.
[3]) Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 260—265.
[4]) „II Кн. Царствъ", XV, 30; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 260—265.

Вотъ списокъ дамасскихъ царей со временъ Соломона, на сколько его можно было возстановить:

Резонъ (Реънпъ).	Венададъ III.
Хезіонъ (?).	[Маріа].
Табриммонъ.	. . . .
Венададъ I.	[Венададъ IV].
Венададъ II.	Резонъ II (?)—732.
Хазаилъ (Азаилъ).	

Двадцать вторая и двадцать третья династіи; эѳіопы въ Египтѣ. Піонхи—(Піанхи) и Шабаку. Паденіе Израильскаго царства.

По смерти Тиглатфаласара вспыхнуло поголовное возстаніе въ ассирійскихъ провинціяхъ, расположенныхъ по другую сторону Евфрата: въ томъ числѣ Израиль и Финикія взялись за оружіе. Салманасаръ V поспѣшилъ напасть на бунтовщиковъ. Возстаніе китіевъ противъ Тира облегчило ему побѣду: Финикія была опять приведена въ повиновеніе [1]), а Израиль, предоставленный собственнымъ силамъ, не посмѣлъ сопротивляться. Осія снова рѣшился заплатить дань, и поспѣшность, съ которой онъ изъявилъ покорность, отдалила еще на нѣкоторое время опасность, угрожавшую Самаріи [2]), хотя не надолго.

Правда, Осія не былъ хуже другихъ царей Израиля, бывшихъ до него на престолѣ; можетъ быть, онъ былъ даже лучше многихъ изъ нихъ, такъ какъ національное преданіе. включая и его въ общее осужденіе, которому оно предаетъ царей израильскихъ, утверждаетъ, что „дѣлалъ онъ неугодное въ очахъ Господнихъ, но не такъ, какъ цари израильскіе, которые были прежде него“ [3]). Но его царство не могло болѣе держаться: земли, лежащія за Іорданомъ, территоріи сѣверныхъ племенъ и Галлилея были утрачены и насталъ день, когда никакая энергія не могла уже спасти колѣно Ефремово. Каждый зналъ это, говорилъ во всеуслышаніе и почти заранѣе готовился къ окончательной катастрофѣ. Болѣе чѣмъ когда бы то ни было, пророки видѣли въ грядущемъ перстъ Божій: „Опустошена будетъ Самарія, говорилъ Осія, потому что возстала противъ Бога своего: отъ меча падутъ они, младенцы ихъ будутъ разбиты, и беременныя ихъ будутъ разсѣчены [1])“. Изъ глубины Іудеи пророкамъ израильскимъ вторилъ голосъ Исаіи: „Горе вѣнку гордости пьяныхъ ефремлянъ, увядшему цвѣтку красиваго убранства его, который на вершинѣ тучной долины сраженныхъ виномъ! Вотъ, „крѣпкій и сильный у Господа, какъ ливень съ градомъ и губительный вихрь, какъ разлившееся наводненіе бурныхъ водъ, съ силою повергаетъ его на землю. Ногами попирается вѣнокъ гордости пьяныхъ ефремлянъ. И съ увядшимъ цвѣткомъ красиваго убранства его, который на вершинѣ тучной долины, сдѣлается то же, что бываетъ съ созрѣвшею прежде времени смоквою, которую, какъ скоро кто увидитъ, тотчасъ беретъ въ руки и проглатываетъ ее“ [2]). Осія по крайней мѣрѣ боролся изо всѣхъ силъ, несмотря на совѣты и зловѣщія пророчества. Вавилонъ и Эламъ, эти вѣчные враги Ассиріи, находились такъ далеко, что при неудобствѣ тогдашнихъ сообщеній, онъ не могъ разсчитывать на ихъ поддержку, а Іудея, филистимляне, Тиръ и Финикія были слишкомъ слабы, чтобы охотно отважиться на рискованное предпріятіе. Всѣ прежніе союзники измѣнили Израилю, и онъ сталъ искать новыхъ.

Экспедиція Шешонка I въ Палестину была славнымъ, но не имѣвшимъ продолжительнаго значенія эпизодомъ въ исторіи 22-й династіи. Съ Египтомъ въ то время случилось то, что часто происходитъ съ дряхлѣющими народами: восшествіе на престолъ дѣятельнаго и храбраго царя, казалось, оживило его и вернуло ему прежнюю силу. Даже египетскія войска, какъ ни плохи они были тогда, но рѣшительно направленныя противъ безпорядочныхъ сирійскихъ массъ подъ управленіемъ хорошихъ военачальниковъ, они не замедлили одержать побѣду: Іерусалимъ не выдержалъ ихъ напора и палъ, а города Іудеи также сдѣлались ихъ добычей. Однако, не было болѣе средствъ сдѣлать это временное обновленіе египетскихъ силъ болѣе или менѣе устойчивымъ: лишь

[1]) Менандръ Эфесскій, у Іосифа „Ant. Jud.“, IX, 4.
[2]) „II Кн. Царствъ“, XVII, 3; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 266—269.
[3]) „II Кн. Царствъ“, XVII, 2.

[1]) Осія, XIII 1.
[2]) Исаіи, XXVIII, 1—4.

только власть переходила въ руки посредственнаго фараона, все возвращалось къ прежнему состоянію. Это было особенно видно въ теченіе послѣдующихъ вѣковъ. Преемники Шешонка не сумѣли воспользоваться, подобно ему, благопріятно сложившимися для нихъ обстоятельствами. Они покинули его завоеванія и нисколько, повидимому, не заботились о томъ, что происходило внѣ Египта. Замкнувшись добровольно въ предѣлахъ своего государства, они мирно жили со своими сосѣдями, разумѣется, съ тѣми, которые сами захотѣли даровать имъ миръ. Зато эти спокойные годы царствованія они всецѣло употребили на полезныя общественныя работы. Они занялись постройками во всѣхъ большихъ городахъ Нижняго Египта,—въ Бубастѣ, ихъ обычной резиденціи, въ Танисѣ и Мемфисѣ. Со времени паденія Рамессидовъ, Ѳивы все болѣе и болѣе теряли свое значеніе. Населеніе, нѣкогда привлекаемое сюда мѣстопребываніемъ царей и развитіемъ торговли, постепенно отхлынуло: мѣстами оно почти совсѣмъ исчезло, но продержалось въ достаточномъ количествѣ вокругъ главныхъ храмовъ, образовавъ здѣсь столько же пригородовъ и деревень, сколько большихъ зданій находилось въ древнемъ городѣ. Фараоны, связанные съ Дельтой своимъ происхожденіемъ и политическими соображеніями, не заботились о томъ, чтобы воспрепятствовать этому разрушенію древняго города. Ѳивы были прежде не только столицей Египта, но и столицей всего міра, въ то время, когда міръ этотъ принадлежалъ Египту: удовлетворяя требованіямъ всемірной монархіи, городъ этотъ былъ слишкомъ великъ для одного государства и не могъ существовать. Съ какимъ стараніемъ не возстановлялись впослѣдствіи его древніе монументы и даже воздвигались новые, ничто не могло уже вернуть постепенно уходившую жизнь: это былъ уже не городъ, а скорѣе величественный музей, въ которомъ продолжалъ жить, переживая самого себя, весь угасшій Египетъ временъ ѳиванскихъ династій.

Бубастскіе цари,—Осорконъ I, Такелотъ I, Осорконъ II и Шешонокъ II царствовали уже цѣлое столѣтіе, и, если судить по внѣшности, ничто не измѣнилось въ общемъ состояніи государства; между тѣмъ различныя воздѣйствія, характеръ которыхъ становится для насъ, наконецъ, понятнымъ, продолжали приближать Египетъ все ближе и ближе къ паденію. Во избѣжаніе узурпацій, подобныхъ тѣмъ, какія были произведены главными жрецами Аммона, Шешонкъ и его преемники поставили себѣ за

правило ввѣрять важныя государственныя должности князьямъ царской фамиліи. Одинъ изъ сыновей царствующаго фараона, обыкновенно самый старшій, былъ главнымъ жрецомъ Аммона и правителемъ Ѳивъ [1]), другой управлялъ городомъ Хмуну, третій правилъ въ Хнипсу, остальные же во всѣхъ большихъ городахъ Дельты и Верхняго Египта. Каждый изъ нихъ имѣлъ при себѣ нѣсколько отрядовъ изъ ливійскихъ солдатъ, мазіу и машуашей, которые составляли тогда главную силу египетской арміи и на вѣрность которыхъ они могли разсчитывать. Вскорѣ эти должности правителей сдѣлались наслѣдственными, благодаря чему возстановился древній феодализмъ времени дѣленія Египта на номы, причемъ дѣленіе это произошло въ пользу членовъ царской семьи. Фараонъ продолжалъ пребывать въ Мемфисѣ или Бубастѣ, получая подати, управляя по мѣрѣ возможности центральной администраціей и предсѣдательствуя въ главныхъ церемоніяхъ культа, какъ напримѣръ, при водвореніи новаго и погребеніи умершаго Аписа; но на самомъ дѣлѣ Египетъ былъ раздѣленъ на опредѣленное число княжествъ, изъ которыхъ одни состояли всего изъ нѣсколькихъ городовъ, тогда какъ другія заключали въ себѣ по нѣскольку номовъ. Вскорѣ начальники этихъ княжествъ стали такъ могущественны, что отказались признавать верховную власть фараона: опираясь на толпы наемныхъ ливійцевъ, они захватили въ свои руки не только всѣ государственныя функціи, но дажу и титулъ царя, между тѣмъ какъ законная династія, удалившаяся въ глубь Дельты, едва удерживала за собой остатокъ власти. Это распаденіе Египта началось вскорѣ послѣ смерти Шешонка I, но мы не видимъ никакихъ опредѣленныхъ указаній на него до царствованія Такелота II. Старшій сынъ этого царя, Осорконъ, первосвященникъ Аммона и правитель Ѳивъ и южныхъ областей, сохранилъ неприкосновенность государства только посредствомъ постоянныхъ войнъ [2]). Возмущенія становились все значительнѣе при преемникахъ Такелота II—Шешонкѣ III-емъ, Пими (Пимаи) и Шешонкѣ IV-омъ. Когда послѣдній умеръ. послѣ, по крайней мѣрѣ, 37-ми лѣтняго царствованія [3]), авторитетъ бубастскихъ царей былъ окончательно подорванъ и они лишились верхов-

---

[1]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 253, S. 244, с. 255, a, b, c, 256.

[2]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 256; сравн. Шабасъ; „Mélanges egyptologiques", 2-я серія, стр. 73—107.

[3]) Марьеттъ, Renseignement sur les Apis", въ „Bulletin archéologique de l'Arthenaeum français", 1855, стр. 98—100.

ной власти, которая перешла въ руки другой фамиліи, родомъ изъ Таниса. Танисская династія способствовала временному блеску этого вѣка внезапныхъ переворотовъ; ея основатель, Петсибасти, занялъ мѣсто наслѣдника Шешонка IV и проникъ въ Ѳивы [1]; ему удалось захватить на время верховную власть надъ современными ему правителями, которую почти полвѣка съ грѣхомъ пополамъ поддерживали Осорконъ III и Псимутъ [2]. Подъ ихъ управленіемъ Египетъ дошелъ до крайней степени распаденія: онъ дѣлился между 20-ю правителями, изъ которыхъ четыре, по крайней мѣрѣ, присвоили себѣ гербъ и внѣшніе знаки царской власти [3].

Среди этихъ безпокойныхъ царьковъ-грабителей выдѣлилась одна фамилія, политическая энергія которой и личныя качества ея членовъ помогли ей безъ труда одержать верхъ надъ своими соперниками. Конечно, не было недостатка въ ловкихъ и честолюбивыхъ людяхъ ни въ Танисѣ, ни въ Ханипсу, ни въ Бубастѣ, но ни одинъ изъ городовъ и ни одинъ изъ властителей той эпохи не играли такой выдающейся роли, какъ Саисъ и управлявшіе имъ князья. Дѣятельные, безпокойные, воинственные, вмѣшивающіеся во всѣ событія, происходящія вокругъ нихъ, саисскіе князья, съ самаго момента появленія ихъ на исторической аренѣ, преслѣдовали только одну цѣль, къ которой стремились всѣми силами: смѣстить мелкихъ князей, и основать на развалинахъ мѣстныхъ династій, разоряющихъ страну, новую династію, власть которой простиралась бы на весь Египетъ. Исторія того времени является, въ сущности, исторіей ихъ попытокъ къ достиженію этой цѣли и пораженій, на каждомъ шагу замедлявшихъ успѣхъ ихъ честолюбивыхъ замысловъ. Мелкіе князья, составившіе коалицію противъ нихъ и неспособные противостоять имъ, стали призывать на помощь чужеземцевъ, жертвуя интересами своей общей родины въ угоду своимъ эгоистическимъ цѣлямъ. Слѣдствіемъ всего этого явились эѳіопскія нашествія, причемъ кушитская династія остановила на время захваты саисскихъ царей, не будучи, од-

[1]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 259, a, b.

[2]) Лепсіусъ, „Ueber die XXII Königsdynastie". Псимутъ, котораго Лепсіусъ причисляетъ къ 23-й династіи, былъ на самомъ дѣлѣ Псимутомъ II-мъ 29-й династіи (Масперо, „Decouverte d'un petit temple á Karnak" въ „Recueil de fravaux", т. IV, стр. 201).

[3]) Сравн. де-Руже, „Mémoire sur une inscription historique de Piankhi Meriamoun", стр. 15 и слѣд.

нако, въ состояніи ни окончательно подчинить ихъ себѣ, ни заставить отказаться отъ своихъ замысловъ. Неудача Тафнахта (Тафнехта), не послужила урокомъ Бокенранфу, а злополучіе послѣдняго нисколько не обезкуражило его преемниковъ. Ассирійское вмѣшательство служило для нихъ не болѣе какъ средствомъ для устраненія власти эѳіоповъ. Когда послѣдніе были побѣждены, а ассиріяне занялись своими дѣлами въ Азіи, Псамитикъ (Псаметихъ) снова одержалъ верхъ и, въ концѣ концовъ, осуществилъ постоянную мечту своихъ предшественниковъ. Въ нѣсколько лѣтъ онъ объединилъ подъ своей властью всю страну и провозгласилъ начало 26-й династіи, при которой Египту предстояло пережить еще разъ кратковременный періодъ славы и благоденствія [1]).

Тафнахтъ былъ первымъ изъ саисскихъ царей, извѣстныхъ намъ по памятникамъ. Онъ былъ темнаго происхожденія и владѣлъ толькп небольшимъ городомъ Нутиромъ, близъ Канопа [2]). Нѣсколько удачныхъ экспедицій противъ своихъ ближайшихъ сосѣдей позволили ему вскорѣ расширить кругъ своихъ предпріятій. Война велась преимущественно при помощи осадъ. Мѣстные властители, владѣя каждый частицею національной территоріи, могли удержаться только силою своего оружія: они чувствовали себя среди враждебной страны и, чтобы оградить себя отъ честолюбивыхъ притязаній своихъ соперниковъ, должны были сильно укрѣпляться. Въ продолженіе столѣтія поверхность Египта покрывалась все новыми крѣпостями, расположенными въ стратегическихъ пунктахъ долины на рѣдкихъ возвышенностяхъ, подгическихъ пунктахъ долины на рѣдкихъ возвышенностяхъ, поднимающихся по берегу Нила, на островахъ или при соединеніи навигаціонныхъ каналовъ. Запершись въ своихъ замкахъ, или укрѣпленныхъ городахъ, окруженные наемными машуашами, или тагонну, мелкіе египетскіе князья оказывали непріятелю отчаянное сопротивленіе. Тафнахту удалось восторжествовать надъ ними. Онъ овладѣлъ всѣми номами, расположенными къ западу отъ главнаго рукава рѣки,—саисскимъ, атрибійскимъ, ливійскимъ и мемфисскимъ. Пощадивъ области, лежавшія къ востоку отъ Дельты, гдѣ продолжали царствовать цари танисской династіи, онъ поднялся вверхъ по Нилу, при чемъ Митумъ, Файюмъ, Хнинсу,

[1]) Масперо, въ „Revue critique", 1869, II, стр. 377.

[2]) По коптски Манути, около Канопы (Бругшъ, „G. Ius", I, стр. 289—290, и Шамполіонъ, „L'Egypte sous les Pharaons", II, стр. 262).

со своимъ царемъ Пефаабасти, и Хмуну, со своимъ царемъ Осоркономъ, признали его владычество. Онъ перешелъ затѣмъ на правый берегъ рѣки и здѣсь утвердилъ свою власть надъ Ономъ и Пнибтепахе (Панебтепахе). Успѣхъ его все возросталъ, и онъ уже успѣлъ обложить контрибуціей номъ Уабы, когда еще непокоренные имъ князья Дельты и Верхняго Египта обратились къ единственному государству, бывшему въ то время въ состояніи противостоять ему,—къ Эфіопіи [1].

Потомки царей-жрецовъ Аммона-Ра, сосланные въ Нубію фараонами 22-й династіи, объединивши провинцію, завоеванныя за двадцать вѣковъ передъ тѣмъ Узертезенами, основали тамъ независимое государство съ столицей Напата. Построенная у подножія холма, прозваннаго благочестивыми жителями Святой горой (Ду-уабу), и долго считавшаяся центромъ египетской провинціи въ Эѳіопіи, Папмта сдѣлалась въ рукахъ новыхъ властелиновъ своего рода эѳіопскими Ѳивами и, по мѣрѣ возможности, слѣпкомъ съ египетскихъ Ѳивъ. Аммонъ-Ра, царь боговъ, вмѣстѣ съ Мутомъ и Хонсу, былъ главнымъ божествомъ Напаты: храмъ его былъ выстроенъ по образцу карнакскихъ святилищъ, а совершившіяся въ немъ церемоніи были повтореніемъ церемоній ѳиванскаго культа. Цари, прежде всего жрецы, какими они нѣкогда были въ своемъ отечествѣ, стояли во главѣ этого теократическаго государства, границы котораго хотя мѣнялись въ различныя эпохи, но простирались обыкновенно отъ горъ Абиссиніи до второго нильскаго водопада. Въ самой долинѣ, между Сіеной и притокомъ Такаццой, колонисты египетской расы составляли главное основаніе народонаселенія, а въ равнинахъ Верхняго Нила жили народы различнаго происхожденія. Нѣкоторые изъ нихъ имѣли черный цвѣтъ кожи; другіе, союзники гилійаритовъ, пришедшіе изъ Южной Аравіи, говорили на семетическомъ нарѣчіи; нѣкоторые, наконецъ, приближались, по типу и языку, къ египтянамъ и берберамъ. Сначала египетскій элементъ преобладалъ надъ остальными и управлялъ общей политикой. Постоянно возвращаясь въ своихъ воспоминаніяхъ къ Ѳивамъ, какъ мѣсту своего происхожденія, съ которымъ вдобавокъ они были связаны религіозными традиціями, цари-жрецы Напаты старались возвратить себѣ, по крайней мѣрѣ, хоть югъ Египта и достигли, наконецъ, этой цѣли къ половинѣ царствованія 23-й династіи, причемъ имъ удалось подвинуть свои аванпосты до самыхъ окрестностей Абидоса.

[1]) Марьеттъ, „Monuments divers“, I, табл. 1, строка 1—7. Сравн. де-Руже, „Mémoire sur une inscription historique de Piankhi Meriamoun“, стр. 3—4, 21—23.

Піонхи-Міамунъ, тотъ именно изъ нихъ, къ которому князья египетскихъ номовъ обратились за помощью, царствовалъ уже двадцать лѣтъ, когда ему было сдѣлано предложеніе завоевать Египетъ. Мысль объединить всю Нильскую долину подъ своей властью понравилась ему; онъ отдалъ приказаніе своимъ войскамъ, находившимся въ Ѳиваидѣ, немедленно выступить впередъ, а самъ занялся собираніемъ своихъ главныхъ силъ въ Напатѣ и тоже готовился выступить въ походъ. Война началась удачно: эѳіопскій флотъ встрѣтился къ сѣверу отъ Абидоса съ флотомъ Тафнахта, который плылъ къ Ѳивамъ, нагруженный солдатами и провіантомъ, и, уничтоживъ одну часть его, другую заставилъ отступить. Другой флотъ, снаряженный общими силами трехъ царей и всѣхъ вассаловъ Тафнахта, былъ разбитъ послѣ трехдневной битвы, послѣ чего эѳіопяне высадились въ номѣ Унъ. Медлительность ихъ дѣйствій позволила царю Намрутъ броситься въ Хмуну и подготовить его къ защитѣ; часть вторгшихся войскъ остались на мѣстѣ для наблюденій, тогда какъ остальныя войска продолжали итти на сѣверъ, по лѣвому берегу рѣки, черезъ Памазитъ, и по правому берегу, черезъ Та-Тегни-Оарнахту [1]) и Гбонну. Намрутъ, окруженный со всѣхъ сторонъ, не могъ уже ждать помощи ни отъ своихъ союзниковъ, ни отъ своего сюзерена: тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ сопротивляться и стѣснять дѣйствія завоевателей, и смирился не раньше, какъ явился самъ Піонхи во главѣ многочисленной арміи. Піонхи перемѣнилъ блокаду Хмуну на правильную осаду: онъ велѣлъ соорудить земляныя насыпи вокругъ стѣнъ осаждаемаго города и при помощи ихъ подкатывалъ къ стѣнамъ башни, наполненныя стрѣлками и пращниками. Черезъ три дня городъ, осажденный со всѣхъ сторонъ заразъ, не могъ болѣе держаться, и комендантъ его просилъ пощады при посредствѣ своей жены, царицы Нситентиси, (Нестентисъ) и женщинъ гарема. Піонхи помиловалъ его, вошелъ въ городъ при громкихъ восклицаніяхъ и, отправившись помолиться въ храмъ

[1]) Теперешній Тегне (Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“, въ „Melanges“, т. I, стр. 291—292) на правомъ берегу Нила, нѣсколько ниже Миніэ. Сравн. относительно Тегне Уилькинсона, „Handbook“, стр. 275—276.

Тота, торжественно принялъ военную добычу именемъ Аммона ѳиванскаго. Паденіе Хмуну повлекло за собой подчиненіе всего Средняго Египта. Хнинсу сдался безъ сопротивленія такъ же, какъ и Писохмухопирри [1]), защищавшія входъ въ Файюмъ. Митумъ, Писокарсагазъ и даже Титоди послѣдовали ихъ примѣру, и Піонхи достигъ воротъ Мемфиса почти безъ кровопролитія.

Прибывъ туда, онъ немедленно послалъ требовать сдачи города. „Не запирайте вашихъ воротъ: не сражайтесь противъ одноплеменной страны [2]). Шу, богъ-творецъ, входилъ вмѣстѣ со мной; когда я выхожу, и онъ выходитъ; поэтому нельзя сопротивляться моему нападенію. Я хочу только принести жертву богу Фта и богамъ Мемфисскаго нома; я хочу поклониться богу Сокари и въ его храмѣ созерцать бога Рисанбуфа, а затѣмъ я уйду съ миромъ. Если вы мнѣ сдадите Мемфисъ, я пощажу его и даже младенца не заставлю пролить слезъ. Посмотрите на южные номы: тамъ никого не убивали, кромѣ нечестивцевъ, хулившихъ Бога. Эти упрямцы были казнены“. Въ подкрѣпленіе своихъ словъ Піонхи послалъ отрядъ стрѣлковъ, матросовъ и инженерныхъ солдатъ, которые должны были овладѣть гаванью Мемфиса. Но гарнизонъ былъ насторожѣ: онъ отразилъ эти отряды, причинивъ имъ серьезныя потери. Вскорѣ послѣ того Тафнахтъ, воспользовавшись темнотою ночи, проникъ въ крѣпость съ восьмитысячнымъ отрядомъ воиновъ и большимъ запасомъ оружія; укрѣпивъ затѣмъ слабыя мѣста въ крѣпостныхъ стѣнахъ, онъ направился на сѣверъ съ цѣлью набрать новую армію. Онъ разсчитывалъ на продолжительное сопротивленіе, но эѳіопскій флотъ, обманувъ бдительность осажденныхъ, неожиданно проникъ въ гавань и захватилъ всѣ находившіеся тамъ саисскіе корабли, между тѣмъ какъ часть сухопутной арміи, (саперовъ и стрѣлковъ изъ лука), проскользнувъ вдоль рѣки, проникла въ городъ со стороны набережныхъ. Послѣ двухдневной битвы на улицахъ города, гарнизонъ сложилъ оружіе, и Піонхи могъ продолжать свой походъ. Овладѣвъ сосѣдними крѣпостями, онъ остановился на время въ Геліополисѣ для совершенія жертвоприношеній. „Онъ взошелъ по лѣстницѣ, ведущей въ большой адитонъ [3]), чтобы созерцать бога,

[1]) Укрѣпленное мѣсто, при входѣ въ Файюмъ, теперь Иллагунъ.

[2]) Хону—Верхній Египетъ въ Эѳіопіи.

[3]) Святая Святыхъ — недоступная для простыхъ смертныхъ часть древнихъ храмовъ.

который самолично пребываетъ въ Габенбонѣ. Собственноручно снявъ засовъ и открывъ двери, онъ созерцалъ своего отца Ра въ Габенбонѣ, наладилъ лодку Мадитъ бога Ра и лодку Сོктитъ бога Шу, послѣ чего закрылъ двери и, наложивъ кусокъ печатной глины, оттиснулъ на ней царскую печать“. Осорконъ, царь Бубаста, призналъ новаго фараона, а приближеніе эѳіопянъ заставило другихъ правителей Дельты послѣдовать его примѣру. Тафнахтъ, покинутый своими вассалами, просилъ мира, который Піонхи даровалъ ему безъ всякихъ условій. Послѣ церемоніи принятія вѣрноподданической присяги отъ покоренныхъ, происшедшей близъ Атрибиса, въ самомъ сердцѣ Нижняго Египта, онъ возвратился въ Напату, озаренный славою и обремененный богатой добычей — „золотомъ, серебромъ, бронзой, богатыми одеждами и вообще всѣми лучшими произведеніями сѣверныхъ странъ и всѣми товарами Сиріи и Аравіи“ [1]).

Въ первый разъ, послѣ двухсотлѣтняго промежутка, царство фараоновъ было опять возстановлено отъ истоковъ Голубого Нила до устьевъ рѣки, но на этотъ разъ уже не въ пользу Египта. Эѳіопія, такъ долго находившаяся въ вассальной зависимости, въ свою очередь достигла верховной власти, и Напата сдѣлалась царицею всѣхъ городовъ, вмѣсто Ѳивъ и Мемфиса. Неизвѣстно, сколько времени тянулось это первое порабощеніе Египта: можетъ быть, оно продолжалось только во время жизни Піонхи, а можетъ быть и того меньше. Побѣды эѳіопянъ не уничтожили зародыша раздоровъ, терзавшихъ страну. Мелкіе правители, призвавшіе на помощь чужеземцевъ, не хотѣли всецѣло подчиниться побѣдителю; они рѣшились сохранить свою независимость и, дѣйствительно, сохранили ее подъ видомъ покорности. Тафнахтъ былъ побѣжденъ, но не обезсиленъ. Пораженіе способствовало, наоборотъ, признанію за нимъ царской власти. До сихъ поръ это былъ ловкій авантюристъ, военачальникъ, не имѣвшій другихъ заслугъ, кромѣ своихъ побѣдъ, другого права, кромѣ права сильнаго. Піонхи, принявъ отъ него изъявленіе покорности, офиціально пожаловалъ его наслѣдственнымъ царскимъ титуломъ.

[1]) Надпись большого памятника Піонхи, обнародованная Марьеттомъ, „Monuments divers“, табл. I—VIII, была переведена на французскій языкъ Э. де-Руже („Chrestomatie égyptienne“, IV выпускъ), на нѣмецкій Лаутомъ и Бругшемъ, на англійскій—Кукомъ.

Съ этихъ поръ Тафнахтъ царствовалъ въ Саисѣ на такомъ же законномъ основаній, кикъ Осорконъ III въ Бубастѣ, Намрутъ въ Хмуну, Пефаабасти въ Хнинсу и другіе князья въ прочихъ городахъ Египта. Эѳіопія была далеко, а танисская династія лишилась всякой силы и значенія; Тафнахтъ не замедлилъ воспользоваться этимъ и занять подобающее мѣсто на исторической аренѣ Египта. Событія благопріятствовали честолюбивымъ замысламъ какъ его самого, такъ и его сына. Піонхи умеръ вскорѣ по возвращеніи изъ Египта, и мѣсто его занялъ нѣкій Кашто, имя котораго указываетъ на его происхожденіе, чуждое роду великихъ жрецовъ Аммона. Кашто достигъ престола, благодаря своей женитьбѣ на неизвѣстной пока намъ принцессѣ ѳиванской царской фамиліи, можетъ быть, даже на одной изъ дочерей Піонхи. Существуетъ предположеніе, что воцареніе его и перемѣна династіи повлекли за собой смуты, заставившія его отозвать войска изъ Средняго и нижняго Египта [1]. Бокенранфъ, наслѣдовавшій Тафнахту, продолжалъ политику своего отца, которую ему удалось осуществить, вслѣдствіе удаленія эѳіоповъ. Благодаря своимъ личнымъ достоинствамъ и энергичному образу дѣйствій, онъ добился необыкновеннаго успѣха, и долго послѣ его смерти народъ разсказывалъ о немъ всевозможныя чудесныя легенды [2]. Онъ былъ, какъ говорятъ, слабъ тѣломъ и не отличался красивой внѣшностью, но недостатки эти искупались тонкимъ умомъ [3]; онъ оставилъ по себѣ репутацію князя, ведшаго простой образъ жизни [4], мудраго законодателя [5] и неподкупнаго судьи [6]. Рѣдкіе памятники его царствованія хранятъ молчаніе относительно фактовъ его дѣятельности [7]: но все, что мы знаемъ о жизни

---

1) Относительно Кашто см. Марьеттъ, „Notice des principaux monuments et monuments divers“, табл. XLVIII, 3; де-Руже, „Etude sur les monuments du régne de Tahraka въ „Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne“, I, стр. 87—88.

2) Эліенъ называетъ его... τὸν Βόκχοριν ἀδόμενον ἐκεῖνον („H. An.“, XII, 3).

3) Діодоръ, I, 65, 94.

4) Алексисъ, въ „Athénée“, X, 13, 418.

5) Діодоръ, II, 94.

6) Плутархъ, „De vitios, Pud.“, 3.

7) Они находятся теперь въ Луврѣ и всѣ относятся къ погребенію Аписа, умершаго въ VI году царствованія Бокенранфа. Сравн. Марьеттъ, „Renseignements sur les Apis“ въ „Bulletin archéologique de l'Athenaeum français“, 1856, стр. 58—62.

Тафнахта, бросаетъ яркій свѣтъ и на жизнь его сына. Это было время неустанной борьбы съ мелкими правителями, цѣлаго ряда войнъ, направленныхъ сначала къ покоренію Дельты и Средняго Египта, а затѣмъ имѣвшихъ цѣлью сохранить завоеванія и удержать недолговѣчное господство завоевателей. Современники не вѣрили въ продолжительное существованіе династіи, и сами боги возвѣщали ея паденіе различными угрожающими предзнаменованіями [1]. Кашто умеръ, оставивъ наслѣдниками сына своего Шабаку (Сабаконъ) и дочь, Амениритисъ. Шабаку былъ, какъ вскорѣ показали событія, дѣятельнымъ и энергичнымъ государемъ, которому возмущеніе жителей Саиса и учрежденіе новой династіи не могли прійтись по вкусу. Онъ совершилъ новый походъ для завоеванія Египта, поддерживаемый, безъ сомнѣнія, въ своемъ предпріятіи такъ же, какъ нѣкогда Піонхи, правителями отдѣльныхъ египетскихъ номовъ. Бокенранфъ, взятый въ плѣнъ въ Саисѣ послѣ семилѣтняго царствованія, былъ въ качествѣ бунтовщика [2] сожженъ живымъ. На этотъ разъ саисская династія навлекла на себя такой ударъ, который, казалось, долженъ былъ навсегда разсѣять всѣ ея притязанія. Лишенные своихъ титуловъ и владѣній, родственники Бокенранфа бѣжали въ болота Дельты, гдѣ исторія ихъ кочевой жизни пріобрѣла большую популярность и сдѣлалась источникомъ легенды о слѣпомъ Анисисѣ, скрывшемся на маленькій островокъ озера Мензале [3] и тамъ ожидавшемъ въ продолженіи 50 лѣтъ удаленія эѳіопянъ изъ Египта [4].

Теперь уже не было, какъ во времена Піонхи, вопроса о томъ, чтобы привести Египетъ въ вассальную зависимость отъ Эѳіопіи. Шабаку овладѣлъ всѣми прерогативами власти фараоновъ и сталъ главой новой династіи, состоявшей исключительно изъ эѳіопскихъ царей [5].

Шабаку старался, по крайней мѣрѣ, преобразовать страну, которой навязалъ себя въ правители, и мудростью своего управле-

---

1) Таково появленіе двухголоваго барана о восьми ногахъ, одареннаго человѣческимъ голосомъ (Элліенъ, „H. An.“, XII, 3); сравн. Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 241.

2) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 246; сравн. де-Руже, „Inscription historique de Piankhi Meriamoun“, стр. 23.

3) Теннезисъ, по Лепсіусу.

4) Геродотъ, II, CXXXVII—CXL.

5) Геродотъ, II, CXXXVI—CXXXVIII; Діодоръ, I, 65.

нія заставилъ ее забыть его иностранное происхожденіе. Онъ уважалъ мѣстныхъ князей, но учредилъ за ними строгое наблюденіе и заставилъ ихъ повиноваться себѣ, какъ если бы они были простыми правителями провинцій. Уменьшеніе ихъ самостоятельности и объединеніе страны въ однѣхъ рукахъ облегчили возможность предпринять общественныя работы, исполненію которыхъ помѣшали войны предшествующихъ столѣтій. Шоссейныя дороги были исправлены, каналы расчищены и число ихъ увеличено, почва городовъ приподнята для защиты ихъ отъ наводненія. Особенно много выигралъ при этомъ Бубастъ, но и другіе города не были забыты. По приказанію царя, многіе изъ пришедшихъ въ упадокъ мемфисскихъ храмовъ были реставрированы, а стертыя отъ времени надписи выгравированы заново [1]). Ѳивы, непосредственно подчиненныя царицѣ Амениритисъ, широко воспользовались милостивымъ расположеніемъ новыхъ властелиновъ. Въ Луксорѣ были передѣланы заново архитектурныя украшенія главной двери, находящейся между двумя столбами большого пилона; въ Карнакѣ были реставрированы нѣкоторыя части храма Аммона. Чтобы обезпечить себя рабочими, Шабаку замѣнилъ смертную казнь общественными работами, и эта разсчетливая политика доставила ему въ Египтѣ славу милосерднаго монарха [2]). Миръ былъ, наконецъ, возстановленъ въ странѣ, и она, вздохнувъ спокойно, начала опять оправляться съ той удивительной жизненной энергіей, примѣръ которой она не разъ уже давала въ исторіи.

Столь неожиданное возрожденіе должно было обратить на себя вниманіе чужеземныхъ народовъ. Если цари израильскіе и іудейскіе недавно еще искали поддержки незначительнаго царька танисскаго, затеряннаго въ углу Дельты, то чего только ни сдѣлали бы они теперь, чтобы заручиться дружбой государя, господство котораго простиралось отъ баснословныхъ областей Эѳіопіи до береговъ Средиземнаго моря, и который могъ поставить на ноги не менѣе значительныя силы, чѣмъ сами ассирійскіе цари. Финикіяне, евреи, филистимляне, вообще всѣ народы, которымъ не давали покоя честолюбивыя стремленія Тиглатфаласарры, почувствовали, что, если спасеніе можетъ еще притти

[1]) Шарпъ, „Egypt. Inscript.“, I, 30; сравн. де-Руже, „Sur quelques monuments du régne de Taharaka“, въ „Recueil“, I, стр. 12, 20—11; Гудвенъ (Goodwin), „Upon an inscription of the reign of Shabaka“ у Шабаса, „Mélanges égyptologiques“, 3-я серія, I, стр. 349 и слѣд.

[2]) Геродотъ, II, CXXXVII; Діодоръ, I, 65.

откуда-нибудь, то только изъ Египта. Осія послалъ подарки Шабаку и просилъ его союзничества противъ Салманасара [1]). Самые разнообразные мотивы побуждали эѳіопскаго царя хорошо отнестись къ этимъ предложеніямъ. Онъ зналъ, что его египетскіе предшественники владѣли Палестиной и доходили съ оружіемъ въ рукахъ до Тигра, и то, что было когда-то возможно и окружало египетскихъ царей такою славой, казалось ему возможнымъ и теперь. Но если бы даже желаніе присоединить свое имя къ длинному списку фараоновъ-завоевателей не могло расположить его въ пользу евреевъ, одна предусмотрительность подсказывала ему необходимость не обезкураживать ихъ. Успѣхи ассиріянъ на Суэцкомъ перешейкѣ, сначала медленные, но все болѣе и болѣе ускорявшіеся за послѣдніе двадцать лѣтъ, приняли угрожающій характеръ и служили для египтянъ источникомъ постоянныхъ опасеній. Приходилось или побѣдить новыхъ властителей Азіи и отбросить ихъ за Евфратъ, или по крайней мѣрѣ, воздвигнуть между ними и Египтомъ стѣну изъ мелкихъ государствъ, о которую разбивались бы всѣ ихъ наступательныя дѣйствія. Шабаку сдѣлалъ видъ, что принимаетъ подарки Осіи, какъ должную дань, а его просьбу о помощи, какъ изъявленіе покорности, и на стѣнахъ Карнака, на которыя неоднократно заносились нѣ-

[1]) „II Кн. Царствъ“, XVII, 4. Въ еврейскомъ текстѣ фараонъ, къ которому обратился Осія, зовется סבא Севе, Суа, Со; съ другой стороны, ассирійскіе тексты называютъ его Сабакъ, Сабе, а его преемника Сабитку, Сабтіэ; Оппертъ даетъ объясненіе такого удивительнаго разногласія между египетскимъ, ассирійскимъ и еврейскимъ текстами (Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie“, стр. 12—14). Геэзъ (древній абиссинскій языкъ) обладаетъ цѣлымъ классомъ особыхъ гортанныхъ звуковъ, не существующихъ въ иныхъ симитическихъ нарѣчіяхъ, и одинъ изъ этихъ звуковъ входилъ въ составъ именъ двухъ эѳіопскихъ монарховъ. Еврейскій языкъ окончательно исключаетъ эту неудобную букву въ словахъ Севе, Суа, Со; египетскій замѣняетъ ее соотвѣтствующимъ звукомъ, болѣе грубымъ, чѣмъ К, ר. Итакъ, для именъ эѳіопскихъ царей имѣется слѣдующая гамма варіантовъ:

Эѳіопскій.	Египетскій.	Ассирійскій.	Еврейскій.	Греческій.
Шабаку.	Шабаку.	Сабе.	Севе, Суа, Со.	Σαβάκων (Гер.) Σαβάκων.
Шабитку.	Шабитку.	Сабтіэ.		. . . . Σεβίχως.
Тагарку.	Тагарку.	Тарку.	Тирака.	Τεαρκά (Страб.) Τάρκος.
				Θαρσίκης (Іос.) Τώρακος.

когда имена побѣжденныхъ народовъ, появилась новая надпись, свидѣтельствующая о томъ фактѣ, который тщеславію эѳіопскаго царя угодно было назвать „данью Сиріи". Сношенія эти велись, однако, не настолько тайно, чтобы ускользнуть отъ вниманія ассиріянъ. Салманасаръ, увѣдомленный о томъ, что происходило, призвалъ къ себѣ Осію, и, застигнутый врасплохъ, еврейскій царь долженъ былъ повиноваться приказаніямъ своего верховнаго властелина. Если онъ надѣялся оправдать этимъ свое поведеніе, то жестоко обманулся; Салманасаръ велѣлъ бросить его въ темницу и онъ погибъ въ ней, забытый всѣми. Ассирійская армія вступила на израильскую территорію и въ послѣдній разъ осадила Самарію. Аристократія колѣна Ефремова, лишенная своего главы, храбро сопротивлялась. Шабаку не нашелъ нужнымъ притти на помощь союзникамъ, дѣло которыхъ казалось окончательно проиграннымъ, но помощь эта явилась съ другой стороны. Въ то время Тиръ восторжествовалъ надъ возставшими китійцами и его царь, Лулія, въ свою очередь возмутился противъ Ассиріи. Салманасаръ, оставивъ часть войска подъ стѣнами Самаріи, отправился во главѣ главныхъ силъ своей арміи въ Финикію. Вся материковая часть Тира скоро перешла въ его руки, но самый городъ, защищенный моремъ, противостоялъ всѣмъ его усиліямъ. Салманасаръ собралъ у своихъ вассаловъ, въ Сидонѣ, Гебелѣ и Арадѣ, 60 кораблей, нагрузилъ ихъ ассирійскими отрядами и намѣревался высадиться на островѣ. Но флотъ этотъ былъ уничтоженъ эскадрой изъ двѣнадцати тирскихъ судовъ, причемъ 500 ассирійскихъ воиновъ попали въ руки непріятеля. Тогда Салманасаръ отказался отъ непосредственной атаки и перемѣнилъ атаку на континентальную блокаду, въ надеждѣ, что недостатокъ воды заставитъ Тиръ сдаться [1]). Онъ употребилъ на это всѣ силы своего государства и всю остальную часть своей жизни: блокада Тира и Самаріи продолжалась уже два года, когда онъ вдругъ умеръ какимъ-то таинственнымъ образомъ, не оставивъ послѣ себя дѣтей. Саргонъ (Сарукинъ), одинъ изъ его сановниковъ, наслѣдовалъ ему въ командованіи арміей и въ управленіи имперіей (722).

Неизвѣстно достовѣрно, какія права могъ имѣть Саргонъ на корону; очень возможно, что онъ находился въ отдаленной связи съ угасшимъ со Салманасаромъ царскимъ родомъ; возможно также,

[1]) Менандръ Эфесскій у Іосифа, „And. Jud.", IX, 14, 2.

что у него не было другихъ правъ на царство, кромѣ личныхъ достоинствъ и блестящихъ услугъ, оказанныхъ имъ въ предыдущія царствованія [1]).

На первыхъ же порахъ ему пришлось одновременно вести войны въ Сузіанѣ и Сиріи. Послѣдняя находилась далеко отъ Нинивіи, и неудача на берегахъ Средиземнаго моря не компрометтировала еще всю монархію; поэтому новый царь обратился туда, гдѣ необходимость въ его присутствіи была настоятельнѣе. Если жители Сузіаны разсчитывали извлечь немаловажную пользу изъ смутъ, могущихъ возникнуть при перемѣнѣ династіи, то они жестоко ошиблись въ разсчетахъ, и ихъ усилія одолѣть непріятеля, по крайней мѣрѣ, численностью, для чего они соединились съ халдейскими войсками, — не привели ни къ чему. Саргонъ разбилъ соединенныхъ сузіанцевъ и халдеевъ, собравшихся въ равнинахъ Клау, послѣ чего поспѣшилъ обратить свое оружіе противъ Палестины. Упорство Тира и продолжительное сопротивленіе Самаріи привлекли къ возстанію многихъ сирійскихъ правителей; необходимо было или немедленно подавить ихъ слабыя попытки, или же приготовиться къ борьбѣ съ коалиціей, которая въ непродолжительномъ времени могла образоваться изъ всѣхъ сирійскихъ народовъ. Саргонъ отправился въ лагерь, расположенный подъ стѣнами Самаріи, и быстро поведенная имъ осада гарнизона, уже истощеннаго двухлѣтней борьбой, окончилась сдачей этой крѣпости. Она была разграблена а жители ея уведены въ плѣнъ и поселены въ „Калахѣ и въ Хаворѣ, при рѣкѣ Гозанѣ, и въ городахъ мидійскихъ" [2]). Населеніе Самаріи было замѣнено халдеями, взятыми въ плѣнъ въ Калу, а позднѣе колонистами изъ Гамата; во дворцѣ израильскихъ царей поселился ассирійскій правитель, а на томъ мѣстѣ, гдѣ находились алтари Іеговы, воздвигнуты были храмы ассирійскихъ боговъ. Часть сельскихъ жителей не могла снести чужеземнаго господства и эмигрировала: одни поселились въ Іудеѣ у царя Езекіи, другіе бѣжали въ предѣлы самаго Египта [3]).

[1]) Шрадеръ, Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 267—269.

[2]) 27,280 душъ, по свидѣтельству самого Саргона (Оппертъ, Inscription du palais de Khorsabad").

[3]) „II Кн. Царствъ", XVII, 30: сравн. Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 271—285.

Такъ пала Самарія, а съ нею и царство Израильское, а вмѣстѣ съ Израилемъ и послѣдняя преграда, отдѣлявшая Египетъ отъ Ассиріи.

Движеніе, начатое Ассурназирпаломъ, достигло, наконецъ, своей цѣли: какъ нѣкогда на берегахъ Тигра и Евфрата, такъ и теперь на границѣ Африки и Азіи, двѣ враждебныя державы встрѣтились лицомъ къ лицу, готовясь еще разъ оспаривать другъ у друга всемірное господство.

Таблица 22-й, 23-й и 24-й династій:

Двадцать вторая династія (бубастская).

I. Уазхонирри сотпенри Шешонкъ I Міамунъ, Σεσώγχις.
II. Схемхопирри сотпенри Осорконъ I Міамунъ, Ὀσορθών.
III. Уазаменри сотпенаменъ Нутиргиконъ Такелотъ I Міамунъ Сіиситъ.
IV. Усирмари сотпенаменъ Осорконъ II Міамунъ Сибаститъ.
V. Схемхопирри сотпенаменъ Шешонкъ II Міамунъ.
VI. Уазхопирри сотпенаментъ Такелотъ II Міамунъ Сіиситъ, Τακέλλωθις.
VII. Усирмари сотпенаменъ Шешонкъ III Міамунъ Сибаститъ.
VIII. Усирмари сотпенаменъ Пими Міамунъ.
IX. Ахопирри Шешонкъ IV Міамунъ.

Двадцать третья династія (танисская).

I. Ширирп, Петсибастисъ, Πετούβαστις.
II. Ахопирри сотпенаменъ Осорконъ III Міамунрп, Ὀσορχῶ.
III. . . . . Ψαμμοῦς.
IV. . . . . Ζήτ.

Двадцать четвертая династія (саисская).

I. Тафнахтъ, Τέχνατις, Τνέφαχθος, Νεόχαβις.
II. Уагкери Бокенранфъ Βόχχορις.

Таблица второй ассирійской династіи:

I. Салманусcуръ II.	IX. Самсирамамъ IV.
II. Ирбарамамъ.	X. Раманнирари.
III. Ассурнадинахе.	XI. Салманусcуръ IV.
IV. Ассурданъ I.	XII. Ассурданъ II.
V. Раманнирари II.	XIII. Ассурнирари.
VI. Тугултининипъ II.	XIV. Тугултипалесарра II.
VII. Ассурназирпалъ.	XV. Салманусcуръ V.
VIII. Салманусcуръ III.	

Списокъ израильскихъ царей:

I. Іеровоамъ I.	II. Надабъ.
Домъ Ваасы.	
III. Вааса.	IV. Ила.
V. Зимри.	
Домъ Омри (Амврія).	
VI. Омри.	VIII. Ахазія (Охозія).
VII. Ахавъ.	IX. Іорамъ.
Домъ Інуя.	
X. Інуй.	XII. Іоазъ.
XI. Іоахазъ.	XIII. Іеровоамъ II.
XIV. Захарія.	
XV. Саллумъ (Халлумъ).	
XVI. Менаимъ (Менахемъ).	
XVII. Пекахія.	
XVIII. Пекахъ.	
XIX. Осія.	

КНИГА IV.

Саргониды и Востокъ до воцаренія Кира.

ГЛАВА X.

САРГОНИДЫ.

Саргонъ (722—705); войны съ Египтомъ, Эламомъ и Арменіей; завоеваніе Халдеи.—Сеннахерибъ (705 681); Тагарку и Езекія; войны съ Эламомъ; Асаргаддонъ (681 - 667); походы въ Аравію.—Ассиріяне въ Египтѣ; Тагарку (692—666); завоеваніе Египта Асаргаддономъ (672); Ассурбанипалъ (667—626?); завоеваніе Элама.

Саргонъ (722—705); войны съ Египтомъ, Эламомъ и Арменіей; завоеваніе Халдеи.

До сихъ поръ расширеніе предѣловъ Ассиріи происходило на счетъ полудикихъ племенъ или мелкихъ государствъ, которыя не въ состояніи были продолжительно выдерживать напоръ болѣе многочисленныхъ силъ. Систематическое подчиненіе первыхъ и постепенное покореніе вторыхъ поставили Ассирію лицомъ къ лицу съ государствами, такъ же прочно организованными, какъ и она сама, и способными не только помѣряться съ нею, но и выйти побѣдителями въ этой борьбѣ. На юго-западѣ Ассирія встрѣтилась съ Египтомъ, на сѣверной своей границѣ—съ царствомъ Урарти, на юго-востокѣ завоеваніе халдейскихъ княжествъ поставило ее въ непосредственное соприкосновеніе съ древней монархіей Эламомъ. Египетъ, Урарти и Эламъ остановили притязанія Ассиріи и образовали между нею и остальнымъ міромъ

преграду, черезъ которую она никогда не могла переступить. Саргонъ и его преемники не переставали въ продолженіе полувѣка одерживать побѣды надъ войсками этихъ трехъ государствъ, завоевывать ихъ города, назначать въ послѣднихъ своихъ правителей и вассальныхъ князей и ставить гарнизоны. Но занять такую страну, какъ Египетъ, было не такъ легко, какъ наложить свою руку на Гаргамишъ, Гаматъ или Самарію. Успѣхи ассиріянъ на берегахъ Нила, Араса и Улаи отличались скоропреходящимъ характеромъ и вскорѣ потеряли всякое значеніе вслѣдствіе послѣдовавшихъ неудачъ: ассирійскіе воины не успѣвали утвердиться въ какомъ-нибудь пунктѣ, какъ имъ уже приходилось отказываться отъ своихъ пріобрѣтеній. Правда, своими побѣдами они ослабляли силы непріятеля, но въ свою очередь побѣды эти изнуряли и ихъ, и съ каждымъ новымъ царствованіемъ замѣчался упадокъ ихъ могущества. Нанося пораженія Египту и Эламу, ассиріяне, думавшіе, что работаютъ въ свою пользу, на самомъ дѣлѣ работали въ пользу персовъ.

Съ первыхъ же лѣтъ своего царствованія, Саргону пришлось имѣть дѣло съ Египтомъ, Эламомъ и Урарти, этими тремя врагами его монархіи. Въ Калу въ 721 г. онъ разбилъ эламскаго царя, Хумбанигаса, а въ слѣдующемъ году ему пришлось имѣть дѣло съ Египтомъ. Паденіе Израиля не отразилось неблагопріятно ни на планахъ Шабаку, ни на надеждахъ сирійцевъ. Всѣ, пока еще независимые, государи, на пространствѣ между Евфратомъ и Синаемъ, безпрестанно угрожаемые низложеніемъ, ссылкой или смертью, обращали свои взоры къ эѳіопскому монарху и ждали лишь его знака. Іагубидъ [1]), царь гаматскій, такой же узурпаторъ, какъ и самъ Саргонъ, занимавшій самое выдающееся положеніе въ странѣ послѣ смерти Резона (Рецина, по Библіи) далѣе, повелители Арпада и Дамаска, финикіяне изъ Симиры и небольшое количество евреевъ, оставшихся въ Самаріи,—были готовы взяться за оружіе. Жители Тира уничтожали всѣ усилія, направленныя къ ихъ подчиненію. Правители филистимлянъ, цари моавитянъ и аммонитянъ и даже цари іудейскіе питали открытую или тайную непріязнь къ Ассиріи. Съ 727 г. Іерусалимъ управлялся Езекіей, сыномъ Ахаза. Царь этотъ еще въ юности проявилъ необыкновенное благочестіе, и самый знаменитый изъ еврейскихъ пророковъ, Исаія, сынъ Амоса, сталъ его совѣтникомъ и почти его министромъ.

[1]) Въ другомъ мѣстѣ онъ носитъ названіе Илубидъ, вслѣдствіе замѣны имени божества Іагу, Іегова, именемъ божества Илу.

Призваніе Исаіи произошло въ самый годъ смерти Азаріи, и самъ онъ посвящаетъ этому событію слѣдующую знаменитую страницу: „Въ годъ смерти царя Азіи (т.-е. Азаріи, видѣлъ я Господа, сидящаго на престолѣ высокомъ и превознесенномъ, и края ризъ его наполняли весь храмъ. Вокругъ его стояли серафимы; у каждаго изъ нихъ по шести крылъ; двумя закрывалъ каждый лицо свое, и двумя закрывалъ ноги свои, и двумя леталъ. И взывали они другъ къ другу, и говорили: Святъ, Святъ, Святъ, Господь Саваоѳъ! вся земля полна славы Его! И поколебались верхи вратъ отъ гласа восклицающихъ, и домъ наполнился куреніями. И сказалъ я: горе мнѣ! погибъ я! Ибо я человѣкъ съ нечистыми устами,—и глаза мои видѣли Царя, Господа Саваоѳа! Тогда прилетѣлъ ко мнѣ одинъ изъ серафимовъ, и въ рукѣ у него горящій уголь, который онъ взялъ клещами съ жертвенника, коснулся устъ моихъ, и сказалъ: вотъ, это коснулось устъ твоихъ, и беззаконіе твое удалено отъ тебя, и грѣхъ твой очищенъ“ [1]). Здѣсь на лицо всѣ черты первоначальнаго культа: земля колеблется до основаній при одномъ звукѣ голоса посланниковъ Божіихъ, и дымъ отъ жертвенныхъ куреній клубами наполняетъ внутренность храма. Но все это не имѣетъ уже реальнаго значенія въ глазахъ пророка; для него это не болѣе какъ образы, предназначенные къ возвеличенію славы Божіей [2]). Еще живѣе, чѣмъ пророки Амосъ и Осія, Исаія чувствовалъ приближеніе опасности, угрожавшей Іерусалиму. Когда Ахазъ, угрожаемый Резономъ II-мъ и Пекахомъ (Факіей, по Библіи), обратился за помощью къ царю Ассиріи, такъ какъ „всколебалось сердце его и сердце народа его, какъ колеблются отъ вѣтра дерева въ лѣсу“,—Исаія всѣми силами вооружился противъ этого нечестиваго союза. Онъ увѣщевалъ, что всѣ измышленія враговъ Іудеи тщетны, потому что „Господь Богъ такъ говоритъ Ахазу: это не состоится и не сбудется“, ибо прежде нежели младенецъ“, котораго „Дѣва во чревѣ пріиметъ“, „будетъ разумѣть отвергать худое и избирать доброе, земля та, которой ты страшишься будетъ оставлена обоими царями ея“. Возмущаясь тѣмъ, что потомки Давида сами призываютъ въ страну свою иноземцевъ, Исаія

[1]) Исаія, VI, 1—7.
[2]) Тиле (Tiele) „Vergelijkende Geschiedenis“, стр. 700 и слѣд.

угрожалъ Ахазу гнѣвомъ Господнимъ: „Наведетъ Господь на тебя и на народъ твой“, говорилъ онъ, „и на домъ отца твоего дни, какіе не приходили со времени отпаденія Ефрема отъ Іуды, наведетъ царя Ассирійскаго. И будетъ въ тотъ день, дастъ знакъ Господь мухѣ, которая при устьѣ рѣки Египетской, и пчелѣ, которая въ землѣ ассирійской. И прилетятъ и усядутся всѣ онѣ по долинамъ опустѣлымъ, и по разсѣлинамъ скалъ, и по всѣмъ колючимъ кустарникамъ, и по всѣмъ деревамъ“ [1]). Но никто не слушалъ рѣчей пророка, кромѣ нѣсколькихъ „вѣрныхъ свидѣтелей“, въ томъ числѣ священники Уріи и Захаріи, сына Вархіина [2]); Ахазъ же не обращалъ никакого вниманія на слова его. Сынъ Ахаза, Езекія, оказался сговорчивѣе своего отца, и, когда пришло время разрѣшить вопросъ, слѣдуетъ ли Іудеѣ вступить въ союзъ съ эѳіопскимъ царемъ Шабаку,—царь послѣдовалъ совѣту Исаіи и сохранилъ нейтралитетъ.

Дальнѣйшія событія доказали, насколько онъ былъ правъ поступая такимъ образомъ. Іагубидъ былъ разбитъ при Каркарѣ, потомъ взятъ въ плѣнъ, послѣ чего съ него живьемъ содрали кожу [3]), и все это, произошло прежде чѣмъ царь египетскій подоспѣлъ къ нему на помощь. Шабаку едва успѣлъ войти въ Сирію и собрать вокругъ себя войска своего союзника Ганнона, царя Газы, какъ Саргонъ показался уже въ Палестинѣ. Столкновеніе обѣихъ непріятельскихъ армій произошло въ Ропѣ (Рафіа), къ югу отъ Газы, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ пять вѣковъ спустя Птоломей Филопаторъ встрѣтился съ Антіохомъ Великимъ. Египтяне были побѣждены, Ганномъ взятъ, а Шабаку, заблудившійся во время бѣгства, былъ обязанъ своимъ спасеніемъ одному филистимскому пастуху, который провелъ его черезъ пустыню [4]). Пораженіе при Рафіи разсѣяло всѣ завоевательные мечты, которыми убаюкивалъ себя Шабаку, и навсегда подорвало его авторитетъ. Мелкіе царьки Дельты пріободрились и оттѣснили эѳіопянъ къ предѣламъ Ѳиваиды. Танисъ, Бубастъ и Хнису опять сдѣлались независимыми, и одинъ изъ ровственниковъ Бокенранфа, Стефинатесъ, по Манеѳону, возстановилъ верховную власть Саиса и принялъ титулъ фараона. Переворотъ этотъ окончился въ 714 г. и, вѣроято, для того, чтобы возвѣстить о немъ оффиціально за предѣлами своего государства, новый царь послалъ въ томъ же году подарки Саргону. Шабаку, удалившійся въ верхній Египетъ, вскорѣ умеръ тамъ, оставивъ во владѣніе своему сыну, Шабитку, Ѳивы и сосѣдніе номы [1]).

[1]) Исаія, VII, 2—7, 14—19.

[2]) Исаія, VIII, 2.

[3]) Оппертъ, „Grande inscription du palais de Khorsabad“, стр. 84—93; Ж. Менанъ, „Annales“, стр. 182 и 200—201; Дж. Смитъ, „Assyrian History“ въ „Zeitschrift“, 1869, стр. 97.

[4]) Оппертъ, „Grande inscription“, стр. 74—77, „Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie“, стр. 11—15; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und des Alte Testament“, 1883, стр. 396 и слѣд. Шабаку именуется въ ассирійскихъ текстахъ Шилтанну (по мнѣнію другихъ (Тартанну), но нигдѣ не называется фараономъ. Кажется, ассиріяне давали титулъ фараона (пиру) только туземнымъ египетскимъ царямъ.

Разъ Египетъ былъ побѣжденъ, очередь доходила до Урарти. Гористая страна, въ которой берутъ свое начало рѣки Тигръ и Евфратъ, была въ то время населена только однимъ народомъ, совершенно отличнымъ отъ современныхъ армянъ [2]), но родственнымъ грузинамъ и нѣкоторымъ другимъ народамъ Кавказа [3]). Страна дробилась на множество мелкихъ государствъ, имена которыхъ намъ извѣстны, хотя ихъ географическое положеніе мы не всегда можемъ опредѣлить.

Самымъ значительнымъ изъ нихъ было государство Біэнасъ, со столицею Дуспасъ, на мѣстѣ которой находится теперь городъ Ванъ [4]). Приведенные въ соприкосновеніе съ Ассиріей со времени царствоанія Ассурназирпала, цари его переняли у своихъ соперниковъ ихъ цивилизацію и позаимствовали отъ нихъ ихъ письмена. Одинъ изъ этихъ царей, Саридурисъ І-й, сынъ Лутипри, привлекъ къ своему двору нинивійскихъ книжниковъ, издавшихъ оффиціальные его документы на своемъ языкѣ и расточавшихъ ему высокопарные эпитеты ассирійской царской геральдики. Въ продолженіе нѣкотораго времени нинивійское нарѣчіе было языкомъ ученыхъ людей Вана, но при Испуинисѣ І-мъ, сынѣ Саридуриса, нинивійская графическая система была при-

[1]) Масперо, въ „Revue critique“, 1870, II, стр. 378.

[2]) Г. Раулинсонъ, „On the Alarodians of Herodot“ у Дж. Раулинсона „Herodotus“, IV, стр. 203—206.

[3]) Фр. Ленорманъ, „Lettres Assyriologiques“, 1-я серія, I, стр. 124—129. Это предположеніе Ленормана нашло замѣчательное подтвержденіе въ трудахъ Сейса и Гюйяра.

[4]) Ассиріяне измѣнили названіе Біэнасъ въ Битъ-Ани (Сейсъ, „Journal of the Royal Asiatic Society“, 1882, т. XVI, стр. 388, 394); Дуспасъ—это Тоспія Птоломея (V, 13, 19; VIII, 19, 12), доставившая озеру Тосштесъ его названіе.

мѣнена съ нѣкоторыми измѣненіями и къ туземнымъ нарѣчіямъ. Многія ваническія надписи уже найдены, и нѣтъ сомнѣнія, что земля Арменіи доставитъ ихъ намъ еще въ большемъ количествѣ [1]). Онѣ открыли намъ существованіе новаго міра въ которомъ мы пока еще не можемъ легко оріентироваться. Главными тремя божествами населенія Урарти были: Халдисъ, верховный богъ, Теисбасъ, богъ неба и воздуха, и Ардинисъ, богъ солнца. Къ этой тріадѣ примыкаетъ цѣлый рядъ второстепенныхъ боговъ: Ауисъ, богъ воды, Аіазъ, богъ земли, Селардисъ, луна, Ирмусинисъ, Адарутасъ, Харубенисъ; одна надпись даетъ намъ сорокъ шесть такихъ названій, изъ которыхъ нѣкоторыя позаимствованы у сосѣднихъ народовъ. Кажется, что первоначально въ составѣ этого пантеона не было ни одной богини; единственная его богиня, Сарисъ, является, повидимому, производной формой Астарты. Историческіе тексты не придаютъ большаго значенія этимъ второстепеннымъ божествамъ и называютъ ихъ общимъ именемъ дѣтей Халди [2]). Вѣчно съ оружіемъ въ рукахъ, цари Вана распространили постепенно свою власть и на сосѣднія государства, — Манни, Мусассиръ, горы Мильдисъ, - и на многіе города, имена которыхъ не вызываютъ въ нашемъ умѣ никакого опредѣленнаго представленія: Сисирихадирисъ, Удухаисъ, Ирданіу, въ странѣ Искигулу, Балту, Халдири. Самый древній изъ царей, Арамей, былъ современникомъ Салманассара III и царствовалъ около половины девятаго столѣтія. Преслѣдуемый неудачами въ борьбѣ съ Ассиріей, онъ былъ свергнутъ, и его царскій родъ былъ замѣненъ на престолѣ новой династіей, при первыхъ пяти царяхъ которой власть переходила отъ отца къ сыну. Цари эти, Сиридурисъ I-й, Испуинисъ, Менуасъ, Аргистисъ I-й и Саридурисъ II-й безпрепятственно царили въ горахъ Арменіи въ продолженіе 90 лѣтъ, приблизительно съ 835 по 743 годъ.

1) Расшифровка этихъ надписей, начатая Эд. Гинксомъ („On the Inscriptions of Van“ въ „Journal of the Royal Asiatic Society“, т. IX, 1848, стр. 387—449), значительно подвинулась впередъ благодаря трудамъ Ст. Гюйяра въ „Journal Asiatique“, 1880, т. XV, стр. 540—543; 1882, т. XIX, стр. 514—515; 1883, т. I, стр. 261—265, 517—523; 1883, т. II, стр. 306—307; 1884, т. III, стр. 499—517) и „Mélanges d'assyriologie“, стр. 113—144; сравн. Сейсъ, „On the decypherment of the Vannic Inscriptions“ въ „Verhandlungen des V-ten internationalen Orientalistencongress zu Berlin“, 2-я часть, 1-я половина, и „The Cuneiform Inscriptions of Van“, въ „Journal of the Royal Asiatic Society“ 1882, т. XIV, New Series, стр. 377—732.

2) Сейсъ, „The Cuneiform Inscriptions of Van“, стр. 412—417.

На западѣ они вели постоянную войну съ царями хетійскими и милидскими; ихъ побѣдные памятники до сихъ поръ еще возвышаются въ Палу и Исоглу, на Евфратѣ, въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ Милидомъ. На сѣверо-западѣ они распространили свое господство до окрестностей Эрзерума, а на сѣверѣ — до Эриванскаго озера. На востокѣ власть ихъ простиралась за предѣлы Котурскихъ горъ, на княжества Манна и Бабилусъ, иногда даже и на Парсуасъ [1]). На югѣ, отношенія къ Ассиріи по временамъ очень осложнялись. Салманасаръ III, Раманнирари II и Салманасаръ IV въ свою очередь попытали счастья въ войнѣ и одержали нѣсколько побѣдъ, значеніе которыхъ было не очень продолжительно. Внезапный упадокъ Ниневіи въ первой половинѣ VIII вѣка благопріятствовалъ успѣху царей Вана, и надписи Менуаса и Аргистиса I-го говорятъ только о побѣдахъ и завоеваніяхъ, о присоединенныхъ провинціяхъ и добычѣ, посвященной богамъ. Воцареніе Тиглатфаласара II-го остановило ихъ возвышеніе; въ 742 г. ассирійскій царь разбилъ Саридуриса II, а второй его походъ, восемь лѣтъ спустя, имѣлъ не меньшій успѣхъ. Ассирійскіе воины расположились лагеремъ подъ стѣнами Дуспаса, опустошили всю равнину, простирающуюся по берегамъ озера, и воздвигли въ окрестностяхъ этого города памятникъ въ честь своей побѣды; государство Ванъ было обложено данью, которую оно платило во все продолженіе жизни Тиглатфаласарра II [2]).

Въ старшемъ сынѣ Саридуриса II, Урсѣ, Саргонъ нашелъ одного изъ сильнѣйшихъ противниковъ своей политики. Урса хотѣлъ возстановить гегемонію своего народа и употреблялъ всѣ средства для достиженія этой цѣли. Онъ попробовалъ сначала отвлечь отъ ассирійскаго союза Ираизу, царя манны, но такъ какъ этотъ государь отказалъ ему въ этомъ, то Урса поднялъ противъ него возстаніе вмѣстѣ съ Митатти, царемъ Зикарту. Саргонъ поспѣшилъ на помощь своему вассалу, взялъ приступомъ оба города, Суандахулъ и Дурдукку, открывшіе свои ворота царю Митатти, предалъ ихъ огню и переселилъ ихъ жителей въ Сирію (719). Серьезныя возмущенія, вспыхнувшія въ одно время въ различныхъ частяхъ монархіи, помѣшали ему продолжать свои удачныя предпріятія; ему пришлось употребить

1) Сейсъ, ibid, стр. 396—400.

2) Фр. Ленорманъ, „Lettres assyriologiques“, серія 1-я, т. I, стр. 121—122, 138—145, и въ особенности большой трудъ Сейса. „The Cuneiform Inscriptions of Van“, стр. 402—407.

два года на подчиненіе страны Синухта (718) и смѣщеніе съ престола Низириса Гаргамишскаго (717). Когда онъ вернулся въ Арменію, Иранзу, царь Манны, уже умеръ; сынъ его Аза былъ убитъ во время одного бунта, а на престолѣ сидѣлъ Уллусунъ, уступившій Урсѣ въ знакъ вѣрности 22 своихъ крѣпости. Саргонъ разбилъ Уллусуна и Митатти, опустошилъ страну отъ озера Уруміэха до озера Вана и велѣлъ содрать живьемъ кожу съ Багадатти, царя горной страны Милдисъ, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ убитъ Аза. Уллусунъ, опасаясь такой же участи, „исчезъ, какъ птица", но потомъ вернулся и бросился къ ногамъ побѣдителя. Саргонъ милостиво принялъ его и возвратилъ ему всѣ владѣнія. Теперь очередь доходила до Урса, какъ вдругъ возставшіе жители Хархары заставили своего правителя признать верховнымъ государемъ Далту, царя Эллибійскаго. Саргонъ жестоко наказалъ бунтовщиковъ (716); отозванный на сѣверъ возмущеніемъ Уллусуна, онъ поспѣшилъ въ Хархаръ, и однимъ появленіемъ своимъ возстановилъ здѣсь порядокъ, послѣ чего докончилъ завоеваніе страны Эллиби (715). Не стѣсняемый ничѣмъ, онъ могъ, наконецъ, нанести ей рѣшительный ударъ (714). Урса бѣжалъ въ горы и здѣсь скитался около пяти мѣсяцевъ, нигдѣ не находя надежнаго убѣжища. Царство его подвергалось систематическому разграбленію, причемъ нѣсколько городовъ были отданы Уллусуну, а его послѣдній союзникъ, Урзана Муссассирскій, былъ побѣжденъ и лишенъ своихъ владѣній [1]). При извѣстіи объ этомъ разгромѣ, Урса пришелъ въ отчаяніе и покончилъ самоубійствомъ [2]).

Смерть его не повлекла однако за собой подчиненіе его страны; братъ его Аргистисъ II наслѣдовалъ ему и успѣшно боролся съ ассиріянами. Между тѣмъ, упадокъ Урарти позволилъ Саргону перенести свои силы на востокъ, въ Мидію, которую онъ побѣдоносно прошелъ и отчасти занялъ (713), и на сѣверо-западъ, въ Киликію и страну Куману (Комана), которой самъ выбралъ царя (712); въ Малой Азіи власть его простиралась до Галиса и Сароса. Въ Сиріи онъ принужденъ былъ около 715 г. снять

[1]) Печать Урзаны находится въ настоящее время въ музеѣ города Гааги. Она была обнародована Деровомъ „Die Assyrische Keilinschrift", т. I, и Куллиморомъ, „Cylinders", табл. VIII, 40.

[2]) Фр. Ленорманъ, „Lettres assyriologiques", 1-я серія, I, стр. 53—55, 148—151; Дж. Смитъ, „Assyrian History" въ „Zeischrift", 1869, стр. 98—99; Сессъ, „The Cuneiform Inscriptions of Van", стр. 407—408.

осаду съ Тира и удовольствоваться номинальной покорностью, но эта неудача была съ лихвой вознаграждена изъявленіями покорности со стороны фараона и одной аравійской царицы (714). Одно время приходилось опасаться, какъ бы не разразилась съ этой стороны серьезная война. Азури, царь Ашдода, отказался платить дань, и принужденъ былъ уступить престолъ брату своему, Ахмити, но филистимляне прогнали новаго царя и передали корону нѣкоему Іавану, не принадлежавшему къ царской фамиліи. Іаванъ, опасаясь за свою власть и жизнь, вошелъ въ переговоры съ сосѣдними странами: Іудеей, Эдомомъ и Египтомъ; его предложенія были хорошо приняты, но рѣшительность и энергія Саргона помѣшали ихъ осуществленію. Прежде чѣмъ союзники успѣли собрать свои войска, ассирійскій военачальникъ (тартанъ) былъ уже въ Палестинѣ. Іудея, Эдомъ и филистимляне даже вида не показали, что намѣревались сопротивляться. Іаванъ бѣжалъ въ страну Милухъ [1]), царь которой заковалъ его въ цѣпи и выдалъ ассиріянамъ (711) [2]).

Полное спокойствіе воцарилось на западѣ, сѣверѣ и востокѣ Ассиріи, и настало самое удобное время напасть на Халдею. Со времени пораженія при Калу, Мардукбалиддина употреблялъ всѣ усилія, чтобы сдѣлать свое царство способнымъ къ самозащитѣ. Онъ поправилъ крѣпости, увеличилъ число своихъ солдатъ и старательно поддерживалъ союзъ съ эламитянами. Но, несмотря на всѣ эти мѣры предосторожности, онъ былъ захваченъ врасплохъ въ моментъ, когда менѣе всего ожидалъ этого. Вмѣсто того, чтобы прямо итти на Вавилонъ и столкнуться лицомъ къ лицу съ соединенными силами Халдеи и Элама, Саргонъ постарался разъединить Марцукбалиддина съ его союзникомъ, Струкнахунтой, сыномъ Хумбанигаса [3]). Онъ раздѣлилъ свою армію на два корпуса. Первый, направленный противъ сузіанцевъ, вступилъ въ

[1]) Нѣкоторые считаютъ названіе Милухъ тождественнымъ съ названіемъ Мероэ; но Мероэ называлось прежде именемъ Беруа и не имѣло на концѣ ни *h*, ни *kh*. Кажется, что страна Милухъ составляла часть Дельты, лежала по обѣимъ берегамъ Канопійскаго рукава и включала въ себя даже Саисъ.

[2]) Дж. Смитъ, „Assyrian History" въ „Zeitschrift", 1869, стр. 99 — 100, 156—108.

[3]) Такова орѳографія сузіанскихъ надписей: въ текстахъ же Саргона царь этотъ называется Сутикракахунди.

область Раси [1]) и заставилъ царя эламскаго отодвинуться въ горы, для прикрытія Сузы и Мадакту. Второй, находившійся подъ предводительствомъ самого царя, спустился вдоль береговъ Тигра къ морю, подчинилъ себѣ по пути страну Іатбуръ, разбилъ одного изъ военачальниковъ Мардукбалиддина подъ стѣнами Дуръ-Атхара, взялъ этотъ городъ и, поставивъ въ немъ гарнизонъ, овладѣлъ всѣмъ Гамбуломъ. Главная цѣль похода была достигнута; Мардукбалиддина, отрѣзанный отъ своего союзника, даже не пытался защищать Вавилона. Онъ тайно отъ ассиріянъ перешелъ Тигръ и старался прорвать сторожевую линію, которою рѣка была оцѣплена съ востока. Но и здѣсь онъ былъ отраженъ, послѣ чего ему ничего больше не оставалось, какъ удалиться на югъ и утвердиться на берегу моря въ своихъ прежнихъ владѣніяхъ, именно въ Битъ-Іакинѣ, гдѣ онъ укрѣпился, насколько это было возможно. Вавилонъ открылъ свои ворота побѣдителю, и зимою 710 года Саргонъ заставилъ провозгласить себя царемъ Халдеи [2]).

„Наложивъ контрибуцію на города Ура, Ларсама и Кисига, пребываніе бога Лагуды, Мардукбалиддина сконцентрировалъ всѣ свои силы въ Дуръ-Іакинѣ и приготовилъ къ защитѣ свою крѣпость“. Рѣшительная битва произошла подъ стѣнами Дуръ-Іакина, въ виду моря. „Я расположилъ своихъ воиновъ заразъ по всей линіи каналовъ, и они обратили непріятеля въ бѣгство. Трупы солдатъ, на подобіе древесныхъ стволовъ плыли по волнамъ рѣкъ... Я уничтожилъ тѣлохранителей и воиновъ Марсана и поселилъ ужасъ смерти среди остальныхъ непріятельскихъ полчищъ. Мардукбаладдина, бросивъ въ своемъ лагерѣ знаки царскаго достоинства,—золотой паланкинъ, золотой тронъ, золотой скипетръ, серебряную колесницу и золотыя украшенія, — тайно бѣжалъ съ поля битвы“. Вскорѣ Дуръ-Іакинъ перешелъ въ руки непріятеля и былъ разрушенъ. „Мардукбалиддина, признавая собственную слабость, былъ повергнутъ въ ужасъ; необычайный страхъ передъ моей царской властью овладѣлъ имъ; онъ покинулъ свой скипетръ и тронъ въ присутствіи моего посланнаго и поцѣловалъ землю. Покинувъ свои замки, онъ обратился въ бѣгство и исчезъ безслѣдно“. На мѣсто стараго бѣжавшаго царя Саргонъ возвелъ

1) Мезобатеръ классическихъ географовъ. Сравн. Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies“, стр. 322.

2) Его имя, нѣсколько измѣненено въ Αρχέανος, вмѣсто [Ε]αρχέανος появляется съ начала 709 года въ царскомъ канонѣ Птоломея.

сына его съ титуломъ князя Битъ-Іакина (709) [1]). Неожиданный успѣхъ довершилъ событія этого года. Кипръ дѣлился въ то время поровну между греками и финикіянами, причемъ грекамъ принадлежала сѣверная и центральная часть острова Іасъ; семеро изъ царей этой страны добровольно изъявили готовность платить дань Ассиріи [2]).

Но конецъ этого славнаго царствованія, былъ омраченъ двумя неудачами. Пока ассирійскія войска были отвлечены дѣйствіями въ Халдеѣ, страна Урарти успѣла оправиться отъ пораженія. Отчасти силою, отчасти ловкостью Аргистисъ II возвратилъ себѣ всѣ провинціи, принадлежавшія нѣкогда его брату, и даже сами ассиріяне подверглись его нападенію и не могли удержать за собою провинціи Манны. Въ 708 г., угрожаемый возвращеніемъ Саргоны, онъ отклонилъ отъ себя грозу, направивъ ее на страну Кумухъ, благодаря чему царь этой страны лишился короны и жизни, что ни мало не безпокоило Аргистиса, который продолжалъ владѣть Манною, сдѣлавъ изъ нея одну изъ любимыхъ своихъ резиденцій [3]). Война съ Эламомъ отличалась не большимъ успѣхомъ. Сутрукнаоунта, разбитый въ Эллиби въ 707 г., отмстилъ за себя въ 708 г.,—онъ не только вернулъ себѣ округи, потерянные имъ въ 710 г., но еще отнялъ у ассиріянъ нѣсколько пограничныхъ городовъ [4]) (706). Саргонъ не много пережилъ постигшія его неудачи: онъ былъ убитъ въ 705 г., во дворцѣ Дуръ-Сарукина [5]), постройка котораго приходила къ концу, и былъ замѣщенъ на престолѣ сыномъ своимъ, Синахерибой, — Сеннахерибомъ по Библіи [6]).

Царствованіе послѣдняго было временемъ апогея ассирійскаго могущества. По примѣру Тиглафаласара, онъ стремился замѣнить царей-вассаловъ ассирійскими правителями, находившимися въ не-

1) Фр. Ленорманъ, „Les prémières civilisations“, II, стр. 241.

2) Относительно страны Іа и ея отождествленія съ греческимъ Ἰάς, см. Фр. Ленорманъ, „Les premières civilisations“, т. III, стр. 85—86.

3) Фр. Ленорманъ, „Lettres assyriologiques“, серія I-я, т. I, стр. 151—154.

4) Дж. Смитъ, „Assyrian History“ въ „Zeitschrift“, 1869, стр. 109—110.

5) Теперь Хорсабадъ. Отсюда взято большинство ассирійскихъ памятниковъ Лувра.

6) Ж. Менанъ, „Annales“, стр. 209. Документы, относящіеся къ исторіи этого царя, собраны и переведены Дж. Смитомъ, „History of Sennacherib“, in-4⁰, 1878. Сравн. Поньонъ, „Inscriptions de Bavian“, in-8⁰, 1879, въ „Bibliothèque de l'Ecole des Hautes Etudes“, и Р. Гёрнинга, „Das sechsseitige Prisma des Sanherib, in-4⁰, 1878, Лейпцигъ.

посредственной зависимости отъ Ниниви; такимъ образомъ, Сѣверная Сирія, Израильское царство и Келе-Сирія лишились своихъ національныхъ династій и сдѣлались простыми ассирійскими провинціями. Вокругъ этого центральнаго ядра Саргонъ оставилъ цѣлый рядъ мелкихъ государствъ, платившихъ ему дань; они должны были ограждать Ассирію отъ вторженія иноземныхъ племенъ и служить какъ бы бронею монархіи. Преемники его продолжали до нѣкоторой степени начатое имъ дѣло, но имъ не удалось твердо обосновать его и обезпечить прочность ассирійскому могуществу.

Сеннахерибъ (705—681); Тагарку и Езекія; войны съ Эламомъ; Асаргаддонъ (681—667). Походы въ Аравію.

Вѣсть объ убійствѣ Саргона быстро облетѣла всю монархію и сдѣлалась для недовольныхъ сигналомъ къ давно подготовлявшемуся возмущенію. Сеннахерибъ, поспѣшно вызванный въ Нинивію изъ Вавилона, которымъ онъ управлялъ въ то время, засталъ уже здѣсь прелюдію ко всеобщему возстанію. Халдея, въ которой волненія начались за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти Саргона, открыто подняла знамя бунта. Одинъ изъ братьевъ новаго царя, оставленный имъ въ Вавилонѣ въ качествѣ правителя, умеръ нѣсколько недѣль спустя, и вмѣсто его занялъ нѣкій Гагиза, человѣкъ совершенно неизвѣстный. Менѣе чѣмъ черезъ мѣсяцъ Гагиза былъ убитъ по повелѣнію вновь появившагося на сценѣ престарѣлаго Мардукбалиддина. Племена Аррапахитиса и Мидіи взялись за оружіе, а на западѣ большинство князей Финикіи и Палестины объявили себя независимыми. Лулія (Елулеосъ), царь Сидона, отказался платить дань, и примѣру его послѣдовалъ царь Аскалонскій. Жители Екрона, недовольные начальникомъ, по имени Пади, котораго далъ имъ Саргонъ, схватили его и отослали къ Езекіи въ Іудею. Послѣдній былъ занятъ въ то время религіозными реформами и ниспроверженіемъ языческихъ жертвенниковъ; онъ колебался нѣкоторое время между миролюбивыми совѣтами пророка Исаіи и вліяніемъ партіи, желавшей войны; обѣщаніе египетскихъ царей притти къ нему на помощь заставило его склониться въ пользу послѣдней. Онъ принялъ дары жителей Екрона; но вмѣсто того, чтобы предать смерти Пади, какъ этого требовали его прежніе подданные, онъ заключилъ его въ темницу.

Тѣмъ не менѣе сношеніе его съ бунтовщиками были открытымъ объявленіемъ враждебныхъ отношеній къ Ассиріи. Другіе правители, какъ напримѣръ, князья Арада, Библоса, Ашдода, цари Моава и Амона, болѣе осторожные, чѣмъ Езекія и Лулія, прежде чѣмъ на что-нибудь рѣшиться, выжидали, кому изъ воюющихъ сторонъ улыбнется счастье.

Послѣ двухъ лѣтъ терпѣливаго выжиданія, посвященныхъ, безъ сомнѣнія, приготовленію своихъ силъ, Сеннахерибъ направилъ свои дѣйствія противъ Халдеи, откуда ему угрожала наибольшая опасность. Армія Мардукбалиддина, состоявшая частью изъ вавилонянъ, частью же изъ арамеянъ и эламитянъ, была окончательно побѣждена близъ Кису [1]), и начальникъ ея, почти одинъ спасшійся съ поля битвы, укрылся у Эламскаго царя. Вавилонъ былъ взятъ, 79 укрѣпленныхъ городовъ и болѣе 400 деревень перешли въ руки побѣдителя, послѣ чего Сеннахерибъ удалился, назначивъ вавилонскимъ правителемъ „Белибуша, сына одного гадателя, который былъ воспитанъ въ его дворцѣ, какъ собачка“. По возвращеніи изъ Халдеи, онъ опустошилъ территорію, занятую арамейскими племенами Средняго Эвфрата, посадилъ на колъ ихъ начальниковъ, увелъ ихъ скотъ и вернулся въ Нинивію, окруженный славой и обремененный добычей. Набѣгъ на горы Курдистана возстановилъ повиновеніе среди возмутившихся племенъ Эллиби. Часть ихъ территоріи была занята военными поселеніями изъ арамейскихъ, эламскихъ и халдейскихъ плѣнниковъ, взятыхъ въ предыдущемъ году, и обращена въ ассирійскую провинцію [2]). Заручившись спокойствіемъ на сѣверѣ, востокѣ и югѣ, благодаря цѣлому ряду быстрыхъ успѣховъ, Сеннахерибъ поспѣшилъ перенести свое оружіе въ Сирію. Тутъ еще разъ быстрота его военныхъ дѣйствій разрушила планы его враговъ. Лулія, первый подвергшійся его нападенію, удалился на острова, въ одну изъ своихъ колоній; Большой Сидонъ, Малый Сидонъ, Битъ-Зитти, Сарепта, Магаллибъ, Усу, Акзибъ, Акко, вообще всѣ его города, открыли ворота побѣдителямъ, а царство его было передано Іеобаалу II, и Сеннахерибъ, подобно своимъ предшествен-

---

[1]) Теперь Гимеръ, приблизительно въ двухъ миляхъ отъ Вавилона (Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 41).

[2]) Оппертъ, „Les Sargonides“, стр. 41—15; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, II, стр. 156—159; Менанъ, „Annales“, 214—218; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament“, 1883, стр. 345 — 350; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 24 и слѣд.

никамъ, велѣлъ высѣчь на скалахъ Нар-эл-кельба, свой побѣдный памятникъ, рядомъ съ памятниками Рамзеса II. Цари Арада, Библоса, Ашдода, Амона, Моава и Эдома поспѣшили пзъявить покорность, и уплатить дань, и только царь Аскалона, Зидкія, упорно отстаивалъ свою независимость. Но подчиненныя ему города Іоппе, Бне-Баракъ и Азоръ принуждены были сдаться, причемъ самъ Зидкія со всею своею семьею былъ отправленъ въ Ассирію, а на мѣстѣ его воцарился Сарлудари, сынъ Рукибти. Серьезное сопротивленіе началось только подъ стѣнами Екрона: при первомъ извѣстіи о прибытіи ассиріянъ, правители Дельты собрали свои войска и пошли навстрѣчу завоевателю. Встрѣча произошла при Алтаку [1]), и на этотъ разъ еще судьба помогла Ассиріи одержать верхъ надъ Египтомъ. Египтяне, потерпѣвшіе пораженіе, оставили на рукахъ побѣдителя большую часть своихъ колесницъ и даже дѣтей одного изъ своихъ царей. Непосредственнымъ результатомъ этой побѣды было взятіе Алтаку, а вслѣдъ за нимъ и сосѣдней крѣпости Тимната; Екронъ сдался послѣдній. „Я разжаловалъ возмутившихся военачальниковъ и сановниковъ и убилъ ихъ; я посадилъ на колъ ихъ трупы на городскихъ стѣнахъ, я продалъ въ рабство мужчинъ, которые совершали насиліе и мерзости. Что же касается тѣхъ, которые не совершили никакихъ преступленій, ни проступковъ, и которые не презирали своихъ властелиновъ, я простилъ ихъ“ [2]).

Изъ всѣхъ мятежныхъ царей одинъ только Езекія въ Іудеѣ не былъ еще ниспровергнутъ. Является вопросъ, почему онъ не присоединилъ своей арміи къ египетскимъ войскамъ, чтобы въ рѣшительный моментъ нанести окончательный ударъ могуществу ассиріянъ. Можетъ быть, уклоняясь открыто заявить о своемъ враждебномъ отношеніи, онъ думалъ этимъ обезоружить гнѣвъ ассирійскаго монарха. Если такъ, то онъ ошибся въ разсчетѣ. Послѣ взятія Екрона, Сеннахерибъ завладѣлъ Іудеей. „Вотъ Господь опустошаетъ землю и дѣлаетъ ее безплодною; измѣняетъ видъ ея, и разсѣваетъ живущихъ на ней. И что будетъ съ народомъ, то и со священникомъ; что со слугою, то и съ господиномъ его; что со служанкою, то и съ госпожею ея; что съ покупающимъ, то и съ продающимъ; что съ заемщикомъ, то и съ

[1]) Елтеке, на прежней территоріи колѣна Данова (Іисусъ Навинъ, XIX, 44).
[2]) Оппертъ, „Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie“, стр. 22—29; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 53—60.

заимодавцемъ; что съ ростовщикомъ, и съ дающимъ ростъ. — Земля опустошена въ конецъ и совершенно разграблена; ибо Господь изрекъ слово сіе... Плачетъ сокъ грозда; болитъ виноградная лоза; вздыхаютъ всѣ, веселившіеся сердцемъ. Прекратилось веселіе съ тимпанами; умолкъ шумъ веселящихся, затихли звуки гуслей. Уже не пьютъ вина съ пѣснями; горька сикера для пьющихъ ее. Разрушенъ опустѣвшій городъ, всѣ домы заперты, нельзя войти. Плачутъ о винѣ на улицахъ; помрачилась всякая радость; изгнано всякое веселіе земли. Въ городѣ осталось запустѣніе, и ворота развалились“ [1]). Слова ассирійскаго книжника дополняютъ рѣчи поэта. „Съ помощью огня, рѣзни, сраженій и осадъ я одержалъ надъ ними верхъ и занялъ ихъ: я заставилъ оттуда выдти 200150 человѣкъ взрослыхъ и дѣтей, мужчинъ и женщинъ, лошадей, ословъ, муловъ, верблюдовъ, быковъ, множество барановъ и все захватилъ, какъ добычу“. Воспоминаніе объ этомъ разгромѣ такимъ тяжелымъ камнемъ легло на сердца евреевъ, что даже нѣсколько вѣковъ спустя Деметрій считалъ походъ Сеннахериба такимъ же роковымъ событіемъ для своего народа, какъ и взятіе Самаріи Саргономъ и окончательное плѣненіе евреевъ въ Вавилонѣ [2]).

Непріятель приближался, а между тѣмъ ничто не было готово къ сопротивленію. Даже Іерусалимъ едва былъ въ состояніи защищаться [3]). Только съ нѣкоторыхъ поръ замѣчено было, что проломы въ стѣнахъ города царя Давида были слишкомъ уже велики, и жители стали разрушать дома, чтобы укрѣпить городскія стѣны. Поспѣшно были засыпаны всѣ источники, находившіеся внѣ города, и потокъ, орошавшій долину. Между двумя городскими стѣнами былъ устроенъ резервуаръ для сбереженія воды стараго пруда. Царь „постановилъ военачальниковъ надъ народомъ и собралъ ихъ къ себѣ на площадь у городскихъ воротъ и говорилъ къ сердцу ихъ и сказалъ: будьте тверды и мужественны, не бойтесь и не страшитесь царя ассирійскаго и всего множества, которое съ нимъ. Съ нами Господь Богъ нашъ, чтобы помогать намъ и сражаться на браняхъ нашихъ“ [4]). Между тѣмъ Сеннахерибъ все приближался; опустошивъ лучшую часть Іудеи-

[1]) Исаія, XXIV, 1—3, 7—12.
[2]) „Dem. ap. Cl. d'Alex. Strom.“, I, стр. 403.
[3]) Исаія, XXII, 9—11.
[4]) „II Паралипоменонъ“, XXXII, 6 - 8.

ской территоріи, онъ захватилъ крѣпость Лахисъ и собирался уже напасть на Іерусалимъ, когда Езекія рѣшился, во чтобы то ни стало, вести переговоры о мирѣ. Онъ послалъ сказать ассирійскому царю: „Я виноватъ: удались отъ меня, и я заплачу все, что ты захочешь". Чтобы уплатить требуемые 300 талантовъ серебра и 30 талантовъ золота, царскихъ сокровищъ оказалось недостаточно, и царю пришлось разломать двери храма и притолки, которыя самъ онъ велѣлъ незадолго передъ тѣмъ выложить золотыми пластинками [1]). Пади (Падіа) былъ опять водворенъ въ Екронѣ и получилъ въ вознагражденіе за свой плѣнъ нѣсколько іудейскихъ городовъ. Другія части еврейской территоріи были отданы Митинти, царю Ашдода, и Исмибаалу (Исмибелу), царю Газы, въ награду за ихъ вѣрность во время испытаній, черезъ которыя пришлось пройти Ассиріи.

Въ то время, какъ Езекія сдавался безъ боя, его египетскіе союзники, оправившись отъ пораженія при Алтаку, собрались, наконецъ, явиться къ нему на помощь. Сеннахерибъ находился еще въ Лахисѣ, гдѣ занимался регистраціей дани, какъ вдругъ узналъ, что египетская армія расположилась лагеремъ въ Пелузіумѣ, и что царь эѳіопскій, Тагарку, ведетъ на помощь Іудеѣ племена Верхняго Нила. При этомъ извѣстіи онъ подумалъ, что Езекія ведетъ съ нимъ переговоры только для того, чтобы выгадать время до прихода африканцевъ; разгнѣванный тѣмъ, что допустилъ обойти себя, онъ послалъ въ Іерусалимъ трехъ главнѣйшихъ сановниковъ своего двора: главнокомандующаго (тартанъ), начальника надъ евнухами (рабсарисъ) и главнаго виночерпія (рабсаке), требуя отъ Езекіи отчета въ его поведеніи. Послы Сеннахериба сказали царю: „такъ говоритъ царь великій, царь ассирійскій: что это за упованіе, на которое ты уповаешь? Ты говорилъ только пустыя слова: для войны нужны совѣтъ и сила. Нынѣ же на кого ты уповаешь, что отложился отъ меня?—Вотъ ты думаешь опереться на Египетъ, на эту трость надломанную, которая, если кто опрется на нее, войдетъ тому въ руку и проколетъ ее? Таковъ фараонъ, царь египетскій, для всѣхъ уповающихъ на него. А если скажешь мнѣ: на Господа Бога нашего мы уповаемъ, — то на того же, котораго высоты и жертвенники отмѣнилъ Езекія и сказалъ Іудѣ и Іерусалиму: предъ симъ только жертвенникомъ покланяйтесь въ Іерусалимѣ. Итакъ, вступи въ

[1]) Исаія, XXVII, 14—16.

союзъ съ господиномъ моимъ, царемъ ассирійскимъ; я дамъ тебѣ двѣ тысячи коней, можешь ли достать себѣ всадниковъ на нихъ? Какъ тебѣ одолѣть и одного вождя, изъ малѣйшихъ слугъ господина моего? И уповаешь на Египетъ ради колесницъ и коней? Притомъ же развѣ я безъ воли Господней пошелъ на мѣсто сіе, чтобы разорить его? Господь сказалъ мнѣ: пойди на землю сію и разори ее". И сказали Еліакимъ, сынъ Хелкіинъ, и Севна и Іоахъ: „рабсаке говори рабамъ твоимъ по-арамейски, потому что понимаемъ мы, а не говори съ нами по-іудейски въ слухъ народа, который на стѣнѣ". И всталъ рабсаке, и возгласилъ громкимъ голосомъ по-іудейски, и говорилъ, и сказалъ: „слушайте слово царя великаго, царя ассирійскаго! Такъ говоритъ царь: пусть не обольщаетъ васъ Езекія, ибо онъ не можетъ спасти васъ отъ руки моей; и пусть не обнадеживаетъ васъ Езекія Господомъ, говоря: спасетъ васъ Господь, и не будетъ городъ сей отданъ въ руки царя ассирійскаго. Не слушайте Езекіи. Ибо такъ говоритъ царь ассирійскій: „примиритесь со мною и выйдите ко мнѣ, и каждый ѣстъ плоды виноградной лозы своей и смоковницы своей, и пусть каждый пьетъ воду изъ своего колодезя, пока я не приду и не возьму васъ въ землю такую же, какъ и ваша земля, въ землю хлѣба и вина, въ землю плодовъ, и виноградниковъ, въ землю масличныхъ деревъ и меда, и будете жить, и не умрете. Не слушайте же Езекіи, который обольщаетъ васъ говоря: „Господь спасетъ насъ". Спасли ли боги народовъ, каждый свою землю, отъ руки царя ассирійскаго? Гдѣ боги Емаѳа и Арпада? Гдѣ боги Сепарваима, Эны и Иввы? Спасли ли они Самарію отъ руки моей? Кто изъ всѣхъ боговъ земель сихъ спасъ землю свою отъ руки моей? Такъ неужели Господь спасетъ Іерусалимъ отъ руки моей?" И молчалъ народъ, и не отвѣчали ему ни слова, потому что было приказаніе царя: не отвѣчайте ему. И пришелъ Еліакимъ, сынъ Хелкіинъ, начальникъ дворца, и Севна, писецъ, и Іоахъ, сынъ Асафовъ, дѣеписатель, къ Езекіи, въ разодранныхъ одеждахъ, и пересказали ему слова рабсаковы" [1]).

По совѣту Исаія Езекія рѣшился на сопротивленіе. Прибывъ въ Лахисъ, ассирійскіе послы не нашли уже тамъ своего царя: онъ поднялъ свой лагерь и устремился противъ египтянъ, вѣроятно, чтобы разбить ихъ до прибытія Тагарку. Уходя, онъ

[1]) „II Кн. Царствъ", 19—37.

еще разъ въ гнѣвѣ своемъ грозилъ іудейскому царю: „пусть не обманываетъ тебя Богъ твой, на котораго ты уповаешь, думая: не будетъ отданъ Іерусалимъ въ руки царя ассирійскаго. Вѣдь ты слышалъ, что сдѣлали цари ассирійскіе со всѣми землями, положивъ на нихъ заклятіе, — и ты ли уцѣлѣешь? Боги народовъ, которыхъ разорили отцы мои, спасли ли ихъ? Спасли ли Гозанъ, и Харанъ, и Разефъ, и сыновъ Едена, что въ Ѳалассарѣ? Гдѣ царь Емаѳа, и царь Арпада, и царь города Сепарваима, Ены и Иввы?" [1]) Извѣстно уже, какъ судьба не оправдала этихъ высокомѣрныхъ рѣчей; во время похода въ Дельту ассирійская армія была наполовину уничтожена чумою, и Сеннахерибъ почти одинъ вернулся въ Нинивію [2]). Евреи и египтяне, пораженные видомъ такихъ бѣдствій, приписывали заслугу своего освобожденія каждый своему богу. По мнѣнію евреевъ, Езекія, выслушавъ угрозы ассирійскаго царя, началъ молиться, и Богъ устами Исаіи сказалъ ему: „то, о чемъ ты молился Мнѣ противъ Сеннахериба, царя ассирійскаго, Я услышалъ... Не войдетъ онъ въ сей городъ и не броситъ туда стрѣлы и не приступитъ къ нему со щитомъ и не насыпетъ противъ него вала. Тою же дорогою, которою пришелъ, возвратится и въ городъ сей не войдетъ, говоритъ Господь. Я буду охранять городъ сей, чтобы спасти его ради Себя и ради Давида, раба Моего. И случилось въ ту ночь: пошелъ Ангелъ Господень и поразилъ въ станѣ ассирійскомъ сто восемьдесятъ пять тысячъ. И встали поутру, и вотъ все тѣла мертвыя. И отправился, и пошелъ, и возвратился Сеннахерибъ, царь ассирійскій, и жилъ въ Нинивіи" [3]). По словамъ египтянъ, когда Сеннахерибъ вступилъ въ Египетъ, „все военное сословіе отказалось сражаться за царя Сетона, жреца Фта, потому что онъ лишилъ его нѣкоторыхъ привилегій. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, жрецъ вошелъ въ храмъ и жаловался передъ статуей бога на угрожавшія ему опасности. Во время этихъ жалобъ на него нашелъ сонъ, и привидѣлось ему, что богъ стоитъ рядомъ съ нимъ и успокоиваетъ его, обѣщая, что онъ не потерпитъ неудачи въ битвѣ съ ассирійскими войсками, такъ какъ онъ пошлетъ ему помощь. Твердо вѣруя въ этотъ сонъ, онъ соединилъ тѣхъ египтянъ, которые захотѣли послѣдовать за нимъ

1) „II Кн. Царствъ", XIX, 10—13.
2) Тамъ же, XIX, 35—37.
3) Тамъ же, XIX, 32—36.

въ Пелузіумъ, служившій ключомъ Египта съ этой стороны. Никто изъ воиновъ не послѣдовалъ за нимъ; пошли только мелкія торговцы, сукновалы и маркитанты. Они прибыли къ своему посту. Ночью масса полевыхъ крысъ напала на непріятеля и уничтожила его колчаны, тетивы у луковъ, ручки у щитовъ, такъ что на слѣдующій день завоеватели, оставшись безъ оружія, обратились въ бѣгство и большинство было убито. И теперь еще можно видѣть въ храмѣ Фта каменную статую этого царя съ крысой въ рукѣ, со слѣдующей надписью: „Да будетъ благочестивъ взирающій на меня" [1]).

Сеннахерибъ никогда болѣе не возвращался въ Палестину. Но это не было слѣдствіемъ его пораженія: потеря одной арміи не могла быть для Ассиріи такимъ рѣшающимъ событіемъ, которое, какъ думаетъ Іосифъ, способно было повлечь за собою разрушеніе Нинивійской имперіи; напротивъ Сеннахерибъ скоро оправился отъ удара и на другомъ же полѣ битвы появился еще болѣе грознымъ завоевателемъ, чѣмъ когда-либо; но кровавыя войны, которыя онъ велъ на востокѣ и сѣверѣ, не позволяли ему послать въ Сирію и части своихъ силъ. Въ то время, какъ онъ былъ занятъ на границахъ Египта, Халдея, утомленная управленіемъ ассиріянина Белибуша, возмутилась и опять призвала Мардукбалиддина. Послѣдній, ожидавшій немедленнаго нападенія, постарался прежде всего заручиться союзниками. Онъ находился уже въ союзѣ съ Эламомъ, а теперь обратился за этимъ же къ Іудеѣ.

Но Сеннахерибъ не далъ своимъ врагамъ времени притти къ соглашенію, и неожиданно напалъ на Халдею; Мардукбалиддинъ и его военачальникъ Сузубъ были разбиты и, преслѣдуемые до самыхъ болотъ Нижней Халдеи, бѣжали въ Эламъ, гдѣ первый вскорѣ умеръ. Сеннахерибъ, по возвращеніи въ Вавилонъ, назначилъ царемъ вавилонскимъ своего старшаго сына, Ассурнадинсума [2]).

Спокойствіе не успѣло еще окончательно водвориться въ Хал-

1) Геродотъ, II, гл. CXLI. Оппертъ, „Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie", стр. 29 — 38; Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 285 — 329; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 218 — 219. Дж. Смитъ, „History of Sennacherib", стр. 53 — 72; Сейсъ, „Fresh Light from the Monuments", стр. 116-127.
2) Шрадеръ, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 350—351; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib", стр. 73—78.

деѣ, какъ миръ былъ опять нарушенъ, на этотъ разъ на сѣверо-западной границѣ государства. Приходилось обратить оружіе противъ племенъ, жившихъ на горахъ Нипура, и оттѣснить ихъ до самыхъ ихъ логовищъ [1]). „Жилища ихъ, говоритъ завоеватель, были подобны птичьимъ гнѣздамъ; они состояли изъ недоступныхъ крѣпостей на вершинахъ холмовъ и высокихъ горъ страны Нипуръ; они не были еще покорены. Я оставилъ всю военную поклажу въ равнинахъ страны Нипуръ вмѣстѣ съ пращниками и носителями копій и воинами моихъ несравненныхъ битвъ; я расположился передъ ними, на подобіе колонады. Обломки высокихъ и недоступныхъ горъ, размытыя потоками скалы, — я все употребилъ на сооруженіе престола; я выровнилъ вершину одной горы, чтобы поставить тамъ свой тронъ. Чтобы утолить жажду, я пилъ священную, чистую воду этихъ горъ. Что же касается людей, то я застигъ ихъ въ лѣсистыхъ ущеліяхъ горъ, я побѣдилъ ихъ; я осадилъ ихъ города и лишилъ ихъ жителей, я разрушилъ ихъ, уничтожилъ и превратилъ въ груды пепла“. За предѣлами Нипура его увлекло желаніе покорить Даге и разбойничьи народы Каменистой Киликіи (Cilicia Trachoea) и Мелитены. „Находясь на недоступныхъ вершинахъ хребта, царь Манія, сынъ Бути, ждалъ приближенія моей арміи: онъ покинулъ свой царскій городъ Укку и бѣжали далеко отъ него. Я осадилъ и взялъ городъ Укку; я увелъ его жителей, я унесъ изъ города все имущество, всѣ пожитки и сокровища его дворца и взялъ ихъ себѣ, какъ законную добычу. Я занялъ тридцать три города въ его территоріи; я взялъ людей, вьючныхъ животныхъ, быковъ и барановъ, и увелъ ихъ изъ городовъ, которые разрушилъ, уничтожилъ и обратилъ въ груды пепла“ [2]).

Казалось бы, что послѣ столькихъ лѣтъ борьбы, Сеннахерибъ завоевалъ себѣ, наконецъ, право отдыха въ только-что выстроенномъ имъ Нинивійскомъ дворцѣ. Но новое возмущеніе отозвало его опять въ Халдею. Война началась въ болотистыхъ областяхъ, окаймляющихъ берега Персидскаго залива, къ западу отъ Евфрата. Жители Битъ-Іакина, тяготясь нинивійскимъ господствомъ, „собрали своихъ боговъ, посадили ихъ на корабли“, и пристали къ противуположному берегу залива, занявъ Нагитъ [1]). Область эта находилась на сузіанской территоріи, часть которой была имъ уступлена царемъ Кудурнахунтой, сыномъ Сутрукнахунты, нѣкогда оказавшимъ сопротивленіе Саргону и поддерживавшимъ Мардукбалиддина въ его послѣднихъ предпріятіяхъ. Сеннахерибъ обратился къ помощи финикійскихъ и греческихъ мореплавателей [2]), которые спустились по Евфрату и доставили его армію въ самый центръ взбунтовавшейся страны. „Частыя войны, которыя ассиріяне вели на Сирійскомъ берегу, если и не научили ихъ дѣлу мореплаванія, то, по крайней мѣрѣ, дали имъ возможность составить себѣ понятіе о немъ. Такъ какъ ихъ верховная власть надъ Финикіей отдавала въ ихъ распоряженіе значительное количество искусныхъ рабочихъ и множество лучшихъ въ свѣтѣ моряковъ, то они естественнымъ образомъ пришли къ мысли воспользоваться для расширенія своего господства не только сухопутными, но и морскими силами. Мы уже видѣли, что со временъ Салманасара ассиріяне отваживались плавать на корабляхъ и даже вмѣстѣ съ континентальными финикіянами дали морское сраженіе жителямъ той части Тира, которая была расположена на островахъ. Весьма вѣроятно, что примѣру этому послѣдовали и позднѣйшіе ассирійскіе цари, и что Саргонъ и Сеннахерибъ, если не постоянно, то, по крайней мѣрѣ, при случаѣ, опирались на флотъ, плававшій по Средиземному морю. Но была громадная разница между пользованіемъ вассальными флотами въ привычныхъ для нихъ моряхъ и перенесеніемъ морскихъ силъ, до сихъ поръ ограничивавшихся Средиземнымъ моремъ, на противуположныя границы монархіи. У Сеннахериба впервые зародилась мысль обзавестись собственнымъ флотомъ на обоихъ моряхъ, омывавшихъ границы его монархіи, а такъ какъ онъ имѣлъ достаточное количество искусныхъ рабочихъ и матросовъ только на западномъ берегу, то онъ порѣшилъ переселить съ запада на восточный берегъ столькихъ финикіянъ, сколько это необходимо было для осуществленія его плана. Строители Тира и Сидона были переведены черезъ Месопотамію на берега

---

[1]) Страна Нипуръ была расположена невдалекѣ отъ верховьевъ Тигра, близъ Амиды.

[2]) Оппертъ, „Les Sargonides“, стр. 46—47; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 79—87; Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire“, т. III, стр. 228—229.

[1]) Относительно этой мѣстности см Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies“ стр. 323—824.

[2]) Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'histoire“, стр. 11; это были, вѣроятно, греки съ острова Кипра или изъ Киликіи.

Тигра и построили тамъ для ассирійскаго монарха цѣлый флотъ кораблей, такихъ же, какія были и у финикіянъ. Корабли эти, спустившись внизъ по рѣкѣ до ея устья, привели въ удивленіе прибрежныхъ жителей Персидскаго залива, развернувъ передъ ихъ глазами невиданную до сихъ поръ картину. Хотя халдеи цѣлые вѣка уже совершали навигаціи по этому внутреннему морю, но ни ихъ строители, ни ихъ мореплаватели не могли сравниться съ финикійскими. Мачты и паруса, двойной рядъ веселъ и заостренные водорѣзы сирійскихъ судовъ, были, вѣроятно, новинкой для жителей этихъ странъ, впервые увидавшихъ у устьевъ Тигра флотъ, съ которымъ ихъ собственныя суда не могли состязаться [1]". Сузіанцы, ожидавшіе нападенія со стороны суши, сосредоточили, по всей вѣроятности, всѣ свои силы вдоль береговъ Евфрата. Морское нашествіе застигло ихъ совершенно врасплохъ. „Я увелъ въ плѣнъ жителей Битъ-Іакина и ихъ боговъ, и слугъ царя Эламскаго. Я ничего не оставилъ на мѣстѣ; я посадилъ ихъ на корабли и увезъ на противоположные берега; я направилъ ихъ въ Ассирію, я разрушилъ города этихъ округовъ, я уничтожилъ ихъ и обратилъ въ пепелъ, я превратилъ ихъ въ пустыни и груды развалинъ [2]". Неожиданный оборотъ дѣлъ спасъ Сузіану отъ полнаго опустошенія. Вавилоняне, видя, что царь отправился въ отдаленный походъ, за море, снова возстали и передали власть Сузубу. Послѣдній былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и отправленъ въ Ассирію, а нѣсколько дней спустя сузіанская армія, поспѣшившая къ нему на помощь была разбита и оттѣснена. Однако неудача эта не была настолько значительна, чтобы заставить Кудурнахунту рѣшиться на переговоры [3]).

Война возобновилась слѣдующей весною. Два города, которые нѣкогда Сутрукнахунта отнялъ у Саргона и которые оставались до сихъ поръ во власти эламитовъ, были взяты приступомъ и послѣ 20-ти лѣтъ вернулись опять къ своимъ прежнимъ владѣльцамъ. Этотъ первый успѣхъ отдалъ во власть Сеннахериба всю нижнюю часть Сузіаны, которую онъ прошелъ огнемъ и мечемъ. „Я осадилъ и взялъ 34 большихъ города, и безпримѣрное число небольшихъ окрестныхъ городовъ, говоритъ Сеннахерибъ; я увелъ плѣнниковъ, уничтожилъ ихъ и обратилъ въ пепелъ; дымъ отъ

[1]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", II, стр. 171—172; стр. 48. Ж. Менанъ, „Annales", стр. 232.
[2]) Оппертъ, „Les Sargonides", стр. 48.
[1]) Дж. Смитъ, „History of Sennacherib", стр. 88—105.

пожаровъ, подобно жертвенному дыму, возносился къ необъятнымъ небесамъ". Извѣстіе объ этомъ разгромѣ привело въ ужасъ Кудурнахунту; онъ уже не могъ считать безопаснымъ въ Мадакту и отступилъ со всей арміей къ городу Хайдали, въ мало ему знакомые округи, окаймлявшіе Мидію, чтобы приготовиться тамъ, подъ защитою горъ, къ отчаянному сопротивленію. Сеннахерибъ не сталъ преслѣдовать его въ послѣднемъ убѣжищѣ. Въ тотъ моментъ, какъ онъ собрался противъ Мадакту, „разразилась сильная буря; пошелъ безпрерывный дождь и снѣгъ: рѣки и горные потоки выступили изъ береговъ", и онъ принужденъ былъ отказаться отъ экспедиціи и вернулся въ Ассирію. Спустя три мѣсяца умеръ Кудурнахунта и, по обычаю страны, ему наслѣдовалъ младшій братъ его, Умманминану [1]).

Вскорѣ послѣ своего возвращенія, Сеннахерибъ узналъ, что Сузубъ, обманувъ бдительность сторожившаго его Лахирскаго правителя, бѣжалъ изъ тюрьмы и скрылся въ болотахъ Халдеи, откуда пытался возмутить противъ него вавилонянъ. Присутствіе ассирійскаго царя сразу положило конецъ этимъ попыткамъ. Сузубъ, слишкомъ слабый, чтобы дать сраженіе, успѣлъ скрыться къ Умманминану. Онъ вернулся черезъ нѣсколько мѣсяцевъ съ союзными сузіанцами, и вавилоняне „посадили его на престолъ, котораго онъ не былъ достоинъ, и ввѣрили ему царства Сумира и Аккада". Чтобы укрѣпить за собой поддержку Умманминану и доставить себѣ необходимыя средства, Сузубъ не побоялся совершить святотатства. „Онъ открылъ сокровищницу большого пирамидальнаго храма, онъ ограбилъ золото и серебро Бела и Зарпаниты и храмовъ, чтобы передать его Умманминану, царю Эламскому, у котораго не было ни ума, ни смысла. Онъ говорилъ ему: „Расположи свои войска, собери свои силы и иди къ Вавилону, подкрѣпи насъ, потому что ты такъ свѣдущъ въ военномъ искусствѣ [2]". Сузіанецъ устроилъ всеобщее народное ополченіе, созвавъ всѣхъ своихъ вассаловъ. Племена Паруса, Анзана, Эллиби и Нижняго Евфрата были за одно съ нимъ и присоединились въ Вавилонѣ къ новому возстанію Сузуба. „Полки ихъ появились, какъ туча саранчи на поляхъ; пыль отъ ихъ ногъ, поднявшаяся отъ земли къ необъятнымъ небесамъ, когда

[1]) Оппертъ, „Les Sargonides", стр. 48; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib" стр. 106—113.
[2]) Оппертъ, „Les Sargonides", стр. 49; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib" стр. 119.

они собрались, чтобы дать мнѣ битву, покрыла горизонтъ подобно грозной тучѣ [1]).

Битва произошла близъ Халули, на берегу Тигра. „Я надѣлъ на голову тіару и корону, и радостно несся на моей ужасной колесницѣ, истребительницѣ враговъ. Сердце мое пламенѣло отъ желанія мести, и я схватилъ могущественный лукъ, данный мнѣ Ассуромъ, и сжалъ въ рукѣ боевую палицу, сокрушительницу жизни. Я смѣло и величественно вступилъ въ сраженіе съ цѣлой арміей нечестивыхъ бунтовщиковъ; я бросился на нихъ, какъ Раману“. Главнокомандующій эламскихъ войскъ былъ убитъ на первыхъ же порахъ, и смерть его посѣяла смятеніе въ рядахъ союзниковъ. Набузикирискунъ, сынъ Мардукбалиддина, былъ взятъ въ плѣнъ, а Умманминану и Сузубъ почти одни бѣжали съ поля битвы; вся халдейская аристократія попала въ руки побѣдителя, или погибла въ сраженіи [2]). Вавилонъ былъ взятъ, и Сеннахерибъ, раздраженный той опасностью, которой онъ подвергался, рѣшилъ покончить навсегда съ непокорнымъ городомъ. „Я разрушилъ его до основанія, подкопалъ и сжегъ городъ и храмы его, разрушилъ всѣ стѣны, ограды, храмы боговъ и пирамиды, сложенныя изъ кирпича или изъ земли; я наполнилъ большой каналъ обломками ихъ развалинъ“. Въ одномъ изъ поруганныхъ святилищъ онъ нашелъ статуи бога Раману и богини Салы, похищенныя царемъ Мардукидинахъ изъ города Гекали послѣ пораженія Тугултипалесарры I-го за 418 лѣтъ передъ тѣмъ, и печать Салманасара I, посвященную побѣдоноснымъ Бинбалиддиной богамъ своего отечества. Эти трофеи прежнихъ пораженій, сдѣлавшіеся трофеями блестящей побѣды, были перевезены въ Нинивію и торжественно помѣщены въ одномъ изъ храмовъ этого города [3]). Въ продолженіе восьми лѣтъ полуразрушенный Вавилонъ оставался безъ царя и почти безъ жителей, и былъ возстановленъ во всемъ своемъ великолѣпіи только при Ассаргаддонѣ [4]). Разрушеніе Вавилона блестящимъ образомъ закончило

---

1) Оппертъ, „Les Sargonides“, стр. 50; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, 119—132; Поньонъ, „L'Inscription de Bavian“, стр. 15—17.

2) Оппертъ, „Les Sargonides“, стр. 51; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 119—132; Поньонъ, „l'Inscription de Bavian“, стр. 15—17.

3) Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 132—136; Поньонъ, „L'Inscription de Bavian“, стр. 17—21.

4) По Полигистору, Сеннахерибъ отдалъ Вавилонское царство сыну своему Асорданесу (Полигисторъ, apud. Euseb, „Chrond. can.“, 1—5), которымъ

военную карьеру Сеннахериба. По крайней мѣрѣ, въ послѣдніе годы его царствованія извѣстны лишь двѣ войны и обѣ довольно незначительныя: одна, противъ арабовъ, окончилась покореніемъ ихъ царя Хазаила [1]) (Азаила, по Библіи); другая, направленная противъ килійскихъ грековъ, окончилась пораженіемъ ихъ на сушѣ и на морѣ [2]).

Невольно является вопросъ, какимъ образомъ среди этихъ безконечныхъ войнъ Сеннахерибъ находилъ время заботиться объ управленіи своей монархіей и о постройкѣ храмовъ и дворцовъ. А между тѣмъ, изъ всѣхъ ассирійскихъ царей онъ одинъ, можетъ быть, оставилъ столько важныхъ памятниковъ. Благодаря его щедрости, а также многочисленнымъ военно-плѣннымъ, которыхъ онъ уводилъ съ ихъ родины, заставляя работать при постройкѣ зданій, ассирійское искусство достигло въ его царствованіе необыкновеннаго развитія и превзошло все, существовавшее въ этой области до того времени. „Отличительной чертой орнаментаціи временъ Сеннахериба является сильный и рѣзко выраженный реализмъ. Именно при этомъ царѣ вошло въ обыкновеніе воспроизводить сюжеты на фонѣ того времени и той мѣстности, къ которымъ относилось изображаемое событіе; поэтому горы, скалы, деревья, дороги, рѣки и озера воспроизводились самымъ тщательнымъ образомъ, съ правдивостью, какое только позволяло искусство художника и употребляемые имъ матеріалы. Ассирійскія произведенія искусства не ограничивались однимъ воспроизведеніемъ предмета въ общихъ чертахъ, при помощи крупныхъ штриховъ картины; наоборотъ, существовало, очевидно, стремленіе схватить и передать всѣ мельчайшія детали, какія только могъ подмѣтить глазъ наблюдателя, если бы онъ дѣлалъ набросокъ прямо съ натуры. Барельефы тщательно изображаютъ различныя породы деревьевъ, сады, поля, пруды и тростники; дикія животныя: олени, кабаны, антилопы воспроизведены на нихъ со всѣми своими характерными особенностями; птицы

былъ никто иной, какъ Есаргаддонъ (Бёджъ, „The History of Esarhaddon“, стр. 2.

1) Дж. Смитъ, „History of Sennacherib“, стр. 137—139.

2) Берозъ, у Александра Полигистора, apub. Евсевій, „Chron arm.“, изд. Mai, стр. 19. Другой отрывокъ, сохранившійся въ Абидосѣ, говоритъ о какомъ-то Пиѳагорѣ, бывшемъ на службѣ у царя ассирійскаго и отождествляемомъ съ философомъ, несмотря на всю неправдоподобность такого толкованія.

перелетаютъ съ дерева на дерево, или сидятъ въ своихъ гнѣздахъ въ то время, какъ птенчики вытягиваютъ къ нимъ свои шейки; рыбы играютъ въ водѣ; рыболовы, лодочники и земледѣльцы изображены за своими занятіями; всѣ сцены представляются какъ бы сфотографированными во всѣхъ подробностяхъ, какъ мельчайшихъ, такъ и самыхъ существенныхъ, безъ всякаго выбора между тѣми и другими и безъ заботы о, такъ называемомъ, художественномъ единствѣ сюжета.

„Слѣдуя тому же духу реализма, Сеннахерибъ выбиралъ сюжетомъ декоративныхъ изображеній обыденныя сцены изъ повседневной жизни. Длинныя вереницы слугъ, ежедневно входившихъ въ его дворецъ съ дичью для его обѣда, съ пирожнымъ и фруктами для его дессерта, до сихъ поръ сохранились на стѣнахъ коридоровъ точно такими же, какими были въ то время, когда проходили по двору, уставленными любимыми явствами царя. Въ другомъ мѣстѣ передъ нами происходитъ вся процедура скульптурнаго воспроизведенія и переноски колоссальнаго каменнаго быка, съ того момента, какъ онъ является передъ нами въ видѣ безформенной каменной глыбы, извлекаемой изъ каменоломни, до момента появленія его въ видѣ законченнаго художественнаго произведенія, долженствующаго быть поднятымъ на искусственное возвышеніе, служащее основаніемъ дворцу, съ цѣлью украсить монументальную дверь царской резиденціи. Сначала мы видимъ толпы людей, которые тянутъ бичевою по теченію рѣки плоскодонное судно съ неотесанной каменной глыбой. Они разбиты на нѣсколько группъ, находящихся подъ командою особыхъ надсмотрщиковъ, которые при малѣйшемъ непослушаніи пускаютъ въ ходъ свои палки. Художникъ стремится къ воспроизведенію сцены во всей ея полнотѣ; поэтому, работники изображены всѣ до одного, въ числѣ трехсотъ, каждый въ своемъ національномъ костюмѣ, и выгравированы съ такою тщательностью, какъ будто каждый изъ нихъ является единственнымъ въ своемъ родѣ, а не однимъ изъ сотенъ ему подобныхъ. Далѣе изображена перевозка этой глыбы, но уже грубо обтесанной въ видѣ быка; ее кладутъ на полозья, и рабочіе, расположенные въ томъ же порядкѣ, что и на предъидущихъ барельефахъ, везутъ ее до подножія насыпи, на которой статуя должна быть поставлена. Само возведеніе этой надписи представлено также во всѣхъ подробностяхъ. Изображены кирпичники, формующіе кирпичи у основанія насыпи, тогда какъ каменьщики съ корзинами, наполненными землей, кирпичами, камнями или щебнемъ, съ трудомъ поднимаются на насыпь, которая наполовину уже готова, и сваливаютъ свою ношу. Затѣмъ, все еще распростертаго на полозьяхъ быка, четыре отряда рабочихъ поднимаютъ наверхъ по наклонной плоскости въ присутствіи монарха и его свиты. Наконецъ, доканчивается его скульптурная отдѣлка и колоссъ, поставленный на ноги, передвигается по площадкѣ до того самого мѣста, которое ему предстоитъ занимать“ [1]).

Изъ всѣхъ городовъ монархіи, Сеннахерибъ болѣе всего любилъ украшать Нинивію. Покинутая Саргономъ и переставшая быть столицей, Нинивія быстро падала въ численности своего населенія. Стѣны ея во многихъ мѣстахъ представляли проломы; древніе водопроводы были испорчены; Тигръ, плохо сдерживаемый набережными, угрожалъ городу своими наводненіями. Что же касается дворца, это была уже не болѣе, какъ руина. „Дворъ его со службами, говоритъ Сеннахерибъ, былъ выстроенъ царями, моими предками и предшественниками, и предназначался для склада имущества, орудій и для выѣзживанія лошадей. Его фундаментъ былъ такъ плохъ, что невозможно было въ немъ жить; его украшенная скульптурными изображеніями ограда разрушилась; краеугольный камень сдвинутъ съ мѣста; его ряды обвалились, а верхушка его наклонилась въ сторону“ [2]). Сеннахерибъ вернулъ городу его прежнее великолѣпіе, расчистилъ занесенные иломъ старинные водопроводы и воздвигъ новые; укрѣпилъ набережныя Тигра, исправилъ ограду и реставрировалъ всѣ памятники. „Я заново отстроилъ древнія улицы, расширилъ тѣ, которыя были слишкомъ узки, и сдѣлалъ городъ такимъ же блестящимъ, какъ само солнце“. Старый царскій дворецъ былъ окончательно разрушенъ, и изъ обломковъ его насыпанъ обширный искусственный холмъ, на которомъ, „въ одинъ счастливый мѣсяцъ и въ одинъ прекрасный день я построилъ, по желанію своего сердца, дворецъ изъ алебастра и сирійскаго кедра съ башней въ ассирійскомъ стилѣ... Я возобновилъ и закончилъ этотъ дворецъ отъ самого основанія до верхушки и посвятилъ его моему имени. Къ тому изъ моихъ сыновей, который впослѣдствіи будетъ призванъ Ассуромъ и Истарою охранять страну мою и ея жителей, я обращаюсь съ слѣдующими словами: съ теченіемъ времени этотъ

[1]) Д. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, стр. II, 181—183.
[2]) Ж. Оппертъ, „Les Sargonides“, стр. 51.

дворецъ одряхлѣетъ и обратится въ развалины. Пусть мой преемникъ возобновитъ его изъ-подъ развалинъ и возстановитъ письмена моей надписи. Пусть онъ обновитъ живопись, отчиститъ барельефы и возстановитъ ихъ на прежнихъ мѣстахъ. Тогда Ассуръ и Истара услышатъ его молитву. Но если кто исказитъ мою надпись и сотретъ мое имя, да поступитъ съ нимъ Ассуръ, великій богъ, отецъ боговъ, какъ съ бунтовщикомъ, да отниметъ онъ у него скипетръ и корону и да лишитъ онъ его верховной власти" [1]).

Будущее, и очень недалекое будущее, поторопилось жестоко разрушить иллюзіи, заключавшіяся въ этихъ высокомѣрныхъ обѣщаніяхъ вѣчнаго существованія. Не прошло и восьмидесяти лѣтъ со времени сооруженія храма, а онъ лежалъ уже въ развалинахъ, изъ-подъ которыхъ ему не суждено было подняться.

Царствованіе Сеннахериба завершилось семейной трагедіей. Однажды, когда онъ находился въ храмѣ бога своего Нисроха, сыновья его, Адраммелехъ и Нергалсаруссуръ, пронзили его мечомъ [2]). Но преступленіе не принесло никакой пользы убійцамъ. Адраммелехъ попытался было объявить себя царемъ, но подданные его отца отказались повиноваться ему. На престолъ вступилъ братъ его, Ассурахеиддинъ (Асаргаддонъ), старшій сынъ Сеннахериба [3]), рожденный отъ другой матери, избранный въ цари войсками Арменіи, которыми онъ командовалъ въ Нинивіи; и онъ разбилъ своихъ соперниковъ въ Ханираббатѣ, по другую сторону Евфрата [4]). По словамъ однихъ, Адраммелехъ погибъ въ битвѣ; другіе же говорятъ, что онъ вмѣстѣ съ братомъ своимъ бѣжалъ и скрылся въ Арменіи. Если вѣрить мѣстному преданію, царь этой страны радушно принялъ побѣжденныхъ и пожаловалъ имъ во владѣніе земельные участки [5]). Въ самомъ началѣ царствованія Ассурахеиддина походъ противъ горныхъ округовъ, отдѣляющихъ Тигръ отъ Каспійскаго моря, обезпечилъ на время покорность нѣсколькихъ мидійскихъ племенъ. „Страна Патусарра, говоритъ Асаргаддонъ, лежитъ въ глубинѣ Мидіи, въ хрустальныхъ

1) Ж. Оппертъ, „Les Sargonides", стр. 52—53; Дж. Смитъ, „History of Sennacherib", стр. 140—166.

2) „IV Кн. Царствъ", XIX, 37.

3) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 2.

4) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 21—25. Ханнираббатъ находился, вѣроятно, гдѣ-нибудь въ Мелитенѣ.

5) Моисей Хоренскій, „Hist. Arm.", т. I, стр. 22.

горахъ Бикни, и никто изъ царей, моихъ предковъ, не ступилъ ногою на ея почву". Двое изъ мидійскихъ правителей, Сидирпарна и Эпарна, имена, которыхъ носятъ арійскій характеръ, были уведены въ рабство, такъ же какъ и начальники сосѣднихъ странъ: Уппицъ, правитель города Партакки, Замасана—города Нартукки, и Раматія—города Уракaзабарны.

Въ общемъ, результатъ этихъ походовъ былъ не важенъ, но тотъ интересъ и почти гордость, съ которыми Асаргаддонъ говоритъ о нихъ, показываютъ, какое значеніе приписывали ассиріяне хотя бы временному обладанію мидійскими областями [1]). Двѣ экспедиціи противъ жителей Манны и Аскуза [2]),—тубаловъ, мушкаевъ и киммерійцевъ не особенно много способствовали расширенію ассирійскаго владычества [3]). Эти войны продолжались четыре года, съ 680 по 676, послѣ чего Асаргаддонъ былъ отозванъ на юговостокъ своей монархіи возстаніемъ халдеевъ. Одинъ изъ сыновей Мардукбалиддина, Набузирнабпистіустесиръ, овладѣлъ было, съ помощью сузіанцевъ, странами, лежавшими у устьевъ Евфрата; Асаргаддонъ побѣдилъ его и замѣстилъ братомъ его, Нагидмардукомъ, котораго обложилъ тяжелой данью [4]). Усмиривъ Халдею, Асаргаддонъ принужденъ былъ сейчасъ же обратиться противъ Сиріи. Сидонскій царь Абдимилкутъ былъ разбитъ наголову и бѣжалъ на островъ Кипръ, гдѣ считалъ себя внѣ всякой опасности. Асаргаддонъ переплылъ море, „какъ рыба", и взялъ въ плѣнъ своего противника, послѣ чего направилъ свое оружіе противъ горныхъ областей Финикіи и предалъ ихъ огню и мечу. Сидонъ былъ разрушенъ, вся его знать перебита, а царь и жители его были переселены въ Ассирію и замѣнены колонистами изъ Халдеи и Сузіаны [5]).

До того времени царямъ ассирійскимъ почти не приходилось имѣть дѣла съ Аравіей. Пустыня между Евфратомъ и Іорданомъ была населена племенами, принадлежавшими по языку и происхожденію къ арамеянамъ и родственными Гамбулу, Пукуду и дру-

1) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 66—73; Делаттръ, „Le peuple et l'empire des Mèdes", стр. 120—121.

2) Сейсъ, („Journal of the R. Asiatic Society", т. XIX, часть 2-я, стр. 397), предлагаетъ внести поправку въ одно мѣсто у Іеремiи, LI, 27, замѣнивъ названіе Аскеназъ названіемъ Аскузъ.

3) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", ст. 41—47.

4) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", ст. 47—51.

5) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", ст. 32—41.

гимъ родамъ южной Халдеи. Еврейское преданіе группируетъ ихъ въ четыре племени, — Усъ, Гулъ, Гетеръ и Масъ. Племя Усъ жило въ землѣ Эдомской; Гулъ,—вѣроятно, въ Каменистой Аравіи; классическіе историки отождествляли Масъ съ Месеной, а положеніе Гетера съ точностью не опредѣлено [1]). Народы эти составляли живую преграду между Нинивіей и странами Центральной или Южной Аравіи и препятствовали ассирійскимъ завоевателямъ направиться непосредственно въ страну благовоній, золота и пряностей, привозимыхъ имъ измаильтянскими караванами или вавилонскими кораблями. Дѣйствительно, съ того момента, какъ Рамзесъ IV, послѣдній изъ фараоновъ, заботившихся о поддержаніи сношеній между Аравіей и Египтомъ, открылъ новые пути для торговли, а, можетъ быть, и попытался слегка возстановить верховную власть надъ Тонутиромъ и Пунтомъ, которою пользовались его славные предки 18-й и 19-й династій, Іеменъ не переставалъ благоденствовать, сначала при послѣднихъ Адитахъ, потомъ при непосредственныхъ преемникахъ Іароба, сына Катана, возмутившаго Іектанидскія племена противъ ихъ владѣтелей кушитской расы. Большинство кушитскихъ племенъ осталось затѣмъ въ качествѣ вассаловъ, въ странѣ, гдѣ они такъ долго пользовались господствомъ. Но нѣкоторыя изъ нихъ удалились въ горы Гадрамаута, гдѣ продержались до первыхъ вѣковъ нашей эры, а самая большая часть эмигрантовъ ушла въ Африку, гдѣ они присоединились къ племенамъ, съ давнихъ поръ утвердившимися за Баб-эль-Мандебскимъ проливомъ. Они появились здѣсь приблизительно около того времени, когда Египетъ, истощенный своими завоевательными дѣйствіями, утратилъ власть надъ Азіей, и когда ѳиванскіе жрецы, побѣжденные фараонами 21-й и 22-й династій, создали въ Геб-эль-Баркалѣ враждебное послѣднимъ государство. Появленіе этихъ нежданныхъ пришельцевъ, имѣвшее рѣшительное вліяніе на судьбы народовъ Нильской долины, дало возможность жившимъ здѣсь раньше кушитамъ заполнить пробѣлы въ рядахъ своихъ войскъ, причиненные имъ египетскими завоеваніями, послѣ чего они стали поставлять сначала царю Піонки, а потомъ и фараонамъ двадцать пятой династіи, военные отряды, которые часто очень успѣшно боролись съ легіонами ассирійскихъ монарховъ.

---

[1]) Галеви, „Mélanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples semitiques", стр. 11.

Этотъ внутренній переворотъ нисколько не уменьшилъ торговую дѣятельность сабеянъ. Несмотря на эмиграцію кушитовъ и на появленіе въ странѣ настоящаго феодализма, при которомъ начальники отдѣльныхъ областей не всегда признавали верховную власть царя, утвердившагося въ Маребѣ, страна не переставала быть главнымъ торговымъ складомъ Индіи и Финикіи. Мысль устранить это посредничество, принадлежавшая нѣкогда фараонамъ, вѣроятно, неоднократно приходила въ голову и ассирійскимъ царямъ. Сеннахерибъ, кажется, подумывалъ одно время предпринять туда отдаленный походъ, о которомъ пророкъ Исаія говоритъ слѣдующее: „Пророчество объ Аравіи. Въ лѣсу Аравійскомъ ночуйте, караваны деданскіе! Живущіе въ землѣ Фемайской! несите воды навстрѣчу жаждущимъ; съ хлѣбомъ встрѣчайте бѣгущихъ. Ибо они отъ мечей бѣгутъ, отъ меча обнаженнаго, и отъ лука натянутаго, и отъ лютости войны. Ибо такъ сказалъ мнѣ Господь: еще годъ, равный году наемничьему, и вся слава Кидарова исчезнетъ; и луковъ у храбрыхъ сыновъ Кидара останется немного: такъ сказалъ Господь, Богъ Израилевъ" [1]).

Постоянныя волненія среди вавилонянъ не дали времени ассирійскому монарху совершить всѣ угрозы, заключающіяся въ этомъ пророчествѣ. Только къ концу своего царствованія онъ вмѣшался въ дѣла Геджаса и покореніемъ страны Аддуму и страны Гагаръ (Геджаръ) въ Барейскомъ округѣ расчистилъ путь для болѣе отдаленныхъ экспедицій [2]). Извѣстно уже какъ непрочно было верховное господство Ассиріи. Асаргаддонъ попытался укрѣпить его актомъ непривычной снисходительности. Во время завоеванія Адуму, Сеннахерибъ увезъ въ качествѣ трофеевъ статуи Атаръ-Самаина и другихъ боговъ, и лишеніе этихъ идоловъ такъ огорчило арабовъ, что царь ихъ, Хазаилъ, лично отправился въ Нинивію и умолялъ о возвращеніи боговъ. „Я сжалился надъ нимъ, говоритъ Асаргаддонъ, я велѣлъ раставрировать статуи боговъ, и написавъ на нихъ хвалу Ассуру, моему повелителю, и свое имя, возвратилъ ихъ ему". Арабы дорого заплатили за эту уступку: Асаргаддонъ поставилъ во главѣ ихъ царицу Табуйа, которая была воспитана въ нинивійскомъ дворцѣ въ духѣ приверженности къ ассирійской политикѣ. Дань, уплачиваемая нѣкогда Сеннахерибу, была увеличена шестьюдесятью пятью верблюдами, кото-

---

[1]) Исаія, XXI, 13—17.
[2]) Смитъ, „History of Sennacherib", стр. 167.

рые давались въ видѣ выкупа за возвращеніе идоловъ. Вскорѣ представился еще новый случай увеличить бремя налоговъ, тяготѣвшее надъ народами пустыни. Хазаилъ умеръ, а сынъ его Іаилу получилъ царскій титулъ только подъ условіемъ ежегодной уплаты царю Ассиріи десяти минъ золота, тысячи карбункуловъ и пятидесяти верблюдовъ самой лучшей породы [1]). Положивъ такимъ образомъ, основаніе своей будущей дѣятельности, Асаргаддонъ намѣревался итти дальше, но пустыни Центральной Аравіи остановили его. Онъ ограничился подчиненіемъ страны Базу, „мѣстонахожденіе которой отдалено, и путь по ней гибеленъ; это область разслабленности, мѣсто, гдѣ царитъ жажда". Далѣе онъ подчинилъ себѣ страну Хазу и убилъ 8 ея царей. „Я увезъ въ Ассирію ихъ боговъ, ихъ имущества, ихъ сокровища и подданныхъ. Лаяле, царь Іадіа, призналъ мое господство; когда онъ узналъ о похищеніи своихъ боговъ, онъ предсталъ передо мною въ Нинивіи, въ моей столицѣ, и преклонился передо мною. Я простилъ его и принялъ благосклонно. Что же касается его боговъ, я написалъ подъ ихъ изображеніями хвалу Ассура, моего господина, я принесъ ихъ и вернулъ ему. Затѣмъ я ввѣрилъ ему эту страну Базу, обязавъ его платить мнѣ дань" [2]). Новизна предпріятій была самой главной заслугой его военныхъ дѣйствій: никогда еще ни одинъ царь ассирійскій не заходилъ съ оружіемъ въ рукахъ такъ далеко въ пустыню. Удовлетворивъ своему честолюбію, Асаргаддонъ сталъ искать болѣе цѣлесообразнаго поля завоеваній и обратилъ свое оружіе противъ Египта.

Ассиріяне въ Египтѣ; Тагарку (692—666); **завоеваніе Египта Асаргаддономъ** (672); **Ассурбанипалъ** (667—625); **завоеваніе Элама.**

Пораженіе Сеннахериба освободило Египетъ, но не вернуло ему ни его прежней силы, ни прежняго единства. Въ то время,

[1]) Бёджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 54 — 59; Галеви, „Inscriptions du Safa" въ „Journal asiatique", 1882, т. XIX, стр. 483.

[2]) Фоксъ Тальботъ, „The Second Inscription of Esarhaddon" въ „Records of the Past", т. III, стр. 115 — 117; Бёджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 58 — 65. Земли Базу и Хазу тождественны, вѣроятно, съ Бузой (Вузой) и Хазо Библіи („Бытіе", XXII, 21: „Іеремія", XXV, 23). Мѣстоположенія ихъ слѣдуетъ искать къ юго-востоку отъ горъ Хорана, въ мѣстностяхъ, изслѣдованныхъ недавно Губеромъ. Сравн. Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies".

какъ двѣ главныя династіи Сѣвернаго Египта, Саисская и Танисская, оспаривали другъ у друга верховную власть надъ Дельтой, Эѳіопская династія жалко прозябала въ Ѳивахъ. Одно время къ ней, казалось, возвратилась ея прежнее могущество. Шабитку, сынъ и преемникъ Шабаку, соединилъ всю страну подъ своей властью [1]), но вторженіе Тагарку положило конецъ его успѣхамъ: онъ былъ побѣжденъ, взятъ въ плѣнъ и убитъ [2]), Дельта покорена, а Стефинатесъ, все еще бывшій представителемъ саисской династіи, лишенъ Мемфиса. Тагарку вызвалъ изъ Эѳіопіи свою мать и назначилъ ее главной правительницей, госпожей обѣихъ странъ, повелительницей всѣхъ народовъ. Она происходила, вѣроятно, отъ первосвященниковъ Аммона и передала своему сыну наслѣдственныя права на престолъ; расточая ей столько торжественныхъ эпитетовъ, Тагарку стремился, очевидно, узаконить свою узурпацію [3]). Сдѣлавшись повелителемъ обширной монархіи прежнихъ фараоновъ, онъ старался по мѣрѣ возможности исправить поврежденія, нанесенныя ей въ предшествующіе года. Классическая древность подтверждаетъ его права на славу завоевателя: одно преданіе, пользовавшееся большой популярностью въ греко-римскую эпоху, утверждало, что онъ побѣдоносно прошелъ всю Африку, отъ береговъ Краснаго моря до Геркулесовыхъ Столбовъ [4]). Самъ онъ приписывалъ себѣ побѣды надъ Ассиріей, Кити, Арадомъ, жителями Хети и Нагаранной; названіе Египта фигурировало въ Гебелъ-Баркалѣ и даже на стѣнахъ ѳиванскихъ храмовъ въ числѣ названій побѣжденныхъ странъ [5]). Черезъ 20 лѣтъ послѣ воцаренія Тагарку, когда онъ могъ уже считать себя прочно утвердившимся на престолѣ, ассирійское вторженіе вдругъ пошатнуло его авторитетъ. Асаргаддонъ проникъ черезъ Пелузіумъ въ Нильскую долину и нанесъ такое по-

[1]) Оппертъ, Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie", стр. 14; Марьеттъ, „Monuments divers", табл. 29, е.

[2]) Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 251.

[3]) Э. де-Руже, „Sur quelques monuments du règne de Tahraka" въ Mélanges d'archéologie", табл. LXXIV; С. Бирчъ, „Monuments of the reign of Tirhakah" въ „Transactions of the Society of Biblical Archoeologie", т. VII, стр. 199.

[4]) Страбонъ, кн. XIV, гл. I, 6.

[5]) Розеллини, „Monumenti Reali", табл. CLI; Марьеттъ, „Karnak", табл. 45, а, 2. Списокъ, опубликованный Марьеттомъ, является не болѣе какъ воспроизведеніемъ списка Рамзеса II и имѣетъ, слѣдовательно, очень слабое историческое значеніе.

раженіе эѳіопянамъ, что Тагарку принужденъ былъ бѣжать въ Напату. Мемфисъ перешелъ въ руки непріятеля [1]), Ѳивы были разграблены, причемъ статуи боговъ и богинь, золотыя украшенія жрецовъ и жрицъ и всѣ предметы культа были отправлены въ Ассирію и, въ качествѣ трофеевъ, посвящены ассирійскимъ храмамъ. Асаргаддонъ занялся затѣмъ организаціей Египта по ассирійскому образцу: онъ утвердилъ во владѣніи двадцать мелкихъ владѣтелей, раздѣлившихъ между собою территорію Египта, обложилъ каждаго изъ нихъ особой данью и поставилъ во главѣ ихъ, въ качествѣ начальника союзнаго государства, саисскаго царя Нико I-го. Около 681 года умеръ Стефинатесъ, оставивъ наслѣдникомъ сына своего, Нехепсо, который былъ, если вѣрить классическому преданію [2]), великимъ магомъ и астрономомъ, но плохимъ царемъ, всю жизнь находившимся въ вассальной зависимости отъ эѳіопянъ (681—674). Нико I, преемникъ Нехепсо, царствовалъ уже около двухъ лѣтъ, когда ассирійское вторженіе освободило его отъ Тагарку. Это былъ дѣятельный, предпріимчивый правитель, готовый на самыя рѣшительныя предпріятія, лишь бы достигнуть той цѣли, которая вотъ уже цѣлое столѣтіе была предметомъ честолюбивыхъ стремленій всѣхъ представителей его династіи, именно возобновленія древней египетской монархіи. Онъ ни минуты не задумался объявить себя союзникомъ ассиріянъ, разъ этотъ союзъ давалъ ему главенство надъ остальными египетскими правителями и возвращалъ ему Мемфисъ. Съ цѣлію предотвращенія наступательныхъ дѣйствій со стороны эѳіопянъ, Асаргаддонъ разставилъ въ крѣпостяхъ Дельты семитическіе гарнизоны. Паденіе Египта, подготовленное безсознательно всѣми его предшественниками, было довершено. Вернувшись въ свои владѣнія, онъ велѣлъ вырѣзать на скалахъ Нагр-эль-Кельба, рядомъ съ побѣдными памятниками Рамзеса II, длинную надпись, въ которой онъ разсказываетъ о своихъ побѣдахъ, именуя себя царемъ Египта, Ѳивъ и Эѳіопіи [3]) (672).

[1]) Boscawen, „The Monuments and Inscription on the Rocks at Nahr-el-Kelb“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archœology“, т. III, стр. 347.

[2]) Галіенусъ, „De Simpl. medicam. facult“.“, IX, 2, 19; Авзоній, „Epig.“, 19; Фирмикусъ, „Astronom“, VIII, 5.

[3]) Оппертъ, „Mémoire sur les rappors de l'Egypte et de l'Assyrie“, стр. 38 - 43, 80 и слѣд.; Дж. Смитъ, „Egyptian Campaigns of Esarhaddon and Assurbanipal“ въ „Zeitschrift“, 1868, стр. 91 — 94; Дж. Раулинсонъ, The five great Monarchies“, т. II, стр. 192 — 194; Бёджъ, „The History of Esarhaddon“, стр. 124 — 129; Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichtsforschung, стр. 282 и слѣд.

Асаргаддонъ является одной изъ самыхъ оригинальныхъ и самыхъ интересныхъ личностей въ исторіи Ассиріи. Не менѣе дѣятельный и рѣшительный, чѣмъ Ассурназирпалъ и Тиглатфаласаръ, онъ не отличался ни ихъ суровостью по отношенію къ своимъ подданнымъ, ни ихъ жестокостью къ побѣжденнымъ. Во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда его предшественники проявляли непреклонное жестокосердіе, онъ является снисходительнымъ и милосерднымъ государемъ. Исторія его войнъ не изобилуетъ уже разсказами о заживо ободранныхъ плѣнникахъ, о царяхъ, посаженныхъ на колъ у воротъ своихъ городовъ, о населеніи цѣлыхъ странъ, истребленномъ его мечомъ. Наоборотъ, онъ занялся возстановленіемъ городовъ изъ-подъ развалинъ, которыми его отецъ и дѣдъ покрыли завоеванныя страны. Съ перваго же года своего царствованія онъ принялся за возобновленіе Вавилона и приступилъ къ работамъ съ необыкновенной торжественностью. Онъ отпустилъ на свободу всѣхъ оставшихся въ живыхъ халдейскихъ плѣнниковъ и привлекъ къ исполненію строительныхъ работъ всѣхъ желающихъ — за опредѣленное жалованіе, выплачиваемое масломъ, медомъ, виномъ и другими необходимыми жизненными припасами; самъ онъ для совершенія церемоніи закладки перваго кирпича одѣлся въ особый костюмъ каменщиковъ того времени. Храмъ Битъ-Залату, посвященный Мардуку, покровителю города, вышелъ изъ-подъ развалинъ, а стѣны царскаго дворца были отстроены еще лучше, чѣмъ въ прежнія времена [1]). Внѣ Вавилона, Асаргаддонъ соорудилъ въ Ассурѣ и Аккадѣ тридцать шесть святилищъ, „покрытыхъ листовымъ золотомъ и серебромъ, и сіявшихъ, какъ день“. Дворецъ, построенный имъ въ Нинивіи, на мѣстѣ древняго казнохранилища, превосходилъ все, существовавшее до того времени. Алебастровыя каменоломни Гордіевскихъ горъ и лѣса Финикіи должны были доставить необходимый матеріалъ для покрытія стѣнъ великолѣпныхъ залъ этого дворца, а тридцать два хетійскихъ царя прислали въ Нинивію съ южнаго берега громадный транспортъ сосноваго, кедроваго и кипарисоваго строевого лѣса. Кровля зданія была сдѣлана изъ рѣзнаго кедроваго дерева и поддерживалась кипарисовыми колоннами, украшенными золотыми и серебряными обручами; каменные львы

[1]) Менанъ, „Annales“, стр. 245, 247 — 248; Дж. Смитъ, „Assyrian Discoveries“, стр. 314 и слѣд.

и быки возвышались у входовъ; створки дверей были сдѣланы изъ чернаго дерева и кипариса и выложены желѣзомъ, серебромъ и слоновой костью [1]). Вавилонскій дворецъ былъ совершенно разрушенъ, а дворецъ въ Калахѣ, постройка котораго была начата изъ добычи, вывезенной изъ Египта, никогда не былъ оконченъ. Видъ длинныхъ аллей изъ сфинксовъ, ведущихъ во входы мемфисскихъ храмовъ, производилъ сильное впечатлѣніе на умы завоевателей. Асаргаддонъ старался въ этомъ отношеніи подражать своимъ побѣжденнымъ и присоединилъ сфинксовъ къ быкамъ и львамъ, украшавшимъ входы въ построенныя имъ зданія [2]). Его строительная дѣятельность продолжалась три года (671 — 669); едва она была окончена и намѣченъ былъ планъ орнаментаціи, какъ Асаргаддонъ сильно заболѣлъ въ 669 году. Преждевременная вѣсть о его смерти распространилась далеко за предѣлы его государства и оживила надежды его противниковъ. Тагарку захватилъ Египетъ, разбилъ ассиріянъ подъ стѣнами Мемфиса и взялъ городъ послѣ смертоносной осады [3]). Старый монархъ, не будучи въ состояніи лично вести войну, отрекся отъ престола 12-го іiара 668 года въ пользу своего старшаго сына, Ассурбанипала, а самъ удалился въ Вавилонъ, гдѣ вскорѣ умеръ (667).

Все свое царствованіе Ассурбанипалъ провелъ въ непрерывныхъ войнахъ. Безпрестанные походы понемногу ослабили силы Ассиріи, а чрезмѣрное расширеніе границъ монархіи ограничивало возможность широкаго распространенія одного національнаго элемента. Нинивійскіе воины сохранили еще храбрость и воинственный пылъ своихъ предковъ, но они были уже слишкомъ малочисленны для колонизаціи и сохраненія за Ассиріей всѣхъ вновь пріобрѣтенныхъ земель. Поэтому Урарги на сѣверѣ, Эламъ и Мидія на юго-востокѣ и Египетъ на юго-западѣ — были мало затронуты ассирійскимъ завоеваніемъ. Какъ ни блестящъ былъ успѣхъ, онъ не далъ прочныхъ результатовъ: лишь только проходило первое впечатлѣніе нанесеннаго имъ пораженія, египтяне, эламитяне и жители Арменіи, тотчасъ же возобновили свои попытки отвоевать себѣ независимость съ неменьшею настойчивостью, чѣмъ та, какую проявляли ассиріяне въ своемъ стремле-

1) Оппертъ „Les Sargonides“, стр. 57.

2) Бёджъ, „The History of Esarhaddon“, стр. 74—99.

3) Дж. Смитъ, въ „„Zeitschrift“, 1868, стр. 94—95.

ніи, стать во что бы то ни стало, побѣдителями. Ассурбанипалъ испыталъ это съ первыхъ же дней своего воцаренія. Онъ отправился въ Египетъ, присоединилъ по пути къ своей арміи воиновъ, набранныхъ въ Сиріи ,и, проникнувъ безпрепятственно въ Дельту, встѣтился тамъ съ эѳіопскими войсками близъ Карбанита [1]). Тагарку былъ разбитъ, и его принудили очистить Мемфисъ, а потомъ и Ѳивы, въ которыхъ остановились на нѣкоторое время ассирійцы. Цари-данники были возстановлены, и страна приведена въ то состояніе, въ какомъ ее оставилъ Асаргаддонъ за пять лѣтъ до того времени. Ассурбанипалъ покинулъ Египетъ въ полной увѣренности, что совершенно покончилъ въ немъ съ Эѳіопіей. Но не успѣлъ онъ вернуться въ свою столицу, какъ снова вспыхнуло возстаніе. Побѣжденный Тагарку казался представителямъ египетскихъ династій еще страшнѣе нинивійскаго монарха. Они завязали съ нимъ сношенія и заключили тайный договоръ, по которому обязывались возстановить его на престолѣ фараоновъ. Ассирійскіе правители, извѣщенные объ этихъ проискахъ, схватили начальниковъ заговора, Сармудари изъ Таниса, Пакруру изъ Писупти и Нико, и отправили ихъ въ цѣпяхъ въ Нинивію; въ назиданіе они опустошили Саисъ, Мендесъ и Танисъ, которые положили начало возмущенію, но этимъ не удалось остановить движенія Тагарку. Эѳіопскій царь взялъ поочередно Ѳивы, въ которыхъ онъ велѣлъ построить часовню въ честь Аммона [2]), овладѣлъ Мемфисомъ, гдѣ отпраздновалъ воцареніе новаго Аписа, и угрожалъ уже городамъ Дельты.

Очутившись въ такомъ затруднительномъ положеніи, Ассурбанипалъ понялъ, что ему необходимо было прибѣгнуть въ данномъ случаѣ къ милостивому обращенію съ плѣнными египетскими государями. Призвавъ къ себѣ царя Нико, онъ облачилъ его въ почетныя одежды, пожаловалъ ему палашъ въ золотыхъ ножнахъ, колесницу, лошадей и муловъ; не довольствуясь возвращеніемъ ему Саиса, онъ, кромѣ того, даровалъ ему для его старшаго сына, Псаметика [3]), удѣлъ Атрубисъ. Вернувшись въ Египетъ, Нико

1) Относительно этого города, см. Масперо, „Notes sur quelques points de géographie et d'histoire“ въ „Mélanges d'arhéologie“, т. I, стр. 110.

2) Это,—то маленькое зданіе, украшеніе котораго было закончено Тонуатамономъ, и которое Марьеттъ опубликовалъ въ своемъ трудѣ „Karnak“, табл. 79 и слѣд.

3) Изъ благодарности Псаметикъ принялъ ассирійское имя Набу - Сезибанни.

не засталъ уже тамъ Тагарку: престарѣлый монархъ, получившій предостереженіе во снѣ [1]), удалился въ Эѳіопію и умеръ тамъ (666), послѣ 25-лѣтняго царствованія надъ Египтомъ и почти 50-лѣтняго надъ Эѳіопіей.

Нико безъ труда занялъ Мемфисъ, но Урдамани, зять Тагарку [2]), провозглашенный царемъ въ Ѳивахъ, не далъ ему времени укрѣпить свою власть. Ассирійцы и ихъ вассалы были вторично побѣждены подъ Мемфисомъ; запертые въ городѣ, они вынуждены были сдаться послѣ долгой осады. Нико былъ казненъ, по повелѣнію своего соперника, а Псаметикъ бѣжалъ въ Сирію, чтобы избѣжать участи своего отца [3]). Ассурбанипалъ рѣшилъ разъ навсегда положить конецъ всѣмъ попыткамъ Египта вернуть свою независимость и завоевательнымъ поползновеніямъ Эѳіопіи. Урдамани, разбитый въ Дельтѣ, удалился въ Ѳивы, гдѣ надѣялся реорганизовать свою армію. Преслѣдуемый по пятамъ, онъ безъ сопротивленія покинулъ городъ и убѣжалъ въ Кипкинъ, въ Эѳіопію (666 — 665). Ѳивы, начавшія было подниматься изъ-подъ развалинъ, въ которыя онѣ были превращены Ассаргаддономъ въ 672 г., были безжалостно разграблены. Все народонаселеніе, какъ мужчины, такъ и женщины, было уведено въ рабство. „Золото, серебро, металлы и драгоцѣнные камни, всѣ сокровища дворцовъ, цвѣтныя ткани, только что положенныя въ храмѣ правителемъ Ментумой [4]), „два обелиска вѣсомъ въ 100 талантовъ", находившіеся при входѣ въ одинъ изъ храмовъ,—все это было отправлено въ Нинивію [5]). Съ тѣхъ поръ Ѳивы никогда уже не могли оправиться отъ удара, нанесеннаго имъ Ассурбанипаломъ. Несмотря, однако, на обѣднѣніе, въ которое городъ этотъ впалъ уже съ давнихъ поръ, народы, съ которыми онъ такъ сурово обращался во время своей славы, сохранили привычку относиться къ нему со страхомъ и почтеніемъ; вѣсть о паденіи Ѳивъ распространилась по всему

[1]) Геродотъ, II, CLII, гдѣ имя Тагарку замѣнено именемъ Сабакона.

[2]) Нѣкоторые ученые (D. Haigh, въ „Zeitschrift", 1868, 80 — 83; 1869, стр. 3—4; сравн. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 50—51) предлагаютъ отождествлять Урдамани съ эѳіопскимъ царемъ Тонуатамономъ. Но мнѣніе это не достаточно обосновано и ни Э. де-Руже („Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne", I, стр. 89—91), ни я не могли принять его.

[3]) Геродотъ, II, CLII, приписываетъ убійство Нико I-го Сабакону.

[4]) Э. де-Руже, въ „Mélanges d'archéologie égyptienne et assyrienne", I, стр. 17—20.

[5]) Аммiанъ Марцеллинъ, XVII, 4, приписываетъ разгромъ Ѳивъ карѳагенянамъ.

востоку и наполнила его удивленіемъ и жалостью. Полвѣка спустя память объ этомъ событіи была еще жива среди евреевъ, и пророкъ Наумъ обращался съ слѣдующимъ вопросомъ къ Ниневіи: „Развѣ ты лучше Но-Аммона, находящагося между рѣками, окруженнаго водою, котораго валъ было море, и море служило стѣною его. Эѳіопія и Египетъ съ безчисленнымъ множествомъ другихъ служили ему подкрѣпленіемъ; копты и ливійцы приходили на помощь тебѣ. Но и онъ переселенъ, пошелъ въ плѣнъ; даже и младенцы его раздавлены на перекресткахъ всѣхъ улицъ, а о знатныхъ его бросали жребій, и всѣ вельможи его окованы цѣпями" [1]). Страна была опять устроена въ духѣ ассирійской политики, и 20 царей египетскихъ трижды смѣнились на престолѣ въ продолженіе шести-семи лѣтъ. Псаметикъ унаслѣдовалъ владѣнія, но не санъ своего отца; Пакруру, правитель Писупти, сталъ во главѣ союзнаго государства. Скрывшійся въ Эѳіопію, Урдамани болѣе не возвращался, и Египетъ сдѣлался на нѣсколько лѣтъ покорнымъ вассаломъ Ассиріи [2]). Возстаніе финикіянъ и жителей Киликіи, вспыхнувшее въ одно время съ вторженіемъ Урдамани, было быстро подавлено; Ваалъ, царь Тира, призналъ себя побѣжденнымъ; Іакинлу, царь Арвада, предпочелъ кончить жизнь самоубійствомъ, чѣмъ попасть въ руки побѣдителя, а короткій походъ рѣшилъ участь Киликіи. Въ 665 г. все было кончено, и слава Ассурбанипала такъ прочно установилась, что неизвѣстный до того времени лидійскій царь, Гигесъ, засвидѣтельствовалъ ему покорность и просилъ его помощи противъ киммерійцевъ. „Существованіе моей монархіи, говоритъ Ассурбанипалъ, было ему открыто во снѣ Ассуромъ, моимъ творцомъ, который сказалъ ему: „Склонись подъ иго Ассурбанипала, любимца Ассура, царя боговъ, повелителя вселенной; воздай должныя почести его величеству и подчинись его власти". Возставъ отъ сна, онъ сейчасъ же послалъ ко мнѣ своего посла". Ассирійская монархія, простиралась теперь, по крайней мѣрѣ номинально, до Эгейскаго моря [3]).

Незначительная война съ жителями Манны, отвлекла одно время вниманіе Ассурбанипала къ сѣвернымъ странамъ [4]). Можно было

[1]) „Кн. прор. Наума", III, 8—10.

[2]) Оппертъ, „Mémoire sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie", стр. 87 и слѣд.; Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 15—57.

[3]) Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 78.

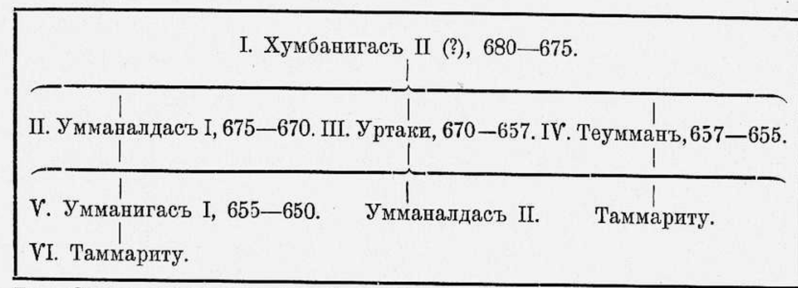
[4]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 84—99.

подумать, что онъ намѣревается возобновить военныя дѣйствія Саргона противъ Урарти. Но Эламъ воспрепятствовалъ его планамъ и обратилъ на себя всѣ бѣдствія, угрожавшія Арменіи. Ассурбанипалъ пытался, тѣмъ не менѣе, стать въ дружескія отношенія къ царю Уртаки. Во время страшнаго голода, опустошавшаго Сузіану, онъ послалъ ему хлѣба и вообще оказывалъ всевозможную помощь. Тѣ изъ эламитовъ, которые, во избѣжаніе голода удалились со своими семействами на ассирійскую территорію, не были обращены на рабство: прокормить нѣкоторое время, ихъ отпустили домой. Уртаки скоро забылъ великодушіе своего соперника: около 659 г. [1]), онъ захватилъ округи, находившіеся въ зависимости отъ Халдеи, и предалъ ихъ огню и мечу. Онъ находился уже подъ стѣнами Вавилона, когда Самассумукинъ, котораго Ассаргаддонъ назначилъ вицекоролемъ этого города, призвалъ на помощь Ассурбанипала. Побѣжденный ассиріянами, Уртаки едва успѣлъ возвратиться въ свое государство, какъ погибъ здѣсь отъ руки одного изъ своихъ подданныхъ [2]). Онъ достигъ власти, благодаря узурпаціи и убійству, и совершенно такъ же, какъ онъ поступилъ въ данномъ случаѣ со своимъ старшимъ братомъ, Умманалдасомъ, и его дѣтьми,—поступилъ и младшій братъ его, Теумманъ съ его собственными дѣтьми [3]). Изгнанные

[1]) Ассирійская хроника *Лимму* рѣзко обрывается на 665 году, т. е. на третьемъ году царствованія Ассурбанипала. Съ этого момента очень трудно устеновить вѣрную хронологію для исторіи Ассиріи.

[2]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 100—109; Менанъ, „Annales“, стр. 281—282; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, II, стр. 204—205.

[3]) Для лучшаго пониманія дальнѣйшаго разсказа не безполезно будетъ возстановить хотя бы только въ самыхъ существенныхъ чертахъ генеалогическую таблицу царскаго сузіанскаго дома этой эпохи:

I. Хумбанигасъ II (?), 680—675.
II. Умманалдасъ I, 675—670. III. Уртаки, 670—657. IV. Теумманъ, 657—655.
V. Умманигасъ I, 655—650. Умманалдасъ II. Таммариту.
VI. Таммариту.

Дж. Смитъ, History of Assurbanipal“, стр. 307; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, II, стр. 205.

изъ Элама, они бѣжали въ Ассирію, а въ это время дядя ихъ завладѣлъ „престоломъ Урарти, какъ тать въ нощи“. Первымъ дѣломъ узурпатора было потребовать выдачи бѣглецовъ, но требованіе это, предъявленное въ Нинивіи двумя его главными военачальниками, Умбадарой и Набудамикомъ, не было принято, и Ассурбанипалъ отвѣтилъ на него объявленіемъ войны. Всѣ знаменія были въ его пользу: утромъ затмилось солнце, а вопрошенная по этому поводу богиня Астарта предсказала паденіе Сузіаны и подтвердила предсказаніе своей статуи пророческимъ сномъ. Вотъ какъ разсказываетъ Ассурбанипалъ объ этомъ событіи: „Не бойся ничего“, говорила статуя богини, и при этомъ сердце мое наполнила радостью, „тебѣ стоитъ только поднять руку, и ты увидишь исполненіе моего рѣшенія, такъ какъ я хочу оказать тебѣ милость“. Въ ту же ночь, какъ я вопрошалъ богиню, одинъ предсказатель уснулъ и видѣлъ слѣдующій замѣчательный сонъ, въ которомъ Астарта говорила съ нимъ, и который онъ передалъ мнѣ, говоря: “Астарта Арбелесская предстала предо мною, во всей своей славѣ, съ лукомъ въ рукѣ, со стрѣлою наготовѣ и съ искаженнымъ отъ гнѣва лицомъ...“ Я буду охранять тебя, сказала она, послѣ чего отправлюсь опочить въ храмѣ бога Нэбо! Вкушай же отъ явствъ, пей вино, слушай музыку, прославляй мою божественную природу до тѣхъ поръ, пока я не явлюсь, и не исполнится это пророчество. Ибо я хочу оказать тебѣ милость и удовлетворить твое сердце: врагъ не устоитъ передъ тобою и не сможетъ противостоять твоей власти“. Поэтому не опасайся за себя: въ пылу битвы она будетъ охранять тебя и опрокинетъ ряды бунтовщиковъ“. Теумманъ удалился за Улаи и укрѣпился въ городкѣ Туллизъ, имѣя передъ собою рѣку, а за собою лѣсъ. Въ моментъ, когда онъ готовился уже дать сраженіе, мужество покинуло его, и онъ поспѣшилъ послать въ ассирійскій станъ одного изъ своихъ генераловъ, Итуни, для переговоровъ о перемиріи. Но не успѣли начаться переговоры, какъ передовые отряды обѣихъ армій перешли къ военнымъ дѣйствіямъ и черезъ нѣсколько времени битва завязалась по всей линіи войскъ. Теумманъ потерпѣлъ пораженіе. Преслѣдуемый врагами, онъ съ трудомъ пролагалъ себѣ путь по лѣсу, причемъ колесница его сломалась и онъ былъ взятъ, послѣ непродолжительнаго сопротивленія, вмѣстѣ со старшимъ сыномъ своимъ, Таммариту. Оба его племянника, сражавшіеся въ рядахъ ассиріянъ, были превозглашены,—одинъ изъ нихъ, Таммариту, вице-королемъ Хайдалу, другой, Умманн-

гасъ,—царемъ Сузы и Мадакту оба подъ верховной властью Ассура. Экспедиція въ страну Гамбулъ, принявшую сторону эламитянъ, закончила войну. Съ побѣжденными было поступлено со всей ассирійской жестокостью: Теумманъ и его сынъ были обезглавлены въ присутствіи арміи побѣдительницы, а многіе изъ военачальниковъ ослѣплены, изуродованы или заживо ободраны 655) [1]). Ужасъ, наведенный столькими казнями, не уменьшилъ мужества эламитянъ: царь ихъ, воспитанный ассиріянами и находившійся въ вассальной зависимости отъ Нинивіи, вскорѣ поддался патріотическимъ чувствамъ своего народа и сдѣлался ожесточеннымъ врагомъ своихъ прежнихъ покровителей.

Вскорѣ ему представился случай проявить свои чувства. Самассумукинъ жилъ сначала дружно со своимъ братомъ, но успѣшныя войны противъ Элама возбудили въ немъ опасенія за свою власть: не желая оставаться покорнымъ вассаломъ брата, онъ задумалъ возстать противъ него. Ассурбанипалъ былъ возмущенъ неблагодарностью вавилонянъ. „Дѣтей Вавилона, я возвелъ ихъ на престолъ, я облачилъ ихъ въ великолѣпныя одежды, я надѣлъ имъ на ноги золотые браслеты; дѣти Вавилона были возвышены въ странѣ Ассура и пользовались почестями по моему особому требованію. И все-таки онъ, Самассумукинъ, мой младшій братъ, вздумалъ не признавать моей верховной власти; онъ поднялъ противъ меня народы Аккада, Калдо и Арама и прибрежныхъ жителей отъ Акабы до Бабсалимети, и всѣхъ моихъ данниковъ, онъ возстановилъ ихъ всѣхъ противъ моей власти“. Чтобы получить помощь Элама, Самассумукинъ отдалъ этому государству сокровища храма Белла въ Вавилонѣ и храма Нэбо въ Барсиппѣ. Его тайные агенты склонили „царей страны Гути, страны Марту и страны Милухи быть съ нимъ заодно“. Амуладдинъ, правитель Кедара, долженъ былъ произвести диверсію на сирійской границѣ, а Уаитехъ, царь аравійскій, прислалъ въ Вавилонъ свои войска подъ предводительствомъ двухъ прославленныхъ эмировъ, Амона и Абіатеха. Въ союзъ вступила уже вся страна отъ Египта до береговъ Персидскаго залива, а Ассурбанипалъ все еще ничего не зналъ о заговорѣ, затѣваемомъ противъ него. Въ своей

[1]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, 110—150; Ж. Менанъ, „Annales“, стр, 282—285; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 205 и 206.

невозмутимой самоувѣренности онъ дошелъ до того, что потребовалъ отъ Умманигаса возвращенія идола богини Наны, который былъ увезенъ эламскими завоевателями за много вѣковъ до того времени. Непредвидѣнный случай вдругъ лишилъ его спокойствія и открылъ ему глаза на всю громадность опасности. Ассирійскій правитель Уруха узналъ отъ правителя Ура, что въ этотъ городъ прибылъ гонецъ Самассумукина и тайно возбуждалъ народъ къ возстанію, и что, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ возстановить спокойствіе среди населенія Ура, правитель этотъ рѣшился дать знать о происходившемъ своему верховному владыкѣ. Самассумукинъ постарался загладить впечатлѣніе этого преждевременнаго открытія его замысловъ и отправилъ торжественное посольство въ Ассирію съ изъявленіями своей вѣрноподданической преданности. Этимъ онъ выигралъ необходимое время для окончательныхъ приготовленій, но сейчасъ же по возвращеніи пословъ, онъ сбросилъ маску и провозгласилъ себя самодержавнымъ царемъ Вавилона [1]).

Ассурбанипалъ сначала какъ бы растерялся передъ неожиданностью этого событія. Но, въ тѣ дни слѣдующій сонъ посѣтилъ одного ясновидящаго. „Вотъ, что я готовлю, сказалъ богъ Синъ, тѣмъ, кто составляетъ заговоры противъ Ассурбанипала, царя страны Ассуръ: произойдетъ сраженіе, послѣ котораго они умрутъ постыдной смертью. Нинипъ уничтожитъ ихъ жизни мечомъ, огнемъ и голодомъ“. „Услыхавъ эти слова, продолжаетъ Ассурбанипалъ, я довѣрился волѣ Сина, моего повелителя“. Разногласія въ царской семьѣ парализовали силы Элама. Умманидасъ отослалъ въ Вавилонъ лучшія силы своей арміи: „Ундаса—сына Теуммана, царя эламскаго, Зазаза—правителя Биллате, Парру—правителя Хилму, Аттамиту — начальника своихъ стрѣлковъ, а также своего военачальника Незу;—и даже сказалъ при этомъ Ундасу: „Иди, отомсти Ассуру за убійство твоего отца, давшаго тебѣ жизнь“. Таммариту, сынъ Умманигаса, видя что отецъ его остался почти совершенно одинокимъ въ Эламѣ, возмутился противъ него въ соучастіи со своимъ дядей, Таммариту, вицекоролемъ Хандалу. Присоединеніе послѣдняго къ возмущенію Таммариту противъ своего отца внесло сначала колебаніе въ ряды сузіанцевъ: они вспомнили, что онъ сражался нѣкогда въ рядахъ ассиріянъ и собственноручно убилъ Теуммана. Для успо-

[1]) Смитъ, „History of Assurbanipal“, 151—156, 170 и слѣд.

коенія ихъ онъ не поколебался прибѣгнуть къ лжесвидѣтельству: „Это не я, говорилъ онъ, обезглавилъ царя эламскаго, это Умманигасъ, одинъ Умманигасъ, цѣловавшій землю въ присутствіи пословъ Ассурбанипала". Умманигасъ былъ обезглавленъ вмѣстѣ съ большинствомъ принцевъ своего дома, а Ассурбанипалъ, благодаря этому, побѣдилъ Самассумукина въ открытомъ полѣ, остатки разбитой арміи котораго заперлись въ Вавилонѣ, Сиппарѣ, Барсипѣ и Кутѣ. Ассурбанипалъ началъ было осаду этихъ четырехъ крѣпостей, какъ вдругъ Таммариту явился со своими войсками, чтобы сразиться съ нимъ. „Я обратился, говоритъ онъ, съ молитвой къ Ассуру и Астартѣ, и они услышали и благосклонно приняли моленіе устъ моихъ. Его собственный слуга, Индабигасъ, возмутился противъ него и заставилъ его бѣжать съ поля битвы". Побѣжденному ничего не оставалось, какъ искать убѣжища въ Нинивіи и сдаться на милость ассирійскаго царя". „Онъ поцѣловалъ мою царственную ногу и пресмыкался въ прахѣ у ногъ моихъ... Я, Ассурбанипалъ, великодушный сердцемъ, я простилъ ему его измѣну, принялъ его и всѣхъ родственниковъ его отца въ свой дворецъ". Лишенный, благодаря этой неожиданной катастрофѣ, своего лучшаго союзника, Самассумукинъ не могъ уже оказаться побѣдителемъ. Но онъ защищался по крайней мѣрѣ до послѣдней возможности, хотя голодъ среди осажденныхъ былъ такъ ужасенъ, что они „принуждены были употреблять въ пищу мясо своихъ сыновей и дочерей". Напрасно аравитяне пытались пробиться сквозь ряды непріятельскихъ войскъ; ихъ эмиры принуждены были сдаться подъ условіемъ, что имъ будетъ дарована жизнь. Самассумукинъ былъ сожженъ заживо „и народъ, который послѣдовалъ за нимъ, также не былъ помилованъ. Тѣ, которые не были сожжены съ Самассумукиномъ, своимъ повелителемъ, бѣжали отъ остраго желѣза, ужасовъ голода и пожирающаго огня. Гнѣвъ великихъ боговъ, моихъ властелиновъ, не былъ утоленъ и обрушился на нихъ; ни одинъ не ускользнулъ, ни одинъ не былъ пощаженъ, всѣ попали въ мои руки. Ихъ военныя колесницы, упряжь, ихъ женщины, сокровища ихъ дворцовъ, все было предоставлено мнѣ. Мужчинамъ, составлявшимъ вѣроломные заговоры противъ меня и Ассура, моего господина, я вырвалъ языки и затѣмъ казнилъ ихъ. Остальные были живыми выставлены передъ большими каменными быками, которыхъ соорудилъ Саннахерибъ, отецъ моего отца, и я бросилъ этихъ людей въ ровъ, разрѣзалъ ихъ на куски и отдалъ на съѣденіе псамъ, дикимъ звѣрямъ, хищнымъ птицамъ, тварямъ небеснымъ и тварямъ воднымъ. Поступая такъ, я радовалъ сердце великихъ боговъ, моихъ властелиновъ".

Уже во второй разъ, въ теченіе, по крайней мѣрѣ, полу-вѣка, ассиріяне разоряли Вавилонъ. Когда воины и самъ царь утомились убійствами, „остальные дѣти Бабилу, Куты и Сиппары, устоявшія передъ страданіями и лишеніями, получили его прощеніе. Я приказалъ сохранить имъ жизнь... Я далъ имъ законы Ассура и Белтиды, боговъ страны Ассуръ, и обложилъ ихъ данью и поземельными налогами подвластныхъ мнѣ провинцій" [1]). Управленіе Ввилономъ и сосѣдними областями было поручено одному ассирійскому военачальнику, Самасданани (648). Аравитяне не были счастливѣе своихъ халдейскихъ союзниковъ. Амуладдинъ былъ взятъ Камосгалтой, правителемъ Моава, и отосланъ въ цѣпяхъ въ Нинивію, Уаитехъ, преслѣдуемый врагами и искавшій убѣжища при дворѣ Натана (Наѳана), царя набатеянъ (навуѳеянъ), подвергся той же участи, и мѣсто его занялъ бывшій его военачальникъ, Абіатехъ, котораго Ассурбанипалъ освободилъ изъ заключенія и провозгласилъ царемъ Аравіи подъ верховной властью Ассиріи.

Со времени бѣгства Таммариту, Эламъ не принималъ никакого участія въ войнѣ. Индабигасъ, хотя въ тайнѣ и сочувствовавшій Самассумукину, сохранялъ нейтралитетъ: онъ боялся, что бы, по удаленіи отъ себя арміи, одинъ изъ принцевъ его фамиліи не возсталъ противъ него. Послѣ паденія Вавилона онъ далъ пріютъ многимъ халдейскимъ начальникамъ и между прочимъ Набубелзикри, внуку Мардукбалиддина, бывшему такъ же, какъ и дѣдъ его, царемъ Битъ-Іакина. Ассурбанипалъ потребовалъ выдачи бѣглецовъ. „Если ты не выдашь мнѣ этихъ людей, говорилъ онъ Индабигасу, я пойду на тебя, я разорю твои города и уведу жителей Сусана, Мадакту и Хаидалу; я свергну тебя съ престола и посажу другого на твое мѣсто; какъ нѣкогда раздавилъ я Теуммана, такъ уничтожу я и тебя". Индабигасъ отказался выдать своихъ гостей; начались переговоры, и во время ихъ одинъ сузіанскій военачальникъ, Умманалдасъ, убилъ своего царя и присвоилъ себѣ царскую власть [2]). Ассурбани-

[1]) Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 151—204; Ж. Менанъ, „Annales", стр. 261—264; Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", II, стр. 205—207.

[2]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 1—181.

палъ воспользовался этими распрями, и вотъ какъ онъ разсказываетъ объ этомъ: „Древній Битъ-Имби, столица всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ Элама, какъ бы стѣною отдѣляетъ его отъ границы. Сеннахерибъ, царь Ассура, отецъ моего отца, давшаго мнѣ жизнь, взялъ его; но эламиты построили впереди древняго Битъ-Имби новый городъ, который они укрѣпили, обнесли оградой и назвали тоже Битъ-Имби. Я взялъ этотъ новый городъ во время моего похода. Я уничтожилъ жителей, которые не желали присоединиться къ моему государству, я отсѣкъ имъ головы и отрѣзалъ губы и, чтобы показать ихъ жителямъ моей страны, отослалъ ихъ въ страну Ассуръ“. Умманалдасъ покинулъ Мадакту и бѣжалъ въ горы. Таммариту, послѣдовавшій за Ассурбанипаломъ, былъ возстановленъ на престолѣ въ качествѣ вассала Ассиріи. Но вскорѣ, утомленный гнусной ролью, которую ему приходилось играть, онъ составилъ заговоръ, съ цѣлью перебить ассирійскіе гарнизоны, но былъ обманутъ и преданъ побѣдителю [1]). Пока это происходило Умманалдасъ имѣлъ время возстановить свои силы; онъ возвратился въ Мадакту и овладѣлъ даже Битъ-Имби. Но это былъ лишь мимолетный успѣхъ. Весной слѣдующаго года Ассурбанипалъ появился въ Эламѣ, захватилъ одно за другимъ всѣ укрѣпленія, возведенныя передъ Сузой, и взялъ даже самый городъ. „По волѣ Ассура и Астарты, я вошелъ во дворцы Сузы и съ гордостью предавался тамъ отдохновенію. Я открылъ ихъ сокровищницы и взялъ золото, и серебро, и всѣ ихъ богатства,—все, что собрано было первымъ царемъ Элама и его преемниками и на что не посягалъ еще ни одинъ изъ ихъ враговъ; я всѣмъ завладѣлъ, какъ законной добычей... Я похитилъ Сузинака, бога, живущаго въ лѣсахъ, божественнаго образа котораго еще никто не видалъ, и боговъ Сумуду, Лагамара, Партикиру, Амманъ-Касибара, Удурана, Сапака, которыхъ обожали цари Элама, а также Рагибу, Сунгурсара, Карсу, Кирсамаса, Судуну, Епаксину, Билалу, Панинтимри, Силагару, Напса, Налирту и Киндакабру,—я похитилъ всѣхъ этихъ боговъ и всѣхъ этихъ богинь съ ихъ богатствами, сокровищами, со всей ихъ пышной обстановкой, съ ихъ жрецами и поклонниками, и все это отправилъ въ страну Ассуръ. 32 статуи царей изъ серебра, золота, бронзы и мрамора изъ городовъ Сусана, Мадакту, Хуради, статую Умманигаса, сынъ Амбадары,

[1]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 205—217.

статуи Истаръ-Нахунты и Халлудуса, статую Таммариту, послѣдняго царя, который, по повелѣнію Ассура и Астарты покорился мнѣ, — все это я послалъ въ страну Ассуръ“. Статуя Халлудуса сдѣлалась предметомъ недостойнаго поруганія: „Я изуродовалъ ротъ, улыбавшійся такой угрожающей улыбкой; я вырвалъ губы, дышавшія такой враждой; я отрубилъ руки, метавшія стрѣлы въ сторону Ассиріи“. Преступленіе Халлудуса состояло въ томъ, что онъ нѣкогда разбилъ Сеннахериба [1]). „Я, продолжаетъ Ассурбанипалъ, разбилъ крылатыхъ львовъ и быковъ, стоявшихъ на стражѣ передъ храмами. Я столкнулъ съ пьедесталовъ крылатыхъ быковъ, разставленныхъ у дверей дворцовъ земли эламской и бывшихъ до сихъ поръ неприкосновенными; я низвергъ ихъ на землю. Я увелъ въ плѣнъ боговъ и богинь. Мои воины овладѣли ихъ священными рощами, куда еще никто не проникалъ, за черту которыхъ еще никто не переступалъ,—и, полюбовавшись ихъ убѣжищами, они предали ихъ огню. Я разрушилъ народные жертвенники ихъ царей, какъ древнихъ, такъ и позднѣйшихъ, не боявшихся Ассура и Астарты, моихъ властелиновъ, и сопротивлявшихся царямъ, моимъ предкамъ, я ниспровергъ эти жертвенники, уничтожилъ и сжегъ ихъ на солнцѣ; я увелъ ихъ служителей въ страну Ассуръ, я оставилъ вѣрующихъ безъ убѣжища, я высушилъ цистерны“. Въ продолженіе мѣсяца и 25 дней вся нижняя часть Элама находилась во власти солдатъ и была совершенно опустошена. Остатки населенія были къ концу этого періода разсѣяны, „какъ стадо барановъ“, по городамъ, въ которыхъ утвердились префекты, военачальники и правители Ассиріи.

Умманалдасъ все еще находился въ горахъ; чтобы добиться мира, онъ предложилъ ассирійскому монарху выдать ему Набубелзикри. Послѣдній, не желая отдаться живымъ въ руки непріятеля, приказалъ убить себя своему оруженосцу (645). Тѣло его было передано посланнымъ ассирійскаго царя, который велѣлъ снять ему голову и обезглавленный трупъ бросить на живодерню, запретивъ совершать погребеніе. Посоленная и высушенная голова Набубелзикри была повѣшена на одномъ изъ деревьевъ царскаго сада въ Ниниви, и одинъ барельефъ, находящійся теперь въ Британскомъ музеѣ, изображаетъ Ассурбанипала пирующимъ со своими женами, въ присутствіи этого отвра-

[1]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 247.

тительнаго трофея [1]). Эта низость не спасла однако Умманалдаса; побѣдители преслѣдовали его даже въ пустынѣ, куда онъ удалился, и заставили его добровольно сдаться въ руки своихъ враговъ, послѣ чего онъ былъ отправленъ въ Вавилонъ.

По дорогѣ ему пришлось встрѣтиться съ двумя изъ своихъ соперниковъ, Таммариту и Пахе, а также съ Уаитехомъ, царемъ аравійскимъ. Ассурбанипалу вздумалось подвергнуть этихъ четырехъ плѣнниковъ одному общему позорному наказанію. Однажды, собираясь совершить жертвоприношеніе, онъ велѣлъ впречь ихъ въ свою боевую колесницу и заставилъ ихъ везти себя до самыхъ дверей храма [2]). Паденіе Уманалдаса совершило упадокъ Сузіаны. Часть его владѣній была обращена въ ассирійскую провинцію и непосредственно подчинена управленію ассирійскихъ губернаторовъ; но горные жители съумѣли отстоять свою независимость и освободили впослѣдствіи и жителей долины. Тѣмъ не менѣе ударъ, нанесенный Ассурбанипаломъ, былъ слишкомъ жестокъ, чтобы не оставить по себѣ надолго печальныхъ послѣдствій. Эламъ, самое древнее изъ государствъ Средней Азіи, навсегда исчезаетъ съ міровой арены; воспоминанія о дѣйствительныхъ событіяхъ его исторіи изглаживаются, перепутавшись съ многочисленными легендами: легендарный Мемнонъ замѣняетъ собою въ умахъ народовъ цѣлый рядъ честолюбивыхъ государей и предпріимчивыхъ завоевателей, владѣвшихъ Вавилономъ и Сиріей еще въ тѣ отдаленныя времена, когда Нинивія была простымъ поселкомъ (643). Послѣдній актъ этой кровавой драмы разыгрался въ пустынѣ. Авіатехъ, едва воцарившись на аравійскомъ престолѣ, свергнулъ ассирійское иго и соединился съ Наѳаномъ Навуѳеяниномъ. Занятый борьбою съ мятежнымъ Эламомъ, Ассурбанипалъ закрывалъ сначала глаза на измѣну своего вассала, но послѣ побѣды надъ Уманалдасомъ онъ подумалъ о мести. Весною 642 года онъ оставилъ Нинивію, переправился черезъ Евфратъ, перешелъ черезъ цѣпь тогда еще лѣсистыхъ холмовъ, ограничивающихъ съ востока теченіе этой рѣки, и, запасшись водою на стоянкѣ у Ларибды, углубился въ пустыню, въ поискахъ за мятежниками. Не обращая вниманія на страданія своей арміи во время этого перехода, онъ прошелъ страну

[1]) Ф. Ленорманъ, „Les premières civilisations“, II, стр. 306; Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 205—255.

[2]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 300—307.

племенъ Масъ и Кедаръ и по пути предавалъ разграбленію всѣ встрѣчавшіяся поселенія, жегъ шатры, засыпалъ колодцы, уводилъ женщинъ и скотъ и прибылъ въ Дамаскъ, обремененный добычею. Пораженные ужасомъ, арабы подчинились ему; оставались ненаказанными только навуѳеяне, отдаленное положеніе которыхъ придавало имъ мужества для самозащиты. Ассурбанипалъ поспѣшилъ торжественно отпраздновать свою побѣду въ столицѣ Сиріи, послѣ чего, 3-го аба, спустя сорокъ дней послѣ оставленія имъ халдейской границы, онъ отправился изъ Дамаска по направленію къ югу, взялъ крѣпость Халкулити, лежавшую у подошвы плоскогорія, надъ которымъ возвышаются горы Хорана, и вслѣдъ затѣмъ подчинилъ себѣ всѣ поселенія страны одно за другимъ; жителей горныхъ ущелій онъ принудилъ голодомъ сдаться, окруживъ со всѣхъ сторонъ ихъ убѣжища. Авіатехъ былъ взятъ въ плѣнъ, а Наѳанъ откупился обѣщаніемъ платить дань. На обратномъ пути Ассурбанипалъ наказалъ нѣсколько городовъ Финикійскаго берега, въ томъ числѣ Акко и Усу, возмутившихся противъ него въ его отсутствіе, и этимъ новымъ проявленіемъ своего могущества укрѣпилъ колеблющуюся вѣрность своихъ сирійскихъ вассаловъ. Нинивія была переполнена добычей; верблюды, отнятые у арабовъ, находились здѣсь въ такомъ количествѣ, что ихъ продавали „какъ овецъ“ у воротъ города, по полъ сикля серебра за штуку [1]).

Никогда еще побѣда Ассиріи не была полнѣе, а между тѣмъ, при внимательномъ наблюденіи, нельзя было не замѣтить, что она выходила изъ борьбы не менѣе обезсиленной, чѣмъ и покоренный ею Эламъ. Въ продолженіе многихъ лѣтъ всѣ силы ассирійской монархіи были сосредоточены на ея юго-восточной границѣ, и немудрено поэтому, что государямъ ея приходилось закрывать глаза на все, происходившее въ другихъ мѣстахъ государства. Египетъ возвратилъ себѣ независимость, вѣроятно, во время возмущенія Самассумукина; Лидія порвала свои едва успѣвшія завязаться сношенія съ Ассиріей, а на сѣверѣ царство Ванъ достигло небывалаго могущества. Къ счастью, царь его Сардурисъ III отличался миролюбивымъ характеромъ и сохранялъ добрыя отношеніями со своими ассирійскими сосѣдями [2]). Вообще, по-

[1]) Дж. Смитъ, „Assyrian Discoveries“, стр. 370; Деличъ, „Wo lag das Paradies“, стр. 296 и слѣд.

[2]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 115—116.

ложеніе было таково, что Ассиріи угрожали тѣ же опасности и тѣ же затрудненія, что и во времена Ассурназирпала или Тиглатфаласара II; для сохраненія своего авторитета ассирійскимъ царямъ приходилось вѣчно находиться въ движеніи, посылая свои войска отъ одной границы государства къ другой. Каждая война, продолжавшаяся нѣсколько лѣтъ и притягивавшая всѣ войска къ восточной границѣ, способствовала ослабленію узъ, связывавшихъ Ассирію съ подчиненными народами на западѣ; приходилось снова начинать завоеванія, или отказываться отъ пріобрѣтеній предыдущихъ походовъ. Ассурбанипалъ, утомленный борьбою съ Эламомъ и будучи не въ состояніи вести непрерывную войну, отказался отъ своихъ правъ на верховную власть надъ Египтомъ, Тубалами и Лидіей. Но это не помѣшало ему быть самымъ могущественнымъ государемъ Востока. Будучи почти послѣднимъ представителемъ своей династіи, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ государемъ, при которомъ господство Ассиріи достигло наибольшаго своего распространенія; онъ и превосходилъ всѣхъ своихъ предшественниковъ дѣятельностью, энергіей и жестокостью: какъ будто Ассирія, предчувствуя свое близкое паденіе, захотѣла совмѣстить въ одномъ человѣкѣ всѣ достоинства, способствовавшія ея величію, и всѣ недостатки, омрачившіе ея славу.

ГЛАВА XI.

АЗІЯ ВО ВРЕМЕНА САРГОНИДОВЪ.

Западные семиты: Финикія, Іудея.—Мидія и иранскія переселенія.—Иранская религія: Зороастръ, маги.

Западные семиты: Финикія и Іудея.

Саргониды основали на развалинахъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ государствъ одну большую семитическую монархію. Арамеяне, евреи, финикіяне, ассиріяне, даже нѣкоторыя арабскія племена, одиимъ словомъ, всѣ народы, говорившіе на семитическомъ нарѣчіи отъ Суэцкаго перешейка до устья Евфрата, признавали одного повелителя и впервые были объединены въ одно государство. Прежніе завоеватели—египтяне, эламитяне, халдейскія племена пали одни за другими. Но эта побѣда семитической расы надъ старыми цивилизованными народами древняго міра была куплена дорогою цѣною. Мы уже видѣли, какая участь постигла въ теченіе послѣднихъ войнъ вавилонянъ и восточныхъ арамеянъ; западные же семиты пострадали отъ завоеваній еще болѣе, чѣмъ родственные имъ обитатели Месопотаміи и Халдеи. Сирія, нѣкогда столь богатая и густо населенная, находилась въ полномъ упадкѣ; о Кодшу сохранились только смутныя воспоминанія въ бумагахъ египетскихъ чиновниковъ; Гаргамишъ, Дамаскъ, Гаматъ съ каждымъ днемъ утрачивали свое политическое или торговое значеніе. Келе-Сирія, ослабленная десятивѣковой борьбою, представляла удобное поле для завоеваній. Моавитяне, аммонитяне, филистимляне были полуразорены; израильтяне исчезли; одни финикіяне и іудеи сохранили еще нѣкоторое подобіе жизни и благоденствія.

Внутренняя исторія финикійскаго народа со времени Итобаала I (Иѳваала) до восшествія на престолъ Ассурбанипала можетъ быть передана въ нѣсколькихъ словахъ. Гегемонія перешла отъ Сидона къ Тиру, и послѣдній сталъ во главѣ конфедераціи различныхъ финикійскихъ городовъ, за исключеніемъ Арада, сохранившаго свою самостоятельность. Но члены этой конфедераціи, вѣчно завидовавшіе главенству Тира, старались освободиться отъ него и не упускали случая выказать свои враждебныя намѣренія. Внутренніе раздоры, терзавшіе Финикію, были только повтореніемъ въ большихъ размѣрахъ тѣхъ несогласій, которыя терзали Тиръ, аристократія котораго, родомъ изъ Сидона, постоянно находилась въ открытой борьбѣ съ низшими классами народа. Въ продолженіе своего долгаго царствованія, Итобаалъ старался поддерживать миръ между обѣими партіями, но вскорѣ послѣ его смерти произошли такія же событія, какъ и послѣ смерти Хирома I, съ той только разницей, что на этотъ разъ они отличались большей силой и сопровождались болѣе печальными послѣдствіями. Сынъ Итобаала, Балезоръ, царствовалъ только 8 лѣтъ, и преемникомъ его былъ ребенокъ, Муттонъ, несовершеннолѣтіе котораго оказалось очень благопріятнымъ для честолюбивыхъ замысловъ вожаковъ народной партіи. Къ немногимъ свѣдѣніямъ, которыя имѣются относительно его царствованія, примѣшиваются миѳы объ основаніи Карѳагена. Муттонъ оставилъ послѣ себя дочь, Елиссаръ, бывшую замужемъ за дядей своимъ Сихарбаломъ, главнымъ жрецомъ Мелькарта, и маленькаго сына, Пигмаліона [1]). Сихарбалъ былъ назначенъ Мутономъ регентомъ на время несовершеннолѣтія законнаго наслѣдника, но былъ низложенъ народной партіей и, спустя нѣсколько лѣтъ, убитъ своимъ племянникомъ. Елиссаръ, желая отомстить за смерть мужа, составила заговоръ, въ которомъ приняла участіе вся аристократія. Когда заговоръ былъ открытъ, она хитростью, овладѣла флотомъ, который находился въ то время въ гавани и уже готовился къ отплытію, посадила на корабли своихъ приверженцевъ и направилась къ берегамъ Африки. Она высадилась въ Зевгитаніи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ сидоняне за нѣсколько столѣтій передъ тѣмъ основали городъ Камбе, купила землю у ливіо-финикійскаго царя и основала на развалинахъ древняго города — новый, Картъ-Кадаштъ, имя котораго греки передѣлали въ Кархедонъ, а римляне—въ Карѳагенъ. Геній Виргилія сдѣлалъ извѣстнымъ всему міру имя Дидоны: исторія отказывается признать въ его разсказѣ и въ разсказахъ, оставленныхъ другими древними поэтами и историками, что-либо, кромѣ легенды, составленной изъ различныхъ отрывковъ и возникшей въ такое время, когда уже ничего не было точно извѣстно относительно происхожденія великаго пуническаго города [1]).

[1]) Всѣ эти имена были болѣе или менѣе искажены греческими и латинскими писателями, благодаря которымъ они дошли и до насъ. Βαλέζωρος— это Ваал-Езоръ (Шредеръ, „Phœnizische Sprache“, стр. 198); Мутономъ назывался верховный жрецъ Ваала въ Іерусалимѣ во времена Атталіи. Ελισσα составляетъ варіантъ имени Ελεσσαρ, какъ ’Αμίλκας — варіантъ имени Αμίλκαρ, а Сихарбасъ — варіантъ имени Сихарбалъ (Моверсъ, „Die Phœnizier“, II, часть 2-я, стр. 353, прим. 64, 355; прим. 67, 362; прим. 91). Имя *Ацербасъ* у Юстина употреблено вмѣсто имени [С]ацербасъ—Сихарбасъ.

Во время царствованія Итобаала I, ассиріяне впервые появились въ Финикіи; Ассурназирпалъ перешелъ Ливанъ и проникъ до самаго моря. Жители Тира примѣнили къ нему ту же политику, какую сидоняне проявили относительно Египта: они разсчитали, что подчиниться безъ борьбы гораздо выгоднѣе, нежели сопротивляться при неравныхъ силахъ, и купили себѣ миръ. Сѣверная Финикія, Арадъ и Симира не захотѣли послѣдовать этому примѣру и навлекли на себя жестокія испытанія: Арадъ, соединившійся противъ Салманасара съ царемъ Дамаска, былъ взятъ и разграбленъ въ нѣсколько пріемовъ. Когда, послѣ царствованія Самсирамана, могущество Ассиріи стало клониться къ упадку, Тиръ отказался признавать ея верховную власть и пересталъ давать дань, которую платилъ уже въ продолженіе полувѣка; однако спустя пятьдесятъ лѣтъ, по приказанію Тиглатфаласара II, онъ принужденъ былъ снова надѣть свои цѣпи и въ 742 г. царь его, Хиромъ II, явился въ Арпадъ и предъявилъ ассирійскому царю выкупъ за своихъ подданныхъ. Тѣмъ временемъ, Сидонъ овладѣлъ Арадомъ и позднѣе колонизовалъ его (около 751 г.) [2]); власть Тира надъ Финикіей ослабѣла, и Сидонъ опять получилъ преобладаніе надъ нею. Пораженіе Муттона II [3]), преемника Хирома, который для возстановленія своей независимости заключилъ союзъ съ Резономъ, послужило сигна-

[1]) См. критику сказаній объ основаніи Карѳагена у Отто Мельцера. „Geschichte der Karthager“, т. I, стр. 90—141.

[2]) Моверсъ, „Die Phoenizier“, т. II, часть 1-я, стр. 368—370.

[3]) *Митенна*—ассирійскихъ текстовъ.

ломъ къ возстанію на островѣ Кипрѣ. Царю Элули [1]), удалось подавить это возстаніе; но, когда онъ въ свою очередь вступилъ въ борьбу съ Ассиріей, всѣ остальные города Финикіи покинули его и отдали свои корабли въ распоряженіе Салманасара V. Элули, предоставленный своимъ собственнымъ силамъ, не могъ сопротивляться на сушѣ; онъ покинулъ материковый Тиръ и заперся въ морскомъ городѣ, откуда съ пренебреженіемъ смотрѣлъ на усилія своихъ противниковъ. Финикійскій флотъ, предводительствуемый ассиріянами, былъ разбитъ, послѣ чего осада была замѣнена блокадой, но ни Салманасару, ни Саргону не удалось сломить упорства Тира; въ 715 г. Саргонъ, послѣ десятилѣтней безуспѣшной войны, принужденъ былъ снять отаду. Онъ отомстилъ за свою неудачу въ 708 г. завоеваніемъ Кипра, а сынъ его Сеннахерибъ справился, наконецъ, съ высокомѣрнымъ городомъ (700 г.) и замѣнилъ стараго Элули Итобааломъ II, который призналъ себя данникомъ Ассиріи [2]). Пораженіе это нанесло послѣдній ударъ континентальному могуществу Тира. Сидонъ опять сдѣлалсл метрополіей финикійскаго союза, но всего лишь на нѣсколько лѣтъ. Около 680 г. царь его, Абдимилкутъ, возсталъ противъ Асаргаддона, но, какъ всегда, безуспѣшно. Побѣдитель разрушилъ стѣны Сидона и переселилъ часть его населенія въ Ассирію [3]). Къ Тиру опять возвратилось нѣкоторое подобіе главенства надъ Финикіей, но его царь, Ваалъ, снова скомпрометировалъ городъ около 666 г., вступивъ въ союзъ противъ Ассурбанипала съ эѳіопяниномъ Урдамани. Ассурбанипалъ живо справился съ этими безсильными попытками Тира возстановить свою независимость: Ваалу пришлось молить о прощеніи, и онъ былъ помилованъ, а Іакинлу, царь Арада, продолжавшій сопротивляться, былъ не въ силахъ противостоять врагу и лишился престола [4]). Обезлюдѣвшая Финикія не шевелилась болѣе до самаго паденія Ниниви [5]).

[1]) Ελουλαιος Менандра, *Лулія* клинообразныхъ надписей.

[2]) Отрывокъ сочиненій Менандра приписываетъ Елулеосу тридцать шесть лѣтъ царствованія; ассирійскіе же памятники насчитываютъ отъ 730 года, когда упоминается имя Митенны, до взятія Тира въ 700 году только 30 лѣтъ. Итакъ, весьма вѣроятно, что число 36 у Менандра слѣдуетъ замѣнить числомъ 26.

[3]) Беджъ, „The History of Esarhaddon", стр. 32—41.

[4]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 58—64.

[5]) Фр. Ленорманъ „Histoire ancienne", т. III, стр. 74—86. Чтобы судить о количествѣ свѣдѣній, доставленныхъ намъ ассирійскими памятниками относительно внутренней исторіи Финикіи, достаточно сравнить тѣ нѣсколько страницъ, которыя я посвятилъ этой странѣ, съ главой у Моверса, трактующей о той же эпохѣ, („Die Phoenizier", II, часть 1-я, стр. 350—371). Списокъ тирскихъ царей точно также получилъ важныя дополненія, какъ это доказываетъ слѣдующая таблица:

Абабалъ.	Муттонъ I.
Хирромъ I.	Пигмаліонъ.
Балезоръ.	. . . .
Абдастартъ.	(Хиромъ II).
(Анонимъ).	(Мутонъ II).
Астартъ.	Элули.
Астаримъ.	(Итобаалъ II).
Фелу.	(Ваалъ).
Итобалъ I.	. . . .
Балезоръ.	

Колоніальныя владѣнія финикіянъ претерпѣли такія же превратности, какъ и города ихъ родной страны. Они продолжали возрастать до Итобаала I и даже во время царствованія этого царя. Мавританія и Южная Испанія, занятыя отчасти народами смѣшаннаго происхожденія, потомками семитовъ и туземныхъ племенъ, не былн уже крайнимъ предѣломъ торговли финикіянъ на западѣ. Тирскіе адмиралы изслѣдовали далеко къ югу Мароккскій берегъ и на пространствѣ между Гадиромъ и Сенегаломъ основали цѣлый рядъ колоній; они плавали вверхъ вдоль испанскаго берега, переѣзжали Галльское море, проникали до Оловянныхъ острововъ, а можетъ быть, даже и за предѣлы Великобританіи [1]). Тиръ былъ поистинѣ всемірной торговой метрополіей. Смуты, послѣдовавшія за смертью Итобаала I, прекратили это стремленіе Тира къ расширенію своего могущества и ослабили силы страны какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда въ различныхъ пунктахъ Средиземнаго моря одновременно появились могущественные враги. Этрусскій флотъ остановилъ успѣхи тиранцевъ на берегахъ Италіи и Галліи, а греческая флотилія, уничтоживъ на Эгейскомъ морѣ все, что оставалось отъ прежней Сидонской колонизаціи, покрыла передовыми укрѣпленіями южные берега Малой Азіи и, утвердившись на Кипрѣ, отважилась проникнуть и въ Сицилію. Въ 734 г. были основаны Наксосъ и Мегара, въ 733 г. коринѳяне и корсиканцы укрѣпили крѣпость Сиракузы:

[1]) Отто Мельцеръ, „Geschichte der Karthager", стр. 38—40.

въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ греки заняли весь восточный и южный берега острова. Карѳагенъ докончилъ начатое ими дѣло. Тирская аристократія, переселенная въ Африку, проявила здѣсь такую же дѣятельность, какая въ предшествующіе вѣка создала величіе Тира. „Новый городъ“ затмилъ своихъ сосѣдей Утику, Адруметъ, Лептисъ и не замедлилъ вступить въ соревнованіе съ своей родиной-матерью: финикіяне Сициліи, оттѣсненные греками въ Зизъ (Панормосъ), Мотію и Кеферь (Солонтъ), финикіяне, жившіе по берегамъ Испаніи и Африки, измученные безпрестанными нападеніями варваровъ, словомъ, всѣ народы и всѣ факторіи, которыхъ Тиръ не могъ уже защитить, благодаря своимъ войнамъ съ Ассиріей, — стали подъ покровительство Карѳагена. Древнее національное имя Пени (Пуны), извѣстное сначала только на берегахъ Персидскаго залива, стало теперь раздаваться по берегамъ Средиземнаго моря и Атлантическаго океана, и пуническое владычество замѣнило на западѣ финикійское. Къ концу царствованія Ассурбанипала во владѣніи Финикіи не было уже ни одной колоніи. Но богатство ея и торговля не пострадали отъ этого: „она стала заниматься перепродажей товаровъ жителямъ многихъ островов“ и служила въ дѣлѣ торговли комиссіонеромъ для всего міра,—равнымъ образомъ какъ для карѳагенянъ и грековъ, такъ и для Египта и Халдеи. Тѣмъ не менѣе силы ея были разбиты: ограниченная предѣлами своихъ азіатскихъ владѣній, она не пользовалась уже достаточнымъ вліяніемъ, чтобы сыграть болѣе или менѣе значительную роль въ судьбахъ Сиріи.

Неудача Сеннахериба въ Палестинѣ способствовала торжеству еврейскихъ пророковъ. Исаія и небольшой кружокъ пророковъ, группировавшихся вокругъ него, даже Езекія и его послѣдователи, приписывали свое освобожденіе чуду и еще болѣе утвердились въ своемъ благочестіи, благодаря внезапному крушенію завоевательной арміи. Они видѣли въ этомъ ясное доказательство могущества Іеговы и того, что Богъ ихъ не терпитъ никакого идолопоклонническаго культа и союза съ иноплеменниками. Самарія возвратилась къ своимъ прежнимъ ошибкамъ: несмотря на многочисленныя предостереженія Исаіи [1]), она просила помощи у Фараона и пала, потерявъ надежду когда-либо оправиться. Іерусалимъ же во-время покаялся и обратился къ единому Богу: про-

[1]) Исаія, XXXI, 1—3. „Горе тѣмъ, которые идутъ въ Египетъ за помощью... И египтяне—люди, а не Богъ; и кони ихъ—плоть, а не духъ“.

тивъ всякихъ ожиданій ему удалось избѣгнуть гнѣва ассиріянъ, и Сеннахерибу пришлось увидать, какъ „презритъ его и посмѣется надъ нимъ дѣвствующая дочь Сіона, и покачаетъ вслѣдъ ему головою дочь Іерусалима“ [1]). Езекія дѣлалъ все, чтобы угодить Богу, который помогъ ему такимъ чудеснымъ образомъ: онъ разрушилъ жертвенники, истребилъ идоловъ, наполнявшихъ Іерусалимскій храмъ, и уничтожилъ даже мѣднаго змія, исцѣлявшаго больныхъ [2]). Іегова впервые былъ оффиціально признанъ не только единственнымъ богомъ націи, но и единымъ Богомъ вообще, кромѣ котораго нѣтъ боговъ. Радость избавленія отъ опасности не заставила однако царя и его совѣтниковъ забыть о томъ, насколько велико было все-таки могущество Ассиріи. Езекія не только отказался присоединиться къ Мардукбалиддину, но, по видимому, до самой своей смерти дѣйствовалъ крайне сдержанно, чтобы какимъ-нибудь неосторожнымъ поступкомъ не вызвать вторичнаго нападенія ассиріянъ. Онъ починилъ проломы, сдѣланные непріятелемъ въ стѣнахъ передовыхъ укрѣпленій, укрѣпилъ Іерусалимъ и, чтобы устранить недостатокъ въ водѣ, констатированный инженерами во время войны, вырылъ длинный подземный водопроводъ, по которому воды Гіона собирались въ Силоамскую купель [3]).

Эти мѣры предосторожности, которыя диктовала іудеямъ ихъ мірская политика, предписывались Исаіей и другими пророками отъ имени Бога. Безъ сомнѣнія, Іегова всемогущъ и если онъ обѣщаетъ уничтожить враговъ своего народа, то исполнитъ это обѣщаніе: „какъ Я помыслилъ, такъ и будетъ; какъ Я опредѣлилъ, такъ и состоится, чтобы сокрушить Ассура въ землѣ Моей и растоптать его на горахъ Моихъ; и спадетъ съ нихъ ярмо его и снимется бремя его съ раменъ ихъ“ [4]). Но народъ не дозрѣлъ еще до идеи справедливости и идеальной религіи. Онъ въ глубинѣ сердца сожалѣлъ о своихъ жертвенникахъ, мистическихъ рощахъ, торжественныхъ жертвахъ всесожженія, о прежнихъ шумныхъ празднествахъ, полныхъ сладострастія. Поэтому, прежде

[1]) Исаія, XXXVII, 22.

[2]) „II Кн. Царствъ“, XVIII, 4, 22; XXI, 23.

[3]) Это явствуетъ изъ надписи, къ сожалѣнію не датированной, открытой въ 1880 г. нѣмецкимъ архитекторомъ Шикомъ (сравн. въ „Palestine Exploration Fund. Quarterly Statement“, 1881, стр. 69 и слѣд.). По всѣмъ вѣроятіямъ, она относится къ царствованію Езекіи.

[4]) Исаія, XIV, 24—25.

чѣмъ сдѣлаться вполнѣ достойнымъ ожидающей его участи, онъ долженъ былъ весь почти погибнуть; и искупленіе, которому ему предстояло подвергнуться за свое невѣріе, наполняло душу Исаіи мрачными видѣніями: „Женщины безпечныя! встаньте, послушайте голоса моего; дочери беззаботныя! преклоните слухъ къ моимъ словамъ. Еще нѣсколько дней сверхъ года и ужаснетесь, безпечныя; ибо не будетъ сбора винограда, и время жатвы не настанетъ. Содрогнитесь, беззаботныя; ужаснитесь, безпечныя; сбросьте одежды, обнажитесь и препояшьте чресла. Будутъ бить себя въ грудь о прекрасныхъ поляхъ, о виноградной лозѣ плодовитой. На землѣ народа моего будутъ расти терны и волчцы, равно и на всѣхъ домахъ веселія въ ликующемъ городѣ. Ибо чертоги будутъ оставлены; шумный городъ будетъ покинутъ; Офелъ и башня навсегда будутъ служить вмѣсто пещеръ убѣжищемъ дикихъ ословъ и пасущихся стадъ“ [1]). Недавніе разгромы Дамаска и Самаріи, этихъ постоянныхъ враговъ Іудеи, давали вѣрное понятіе о томъ, какую участь готовили ассиріяне уцѣлѣвшимъ колѣнамъ израильскимъ въ тотъ день, когда нинивійскій царь, утомленный вѣчными возмущеніями народа Божія, серьезно подумаетъ о мести. Убійства, ссылка, выселеніе въ отдаленныя страны были обыкновенными пріемами восточной политики. Іудея слишкомъ часто видѣла примѣненіе этихъ пріемовъ къ сосѣднимъ съ нею народамъ и не могла не предвидѣть въ будущемъ такого времени, когда и съ ней будетъ поступлено такимъ же образомъ.

Но Израиль не могъ быть совершенно испорченнымъ народомъ, иначе развѣ онъ былъ бы избраннымъ народомъ Божіимъ? Онъ въ себѣ самомъ носилъ „святое сѣмя“ [2]), которое могло произрасти только въ изгнаніи, среди мученій и угрызеній совѣсти. Если Іерусалимъ былъ сожженъ, храмъ разрушенъ, іудеи уведены въ рабство, то это были только временныя испытанія: Богъ хотѣлъ кровью и страданіями очистить Сіонъ. Когда совершится судъ Божій надъ всѣми народами, надъ сильными и надъ слабыми, когда въ Іудеѣ исчезнутъ преступники и грѣшники, идолопоклонники и лжепророки, „когда Господь омоетъ скверну дочерей Сіона и очиститъ кровь Іерусалима изъ среды его“ [3]), когда оставшіеся на Сіонѣ и уцѣлѣвшіе въ Іерусалимѣ

---

[1]) Исаія, XXXII, 9—14.
[2]) Исаія, VI, 13.
[3]) Исаія, IV, 4.

будутъ именоваться святыми“ [1]), тогда изъ развалинъ грѣховнаго Іерусалима выйдетъ новый Іерусалимъ, совершенный, управляемый идеальнымъ царемъ, слава котораго распространится повсюду. „И будетъ въ послѣдніе дни, гора дома Господня будетъ поставлена во главу горъ, и возвысится надъ холмами, и потекутъ къ ней всѣ народы. И пойдутъ многіе народы, и скажутъ: „прійдите и взойдемъ на гору Господню, въ домъ Бога Іаковлева, и научитъ Онъ насъ Своимъ путямъ; и будемъ ходить по стезямъ Его. Ибо отъ Сіона выйдетъ законъ, и слово Господне изъ Іерусалима. И будетъ Онъ судить народы, и обличитъ многія племена; и перекуютъ мечи свои на орала, и копья свои—на серпы; не подниметъ народъ на народъ меча, и не будутъ болѣе учиться воевать. О, домъ Іакова! Прійдите и будемъ ходить во свѣтѣ Господнемъ“ [2]). Такъ говорилъ неизвѣстный пророкъ, и должно быть многіе изъ приближенныхъ Езекіи раздѣляли эти чувства, потому что Исаія и Михей включили эти слова въ свои проповѣди. Теперь не могли уже, какъ во времена пророка Амоса, раздаваться восклицанія: „горе желающимъ дня Господня!“, дня, который—„тьма, а не свѣтъ“. Надежда на вѣчное блаженство въ будущей новой Іудеѣ дѣлала для евреевъ почти сносными всѣ бѣдствія ихъ тогдашней жизни [3]).

Но преобразованія, произведенныя Езекіей, были введены слишкомъ внезапно и слишкомъ полно охватывали весь тогдашній культъ евреевъ, чтобы долго продержаться. Когда двѣнадцатилѣтній Манассія вступилъ на престолъ, всѣ приверженцы старыхъ идей получили опять доступъ къ власти и возстановили культъ Іеговы въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ во времена Ахаза. Они съ ожесточеніемъ принялись уничтожать дѣло Езекіи и возобновлять обычаи, которые послѣдній считалъ навсегда искорененными. Они возстановили капища и идоловъ, насадили опять священныя дубравы и „соорудили жертвенники всему воинству небесному на обоихъ дворахъ дома Господня“. Поклоненіе Ваалу и финикійской Астартѣ стало совершаться на горѣ Сіона, а въ долинѣ Гиннома, гдѣ Ахазъ принесъ нѣкогда въ жертву одного изъ своихъ дѣтей, опять возжигались жертвенные костры: „Манассія провелъ сына своего чрезъ огонь, и

---

[1]) Исаія, IV, 3.
[2]) Исаія, II, 2—15; сравн. „Кн. пророка Михея“, IV, 1—4.
[3]) Кенанъ, „Religion nationale et religion universelle“, стр. 98—99 и т. д.

гадалъ, и ворожилъ, и завелъ вызывателей мертвецовъ и волшебниковъ; много сдѣлалъ неугоднаго въ очахъ Господа, чтобы прогнѣвить Его" [1]). Таковы были нововведенія въ Израилѣ; однако защитники стараго культа считали ихъ не менѣе законными, чѣмъ всѣ новшества Езекіи, введенныя имъ подъ вліяніемъ Исаіи. На ихъ сторонѣ была большая часть народа, и вскорѣ въ Іудеѣ боговъ было столько же, сколько и городовъ [2]), такъ какъ, по прежнимъ вѣрованіямъ, чѣмъ больше существуетъ мѣстъ поклоненія, тѣмъ болѣе является у Іеговы точекъ соприкосновенія со своимъ народомъ. Если при Сеннахерибѣ вся страна была разграблена и одинъ только Іерусалимъ пощаженъ, то не произошло ли это вслѣдствіе того, что всѣ провинціальныя святилища были разрушены Езекіей и оставался только одинъ іерусалимскій храмъ [3])? Тамъ, гдѣ Іеговѣ были воздвигнуты жертвенники, онъ заботился о своемъ народѣ, но его покровительство не могло простираться на тѣ мѣста, гдѣ ему не приносили жертвъ. Такая реакція въ народныхъ умахъ не могла не вызвать нѣкотораго противодѣйствія со стороны пророковъ и ихъ приверженцевъ. „Еще же пролилъ Манассія и весьма много невинной крови, такъ что наполнилъ ею Іерусалимъ отъ края до края" [4]). Согласно переводамъ старо-еврейскихъ ученыхъ, старикъ Исаія погибъ во время этихъ преслѣдованій: царь, тяготясь его совѣтами и проклятіями, велѣлъ заключить его въ дупло дерева и распилить надвое. Поглощенный религіозными занятіями, Манассія не былъ, конечно, страшенъ для Ассиріи; онъ, сынъ врага Сеннахериба, всю жизнь оставался покорнымъ вассаломъ и Ассурбанипала, и это дало ему возможность спокойно умереть на своемъ престолѣ (640) [5]).

Царствованіе Амона было, по своему характеру, продолженіемъ

---

[1]) „II Кн. Царствъ", XXI, 6; сравн. Кенанъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 2—6.

[2]) Іеремія, II, 26—30; сравн. XI, 13, гдѣ пророкъ сравниваетъ число жертвенниковъ съ числомъ улицъ Іерусалима.

[3]) Тиле „Vergelijkende Geschiedenis", стр. 715—719.

[4]) „II Кн. Царствъ", XXI, 16.

[5]) Я не счелъ нужнымъ говорить объ его ассирійскомъ плѣнѣ, такъ какъ событіе это извѣстно намъ только по свидѣтельству Паралипоменона (XXXIII, 11—13). Сравн. однако свѣдѣнія о Манассіи въ замѣткѣ Ж. Галеви, „Manassé, roi de Juda, et ses contemporains", въ „Mélanges de critique et d'histoire relatifs aux peuples sémitiques", стр. 24—37 и въ сочин. Шрадера, „Die Keilinschriften und das Alte Testament", 1883, стр. 366—372.

царствованія Манассіи, но конецъ его ознаменовался преступленіемъ. Амонъ былъ убитъ (638) и мѣсто его на престолѣ занялъ восьмилѣтній ребенокъ, Іосія. Партія реформы восторжествовала. Несмотря на враждебное отношеніе къ нимъ преемниковъ Езекіи, пророки никогда не переставали пользоваться свободой слова и постоянно повторяли народу, конечно, съ меньшимъ талантомъ, наставленія Исаіи. Хотя они, подобно Софоніи, брали давно извѣстныя темы,—разрушеніе Іудеи, возстановленіе Сіона, приближеніе вѣчнаго міра на землѣ,—хотя они, подобно Науму, увлекались торжественнымъ пророчествомъ о гибели Нинивіи,—всѣ ихъ слова и писанія имѣли въ общемъ одну цѣль—запечатлѣть глубоко въ умахъ народа представленіе объ Іеговѣ и принудить народъ поклониться одному ему. „Господь есть Богъ ревнитель и мститель; мститъ Господь и страшенъ во гнѣвѣ: мститъ Господь врагамъ Своимъ и не пощадитъ противниковъ Своихъ. Господь долготерпѣливъ и великъ могуществомъ, и не оставляетъ безъ наказанія; въ вихрѣ и въ бурѣ шествіе Господа, облако—пыль отъ ногъ Его. Запретитъ Онъ морю—и оно высыхаетъ, и всѣ рѣки изсякаютъ, вянетъ Васалъ и Кармилъ, и блекнетъ цвѣтъ въ Ливанѣ. Горы трясутся предъ Нимъ и холмы таютъ, и земля колеблется предъ лицомъ Его и вселенная и всѣ, живующіе на ней. Предъ негодованіемъ Его кто устоитъ? И кто стерпитъ пламя гнѣва Его? Гнѣвъ Его разливается какъ огонь; скалы распадаются предъ Нимъ" [1]). Упорство, съ которымъ пророки изъ поколѣнія въ поколѣніе повторяли одни и тѣ же угрозы, указываютъ на безрезультатность ихъ ученія. Ни Манассія, ни Амонъ не побоялись гнѣва Іеговы: народъ и вельможи воздавали при нихъ почести другимъ богамъ не только наравнѣ съ Іеговой, но даже въ большей степени. Когда же устныя и письменныя пророчества оказались безуспѣшными, священники, изъ приближенныхъ къ Іосіи, порѣшили испробовать, не принесутъ ли какіе-нибудь новые способы болѣе желательныхъ результатовъ.

На восемнадцатомъ году своего царствованія (623) царь Іосія послалъ Шафана, сына Асаліи, сына Мешулламова, въ храмъ Господень, поручивъ ему взять у первосвященника Хелкіи серебро, собранное у порога храма и назначавшееся на содержаніе зданія. Когда дѣло было кончено, Хелкія сказалъ: „книгу

---

[1]) Наумъ, I, 2—6.

закона я нашелъ въ домѣ Господнемъ". И подалъ Хелкія книгу Шафану и онъ эталъ читать ее. И пришелъ Шафанъ, писецъ къ царю и принесъ царю отвѣтъ, и сказалъ: „взяли рабы твои серебро, найденное въ домѣ, и передали его въ руки производителямъ работъ, приставленныхъ къ дому Господню, и прибавилъ: „книгу далъ мнѣ Хелкія священникъ". И читалъ ее Шафанъ передъ царемъ. Когда услышалъ царь слова книги закона, то разодралъ одежды свои, и велѣлъ Хелкіи, священнику, Шафану и другимъ царскимъ слугамъ спросить Іегову за него и за народъ. Пророчица Гулдахъ, жившая въ Іерусалимѣ во второмъ кварталѣ, отвѣтила имъ отъ имени Всевышняго: „Наведу зло на мѣсто сіе и на жителей его,—вотъ слова книги, которую читалъ царь іудейскій. За то, что оставили Меня и кадятъ другимъ богамъ, чтобы раздражать Меня всѣми дѣлами рукъ своихъ, воспылаль гнѣвъ Мой на мѣсто сіе, и не погаснетъ. А царю Іудейскому, пославшему васъ вопросить Господа, скажите: такъ говоритъ Господь Богъ Израилевъ, о словахъ, которыя ты слышалъ: такъ какъ смягчилось сердце твое, и ты смирился предъ Господомъ, услышавъ то, что Я изрекъ на мѣсто сіе и на жителей его, что они будутъ предметомъ ужаса и проклятья, и ты разодралъ одежды свои и плакалъ предо Мною, то и Я услышалъ тебя, говоритъ Господь. За это, вотъ, Я приложу тебя къ отцамъ твоимъ и ты положенъ будешь въ гробницу твою въ мирѣ и не увидятъ глаза твои того бѣдствія, которое Я наведу на мѣсто сіе". Тогда царь созвалъ всѣхъ старѣйшинъ Іуды и Іерусалима, пошелъ въ домъ Господень, а съ нимъ весь народъ, священники и пророки, и прочелъ имъ вслухъ слова Книги завѣта [1]).

Извѣстно, что на востокѣ часто случается слышать, что такая-то и такая книга найдена въ храмѣ такого-то бога. Фактъ этотъ указываетъ на то, что авторъ, желая сообщить своему произведенію большую авторитетность, отдавалъ его подъ покровительство божества или приписывалъ происхожденіе его какому-нибудь откровенію свыше. Египетскіе жрецы приписывали божественное происхожденіе наиболѣе почитаемымъ главамъ изъ своей Книги Мертвыхъ и своимъ наиболѣе важнымъ научнымъ трактатамъ. Неизвѣстный авторъ книги Второзаконія обратился въ соотвѣтственномъ случаѣ къ очень отдаленному прошлому

1 „II Кн. Царствъ", XVII—XVII.

Израиля, именно къ имени вождя, который, по преданію, освободилъ народъ изъ Египетскаго плѣна; онъ утверждалъ, что Мо исей, будучи уже обладателемъ Галаада и чувствуя приближеніе смерти, захотѣлъ обнародовать законы и повелѣнія, которыя были ему даны Всевышнимъ для евреевъ. Идеи, бывшія такъ долго предметомъ пропоѣди пророковъ, изложены въ 5-й книгѣ Моисея живымъ и краснорѣчивымъ языкомъ. Съ самаго начала идея объ единомъ Богѣ формулирована очень ясно: „Я Господь Богъ твой, который вывелъ тебя изъ земли Египетской, изъ дома рабства. Да не будетъ у тебя другихъ боговъ предъ лицемъ Моимъ. Не дѣлай себѣ кумира и никакого изображенія того, что на небѣ вверху и что на землѣ внизу, и что въ водахъ ниже земли. Не поклоняйся имъ и не служи имъ; ибо Я Господь, Богъ твой. Богъ ревнитель, за вину отцовъ, наказывающій дѣтей до третьяго и четвертаго рода ненавидящихъ Меня, и творящій милость до тысячи родовъ любящимъ Меня и соблюдающимъ заповѣди Мои" [1]). Только этому Богу должно воздавать почести. Святилища, воздвигнутыя въ честь иныхъ народныхъ божествъ, должны быть безпощадно разрушены, и „если возстанетъ среди тебя пророкъ или сновидецъ", или „если будетъ уговаривать тебя тайно братъ твой, сынъ матери твоей, или сынъ твой, или дочь твоя, или жена на лонѣ твоемъ, или другъ твой, который для тебя, какъ душа твоя, говоря: „пойдемъ и будемъ служить богамъ инымъ!" то да не пощадитъ его глазъ твой и не жалѣй его и не прикрывай его но убей его" [2]).

Поклоненіе истинному Богу не могло совершаться въ любомъ мѣстѣ или сопровождаться идолопоклонническими обрядами: оно должно было воздаваться только на мѣстѣ, „избранномъ самимъ Іеговой для прославленія своего имени", т.-е. въ Іерусалимѣ. Часть новыхъ постановленій, изложенныхъ въ книгѣ Второзаконія, имѣетъ цѣлью урегулированіе взаимныхъ отношеній между различными членами еврейской общины. Царь, по возможности, долженъ приближаться къ типу идеальнаго пастыря: онъ не долженъ возноситься сердцемъ надъ своими ближними, не долженъ видѣть величія въ обладаніи колесницами, лошадьми и женщинами; онъ долженъ размышлять надъ Закономъ Господа и ежедневно читать его. На войнѣ онъ не долженъ довѣряться ни своимъ солда-

1) „Второзаконіе", V, 6 10.
2) „Второзаконіе", XIII, 1—13.

тамъ, ни своей личной храбрости, но долженъ возлагать всю надежду на помощь Іеговы; всегда и вездѣ онъ долженъ совѣтоваться съ жрецомъ, служащимъ соединительнымъ звеномъ между земными войсками и богомъ войскъ. Кромѣ того, законъ ставитъ бѣдныхъ, вдовъ и рабовъ подъ божественное покровительство,— всякій еврей, сдѣлавшійся собственностью своего соотечественника, долженъ быть освобожденъ по истеченіи шести лѣтъ и получить отъ своего хозяина опредѣленное количество провизіи, которое дало бы ему возможность просуществовать нѣкоторое время. Присоедините сюда предписанія о томъ, какъ водворять справедливость, какъ избѣгать раздоровъ и мести въ частной жизни, и вы получите собраніе не столько законовъ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, сколько поученій объ обязанностяхъ каждаго честнаго человѣка.

Постановленія, относящіяся къ культу, составлены далеко не въ томъ мелочномъ и придирчивомъ духѣ, который позднѣе сдѣлался отличительной чертой еврейскаго законодательства. Правда, въ нихъ настаивается на необходимости сосредоточенія культа въ одномъ храмѣ, но изъ этого храма не дѣлается еще чего-то въ родѣ громадной бойни, находящейся въ вѣдѣніи привелигированной касты. Большихъ празднествъ было всего три: самое важнее изъ нихъ, Пасха, праздновалось въ мѣсяцѣ Авивѣ, когда колосится хлѣбъ, и съ нимъ обыкновенно связывалось воспоминаніе объ исходѣ изъ Египта; но два другіе празднества—праздникъ седмицъ и праздникъ кущей, относились просто ко временамъ года и приходились: первый—черезъ семь недѣль послѣ начала жатвы, а второй—во время сбора съ полей послѣднихъ плодовъ. Священникъ имѣлъ свою долю въ жертвоприношеніяхъ, совершившихся во время всѣхъ этихъ празднествъ, а также и въ годовой или трехлѣтней десятинѣ, которую законодатель налагаетъ на хлѣбъ, вино и первенцевъ отъ скота и доходъ отъ которой посвящался на устройство чего-то въ родѣ семейнаго торжества, праздновавшагося въ сокровенной части храма. Священникъ приравнивался, слѣдовательно, къ убогимъ, вдовамъ, сиротамъ, странникамъ, и власть его нисколько не превышала той власти, которой онъ пользовался въ первыя времена государства. Право руководить народомъ во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, которые не были предвидѣны закономъ, представлялось пророкамъ. „Я воздвигну имъ пророка изъ среды братьевъ ихъ... Я вложу слова мои въ уста его, и онъ будетъ говорить имъ все, что я

повелю ему: а кто не послушаетъ словъ Моихъ, которыя пророкъ тотъ будетъ говорить Моимъ именемъ, съ того я взыщу. Но пророка, который дерзнетъ говорить моимъ именемъ то, чего я не повелѣлъ ему говорить, и который будетъ говорить именемъ боговъ иныхъ, такого пророка предайте смерти. И если скажешь въ сердцѣ твоемъ: какъ мы узнаемъ слово, которое не Господь говорилъ? Если пророкъ скажетъ именемъ Господа, но слово то не сбудется и не исполнится, то не Господь говорилъ сіе слово, но говорилъ сіе пророкъ по дерзости своей;—не бойся его [1])“.

Этотъ, такъ сказать, мозаическій кодексъ существуетъ еще до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ въ главныхъ своихъ частяхъ. Въ послѣднее время онъ былъ вставленъ въ такъ называемое Второзаконіе, и составляетъ законодательный отдѣлъ его [2]). По окончаніи чтенія, Іосія „сталъ на возвышенное мѣсто, и заключилъ предъ лицомъ Господнимъ завѣтъ—послѣдовать Господу и соблюдать заповѣди Его, и откровенія Его и уставы Его, отъ всего сердца и отъ всей души, чтобы выполнить слова завѣта сего, написанныя въ книгѣ сей“. Въ концѣ изложенія кодекса авторъ новаго закона еще разъ принимаетъ угрожающій тонъ, съ которымъ пророки имѣли обыкновеніе обращаться къ іудеямъ. „Если не будешь слушаться гласа Господа Бога твоего, и не будешь стараться исполнять всѣ заповѣди Его и постановленія Его, которыя я заповѣдую тебѣ сегодня, то пріидутъ на тебя всѣ проклятія сіи и постигнутъ тебя. Проклятъ ты будешь въ городѣ, проклятъ ты будешь въ полѣ. Прокляты будутъ житницы твои и кладовыя твои. Проклятъ будетъ плодъ чрева твоего и плодъ земли твоей, плодъ твоихъ воловъ и плодъ овецъ твоихъ. Проклятъ ты будешь при входѣ твоемъ и проклятъ при выходѣ твоемъ... И небеса твои, которыя надъ головою твоею, сдѣлаются мѣдью и земля подъ тобою желѣзомъ. Вмѣсто дождя Господь дастъ землѣ твоей пыль, и прахъ съ неба будетъ падать, падать на тебя, доколѣ не будешь истребленъ... Съ женою обручишься и другой будетъ спать съ нею; домъ построишь и не будешь жить въ немъ; виноградникъ насадишь и не будешь пользоваться имъ... Сыновья твои и дочери будутъ отданы другому

---

[1]) Второзаконіе, XVIII, 18—22.

[2]) Главы IV, 44—XXVI и XXVIII (Кененъ, „The Religion of Israel“, т. II, стр. 15—17; Рейсъ, „La Bible: l'Histoire Sainte et la Loi“ т. I, стр. 160).

народу; глаза твои будутъ видѣть..., но не будетъ силы въ рукахъ твоихъ... Пошлетъ на тебя Господь народъ издалека, отъ края земли; какъ орелъ налетитъ народъ наглый, который не уважитъ старца и не пощадитъ юноши... И будетъ тѣснить тебя во всѣхъ жилищахъ твоихъ, доколѣ по всей землѣ не разрушитъ высокихъ и крѣпкихъ стѣнъ твоихъ, на которыя ты надѣешься; и будетъ тѣснить тебя во всѣхъ жилищахъ твоихъ, во всей землѣ твоей, которую Господь Богъ твой далъ тебѣ. И ты будешь ѣсть плодъ чрева твоего, плоть сыновъ твоихъ и дочерей твоихъ, которыхъ Господь Богъ далъ тебѣ... И разсѣетъ тебя Господь по всѣмъ народамъ, отъ края земли до края земли, и будешь тамъ служить инымъ богамъ, которыхъ не зналъ ни ты, ни отцы твои, дереву и камнямъ. Но и между этими народами не успокоишься и не будетъ мѣста покоя для ноги твоей: отъ трепета сердца твоего, которымъ будешь объятъ и отъ того, что будешь видѣть глазами твоими. Утромъ ты скажешь: о если бы пришелъ вечеръ! а вечеромъ скажешь: о если бы пришло утро!" [1]). Воспоминаніе о недавнемъ вторженіи киммерійцевъ наполняло ужасомъ всѣ умы: народъ смирился, и началось преслѣдованіе язычниковъ и приверженцевъ прежняго культа.

Иноземные боги были уничтожены; жертвенники ихъ—осквернены, а жрецы Ваалимовъ зарѣзаны на ихъ собственныхъ алтаряхъ. Когда все было окончено, Іосія велѣлъ праздновать Пасху такъ, „какъ написано въ сей книгѣ завѣта; потому что не была совершена такая пасха отъ дней судей, которые судили Израиля, и во всѣ дни царей Израильскихъ и царей Іудейскихъ; а въ восемнадцатый годъ царя Іосіи была совершена сія пасха Господу въ Іерусалимѣ" [2]).

Мидія и иранскія переселенія.

Страна, лежащая къ востоку отъ Ассиріи, по природѣ своей дѣлится на двѣ части: горную область, отдѣляющую бассейнъ рѣки

[1]) Второзаконіе, XXVIII.
[2]) „II Кн. Царствъ", XXIII, 21—24 (русск. текстъ Библіи); „II Паралипоменонъ", XXXIV—XXXV. Относительно исторіи Іосіи и его религіозной реформы см. Кеневъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 6—42; Рейсъ „La Bible: l'Histoire Sainte et la Loi", т. I, стр. 154—211.

Тигра отъ Каспійскаго моря, и плоскую равнину, простирающуюся къ югу до Индійскаго океана, и къ востоку до рѣки Гильменда. Гористая область примыкаетъ къ возвышенности, имѣющей видъ плоскогорія почти трехъугольной формы, съ высокими краями и со впадиной внутри; вóды, собравшіяся въ углубленіи этого плоскогорья, образуютъ здѣсь большое озеро безъ истоковъ [1]), удлиненное отъ с.-с.-з. къ ю.-ю.-в.; оно находится, какъ и Мертвое море, много ниже уровня воды въ океанѣ и такъ насыщено солью, что ни одна рыба не можетъ жить въ немъ. Къ востоку отъ этой возвышенности простирается Эльбрусъ, который, отдѣлившись отъ него на востокѣ, тянется сначала вдоль южнаго берега Каспійскаго моря, а потомъ соединяется съ Гинду-Кушемъ. Одна изъ его вершинъ, Демавендъ, поднимается въ видѣ пирамиды приблизительно на 20 т. футовъ и считается самой высшей точкой этой мѣстности [2]). На противоположной сторонѣ плоскогорія тянутся пять или шесть параллельныхъ горныхъ цѣпей, извѣстныхъ греческимъ и римскимъ географамъ подъ названіями Хоатрасъ и Загросъ. Горныя цѣпи эти тянутся преимущественно по направленію отъ с.-с.-з. къ ю.-ю.-в. и ограничиваютъ своимъ протяженіемъ страну, изрѣзанную потоками и глубокими пропастями, изобилующую почти неприступными вершинами и плодоносными долинами, открытыми въ сторону Ассиріи и Элама; рѣки этихъ долинъ несутъ свои воды въ Тигръ. За этими естественными преградами, какъ за стѣнами огромнаго укрѣпленнаго лагеря, разстилается обширное, слегка холмистое плоскогоріе, края котораго орошены многочисленными потоками и даютъ пропитаніе многочисленному населенію. По мѣрѣ удаленія отъ окраинъ къ центру плоскогорія, рѣки исчезаютъ и начинается пустыня. Почва страны, хотя и уступающая Египту и Халдеѣ, изобилуетъ естественными богатствами. Въ горахъ добывались: мѣдь, желѣзо, свинецъ, немного золота и серебра, нѣсколько сортовъ бѣлаго и цвѣтного мрамора [3]), драгоцѣнные камни и въ особенности ляписъ-лазурь, пользовавшійся такимъ почитаніемъ у древнихъ [4]). Горы, мѣстами голыя, чаще всего покрыты густымъ

[1]) Теперешнее озеро Урумізхъ.
[2]) Араратъ достигаетъ только 17,000 футовъ, а самая высокая изъ вершинъ Кавказа не превышаетъ 18,000 футовъ.
[3]) Между прочимъ, так. наз. тебризскій мраморъ.
[4]) Въ настоящее время ляписъ-лазурь не встрѣчается болѣе въ этой мѣстности.

лѣсомъ, въ которомъ сосна, дубъ, тополь встрѣчаются рядомъ съ восточною чинарою, орѣшникомъ и ивой. Склоны Загроса и берега Урумія̂ха представляютъ изъ себя по истинѣ фруктовые сады: они производятъ груши, яблоки, айву, вишни, маслины и персики. Плоскогоріе бѣднѣе растительностью и не отличается такимъ цвѣтущимъ видомъ: деревья на немъ встрѣчаются въ небольшомъ количествѣ и только вблизи рѣкъ и прудовъ; въ мѣстахъ, гдѣ нѣтъ недостатка въ водѣ, произрастаетъ пшеница, рожь, ячмень и превосходныя огородныя овощи. Здѣсь, рядомъ съ самыми страшными дикими звѣрями, — львомъ, тигромъ, леопардомъ [1]), медвѣдемъ, водилось множество уже прирученныхъ или способныхъ къ прирученію животныхъ, какъ напримѣръ, дикій оселъ, буйволъ, коза, собака, дромадеръ и двугорбый верблюдъ, тогда еще почти неизвѣстный въ Ассиріи и Египтѣ и даже нѣкоторыя породы лошадей, изъ которыхъ, одна, низейская, славилась своей силой, ростомъ и быстротой [2]).

Первые ассирійскіе завоеватели, Тугултининипъ и Тугултипалессара I, не рѣшились перейти черезъ горныя цѣпи Хоатраса и Загроса, послужившія такимъ образомъ преградою для ихъ честолюбивыхъ стремленій. Ихъ усилія были почти цѣликомъ направлены противъ полу-цивилизованныхъ племенъ, жившихъ между Тигромъ и Иранскимъ плоскогоріемъ, и если случались попытки проникнуть за эти предѣлы, они имѣли какъ бы случайный характеръ и предпринимались безъ всякой надежды на серьезный успѣхъ. Ассурназирпалъ былъ слишкомъ занятъ дѣлами въ Сиріи и Арменіи, чтобы предпринимать походы на востокъ отъ своей имперіи; Салманасаръ, имѣвшій сравнительно съ своимъ предшественникомъ болѣе досуга, вѣроятно, доходилъ до того мѣста, гдѣ позднѣе возникла Экбатана, а сынъ его, Самсираманъ, три раза заходилъ такъ далеко къ востоку, что ему никакъ нельзя приписать миролюбиваго отношенія къ мидянамъ [3]).

Мидяне сами называли себя родовымъ именемъ арійцевъ [4]);

---

1) Львы, тигры и леопарды въ настоящее время почти вывелись.

2) Дж. Раулинсонъ „The five great Monarchies", т. II, стр. 251—305.

3) Делаттръ, въ своемъ сочиненіи „Le Peuple et l'empire des Mèdes", стр. 57—74, прекрасно резюмировалъ и объяснилъ тѣ мѣста въ ассирійскихъ текстахъ, въ которыхъ говорится объ отношеніяхъ между Нинивіей и Мидіей.

4) Геродотъ, VII, LXII: Οἱ δὲ Μῆδοι ἐκαλέοντο πάλαι πρὸ πάντων Ἄριοι.

около V-го вѣка до нашей эры они распались на шесть племенъ — бузовъ, паретаценовъ, струхатовъ, аризантовъ, будійцевъ и маговъ [1]). Они сохранили смутное воспоминаніе о той эпохѣ, когда, вмѣстѣ съ другими народами той же расы, бродили по Айріанемъ-Ваеджо [2]), по берегамъ рѣкъ Оксуса и Іаксарты. Часть народовъ, жившихъ рядомъ съ ними, спустилась къ югу, въ бассейнъ Инда и его притоковъ. Другія племена стали возделывать плодородные оазисы Маргу и Хваразми [3]). Саки, которыхъ греки называли скиѳами, продолжали вести въ степяхъ кочевой образъ жизни своихъ предковъ. Мидяне и персы поднялись на Иранское плоскогоріе и здѣсь постарались пріобрѣсти территорію, удовлетворяющую ихъ потребностямъ. Персы направились на юго-западъ и остановились только у восточной границы Элама, въ гористой мѣстности, которой они дали свое имя. Мидяне медленно двигались къ западу, вдоль горныхъ цѣпей, окаймляющихъ берега Каспійскаго моря. Много лѣтъ спустя составители Авесты съ точностью опредѣляли мѣста стоянокъ мидянъ во время этого длиннаго путешествія. Они разсказывали, что арійцы, прежде чѣмъ обосноваться въ Иранѣ, жили въ различныхъ странахъ, создаваемыхъ для нихъ добрымъ богомъ Аурамаздой, но откуда ихъ постоянно изгоняли козни злого божества Ангромаиніуса [4]). Принужденные покинуть Айріанемъ-Ваеджо, вслѣдствіе его холоднаго климата, арійцы разсѣялись по поверхности Сугды [5]) и провинціи Муру [6]). Междоусобныя войны и вторженія сосѣдей — кочевниковъ заставили ихъ выселиться на востокъ въ Бахдги „страну высокихъ знаменъ" [7]), а затѣмъ на юго-востокъ, въ Нисаію, „расположенную между Бахдги и

---

1) Геродотъ, I, CI.

2) Жилище аріевъ.

3) Мервъ и Харимсъ.

4) Относительно иранскихъ переселеній въ томъ видѣ, какъ онѣ изображены въ первомъ фаргардѣ Вендидада (Джемсъ Дармштетеръ, „The Zend Avesta", т. I, стран. 1—10), см. сочин. Бреаля, „Fragments de critique Zende: de la Géographie de l'Avesta" (Извлеченіе изъ „Journal asiatique", 1862, и въ „Mélanges de mythologie et de linguistique", стран. 187 и слѣд.), а также у Шпигеля, „Eranische Alterthumskunde", т. I, стр. 190—196.

5) Согдіана классическихъ писателей.

6) Маргіана и Маргусъ ахеменидскихъ надписей, въ настоящее время округъ Мервъ.

7) Т.-е. „средоточіе царской власти". — Бахдги — это Бактрисъ персидскихъ текстовъ, Бактріана.

Муру“ [1]). Изъ Нисаіи, они, черезъ Гаройу [2]), проникли на Иранское плоскогоріе и спустились въ Ваекерета-Дузака [3]), гдѣ раздѣлились на множество отдѣльныхъ народовъ [4]). Нѣкоторые изъ нихъ перешли черезъ Гаракаити [5](и Гаэтуматъ [6]) и проникли въ Гептагенду [7]); другіе направились къ западу черезъ Урву [8]), Кнента-Веркану [9]), Рагу [10]) и Тсакру [11]) вплоть до страны Варены и западнаго побережья Каспійскаго моря [12]). Путешествіе иранцевъ по Азіи напоминаетъ путешествіе евреевъ по пустынѣ: въ обоихъ случаяхъ намъ извѣстна только точка отправленія и мѣста прибытія переселенцевъ,— но рѣшительно ничего болѣе.

Мидяне отвоевывали себѣ свое новое отечество шагъ за шагомъ. Исторія утратила подробности ихъ первоначальной борьбы съ прежними владѣльцами страны, но въ персидскихъ преданіяхъ сохранились до самыхъ среднихъ вѣковъ разсказы о легендарныхъ подвигахъ, которыми отличались эти войны, и имена миѳическихъ героевъ, принимавшихъ въ нихъ участіе.

Персы, издревле не допускавшіе возможности, чтобы народъ одного съ ними происхожденія еще такъ недавно могъ играть столь незначительную роль во всемірной исторіи, сочинили для этой эпохи нѣчто въ родѣ героическаго романа, который въ существенныхъ чертахъ былъ записанъ Ктезіемъ Книдскимъ. Свѣдѣнія, собранныя Ктезіемъ, относятъ къ 788 году возмущеніе

---

[1]) Νισαία у Страбона и Птоломея, VI, 10, 4.

[2]) Гараива—у персовъ, Арія или Аріана - у классическихъ авторовъ.

[3]) По Лассену и Гаугу, нынѣшній Сепстанъ, гдѣ находятся развалины города Душака (Джеллабада) на восточномъ берегу озера Гамуна къ югу отъ устьевъ Гельменда.

[4]) Въ Венцидадъ-Саде указаны въ этомъ случаѣ только два направленія переселеній: въ сторону Мидіи и въ сторону Инда.

[5]) Арахозія греческихъ географовъ.

[6]) Мѣстонахожденіе сго не опредѣлено.

[7]) Теперешній Пенджабъ.

[8]) По Ленорману, Уриванъ ассирійскихъ памятниковъ; Апаварктисена—Исидора, § 13; Апавортена—Плинія, VI, 18.

[9]) Варкана персидскихъ надписей, Гирканія грековъ и римлянъ, нынѣшній Джурджанъ.

[10]) Раги (Rhagae), по указанію Исидора (§ 7), „самый большой городъ Мидіи“.

[11]) По Гаугу, Каркъ—на сѣверо-западной оконечности Корассана.

[12]) Можетъ быть, Коренея Страбона (кн XI), Коариней Исидора (§ 8), Коара Плинія (VI, 17).

Арбакеса, взятіе Нинивіи и основаніе великой мидійской монархіи, просуществовавшей безъ перерывовъ до самыхъ временъ Кира. Но такъ какъ не было ни именъ предполагаемыхъ царей, ни хронологическихъ данныхъ ихъ царствованій, то Ктезій постарался возстановить ихъ по разнымъ отрывкамъ и самъ создалъ цѣлую династію [1]). Ассирійскіе памятники дали намъ возможность обнаружить этотъ подлогъ. Когда Тиглатфаласаръ II завоевалъ Мидію, во времена, соотвѣтствующія царствованію мнимаго Мандаукаса, страна была раздѣлена между многими независимыми начальниками, которые управляли своими областями

---

[1]) Вольней открылъ методъ, которымъ пользовался Ктезій для составленія своей династіи. Помѣстивъ списокъ мидійскихъ царей Ктезія рядомъ со спискомъ ихъ у Геродота:

Геродотъ.		Ктезій.	
Междуцарствіе	X	Арбакесъ	28
Деіокесъ	53	Мандаукасъ	50
		Сосармосъ	30
		Артикасъ	50
Фраортесъ	22	Арбіанесъ	22
		Артеосъ	40
		Артинесъ	22
Кіксаресъ	40	Астибарасъ	40,

мы видимъ, что, хотя Ктезій и измѣняетъ имена Геродота, но повторяетъ его числа попарно:

Фраортесъ.....22 { Арбіанесъ... 22; Артинесъ.... 22 }
{ Артеосъ....... 40; Астибарасъ ... 40 } Кіаксаресъ....40.

Вмѣсто первыхъ четырехъ парей Ктезія, Геродотъ указываетъ на Деіокеса и междуцарствіе, неизвѣстно, сколько времени продолжавшееся;—Ктезій принялъ вмѣсто 53-хъ лѣтъ царствованія Деіокеса круглую цифру въ 50 лѣтъ, а междуцарствіе замѣнилъ царствованіемъ, въ среднемъ равнымъ продолжительности существованія одного человѣческаго поколѣнія. Къ этой новой парѣ царей онъ примѣнилъ тотъ же пріемъ, что и къ предыдущей.

Деіокесъ ..... 53 { Мандаукасъ ..50; Артикасъ ....50 }
{ Арбакесъ.....28; Сосармосъ....30 } Междуцарствіе . X

Замѣна цифры 30 цифрою 28 въ царствованіи Арбакеса сдѣлана исключительно для того, чтобы придать подобіе вѣроятности всему списку. (Сравн. Вольней, „Recherches sur l'histoire ancienne“, I, стр. 144 и слѣд.; Дж. Раулинсонъ, „Herodotus“, I, стр. 329—330). По мнѣнію Опперта („Le Peuple et la langue des Mèdes“, стр. 17 и слѣд.), имена, приводимыя Геродотомъ, представляютъ ничто иное, какъ „аріанизированныя туранскія имена, персидскій переводъ которыхъ мы находимъ у Ктезія“.

нли городами, не имѣя надъ собою никакой верховной власти. Ассирійскій завоеватель ограничился нѣсколькими удачными набѣгами на Иранское плоскогоріе. Двадцать лѣтъ спустя, около 713 года, Саргонъ вторгся въ страну во главѣ многочисленной арміи, овладѣлъ большинствомъ городовъ, присоединилъ ихъ къ Ассиріи и выстроилъ въ нѣсколькихъ важныхъ пунктахъ крѣпости, которыя должны были держать побѣжденныхъ въ повиновеніи. Вѣрный традиціямъ ассирійской политики, онъ переселилъ мидянъ въ западныя провинціи своего государства, — въ Гаматъ, Келесирію,—а Мидію усѣялъ сирійскими колоніями. Такимъ образомъ, часть самарійскихъ евреевъ очутилась среди арійскихъ племенъ [1]). Въ качествѣ дани онъ требовалъ ежегодной присылки извѣстнаго количества заводскихъ мидійскихъ жеребцовъ. Онъ самодержавно царствовалъ надъ всѣми правителями этой области,—надъ повелителями Аллабріи, Эллиби, Агази, Уріакку, Амбанды, Зикарту и надъ двадцатью другими, относительно владѣній которыхъ у насъ нѣтъ болѣе или менѣе опредѣленныхъ свѣдѣній. Только два-три имени этихъ правителей (Фарнесъ, Арійя, Вастакку) носятъ слѣды иранскаго происхожденія, а единственная страна, Партакану, завѣдомо занятая арійцами, фигурируетъ въ спискѣ побѣжденныхъ областей послѣдней, какъ самая отдаленная изъ нихъ. Сеннахерибъ такъ или иначе сохранялъ надъ страною верховную власть Ассиріи. Въ 671 г. Асаргаддонъ снова проникъ въ страну до самой Паретасены, которую онъ называлъ восточной оконечностью міра. Въ теченіе полувѣка добрая половина Мидіи находилась въ рукахъ ниневійскихъ царей. Они не мало гордились своими успѣхами въ этихъ краяхъ, и заботливость, съ которой они отмѣчали малѣйшую побѣду, одержанную надъ „могущественными мидянами“, указываетъ на ихъ уваженіе къ послѣднимъ [2]). Въ данномъ случаѣ національныя преданія опять превратили эпоху иноземнаго ига въ періоды славы. Персы разсказывали Геродоту, что около 708 г., т.-е. въ то именно время, когда Саргонъ колонизовалъ часть страны,—разрозненныя мидійскія племена соединились въ одинъ народъ и основали Мидійское царство. „Среди мидянъ былъ мудрый человѣкъ, по имени Деіокъ (Дейокесъ), сынъ Фраорта. Этотъ Деіокъ, снѣдаемый жаждой власти, поступилъ слѣдующимъ образомъ. Мидяне жили въ то время въ небольшихъ городахъ. Деіокъ, будучи издавна наиболѣе уважаемымъ лицомъ въ своемъ городкѣ, началъ ревностно производить въ немъ судъ и расправу. Такъ дѣйствовалъ онъ именно въ такое время, когда во всей Мидіи царила страшная неурядица, зная, насколько всякая неправда враждебна всему справедливому. Жители его города, видя образъ его дѣйствій, избрали его своимъ судьею, и Деіокъ, усердно добивавшійся власти, проявилъ большую праведность и справедливость. Поступая такимъ образомъ, онъ пріобрѣлъ не малую славу среди своихъ согражданъ, такъ что даже жители другихъ городовъ, страдавшіе до того времени отъ несправедливыхъ судебныхъ приговоровъ, узнавъ, что только одинъ Деіокъ судилъ по закону, очень обрадовались этому и обратились къ нему; разъ выслушавъ его разбирательство, они уже ни къ кому не захотѣли обращаться кромѣ него. Толпа кліентовъ Деіока все возрастала по мѣрѣ того, какъ всѣ убѣждались въ справедливости его приговоровъ. Замѣтивъ свое значеніе для всѣхъ, Деіокъ отказался сидѣть тамъ, гдѣ обыкновенно творилъ судъ, и сталъ увѣрять, что онъ не хочетъ болѣе судить, такъ какъ, по его мнѣнію, не слѣдуетъ упускать своихъ личныхъ дѣлъ ради повседневнаго разбирательства чужихъ. Но, такъ какъ снова началось хищничество и возникли безпорядки еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ прежде, мидяне собрались въ одно мѣсто и стали совѣтоваться сообща о томъ, какъ выйти изъ этого положенія. Вѣроятно, что друзья Деіока говорили при этомъ за всѣхъ. „Мы не children можемъ продолжать жить въ странѣ, находящейся въ такомъ состояніи, какъ теперь наша. Выберемъ же себѣ изъ своей среды царя. Онъ будетъ управлять страной, а мы возвратимся къ своимъ дѣламъ, и неправда не будетъ болѣе повергать насъ въ состояніе вѣчной неурядицы“. Разсуждая приблизительно такимъ образомъ, мидяне взаимно убѣдили другъ друга въ своемъ желаніи имѣть царя. Сейчасъ же приступили къ обсужденію, кого слѣдовало бы избрать, а такъ какъ каждый хвалилъ и предлагалъ Деіока, то рѣшено было избрать его царемъ“ [1]). Добившись власти, Деіокъ построилъ дворецъ и окружилъ себя царской стражей. Затѣмъ, онъ приказалъ своимъ подданнымъ покинуть деревни и собраться около него въ стѣнахъ обширной столицы. „Мидяне, повинуясь его приказаніямъ, выстроили громадный и

[1]) „II Кн. Царствъ“, XVII, 6; XVIII, 11.
[2]) Делаттръ, „Le Peuple et l'empire des Mèdes“, стр. 99—125.

[1]) Геродотъ, I, XCV—XCVI—XCIVI.

хорошо укрѣпленный городъ, который получилъ названіе Акбатаны. Стѣны ея очень своеобразны и построены такимъ образомъ, что каждая внутренняя стѣна превышаетъ наружную на высоту своихъ зубцовъ.

Самое мѣстоположеніе города на холмѣ способствовало такой постройкѣ. Всѣхъ оградъ было семь, а внутри послѣдней находился царскій дворецъ и сокровищница царя. Окружность самой большой стѣны равнялась приблизительно окружности Аѳинъ. Зубцы первой стѣны были выкрашены въ бѣлый цвѣтъ; второй—въ черный; третьей—въ красный; четвертой—въ голубой; пятой—въ оранжевый; зубцы предпослѣдней стѣны были покрыты серебромъ, а зубцы послѣдней—позолотою. Всѣ эти укрѣпленія Деіокъ возвелъ для себя и своего дворца; народу онъ приказалъ расположиться внѣ стѣнъ крѣпости. По окончаніи постройки города, онъ поставилъ за правило, чтобы никто не смѣлъ входить къ царю; всѣ дѣла должны были пересылаться монарху черезъ посредство особыхъ чиновниковъ; считалось неприличнымъ глядѣть царю прямо въ лицо, смѣяться или плевать въ его присутствіи. Онъ учредилъ весь этотъ церемоніалъ, чтобы не раздражать своимъ видомъ своихъ подданныхъ, которые были равнаго съ нимъ происхожденія и ничѣмъ не хуже его,—и не давать имъ повода составлять заговоры; Деіокъ думалъ, что, сдѣлавшись невидимымъ для своихъ подданныхъ, онъ, въ концѣ концовъ, заставитъ ихъ смотрѣть на себя, какъ на существо иного, высшаго порядка“ [1]).

Личность Деіока, какъ его изображаетъ Геродотъ, не представляетъ ничего историческаго, что доказывается памятниками, на которыхъ было найдено его имя. Въ 713 г. Саргонъ подчинилъ себѣ страну Битъ-Дайакку, названную такъ по имени ея властелина; очевидно, что личность Дайакку соотвѣтствуетъ Деіоку. Но между тѣмъ и другимъ есть существенная разница. Дайакку былъ и оставался всю свою жизнь мелкимъ, незначительнымъ царькомъ въ Мидіи, между тѣмъ Деіокъ является основателемъ мидійской монархіи. Итакъ, на личность Деіока и его 53-лѣтнее царствованіе приходится смотрѣть, какъ на поэтическій вымыселъ, льстящій тщеславію арійскихъ племенъ, но опровергнутый исторіей [2]). При Саргонѣ, Сеннахерибѣ и Асаргаддонѣ, т.-е.

[1]) Геродотъ, I, XCVIII—XCIX.

[2]) Относительно греческаго варіанта исторіи о Деіокѣ см. замѣчанія

впродолженіе полувѣковаго могущественнаго царствованія, которое легенда такъ великодушно приписываетъ Деіоку (708—655), Мидія была раздроблена на мелкія княжества, изъ которыхъ многія платили дань Ассиріи [1]).

Иранская религія; Зороастръ; маги.

Религія мидянъ и персовъ произошла отъ культа древнихъ арійскихъ племенъ, съ которымъ мы отчасти знакомимся изъ священныхъ книгъ Индіи. Сначала это были тѣ же обряды, тѣ же вѣрованія, тѣ же божественныя имена, примѣненныя къ тѣмъ же религіознымъ представленіямъ; затѣмъ стали обнаруживаться; сначала почти незамѣтныя, потомъ все болѣе и болѣе рѣзкія различія, что повело къ образованію двухъ противуположныхъ религіозныхъ системъ. Въ то время какъ индійскія религіи стремились свести всѣхъ своихъ боговъ къ одному главному богу, верховному повелителю и творцу міровъ,—религія персовъ противуполагаетъ одно другому два враждебныхъ начала—начала зла и добра, и создаетъ изъ этой противуположности дуалистическое религіозное міросозерцаніе [2]). Мы почти ничего не знаемъ о тѣхъ измѣненіяхъ, которыя претерпѣлъ культъ иранцевъ прежде чѣмъ принялъ наиболѣе древнюю изъ формъ, извѣстныхъ намъ по священнымъ книгамъ. По мнѣнію однихъ, маздеизмъ возникъ

Грота (Grote), („History of Greece“, т. III, стр. 307 и слѣд.) и у Д. Раулинсона („Herodotus“, т. I, стр. 321; „The five great Monarchies“, т. II, стр. 380—383). Фр. Ленорманъ, напротивъ, старался доказать достовѣрность изображенія Деіока у Геродота („Lettres assyriologiques“, 1-я серія, т. I, стр. 55—62); Шпигель („Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 250—252) и Делаттръ („Le Peuple et l'empire des Mèdes“, стр. 129—146) допускаютъ, что „личность Деіока правдоподобна въ существенныхъ чертахъ“. „Быстрому образованію Мидійской имперіи содѣйствовали двѣ причины: необходимость союза противъ Ассиріи и ловкость Деіока, который заставилъ мидянъ оцѣнить выгоды твердой верховной власти, основанной на началахъ порядка и справедливости“. См. о Деіокѣ у Шредера, „Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 499 и слѣд.

[1]) Д. Раулинсонъ, „Herodotus“, т. I, стр. 328—331; „The five great Monarchies“ т. II, стр. 379—383.

[2]) См. по этому вопросу прекрасное сочиненіе Джемса Дармштетера „Ormazd et Ahriman“, in-8°, Парижъ, 1877. По этому поводу и по поводу наилучшаго метода при истолкованіи текстовъ Авесты, между Дармштетеромъ и де-Гарлезомъ завязалась ожесточенная полемика.

въ Бактріанѣ, по мнѣнію другихъ онъ получилъ развитіе исключительно въ Мидіи [1]).

Позднѣе все то, что являлось дѣломъ многихъ вѣковъ, было приписано вліянію одного человѣка: національныя легенды приписали честь основанія новой религіи пророку Заратустрѣ (Зороастру) [2]). Почти всѣ писатели классической древности относятъ эту личность къ наиболѣе отдаленному, миѳическому времени. По мнѣнію Гермиппоса [3]) и Евдокія, онъ жилъ за 6 или за 7 тысячъ лѣтъ до смерти Александра; по мнѣнію же Плинія, за тысячу лѣтъ до Моисея [4]); Ксанѳъ Лидійскій полагаетъ, что между его смертью и походомъ Ксеркса въ Аѳины [5]) прошло 600 лѣтъ. Согласно самому древнему преданію, Заратустра родился въ Рага, въ Мидіи [6]), или въ Атропатенѣ [7]). Онъ жилъ въ первые времена возникновенія иранской расы, когда всѣ племена ея находились еще въ Бактріанѣ. Онъ происходилъ изъ царскаго рода и еще до своего рожденія былъ избранъ богомъ, чтобы возродить міръ. Его дѣтство и юность прошли въ безпрестанной борьбѣ со злыми духами: изъ этой борьбы онъ всегда выходилъ побѣдителемъ и послѣ каждаго испытанія дѣлался все совершеннѣе. Когда ему исполнилось 30 лѣтъ, высшій духъ, Вогумано, явился къ нему и повелъ его къ Агурамаздѣ. Призванный духомъ для того, чтобы вопрошать бога, онъ задалъ ему слѣдующій вопросъ; „какое существо самое лучшее на землѣ?“ Ему отвѣтили, что тотъ совершеннѣе изъ людей, чье сердце чище. Потомъ онъ захотѣлъ еще узнать имя и дѣятельность каждаго изъ ангеловъ,

[1]) Джемсъ Дармштетеръ, „Etudes iraniennes“, т. I, стр. 10 и слѣд.; „The Zend-Avesta“, стр. XLXI и слѣд.; сравн. работу Шпигеля въ „Zeitschr. der D. Morgenl. Ges.“, т. XXXV, стр. 627 и слѣд.

[2]) Имя Заратустры можетъ означать сіяніе золота (Оппертъ, „Honnover, le verbe créateur de Zoroastre“, стр. 4), красный, золотой (Д. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 194), обладатель дикихъ верблюдовъ (Бюрнуфъ), преданный земледѣлію (Асколи, въ „Beiträge zur vergleichenden Sprachforschung“, т. V, стр. 210), сѣмя богини Истары (Г. Раулинсонъ, въ „Journal of the R. Asiatic Society“, т. XV, стр. 227); возможны и другія этимологическія объясненія.

[3]) Мюллеръ, „Fragm. H. Gr.“, t. Ш, стр. 53-54.

[4]) Плиній, „H. N“, XXX, 1-2.

[5]) Ксанѳъ у К. Мюллера, „Fragm. H. Gr.“, т. I, стр. 44. Ктезій сдѣлалъ изъ Зороастра, царя Бактріаны, современника Нина и Семирамиды.

[6]) Это преданіе нашло защиту у Гарлеса, въ его „Introductions à l'étude de 'Avesta, *Maisonneuve*, in,-8⁰, 1882.

[7]) Дж. Дармштетеръ, „Zend Avesta“, стр. XLVII-L.

сущность и свойство злого духа. Онъ прошелъ черезъ огненную гору, дозволилъ открыть свое тѣло и влить въ грудь расплавленный металлъ, не ощутивъ при этомъ никакой боли; послѣ этого онъ получилъ изъ рукъ бога Авеста книгу закона, и былъ возвращенъ на землю. Онъ направился въ Балхъ, къ Вистаспѣ, сыну Аурватаспы [1]), царствовавшему тогда въ Бактріанѣ, и вызвалъ на состязаніе придворныхъ мудрецовъ. Три дня старались они побѣдить его и спутать; тридцать мудрецовъ находились по правую сторону, тридцать—по лѣвую сторону его. Когда же они признали себя побѣжденными, Заратустра объявилъ, что онъ пришелъ отъ бога и началъ читать царю Авесту. Гонимый мудрецами, обвиненный въ магіи и нечестіи, онъ все-таки умѣлъ одержать побѣду надъ противниками силой своего краснорѣчія и чудесами. Вистаспа, его жена и сынъ увѣровали въ него, и большая часть народа послѣдовала ихъ примѣру. Легенда прибавляетъ, что онъ жилъ еще долго, уважаемый всѣми за свою святую жизнь. По однимъ свѣдѣніямъ, онъ умеръ пораженный молніей, по другимъ, онъ былъ убитъ въ Балхѣ однимъ туранскимъ солдатомъ. Часто являлся вопросъ, былъ ли Зороастръ исторической личностью, или миѳическимъ героемъ, имя котораго примѣшано къ исторіи. Нѣтъ возможности категорически рѣшить этотъ вопросъ; возможно только утверждать, что, если Зороастръ и существовалъ дѣйствительно, то во всякомъ случаѣ намъ ничего неизвѣстно о немъ, кромѣ его имени [2]).

Первоначально главнымъ богомъ иранцевъ былъ „весь сводъ небесный“ [3]), „самый могущественный изъ боговъ, такъ какъ одеждой ему служитъ крѣпкая небесная твердь“. Тѣло его состоитъ изъ высшаго безконечнаго свѣта; солнце—глазъ его [4]). Позднѣе, не теряя своего первоначальнаго характера, онъ становился все болѣе и болѣе отвлеченнымъ и почти совершенно освободился отъ матеріальной оболочки. Онъ назывался Агура-

[1]) Современныя персидскія книги называютъ этого царя Густаспомъ и считаютъ его сыномъ Лораспа. Вистаспа-Густаспъ по-гречески обратился въ Υστάσπης, но личность Вистаспы не имѣетъ ничего общаго съ отцомъ Дарія.

[2]) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. I, стр. 668—711.

[3]) Геродотъ, I, CXXXI.

[4]) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 30, 37 и „Le Dieu suprême des Aryens“ въ „Essais orientaux“, стр. 120-121.

маздой [1]) „всевѣдущимъ“, мудрымъ по существу, „лучезарнымъ, сіяющимъ, превеликимъ и преблагимъ, совершеннѣйшимъ, всемогущимъ, всеразумнымъ и прекраснѣйшимъ“ [2]). Самъ онъ никѣмъ не созданъ, но создалъ все единымъ своимъ словомъ. Его твореніе, не есть приведеніе въ дѣйствіе предшествовавшихъ элементовъ, какъ во многихъ другихъ космогоніяхъ; дѣйствіемъ своего слова онъ вызвалъ изъ ничтожества, какъ духъ, такъ и матерію [3]). Съ самаго начала онъ назначилъ себѣ помощниками въ управленіи міромъ шесть духовъ высшаго порядка называемыхъ, Амесаспентами (Амсаспаидами); „безсмертными, благодѣтельными духами“: Вогумано, т.-е. „добраго духа“, Асавагисту—„пречистаго духа“, „Кшатра-Ваирію—„желанное царство“, Спента-армаити—„совершенную премудрость“, Гаурватата- здоровье, и Амеретата—безсмертіе [4]). Лучезарные, какъ и ихъ властитель, отъ котораго они первоначально отдѣлились, „они всѣ шестеро имѣютъ одну мысль, одно слово, одно дѣйствіе, одного отца, одного господина“ [5]). За этими шестью Амесаспентами слѣдуютъ Іазаты (Изеды) [6]), миріадами разсѣянные по всей вселенной, чтобы наблюдать за сохранностью и дѣятельностью ея органовъ. Къ Іазатамъ относится духъ божественнаго свѣта, Митра, духъ „прекрасныхъ пастбищъ“, вѣчно бодрствующій Митра, кото-

[1]) Въ клинообразныхъ надписяхъ съ персидскими буквами имя это пишется Аурамазда; по зендски оно выговаривается Агуромаздао и на новоперсидскомъ языкѣ—Ормузъ и Ормаздъ. Отъ слова „мазда“ происходитъ терминъ маздеизмъ, названіе религіозной системы иранцевъ. Для изученія этой религіи я прежде всего могу отослать къ прекрасной работѣ Джемса Дармштетера, „Ormazd et Ahriman“, in-8⁰, Парижъ, 1877, гдѣ разобраны всѣ послѣдовательныя формы, въ которыя облекался образъ Агурамаздао у различныхъ персидскихъ сектъ.

[2]) Іасна, кн. I.

[3]) Шпигель, въ своемъ сочиненіи, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 21—31, резюмировалъ вкратцѣ всѣ тѣ мѣста изъ священныхъ книгъ, въ которыхъ говорится объ Агурамаздѣ.

[4]) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde, т. II, стр. 31—40; относительно двухъ послѣднихъ см. у Дж. Дармштетера, „Haurvatât et Ameretât“ въ „Bibliothèque de l'Ecole des hautes études“, вып. XXIII.

[5]) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 38—43.

[6]) Іазата, „тотъ, которому должно приносить жертвы“, сравн. „yaz“—жертвовать, „yaçna“-жертва (Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 265—266); или, достойный поклоненія (Е. Бюрнуфъ, „Commentaire sur le Yaçna“, стр. 218).

рый первымъ изъ небесныхъ Іазатъ, возносится надъ горою Гара [1]) еще до появленія безсмертнаго солнца на своихъ быстрыхъ коняхъ, тотъ Митра, который въ своей пышной золоченой одеждѣ первый охватываетъ прекрасныя вершины горъ и посылаетъ оттуда свой благодѣтельный взоръ на жилища арійцевъ“ [2]). Къ Іазатамъ же причисляется и вѣтеръ „великій изъ великихъ, сильный изъ сильныхъ, богъ въ золотомъ вооруженіи“, который раздымаетъ бурю и посылаетъ ее противъ демона [3]); а также различные духи воды, огня, воздуха и свѣтилъ [4]). Они соприкасаются съ особымъ классомъ существъ, съ Фроваси (Фрогарами или Феруерами). „Фроваси это божественный первообразъ каждаго существа, одареннаго разумомъ, это его *идея* въ сознаніи Ормазда“ [5]). Каждый человѣкъ, каждое живое существо, уже рожденное или которому еще предстоитъ родиться, всѣ Іазаты и даже самъ Агурамазда,—всѣ имѣли своихъ Фроваси, которыя заботились о нихъ и посвящали себя охраненію ихъ. Послѣ смерти охраняемыхъ ими людей, Фроваси оставались на небѣ и становились чѣмъ-то въ родѣ независимыхъ духовъ, тѣмъ болѣе могущественныхъ въ смыслѣ благотворной дѣятельности, чѣмъ болѣе существа, съ которыми онѣ были связаны на землѣ, проявили чистоты и добродѣтели [6]). Впродолженіи десяти послѣднихъ дней года, Фроваси блуждаютъ по городамъ спрашивая: „Кто станетъ заботиться о насъ, поклонится намъ и встрѣтитъ насъ съ дарами,—мясомъ, чистою одеждою, и съ теплою молитвою?“ Если кто-нибудь откликался при этомъ на ихъ призывъ, онѣ посылали на него свои благословенія. „Да пошлетъ Богъ въ домъ твой стада животныхъ и много людей, легкую лошадь и прочную колесницу, человѣка, умѣющаго молиться Богу и предсѣдательствовать въ собраніи“ [7]).

[1]) Гаро-Березанти, Эльбрусъ, на которомъ восходитъ солнце, „вокругъ котораго движутся всѣ звѣзды, гдѣ нѣтъ ни ночи, ни мрака, ни холоднаго, ни теплаго вѣтра, и до вершины котораго не подымаются облака“ (Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. II, стр. 121—132.

[2]) Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. I, стран. LXI и т. II, стр. 122—123.

[3]) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 110—114.

[4]) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 41—91.

[5]) Е. Бюрнуфъ, „Commentaire sur le Yaçna“, стр. 270.

[6]) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 91.

[7]) Джемсъ Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. II, стр. 192—193; сравн. „Ormazd et Ahriman“, стр. 130—132.

Агурамазда сотворилъ міръ и хотѣлъ сдѣлать его хорошимъ. Но твореніе можетъ существовать только благодаря равновѣсію противоположныхъ силъ, находящихся въ дѣйствіи. Противоположеніе этихъ двухъ силъ и внушило иранцамъ мысль, что онѣ приводились въ дѣйствіе двумя враждебными началами: — однимъ добрымъ и полезнымъ, другимъ — дурнымъ и вреднымъ для человѣка. Это злое начало не появилось на свѣтѣ одновременно съ добрымъ; пока Агурамазда не создавалъ міра, зла не было, но въ тотъ самый день, когда при созданіи міра творческій духъ (Спентамаиніусъ) извлекъ изъ ничего матерію и пробудилъ силы, управляющія ею, дѣйствіе и противодѣйствіе этихъ силъ породило злого духа, котораго люди назвали Ангромаиніусомъ (Ариманомъ), духа разрушенія и страданій [1]). Подобно тому какъ Агурамазда проявлялся во всемъ, что только было полезнаго и прекраснаго, въ свѣтѣ, — въ справедливости, въ добродѣтели,— такъ Ангромаиніусъ былъ виденъ во всемъ, что было вреднаго и безобразнаго,—во мракѣ, въ преступленіи. Стремленіе нарушить гармонію міра обратило эту злую силу въ созидающую [2]). Злой духъ противопоставилъ шести Амесаспентамъ шесть духовъ равныхъ имъ силою и могуществомъ: Акомано—„дурной помыселъ“; Андру — разрушительный огонь, старающійся сѣять въ мірѣ печаль и грѣхъ; Сауру, или „смертоносную стрѣлу“ [3]), доводящаго царей до тираніи, людей—до воровства и убійства; далѣе, Наонгаитію, Тауру и Заири [4]). Въ противовѣсъ Іазатамъ онъ создалъ Дэвовъ (Deêvas или devs), или демоновъ, постоянно борющихся съ природой и мѣшающихъ правильному теченію ея жизни [5]). Въ моментъ творенія, когда Агурамазда создавалъ свѣтъ, человѣка, вообще все, что есть прекраснаго въ мірѣ, — Ангромаиніусъ производилъ мракъ, вредныхъ животныхъ и такія же растенія; завидуя человѣку, онъ постоянно старался погубить его. До появленія Зороастра, созданія злого духа, какъ мужескаго пола (Іату), такъ и женскаго (Паирика, Пери), свободно

1) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 48 - 94.

2) Шпигель „Eranische Alterthumskunde“, II, стр. 121—126.

3) Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. I, стр. LXVIII и LXXII.

4) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 126—130; Д. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 259—265.

5) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 130—141; Д. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 265 — 272. Слово Daêva, которое первоначально означало богъ, стало употребляться въ значеніи—демонъ.

жили среди людей и даже вступали въ союзы съ ними. Зороастръ уничтожилъ ихъ тѣлесную оболочку и запретилъ имъ принимать другой образъ, кромѣ образа животныхъ, но власти ихъ предстояло быть совершенно уничтоженной не раньше конца міра. Тогда три пророка, происходящіе отъ Зороастра, — Уксіатерета, Уксіатнсема и Саосіантъ или Астватерета, должны сообщить людямъ три новыя книги закона, которыя, наконецъ, завершатъ спасеніе міра. Саосіанту будетъ принадлежать честь нанесенія послѣдняго, рѣшительнаго удара. Божественный свѣтъ сообщится ему и его спутникамъ; онъ освободитъ все живое отъ порчи и тлѣнія и сдѣлаетъ вселенную „вѣчно живой, вѣчно умножающейся и свободной“. Мракъ исчезнетъ передъ свѣтомъ, смерть передъ жизнью, зло передъ добромъ. „Акумано поражаетъ, но Вогумано поразитъ его въ свою очередь. Лживое слово поражаетъ, но и его поразитъ въ свою очередь слово правды. Гауруватъ и Амеретатъ поразятъ голодъ и жажду; Гауруватъ и Амеретатъ поразятъ страшный голодъ, страшную жажду“ [1]). Самъ Ангромаиніусъ долженъ будетъ признать превосходство Агурамазды, и совершенство будетъ царить безраздѣльно [2]).

Посреди этой борьбы двухъ противоположныхъ началъ, человѣкъ, осаждаемый Дивами и защищаемый Іазатами, жилъ, сообразуясь съ закономъ и справедливостью и примѣняясь къ условіямъ, въ которыя его поставила судьба. Наряду со священникомъ и солдатомъ законодатель отвелъ почетное мѣсто и земледѣльцу. „Это святой человѣкъ, построившій себѣ здѣсь на землѣ домикъ, въ которомъ онъ поддерживаетъ огонь, содержитъ скотъ, свою жену, дѣтей и хорошія стада. Кто заставляетъ землю производить хлѣбъ, кто выращиваетъ полевые плоды, тотъ насаждаетъ непорочность: онъ распространяетъ законъ Агурамазды настолько же, какъ если бы принесъ 100 жертвъ“ [3]). Назначеніе человѣка на землѣ — оспаривать у Ангромаиніуса части почвы, остающіяся безплодными: обрабатывать землю—его первая обязанность. Вторая его обязанность состояла въ томъ, чтобы охранять творенія Агурамазды и уничтожать творенія Ангромаиніуса. Лучшей изъ всѣхъ тварей Агурамазды, возбуждавшею наибольшее ува-

1) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, II, стр. 145—148.

2) Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. II, стр. 308.

3) Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, т. II, стр. 153—158; Д. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 224 и слѣд.

женіе къ себѣ, была собака; считалось грѣхомъ не только убить ее [1]), но даже „дать ей костей, которыхъ она не можетъ разгрызть, или настолько горячую пищу, что она можетъ обжечь себѣ пасть и морду“ [2]). Въ остальномъ замѣчается стараніе не обременять жизнь излишней регламентаціей: отъ иранца требовалось только, чтобы онъ вѣрилъ въ бога, молился ему и приносилъ ему жертвы, былъ чистъ сердцемъ, искрененъ въ рѣчи и правдивъ во всѣхъ своихъ поступкахъ. „Мы поклоняемся Агурамаздѣ, правдивому царю непорочности; мы поклоняемся Амесаспентамъ, обладающимъ благами и распредѣляющими ихъ; мы поклоняемся всему, что создалъ добрый духъ, всему, что можетъ служить на пользу его творенія и способствовать распространенію истинной вѣры.—Мы восхваляемъ всѣ благія мысли, всѣ хорошія рѣчи, всѣ добрыя дѣянія, какія только есть и будутъ, и блюдемъ въ чистотѣ все то, что хорошо. Агурамазда существо всегда доброе, всегда блаженное. Мы стараемся думать, говорить и дѣйствовать такъ, какъ подобаетъ, чтобы согласовать обѣ жизни“ [4])—духовную и тѣлесную. Истинно добродѣтельнымъ человѣкомъ (асаваномъ) считается тотъ, у кого хороши помышленія, слова и поступки: всякій, соединяющій въ себѣ эти три достоинства, находится въ состояніи полнаго совершенства и непорочности (аса) [5]). Но разъ выйдя изъ такого совершеннаго состоянія, можно снова вернуться къ нему только посредствомъ раскаянія и добрыхъ дѣлъ. Добрыя дѣла состояли въ уничтоженіи вредныхъ животныхъ, змѣй, лягушекъ, муравьевъ [6]), въ превращеніи невоздѣланной земли въ обработанныя пашни, въ выдачѣ замужъ здоровой дѣвушки за праведнаго человѣка [7]); всѣ эти дѣла были средствами искупленія, рекомендуемыми закономъ. Церемоніи культа были просты и немногочисленны. Агурамазда не имѣлъ ни статуй, ни таинственныхъ святилищъ, ни алта-

---

[1]) Іасна, XXXIII, 2—3.

[2]) Еще Геродотъ, I, CXL, указывалъ на старанія маговъ никогда не убивать собаки: Οἱ δὲ δὴ Μάγοι αὐτοχειρίῃ πάντα πλὴν κυνὸς καὶ ἄνθρωπον κτείνουσι.

[3]) Дж. Дармштетеръ, „The Vendidad Sade“, т. I, стр. 131; Говелакъ, „L’Avesta, Zoroastre et le Mazdéisme“, стр. 336—356.

[4]) Іасна, XXXV, 1—3.

[5]) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman“, стр. 7.

[6]) Сравн. Геродотъ, I, CXI, Агасіасъ, II, 24.

[7]) Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. I, стр. 171.

рей [1]). Но на возвышенностяхъ находились пиреи, т.-е. убѣжища, гдѣ священный огонь изъ вѣка въ вѣкъ поддерживался жрецами, обязанность которыхъ состояла въ томъ, чтобы не дать ему потухнуть [2]). Главнымъ предметомъ жертвоприношеній была лошадь [3]), но въ жертву приносились также быки, козы и овцы [4]). Приготовивъ и раздавъ присутствующимъ Гаому, родъ одуряющаго напитка, позаимствованнаго иранцами у арійцевъ [5]), жрецъ убивалъ животное и клалъ его части не въ огонь, который осквернился бы этимъ прикосновеніемъ, а передъ очагомъ. Церемонія обыкновенно оканчивалась торжественнымъ пиршествомъ, за которымъ съѣдалось жертвенное мясо [6]).

Тѣла умершихъ [7]) не дозволяли ни сожигать, ни погребать [8]), ни бросать въ рѣку; это значило бы осквернить огонь, землю или воду. Существовало два способа освободиться отъ трупа, не нарушая при этомъ святости стихій. Для этого въ первомъ случаѣ тѣло умершаго покрывалось воскомъ и предавалось погребенію [9]), причемъ считалось, что восковая оболочка предохраняетъ землю отъ возможнаго ея оскверненія при непосредственномъ соприкос-

---

[1]) Геродотъ, I, CXXII.

[2]) Страбонъ, I, XV, 3. Отсюда нетерпимость ахеменидскихъ царей при разрушеніи храмовъ и идоловъ ихъ враговъ (Геродотъ, V, CII, VI, IX, VII, VIII и т. п.; Діодоръ, XI, 14); Полибій (IV, 10) замѣчаетъ, что Александръ отнесся съ уваженіемъ къ святынямъ персовъ, хотя послѣдніе, будучи въ Греціи, поступали совершенно обратно.

[3]) Геродотъ, VII, CXIII, Ксенофонтъ, Киропедія, VIII, 3, § 14; Арріенъ, Анабазисъ, VI, XIX, 7; Іасна, XLIIV, 18, гдѣ говорится о принесеніи въ жертву десяти лошадей отъ одного лица.

[4]) Принесеніе въ жертву овцы упоминается у Арріена Анабазисъ, VI, XXIV, 7.

[5]) Напитокъ Гаома (haôma), по санскритски — сома (sôma), извлекался изъ сока растенія гаома или сома, родъ Asclépias или Sarcostema viminalis.

[6]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, II, стр. 337—339, 345—346.

[7]) Во времена Страбона сожженіе труппа наказывалось смертью (кн. IV, 14), по Зендъ-Авестѣ „это было преступленіе, которое нельзя искупить“ (Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta“, т. 1, стр. 9).

[8]) „Грѣхъ сожженія покойника не подлежалъ искупленію“: (Дж. Дармштетеръ, „The Vendidad Sadè“, т. I, стр. 8); одно изъ самыхъ большихъ оскорбленій, которое можно причинить землѣ, есть погребеніе собаки (тамъ же, стр. 24—25). Однако, извѣстны могилы нѣкоторыхъ царей (Арріенъ — Анабазисъ, VI, XIX). Повидимому, запрещеніе хоронить трупы было издано послѣ ахеменидскихъ царей (Дж. Дармштетеръ, „The Zend-Avesta, т. I, стр. XC—XCI).

[9]) Страбонъ, кн. XV, 3; Геродотъ, I, CXL.

новеніи съ трупомъ. Другой способъ состоялъ въ томъ, что тѣло умершаго оставлялось на воздухѣ, на добычу хищнымъ звѣрямъ [1]) и птицамъ; въ такихъ случаяхъ кладбищами служили большія круглыя башни [2]). Душа умершаго, обыкновенно витавшая первые три дня близъ своей тѣлесной оболочки, покидала ее на зарѣ четвертаго дня, чтобы предстать передъ загробнымъ судилищемъ. Духъ Расну-Разиста, изрекающій справедливые приговоры судья, взвѣшивалъ на непреложныхъ вѣсахъ ея хорошіе и дурные поступки и, согласно тому, которые изъ нихъ перетягивали, осуждалъ или миловалъ ее. По выходѣ души изъ судилища, ее вели къ мосту Шинватъ, перекинутому черезъ адъ и ведущему въ рай. Нечестивая душа не могла пройти по мосту и падала въ пропасть, гдѣ становилась рабою Ангромаиніуса; праведная же безъ труда проходила по немъ съ помощью ангела Сраосы. Вогумано привѣтствовалъ ее, велъ къ престолу Агурамазды, подобно тому, какъ это было нѣкогда съ Зороастромъ, и указывалъ ей мѣсто, которое она должна была занять съ этихъ поръ до дня воскресенія мертвыхъ [3]).

Идея двухъ противоположныхъ началъ, олицетворяемыхъ въ видѣ добрыхъ и злыхъ боговъ, долгое время удовлетворяла иранское населеніе. Но она не могла вполнѣ удовлетворять священниковъ и теологовъ. Являлся вопросъ, откуда же возникли эти Агурамазда и Ангромаиніусъ? Предположено было, что они не существовали во всѣ времена, но исходили отъ какого-то предвѣчнаго начала, называемаго безпредѣльнымъ временемъ (Зерванъ акарана) [4]). „Въ теченіе тысячи лѣтъ Зерванъ приносилъ жертвы

[1]) Страбонъ, кн. XV, 3 (по Онесикриту); Геродотъ (I, CXI), показаніе котораго было принято Цицерономъ (Tusculanes, I, 45), утверждаетъ, что тѣла погребались послѣ того, какъ были на половину растерзаны собаками или птицами.

[2]) Эти башни носятъ названіе *дакмасъ*, т.-е. „памятники" („Vendidad", изд. Дармштетера, „Frag", VI, 44 и слѣд. VIII, 10 и слѣд.).

[3]) Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies", II, стр. 339—340; Шпигель, „Eranische Alterthumskunde", II, стр. 148—151.

[4]) Относительно этой личности и неоднократно отождествлявшихся съ нею понятій о конечномъ времени (Зерванъ дарего гадата), безконечномъ пространствѣ (Тваса) и конечномъ пространствѣ (Мисвана), свѣтѣ безъ конца (Анагра раосао) и мракѣ безъ конца (Анагра темао), см. соч. Шпигеля, „Eranische Alterthumskunde", т. II, стр. 4—20. Культъ Зерванъ-акараны породилъ множество сектъ, самыя знаменитыя изъ которыхъ, такъ называемыя Зерванскія секты, существовали почти до конца среднихъ вѣковъ (Шпигель „Eranische Alterthumskunde", т. II, стр. 165—187). Вѣра въ Зерванъ-акарану составляетъ по настоящее время одинъ изъ религіозныхъ догматовъ у гебровъ или парсовъ въ Бомбеѣ.

ради того, чтобы у него родился сынъ Ормиздъ (Агурамазда), который создалъ бы и небо, и землю, и все, что въ нихъ заключается. Тысячу лѣтъ совершалъ онъ свои жертвоприношенія и, наконецъ, впалъ въ раздумье. Онъ говорилъ себѣ: „Помогутъ ли мнѣ приносимыя мною жертвы? Родится ли у меня сынъ Ормиздъ, или же всѣ труды мои окажутся тщетными?" Въ тотъ самый моментъ, когда онъ такъ разсуждалъ. Ормиздъ и Арменъ (Ангромаиніусъ) были зачаты во чревѣ ихъ матери: Ормиздъ—силою жертвы, Арменъ дѣйствіемъ сомнѣнія", Арменъ родился первымъ, и Зерванъ спросилъ его: „Кто ты!"—„Я сынъ твой", отвѣчалъ Арменъ. Зерванъ возразилъ ему: „Сынъ мой благоуханенъ и лучезаренъ, ты же мраченъ и смраденъ". Между тѣмъ, пока они разговаривали, пришло время родиться Ормизду, и онъ явился къ отцу, лучезарный и благоухающій, Зерванъ тотчасъ узналъ въ немъ своего сына Ормизда, ради котораго онъ приносилъ свои жертвы. Арменъ, по праву старшинства, получилъ девять тысячъ лѣтъ царствованія, „по прошествіи которыхъ должно наступить царствованіе Ормизда, который тогда будетъ дѣлать все, что захочетъ. Ормиздъ и Арменъ приступили къ творенію; все созданное первымъ было прекрасно и правильно, а все созданное вторымъ—дурно и превратно". Во всей этой системѣ, нисколько не разрѣшающей возбуждаемыхъ ею проблемъ, дуализмъ, въ томъ видѣ, какъ понимали его иранцы, существовалъ только по имени. Агурамазда уже не является въ ней существомъ, никѣмъ не сотвореннымъ, и самолично все создавшимъ, но лишь организаторомъ вселенной, существовавшей до него въ зародышѣ. Его борьба съ Ангромаиніусомъ, была борьбою двухъ равныхъ силъ, такъ хорошо уравновѣшанныхъ, что ни одна не могла взять верхъ надъ другой. Добро и зло, исходя изъ одной божественной сущности и различаясь видимымъ образомъ, только впродолженіи нѣсколькихъ вѣковъ, онѣ должны были снова возсоединиться въ томъ нейтральномъ существѣ, изъ котораго, когда-то произошли вмѣстѣ, со всѣми твореніями [1]).

Авеста, вмѣстѣ съ заключающимися въ ней доктринами, не была кодексомъ мидійскихъ царей и ахеменидовъ. „Это—скорѣе кодексъ очень замкнутой религіозной секты, нѣчто въ родѣ Талмуда,

[1]) Дж. Дармштетеръ, „Ormazd et Ahriman", стр. 326—327.

съ казуистическими узкими правилами. Съ трудомъ вѣрится, чтобы такая обширная монархія, какъ персидская, могла имѣть такое узкое законодательство" [1]). Священныя книги Ирана въ томъ видѣ, въ какомъ они дошли до насъ, были, вѣроятно, составлены въ эпоху сассанидовъ. Согласно одному очень древнему преданію, пареянскій царь Вологезъ I-й приказалъ собрать всѣ отдѣльные отрывки Авесты, не попавшіе въ руки Александра, и окончательное изданіе кодекса вышло при Сапорѣ II Анусирванѣ, въ серединѣ VI-го вѣка до нашей эры [2]). Сборникъ содержитъ въ себѣ очень древніе отрывки, написанные болѣе архаическимъ языкомъ чѣмъ другіе [3]), и многія высказанныя въ немъ идеи вытекаютъ изъ текстовъ, считавшихся каноническими еще во времена ахеменидовъ; но то немногое, что мы знаемъ отъ греческихъ историковъ относительно религіи мидянъ и персовъ, во многихъ чертахъ значительно разнится отъ принциповъ Авеста. Достовѣрно неизвѣстно, былъ ли тогда дуализмъ уже такъ опредѣленно выраженъ, какъ мы это видимъ въ книгахъ закона, и знали-ли цари-ахемениды о существованіи Ангромаиніуса. Обычай персидскихъ царей строить себѣ при жизни монументальныя гробницы, изъ которыхъ нѣкоторыя уцѣлѣли до нашихъ дней, доказываетъ, что погребеніе труповъ тогда не считалось еще святотатствомъ. Кажется, однако, что многія предписанія, не выполняемыя народомъ, соблюдались жреческой кастой маговъ, которые составляли одно изъ шести подраздѣленій мидійской націи [4]). Маги считали себя необходимыми посредниками между Богомъ и людьми. Въ ихъ отсутствіи нельзя было ни приносить жертвъ, ни совершать религіозныхъ церемоній [5]). Въ длинныхъ, бѣлыхъ одеждахъ, съ высокими тіарами на головѣ, со священными пучками тамариска въ рукахъ (баресма, барсомъ), безъ котораго не считался дѣйствительнымъ ни одинъ обрядъ [6]), они отправлялись процессіями къ алтарямъ, приготовляли жертвы, совершали возліянія и пѣли надъ жертвами таинственныя изрѣченія, сообщавшія

---

1) Э. Ренанъ. „Rapport sur les travaux de la Societé assatique, стр. 29.

2) Джемсъ Дармштетеръ, „The Zend-Avesta", т. I, стр. XXXIII—XXXVIII.

3) Таковы Гаты (Gâthas), приведенныя въ Іаснѣ и Вендидадѣ (Дж. Дармштетеръ „The Zend-Avesta", т. I, стр. LIII.

4) Геродотъ, I, CI.

5) Геродотъ, I, 138; Амміевъ Марцеллинъ, XXIII, 6.

6) Страбонъ, кн. XV, 3; „Вендидадъ" (Изд. Дармштетера, т. I, стр. 189 и слѣд.), „Farg.", XVIII, 1—6.

имъ все ихъ значеніе. Они утверждали, что обладаютъ сверхчеловѣческой способностью объяснять и передавать изреченія оракуловъ, предсказывать будущее. Классическіе авторы увѣряютъ, что подъ строгой внѣшностью маговъ, скрывались самые чудовищные пороки, что ими допускался, и даже лично практиковался самый ужасный видъ кровосмѣшенія, между сыномъ и матерью [1]). То, что намъ извѣстно объ ихъ жизни, по оригинальнымъ памятникамъ, не даетъ намъ возможности ни опровергнуть это утвержденіе, ни согласиться съ нимъ. Маги пользовались громаднымъ вліяніемъ, какъ на простой народъ, такъ и на привиллегированный классъ; поэтому было-бы нисколько не удивительно, еслибы обнаружилось, что они дѣйствительно злоупотребляли этимъ вліяніемъ и пользовались религіей для удовлетворенія своихъ страстей.

---

1) Свѣдѣнія эти позаимствованы у нѣкоторыхъ духовныхъ авторовъ, которые ссылаются при этомъ на Ксанеа Лидійскаго и Ктезія, двухъ писателей, не заслуживающихъ особеннаго довѣрія. Дж. Раулинсонъ („The five great Monarchies", II, стр. 351—353) находитъ это обвиненіе не достаточно обоснованнымъ.

ГЛАВА XII.

ВОСТОКЪ ВО ВРЕМЕНА МИДІЙСКОЙ МОНАРХІИ.

Мидійская монархія; Кіаксаръ; киммерійцы въ Азіи; паденіе Ниниви (608, 600?); Лидія.—26-я династія; Псаммитикъ I; Неко (Нехао) II; сраженіе при Гаргамишѣ.—Халдейская монархія и востокъ отъ сраженія при Гаргамишѣ до паденія мидійской монархіи.

Мидійская монархія; Кіаксаръ; киммерійцы въ Азіи; паденіе Ниниви (608, 600?); Лидія.

Преданія, собранныя Геродотомъ, называютъ преемникомъ Дейока нѣкоего Фраорта (Фраортеса) (655—633), имя котораго, Пиррувартисъ, носитъ мидійскій характеръ, но исторія котораго такъ же мало достовѣрна, какъ и исторія его предполагаемаго предшественника [1]). По одному преданію, сообщаемому Геродотомъ, онъ погибъ въ одной экспедиціи противъ Ниниви [2]). Престарѣлый Ассурбанипалъ или его преемникъ Ассуредилилани [3]) отправился навстрѣчу завоевателямъ и побѣдилъ ихъ. Фраортъ погибъ въ битвѣ, а сынъ его, Кіаксаръ, увелъ назадъ остатки своей арміи и, возвратившись въ Мидію, готовился къ новому нападенію на ассиріянъ [4]). Кіаксаръ (Кваксатра, Кастариту)

[1]) Сравн. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр. 383. Фр. Ленорманъ (Lettres assyriologiques“, 1-я серія, т. I, стр. 64—72) старается защищать достовѣрность разсказа Геродота. Делатръ (Le Peuple et l'empire des Mèdes“, стр. 167—175) тоже высказывается въ этомъ смыслѣ.

[2]) Геродотъ, CII.

[3]) Полная форма этого имени Ассуредилиланіукини.

[4]) Сравн. соч. Раулинсона „The five great Monarchies“, т. II, стр. 220; Herodotus, т. I, стр. 331—333.

былъ дѣйствительнымъ основателемъ великой мидійской монархіи. Наученный опытомъ, онъ задумалъ организовать свою армію по образцу ассирійскихъ войскъ. Онъ раздѣлилъ своихъ воиновъ на отдѣльные отряды копьеносцевъ, стрѣлковъ изъ лука и всадниковъ, до того времени сражавшихся въ перемежку. Онъ образовалъ регулярную армію [1]) и уже возобновилъ было войну съ Ассиріей, какъ вдругъ появленіе неожиданнаго врага помѣшало столкновенію соперничавшихъ державъ. Далеко къ сѣверу, за рѣками Арменіи и вершинами Кавказа, въ обширныхъ степяхъ европейскаго материка, жили дикія племена Гимирри, которыя были извѣстны грекамъ подъ слегка измѣненнымъ именемъ киммерійцевъ [2]).

Около половины VIII вѣка появленіе въ Европѣ новыхъ народностей принудило киммерійцевъ къ выселенію въ новыя мѣста. Сколоты, изгнанныя массагетами изъ долинъ Іаксарта, перешли черезъ Волгу, потомъ черезъ Донъ; нѣсколько киммерійскихъ родовъ пріютились въ Херсонесѣ Таврическомъ, гдѣ продержались довольно долго [3]); другія—переправились черезъ Дунай и Балканы, и, захвативъ съ собой нѣкоторыя ѳракійскія племена—треровъ и эдоновъ—перешли въ Азію [4]). Они быстро разсѣялись по Мизіи, Троадѣ, Виѳиніи и Пафлагоніи. Въ теченіе цѣлаго столѣтія они владѣли Антандросомъ [5]); Синопъ, гдѣ жители Милета пытались основать колонію, сдѣлался одной изъ ихъ столицъ 6), и весь полуостровъ сталъ, такимъ образомъ, добычей ихъ дикихъ ордъ. Фригійское царство не могло противостоять ихъ напору: послѣдній царь его, Мидасъ, сынъ Гордія, отравился бычачьей кровью, чтобы не попасть живымъ въ ихъ ру-

[1]) Геродотъ, I, CIII.

[2]) См. критику сказаній объ этомъ народѣ у Гельцера, „Das Zeitalter des Gyges“ въ „Rheinisches Museum“, т. XXX, стр. 250 и слѣд.; Фр. Ленорманъ („Les Origines de l'Histoire“, т. II, стр. 332—388) даетъ полное резюме всѣхъ имѣющихся свѣдѣній о киммерійцахъ.

[3]) Геродотъ, IV, XII.

[4]) По Геродоту (IV, XII), киммерійцы заняли побережье Понта Эвксинскаго и дошли до подошвы Кавказа, съ цѣлью утвердиться въ Пафлагоніи, около Синопа. Я согласенъ скорѣе съ мнѣніями новѣйшихъ историковъ, начиная съ Лабурэ; сравн. Мори, въ „Journal des Savants“, 1869, стр. 220 и слѣд.; Д'Арбуа де Жюбенвиль, „Les Premiers habitants de l'Europe“, стр. 158 и слѣд. Абель „Makedonien“, стр. 80 и т. д.

[5]) Аристотель, у Стефана Византійскаго, подъ слов. „Antandros“.

[6]) Скимнъ, V, 947; Геродотъ, IV, XII.

ки [1]). Лидійскій царь Гигесъ былъ убитъ въ сраженіи; Сарды были взяты и разграблены. Около 633-го года киммерійцы сожгли Магнезію Меандра, потомъ осадили Эфесъ. Ихъ привлекали богатства храма Артемиды; но богиня не допустила его разграбленія. Вождь ихъ Лигдамисъ пытался поджечь храмъ, но всѣ его усилія разбились объ отчаянное сопротивленіе жителей, вдохновляемыхъ пѣснями поэта Каллиноса [2]). Полчища, направившіяся къ востоку, не были такъ счастливы въ своихъ предпріятіяхъ: они встрѣтились съ ассирійскими войсками, первое столкновеніе съ которыми оказалось не въ ихъ пользу. Около 678 г. Асаргаддонъ встрѣтился въ Каппадокіи съ Теуспой, однимъ изъ Киммерійскихъ царей, и разбилъ его, послѣ чего Ассирія сдѣлалась для нихъ предметомъ почтительнаго страха [3]). Вторая попытка, произведенная 50 лѣтъ спустя, также окончилась неудачей: Лигдамисъ, тотъ самый, который нѣкогда былъ отраженъ отъ стѣнъ Эфеса, погибъ позорной смертью въ Киликіи [4]). Впрочемъ, киммерійцы все еще продолжали наводить страхъ на своихъ сосѣдей, пока вторженіе новыхъ народовъ, которое въ нѣсколько лѣтъ измѣнило общій видъ Азіи, не положило предѣлъ ихъ опустошеніямъ.

Если вѣрить Геродоту, скиѳы, изгнавшіе киммерійцевъ, бросились въ погоню за своими врагами и, направившись къ востоку отъ Кавказа, внезапно напали на Мидію. Появившись въ бассейнѣ Тигра, они встрѣтились здѣсь съ двумя арміями, стоявшими лицомъ къ лицу. Кіаксаръ, разбившій ассиріянъ, принудилъ ихъ царя запереться въ своей столицѣ, но при приближеніи новыхъ завоевателей, онъ снялъ осаду и устремился имъ на встрѣчу. На сторонѣ его войска было преимущество хорошаго вооруженія и дисциплины, но, несмотря на это, воины его были подавлены численнымъ превосходствомъ непріятеля. Мактіесъ, сынъ Прототіеса, вождя варваровъ, одержалъ побѣду и наложилъ на Кіаксара ежегодную дань. Такъ передаетъ намъ событія Геродотъ [5]); однако болѣе основательно было-бы предположить, что саки, покинувшіе свою родину — бассейнъ Оксуса — обо-

---

1) Страбонъ, I, III, 21.
2) Страбонъ, XIV, 1, 40; Евстафій, Комм. къ Одиссеѣ, XI, 14.
3) Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 340—341.
4) Страбонъ, I, III, 21.
5) Геродотъ, I, CIII; IV, XII.

гнули съ юга Каспійское море и напали на мидянъ съ тыла. Это былъ уже не первый ихъ набѣгъ: около столѣтія до того времени нѣкоторые ихъ отряды проникли въ Арменію и утвердились по Верхнему Араксу, въ провинціи, получившей отъ ихъ имени названіе Саказены [1]). Около 660 г. Асурбанипалъ настигъ ихъ тамъ и убилъ двоихъ изъ ихъ царей, Сарати и Парикію, сына Гога [2]). Нашествіе Мадіеса было самымъ продолжительнымъ и самымъ кровопролитнымъ изъ всѣхъ. Покоривъ Мидію, варвары бросились въ прибрежныя области Евфрата, Понта Эвксинскаго и Средиземнаго моря. Ассирія, которую они невольно спасли, первая пострадала отъ ихъ грабежей. Истощенная долгими войнами съ Эламомъ, Халдеей и Мидіей, она не имѣла уже силъ для обороны: она была опустошена вся цѣликомъ и, если Ниневія при этомъ уцѣлѣла, то зато другіе большіе города, — Калахъ, Ассуръ, — были сожжены и въ конецъ разграблены. Подобно гуннамъ, свирѣпствовавшимъ десять вѣковъ спустя, Саки не щадили ни возраста, ни пола. Они уничтожали жатвы, убивали или уводили скотъ, жгли деревни только изъ одного удовольствія разрушать и устрашать; жители, не успѣвшіе скрыться въ горахъ или запереться въ крѣпостяхъ, были убиты или уведены въ рабство. Слишкомъ неопытные въ военномъ искусствѣ, чтобы вести правильную осаду крѣпостей, они обыкновенно оставляли ихъ въ покоѣ, обложивъ легкою данью. Если же богатства, хранившіяся въ городѣ, давали имъ надежду на большую добычу, то они блокировали городъ до тѣхъ поръ, пока голодъ не заставлялъ жителей сдаться. Многіе древніе города, вмѣщавшіе сокровища предыдущихъ поколѣній, были преданы огню и мечу; не мало плодородныхъ и населенныхъ мѣстностей были разорены и опустошены. Царство Урарти было стерто съ лица земли среди этого хаоса. Мусхи и табалы, въ теченіе восьми вѣковъ съ успѣхомъ сопротивлявшіеся ассирійскому оружію, спаслись лишь въ небольшомъ количествѣ. „Тамъ Мешехъ и Ѳувалъ со всѣмъ множествомъ своимъ; вокругъ его гробы ихъ, всѣ необрѣзанные, пораженные мечемъ, потому что они распро-

---

1) Страбонъ, XI, VIII, 4. Σάκαι... τὴν Βακτριάνην κατέσχον καὶ τῆς Αρμενιας κατεκτήσαντο τὴν ἀρίστην γῆν, ἣν και επώνυμον ἑαυτῶν κατέλιπον τὴν Σακασηνήν.
2) Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichtsforschung", стр. 159, примѣч.: Фр. Деличъ, „Wo lag das Paradies?", стр. 247; Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 461 и слѣд.

страняли ужасъ на землѣ живыхъ. Не должны ли и они лежать съ падшими героями необрѣзанными, которые съ воинскимъ оружіемъ своимъ сошли въ преисподнюю, и мечи свои положили себѣ подъ головы [1], и осталось беззаконіе ихъ на костяхъ ихъ, потому что они, какъ сильные, были ужасомъ на землѣ живыхъ" [2]).

Остатки ихъ были оттѣснены къ сѣверу, въ горы Понта Эвксинскаго, гдѣ въ позднѣйшія времена потомки ихъ были извѣстны грекамъ подъ именами московъ и табареновъ [3]). Не смотря на нѣкоторые отдѣльные случаи успѣха, какъ напримѣръ, при Зелѣ [4]), киммерійцевъ постигла та же участь, что и ихъ сосѣдей. Ихъ царь Кобосъ, подвиги котораго древнія преданія ставили наравнѣ съ подвигами Сезостриса, былъ побѣжденъ Мадіэсомъ [5]). Киммерійцы, вошедшіе въ составъ скиѳскихъ ордъ, сдѣлались съ этихъ поръ соучастниками ихъ набѣговъ, и цивилизованные народы Азіи, съ давнихъ поръ привыкшіе бояться ихъ, примѣняли ихъ названіе къ скиѳамъ; такъ напримѣръ, въ Вавилонѣ саки были извѣстны подъ именемъ гимирраи [6]). Скиѳы и киммерійцы переходили изъ одной провинціи въ другую: изъ Мессопотаміи въ сѣверную Сирію и Финикію, изъ сѣверной Сиріи въ Дамаскъ и Палестину [7]). Въ Іерусалимѣ тогда царствовалъ Іосія, и пророки увидали въ нашествіи этихъ еще неизвѣстныхъ непріятелей новое предостереженіе Всевышняго". „Вотъ я", говоритъ пророкъ Іеремія около 626-го года, „приведу на васъ, домъ Израилева, народъ издалека! Народъ сильный, народъ древній, народъ, котораго языка ты не знаешь, и не будешь понимать, что онъ говоритъ. Колчанъ его, какъ открытый гробъ; всѣ они люди храбрые. И съѣдятъ они жатву твою и хлѣбъ твой, съѣдятъ сыновей твоихъ и дочерей твоихъ, съѣдятъ овецъ твоихъ и воловъ твоихъ, съѣдятъ виноградъ твой и смоквы твои; разрушатъ мечемъ укрѣпленные города твои, на которые ты надѣешься" [1]).

Весьма вѣроятно, что горы защитили Іудею отъ нападенія; но впечатлѣніе ужаса было настолько сильно, что не изгладилось даже сорокъ лѣтъ спустя и вдохновило пророка Іезекіиля въ наиболѣе энергичныхъ его воззваніяхъ: „Вотъ я на тебя, Гогъ, князь Роша [2]), Мешеха и Ѳувала! Я выведу тебя и все войско твое, коней и всадниковъ, всѣхъ въ полномъ вооруженіи, большое полчище въ броняхъ и со щитами, всѣхъ вооруженныхъ мечами... Гомера со всѣми отрядами его, домъ Ѳогарма, отъ предѣловъ сѣвера, со всѣми отрядами его, многіе народы съ тобою!.. И поднимешься, какъ буря и пойдешь, какъ туча, чтобы покрыть землю, ты и всѣ полчища твои и многіе народы съ тобою" [3]).

Волна нашествій остановилась у границъ Египта: Псамитикъ I побудилъ скиѳовъ удалиться при помощи богатыхъ подарковъ. Возвращаясь назадъ, они разграбили страну филистимлянъ. „Газа будетъ покинута и Аскалонъ опустѣетъ, Азотъ будетъ выгнанъ среди дня, и Екронъ искоренится. Горе жителямъ приморской страны, народу Критскому!.. И будетъ приморская страна пастушьимъ овчарникомъ и загономъ для скота" [4]). Орды варваровъ ограбили по дорогѣ храмъ богини Деркето, около Аскалона. Но, начиная съ этого времени, ихъ могущество стало клониться къ упадку, и слѣдующія поколѣнія видѣли въ своихъ неудачахъ мщеніе богини, святилище которой они оскорбили [5]). Нѣтъ, однако, никакой необходимости искать сверхъестественныхъ причинъ для объясненія ихъ слабости. Вовлекаемые ежегодно въ новыя войны, они съ трудомъ заполняли опустошенія, которыя всякая побѣда производила въ рядахъ ихъ войскъ; всевозможныя излишества уносили ихъ въ могилу; число ихъ значительно уменьшалось, и государство ихъ исчезло также быстро, какъ и возникло. Намъ неизвѣстно въ точности, какая участь постигла ихъ въ

1) Это, безъ сомнѣнія, означаетъ, что табалы потерпѣли полное пораженіе и не были въ состояніи дать своимъ воинамъ, павшимъ на полѣ битвы, приличнаго погребенія—съ мечемъ подъ головой и во всеоружіи.

2) Іезекіиль, XXXII, 26—27.

3) Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 458—461.

4) Страбонъ, XI, I; VIII, 4, гдѣ пораженіе саковъ приписывается персамъ.

5) Страбонъ, I, III, 21.

6) Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichtsforchung", стр. 150; Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 453 и слѣд.

7) Геродотъ, I, CV; Юстинъ, II, 3.

1) Іеремія, V, 15 и слѣд.

2) Сравн. Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 454 и слѣд., гдѣ страна Рошъ (Росъ) отождествлена съ страной Раси клинообразныхъ надписей.

3) Іезекіиль, XXVIII, 1—9.

4) Софонія, II, 4—6.

5) Геродотъ, I, CV; по утвержденію Трога Помпея (Юстинъ, II, 3, 14), только болота остановили киммерійцевъ.

Сиріи и Малой Азіи; по преданіямъ, мидійцы нанесли имъ смертельный ударъ.

Геродотъ разсказываетъ [1]), что Кіаксаръ пригласилъ начальника скиѳовъ и его главныхъ офицеровъ на большой пиръ; напоивъ ихъ, онъ всѣхъ ихъ убилъ и на другой же день выступилъ противъ скиѳовъ. Не смотря на измѣну, лишившую ихъ военачальниковъ, орды варваровъ храбро выдерживали натискъ; онѣ были изгнаны только послѣ долгой и кровопролитной войны, подробностей которой преданіе намъ не сохранило. Ктезій Книдскій, по своему обыкновенію, расписалъ на этомъ фонѣ всевозможныя удивительныя и романическія приключенія. Скиѳы, соединившись съ парѳянами, говоритъ онъ, находились подъ предводительствомъ царицы Заринеи. Она нѣсколько разъ разбила мидійцевъ и наконецъ заключила съ ними миръ на равныхъ условіяхъ, послѣ чего удалилась въ свою столицу, Роксанаке, гдѣ и умерла [2]). Единственнымъ достовѣрнымъ фактомъ является изгнаніе скиѳовъ изъ Мидіи Кіаксаромъ; но дальнѣйшія ихъ судьбы — никому неизвѣстны. Геродотъ утверждаетъ, что они возвратились въ Европу черезъ Кавказъ [3]) и господствовали въ Азіи 28 лѣтъ, считая отъ первой ихъ побѣды до возстанія мидійцевъ [4]). Необходимо сильно уменьшить это число, такъ какъ господство ихъ продолжалось не болѣе 7—8 лѣтъ, съ 634 по 627 г. [5]).

Этого короткаго промежутка времени оказалось совершенно достаточно, чтобы измѣнить политическую карту Азіи. Прежнія государства, которыя до тѣхъ поръ играли первенствующую роль въ исторіи, были перевернуты вверхъ дномъ или даже вовсе разрушены. Ассирія, столь могущественная еще при Ассурбанипалѣ, безуспѣшно пыталась подняться при его сынѣ Ассуредилилани. На развалинахъ великолѣпныхъ дворцовъ, нѣкогда воздвигнутыхъ въ Калахѣ предками послѣдняго, этотъ царь на-скоро выстроилъ себѣ нѣчто въ родѣ дома, грубо устроеннаго и еще

[1]) Геродотъ, I, CV.

[2]) Діодоръ, II, 34, по Ктезію Книдскому (сравн. Ктезіи, „Médica“, стр. 26—27, изд. Мюллеръ, стр. 44—45); Николай Дамасскій, стр. 12, въ „Fragm. H. Graec.“, т. III, стр. 364—365; „Anonymus de claris mulieribus“, § 2.

[3]) Геродотъ, IV, 1.

[4]) Геродотъ, I, CVI.

[5]) Ф. де Соси (Saulcy), „Chronologie des empires de Ninive, de Babylone et d'Ecbatane“, стр. 69; Фр. Ленорманъ, „Lettres assyriologiques“, 1-я серія, т. I, стр. 74—83.

грубѣе украшеннаго. Домъ этотъ состоялъ изъ нѣсколькихъ маленькихъ комнатъ, голыя кирпичныя стѣны которыхъ были обложены снизу, на высотѣ одного метра, известковыми, почти не обтесанными плитками, безъ рѣзьбы и надписей, а выше покрыты плохой гипсовой штукатуркой [1]). Возмущеніе провинцій окончательно истощило тѣ немногія средства, которыя оставались у ассиріянъ послѣ нашествія варваровъ. Едва умеръ престарѣлый Ассурбанипалъ (626 г.), какъ его преемникъ Ассуредилилани получилъ свѣдѣнія, что огромная, неизвѣстно откуда взявшаяся армія угрожаетъ приморскимъ округамъ Халдеи. Онъ тотчасъ же послалъ въ Вавилонъ своего полководца Набупалуссури съ необходимыми силами для отраженія непріятеля. Но вмѣсто того, чтобы исполнить свою обязанность, Набупалуссуръ объявилъ себя царемъ Вавилона (625) [2]) и предложилъ Кіаксару заключить съ нимъ оборонительный и наступательный союзъ. Мидійскій царь согласился и, какъ говорятъ, скрѣпилъ этотъ договоръ посредствомъ брака своей дочери, Амитисъ, съ Набукудуруссуромъ, сыномъ своего новаго друга. Ассирія, осажденная съ обѣихъ своихъ границъ, западной и южной, храбро защищалась въ продолженіи почти двадцати лѣтъ. Намъ неизвѣстно когда, какою смертью умеръ Ассуредилилани; развязка борьбы наступила только въ царствованіе Ассурахиддина II-го, Саракоса классическихъ преданій. По недавно открытымъ документамъ, царь этотъ велъ войну съ Кастариту (Кіаксаромъ), царемъ города Карукасси [3]) и Мидіи. Кастариту созвалъ своихъ вассаловъ и, ставъ во главѣ ихъ войскъ, вторгся въ самую Ассирію. Ассурахиддинъ обратился къ богу Самасу за помощью своему народу и, передъ выступленіемъ въ походъ, издалъ воззваніе, которымъ предписывалось провести 100 дней и сто ночей, съ 3-го ижара до 15-го ава, въ общихъ молитвахъ. „Кастариту и воины его съ воинами киммерійцевъ, мидянъ, маннаевъ и другихъ племенъ двигались, подобно наводненію, въ постоянно возрастающемъ количествѣ“. Они по-

[1]) Леардъ, „Nineveh and Babylon“, стр. 655.

[2]) Абиденій „Fragm.“, 17 (у Евсевія, „Chron Con.“, 1, гл. 9).

[3]) Названіе одного изъ округовъ Мидіи, положеніе котораго до сихъ поръ неизвѣстно. Галеви предполагаетъ, что оно является видоизмѣненіемъ имени Каркатіосерти и что „Кастариту“ есть личность армянскаго племени, не имѣющая ничего общаго съ Кіаксаромъ. Его мнѣніе раздѣляетъ Делаттръ (Le Peuple et l'empire des Mèdes“, стр. 122—125), который относитъ всѣ эти событія къ царствованію Асаргаддона.

корили города Киссасутаи, Картамъ, Киссасу и всѣ прилегавшія къ нимъ поселенія „съ помощью военныхъ орудій, или посредствомъ голода и измѣны“ [1]). Напрасно Ассурахиддинъ призывалъ на помощь боговъ Ассиріи: они оставались глухи къ его призыву, такъ какъ и для нихъ настало время испытать ту же участь, которую они такъ часто заставляли претерпѣвать боговъ другихъ народовъ. „Вотъ Я на тебя, говоритъ Господь Саваоѳъ! и сожгу въ дыму колесницы твои, и мечъ пожретъ львенковъ твоихъ, и истреблю съ земли добычу твою, и не будетъ болѣе слышимъ голосъ пословъ твоихъ“ [2]). „И ты будешь искать защиты отъ непріятеля. Всѣ укрѣпленія твои подобны смоковницѣ со спѣлыми плодами; если тряхнуть ихъ, то упадутъ прямо въ ротъ желающаго ѣсть. Вотъ, и народъ твой какъ женщины у тебя; врагамъ твоимъ настежъ отворятся ворота земли твоей; огонь пожретъ запоры твои“ [3]).

Ассурахиддинъ, послѣ того какъ судьба измѣнила ему въ битвѣ, заперся въ стѣнахъ Нинивіи и по мѣрѣ силъ сопротивлялся непріятелю; наконецъ, не желая живымъ попасть въ руки враговъ, онъ предпочелъ добровольно сжечь себя [4]) (608, 600?).

Съ разрушеніемъ Нинивіи пала и Ассирія: спустя нѣсколько лѣтъ память о ней перешла уже въ область легендъ, а менѣе чѣмъ черезъ два вѣка, не было даже достовѣрно извѣстно мѣстоположеніе ея бывшей столицы. Конечно, и другіе великіе народы Востока,—египтяне и халдеи,—тоже не щадили побѣжденныхъ во дни своей славы; фараоны ѳиванскихъ династій повергли Африку и Азію къ своимъ стопамъ и уводили въ рабство цѣлые народы. Но, по крайней мѣрѣ, рядомъ съ жестокими поступками, они совершали дѣло цивилизаціи. Изъ Египта и Халдеи вышли искусства и науки древности; Египетъ и Халдея дали намъ первыя положительныя свѣдѣнія по астрономіи, медицинѣ, геометріи, физикѣ и естественнымъ наукамъ; если памятники Халдеи погибли безвозвратно, то египетскіе все еще существуютъ и служатъ доказательствомъ того, до какой высокой степени совершенства дошли эти первенцы человѣчества въ архитектурѣ. Что же касается Ассиріи, то она ничѣмъ не можетъ похвалиться, кромѣ завоеваній; все остальное было ею позаимствовано у сосѣдей. Она позаимствовала свои науки у Халдеи, свои искусства — тоже у Халдеи и отчасти у Египта, письменность у Халдеи, научную и религіозную литературу — у Халдеи; единственными неотъемлемыми особенностями ея были — звѣрство ея военачальниковъ и храбрость солдатъ. Съ перваго дня своего появленія на исторической аренѣ Ассирія жила только для войны и завоеваній; съ того момента, какъ истощенное населеніе ея потеряло возможность одерживать побѣды на полѣ сраженія, для нея былъ утраченъ всякій смыслъ существованія и она исчезла изъ исторіи [1]). Кіаксаръ завладѣлъ самой Ассиріей и всѣми непосредственно связанными съ нею областями. Набупалуссуръ присоединилъ къ господству надъ Вавилономъ верховную власть надъ Месопотаміей, Сиріей и Палестиной. Онъ приписывалъ себѣ господство по ту сторону перешейка и считалъ египетскихъ царей вассалами Халдеи, подобно тому, какъ они, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, зависѣли отъ Нинивіи [2]). Два большихъ государства одновременно вышли изъ-подъ развалинъ; халдейское— въ той части земного шара, которой до сихъ поръ ограничивалась исторія цивилизованнаго Востока, и мидійское въ почти неизвѣстныхъ до того времени странахъ сѣвера и востока, среди народовъ, только что появившихся въ исторіи. Вслѣдствіе-ли взаимной снисходительности или взаимнаго страха, государства

[1]) См. Боскавенъ, „Babylonien dated tablets“ въ „Transactions of the Society of B. Archaeology“, т. VI, стр. 21—22; Сейсъ (Sayce), „Babylonien Literature“, стр. 78-82 и „Fresh Light from the Aucient Monuments“, стр. 132, 136; Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichtsforschung“, стр. 518 и слѣд; Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'histoire“, т. II, стр. 350 и слѣд.

[2]) Наумъ, II, 13.

[3]) Наумъ, III, 13.

[4]) Діодоръ, II, 23-28, по Ктезію Книдскому; Абиденій у Евсевія (Cron. Con.“, часть I, глава 9); Полигисторъ, тамъ же (часть I, гл. 5).

[1]) Вотъ таблица династіи Саргонидовъ, насколько оказалось возможнымъ возстановить ее:

Сарукинъ (721—704) (Саргонъ II).
Синахеирба (704—680) (Сеннахерибъ).
Ассурахеиддинъ I (680—667) (Есаргаддонъ).
Ассурбанипалъ (667-626) (Сарбанапалъ).
Ассуредилилани (626—?).
Ассурахеиддинъ III (?—608, 600) (Саракосъ).

[2]) Указанія на эти притязанія мы находимъ въ отрывкахъ изъ Бероза, въ которыхъ египетскіе цари названы *сатрапами*, ὁ τεταγμένος σατράπης ἐν τῇ Αἰγύπτῳ... (отрыв. 14, у Мюллера, „Fragm. H. Graec“, т. II, стр. 506).

эти уважали другъ друга, избѣгали столкновеній и согласіе ихъ обезпечивало всеобщій миръ впродолженіе болѣе чѣмъ полустолѣтія.

Кіаксаръ, побѣдитель Нинивіи, не ограничился своимъ первымъ успѣхомъ. Алародійцы, на половину разоренные скиѳами, не оказали ему особеннаго сопротивленія, равно какъ и потомки мусховъ и табаловъ, такъ что вскорѣ онъ безъ труда проникъ въ самый центръ Малой Азіи. Здѣсь онъ встрѣтилъ только одинъ народъ, могущій остановить его наступательное движеніе, именно, мидійцевъ. Со времени переселенія турсовъ и „приморскихъ народовъ", въ Лидіи дважды перемѣнилась царствующая династія. Согласно лидійскимъ національнымъ преданіямъ, династія Атіадовъ была замѣнена на престолѣ династіей Гераклидовъ, миѳическій основатель которой, Агронъ, обладалъ еще болѣе миѳической геніалогіей. При посредствѣ Алкея, Бела и Нина онъ велъ свое происхожденіе отъ Геркулеса и одной рабыни Іарданосъ. Не слѣдуетъ-ли видѣть въ ассирійскихъ именахъ Бела и Нина слѣдовъ хетійскаго владычества? [1]). Всѣхъ царственныхъ преемниковъ у Агрона было двадцать одинъ; при этомъ каждый изъ нихъ былъ сыномъ своего предшественника, и всѣ царствованія ихъ составляютъ въ общемъ промежутокъ времени въ 500 лѣтъ [2]). Имена большинства изъ нихъ утеряны; всѣ же разсказы, связанные съ сохранившимися именами этихъ царей, носятъ совершенно легендарный характеръ. Такъ, о Камблесѣ разсказываютъ, что его мучилъ такой сильный голодъ, что однажды ночью, во время сна, онъ съѣлъ царицу [3]); о женѣ Мелеса сохранился разсказъ, что она родила льва [4]). Что же касается разсказа о походѣ въ Палестину одного лидійскаго военачальника, который будто бы основалъ городъ Аскалонъ въ царствованіе Алкимоса [5]), то очень возможно, что преданіе это представляетъ смутное воспоминаніе о тирренскихъ переселеніяхъ, и доказываетъ, что еще долго спустя послѣ эпохи приморскихъ народовъ, лидійцы совершали экскурсіи къ берегамъ Египта и Сиріи. Около 700 года [1]) династія Гераклидовъ была въ свою очередь свергнута съ престола.

---

[1]) Сейсъ „The Ancient Empires of the East", т. I, стр. 427.

[2]) Геродотъ, I, VII.

[3]) Атеней, X, 8, вѣроятно, по Ксанѳу Лидійскому („Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 38 — 39); сравн. Николай Дамасскій („Fragm. H. Graec., т. III, стр. 372).

[4]) Геродотъ, I, LXXXIV.

[5]) Ксанѳъ (Fragm. Graec., т. I, стр. 43) и Николай Дамасскій (Fragm. H. Graec., т. III, стр. 372) у Стефана Византійскаго, подъ слов. Ἀσκάλων.

Подобно странѣ табаловъ и мусховъ Лидія была настоящимъ феодальнымъ государствомъ. За царемъ, резиденціей котораго былъ городъ Сарды, слѣдовала цѣлая іерархія крупныхъ вассаловъ и владѣтельныхъ князей, по большей части родственниковъ царствующей династіи, одаренныхъ особыми привиллегіями. Города Тіессосъ, Келены, Даскиліонъ, Тирра были резиденціями нѣсколькихъ младшихъ династій, которыя своими притязаніями и постоянными возмущеніями значительно ослабляли власть своего верховнаго повелителя. Въ теченіе почти цѣлаго столѣтія Гераклиды пользовались уже властью только по имени: двѣ фамиліи царской крови, Тилониды и Мермнады оспаривали другъ у друга титулъ царскаго соправителя, предоставлявшій въ распоряженіе титулованнаго имъ лица всѣ наличныя силы государства. Нѣкто Гигесъ, первый изъ Мермнадовъ, имя котораго намъ извѣстно, былъ возведенъ въ этотъ санъ престарѣлымъ Кадисомъ, послѣ чего званіе царскаго соправителя перешло по наслѣдству и къ его сыну во время царствованія Ардиса. Заговоръ, во главѣ котораго стоялъ Аліаттесъ, наслѣдникъ престола, на нѣкоторое время замѣнилъ вліяніе мермнадовъ вліяніемъ тилонидовъ. Садіаттесъ, послѣдній изъ династіи Гераклидовъ, желая, вѣроятно, удовлетворить желаніямъ враждующихъ фамилій, раздѣлилъ между ними наиболѣе почетныя должности. Такъ, одинъ изъ Тилонидовъ былъ сдѣланъ царскимъ соправителемъ, а потому и хранителемъ обоюдоостраго топора, символа высшей власти, а Гигесъ, князь Тирры, исполнялъ обязанности главнаго гофмейстера. Недовольный своей участью. послѣдній произвелъ открытое возстаніе, убилъ Садіаттеса и захватилъ корону [2]). Его исторія послу-

---

[1]) По обыкновенной хронологіи—въ 724. Ассирійскіе памятники доказываютъ, что Гигесъ былъ живъ еще между 666 и 660 гг. и это заставляетъ насъ уменьшить число 724 до 700.

[2]) Главнѣйшія черты этой исторіи позаимствованы у Николая Дамасскаго (Fragm. H. Graecorum, т. III, стр. 380—386), который въ свою очередь взялъ ее, вѣроятно, у Ксанѳа Лидійскаго. Гельцеръ въ своемъ сочиненіи „Das Zeitalter des Gyges" (Rheinisches Museum", т. XXXV, стр. 518—528) возстановилъ послѣдовательный ходъ событій съ большой степенью вѣроятности, что заставило меня воспроизвести здѣсь именно его разсказъ.

жила впослѣдствіи для грековъ неистощимой темой для романическихъ разсказовъ, надъ которыми они безпрепятственно изнуряли свою фантазію. Гигесъ былъ, въ ихъ изображеніи, уже не вассаломъ, возведеннымъ на престолъ при помощи восторжествовавшаго народнаго возмущенія; они приписывали ему самое низменное происхожденіе и разсказывали о немъ слѣдующее. Карійцы пользовались въ то время привиллегіей снабжать полчища восточныхъ государей своими прекрасно дисциплинированными солдатами. Тѣснимые греческими колонистами, они охотно покидали свое отечество и отправлялись искать счастья въ другія страны — въ Египетъ, Финикію, а также въ Лидію, гдѣ они составляли царскую гвардію и гдѣ вожди ихъ пользовались значительнымъ вліяніемъ. Гигесъ, сынъ Даскилеса, былъ предводителемъ такого отряда карійскихъ авантюристовъ и находился на лидійской службѣ; мало-по-малу онъ захватилъ въ свои руки всѣ прерогативы царской власти, а затѣмъ, съ согласія царицы, убилъ Кандавла, послѣдняго потомка Гераклидовъ. Уже Геродотъ передавалъ разсказъ, позаимствованный имъ у поэта Архилока, что Кандавлъ, влюбленный до безумія въ свою красавицу жену, показалъ ее обнаженною Гигесу; царица, оскорбленная такимъ поступкомъ мужа, заставила царскаго любимца убить своего господина, послѣ чего отдала ему руку и корону [1]).

Разсказъ Платона еще удивительнѣе. Однажды, послѣ страшной грозы, одинъ пастухъ лидійскаго царя замѣтилъ расщелину въ землѣ и спустился въ нее. Онъ нашелъ тамъ большую полуразбитую мѣдную лошадь, а внутри ея трупъ великана съ золотымъ кольцомъ на пальцѣ. Замѣтивъ, что кольцо обладаетъ способностью дѣлать его невидимымъ, онъ захватилъ его и отправился ко двору искать счастья; при помощи волшебнаго кольца ему удалось соблазнить царицу, убить царя и занять мѣсто на престолѣ [2]). Согласно третьей легендѣ, Гигесъ убилъ царя и взошелъ на престолъ, исполняя предсказаніе оракула. Когда Тридо, дочь мизійскаго царя, была еще невѣстой царя Лидіи, два гигантскихъ орла спустились на крышу ея спальни, и гадатели заключили изъ этого предзнаменованія, что царевна

---

[1]) Геродотъ, I, VIII—XIII. См. критическое изслѣдованіе этой легенды у Гельцера, „Das Zeitalter des Gyges“, („Rh. Museum“, т. XXXV, стр. 515—518).

[2]) Платонъ, „Республика“, II, 3.

въ одну ночь сдѣлается женой двухъ царей: дѣйствительно, въ ночь послѣ царской свадьбы, Гигесъ убилъ Садіаттеса и тотчасъ же женился на царицѣ [1]). Перемѣна династіи произошла не безъ борьбы. Приверженцы Гераклидовъ взялись за оружіе и приготовились защищать права своихъ законныхъ государей. Гигесъ, опиравшійся на карійскихъ наемниковъ, предпочелъ обратиться за рѣшеніемъ къ Аполлону Дельфійскому, и предсказаніе оракула было для него благопріятно. „Какъ только онъ утвердился на престолѣ, онъ тотчасъ же послалъ въ Дельфы цѣнные подарки, примѣромъ которыхъ могутъ служить серебряныя вещи, принесенныя имъ въ даръ святилищу. Кромѣ серебра, онъ пожертвовалъ также большое количество золотыхъ сосудовъ, самыми замѣчательными изъ которыхъ были 6 кубковъ, вѣсомъ каждый въ 30 талантовъ, находящіеся въ коринѳскомъ хранилищѣ сокровищъ“ [2]).

Воцареніе Мермнадовъ было для Лидіи началомъ новой эры. Эта густо населенная и богатая лошадьми страна всегда отличалась храбростью и воинственнымъ духомъ своего населенія, но Гераклиды не съумѣли воспользоваться тѣми средствами, которыя могли имъ послужить для завоеваній. Гигесу не трудно было пробудить воинственныя наклонности лидійскаго народа. Сарды были построены на скалѣ, обладавшей съ трехъ сторонъ необыкновенно крутыми склонами, такъ что городъ, по самому положенію своему, являлся совершенно неприступнымъ. Гигесъ превратилъ его въ настоящій укрѣпленный лагерь, въ которомъ конница его отдыхала по зимамъ и откуда она каждую весну отправлялась на поиски за новыми приключеніями. Намъ ничего неизвѣстно о его побѣдахъ внутри страны, если не считать присоединенія къ лидійской монархіи нѣсколькихъ округовъ Фригіи [3]), что было, впрочемъ, самымъ незначительнымъ результатомъ его дѣятельности. Самымъ важнымъ дѣломъ онъ считалъ для себя проложеніе пути къ морю. Греческія колоніи, какъ эолійскія, такъ и дорійскія, преграждали путь къ устьямъ рѣкъ, орошавшихъ Лидію: Смирна и Фокея загораживали долину Гермоса и отрѣзывали Сарды отъ моря; Колофонъ заграждалъ входъ въ

---

[1]) Николай Дамасскій, у Мюллера, „Fragm. Hist. Graec“, т. III, стр. 380—386.

[2]) Геродотъ, I, XIII—XIV.

[3]) Страбонъ, кн. XIII, I, 22.

Кайстросъ, а Милетъ—въ Меандръ. Гигесъ началъ съ того, что завладѣлъ на югѣ карійскимъ берегомъ, а на сѣверѣ—Троадой [1]) и Мизіей, начиная отъ Адрамиттіонскаго залива до Риндака включительно. Сначала греки помогали ему въ его предпріятіяхъ; жители Милета даже дѣйствовали съ нимъ заодно при основаніи имъ колоніи Абидосъ на Геллеспонтѣ [2]). Но интересы ихъ были слишкомъ различны, чтобы согласіе могло долго оставаться ненарушимымъ. Между Лидіей и Іоніей вспыхнула война, продолжавшаяся безпрерывно цѣлыя полтора столѣтія, причемъ лидійская конница, вторгаясь въ предѣлы греческихъ поселеній, жгла сады, разрушала города, грабила храмы. Гигесу, послѣ безуспѣшной осады Милета и Смирны, удалось взять Колофонъ [3]). Здѣсь легенда опять примѣшивается къ исторіи, чтобы увеличить престижъ Гигеса и объяснить его успѣхи необыкновенными причинами. Преданіе говоритъ, что у него былъ любимецъ, молодой человѣкъ чудной красоты, по имени Магнесъ, котораго жители Магнезіи обезобразили до неузнаваемости; въ возмездіе за этотъ поступокъ Гигесъ осадилъ ихъ городъ и удалился только послѣ того, когда ему удалось жестоко наказать его обитателей [4]). Но ничто не доказываетъ, чтобы лидійскому царю когда-нибудь принадлежали другіе греческіе города, кромѣ Колофона. Не смотря на это, политика Гигеса дала самые благопріятные результаты для его династіи. До того времени Лидія была чисто восточнымъ государствомъ и играла самую скромную роль въ общемъ ходѣ всемірной исторіи. Гигесъ извлекъ ее изъ той среды, въ которой она находилась, и ввелъ ее въ кругъ эллинскихъ государствъ. Іонійская культура проникла ко двору Мермандовъ и мало-по-малу сгладила слѣды предшествующихъ вліяній—хетійскаго и ассирійскаго.

Въ древности неоднократно возбуждался вопросъ, — кто изобрѣлъ монету: Фидонъ-ли Аргосскій или лидійскіе цари? [5]) новая исторія разрѣшила этотъ вопросъ въ пользу послѣднихъ [1]). Наиболѣе цивилизованные народы,—египтяне, ассиріяне, хетійцы, финикіяне, — способствовали съ одной стороны постоянному обмѣну различными произведеніями между жителями одного и того же города, съ другой стороны — операціямъ международной торговли. Рынки были мѣстомъ взаимнаго обмѣна, какъ предметами необходимости, такъ и предметами роскоши. На одномъ изъ памятниковъ мемфисской эпохи мы встрѣчаемъ изображеніе женщинъ, пріобрѣтающихъ на рынкѣ обувь, овощи, ликеры, на ряду съ опахалами, стеклянными ожерельями и другимъ мелочнымъ товаромъ. Но въ то время было уже извѣстно, что благородные металлы — золото, серебро, а изъ простыхъ металловъ мѣдь,— могутъ служить наиболѣе удобными предметами для мѣновыхъ операцій. Сначала металлы употребляли для этого въ необдѣланномъ видѣ, въ видѣ порошка или кусковъ неправильной формы, но вскорѣ научились придавать этимъ кускамъ правильныя очертанія, сплавлять ихъ въ слитки различной величины, сообразно съ мѣрами вѣса, принятыми каждымъ народомъ, наконецъ, придавать слиткамъ возможно меньшіе размѣры ради удобства обмѣна ихъ на минимальныя цѣнности, необходимо встрѣчающіяся въ жизненномъ обиходѣ. Эти слитки не снабжались первоначально никакими оффиціальными отмѣтками, удостовѣряющими точность ихъ вѣса и чистоту сплава; это былъ просто товаръ, качество котораго надо было провѣрять, а количество опредѣлять каждый разъ съ помощью вѣсовъ, какъ только слитокъ переходитъ изъ рукъ въ руки. Лидійскіе цари, и первый изъ нихъ Гигесъ [2]), придумали снабжать эти слитки опредѣленнымъ клеймомъ, которое обезпечивало бы ихъ обращеніе на законномъ основаніи. Металлъ, избранный ими для этой цѣли былъ не серебро, и не чистое золото, но природный сплавъ того и другого, называвшійся въ древности электрумъ и добывающійся въ промывной рудѣ Пактола или въ кварцовыхъ рудныхъ жилахъ Тимолоса и Сипилоса [3]).

---

1) Страбонъ, кн. XIII, I, 22; XIV, I, 6.

2) Страбонъ, I, XIII, 2.

3) Геродотъ, I, XIV.

4) Николай Дамасскій, въ „Fragm. H. Graec., т. III, стр. 395, вѣроятно по Ксанѳу Лидійскому („Frgam. H. Graec.“, т. I, стр. 40). Сравн. съ Свидасомъ, подъ слов. Μάγνης, гдѣ рѣчь идетъ о поэтѣ Магнесѣ изъ Смирны.

5) Пплуксъ, IX, 83.

---

1) Раулинсонъ. „On the invention of coining and the carliest Specimens of Coined Money“ въ его „Hérodotus“, т. I, стр. 563—568; Фр. Ленорманъ, „Les Monnaies royales de la Lydie“, 1876, Парижъ, и „La Monnaie dans l'Antiquité“, т. I (1878), стр. 125 и слѣд.; Беркли Гедъ (Barcley Head), „Coinage of Lydia and Persia“, 1877, въ „Numismatica Orientalia“, I.

2) Золото Гитеса Γυγάδας χρυσός, упоминается у Поллукса, III, 87.

3) Электрумъ представлялъ изъ себя, собственно говоря, смѣсь, заключавшую болѣе 20 частей золота на 100 частей серебра; герцогъ де Люинь дока-

Типъ этихъ первобытныхъ монетъ значительно разнится отъ типа, установившагося впослѣдствіи. Онѣ имѣли видъ металлическихъ шариковъ, яйцевидной формы, слегка сплющенныхъ съ боковъ, причемъ поверхность лицевой стороны этихъ шариковъ была испещрена мелкими бороздками, а на оборотной сторонѣ находилось глубоко вдавленное клеймо, состоявшее изъ трехъ чеканныхъ значковъ, въ одномъ изъ которыхъ и теперь еще можно узнать изображеніе лисицы, эмблемы Аполлона Вассарейскаго. Обычай чеканить монету распространился очень быстро, и греки первые переняли его у лидійцевъ. Фидонъ Аргосскій примѣнилъ для этой цѣли серебро вмѣсто электрума и отчеканилъ монету въ видѣ черепахъ, водившихся на принадлежавшемъ ему островѣ Эгинѣ. Менѣе чѣмъ черезъ два вѣка обычай чеканить монету вошелъ въ употребленіе во всѣхъ цивилизованныхъ странамъ древняго міра.

Царствованіе Гигеса окончилось несчастливо. Тѣснимый киммерійцами, онъ получилъ во снѣ приказаніе воздать почести ассирійскому царю Ассурбанипалу, слава о первыхъ успѣхахъ котораго прогремѣла тогда по всему Востоку. Съ того дня, какъ онъ повиновался приказанію свыше, счастіе опять перешло на его сторону; поэтому онъ выбралъ изъ числа своихъ плѣнниковъ двухъ военачальниковъ и отослалъ ихъ закованными въ цѣпи повелителю Ниниви. Но какъ только опасность миновала, Гигесъ раскаялся въ своемъ поступкѣ и даже оказалъ помощь возмутившимся египтянамъ. Вскорѣ послѣ того киммерійцы снова сдѣлали нападеніе на Лидію, и на этотъ разъ счастіе оказалось на ихъ сторонѣ. Во время этого вторженія Гигесъ былъ убитъ, и тѣло его было оставлено безъ погребенія [1]); Лидія была опустошена, а Сарды — взяты, за исключеніемъ внутренней крѣпости (650) [2]). Адрисъ, сынъ Гигеса, возвратилъ большую часть утерянной территоріи и расширилъ свои владѣнія на счетъ греческихъ

зываетъ („Revue numismatique", 1856, стр. 89), что электрумъ лидійскихъ монетъ содержитъ серебро въ количествѣ значительно превышающемъ приведенную норму.

[1]) Дж. Смитъ. „History of Assurbanipal", стр. 64–68, 71–75.

[2]) Геродотъ, I, XV. Я полагаю, что упоминаніе Геродота относится именно къ великому вторженію непріятелей, во время котораго погибъ Гигесъ, а не къ послѣднему вторженію (срав. Фр. Ленорманъ, „Lettres assyriologiques", 1-я серія, т. I, стр. 79).

поселеній [1]). Онъ отнялъ Милетъ у союза Іонійскихъ городовъ, занявъ укрѣпленный акрополь Пріена. Садіаттесъ (630 — 618) дважды разбилъ пѣхоту города Милета на примеандрскихъ равнинахъ. Аліаттесъ (618—562), отчаявшись въ надеждѣ взять городъ приступомъ порѣшилъ принудить его къ сдачѣ посредствомъ голода.

„Каждое лѣто, какъ только начинали поспѣвать хлѣба и плоды въ поляхъ, онъ отправлялся во главѣ своей арміи, которую заставлялъ идти подъ звуки музыкальныхъ инструментовъ. Достигнувъ территоріи Милета, онъ совершенно уничтожалъ на ней жатву и плоды, послѣ чего опять удалялся". Впрочемъ, завоеватель отличался въ общемъ умѣренностью, за которую греки были ему очень благодарны. Онъ избѣгалъ рузрушать жилища и зданія, посвященныя культу боговъ. Однажды, когда пожаръ, свирѣпствовавшій въ равнинѣ, коснулся и храма богини Аѳины близъ Ассезоса, Аліатесъ отстроилъ его на свой счетъ. Упорство его разбилось о стойкость милетцевъ. Онъ заключилъ съ ними миръ и, бросившись на другіе менѣе укрѣпленные города, взялъ Смирну [2]). Но едва только удалось ему утвердить свою верховную власть до лѣваго берега Галиса включительно, какъ мидіяне показались на противоположномъ берегу этой рѣки. Лидія была слишкомъ богата и плодородна, чтобы не возбудить алчности въ Кіаксарѣ: онъ искалъ, и безъ труда нашелъ поводъ предпринять ея завоеваніе. Однажды отрядъ скиѳскихъ кочевниковъ, находившихся у него на службѣ, вдругъ покинулъ его и перешелъ на сторону Аліаттеса: Кіаксаръ потребовалъ ихъ выдачи, какъ перебѣжчиковъ; но требованіе его не было удовлетворено, и онъ объявилъ войну. Вскорѣ онъ замѣтилъ, что непріятель, съ которымъ ему приходилось имѣть дѣло, былъ совсѣмъ иного закала, чѣмъ народы Возвышенной Азіи. Армія Аліаттеса въ количественномъ отношеніи уступала мидійской, но она превосходила ее качествомъ своихъ составныхъ элементовъ и доблестью своихъ вождей. Въ арміи Кіаксара не было ничего подобнаго карійскимъ копейщикамъ, іонійскимъ гоплитамъ и тяжелой мидійской кавалеріи. Борьба продолжалась шесть лѣтъ съ равнымъ успѣхомъ съ

[1]) Геродотъ (I, XV) приписываетъ Ардису сорокъ девять лѣтъ царствованія, Евсевій тридцать восемь. На основаніи новѣйшихъ научныхъ данныхъ, не представляется возможнымъ опредѣлить его царствованіе болѣе чѣмъ въ двадцать лѣтъ, именно съ 650 по 630 г.

[2]) Геродотъ, I, XVI—XXV.

обѣихъ сторонъ. Послѣ нѣсколькихъ нерѣшительныхъ сраженій, обѣ арміи порѣшили еще разъ помѣряться силами, какъ вдругъ произошло солнечное затмѣніе, разстроившее ихъ планы. Иранцы не желали сражаться иначе какъ при солнечномъ свѣтѣ, а лидійцы, хотя и предупрежденные, какъ говорятъ, Ѳавесомъ о предстоявшемъ явленіи, оказались смущенными не менѣе своихъ противниковъ, и обѣ арміи тотчасъ же разошлись. По преданію, сообщаемому Геродотомъ, Сіенизисъ Киликійскій, союзникъ лидійскаго царя, и вавилонскій царь Набунаидъ [1]) (Лабинетосъ), бывшій на сторонѣ Кіаксара, предложили заключить перемиріе и уговорили противниковъ удовольствоваться такимъ рѣшеніемъ вопроса. Галисъ остался оффиціальной границей обоихъ царствъ; чтобы закрѣпить союзъ, Аліаттесъ выдалъ свою дочь Аріенисъ, за Астіага, сына Кіаксара. По обычаю того времени, оба царя скрѣпили свою дружбу взаимнымъ принесеніемъ присяги и запечатлѣли договоръ своей кровью, слегка ранивъ другъ друга въ плечо и отвѣдавъ крови, текшей изъ ихъ ранъ (585) [2]).

Кіаксаръ не долго прожилъ послѣ заключенія договора: онъ умеръ въ 584 г. въ преклонныхъ лѣтахъ, окруженный ореоломъ славы. Немного найдется царей, которые могли бы похвалиться такой счастливой судьбой даже въ тотъ вѣкъ внезапныхъ удачъ и блестящихъ побѣдъ. Наслѣдникъ разноплеменнаго и плохо организованнаго государства, провозглашенный царемъ на другой день послѣ пораженія своего отца, осажденный со всѣхъ сторонъ дикими ордами варваровъ, онъ преодолѣлъ всѣ препятствія и восторжествовалъ надъ всѣми опасностями, благодаря своему упорству и храбрости.

Ниспровергнувъ могущество скиѳовъ, онъ покорилъ ассиріянъ,

1) Имя Набанаидъ ошибочно приведено Геродотомъ; на самомъ дѣлѣ это былъ Набукудуруссуръ, царствовавшій тогда въ Вавилонѣ.

2) Геродотъ, I, LXXIII—LXXIV. Большинство историковъ (сравн. Гротъ, „History of Greece“ т. II, стр. 418; Раулинсонъ „Herodotus“, т. I, стр. 302—304, и „The five great Monarchies“, т. II, стр. 409—413) относятъ это событіе къ 610 году; другіе предполагаютъ, что солнечное затмѣніе, упоминаемое Геродотомъ, имѣло мѣсто въ 597 г. (Фр. Ленорманъ, Historie, т. II, стр. 353). Мнѣ кажется, что указаніе на 28 мая 585 года (Бозанке „Fall of Nineveh“, стр. 14; Унгеръ, „Kayxares und Astyages, стр. 33—37), всего болѣе соотвѣтствуетъ въ настоящее время всѣмъ свѣдѣніямъ, какія имѣются объ этой эпохѣ. Цицеронъ („De Divin.“, I, 86), Плиній („H. N.“, II, 12) и Евсевій („Chron. Can.“, II, стр. 331) относятъ упомянутую войну ко времени царствованія Астіага.

завоевалъ восточную Азію, Арменію и Каппадокію. При его восшествіи на престолъ, Мидія занимала только небольшую часть Иранскаго плоскогорія, а послѣ его смерти, мидійская монархія простиралась отъ береговъ Гальмеида до восточнаго берега Галиса.

26-я династія; Псамитикъ I; Нико (Нехао) II; сраженіе при Гаргамишѣ.

Халдея съ самаго начала своего существованія не могла похвалиться такой блестящей судьбой. Правда, она была, наконецъ, объединена въ рукахъ одного государя, а паденіе Нинивіи и дружба съ Мидіей закрѣпили за ней неоспоримое владычество надъ странами, расположенными по среднему теченію Тигра и надъ Месопотаміей, но когда она пожелала распространить свою власть и на прибрежныя страны Средиземнаго моря, Египетъ возсталъ противъ ея намѣреній и потребовалъ свою долю въ наслѣдіи распавшейся Ассиріи.

Послѣ пораженія Урдамани, Египетъ прошелъ черезъ цѣлый рядъ испытаній. Мелкіе царьки, оспаривавшіе его другъ у друга, не успѣли освободиться отъ господства Ассурбанипала какъ попали подъ иго эѳіопянъ. Преемникъ Урдамани Тонуатамонъ, обнадеженный пророческимъ сномъ, предвѣщавшемъ ему владычество надъ всѣмъ сѣверомъ и югомъ, съ первыхъ же дней своего царствованія предпринялъ набѣгъ на Ѳиваиду. Въ самыхъ Ѳивахъ и ихъ окрестностяхъ, гдѣ эѳіопскіе потомки главныхъ жрецовъ Аммона все еще имѣли многочисленныхъ приверженцевъ, онъ не встрѣтилъ враждебнаго къ себѣ отношенія. Встрѣчаемые имъ по пути жители западнаго и восточнаго береговъ были преисполнены великой радости и говорили: „иди съ миромъ! Пребывай въ мирѣ! Возврати жизнь Египту! Возобнови храмы, обратившіеся въ развалины, возстанови статуи и изображенія божествъ! Возврати учрежденія, установленныя нѣкогда въ честь боговъ и богинь, возстанови обычай дѣлать приношенія усопшимъ. Возврати жрецу его прежнее положеніе, необходимое для совершенія всѣхъ церемоній культа“. Тонуатамонъ разбилъ подъ стѣнами Мемфиса вышедшіе ему навстрѣчу войска союзныхъ царей, затѣмъ, захвативъ городъ, углубился въ Дельту въ погонѣ за побѣжденными. Не рѣшаясь болѣе встрѣтиться съ нимъ въ открытомъ полѣ, они заперлись въ своихъ крѣпостяхъ и заставили его начать безконечный рядъ осадъ. Выведенный изъ терпѣнія ихъ сопротивленіемъ, онъ вернулся въ Мемфисъ въ полной нерѣшительно-

сти, что предпринять, чтобы выйти съ честью изъ своего затруднительнаго положенія; но египетскіе гасудари сами вывели его изъ затрудненія неожиданнымъ изъявленіемъ покорности. Самый могущественный изъ нихъ, Пакруру изъ Писупти, тотъ самый который поочередно былъ то союзникомъ, то соперникомъ Нико, привелъ египетскихъ царей къ побѣдителю. Они сказали: „Даруй намъ дыханіе жизни, ибо не можетъ болѣе жить тотъ, кто не признаетъ тебя! Мы будемъ для тебя твоими подданными, какъ ты этого требовалъ съ самаго начала, съ того дня, какъ ты сталъ царемъ!" Сердце царя преисполнилось радости при этихъ словахъ: онъ велѣлъ дать имъ хлѣбовъ, пива и много другихъ вещей. Проведя нѣсколько дней въ Мемфисѣ у своего новаго верховнаго владыки, они сказали: „Зачѣмъ остаемся мы здѣсь, о царь, нашъ повелитель?" Тонуатамонъ отвѣтилъ имъ: „зачѣмъ?" Они сказали: „отпусти насъ въ наши города, чтобы мы могли отдать приказанія нашимъ людямъ и принести тебѣ дань!" Спустя нѣсколько недѣль они возвратились, и Тонаутамонъ вернулся въ свое государство, обремененный добычей" [1]). Его владычество надъ сѣверомъ Египта продолжалось, вѣроятно, не долѣе его пребыванія въ Мемфисѣ; въ Ѳеваидѣ [2]) оно продержалось еще года три и затѣмъ прекратилось, неизвѣстно какимъ образомъ [3]). Не смотря на свое пораженіе, Пакруру все-таки оставался могущественнѣйшимъ изъ государей Дельты; тотчасъ послѣ ухода эѳіопянъ повелитель Саиса началъ оспаривать у него верховную власть. Псамитикъ I (Псаметикъ) [4]) сынъ Нико, унаслѣдовалъ предпріимчивый духъ своего отца. Пока ассиріяне были ему полезны, онъ оставался вѣренъ имъ, но какъ только господство ихъ пошатнулось, онъ безъ всякаго стѣсненія отложился отъ Ассиріи. Честолюбіе завлекло его въ цѣлый рядъ приключеній, сдѣлавшихся впослѣдствіи обильнымъ матеріаломъ для

---

1) Марьетъ, „Monuments divers", т. I, табл. VII—VIII. Масперо „La Stèle du songe" въ „Revue archèologique" 1868 т. I, и въ „Records of the Past", т. IV; стр. 79—86; Э. де Руже, въ „Mèlanges d'Archéologie égyptienne et assyrienne", т. I, стр. 89—91.

2) Шамполліонъ, „Monuments", т. IV, табл. CCCXLIX; Лепсіусъ, „Catalogue du Musée de Berlin", стр. 45, № 223, 224.

3) Тонуатамонъ былъ послѣднимъ изъ четырехъ эѳіопскихъ царей, царствовавшихъ, по словамъ Діодора (I, 44), надъ Египтомъ.

4) Относительно указаній египетскихъ памятниковъ, относящихся къ 26-й династіи, сравн. Видеманъ, „Geschichte Aegyptens von. Psametich I bis auf Alexander den Grossen", Лейпцигъ, 1880.

легендарныхъ разсказовъ. По одной изъ такихъ легендъ, Египетъ былъ въ то время раздѣленъ между 12-ю союзными правителями, но оракулъ предсказалъ, что весь онъ будетъ принадлежать тому, кто совершитъ возліяніе богу Фта изъ мѣдной чаши. Однажды, когда всѣ 12 правителей находились вмѣстѣ въ Мемфисскомъ храмѣ, главный жрецъ подалъ имъ золотыя чаши, которыми они обыкновенно пользовались при возліяніяхъ; но онъ при этомъ ошибся числомъ, и Псамитику не хватило чаши. Не желая задерживать обряда жертвоприношенія, саисскій царь снялъ съ головы свой мѣдный шлемъ и употребилъ его вмѣсто чаши для возліянія. Другіе цари, замѣтивъ это, вспомнили предсказаніе оракула и изгнали виновнаго въ болота Дельты съ запрещеніемъ когда бы то ни было возвращаться оттуда. Богиня города Буто, къ которой онъ тайно обратился съ вопросомъ, чего ему слѣдуетъ ожидать отъ боговъ, отвѣтила ему, что месть придетъ со стороны моря въ тотъ день, когда изъ него выйдутъ мѣдные люди. Сначала онъ подумалъ, что жрецы, сообщившіе ему отвѣтъ богини, насмѣхаются надъ нимъ, но нѣсколько времени спустя карійскіе и іонійскіе пираты высадились на египетскій берегъ, одѣтые въ свои мѣдныя кирассы. Египтянинъ, принесшій эту вѣсть и никогда до тѣхъ поръ не видѣвшій греческихъ солдатъ въ полныхъ доспѣхахъ, разсказывалъ, что мѣдные люди вышли изъ моря и грабятъ страну. Псамитикъ тотчасъ же понялъ, что настало время исполниться предсказанію оракула; онъ бросился къ нимъ на встрѣчу, завербовалъ ихъ къ себѣ на службу и свергъ съ престола одиннадцать остальныхъ царей [1]). Какъ прежде предсказаніе оракула и мѣдный шлемъ лишили его престола, такъ теперь предсказаніе другого оракула и мѣдные люди возвратили ему этотъ престолъ.

Постараемся исключить изъ этого разсказа все, что онъ заключаетъ въ себѣ чудеснаго. Когда Псамитикъ возвратился къ честолюбивымъ замысламъ своихъ предковъ, ему пришлось имѣть дѣло съ царями Дельты, предводительствуемыми, вѣроятно, все тѣмъ же Пакруру, который, со времени смерти Нико, игралъ главную роль въ войнахъ Египта съ Эѳіопіей. Побѣжденный на

---

1) Геродотъ, II, CXLVII—CLII. По цоліену, „Strat", кн. VII, § 3, оракулъ совѣтовалъ Тементесу, одному изъ двѣнадцати египетскихъ царей, остерегаться *пѣтуховъ*. По этому Псамитикъ, узнавъ, что карійцы первые украсили свои шлемы плюмажами, нанялъ большое количество ихъ къ себѣ на службу.

первыхъ порахъ, онъ принужденъ былъ удалиться въ болота Дельты, гдѣ завербовалъ къ себѣ отряды карійскихъ и іонійскихъ наемниковъ, которыхъ случай привелъ въ Египетъ. Онъ обратился также за помощью къ лидійскому царю Гигесу, только что побѣдившему киммерійцевъ [1]). Это было какъ разъ въ то время, когда Самассумукинъ повсюду искалъ союзниковъ, которые помогли бы ему въ его возстаніи противъ Ассиріи, и посылалъ пословъ въ Египетъ, чтобы обезпечить себѣ поддержку его недовольныхъ элементовъ [2]). Увѣренность въ отвлеченіи большого количества египетскихъ силъ въ сторону Тигра и Евфрата придала мужество саисскому царю и заставила попытать счастья. Храбрость помогавшихъ ему карійцевъ и грековъ обезпечила ему побѣду. Союзные цари, разбитые близъ Мемфиса, были низложены или низведены на степень вассаловъ [3]). Если въ гарнизонахъ укрѣпленныхъ пунктовъ и были еще ассирійскія войска, они лишились своего значенія съ паденіемъ египетскихъ царьковъ, а Ассурбанипалъ, отвлеченный возстаніемъ вавилонянъ, ничего не сдѣлалъ для того, чтобы удержать за собою отпадавшія провинціи. Съ освобожденіемъ Дельты, Ѳиваида, съ давнихъ поръ не оказывавшая никакого вліянія на судьбы страны, покорилась ея царю безъ сопротивленія. Шабаку нѣкогда ввѣрилъ управленіе Ѳиваидой своей сестрѣ Амениритисъ, которая вышла замужъ за нѣкоего Піонхи, оставившаго намъ по себѣ нѣсколько памятниковъ. Отъ этого брака родилась дочь Шапенапъ, на которую перешли всѣ наслѣдственныя права древнихъ династій. Псамитикъ женился на этой принцессѣ, хотя она была, вѣроятно, однихъ лѣтъ съ нимъ, и этотъ бракъ сообщилъ его власти недостававшій ей характеръ законности. До того времени онъ былъ не болѣе, какъ счастливымъ узурпаторомъ: теперь онъ сталъ единственнымъ законнымъ государемъ Египта [4]). Достовѣрно неизвѣстно, въ которомъ именно году произошло это событіе. Псамитикъ относилъ свое оффиціальное восшествіе на престолъ ко

[1]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 66.

[2]) Дж. Смитъ, „History of Assurbanipal", стр. 158, гдѣ подъ названіемъ Милуххи необходимо подразумѣвать Египетъ (сравн. Шрадеръ, „Keilinschriften und Geschichstforshung", стр. 286 и слѣд., прим. 4).

[3]) Діодоръ, I, 66.

[4]) Э. де Руже, „Notice de quelques textes hiéroglyphiques récemment publiés par M. Greene", стр. 36—52; Ж. де Руже, „Étude sur les textes géographiques du temple d'Edfou" стр. 59—63.

времени смерти Тагарку (666). Изгнаніе ассиріянъ, послѣдняя побѣда надъ эѳіопянами, войны съ мелкими царьками наполнили собою, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ. Псамитикъ сдѣлался единственнымъ повелителемъ страны, отъ перваго нильскаго водопада до береговъ Средиземнаго моря, не ранѣе 656 года, а по греческому преданію, въ 651 г. [1]). Цѣль, которую его предки неуклонно преслѣдовали впродолженіе цѣлаго столѣтія, была, наконецъ, достигнута.

Саисская династія была послѣдней изъ великихъ національныхъ династій. Она застала Египетъ въ плачевномъ состояніи нищеты и запустѣнія. Всѣ большія города пострадали въ большей или меньшей степени: Мемфисъ вынесъ нѣсколько осадъ и нѣсколько разъ подвергался разграбленію; Ѳивы были дважды опустошены и сожжены ассиріянами; вообще, отъ Сіена до Таниса, не было ни одного поселенія, которое не пострадало бы отъ того или иного вторженія. Каналы и дороги, исправленные при Шабаку, были запущены со времени его пораженія; поля были опустошены, а населеніе сильно пострадало отъ періодическихъ нападеній. Изъ подъ развалинъ стараго Египта Псамитикъ вызвалъ къ жизни новый Египетъ. Онъ исправилъ каналы и дороги, возвратилъ спокойствіе сельскимъ жителямъ, чѣмъ способствовалъ развитію народонаселенія. Главнѣйшія его заботы были направлены на окончаніе начатыхъ и возстановленіе прежнихъ священныхъ зданій. Въ Мемфисѣ онъ выстроилъ пропилеи съ восточной и южной стороны храма Фта [2]), а также большой дворъ, въ которомъ содержался при жизни священный Аписъ [3]). Умершіе Аписы тоже не были забыты. Съ тѣхъ поръ, какъ Рамзесъ вырылъ для умершихъ быковъ большое подземелье—Серапеумъ,—всѣ египетскіе цари, правившіе въ Мемфисѣ, считали для себя долгомъ чести тщательно поддерживать эту общую гробницу и торжественно совершать въ ней обряды погребенія божества. Еще Тагарку похоронилъ одного Аписа въ послѣднемъ году своего царствованія, въ тотъ самый моментъ, когда ассиріяне всего серьезнѣе угрожали ему [4]). Побѣдитель Псамитикъ не прене-

[1]) Діодоръ считаетъ, что додекархія (правленіе двѣнадцати царей) продолжалась 15 лѣтъ послѣ удаленія эѳіопянъ изъ Египта (I, 66).

[2]) Геродотъ, II, CLX; Діодоръ, I, 67.

[3]) Геродотъ, II, CLII.

[4]) Лувръ, „Sérapéum", пам. № 190, описанн. Марьеттомъ, „Renseignements sur les soixante-quatre Apis trouvés dans les Souterrains Sérapéum въ „Bulle-

брегъ этой важнѣйшей обязанностью египетскихъ царей. Сначала онъ довольствовался тѣмъ, что дѣйствовалъ въ этомъ отношеніи такъ же, какъ и его предшественники, но когда въ той части подземелья, гдѣ былъ похороненъ послѣдній Аписъ, умершій въ XX г., произошелъ обвалъ, онъ приказалъ инженерамъ вырыть новую галлерею въ болѣе твердомъ пластѣ известняка. Это было началомъ полнаго возстановленія подземнаго храма. Склепы похороненныхъ аписовъ были тщательно осмотрѣны одинъ за другимъ; повязки мумій и гробы, въ которыхъ покоились послѣднія, были исправлены; часовня храма была возставовлена и снабжена необходимыми принадлежностями погребальныхъ церемоній: деревомъ, благовоніями, маслами [1]). Въ Ѳивахъ царь возобновилъ тѣ части Карнакскаго храма, которыя пострадали во время ассирійскаго вторженія. Долина Нила обратилась какъ бы въ обширную мастерскую, въ которой работы шли съ безпримѣрной энергіей. Искусства, поддерживаемыя самимъ царемъ и высшими должностными лицами, не замедлили притти въ цвѣтущее состояніе. Живопись и гравированіе іероглифовъ достигли въ эту эпоху замѣчательной изящности; повсемѣстно увеличилось число прекрасныхъ статуй и барельефовъ. Художественныя произведенія саисской школы отличаются нѣсколько сухимъ изяществомъ, искуснымъ расположеніемъ деталей и поразительнымъ умѣніемъ сообщать тонкія очертанія даже труднѣе всего поддающимся рѣзцу матеріаламъ. Пропорціонально исполненныя части тѣла становятся длиннѣе и тоньше; члены отличаются большой гибкостью и правдоподобіемъ изображенія. Это уже не широкая и нѣсколько реалистическая манера художниковъ мемфисской эпохи и не грандіозный и часто грубый стиль памятниковъ временъ Рамзеса II; это тонкая и чистая художественная работа, запечатлѣнная изяществомъ и цѣломудріемъ [2]). Особенно превосходно исполнены разные предметы небольшихъ размѣровъ: амулеты изъ эмалиро-

---

tin archéologique et l'Athéneum français", августъ и сентябрь 1856 г. и въ „Sèrapéum de Memphis", III, табл. 36; Лепсіусъ, „Königsbuch".

[1]) Луврь, „Sérapéum", пам. № 239, описан. Марьеттомъ. „Renseignements", въ „Bullet. archéolog", авг. и сент. 1856.

[2]) Доказательствомъ этого можетъ служить: статуя царицы Амениритисъ, хранящаяся въ Булакскомъ музеѣ, а также находящіяся въ Луврскомъ музеѣ статуи A, 82, 84, 86, 88, 91, 93, 94; саркофаги E, 8, 9, 10; наосъ D, 29; надгробные памятники Аписа, S, 2240, 2243, 2244, 2259 и прекрасный левъ Серапеума.

ванной глины и ляписа-лазури, бронзовыя, серебряныя и золотыя статуэтки, кольца и укршенія. Никогда впослѣдствіи не встрѣчалось большаго умѣнія сообщать такую свободную осанку и силу крошечнымъ фигуркамъ въ какихъ-нибудь нѣсколько сантиметровъ высоты.

Воцареніе 26-й династіи отмѣчено дѣйствительнымъ возрожденіемъ не только въ одной области искусствъ; внѣшняя политика руководилась началами временъ ѳиванскихъ царей, т.-е. стала опять осмотрительной и разумной. Египетъ не былъ уже, какъ прежде окруженъ мелкими государствами: на югѣ и сѣверо-востокѣ онъ граничилъ съ двумя великими завоевательными государствами, Эфіопіей и Ассиріей, на востокѣ основаніе Кирены греками (между 648 и 625 г. до Р. Х.) сообщило нѣкоторую сплоченность кочующему населенію Ливіи. Прежде всего необходимо было укрѣпить слабыя мѣста въ странѣ, именно: мѣста рынковъ по сирійской дорогѣ—на востокѣ, окрестности озера Мареотиса—на западѣ, а на югѣ—область вокругъ перваго Нильскаго водопада. Для защиты отъ ассиріянъ Псамитикъ укрѣпилъ городъ Дафне, находившійся близъ древней крѣпости Зару. Многочисленные гарнизоны, разставленные близъ Абу и Мареи, защищали Ѳиваиду и западныя области Дельты отъ ливійцевъ и эѳіопянъ [1]). Окончивъ всѣ эти дѣла, Псамитикъ перешелъ изъ оборонительнаго положенія въ наступательное. Мы рѣшительно ничего не знали бы о его походахъ въ Нубію, если бы какому-то греческому наемнику не пришло въ голову вырѣзать его имя и имена его военачальниковъ на ногѣ одного изъ колоссовъ, украшающихъ фасадъ храма въ Ибсамбулѣ [2]). Египтяне поднялись по Нилу до Керкиса, находившагося по сосѣдству со вторымъ водопадомъ, и завладѣли этой территоріей, которая получила впослѣдствіи названіе Додекасхены [3]). Въ Сиріи экспедиціи не заходили далеко: Псамитикъ

---

[1]) Геродотъ, II, 30.

[2]) „Corpus Inscriptionum Graecarum", № 5126; Лепсіусъ, „Denkm.", VI. табл. XCVIII—XCIX. Нѣсколько финикійскихъ или сирійскихъ солдатъ послѣдовали примѣру своихъ греческихъ товарищей и вырѣзали рядомъ аналогичныя надписи. (Сравн. Галеви, „Mélanges d'epigraphies et l'archèologie Sémitikues", стр. 89—96).

[3]) Это имя означаетъ страну въ „двѣнадцать схенъ", потому что отъ Элефантины до ея южной границы считалось приблизительно 12 схенъ, т.-е. отъ 30 до 25 обыкновенныхъ миль. Сравн. Геродотъ, II, XXIX; Птоломей, IV, 5.

благоразумно ограничилъ свое честолюбіе завоеваніемъ филистимской земли. Ашдодъ былъ тогда средоточіемъ всѣхъ дорогъ, ведущихъ въ Египетъ, и состоялъ кромѣ новаго города, расположеннаго на нѣкоторомъ разстояніи отъ стараго поселенія того же имени, еще изъ гавани, аналогичной съ гаванью Газы [1]. Онъ оказалъ египтянамъ отчаянное сопротивленіе. Геродотъ разсказываетъ, что осада его продолжалась 29 лѣтъ [2], но это—одно изъ тѣхъ преувеличеній, на которыя такъ тароваты греческіе историки. Можетъ быть, толмачи Геродота сообщили ему, что взятіе Аштода [3] произошло въ 29 г. царствованія Псамитика I-го, т.-е. въ 637 г.; могло случиться также, что историкъ позаимствовалъ это число изъ народныхъ сказаній, которыя онъ собиралъ. Если принять первое предположеніе, то оказывается, что Сирійская война происходила въ то время, когда ассиріяне, тѣснимые мидійцами, не могли уже ограждать тѣхъ изъ своихъ подданныхъ, которые жили на крайнемъ западѣ монархіи. Нѣсколько лѣтъ спустя киммерійцы стали угрожать Египту [4]. Псамитикъ купилъ отступленіе варваровъ подарками [5] и, такимъ образомъ, деньгами спасъ свой народъ, который онъ уже не могъ защищать оружіемъ.

Дѣйствительно, неожиданное бѣдствіе постигло страну. По примѣру прежнихъ великихъ фараоновъ, Псамитикъ постарался привлечь чужеземцевъ въ Египетъ. Послѣ паденія Самаріи и войнъ Саргона, много евреевъ и сирійцевъ укрылось въ Дельтѣ. Рядомъ съ этимъ все возраставшимъ семитическимъ населеніемъ Псамитикъ вздумалъ поселить племена другой расы. Онъ уступилъ земли вдоль Пелузійскаго рукава карійцамъ и іонійцамъ, которые оказали ему нѣкогда большую услугу [6] и постарался поселить іонійцевъ такъ, чтобы они были отдѣлены отъ другихъ племенъ всею шириною Нила. Эта предосторожность

1) Реландъ, „Palaestina“, стр. 215, 609.
2) Геродотъ, II, CLVII.
3) На сколько можно судить, городъ сильно пострадалъ: лѣтъ двадцать спустя пророкъ Іеремія, говоря о филистимскихъ городахъ, упоминаетъ объ Аскалонѣ, Газѣ, Экронѣ и „остаткахъ Азота“ (Ашдода), (Іеремія, XXV, 20).
4) См. стр. 513.
5) Геродотъ, I, CV: сравн. Страбонъ, кн. XV, 1.
6) Геродотъ, II, CXLV.

была вовсе не излишней, такъ какъ, несмотря на соединеніе подъ однимъ знаменемъ наемниковъ различнаго происхожденія, они не забывали національной вражды и мало были застрахованы отъ враждебныхъ взаимныхъ отношеній [1]. Милетскіе колонисты, ободренные этимъ примѣромъ, приплыли на тридцати корабляхъ къ берегу Египта и, высадившись у входа въ Больбидинскій рукавъ, основали здѣсь укрѣпленную факторію, которую назвали „Лагеремъ милетцевъ“ [2]. Новыя толпы переселенцевъ то и дѣло приходили однѣ за другими, и увеличивали населеніе этихъ первыхъ колоній. Царь ввѣрилъ имъ дѣтей туземцевъ, которыхъ они стали обучать греческому языку [3]. Исторія ничего не говоритъ, довѣрили-ли греки своихъ дѣтей своимъ хозяевамъ для обученія ихъ египетскому языку, но фактъ этотъ самъ по себѣ мало вѣроятенъ, такъ какъ греки всегда высказывали мало склонности къ изученію иностранныхъ языковъ [4]. Число переводчиковъ быстро возрастало по мѣрѣ того, какъ учащались дружескія и торговыя сношенія; въ концѣ концовъ, они составили въ городахъ Дельты поистинѣ особый классъ, занятіе котораго состояло исключительно въ посредничествѣ между обоими народами [5]. Поставивъ своихъ подданныхъ въ соприкосновеніе съ дѣятельной промышленной предпріимчивой и полной силъ и молодости націей, Псамитикъ надѣялся, безъ сомнѣнія, что представители ея встрѣтятъ хорошій пріемъ. Но онъ ошибся. Египтяне, слишкомъ много выстрадавшіе отъ всякихъ чужеземцевъ впродолженіе двухъ вѣковъ, не были расположены хорошо принимать ихъ въ своей родной странѣ, даже когда эти чужеземцы являлись въ качествѣ союзниковъ. Египетъ относился довольно терпимо къ народамъ, которыхъ зналъ издавна и которыхъ нравы и обычаи мало чѣмъ отличались отъ египетскихъ, именно къ финикіянамъ, евреямъ, даже ассиріянамъ, но онъ отказался признать грековъ. Греки же, напротивъ, пораженные удивленіемъ, при видѣ этой еще столь великой и внушительной, несмотря на

1) Замѣчаніе Кенрика, „Ancient Egypt under the Pharaohs“, кн. II, стр. 223.
2) Μιλησίων τεῖχος, Страбонъ, кн. XVII, 1.
3) Геродотъ, II, CXLIV.
4) Летронъ, „Mémoire sur la civilisation égyptienne depuis l'arrivée des Grecs sous Psammitichus jusqu'a la conquête d'Alexandre“, въ „Mélanges d'erudition et de critique“, стр. 164—166.
5) Геродотъ, II, CLIC.

свой упадокъ, цивилизаціи, прониклись страстной любовью къ своей новой родинѣ, — они старались связать съ египетскими богами происхожденіе своихъ собственныхъ боговъ и съ египетскими династіями генеалогію своихъ героевъ. Тысячи легендъ сложились между моряками Дельты о царѣ Данаѣ и его изгнаніи въ Грецію, послѣ возмущенія его противъ своего брата Армаиса [1]), о скитаніяхъ Кекропса и тождествѣ Атенея съ саисскимъ Нитомъ [2]), о борьбѣ Геркулеса съ тираномъ Бузирисомъ, о пребываніи Елены и Менелая при дворѣ царя Протея [3]). Египетъ сдѣлался школой, гдѣ великіе люди Греціи,—Солонъ, Пиѳагоръ, Евдокій, Платонъ,— обучались мудрости и наукамъ. Но за такое уваженіе Египетъ платилъ грекамъ недовѣріемъ и презрѣніемъ. Эллинъ, по понятіямъ чистокровнаго египтянина, былъ нечистымъ существомъ, съ которымъ нельзя было жить рядомъ, не осквернивъ себя. Люди низшихъ слоевъ общества отказывались ѣсть вмѣстѣ съ грекомъ, употреблять его ножъ или его котелокъ [4]). Люди высшихъ общественныхъ классовъ обращались съ греками, какъ съ дѣтьми, которые не имѣли ни прошлаго, ни опыта и предки которыхъ за нѣсколько вѣковъ передъ тѣмъ были не болѣе какъ варварами [5]).

Непріязнь къ чужеземцамъ, глухая вначалѣ, не замедлила вскорѣ проявиться открыто. Псамитикъ осыпалъ милостями іонійцевъ и карійцевъ, которые помогли ему стать царемъ: онъ сдѣлалъ ихъ своими тѣлохранителями и помѣстилъ ихъ отряды въ правомъ крылѣ арміи, т. е. въ самомъ почетномъ мѣстѣ ея. Это доставило грекамъ все, чему они придавали высокое значеніе, именно почести и денежныя выгоды, такъ какъ съ титуломъ тѣлохранителя связаны были высокіе оклады [6]). Когда машуаши и войска туземнаго происхожденія увидѣли, что новые пришельцы лишаютъ ихъ преимуществъ, которыя до сихъ поръ были предоставлены имъ однимъ, они подняли ропотъ. Прискорбный случай довершилъ ихъ неудовольствіе: гарнизоны, поставленные въ Дафнѣ,

[1]) Манетонъ, издан. Унгера, стр. 158, 195—198.

[2]) Діодоръ, I, 14.

[3]) Геродотъ, II, CXII — CXXI; сравн. Одиссея, IV, 82 и слѣд. Климентъ Александрійскій, „Strom.“, I, стр. 326, а.

[4]) Геродотъ, II, XLI.

[5]) Извѣстно язвительное обращеніе одного египетскаго жреца къ Платону.

[6]) Геродотъ, II, CLXVIII.

Морѣ и на островѣ Абу, ни разу не были смѣняемы въ продолженіе трехъ лѣтъ, и солдаты порѣшили сами положить этому конецъ. Разсудивъ, что возмущеніе представляетъ мало шансовъ на успѣхъ, они рѣшили эмигрировать. Двѣсти сорокъ тысячъ такихъ солдатъ собрали свое оружіе и имущество и направились въ Эѳіопію. Псамитикъ, увѣдомленный слишкомъ поздно о ихъ намѣреніи, съ горстью воиновъ бросился за ними въ погоню, настигъ ихъ и умолялъ не покидать своихъ боговъ, женъ и дѣтей. Одинъ изъ нихъ грубо отвѣтилъ ему, что куда бы они ни пошли, они всюду могутъ добыть себѣ женъ и дѣтей. Царь Напаты, къ которому они отправились, оказалъ имъ очень радушный пріемъ: онъ принялъ ихъ къ себѣ на службу и далъ имъ позволеніе завоевать для него территорію, занятую его врагами. Они расположились на полуостровѣ, образуемомъ съ сліяніемъ Бар-эль-Азрека и Бар-эль-Абіада и разрослись здѣсь въ значительное народонаселеніе. Въ память о нанесенномъ имъ оскорбленіи они сами прозвали себя асмахами, т. е. воинами, стоящими по лѣвую руку царя [1]). Греческіе путешественникъ называли ихъ то автомолами, то сембритами; и имена эти сохранились за ними до первыхъ вѣковъ нашей эры [2]).

Это массовое выселеніе въ тотъ самый моментъ, когда Египетъ наиболѣе нуждался во всѣхъ своихъ наличныхъ силахъ, нанесло смертельный ударъ честолюбивымъ замысламъ Псамитика. На его глазахъ совершилось паденіе Ниневіи, и онъ не могъ этимъ воспользоваться. Употребивъ большую часть своей жизни на водвореніе мира въ странѣ, Псамитикъ потратилъ остальные годы на сформированіе арміи и флота. Онъ умеръ въ 611 году, послѣ 54-лѣтняго царствованія, и былъ погребенъ въ Саисѣ [3]), оставивъ наслѣдникомъ уже пожилого сына, носившаго, какъ и дѣдъ его, имя Нико (Нехао). Нико II былъ энергичный государь, напоминавшій личными достоинствами великихъ фараоновъ; ему недоставало только тѣхъ средствъ, какими обладали въ свое время Тутмосы и Сети, чтобы сравниться съ ними въ

[1]) Сравн. Горракъ, въ „Revue archéologique“, 1864.

[2]) Геродотъ, II, XXX; Діодоръ, I, 67; Ератосѳенъ, у Страбона, кн. XVII, 2; Плиній, кн. VI, 30; Птоломей, IV, 7. Несмотря на преувеличенія въ числахъ и странность нѣкоторыхъ деталей, я считаю наиболѣе вѣроятнымъ разсказъ Геродота, въ противоположность мнѣнію Видемана, „Geschichte Aegyptens“, стр. 134—138.

[3]) Геродотъ, II, CLXIX; Страбонъ, кн. XV, 1.

славѣ. Армія, возстановленная его отцомъ, была сильна и хорошо организована, и онъ направилъ всѣ свои усилія на образованіе военнаго флота, который доставилъ бы возможность Египту господствовать на Красномъ и Средиземномъ моряхъ. Греческіе инженеры построили ему корабельныя верфи и замѣнили старинные суда галерами [1]). Въ то же время онъ помышлялъ о возстановленіи канала, нѣкогда соединявшаго воды обоихъ морей, но заброшеннаго и засыпаннаго пескомъ со времени послѣднихъ годовъ 20-й династіи. Онъ разсчитывалъ расширить его на столько, чтобы двѣ галеры могли свободно плыть по немъ рядомъ или разминуться, не убирая веселъ. Каналъ отдѣлялся отъ Нила нѣсколько выше Бубаста, невдалекѣ отъ Патумоса, тянулся съ востока на западъ вдоль аравійскихъ холмовъ, у ихъ подножія, потомъ углублялся въ ущелье Уади-Тумилатъ и направлялся къ югу, по направленію къ Красному морю. Преданіе разсказываетъ, что потерявъ сто двадцать тысячъ человѣкъ въ этомъ предпріятіи, Псамитикъ отказался отъ него, повѣривъ оракулу, который предсказалъ ему, что онъ работаетъ для варваровъ [2]). Потерпѣвъ фіаско съ этой стороны, онъ обратилъ свою дѣятельность на другой предметъ. Жители Тира и Карѳагена, предпринимавшіе экспедиціи вдоль африканскаго берега, открыли тамъ страны, богатыя золотомъ, слоновой костью, драгоцѣнными породами дерева и пряностями, но ревнивая политика этихъ мореплавателей старалась помѣшать другимъ народамъ переправиться черезъ Средиземное море и проникнуть въ эти отдаленныя страны. Египтяне еще не забыли того отдаленнаго времени, когда эскадра царицы Гатсопситу совершила экспедиціи въ моря Аравіи и заходила въ Портъ Благовоній. Нико приказалъ финикійскимъ матросамъ своего флота отправиться на поиски за этими странами; и они вышли изъ Аравійскаго залива, сами не зная хорошенько, куда плывутъ. Такое смѣлое для всякаго времени предпріятіе было тѣмъ опаснѣе для тогдашнихъ мелкихъ судовъ; моряки все время должны были держаться вблизи материка, а мореплаваніе у африканскихъ береговъ было очень

[1]) Геродотъ, II, CLIX.

[2]) Геродотъ, II, VLCШ; IV, XLII. Сравн. Геродотъ, I, 33. Число въ сто двадцать тысячъ человѣкъ очевидно преувеличено; въ такомъ же точно предпріятіи, именно при прорытіи Александрійскаго канала, Мегеметъ-Али потерялъ не болѣе 10 тыс. человѣкъ. Относительно канала, см. у Эберса, „Durch Gosen zum Sinai", стр. 471 и слѣд.

затруднительно. Въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ финикіяне все плыли къ югу вдоль берега, имѣя по правую руку материкъ, а по лѣвую — востокъ. Съ наступленіемъ осени они высадились на ближайшій берегъ, посѣяли тамъ хлѣбъ, сѣменами котораго запаслись на родинѣ, и стали ждать жатвы; собравъ хлѣбъ, они тотчасъ же пустились опять въ море. Точное воспоминаніе о сдѣланныхъ ими наблюденіяхъ и открытіяхъ скоро утратилось; память сохранила только тотъ фактъ, что, достигнувъ опредѣляннаго мѣста, финикіяне съ изумленіемъ замѣтили, что солнце какъ бы измѣнило свое обычное теченіе и стало вставать справа отъ нихъ. Они обогнули южную оконечность Африки и стали подниматься на сѣверъ. На третій годъ, проѣхавъ черезъ Геркулесовы столбы, они возвратились въ гавань, изъ которой вышли. Тѣсная дружба между Тиромъ и Египтомъ послужила имъ защитой отъ завистливыхъ карѳагенянъ въ послѣдній періодъ этой экспедиціи. Недостатокъ средствъ, которыми обладалъ тогда флотъ, сдѣлала ихъ путешествіе совершенно безполезнымъ: оно не открыло никакихъ новыхъ путей для торговли и оставило по себѣ память не болѣе какъ о любопытномъ фактѣ, не имѣвшемъ однако никакихъ результатовъ. Египетскіе жрецы разсказали о немъ Геродоту, а Геродотъ передалъ этотъ разсказъ намъ, самъ не особенно довѣряя ему [1]).

Но царствованіе Нико не всецѣло было посвящено этимъ мирнымъ предпріятіямъ. Старость Набупалуссура соблазняла къ нападенію на него, и весной 608 г. Нико покинулъ Мемфисъ и проникъ въ Азію. Еще разъ египетскія войска потянулись по традиціонной дорогѣ, по которой они когда-то ходили къ берегамъ Евфрата. Они прошли уже Ашдодъ и разсчитывали мирно прослѣдовать по долинамъ Іордана и Оронта, какъ вдругъ у выхода изъ Кармельскихъ ущелій они встрѣтились съ передовыми отрядами непріятельской арміи. Это были войска, принадлежавшія Іосіи. Нико послалъ сказать ему, чтобы онъ оставался себѣ

[1]) Геродотъ, IV, XLП; Сравн. Робіу, „Recherches nouvelles sur quelques périples d'Afrique dans l'antiquité", стр. 1 — 14. Греческіе писатели, жившіе послѣ Геродота, или совершенно отрицали возможность такого путешествія (Эфоръ, „Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 26), или говорили, что нѣтъ основанія утверждать, что Африка была со всѣхъ сторонъ окружена водою (Полибій, Ш, 38), или же утверждали, что ни одинъ путешественникъ не проникалъ далѣе 5 тыс. стадій за Красное море, (Страбонъ, кн. XVI, Ш, 10).

спокойно въ Іерусалимѣ. Но царь евреевъ не принялъ совѣта, исходившаго изъ устъ нечестиваго. Провозгласивъ новый законъ, онъ самъ увѣрилъ себя, что время, предсказанное пророками приближалось, и что Предвѣчный возвратитъ своему вѣрному народу счастливые дни временъ Давида. Слабость Ниневіи казалась ему очевиднымъ признакомъ милости Божьей и указаніемъ на необходимость продолжать дѣйствовать въ томъ же духѣ, чтобы заслужить эту милость. Онъ завладѣлъ городами Самаріи и, наравнѣ съ городами Іудеи, ввелъ въ нихъ свою реформу [1]). Появленіе египтянъ нисколько не смутило его: онъ собралъ свои войска и пошелъ къ нимъ навстрѣчу съ цѣлью преградить имъ путь. Сраженіе произошло близъ Магеддо, въ томъ мѣстѣ, гдѣ, за десять вѣковъ передъ тѣмъ, Тутмосъ III побѣдилъ союзныхъ сирійцевъ [2]). Евреи не выдержали натиска египетской арміи: Іосія былъ убитъ, а Нико, не заботясь о дальнѣйшей судьбѣ Іудейскаго царства, пошелъ прямо на сѣверъ. Онъ видѣлъ древній Кодшу [3]), побывалъ подъ стѣнами Гаргамиша и остановился только у Евфрата. Размѣстивъ египетскіе гарнизоны въ наиболѣе важныхъ пунктахъ, онъ спустился къ югу и остановился на нѣкоторое время въ Риблѣ, около Гамата, чтобы здѣсь принять изъявленія вѣрноподданическихъ чувствъ со стороны мелкихъ сирійскихъ правителей. Тамъ онъ узналъ, что евреи, не дожидаясь его приказаній, провозгласили царемъ Іоахаза, сына Іосіи, котораго они считали, вѣроятно, настроеннымъ въ духѣ политики его отца. Нико вызвалъ Іохаза въ Риблу и, низложивъ его послѣ трехмѣсячнаго царствованія, возвелъ на престолъ старшаго брата его Еліакима, котораго онъ назвалъ Іоакимомъ. Іудея была обложена пеней въ 100 талантовъ серебра и одинъ талантъ золота [4]). По возвращеніи въ Египетъ, Нико захотѣлъ прославить память греческихъ наемниковъ,

[1]) „IV Кн. Царствъ“, XXIII, 15—20.

[2]) „IV Кн. Царствъ“, XXIII, 29—30; Геродотъ, II, CLIX, ошибочно называетъ Магдолосомъ городъ, гдѣ произошло сраженіе. Оцѣнку поведенія Іосіи см. у Квенена, „The Religion of Israel“, т. II, стр. 40—43.

[3]) Кодшу потерялъ тогда все свое значеніе; онъ, вѣроятно, измѣнилъ свое названіе и продолжалъ быть извѣстнымъ только по египетскимъ преданіямъ. Геродотъ смѣшиваетъ его съ Газой, о которой слышалъ въ Египтѣ подъ именемъ Катату, Казато: отсюда названіе Κάδυτις, которое онъ примѣняетъ какъ къ нему, такъ равнымъ образомъ и къ Газѣ.

[4]) „IV Кн. Царствъ“, XXIII, 30, 35.

такъ много послужившихъ ему во время похода, и посвятилъ храму Аполлона Бранхидескаго въ Милетѣ кирассу, которую носилъ во время войны [1]). Послѣ пяти вѣковъ слабости и дезорганизаціи, Египетъ еще разъ получилъ верховную власть надъ Сиріей [2]).

Господство это продолжалось только три года, во время которыхъ престарѣлый Набупалуссуръ не помышлялъ о борьбѣ. Наконецъ, около 605 г., онъ рѣшился сдѣлать попытку вернуть утраченныя провинціи и послалъ противъ Нико сына своего Набукудуруссура [3]).

Фараонъ направился ему навстрѣчу, вполнѣ увѣренный въ своемъ успѣхѣ. „Кто это поднимается, какъ рѣка, и какъ потоки волнуются воды его? Египетъ поднимается, какъ рѣка, и какъ потоки взволновались воды его, и говоритъ: поднимусь и покрою землю, погублю городъ и жителей его. Садитесь на коней и мчитесь колесницы, и выступайте, сильные, Еѳіопляне и Ливіяне, вооруженные щитомъ, и Лидяне, держащіе луки и натягивающіе ихъ“ [4]). Рѣшительная битва произошла на берегахъ Евфрата, недалеко отъ Гаргамиша [5]). Египтяне были совершенно разбиты и участь народовъ Сиріи была наконецъ, окончательно рѣшена въ этой борьбѣ двухъ великихъ державъ, оспаривавшихъ ее другъ у друга. Іудея, на долю которой выпала наибольшая сумма страданій, съ радостью привѣтствовала извѣстіе о пораженіи египтянъ, и пророкъ Іеремія воспѣлъ это событіе въ слѣдующихъ ироническихъ строфамъ: „Почему же, вижу я, они оробѣли, и обратились назадъ? и сильные ихъ поражены, и бѣгутъ, не оглядываясь... Не убѣжитъ быстроногій, и не спасется сильный; на сѣверѣ, у рѣки Евфрата, они спот-

[1]) Геродотъ, II, CLIX.

[2]) Единственный египетскій памятникъ, сохранившій намъ свѣдѣнія о побѣдахъ Нико,—это большой жукъ Булаковскаго музея, описанный Маріеттомъ, „Monuments divers“, I, табл. 48, с.

[3]) Имя этого царя обыкновенно пишется Набуходоносоръ, Набукаднеззаръ, вслѣдствіе смѣшенія буквъ ר *р* и נ *н*. Семидесятитолковники пишутъ Набукодоноссоръ, а оригинальные тексты даютъ полную форму Набукудуруссуръ, что значитъ: „Набо, храни корону“.

[4]) Іеремія, XLVI, 7—9. Подъ именемъ лидянъ слѣдуетъ, вѣроятно, понимать всѣхъ карійскихъ и греческихъ наемниковъ, служившихъ въ египетской арміи.

[5]) Іеремія, XLVI, „IV Кн. Царствъ“, XXIV, 7; Іосифъ, „Antiq. jud.“ X, 7.

кнутся и падутъ... Ибо день сей у Господа Бога Саваоѳа есть день отмщенія, чтобы отмстить врагамъ его; и мечъ будетъ пожирать, и насытится и упьется кровію ихъ; ибо это Господу Богу Саваоѳу будетъ жертвоприношеніе въ землѣ сѣверной, при рѣкѣ Евфратѣ. Пойди въ Галаадъ, и возьми бальзама, дѣва дочь Египта; напрасно ты будешь умножать врачества, нѣтъ для тебя исцѣленія. Услышали народы о посрамленіи твоемъ, и вопль твой наполнилъ землю; ибо сильный столкнулся съ сильнымъ, и оба вмѣстѣ пали“ [1]). Набукудуруссуръ завладѣлъ всей страной и по дорогѣ покорилъ Іоакима и мелкихъ туземныхъ царьковъ; онъ былъ уже въ Пелузіи и собирался перейти въ Египетъ, но былъ остановленъ смертью отца. Боясь, чтобы въ его отсутствіе не появился въ Халдеѣ какой-нибудь новый претендентъ на престолъ, онъ заключилъ договоръ съ Нико и поспѣшно удалился. Его нетерпѣніе вернуться домой все возрастало, а обыкновенный путь черезъ Гаргамишъ и Месопотамію былъ очень длиненъ. Поэтому въ сопровожденіи небольшого конвоя, онъ направился прямо черезъ Аравійскую пустыню и прибылъ въ Вавилонъ, какъ разъ въ то время, когда его тамъ менѣе всего ожидали [2]).

Халдейская монархія и Востокъ въ сраженіи при Гаргамишѣ до паденія мидійской монархіи.

Въ Вавилонѣ Набукудуруссуръ нашелъ все въ порядкѣ. Жрецы взяли на себя веденіе всѣхъ дѣлъ и сохраненіе престола до возвращенія законнаго наслѣдника; лишь только онъ появился, какъ сейчасъ же былъ провозглашенъ царемъ, и вся страна изъявила ему повиновеніе [3]). Его царствованіе было долгое и благополучное. Подобно тому какъ Кіаксаръ былъ героемъ мидійскаго государства, Набукудуруссуръ II сдѣлался героемъ Халдеи. Безъ него Вавилонъ пользовался бы въ исторіи только славой торговаго и промышленнаго города; благодаря ему онъ сталъ извѣстенъ на всемъ Востокѣ своимъ и побѣдами и могуществомъ.

Извѣстно, что Набукудуруссуръ воевалъ долго и счастливо, но ни одна надпись не указываетъ ни на подробности, ни на раз-

[1]) Іеремія, XLVI, 5—6, 10—12.
[2]) Берозъ, „Fragm.“, II, у Іосифа, „Antiq. jud.“, кн. X, гл. 11.
[3]) Берозъ, „Fragm.“, II, у Іосифа, „Antiq. jud.“, кн. X, гл. 11.

мѣры его предпріятій. На сѣверѣ и востокѣ союзъ съ Мидіей ограждалъ его отъ всякаго серьезнаго нападенія; но на западѣ и на югѣ миръ нарушался часто, и успѣхи Набукудуруссура подвергались многимъ превратностямъ. Съ этой стороны его положеніе было аналогично съ положеніемъ ассирійскихъ царей, приблизительно за 100 лѣтъ до того времени. Опытъ послѣднихъ лѣтъ доказалъ, что конечная цѣль, къ которой стремилось честолюбіе азіатскихъ завоевателей, состояла въ обладаніи Мемфисомъ, Ѳивами и даже Эфіопіей. Подобно Саргону, Сеннахерибу и Ассурбанипалу, Набукудуруссуръ, какъ владѣтель Сиріи, былъ постоянной угрозой для существованія Египта. Фараоны предшествующихъ династій старались устроить имъ прикрытіе изъ сирійскихъ государствъ, и политика Шабаку состояла въ поддержаніи этого оплота, стоявшаго между нимъ и Ассиріей. Послѣ паденія Дамаска и Самаріи фараону ничего болѣе не оставалось, какъ сдѣлаться завоевателемъ и завладѣть по возможности финикійскимъ берегомъ. Псамитикъ I началъ это дѣло взятіемъ Ашдода. Нико II, казалось, закончилъ его сраженіемъ при Магедди. Пораженіе при Гаргамишѣ погубило все дѣло, но вмѣстѣ съ тѣмъ доказало правильность взгляда, котораго придерживались государственные люди Египта. Если бы сраженіе, проигранное царемъ Нико, произошло между Пелузіемъ и Газой, дѣло Египта было бы совершенно потеряно [1]), но такъ какъ оно произошло на берегахъ Евфрата, то это давало возможность побѣжденному снова собраться съ силами и укрѣпить восточную границу Дельты. Несмотря на свою неудачу. Нико нисколько не палъ духомъ. Онъ принадлежалъ къ настойчивой семьѣ, употребившей цѣлое столѣтіе на завоеваніе короны и достигшей ея только благодаря своему терпѣнію и упорству. Онъ втихомолку привелъ въ порядокъ свой флотъ и армію и, разсчитывая на безпокойный духъ финикіянъ и евреевъ, сталъ ждать случая, чтобы отомстить за свое пораженіе.

Со времени своихъ злосчастныхъ войнъ съ Ассиріей, Финикія затаила глубокую ненависть ко всѣмъ своимъ повелителямъ, приходившимъ съ востока. Тоже было и съ большинствомъ сирійскихъ государствъ, сохранившихъ еще нѣкоторую тѣнь самостоятельности: съ аммонитянами, моавитянами, набатеями (наву-

[1]) Что и случилось значительно позже, во время войны между Псамитикомъ III и Камбизомъ.

ѳеями) и Іудейскимъ царствомъ. Нико искусно воспользовался этой ненавистью; черезъ четыре года послѣ своего пораженія онъ уговорилъ Іоакима возмутиться противъ халдеевъ. Смерть Іосіи нанесла страшный ударъ надеждамъ пророковъ. „Подобнаго ему не было царя прежде его, который обратился бы къ Господу всѣмъ сердцемъ своимъ, и всею душею своею, и всѣми силами своими, по всему закону Моисееву; и послѣ него не возсталъ подобный ему“ [1]). Событія, сопровождавшія низложеніе Іоахаза, затѣмъ внезапное крушеніе египетскаго могущества и установленіе халдейскаго владычества еще глубже потрясли вѣру въ дѣйствительность реформы, проповѣдуемой Хелкіей. Народъ, казалось, видѣлъ въ этихъ бѣдствіяхъ лишь месть Іеговы, направленную на нечестивцевъ, разрушившихъ его храмы и стремившихся къ тому, чтобы оставить ему только одно святилище. Поэтому культъ Бога изральскаго опять возвратился къ своимъ прежнимъ формамъ, а спустя нѣсколько времени установилось и болѣе ревностное, чѣмъ когда бы то ни было поклоненіе иноземнымъ богамъ. Пораженіе, нанесенное пророкамъ и ихъ приверженцамъ, было тѣмъ тяжелѣе для нихъ, что одно время они считали уже свое дѣло почти оконченнымъ и идеалъ народа Божія на землѣ — почти осуществленнымъ [2]). Однажды, въ праздничный день, наиболѣе извѣстный изъ этихъ пророковъ, Іеремія, сынъ Хелкіи, вышелъ въ преддверіе храма и обратился къ толпѣ со слѣдующими словами: „Такъ говоритъ Господь: если вы не послушаетесь Меня въ томъ, чтобы поступать по закону Моему, который Я далъ вамъ, чтобы внимать словамъ рабовъ Моихъ, пророковъ, которыхъ Я посылаю къ вамъ съ ранняго утра и которыхъ вы не слушаете, то съ домомъ симъ Я сдѣлаю то же, что съ Силомомъ, и городъ сей предамъ на проклятіе всѣмъ народамъ земли“. Это было въ самомъ началѣ царствованія Іоакима, въ моментъ самой сильной реакціи противъ принциповъ Іосіи. „И когда Іеремія сказалъ все, что Господь повелѣлъ ему сказать всему народу, тогда схватили его священники и пророки и весь народъ, и сказали: „ты долженъ умереть...“ И собрался весь народъ противъ Іереміи въ домѣ Господнемъ. Когда услышали объ этомъ князья іудейскіе, то пришли изъ дома царя къ дому Господню, и сѣли

[1]) IV Кн. Царствъ, XXIII, 25.

[2]) Квенэнъ, „The Religion of Israel“, т. I, стр. 43 и слѣд.; „Réligion naturelle et universelle“, стр. 199 и слѣд.

у входа въ новыя ворота дома Господня“. Когда приговоръ былъ произнесенъ, нѣкоторыя судьи заявили, „что этотъ человѣкъ не подлежитъ смертному приговору, потому что онъ говорилъ именемъ Господа Бога“. Нѣкоторые старѣйшины приводили примѣръ Михея, пророчествовавшаго въ дни Езекіи. „Умертвилъ-ли его за это Езекія, царь Іудейскій, и весь Іуда“? На этотъ разъ Іеремія избѣжалъ гнѣва народнаго, но другимъ такъ не посчастливилось. Урія изъ Киріаѳъ-Іеарима (Каріаѳіарима), единственное преступленіе котораго состояло въ томъ, что онъ проповѣдовалъ противъ жителей Іерусалима въ томъ же духѣ, какъ и Іеремія, напрасно пытался спастись въ Египетъ: царь Іоакимъ послалъ за нимъ Елнаѳана, сына Ахборова, и еще нѣсколькихъ человѣкъ, которые привели его обратно въ Іудею, обезглавили его и трупъ его бросили въ общую яму, „гдѣ были простонародныя гробницы“ [1]).

Разладъ, происшедшій между народомъ и человѣкомъ, который былъ носителемъ великихъ традицій пророчества, быстро увеличивался; дошло до того, что истинными представителями Израиля, казалось, были только Іеремія и ученикъ его Барухъ. Дѣйствительно, Іеремія принадлежалъ къ числу тѣхъ, у которыхъ пораженіе подъ Магедди отняло всякую вѣру въ настоящее. „Вотъ идетъ буря Господня съ яростью, буря грозная, и падетъ на главу нечестивыхъ. Гнѣвъ Господа не отвратится, доколѣ онъ не совершитъ, и доколѣ не выполнитъ намѣреній сердца Своего... Развѣ я Богъ только вблизи, говоритъ Господь, а не Богъ и вдали. Можетъ ли человѣкъ скрыться въ тайное мѣсто, гдѣ Я не видѣлъ бы его?.. Не наполняю ли Я небо и землю?“ [2]). Конечно, гнѣвъ Іеговы не будетъ вѣченъ, но онъ не утолится до тѣхъ поръ пока Іерусалимъ не будетъ разрушенъ, а Израиль не будетъ принужденъ заключить съ нимъ новый завѣтъ. Большинство народа, напротивъ, не могло свыкнуться съ мыслью, чтобы Іегова могъ такъ же покинуть Іудеевъ, какъ онъ покинулъ израильтянъ. Поэтому всякая попытка, противорѣчившая интересамъ халдеевъ, всякій союзъ съ врагами послѣднихъ казался имъ вполнѣ законнымъ, и подстрекательство Египта встрѣтило у нихъ радушный пріемъ. Набукудуруссуръ лично отправился на мѣсто дѣйствія и подавилъ движеніе, прежде чѣмъ фараонъ успѣлъ придти на помощь евреямъ; Іоакимъ принужденъ былъ

[1]) Іеремія, гл. XXVI, 4—6.

[2]) Іеремія, XXIII, 19, 20, 23, 24.

покориться [1]) Три года спустя онъ снова произвелъ возстаніе и тоже по наущенію Нико. На этотъ разъ Набукудуруссуръ не руководилъ лично военными дѣйствіями; онъ послалъ одного изъ своихъ военачальниковъ во главѣ отрядовъ изъ аммонитянъ и моавитянъ, всегда готовыхъ забыть свой страхъ передъ Халдеей. разъ дѣло шло объ удовлетвореніи ихъ ненависти къ евреямъ. Іоакимъ умеръ во время осады Іерусалима, его замѣнилъ на престолѣ сынъ его, молодой восемнадцалѣтній человѣкъ, принявшій имя Іехоніи или Іоакина. Онъ царствовалъ недолго. Въ тотъ самый моментъ, какъ онъ восходилъ на престолъ. Набукудуруссуръ появился лично въ непріятельскомъ лагерѣ. Его присутствіе ускорило развязку; три мѣсяца спусть Іоакинъ безусловно сдался непріятелю. Побѣдитель держалъ себя милостиво. Онъ удовольствовался тѣмъ, что захватилъ оставшіяся сокровища храма и сослалъ царя со всей его семьей на жительство въ Халдею. Еврейская армія была взята въ плѣнъ, рабочее населеніе переселено въ Вавилонъ, гдѣ на долю его выпалъ трудъ по возведенію крупныхъ сооруженій; остальное населеніе было подчинено послѣднему сыну Іосіи, Маттаніи, которому въ то время былъ 21 годъ (597). Маттанія, подобно своимъ предшественникамъ, съ перемѣной условій, перемѣнилъ и имя, и назывался съ тѣхъ поръ Седекіей [2]).

Два года спустя Нико умеръ (595) [3]), не найдя подходящаго случая для осуществленія своихъ желаній, а его сынъ Псамитикъ II, бывшій еще совсѣмъ ребенкомъ во время своего восшествія на престолъ, не имѣлъ даже достаточно времени, чтобы что-нибудь предпринять противъ Азіи. Царствованіе его было ознаменовано нашествіемъ на Эѳіопію (591) [4]), но онъ вскорѣ умеръ, не достигнувъ совершеннолѣтія (589) [5]).

---

[1]) IV Кн. Царствъ, XXIV, 1.

[2]) IV Кн. Царствъ, XXIV; Паралипоменонъ, XXXVI, 5 11. Сравн. Іеремія, XXIV, XXV, XXVI, XXV, XXXVI и т. д.

[3]) Манеѳонъ (изд. Унгера, стр. 280) насчитываетъ 6 лѣтъ царствованія Нико, а Геродотъ (II, CLIX)—16. Два памятника, хранящіеся - одинъ во Флоренціи, а другой - въ Лейденѣ, подтверждаютъ послѣднюю цифру (Леемансъ, „Lettre à Rosellini“, стр. 125—132).

[4]) Hérodote, II, CLX. Ко времени этой экспедиціи относятъ обыкновенно граффито (родъ фресковъ) Ибсумбула.

[5]) Его саркофагъ, открытый въ 1883 г., находится въ Булакскомъ музеѣ (сравн. Масперо, „Guide du visiteur“, стр. 25 26). Размѣры его такъ малы, что онъ могъ, очевидно, принадлежать только ребенку или самое большее, юношѣ.

Въ этотъ промежутокъ времени Сирія, спокойная по наружному виду, не переставала глухо волноваться; партіи, видѣвшія спасеніе родины въ тѣсномъ союзѣ съ Египтомъ, оправились отъ удара, нанесеннаго имъ пораженіемъ Нико и Іоакима. Въ Іерусалимѣ расположеніе къ Египту было такъ сильно, что Седекія, креатура Набукудуруссура, тоже поддался всеобщему увлеченію.

Пророки старой школы, исполненные вѣры въ Іегову, оставались при мысли, что униженіе ихъ родины не можетъ долго продолжаться, чѣмъ больше бѣдствій сваливалось на нее, тѣмъ ближе имъ казался часъ освобожденія. Тѣ изъ нихъ, которымъ пришлось сопровождать Іоакина (Іехонію) въ изгнаніе,—Ахавъ, Седекія, сынъ Маасей и Шемаія,—сами предсказывали себѣ скорое возвращеніе. Тѣ же, которые оставались въ Іерусалимѣ, не переставали повторять народу: „не будете служить царю Вавилонскому…, скоро возвращены будутъ изъ Вавилона сосуды дома Господня“. Напрасно Іеремія старался бороться съ дѣйствіемъ этихъ рѣчей. Онъ писалъ изгнанникамъ, увѣщевая ихъ вооружиться терпѣніемъ: „Стройте дома и живите въ нихъ, и разводите сады, и ѣшьте плоды ихъ. Берите женъ, и рождайте сыновей и дочерей; и сыновьямъ своимъ берите женъ, и дочерей своихъ отдавайте въ замужество, чтобы они рождали сыновей и дочерей, и размножайтесь тамъ, а не умаляйтесь… Да не обольщаютъ васъ пророки ваши, которые среди васъ, и гадатели ваши; и не слушайте сновъ вашихъ, которые вамъ снятся. Ложно пророчествуютъ они вамъ именемъ Бога; Я не посылалъ ихъ, говоритъ Господь. Ибо такъ говоритъ Господь: когда исполнится вамъ въ Вавилонѣ семьдесятъ лѣтъ, тогда я посѣщу васъ, и исполню доброе слово Мое о васъ, чтобы возвратить васъ на мѣсто сіе“ [1]). Одинъ изъ тѣхъ, къ кому относились эти обличенія Іереміи, Шемаія, былъ такъ возмущенъ этими миролюбивыми совѣтами, что обратился къ первосвященнику Софоніи съ письмомъ, въ которомъ требовалъ присужденія къ заключенію и къ колодкамъ этого Іереміи Анаѳоѳскаго, пророчествующаго въ Іерусалимѣ и не могущаго присовѣтовать изгнанникамъ ничего лучшаго, кромѣ терпѣнія. Іеремія никогда не оставался въ долгу у своихъ противниковъ; онъ проклялъ Шемаію, въ лицѣ его и его потомковъ [2]), и еще энергичнѣе сталъ проповѣдовать про-

---

[1]) Іеремія, XXIX, 1—11.

[2]) XXIX, 23—32.

тивъ сторонниковъ наступательной политики: „Не слушайте ихъ, служите царю Вавилонскому, и живите; зачѣмъ доводить городъ сей до опустошенія? А если они пророки, и если у нихъ есть слово Господне, то пусть ходатайствуютъ передъ Господомъ Саваоѳомъ, чтобы сосуды, остающіеся въ домѣ Господнемъ, и въ домѣ царя Іудейскаго, и въ Іерусалимѣ, не перешли въ Вавилонъ“ [1]). Однажды Іеремія вышелъ къ народу съ ярмомъ на шеѣ въ то время, какъ пророкъ Ананія-бекъ-Азуръ изъ Гаваона проповѣдовалъ передъ лицомъ священниковъ и всего народа въ слѣдующихъ словахъ: „Такъ говоритъ Господь Саваоѳъ, Богъ Израилевъ: сокрушу ярмо царя Вавилонскаго. Черезъ два года я возвращу на мѣсто сіе... Іехонію, сына Іоакима, царя Іудейскаго и всѣхъ плѣнныхъ Іудеевъ, пришедшихъ въ Вавилонъ“. Потомъ, снявъ ярмо съ шеи Іереміи, онъ разломалъ его и сказалъ: „Такъ говоритъ господь: такъ сокрушу ярмо Навуходоносора, царя Вавилонскаго, черезъ два года, снявъ его съ выи всѣхъ народовъ“. На другой день Іеремія появился съ новымъ ярмомъ на шеѣ, на этотъ разъ желѣзнымъ, эмблемой того ярма, которое Іегова возложилъ на выю всѣхъ этихъ народовъ, чтобы они работали царю Вавилонскому“ [2]). Восшествіе на Египетскій престолъ царя Уаибри обогатило приверженцевъ возстанія новыми аргументами. Его знали за человѣка предпріимчиваго, честолюбиваго съ давнихъ поръ готовившаго себя ко всѣмъ перипитіямъ войны: Тиръ и Финикія, Іерусалимъ и страны, расположенныя за Іорданомъ, единодушно взялись за оружіе. Очутившись между трехъ противниковъ, Набукудуруссуръ одну минуту колебался. „Царь Вавилонскій остановился на распутіи, при началѣ двухъ дорогъ для гаданія; трясетъ стрѣлы, вопрошаетъ терафимовъ, разсматриваетъ печень (жертвъ) [3])“.

Но нерѣшительность его продолжалась недолго. Іудея была связующимъ звеномъ коалиціи; ея территорія соединяла союзниковъ прибрежныхъ странъ съ тѣми, которые жили въ пустынѣ, объединяла силы Египта съ силами Сиріи. Въ то время, какъ часть арміи опустошала Финикію и начала блокаду Тира, Вавилонскій царь бросился съ главными силами своихъ войскъ на

[1]) Іеремія, XXVII, 14, 16—18.
[2]) Іеремія, XXVIII.
[3]) Іезекіиль, XXI, 21; сравн. Фр. Ленорманъ, „La Divination chez les Chaldéens“, 1875, стр. 18.

Іудею. Седекія не осмѣлился встрѣтиться съ непріятелемъ въ открытомъ полѣ и заперся въ Іерусалимѣ. На этотъ разъ Набукудуруссуръ окончательно вышелъ изъ терпѣнія; онъ безпощадно опустошилъ всю страну, предалъ сельскихъ жителей во власть филистимлянъ и эдомитянъ, блокировалъ крѣпости Лахисъ и Азеку и появился передъ столицей только тогда, когда все было предано огню и мечу [1]). Онъ началъ уже сильно тѣснить ее, какъ вдругъ узналъ, что Уаибри приближается со стороны Газы; это было дѣломъ Седекіи, который, въ виду угрожавшей опасности, „послалъ пословъ въ Египетъ, чтобы дали ему коней и много людей“ [2]). Набукудуруссуръ немедленно снялъ осаду и пошелъ навстрѣчу этому новому врагу. Народная партія торжествовала, видя такіе успѣхи своей политики. Но Іеремія не вѣрилъ въ счастливый исходъ предпріятія: „не обманывайте себя, говоря: „непремѣнно отойдутъ отъ насъ Халдеи“; ибо они не отойдутъ. Если бы вы даже разбили все войско Халдеевъ, воюющихъ противъ васъ, и остались бы у нихъ только раненые; то и тѣ встали бы, каждый изъ палатки своей, и сожгли бы городъ сей огнемъ“ [3]). Достовѣрно неизвѣстно, что произошло въ данномъ случаѣ: по однимъ указаніямъ, египетскій царь отступилъ безъ битвы [4]), по другимъ, онъ сражался и былъ побѣжденъ [5]). Набукудуруссуръ, появившійся опять подъ стѣнами Іерусалима, былъ еще грознѣе, чѣмъ прежде. Паденіе города было лишь вопросомъ времени, а противодѣйствіе только раздражало побѣдителя. Тѣмъ не менѣе евреи защищались съ геройскимъ упорствомъ, но, къ несчастью, между ними продолжалъ царить духъ раздора, склонность къ которому они проявляли во всѣ времена. Въ то короткое время, когда появленіе Уаибри заставило непріятеля снять осаду, Іеремія хотѣлъ было уйти изъ Іерусалима и продолжать свою проповѣдь въ землѣ Веніаминовой. Остановленный въ воротахъ города подъ предлогомъ обвиненія въ измѣнѣ, онъ былъ избитъ и посаженъ въ темницу, гдѣ только личное вмѣшательство царя заставило его тюремщиковъ нѣсколько

[1]) Іеремія, XXXIV, 7.
[2]) Іезекіиль, XVII, 15.
[3]) Іеремія, XXXVII, 11.
[4]) Іеремія, XXXVII, 7: „Войско фараоново, которое шло къ вамъ на помощь, возвратится въ землю свою, въ Египетъ“.
[5]) Іосифъ, „Ant Jud.“, X, 7, § 3.

смягчить его участь [1]). Но и въ заточеніи онъ не переставалъ увѣщевать всякаго, кого только могъ: „Кто останется въ этомъ городѣ, умретъ отъ меча, голода и моровой язвы, а кто выйдетъ къ Халдеямъ, будетъ живъ, и душа его будетъ ему вмѣсто добычи, и онъ останется живъ. Такъ говоритъ Господь: непремѣнно преданъ будетъ городъ сей въ руки войска царя Вавилонскаго, и онъ возьметъ его[2]. Военачальники Седекіи и приверженцы политики сопротивленія сказали царю: „да будетъ этотъ человѣкъ преданъ смерти, потому что онъ ослабляетъ руки воиновъ, которые остаются въ этомъ городѣ, и руки всего народа, говоря къ нимъ такіе слова“. Выданный своимъ обвинителемъ, брошенный въ яму, на половину наполненную грязью, онъ бѣжалъ отъ своихъ притѣснителей, благодаря сострадательности одного изъ евнуховъ, находившихся въ царскомъ домѣ, и еще настойчивѣе сталъ говорить о необходимости покориться. Царь тайно обратился къ нему за совѣтомъ, и Іеремія сказалъ ему: „Если ты выйдешь къ князьямъ царя Вавилонскаго, то жива будетъ душа твоя, и этотъ городъ не будетъ сожженъ огнемъ, и ты будешь живъ, и домъ твой. Но если ты не выйдешь къ князьямъ царя Вавилонскаго, то этотъ городъ будетъ преданъ въ руки Халдеевъ, и они сожгутъ его огнемъ, и ты не избѣжишь отъ рукъ ихъ“. Седекія внутренно склонялся къ совѣтамъ пророка, но онъ зашелъ уже слишкомъ далеко, чтобы имѣть возможность отступить безъ посрамленія.

Къ ужасамъ войны и болѣзней присоединился скоро и голодъ, но это не уменьшило стойкости осажденныхъ: хлѣбъ весь вышелъ, но никто еще не говорилъ о сдачѣ. Наконецъ, послѣ цѣлыхъ полутора года страданій, „въ одиннадцатый годъ Седекіи, въ четвертый мѣсяцъ, въ девятый день мѣсяца, городъ былъ взятъ, и вошли въ него всѣ князья Вавилонскіе и расположились въ среднихъ воротахъ“. Седекія сдѣлалъ попытку бѣжать за Іорданъ, но былъ взятъ въ Іерихонской долинѣ и приведенъ въ Ривлу, гдѣ находилась главная ставка Набукудуруссура Вавилонскій царь поступилъ съ побѣжденнымъ, какъ обыкновенно поступали его предки съ непокорными вассалами: онъ велѣлъ задушить въ его присутствіи его сыновей и всѣхъ правителей Іудеи, затѣмъ велѣлъ выколоть ему глаза и отослать въ двой-

[1]) Іеремія, XXXV I, 11—21.
[2]) Іеремія, XXXVIII, 1—19.

ныхъ цѣпяхъ въ Вавилонъ. Городъ былъ разрушенъ и сожженъ непріятельскими войсками подъ предводительствомъ Набусарадана, одного изъ царскихъ военачальниковъ, нарочно назначеннаго для этого Набукудуруссуромъ. Воины, священники, книжники, представители высшаго сословія были переселены въ Халдею и разсѣяны по различнымъ городамъ. Въ странѣ остались только простые поселяне, которымъ побѣдитель роздалъ виноградники и земли богатыхъ. Закончивъ дѣло разрушенія, халдеи удалились, ввѣривъ управленіе новой провинціей одному другу Іереміи, Гедаліи (586) [1]).

Гедалія прожилъ не долго; вмѣстѣ съ охранявшими его еврейскими и халдейскими отрядами, онъ былъ умерщвленъ въ Массирѣ Исмаиломъ, сыномъ Нафаніи, происходившимъ изъ дома Давидова [2]). Исмаилъ въ свою очередь подвергся нападенію Іоханана, сына Корея, и принужденъ былъ бѣжать почти совершенно одинъ къ аммонитянамъ [3]). Евреи, отомстившіе за Гедалію и разбившіе Исмаила, тоже убоялись гнѣва Набукудуруссура и бѣжали въ Египетъ, увлекая за собою Іеремію и часть еврейскаго народа [4]). Уаибри далъ имъ земли около Дафне, откуда они распространились на Мигдалъ, Мемфисъ и даже Ѳиваиду [5]). Но даже эта катастрофа не переполнила еще чаши страданій іудеевъ. Въ 581 г. остатки населенія заключили союзъ съ моавитянами и

[1]) Іеремія, XXXIX; IV Кн. Царствъ, 1—24; II Паралипоменонъ, XXXVI. 13—21. Вотъ таблица царей Іудейскихъ со времени смерти Соломона до паденія Іерусалима:

I. Ровоамъ.	XI. Ахазъ.
II. Авіямъ (Авія).	XII. Езехія (Езекія).
III. Аса.	XIII. Манассія.
IV. Іосафатъ.	XIV. Амонъ (Аммонъ).
V. Іорамъ.	XV. Іосія.
VI. Ахазія (Охозія) Аталія.	XVI. Іоахазъ.
VII. Іоасъ.	XVII. Іоакимъ.
VIII. Амазія Амасія).	XVIII. Іоакимъ (Іехонія).
IX. Азарія.	XIX. Зедекія (Седекія).
X. Іоѳамъ (Іоаѳамъ).	

[2]) Іеремія, XL—XLI, 1—4.
) Іеремія, XLI, 11—15.
[4]) Іеремія, XLI, 17—18; XLII.
[5]) Idem, XLIII—XLIX, 1.

вновь попытали счастья своего оружія. Новое пораженіе и новая ссылка довершили паденіе страны. Прежніе изгнанники могли только издали оплакивать уничтоженіе своего народа. „Іуда переселился по причинѣ бѣдствія и тяжкаго рабства, поселился среди язычниковъ и не нашелъ покоя. Пути Сіона сѣтуютъ, потому что нѣтъ идущихъ на праздникъ; всѣ ворота его опустѣли; священники его вздыхаютъ, дѣвицы его печальны; — дѣти его пошли въ плѣнъ впереди врага. — Ты, Господи, пребываешь во вѣки; престолъ Твой въ родъ и родъ. Для чего совсѣмъ забываешь насъ, оставляешь насъ на долгое время? Обрати насъ къ Тебѣ, Господи, и мы обратимся; обнови дни наши, какъ древле" [1]).

Такъ окончился первый актъ великаго переворота, о которомъ мечтали пророки. Іудеи достигли высшаго предѣла своихъ беззаконій и превысили мѣру терпѣнія своего Бога: день Господень, такъ давно предвѣщаемый, наконецъ, насталъ и освѣтилъ разрушеніе Іерусалима. Евреи, избѣжавшіе меча халдеевъ и изгнанные на чужбину, все еще отказывались признать справедливость наказанія и сваливали отвѣтственность за постигшія ихъ бѣдствія на реформаторовъ стараго культа. Напрасно Іеремія угрожалъ имъ отъ имени Господа, если они не отрекутся отъ идолопоклонства. „Слова, которое Ты говорилъ намъ именемъ Господа, мы не слушаемъ отъ тебя", отвѣчали они, „но непремѣнно будемъ дѣлать все то, что вышло изъ устъ нашихъ, чтобы кадить богинѣ неба и возливать ей возліянія, какъ мы дѣлали, мы и отцы наши, цари наши и князья наши, въ городахъ Іудеи и на улицахъ Іерусалима, потому что тогда мы были сыты и счастли ы и бѣды не видѣли. А съ того времени, какъ мы перестали кадить богинѣ неба и возливать ей возліянія, терпимъ во всемъ недостатокъ и гибнемъ отъ меча и голода" [2]). Іеремія слишкомъ много требовалъ отъ своихъ современниковъ: они не могли обладать ни достаточной широтой ума, ни такимъ высокимъ нравственнымъ уровнемъ, чтобы вознестись на высоту его идеала. Конечно, и онъ не вполнѣ былъ свободенъ отъ тѣхъ недостатковъ, которые являются общими мѣстами у всѣхъ пророковъ: у него мы видимъ тѣ же неизмѣнныя воззванія къ мору, голоду и войнѣ, тѣ же угрозы силами Ассиріи

[1]) Плачъ Іереміи, I, 3—5; V, 19—21.
[2]) Іеремія, XLIV, 16—18.

и Халдеи, тѣ же проклятія, направленныя противъ царя и его нечестиваго народа, тѣ же преувеличенныя надежды на будущность Израиля,—всю эту слишкомъ хорошо знакомую реторику, облеченную только въ болѣе совершенную литературную форму и получившую силою событій, слишкомъ много опроверженій, и притомъ опроверженій кровавыхъ, чтобы не отвратить отъ себя большинство народа. Но если устранить оболочку, въ которую умственный уровень современниковъ Іереміи заставлялъ его облекать свои идеи, — какое высокое представленіе получается объ этомъ человѣкѣ! Опозоренный, избитый, ввергнутый въ темницу, вѣчно находясь подъ угрозой осужденія силою закона или короткой народной расправы, изгнанный на чужбину ненавистью своихъ противниковъ, — онъ никогда не падалъ духомъ и не терялъ глубокой вѣры въ правоту своего дѣла. „Вотъ наступаютъ дни, говоритъ Господь, и возставлю Давиду Отрасль праведную, и воцарится Царь, и будетъ поступать мудро, и будетъ производить судъ и правду на землѣ. Во дни Его Іуда спасется, и Израиль будетъ жить безопасно, и вотъ имя Его, которымъ будутъ называть Его: „Господь оправданіе наше!" [1]). Но ни ему, ни его приверженцамъ не суждено было увидѣть даже зари этихъ счастливыхъ дней [2]).

Пораженіе народовъ, жившихъ по другую сторону Іордана, послѣдовало вскорѣ послѣ бѣдствій, постигшихъ Іудею. „Отсѣченъ рогъ Моава, и мышца его сокрушена, говоритъ Господь, и Моавъ самъ будетъ посмѣяніемъ. Не былъ ли въ посмѣяніи у тебя Израиль? Развѣ онъ между ворами былъ пойманъ, что ты, бывало, лишь только заговоришь о немъ, качаешь головой. Оставьте города и живите на скалахъ, жители Моава, и будьте, какъ голуби, которые дѣлаютъ гнѣзда во входѣ въ пещеру... Радость и веселіе отнято отъ Кармила и отъ земли Моава. Я положу конецъ вину въ точилахъ; не будутъ болѣе топтать въ нихъ съ пѣснями; крикъ брани будетъ, а не крикъ радости" [3]). Тѣ же бѣдствія обрушились и на аммонитянъ: „Рыдай Есевонъ, ибо опустошенъ Гай; кричите дочери Раввы, опояшьтесь вретищемъ, плачьте и скитайтесь по огородамъ, ибо Малхомъ пой-

[1]) Іеремія, XXIII, 5—6.
[2]) Относительно роли Іереміи, см. Квенена, „The Religion of Israel", т. II, стр. 55—77.
[3]) Іеремія, XLVIII, 25—28, 33.

детъ въ плѣнъ вмѣстѣ съ священниками и князьями своими" [1]). Очередь дошла и до Эдома, „ибо Мною клянусь, говоритъ Господь, что ужасомъ, посмѣяніемъ, пустынею и проклятіемъ будетъ Восоръ, и всѣ города его сдѣлаются вѣчными пустынями... Отъ шума паденія ихъ потрясется земля, и отголосокъ крика ихъ слышенъ будетъ у Чермнаго моря" [2]). Даже Аравія не избѣжала ужасовъ нашествія [3]): первыми пострадали народы Кедара и ихъ сосѣди, „эти люди съ бритою головою". Подобно его предшественникамъ, царямъ Ассиріи, Набукудуруссура привлекала къ далекимъ странамъ Іемена молва о его сказочныхъ богатствахъ. Сокровища, накопившіяся, благодаря оживленной торговлѣ, въ этомъ складочномъ пунктѣ восточнаго міра, возбуждали его корыстолюбіе; къ сожалѣнію, мы ничего не знаемъ о томъ, удалось ли ему проникнуть далѣе къ югу, т.-е. добиться того, чего не могли сдѣлать ни Асаргаддонъ, ни Ассурбанипалъ. Арабское преданіе говоритъ, что, разсѣявъ близъ городка Дгатъ-Иркъ Джоромъ-Іоктанидовъ, преграждавшихъ ему путь къ Каабѣ, онъ достигъ западныхъ границъ Іемена. Усталость войскъ помѣшала ему слѣдовать дальше: онъ вернулся назадъ, уводя съ собой массу плѣнниковъ и даже цѣлыхъ два племени, Гадура и Уабаръ, которыхъ поселилъ въ Халдеѣ [4]). Несмотря на такой выдающійся успѣхъ, походъ въ Аравію былъ скорѣе большимъ набѣгомъ, чѣмъ правильнымъ военнымъ предпріятіемъ; онъ доставилъ побѣдителю значительное количество добычи, но только номинальную верховную власть надъ побѣжденными, которая впрочемъ, вскорѣ была утрачена.

Изъ остальныхъ государствъ держались еще только Тиръ и Египетъ. Тиръ, защищенный стѣнами своего острова, господствовалъ надъ моремъ и не боялся безсильнаго гнѣва халдеевъ. Послѣ 13 лѣтъ безплодныхъ усилій Набукудуруссуръ рѣшился вступить въ переговоры съ царемъ Иѳобааломъ III, который руководилъ защитой города [5]) (574). Это развязало ему руки, и онъ могъ

---

[1]) Іеремія, XLIX, 3.

[2]) Іеремія, XLIX, 13, 21.

[3]) Іеремія, XLIII.

[4]) Коссенъ де Персеваль, „Histoire des Arabes", т. 1, стр. 81 — 99. Большинство арабскихъ легендъ, относящихся къ Набукудуруссуру, позаимствованы изъ Библіи; кажется, однако, что разсказъ о походѣ въ Іеменъ основывается на истинномъ событіи.

[5]) Менандръ у Іосифа, „Cont. Apionem", I, 121, § 127. Большинство духов-

свободно обратить свои усилія противъ Египта. Со времени пораженія Нико, года не проходило, чтобы еврейскіе пророки не возвѣстили о близившемся столкновеніи между фараономъ и халдеями. Іеремія неоднократно предсказывалъ это, нисколько не смущаясь тщетностью своихъ предсказаній [1]). Узнавъ о сдачѣ Тира, одинъ изъ плѣнныхъ евреевъ, Іезекіиль, снова заговорилъ о томъ же. „Такъ говоритъ Господь Богъ: положу конецъ многолюдству Египта рукою Навуходоносора, царя Вавилонскаго. Онъ и съ нимъ народъ его, лютѣйшій изъ народовъ, приведены будутъ на погибель сей земли, и обнажатъ мечи свои на Египетъ, и наполнятъ землю пораженными. И рѣки сдѣлаю сушею и передамъ землю въ руки злымъ, и рукою иноземцевъ опустошу землю и все, наполняющее ее. Я, Господь, сказалъ это. Такъ говоритъ Господь Богъ: истреблю идоловъ, и уничтожу лжебоговъ, въ Мемфисѣ, и изъ земли Египетской не будетъ уже властителя, и наведу страхъ на землю Египетскую. И опустошу Пафросъ [2]), и пошлю огонь на Цоанъ [3]), и произведу судъ надъ Но [4]). И изолью ярость Мою на Синъ [5]), крѣпость Египта, и истреблю многолюдіе въ Но. И пошлю огонь на Египетъ, вострепещетъ Синъ, и Но рушится, и на Мемфисъ нападутъ враги среди дня. Молодые люди Она и Бубаста падутъ отъ меча, а прочіе пойдутъ въ плѣнъ. И въ Тафнисѣ [6]) померкнетъ день, когда Я сокрушу тамъ ярмо Египта, и прекратится въ немъ гордое могущество его. Облако закроетъ его, и дочери его пойдутъ въ плѣнъ" [7]). Если вѣрить Іосифу, предсказаніе пророка исполнилось вполнѣ:

ныхъ писателей держались того мнѣнія, что Тиръ былъ взятъ Набукудуруссуромъ, не смот я на формальныя доказательства финикійскихъ лѣтописцевъ и греческихъ историковъ (Іеромъ, „Comment. in Ezech.", гл. XXVI, XXIX; „Op. omnia", т. III, стр. 875, 908; Кириллъ Александрійскій, „Comment. in Iesaiam", 23, „Op. omnia", т. II, изд. Обера). Царь халдейскій, по словамъ ихъ, соединилъ островъ съ континентомъ посредствомъ плотины, аналогичной той, какую позднѣе выстроилъ Александръ. Еще въ XI вѣкѣ до нашей эры мѣстное преданіе утверждало, что Набукудуруссуръ не успѣлъ въ своемъ предпріятіи („Guillaume de Tyr., Hist.", XIII, 4).

[1]) Іеремія, IX, 25—26; XLIII, 8—13; XLIX, 30; XLVI.

[2]) Ѳиваида.

[3]) Танисъ.

[4]) Ѳивы.

[5]) Пелуній.

[6]) Дафне.

[7]) Іезекіиль, XXX, 10—18.

Набукудуруссуръ завоевалъ Египетъ, разбилъ и убилъ Уаибри, и, назначивъ правителя въ новозавоеванной странѣ, вернулся въ Халдею, уведя съ собой евреевъ, которыхъ онъ нашелъ поселившимися въ Дельтѣ [1]). Разсказы египтянъ, напротивъ, доказываютъ, что Набукудуруссуръ потерпѣлъ серьезную неудачу. Флотъ Уаибри, вооруженный греками, разбилъ финикійскій флотъ, находившійся на службѣ у халдеевъ, взялъ Сидонъ и заставилъ остальные города сдаться безъ сопротивленія [2]). Все Сирійское побережье перешло въ руки египтянъ, причемъ Набукудуруссуромъ не было сдѣлано даже никакихъ попытокъ отстоять или отнять его. Гарнизоны фараона заняли Гебель и построили здѣсь изъ мѣстнаго камня храмъ, развалины котораго недавно открыты современными изслѣдователями [3]). По счастливой случайности Уаибри достигъ въ какія-нибудь нѣсколько недѣль цѣли, къ которой его предки тщетно стремились впродолженіе полустолѣтія; поэтому онъ могъ именовать себя „счастливѣйшимъ изъ жившихъ до него царей“ и воображать въ своей гордости, что „сами боги безсильны вредить ему [4]).

Но боги не дали ему долго пользоваться плодами своихъ успѣховъ. Ливійскія племена, жившія вдоль морского побережья, безпрестанно тѣснимые греческими колонистами Киренаики, обратились къ нему, какъ къ своему естественному покровителю, и просили защиты отъ захватовъ своихъ сосѣдей. Уаибри не былъ настолько благоразуменъ, чтобы послать своихъ греческихъ наемниковъ противъ ихъ же соотечественниковъ. Онъ отправилъ противъ киренцевъ египетскую армію, которая была разбита

[1]) Іосифъ, „Ant. Jud.“, X, 11, откуда позаимствованы, вѣроятно, тѣ мѣста у арабскихъ писателей, въ которыхъ говорится о завоеваніи Египта, С. де Саси, „Relation de l'Egypte por Abd-allatif“, стр. 184, 246.

[2]) Геродотъ, II, CLXI; Diodore, I, 68.

[3]) Э. Ренанъ, „Mission de Phénicie“, стр. 26 и слѣд. 179 и замѣтка Э. де Руже относительно египетскихъ развалинъ, найденныхъ въ Финикіи Ренаномъ (Revue Archéologique, 1864, т. VII, стр. 194 и слѣд.). Видеманнъ (Geschichte Aegyptens von Psamitik, I, стр. 131) относитъ эти постройки ко времени царствованія Псамитика I.

[4]) Геродотъ, II, CLXI. Война Уаибри съ Финикіей не могла имѣть мѣста во все то время, пока длилась осада Тира, т. е. съ 588 по 575 г. По другимъ свѣдѣніямъ, царствованіе Уаибри продолжалось только 19 лѣтъ, а именно съ 589 по 569 г. (Манеѳонъ, изд. Унгера, стр. 281—283). Итакъ, война съ Финикіей должна быть отнесена къ періоду времени между 574, годомъ, въ которомъ Тиръ былъ взятъ халдеями, и 569-мъ, годомъ возмущенія Амазиса.

близъ городка Ирасы и такъ сильно пострадала во время отступленія, что только небольшое количество бѣглецовъ достигло границъ Дельты [1]). Это подало поводъ къ возмущенію. Своимъ покровительствомъ чужеземцамъ Уаибри уже давно возбудилъ къ себѣ ненависть жрецовъ и простого народа. Явилось предположеніе, или, можетъ быть, дѣло преднамѣренно было выставленно въ такомъ видѣ, будто онъ нарочно послалъ въ Ливію египетскихъ солдатъ на вѣрную погибель, чтобы отдѣлаться отъ людей, въ преданность которыхъ онъ плохо вѣрилъ. Вспыхнуло возстаніе [2]). Въ то время при дворѣ находился человѣкъ, по имени Амасъ, который, благодаря своей ловкости и веселому нраву, достигъ высшихъ ступеней въ арміи и получилъ званіе военачальника [3]). Уаибри послалъ его противъ бунтовщиковъ съ приказаніемъ привести ихъ въ повиновеніе. Въ то время, когда Амасъ обратился съ воззваніемъ къ войскамъ, одинъ воинъ надѣлъ ему на голову шлемъ и провозгласилъ его царемъ. Превратившись изъ царскаго посла къ мятежнымъ войскамъ въ главу возстанія, Амасъ пошелъ на Саисъ и разбилъ близъ Момефиса [4]) 30.000 наемниковъ, еще бывшихъ на сторонѣ законнаго царя (569). Уаибри, захваченный непріятелемъ, былъ сначала пощаженъ и пользовался царскими почестями; онъ раздѣлялъ власть со своимъ побѣдителемъ, и имя его фигурировало на всѣхъ памятникахъ той эпохи рядомъ съ именемъ новаго царя [5]). Но спустя нѣсколько времени саисская чернь потребовала его выдачи; требованіе ея было исполнено, и онъ былъ убитъ врагами [6]). Амасъ (Амосъ II) укрѣпилъ свою власть женитьбой на женщинѣ царственнаго происхо-

[1]) Геродотъ, IV, CLIX.

[2]) Геродотъ, II, CLXI; Діодоръ, I, 68.

[3]) Геродотъ, II, CLXI, CLIV, гдѣ говорится, что Амазисъ происходилъ изъ Сіуфа, близъ Саиса. Элланикосъ Лесбосскій (отрывокъ 151, „Fragm. Hist. Graec.“, т. I, изд. К. Мюллера, стр. 66) разсказывалъ, что Амазисъ пріобрѣлъ милость царя тѣмъ, что приподнесъ ему вѣнокъ изъ цвѣтовъ въ годовщину его рожденія. Платонъ („Timée“, т. II, стр. 199, изд. Дидо) увѣряетъ, что Амазисъ былъ изъ самого Саиса.

[4]) Геродотъ, II, CLXIII, CLXIX; по Діодору, I, 68, битва произошла близъ Мареи.

[5]) Шамполліонъ, „Monuments“, т. IV, CCCCXLIII, 1; Видеманнъ, („Geschiechte Aegyptens von Psamitik“, I, стр. 120, 167 и слѣд.).

[6]) Геродотъ, II, CLXII, CLXIII, CLXIV; Діодоръ, I, 68; сравн. Элланикосъ (Hellanicos), „Fragm. Hist. Græc.“, т. I, отрыв. 151, стр. 66 (изд. Дидо), гдѣ Уаибри названъ Патармисомъ.

жденія, именно на царицѣ Онхнасъ-Нофирибри, внучкѣ Шапенапы и Псамитика I [1]). Съ первыхъ же дней своего воцаренія ему пришлоось направить свои силы противъ нападенія со стороны Халдеевъ. Въ одномъ недавно открытомъ документѣ разсказывается, что на 37 году своего царствованія Набукудуруссуръ выступилъ въ походъ противъ египетскаго царя Амассу. Къ сожалѣнію, намъ ничего неизвѣстно объ исходѣ этой войны [2]). Халдейскія преданія утверждаютъ, что Египетъ былъ завоеванъ и сдѣлался простой сатрапіей Вавилоніи. Египетскія преданія совершенно умалчиваютъ объ этомъ событіи. Очень возможно, что Амазисъ потерялъ всѣ финикійскія завоеванія своего предшественника и принужденъ былъ ограничиться однимъ Египтомъ, но нѣтъ никакихъ указаній на то, чтобы самъ Египетъ пострадалъ при этомъ, и чтобы халдеямъ удалось повторить, столѣтіе спустя, подвиги Асаргаддона и Ассурбанипала [3]).

Это была послѣдняя война Набукудуруссура, послѣдняя, по крайней мѣрѣ, о которой сохранились слѣды въ исторіи. Ко времени ея окончанія, халдейскій царь былъ уже старъ, и вниманіе его было, вѣроятно, обращено болѣе на другіе предметѣ, чѣмъ на военныя предпріятія. Весьма возможно, что его честолюбіе было направлено въ то время на приведеніе къ концу великихъ строительныхъ работъ, прославившихъ его имя въ древности. Во все продолженіе столѣтія, предшествовавшаго паденію Нинивіи, Вавилонъ жестоко страдалъ отъ ассиріянъ. Онъ былъ дважды разоренъ, — Сеннахерибомъ и Ассурбанипаломъ, не считая осадъ, а также разграбленій, которымъ онъ подвергался во время терзавшихъ его безпрерывныхъ возстаній. Набупалуссуръ началъ

[1]) Э. де Руже, „Notice de quelques textes hiéroglyphiques récemment publiés par. M. Greene“, стр. 49, 54.

[2]) Пинчсъ (Pinches), „A new Fragment of the History of Nebucadnezzar III“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archœology“, т. VII, стр. 210 225.

[3]) Видеманнъ, („Der Zug Nebucadnezar's gegen Aegypten bestätigt durch eine gleichzeitige hieroglyphische Inschrift“ въ „Zeitschrift“, 1878, стр. 2 — 6) пытается доказать, что Набукудуруссуръ проникъ до перваго водопада, послѣ чего былъ разбитъ и прогнанъ изъ Египта военачальникомъ Нсигоромъ; онъ сопоставляетъ эти данныя съ данными Пинчса („Nebucadnezar und Aegypten“ въ „Zeitschrift“, 1878, стр. 87—89). Я указалъ уже въ другомъ мѣстѣ („Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire“ въ „Zeitschrift“, 1884, стр. 87—90; сравн. Бругшъ, „Beiträge“ въ „Zeitschrift“, 1884, стр. 93—97), какъ, по-моему, слѣдуетъ понимать эту гипотезу.

было дѣло возстановленія города; какъ кажется, онъ предпринялъ его по желанію одной изъ своихъ женъ, которая, по странной случайности, носитъ въ классическихъ преданіяхъ египетское имя Нитокрисы [1]). Онъ употреблялъ для работъ плѣнныхъ сирійцевъ, евреевъ, египтянъ и арабовъ, доставшихся ему на войнѣ. Вавилонъ бывшій до него не болѣе какъ простымъ провинціальнымъ городомъ, сдѣлался, благодаря ему, красивѣйшимъ городомъ въ мірѣ. Въ центрѣ города возвышалась гигантская семиэтажная башня Белла, увѣнчанная золотой статуей этого бога; статуя эта имѣла 40 футовъ вышины и къ ней вела винтовая лѣстница. Царскій дворецъ, отстроенный въ 50 дней, славился своими висячими садами, въ которыхъ женщины гарема прогуливались безъ покрывалъ, удаленныя отъ взоровъ непосвященныхъ. Въ то же время возстановились каналы, ведущіе воду Тигра въ самый центръ города и соединяющіе эту рѣку съ Евфратомъ; исправлялись большіе бассейны, въ которые при царяхъ древнихъ династій собирался избытокъ ежегодныхъ рѣчныхъ разливовъ; былъ возстановленъ мостъ, соединявшій обѣ половины города; построенъ храмъ Небо въ Барсипѣ. Всѣ средства, какими только обладали инженеры того времени, были употреблены на то, чтобы возможно лучше укрѣпить столицу. Такъ же какъ и Барсипъ, она была окружена двойною оградой; въ стѣнѣ ея было продѣлано сто входовъ, накрѣпко запиравшихся бронзовыми воротами; толщина же стѣнъ была такова, что по гребню ихъ свободно могли проѣзжать въ рядъ двѣ колесницы. Работы по украшенію города коснулись и его окрестностей: бассейнъ въ Сиппарѣ, царскій каналъ и по крайней мѣрѣ часть озера Паллакопаса тоже были расчищены. Богатства, накопленныя въ этомъ уголкѣ земли, легко могли сдѣлаться приманкою для сосѣднихъ народовъ; къ тому же отношенія съ Мидіей стали уже менѣе дружественными со времени вмѣшательства Халдеи въ дѣла Лидіи [2]). Поэтому, Набукудуруссуръ, предвидя возможность войны, построилъ впереди большихъ каналовъ, такъ называемую, мидійскую стѣну, которая, начинаясь у Сиппара, совершенно загораживала входъ въ пространство между Тигромъ и Евфратомъ, представлявшее родъ перешейка, образуемаго

[1]) Геродотъ, I, CLXXXV; Оппертъ, „Rapport adressé au ministre de l'instruction publique“, стр. 16; Ленорманъ, Histoire, т. II, стр. 216—218.

[2]) Эверсъ, „Das Emporkommen der Persischen Macht unter Cyrus“, стр. 4—5.

здѣсь теченіемъ этихъ рѣкъ. Неутомимый въ своихъ предпріятіяхъ, Набукудуруссуръ былъ для Халдеи тѣмъ же, кѣмъ былъ нѣкогда Рамзесъ II для Египта, т. е. неутолимымъ царемъ строителемъ. Онъ неусыпно работалъ надъ всѣми храмами и во всѣхъ городахъ: въ окрестностяхъ Вавилона нѣтъ уголка, гдѣ нельзя было бы найти его имени и гдѣ не было бы слѣдовъ его поразительной дѣятельности (562) [1]). Преемникъ Набукудуруссура Авилмардукъ (Эвиль—Меродахъ), былъ убитъ послѣ двухлѣтняго царствованія (560) своимъ шуриномъ Ниргалсарусуромъ (Периглиссоромъ), который, въ свою очередь, умеръ въ 556 г., оставивъ своимъ преемникомъ ребенка, по имени Лабасимардука (Лаборосоархода). Черезъ девять мѣсяцевъ послѣ своего воцаренія Лабасимардукъ былъ убитъ и мѣсто его на престолѣ занялъ Набунаидъ (555) [2]). Со смертью Набунаида пресѣкся домъ Набукудуруссура, и народное воображеніе, пораженное столь быстрымъ паденіе династіи послѣ всего достигнутаго ею величія, видѣло въ этомъ перстъ Божій. Національное преданіе разсказываетъ, что къ концу своей жизни Набукудуруссуръ, охваченный духомъ пророчества, взошелъ на крышу дворца и предсказалъ халдеямъ скорое разрушеніе ихъ государства [3]). Еврейская легенда, безпощадная къ государю, разрушившему Іерусалимъ и уничтожившему храмъ Господень, утверждала, что упоенный славою Набукудуруссуръ вообразилъ себя равнымъ Богу, и въ возмездіе за это гнѣвъ Іеговы обратилъ его въ животное. Семь лѣтъ онъ прожилъ среди полей, питаясь какъ животныя травою, затѣмъ опять принялъ свой прежній образъ и сталъ править государствомъ [4]). Если въ продолженіе всего своего царствованія Набукудуруссуру ни разу не пришлось сразиться съ своимъ мидійскимъ сосѣдомъ, то причина этого лежала преимущественно въ миролюбивомъ характерѣ государя, царствовавшаго

[1]) Оппортъ, „Inscription de Nabuchodonosor sur les merveilles de Babylone“, in 12, Реймсъ, 1866; сравн. Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. III, стр. 55—58; Ж. Менанъ, „Babylone et la Chaldée“, стр. 196—248.

[2]) Берозъ, у Іосифа, „C. Ap.“, I, 21, и у Евсевія, „Praep. Evang.“, IX, 40—41: Фр. Ленорманъ, Histoire, т. II, стр. 239—241; сравн. Дж. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. III, стр. 62—64. Существуетъ видоизмѣненіе имени Набунаидъ,—Набунитукъ, отъ котораго, какъ кажется, произошла греческая форма этого имени Ναβοννήδοχος.

[3]) Берозъ и Абиденій у Евсевія, „Praep. Evang.“, IX, 41.

[4]) Даніилъ, IV.

въ то время въ Экбатанѣ. Иступегу, котораго греки называли Астіагомъ, сынъ Кіаксара, въ противоположность своему отцу, не былъ воспитанъ для боевой жизни. Исключая одной войны съ халдеями, въ которой онъ потерялъ городъ Харранъ и сосѣдніе съ нимъ округа [1]), а также одного похода на кадузійцевъ [2]), окончившагося почти мгновеннымъ покореніемъ этого племени, онъ не предпринималъ ни одной военной экспедиціи. Суевѣрный и жестокій, онъ жилъ, окруженный восточной пышностью своего двора, среди тѣлохранителей и евнуховъ, не зная другого препровожденія времени, кромѣ охоты въ дворцовыхъ паркахъ, или въ предѣлахъ пустыни [3]).

Возмущеніе одного изъ его вассаловъ, Куруса (Кира), извлекло его изъ бездѣятельности, но въ то же время лишило его престола. Народное преданіе не замедлило украсить это событіе баснословными подробностями, и, сто лѣтъ спустя послѣ паденія Астіага, существовало уже много романическихъ легендъ, сложившихся по этому поводу [4]). Въ нѣкоторыхъ изъ тѣхъ, которыя дошли до насъ, видна обыкновенная тенденція народныхъ сказаній приписывать основателямъ государствъ низменное происхожденіе. Подобно халдейскому Саргинѣ и лидійскому Гигесу, Киръ не принадлежалъ къ царскому роду: мать его стерегла козъ, а отецъ, происходившій изъ дикаго племени мардовъ, жилъ грабежемъ. Храбрость Кира обратила на себя вниманіе Астіага, и онъ былъ посланъ царемъ во главѣ мидійской арміи противъ кадузійцевъ; во время похода Киръ завелъ тайныя сношенія съ непріятелемъ и вступилъ въ заговоръ противъ царя съ персомъ Эбарасомъ. По доносу одной пѣвицы, онъ былъ отозванъ въ Экбатану, но здѣсь открыто выступилъ, какъ мятежникъ, разбилъ Астіага и взялъ его въ плѣнъ. Дочь Астіага Амитисъ, была замужемъ за мидійскимъ вельможею Спитамасомъ. Киръ убилъ Спитамаса,

[1]) „Annales de Nabounahid“, у Пинчса „On some recent Discoveries“ въ „Proceedings of the Society of Biblical Archæology“. 1882, стр. 7.

[2]) Николай Дамасскій, въ „Fragm. H. Graec.“, т. III, стр. 390. Моисей Хоренскій (I, 23—29) приписываетъ ему продолжительныя войны съ однимъ армянскимъ монархомъ Тиграномъ.

[3]) Сравн. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. II, стр 415—417. Относительно его жестокости, см. у Геродота (I, CXXX) и Діодора (кн. IX, отрыв. 24).

[4]) Геродотъ (I, xcv) говоритъ, что ему были извѣстны четыре версіи исторіи Кира, и что онъ привелъ только ту, которая ему казалась наиболѣе вѣроятной.

женился на его вдовѣ и провозгласилъ себя царемъ на мѣсто своего тестя [1]). Большинство легендъ были внушены, очевидно, національнымъ тщеславіемъ и преслѣдовали прежде всего цѣль, — связать имя разрушителя мидійской монархіи съ династіей Кіаксара. У Астіага не было наслѣдника мужскаго пола, и корона должна была перейти къ дочери его Мандане и ея сыновьямъ. Однажды Астіагу приснился сонъ; онъ видѣлъ, что изъ дочери его вышла вода въ такомъ изобиліи, что затопила не только Экбатану, но и всю Азію. Призванные гадатели посовѣтовали царю не отдавать дочери замужъ за мидянина. Въ то время персы были данниками Мидіи, и Астіагъ женилъ на своей дочери одного персидскаго вельможу царской крови, по имени Камбиза. Но спокойствіе царя, возстановленное этимъ бракомъ, было вскорѣ смущено новымъ сномъ. Астіагу приснилось, что изъ груди его дочери выросла виноградная лоза и вѣтвями своими покрыла всю Азію; царь снова призвалъ гадателей, и тѣ предсказали ему, что онъ будетъ лишенъ простола своимъ внукомъ. Поэтому, когда у дочери его родился ребенокъ, Астіагъ отдалъ его Гарпагу, а тотъ послѣ долгихъ колебаній, поручилъ одному царскому пастуху бросить ребенка въ лѣсу. Мальчикъ вскормленный собакою [2]), вѣроятно, все-таки погибъ бы, если бы не случилось, что у жены пастуха родился мертвый ребенокъ. Она уговорила мужа взять къ себѣ въ домъ маленькаго Кира и воспитала его, какъ собственнаго сына. Собака считалась у персовъ священнымъ животнымъ, и вмѣшательство ея въ судьбу Кира было какъ бы вмѣшательствомъ боговъ, но греки, мало знакомые съ этимъ вѣрованіемъ маздеизма, были шокированы такимъ фактомъ и постарались дать персидскому преданію болѣе раціоналистическое истолкованіе. Они предположили, что жену пастуха звали Спако, а на мидійскомъ языкѣ имя это, дѣйствительно, означаетъ собаку [3]). Когда Киръ выросъ, онъ былъ при-

[1]) Эта легенда была записана Ктезіемъ, „Persica“, § 2 и слѣд., изд. Мюллера, стр. 45—46 (А. Бауэръ, „Die Kyros-Sage“, стр. 29—33). Легенда о мордскомъ происхожденіи Кира (Николай Дамасскій, въ „Fragm. H. Graec.“, т. III, стр. 398) представляетъ, можетъ быть, отдаленное воспоминаніе о титулѣ царя аисонскаго, который носилъ этотъ государь.

[2]) Эпизодъ съ собакою записанъ у Юстина (I, 4) и основанъ, вѣроятно на авторитетѣ Динона (А. Бауэръ, „Die Kyros-Sage“, стр. 12—13).

[3]) Эта раціоналистическая версія историческаго разсказа передана намъ Геродотомъ (I, cx). Онъ нашелъ ее у одного изъ предшествовавшихъ ему писателей, вѣроятно, у Ксанѳа Лидійскаго (А. Бауэръ. „Die Kyros-Sage“, стр. 25).

знанъ сыномъ Мандане и возвратился ко двору своего дѣда. Онъ тотчасъ же сообразилъ, насколько мирный характеръ Астіага ослабилъ воинственный духъ мидянъ и дѣлалъ ихъ безсильными, несмотря на кажущіяся ихъ величіе и силу. Поэтому, онъ составилъ смѣлый планъ отнять власть надъ государствомъ у мидянъ и вручить ее тому народу, изъ котораго самъ вышелъ, т.-е. персамъ. — Персы, сохранившіеся, благодаря отдаленному положенію своей родины, отъ той испорченности, которой способствовало распространеніе вавилонскихъ нравовъ, отличались большей простотой и большей энергіей, чѣмъ сосѣдніе мидяне. Киръ зналъ это и уговорилъ своего отца рѣшиться на возмущеніе противъ мидійскаго царя. Онъ оставилъ дворъ и, разсѣявъ отрядъ, посланный за нимъ въ погоню, направился въ Персію. Здѣсь онъ былъ разбитъ въ первой битвѣ, въ которой погибъ и его отецъ, но во второмъ сраженіи побѣда была уже на его сторонѣ, и самъ Астіагъ попался въ плѣнъ. Съ паденіемъ своего царя, Мидія перестала сопротивляться и вся отдалась въ руки побѣдителя [1]).

Дѣйствительная исторія этого событія или, по крайней мѣрѣ то немногое, что намъ достовѣрно извѣстно, отличается менѣе романическимъ характеромъ. Съ самаго начала арійскаго вторженія, персы занимали страну къ востоку отъ Элама. Они покорили жившія здѣсь немногочисленныя племена и разсѣялись по южному склону Иранскаго плоскогорія и по берегамъ Персидскаго залива. Собственно Персія простиралась отъ устья Ороатиса (Таба) на западъ до Ормузскаго пролива. Прибрежная полоса земли состоитъ здѣсь изъ параллельныхъ слоевъ глины и песка: она безплодна и плохо орошена. Остальная часть страны перерѣзана нѣсколькими горными цѣпями, которыя, все повышаясь, тянутся отъ морского берега къ плоскогорію: мѣстами почва безплодна, особенно на сѣверѣ и востокѣ, но во многихъ мѣстахъ покрыта лѣсомъ и изобилуетъ хлѣбными растеніями. Всего нѣсколько рѣкъ, — Ороатисъ (Табъ), Араксъ (Бендамиръ) и Киросъ (Курабъ), — прокладываютъ себѣ дорогу черезъ горы, отдѣляющія ихъ отъ берега и доходитъ до моря; большинство

[1]) Легенды, относящіяся къ первымъ годамъ жизни Кира, собраны и подвергнуты научному анализу въ замѣчательномъ сочиненіи А. Бауэра, „Die Kyros-Sage und Verwandtes, Вѣна“, in 8⁰, 1882 (Извлечено изъ „Sitzungsberichte Вѣнской Академіи, 1882 г. стр. 495—578).

же потоковъ не имѣютъ стока въ море и, скопляясь въ углубленіяхъ долинъ, образуютъ, смотря по временамъ года, болѣе или менѣе обширные озера. Персидскія племена раздѣлили завоеванную здѣсь землю на нѣсколько округовъ: Паретаксне и Мардіене — въ горной области; Таокене—вдоль морского берега, и Карманію на востокѣ. Они построили здѣсь нѣсколько крупныхъ поселеній, — Ормуздъ, Сисидону, Агростану, Таоке, на берегу моря, и Карману — внутри страны, гдѣ находились также основанныя ими двѣ столицы: Персеполисъ и Пасаргадъ. Они жили здѣсь въ неизвѣстности и сначала сохраняли независимость, но, начиная со времени Фраорта, а можетъ быть Кіаксара, пришли въ вассальную зависимость отъ Мидіи. По установившемуся обычаю, утвержденному Даріемъ I-мъ, они избирали себѣ царей изъ рода нѣкоего Ахаманиса (Ахеменеса), который былъ якобы ихъ начальникомъ во времена вторженія въ занятую ими страну; наслѣдникомъ Ахаманиса считался Теиспъ, за которымъ послѣдовали еще шесть правителей [1]). Генеалогія новаго завоевателя, Кира, не такъ длинна; онъ имѣлъ только трехъ предшественниковъ, — Теиспа, Кира I-го и Камбиза которымъ онъ приписывалъ титулъ царей ансанскихъ [2]). Ансанъ былъ долгое время округомъ, находившимся въ зависимости отъ Сузіаны [3]),

---

1) Генеалогія этого рода возстановлялась самымъ разнообразнымъ образомъ: Максъ Бюдингеръ, „Die neuentdeckten Inschriften über Cyrus“ стр. 6—7; Эверсъ, „Das Emporkommen der Persischen Macht unter Cyrus“, стр. 26—30; Кейперъ, „Die neuentdeckten Inschriften über Cyrus“, стр. 20 и слѣд. ни одно изъ предложенныхъ соображеній не является вполнѣ удовлетворительнымъ.

2) По свѣдѣніямъ, позаимствованнымъ изъ вавилонскаго свитка папирусовъ, найденнаго Рассамомъ („Excovations and Discoveries in Assyria“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. VII, стр. 37 и слѣд.) и опубликованнаго Раулинсономъ въ „Journal of the Royal Asiatic Society“, т. XII, 1880, стр. 70; срав. „Trans. of the Society of Biblical Archaeology“, т. III, стр. 151 и слѣд.

3) Въ клинообразныхъ надписяхъ Аксанъ и Сузіана упоминаются отдѣльно (Делаттръ, „Le Peuple et l'Empire des Medes“, стр. 44 и въ „Museon'ѣ“, стр. стр. 53 и слѣд. 450 и слѣд.); Г. Раулинсонъ отождествляетъ Ансанъ съ округомъ Ассаномъ находившимся близъ Шустера („Journal of the „Royal Asiatic Society“, т. XII, 1880, стр. 76). Нѣкоторые ассиріологи, преимущественно Галеви („Cyrus et le retour à la captivité“ и „Conjectures sur l'histoire de Cyrus“, въ „Mélanges de Critique et d'Histoire“, стр. 1—23, 114 —135), и Сейсъ (въ „Muséon'ѣ“, т. II, стр. 597; Herodotus, стр. 386 и слѣд.; „Fresh Light from the Monuments“, стр. 144 и слѣд.) допускаютъ полную тождественность Элама и Ансана; вопросъ этотъ подробно разобранъ Делаттромъ („le Peuple et l'Empire des Medes“, стр. 43 — 54); сравн. де Гарлезъ, „Cyrus était-il roi de Perse ou de Susiane?“ въ „Muséon'ѣ“, т. I, стр. 280—288. По Опперту, имя Ансана принадлежало одному городу Персіи, можетъ быть, Пасаргаду, Марразіону или Персеполису („Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1881, стр. 1254—1256).

но въ то время какъ Ассурбанипалъ разорилъ Эламъ [1]), персы захватили по меньшей мѣрѣ часть территоріи, находившейся нѣкогда во владѣніи государей Сузы [2]). Ансанъ сдѣлался провинціей Персіи, а халдеи, склонные, какъ и всѣ народы, къ сохраненію всего, что относится къ доброму старому времени, примѣнили названіе провинціи къ цѣлому новому государству. Кажется, что завоеваніе Ансана было дѣломъ Теиспа, какъ перваго изъ персидскихъ царей, къ имени котораго извѣстные намъ памятники присоединяютъ титулъ царя ансанскаго. Классическія преданія утверждаютъ, что персидскіе цари оставались все время вассалами Мидіи, и нѣтъ никакихъ доказательствъ, что они заблуждаются въ этомъ, какъ во многихъ другихъ случаяхъ. Только черезъ два поколѣнія, Киръ II-й поднялъ оружіе противъ своего верховнаго повелителя. По однимъ свѣдѣніямъ, война продолжалась три или четыре года (554 — 550) и окончилась въ пользу персовъ [3]); по другимъ, мидяне не оказали никакого сопротивленія [4]); все дѣло состояло лишь въ томъ, что армія Астіага взбунтовалась и выдала своего царя его врагамъ; Экбатана была взята и послужила для обогащенія казны побѣдителя. Мидійская

---

1) Сейсъ, „The Languages of the cuneiform Inscriptiones of Elam and Media“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. III, стр. 475—4.

2) Еще около 604 г. встрѣчается упоминаніе о царѣ Элама (Іеремія, XXV, 25); позднѣе, около 596 г., Іеремія говоритъ объ Эламѣ, какъ о государствѣ, которому угрожаетъ въ будущемъ разрушеніе (XLXIX, 34 — 39), а Іезекіиль, около 584 г., относитъ его къ числу государствъ, совершенно разрушенныхъ (XXXII, 24 — 26). Молчаніе Геродота по этому поводу заставило нѣкоторыхъ историковъ предположить, что завоеваніе Сузы произошло еще до Кира (Флойтгль, „Cyrus und Herodot“, стр. 10 и слѣд.; Кейперъ, „Die neuentdeckten Inschriften über Cyrus“, стр. 18 — 20). Страбонъ (кн. XV, III, 2) положительно утверждаетъ, что Суза сдѣлалась столицею Персіи только послѣ паденія Мидіи.

3) Геродотъ, I, CXXV—CXX.

4) Бюдингеръ, „Der Ausgang des Medischen Reiches“, стр. 18 и слѣд., 29—30; сравн. „Die neuentdeckten Inschriften über Cyrus“, Оппертъ, въ „Göttingische gelehrte Anzeigen“, 1881, стр. 1252, 1258.

монархія пала (549), но это была скорѣе перемѣна династіи, чѣмъ иноземное завоеваніе. Астіагъ и его предшественники были царями Мидіи и Персіи, а Киръ и его преемники — царями Персіи и Мидіи [1]).

---

[1]) Сравн. Т. Дж. Пинчсъ, „On a cuneiform Inscription relating to the Capture of Babylonby Cyrus, and the events which preceded and led to it", въ „Transactions of the Society of Biblical Archæology", т. VII, стр 141—142, 155—156; сравн. „Proceedings", 1882, стр. 7 и слѣд. Текстъ переведенъ Шрадеромъ, у Бауэра, „Die Kyrus-Sage".

КНИГА V.

Персидская монархія.

ГЛАВА XIII.

ПЕРСИДСКОЕ ЗАВОЕВАНІЕ.

Востокъ при воцареніи Кира: Крезъ и Лидія; Амасъ II и Египетъ; Набунаидъ и Халдея; завоеваніе Лидіи (546); персы на крайнемъ Востокѣ (545—539); паденіе халдейскаго государства (536) — Камбизъ; Амасъ II и Псамитикъ III; завоеваніе Египта (525); попытки къ завоеванію Лидіи и Эѳіопіи; Лжесмердизъ Гаумата и Дарій I-й; преобразованіе и раздѣленіе персидской монархіи; походы на сѣверъ и востокъ, въ Скиѳію и Грецію.

Востокъ при воцареніи Кира: Крезъ и Лидія; А. II и Египетъ; Набунаидъ и Халдея; завоеваніе Лидіи (546); персы на крайнемъ востокѣ (545—539); паденіе халдейскаго государства.

Со времени договора 585 года миръ ни разу не былъ нарушенъ между двумя великими державами — Мидіей и Лидіей, — раздѣлившими между собою Малую Азію. Каждая изъ нихъ, увѣренная въ нейтралитетѣ другой, переносила всѣ свои силы въ тѣ области, гдѣ не разсчитывала встрѣтить опасныхъ соперниковъ: Мидія — въ сторону крайняго востока и Вавилона, Лидія — въ сторону греческихъ колоній и туземныхъ племенъ Малой Азіи. Аліатесъ, освободившись отъ заботъ о мидянахъ, думалъ только объ усиленіи своего государства, какъ при помощи браковъ, такъ и при помощи оружія. Замужество одной изъ его дочерей съ Меласомъ Эфесскимъ доставило ему въ Эфесѣ поддержку значительной партіи [1]). Сынъ его Крезъ, рожденный отъ одной карійской

---

[1]) Эліенъ, „Var. Hist.", III, 26.

женщины, получилъ въ удѣлъ Мизію, расположенную у береговъ Пропонтиды [1]), а другой сынъ его, Адрамитосъ — южную Мизію, гдѣ онъ основалъ городъ Адрамитіонъ [2]); даже Виѳинія не ускользнула отъ него [3]). Послѣдніе годы своего царствованія онъ употребилъ на постройку гигантской гробницы, немногимъ уступающей великимъ сооруженіямъ Египта и Вавилона [4]). На работу эту едва хватило доходовъ изъ всѣхъ источниковъ государства, и ради окончанія ея пришлось прибѣгнуть къ прекращенію войнъ. Вступленіе на престолъ Креза не обошлось безъ нѣкоторыхъ затрудненій. Братъ его, Панталеонъ, сынъ одной іонянки, долго оспаривалъ у него власть, опираясь на поддержку недовольныхъ [5]). Отдѣлавшись отъ этого неудобнаго соперника, Крезъ началъ примѣнять къ управленію страной мирную политику и сдѣлалъ главнымъ предметомъ своей заботливости обогащеніе греческихъ храмовъ, какъ европейскихъ, такъ и азіатскихъ; храмы Аполлона и Аѳины въ Дельфахъ и храмы Аполлона въ Дидимѣ и Ѳивахъ были буквально осыпаны подарками. Такое похвальное благочестіе доставило царю право гражданства въ Греціи, а лидійцамъ — первое мѣсто на олимпійскихъ играхъ [6]); но жители іонійскаго берега не считали себя обязанными жертвовать за это своей свободой. Крезу пришлось отказаться отъ мѣръ кротости, и онъ объявилъ войну всѣмъ городамъ, закрывавшимъ доступъ его подданнымъ въ долины рѣкъ Кайстроса и Гермоса. Эфесъ палъ первымъ, несмотря на личныя отношенія, связывавшія царя съ защитникомъ его, Памфаэсомъ [7]) и несмотря на участіе въ дѣлѣ одного изъ племянниковъ Креза, Пиндара, сына Меласа; верхній городъ былъ разрушенъ, а на-

[1]) Николай Дамасскій, въ „Fragm. H. Graec.", т. III, стр. 397.

[2]) Стефанъ Византійскій подъ слов. Ἀδραμύτειον.

[3]) Стеф. Византійскій, подъ слов. Ἀλυάττα χωρίον Βιθυνίας, ἀπὸ Ἀλυάττους κρατήσαντος τὸν τόπον.

[4]) Геродотъ, I, XCIII. Надгробный памятникъ Аліатеса въ Бинъ-Биръ-Тепе былъ описанъ Гамильтономъ, „Asia, Minor", т II, стр. 145—149, и Ш. Тексье, „Asie Mineure", т. II, стр. 252, 399; раскопки его были произведены Шпигенталемъ, прусскимъ консуломъ въ Смирнѣ („Monatsb. der K. P. Akademie der Wissench. zu Berlin", 1854, стр. 700—702) и Деннисомъ.

[5]) Геродотъ, I, XCII.

[6]) Геродотъ, I, L, LXXVII, XCII; V, XXXVI, VIII, XXVV, Сравн. Ѳеопомпъ, „Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 309.

[7]) Николай Дамасскій, „Fragm. H. Graec.", т. III, стр. 397; Эліенъ, „Var., h st.", IV, 27.

селеніе его спустилось въ равнину и расположилось вокругъ храма Артемиды. Смирна подверглась той же участи; менѣе важные города пали одинъ за другимъ. Одно время Крезъ подумывалъ снарядить флотъ и напасть на Циклады, но неопытность лидійцевъ въ дѣлѣ мореплаванія заставила его отказаться отъ этого плана [1]). Онъ обратилъ свое оружіе противъ континентальныхъ государствъ и впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ побѣдилъ маріандинцевъ, азіатскихъ ѳракійцевъ, жителей Виѳиніи и Пафлагоніи, Ликаонію и Памфилію, а также фригійскія племена, ускользнувшія отъ завоевательныхъ стремленій его предшественниковъ. Всѣ страны между Понтомъ Эвксинскимъ, Галисомъ и Средиземнымъ моремъ, кромѣ Ликіи и Киликіи, были обложены данью [2]). Пріобрѣтеніе столькихъ плодородныхъ и промышленныхъ провинцій сдѣлало Креза однимъ изъ богатѣйшихъ государей его эпохи, а щедрость, съ какою онъ расточалъ свои сокровища, возбуждала живѣйшее удивленіе въ его современникахъ [3]). Въ благодарность за его щедрые подарки, греки окружили его имя ореоломъ славы и создали ему репутацію необыкновеннаго богача, сохранившуюся и до нашихъ дней.

Узнавъ о паденіи мидійской монархіи, Крезъ понялъ всю грозившую ему опасность и сталъ искать помощи на сторонѣ. Египетъ былъ первымъ государствомъ, къ которому онъ обратился [4]). Послы Креза были прекрасно приняты египетскимъ государемъ, тѣмъ болѣе, что самъ Амасъ предвидѣлъ въ воцареніи Кира опасность для своего государства. Цари лидійскій и египетскій заключили оборонительный о наступательный союзъ, къ которому скоро пристали Набунаидъ вавилонскій и лакедемоняне [4]), и въ 546 году лидійскій царь находился уже во главѣ коалиціи, которая легко могла бы справиться съ персами, если бы у него хватило терпѣнія дѣйствовать не иначе, какъ съ согласія своихъ союзниковъ. Лидійскія и греческія преданія видятъ въ паденіи Креза неумолимую волю судьбы; напрасно Аполлонъ впродолженіи трехъ лѣтъ отдалялъ отъ него роковой моментъ,—настало время, когда никакія силы боговъ не могли уже помочь ему. Крезъ обращался къ различнымъ оракуламъ Греціи съ цѣлью узнать у нихъ свою

[1]) Геродотъ, I, XXVI—XXVII.

[2]) Геродотъ, I, XXVIII.

[3]) Сравн. Геродота, VI, CXXV, описаніе подарковъ, которые Крезъ сдѣлалъ Алкмеону.

[4]) Геродотъ, I, LXXVII.

грядущую судьбу и получилъ нѣсколько темныхъ отвѣтовъ, которые и объяснилъ въ самомъ благопріятномъ для себя смыслѣ. Оракулъ сказалъ ему, что, напавъ на персовъ, онъ уничтожитъ одну великую монархію, и что могущество его націи продолжится до того дня, пока мулъ не очутится на престолѣ Мидіи [1]). Крезъ предположилъ, что боги обѣщаютъ ему побѣду, и съ этихъ поръ онъ только и думалъ о нападеніи на непріятельскую територію. Весною 546 года онъ перешелъ черезъ Галисъ и, завладѣвъ Каппадокіей и Птеріей (укрѣпленнымъ пунктомъ по дорогѣ въ Синопъ), опустошилъ окрестности послѣдней, какъ бы стремясь образовать между собою и врагомъ полосу пустынной территоріи. Киръ, захваченный врасплохъ, пытался произвести возмущеніе въ тылу у лидійцевъ и отправилъ пословъ къ іонійскимъ грекамъ, приглашая ихъ присоединиться къ нему; они отказали ему, не столько изъ расположенія къ лидійскому царю, сколько изъ опасенія способствовать усиленію персидскаго могущества. Киръ, разочарованный въ своихъ разсчетахъ на грековъ, употребилъ часть лѣта на военныя приготовленія и пошелъ навстрѣчу лидійцамъ. Хотя послѣдніе и уступали персамъ въ числѣ, они не уклонились отъ сраженія, которое продолжалось весь день безъ всякихъ результатовъ для обѣихъ сторонъ. На другой день Крезъ, не замѣчая никакого движенія въ непріятельскомъ лагерѣ, рѣшилъ, что персы признаютъ себя побѣжденными, а такъ какъ небольшое количество войска и позднее время года не позволяли ему воспользоваться предполагаемой побѣдой, то онъ отступилъ къ Сардамъ и, распустивъ наемныхъ воиновъ, послалъ сказать своимъ греческимъ, халдейскимъ и египетскимъ союзникамъ, чтобы они готовились къ будущей веснѣ къ наступательному движенію въ Персію. Онъ разсчитывалъ, что персы не осмѣлятся послѣдовать за нимъ и перезимуютъ въ Каппадокіи, но Киръ понялъ, что если онъ переждетъ еще нѣсколько мѣсяцевъ, то этимъ нанесетъ своему дѣлу сильный уронъ, если не окончательный ударъ. Съ фронта ему угрожало нападеніе лидійской, лакедемонской и египетской армій, а съ боку и съ тыла—халдейскія войска; всякое промедленіе могло поставить его въ необходимость или отступить или раздѣлить свои силы. Поэтому, несмотря на зимнее время, онъ перешелъ Галисъ и направился прямо къ Сардамъ. Крезъ, застигнутый врасплохъ въ свою очередь, наскоро со-

---

[1]) Геродотъ, I, LXXXI–LXXXIII.

бралъ всѣ находившіяся въ его распоряженіи туземныя войска и далъ сраженіе осаждающимъ. Даже и при такихъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, онъ одержалъ бы побѣду, если бы его кавалерія, лучшая въ мірѣ, могла безпрепятственно броситься на непріятеля. Но Киръ устроилъ прикрытіе для своей арміи, выставивъ передъ фронтомъ цѣлый рядъ верблюдовъ, запахъ которыхъ такъ дѣйствовалъ на лидійскихъ лошадей, что они бѣжали и лишили лидійскихъ всадниковъ возможности произвести аттаку на непріятеля [1]). Побѣжденный послѣ геройскаго сопротивленія, Крезъ вошелъ въ Сарды и отправлялъ оттуда посла за посломъ къ своимъ союзникамъ, съ цѣлью ускорить ихъ прибытіе. Городъ былъ хорошо защищенъ и считался неприступнымъ; онъ уже разъ отразилъ нападеніе и собирался еще долго отстаивать свою независимость, какъ вдругъ непредвидѣнная случайность ускорила его паденіе. Одинъ гарнизонный солдатъ нечаянно уронилъ сверху свою каску и, спустившись по стѣнѣ, чтобы поднять ее, тѣмъ же путемъ вернулся обратно. Это замѣтилъ одинъ мардскій искатель приключеній, вскарабкался по скаламъ, которыя инженеры не позаботились укрѣпить, считая ихъ неприступными, и проникъ съ нѣсколькими товарищами въ самый центръ крѣпости. Городъ сдался послѣ 14-дневной осады (546) [2]).

Съ завоеваніемъ Лидіи, коалиція распалась сама собой. Лакедямоняне не оставляли предѣловъ своей родины [3]); Амасъ, на-

---

[1]) Ксенофонтъ (Киропедія, VI, 2, §§ 11; 14) относитъ мѣсто битвы къ городку Тимбрара на Пактолѣ. Геродотъ, I, LXXX, предполагаетъ, что битва произошла къ западу отъ города, т.-е. въ сторонѣ противоположной той, откуда пришли персы.

[2]) Геродотъ, I, LXXXIV; Ксенофонтъ, *Киропедія*, VIII, 2, § 1—13; Ктезій *Persia*, § 4 (изд. Мюллера, стр. 46) и Ксанѳъ Лидійскій („Fragm. H. Graec.“, т. I, стр. 41--42) даютъ объ исходѣ осады неодинаковыя свѣдѣнія (Поліенъ, „strat.“, VII, 6 §§ 2, 10). Около четырехъ вѣковъ спустя, Сарды были точно также взяты однимъ изъ полководцевъ Антіоха Великаго (Полибій, VII, 4—7). Годъ взятія Сардъ сдѣлался эпохой въ исторіи Греціи, и отъ него велось лѣтосчисленіе для предшествующихъ и послѣдующихъ событій. Онъ устанавливается неодинаково: Бюдингеръ („Krösus Sturz, eine Chronologische Untersuchung“ in — 8⁰ Вѣна, 1878; стр. 19-20) относитъ взятіе Сардъ къ 541 и 540, Унгеръ, („Kyaxares und Astyages“, стр. 8 и слѣд. (къ 546—547; Гельцеръ („Das Zeitalter des Gyges“ въ „Rheinisches Museum“, XXX, стр 242 —къ 546; Ленорманъ (Histoire ancienne, т. II, стр. 392) – къ 545—544 Указаніе на 546 г., судя по вновь открытымъ лѣтописямъ Набунаида, кажется наиболѣе вѣроятнымъ.

[3]) Геродотъ, I, LXXXI-LXXXIII.

ходившійся пока въ безопасности, благодаря отдаленности своего государства, не двигался съ мѣста; Набунаидъ оставался въ оборонительномъ положеніи. Всѣ государи Востока, и крупные и мелкіе, поняли, что съ этихъ поръ они находятся въ полной власти у персовъ, и потому старались избѣжать малѣйшаго повода къ столкновенію съ ними, но достаточно было одного похода, и въ нѣсколько дней рушилось дѣло, стоившее трехлѣтнихъ переговоровъ. Внезапное паденіе лидійской монархіи привело въ ужасъ грековъ. Передъ ихъ глазами впервые разыгрывалась одна изъ тѣхъ великихъ трагедій, которыми такъ богата исторія восточнаго міра. Династія Гигеса внушала имъ страхъ своимъ могуществомъ, ослѣпляла ихъ своимъ богатствомъ и завоевала ихъ сердца своимъ великодушіемъ; они считали ее непобѣдимой и не могли себѣ представить, чтобы она пала такимъ естественнымъ образомъ. Крезъ сдѣлался для нихъ самымъ поразительнымъ примѣромъ бренности всего земного; его жизнь послужила для ихъ воображенія неисчерпаемой темой къ созданію легендъ и романовъ. Еще до временъ Геродота ходили разсказы, что Крезъ во дни своего величія, принимая у себя аѳинянина Солона, спросилъ у него, кого онъ считаетъ счастливѣйшимъ изъ смертныхъ. Солонъ послѣдовательно перечислилъ нѣсколько лицъ: аѳинянина Теллуса, аргосцевъ Клеобиса и Битона, а такъ какъ царь не соглашался съ нимъ, то онъ сказалъ ему, что нельзя судить о томъ, счастливъ ли человѣкъ или нѣтъ, пока онъ живъ, „потому что Богъ часто посылаетъ намъ минуту благоденствія, чтобы затѣмъ погрузить насъ въ несчастіе". Крезъ не понялъ всей мудрости этого отвѣта, но, вскорѣ послѣ отъѣзда аѳинянина, одно событіе не замедлило ему открыть глаза. Его сынъ Атисъ былъ убитъ во время охоты однимъ человѣкомъ, которому онъ оказалъ гостепріимство, и Крезъ не успѣлъ еще оправиться отъ этого горя, какъ взятіе Сардъ превратило его въ нищаго и раба. Онъ едва не былъ убитъ въ толпѣ однимъ персидскимъ воиномъ, не знавшимъ его въ лицо; увидя опасность, другой изъ его сыновей, глухонѣмой отъ рожденія, такъ испугался, что къ нему вернулся даръ слова: „Солдатъ, закричалъ онъ, не убивай Креза!" Крезъ, приведенный къ побѣдителю, былъ осужденъ на смерть. Когда онъ находился уже на кострѣ, ему такъ живо вспомнились слова Солона, что онъ трижды воскликнулъ: „Солонъ!" Удивленный этимъ восклицаніемъ, Киръ сталъ его распрашивать и, узнавъ въ чемъ дѣло, объявилъ ему помилованіе. Но огонь продолжалъ

горѣть, и пламя костра не поддавалось никакимъ усиліямъ потушить его. Вдругъ неожиданно разразилась гроза, посланная Аполлономъ, и въ нѣсколько минутъ затопила костеръ [1]). Благодаря хорошему обращенію съ нимъ Кира, Крезъ сдѣлался его вѣрнымъ другомъ и совѣтникомъ, повсюду сопровождалъ его и во многихъ случаяхъ былъ ему очень полезенъ. Своимъ переходомъ черезъ Галисъ онъ, дѣйствительно, какъ было предсказано оракуломъ, разрушилъ великое государство, но государство это было его собственное. Сынъ перса Камбиза и мидянки, котораго оракулъ назвалъ Муломъ, послѣ своей побѣды вернулся въ Экбатану, предоставивъ своимъ намѣстникамъ докончить завоеваніе. Мазаресъ подавилъ возстаніе въ Сардахъ, взялъ одинъ за другимъ прибрежные греческіе города и умеръ отъ усиленныхъ трудовъ. Его преемникъ, Гарпагъ, докончилъ начатое имъ дѣло и завоевалъ Ликію, которая долго успѣшно сопротивлялась всѣмъ попыткамъ мермнадовъ. Нѣкоторые изъ греческихъ колонистовъ, жители Фокеи и Теоса, выселились, а населеніе Ксантоса (Ксанѳа) предпочло дать перебить себя, чѣмъ сдаться. Остальные греки добровольно подчинились своей участи и признали владычество персовъ [2]).

Въ то время, какъ Гарпагъ доканчивалъ покореніе Малой Азіи, Киръ углублялся въ отдаленные области крайняго востока. Если вѣрить Ктезію, Бактрія пала первой. Ея жители считались лучшими воинами въ мірѣ и сражались сначала очень успѣшно. Но, какъ утверждаетъ Ктезій, они сложили оружіе, какъ только узнали, что Киръ женатъ на дочери Астіага; это однако не объясняетъ, почему женитьба завоевателя на мидійской принцессѣ могла оказать вліяніе на рѣшеніе бактрійцевъ. Безъ сомнѣнія, Ктезій воспроизвелъ только легенду своего времени, которая была въ ходу при дворѣ въ Сузѣ. Завоеваніе Бактріи повлекло за собой завоеваніе Маргіаны, Уваразміи (Хорасміи) [3]) и Согдіаны. Киръ построилъ здѣсь нѣсколько укрѣпленныхъ городовъ, самый знаменитый изъ которыхъ—Кирополисъ, или Ки-

[1]) Геродотъ, I, XXIX—XLVI, LXXXV—XCI. Сравн. Ктезій, „Persica", § 4, изданіе К. Мюллера, стр. 46 и Николай Дамаскій, въ Fragm. H. Graec., т. III, стр. 406—409, гдѣ нѣкоторыя обстоятельства первоначальнаго разсказа пропущены или смягчены.

[2]) Геродотъ, I, CXLI—CLXXVI, гдѣ разсказаны приключенія фокійцевъ въ поискахъ за новой родиной.

[3]) Ктезій, „Persica", § 2, издан. Мюллера, стр. 4.

рескатa, стоялъ у одной изъ главнѣйшихъ переправъ черезъ рѣку Яксартъ [1]). Сибирскія степи остановили его шествіе на сѣверъ, но на востокѣ въ равнинахъ Китайской Татаріи, народъ саки или сасы, славившійся своею храбростью и богатствомъ, сдѣлался жертвою честолюбивыхъ замысловъ персидскаго царя. Киръ напалъ на нихъ, взялъ въ плѣнъ царя ихъ Аморгеса и уже считалъ, что окончательно покончилъ съ ними, какъ жена Аморгеса, Спаретра, собрала остатки войскъ своего мужа и, отразивъ побѣдителей, заставила ихъ обмѣняться плѣнниками, освободивъ такимъ образомъ своего мужа [2]). Но несмотря на эту побѣду, сасы признали себя данниками персовъ [3]) и съ этихъ поръ сдѣлались передовымъ постомъ Персіи противъ восточныхъ народовъ. Изъ страны сасовъ Киръ направился на югъ, на Иранское плоскогоріе, и завоевалъ Гараиву (Арію), Татагусъ (Сатагидію), Гараувати, Заранку, страну между рѣками Кабуломъ и Индомъ [4]). Неизвѣстно, удалось ли ему достигнуть противоположнаго берега озера Гамуна, и доходилъ ли онъ до береговъ Эритрейскаго моря; позднѣйшее преданіе разсказываетъ, будто онъ потерялъ свою армію въ безводныхъ пустыняхъ Гедрозіи [5]). Нельзя вполнѣ довѣрять всѣмъ этимъ разсказамъ; самый фактъ побѣды установленъ, но подробности ея были уже забыты въ то время, когда вздумали собирать ихъ.

Эти войны продолжались лѣтъ пять или шесть, съ 545 по 539 годъ [6]). Тотчасъ же послѣ возвращенія съ похода, Киръ сталъ готовиться ко вторженію въ Халдею. Халдея скорѣе казалась опаснымъ врагомъ, чѣмъ была имъ въ дѣйствительности: ея не-

---

1) Въ настоящее время страна, лежащая къ югу отъ Аральскаго моря, между устьемъ Аму-Дарьи и Карабугазскимъ заливомъ. Сравн. Ктезій у Стефана Византійскаго подъ слов. Χωραμναῖοι

2) Арріенъ, „Anabasis“, VI, 2, § 1; § 1—5.

3) Ктезій, „Persica“, § 3, изд. Мюллера, стр. 46, относитъ эту войну ко времени, предшествовавшему походу въ Лидію.

4) Геродотъ, III, XCIII.

5) Теперешніе Когистанъ и Каферистанъ. Сравн. Арріенъ, „Historia Indica“, I, 2.

6) Страбонъ, кн. XV, I; Арріенъ, „Anabasis“, VI, 24, § 3, по Неарку (Fragm. 23, издан. Мюллера). Сравн. Шпигель, „Eranische Altertumskunde“, II, стр. 286—287.

7) Геродотъ, I, CLXXVII, резюмируетъ эти войны въ нѣсколькихъ словахъ: Τὰ ἄνω αὐτῆς [τῆς' Ασίης] αὐτὸς Κῦρος [ἀνάςτατα εποίεε], πᾶν ἔθνος, καταστζεφόμενος καὶ οὐδὲν παριείς.

скончаемыя войны съ Ассиріей мало-по-малу ослабили ее, а усилія, которыя ей пришлось употребить, чтобы освободиться и потомъ побѣдить свою соперницу, затѣмъ битвы Набукудуруссура и несогласія его преемниковъ, окончательно довершили истощеніе ея силъ. Поэтому, упадокъ ея произошелъ такъ же быстро, какъ быстро совершилось и ея возвышеніе: менѣе чѣмъ черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти побѣдителя уже можно было предсказать неминуемое паденіе его государства. Набунаидъ не только не былъ героемъ, но даже просто хорошимъ воиномъ: это былъ безпечный и миролюбивый монархъ, озабоченный болѣе культомъ боговъ, чѣмъ содержаніемъ крѣпостей и войскъ. Въ первые годы своего царствованія онъ подавилъ нѣсколько незначительныхъ возстаній въ Сиріи [1]). Позднѣе, во времена паденія мидійской монархіи, ему захотѣлось получить свою долю въ ея наслѣдіи, и онъ возвратилъ себѣ городъ Харранъ съ прилегавшимъ къ нему округомъ [2]). Но этимъ и ограничились его военные подвиги; онъ предпочиталъ употреблять средства государства на возведеніе построекъ. Вездѣ, гдѣ только онъ ни находилъ зданія въ развалинахъ, онъ возобновлялъ ихъ или отстраивалъ заново; при раскопкахъ развалинъ онъ тщательно искалъ въ фундаментахъ зданій папирусовъ, замурованныхъ основателями сооруженій ради увѣковѣченія своей памяти, и велика была радость Набунаида, если ему удавалось найти имя государя, царствовавшаго за нѣсколько сотъ и даже за нѣсколько тысячъ лѣтъ до него [3]). Въ Ларсамѣ, въ Уру, Сиппарѣ онъ возстановилъ монументы древнихъ вождей Халдеи, и заботы его объ этихъ городахъ и ихъ богахъ возбуждали живое чувство зависти въ вавилонскихъ жрецахъ. Между тѣмъ власть Кира все возрастала, а государства, находившіяся въ союзѣ съ Халдеей, исчезали одно за другимъ; сначала пала Мидія, потомъ Лидія, а на 17 году царствованія Набунаида противъ него возстали прибрежные жители

---

1) Пинчъ, „On a cuneiform Tabbet, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology, т. VII, стр. 141—145.

2) Пинчъ, „On some recent Discoveries, въ „Procceding of the Soc. of Bibl. Archaeology“, 1882, стр. 7.

3) Онъ разсказываетъ, что открылъ въ Сиппарѣ, въ храмѣ Эбара, посвященномъ богу Солнца, папирусы Нарамсина, сына Саргона, которыхъ Набукудуруссуръ тщетно искалъ, и которыхъ не видѣлъ ни одинъ изъ царствовавшихъ до него государей. Пинчъ, „On some recent Discoveries“, въ „Proccedings of the Soc. of Bibl. Arch.“, 1882, стр. 8 и 12.

у Средиземнаго моря, и онъ ничего не сдѣлалъ, чтобы возвратить ихъ къ повиновенію [1]).

Евреи были слишкомъ слабы еще, чтобы послѣдовать примѣру своихъ прежнихъ сосѣдей; но, если разбросанность ихъ силъ и мѣшала имъ энергично дѣйствовать противъ враговъ, они не скрывали уже своей радости по поводу униженія Вавилона. Изгнаніе, на которое они были обречены Набукудуруссуромъ, не имѣло такого всеобщаго характера, какъ это обыкновенно думаютъ. Населеніе второстепенныхъ городовъ или вовсе не покидало своихъ жилищъ, или поспѣшно возвратилось по домамъ тотчасъ же послѣ войны, такъ что халдеямъ не пришлось, какъ ассиріянамъ во время паденія Самаріи, прибѣгать къ заселенію городовъ чужеземными колонистами. Даже не все населеніе Іерусалима было переселено въ Халдею; многіе изъ его жителей успѣли во время покинуть его и нашли убѣжище въ Египтѣ [1]). Число переселенныхъ за всѣ три раза не превосходило, можетъ быть, двадцати тысячъ [2]); но, если не въ количественномъ, то зато въ качественномъ отношеніи переселенцы заслуживали того, чтобы ихъ считать истинными представителями своего народа. Такими представителями были прежде всего два послѣдніе царя, Іоакимъ и Седекія, далѣе остальные члены царскаго рода, іудейская аристократія, священники храма, его первосвященникъ и пророки [3]). Часть ихъ была поселена въ Вавилонѣ, а часть разселена по сосѣднимъ городамъ.

Тексты той эпохи указываютъ опредѣленно только на одно еврейское поселеніе, Тель-Авивъ на Кебарѣ [4]), но нѣкоторыя

[1]) Пинчъ, „On a cuneiform Inscription relating to the Capture of Babylon by Cyrus“, въ „Transactions of the Society of Bibl. Arch.“, т. III, стр. 143.

[2]) Партія переселенцевъ 597 г. состояла изъ десяти тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ семь тысячъ принадлежали къ зажиточному классу, тысяча—къ классу ремесленниковъ, а остальную часть составляли люди, близко стоявшіе ко двору (VI Кн. Царства, XXIV, 14—16). Что же касается партіи 586 г., то по утвержденію автора разсказа, вставленнаго въ книгу пророка Іереміи (LII. 28—29), было выселено три тысячи двадцать три іудея и восемьсотъ тридцать двѣ души жителей Іерусалима. Въ 581 году было выселено всего семьсотъ сорокъ пять душъ евреевъ (Іеремія, LII. 30). Это цифры достаточно умѣрены, чтобы претендовать на нѣкоторую точность; тѣмъ не менѣе онѣ далеко не достовѣрны (Квененъ, The religion of Israel. т. II, стр. 174—182).

[3]) IV Кн. Царствъ, XXIV, 14—16; XXV, 11—4.

[4]) Іезекіиль, III, 15. Кебаръ, отождествлявшіеся часто съ Хабуромъ въ Месопотаміи, былъ вѣрнѣе каналъ въ Халдеѣ, можетъ быть Нагаръ-Малка, большой царскій каналъ.

еврейскія колоніи, процвѣтавшія въ этихъ мѣстахъ около римской эпохи, казалось, восходили ко времени плѣненія вавилонскаго. Согласно одной легендѣ, занесенной на страницы Талмуда, синагога Сафіатива, близъ Негардаи, была построена царемъ Іоакимомъ изъ камней, подобранныхъ на развалинахъ іерусалимскаго храма [1]). Эти еврейскія общины пользовались почти полной автономіей. Подъ условіемъ правильной уплаты налоговъ и отправленія возложенныхъ на нихъ повинностей, имъ предоставлена была свобода вѣроисповѣданія и самоуправленія. Шейхи, т.-е. старѣйшины въ родѣ и племени, сохранили свое преобладающее значеніе, какимъ пользовались нѣкогда на родинѣ [2]) халдейскій царь назначалъ ихъ еврейскими правителями и ничѣмъ не стѣснялъ ихъ въ управленіи своимъ народомъ. Какъ жили остальные евреи, какими промыслами занимались они для добыванія себѣ хлѣба насущнаго, какъ достигали они благосостоянія, и даже богатства, никто изъ писателей того времени не даетъ намъ никакихъ свѣдѣній [3]). Были ли они работниками или земледѣльцами, чиновниками или купцами, такъ или иначе, всѣмъ имъ надо было жить, и они жили, по совѣту Іереміи [4]), работали, чтобы не дать погибнуть сѣмени Израиля. Нѣсколько вѣковъ спустя, изгнанниковъ обыкновенно представляли себѣ погруженными въ бездѣятельность и сѣтованія о своихъ грѣхахъ. „При рѣкахъ Вавилона, тамъ сидѣли мы и плакали, когда вспоминали о Сіонѣ. На вербахъ посреди его повѣсили мы наши арфы. Тамъ плѣнившіе насъ требовали отъ насъ словъ пѣсней, и притѣснители наши—веселія: „пропойте намъ изъ пѣсней Сіонскихъ“. Какъ намъ пѣть пѣснь Господню на землѣ чужой [5])?“ Но это было вѣрно только по отношенію къ священникамъ и книжникамъ. Съ того дня, когда рука побѣдителя исторгла ихъ изъ рутины повседневныхъ моленій и мелкихъ обрядовъ, исполненіе которыхъ казалось имъ самой завидной привиллегіей, о какой только могъ мечтать человѣкъ,—въ жизни ихъ образовалась пустота. Время, которое они нѣкогда посвящали на служеніе въ храмѣ, они проводили въ оплакиваніи несчастій своего народа, обвиняя себя и другихъ и

[1]) Неубауэръ, „La Géographie de Talmud“, стр. 322, примѣч. 4; стран. 360 351.

[2]) Іезекіиль, VIII, 1; XX, 1.

[3]) Квененъ, „The Religion of Israel, т. II, стр. 98—101.

[4]) Іеремія, XXIX, 1—7; сравн. стр. 546 этой исторіи.

[5]) Псаломъ CXXXVI, 1 и слѣд.

допытываясь, какое преступленіе повлекло на нихъ такое наказаніе, и почему Іегова, такъ часто прощавшій ихъ отцовъ, не распространилъ своей милости и на нихъ.

На это-то долготерпѣніе Господа и указывалъ своимъ соотечественникамъ Іезекіиль, какъ на причину постигшихъ ихъ бѣдствій. Воспитанный при храмѣ съ самаго нѣжнаго возраста, потомъ изгнанный вмѣстѣ съ Іоакимомъ въ 597 г., онъ много размышлялъ надъ исторіей своего народа, и она ему представлялась цѣлымъ рядомъ столкновеній между божественнымъ правосудіемъ и беззаконіемъ евреевъ. Іегова взялъ подъ свою защиту домъ Израиля еще въ то время, когда онъ находился въ Египтѣ, и требовалъ за свое покровительство только немного вѣрности. „Отвергните каждый мерзости отъ очей вашихъ, и не оскверняйте себя идолами египетскими: Я Господь Богъ вашъ!" Но дѣти Израиля никогда не исполняли и этого умѣреннаго требованія, а это послужило источникомъ ихъ страданій; еще не успѣвъ избавиться отъ власти фараона, они уже измѣнили своему Господу, и онъ хотѣлъ было излить на нихъ гнѣвъ свой. „Но Я поступилъ ради имени Моего, чтобы оно не хулилось предъ народами, среди которыхъ находились они, и предъ глазами которыхъ Я открылъ Себя имъ, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской. И Я вывелъ ихъ изъ земли Египетской, и привелъ ихъ въ пустыню, и далъ имъ Заповѣди Мои, и объявилъ имъ Мои постановленія, исполняя которыя человѣкъ живъ былъ бы чрезъ нихъ; далъ имъ также субботы Мои, чтобы онѣ были знаменіемъ между Мной и ими, чтобы знали, что Я—Господь, освѣщающій ихъ. Но домъ Израилевъ возмутился противъ Меня". Тоже, чѣмъ они навлекли на себя гнѣвъ Божій въ Египтѣ, евреи повторили и у подошвы Синая. На этотъ разъ Іегова не могъ еще рѣшиться уничтожить ихъ; онъ ограничился опредѣленіемъ, что ни одинъ изъ нихъ не войдетъ въ землю Обѣтованную, и обратился къ сыновьямъ ихъ. Но и сыновья оказались не лучше своихъ отцовъ: едва вступивъ въ доставшуюся имъ „землю, текущую млекомъ и медомъ, красу всѣхъ земель, ...они, высмотрѣвъ себѣ всякій высокій холмъ и всякое вѣтвистое дерево, стали закалывать тамъ жертвы свои, и ставили тамъ благовонныя куренія свои, и возливали тамъ возліянія свои". Не довольствуясь оскверненіемъ своихъ жертвенниковъ нечестивыми церемоніями и приношеніями, они стали поклоняться идоламъ; „Будемъ, какъ язычники, какъ племена иноземныя, служить дереву и камню".—„Живу я, говоритъ Господь Богъ, рукою крѣпкою и мышцею простертою и изліяніемъ ярости буду господствовать надъ вами" [1]). Аакъ ни законно было наказаніе, Іеремія не вѣрилъ, чтобы оно могло продолжаться вѣчно. Богъ слишкомъ справедливъ, чтобы навсегда сдѣлать будущія поколѣнія отвѣтственными за грѣхи предшествовавшихъ и нынѣ живущихъ поколѣній. „Зачѣмъ вы употребляете въ землѣ Израилевой эту пословицу, говоря: „отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина?" Живу Я! говоритъ Господь Богъ, — не будутъ впередъ говорить пословицу эту въ Израилѣ. Ибо вотъ всѣ души — Мои, какъ душа отца, такъ и душа сына—Мои; душа согрѣшающая, та умретъ. Если кто праведенъ..., онъ непремѣнно будетъ живъ, говоритъ Господь Богъ". Итакъ, судьбы Израиля были въ его же рукахъ; по скольку онъ настаивалъ на своихъ заблужденіяхъ, по стольку самъ отдалялъ часъ своего спасенія; стоило ему только покаяться и обратиться къ соблюденію закона, и это умилостивило бы гнѣвъ Господень. „Посему Я буду судить васъ, домъ Израилевъ, каждаго по путямъ его... Отвергните отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми согрѣшали вы, и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ; и зачѣмъ вамъ умирать, домъ Израилевъ? Ибо Я не хочу смерти умирающаго; но обратитесь и живите [2])!" Нѣкоторые возражали на это, что уже слишкомъ поздно говорить о надеждѣ и о будущемъ: „Изсохли кости наши, говорили они, и погибла надежда наша; мы оторваны отъ корня". Пророкъ отвѣчалъ имъ разсказомъ о томъ, какъ „Господь вывелъ его духомъ и поставилъ среди поля, покрытаго костями". „Я изрекъ пророчество, какъ повелѣно было мнѣ; и когда я пророчествовалъ, произошелъ шумъ и вотъ движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ, жилы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху, а духа не было въ нихъ. Тогда сказалъ онъ мнѣ: „изреки пророчество духу, сынъ человѣческій, и скажи духу: такъ говоритъ Господь Богъ: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди духъ, и дохни на этихъ убитыхъ, и они оживутъ". И я изрекъ пророчество, какъ Онъ повелѣлъ мнѣ, и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище. И сказалъ Онъ мнѣ: кости - сіи весь домъ Израилевъ... Вотъ, Я открою гробы ваши и выведу васъ, народъ

---

[1]) Іезекіиль, XX.

[2]) Іезекіиль, XVIII.

допытываясь, какое преступленіе повлекло на нихъ такое наказаніе, и почему Іегова, такъ часто прощавшій ихъ отцовъ, не распространилъ своей милости и на нихъ.

На это-то долготерпѣніе Господа и указывалъ своимъ соотечественникамъ Іезекіиль, какъ на причину постигшихъ ихъ бѣдствій. Воспитанный при храмѣ съ самаго нѣжнаго возраста, потомъ изгнанный вмѣстѣ съ Іоакимомъ въ 597 г., онъ много размышлялъ надъ исторіей своего народа, и она ему представлялась цѣлымъ рядомъ столкновеній между божественнымъ правосудіемъ и беззаконіемъ евреевъ. Іегова взялъ подъ свою защиту домъ Израиля еще въ то время, когда онъ находился въ Египтѣ, и требовалъ за свое покровительство только немного вѣрности. „Отвергните каждый мерзости отъ очей вашихъ, и не оскверняйте себя идолами египетскими: Я Господь Богъ вашъ!“ Но дѣти Израиля никогда не исполняли и этого умѣреннаго требованія, а это послужило источникомъ ихъ страданій; еще не успѣвъ избавиться отъ власти фараона, они уже измѣнили своему Господу, и онъ хотѣлъ было излить на нихъ гнѣвъ свой. „Но Я поступилъ ради имени Моего, чтобы оно не хулилось предъ народами, среди которыхъ находились они, и предъ глазами которыхъ Я открылъ Себя имъ, чтобы вывести ихъ изъ земли Египетской. И Я вывелъ ихъ изъ земли Египетской, и привелъ ихъ въ пустыню, и далъ имъ Заповѣди Мои, и объявилъ имъ Мои постановленія, исполняя которыя человѣкъ живъ былъ бы чрезъ нихъ; далъ имъ также субботы Мои, чтобы онѣ были знаменіемъ между Мной и ими, чтобы знали, что Я—Господь, освѣщающій ихъ. Но домъ Израилевъ возмутился противъ Меня“. Тоже, чѣмъ они навлекли на себя гнѣвъ Божій въ Египтѣ, евреи повторили и у подошвы Синая. На этотъ разъ Іегова не могъ еще рѣшиться уничтожить ихъ; онъ ограничился опредѣленіемъ, что ни одинъ изъ нихъ не войдетъ въ землю Обѣтованную, и обратился къ сыновьямъ ихъ. Но и сыновья оказались не лучше своихъ отцовъ: едва вступивъ въ доставшуюся имъ „землю, текущую млекомъ и медомъ, красу всѣхъ земель, ...они, высмотрѣвъ себѣ всякій высокій холмъ и всякое вѣтвистое дерево, стали закалывать тамъ жертвы свои, и ставили тамъ благовонныя куренія свои, и возливали тамъ возліянія свои“. Не довольствуясь оскверненіемъ своихъ жертвенниковъ нечестивыми церемоніями и приношеніями, они стали поклоняться идоламъ; „Будемъ, какъ язычники, какъ племена иноземныя, служить дереву и камню“.—„Живу я, говоритъ Господь Богъ, рукою крѣпкою и мышцею простертою и изліяніемъ ярости буду господствовать надъ вами“ [1]). Аакъ ни законно было наказаніе, Іеремія не вѣрилъ, чтобы оно могло продолжаться вѣчно. Богъ слишкомъ справедливъ, чтобы навсегда сдѣлать будущія поколѣнія отвѣтственными за грѣхи предшествовавшихъ и нынѣ живущихъ поколѣній. „Зачѣмъ вы употребляете въ землѣ Израилевой эту пословицу, говоря: „отцы ѣли кислый виноградъ, а у дѣтей на зубахъ оскомина?“ Живу Я! говоритъ Господь Богъ, — не будутъ впередъ говорить пословицу эту въ Израилѣ. Ибо вотъ всѣ души — Мои, какъ душа отца, такъ и душа сына — Мои; душа согрѣшающая, та умретъ. Если кто праведенъ..., онъ непремѣнно будетъ живъ, говоритъ Господь Богъ“. Итакъ, судьбы Израиля были въ его же рукахъ; по скольку онъ настаивалъ на своихъ заблужденіяхъ, по стольку самъ отдалялъ часъ своего спасенія; стоило ему только покаяться и обратиться къ соблюденію закона, и это умилостивило бы гнѣвъ Господень. „Посему Я буду судить васъ, домъ Израилевъ, каждаго по путямъ его... Отвергните отъ себя всѣ грѣхи ваши, которыми согрѣшали вы, и сотворите себѣ новое сердце и новый духъ; и зачѣмъ вамъ умирать, домъ Израилевъ? Ибо Я не хочу смерти умирающаго; но обратитесь и живите [2])!“ Нѣкоторые возражали на это, что уже слишкомъ поздно говорить о надеждѣ и о будущемъ: „Изсохли кости наши, говорили они, и погибла надежда наша; мы оторваны отъ корня“. Пророкъ отвѣчалъ имъ разсказомъ о томъ, какъ „Господь вывелъ его духомъ и поставилъ среди поля, покрытаго костями“. „Я изрекъ пророчество, какъ повелѣно было мнѣ; и когда я пророчествовалъ, произошелъ шумъ и вотъ движеніе, и стали сближаться кости, кость съ костью своею. И видѣлъ я, и вотъ, жилы были на нихъ, и плоть выросла, и кожа покрыла ихъ сверху, а духа не было въ нихъ. Тогда сказалъ онъ мнѣ: „изреки пророчество духу, сынъ человѣческій, и скажи духу: такъ говоритъ Господь Богъ: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди духъ, и дохни на этихъ убитыхъ, и они оживутъ“. И я изрекъ пророчество, какъ Онъ повелѣлъ мнѣ, и вошелъ въ нихъ духъ, и они ожили, и стали на ноги свои — весьма, весьма великое полчище. И сказалъ Онъ мнѣ: кости - сіи весь домъ Израилевъ... Вотъ, Я открою гробы ваши и выведу васъ, народъ

[1]) Іезекіиль, XX.
[2]) Іезекіиль, XVIII.

Мой, изъ гробовъ вашихъ и введу васъ въ землю Израилеву. . и вложу въ васъ духъ Мой, и оживете, и помѣщу васъ на землѣ вашей, и узнаете, что Я Господь сказалъ это и сдѣлалъ, говоритъ Господь [1])".

Прежніе пророки, предсказывавшіе возрожденіе и будущее благоденствіе Израиля, говорила объ этомъ будущемъ только въ самыхъ общихъ чертахъ, не опредѣляя точно ни законовъ, которыми народъ будетъ управляться, ни будущаго религіознаго культа, ни условій, способныхъ гарантировать процвѣтаніе возрожденнаго племени. Іеремія первый отчаялся въ возможности упорядочить народную жизнь при условіи сохраненія законодательства, полученнаго нѣкогда въ Египтѣ; онъ заговорилъ о необходимости заключенія новаго завѣта, не опредѣляя, однако, точно его пунктовъ [2]). Іезекіиль, отличавшійся болѣе практическимъ умомъ, занялся выработкою статей новаго законодательства, долженствовавшаго замѣнить устарѣвшее прежнее законодательство, какъ только окончится срокъ изгнанія Израиля. Монархическій принципъ былъ уже испробованъ и не далъ хорошихъ результатовъ: на одного такого царя, какъ Езекія или Іосія, приходилось десять такихъ, какъ Ахазъ и Манассія. Но такъ какъ евреи были еще искренно привязаны къ этому образу правленія, то онъ нашелъ несвоевременнымъ совершенно исключить его. Онъ рѣшился сохранить царя, но царя, болѣе благочестиваго и менѣе свободнаго въ своихъ дѣйствіяхъ, чѣмъ государь, о которомъ мечталъ авторъ Второзаконія; царь Іезекіиля долженъ былъ являться служителемъ служителей Господнихъ, и главную функцію его должны были составлять заботы о нуждахъ культа. Въ сущности, одинъ Іегова былъ царемъ, власть котораго онъ признавалъ безусловно. Но и Іегова въ его представленіи не былъ уже тѣмъ Іеговою, о которомъ мечтали его предшественники; это былъ уже не Господь Богъ Амоса, который „ничего не дѣлаетъ, не открываетъ своей тайны рабамъ Своимъ, пророкамъ" [3]), и не Господь Осіи, который „милости хочетъ, а не жертвы, и боговѣдѣнія болѣе, нежели всесожженій" [4]). Іегова Іезекіиля уже не допускаетъ фамильярныхъ сношеній съ истолкователями своей воли; Онъ держитъ „сына человѣческаго" въ почтительномъ отдаленіи и начинаетъ сноситься съ нимъ при помощи своихъ вѣстниковъ, ангеловъ. Конечно, ему пріятно видѣть чувство любви къ себѣ въ дѣтяхъ, но онъ предпочитаетъ внушать имъ почтеніе и страхъ, и ему пріятенъ запахъ жертвы, принесенной по установленнымъ правиламъ. Поэтому, первой заботой пророка было построеніе на священномъ холмѣ новаго храма Господу. Онъ отстроилъ храмъ Соломона, въ которомъ нѣкогда провелъ отдаленные годы своей юности; онъ возстановилъ его по тому же плану, но только значительно увеличилъ его размѣры и болѣе позаботился объ его украшеніи; размѣры внѣшняго и внутренняго дворовъ, боковыхъ комнатъ, самого храма и всѣхъ его принадлежностей были съ точностью опредѣлены: „въ дверяхъ храма десять локтей ширины и по бокамъ дверей пять локтей съ одной стороны и пять локтей съ другой стороны; и намѣрилъ длины въ храмѣ сорокъ локтей, а ширины двадцать локтей". Далѣе слѣдуетъ такое изобиліе техническихъ подробностей, что иногда бываетъ не легко въ нихъ разобраться [1]). Зданію, такъ превосходно устроенному, необходимо должно было соотвѣтствовать и духовенство, достойное обитать въ немъ; поэтому, только потомки Садока могли быть священниками, потому что они одни сохранили непоколебимую вѣрность Іеговѣ. Остальнымъ левитамъ были предоставлены лишь однѣ второстепенныя функціи, такъ какъ они не только раздѣляли заблужденія своего народа, но и подавали ему примѣръ идолопоклонства. Обязанности и прерогативы каждаго священника, доходы храма, жертвоприношенія, торжественные праздники и приготовленія къ праздествамъ, все было предусмотрѣно и строжайше опредѣлено [2]) Іезекіиль самъ былъ священникомъ и былъ посвященъ какъ въ самыя ничтожныя, такъ и въ самыя возвышенныя функціи своей профессіи; мельчайшія предписанія относительно убоя животныхъ и священной кухни казались ему столь же существенными, какъ и предписанія нравственности будущимъ поколѣніямъ его народа. Окончивъ построеніе храма и установленіе ритуала, пророкъ опять далъ волю своему воображенію. Ему представлялось, что онъ видитъ источникъ животворящей воды, вытекающей изъ подъ порога храма и текущій по лѣсистой мѣстности въ сторону Мертваго моря, чтобы водами своими оздоро-

Footnotes (p. 584):

[1]) Іезекіиль, XXXVII, 1—14.

[2]) Іеремія, XXXI, 32—34; Квененъ, „The Religion of Israel", т. II, стр. 75 и слѣд. и „Religion naturelle et réligion universelle", стр. 83, 84, 114.

[3]) Амосъ, III, 7.

[4]) Осія, VI, 6.

Footnotes (p. 585):

[1]) Іезекіиль, XL 5—XLIII, 27.

[2]) Іезекіиль, XLIV, 1—XLVI, 24.

вить его воды. „И всякое живущее существо, пресмыкающееся тамъ, куда войдетъ этотъ потокъ, будетъ живо; и рыбы будетъ весьма много... У потока, по берегамъ его, съ той и другой стороны, будутъ расти всякія дерева, доставляющія пищу; листья ихъ не будутъ увядать, и плоды на нихъ не будутъ истощаться: каждый мѣсяцъ будутъ созрѣвать новые, потому что вода для нихъ течетъ изъ святилища; плоды ихъ будутъ употребляемы въ пищу, а листья на врачеванiе" [1]). Предполагалось, что будетъ произведенъ самый идеальный раздѣлъ страны между двѣнадцатью колѣнами израильскими, въ числѣ которыхъ упоминались и тѣ, которыя въ различныя времена уже исчезли съ лица земли. Всѣ эти племена, изъ которыхъ Данъ поселится на сѣверѣ, а Рувимъ и Іуда—на югѣ, воздвигнутъ общими усиліями вокругъ горы Сіонской новый Іерусалимъ, и „имя городу съ того дня будетъ: Господь тамъ" [2]).

Іезекіиль пользовался очень небольшимъ вліяніемъ на своихъ современниковъ; онъ былъ единственнымъ или почти единственнымъ представителемъ проповѣдуемыхъ имъ воззрѣній, и идеи Іереміи получили преобладаніе надъ его идеями. Часть еврейскихъ изгнанниковъ все болѣе и болѣе пристращалась къ культу языческихъ божествъ; по всей вѣроятности, она растворилась въ массѣ халдейскаго населенія и совершенно погибла для Израиля, какъ это случилось съ изгнанниками изъ колѣна Ефремова. Другіе, составлявшіе громадное большинство, не переставали питать надежды на лучшее будущее и старались подмѣтить въ событіяхъ, совершавшихся передъ ихъ глазами, признаки грядущаго освобожденія, обѣщаннаго пророкомъ. „Ты умножилъ народъ, Господи, умножилъ народъ, — прославилъ Себя, распространилъ всѣ предѣлы земли. Господи! въ бѣдствіи онъ искалъ Тебя; изливалъ тихія моленія, когда наказаніе Твое постигало его. Какъ беременная женщина, при наступленіи родовъ, мучится, вопитъ отъ болей своихъ, такъ были мы предъ Тобою, Господи!.. — Пойди, народъ мой, войди въ покои твои и запри за собою двери твои, укройся на мгновеніе, доколѣ не пройдетъ гнѣвъ. Ибо вотъ Господь выходитъ изъ жилища Своего, наказать обитателей земли за ихъ беззаконіе, и земля откроетъ поглощенную его кровь, и уже не скроетъ убитыхъ своихъ" [1]). Смерть Набукудуруссура въ 562 г. повлекла за собою перемѣны въ условіяхъ жизни евреевъ. Амилмардукъ освободилъ царя ихъ, Іоакима изъ заключенія, въ которомъ онъ томился уже тридцать лѣтъ, и сталъ обращаться съ нимъ съ уваженіемъ, приличествующимъ его сану [2]). Конечно, это не было еще ожидаемое возрожденіе, но, по крайней мѣрѣ, этимъ былъ положенъ конецъ преслѣдованіямъ. Потомъ, начались дворцовыя распри, впродолженіи которыхъ, въ теченіе не болѣе восьми лѣтъ, скипетръ Набукудуруссура четыре раза переходилъ изъ рукъ въ руки [3]); затѣмъ наступило воцареніе миролюбиваго и набожнаго Набунаида, а за нимъ и первыя побѣды Кира. Ничто не ускользало отъ бдительнаго взора изгнанниковъ, а пророки ихъ заговорили уже о томъ, что настало время заявить о близкомъ паденіи Вавилона и даже опредѣляли время этого событія. Одинъ изъ нихъ, произведенія котораго включены въ книгу Іереміи, уже видѣлъ народы Сѣвера и Востока, идущими на осужденный городъ. „Трубите трубою среди народовъ, вооружите противъ него народы, созовите на него царства Араратскія, Минійскія и Аскеназскія, поставьте вождя противъ него, наведите коней, какъ страшную саранчу. Вооружите противъ него народы, царей Мидіи, областеначальниковъ ея, и всѣхъ градоправителей ея, и всю землю подвластную ей... Трясется земля и трепещитъ, ибо исполняются надъ Вавилономъ намѣренія Господа, сдѣлать землю Вавилонскую пустынею, безъ жителей" [4]). Другой видитъ уже притѣснителя мертвымъ и попавшимъ въ адъ: „Адъ преисподній пришелъ въ движеніе ради тебя,—чтобы встрѣтить тебя при входѣ твоемъ;—пробудилъ для тебя Рефаимовъ, всѣхъ вождей земли, поднялъ всѣхъ царей языческихъ съ престоловъ ихъ.—Всѣ они будутъ говорить тебѣ:—„и ты сдѣлался безсильнымъ, какъ мы!—и ты сталъ подобенъ намъ!"— „А ты говорилъ въ сердцѣ своемъ: „взойду на небо,—выше звѣздъ Божіихъ вознесу престолъ мой; и... буду подобенъ Всевышнему!"— Но ты низверженъ въ адъ, въ глубины преисподней! — Видящіе тебя всматриваются въ тебя, — размышляютъ о тебѣ: — „тотъ ли это человѣкъ, который колебалъ землю, — потрясалъ царства,— вселенную сдѣлалъ пустынею, и разрушалъ города ея; плѣнни-

[1]) Іезекіиль, XLVII, 1—12.

[2]) Іезекіиль, XLVII, 13—XLXIII. Относительно роли Іезекіиля, сравн. Квененъ, „The Religion of Israel", т. II, стр. 105—108.

[1]) Неизвѣстный авторъ, около 570 г. (Исаія XXVI, 15—21).

[2]) VI Кн. Царствъ. XXV; Іезекіиля LII, 31—34.

[3]) Смотр. стр. 559 этой исторіи.

[4]) Іеремія LI, 27—29,

ковъ своихъ не отпускалъ домой?"—Всѣ цари народовъ, всѣ лежатъ съ честію,—каждый въ своей усыпальницѣ; — а ты повер-женъ внѣ гробницы своей,—какъ презрѣнная вѣтвь, —какъ одежда убитыхъ, сраженныхъ мечемъ,—которыхъ опускаютъ въ каменные рвы; ты, какъ попираемый трупъ, не соединишься съ ними въ могилѣ, ибо ты разорилъ землю твою, убилъ народъ твой" [1]). Отголоски этихъ проклятій не доходили до Набунаида, но онъ вполнѣ сознавалъ значеніе грозившей ему опасности и, по своему, старался предотвратить ее. Не прихоть археолога заставляла его возобновлять разрушенные храмы, возстановлять давно забытыя формы стариннаго культа: онъ хотѣлъ отвратить отъ себя и своего государства гнѣвъ иноземныхъ боговъ и снискать благоволеніе своихъ національныхъ боговъ. Это преувеличенное почитаніе чужихъ божествъ возбудило неудовольствіе вавилонскихъ жрецовъ; поэтому, когда персы появились на халдейской границѣ въ 538 г., не только плѣнники, поселенные въ Халдеѣ, но и часть туземнаго населенія привѣтствовала въ душѣ иноземцевъ. Набунаидъ прибѣгъ къ самымъ сильнымъ, по его мнѣнію, средствамъ: во искупленіе грѣховъ народа, онъ повелѣлъ приносить жертвы Ваалу, перенесъ въ столицу наиболѣе почитаемыхъ боговъ, -- Замалмала и боговъ Киса, Белтиду и боговъ Херсаккаламы, боговъ Аккада, „тѣхъ, которые надъ атмосферой и подъ атмосферой". Киръ нисколько не былъ смущенъ прибытіемъ этого божественнаго гарнизона; въ нѣсколько недѣль онъ справился со своими противниками. Въ началѣ мѣсяца Тамуза онъ перешелъ чрезъ Тигръ и разбилъ Халдеевъ близъ города Рутума. Вслѣдъ за тѣмъ въ Аккадѣ вспыхнуло возмущеніе, отнявшее у Набунаида послѣдніе рессурсы. 14-го персы безъ боя овладѣли Сиккаромъ, а 16-го полководецъ ихъ Гобріасъ взялъ Вавилонъ, не встрѣтивъ сопротивленія; Набунаидъ былъ выданъ врагамъ своими и умеръ спустя нѣсколько дней. Онъ былъ похороненъ съ почестями, приличными его сану: цѣлую недѣлю городъ носилъ трауръ по своемъ государѣ. По истеченіи этого срока Камбизъ, сынъ Кира, принесъ жертву мѣстнымъ богамъ и торжественно облекся властью отъ имени своего отца (539) [2]).

[1]) Неизвѣстный авторъ, около 540 г. (Исаія, XVI, 8—20).

[2]) Пинчъ, „On a Cuneiform inscription relating to the Capture of Babylon by Cyrus", въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology", т. VI, стр. 130—167, гдѣ приведены отрывки изъ временниковъ Набунаида. Сравн. г. Раулинсонъ, въ „Journal of the Royal Asiatic Societi", т. XII, стр. 70 и

Все государство сразу и безъ малѣйшихъ потрясеній перешло въ руки персовъ. Народы, платившіе дань Вавилону,—сирійцы, арабы, финикіяне,—теряя прежнихъ повелителей и пріобрѣтая новыхъ, такъ мало заботились объ этомъ, какъ будто это нисколько не касалось ихъ интересовъ; разъ потерявъ независимость, они не интересовались уже вопросомъ, кто именно занимаетъ престолъ. Даже Вавилонъ, казалось, легко приспособился къ новымъ условіямъ и радовался паденію національнаго царя. Когда Киръ появился въ Вавилонѣ, три мѣсяца спустя послѣ своего воцаренія на престолѣ этого города, и передалъ управленіе провинціей Гобрію, первымъ дѣломъ его было разослать по провинціальнымъ городамъ отобранныхъ у нихъ боговъ, которыхъ Набунаидъ собралъ въ Вавилонѣ при приближеніи его арміи. Этотъ поступокъ расположилъ въ пользу побѣдителя сердца бла-

слѣд., гдѣ приведено воззваніе, съ которымъ Киръ обратился къ народу вавилонскому съ заявленіемъ, что онъ принимаетъ корону съ согласія національныхъ боговъ. Сравн. Берозъ, „Fragments", 9, 14.

Вотъ таблица халдейскихъ царей, начиная съ Набуназира, составленная на основаніи птоломеева списка и древнихъ памятниковъ (Пинчъ, „The Babylonian Kings of the Second Period", въ „Proceedings", 1883—1884, стр. 193—204).

I. Набуназиръ............	Ναβονασσάρου.......	747—733
II. Наидъ	Ναδίου.............	733—731
III. Кинзиру и Пулу.	Χινζίρου καὶ Πώρου..	731—726
IV. Улулія................	Ἰλουλαίου	726—721
V. Мардукбалидинна......	Μαρδοκεμπάδον......	721—709
VI. Сарукинъ.............	Ἀρκεάνου...........	709—704
Первое междуцарствіе..	Ἀβασιλεύτου Πρώτου.	704—702
VII. Белибусъ.............	Βηλίβου...........	702—699
VIII. Ассурнадинсумъ.......	Ἀσσαραδίνου........	699—693
IX. Нергалусезибъ.........	Ῥηγεβήλου.........	693—692
X. Мусезибмардукъ.	Μεσησιμορδάκου	692—688
Второе междуцарствіе..	Ἀβασιλεύτου δευτέρου.	688—680
XI. Ассурахеиддинъ	Ἀβαραδίνου.........	680—667
XII. Самассумукинъ........	Σαοσδουχίνου........	667—647
XIII. { Ассурбанипалъ..... / Ассуредилилани.... }	Κινηλαδάνου........	647 625
XIV. Набубалуссуръ........	Ναβοπολασσάρου.....	625—604
XV. Набукудуруссуръ II....	Ναβοκολασσάρου	604—561
XVI. Амилмардукъ.........	Ἰλλοαρουδάμου......	561—559
XVII. { Ниргалсаруссуръ... / Лабасимардукъ. ... }	Νηριγασολασόρου.....	559—555
XVIII, Набунаидъ........... .	Ναβοναδίου	555—538

гочестивыхъ людей, оскорбленныхъ тѣмъ, что у нихъ отняли было ихъ національныхъ боговъ [1]). Вскорѣ вліяніе жрецовъ пересилило національное самолюбіе; подъ ихъ вліяніемъ составилось убѣжденіе, что богъ Мардукъ, оскорбленный тѣмъ пренебреженіемъ, которое оказывалъ ему Набунаидъ, отомстилъ за себя тѣмъ, что передалъ государство въ руки Кира. „Царь боговъ былъ глубоко огорченъ этимъ униженіемъ, и всѣ боги, обитавшіе въ храмахъ Вавилона, оставили свои святилища, не было болѣе Мардука и союзныхъ ему боговъ въ процессіяхъ Каланны, потому что боги удалились въ другіе города, гдѣ имъ не отказывали въ должныхъ почестяхъ. Между тѣмъ населеніе Сумира и Аккада, все въ траурѣ, просило боговъ возвратиться къ нимъ; онъ снизошелъ къ ихъ просьбамъ и успокоилъ страну, избравъ для нея царя, который управлялъ бы ввѣреннымъ ему народамъ, согласно его желаніямъ. Онъ провозгласилъ Куруса Ансанскаго царемъ всего міра и объявилъ о дарованіи ему этого титула надъ всѣми народами... Онъ заставилъ его пойти на Вавилонъ, свой собственный городъ, и руководилъ персидской арміей, какъ другъ и благодѣтель: его войска, столь же неисчислимыя какъ и волны Евфрата, и мечи его воиновъ—были простыми украшеніями, потому что онъ велъ ихъ безъ битвы и сопротивленія до Каланны, а затѣмъ самъ осадилъ и взялъ собственный городъ. Набунаида, царя, не почитавшаго его, онъ предалъ въ руки Куруса. Весь народъ Вавилонскій, въ томъ числѣ многіе жители Сумира и Аккада, знатные люди и жрецы,—поднялись противъ него и отказались цѣловать впредь его ноги: они обратились къ своему новому повелителю и принесли ему свою вѣрноподданическую присягу, потому что богъ, возвращающій жизнь мертвымъ и являющій помощь во всякомъ несчастіи и бѣдствіи, отдалъ ему всю свою милость“ [2]). Не одни халдеи видѣли въ персидскомъ царѣ посланника Божія; евреи, еще болѣе, чѣмъ они были расположены понимать его такимъ образомъ. То, какъ палъ Вавилонъ, обмануло ихъ ожиданія и предсказанія ихъ пророковъ: городъ Набукудуруссура не былъ стертъ съ лица земли,

[1]) Т. Пинчъ, „On a cuneiform Tablet relating to the Capture of Babylon by Cyrus and the events which preceded and led to it“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology, т. VII, стр. 144, 167.

[2]) Эта цитата представляетъ краткое изложеніе содержанія длинной надписи, открытой и переведенной сэромъ Генри Раулинсономъ (Journal of the Royal Asiatic Society, т. XII, стр. 70 и слѣд.

какъ это было съ городами Саргона и Сеннахериба, и отмщеніе за Іерусалимъ было менѣе полно, чѣмъ отмщеніе за Самарію. Но обманувшись относительно этого, они все таки чувствовали близость освобожденія, и одинъ изъ ихъ величайшихъ поэтовъ, творенія котораго присоединены къ твореніямъ Исаіи, какъ ихъ продолженіе, возвѣщалъ объ этомъ освобожденіи въ слѣдующихъ превосходныхъ строкахъ: „Торжествуйте, небеса, ибо Господь содѣлалъ это;—восклицайте, глубины земли; —шумите отъ радости, горы, лѣсъ и всѣ деревья въ немъ;—ибо искупилъ Господь Іакова, и прославится въ Израилѣ.—Такъ говоритъ Господь, искупившій тебя, и образовавшій тебя отъ утробы матерней: Я, Господь, который сотворилъ все, одинъ распростеръ небеса, и Своею силою разостлалъ землю... Который утверждаетъ слово раба своего, и приводитъ въ исполненіе изреченіе своихъ посланниковъ, Который говоритъ Іерусалиму: „ты будешь населенъ“ и городамъ Іудинымъ: „вы будете построены,—и развалины его я возстановлю“. „Который безднѣ говоритъ: „изсохни! и рѣки твои я изсушу“. Который говоритъ о Кирѣ: пастырь Мой, и онъ исполнитъ всю волю мою, и скажетъ Іерусалиму: „ты будешь построенъ!“—и храму: „ты будешь основанъ“ [1]). Въ первомъ же году своего пребыванія въ Вавилонѣ Киръ издалъ указъ, которымъ разрѣшалъ евреямъ возвратиться въ землю своихъ отцовъ. Но не всѣ евреи воспользовались предоставленнымъ имъ правомъ: если вѣрить преданію, сорокъ двѣ тысячи триста шестьдесятъ человѣкъ заявили о своей готовности оставить мѣста ссылки, подъ предводительствомъ одного изъ потомковъ Давида, Зоровавеля, сына Салаѳіилова, и Іисуса, внука Сараіи, который былъ нѣкогда послѣднимъ первосвященникомъ храма и котораго Набукудуруссуръ умертвилъ вслѣдъ за разрушеніемъ Іерусалима (536) [2]).

Изъ всѣхъ государей, вступившихъ въ союзъ противъ Персіи, одинъ Амасъ оставался еще ненаказаннымъ; поэтому, близкая война съ Египтомъ казалась неизбѣжной. Киръ медлилъ нѣсколько времени, потомъ вдругъ направился на востокъ и исчезъ таинственнымъ образомъ (529). По словамъ Ксенофонта, онъ умеръ дома, окруженный дѣтьми, не переставая наставлять окружающихъ и проявляя при этомъ сверхчеловѣческую мудрость, доказательства которой онъ далъ, главнымъ образомъ, именно въ

[1]) Исаія, XLIV, 23—28.

[2]) II. Паралипоменонъ, XXXVI, 22—23; Ездра, I—III.

эти послѣднія минуты своей жизни [1]); свѣдѣнія эти не отличаются достовѣрностью, какъ и вообще всѣ свѣдѣнія, сообщаемыя Ксенофонтомъ. Ктезій разсказываетъ, что Киръ былъ раненъ въ одной схваткѣ съ дербиками, полудикимъ народомъ Бактріи, и что онъ умеръ отъ раны черезъ три дня послѣ битвы [2]). По Геродоту, онъ просилъ руки массагетской царицы Томирисы, но былъ отвергнутъ. Оскорбленное самолюбіе заставило его начать войну: онъ перешелъ рѣку Араксъ [3]), разбилъ массагетовъ и взялъ въ плѣнъ сына царицы Спаргаписеса, который съ отчаянія лишилъ себя жизни. „Томириса, собравъ свои силы, напала на персовъ. Изъ всѣхъ битвъ, происходившихъ между варварами, эта представляется наиболѣе кровавой, если судить по тому, что мнѣ приходилось слышать о ней. Сначала враги пускали стрѣлами другъ въ друга на близкомъ разстояніи; когда же стрѣлъ не хватило болѣе, они стали нападать другъ на друга, поражая ударами пикъ и мечей. Они долго держались въ битвѣ, и никто не хотѣлъ уступить, наконецъ, массагеты одержали верхъ. Большая часть персидской арміи осталась на полѣ битвы; самъ Киръ погибъ здѣсь послѣ двадцатидевятилѣтняго царствованія. Томириса, приказавъ наполнить козій мѣхъ человѣческой кровью, велѣла разыскать среди мертвыхъ трупъ Кира и, какъ только онъ былъ найденъ, она погрузила его голову въ мѣхъ, осыпая ругательствами: „Хотя я и жива и вышла побѣдительницей, но ты погубилъ меня, похитивъ хитростью моего сына, зато и я напою тебя кровью“ [4]). Персамъ удалось найти тѣло царя, и они перенесли его въ Пасаргадъ, гдѣ погребли съ пышностью въ дворцовыхъ садахъ [5]).

---

[1]) Ксенофонтъ, Киропедія, кн. VIII, гл. VII, § 3—38.

[2]) Ктезій, Persica, § 6 8, изд. Миллера, стр. 47. Значительно позднѣйшая легенда разсказываетъ, что Киръ, достигнувъ столѣтняго возраста, захотѣлъ видѣть всѣхъ своихъ друзей. Ему отвѣтили, что его сынъ Камбизъ предалъ всѣхъ ихъ смерти; испытанное имъ огорченіе при извѣстіи о такой жестокости сына свело его въ нѣсколько дней въ могилу. Люціенъ Maacrob., XIV, по Онесикриту, Fragm. 32, изд. К. Мюллера.

[3]) Можетъ быть, Яксартъ.

[4]) Геродотъ, I, CCIV—CCXIV.

[5]) Арріенъ, Анабазисъ, кн. VI, 19, § 4—9, по Аристобулу (Fragm. 37, изд. К. Мюллера). Сравн. Pseudo—Sallisthenes, кн. II, гл. 18, гдѣ авторъ ставитъ могилу Кира рядомъ съ могилой „Набонасара, прозваннаго греками Набуходоносоромъ“. По Опперту, небольшое зданіе Мургоба въ которомъ предполагали видѣть гробницу Кира, представляетъ въ дѣйствительности гробницу

Народная поэзія, исказивъ факты жизни Кира и замѣнивъ дѣйствительные разсказы о его дѣяніяхъ баснословными исторіями, задалась цѣлью сдѣлать изъ него идеальный типъ восточнаго государя: легенда рисуетъ его храбрѣйшимъ, кротчайшимъ и даже красивѣйшимъ изъ людей. На самомъ дѣлѣ, онъ обладалъ, вѣроятно, всѣми достоинствами военачальника: дѣятельнымъ характеромъ, энергіей, храбростью, коварствомъ и двоедушіемъ, столь необходимыми въ Азіи для завоевательныхъ успѣховъ; но, щедрый и терпимый къ другимъ вѣроученіямъ, онъ не обладалъ административными способностями и ничего не сдѣлалъ для объединенія въ одно неразрывное цѣлое различныхъ народовъ, которыхъ ему удалось покорить. Только въ Лидіи и Халдеѣ онъ назначилъ персидскихъ правителей; во всѣхъ же остальныхъ странахъ онъ удовольствовался изъявленіемъ покорности и оставлялъ обыкновенно управленіе въ рукахъ туземцевъ. Онъ завоевалъ всѣ страны древняго міра, за исключеніемъ Египта, и образовалъ обширную персидскую монархію, но всѣ заботы объ организаціи этого государства предоставилъ своимъ преемникамъ [1]).

Камбзъ; Амасъ II и Псамитикъ III; завоеваніе Египта (525); попытки къ завоеванію Ливіи и Эѳіопіи; Лжесмердизъ.

Киръ завѣщалъ царскую власть старшему изъ своихъ дѣтей, Камбузію II, котораго греки прозвали Камбизомъ, а управленіе нѣсколькими провинціями—второму своему сыну, Бардіи (Смердизу) [2]). Назначивъ заранѣе преемника, онъ надѣялся предотвратить этимъ ссоры, обыкновенно сопровождавшія на востокѣ перемѣну царствованія. Но надежда его не оправдалась: Камбизъ, тотчасъ же по восшествіи на престолъ, умертвилъ своего брата. Преступленіе это было совершено такъ осторожно и въ такой строжайшей тайнѣ, что прошло незамѣченнымъ для населенія: народъ и дворъ думали, что Бардія заключенъ въ какомъ-нибудь

его жены, Казандане („Journal asiatique“, 1872, т. XIX, стр. 548, и „Le Peuple et la langue des Médes“, стр. 110—111).

[1]) Г. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. III, стр. 388—390.

[2]) Геродотъ, I, CCVIII: Ктезій, Persica, § 8, изд. Мюллера, ст. 47; Ксенофонтъ, Киропедія, VIII, 7, § 11. Ктезій называетъ Бардію Таніоксаркомъ и считаетъ его правителемъ Бактріи, хорасмійцевъ, пароянъ и карманійцевъ. Ксенофонтъ называетъ его Танаоксаромъ и считаетъ царемъ мидянъ, армянъ и кадузійцевъ.

отдаленномъ замкѣ въ Мидіи, и съ часу на часъ ожидали его появленія [1]).

Освободившись отъ соперника, который могъ сдѣлаться для него опаснымъ, Камбизъ сталъ думать только о войнѣ. Египетъ, защищенный пустыней и болотами Дельты, все еще не склонялся передъ могуществомъ персовъ. Со времени своего несчастнаго вмѣшательства въ дѣла Лидіи, Амасъ II продолжалъ вести себя относительно сосѣдей такъ, чтобы не подавать ни малѣйшаго повода къ войнѣ. Онъ ограничился тѣмъ, что возстановилъ на Кипрѣ прежнюю верховную власть Египта [2]), но дальше честолюбіе его не простиралось. Благодаря своему благоразумію онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ Киромъ, и воспользовался выпавшими на его долю годами мира для развитія естественныхъ богатствъ своего государства. Сѣть каналовъ была исправлена и увеличена, торговля расширилась, земледѣліе развивалось: „говорятъ, что никогда Египетъ такъ не процвѣталъ и не благоденствовалъ, что никогда рѣка не орошала такъ благотворно полей, а поля не были такъ плодородны, и что въ Египтѣ насчитывалось въ то время двадцать тысячъ населенныхъ городовъ“ [3]). Каменоломни въ Труу [4]), Суанѣ [5]) и Рогану [6]) были вновь открыты и эксплоатировались, какъ въ лучшіе дни. Өивы, гдѣ одна изъ женъ Амаса, царица Онхнасъ, провела, какъ кажется, большую часть своей жизни [7]), нѣсколько оживились. Карнакскіе памятники были тщательно реставрированы и нѣсколько богачей устроили себѣ въ Карнакѣ гробницы, не уступающія размѣрами и законченностью барельефовъ лучшимъ гробницамъ прежнихъ временъ [1]). Остальная часть верхняго Египта была уже слишкомъ обезлюжена, чтобы стоило предпринимать тамъ значительныя работы; главныя силы страны сосредоточены были въ Мемфисѣ и въ городахъ Дельты. Въ Мемфисѣ Амасъ II выстроилъ храмъ богини Изиды, о которомъ Геродотъ упоминаетъ, какъ объ „очень большомъ и стоющемъ того, чтобы его повидать“; къ несчастью, этотъ храмъ исчезъ, такъ же, какъ и лежачій колоссъ, длинною въ 75 футовъ, сооруженный тѣмъ же правителемъ передъ храмомъ Фта [2]). Въ Саисѣ онъ построилъ въ храмѣ богини Нейтъ пропилеи, „значительно превосходившія другія подобныя сооруженія, какъ своею вышиною и обширностью, такъ и размѣрами и качествомъ камней, употребленныхъ для ихъ постройки“. Пропилеи эти были украшены громадными колоннами, а впереди ихъ шла длинная аллея изъ сфинксовъ. Тамъ же красовались два большихъ обелиска, одна лежачая статуя, во всемъ походившая на такую же Мемфисскую статую, и часовня (наосъ) изъ цѣльнаго розоваго гранита, привезеннаго по приказанію царя изъ каменоломенъ Абу. Двѣ тысячи перевощиковъ три года были заняты ея перевозкой. Она имѣла снаружи около 11 метровъ высоты, 7 метровъ и 38 сантиметровъ — глубины и 4 метра ширины; выдолбленная внутри, она все-таки вѣсила около 500 тысячъ килограммовъ. Она такъ и не попала внутрь храма. „Разсказываютъ, что архитекторъ въ ту самую минуту, какъ памятникъ былъ поставленъ на то мѣсто, гдѣ онъ находится въ настоящее время, испустилъ вздохъ при мысли о томъ, сколько времени потребовалось на перевозку его и какихъ трудовъ ему это стоило. Амасъ, услыхавъ этотъ вздохъ, счелъ его за дурное предзнаменованіе и не велѣлъ везти камень дальше. По другимъ же свѣдѣніямъ, одинъ изъ рабочихъ былъ до смерти задавленъ тяжестью камня при перевозкѣ, и это послужило причиною того, что памятникъ былъ оставленъ на мѣстѣ, гдѣ находится и теперь“ [3]).

---

[1]) Геродотъ, III, XXX; Ж. Менанъ, les Achemenides, стр. 106. По Геродоту, убійство произошло во время египетскаго похода; согласно Бегистунской надписи, (Г. Раулинсонъ, Inscription of Darius on thé Rock at Behistun, въ „Récords of the Past“, т. I, стр. 112; Оппертъ, „le Peuple et la langue des Médes“, стр. 117), оно произошло раньше этого похода.

[2]) Геродотъ, II, CLXXXII; Діодоръ Сицилійскій, 1, 68, считаетъ повидимому походъ Амаса какъ бы естественнымъ послѣдствіемъ похода Апрія.

[3]) Геродотъ, II, CLXXVII.

[4]) Геродотъ, II, CLXXV.

[5]) Бигетскія надписи у Шампольона, „Not. manuscrites, J“. I, стр. 163; Лепсіусъ, „Denkm“., III, табл. 284.

[6]) Надписи архитекторовъ и инженеровъ, посланныхъ въ XLIV году царствованій Амаса за камнемъ, необходимымъ для памятниковъ царя, Лепсіусъ, „Denkm.“, III, табл. 75 *а—д*; ср. Деверіа, „Monument biographique de Bakenkhonsou, стр. 24—29.

[7]) Гробница царицы Онхнасъ находится въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ (С. Шарпъ, „Egyptian Antiquities in the Britich Museum“ стран. 104—185). Изображеніе самой царицы часто встрѣчается на лѣпныхъ украшеніяхъ двухъ маленькихъ зданій, построенныхъ въ Карнакѣ при Амазисѣ и при Псамитикѣ III, (Лепсіусъ, „Denkm.“ III, табл. 237—274).

[1]) Шампольонъ, „Notices manuscrites“, J. I, стр. 552—553.

[2]) Геродотъ, II, CLXXVI.

[3]) Геродотъ, II, CLXXV. Летроннъ, „La Civilisation égyptienne depuis l'établissement des Grecs, sous Psammitichus jusqu'à la conquéte d'Alexandre“ стр. 23—26. Наосъ Тмайскій, единственный подходящій по размѣрамъ къ

Переворотъ, возведшій Амоса (Амазиса) на престолъ, былъ произведенъ національной египетской партіей противъ чужеземцевъ. Наемники и греческіе купцы стали на сторону Уаибри противъ его соперника Амаса, и можно было опасаться, что послѣдній, сдѣлавшись побѣдителемъ, захочетъ изгнать чужеземцевъ изъ своего государства. Но ничего подобнаго не случилось: сдѣлавшись царемъ, Амасъ забылъ оскорбленія, нанесенныя ему, какъ претенденту на престолъ. Его предшественники оказывали гостепріимство грекамъ; онъ же пламенно полюбилъ ихъ [1]) и самъ настолько превратился въ грека, насколько это было возможно для египтянина. Съ киренскими дорійцами онъ остался въ хорошихъ отношеніяхъ: разъ онъ даже вмѣшался къ качествѣ третейскаго судьи въ ихъ домашнія дѣла. Преемникъ Батта, такъ легко справившагося съ солдатами Уаибри, былъ Аркезилай. Дворцовыя интриги, осложненныя войной противъ ливійскихъ племенъ, въ которой Аркезилай потерпѣлъ неудачу, возстановили противъ него египтянъ, находившихся у него на жалованьи: братъ его Лаархъ убилъ его и занялъ его мѣсто съ согласія наемниковъ; затѣмъ, въ свою очередь, онъ былъ убитъ Эриксой и Поліархомъ, женой и зятемъ своей жертвы. Приверженцы Лаарха обратились къ фараону, и тотъ сталъ уже собираться идти къ нимъ на помощь со своей арміей, но смерть матери пріостановила его приготовленія. Поліархъ поспѣшилъ въ Египетъ во время траура при дворѣ фараона и такъ хорошо защищалъ свое дѣло, что выигралъ его. Баттъ Хромой, сынъ Аркезилая и Эриксы, былъ возведенъ на престолъ своимъ могущественнымъ сосѣдомъ [2]).

описанному Геродотомъ, имѣетъ семь метровъ вышины („Description de l'Egypte", Ant., V, табл. 29; Шампольйонъ, „l'Egypte sous les Pharaons", m. II, стр. 114). Размѣры, приведенные Геродотомъ, до того разнятся отъ размѣровъ наосовъ, извѣстныхъ въ настоящее время, что я присоединяюсь къ мнѣнію Кенрика („The Egipt of Herodotus", стр. 219, и „Ancient Egypt", т. II, стр. 370), что Геродотъ видѣлъ памятникъ Амазиса, лежавшій на боку, и принялъ за его высоту то, что на самомъ дѣлѣ было его шириною. Въ Луврскомъ музеѣ хранится наосъ изъ цѣльнаго камня меньшихъ размѣровъ, чѣмъ наосъ, описанный Геродотомъ, но также высѣченный въ царствованіе Амаса II (Д. 29 изданный Пьерре, „Recueil d'inscriptions inédites", т. I, стр. 74—80).

1) Геродотъ, II, CLXXVIII, называетъ его φιλέλλην.

2) Геродотъ разсказываетъ объ этихъ событіяхъ, не упоминая объ Амазисѣ IV, CLX—CLXI), и его версія принята была съ нѣкоторыми измѣненіями Николаемъ Дамасскимъ (стр. 52 въ „Frag. *H. Gr.*", изд. Мюллера, т. III, стр. 387). О вмѣшательствѣ Амазиса упоминается лишь у Плутарха („De Mulier virt.", II, стр. 260) и Поліена („Strat.", VIII, 41); но свѣдѣніе это позаимствовано, очевидно, у болѣе древняго писателя, можетъ быть у Гелланика Лесбосскаго, который оставилъ, кажется, довольно подробныя описанія нѣкоторыхъ событій изъ исторіи послѣднихъ египетскихъ царей (ср. въ „Fragm. H. Graec.", изд. Мюллера, т. I, стр. 66). Мѣсто это у Геродота относится, впрочемъ, къ разсказамъ киренаикскаго происхожденія, и сообщаніе объ этомъ Геродоту были, конечно, болѣе заинтересованы упоминать о событіяхъ, прославившихъ ихъ отечество, какъ напр. пораженіе Апрія при Ирасѣ (IV, CLIX), чѣмъ о такихъ унизительныхъ фактахъ, какъ вмѣшательство фараона. Съ другой стороны, такой мирный успѣхъ Амазиса не могъ оставить слѣда и въ умахъ египтянъ. Этимъ и объясняется то, что Геродотъ совсѣмъ не упоминаетъ о роли Египта въ этомъ дѣлѣ.

Позднѣе узы, соединявшія оба государства, скрѣплены были еще болѣе тѣснымъ союзомъ. Отчасти изъ политическихъ соображеній, отчасти изъ прихоти, Амасъ взялъ себѣ жену изъ Кирены, по имени Ладике, которая по мнѣнію однихъ, была дочерью царя Аркезилая или Батта, по мнѣнію же другихъ,—дочерью частнаго человѣка, богача Критобула [1]). Европейскіе и азіатскіе греки, не болѣе своихъ африканскихъ соотечественниковъ, могли жаловаться на него. Онъ завязалъ дружескія сношенія съ главными святилищами Эллады и не разъ дѣлалъ имъ роскошные подарки. Въ 548 году сгорѣлъ Дельфійскій храмъ, и алкмеониды взялись возстановить его за 300 талантовъ, изъ которыхъ четвертую часть должны были внести дельфійцы. Послѣдніе слишкомъ бѣдные, чтобы собрать такую громадную сумму, обратились за помощью ко всѣмъ дружественнымъ народамъ. Амасъ далъ имъ тысячу талантовъ египетскими квасцами, которые наиболѣе цѣнились въ то время. Квасцы употреблялись въ красильномъ дѣлѣ и были въ большой цѣнѣ, вслѣдствіе чего дельфійцы извлекли изъ нихъ большую выгоду [2]). Амасъ послалъ въ Кирену статую своей жены Ладике и цѣликомъ вызолоченную статую богини Нейтъ; храму Минервы Линдосской онъ послалъ двѣ каменныя статуи и льняныя латы, удивительно тонкой работы [3]); храму Юноны Саміенской — двѣ деревянныя статуи, существовавшія еще во времена Геродо-

1) Геродотъ, II, CLXXXI.

2) Геродотъ, II, CLXXX.

3) Остатки этихъ латъ существовали еще во времена Плинія Старшаго. *H. N.* XIX, I; но любопытные отрывали отъ нихъ по кусочку, чтобы провѣрить, какъ увѣряетъ Геродотъ, (III, XLVII), дѣйствительно ли каждая нитка состояла изъ трехъ сотъ шестидесяти пяти волоконъ, видимыхъ простымъ глазомъ.

та [1]). Не удивительно, поэтому, что греки постоянно стекались въ Египетъ и поселились тамъ въ такомъ громадномъ количествѣ, что, во избѣжаніе ссоръ съ туземцами, пришлось сызнова опредѣлить закономъ ихъ положеніе. Колоніи, основанныя вдоль Пелузійскаго рукава іонійцами и карійцами Псамитика I, процвѣтали и обладали уже населеніемъ, которое можно было исчислить приблизительно въ 200 т. душъ [2]). Амасъ переселилъ ихъ въ Мемфисъ или его окрестности, въ качествѣ охранителей отъ своихъ египетскихъ подданныхъ [3]). Позднѣйшіе переселенцы направились къ Канопійскому рукаву, въ городъ, получившій названіе Навкратисъ, который былъ предоставленъ въ полное ихъ распоряженіе [4]). Они основали здѣсь республику, которою самостоятельно управляли городскіе представители, (простаты, или тимухи) [5]); тутъ были: и пританейонъ, и празднества въ честь Діонисія и Аполлона Комейскаго, и раздача населенія вина и масла, словомъ, весь культъ и обычаи Греціи [6]). Съ этихъ поръ это была единственная гавань, открытая для иностранцевъ. Если купеческій корабль, преслѣдуемый пиратами, застигнутый бурей или другимъ какимъ-нибудь злоключеніемъ на морѣ, принужденъ былъ пристать къ берегу въ другомъ мѣстѣ, то кормчій его обязанъ былъ явиться къ ближайшему городскому начальнику для принесенія присяги въ томъ, что онъ не самовольно нарушилъ законъ, а вынужденъ былъ къ тому настоятельной необходимостью. Если причина казалась уважительной, моряки получали позволеніе плыть къ Канопійскому рукаву, причемъ, если вѣтры и состояніе моря не благопріятствовали ихъ отплытію, то кладь ихъ перегружалась на туземныя суда и перевозилась на греческую территорію по каналамъ Дельты [7]). Это предписаніе закона обогатило Навкратисъ: вся торговля по Нилу проходила черезъ его рынки, и онъ сдѣлался въ нѣсколько лѣтъ однимъ изъ значительнѣйшихъ складочныхъ мѣстъ древняго міра. Греки всѣхъ странъ

1) Геродотъ, II, CLXXXII.

2) Летроннъ, „La Civilisation égyptienne“, стр. II.

3) Геродотъ, II, CLIV.

4) Геродотъ, II, CLXXVIII. Мѣстонахожденіе Навкратиса недавно было открыто около поселка Эн—Набирехъ Флиндерсомъ Петри.

5) Гермій Метимосскій въ Атенеѣ, IV, стр. 149 („Fragm. H. Gr.“, изд. Мюллера, т. II, стр. 80—81).

6) Летроннъ, „La Civilisation égyptienne“, стр. 11—12; Ж. Лумброзо „Recherches sur l'economie politique de l'Egipte sous les Lagides“, стр. 222—223.

7) Геродотъ, II, CLXXIX.

переполняли городъ и не замедлили разселиться по прилегающимъ мѣстностямъ, усѣявъ ихъ новыми городами и селеніями. Греческіе купцы, соглашавшіеся жить и не подъ покровительствомъ своей націи, получили позволеніе избирать своимъ мѣстопребываніемъ любой городъ въ Египтѣ и устраивать въ немъ свои факторіи. Амасъ разрѣшилъ имъ даже свободно исповѣдывать свою религію. Выходцы изъ Эгины воздвигли себѣ храмъ Зевеса, самосцы — храмъ Геры, милитцы — Аполлона, а девять городовъ Малой Азіи построили на общія средства храмъ, который вмѣстѣ съ прилегающимъ къ нему огороженнымъ священнымъ участкомъ получилъ названіе Геллепіона [1]). Верхній Египетъ и пустыни, въ свою очередь, не избѣжали этого мирнаго нашествія чужеземцевъ. Купцы Навкратиса рано сознали необходимость имѣть своихъ агентовъ по пути каравановъ, направлявшихся изъ внутренней Африки: милетцы открыли свои склады въ древнемъ городѣ Абидосѣ [2]); самосцы изъ Эскріонійскаго племени проникли даже въ Большой оазисъ [3]). Греки разсказывали объ этихъ отдаленныхъ странахъ удивительныя вещи, возбуждавшія любопытство ихъ соотечественниковъ, и привозили оттуда богатства, возбуждавшія ихъ корыстолюбіе: философы, купцы, воины, всѣ направлялись въ страну чудесъ въ поискахъ за обогащеніемъ научными данными, богатствомъ или приключеніями. Амасъ, постоянно опасавшійся нападенія со стороны персовъ, принималъ переселенцевъ съ распростертыми объятіями; тѣ, которые оставались, жили при немъ; тѣ же, которые уѣзжали, уносили съ собой воспоминаніе объ оказанномъ имъ радушномъ пріемѣ и этимъ подготовляли въ Греціи союзниковъ, необходимость имѣть которыхъ въ недалекомъ будущемъ Египетъ уже предвидѣлъ въ то время.

Все это было очень умно задумано, но египтяне стараго закала не чувствовали благодарности къ своему царю за его предусмотрительность. Подобно тому какъ евреи со времени Езекіи, какъ

1) Геродотъ, II, CLXXVIII; Лумброзо, „Recherches sur l'economie politique de l'Egipte sous les Lagidés“, 222—223.

2) Стефанъ Византійскій, подъ словомъ Ἄβυδος разсказываетъ, что милетцы были основателями египетскаго Абидоса. Летроннъ („La Civilisation égyptienne“, стр. 13) справедливо думаетъ, что здѣсь идетъ рѣчь о факторіи, основанной милетцами въ царствованіе Амаса. Стѣны храма Рамзеса II еще и понынѣ сохранили остатки древнихъ фресковъ (граффито) работы карійскихъ, кипрскихъ и греческихъ художниковъ; фрески эти относятся, вѣроятно, къ эпохѣ милетскихъ факторій въ Абидосѣ.

3) Геродотъ, III, XXVI.

Вавилоняне при Набунаидѣ, какъ вообще большинство древнихъ народовъ, предвидѣвшихъ свое предстоящее паденіе, они приписывали свою слабость не собственнымъ ошибкамъ, а роковой волѣ небесъ. Милости, оказываемыя Амасомъ чужеземцамъ, казались имъ поистинѣ святотатствомъ. Развѣ греки не привозили съ собою своихъ боговъ? Развѣ въ городахъ и селахъ не встрѣчались уже люди, присоединившіе къ національному культу культъ этихъ варварскихъ божествъ? Развѣ царь не приказалъ платить жалованье наемникамъ изъ имуществъ храмовъ въ Саисѣ, Онѣ, Бубастѣ и Мемфисѣ [1])? Накоплявшаяся противъ царя народная ненависть не выразилась ни въ какихъ отдѣльныхъ проявленіяхъ или массовыхъ возмущеніяхъ: она обратилась къ тайной клеветѣ, искажавшей его личный образъ. Тысячи злостныхъ или комическихъ разсказовъ ходили на его счетъ и продержались впродолженіе многихъ столѣтій. Разсказывали, что до восшествія на престолъ онъ очень любилъ напиваться и жить широко, а потому часто страдалъ болѣзнію, называемою безденежьемъ, но всегда умѣлъ добывать себѣ деньги разными средствами, „изъ которыхъ самымъ честнымъ было присвоеніе украдкою чужого имущества“ [2]). Увѣряли, что, уже сдѣлавшись царемъ, онъ до такой степени напивался виномъ, что даже не могъ заниматься общественными дѣлами [3]). Этимъ, и многимъ другимъ не менѣе лживымъ легендамъ, приверженцы его противопоставляли разсказы, всецѣло говорящіе въ его пользу. Амасъ сдѣлалъ божественную статую изъ золотой лохани, въ которой онъ и его семьи ежедневно омывали ноги, и статуѣ этой стали поклоняться всѣ, даже тѣ, которые упрекали царя въ его низменномъ происхожденіи. Тогда онъ созвалъ народъ, объяснилъ всѣмъ, что они поклоняются бывшей лохани, и сказалъ: „Со мной случилось тоже самое, что и съ нею: хотя я и былъ простымъ смертнымъ, но теперь я вашъ царь и хочу, чтобъ вы почитали меня, какъ подобаетъ почитать настоящаго царя“ [4]). Какъ бы то ни было, чувство ненависти къ нему преобладало среди египтянъ.

---

[1]) Э. Ревиллью, „Premier extrait de la Chronique démotique de Paris le roi Amasis et les mercenaires selon les donneés d'Herodote et les renseignements de la Chronique“, въ „Revue égyptologique“, т. I, стр. 57—61.

[2]) Геродотъ, II, CLXXIV.

[3]) Э. Ревиллью, тамъ же, т. I, стр. 65—67; Масперо, „Les Contes populaires de l'ancienne Egypte“, стр. 207 — 214; Геродотъ, II, CLXXIII, и по Геродоту, Эліенъ, „Var. Hist.“, II, 41.

[4]) Геродотъ, II, CLXXII.

Какъ только Киръ умеръ, Амасъ сталъ готовиться къ войнѣ съ Персіей. Въ серьезныхъ поводахъ у него недостатка не было: онъ былъ союзникомъ Лидіи, интриговалъ съ Халдеей; къ тому же Камбизъ былъ молодъ и расположенъ скорѣе поддерживать, чѣмъ умѣрять воинственный пылъ своихъ соотечественниковъ. Народное воображеніе не довольствовалось весьма естественными причинами, приведшими къ столкновенію самаго молодого изъ восточныхъ народовъ съ самымъ древнимъ: оно старалось объяснить это личными побужденіями главныхъ дѣятелей этой драмы. По словамъ персовъ, Камбизъ просилъ руки дочери стараго царя, въ надеждѣ, что ему будетъ отказано и что онъ будетъ имѣть предлогъ отомстить за оскорбленіе: Амасъ, вмѣсто своей дочери, послалъ Нететисъ, дочь Уаибри [1]). „Нѣсколько времени спустя Камбизъ, находясь вмѣстѣ съ ней, назвалъ ее именемъ ея мнимаго отца. На это она отвѣтила: „О царь, я вижу, что ты не подозрѣваешь, какъ былъ обманутъ Амазисомъ: онъ взялъ меня, нарядилъ по-царски и послалъ къ тебѣ вмѣсто своей родной дочери. На самомъ же дѣлѣ, я дочь Апрія, который былъ его господиномъ и повелителемъ до того дня, какъ онъ возмутился и, съ согласія другихъ египтянъ, убилъ его“. Этотъ разсказъ и представлявшійся предлогъ къ ссорѣ воспламенили Камбиза, сына Кира, направили его оружіе противъ Египта“ [2]). Въ Египтѣ иначе разсказывали объ этомъ. Нететисъ была послана Киру и родила ему Камбиза [3]). Завоеваніе было лишь возмездіемъ со стороны законной династіи узурпатору Амасу, и Камбизъ взошелъ на престолъ не столько въ качествѣ побѣдителя, сколько въ качествѣ внука Уаибри. Такой-то ребяческой выдумкой египтяне временъ упадка ихъ государства утѣшали себя въ своемъ безсиліи и позорѣ. Все еще гордые своей прошедшей славой, но уже неспособные побѣждать, они утверждали, что были побѣждены и управлялись съ того времени своими же царями. Выходило такъ, что не Персія навязала своего царя Египту, но Египетъ навязалъ своего Персіи, а черезъ нее всему міру.

Съ давнихъ поръ пустыня и болото составляли истинный оплотъ Дельты противъ нападеній азіатскихъ правителей. Между послѣд-

---

[1]) Египетская форма этого имени Нитиритисъ.

[2]) Геродотъ, III, I; Ктезій, отрыв. 73, изд. Мюллера, ст. 63.

[3]) Геродотъ, III, II; Динонъ (Fragm. H. Graec., т. II, стр. 91) и Лицей Навкратійскій отрыв. 2 въ Fragm. H. Graec., т. II, стр. 91, и т. VI, стр. 441) разсказывали ту же исторію, вѣроятно, со словъ Геродота.

ней крѣпостью Сиріи, Іенисомъ [1]) и Сербонскимъ озеромъ, гдѣ находились египетскіе аванпосты, было разстояніе около 90 километровъ, котораго армія не могла пройти скорѣе, чѣмъ въ 3 дня [2]). Въ предшествовавшіе вѣка пустыня была не такъ велика; но опустошенія ассиріянъ и халдеевъ обезлюдили страну и отдали во власть кочующихъ арабовъ нѣкогда легко проходимыя мѣстности. Непредвидѣнное обстоятельство вывело Камбиза изъ затрудненія. Одинъ изъ военачальниковъ Амаса, Фанесъ Галикарнасскій, бѣжалъ и скрылся въ Персіи. Онъ былъ сообразителенъ, энергиченъ и въ совершенствѣ зналъ Египетъ. Онъ посовѣтовалъ персидскому царю сговориться съ шейхомъ, владѣвшимъ побережьемъ, находившимся на его пути, и попросить у него пропуска черезъ его владѣнія. Царь послѣдовалъ этому совѣту, и арабскій шейхъ разставилъ на всемъ пути, на стоянкахъ караваны запасныхъ верблюдовъ, навьюченныхъ водой въ количествѣ, достаточномъ для нуждъ цѣлой арміи [3]).

Подойдя къ Пелузію, персы узнали, что Амасъ умеръ [4]), и что его замѣнилъ на престолѣ сынъ его, Псамитикъ III. Несмотря на свою вѣру въ боговъ и увѣренность въ самихъ себѣ, египтянами овладѣли мрачныя предчувствія. На этотъ разъ уже не одни народы Тигра и Евфрата, но вся Азія, отъ Инда до Геллеспонта обрушивалась на нихъ и грозила сокрушить ихъ. Союзники, на которыхъ разсчитывалъ Амасъ,—какъ напр. Поликратъ Самосскій [5]), и прежніе его подданные, жители Кипра [6]), оставили дѣло, которое заранѣе считали погибшимъ, и присоединились къ персамъ. Народъ, волнуемый страхомъ передъ чужеземцами, всюду видѣлъ знаменія и малѣйшее явленіе природы принималъ за дурное предзнаменованіе. Такъ, дождь рѣдко выпадаетъ въ Ѳиваидѣ, а гроза бываетъ здѣсь не болѣе одного или двухъ разъ въ столѣтіе. А между тѣмъ, черезъ нѣсколько дней по восшествіи на престолъ Псамитика, въ Ѳивахъ выпалъ мелкій дождь, чего прежде никогда не случалось [7]). Битва, происшедшая подъ Пелузіемъ съ обѣихъ сторонъ велась съ отчаянной храбростью [1]). Дѣти бѣжавшаго въ Персію Фанеса оставались въ Египтѣ. Его прежніе солдаты, кирійцы и іонійцы, находившіеся на службѣ у фараона, зарѣзали ихъ на его глазахъ, наполнили ихъ кровью большой кубокъ, наполовину налитый виномъ, выпили эту смѣсь и, какъ безумные, бросились въ самую сѣчу. Къ вечеру, наконецъ, египтяне подались, и началось отступленіе. Вмѣсто того, чтобы собрать остатки своего войска и защищать входъ въ каналы, Псамитикъ потерялъ голову, бѣжалъ въ Мемфисъ, и заперся въ немъ. Камбизъ отправилъ къ нему пословъ, требуя сдачи, но разъяренная толпа убила ихъ. Послѣ нѣсколькихъ дней осады, городъ открылъ свои ворота. Весь верхній Египетъ покорился безъ сопротивленія; ливійцы и киренцы, не выжидая нападенія, поспѣшили принести дань [2]) (525). Это быстрое паденіе державы, впродолженіи цѣлыхъ вѣковъ успѣшно отражавшей всѣ вторженія Востока, и участь царя, взошедшаго на престолъ лишь затѣмъ, чтобъ тотчасъ же пасть, наполнили души современниковъ удивленіемъ и жалостью [3]). Разсказывали, что черезъ 10 дней послѣ сдачи Мемфиса, побѣдитель, желая испытать твердость духа своего царственнаго плѣнника, велѣлъ провести мимо него его родную дочь, одѣтую рабыней, его сыновей и дѣтей знатнѣй-

1) Теперешній Ханъ-Іунесъ.

2) Геродотъ, III, V.

3) Геродотъ, III, IV XI.

4) Геродотъ, III, X; Діодоръ Сицилійскій I, 68.

5) Геродотъ, III, LXVII; ср. въ той же книгѣ (гл. CXXXIX, и слѣд. исторію Силозона).

6) Геродотъ, III, XIX. Даже до новѣйшаго времени жители Верхняго Египта смотрѣли на дождь, какъ на дурное предзнаменованіе. Одинъ изъ нихъ въ началѣ этого столѣтія говорилъ объ экспедиціи генерала Бонапарта такъ, „мы знали, что намъ угрожаетъ большое несчастіе, такъ какъ незадолго до прибытія французовъ шелъ дождь въ Луксорѣ". Вилькинсонъ говоритъ, что дождь вовсе не такая рѣдкость въ Ѳивахъ, какъ думалъ Геродотъ; онъ разсказываетъ о пяти-шести ежегодныхъ ливняхъ и о сильной грозѣ, повторявшейся каждые десять лѣтъ (Др. Раулинсонъ, Herodotus т. II, стр. 338, прим. 4). Но самъ онъ признаетъ, что ливни и грозы ограничиваются горами и не встрѣчаются въ равнинахъ; я, съ своей стороны, не встрѣчалъ ни одного жителя Луксора, который видѣлъ бы въ самомъ Луксорѣ дождь впродолженіе послѣднихъ пяти лѣтъ.

1) Поліенъ (Strat., VII, 9) передаетъ разсказъ, по которому Камбизъ поставилъ впереди своей арміи кошекъ, собакъ, ибисовъ и другихъ священныхъ животныхъ, причемъ египтяне не рѣшались стрѣлять въ персовъ изъ опасенія ранить какого-нибудь бога.

2) Геродотъ, III, X—XIII; Діодоръ, I, 68, ничего не упоминаетъ о Псамитикѣ III, а Ктезій, (Persica § 9, изд. Мюллера, стр. 47) замѣняетъ древнія именемъ своего современника Амиртея. Аристотель (Rhet. II, 8) считаетъ Амазиса послѣднимъ царемъ Египетскимъ.

3) Памятниковъ Псамитика III осталось очень мало; главный изъ нихъ—это одинъ изъ маленькихъ карнакскихъ храмовъ (Шампольонъ, Monuments de l'Egypte, т. IV, табл. CCCXI, Лепсіусъ, Denkm., III, табл. 27 f—g; Мажеттъ, Karnak, табл. 56 б).

шихъ египтянъ, которыхъ вели на смертную казнь, но онъ оставался, повидимому, спокойнымъ. Когда же мимо него прошелъ одинъ изъ его прежнихъ товарищей, покрытый рубищемъ, точно нищій, Псамитикъ заплакалъ навзрыдъ и съ отчаянія сталъ бить себя по головѣ: Камбизъ, удивленный такимъ порывомъ горя со стороны человѣка, который только что выказалъ необыкновенную твердость, спросилъ его о причинѣ этого. На этотъ вопросъ онъ отвѣчалъ: „О, сынъ Кира! мое личное несчастье слишкомъ велико, чтобы его оплакивать; но совсѣмъ другое дѣло несчастье моего друга: когда человѣкъ на порогѣ старости изъ роскоши и изобилія подвергается въ нищету, можно, конечно, заплакать надъ его участью". Когда вѣстникъ передалъ эти слова Камбизу, царь согласился съ ихъ справедливостью; а Крезъ, бывшій въ то время вмѣстѣ съ Камбизомъ въ Египтѣ, разрыдался, заплакали также и всѣ присутствовавшіе персы. Камбизъ, тронутый въ свою очередь, сталъ обращаться съ плѣнникомъ, какъ съ царемъ, и можетъ быть возстановилъ бы его на престолѣ въ качествѣ своего вассала, но вскорѣ, узнавъ о заговорѣ противъ себя, велѣлъ его казнить [1]), а управленіе Египтомъ ввѣрилъ персу Аріандесу [2]).

---

[1]) Геродотъ, III, XIV—XV. По Ктезію, Persica § 9, изд. Мюллера, стр. 47, египетскій царь былъ посланъ въ Сузы и тамъ умеръ плѣнникомъ.

[2]) Геродотъ, VI, 166. Вотъ таблица Саитской династіи отъ Тафнакта:

I. Тафнахтъ.	Τρέφαχθος.
XXIV династія.	
II. Уакери Бокенранфъ.	Βόκχορις.
III. „ „	Στεφινάτης.
IV. „ „	Νεχεψώς.
V. „ Нико I-й.	Νεχαὼ α.
XXV династія.	
VI. Уаибри Псамитикъ I-й.	Ψαμμήτιχος α, Ψαμμίτιχος.
VII. Уаимбри Нико II-й.	Νεχαὼ β, Νεχώς.
VIII. Нофирибри Псамитикъ II-й.	Ψάμμουντις ὁ καὶ Ψαμμήτικος β. Ψάμμις.
IX. Аибри Уаибри.	Οὐαφρῆς, Απρίησ.
I. Хнумибри, Амасъ II Сиитъ.	Ἄμωσις β, Ἄμασις.
II. Онхкенри Псамитикъ III.	Ψαμμεχερίτης, Ψαμμήνιτος.

Въ первый разъ съ незапамятныхъ временъ весь древній міръ объединился подъ властью одного государя, но возможно ли было надолго удержать объединенными жителей Кавказа и Египта, грековъ Малой Азіи и принцевъ Мидіи, скиѳовъ Бактріи и семитовъ береговъ Евфрата, и не предстояло ли новой монархіи рушиться такъ же быстро, какъ она возникла? Камбизъ попытался сначала привлечь къ себѣ своихъ новыхъ подданныхъ, примѣняясь къ ихъ нравамъ и предразсудкамъ. Онъ принялъ двойную картушъ, формуляръ и царскую одежду фараоновъ; столько же ради удовлетворенія своей личной злобы, сколько и для того, чтобы угодить египетскимъ лоялистамъ, онъ отправился въ Саисъ, надругался надъ могилой Амаса и сжегъ его мумію [1]). Совершивъ этотъ подвигъ правосудія надъ умершимъ, онъ почтительно обошелся съ Ладике, вдовой узурпатора и отослалъ ее къ ея родителямъ [2]). Онъ приказалъ освободить большой храмъ богини Нейтъ отъ персидскихъ войскъ, которыя, къ великому неудовольствію людей благочестивыхъ, расположились тамъ, и на свой счетъ исправилъ все, что было ими попорчено. Онъ простеръ свое рвеніе до того, что сталъ поучаться египетской религіи, и былъ посвященъ въ таинства богини Нейтъ жрецомъ Узахаррисинти [3]). Такимъ образомъ, онъ поступилъ съ Египтомъ, точно такъ же, какъ отецъ его поступилъ съ Вавилономъ. Завоеватель имѣлъ, конечно, свои причины выказывать такую снисходительность къ только-что побѣжденному народу: онъ замышлялъ сдѣлать Мемфисъ и Дельту точкой отправленія своихъ дѣйствій въ сѣверной Африкѣ. Добровольному подчиненію Кирены онъ, повидимому, мало придавалъ значенія: по крайней мѣрѣ, дорійское преданіе гласитъ, что онъ отвергъ подарки Аркезилая III и бросилъ своимъ солдатамъ пять сотъ минъ серебра, выплаченныхъ ему этимъ правителемъ въ знакъ покорности [4]). Ливій-

---

[1]) Геродотъ, III, XVII; ср. Діодоръ, стр. 13, 2. Позднѣе, приверженцы Амаса, желая смыть это оскорбленіе съ его памяти, стали увѣрять, будто, предупрежденный оракуломъ, онъ приказалъ, чтобы тѣло его было подмѣнено другимъ набальзамированнымъ по царски; надъ этой-то подставной муміей и надругался якобы Камбизъ, между тѣмъ какъ настоящая царская мумія мирно покоилась въ тайномъ склепѣ.

[2]) Геродотъ, II, CLXXXI.

[3]) Относительно этихъ подробностей, уже отчасти отмѣченныхъ Амперомъ, см. Э. де-Руже, Memoire sur la statuette naophore du Vatican, стр. 13—20.

[4]) Геродотъ, III, XIII.

скіе греки не были богаты, какъ онъ предполагалъ, и только слава Кареагена, раздуваемая его отдаленнымъ положеніемъ и отсутствіемъ точныхъ свѣдѣній о немъ, возбуждала еще корыстолюбіе Камбиза. Кареагенъ находился тогда въ апогеѣ своего величія: онъ господствовалъ надъ прежними финикійскими владѣніями въ Сициліи, Африкѣ и Испаніи; корабли его безраздѣльно царили въ западной части Средиземнаго моря: кареагенскіе купцы заѣзжали далеко, въ сказочныя области сѣверной Европы и Мавританіи, Камбизъ хотѣлъ сначала напасть на Кареагенъ съ моря, но финикіяне, снаряжавшіе его флотъ, отказались служить противъ своей бывшей колоніи [1]). Вынужденный аттаковать его съ суши, онъ отправилъ изъ Ѳивъ армію въ пятьдесятъ тысячъ человѣкъ, съ приказаніемъ занять оазисъ Аммона и проложить путь остальнымъ войскамъ. Участь, постигшая это передовое войско, до сихъ поръ осталась невыясненной. Оно прошло черезъ Большой оазисъ и направилось на сѣверо-востокъ, по направленію къ храму Аммона. Впослѣдствіи, туземцы разсказывали, что, дойдя до половины дороги, оно было застигнуто во время перевала внезапно поднявшейся бурей и засыпано кучами песку. Оставалось повѣрить имъ на слово, потому что, несмотря на всѣ усилія, о войскѣ этомъ, такъ и не удалось ничего разузнать, кромѣ развѣ того, что до оазиса оно не доходило и въ Египетъ не возвращалось [2]). Военныя предпріятія противъ юга страны представлялись легче осуществимыми: казалось, что, идя все вверхъ по Нилу, можно было безъ большого труда проникнуть въ самое сердце Африки. Со времени отступленія Тонуатамона царство Напата прервало всякія сношенія съ азіатскими народами. Несмотря на нашествія Псамитика I и Псамитика II, оно съумѣло сохранить свою независимость и порвало послѣднія узы, связывавшія его съ Египтомъ. Область Нижней Нубіи, такъ густо населенная во времена великихъ египетскихъ царей, почти превратилась въ пустыню; города ея, основанные царями 18-й и 19-й династій, лежали въ развалинахъ, а храмы ихъ заносились пескомъ. На полпути, между первымъ и вторымъ нильскими водопадами, находились первые посты эѳіопянъ. Подобно Египту, царство Напата дѣлилось на

[1]) Геродотъ, III, XVII, XIX.

[2]) Геродотъ, III, XXV, XXVI. Ср. Діодоръ, X, 13, § 3, и у Арріена, Анабазисъ, III, 3, разсказъ о походѣ Александра черезъ пустыню Ливійскую.

двѣ части; въ То-Конситѣ находились вдоль по рѣкѣ города: Пнубсъ [1]), Донгуръ [2]), далѣе столица государства — Напата, построенная на Священной Горѣ [3]); Астамурасъ, при сліяніи рѣкъ Нила и Астамураса [4]), и наконецъ, Беруа, или Мероэ александрійскихъ географовъ. За Беруа начиналась страна Ало [5]), простиравшаяся вдоль Бѣлаго и Голубого Нила до большой Сеннарской равнины. На южной границѣ страны Ало жили асмахи, потомки египетскихъ солдатъ, переселившихся сюда во времена Псамитика I. На востокѣ, югѣ и западѣ, между Дарфуромъ, высатами Абассиніи и Краснымъ моремъ, жило множество полудикихъ племенъ; одни изъ нихъ были черныя, другія принадлежали къ африканской расѣ; иные были семитическаго происхожденія. Одно изъ этихъ племенъ, роресы, жило къ югу отъ Беруа, между Голубымъ Ниломъ и Такасси [6]); другое, мади или мадити,— между Такасси и горной цѣпью, окаймляющей Красное море [7]). Воинственный нравъ царей Напаты находилъ въ этихъ мѣстностяхъ возможность легкихъ и выгодныхъ побѣдъ; двое изъ этихъ царей, жившіе приблизительно въ одно время съ Камбизомъ, именно Горсіафтъ и Настосененъ, покорили большинство вышеупомянутыхъ полудикихъ племенъ и своими безпрестанными набѣгами разоряли поселенія тѣхъ изъ нихъ, которыя еще оказывали сопротивленіе [8]).

Въ Эѳіопіи цари назначались по избранію. Избраніе происходило обыкновенно въ Напатѣ, въ большомъ храмѣ Аммона, подъ наблюденіемъ жрецовъ и въ присутствіи опредѣленнаго числа выборныхъ отъ властей, отъ ученаго сословія, солдатъ и дворцо-

[1]) Бругшъ. „Geog. Inschrift.“, т. I, стр. 120.

[2]) Донголасъ. Ср. Масперо въ „Mélanges d'archéologie“, т. II, стр. 197.

[3]) Доуабъ, теперешній Гебелъ-Баркалъ.

[4]) Астаборасъ греческихъ географовъ, нынѣ Такасси. Ср. Масперо въ „Mélanges“, т. II, стр. 297—298.

[5]) Царство Алоа, по утвержденію арабскихъ средневѣковыхъ географовъ. Катремеръ, „Mémoires historiques sur l'Egypte“, т. II, стр. 18 и слѣд. Срав. Л. Буркгардтъ, „Travels“, стр. 452 и слѣд. Масперо въ „Transactions the society of Biblical Archaeology“, т. IV, стр. 221.

[6]) Можетъ быть, это были Рауси Адулисской надписи, или Рапсіи Птоломея.

[7]) Матайа - греческой надписи Аксума, матита — Плинія и Птоломея.

[8]) Масперо, „The stele of King Horsiatew“, въ „Records of the Past“, т. VI стр. 87—96, и „The stele of King Nastosenen“ въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. IV. стр. 204—212.

выхъ офицеровъ. Членовъ царствующей династіи *царскихъ братьевъ*, вводили въ святилище и поочередно ставили передъ статуей бога, которая указывала какимъ-нибудь заранѣе установленнымъ знакомъ на своего избранника [1]). Назначенный жрецами государь всю жизнь оставался подъ ихъ властью. Подобно послѣднимъ рамессидамъ въ Өивахъ, онъ не могъ предпринимать ни одной войны, отважиться ни на одинъ серьезный шагъ, не испросивъ разрѣшенія у божества. Если онъ отказывался повиноваться рѣшенію боговъ или обнаруживалъ хотя бы малѣйшее поползновеніе къ независимости, то жрецы приказывали ему именемъ божества лишить себя жизни, и ему ничего не оставалось, какъ покориться этому приговору. Законъ столь жестокій къ нему, былъ не мягче и относительно его подданныхъ. Малѣйшее уклоненіе отъ общепринятыхъ взглядовъ, малѣйшее отступленіе отъ религіозныхъ обрядовъ культа считались ересью и вызывало соотвѣтственное наказаніе. Къ концу VII столѣтія нѣсколько жрецовъ Напаты задумали произвести нѣчто въ родѣ религіозной реформы. Они хотѣли, между прочимъ, замѣнить обыкновенное жертвоприношеніе древняго египетскаго ритуала различными церемоніями, изъ которыхъ главная состояла въ томъ, чтобы ѣсть жертвенное мясо въ сыромъ видѣ. Этотъ обычай, безъ сомнѣнія, негрскаго происхожденія, показался отвратительнымъ приверженцамъ стараго культа. Царь явился въ храмъ Аммона, изгналъ оттуда жрецовъ-еретиковъ и сжегъ живыми всѣхъ ихъ приверженцевъ, какихъ только удалось захватить ему. Тѣмъ не менѣе, священный обычай ѣсть сырое мясо удержался; онъ укоренился все сильнѣе и сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ ослабѣвало египетское вліяніе, и въ концѣ-концовъ утвердился такъ прочно, что даже много лѣтъ спустя христіанству пришлось бороться съ нимъ [2]). Еще въ началѣ XIX-го вѣка абиссинцы лакомились сырымъ мясомъ, называя его бринде [3]).

Отчужденіе, въ которомъ жили эфіопяне, было скорѣе полезно, чѣмъ вредно для ихъ славы. Народы, жившіе у Средиземнаго

---

[1]) Маріетъ, „Quatre pages des Archives officielles de l'Ethiopie", въ „Revue archéologique", сент. 1865 г., Масперо, „La Stèle de l'Intronisation", въ „Revue archéologique", 1873 г., т. I, и въ „Records of the Past", т. VI, стр. 71—78.

[2]) Масперо, „La Stèle de l'Excommunication", въ „Revue archéologique", мартъ 1873 г. и въ „Records of the Past", т. IV.

[3]) Валенція и Сальтъ, „Voyages dans l'Hindoustan, à Ceylan, sur les deux côtes de la mer Rouge, en Abyssinie et en Egypte", франц. перев. т. III, стр. 283, IV, 68.

моря, благодаря разстоянію, отдѣлявшему ихъ отъ Эѳіопіи, мало знали о ея обитателяхъ и мало-по-малу стали надѣлять ихъ въ своемъ воображеніи удивительными добродѣтелями и приписывать имъ почти божественныя свойства. Они считали ихъ самыми рослыми и самыми красивыми изъ людей [1]) и говорили, что жизнь ихъ продолжается до 120 лѣтъ и болѣе, что у нихъ есть чудесный источникъ, вода котораго поддерживаетъ ихъ организмы въ состояніи вѣчной юности [2]). Ходили разсказы, что близъ ихъ столицы находился лугъ, всегда наполненный готовыми напитками и яствами, куда приходилъ всякій, кто хотѣлъ, ѣлъ и пилъ все, что ему вздумается [3]). Золото было въ Эѳіопіи такъ обыкновенно, что его употребляли для самыхъ низменныхъ цѣлей, даже для заковыванія плѣнниковъ; мѣдь же встрѣчалась рѣдко и потому очень цѣнилась [4]). Камбизъ послалъ въ Эѳіопію своихъ развѣдчиковъ и, получивъ ихъ донесенія, покинулъ Мемфисъ и, отправившись въ походъ во главѣ своей арміи. Походъ этотъ, наполовину неудачный, сопровождался и нѣкоторой удачей. Армія шла, повидимому, вдоль Нила до Напаты [5]); потомъ стала удаляться отъ рѣки и пошла прямо черезъ пустыню, по направленію къ Беруа: но, пройдя только четверть пути, она осталась совершенно безъ провіанта и голодъ заставилъ ее вернуться назадъ, потерявъ много народу [6]). Благопріятнымъ для персовъ послѣд-

---

[1]) Геродотъ, III, XX.

[2]) Геродотъ, XX, XXIII.

[3]) Геродотъ, III, XVII—XVIII, XXIII. Эта сказка помѣщена у Помпоніи Мелы (de situ Orbis, III, 15). Геренъ полагаетъ, что лугъ близъ столицы былъ мѣстомъ мѣновой торговли, столь обыкновенной нѣкогда въ Африкѣ: столъ подъ открытымъ небомъ (столъ Солнца) былъ, вѣроятно, чѣмъ-то вродѣ рынка, куда туземцы сходились обмѣниваться провизіей. Я вижу въ этомъ скорѣе обычай, установленный въ воспоминаніе о *Лугѣ приношеній*, о которомъ упоминается въ погребальныхъ текстахъ и къ которому (по вѣрованіямъ древнихъ египтянъ) имѣли доступъ души умершихъ: это мистическое вѣрованіе перенесено было изъ сказочной области въ область дѣйствительности, подобно тому, какъ и судъ надъ умершими, и лодка Солнца, въ которую проникаютъ усопшіе, и многое другое.

[4]) Геродотъ, III, XXIII.

[5]) Древніе географы упоминаютъ о мѣстности, находившейся ниже третьяго нильскаго водопада и называвшейся Камбузисъ (Плиній. H. Nat. VI, 29), или сокровищами Камбиза, Κάμβυσου ταμιεῖα (Птоломей, IV, 7).

[6]) Геродотъ, III, XXV; Діодоръ предполагаетъ, что Камбизъ дошелъ до Мероэ и основалъ тамъ новый городъ (I, 33); по Іосифу (Ant Iud. II, 10), онъ далъ столицѣ Эѳіопіи, называвшейся прежде Саба, имя своей сестры Мероэ.

ствіемъ этого похода было присоединеніе къ персидскимъ владѣніямъ ближайшихъ къ Сіенѣ областей Нубіи [1]; тѣмъ не менѣе, египетское населеніе, всегда готовое хорошо привѣтствовать всякое извѣстіе, неблагопріятное для его повелителей, видѣло въ этомъ только неудачный походъ на городъ Беруа. Камбизъ съ дѣтства былъ подверженъ припадкамъ эпилепсіи, во время которыхъ приходилъ въ ярость и переставалъ сознавать, что дѣлаетъ [2]). Неудача его попытокъ въ Африкѣ усилила болѣзнь и сдѣлала припадки болѣе частыми и болѣе продолжительными. Онъ потерялъ и тотъ небольшой политическій тактъ, который до сихъ поръ обнаруживалъ, и всецѣло отдался во власть своего бурнаго характера. Въ его отсутствіи умеръ священный быкъ Аписъ; египтяне, оплакавъ умершаго впродолженіе установленнаго числа дней, возводили въ достоинство священнаго животнаго новаго Аписа именно въ то время, когда остатки персидской арміи возвращались въ Мемфисъ. Камбизъ, заставъ городъ ликующимъ, вообразилъ, что жители радуются его пораженію. Онъ потребовалъ къ себѣ представителей власти, потомъ жрецовъ и предалъ ихъ смерти, не выслушавъ даже объясненій. Потомъ онъ велѣлъ привести къ себѣ быка и кинжаломъ пронзилъ ему бедро, вслѣдствіе чего животное черезъ нѣсколько дней околѣло [3]). Этотъ кощунственный поступокъ Камбиза возбудилъ въ душахъ благочестивыхъ египтянъ большее негодованіе, чѣмъ покореніе ихъ отечества. Когда же они увидѣли, что персидскій царь такъ же настойчиво преслѣдуетъ ихъ предразсудки, какъ раньше старался сообразоваться съ ними, то ненависть ихъ къ нему еще удвоилась. Камбизъ, войдя однажды въ храмъ Фта въ Мемфисѣ, дерзко насмѣялся надъ однимъ изъ обычныхъ грубыхъ изображеній этого бога: онъ нарушилъ неприкосновенность древнихъ гробницъ, желая разсмотрѣть хранившіяся въ нихъ мумiи. Даже арійцы и собственные придворные не избѣжали его ярости. Онъ убилъ свою сестру на которой женился было вопреки закону, запрещавшему браки между дѣтьми одного отца и одной ма-

[1]) Еще во времена Дарія упоминаются въ числѣ подданныхъ Персидской монархіи къ югу отъ Египта эѳіопяне, кушиты, Геродотъ, (III, XCII).

[2]) Геродотъ, III, XXXIII.

[3]) Въ „De Iside“, § 44, сказано, что Камбизъ убилъ Аписа и трупъ его отдалъ на съѣденіе собакамъ. Свѣдѣніе это, вѣроятно, надобно отнести къ событіямъ, ознаменовавшимъ второе завоеваніе Египта Охосомъ и евнухомъ Богоасомъ.

тери. Кромѣ того, онъ пронзилъ стрѣлою сына Прексаспа, закопалъ живыми 12 знатнѣйшихъ персовъ, приговорилъ къ смерти Креза, потомъ раскаялся въ своей опрометчивости, но, несмотря на это, казнилъ офицеровъ, не исполнившихъ приказанія, въ которомъ онъ раскаивался. Египтяне увѣряли, что боги помрачили его разсудокъ, въ наказаніе за всѣ его святотатственные поступки [1]).

Ничто не удерживало его болѣе на берегахъ Нила, и онъ отправился обратно въ Азію. Камбизъ былъ уже въ сѣверной Сиріи, когда явился къ нему вѣстникъ и въ его присутствіи объявилъ передъ лицомъ всей арміи, что „Камбизъ, сынъ Кира, лишается престола, потребовалъ, чтобы всѣ, до сихъ поръ повиновавшіеся ему, признали царемъ своимъ Бардію, сына Кира“. Камбизъ подумалъ было сначала, что его братъ былъ пощаженъ человѣкомъ, которому поручено было убить его; но вскорѣ онъ убѣдился, что его приказанія были исполнены болѣе чѣмъ добросовѣстно и заплакалъ при воспоминаніи объ этомъ безполезномъ преступленіи. Узурпаторомъ было нѣкій Гаумата, сходство котораго съ Бардіей было до того поразительно, что даже люди, заранѣе предупрежденные объ обманѣ, легко впадали въ заблужденіе. У Гауматы былъ братъ Патизейоъ, которому Камбизъ поручилъ управленіе своимъ домомъ [2]). Оба они знали объ участи Бардіи, а также о томъ, что большинство персовъ, не зная ничего о случившемся, считали его въ живыхъ. Гаумата произвелъ возстаніе въ городѣ Пасаргадѣ въ первыхъ числахъ марта 522 г., и, послѣ нѣкотораго колебанія, Персія и Мидія, т.-е. государства, составлявшія центръ монархіи, перешли на его сторону и торжественно возвели его на престолъ въ 9-ый день мѣсяца Гармапады (въ іюлѣ 522 г.) [3]). Пораженный этимъ извѣстіемъ, Камбизъ сначала совершенно растерялся, но, оправившись, собирался уже выступить во главѣ войскъ, оставшихся на его сторонѣ, какъ вдругъ, во время приготовленія къ походу, умеръ загадоч-

[1]) Геродотъ, III, XXVII—XXVIII.

[2]) Денисъ Милетскій, жившій нѣсколько ранѣе Геродота, называетъ Патизейфа Панзиоомъ. У Ктезія („Persica“, § 10, изд. Мюллера, ст. 47) и въ Бегистунской надписи говорится только объ одномъ магѣ, котораго Ктезій называетъ Сфендадатесомъ, а надпись Гауматой. Этотъ Гаумата и есть Кометесъ, о которомъ упоминаютъ Трогъ Помпей и Юстинъ, 1, 9.

[3]) Ср. Шпигель, „Eranische Alterthumskunde“, II, стр. 302, и Д. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. III, стр. 398.

нымъ образомъ. Судя по Бегистунской надписи, можно предположить, что онъ самъ убилъ себя въ припадкѣ отчаянія [1]). Геродотъ разсказываетъ, что, садясь на лошадь, онъ нечаянно вонзилъ себѣ въ бедро мечъ въ то самое мѣсто, куда онъ ранилъ быка Аписа. „Чувствуя себя пораженнымъ на смерть, онъ спросилъ названіе мѣстности, въ которой находился, и ему отвѣтили — Агбатана“ [2]). Камбизу раньше было предсказано оракуломъ храма въ Буто, что онъ умреть въ Агбатанѣ. Онъ понялъ тогда, что это должно случиться въ Мидійской Агбатанѣ, гдѣ хранились всѣ его сокровища, и онъ подумалъ, что ему суждено умереть въ преклонномъ возрастѣ, но оракулъ разумѣлъ Сирійскую Агбатану. Услыхавъ названіе мѣстности, онъ пришелъ въ себя, понялъ смыслъ предсказанія оракула и сказалъ: „Такъ вотъ гдѣ суждено умереть Камбизу, сыну Кира“. Спустя 20 дней онъ умеръ, не оставивъ потомства и не назначивъ себѣ преемника [3]).

Гаумата и Дарій I-ый, преобразованіе и раздѣленіе Персидской монархіи; походы на сѣверъ и востокъ, въ Скиѳію и Грецію.

На возмущеніе Гауматы часто смотрѣли, какъ на національное движеніе, возвращеніе мидянамъ ихъ прежнюю верховную власть и отнявшее на время у персовъ ихъ владычество надъ Азіей [4]). Но Гаумата не былъ мидяниномъ: онъ родился въ Пер-

[1]) Г. Раулинсонъ, „Inscription of Darius on the rock at Behistun“, въ „Records of the Past“, т. I, стр. 412; „Le Peuple et la langue des Mèdes“, стр. 117.

[2]) Стефанъ Византійскій упоминаетъ о сирійской Экбатанѣ, а Плиній, *Il. N.*, V, 19, увѣряеть, что городъ Кармель назывался сначала Экбатаной. Нѣкоторые историки хотѣли отождествить сирійскую Агбатану у Геродота съ Батанеей, или Гаматомъ.

[3]) Геродотъ, III, LXIV—LXV. Эта сказка, дѣйствующему лицу которой предсказывается смерть въ опредѣленномъ мѣстѣ, послѣ чего оно умираеть въ неизвѣстномъ мѣстѣ того же имени,—не разъ появляются въ исторіи. Такъ, напримѣръ, говорится объ императорѣ Юліанѣ и объ англійскомъ королѣ Генрихѣ III; послѣднему была предсказана смерть въ Іерусалимѣ, и онъ дѣйствительно умеръ въ одной изъ комнатъ Вестминстерскаго дворца, называемой Іерусалимомъ. Ктезій („Persica“ § 12, изд. Мюллера, ст. 48) разсказываетъ, что Камбизъ поранилъ себя въ Вавилонѣ въ то время, когда занимался гравировкой по дереву.

[4]) Большинство древнихъ писателей раздѣляли это мнѣніе. (Геродотъ, III, LXI, CXCIX; Платонъ, *Законы*, III, стр. 694—695, и т. п.), принятое въ свою очередь, и большинствомъ современныхъ писателей (Нибуръ, Vortraege

сіи въ небольшомъ городкѣ Писиаувада (Пасаргадѣ), близъ горы Аракадрисъ. Признанный сначала царемъ только въ центральныхъ и восточныхъ провинціяхъ, онъ тотчасъ же послѣ смерти Камбиза сдѣлался главою всего государства. Всѣ его принимали за Бардію, и этого было достаточно, чтобы упрочить за нимъ уваженіе и вѣрность персовъ. Впрочемъ, онъ своевременно позаботился о томъ, чтобы устранить съ своего пути всѣхъ тѣхъ, кого только подозрѣвалъ въ знаніи истины, а страхъ закрылъ ротъ остальнымъ: „не было ни одного человѣка ни между персами, ни между мидянами, ни даже между потомками ахеменидовъ, кто осмѣлился бы оспаривать у него власть“ [1]). Чтобы расположить въ свою пользу побѣжденные народы, онъ освободилъ ихъ на 3 года отъ дани и военной службы. Впродолженіе 6 мѣсяцевъ онъ царствовалъ, и никто не подозрѣвалъ обмана, видя въ немъ законнаго наслѣдника престола, сына великаго Кира и брата Камбиза. Но въ концѣ концовъ общее легковѣріе пошатнулось. Признанія, сдѣланныя предшествующимъ царемъ передъ смертью, встрѣтили на первыхъ порахъ мало довѣрія: ихъ приписывали или зависти, или ненависти къ брату. Но обнаружились и другіе факты, доказывавшіе, что Камбизъ сказалъ правду. Согласно обычаю, Гаумата вмѣстѣ съ короной унаслѣдовалъ и гаремъ своего предшественника; вскорѣ стало извѣстно, что женщины гарема были лишены свободы и могли сообщаться между собою и съ остальнымъ міромъ не иначе, какъ черезъ тайныхъ вѣстниковъ, да и то съ опасностью для жизни. Распространился слухъ, что мнимый Бардія былъ безъ ушей; по этому уродству заключили, что онъ не былъ сыномъ Кира [2]). Даріавусъ (Дарій) [3]), сынъ гирканскаго сатрапа Вистаспы (Гистаспы), происходившій изъ царскаго рода и имѣвшій всѣ права на унаслѣдованіе престола послѣ Камбиза, вступилъ въ соглашеніе съ шестью са-

über alte Geschichte“, I, 157, 399; Гротъ, „Hyst. of Gr.“, IV, стр. 301—302; Шпигель, „Eran. Alterth.“, II, стр. 310). Ж. Раулинсонъ основательно доказалъ, что возмущеніе Гауматы началось не въ Мидіи, и не имѣло никакихъ послѣдствій.

[1]) Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 113; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 119.

[2]) Геродотъ, III, LXVI.

[3]) Уже Страбону было извѣстно, что настоящее имя правителя, котораго греки называли Δαρεῖος, было Δαριαύης. Отецъ Дарія былъ сатрапомъ въ Персіи, по Геродоту (III, LXX), и въ Гирканіи и Парѳіи, судя по Бегистунской надписи (Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 119); Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 135).

мыми отважными представителями персидскихъ знатныхъ фамилій [1]) и, захвативъ при ихъ помощи Гаумату въ его собственномъ дворцѣ, въ мидійскомъ городѣ Сихіуватисѣ, убилъ его въ 10-й день мѣсяца Багайадиса (марта—апрѣля) 521 г. Позднѣе разсказывали, что, совершивъ это преступленіе, семь заговорщиковъ условились выбрать въ цари того изъ своей среды, чей конь первый заржетъ на восходѣ солнца, и корона досталась Дарію, благодаря хитрости его конюха [2]). Общее знатное происхожденіе позволяло имъ прибѣгнуть къ этому способу рѣшенія, кому быть государемъ. Тотчасъ же провозглашенный царемъ Дарій очистилъ храмы, оскверненные его предшественникомъ [3]), и установилъ въ память убійства, доставившаго ему престолъ, праздникъ магофоніи.

Два переворота, происшедшіе въ продолженіе менѣе, чѣмъ одного года, пошатнули могущество персовъ. Подобно Египту и Ассиріи, персидская монархія была не болѣе, какъ результатомъ смѣлаго объединенія провинцій, управляемыхъ полунезависимыми правителями вассальныхъ государствъ, и далеко не окончательно приведенныхъ въ повиновеніе городовъ и племенъ. Съ трудомъ сносившіе иноземное иго, разноплеменные подданные персидскаго царя были готовы воспользоваться первымъ случаемъ, чтобы возвратить себѣ независимость. При первыхъ же слухахъ о переворотѣ, произведенномъ Даріемъ, возстаніе вспыхнуло сразу въ двухъ мѣстахъ: въ Сузѣ, гдѣ царемъ сдѣлался Ассина, сынъ одного изъ послѣднихъ національныхъ царей, Умбадарамы [4]), — и въ Вавилонѣ, гдѣ нѣкто Надинтавбелъ выдалъ себя за второго сына Набунаида, принявъ при восшествіи на престолъ славное

1) Списокъ заговорщиковъ, приведенный у Геродота (III, LXX), почти совпадаетъ со спискомъ, сдѣланнымъ самимъ Даріемъ въ Бегистунской надписи (Г. Раулинсонъ, „Inscription of Darius on the rock at Behistun“, въ „Records of the Past.“, стр. 126—127; Оппертъ, „Le Peuple et la langue des Médes“, стр. 153—155). Ктезій вездѣ замѣнилъ имена отцовъ именами сыновей, „Persica“, § 14, изд. Мюллера, стр. 48—49).

2) См. у Геродота, III, LXVIII - LXXXVIII, легендарный разсказъ объ этомъ заговорѣ.

3) Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 113; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 117.

4) Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 114, § 16 и Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 121, § 15. Имя это въ персидскомъ текстѣ приведено въ арійской формѣ—Атрина. Царственное происхожденіе Ассины доказывается тѣмъ, что Дарій не говоритъ, „что онъ солгалъ“, предъявивъ свои права на престолъ (Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 1671).

имя Набукудуруссура [1]); Дарій, предоставивъ своимъ военачальникамъ легкую задачу побѣды надъ Ассиной, самъ сталъ во главѣ войска, которому было предназначено дѣйствовать въ возставшей Халдеѣ. Набукудуруссуръ III сумѣлъ воспользоваться короткимъ промежуткомъ времени, до появленія соперника: когда персы достигли ассирійской равнины, онъ уже владѣлъ сильными укрѣпленіями на правомъ берегу Тигра, а флотилія, состоявшая изъ вооруженныхъ судовъ, прикрывала его лагерь. Дарій не рѣшился напасть на него спереди: онъ раздѣлилъ свою армію на маленькіе отряды изъ воиновъ, частью верхомъ на коняхъ, частью на верблюдахъ, и, обманувъ бдительность противника разнообразными движеніями своихъ войскъ, успѣлъ переправиться черезъ рѣку. Халдеи, напрасно пытавшіеся сбросить персовъ въ воду, отступили въ полномъ порядкѣ и шесть дней спустя дали имъ второе сраженіе при Зазану, на берегахъ Евфрата (въ декабрѣ 521 г.). Пораженіе ихъ было полное: Набукудуруссуръ, которому удалось бѣжать съ нѣсколькими всадниками, успѣлъ запереться въ Вавилонѣ, гдѣ онъ былъ взятъ и казненъ по приказанію побѣдителя [2]) (въ февралѣ 520 г.). Объ этихъ событіяхъ, такъ же какъ и о первой осадѣ Вавилона, не замедлила сложиться легенда, и спустя менѣе чѣмъ полстолѣтія уже былъ въ большомъ ходу слѣдующій разсказъ. Подойдя къ Вавилону Дарій нашелъ его будто бы совершенно готовымъ къ рѣшительной оборонѣ. Населеніе его отрѣзало сообщеніе рѣки съ каналами, наполнило свои склады и житницы припасами и освободилось отъ лишнихъ ртовъ, убивъ всѣхъ женщинъ, за исключеніемъ тѣхъ, которыя необходимы были для приготовленія хлѣба. Прошло 20 мѣсяцевъ, а успѣхи персовъ все еще ни на шагъ не подвинулись впередъ: ужъ они стали приходить въ уныніе, когда Зопиръ, одинъ изъ семи сподвижниковъ Дарія, рѣшился пожертвовать собой, чтобъ обезпечить имъ побѣду. Онъ отрѣзалъ себѣ носъ и уши, исполосовалъ свое тѣло

1) Послѣдній вавилонскій договоръ въ царствованіе лже-Смердиза помѣченъ 1-мъ Тисри 522 г., а первый договоръ Надинтавбела былъ заключенъ 16-ю днями позже, именно въ этотъ промежутокъ времени въ Вавилонѣ узнали о смерти Гауматы (Боскавенъ, „Babylonian dated Tables and the Canon of Protemy“, въ „Transactions of the Society of Biblical Archaeology“, т. VI, стр. 31).

2) Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 114—116; Оппертъ, „Le Peuple“), стр. 121—125. Оппертъ („Le Peuple“, стр. 170) допускаетъ, на основаніи словъ Геродота, что осада длилась двадцать мѣсяцевъ.

ударами бича и явился въ городъ въ качествѣ перебѣжчика; сдѣлавъ нѣсколько удачныхъ вылазокъ, и добившись достаточнаго довѣрія у осажденныхъ, онъ открылъ своимъ двое воротъ, находившихся подъ его охраной. Три тысячи вавилонянъ были посажены на колъ; стѣны были срыты до основанія, а городъ заселенъ чужеземными поселенцами. Весь древній міръ, по свидѣтельству Геродота, превозносилъ предательство Зопира. Весь этотъ разсказъ является, однако, не болѣе какъ еще одной изъ сказокъ, которыя слѣдовало бы исключить изъ исторіи [1].

Торжествуя побѣду, Дарій вдругъ узналъ, что война еще не окончена. Персъ Мартія попытался снова поднять возстаніе въ Сузіанѣ, но былъ вскорѣ усмиренъ самимъ Сузіанскимъ населеніемъ [2]; въ это же время въ Мидіи произвелъ возмущеніе нѣкій Саттарита [3], выдававшій себя за потомка Кіаксара и провозгласившій себя царемъ подъ именемъ Пиррувартиса (Фраорта II). Время, когда Астіагъ царилъ надъ Ираномъ, было еще не такъ далеко, чтобъ мидійская знать окончательно отказалась отъ надежды возвратить себѣ господство, отнятое у нея побѣдами Кира: случай былъ тѣмъ благопріятнѣе, что Дарій, вынужденный внезапно покинуть эту провинцію почти тотчасъ послѣ казни Гауматы, вывелъ изъ нея войска, понадобившіяся ему для составленія арміи, усмирившей потомъ Вавилонъ. Нѣкоторыя изъ кочевыхъ племенъ остались вѣрны Дарію, но всѣ тѣ мидяне, „которые жили въ домахъ“, стали подъ знамена новаго претендента на престолъ, послѣ чего возстаніе охватило и ближайшія страны, — Арменію и Ассирію [4]. Даже тамъ, гдѣ власть Фраорта не была признана, примѣръ его вызвалъ подражаніе, явились новые узурпаторы: Читраньтахма, выдававшій себя за потомка Кіаксара

[1] Геродотъ, III, CL — CLX. Ктезій, („Persica“, § 22, изд. Мюллера, стр. 50) относитъ осаду Вавилона къ царствованію Ксеркса; по его мнѣнію, не самъ Зопиръ, а сынъ его Мегабизъ предалъ городъ. Поліенъ („Stratag.“, VIII, II, § 8) предполагаетъ, что военная хитрость Зопира была подражаніемъ одному Сасу, жившему по ту сторону Оксуса. Латинскіе писатели перенесли исторію Зопира въ Испанію, въ городъ Габіи (Титъ Ливій, I, 59—54); Овидій, „Fastes“, II, 683—710); но Секстъ Тарквиній не доводитъ преданности его до самоизуродованія.

[2] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 116; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 125.

[3] Имени этому придана арійская форма - Хшатрита—въ персидской версіи Бегистунской надписи.

[4] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 116—117; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 127—131.

и возмутившій сагартовъ [1], и Фрада, поднявшій возстаніе въ Маргіанѣ [2]. Распространись волненіе на западныя сатрапіи, Дарію не удержаться бы на престолѣ; но, къ счастью, онѣ оставались спокойны. Оретесъ, правитель Лидіи, обнаруживалъ стремленіе къ самостоятельности и грозилъ сдѣлаться опаснымъ; но посланный въ Сарды Багеосъ передалъ персидскимъ солдатамъ царскій приказъ, чтобъ они отказались отъ своего начальника, и „они тотчасъ же сложили свои пики. Тогда Багеосъ, видя, что они повинуются, сталъ смѣлѣе и вручилъ секретарю другое письмо, гдѣ было сказано „Царь Дарій повелѣваетъ персамъ, находящимся въ Сардахъ, убить Оретеса“. Они сейчасъ же обнажили мечи и убили его“ [3]. Успокоенный относительно Лидіи, Дарій направилъ всѣ свои усилія противъ Ирана: онъ собралъ три войска и отправилъ ихъ: — одно подъ начальствомъ Дадаршиса въ Арменію, другое подъ начальствомъ Ваумисы—въ Ассирію и третье, подъ предводительствомъ одного изъ семи своихъ сподвижниковъ, Видарны, противъ Фраорта. Всѣ три военачальника неоднократно разбивали войска претендента, но безъ серьезныхъ результатовъ [4]; и въ Арменіи, и въ Ассиріи, и въ Мидіи Фраортъ сохранилъ свои позиціи, и его ожесточенное сопротивленіе склонило Гирканію и Парѳенію присоединиться къ нему [5]. Даже Персія начала сомнѣваться въ успѣхѣ Дарія и сама избрала себѣ царя [6]. Многіе еще не соглашались вѣрить, чтобы со смертью Камбиза прекратилось прямое потомство Кира. Узурпація и паденіе Гауматы и восшествіе на престолъ Да-

[1] Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 119; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 133.

[2] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 120; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 137. Тотъ бунтъ въ Египтѣ, о которомъ говорится въ мидійскомъ текстѣ (Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 125), относится, безъ сомнѣнія, къ походамъ Аріандеса противъ Киренаико.

[3] Геродотъ, II, CXXVI—CXXVIII.

[4] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, 116—118; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 126—131.

[5] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 119; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 135. Моментъ возстанія достаточно опредѣляется слѣдующими словами: „Парояне и гирканійцы отложились отъ меня и объявили себя подданными Фраорта“.

[6] Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 121; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 137. И здѣсь время событія указано текстомъ: „я отдѣлилъ часть персидской и мидійской арміи, которая была со мной. Нѣкоего Артавардія, перса, моего слугу, я сдѣлалъ ихъ начальникомъ, а другое персидское войско пошло въ Мидію за мной, чтобы поддержать меня, а Артавардія отправился съ войскомъ въ Персію“.

рія не поколебали въ нихъ вѣры въ существованіе Бардіи: изъ того, что Гаумата былъ самозванцемъ, еще вовсе не слѣдовало, что Бардіи уже не было въ живыхъ. Поэтому, когда нѣкій Вагіасдата сталъ выдавать себя за самаго младшаго сына Кира, они съ восторгомъ приняли его. Опасность была настолько серьезна, что Дарій вынужденъ былъ самъ вмѣшаться въ дѣло: отправивъ Артавардію противъ лже-Смердиза, онъ оставилъ Вавилонъ, проникъ въ Мидію черезъ Керендское ущелье, соединился съ Видарной въ Камбаденѣ и разбилъ непріятеля при городкѣ Кундурусѣ въ 25 й день мѣсяца Адуканисъ (іюнь 520 г.) Фраортъ бѣжалъ на сѣверъ, вѣроятно съ намѣреніемъ уйти въ горы и тамъ продолжать борьбу, но былъ схваченъ близъ Роги и препровожденъ въ Экбатану. Наказаніе его было въ высшей степени жестоко: ему отрѣзали носъ, уши и языкъ, выкололи глаза, приковали къ воротамъ дворца, и, когда народъ достаточно насладился этимъ зрѣлищемъ, посадили на колъ, главныхъ сторонниковъ его частью вмѣстѣ съ нимъ посадили на колъ, частью обезглавили [1]. Успѣхъ въ Персіи былъ не менѣе быстръ и полонъ. Вагіасдата сдѣлалъ ошибку въ самомъ началѣ, раздѣливъ свои силы и отправивъ часть ихъ въ Арахозію: Артавардія, побѣдитель при Рахѣ, затѣмъ при Парагѣ (май — августъ 520) [2], заперъ его въ замкѣ Увадешайя и взялъ его въ плѣнъ [3]) въ то время, какъ сатрапъ Арахозіи побѣдоносно отражалъ вторженіе (съ января по мартъ 519 г.) [4]. Но, казалось, одна война порождала другую: кратковременный успѣхъ второго лже-Смердиза вызвалъ на сцену второго лже-Набукудуруссура. Едва Дарій покинулъ Вавилонъ, какъ армянинъ Араха явился передъ народомъ въ качествѣ сына Набунагида, но Виндафрана (Интафернъ) побѣдилъ его и казнилъ [5]. Послѣ усмиренія Мидіи, Персіи и Вавилоніи, покореніе другихъ провинцій было не болѣе ккаъ игрушкой. Читрантахма искупилъ свое возмущеніе на крестѣ [1]), отецъ Дарія, Вистаспа, быстро подавилъ возстаніе въ Гирканіи (въ іюлѣ 519) [2]), а Дадаршисъ, сатрапъ Бактріи, безъ большого труда сломилъ сопротивленіе Фрады (въ ноябрѣ 519 г.) [3]). Война была окончена.

Урокъ, данный побѣдителю этими первыми годами, не прошелъ для него даромъ. Монархія Кира заключала въ себѣ кромѣ странъ, управляемыхъ персидскими чиновниками, еще вассальныя государства, города и много народовъ, платившихъ дань и находившихся въ прямой зависимости отъ государя, но не обязанныхъ повиноваться приказаніямъ сатраповъ тѣхъ провинцій, въ которыхъ находились ихъ владѣнія. Это была все та же система, которой придерживались Тиглатфалазаръ II и его ассирійскіе преемники. Дарій не старался устранять мѣстныхъ династій; напротивъ, онъ поощрялъ подвластные народы къ сохраненію своего языка, нравовъ, религіи, законовъ и своихъ особыхъ учрежденій. Евреямъ позволено было окончить постройку своего храма [4]); азіатскіе греки сохранили свои различные образы правленія, Финикіи были оставлены ея цари и суффеты, а Египту — его наслѣдственные монархи. Но надъ всѣми этими мѣстными властями стояла единая власть, которая была выше всѣхъ и вездѣ одна и та же. Вся территорія государствъ раздѣлена была на большія сатрапіи, число которыхъ мѣнялось съ теченіемъ времени. Вначалѣ ихъ было 23:

1. Парса, или собственно Персія;
2. Увайя, Эламъ, гдѣ находилась Суза, одна изъ любимыхъ резиденцій Дарія;
3. Бабирусъ, Халдея;
4. Атура, Ассирія отъ Хабура до горнаго хребта Загрошъ;
5. Арабайя, Месопотамія между Хабуромъ и Евфратомъ, Сирія, Финикія и Палестина;

---

[1]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 118—119; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 131—133.

[2]) Парага была, повидимому, городъ въ Форгѣ, въ Ларистанѣ (Оппертъ, „Le Peuple", стр. 139, прим. 4.

[3]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 121; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 139—141.

[4]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 121—122; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 141—143.

[5]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 122—123; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 143. По мнѣнію Боскавена („Babylonian dated Tablets" въ „Transactions of the Society of Biblical Archœology", т. VI, стр. 31—32) и Опперта (Revised Chronology of the later Babylonian Kings" въ „Transactions of the Society of Biblical Archæology", т. VI, стр. 271—272 и „Le Peuple et la langue des Mèdes", стр. 179), пробѣлъ, замѣчаемый въ датахъ вавилонскихъ договоровъ между послѣднимъ мѣсяцемъ шестого года царствованія Дарія и пятымъ мѣсяцемъ седьмого года, указываетъ на время, впродолженіе котораго Арафа управлялъ Вавилономъ подъ именемъ Набукудуруссура.

[1]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 119. Оппертъ, „Le Peuple", стр. 133—135.

[2]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 119—120; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 135.

[3]) Г. Раулинсонъ, „Inscription", стр. 120; Оппертъ, „Le Peuple", стр. 137.

[4]) Эздра, V, 2; Агге, I, 14.

6. Египетъ (Мудрайя);

7. Приморскіе народы, къ которымъ причислялись жители Киликіи и Кипра;

8. Іауна, въ которую входили, кромѣ Ликіи, Каріи и Памфиліи, приморскія греческія поселенія: іонійскія, золійскія и дорійскія.

9. Лидія и Мизія (Спарда);

10. Мидія;

11. Арменія;

12. Катпатука, т.-е. вся центральная область Малой Азіи, отъ Тавра до Понта Эвксинскаго;

13. Парѳенія и Гирканія (Партава);

14. Заранка (Зарангія);

15. Арія (Гарайва);

16. Хорасмія (Уваразмія);

17. Бактріана (Бактрида);

18. Согдіана (Сугда);

19. Гандарія (Гандара);

20. Саки или Сасы, жившіе въ равнинахъ Татаріи, почти на границахъ Китая;

21. Татагусы или Саттагиды въ верхнемъ бассейнѣ Гильменда;

22. Арахозія (Гарауватисъ);

23. Мака, жившіе къ западу отъ Каспійскаго моря, между Кавказомъ и озеромъ Уруміэхомъ. Число сатрапій еще увеличивалось, благодаря завоеваніямъ: къ концу царствованія Дарія въ Персіи была 31 сатрапія [1]).

Если бы каждая изъ этихъ сатрапій управлялась однимъ лицомъ, облеченнымъ верховной властью, которому для того, чтобы быть царемъ, недоставало бы только титула и наслѣдственныхъ правъ, монархіи постоянно рисковала бы распасться на множество мелкихъ отдѣльныхъ государствъ, вѣчно враждующихъ съ Персіей. Дарій избѣгалъ сосредоточивать въ однихъ рукахъ гражданскую и военную власть. Онъ назначилъ въ каждой сатрапіи по 3 чиновника, независимыхъ другъ отъ друга и непосредственно подчиненныхъ двору: сатрапа [2]), царскаго секретаря и военачальника. Сатрапы назначались царемъ; они выбирались изъ лю-

1) Г. Раулинсонъ, „Inscription“, стр. 111 Оппертъ „Le Peuple“, стр. 113—115. Надпись въ Персеполисѣ насчитываетъ 27 сатрапій (Оппертъ, „Le Peuple“, 198—199), а надпись въ Нахшъ-Рустамѣ — 28; Оппертъ, „Le Peuple“, стр. 204—205), но у Геродота III, XC—XCV перечислены только 20 сатрапій.

2) По персидски: хшатрапа, хшатрапанъ, кшатрапава.

бого сословія, какъ изъ бѣдняковъ, такъ и изъ богачей, какъ изъ чужеземцевъ, такъ и изъ персовъ [1]), но установился обычай, чтобы важныя сатрапіи ввѣрялись людямъ, находившимся въ кровномъ родствѣ [2]) или породнившимся посредствомъ браковъ съ царской фамиліей [3]). Они назначались не на опредѣленный срокъ, а оставались въ должности до тѣхъ поръ, пока это было угодно царю. Они пользовались гражданскою властью во всемъ ея объемѣ, имѣли свои дворцы, парки (рай), дворъ, тѣлохранителей, обширные гаремы, распредѣляли по своему усмотрѣнію подати, производили судъ и расправу и располагали жизнью и смертью своихъ подданныхъ. При каждомъ изъ нихъ состоялъ царскій секретарь, личность, повидимому завѣдывавшая только канцеляріей сатрапа, на самомъ же дѣлѣ приставленная слѣдить за всѣми дѣйствіями и поступками послѣдняго и обязанная доносить о нихъ по принадлежности [4]).

Персидскіе солдаты, туземные войска и наемные отряды разставленные въ провинціяхъ, были подчинены въ каждой изъ нихъ особому военачальнику, который часто находился во враждебныхъ отношеніяхъ съ сатрапомъ и секретаремъ [5]). Эти три соперника взаимно уравновѣшивали и стѣсняли другъ друга, что дѣлало всякую попытку къ возмущенію, если не невозможной, то крайне затруднительной. Они находились въ постоянныхъ сношеніяхъ съ царскимъ дворомъ, благодаря правильно организованной почтѣ изъ гонцовъ, перевозившихъ въ нѣсколько недѣль посланія съ

1) Геродоту, по крайней мѣрѣ, былъ извѣстенъ одинъ сатрапъ изъ грековъ, Ксенагоръ Галикарнасскій (IV, CVII), и одинъ сатрапъ-лидянинъ, Пактій (I, CLII).

2) Въ Бегистунской надписи (Раулинсонъ, „Inscription“ (стр. 119—120). Виcтаспа, отецъ Дарія, называется гирканскимъ сатрапомъ; Артафернъ, братъ Дарія, былъ сатрапомъ въ Сардахъ (Геродотъ, V, XXV), а Ахеменесъ, сынъ Дарія, сатрапомъ Египта (Геродотъ, VII, VII).

3) Для того, чтобы понять, до какой степени этотъ обычай былъ распространенъ, достаточно припомнить, что когда спартанскій царь Павзаній задумалъ сдѣлаться сатрапомъ Греціи при Ксерксѣ, то онъ просилъ руки одной изъ принцессъ (Факидидъ, I, 128).

4) На роль секретаря имѣются прямыя и ясныя указанія въ исторіи Орѣтеса (Геродотъ, III, CXXVIII).

5) У Геродота начальникъ войскъ не есть одно лицо съ сатрапомъ (V, XXV и CXXIII и т. д.). Изъ одного мѣста у Ксенофонта *Киропедія*, VIII, VI, 1) слѣдуетъ, что коменданты крѣпостей не зависѣли отъ военачальниковъ и подчинялись только царю.

одного конца государства на другой [1]). Въ довершеніе всѣхъ мѣръ предосторожности царь ежегодно посылалъ въ провинціи особыхъ чиновниковъ, которыхъ называли *глазами* и *ушами* государя, такъ какъ они обязаны были видѣть и слышать за него все, что ни происходило въ отдаленнѣйшихъ пунктахъ его владѣній. Они всегда появлялись въ то время, когда ихъ менѣе всего ожидали, внимательно разслѣдовали положеніе дѣлъ, производили мелкія преобразованія въ администраціи, дѣлали внушенія сатрапамъ, а иногда, въ случаѣ надобности, и отрѣшали ихъ отъ должностей. Ихъ сопровождали обыкновенно отряды воиновъ, на которые они опирались при исполненіи своихъ обязанностей и которые своимъ присутствіемъ придавали ихъ рѣшеніямъ такой вѣсъ, какого они можетъ быть и не имѣли бы безъ нихъ [2]). Одного неблагопріятнаго отзыва этихъ чиновниковъ, малѣйшаго ослушанія, даже простого подозрѣнія въ неповиновеніи было достаточно, чтобъ погубить сатрапа; иногда его смѣщали, часто же, безъ всякаго суда, приговаривали къ смертной казни, причемъ исполненіе приговора поручалось его свитѣ. Неожиданно появлялся гонецъ, передавалъ стражѣ приказъ убить своего начальника, и стража повиновалась при одномъ взглядѣ на царскій указъ.

Такое преобразованіе въ администраціи не понравилось персамъ: они мстили за него насмѣшками надъ той системой повиновенія, къ которой Дарій хотѣлъ склонить ихъ. Киръ, говорили они, былъ отцомъ, Камбизъ,—повелителемъ своего народа, а Дарій—не болѣе, какъ кабатчикъ, жадный до наживы [3]). Раздѣленіе имперіи имѣло въ виду въ такой же, если не въ большей степени финансовую, какъ и политическую цѣль: распредѣлять, собирать и вносить подати—было главною обязанностью сатраповъ. Собственно Персія была свободна отъ правильной подати [4]): ея жители обязаны были только дѣлать подарки царю всякій разъ, какъ онъ проѣзжалъ черезъ ихъ страну. Подарокъ дѣлался со-

[1]) См. у Геродота (V. LII, LIII) описаніе царской дороги между Сузами и Сардами; Ксенофонтъ *Киропедія*, VIII, VII, 18) сравниваетъ быстроту этихъ гонцовъ съ птичьимъ полетомъ.

[2]) Ксенофонтъ (*Киропедія*, VIII, VI, 16). Разсказыветъ, что этотъ обычай ежегодныхъ ревизій продолжалъ еще существовать и въ его время.

[3]) Δαρεῖος μὲν κάπηλος, Καμβύσης δὲ δεσπότης, Κῦρος δε πατήρ, ὁ μὲν ὅ τι ἐκαπήλευε πάντα τὰ πράγματα... (Геродотъ, III, LXXXIX).

[4]) Геродотъ, III, XCVII.

образно съ имуществомъ каждаго; онъ могъ состоять изъ одного быка или барана, даже изъ небольшого количества молока и сыра, нѣсколькихъ финиковъ, горсти муки, или овощей [1]). Другія провинціи были обложены, сообразно занимаемому ими пространству и ихъ богатству, отчасти денежной данью, отчасти натуральными повинностями. Денежный доходъ персидскаго царя доходилъ до 1460 эвбейскихъ талантовъ, что составляетъ по вѣсу 82,799,866 франковъ, а сообразуясь съ относительной цѣнностью денегъ въ различныя эпохи—приблизительно 663,000,000 фр. [2]). Чтобы облегчить уплату, Дарій пустилъ въ обращеніе золотую и серебряную монету, которая получила названіе отъ его имени. На лицевой сторонѣ этихъ монетъ (дарикъ) находилось изображеніе царя, вооруженнаго лукомъ, или дротикомъ; монеты эти были толсты, неправильной формы и грубой чеканки, но замѣчательно высокой пробы: лигатуры въ нихъ было не болѣе 3% всей массы [3]).

Онѣ не вошли, однако, повсемѣстно въ употребленіе, а служили больше для уплаты жалованья арміи и флоту, и находились въ повседневномъ обращеніи только на берегахъ Средиземнаго моря. Внутри Азіи продолжали переводить на вѣсъ металла всѣ цѣнности, необходимо встрѣчавшіяся въ торговлѣ или повседневной жизни, да и сами цари предпочитали хранить металлы въ сыромъ видѣ [4]). Обыкновенно, по мѣрѣ полученія, металлы собирались въ большіе глиняные сосуды, и цари чеканили изъ нихъ монету только въ случаѣ необходимости или подъ вліяніемъ минутнаго каприза [5]). Подать натурой была не менѣе значительна, чѣмъ денежная дань: такъ, Египетъ поставлялъ хлѣбъ на продовольствіе 120,000 человѣкъ персидскаго войска, разставленнаго въ его предѣлахъ [6]); мидяне ежегодно давали 100,000 барановъ, 4,000 муловъ и 3,000 лошадей; армяне — 30,000 жере-

[1]) Эліонъ, „Var. Hist“, I, 31.

[2]) Геродотъ, (III, LXXXIX—XLV) даетъ свѣдѣнія относительно дани, которую сатрапіи уплачивали деньгами.

[3]) Фр. Ленорманъ, „La Monnaie dans l'antiquité“, т. I, стр. 187.

[4]) Фр. Ленорманъ, „La Monnaie dans l'antiquité“, т. I, стр. 134.

[5]) Геродотъ, III, XCVI. Арріенъ разсказываетъ, что Александръ нашелъ въ казнохранилищѣ Сузы 50.000 талантовъ серебра (*Анабазисъ*, III, 16); другія не менѣе богатыя казнохранилища находились во дворцахъ Персеполиса и Пазаргада (*Анаб.* 8, III, 18).

[6]) Геродотъ, III, XC.

бятъ [1]); жители Вавилона — 500 молодыхъ евнуховъ; Киликія— 366 бѣлыхъ лошадей, по числу дней года [2]). Свѣдѣнія о размѣрахъ дани, уплачиваемой царю, нисколько не преувеличены, но они не даютъ ни малѣйшаго понятія о всей суммѣ тягостей, которымъ была обременена каждая провинція. Сатрапы не получали отъ государства никакого жалованья и, со своей свитой, жили всецѣло на счетъ мѣстнаго населенія, заставляя его щедро оплачивать ихъ труды по управленію провинціями. Одна Вавилонская сатрапія ежедневно доставляла своему правителю цѣлую артабу серебра [3]). Египетъ, Индія, Мидія и Сирія давали, вѣроятно, не много менѣе того, и самыя бѣдныя провинціи несли не менѣе тяжелыя повинности. Содержаніе сатраповъ стоило по крайней мѣрѣ столько же, сколько и содержаніе царя.

Несмотря на всѣ свои недостатки, административная система Дарія во многомъ превосходила всѣ системы, примѣнявшіяся до того времени на востокѣ. Она упрочивала за царемъ правильный бюджетъ, вполнѣ подчиняла провинціи его власти и дѣлала очень затруднительными національныя возстанія. Смерть каждаго царя не сопровождалась уже, какъ прежде, волненіями, подавленіе которыхъ наполняло добрую половину слѣдующаго царствованія. Дарій прославился не только организаціей персидской монархіи, но и тѣмъ, что изобрѣтенная имъ система управленія сдѣлалась впослѣдствіи образцомъ для другихъ великихъ восточныхъ монархій. Его слава, какъ организатора, затмила даже его военную славу: очень многіе совершенно забываютъ, что онъ увеличивалъ свои владѣнія въ то же самое время, какъ организовалъ управленіе ими. Благодаря побѣдамъ, персы широко раздвинули границы своего государства. Они могли двигаться дальше только въ двухъ противоположныхъ направленіяхъ: на востокъ, въ сторону Индіи, и на западъ, въ сторону Греціи. Во всѣхъ остальныхъ мѣстахъ имъ преграждали путь или моря, или другія естественныя преграды, непреодолимыя для тяжеловооруженныхъ войскъ того времени: на сѣверѣ — Черное море, Кавказъ, Каспійское море и степи Татаріи; на югѣ — Эритринское море, песчаное Аравійское плоскогоріе и Африканская пустыня. Одно время около 512 года, можно было предположить, что персы направятъ

1) Страбонъ, XI, 13, 14.

2) Геродотъ, III, XC–XCII.

3) Геродотъ, I, CXCII. Это составляетъ по вѣсу, въ переводѣ на современныя деньги, около 2.600,000 фр. въ годъ.

свои войска на востокъ [1]) въ страну, расположенную на высотахъ Ирана и возвышавшуюся надъ далеко разстилающимися на востокъ обширными равнинами Гептагенду (Пенджаба). Дарій вторгся въ эту землю, завоевалъ тамъ обширныя территоріи и образовалъ изъ нихъ новую сатрапію, Индійскую. Но онъ отказался отъ мысли идти далѣе, по направленію къ Гангу, и послалъ развѣдчиковъ на югъ страны. Флотъ, построенный въ Пеукелѣ и отданный подъ начальство греческаго адмирала, Скилакса изъ Каріанда, спустился по Инду до устьевъ этой рѣки и покорилъ на своемъ пути всѣ племена, жившія по обоимъ ея берегамъ. Достигнувъ моря, флотъ пошелъ на западъ и менѣе чѣмъ черезъ 30 мѣсяцевъ достигъ береговъ Гедрозіи и Аравіи [2]). Разъ ступивъ на индійскую территорію, персы поняли, что передъ ними открывается поле для блестящихъ и плодотворныхъ успѣховъ. Неизвѣстно, какое обстоятельство помѣшало имъ продолжать начатое дѣло и отвлекло ихъ вниманіе въ сторону запада. Дарій задумалъ покорить европейскихъ грековъ. Но прежде чѣмъ предпринять походъ на нихъ, онъ благоразумно сообразилъ, что ему слѣдовало бы завоевать сначала или, по крайней мѣрѣ, запугать тѣ народы, которые могли помѣшать его экспедиціи въ Грецію; поэтому, онъ напалъ на скиѳовъ. Въ первую же экспедицію противъ нихъ предпринятую подъ начальствомъ Аріарамна, сатрапа Каппадокіи, нѣсколько тысячъ человѣкъ перешли черезъ Понтъ Эвксинскій, высадились на противоположномъ берегу и, захвативъ тамъ плѣнниковъ, привели ихъ къ персидскимъ военачальникамъ, которые постарались вывѣдать у нихъ всѣ необходимыя свѣдѣнія [3]). Дарій, освѣдомленный относительно Скиѳіи, благодаря этому предпріятію, переплылъ Босфоръ съ

1) Индійская сатрапія не упоминается въ Бегистунской надписи, но находится въ спискахъ Персеполиса (Оппертъ, le Peuple стр. 199) и Накши-Рустама (Оппертъ, le Peuple, стр. 205). Слѣдовательно, экспедицію Дарія слѣдуетъ отнести приблизительно къ 512 году.

2) Геродотъ, IV, XLIV. Скилаксъ, обнародовалъ разсказъ о своемъ путешествіи, извѣстный еще во времена Аристотеля (Politic., VIII, 13, 1).

3) Ктезій, Persica § 16, изд. Мюллера, стр. 49. Дополнительная бегистунская надпись разсказываетъ о походѣ, предпринятомъ Даріемъ противъ саковъ и о переправѣ этого правителя черезъ море (Оппертъ, le Peuple, стр. 159—160). Обыкновенно полагаютъ, что упомянутое здѣсь море было Аральское; но не слѣдуетъ ли предположить, что здѣсь говорится о Черномъ морѣ и видѣть въ Бегистунской надписи разсказъ или о предварительномъ походѣ Аріарамна, или о походѣ Дарія?

800.000 воиновъ, покорилъ восточные предѣлы Ѳракіи, послѣ чего перешелъ черезъ Дунай по мосту изъ судовъ, выстроенному іонійскими греками (508). Но скиѳы отказались вступить съ нимъ въ битву: они уничтожили всѣ съѣстные припасы, засыпали колодцы, увели скотъ и удалились въ глубь страны, предоставивъ Дарію бороться съ голодомъ и трудностями пути по негостепріимной странѣ. Персидскіе интенданты приняли свои мѣры и коекакъ добыли необходимые запасы провизіи; въ два мѣсяца Дарій прошелъ степи отъ Истра до Танама. Онъ проникъ въ самый центръ Россіи, сжегъ деревни и опустошилъ все на своемъ пути, послѣ чего вернулся на югъ, не потерявъ ни одного воина, кромѣ нѣсколькихъ больныхъ. Во время его отсутствія варвары уговаривали помогавшихъ ему грековъ уничтожить мостъ изъ судовъ, наведенный черезъ Дунай, и вернуться по домамъ. Мильтіадъ аѳинскій, тиранъ Херсонеса, настаивалъ, чтобы совѣтъ этотъ былъ принятъ, но Гистіей Милетскій воспротивился этому, и мнѣніе его взяло верхъ [1]; Дарій возвратился здравымъ и невредимымъ въ Азію, оставивъ своему полководцу Мегабизу армію въ 80,000 человѣкъ, которая покорила поочередно туземныя племена и греческіе города Ѳракіи и принудила македонскаго царя признать себя данникомъ Персіи (506) [2]. Экспедиція въ Скиѳію считается обыкновенно капризомъ деспота; на самомъ же дѣлѣ это было хорошо обдуманное и хорошо выполненное предпріятіе. Оно доставило Персіи новую провинцію, Ѳракію, а главное, обезпечило миръ, такъ какъ запуганные скиѳы съ этихъ поръ остерегались безпокоить Персію и не тревожили ея границъ. Дарій, успокоенный съ этой стороны, могъ свободно приводить въ исполненіе свои завоевательные планы на западѣ.

Покоривъ Ѳракію и Македонію, персы пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ самой Греціей. Но задуманное ими вторженіе въ нее было предупреждено возстаніемъ малоазійскихъ грековъ. Въ планъ этого сочиненія не входитъ подробное описаніе возстанія Іоніи. Впервые со времени восшествія на престолъ Кира, Персидская монархія испытала серьезную неудачу, угрожавшую даже ея безопасности. Сарды были сожжены; карійцы, народы Геллеспонта и жители Кипра сбросили съ себя иго великаго царя, и азіатскимъ грекамъ едва не удалось отвоевать себѣ свободу. Покоривъ ихъ, Дарій тотчасъ же порѣшилъ отомстить аѳинянамъ и эретрійцамъ за вмѣшательство ихъ въ его борьбу съ греками Малой Азіи. Первая экспедиція противъ европейскихъ грековъ подъ предводительствомъ Мардонія потерпѣла полное пораженіе (492). Два года спустя персидскіе полководцы Датисъ и Артафернъ, высадившіеся въ Аттикѣ, были разбиты при Мараѳонѣ (490). Но эти неудачи не обезкуражили престарѣлаго царя: цѣлыхъ три года онъ собиралъ войска, заготовлялъ провіантъ, корабли, и собирался уже выступить въ походъ въ 487 году, какъ неожиданное обстоятельство остановило его.

---

[1]) Текстъ Геродота (IV, LXXXIII—CLII) не настолько ясенъ, чтобы можно было возстановить по немъ на картѣ маршрутъ Дарія, но въ немъ нѣтъ также ничего такого, чего нельзя было бы объяснить удовлетворительнымъ образомъ.

[2]) Геродотъ, IV, CXLVIII—CLVII; V, I—XXII.

ГЛАВА XIV.

ПАДЕНІЕ ПЕРСИДСКОЙ МОНАРХІИ.

Ксерксъ I; мидійскія войны; Артаксерксъ I; Дарій II.—Артаксерксъ II (405—359).—Послѣднія туземныя династіи Египта.—Артаксерксъ III Охъ (359—338); завоеваніе Египта; послѣдніе ахемениды; Дарій III и Александръ Македонскій; паденіе персидской монархіи.

Ксерксъ I; мидійскія войны; Артаксерксъ I; Дарій II.

Камбизъ поручилъ управленіе Египтомъ персу Аріанду. Вначалѣ Дарій могъ только радоваться выбору своего предшественника: Аріандъ не только оставался вѣренъ новому царю, но даже попытался продолжать завоеваніе Ливіи, начатое Камбизомъ. Киренскіе дорійцы были недовольны той готовностью, съ которой царь ихъ Аркезилай III отдался въ рабство, и изгнали его, потомъ снова призвали, опять изгнали и, наконецъ, убили въ Баркѣ, куда онъ бѣжалъ. Мать его Феретима отправилась въ Египетъ и указала сатрапу на то, что Аркезилай палъ жертвой своей дружбы къ персамъ. Аріандъ не приминулъ воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы расширить свою провинцію на счетъ грековъ, и послалъ противъ нихъ все войско и всѣ корабли, какіе только были въ его распоряженіи [1]). Барка сопротивлялась девять мѣсяцевъ и взята была лишь благодаря измѣнѣ [2]); при этомъ нѣкоторые передовые египетскіе отряды дошли до Эвеспередъ [3]). На обратномъ пути полководцы этихъ отрядовъ задумали было

---

1) Геродотъ, IV, CLXII—CLXVIII.

2) Геродотъ, IV, CC CCI.

3) Геродотъ, IV, CCIV; позднѣе городъ этотъ назывался Береникой въ честь жены Птоломея III, а теперь—Бенгази.

занять Кирену, и очень возможно, что они рѣшились бы привести эту мысль въ исполненіе, если бы не формальный приказъ сатрапа, отозвавшій ихъ назадъ въ Египетъ. Переходъ черезъ пустыню чуть не сдѣлался для нихъ гибельнымъ: кочевыя племена Мармарики, привлеченныя надеждой на добычу, своими нападеніями то и дѣло затрудняли ихъ движеніе и причиняли имъ значительныя потери [1]). Но тѣмъ не менѣе, имъ удалось увести въ плѣнъ часть населенія Барки. Аріандъ отправилъ несчастныхъ плѣнниковъ въ качествѣ трофея къ Дарію, а Дарій поселилъ ихъ въ Бактріи, гдѣ они основали новую Барку [2]). Намѣстникъ, предпринимавшій завоеванія безъ разрѣшенія верховной власти, не могъ не возбудить неудовольствія въ царѣ, такъ ревниво оберегавшемъ свой авторитетъ, какъ великій Дарій. Аріандъ былъ казненъ и съ именемъ его стали соединяться легендарныя сказанія. Одни говорили, что онъ былъ преданъ смертной казни за то, что выпустилъ монету изъ болѣе чистаго металла, чѣмъ царская [3]); другіе—что онъ возбудилъ въ египтянахъ ненависть своими притѣсненіями, и что Египетъ уже готовился къ возстанію въ то время, когда онъ былъ убитъ [4]). Устранивъ этого соперника, Дарій сталъ прилагать всѣ усилія, чтобы заслужить любовь своихъ египетскихъ подданныхъ или, по крайней мѣрѣ, сдѣлать свое владычество сноснымъ для нихъ. Съ такимъ благочестивымъ и въ добавокъ преисполненнымъ сознанія собственнаго превосходства народомъ, какимъ были египтяне, лучшимъ средствомъ было—стараться выказать свое глубокое уваженіе къ

---

1) Геродотъ, IV, CCIII.

2) Геродотъ, IV, CCIV. На эту-то войну Аріанда съ Баркой и ливійцами, вѣроятно, и намекаетъ Дарій, въ мідійскомъ текстѣ Бегистунской надписи: „Пока я былъ въ Вавилонѣ, эти провинціи отложились отъ меня—Персія и Сузіана, мидійцы, и Ассирія, и Египтяне“... (Оппертъ, le Peuple, стр. 125). Въ другихъ версіяхъ египтяне не упоминаются.

3) Геродотъ, IV, CLVI, Ср. Фр. Ленорманъ, la Monnaie dans l'antiquité т. II, стр. 6.

4) Поліенъ, Strat. VII, 11, 7, гдѣ Аріандъ фигурируетъ подъ именемъ Оріандра. По словамъ автора, у котораго заимствовалъ свои свѣдѣнія Поліенъ, Дарій прибылъ въ Мемфисъ какъ разъ въ то время, когда только что скончался Аписъ. Это и подало поводъ Видеману отнести смерть Аріанда къ 517 г. (Geschichte Aegyptens von Psametich I, стр. 236—237). Судя по тому, что Ливійскій походъ описывается послѣ Скиѳскаго, и судя по анекдоту о статуѣ Сезостриса (Геродотъ, II, CX), очевидно, что Геродотъ относитъ смерть Аріандра ко времени возстанія въ Іоніи, между 504 и 498 гг.

національнымъ богамп и царямъ: въ этомъ отношеніи Дарій поступилъ совершенно иначе, чѣмъ его предшественникъ Камбизъ и милостиво отнесся къ преслѣдуемымъ жрецамъ. Камбизъ сослалъ въ Эламъ главнаго Саисскаго жреца—Узахаррисинти; Дарій разрѣшилъ ему вернуться въ отечество и поручилъ ему возстановить все, что разрушилъ его безумный предшественникъ. Узахаррисинти, послѣ многихъ странствованій достигшій роднаго города, возстановилъ въ немъ коллегіи іерограмматистовъ [1]) и возвратилъ храму богини Нитъ отнятыя у него земли и доходы [2]); греческія преданія идутъ далѣе египетскихъ: они утверждаютъ, будто Дарій погрузился во всѣ тайны египетской теологіи и изучалъ священныя египетскія книги [3]). Согласно съ этимъ преданіемъ, Дарій, прибывъ въ Мемфисъ послѣ смерти божественнаго быка, принялъ участіе въ національномъ траурѣ и обѣщалъ сто талантовъ золота тому, кто отыщетъ новаго Аписа [4]). Покидая страну, онъ посѣтилъ храмъ Фта и приказалъ воздвигнуть въ немъ свою статую рядомъ со статуей Сезостриса. Но жрецы этого не допустили, „потому что, говорили они, Дарій подвигами своими не можетъ сравниться съ Сезострисомъ: онъ не могъ побѣдить скиѳовъ, которыхъ побѣдилъ Сезострисъ". Дарій отвѣтилъ, что „надѣется сдѣлать столько же, сколько Сезострисъ, если проживетъ такъ же долго, какъ онъ", и преклонился передъ національной гордостью своихъ подданныхъ [4]). Признательные египтяне присоединили его къ числу шести законодателей, память которыхъ они особенно чтили.

Безъ сомнѣнія, Египетъ процвѣталъ подъ владычествомъ Дарія. Вмѣстѣ съ Киреной и Баркой онъ составлялъ шестую сатрапію монархіи [6]); къ этой же сатрапіи были причислены и ближайшія къ южной границѣ области, населенныя нубійскими племенами [7]). Правителя, жившаго въ Бѣлой Стѣнѣ, древнемъ дворцѣ

1) Жрецы, занимавшіеся священными письменами.

2) Э. де-Руже, „Mémoire sur la statuette naophore du musée Grégorien au Vatican", стр. 23; Э. Ревиллью, „Premier Extrait de la chronique démotique de Paris" въ „Revue egyptologique", т. I стр. 29.

3) Діодоръ, I, 96.

4) Геродотъ, II, CX. Діодоръ, I, 58. Нѣсколько отрывковъ съ именемъ Дарія были найдены на мѣстѣ, гдѣ находился Мемфисъ (Маріеттъ, „Monuments divers" табл. 34, *d*).

5) Діодоръ, I, 95.

6) Геродотъ, III, XCI.

7) Геродотъ, III, XCVII. Эти эѳіопяне не платили правильной дани, но обязаны были доставлять каждые три года, въ видѣ добровольной дани, по два хепира (древнегреческая мѣра емкости 1,094 литра) самородковъ золота, по двѣсти штукъ чернаго дерева, по двадцати слоновыхъ клыковъ и по пяти молодыхъ рабовъ.

фараоновъ. поддерживала армія въ сто двадцать тысячъ человѣкъ, занимавшая три укрѣпленные лагеря саисскихъ царей: Дафну и Мемфисъ на границахъ Дельты и Элефантину на югѣ [1]). Но за предѣлами этихъ четырехъ пунктовъ, находившихся въ непосредственной власти великаго царя, древняя феодальная организація Египта сохранилась цѣликомъ: храмы имѣли свои владѣнія и своихъ вассаловъ, освобожденныхъ отъ обыкновенныхъ налоговъ, а знать, какъ и въ прежнія времена, оставалась независимой въ своихъ владѣніяхъ и по прежнему всегда была готова къ возстанію. Ежегодная дань, самая тяжелая послѣ халдейской и ассирійской не превышала семисотъ талантовъ серебра [2]). Если прибавить къ этой суммѣ плату за право рыбной ловли въ Меридовомъ озерѣ, по одному таланту въ день впродолженіи шестимѣсячнаго полноводія, по словамъ Геродота [3]), или впродолженіи всего года, по словамъ Діодора [4]), затѣмъ сто двадцать тысячъ медимновъ хлѣба, необходимаго для продовольствія оккупаціонной арміи [5]), и обязанность доставлять во дворецъ селитру и нильскую воду [6]), то мы увидимъ, что всѣ эти налоги далеко не были непосильною по средствамъ страны тягостью. Торговля приносила ей, по меньшей мѣрѣ, столько же денегъ, сколько отнимала дань. Сдѣлавшись частью монархіи, раскинутой по тремъ материкамъ, Египетъ получилъ доступъ въ такія мѣстности, куда продукты его промышленности до того времени никогда прямо не проникали. Суданскіе товары должны были проходить чрезъ его территорію, прежде чѣмъ достигали крупныхъ складочныхъ пунктовъ Вавилона и Сузы, а перешеекъ и Косеиръ все еще были крат-

1) Геродотъ, II, XXX, указываетъ на то, что персы еще и въ его время содержали гарнизонъ въ Дафнѣ и Элефантинѣ. О мемфисскомъ гарнизонѣ см. Геродотъ, III, XCI.

2) Геродотъ, III, XCI.

3) Геродотъ, II, CVLIX; въ остальные полгода плата понижалась до одной трети таланта въ день.

4) Діодоръ, I, 52, гдѣ говорится, что Меридъ отдалъ доходъ отъ рыбной ловли своей женѣ на наряды.

5) Геродотъ, III, XCI.

6) Д[illegible]донъ, отрыв. 15—16 въ „Fragm. Hist. Graec.", (изд. Мюллера), т. II, стр. 92.

чайшими путями для товаровъ изъ Индіи или Аравіи къ Средиземному морю. Дарій докончилъ каналъ отъ Нила къ Суэцкому заливу [1]) и снова открылъ путь изъ Коптоса къ Красному морю [2]), получившій, благодаря успѣшному путешествію Скилакса, большее значеніе, чѣмъ когда-либо. Дарій занялъ и укрѣпилъ оазисы и построилъ въ маленькомъ городкѣ Гибъ [3]) большой храмъ Аммона, развалины котораго существуютъ еще и понынѣ [4]).

Чувство признательности за всѣ эти услуги не было, однако, настолько сильно, чтобы заглушить въ египтянахъ желаніе свободы. Пораженіе персовъ при Мараѳонѣ придало имъ смѣлости въ стремленіи сбросить персидское иго, и въ 486 г. они прогнали чужеземные гарнизоны, провозгласивъ царемъ Хаббишу, который происходилъ, вѣроятно, изъ дома Псамитика [5]). Дарій не захотѣлъ изъ-за такого ничтожнаго обстоятельства прерывать начатую имъ большую экспедицію противъ Греціи: онъ собралъ новую армію и готовился вести двѣ войны заразъ, но среди этихъ приготовленій смерть сразила его на 36 г. царствованія (485) [6]). До своего восшествія на престолъ онъ имѣлъ троихъ

---

1) Геродотъ, II, CLVIII; IV, XXXIX. Нѣсколько трехъязычныхъ надписей, найденныхъ въ различное время („Описаніе Египта“, Ant., V, табл. 29; Записки, I, стр. 265; Марьеттъ, „La Stèle bilingue de chalouf“ въ „Revue archéologique“, 1866, т. II; Оппертъ, „Mémoires sur les rapports de l'Egypte et de l'Assyrie dans l'antiquité“, стр. 125—127) на Суэцкомъ перешейкѣ подтверждаютъ классическое преданіе и сообщаютъ намъ тотъ курьезный фактъ, что Дарій велѣлъ впослѣдствіи засыпать часть своего же канала отъ Биры до моря.

2) Нѣсколько надписей, выгравированныхъ на скалахъ Уади Гаммамата, показываютъ, насколько было оживленно движеніе по этой дорогѣ во времена Дарія (Бертонъ, „Excerpta Hieroglyphia“, табл. 8, 4, 14; Розеллини, „Mon. stor., II, 174; Лепсіусъ, Денкт., III, 283).

3) Теперешній Эль-Харгэхъ.

4) Кайр. „Voyage à l'Oasis de Thèbes“, табл. X, стр. 399; Госкинсъ, „Visit to the Great Oasis“, стр. 118; Лепсіусъ, „Hieroglyphische Inschriften in den Oasen von Kharigen und Däkhileh“ въ „Zeitschrift“, 1874, стр. 73-83. Бирчъ (Birch), „The inscription, of Darius, at the temple of Elkhargeh“, въ „Transaction of the Society of Biblical Archæology“, т. V, стр. 293—302; Г. Бругшъ, „Reise nach der grossen Oase El-Khargeh“, стр. 17—99.

5) Луврскій демотическій договоръ 3231 помѣченъ третьимъ мѣсяцемъ второго періода XXXV года царствованія Дарія I (Деверіа, „Catalogue des Manuscrits egyptiens“, стр. 212). Слѣдовательно, возстаніе Хаббиши произошло между іюнемъ и сентябремъ 486 г. (Унгеръ, „Manetho“, стр. 289).

6) Геродотъ, VII, IV. По Ктезію („Persica“, § 19, изд. Мюллера, стр. 49), онъ жилъ 72 года, а царствовалъ 31 г.

дѣтей отъ первой жены, дочери Гобрія. Старшій изъ нихъ, Артабазанъ, долго считался наслѣдникомъ престола и, вѣроятно, управлялъ государствомъ во время похода Дарія въ Скиѳію [1]). Но въ то время какъ въ Египтѣ вспыхнуло возстаніе Хаббиши, и Дарію надо было назначить себѣ преемника, царица Атосса убѣдила его выбрать своимъ преемникомъ старшаго изъ ея дѣтей, Хшайаршу (Ксеркса). который родился послѣ воцаренія Дарія и въ жилахъ котораго текла кровь Кира. Ея вліяніе на старика-царя было всесильно: онъ уступилъ, и вскорѣ послѣ того Ксерксъ безпрепятственно взошелъ на престолъ [2]). Ксерксу было тогда тридцать четыре года, и онъ считался красивѣйшимъ человѣкомъ своего времени [3]), но былъ вялъ, недалекъ и безхарактеренъ. Сначала онъ хотѣлъ было прекратить военныя дѣйствія, но совѣтники его отца доказали ему, что нельзя не отомстить за пораженіе при Мараѳонѣ; у него хватило однако благоразумія не предпринимать ничего въ Европѣ, не покончивъ съ Египтомъ. Хаббиша дѣятельно готовился къ встрѣчѣ съ Ксерксомъ: впродолженіи двухъ лѣтъ онъ подготовлялъ къ защитѣ берега Дельты и укрѣплялъ устье рѣки, чтобы быть въ состояніи дать отпоръ нападенію съ моря, которое онъ предвидѣлъ [4]). Но всѣ его предосторожности ни къ чему не привели въ рѣшительную минуту. Ксерксъ подавилъ его численностью своего войска. Области Дельты, болѣе всѣхъ участвовавшія въ возмущеніи, были жестоко наказаны; на жрецовъ наложена была пеня, а у храма Буто отняты его имущества [5]). Хаббиша исчезъ во время этихъ бѣдствій, и неизвѣстно въ точности, что съ нимъ сталось [6]);

---

1) См. относительно этого вопроса Др. Раулинсонъ, „The five great Monarchies“, т. III, стр. 445—446.

2) Геродотъ, VII, II—III.

3) Геродотъ, VII, CLXXXVII.

4) Марьеттъ, „Monuments divers“, табл. 13, стр. 7—8. Бругшъ, „Ein Decret Ptolemaios des Sohnes Lagi, des Satrapes“, „въ „Zeitschrift“, 1871, стр. 4.

5) Марьеттъ, „Monuments divers“, табл. 13, строк. 8—11; Бругшъ, „Op. laud.“, стр. 4—5.

6) Одинъ Аписъ, гробница котораго еще и теперь существуетъ въ Серапеумѣ, умеръ во II году его царствованія (Бругшъ, въ „Zeitschrift“, 1871, стр. 13). Берчъ предполагаетъ, что Хаббиша былъ персидскимъ сатрапомъ, возобновившимъ въ свою очередь попытку Аріанда („On a hieroglyphic. Tablet of Alexander, son of Alexander the Great, recently discovéred at Cairo“, въ „Transactions of the society of Biblical Archaeology“, т. I, стр. 24) Ревиллью („Chronique égyptienne“, стр. 5 прим. 2) думаетъ, что онъ былъ арабъ.

Ахеменесъ, братъ царя, былъ назначенъ сатрапомъ и принялъ мѣры, чтобы не допустить вторичнаго возстанія [1]). Но и на этотъ разъ никто не подумалъ объ измѣненіи политическаго строя страны, и номы остались въ рукахъ своихъ наслѣдственныхъ правителей. Ксерксу, повидимому, и въ голову не приходило, что, щадя мѣстныя династіи, онъ сохранялъ такимъ образомъ для будущихъ египетскихъ возстаній всегда готовыхъ вождей (582). Свергнувъ Хаббишу, Ксерксъ не получилъ еще, однако, полной свободы дѣйствій. Классическое преданіе говоритъ, что въ первый свой пріѣздъ въ Вавилонъ въ качествѣ царя, онъ въ высшей степени оскорбилъ національное чувство халдеянъ неумѣстнымъ любопытствомъ: онъ проникъ въ гробницу Бела и сдѣлалъ неудавшуюся ему, несмотря ни на какія усилія, попытку наполнить сосудъ для масла, находившійся въ гробницѣ [2]). Чтобы ни означала эта странная легенда, фактъ возстанія въ Вавилонѣ кажется несомнѣннымъ. Мегабизъ сыръ Запира, бывшій по праву наслѣдства сатрапомъ вавилонской провинціи, поступилъ съ городомъ съ безпримѣрной жестокостью: храмъ Бела былъ разграбленъ, статуя самого бога увезена въ плѣнъ, а жрецъ его убитъ [3]), царскія гробницы были осквернены и ограблены, часть населенія продана въ рабство (581) [4]). Ксерксъ направился, наконецъ, въ Европу во главѣ многочисленнѣйшей арміи, какую когда-либо видѣлъ свѣтъ. Результатъ его предпріятія уже извѣстенъ читателю. Увидавъ съ высотъ мыса Коліаса уничтоженіе своего флота, онъ поспѣшно бѣжалъ и вернулся въ Азію, прежде пораженія своихъ сухопутныхъ войскъ. Говорятъ, что побѣды при Саламинѣ и Платеѣ спасли Европу отъ варваровъ: мнѣніе это несправедливо относительно обоихъ противниковъ и лишено основанія. Персы не были варварами въ томъ смыслѣ, какъ мы понимаемъ это слово: они имѣли свою своеобразную культуру, во многомъ уступавшую греческой, но въ нѣкоторыхъ

[1]) Геродотъ, VII, VII.

[2]) Ктезій, „Persica", § 21 (изд. Мюллера, стр. 50). Эліенъ, „Var. Hist.", XIV, 3.

[3]) Геродотъ, (I, CLXXXIII) приводитъ фактъ увезенія статуи, но ничего не говоритъ о сопровождавшихъ его событіяхъ. Трудно не усмотрѣть въ его разсказѣ одного изъ эпизодовъ вавилонскаго возстанія.

[4]) Ктезій, „Persica", § 22 (изд. Мюллера, ст. 50). По Арріену („Anabase", VII, 17), разрушеніе города произошло будто бы послѣ похода въ Грецію. Какъ ни ничтоженъ авторитетъ Ктезія, но онъ былъ ближе къ этимъ событіямъ, чѣмъ Арріенъ, и я предпочитаю держаться его версіи.

отношеніяхъ и превосходившую ее. Съ другой стороны, допускать мысль, что одно какое-нибудь пораженіе и временное покореніе могли бы остановить развитіе Греціи, — значило бы быть очень низкаго мнѣнія объ ея жизненности и духѣ греческой націи. Для того, чтобы греческая цивилизація совершенно погибла, нужно было бы полное уничтоженіе греческаго народа отъ столкновенія его съ Азіей. Персы нисколько не стремились къ уничтоженію цѣлыхъ націй: они требовали только повиновенія и дани, а въ остальномъ предоставляли каждому народу жить по своему. Если бы Ксерксъ вышелъ побѣдителемъ изъ борьбы, Эллада сдѣлалась бы такою же сатрапіей, какъ Сирія или Халдея: она такъ же мало потеряла бы свой характеръ, какъ и эти страны, и такъ же скоро возвратила бы себѣ свободу какъ напр. Египетъ. Побѣда персовъ измѣнила бы политическое теченіе греческой исторіи, но она была бы безсильна не только остановить, но даже задержать на время общій ходъ греческой цивилизаціи. Пораженіе Ксеркса имѣло непосредственнымъ слѣдствіемъ уменьшеніе персидскихъ границъ. Только нѣсколько персидскихъ гарнизоновъ оставались еще за Босфоромъ, а именно въ Византіи до 478 г. [1]), въ Эйонѣ до 477 [2]) и въ Дорискѣ до 450 г. и даже позднѣе [3]). Ихъ сохраненіе тамъ было вызвано скорѣе тщеславіемъ великаго царя, чѣмъ политической или военной необходимостью. Ксерксъ любилъ воображать себѣ, что онъ стоитъ одной ногой въ Европѣ и во всякое время можетъ снова начать войну, несмотря на то, что Ѳессалія, Македонія, Пеонія и Ѳракія перестали признавать его власть. Мало того, самой Азіи стала угрожать опасность, и аѳинскій флотъ началъ уже показываться въ тѣхъ водахъ, гдѣ до того времени безраздѣльно царилъ одинъ финикійскій флотъ. Если бы Греція могла подавить свои внутреннія несогласія и воспользоваться пріобрѣтенными преимуществами,—всѣ колоніи Малой Азіи могли бы возвратить свою независимость. Къ сожалѣнію, Спарта не любила дальнихъ предпріятій, а Аѳины удовольствовались исправленіемъ своихъ стѣнъ и организаціей флота, и Персія, такимъ образомъ, была спасена отъ непріятельскаго вторженія.

Что же дѣлалъ Ксерксъ въ то время, когда рѣшалась участь его государства? Онъ погрузился въ интриги и оргіи гарема и

[1]) Ѳукидидъ, I, 94.

[2]) Геродотъ, VII, CVII; Ѳукидидъ, I, 98; Павзаній, VIII, 8, § 5.

[3]) Геродотъ, VII, CVI.

тратилъ на нихъ остатки энергіи и своего недалекаго ума. Въ теченіе 12 лѣтъ, впродолженіи которыхъ велась война, онъ ни разу не подумалъ сдѣлать новое усиліе или хотя бы предупредить нападеніе грековъ. Около 466 г. часть аѳинскаго флота, крейсировавшая у береговъ Каріи и Ликіи, натолкнулась на флотъ великаго царя, стоявшій на якорѣ въ устьѣ Эвримедона. Произошло повтореніе сраженія при Микале: уничтоживъ персидскій флотъ, экипажъ аѳинскихъ кораблей высадился на берегъ и обратилъ въ бѣгство, сопровождавшую этотъ флотъ армію. Побѣдители направились къ Кипру, разсѣяли другой флотъ изъ восьмидесяти парусныхъ судовъ и вернулись въ Пиреи, обремененные добычей (466). Ксерксъ недолго прожилъ послѣ этого униженія: онъ былъ убитъ евнухомъ Аспамитромъ и начальникомъ стражи Артабаномъ (465) [1]. Въ ту же ночь убійцы отправились къ самому младшему изъ его сыновей Артакшатрѣ (Артаксерксу) и, обвинивъ передъ нимъ въ совершенномъ убійствѣ другого царскаго сына, Дарія, убили послѣдняго, подъ предлогомъ отомщенія за отцеубійство. Они попытались было затѣмъ убить и самого Артаксеркса, но были преданы однимъ изъ своихъ сообщниковъ и казнены. Сыновья Артабана, желая отомстить Артаксерксу за смерть отца, собрали небольшое войско, но погибли съ оружіемъ въ рукахъ. Наконецъ, въ довершеніе всѣхъ этихъ смертей и убійствъ, погибъ и старшій братъ новаго царя, Гистаспъ, находившійся въ моментъ смерти Ксеркса въ Бактріи и явившійся во главѣ многочисленной арміи предъявить свои права на престолъ: двухъ кровопролитныхъ сраженій было достаточно, чтобы покончить съ нимъ и его приверженцами (462) [2].

Каждое событіе, угрожавшее существованію или хотя бы цѣлости персидскаго государства, находило откликъ въ Египтѣ. Не успѣло еще исчезнуть поколѣніе, сражавшееся за Хабишу, какъ уже новое поколѣніе, недовольное персидскимъ игомъ, возстало противъ Артаксеркса. Ливія была важнѣйшимъ изъ удѣловъ Дельты со времени паденія саисской династіи. Ливійскіе правители, господствуя надъ Мореей и плодородными областями, лежавшими между Канопскимъ рукавомъ Нила, горами и озеромъ Мареотисъ, распространяли, вѣроятно, свое владычество и на

[1]) Ктезій, „Persica", § 29, (изд. Мюллера, стр. 51); Діодоръ, XI, 69, I; Юстинъ, III, 1, Эліенъ, „Var. Hist.", XIII, 2; послѣдній сообщаетъ, что Ксерксъ былъ убитъ ночью своимъ сыномъ.

[2]) Ктезій, „Persica", § 30—31 (издан. Мюллера, стр. 51—52).

адирмахидовъ, гилигаммовъ, асбистовъ и большинство кочевыхъ племенъ, жившихъ въ пустынѣ [1]). Одинъ изъ нихъ, Инаръ сынъ Псамитика, царствовавшій въ то время, объявилъ войну персамъ: населеніе Дельты, притѣсняемое Ахименесомъ, приняло его съ распростертыми объятіями, изгнало сборщиковъ податей и взялось за оружіе.

Со времени своей побѣды при Евримедонѣ аѳиняне постоянно держали небольшую эскадру около Кипра: 200 судовъ, составлявшихъ эту эскадру, получили приказаніе отплыть къ Египту и оставаться тамъ въ распоряженіи начальниковъ возстанія [2]). Тѣмъ временемъ Артаксерксъ собралъ флотъ и армію. Онъ намѣревался лично предводительствовалъ ими, но, уступая совѣту своихъ приближенныхъ, поручилъ командованіе своему дядѣ Ахименесу, который бѣжалъ къ его двору послѣ первыхъ побѣдъ Инара. Ахименесъ безъ труда отразилъ ливійцевъ, но прибытіе греческихъ вспомогательныхъ отрядовъ измѣнило положеніе дѣлъ: онъ былъ разбитъ у Папремиса, и почти вся его армія была уничтожена. Инаръ собственноручно убилъ его въ общей свалкѣ и отослалъ трупъ его Артаксерксу, — можетъ быть, желая побравировать, а можетъ быть и изъ уваженія къ высокому происхожденію своей жертвы [3]). Нѣсколько дней спустя аѳинская эскадра, подъ командой Харитимида, встрѣтившись съ финикійскимъ флотомъ, шедшимъ на помощь персамъ, потопила тридцать кораблей и завладѣла двадцатью [4]). Союзники поднялись по рѣкѣ и появились передъ Мемфисомъ, куда укрылись остатки персовъ и туземные отряды, оставшіеся вѣрными имъ. Городъ скоро палъ, но крѣпость, Бѣлая Стѣна, заперла свои ворота, и ея сопротивленіе дало великому царю время собрать новую армію [5]). Главную силу мятежниковъ составляли не столько египетскія и ливійскія вой-

[1]) Летронъ, „Receuil des inscriptions, grecques et latines de l'Egypte", т. II, стр. 291—293; онъ однако, преувеличиваетъ, смѣшивая царей аммонійскихъ съ царями ливійскими.

[2]) Ктезій („Persica" § 32, изд. Мюллера, стр. 52) упоминаетъ только о сорока судахъ это, безъ сомнѣнія, ошибка переписчика: M. (40) вмѣсто Σ (200).

[3]) Ктезій, „Persica", § 32, изд. Мюллера, стр. 52. Геродотъ; III; XII; Діодоръ, XI, 74.

[4]) Ктезій, „Persica", § 32, изд. Мюллера. стр. 32. Вѣроятно, это та самая морская битва, между персами и египтянами, которую изобразилъ Неалькъ (Плиній, „Hist. Nat.", XXXV, 11—40).

[5]) Ѳукидитъ, I, 104; Діодоръ, XI, 74—75.

ска, сколько небольшой отрядъ гоплитовъ и аѳинскихъ матросовъ. Прежде чѣмъ отважиться послать своихъ полководцевъ на Дельту, Артаксерксъ хотѣлъ произвести диверсію въ Греціи; его посланные пытались подкупить лакедемонянъ, и уговорить ихъ вторгнуться въ Аттику. Но на этотъ разъ добродѣтель спартанцевъ случайно устояла противъ персидскихъ дариковъ. Войска великаго царя сосредоточились въ Финикіи и Киликіи: они состояли изъ трехсотъ тысячъ пѣхоты, подкрѣпляемой флотомъ въ триста кораблей, и во главѣ ихъ поставленъ былъ Мегабизъ. При приближеніи непріятеля союзники сняли блокаду съ Бѣлой Стѣны; разбитые въ первой же схваткѣ, въ которой Харитимидъ былъ убитъ, а Инаръ раненъ въ бедро, они заперлись на островѣ Просопитисѣ, и здѣсь выдержали впродолженіи 18 мѣсяцевъ настоящую осаду [1]). Къ концу этого времени Мегабизу удалось отвести одинъ изъ рукавовъ рѣки; заставивъ такимъ образомъ аѳинскій флотъ сложить паруса, онъ пошелъ на приступъ. Большая часть греческихъ вспомогательныхъ войскъ погибла въ бою; нѣкоторымъ удалось добраться до Кирены и вернуться въ отечество; остальные бѣжали съ Инаромъ и вскорѣ принуждены были сдаться [2]). Къ довершенію неудачи, подкрѣпленіе въ 50 судовъ; прибывшее тѣмъ временемъ къ мендесскому устью, было застигнуто финикійскимъ флотомъ и болѣе чѣмъ наполовину истреблено (455) [3]). Сдаваясь, Инаръ выговорилъ жизнь себѣ и своимъ приверженцамъ. Вначалѣ Артаксерксъ намѣренъ былъ, казалось, соблюдать это условіе, но пять лѣтъ спустя, онъ выдалъ плѣнниковъ матери своей, Аместрисѣ, которая приказала распять Инара въ отомщеніе за смерть Ахеменеса [4]). Побѣда при Просопитисѣ положила конецъ возстанію: сынъ Инара, Ѳиннсъ, назначенъ былъ вмѣсто своего отца царемъ Ливіи [5]). Между тѣмъ, нѣсколько бѣглыхъ отрядовъ укрылись въ береговыхъ болотахъ, уже не разъ служившихъ убѣжищемъ саисцамъ, и провозгласивъ

---

[1]) Ктезій, („Persica“) § 33 - 34, изд. Мюллера, стр. 52. ср. Стефана Византійскаго подъ словомъ Βύβλος замѣняетъ названіе Просопитисъ названіемъ Библосъ, „сильно укрѣпленный городъ Египта“.

[2]) Ѳукидидъ, I, 105; Діодоръ Сицилійскій XI, 71, 75. По словамъ Ѳукидида, Инаръ былъ преданъ своими.

[3]) Ѳукидидъ, I, 100; Аристодемъ, XIII, 4, въ „Fragm. H. Graec.“, изд. Мюллера, т. V, стр. 14.

[4]) Ктезій, „Persica“, § 34—36, изд. Мюллера, стр. 52.

[5]) Геродотъ, III, XV.

царемъ Амиртея, съ успѣхомъ защищались противъ нападеній персовъ [1]).

Цѣлость персидскаго государства была возстановлена, но война съ греками все еще продолжалась. Шесть лѣтъ спустя аѳиняне снарядили флотъ въ 200 кораблей и поручили командованіе имъ Кимону: дѣло шло о покореніи Кипра, или по крайней мѣрѣ, о занятіи нѣсколькихъ кипрскихъ городовъ. Чтобъ разъединить силы непріятеля, Кимонъ сдѣлалъ видъ, будто хочетъ возобновить походъ въ Египетъ и послалъ царю Амиртею эскадру въ 60 кораблей; самъ же, съ оставшимися воинами и кораблями осадилъ Китіонъ. Вскорѣ послѣ того онъ умеръ отъ раны, а преемники его принуждены были снять осаду за недостаткомъ продовольствія. Но, проходя мимо Саламина, они обратили свои усилія противъ финикійскаго и киликійскаго флота и, уничтоживъ ихъ, высадились на берегъ и разбили персидскую армію, находившуюся близъ города. Артаксерксъ не устоялъ противъ этого послѣдняго удара: боясь, чтобы аѳиняне, овладѣвъ Кипромъ, не вздумали возмутить Египетъ, всегда готовый къ возстанію, онъ рѣшился во что бы то ни стало заключить миръ. Аѳиняне согласились на заключеніе мира подъ условіемъ, чтобы азіатскіе греки были освобождены. Ни одно персидское войско не должно было подходить къ іонійскому берегу ближе, чѣмъ на разстояніе трехъ дней пути. Ни одинъ персидскій военный корабль не долженъ былъ плавать въ греческихъ водахъ отъ Хелидонскихъ острововъ до Кіанейскихъ скалъ т.-е. отъ восточнаго пункта Ликіи до входа въ Понтъ-Эвксинскій. Этимъ договоромъ былъ положенъ конецъ первой греко-персидской войнѣ (449), которая продолжалась полстолѣтія: со времени пожара въ Сардахъ до 17-го года царствованія Артаксеркса I [2]).

Существованіе восточныхъ монархій обусловливалось всегда безпрестанными войнами и безпрестанными побѣдами. Онѣ не могутъ ни ограничиться опредѣленной територіей, ни оставаться въ оборонительномъ положеніи. Съ прекращеніемъ расширенія границъ начинается ихъ распаденіе: теряя свой завоевательный характеръ, онѣ перестаютъ существовать. И Персія не избѣгла общей

---

[1]) По Геродоту, II, VXL, островъ, гдѣ онъ утвердилъ свою резиденцію назывался Эльбо и нѣкогда служилъ убѣжищемъ слѣпцу Анизису.

[2]) Относительно всего, что касается Мидійскихъ войнъ, я могу лишь указать на сочиненія по греческой исторіи, появившіяся въ послѣднее время.

участи. Дарій I былъ великимъ государемъ, даже, можетъ быть, болѣе великимъ, чѣмъ самъ Киръ. Сила, умѣніе организовать арміи, составлять планы кампаній и выбирать себѣ помощниковъ, быстрота, съ которой онъ подавилъ возстанія, сопровождавшія его восшествіе на престолъ,—все это доказываетъ, что онъ былъ, по меньшей мѣрѣ, равенъ лучшимъ полководцамъ своего времени. Какъ администраторъ, онъ не имѣлъ себѣ равнаго во всей династіи ахаменидовъ. Но завоевавъ Азію, персидская нація, замкнутая почти со всѣхъ сторонъ едва ли преодолимыми препятствіями — моремъ, пустынями, Африканской и Аравійской, горами Индіи и Кавказа и степями Средней Азіи,—Персія имѣла выходъ только на западъ. Дарій и Ксерксъ направили ее на Европу, но неудачи греческихъ войнъ охладили ея пылъ. Ей пришлось отступить, и тотчасъ же послѣ того началось ея разрушеніе. Паденіе ея не было такъ внезапно, какъ паденіе прежнихъ монархій — Ассиріи, Халдеи и Мидіи: административная машина Дарія была слишкомъ искусно составлена, чтобы распасться отъ одного удара; но небрежность и бездѣйствіе его преемниковъ постепенно ослабили ея механизмовъ. Обыкновенно одинъ и тотъ же сатрапъ соединялъ въ своихъ рукахъ по нѣскольку сатрапій, самъ командовалъ арміями и пользовался, по истинѣ, царской властью. Начались безпрерывныя возстанія въ провинціяхъ, притомъ не только въ Египтѣ, гдѣ оскорбленное національное чувство дѣлало невозможнымъ продолжительное спокойствіе, но и въ Халдеѣ, Бактріи и Малой Азіи; дворцовыя трагедіи съ убійствами и отравленіями членовъ царствующаго дома и междоусобныя войны сатраповъ слѣдовали другъ за другомъ.

Едва миръ съ Греціей былъ подписанъ, какъ Мегабизъ правитель Сиріи, недовольный отношеніемъ къ нему царя послѣ его побѣды надъ Инаромъ, поднялъ возстаніе въ арміи, которою командовалъ. Два военачальника, посланные противъ него, были разбиты одинъ за другимъ; онъ сложилъ оружіе только послѣ того, какъ самъ продиктовалъ условія міра [1]. Нѣсколько лѣтъ спустя, сынъ его Зопиръ поднялъ возстаніе въ Каріи и Лидіи [2]. Успѣхъ этихъ предпріятій послужилъ дурнымъ примѣромъ для другихъ сатраповъ. Съ этихъ поръ вѣрность ихъ царю стала дѣ-

[1]) Ктезій, „Persica“, §§ 37—41 (изд. Мюллера, стр. 52—53).
[2]) Ктезій, „Persica“, § 48 (изд. Мюллера, стр. 54); Ср. Геродотъ, III, CLX.

омъ ихъ доброй воли или случая. Артаксерксъ умеръ въ 425 г., и сейчасъ же послѣ его смерти возобновились интриги, омрачившія кровавыми событіями начало его царствованія. Его законный сынъ Ксерксъ II, былъ убитъ черезъ 45 дней однимъ изъ своихъ незаконныхъ братьевъ Согдіаномъ или Секудіаномъ [1]). Этотъ, въ свою очередь, былъ свергнутъ и убитъ спустя шесть съ половиной мѣсяцевъ другимъ незаконнымъ сыномъ стараго царя Охомъ, принявшимъ при восшествіи на престолъ имя Дарія [2]). Его жизнь была цѣлымъ рядомъ сплетеній всевозможныхъ несчастій и преступленій. Съ первыхъ же дней его воцаренія братъ его Арситъ и сынъ Мегабиза, Артифій, возстали противъ него въ Малой Азіи, навербовали греческихъ наемниковъ и одержали двѣ важныхъ побѣды. Персидское золото сдѣлало то, чего уже не могла сдѣлать персидская доблесть: оба бунтовщика, покинутые своими солдатами, сдались на условіи, что жизнь ихъ будетъ пощажена. Дарій II женился на своей теткѣ Парисатидѣ, одной изъ самыхъ жестокихъ и развратныхъ женщинъ, когда-либо вступающихъ въ восточные гаремы; по ея настоянію, онъ нарушилъ данное слово, и велѣлъ подвергнуть Арсита казни посредствомъ пепла [3]). Примѣръ этотъ не остановилъ сатрапа Лидіи Писсуфнесса; послѣдній принадлежалъ къ царскому роду [4]); онъ управлялъ своей сатрапіей не менѣе 20 лѣтъ [5]), и имѣлъ достаточно времени, чтобы подготовиться къ войнѣ. Но и его, какъ и Арсита погубила измѣна: Тиссафернъ подкупилъ служившихъ у него наемныхъ солдатъ и принудилъ его сдаться безъ всякихъ условій. Дарій предалъ его смерти, а побѣдителя назначилъ его преемникомъ [6]). Казнь эта не прекратила однако смутъ въ Малой Азіи: Аморгесъ, незаконный сынъ Писсуфнеса, поднялъ возстаніе въ Каріи, провозгласилъ себя царемъ, и продержался до 412 г. [7]).

[1]) Ктезій, „Persica“, § 41—45 (изд. Мюллера, стр. 54); Діодоръ, XII, 74, гдѣ сказано, что по нѣкоторымъ писателямъ, Ксерксъ II царствовалъ цѣлый годъ.
[2]) Ктезій, „Persica“, § 46—48 (изъ Мюллера, стр. 54—55). Этотъ царь не былъ сыномъ Дамаспіи, единственной законной жены Артаксеркса I: греки называли его Νόθος, незаконный сынъ.
[3]) Ктезій, „Persica“, (изд. Мюллера, стр. 52). Относительно казни пепломъ ср. § 50—51 Валерій Максимъ, IX, 2, 7.
[4]) По весьма правдоподобному предположенію Ларше.
[5]) Өукидидъ, I, 115, упоминаетъ о немъ еще до 440 г.
[6]) Ктезій, „Persica“, § 52 (изд. Мюллера, стр. 55—56).
[7]) Өукидидъ, VIII, 5, 19, 28.

Все это происходило въ то время, когда Пелопонесская война опустошила Грецію. Аѳины только что лишились въ Сициліи лучшей части своего флота и отборныхъ солдатъ. Когда извѣстіе объ ихъ пораженіи достигло востока, Дарій нашелъ этотъ случай весьма благопріятнымъ для нарушенія договора 449 г. Онъ послалъ сатрапамъ Мизіи и Лидіи приказъ собрать дань съ греческихъ приморскихъ городовъ и заключить договоръ съ лакедемонянами. Спарта согласилась на предложенный ей союзъ, и съ той поры различныя государства Греціи сдѣлались простой игрушкой въ рукахъ великаго царя и его замѣстителей. Сначала Тиссафернъ и Фарнабазъ старались сохранять равновѣсіе между дорійцами и аѳинянами, не позволяя ни одному изъ соперничавшихъ народовъ нанести другому смертельный ударъ. Но эта политика золотой середины продолжалась недолго. У Дарія было два сына, изъ которыхъ второй, названный по имени основателя имперіи Киромъ, получилъ благодаря вліянію Парисатиды, верховную власть надъ провинціями Малой Азіи. Киръ мечталъ сдѣлаться царемъ: онъ надѣялся, что мать его при помощи интригъ добьется для него престола, по закону принадлежавшаго его старшему брату Арсаку; въ случаѣ же неудачи онъ разсчитывалъ завладѣть престоломъ силою оружія. Аѳины, какъ держава морская, не могли помочь ему въ экспедиціи противъ провинцій возвышенной Азіи: поэтому, онъ склонился на сторону Спарты и оказалъ ей настолько существенную помощь, что въ два года война была окончена въ пользу Пелопонеса, благодаря рѣшительной битвѣ при Эгосъ-Потамосѣ (405).

Артаксерксъ II (405—359). Послѣднія туземныя династіи Египта.

Эта неожиданная развязка и тайные происки, въ которыхъ обвиняли молодого Кира сатрапы Малой Азіи, не безъ основанія показались подозрительными. Дарій вызвалъ своего сына въ Сузу съ цѣлью потребовать у него отчета въ его поведеніи. Киръ подоспѣлъ какъ разъ во время, чтобы присутствовать при смерти своего отца и восшествіи на престолъ новаго царя: Арсакъ принялъ царское имя Артахшатры (Артаксеркса) и взошелъ на престолъ вопреки проискамъ Парисатиды [1]). Во время торжества коронованія своего брата Киръ укрылся въ храмѣ и хотѣлъ убить его у подножія жертвенника, но Тиссафернъ и одинъ изъ жрецовъ выдали его; онъ былъ схваченъ и не избѣжалъ бы казни, если бы не мать, которая, обнявъ его, помѣшала палачу исполнить возложенную на него обязанность [1]). Получивъ съ большимъ трудомъ прощеніе, онъ вернулся въ Малую Азію съ твердою рѣшимостью отомстить при первомъ же случаѣ. Несмотря на бдительный надзоръ Тиссаферна, онъ, собравъ подъ разными предлогами 13 тысячъ греческихъ наемниковъ и 100 тысячъ туземныхъ воиновъ, неожиданно покинулъ Сарды (401), безпрепятственно прошелъ Малую Азію, сѣверную Сирію и Месопотамію, и, встрѣтивъ царскую армію близъ Кунаки, въ нѣсколькихъ миляхъ къ сѣверу отъ Вавилона, былъ убитъ въ происшедшемъ тамъ сраженіи. Его пораженіе и смерть были истиннымъ несчастьемъ для Персіи. Онъ былъ храбръ, дѣятеленъ, честолюбивъ, и вообще одаренъ всѣми качествами хорошаго восточнаго монарха. Изъ соприкосновенія съ греками онъ вынесъ пониманіе слабыхъ сторонъ своего собственнаго народа и, повидимому, сильно желалъ устранить ихъ: очень возможно, что, если бы онъ восторжествовалъ, ему удалось бы на время укрѣпить государство и отклонить его паденіе. Когда Киръ палъ, приведенная имъ туземная армія немедленно разсѣялась. Наемники не потеряли, однако, мужества и достигли черезъ Ассирію и Арменію береговъ Понта Эвксинскаго. До сихъ поръ греки считали Персію сплоченнымъ грознымъ государствомъ, которое можно было побѣдить на морѣ и держать вдали отъ Европы, но на которое опасно было бы напасть въ его собственныхъ владѣніяхъ. Примѣръ „десяти тысячъ" показалъ однако, что горсть людей, затерянныхъ среди Халдеи, лишенныхъ вслѣдствіе измѣны своихъ вождей, безъ проводниковъ и безъ союзниковъ могла безнаказанно пройти черезъ персидскія владѣнія и вернуться въ Грецію безъ значительныхъ потерь. Результаты этого опыта не заставили себя ждать. Побѣдоносная Спарта взяла на себя относительно іонійскихъ грековъ роль покровительницы, принадлежавшую прежде Аѳинамъ; смерть молодого Кира пре-

¹) Ктезій, „Persica", (изд. Мюллера, стр. 56), гдѣ онъ названъ Арсакомъ; Плутархъ, Artoxerxès, I, называетъ его Арсика, что, должно быть, представляетъ первоначальную форму этого имени. По Динону (стр. 22, въ „Fragm. H. Gr.", VI, II, стр. 93). Артаксерксъ II назывался до восшествія на престолъ Оартомъ, а не Арсикой.

¹) Плутархъ, Artoxerxès, 3, Ксенофонтъ, Анабазисъ, I, 163.

сѣкла ея связи съ Персіей и вернула ей свободу дѣйствій. Впродолженіе 4-хъ лѣтъ подъ рядъ она вела войну въ Азіи: ея царь Агезилай проникъ въ самую глубь Фригіи и пошелъ бы еще дальше по слѣдамъ „десяти тысячъ“, если бы персидское золото не произвело въ Европѣ сильнаго переворота. Аѳиняне опять взялись за оружіе; ихъ флотъ, соединившись съ персидскимъ, прошелъ Эгейское море, а Кононъ овладѣлъ островомъ Киѳерой (Цитерой); длинныя стѣны были возстановлены на счетъ великаго царя [1]).

Въ то самое время, когда разъединенныя государства Эллады, оспаривали другъ у друга милости сатраповъ Малой Азіи, весь Египетъ, соединившись въ общемъ чувствѣ ненависти, добился, наконецъ, изгнанія чужеземцевъ. Впродолженіе сорока лѣтъ, истекшихъ со времени пораженія Инара, миръ ни разу существенно не нарушался въ Египтѣ. Персидскіе сатрапы безпрепятственно смѣнялись въ Мемфисскомъ дворцѣ [2]): жестокая казнь Инара лишила Ѳаннира рѣшимости предпринять что-нибудь, чему, вѣроятно, не мало способствовало истощеніе Ливіи; старикъ Амиртей исчезъ, а сынъ его Паузирій сталъ покорнымъ вассаломъ персовъ [3]). Тѣмъ не менѣе неоднократныя мелкія столкновенія доказывали, что старый мятежный духъ дожидался лишь случая, чтобъ снова обнаружиться. Такъ одинъ изъ Псамитиковъ, царствовавшій около 445 г., въ одномъ изъ уголковъ Дельты, отважился послать хлѣбъ и подарки аѳинянамъ, воевавшимъ въ то время съ его государемъ [4]), а второй годъ царствованія Оха ознаменовался бунтомъ, легко, впрочемъ, подавленнымъ [5]). Возмущеніе Мегабиза въ Сиріи показало, какъ легко стало бороться съ великимъ царемъ; такъ какъ впродолженіе нѣсколькихъ лѣтъ возмущенія Зопира и Писсуѳнея, слѣдовавшія одно за другимъ, занимали всѣ силы персидскаго государства, египтяне воспользовались этимъ, и около 405 г. внукъ Амиртея, носившій то же имя, что и дѣдъ, провозгласилъ независимость

---

1) Подробности этихъ событій см. „Histoire grecque“, Дюрюи.

2) Видеманъ полагаетъ, что Египетъ въ то время дѣлился на двѣ сатрапіи, изъ которыхъ одна, Верхній Египетъ, управлялась персидскимъ сатрапомъ, а другая египтянами, напр. Паузиріемъ („Geschichte Aegyptens von Psametich“, I, стр. 252—253).

3) Геродотъ, III, XV.

4) Филохоръ, стр. 90, въ „Fragm. H. Gr.“, т. I, стр. 398—399.

5) Синцель, стр. 256 *d*.

Египта [1]). Очевидно, ему не удалось вполнѣ изгнать персовъ, потому что въ 401 г., во время похода противъ Кира, въ арміи Артаксеркса еще находились египетскія войска [2]). Кромѣ того, ему приходилось мириться еще и съ притязаніями другихъ мѣстныхъ правителей; по свидѣтельству египетскихъ текстовъ, въ одно время съ нимъ, одинъ изъ Псамитиковъ, происходившій изъ древняго саисскаго рода, присвоилъ себѣ званіе египетскаго царя [3]). Система похожая на феодальную, по существу своему способствовавшая волненіямъ въ странѣ, слишкомъ сильно утвердилась, чтобы скипетръ могъ долго оставаться въ рукахъ одной династіи: двадцать восьмая династія продолжалась шесть лѣтъ: ровно столько же, сколько Амиртей, и ее смѣнила династія мендесская. Неферитъ докончилъ дѣло освобожденія: при немъ Египетъ вполнѣ возстановилъ свою независимость и возвратилъ себѣ самостоятельность [4]).

Обстоятельства сами указывали предстоящій образъ дѣйствій. Несоразмѣрность силъ изолированной провинціи съ силами монархіи, раскинувшейся по всей Передней Азіи, была слишкомъ очевидна, чтобы фараоны могли помышлять о возможности начать борьбу, не заручившись поддержкой извнѣ. Они инстинктивно вернулись къ политикѣ Псамитика и его преемниковъ, и исторія ихъ повторяетъ съ подозрительной точностью исторіи первыхъ царей саисской династіи. Египетъ былъ какъ бы осажденною крѣпостью: они постарались создать впереди его рядъ передовыхъ постовъ, о которые могъ бы разбиться первый натискъ непріятеля. Съ этою цѣлью они принялись интриговать въ Сиріи и на Кипрѣ, отчасти чтобъ заручиться тамъ союзниками, отчасти же

---

1) Имя этого царя еще не найдено на современныхъ ему египетскихъ памятникахъ. Ни Рудамонъ, ни Аменирриту (Видеманъ, „Geschichte Aegyptens von Psametich“ I, стр. 272) не могутъ относиться къ серединѣ персидской эпохи. Произношеніе этого имени въ демонической рапсодіи, которое соотвѣтствуетъ имени Амиртея, не установлено (Э. Ревиллью, „Second extrait de Chronique démotique de Paris“, въ „Revue egyptologique“, т. II, стр. 53—54).

2) Ксенофонтъ, Анабазисъ, I, 8, 9.

3) Лей („Fata et conditio Aegypti sub imperio Persarum“, 20, 57), а затѣмъ Лепсіусъ („Königsbuch“, стр. 48—50) отождествляютъ этого Псамитика съ Амиртеемъ, который былъ бы такимъ образомъ Псамитикомъ IV.

4) Таково, по крайней мѣрѣ, понятіе о Неферитѣ, которое составили себѣ египтяне времени Птоломеевъ (Ср. Э. Ревиллью, „Second extrait de la chronique Démotique“ въ „Revue égyptologique“, т. II, стр. 55).

чтобъ возстановить тамъ прежнюю верховную власть ѳиванскихъ правителей: если бы они здѣсь потерпѣли неудачу, то все таки имѣли достаточно времени снова собрать армію и даже флотъ, прежде чѣмъ побѣдитель успѣлъ появиться у границы. Всякія народныя волненія, всякіе раздоры между сатрапами были имъ на руку, потому что принуждали великаго царя разъединять свои войска: они старательно поддерживали эти раздоры, даже вызывали ихъ при случаѣ и такъ хорошо вели игру, что очень долго имъ приходилось имѣть дѣло лишь съ ничтожной частью персидской арміи. Подобно саисскимъ государямъ, они по достоинству оцѣнили недисциплинированные и невоинственные народы, которыми повелѣвали, и стали опираться на европейскихъ солдатъ, которыхъ съ большими издержками вызывали изъ Греціи, безпрестанно обновляя ихъ изъ боязни, чтобъ африканскіе нравы и климатъ не ослабили ихъ энергіи. Это было въ то самое время, когда въ Греціи наемники смѣнили ополченія изъ гражданъ, и война стала прибыльнымъ ремесломъ для тѣхъ, кто умѣлъ вести ее. Фараоны никогда не колебались расточать свои сокровища на покупку помощи со стороны этихъ грозныхъ шаекъ. Ификратъ, Хабрій, Тимоѳей, вообще, всѣ полководцы, пользовавшіеся извѣстностью, поочередно становились во главѣ египетскихъ или персидскихъ войскъ, сражавшихся на берегахъ Нила, иногда съ согласія своего отечества, а иногда и противъ его воли. Въ моментъ восшествія на престолъ Нефорита, Спарта достигла апогея своего величія и только что объявила войну Персіи: Агезилай готовился къ походу во Фригію. Нефоритъ заключилъ оборонительный союзъ съ лакедемонянами и послалъ имъ флотъ, нагруженный оружіемъ, хлѣбомъ, боевыми запасами; флотъ этотъ былъ захваченъ аѳиняниномъ Кономомъ, командовавшимъ персидской эскадрой [1]). Отозваніе Агезилая и оставленіе Малой Азіи спартанцами охладили добрыя намѣренія египетскаго царя. Всѣ силы, которыя онъ, повидимому, намѣревался двинуть далеко впередъ, онъ сосредоточилъ на сирійской границѣ, вѣроятно ради того, чтобы успѣшнѣе отбить нападеніе, которое по его соображеніямъ было неминуемо [2]).

---

[1]) Діодоръ, XIV, 79. Трогъ Помпей (Юстинъ, VI, 2) относитъ событіе къ царствованію Гакори, котораго почему-то называетъ Герциніономъ.

[2]) Послѣдняя извѣстная намъ дата времени Нефорита I относится къ четвертому году его царствованія и найдена на находящейся въ Луврѣ повязкѣ одной муміи (Деверіа „Catalogue des manuscrits égyptiens“, стр. 207—208).

Нападеніе произошло однако не такъ скоро, какъ онъ этого ожидалъ. Съ отступленіемъ лакедемонянъ не прекратились военныя дѣйствія въ Малой Азіи: со времени попытки Кира, большинство туземныхъ народовъ,—мизійцы, писидійцы, жители Понта и Пафлагоніи, сбросили съ себя персидское иго и Артаксерксъ направилъ противъ нихъ свое войско, которое долженъ былъ пославъ въ Египетъ. Одинъ уже Кипръ надолго задержалъ его. Два народа раздѣлили между собой территорію этого острова: финикіяне и греки; но съ того времени, какъ ахеяне, въ союзѣ съ приморскими народами, побѣжденными Минефтой [1]), утвердились на немъ, вліяніе грековъ не переставало возрастать. Всѣ искатели приключеній, въ погонѣ за свободными землями, стекались къ этой границѣ восточнаго міра: здѣсь перебывали колонисты Киоkоса, іоняне Аттики, которымъ преданіе приписываетъ основаніе Эпейи, и аргивяне Куріона, и аркадійцы Агапенора, устранившіеся отъ осады Трои, чтобы основать Паѳосъ. Начиная съ седьмого столѣтія до Р. Х. преобладаніе эллинскаго элемента на Кипрѣ было такъ сильно, что ассиріяне называли весь островъ Іавана, т. е. страной іонянъ, а равнину Педіэосъ, вокругъ Саламина,—Іа, т. е. землей іонійской [2]). Изъ двѣнадцати царей, оспаривавшихъ Кипръ другъ у друга, по крайней мѣрѣ семеро носили греческія имена [3]). Позднѣе семитическій элементъ еще болѣе ослабѣлъ: финикіяне, оттѣсняемые медленно, но неуклонно, сосредоточились вокругъ Китіона и Амаѳонта. Какъ ни были они ослаблены, все-таки ихъ оставалось еще достаточно, чтобы не дать правителямъ городовъ Солъ (Σολοι) или Саламина соединить весь островъ въ одно государство и чтобы, не имѣя силъ распространить свое вліяніе за море, по крайней мѣрѣ охранять свободу населенія острова отъ притязаній государей сосѣдняго материка. Всѣ народы, которыхъ привлекали естественныя богатства этого острова, безъ малѣйшаго труда овладѣвали имъ: такъ, ассиріяне завоевали его въ царствованіе Саргона, халдеяне при Набукудуруссурѣ, египтяне

---

[1]) Я полагаю, что Акаиуши текста Минефты суть не что иное какъ ахеяне, колонизовавшіе Кипръ (Филостефаносъ, стр. 12, въ „Fragm. H. Gr.“, т. III, стр. 31: ὁ Κηφεύς ἐξ Ἀχαίας ὁ δέ Πράξανρος ἐκ Δακεδαιμονίας παρεγένοντο εἰς Κόπζον).

[2]) Фр. Ленорманъ, „Les Origines de l'Historie“, т. III, стр. 58, 86.

[3]) Др. Смитъ, „History of Assurbanipal“, стр. 32; Деличъ, „Wo lag das Paradies“, стр. 291—294.

при Амазисѣ, персы при Кирѣ и Камбизѣ. Эти послѣдовательныя порабощенія оставили глубокіе слѣды на нравахъ и въ особенности на искусствѣ обитателей острова въ различныя эпохи: кипрскіе памятники носили на себѣ отпечатокъ то египетскаго, то ассирійскаго стиля, въ болѣе или менѣе искаженномъ видѣ [1]). Но, если внѣшняя сторона цивилизація и измѣнялась часто въ подражаніе восточнымъ образцамъ, сущность ея однако все болѣе и болѣе становилась эллинской. У жителей Кипра ранѣе, чѣмъ у другихъ народовъ общаго съ ними происхожденія возникла письменность. Они приняли особую азбуку, вѣроятно, вскорѣ послѣ своего поселенія на островѣ и сохранили ее даже тогда, когда другіе греки стали уже употреблять кадмійскій алфавитъ. Очень возможно, что поэты, воспитанные при дворѣ своихъ государей, пользовались этой несовершенной системой, когда писали свои поэмы, слава которыхъ была настолько продолжительна, что къ нимъ впослѣдствіи по ошибкѣ былъ причисленъ цѣлый циклъ эпопей, извѣстныхъ подъ названіемъ Кипрскихъ пѣсенъ [2]). Одно довольно древнее преданіе называть даже Саламинъ родиной Гомера. Неудивительно поэтому, что жители Кипра съ самаго начала мидійскихъ войнъ стали на сторону іонянъ. Когда Саламинскій царь Оназилай заключилъ союзъ съ Милетомъ, примѣру его послѣдовали остальные кипрскіе правители, за исключеніемъ Амафонтскаго, который впродолженіе цѣлаго года оказывалъ сопротивленіе силамъ великаго царя [3]). Подавивъ возстаніе, Дарій еще тяжелѣе обрушился на греческое населеніе Кипра: онъ запретилъ ему заниматься торговлей, закрылъ Кипрскіе порты для кораблей, шедшихъ изъ Эллады, а въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напримѣръ въ Саламинѣ, замѣнилъ греческихъ тирановъ финикійскими правителями. Съ этихъ поръ великій царь сталъ опираться въ цѣляхъ упроченія своей власти на семитическій элементъ. Китіонъ, почти разоренный сосѣдствомъ съ Саламиномъ, снова сдѣлался тѣмъ, чѣмъ былъ прежде, т. е. главнымъ городомъ и главнымъ рынкомъ острова. Несмотря на появленіе отъ времени до времени аѳинскаго флота, болѣе ста лѣтъ прошло, прежде чѣмъ жители Кипра нашли возможность освободиться отъ персидскаго владычества.

[1]) Ср. Гёзей, „Catalogue des figurines antiques de terre cuite du Musée du Louvre“, стр. 126, и слѣд.

[2]) Демодамосъ, стр. 3 въ „Fragm. H. Graec.“, т. II, стр. 444.

[3]) Геродотъ, V, CIV CV, CVIII CXVII.

Освобожденіемъ своимъ они были обязаны Эвагору. Онъ происходилъ отъ древнихъ саламинскихъ царей; прогнавъ тирійца Абдемона, захватившаго его городъ, онъ овладѣлъ всѣмъ островомъ, за исключеніемъ Китіона и Амаѳонта. Здѣсь не мѣсто распространяться о томъ, какое участіе онъ принималъ вмѣстѣ съ аѳиняниномъ Кономомъ въ персидскихъ походахъ противъ спартанцевъ. Вскорѣ его честолюбіе и энергія стали не безъ основанія тревожить Артаксеркса: въ 391 г. онъ уже вступилъ въ открытую войну со своимъ верховнымъ повелителемъ. Будь онъ предоставленъ собственнымъ силамъ, борьба не могла бы долго продолжаться, но Греція и Египетъ были наготовѣ и не замедлили оказать ему помощь деньгами и оружіемъ. Нефориту наслѣдовалъ въ 393 г. Гакори, который, обезпечивъ безопасность своей западной границы договоромъ съ ливійцами Барки [1]), вошелъ въ соглашеніе съ Эвагоромъ и аѳинянами. Онъ прислалъ хлѣба, боевыхъ запасовъ, кораблей и денегъ [2]), а аѳиняне—нѣсколько тысячъ человѣкъ съ однимъ изъ лучшихъ полководцевъ во главѣ, Хабріемъ [3]). Персы, предводительствуемые Аутофрадатомъ, не только потерпѣли постыдное пораженіе [4]), но Эвагоръ овладѣлъ Китіономъ и Амаѳонтомъ, и, отважившись переплыть черезъ море, взялъ штурмомъ Тиръ и опустошилъ Финикію и Киликію [5]). Правители Малой Азіи тоже начали волноваться, и одинъ изъ нихъ, Гекатомнъ Карійскій, перешелъ на сторону союзниковъ [6]). Спарта, истощаемая войной, поспѣшила вступить въ переговоры съ персами и царь ея Анталкидъ заключилъ въ Сузѣ знаменитый въ исторіи Греціи миръ. Изъ Азіи посланъ былъ приказъ всѣмъ народамъ Эллады прекратить военныя дѣйствія и отнынѣ уважать свободу другъ друга (387). Никто не былъ въ состояніи противиться соединеннымъ силамъ спартанцевъ и персовъ, и всѣ повиновались. Лѣтъ за пятьдесятъ до того времени Аѳины, заключая миръ съ однимъ Артаксерксомъ, принудили его

[1]) Ѳеопомпъ, стр. 111 въ „Fragm. H. Gr.“, т. I, стр. 295—296; по Діодору Сицилійскому (XV, 2), союзъ Гакори съ Эвагоромъ нужно отнести къ Олимпіадѣ XCVIII, 3 (386).

[2]) Діодоръ, XV, 3.

[3]) Ксенофонтъ, „Hellenica“, V, 1, 10; Корн. Непотъ, „Chabrias“, II, ср. Реданцъ, „Vitae Iphicratis, Chabriae, Timothei, Atheniensium“, ст. 34—35.

[4]) Ѳеопомпъ, стр. 111 въ „Fragm. H. Gr.“, т. I, стр. 295.

[5]) Діодоръ Сицилійскій, XV, 2; Изократъ, „Evagoras“, 62 и „Paneg.“, § 160.

[6]) Діодоръ Сицилійскій, XV, 2.

признать независимость азіатскихъ грековъ; теперь Спарта, заключая миръ съ другимъ Артаксерксомъ, снова отдавала ихъ ему во власть; этимъ великому царю предоставлена была полная возможность направить всѣ свои силы противъ мятежниковъ, и первой жертвой его сталъ Эвагоръ. Кипръ дѣйствительно былъ какъ бы естественнымъ оплотомъ Египта: кому удавалось занять его, тотъ господствовалъ надъ моремъ и могъ воспрепятствовать движенію арміи, которая вздумала бы направиться изъ Палестины къ Дельтѣ. Артаксерксъ снарядилъ триста триремъ и сухопутную армію въ триста тысячъ человѣкъ подъ предводительствомъ Тирибаза и отправилъ ихъ противъ острова, но кипрскіе пираты перехватили ихъ припасы и довели посланныя войска до такого бѣдственнаго состоянія, что солдаты взбунтовались. Въ концѣ концовъ, Эвагоръ былъ все-таки разбитъ на морѣ при Китіонѣ и эскадра его была истреблена. Однако, онъ не потерялъ энергіи: предоставивъ своему сыну Пнитагору самому искать выхода изъ затруднительнаго положенія, онъ отправился въ Египетъ просить помощи у фараона (385). Но Гакори приходилось заботиться о собственной безопасности, и онъ не могъ отпустить въ дальній походъ своихъ лучшихъ силъ; поэтому помощь его Эвагору ограничилась только назначеніемъ незначительной субсидіи. Оставшись всего при трехъ тысячахъ воиновъ, онъ заперся въ Саламинѣ и продержался тамъ много лѣтъ [1]). Измѣна одного изъ персидскихъ полководцевъ Гаоса, зятя Тирибаза, возвратила ему было одно время надежду, Гаосъ вступилъ въ союзъ съ Гакори и сталъ просить помощи у лакедемонянъ, но погибъ, не успѣвъ ничего сдѣлать, и Эвагоръ снова остался одинъ, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ. Въ то время какъ полководцы великаго царя усердно блокировали Эвагора, Артаксерксъ самъ чуть было не погибъ въ неудачномъ походѣ противъ кадузійцевъ. Онъ былъ храбрымъ солдатомъ, но плохимъ полководцемъ, и армія, которою онъ предводительствовалъ и которой приходилось голодать во время перехода черезъ горы и страдать отъ неуловимаго непріятеля, была бы истреблена, если бы не находчивость Тирибаза, который убѣдилъ варваровъ просить мира какъ разъ въ то время, когда они были близки къ побѣдѣ [2]).

Тотчасъ же послѣ пораженія Эвагора, Гакори, знавшій, что

[1]) Діодоръ Сицилійскій, XV, 4—8.

[2]) Плутархъ, „Artoxerxes", 24; Корн. Непотъ, „Datames", I.

покореніе Кипра было лишь вопросомъ времени, сталъ заботиться о томъ, чтобы произвести диверсію въ Малую Азію. Онъ заключилъ союзъ съ писидійцами, которые въ то время открыто возстали, что, впрочемъ, принесло ему мало пользы [1]). Помощь Греціи была гораздо существеннѣе. Анталкидовъ миръ оставилъ тамъ безъ дѣла множество наемниковъ, и Гакори очень скоро набралъ изъ нихъ двадцатитысячное войско [2]). Персы, все еще занятые на Кипрѣ, не могли воспрепятствовать прибытію этихъ подкрѣпленій. Это было счастьемъ для Египта, потому что въ 383 г. умеръ Гакори и, послѣ непродолжительнаго царствованія двухъ его преемниковъ Псемута и Нефорита II [3]), вся страна впродолженіи двухъ лѣтъ (383 — 382) была занята рѣшеніемъ вопроса о престолонаслѣдіи. Непокорность крупныхъ вассаловъ, бывшая причиной паденія саиской династіи, оказалась не менѣе пагубной и для мендесской династіи: на престолъ былъ возведенъ солдатами правитель Себеннатеса Нехтариби (Нектанебо I). По преданію, относящемуся къ эпохѣ Птоломеидовъ, онъ былъ будто бы сыномъ Нефорита I, устраненнымъ отъ царствованія завистью боговъ [4]). Каково бы ни было его происхожденіе, Египту не пришлось раскаяться въ призваніи его на царство. Продолжать выдачу вспомоществованія, которое назначилъ Эвагору Гакори, значило бы даромъ бросать деньги, и Нахтариби отказался посылать ихъ, сдѣлавъ такимъ образомъ неизбѣжнымъ паденіе силаминскаго тирана [5]). Послѣдній, покинутый всѣми и

[1]) Θеопомпъ, отрывокъ 111 въ „Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 296.

[2]) Діодоръ, XV, 29.

[3]) Видеманъ („Geschichte Aegyptens von Psametich, I", стр. 262 и слѣд.) счелъ возможнымъ измѣнить порядокъ слѣдованія другъ за другомъ правителей этой 29-й династіи на основаніи демотической рапсодіи, открытой Э. Ревиллью, но уже одного открытія текста Псемута („Recueil", т. VI, стр. 20), гдѣ правитель этотъ говоритъ о Гакори, достаточно, чтобы доказать, что Манеѳонъ былъ въ этомъ отношеніи такъ же хорошо освѣдомленъ, какъ и всегда.

[4]) Э. Ревиллью, „Second extrait de la Chronique démotique de Paris", въ „Revue égyptologique", т. II, стр. 55.

[5]) Мнѣ, по крайней мѣрѣ, это кажется самымъ лучшимъ истолкованіемъ отрывка Θеопомпа (отрыв. 111 въ „Fragm H. Graec.", т. I, стр. 295): καὶ ὡς Νεκτανίβιος παρειληφότος τὴν Αἰγύπτου βασιλείαν, πρὸς Λακεδαιμονίους ἀπέστειλεν Εὐαγόρας, τίνα τε τρόπον ὁ περὶ Κύπρον πόλεμος διελύθη. Эвагоръ не обратился бы къ лакедемонянамъ и не сдался бы вслѣдъ затѣмъ, если бы перемѣна, происшедшая въ то время на египетскомъ престолѣ, не оказалась для него неблагопріятной.

утомленный шестилѣтнимъ сопротивленіемъ, согласился сдаться, но не раньше, какъ ему удалось добиться самыхъ выгодныхъ условій. Артаксерксъ не только принужденъ былъ простить ему его возмущеніе, но и обязался оставить ему прежній санъ и свободу управленія взамѣнъ ежегодной дани (380). Нехтарибн, оставшись одинъ лицомъ къ лицу съ великимъ царемъ, удвоилъ свою дѣятельность. Событія послѣднихъ лѣтъ обнаружили въ аѳинянинѣ Хабріи талантливаго полководца и Нехтарибн пригласилъ его организовать ему армію. Хабрій согласился, хотя и не былъ уполномоченъ на это своимъ правительствомъ [1]), и преобразилъ Дельту въ настоящій укрѣпленный лагерь. Онъ снабдилъ военными постами наиболѣе доступные пункты побережья, построилъ при устьяхъ всѣхъ рукавовъ рѣки по двѣ башни, защищавшія входъ въ рукава рѣки, вооружилъ ливійскую и азіатскую границы и такъ удачно выбралъ мѣсто для своихъ крѣпостей, что многія изъ нихъ получили его имя, которое носили еще во времена Августа: такъ, одна крѣпость впереди Пелузія называлась Замкомъ [2]), а другая, недалеко отъ озера Мареотисъ, мѣстечкомъ Хабрія [3]). Персы старались соразмѣрять свои наступательныя силы съ оборонительными силами непріятеля. Ако, находившійся на южномъ берегу Сиріи, былъ единственнымъ портомъ, достаточно большимъ, чтобы вмѣщать въ себѣ персидскій флотъ, и достаточно безопаснымъ, чтобы защищать его отъ бурь и нападеній. Фарнабазъ устроилъ въ немъ свою главную квартиру и сдѣлалъ его исходнымъ пунктомъ своихъ военныхъ дѣйствій [4]). Впродолженіи трехъ лѣтъ [5]) туда свозились продовольственные и боевые запасы, стекались сухопутныя и морскія войска, финикійскіе и греческіе корабли. Соперничество между персидскими вождями, Тиораустомъ, Датамомъ и Аброкомасомъ, и придворныя интриги нѣсколько разъ едва не погубили всего предпріятія; но Фарнабазу постоянно удавалось устранять своихъ соперниковъ, и въ началѣ 373 г. экспедиція была готова совершенно къ выступленію [6]). Она состояла изъ двухсотъ тысячъ солдатъ и двадцати тысячъ наемниковъ, трехсотъ триремъ,

1) Діодоръ, XV, 29; корн. Непотъ, „Chabrias“, 2.
2) Страбонъ, XVI, II, 33: ὁ Χαβρίου λεγόμενος Χάραξ.
3) Страбонъ, XVII, I, 22: ἡ Χαβρίου κώμη λεγομένη.
4) Діодоръ, XV, 41; Корн. Непотъ, „Datames“, 5; ср. Страбонъ, XVII, II, 25.
5) Изократъ, „Paneg.“, § 161.
6) Корн. Непотъ, „Datames“, 5.

двухсотъ тридцати весельныхъ галеръ и множества грузовыхъ кораблей [1]). Въ послѣднюю минуту Египетъ лишился своего лучшаго полководца. Артаксерксъ потребовалъ у Аѳинъ отвѣта, по какому праву они позволили Хабрію служить противъ него въ египетскихъ рядахъ, и воспользовался случаемъ попросить своихъ друзей аѳинянъ, чтобы они уступили ему на время своего полководца Ификрата. Аѳиняне вытребовали Хабрія домой, а Ификрата отправили въ Сирію, гдѣ онъ получилъ командованіе греческими вспомогательными войсками [2]). Подкрѣпленная такимъ образомъ армія выступила въ походъ въ маѣ 373 г. [3]). Подойдя къ Пелузію, Фарнабазъ увидалъ, что взять его представлялось мало надежды: не только укрѣпленія были усилены, но, въ довершеніе всего, жители засыпали каналы и затопили входы въ крѣпость. Ификратъ посовѣтовалъ персамъ прибѣгнуть къ неожиданнымъ для египтянъ дѣйствіямъ: три тысячи человѣкъ были тайно отправленны ко входу въ Мендезійскій рукавъ и напали на укрѣпленія, защищавшія входъ въ него. Гарнизонъ былъ такъ неостороженъ, что вышелъ навстрѣчу непріятелю; онъ былъ разбитъ и побѣдители, преслѣдуя побѣжденныхъ, вмѣстѣ съ ними проникли въ фортъ. Брешь была пробита, и персы, быстро ворвавшись, могли бы завладѣть внутренней крѣпостью, но изъ-за раздоровъ между собой полководцы упустили удобный случай. Ификратъ, допросивъ плѣнниковъ, узналъ, что Мемфисъ оставался совсѣмъ безъ войскъ, и посовѣтовалъ Фарнабазу поспѣшно подняться вверхъ по Нилу и завладѣть столицей, прежде чѣмъ Нехтарибн пошлетъ туда подкрѣпленія. Фарнабазъ нашелъ планъ этотъ рискованнымъ, и предпочелъ дожидаться, пока вся армія присоединится къ нему. Тогда Ификратъ предложилъ для этого предпріятія своихъ собственныхъ солдатъ, но его заподозрили въ тайныхъ умыслахъ относительно Египта и отказали ему въ разрѣшеніи выступить въ походъ. Эти проволочки дали возможность противникамъ опомниться отъ неожиданности. Нехтарибн перешелъ въ наступленіе, напалъ на персидскій лагерь и одержалъ

1) Діодоръ, XV, 41.
2) Корн. Непотъ, „Chabrias“, 3; „Iphicrates“, 2; Діодоръ, XV, 29.
3) Какъ совершенно вѣрно замѣтилъ Кенрикъ въ „Ancient Egypt under de Pharaons“, т. II, стр. 421, „персидскіе и аѳинскіе полководцы совершили ошибку подобную той, которая привела къ пораженію Людовика Святого и взятію его арміи въ 1249 г., и которой Бонапартъ съумѣлъ избѣжать въ свою кампанію 1798 г.“.

побѣду въ нѣсколькихъ схваткахъ. Тѣмъ временемъ наступило лѣто, Нилъ сталъ быстро выходить изъ береговъ, и вскорѣ наводненіе покрыло землю. Ификратъ и Фарнабазъ принуждены были отступить и вернулись въ Сирію. Ификратъ, которому наскучили раздоры его азіатскихъ товарищей, тайкомъ бѣжалъ въ Грецію, а остатки его арміи и флота тоже удалились вскорѣ послѣ его отъѣзда. Завоеваніе Египта было отсрочено на четверть столѣтія [1]).

Эта неудача ничуть не поколебала вліянія великаго царя на Грецію, которымъ онъ пользовался со времени заключенія мира 387 года, Спарта, Аѳины и Ѳивы еще съ большимъ ожесточеніемъ стали добиваться другъ передъ другомъ союза съ нимъ. Въ 372 г. Анталкидъ опять явился въ Сузу просить новаго вмѣшательства, и въ 367 г. Пелопидъ и Исменій получили царское предписаніе не нарушать мира въ Греціи. Послѣ этого Аѳины отправили въ Персію пословъ, которые выхлопотали имъ субсидію. Казалось, что великій царь сдѣлался для эллинскихъ государствъ какъ бы высшимъ третейскимъ судьей, къ которому всѣ обращались за рѣшеніемъ своихъ дѣлъ. Но судья этотъ, сумѣвшій заставить уважать свою волю внѣ предѣловъ своего государства,—у себя дома не былъ такимъ полновластнымъ господиномъ. Мягкій, благодушный, болѣе склонный прощать, чѣмъ карать, Артаксерксъ не обладалъ достаточной энергіей, чтобы сдерживать честолюбіе правителей отдѣльныхъ провинцій. Аріобарзанъ фригійскій первый подалъ сигналъ къ отпаденію; вслѣдъ затѣмъ возстали одинъ за другимъ Асписъ Каппадокскій и Датамъ и цѣлые годы успѣшно сопротивлялись своему государю. Когда же, наконецъ, благодаря измѣнѣ, ему удалось справиться съ ними, — всѣ сатрапы западныхъ провинцій, отъ границъ Египта до Геллеспонта, заключили наступательный и оборонительный союзъ, и монархія навѣрное рушилась бы, если бы дарики еще разъ не явились на помощь. Египетъ, находившійся вѣчно насторожѣ, воспользовался этимъ возстаніемъ, чтобы проявить свою ненависть къ Персіи и лучше обезпечить свою безопасность. Нехтариби умеръ въ 364 г., и ему наслѣдовалъ Тахо [2]).

---

[1]) Разсказъ объ этой войнѣ у Діодора Сицилійскаго XI, 41 - 43.

[2]) Демотическая рапсодія (Э. Ревиллью, „Second Extrait de la Chronique démotique de Paris“ въ „Revue egyptologique“, т. II, стр. 4, 58 –59) отводитъ Нехтариби, какъ и Манеѳонъ, девять лѣтъ царствованія; довольно темныя выраженія ея даютъ поводъ предполагать, что Тахо былъ сыномъ своего предшественника.

Тахо, не колеблясь, рѣшилъ вступить въ переговоры съ бунтовщиками, и они прислали къ нему Реомитра для обсужденія условій союза. Нехтариби оставилъ многочисленный флотъ и богатую казну: Тахо довѣрилъ послу пятьсотъ талантовъ серебра и пятьдесятъ судовъ, съ которыми этотъ послѣдній и отплылъ къ Левкамъ (Leuce') на берегу Малой Азіи. Соучастники ожидали его возвращенія, радуясь успѣху его миссіи; но онъ не вѣрилъ въ благопріятный исходъ начатой борьбы и искалъ только случая войти въ милость. Высадившись на берегъ, онъ тотчасъ же велѣлъ схватить своихъ прежнихъ союзниковъ и, согласившись съ Оронтомъ, отправилъ ихъ въ цѣпяхъ въ Сузу [1]). Такимъ образомъ, Тахо самъ посодѣйствовалъ наполненію сундуковъ и пополненію флота великаго царя; но, несмотря на эту неудачу, его положеніе было такъ блестяще, а положеніе персовъ такъ плачевно, что онъ рѣшился перейти въ наступленіе и вторгнуться въ Сирію. Въ этомъ намѣреніи поддержалъ его Хабрій, котораго превратности жизни снова привели въ Египетъ [2]). У Тахо не хватало денегъ на расходы для продолжительнаго похода въ чужеземную страну, и Хабрій научилъ его, какъ добыть ихъ: Египетское духовенство было богато; грекъ доказалъ царю, что суммы, издерживаемыя ежегодно на жертвоприношенія и содержаніе храмовъ, получили бы лучшее назначеніе, если бы были обращены на нужды государства; онъ посовѣтовалъ ему упразднить большую часть жреческихъ коллегій. Жрецы попытались откупиться тѣмъ, что отдали царю свое личное имущество. Царь милостиво принялъ ихъ жертвованіе и затѣмъ объявилъ, что впредь, до окончанія похода противъ персовъ, будетъ взимать съ нихъ девять десятыхъ всѣхъ священныхъ доходовъ. Этого налога было бы достаточно, если бы возможно было собирать его полностью; но жрецы нашли, повидимому, средство уклониться отъ него, по крайней мѣрѣ отчасти, такъ какъ царю приходилось прибѣгать и къ другимъ источникамъ. Хабрій посовѣтовалъ увеличить подушную подать и налогъ на дома, обложить сборомъ въ одинъ оболъ каждый ардебъ продаваемаго зерна и взимать десятину съ навигаціи, фабрикъ и ремеслъ. Средства вскорѣ были собраны, но тутъ явилось новое затрудненіе, которое онъ разрѣшилъ съ,

---

[1]) Діодоръ, XI, 90, 92.

[2]) Корн. Непотъ, Chabrias, 2; ср. Поліенъ, Strat., III, 11, 7; III, 11, 12 и т. д., гдѣ разсказывается нѣсколько эпизодовъ изъ приготовленій къ этой компаніи.

неменьшей рѣшимостью. Въ Египтѣ было мало звонкой монеты: населеніе придерживалось въ обыденныхъ сдѣлкахъ системы обмѣна. Между тѣмъ, греческіе наемники не желали получать плату натурой или нечеканнымъ металломъ: они проливали кровь и требовали, чтобы имъ платили за это звонкой монетой. Туземцамъ былъ отданъ приказъ внести въ казну все свое наличное золото и серебро въ обработанномъ и необработанномъ видѣ, съ тѣмъ что уплата имъ этого займа будетъ произведена правителями номовъ постепенно, изъ доходовъ съ поступающихъ налоговъ [1]). Мѣра эта хотя и сдѣлала Тахо непопулярнымъ, но за то дала ему возможность набрать войско въ восемьдесятъ тысячъ туземцевъ и десять тысячъ грековъ, снарядить флотъ въ двѣсти кораблей [2]) и нанять лучшихъ полководцевъ того времени. Но его чрезмѣрное рвеніе повредило дѣлу. Не довольствуясь Хабріемъ и союзомъ съ аѳинянами, онъ вздумалъ еще заручиться содѣйствіемъ Агезилая и союзомъ со Спартой. Агезилай, несмотря на свои восемьдесятъ лѣтъ и свою дряхлость, все еще не утратилъ корыстолюбія и честолюбія: его соблазнило обѣщаніе, что ему будетъ дана власть главнокомандующаго, и онъ отправился въ Египетъ съ тысячью гоплитовъ [3]). На первыхъ же порахъ его ожидало разочарованіе: Тахо поручилъ ему командованіе наемниками, но оставилъ за собой главное руководительство войной, а флотъ отдалъ въ распоряженіе Хабрія [4]). Престарѣлый герой, обнаружившій свое неудовольствіе усиленной суровостью спартанскаго обращенія, успокоился, получивъ подарки, и согласился принять предложенный ему постъ [5]). Но вскорѣ между нимъ и его союзниками возникли болѣе серьезныя несогласія. Онъ хотѣлъ, чтобъ Тахо оставался въ Египтѣ и предоставилъ своимъ полководцамъ веденіе военныхъ дѣйствій. Легкость, съ которою начальники наемныхъ отрядовъ переходили, смотря по обстоятельствамъ, изъ одного лагеря въ другой, не могла внушать египетскому царю большого довѣрія: онъ отказался отъ этого предложенія, и, назначивъ регентомъ своего зятя, носившаго тоже имя Тахо, самъ отправился на войну. Персы не были на столько многочисленны,

[1]) Псевдо-Аристотель, „Economiques", II.
[2]) Діодоръ Сицилійскій, XV, 92.
[3]) Ксенофонтъ, „Eloge d'Agésilas", II, 28.
[4]) Діодоръ, XV, 92.
[5]) Ср. Ѳеопомпъ, стр. 23 въ „Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 281; Корн. Непотъ, „Agésilas", 8; Плутархъ, „Agésilas", 38.

чтобъ отважиться вести войну въ открытомъ полѣ; поэтому Тахо поручилъ своему родственнику Нехтонибуфу (Нектанебо II), сыну регента, осадить ихъ въ крѣпостяхъ. Война затягивалась; въ туземныхъ войскахъ возникло недовольство; къ этому прибавилась еще и измѣна. Финансовая политика Тахо раздражала противъ него жрецовъ и народъ, и жалобы, сдерживаемыя лишь страхомъ передъ наемниками, стали громко раздаваться, едва только отправившіяся въ походъ иноземныя войска переступили черезъ границу. Регентъ, вмѣсто того, чтобъ успокоить недовольныхъ, исподволь подливалъ масла въ огонь и послалъ своему сыну увѣдомленіе о случившемся, совѣтуя ему добиваться короны. Хотя Нектанебо очень скоро склонилъ на свою сторону египтянъ, которыми командовалъ, этого было мало, и необходимо было содѣйствіе грековъ. Хабрій отказался нарушить обязательства, принятыя имъ относительно царя, но Агезилай не оказался настолько совѣстливымъ. Тщеславіе его сильно страдало со времени прибытія въ Египетъ: сперва ему отказали въ постѣ, на который онъ считалъ себя въ правѣ, а затѣмъ его маленькій ростъ, дряхлость и лакедемонская неотесанность сдѣлали его посмѣшищемъ придворныхъ. Тахо находилъ, что личность его ни мало не соотвѣтствуетъ его славѣ, и примѣнилъ къ нему, говорятъ, пословицу о горѣ, родившей мышь; на что Агезилай отвѣтилъ: „Пусть только представится случай, и я ему докажу, что я левъ!" [1]). Когда Тахо попросилъ его пойти противъ мятежниковъ, онъ иронически возразилъ, что его послали помогать египтянамъ, а не сражаться съ ними. Но, прежде чѣмъ онъ рѣшился, на чью сторону ему стать, онъ посовѣтовался съ эфорами. Послѣдніе предоставили ему поступить по своему усмотрѣнію, лишь бы это было въ интересахъ отечества. Тогда онъ высказался за Нектанебо, несмотря на настояніе Хабрія. Тахо, покинутый даже своими союзниками, бѣжалъ въ Сидонъ, а оттуда къ Артаксерксу, который принялъ его милостиво и поставилъ его во главѣ новаго похода противъ Египта (361) [2]).

Распространившійся въ долинѣ Нила слухъ о паденіи Тахо поднялъ тамъ всеобщее возстаніе. Вмѣшательство иностранцевъ воз-

[1]) Ликій Наукратисскій, стр. 3 въ Fragm., H. Gr., т. IV, стр. 441.
[2]) Ксенофонтъ, „Eloge d'Agesilas", II, 30; Діодоръ Сицилійскій, XV, 92. Ликій Наукратисскій передаетъ довольно пустой анекдотъ объ отношеніяхъ Тахо и Оха („Fragm. H. Groec.", т. II, стр. 466, прим.).

буждало въ туземцахъ недовѣріе, и они провозгласили царемъ правителя мендесскаго. Нектанебо оставилъ завоевательныя намѣренія своего предшественника и вернулся съ войскомъ въ Египетъ. Дойдя до Пелузія, онъ очутился лицомъ къ лицу съ недисциплинированною, но многочисленною и рѣшительною арміей. Агезилай посовѣтовалъ ему сразу произвести нападеніе, чтобъ не дать мятежникамъ времени пріучиться къ войнѣ; но, къ сожалѣнію, кредитъ его при дворѣ палъ. Правитель Мендеса сдѣлалъ было попытку подкупить его, и хотя спартанецъ на этотъ разъ обнаружилъ неожиданную честность, ему уже не довѣряли. Нектанебо устроилъ свою главную квартиру въ Танисѣ, и противникъ его надѣялся запереть его тамъ. Извѣстно, какъ ловко египтяне владѣли киркою и съ какою быстротою они возводили самыя сложныя укрѣпленія: городъ былъ уже почти весь окруженъ траншеями, и сталъ ощущаться недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, когда Агезилай получилъ разрѣшеніе попытаться сдѣлать вылазку. Подъ покровомъ ночи онъ пробилъ блокаду и нѣсколько дней спустя одержалъ рѣшительную побѣду (360). Нектанебо охотно удержалъ бы его при себѣ, потому что опасался движенія со стороны персовъ, но спартанецъ, пресыщенный Египтомъ и его интригами, покинулъ его, не обезпечивъ окончательнаго успѣха, и умеръ отъ истощенія силъ на побережьи Киренаики. Аттака, которой ожидалъ фараонъ, началась вскорѣ, но была слаба и нерѣшительна. Тахо, который долженъ былъ руководить ею, умеръ прежде, чѣмъ началась [1]), а несогласія въ царской семьѣ помѣшали другимъ полководцамъ успѣшно вести ее. У старика Артаксеркса было три сына отъ его жены Статиры: Дарій, Аріаспъ и Охъ. Старшій изъ нихъ, Дарій, былъ торжественно признанъ наслѣдникомъ престола, но, боясь чтобы Охъ не занялъ его мѣста, онъ составилъ заговоръ противъ жизни отца, былъ уличенъ, заключенъ въ тюрьму и казненъ. Наслѣдникомъ сдѣлался Аріаспъ, но Охъ убѣдилъ его, что отецъ готовитъ ему позорную казнь, и это заставило его лишить себя жизни, во избѣжаніе смерти отъ руки палача. Оставался еще одинъ незаконный сынъ, Арземесъ, рожденный отъ одной изъ женщинъ гарема и имѣвшій право на престолъ; Охъ убилъ и его. Артаксерксъ не

[1]) По Эліену (Var. hist., V, 1), который, вѣроятно, основывается на авторитетѣ Дидона, Тахо умеръ отъ диссентеріи, вслѣдствіе излишествъ въ пищѣ

перенесъ этого послѣдняго удара и умеръ отъ горя послѣ пятидесяти шести-лѣтняго царствованія (362).

Артаксерксъ III Охъ (359 — 338); завоеваніе Египта. — Послѣдніе Ахемениды. — Дарій III и Александръ Македонскій: паденіе персидской монархіи.

Артаксерксъ III Охъ началъ свое царствованіе рядомъ убійствъ: онъ умертвилъ всѣхъ принцевъ царствующаго дома [1]) и, освободившись отъ претендентовъ, имѣвшихъ права на корону, возобновилъ приготовленія къ войнѣ, пріостановленныя смертью его отца и его собственнымъ восшествіемъ на престолъ. Никогда еще необходимость возстановить персидское господство на берегахъ Нила не была такъ настоятельна. Впродолженіе почти шестидесяти лѣтъ съ того момента, какъ Египетъ возвратилъ себѣ независимость, послѣдній не переставалъ причинять великому царю жесточайшія затрудненія. Вначалѣ большинство современниковъ, какъ эллины, такъ и варвары, полагали, что народное движеніе Амиртея было только временнымъ возстаніемъ, которому предстояло быть скоро подавленнымъ. Но когда оказалось, что туземныя династіи продолжаютъ держаться въ Египтѣ и успѣшно бороться, несмотря на громадный перевѣсъ непріятельскихъ силъ; когда не только храбрѣйшія войска Азіи, но и лучшіе полководцы Греціи одинъ за другимъ потерпѣли постыдныя пораженія при нападеніяхъ на Дельту,—тогда сирійскіе народы стали задумываться и надъ своей судьбой и задавать себѣ вопросъ, не можетъ ли то, что оказалось возможнымъ въ Африкѣ, совершиться и въ Азіи, и съ личнымъ интересомъ начали слѣдить за ходомъ событій [2]). Какъ только какой-нибудь сатрапъ или вассальный правитель замышлялъ возмущеніе онъ тотчасъ же обращался къ Египту, какъ къ естественному союзнику, и въ какихъ бы затруднительныхъ обстоятельствахъ фараонъ въ то время ни находился, у него всегда оказывались и деньги, и военные запасы, и корабли, и воины для всякаго, кто оказывалъ ему услугу, выступая противъ персидскаго царя. Первое нападеніе Оха было отбито съ боль-

[1]) По Юстину, X, 3, даже принцессы не избѣгли общей рѣзни.

[2]) Такъ Изократъ (Phil., § 118, 160), послѣ пораженія Оха, признавалъ какъ несомнѣнный фактъ, что великій царь безсиленъ предпринять что-нибудь противъ свободы Египта.

шимъ урономъ для него: два наемныхъ полководца, командовавшіе войсками Нектанебо, Діофантъ аѳинскій и Ламій спартанскій, нанесли жестокое пораженіе врагу и принудили къ поспѣшному отступленію [1]). Результатъ этой неудачи былъ тѣмъ плачевнѣе, что на этотъ разъ непріятелемъ было затрачено много силъ на нападеніе: во главѣ пораженныхъ войскъ стоялъ самъ великій царь, а не кто-нибудь изъ его полководцевъ. Расположенныя на побережьѣ Средиземнаго моря провинціи, не перестававшія волноваться со времени похода Тахо и возмущенія Эвагора, воспользовались такимъ, повидимому, благопріятнымъ случаемъ; Артабазъ поднялъ возстаніе въ Малой Азіи, а девять кипрскихъ царьковъ объявили себя независимыми [2]). Финикія еще колебалась, но наглость управлявшаго ею сатрапа, жадность возвратившихся изъ Египта полководцевъ и разнузданность ихъ солдатъ заставили ее рѣшиться. На общемъ собраніи въ Триполи представители финикійскихъ городовъ предоставили сидонскому правителю Теннесу опасную честь руководить военными дѣйствіями, и первымъ его дѣломъ было уничтоженіе персидскаго царскаго парка въ Ливанѣ и сожженіе провіанта, заготовленнаго въ финикійскихъ портахъ для войны съ Египтомъ. Охъ думалъ сначала, что его полководцы быстро справятся съ этими волненіями; и дѣйствительно, карійскій тираннъ Идріей безъ труда покончилъ съ кипрскими инсургентами при помощи восьми тысячъ наемниковъ подъ командой аѳинянина Фокіона [3]); но въ Малой Азіи Артабазъ, поддерживаемый Аѳинами и Ѳивами [4]), устоялъ противъ посланныхъ на него войскъ, а въ Сиріи Теннесъ одержалъ полную побѣду. Конечно, ему пришлось при этомъ обратиться за помощью къ Нектанебо, и тотъ далъ ему четыре тысячи грековъ и своего лучшаго полководца, Ментора Родосскаго; благодаря этому Белизій, сатрапъ сирійскій, и Мазей, сатрапъ сицилійскій, были разбиты. Охъ, раздраженный всѣми этими неудачами, сдѣлалъ послѣдніе усиліе, онъ объявилъ всеобщее ополченіе и собралъ триста тридцать тысячъ азіатскихъ и десять тысячъ эллинскихъ воиновъ. Съ своей стороны, сидоняне окружили свой городъ

[1]) Діодоръ Сицилійскій, XVI, 48, § 1—2, не даетъ, къ сожалѣнію, никакихъ подробностей о ходѣ событій.
[2]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 42, § 3—5.
[3]) Діодоръ, кн. XVI, 42, § 6, 46.
[4]) Діодоръ, кн. XVI, 22, 34, § 2.

тройнымъ рвомъ, подняли высоту стѣнъ и сожгли свои корабли [1]). Къ сожалѣнію, правитель ихъ не обладалъ достаточной энергіей. До возстанія финикіянъ Теннесъ жилъ только ради удовольствій: окруженный пѣвицами и танцовщицами, которыхъ съ большими издержками выписывалъ изъ Іоніи и Греціи, онъ полагалъ все свое честолюбіе въ томъ, чтобы превзойти роскошью и великолѣпіемъ кипрскихъ правителей, и преимущественно Никоклеса саламинскаго, сына Эвагора [2]). Приближеніе Оха лишило его послѣднихъ остатковъ мужества, и онъ попытался измѣной относительно своихъ подданныхъ загладить измѣну, въ которой провинился передъ своимъ государемъ. У него былъ министромъ и повѣреннымъ нѣкій Ѳессаліонъ; онъ послалъ его въ персидскій станъ, предлагая царю сдать Сидонъ и взять на себя роль проводника въ Египетъ, подъ условіемъ, дарованія ему жизни и оставленія его въ прежнемъ санѣ. Охъ уже принялъ было условія своего мятежнаго вассала, когда минутная вспышка гордости чуть не испортила всего дѣла. Ѳессаліонъ потребовалъ, чтобы царь поручился своей правой рукой въ томъ, что честно выполнитъ условія договора. Раздраженный этимъ требованіемъ, Охъ хотѣлъ обезглавить дерзкаго посла и уже велѣлъ вести его на казнь. Когда же Ѳессаліонъ закричалъ при этомъ, что царь воленъ конечно, поступать, какъ ему угодно, но, что, не заручившись поддержкой Теннеса, онъ рискуетъ потерпѣть неудачу съ Финикіей и Египтомъ, Охъ далъ требуемую гарантію, послѣ чего Теннесъ принялъ свои мѣры для выполненія обязательства. Когда персы были уже въ разстояніи нѣсколькихъ дней пути, онъ созвалъ финикіянъ подъ предлогомъ общаго собранія и отвелъ сто главныхъ гражданъ во вражескій станъ, гдѣ они были перебиты дротиками. Покинутые своимъ царемъ, сидоняне хотѣли все-таки сопротивляться, но Менторъ объявилъ имъ, что его наемники по первому знаку введутъ въ городъ непріятеля. Тогда они рѣшились просить милости у побѣдителя, и пятьсотъ человѣкъ отправились въ качествѣ просителей, съ масличными вѣтвями въ рукахъ. Охъ былъ жесточайшимъ изъ государей, когда-либо царствовавшихъ въ Персіи и, единственнымъ быть можетъ, дѣйствительно кровожаднымъ по натурѣ [3]): онъ обошелся съ этими по-

[1]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 44, § 5—6.
[2]) Ѳеопомпъ, стр. 126 въ „Fragm. H. Graec.", т. I, стр. 299; здѣсь сидонскій царь названъ Стратономъ.
[3]) Плутархъ, *Жизнь Артаксеркса,* послѣдняя глава.

слами не лучше, чѣмъ поступалъ со всякими иными. Остальные жители, понимая, что имъ оставалось только умереть, заперлись въ своихъ домахъ и подожгли ихъ; въ этомъ пожарѣ погибло сорокъ тысячъ человѣкъ. Роскошь въ финикійскихъ жилищахъ была такъ велика, что право вырывать изъ-подъ оставшихся послѣ пожара развалинъ, слитки золота и серебра продавались за большія деньги. Послѣ истребленія города очередь дошла и до Теннеса: онъ былъ преданъ въ руки палача, а другіе финикійскіе города, испуганные участью Сидона, безъ боя открыли свои ворота [1]).

Покончивъ съ сирійскими дѣлами, Охъ тотчасъ же пошелъ на Египетъ. Его побѣды склонили къ покорности остальныя еще колебавшіяся провинціи: „Какой городъ, какой народъ, изъ живущихъ въ Азіи: не отправляли къ нему своихъ посольствъ? Какихъ только даровъ ни присылали ему — кто естественными продуктами почвы, кто рѣдкими и драгоцѣнными произведеніями искусства? Не получалъ ли онъ множества ковровъ и матерій, то окрашенныхъ въ пурпуръ, то разноцвѣтныхъ, то бѣлыхъ?— множества золоченыхъ палатокъ со всей обстановкой, и громаднаго количества бѣлья, и пышныхъ постелей, а также чеканнаго серебра и издѣлій изъ золота, кубковъ и чашъ, то украшенныхъ драгоцѣнными камнями, то необыкновенно цѣнныхъ, благодаря тонкости и великолѣпію своей отдѣлки? Далѣе шло несмѣтное количество греческаго и варварскаго оружія, громадныя стада скота, какъ дойнаго, такъ и предназначеннаго для жертвоприношеній, множество консервовъ, тюки и мѣшки съ пергаментомъ, книгами и всякими другими полезными предметами. Количество присланнаго отовсюду соленаго мяса было такъ велико, что издали кучи его можно было принять за возвышавшіеся другъ противъ друга холмы и курганы“ [2]). Персидская армія раздѣлена была на три отряда, каждый подъ предводительствомъ одного грека и одного варвара. Проходя черезъ Сирбонскія болота, она лишилась нѣсколькихъ батальоновъ, завязшихъ въ зыбучихъ пескахъ, а по прибытіи въ Пелузій нашла непріятеля уже совершенно готовымъ къ встрѣчѣ съ нею. У Нектанебо было меньше солдатъ, чѣмъ у его противника, именно шестьдесятъ тысячъ

[1]) Разсказъ о финикійской войнѣ у Діодора Сицилійскаго, кн. XVI, 41—45.
[2]) Ѳеопомпъ, стр. 125 въ „Fragm. H. Graec.“, т. I, стр. 298—299.

египтянъ, двадцать тысячъ ливійцевъ и столько же грековъ, — но воспоминаніе о побѣдахъ, одержанныхъ имъ самимъ и его предшественниками при неравныхъ силахъ, давало ему вѣру въ благопріятный исходъ борьбы. Эскадра его не отважилась бы выступить въ открытомъ морѣ противъ соединенныхъ флотовъ Кипра и Финикіи; но у него было достаточно плоскодонныхъ судовъ для защиты устьевъ Нила. Слабые пункты его границъ снабжены были крѣпостями или укрѣпленными лагерями; вообще, приняты были всѣ мѣры для оборонительной войны, но не разумная поспѣшность его греческихъ вспомогательныхъ войскъ разрушила весь его планъ. Пелузій былъ занятъ пятью тысячами грековъ подъ начальствомъ Филофрона. Нѣсколько ѳиванцевъ, служившихъ въ персидской арміи подъ предводительствомъ Лакратеса, желая еще разъ подтвердить свою славу храбрецовъ, добытую ими во время походовъ Эпаминонда, перешли черезъ глубокій каналъ, отдѣлявшій ихъ отъ города, и вызвали гарнизонъ на бой въ открытомъ полѣ. Филофронъ принялъ вызовъ и до наступленія ночи оспаривалъ у нихъ побѣду. На другой день Лакратесъ отвелъ воду изъ канала, устроилъ черезъ него плотину, придвинулъ весь свой отрядъ къ стѣнамъ и пустилъ противъ укрѣпленій свои машины. Нѣсколькихъ дней достаточно было, чтобы пробить брешь; но египтяне такъ же хорошо владѣли киркой, какъ и мечомъ, и въ то время какъ наружная стѣна падала, за нею уже возвышалась новая стѣна съ деревянными башнями. Нектанебо, поспѣшно явившійся сюда съ тридцатью тысячами туземныхъ воиновъ, пятью тысячами грековъ и половиной всего количества ливійцевъ, издали слѣдилъ за перипетіями осады, и одно его присутствіе не давало остальной персидской арміи двигаться впередъ. Проходили недѣли, и казалось уже, что эта выжидательная тактика должна имѣть обычный свой успѣхъ, когда непредвидѣнный случай вдругъ осложнилъ положеніе. Между военачальниками, сражавшимися въ войскахъ Оха, былъ нѣкій Никостратъ изъ Аргоса, сравниваемый по необыкновенной силѣ съ Геркулесомъ и носившій традиціонный костюмъ этого героя— львиную шкуру и палицу. Одушевленный, безъ сомнѣнія, планомъ, который нѣкогда предложилъ Фарнабазу Ификратъ, — Никостратъ принудилъ нѣсколькихъ простолюдиновъ, жены и дѣти которыхъ попали въ его руки, служить ему проводниками и, проникнувъ въ одно изъ устьевъ Нила, случайно оставленное египтянамъ безъ укрѣпленія, высадился на берегъ со своимъ от-

рядомъ и укрѣпился въ тылу у Нектанебо. Предпріятіе это, начатое съ совершенно ничтожнымъ количествомъ людей, было болѣе, чѣмъ рискованно, и если бы наемники египтянъ, не вступая въ открытый бой, ограничились только постоянными нападеніями на Никострата, — онъ скоро вынужденъ былъ бы отступить или сдаться. Но у нихъ не хватило терпѣнія и этимъ они погубили все дѣло: отрядъ, составлявшій въ числѣ пяти тысячъ гарнизонъ сосѣдняго города, вышелъ подъ предводительствомъ Клинія Косскаго навстрѣчу аргивянину и былъ разбитъ. Брешь была, наконецъ, пробита, и если бы персы, поощренные успѣхомъ Никострата, рѣшительно вторглись въ нее, Нектанебо былъ бы отрѣзанъ отъ войскъ, оставленныхъ имъ на крайней восточной границѣ, и потерпѣлъ бы полное пораженіе, но онъ успѣлъ отступить къ вершинѣ Дельты. Между тѣмъ какъ онъ старался стянуть въ Мемфисъ по частямъ отряды для образованія новаго войска, армія, оставленная имъ позади, вообразивъ, что онъ ее оставилъ на произволъ судьбы, совершенно пала духомъ. Пелузій сдался Лакратесу; Менторъ занялъ Бубастъ, и самые сильные города, боясь участи Сидона, почти безъ сопротивленія открыли свои ворота. Нектанебо, приведенный въ отчаяніе этими послѣдовательными потерями, бѣжалъ со своими сокровищами въ Эѳіопію. Удачный маневръ Никострата возстановилъ цѣлость имперіи великаго царя (345) [1].

---

[1] Объ этой войнѣ см. Діодоръ Сицилійскій, XVI, 46—51. Хронологія этой эпохи чрезвычайно запутана: я почти вездѣ принялъ года Унгера, „Chronologie des Manetho", стр. 324 и слѣд. Вотъ серія послѣднихъ династій по Манеѳону:

	XXII династія	(персидская).
I.	Мосутри Камбути.	Καμβύσης.
II.	„ (Гаумата).	....
III.	Стоутри Нтаріуша.	Δαρεῖος ά.
IV.	Снентоненъ—сотпенфта Хаббиша.	....
V.	„ Хшайарша.	Ξέρξης ά.
VI.	„ Артахшайарша.	Ἀρταξέρξης ά.
VII.	„ „	Ξέρξης β.
VIII.	„ „	Σογδίανος.
IX.	Міамунри Нтаріуша.	Λαρεῖος β'.

Египетъ процвѣталъ подъ управленіемъ своихъ послѣднихъ туземныхъ царей. Отъ Амиртея до Нектанебо всѣ они добросовѣстно трудились надъ тѣмъ, чтобъ изгладить слѣды чужеземныхъ вторженій и возвратить странѣ видъ, который она имѣла до завоеванія: даже тѣ изъ нихъ, которые, какъ Псимутъ и Тахо, только смѣнялись на тронѣ, ознаменовали свои кратковременныя царствованія постройкой или украшеніемъ храмовъ [1]). Ѳиваида, которую первые Ахемениды оставляли безъ вниманія, стала предметомъ особенныхъ заботъ съ ихъ стороны. Островъ Филы, постоянно опустошаемый эѳіопянами, превратился было въ кучу развалинъ [2]); Нектанебо II положилъ начало возведенію на немъ построекъ, нѣкоторыя изъ нихъ существуютъ и понынѣ [3]). Храмы Нехаба въ Эль-Кабѣ [4]) и Гора въ Эдфу [5]) были возста-

---

	XXVIII династія	(саисская).
I.		Αμυρταῖος.
	XXIX династія	(мендесская).
I.	Бинри-минутиру—Нефоритъ I.	Νεφερίτης α.
II.	Хнуммари-сотпенхнумъ Гакори	Ἄχωρις.
III.	Усирфтари Псимутъ.	Ψάμμουτις.
IV.	„ Нефоритъ II.	Νεφερίτης β.
	XXX династія	(себеннитская).
I.	Снотмибри-сотпенанури Нахтарибп-міанури-сіиси	Νεκτανέβης.
II.	„ Т'ахо.	Τάχως, Τέως.
III.	Хопиркери Нахтнибуфъ	Νεκτανέβης β', Νεκταναβις.

[1]) Маленькіе храмы Псимута въ Карнакѣ (Масперо, „Dékouverte d'un petit temple", въ „Recueil", т. VI, стр. 20; Видеманъ, „Sur deux temples bâtis par les rois de la 29-me dynastie à Karnak", въ „Proceedings of the Society of Biblical Archaeology", 1884—1885, стр. 108—112; Шампольонъ, „Monuments", табл. CCCIII, n⁰ 1, табл. CCCIX, n⁰ 3; Лепсіусъ, „Denkm.", III, 259, a—b); работы времени Тахо въ каменоломняхъ Тураха (Бругшъ, „Histoire d'Egypte", стр. 282).

[2]) По общепринятому мнѣнію, до Нектанебо въ Филахъ не было храма; а между тѣмъ тамъ найдены остатки построекъ Амазиса (Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire et d'histoire", § LXXVI, въ „Zeitschrift", 1885, стр. 13).

[3]) Лепсіусъ, „Denkm.", III, 285.

[4]) Картуши, найденныя въ 1882 г. въ развалинахъ храма.

[5]) Дюмихенъ, „Baurkunde der Temrelanlagen von Edfu", въ „Zeitschrift", 1871, стр. 95 и слѣд.

новлены царемъ Нектанебо I, храмъ Мина въ Коптосѣ [1]) — царемъ Нектанебо II. Не были забыты и обѣ столицы — Өивы [2]) и Мемфисъ [3]); города Дельты, — Себеннитъ [4]), Бубастъ [5]), Пахиби [6]), Питумъ [7]) — также получили свою долю заботъ объ ихъ украшеніи. И на всѣхъ этихъ работахъ нѣтъ и слѣда поспѣшности и небрежности, несмотря на непродолжительность посвященнаго имъ времени: художники, которымъ ихъ поручали, знали въ совершенствѣ традицію прекраснаго древняго искусства и умѣли при случаѣ создавать образцовыя произведенія, не уступавшія произведеніямъ саисской эпохи [8]). Гробница Нехтарибн изъ зеленаго мрамора высѣчена съ такимъ совершенствомъ, которое врядъ ли превысятъ произведенія другихъ странъ [9]). Торсъ Нектанебо II изъ зеленаго базальта ничуть не уступаетъ чистотой стиля и законченностью своей отдѣлки дошедшимъ до насъ прекраснѣйшимъ образцамъ эпохи восемнадцатой династіи и даже древней имперіи [10]). Побѣда Оха нанесла Египту, быть можетъ,

---

1) Масперо, „Notes sur quelques points de grammaire, et d'histoire", § LXII, въ „Zeitschrift", 1885, стр. 3—5.

2) Зданія, воздвигнутыя Неферитомъ I въ Карнакѣ (у Шампольіона, „Notices", т. II, стр. 290; Лепсіусъ, „Denkm.", III, 284, b—c); постройки Гакори въ Карнакѣ (Шампольіонъ, „Notices", т. II, стр. 964; Лепсіусъ, „Denkm.", III, 284, f—g) и въ Мединетъ-Абу (Лепсіусъ; „Denkm.", III, 284, h—i) постройки Нехтарибн въ Карнакѣ (Шампольіонъ, „Monuments", табл. CCCVIII, 2, и „Notices", т. II, стр. 332, 938, 264, 273 и слѣд.; Лепсіусъ, „Denkm.", III, табл. CCXXXXVIII a, 287 b—h); постройки Нектанебо II въ Карнакѣ (Шампольіонъ, „Notices", стр 240, 256, 262 и слѣд., и „Monuments", табл. CCCIX, 2; Лепсіусъ, „Denkm.", III, 284, к.) и въ Мединетъ-Абу (Шампольіонъ, „Mon.", II, CLXCVI).

3) Граффити (фрески) временъ Гакори въ каменоломняхъ Турaха (Шампольіонъ, „Notices", т. II, стр. 489; Бругшъ, „Recueil de monuments", табл. 10).

4) Лемансъ, „Papyri Grœci", стр. 122; Масперо, „Les Contes populaires", стр. 215 - 222.

5) Въ развалинахъ нынѣ совершенно уничтоженнаго храма.

6) Картуши, найденныя въ 1883 г. въ развалинахъ храма Бегебитъ-эль-Гаггара.

7) Новилль, „Letre à M. Lepsius", въ „Zeitschrift", 1883, стр. 43.

8) Объ искусствѣ этого времени см. мнѣніе Летронна, „Mémoire sur la civilisation egyptienne" въ „Mélange d'érudition", стр. 226—234.

9) Въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ; ср. „Description de l'Egypte, Antiquites", т. V, табл. XL.

10) Въ настоящее время въ Національной библіотекѣ; ср. Милленъ, „Monuments inédits", т. I, стр. 383. „Description de l'Egypte Antiquités", т. V, табл. LXIX, 7—8.

еще болѣе роковой ударъ, чѣмъ вторженіе Камбиза. Охъ имѣлъ личныя побужденія ненавидѣть своихъ новыхъ подданныхъ: они сравнили его по жестокости съ Тифономъ и называли *осломъ*, потому что это животное посвящено было богу зла. Разсказываютъ, что, прибывъ въ Мемфисъ, онъ приказалъ, чтобы ему приготовили кушанья изъ Аписа для пиршества, которое давалъ своимъ друзьямъ, а въ храмъ Фта ввелъ осла, и окружилъ его божескими почестями [1]). Козелъ Мендесскій подвергся той же участи, что и Аписъ [2]); храмы были разграблены; священныя книги увезены въ Персію; стѣны городовъ срыты до основанія, а главные приверженцы туземныхъ династій перерѣзаны. По окончаніи казней, греческіе наемники вернулись въ отечество обремененные добычей, а великій царь направился въ Сузу, поручивъ управленіе вновь завоеванною сатрапіей Ферендату [3]).

Два человѣка особенно содѣйствовали этому успѣху: евнухъ Багой (Bagoas) и родосецъ Менторъ: имъ поручено было управленіе государствомъ. Багой завѣдывалъ внутренней политикой, а Менторъ, поставленный во главѣ приморскихъ провинцій Азіи, принялся за ихъ усмиреніе и скоро докончилъ его. Артабасъ отказался отъ борьбы и искалъ убѣжища у Филиппа Македонскаго [4]); тираны, правившіе на берегахъ Эгейскаго моря и Геллеспонта, или сдались добровольно, или же, если оказывали сопротивленіе, — какъ напримѣръ, Гермій атарнейскій, другъ Аристотеля, — были схвачены и преданы смертной казни [5]). Въ нѣсколько лѣтъ Персія вернула себѣ, какъ казалось, то преобладающее вліяніе, которое потеряла со времени восшествія на престолъ Артаксеркса II, и Охъ занялъ въ умахъ современниковъ мѣсто наряду съ великими завоевателями своего народа—Киромъ, Камбизомъ и Даріемъ. Но это было оскорбленіемъ для послѣднихъ: несмотря на совершенное имъ покореніе Сиріи и Египта, Охъ представлялъ собою самый обыкновенный типъ восточнаго деспота. Монархія его сохраняла еще всѣ внѣшніе признаки силы и могущества, но населявшіе ее народы, чуждые другъ другу и едва сдерживаемые своими сатрапами, все болѣе и болѣе стреми-

---

1) Димонъ, стр. 30 въ „Fragm. H. Gr.", т. II, стр. 95.

2) Сундасъ подъ словомъ ἄσατο.

3) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 51.

4) Онъ продержался, по крайней мѣрѣ до 353 г. Dр. Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 52, § 3.

5) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 52.

лись къ отпаденію отъ нея. Нѣкоторыя изъ провинцій, на которыя она была раздѣлена за столѣтіе до того времени, существовали уже только по имени: на сѣверѣ, у истоковъ Евфрата, Тигра и Галиса [1]) находилась безпорядочная масса различныхъ княжествъ и племенъ, изъ которыхъ одни, какъ армяне, еще признавали владычество персовъ, но другія, какъ гордіуки [2]), таски, халибы, колхидяне, мозинеки, тибарены [3]) пользовались полной независимостью. Цари Виѳиніи, Пафлагоніи и Понта еще платили время отъ времени дань персамъ [4]), но мизійцы, писидійцы и ликаоняне совсѣмъ перестали платить ее [5]). Не меньшій безпорядокъ царилъ въ странахъ лежавшихъ за Тигромъ. Кадузіи, амарды и тапуры, защищенные горами Каспійскаго моря, отражали всѣ попытки вытѣснить ихъ изъ занимаемой ими территоріи [6]). Жители Индіи и Саки перешли изъ положенія подданныхъ въ положеніе добровольныхъ союзниковъ [7]), а дикія орды Гедрозіи и Паропаниза не признавали никакой власти. Монархія распадалась, и въ то же время административное устройство, такъ искусно созданное Даріемъ, также приходило въ упадокъ, благодаря нерадѣнію и слабости его преемниковъ. Не только обычай ежегодно посылать ревизоровъ въ провинціи сдѣлался пустою формальностью, которая большей частью даже не соблюдалась, но и различіе между гражданской и военной властью исчезло: лицо, командовавшее войсками, почти вездѣ исполняло также и обязанности правителя, соединяя обыкновенно при этомъ подъ своей властью по нѣскольку сатрапій. Несмотря на все это, армія и доходы персидской монархіи все еще оставались величайшими въ

[1]) Геродотъ считаетъ въ этой области три сатрапіи, заключавшія въ себѣ Арменію, восточный берегъ Понта, часть бассейна Аракса и горы Гордіены.
[2]) Ксенофонтъ, Анабазисъ, IV, 1, 8.
[3]) См. положеніе страны у Ксенофонта, Анабазисъ, VII, 8, 25.
[4]) Ксенофонтъ, „Helléniques", I, 4, 3; III, 2, 2, и Анабазисъ, V, 6, 8.
[5]) Ксенофонтъ, Анабазисъ, I, 1, 11; 2, 1; 6, 7; 9, 14 и т. д.
[6]) См. разсказъ о безуспѣшныхъ попыткахъ нѣсколькихъ персидскихъ царей противъ этихъ народовъ, Плутархъ, Жизнеописаніе Артаксеркса глав. 24; Діодоръ Сицилійскій, XV, 8, § 4, и XVII, 6; Корнелій Непотъ, „Datamès", § 1; Юстинъ, X, 3 — 7. Саки сражались въ Арбелахъ, но только какъ союзники персовъ (Арріенъ, „Anabase", III, 8). Жители Индіи, упоминаемые рядомъ съ ними, пришли изъ страны, расположенной въ окрестностяхъ Кабула; большая часть народовъ, жившихъ въ индійской сатрапіи Дарія, сдѣлалась снова независимой.
[7]) Арріенъ, „Anabase", III, 8.

мірѣ; но если мѣшки съ персидскимъ золотомъ сохраняли еще свою цѣну, за то персидскія войска много утратили изъ своей прежней силы и значенія. Конечно, прежняя военная доблесть персовъ, мидійцевъ, бактріанъ и другихъ народовъ Ирана нисколько не стала меньше, но никто не позаботился о томъ, чтобъ научить ихъ всему, что военное искусство выработало новаго впродолженіе столѣтія. Они составляли тяжеловѣсныя и недисциплинированныя орды, которыя очень легко было побѣждать, несмотря на безспорную храбрость воиновъ; чтобы обучить ихъ, потребовалось бы слишкомъ много времени, и персидскіе цари предпочли дополнять ихъ число наемниками, стоившими большихъ денегъ. Со времени Артаксеркса II греки составляли ядро персидскихъ силъ. Войсками великаго царя командавали обыкновенно эллинскіе полководцы, воспитавшіеся въ школѣ Агезилая, Ификрата, Эпаминонда и тактиковъ того времени; персидскій флотъ находился подъ начальствомъ греческихъ адмираловъ. Только такому преобладанію европейскаго элемента и обязанъ былъ жестокій Охъ своими побѣдами, и фактъ этотъ былъ настолько извѣстенъ по ту сторону Эгейскаго моря, что риторы открыто говорили объ этомъ, не вызывая ни въ комъ удивленія [1]).

Но не народъ былъ виною тому, что распаденіе Персіи совершилось такъ быстро. Персы остались такими же, какими были первоначально: трезвыми, честными и безстрашными, но царствующая династія и окружавшіе ее знатные роды до такой степени выродились, что спасеніе уже стало почти невозможнымъ. Первые ахемениды сами управляли всѣми государственными дѣлами, и только послѣ похода въ Грецію, Ксерксъ I, утомленный войной заперся въ своемъ гаремѣ, предоставивъ своимъ полководцамъ рискованную честь сражаться, а заботу объ управленіи— евнуху Аспамитру [2]). Обычай такой установился самъ собою: преемники Ксеркса стали поддерживать его и только въ очень рѣдкихъ случаяхъ вмѣшивались въ управленіе военными дѣлами. Ни Артаксерксъ I, ни Дарій Нотъ не появлялись на полѣ битвы; Артаксерксъ II лично участвовалъ только въ двухъ войнахъ, запятнавшихъ кровью его долгое царствованіе; Охъ, который хо-

[1]) Это было общераспространеннымъ мнѣніемъ еще въ то время, когда Изократъ написалъ свой „Panégyrique", § 140—141.
[2]) Ктезій, „Persica", § 29, изд. Мюллера, ст. 51.

тѣлъ какъ казалось, воскресить традиціи основателей монархіи, возвратился къ мирной жизни въ Сузѣ послѣ своихъ побѣдъ въ Сиріи и Египтѣ. Жизнь правителей проходила среди гаремныхъ интригъ и преступленій. Воспитанные женщинами и евнухами, окруженные съ дѣтства самою изысканной роскошью [1]), они скоро утомлялись, если имъ приходилось думать и дѣйствовать, и безсознательно попадали въ опеку кого-нибудь изъ своихъ приближенныхъ. Вмѣсто своего мужа Дарія Нота и своего сына Артаксеркса II, царствовала, въ сущности, кровожадная Париситида, а Багой по своему усмотрѣнію руководилъ Охомъ впродолженіе почти шести лѣтъ. Его вліяніе было, по крайней мѣрѣ, благотворно для страны. Македонія, долго остававшаяся въ сторонѣ отъ общаго движенія, начала входить въ общій строй эллинской жизни. Багой понималъ, какъ опасно было допустить ее взять перевѣсъ и дать ей возможность объединить до того разобщенныя силы Греціи. Поэтому, онъ сталъ оказывать поддержку всѣмъ врагамъ Филиппа [2]). Херсоблептъ Ѳракійскій [3]) и городъ Периноъ [4]) получили отъ него помощь, доставившую имъ возможность побѣдоносно отразить нападенія македонскаго царя (340). Къ несчастью, въ то время какъ Багой трудился надъ предотвращеніемъ опасностей, угрожавшихъ монархіи, соперники его въ Сузѣ старались погубить его во мнѣніи государя. Интриги ихъ вскорѣ не оставили ему другой альтернативы, какъ или губить другихъ, или самому погибнуть: онъ отравилъ Оха (338) и убилъ всѣхъ его дѣтей, кромѣ самаго младшаго изъ нихъ Арсеса, котораго возвелъ на престолъ. Египетъ съ восторгомъ принялъ вѣсть объ этомъ, видя въ трагической кончинѣ своего побѣдителя заслуженное возмездіе со стороны божествъ, которыхъ онъ оскорбилъ. Скоро въ Египтѣ стали говорить, что Багой, родомъ египтянинъ, покончилъ съ Охомъ только изъ мести за убійство Аписа, что онъ бросилъ тѣло великаго царя кошкамъ, самъ отвѣдавъ его, а изъ костей сдѣлалъ свистки и рукоятки для ножей [5]).

[1]) См. описаніе образа жизни послѣднихъ ахеменидовъ у Дидона (стр. 12, 14—19 въ „Fragm. H. Græc.“, т. II, стр. 91 — 93) и у Гераклида Кумскаго (стр. 1, 2, 4 въ „Fragm. H. Græc.“, т. II, стр. 93—94).
[2]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 75, § 1.
[3]) Ср. письмо Александра у Арріена, „Anabase“, II, 14.
[4]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVI, 75, 76; Арріенъ, „Anabase“, II, 14.
[5]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVII, 5, § 3; Эліенъ, „Var. Hist.“, VI, 8.

Арсесъ былъ вначалѣ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ своего министра; когда же съ годами онъ сталъ проявлять стремленіе къ самостоятельности, и началъ тяготиться игомъ Багоя, тотъ не задумался пожертвовать имъ ради своей безопасности, какъ уже ранѣе пожертвовалъ Охомъ (337) [1]). Всѣ эти убійства совершенныя одно за другимъ, до того истощили родъ Ахеменидовъ, что Багой одно время даже затруднялся, кого сдѣлать царемъ; скоро, однако, онъ рѣшилъ этотъ вопросъ въ пользу одного изъ своихъ друзей, Кодомана, который, по утвержденію однихъ, былъ правнукомъ Дарія II [2]), а по утвержденію другихъ, вовсе не принадлежалъ къ царскому роду [3]) и въ молодости былъ гонцомъ [4]). При восшествіи своемъ на престолъ Кодоманъ принялъ имя Дарія; храбрый, великодушный, милостивый, одушевленный стремленіемъ къ добру, онъ болѣе чѣмъ кто-либо изъ его предшественниковъ, заслуживалъ быть царемъ въ лучшую эпоху, когда государство не было еще такъ ослаблено. Багой скоро замѣтилъ, что царь, возведенный имъ на престолъ, намѣренъ обходиться безъ его помощи въ управленіи государствомъ; онъ задумалъ было отдѣлаться и отъ него, но, преданный однимъ изъ своихъ сообщниковъ, принужденъ былъ выпить ядъ, предназначавшійся для Дарія [5]). Послѣдній, однако, не долго пользовался властью, такъ неожиданно выпавшей ему на долю. Взойдя на престолъ въ одномъ году съ Александромъ, за нѣсколько дней до битвы при Херонеѣ, онъ отлично понималъ опасность, которою угрожало ему честолюбіе македонскаго царя, но былъ совершенно безсиленъ предотвратить ее. Разбитый на берегу Граника, а затѣмъ при Иссѣ и подъ Арбелами, онъ былъ убитъ во время бѣгства однимъ изъ своихъ сатраповъ (330) [6]). Александръ Македонскій унаслѣдовалъ его владѣнія, и съ этихъ поръ греки стали играть въ восточномъ мірѣ ту же преобладающую роль, которая впродолженіе двухъ столѣтій принадлежала персамъ.

---

[1]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVII, 5, § 4; ср. Арріенъ, „Anabase“, II, 14; Страбонъ, XV, 3, 24.
[2]) По Діодору Сицилійскому, кн. XVII, 5, § 5, который называетъ его дѣломъ Останеса, брата Артаксеркса II.
[3]) Страбонъ, XV, 3, 24.
[4]) Плутархъ, Жизнь Александра, гл. XVIII.
[5]) Діодоръ Сицилійскій, кн. XVII, 6.
[6]) См. подробности этихъ событій въ „Histoire grecque“ Дюрюи. Вотъ списокъ царствовавшихъ въ Персіи государей изъ рода Ахеменидовъ:

ГЛАВА XV.

ДРЕВНІЙ ВОСТОКЪ ВЪ МОМЕНТЪ МАКЕДОНСКАГО ЗАВОЕВАНІЯ.

Сузіана и народы сѣвера:—ассиріяне и вавилоняне. — Преобладаніе арамейскаго элемента.—Евреи: Ездра и Неемія; Моисеевъ законъ.—Египетъ.

Сузіана и народы сѣвера: ассиріяне и вавилоняне. Преобладаніе арамейскаго элемента.

Бросимъ еще разъ бѣглый взглядъ на страны, въ которыхъ совершилась исторія первобытнаго міра и посмотримъ, что онѣ представляли изъ себя ко времени македонскаго завоеванія.

На югѣ, на прежней границѣ территоріи, населенной народами семитической расы, Эламъ распался на двѣ части, которыя постигла далеко не одинаковая участь. Въ то время какъ горные жители Элама, уксеи, элиміоты и коссеи, ревниво охраняли свою независимость и дерзко грабили окрестныя страны, безнаказанно скрываясь въ своихъ недоступныхъ берлогахъ [1]); населеніе равнины, напротивъ, съ радостью встрѣтило персидское владычество и, повидимому, готово было безъ сопротивленія подчиниться всякому, кто бы ни обнаружилъ притязанія господствовать надъ ними [2]). Счастливое положеніе Сузы сразу обратило на себя вниманіе ахменидовъ, и древній дворецъ эламейскихъ царей, построенный на искусственномъ холмѣ, освѣжаемый въ лѣтнее время вѣтрами, дующими со стороны горъ, и согрѣваемый зимою теплыми вѣтрами Персидскаго залива, сдѣлался ихъ любимымъ мѣстопребываніемъ. Сынъ Гистаспа Дарій нашелъ его слишкомъ тѣснымъ для себя и перестроилъ по своему вкусу [3]): при Артаксерксѣ I онъ былъ сожженъ [4]), а лѣтъ сто спустя, при Артаксерксѣ II, отстроенъ заново [5]) Въ этотъ-то дворецъ, въ роскошную залу, украшенную рядами колоннъ, стекались впродолженіе двухъ столѣтій сатрапы, вассальные правители, послы иностранныхъ державъ, и въ томъ числѣ даже греческіе послы [6]), чтобы преклониться передъ выродившимися преемниками Дарія. Зданія меньшихъ размѣровъ, развалины которыхъ примыкаютъ къ развалинамъ этой залы, указываютъ на мѣсто расположенія дворца; въ стѣнахъ этихъ зданій разыгрывались изъ года въ годъ всевозможныя гаремныя драмы, происходили заговоры евнуховъ и женщинъ, оргіи Амитиса и Аместрисовъ [7]) и жестокіе акты мести Парисатиды и Статиры [8]); тамъ Ксерксъ I палъ отъ кинжаловъ Артабана и Аспамитра [9]); тамъ же, незадолго до македонской эпохи, Багой отравилъ одного за другимъ двухъ персидскихъ царей. Греки, вниманіе которыхъ было всецѣло поглощено этими внутренними событіями персидской исторіи,—событіями, имѣвшими рѣшающее вліяніе на судьбы половины

I. Курусъ	Κῦρος.
II. Камбузія	Καμβύσης.
III. Гаумата	Ψενδόσμερδις.
IV. Даріавусъ I-й..............	Λαρεῖος α΄.
V. Хшайарша I-й..............	Ξέρξης α΄.
VI. Артахшатра I-й..............	Ἀρταξέςξης Μακρόχειρ.
VII. Хшайарша II-й..............	Ξένρξης β΄.
VIII.	Σογσίανος.
IX. Даріавусъ II-й..............	Δαρεῖος β΄ Ὦχος ἤ Νόθος.
X. Артахшатра II-й	Αρταξέρξης β΄ Μνήμων.
XI. Артахшатра III-й..........	Αρταξέρξης γ΄ Ὦχος.
XII.	Αρσῆς.
XIII. Даріавусъ III-й..........	Δαρεῖος γ΄ Κοδόμαννος.

1) Арріенъ, „Anabase", Ш, 17.

2) Страбонъ, кн. XV, Ш, 2.

3) Лофтёсъ, „Chaldaea and Susiana", стр. 347.

4) Оппертъ, „Inscriptions of the Persian Monarchs", въ „Records of the Past." т. IX, стр. 79.

5) Оппертъ, „Inscriptions of the Persian Monarchs" въ „Records of the Past.", 8, IX, стр. 85—86.

6) Анталкиндъ въ 387 и 372 гг.; Пелопидъ и Исхеній въ 367.

7) Ктезій, „Pêrsica", § 28, 30, 42, изд. Мюллера, стр. 51—58.

8) Ктезій, „Pêrsica", § 48, 53—57, 59—62, изд. Мюллера, стр. 54—58.

9) Ктезій, „Pêrsica", § 29, изд. Мюллера, стр. 51.

міра,—нисколько не интересовались знать, чѣмъ Суза была прежде, а туземцы, принужденные примириться съ постигшей ихъ участью, уже не вспоминали о ея прошломъ величіи. Національные государи, вторженія ихъ въ Халдею и Сирію, ихъ часто побѣдоносные походы противъ ниневійскихъ завоевателей, ихъ раздоры, ихъ пораженіе Ассурбанипаломъ—все было забыто: воображеніе грековъ замѣнило двадцать династій однимъ героемъ Мемнономъ, сыномъ Тиѳона и Авроры, который пришелъ нѣкогда на помощь къ Пріаму съ арміей эѳіопянъ и смертью своей подготовилъ разрушеніе Трои.

Народы, жившіе на границахъ Малой Азіи и въ горахъ Тигра и Евфрата, урарти и вана, племена мускайя и табалы, сосѣди Ассиріи съ сѣвера, сильно уменьшенные въ численности, благодаря скиѳскому нашествію,—преклонились передъ болѣе молодыми и перенесшими менѣе испытаній народами. Мускайя и табалы раздѣлились на двѣ части: нѣкоторыя изъ ихъ племенъ, смѣшавшись, по всей вѣроятности, съ остатками киммерійцевъ [2]), утвердились въ глубокихъ долинахъ Тавра, въ Мелитенѣ и въ Катаоніи [3]); другія, оттѣсненныя къ сѣверу, жили во времена Геродота вмѣстѣ съ макронами, мозинеками и марами въ горахъ, окаймляющихъ Понтъ-Эвксинскій [4]). Когда мидійскій завоеватель появился въ занятыхъ имъ областяхъ, которыя онъ назвалъ новымъ именемъ Катпатука (Каппадокія) [5]), онъ встрѣтилъ здѣсь только бѣлыхъ сирійцевъ, остатки хеттійцевъ [6]), и новый народъ, армянъ. Армяне, вышедшіе въ концѣ седьмого столѣтія изъ Фригіи [7]), сначала поселились въ сосѣднихъ съ ихъ родиной земляхъ,

---

¹) Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 22, кн. IV, 75; Павзаній, X, 31, § 2. По словамъ Геродота, (V, LIII). Суза была основана Мемнономъ; по словамъ Страбона, (кн. XV, III, 2),—Тиѳономъ, отцомъ Мемнона.

²) Гельцеръ, „Kappadocien und seine Bewohner", въ „Zeitschrift", 1875, стр. 25.

³) Страбонъ, (кн. XII, I § 2) настаиваетъ на различіяхъ, существовавшихъ между катаонянами и остальными жителями Каппадокіи; ср. Гельцеръ, „Kappadocien und seine Bewohner", p. 15.

⁴) Геродотъ, III, XVIV, VII, LXXVIII—LXXIX.

⁵) Происхожденіе этого названія имѣетъ, повидимому, смѣшанный характеръ и позаимствовано частью изъ семитическихъ языковъ. Ср. Кипертъ, „Handbuch der alten Geographie", стр. 90—91.

⁶) Сеесъ, „The Ancient Empires of the East", стр. 42, прим. 3.

⁷) Геродотъ, кн. LXXIII. Свидѣтельство Евдоксія было еще рѣшительнѣе: Ἀρμένιοι τὸ γένος ἐκ Φρυγίας, καὶ τῇ φωνῇ πολλὰ φρυγίζουσι (Евстафій, „Comment. ad Dionysii Periegesin", см. 694, въ „Geographi Græci Minores", т. II, стр. 341).

но потомъ, мало-по-малу, пододвинулись къ истокамъ Галиса [1]): во времена Геродота, они владѣли землями, лежавшими къ востоку отъ Евфрата, Малой Арменіей римскихъ географовъ, и западной частью теченія Арзаніаса [2]). Они составляли особую сатрапію, тринадцатую [3]), между тѣмъ какъ жители Урарти, алародяне, входили въ восемнадцатую сатрапію вмѣстѣ съ матіенами и саспирами [4]). Во время волненій, послѣдовавшихъ за греческими войнами, видъ страны опять измѣнился. Мосхи отдѣлились отъ тибареновъ и присоединились къ колхидянамъ въ бассейнѣ Фазиса [5]). Алародяне, оттѣсненные къ сѣверу, смѣшались съ полудикими народами, которые населяли страны, прилегавшія къ Кавказу [6]). Армяне, все болѣе и болѣе оттѣсняемые на востокъ, постепенно завладѣли горнымъ хребтомъ, возвышающимся между Малой Азіей и Каспійскимъ моремъ, и спустились въ равнины Аракса. Когда Александръ Македонскій появился въ Азіи, ихъ наступательное движеніе было уже окончено: они поглотили или истребили тѣхъ изъ первобытныхъ обитателей страны, которые не успѣли выселиться; и ихъ правители, облекшись скромнымъ званіемъ сатраповъ, пользовались поистинѣ царскою властью [7]). Каппадокія раздѣлилась на двѣ провинціи: собственно Каппадокію и Понтъ, наслѣдственные правители которыхъ, находившіеся въ родствѣ съ ахеменидами, ждали лишь удобнаго случая, чтобы провозгласить себя царями [8]). Прежнія династіи, прежнія имена, прежніе народы, весь тотъ воинственный, варварскій міръ, который знавали ассирійскіе завоеватели между Месопотамской равниной и Чернымъ моремъ, уже не существовалъ: на его развалинахъ возникло три новыхъ государства, уничтожившихъ самое воспоминаніе о немъ.

---

¹) Геродотъ, I, LXXII, гора, съ которой Галисъ беретъ свое начало, называется Армянской горой.

²) Геродотъ, I, CXCV.

³) Геродотъ, III, XCIII.

⁴) Геродотъ, III, XCIV.

⁵) Страбонъ, кн. XI, II, 14, 17, 18; Плиній, H. N. VI, 4; Прокопій, „De bello Gothico", IV, 2.

⁶) Г. Раулинсонъ, „On the Alarodians of Herodotus", У. Д. Раулинсона, „Herodotus", т. IV, стр. 203—206; Фр. Ленорманъ, „Les origines de l'Histoire", т. II, стр. 2 и слѣд.

⁷) Ленорманъ, „Les Origines de l'Histoire", т. II, стр. 370 и слѣд.

⁸) Исторію этихъ народовъ см. Эд. Мейеръ, „Geschichte des Königsreichs Pontos", стр. 25 и слѣд.

Въ области собственно семитическихъ расъ, между берегами Средиземнаго моря и послѣдними уступами Иранскаго плоскогорія, разрушеніе было не такъ повсемѣстно и, главное, не такъ ощутительно. Исчезла только половина прежнихъ народовъ. По ту сторону Евфрата вымерли рутоны, вымерли хетійцы, исчезли города Гаргамишъ, Арпадъ и Кодшу; тѣ же изъ городовъ, которые избѣгали разрушенія, какъ Батны, Халибонъ, Гаматъ и Дамасъ, прозябали въ неизвѣстности и цѣлые округа превратились въ пустыни за недостаткомъ рукъ для ихъ обработки. Финикія, обѣднѣвшая послѣ разрушенія Сидона и Тира [1]), съ трудомъ оправлялась отъ постигшихъ ее бѣдствій: у нея не оставалось ни одной колоніи, а маленькія кипрскія государства, все еще находившіяся подъ ея вліяніемъ, какъ Китіонъ и Амаѳонтъ, всецѣло заняты были защитой своей независимости отъ грековъ. Сама Ассирія стала уже только однимъ воспоминаніемъ, давно затерявшимся во мглѣ прошедшаго, а часть ея территоріи между Тигромъ и Евфратомъ была почти пустынна. Нѣкоторыя города, расположенные по сосѣдству съ горами, какъ Сангара, Низибисъ, Резаина и Эдессъ, еще сохранили остатокъ прежней силы и жили кое-какъ самостоятельно; но по мѣрѣ приближенія къ югу, можно было только по грудамъ развалинъ догадываться о многочисленныхъ городахъ, которые нѣкогда встрѣчались здѣсь ниневійскимъ завоевателямъ во время ихъ похода въ Сирію. Кругомъ тянулись на необозримое пространство сухія, безлѣсныя равнины, поросшія ароматическими травами и населенныя львами, дикими ослами, страусами, антилопами и драхвами, и по нимъ бродили кочевые арабы [2]). По берегамъ Евфрата и его притоковъ кое-гдѣ попадались заброшенныя крѣпости, какъ напр. Корсота, и поселки, служившіе рынками для бедуиновъ [3]). На берегахъ Тигра населеніе было рѣдко и бѣдно. Ассирійскіе изгнанники, освобожденные Киромъ послѣ паденія Вавилона, отстроили Ассуръ [4]) и разбогатѣли, благодаря земледѣлію и торговлѣ [5]), но страна раздѣлявшая оба Заба, была уже не болѣе какъ пустыней [1]), а собственно Ассирія еще далеко не оправилась отъ поразившаго ее удара. Калахъ былъ необитаемъ. „Стѣны его имѣли двадцать пять футовъ толщины, сто футовъ вышины и двѣ парасанги [2]) въ окружности. Онѣ построены были изъ обожженнаго кирпича, но покоились на фундаментѣ изъ каменныхъ плитъ, имѣвшемъ въ вышину двадцать футовъ“. Пирамидальная башня великаго храма еще существовала: „она была каменная, въ одинъ плеѳръ [3]) ширины и два плеѳра вышины“. Нинивія представляла такой же плачевный видъ. „Фундаментъ стѣны былъ изъ полированнаго раковиннаго известняка и имѣлъ пятьдесятъ футовъ толщины и столько же вышины. На немъ стояла кирпичная стѣна шириной въ пятьдесятъ футовъ, вышиной въ сто футовъ и окружностью въ сто парасангъ“ [4]). Прошло не болѣе двухсотъ лѣтъ со времени смерти Сарака, когда Ксенофонтъ проѣзжалъ черезъ эту страну, а жители сосѣднихъ съ Калахомъ и Нинивіей поселковъ уже ничего не знали о существованіи нѣкогда этихъ городовъ, которые тутъ же лежали въ развалинахъ. Первый изъ нихъ они называли Лариссой, а второй—Меспилой [5]), и даже историки были въ этомъ отношеніи освѣдомлены не лучше ихъ. Весь длинный рядъ грозныхъ побѣдителей, начиная съ Тугултининипа и кончая Ассурбанипаломъ, сводился у нихъ къ двумъ одинаково баснословнымъ личностямъ — Семирамидѣ и Сарданапалу. Семирамидѣ приписывались всѣ побѣды и завоеванія, а Сарданапалъ служилъ олицетвореніемъ изнѣженности и чувственности своей націи [6]). Все встрѣчаемое путешественниками на пути и носившее на себѣ слѣды ассирійскаго происхожденія, приписывалось или той, или другому. Семирамида построила главные памятники Вавилона [7]),

[1]) Тиръ былъ разрушенъ Александромъ.

[2]) Ср. Ксенофонтъ, Анабазисъ, I, V, 1—3.

[3]) Ксенофонтъ, Анабазисъ, I, V, 4—6.

[4]) Это можно заключить изъ одного мѣста въ Кировомъ свиткѣ, напечатаннаго Г. Раулинсономъ въ „Journal of the Royal Asiatic Society“, т. XII, стр. 70 и слѣд.

[5]) Ксенофонтъ, Анабазисъ, II, 4, говоритъ, что городъ этотъ былъ великъ и богатъ. Онъ называетъ его Кенкаснаэ и названіе это составляетъ, быть можетъ, не болѣе какъ греческій переводъ настоящаго имени города. Для ассирійскихъ изгнанниковъ ничего не было естественнѣе, какъ назвать поселенія, устроенныя ими по возвращеніи „Новое“ или „Новыя“.

[1]) Ксенофонтъ называетъ эту страну Мидіей, пустынной страной, которую „десять тысячъ“ перешли въ шесть переходовъ.

[2]) Персидская миля, $2^1/_2$ парасанги = 1 градусу экватора.

[3]) Греческая мѣра длины = 30 метрамъ или $14^1/_2$ сажен.

[4]) Ксенофонтъ, Анабазисъ, II, 4.

[5]) Названіе Лариссы напоминаетъ названіе Ларсамъ, встрѣчающееся въ Халдеѣ, а Меспила есть, можетъ быть, искаженіе мѣстнаго слова „Mappela“, развалины Кипертъ, „Handbuch der alten Geographie“, стр. 152, прим. (2, 3).

[6]) Легенда о Сарданапалѣ разсказана выше.

[7]) Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 7, 2 и слѣд., по Ктезію („Fragm.“, 8—10, изд. Мюллера, стр. 19—23).

Семирамида считалась основательницей городовъ въ Арменіи и Мидіи [1]), Семирамида оставила надписи въ память знаменательныхъ событій на горѣ Багистанъ [2]) и совѣщалось съ оракуломъ Юпитера Аммона [3]). Пирамиды въ одномъ изъ большихъ ниневійскихъ храмовъ считались гробницей Сарданапала. По однимъ источникамъ, Киръ разрушилъ ее, чтобъ укрѣпить свой лагерь во время осады города, и нашелъ въ ней эпитафію, которую поэтъ Херимъ Іасскій переложилъ въ стихи: „я царствовалъ, и пока я видѣлъ солнечный свѣтъ, я пилъ, ѣлъ, любилъ, зная, какъ коротка жизнь человѣческая и сколькимъ превратностямъ и бѣдствіямъ подверженъ человѣкъ" [4]). Другіе предполагали, что ассирійскій царь былъ похороненъ близъ Тарса; гробница его была увѣнчана статуей, изображавшей человѣка, щелкающаго пальцами, а надпись, изображенная халдейскими письменами, гласила: „Я, Сарданапалъ, сынъ Анакиндаракса, основалъ Анхіалъ и Тарсъ въ одинъ день, но теперь я умеръ" [5]). Исторія цѣлаго народа стала предметомъ дѣтскихъ сказокъ и нравоучительныхъ декламацій.

Въ одномъ только отношеніи древняя цивилизація береговъ Евфрата, повидимому, неизмѣнно сохранила свой блескъ. Потерявъ независимость, Халдея не потеряла ни своего богатства, ни своего значенія. Ея частыя возстанія мало повредили ей, и большая часть ея городовъ продолжала существовать, хотя, правда, пришла въ нѣкоторый упадокъ. Уръ сталъ ничтожнымъ поселкомъ [6]); но Урукъ былъ мѣстопребываніемъ знаменитой богословской и научной школы, пользовавшейся извѣстностью на всемъ Востокѣ наравнѣ съ такой же школой въ Барсиппѣ [1]). Греки были мало знакомы съ обитателями Нижней Халдеи: Геродотъ довольствуется только сообщеніемъ о томъ, что три изъ населявшихъ ее племенъ питались исключительно рыбой; „наловивъ рыбы, они высушиваютъ ее на солнцѣ, потомъ кладутъ въ ступку, толкутъ и просѣиваютъ сквозь тряпку: изъ этого они приготовляютъ или лепешки, или тѣсто, изъ котораго пекутъ хлѣбъ [2]). Для большинства путешественниковъ одинъ Вавилонъ составлялъ всю Халдею. Въ самомъ дѣлѣ, Вавилонъ былъ второй столицей персидскаго государства: дворъ проводилъ въ немъ часть года и извлекалъ изъ него для торговли и промышленности необходимые рессурсы, которыхъ не находилъ въ Сузѣ. Въ первое столѣтіе послѣ своего порабощенія, Вавилонъ нѣсколько разъ пытался возстановить свою національную династію, но съ того времени какъ Ксерксъ подвергъ его опустошенію, онъ, повидимому, примирился съ своимъ рабствомъ. Стѣны, построенныя нѣкогда Набукудуруссуромъ для защиты города отъ вторженій, еще существовали и своими размѣрами возбуждали удивленіе чужестранцевъ. „Городъ составляетъ правильный квадратъ, каждая сторона котораго имѣетъ двадцать стадій, такъ что окружность его равняется четыреста восьмидесяти стадіями. Онъ окруженъ сначала глубокимъ рвомъ, очень широкимъ и наполненнымъ водой, а затѣмъ стѣной, имѣющей въ толщину пятьдесятъ царскихъ локтей, а въ вышину двѣсти: царскій локоть на три пальца длиннѣе обыкновеннаго локтя. Наверху стѣны стояли по краямъ двумя сплошными рядами одноэтажныя башенки, обращенныя лицевою стороной внутрь, и между этими рядами оставалось пространство для проѣзда колесницы, запряженной четырьмя лошадьми. Во всей окружности стѣны находилось сто мѣдныхъ воротъ съ мѣдными же косяками и притолками [3]). Эта гигантская ограда становилась уже черезчуръ обширной для обитавшаго въ ея предѣлахъ населенія; цѣлые кварталы превратились въ кучи развалинъ, и сады все болѣе и болѣе разростались, захватывая нѣкогда застроенныя мѣста. Общественныя зданія пострадали отъ войны не менѣе частныхъ домовъ. Храмы были разграблены

[1]) Экбатана (Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 136). Семирамокарта, тождественная съ городомъ Хацономъ, который, по Ктезію и Діодору (кн. II, 13, 3), находился въ Мидіи (ср. Кипертъ, „Handuch der alten Geographie" (стр. 81, примѣч. 1).

[2]) Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 13, 2; вѣроятно, Ктезіемъ, приписаны были Семирамидѣ надписи, выгравированныя Даріемъ I на горѣ Багистанъ (Бегистунъ).

[3]) Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 14, 3.

[4]) Аминтъ, стр. 2, въ „Fragmenta Historicorum de rebus Alexandri", изд. Миллера, стр. 136.

[5]) Аполодоръ, стр. 69 (въ „Fragm. H. Groec.", т. I, стр. 440), гдѣ надпись имѣетъ такой варіантъ: „Пей, ѣшь, люби, ибо остальное ничего не стоитъ"; Клеархъ Сольскій, стр. 5 (въ „Fragm. H. Groec", т. II, стр. 305).

[6]) Въ развалинахъ Ура не найдено ничего, что относилось бы ко времени, предшествовавшему персидскому завоеванію (Лефтесъ, „Chaldaea and Susiana", стр. 134).

[1]) Страбонъ, кн. XVI, 1, 6.

[2]) Геродотъ, I, cc.

[3]) Геродотъ, I, CLXXVIII—CLXXIX.

Ксерксомъ и не возстановлялись болѣе [1]), даже храмъ Бела былъ наполовину засыпанъ мусоромъ [2]). Онъ возвышался въ центрѣ города и господствовалъ надъ всѣми другими его зданіями: золотыя статуи, украшавшія нѣкогда его верхушку, были похищены персидскими царями, и громадная башня, лишенная этого блестящаго украшенія, служила теперь лишь жрецамъ для ихъ астрономическихъ наблюденій [3]). Неподдерживаемые никѣмъ, дворцы древнихъ царей все болѣе и болѣе разрушались; только знаменитые висячіе сады еще показывались чужеземцамъ, посѣщавшимъ внутреннюю крѣпость; проводники приписывали, конечно, эту выдумку Семирамидѣ, но люди хорошо освѣдомленные достовѣрно знали, что сады были устроены однимъ изъ царей, жившихъ позднѣе миѳической героини для одной изъ своихъ любовницъ. „Разсказывали, что женщина эта, родомъ изъ Персіи, тоскуя по покрытымъ зеленью горамъ своей родины, умоляла своего возлюбленнаго развести искусственныя насажденія, которыя напоминали бы ей видъ родныхъ горъ. Искусственный садъ былъ разведенъ на четыреугольной площадкѣ, каждая сторона которой равнялась четыремъ плеѳрамъ; къ нему вели уступы, представлявшіе рядъ послѣдовательно возвышавшихся другъ надъ другомъ террасъ, общій видъ которыхъ напоминалъ амфитеатръ. Террасы эти поддерживались колоннами, которыя, постепенно возвышаясь, всѣ вмѣстѣ служили основаніемъ для насыпей, на которыхъ были разведены плантаціи. Самая высокая изъ этихъ колоннъ имѣла пятьдесятъ футовъ высоты и, поддерживая верхнюю площадку сада, находилась на одномъ уровнѣ съ балюстрадой окружавшей его ограды. Террасы покрыты были такимъ толстымъ слоемъ земли, что въ немъ свободно развѣтвлялись корни высочайшихъ деревьевъ. Здѣсь произрастали всевозможныя растенія, способныя очаровать взоръ своими размѣрами и красотой... Одна изъ колоннъ была пуста сверху до низу: въ ней находились гидравлическія машины, незамѣтно подымавшія въ садъ воду изъ рѣки“ [4]).

[1]) Это слѣдуетъ изъ свидѣтельства Арріена, Анабазисъ, VII, 17, 1—2.

[2]) Геродотъ, I, CLXXXIII, разсказываетъ только, что Ксерксъ разграбилъ храмъ, Страбонъ, кн. XVI, I, 5, говоритъ, что Александръ хотѣлъ его возстановить, но онъ былъ до того разрушенъ, что одна уборка обломковъ потребовала бы двухъ мѣсяцевъ работы у десяти тысячъ рабочихъ.

[3]) Геродотъ, I, CXCVI.

[4]) Діодоръ Сицилійскій, кн. II, 10, который, вѣроятно, заимствовалъ это описаніе у Ктезія.

Но и безъ этихъ памятниковъ, городъ заключалъ въ себѣ много предметовъ, достойныхъ удивленія путешественниковъ. Въ противоположность обыкновенной распланировкѣ греческихъ городовъ, построенъ былъ по правильному плану, и улицы его пересѣкались подъ прямымъ угломъ, направляясь однѣ параллельно, а другія перпендикулярно къ Евфрату; послѣднія упирались обыкновенно въ мѣдныя ворота, открывавшіяся въ каменной набережной и выходившія къ рѣкѣ [1]). Толпа, наполнявшая эти улицы, состояла изъ представителей всѣхъ азіатскихъ народовъ, и ежедневно обновлялась, благодаря сильно развитой торговлѣ. Туземцевъ легко было узнать по ихъ изящному костюму. Они одѣвались въ длинныя льняныя туники, спускавшіяся до пятъ, поверхъ которыхъ надѣты были шерстяныя туники и нѣчто вродѣ бѣлой пелерины. „Они отпускаютъ себѣ волосы, носятъ особые головные уборы и умащаютъ свое тѣло благовоніями. У каждаго изъ нихъ находится обыкновенно на рукѣ перстень, который служитъ имъ печатью; они имѣютъ также обыкновеніе носить трости изящной работы съ набалдашникомъ, украшеннымъ изображеніемъ какого-нибудь плода, или розы, или лиліи, или орла, или другого какого-либо предмета, потому что они не привыкли употреблять тростей безъ украшеній“ [2]). Вниманіе новопріѣзжихъ привлекали также нѣкоторые странные обычаи. Такъ напр., если кто заболѣвалъ, родственники выносили его на проѣзжую дорогу. „Прохожіе подходятъ къ больному, спрашиваютъ о его болѣзни, и если они сами или кто-нибудь изъ ихъ близкихъ когда-нибудь испытали ту же болѣзнь, они указываютъ на излѣчивающія ихъ средства“. Никто не смѣлъ уклоняться отъ этой благотворительной обязанности [3]), и добрый Геродотъ очень восхвалялъ мудрость этого обычая. Не такъ нравился ему обычай, вмѣнявшій въ обязанность всякой замужней женщинѣ разъ въ жизни отправляться въ храмъ Милитты и тамъ отдаваться тому, кто за нее заплатитъ, какъ бы мала ни была плата [4]); но онъ сожалѣлъ, что публичная продажа невѣстъ вывелась изъ употребленія. „Ихъ выводили на отведенное для этого мѣсто, и мущины становились вокругъ; производившій продажу, выкрикивая цѣну каждой изъ нихъ, поочередно продавалъ ихъ, начиная съ самой

[1]) Геродотъ, I, CLXXX.

[2]) Геродотъ, I, CXCV.

[3]) Геродотъ, I, CXCVII.

[4]) Геродотъ, I, CXCIX. Ср. стр. этой исторіи.

красивой. Продавъ таковую за очень высокую плату, онъ переходилъ къ слѣдующей по красотѣ и т. д. Союзы, заключаемые такимъ образомъ, были настоящими браками. Всѣ богатые женихи Вавилона наперерывъ надбавляли цѣны и покупали самыхъ красивыхъ невѣстъ, а некрасивыя оставались на долю простолюдиновъ, цѣнившихъ не столько красоту, сколько деньги. Между тѣмъ дѣло доходило и до некрасивыхъ. Продавецъ ставилъ на очередь каждую изъ нихъ, на этотъ разъ начиная съ самой некрасивой, и предназначалъ ее тому, кто соглашался взять въ придачу къ ней всего менѣе денегъ. Деньги эти получались отъ продажи красивыхъ невѣстъ, которыя такимъ образомъ способствовали замужеству некрасивыхъ и уродливыхъ. Никому не дозволялось выдать замужъ дочерей по собственному выбору; точно также никто не имѣлъ права увести купленную имъ невѣсту, не представивъ въ томъ, что онъ женится, надежнаго ручательства, которое одно уполномочивало его увести ее съ собой. Въ случаѣ, если супруги не годились другъ для друга, законъ повелѣвалъ возвращать деньги назадъ" [1]).

Путешественники любили отмѣчать такія странности, съ цѣлію разнообразить свои разсказы; но въ Халдеѣ кромѣ причудливыхъ, забавныхъ обычаевъ, было много другихъ интересныхъ вещей и греки, повидимому, хорошо знали это, если не колеблясь, искали тамъ источниковъ нѣкоторыхъ изъ своихъ точныхъ наукъ. Они нѣсколько преувеличивали, говоря, что первые ихъ ученые, Ферецидъ Скиросскій [2]), Пиѳагоръ [3]) и Демокритъ Абдерскій [4]), изучали въ школѣ маговъ начала философіи, математики и теологіи. Но современники Александра уже знали о существованіи библіо-

[1]) Геродотъ, I, CXCVI.

[2]) Филонъ Библэосскій, стр. 9 въ „Fragm H. Gr.", т. Ш, стр. 572.

[3]) Объ отношеніяхъ Пиѳагора къ Ассиріи ср. Неандъ Кизикскій, стр. 30 („Fragm. H. Gr.", т. Ш, стр. 9), и Александръ Полигисторъ, стр. 138 („Fragm. H. Gr.", т. Ш, стр. 239). Разсказъ о томъ, будто Пиѳагоръ служилъ въ арміи Нергила, царя Ассирійскаго („Ahydène", стр. 7 въ „Fragm. H. Gr.", Ш, стр. 282), основывается, вѣроятно, на смѣшеніи именъ; между греческими царями Кипра, упоминаемыми въ надписяхъ Асаргаддона и Ассурбанипала, встрѣчается одинъ правитель, имя котораго Писагуру, напоминало бы имя Пиѳагора, если бы только произношеніе его было точно установлено.

[4]) Ср. „Fragm. H. Gr.", т. II, стр. 24—26; Демокриту приписывается переводъ одного ассирійскаго сочиненія на греческій языкъ. О легендѣ Демокрита химика см. у Бертело, „Les origines de l'alchimie", стр. 145 и слѣд.

текъ, каждый листъ которыхъ состоялъ изъ покрытаго письменами и обожженаго кирпича: Каллисѳенъ получалъ нѣкоторыя изъ записывавшихся такимъ образомъ астрономическихъ наблюденій и посылалъ ихъ своему учителю Аристотелю [1]). Но это единичный фактъ: презрѣніе, которое греки питали къ изученію варварскихъ языковъ, помѣшало имъ воспользоваться надлежащимъ образомъ документами, собранными въ архивахъ храмовъ [2]). Кромѣ того, вниманіе ихъ было отвлечено предметомъ, болѣе интереснымъ для нихъ, чѣмъ ученыя системы жрецовъ. Халдея издавна славилась своими открытіями въ области магіи и астрологіи. Суевѣрные греки нашли у нихъ цѣлый сводъ законовъ и наставленій, который далъ имъ возможность утверждать, что существуетъ тѣсная связь между движеніемъ небесныхъ свѣтилъ и земными событіями, объяснять вліяніе этихъ свѣтилъ на явленія природы или на судьбы людей и предсказывать будущее по взаимному положенію и виду небесныхъ тѣлъ. Греція преклонилась передъ превосходствомъ халдеевъ въ дѣлѣ астрологіи и уступила имъ привилегію эксплоатировать сокровища сомнительной мудрости, собранныя ими впродолженіе многихъ вѣковъ. Всѣ гадатели, маги и прорицатели были или уроженцами береговъ Евфрата, или, желая имѣть практику, должны были имѣть право сослаться на то, что учились въ древнихъ святилищахъ Барсипа или Урука: названіе халдей стало синонимомъ волшебника. Спустя одно столѣтіе Борозъ открылъ въ Косѣ публичный курсъ астрологіи [3]): халдейская магія завоевала міръ въ тотъ самый моментъ, когда Халдея испускала послѣдній вздохъ [4]).

Безспорное превосходство въ этихъ сомнительныхъ наукахъ было не единственнымъ наслѣдіемъ, завѣщаннымъ Халдеей семитическому міру: ея языкъ тоже пережилъ ее и долго еще господствовалъ въ странахъ, покоренныхъ ея оружіемъ. Утонченное нарѣчіе. которымъ пользовались ниневійскіе и вавилонскіе скрибы для оффиціальныхъ надписей, давно уже сдѣлалось чѣмъ-то, вродѣ языка привилегированнаго сословія, понятнаго лишь избран-

[1]) Симилицій, „Commentaires sur Aristote, De Cœlo", стр. 503, A.

[2]) Гиппархъ описалъ, однако, по вавилонскимъ источникамъ, нѣсколько наблюденій надъ лунными затменіями, именно надъ затменіями 720, 710, 621 и 523 гг. (Птоломей, „Magna syntaxis", IV, 5, 8; V, 14.

[3]) Витрувій, IX, 4.

[4]) О введеніи въ Греціи халдейской астрологіи см. замѣчанія Буше-Леклерка, „Histoire de la Divination dans l'Antiquité", т. I, 206 и слѣд.

нымъ и совершенно незнакомаго простымъ смертнымъ. Халдейскій народъ, населявшій города и села, говорилъ на арамейскомъ языкѣ болѣе грубомъ, но болѣе звучномъ и менѣе сжатомъ, и этотъ-то языкъ безсознательно распространяли побѣдители вездѣ, куда только ни появлялись. Съ незапамятныхъ временъ у нихъ установилось обыкновеніе увозить съ собою плѣнныхъ, которыхъ они захватили во время своихъ набѣговъ, и разселять ихъ по вновь присоединеннымъ къ Халдеѣ городамъ. При саргонидахъ собственно вавилоняне и арамеяне давали самый большій контингентъ такихъ невольныхъ колонистовъ: большое число ихъ поселилось на берегахъ Евфрата и Оронта, въ Битъ-Адини, въ окрестностяхъ Гамаѳа и Дамаска, среди хеттійцевъ. Безпрестанно подкрѣпляемые толпами новыхъ изгнанниковъ, постоянно увеличиваясь въ числѣ, вслѣдствіе добровольнаго присоединенія къ нимъ народовъ пустыни, такихъ же арамеянъ какъ и они,—они оказались настолько сильнѣе туземцевъ, которые вдобавокъ слабо сопротивлялись, что сразу пріобрѣли громадный перевѣсъ надъ ними, а затѣмъ и совершенно поглотили остатки прежняго населенія. Паденіе Ниневіи и побѣда Набукудуруссура при Гаргамишѣ, передавъ непосредственную власть надъ ними въ руки ихъ же соотечественниковъ, остававшихся въ Халдеѣ, еще болѣе способствовали ихъ усиленію, а, слѣдовательно, и увеличенію ихъ способности поглощать другія народности; сѣверная Сирія стала однимъ изъ главныхъ мѣстопребываній арамейской расы, почти самимъ Арамомъ. Когда персидское владычество смѣнило халдейское, арамейскій языкъ не потерялъ своего значенія. Онъ сталъ оффиціальнымъ языкомъ во всѣхъ западныхъ провинціяхъ государства: его находятъ и на монетахъ Малой Азіи, и на папирусахъ и на надгробныхъ памятникахъ (стеллахъ) Египта [1]), и въ указахъ и перепискѣ сатраповъ, и даже великаго царя. Отъ Низиба до Рафіи и отъ береговъ Персидскаго залива до береговъ Краснаго моря онъ замѣнилъ почти всѣ языки, семитическіе и другіе, на которыхъ говорили до того. Финикійскій языкъ въ началѣ съ успѣхомъ сопротивлялся ему, и долго еще продержался на побережьѣ и на островѣ Кипрѣ [2]), еврейскій же языкъ, уже ранѣе тронутый во время плѣненія, стушевался передъ нимъ и мало-по-малу исчезъ при соприкосновеніи съ языками, на которыхъ говорили народы, сосѣдніе съ Іерусалимомъ. Онъ еще продолжалъ существовать, какъ „*благородный языкъ* аристократіи, оставшейся вѣрной старому іудейскому режиму“, а потомъ, когда арамейскій языкъ отнялъ у него послѣднее убѣжище, остался только литературнымъ и богослужебнымъ языкомъ [1]).

[1]) Клермонъ-Ганно, „Origine perse des monuments araméens d'Egypte“, 1880.
[2]) Ренанъ, „Histoire des langues sémitiques“, 1873, стр. 196.

Евреи: Ездра, Неемія и Моисеевъ законъ.

Товарищи Зоровавеля и Іисуса, освобожденные указомъ Кира, оставили Вавилонъ, при всеобщихъ кликахъ радости, но прибытіе ихъ на родину далеко не сопровождалось восторгомъ, котораго ожидали пророки. Нѣсколько семействъ расположились коекакъ среди развалинъ Іерусалима, другіе разбрелись по пригороднымъ поселеніямъ, на сѣверѣ и на западѣ. Водвореніе ихъ произошло очень легко: Виѳлеемъ, Анаѳоѳъ, Гива, Киріаѳъ—Іеаримъ, Михмашъ, Веѳиль,Ононъ и Іерихонъ, наполовину обезлюдѣвшіе со времени плѣненія, съ радостью привѣтствовали это увеличеніе ихъ населенія [2]). Но на югѣ движеніе было пріостановлено эдомитянами, которымъ Набукудуруссуръ нѣкогда отдалъ Хевронъ, Іудею и Акрабаттену, въ награду за ихъ услуги [3]). Завладѣвъ страной, евреи приступили къ возстановленію храма. Не прошло и года со времени ихъ возвращенія, а жертвенный алтарь уже стоялъ на своемъ прежнемъ мѣстѣ, дожидаясь жертвоприношеній [4]). Въ слѣдующемъ году, въ присутствіи всего народа, положенъ былъ первый камень самого храма. Новый храмъ далеко не достигалъ размѣровъ древняго; поэтому „многіе изъ священниковъ, левитовъ и главъ поколѣній, старики, которые видѣли прежній храмъ, при основаніи новаго храма плакали громко“. Наоборотъ поколѣнія, которыя родились въ изгнаніи и которымъ воспоминанія о славномъ прошломъ не нарушали радости настоящаго, „восклицали отъ радости громогласно. И не могъ народъ распознать восклицаній радости отъ воплей плача народнаго, потому что народъ восклицалъ громко, и голосъ слышенъ былъ далеко“ [5]).

[1]) Ренанъ, „Histoire des langues sémitiques“, 1873, стр. 144 и слѣд.
[2]) Ездра, II, 1 и слѣд.
[3]) Акрабаттена была частью территоріи, расположенной по Іордану, между Іерихономъ и границей Самаріи.
[4]) Ездра, III, 3. Въ текстѣ этомъ говорится, повидимому, что найдено было основаніе прежняго жертвеннаго алтаря и на немъ построенъ новый.
[5]) Ездра, III, 10—13.

Когда первый энтузіазмъ улегся, обнаружились трудности почти непреодолимыя. У колонистовъ средствъ было мало: почти всѣ богачи остались въ Халдеѣ [1]), предоставивъ своимъ менѣе состоятельнымъ соотечественникомъ честь возстановленія священнаго города. Переселенцы скоро узнали, къ своему огорченію, что Сіонъ вовсе не идеальный городъ, „ворота котораго всегда будутъ открыты, и ни днемъ, ни ночью не будутъ закрыты для ввоза сокровищъ всего міра", они не только не „высасывали молока у народовъ и не питались грудью царей" [2]), но ихъ поля едва удовлетворяли самымъ насущнымъ ихъ потребностямъ. „Вы сѣете много, говоритъ Господь Саваоѳъ, а собираете мало; ѣдите, но не въ сытость; пьете, но не напиваетесь; одѣваетесь, а не согрѣваетесь; зарабатывающій плату—зарабатываетъ для дыряваго кошелька" [3]).

Враждебность самаритянъ еще болѣе увеличила ихъ затрудненія. Со времени паденія Израильскаго царства, въ горахъ Ефремовыхъ жили сирійцы и халдеяне и выходцы изъ Вавилона и изъ Куты, Авы, Гамаѳа (Емаѳа) и Сепарваима, которыхъ ниневійскіе цари переселили туда въ нѣсколько пріемовъ. „И какъ въ началѣ жительства своего тамъ они не чтили Господа, то Господь посылалъ на нихъ львовъ, которые умерщвляли ихъ. И донесли царю ассирійскому, и сказали: народы, которыхъ ты переселилъ и поселилъ въ городахъ Самарійскихъ, не знаютъ закона Бога той земли, и за то Онъ посылаетъ на нихъ львовъ, и вотъ они умерщвляютъ ихъ, потому что они не знаютъ закона Бога той земли". Тогда къ нимъ послали одного изъ плѣнныхъ священниковъ, который научилъ ихъ „закону" Іеговы и назначилъ „священниковъ высотъ изъ среды ихъ, они служили у нихъ въ капищахъ высотъ" [4]). Узнавъ о предстоявшемъ возстановленіи Іерусалимскаго храма, самаритине исполнились радости и попросили у Зоровавеля позволенія принять участіе въ работахъ: „Мы хотимъ строить съ вами, потому что мы молимся одному Богу съ вами и приносимъ Ему жертвы, съ тѣхъ поръ какъ Асархаддонъ поселилъ насъ здѣсь". За полстолѣтія до того ихъ посольство было бы принято съ радостью, но евреи-изгнанники уже не питали такой нѣжности къ языческимъ божествамъ, какъ прежніе евреи: они умерли

[1]) Ездра, I, 4—6.
[2]) Анонизмъ, (Исаія, LX, V, 11, 16).
[3]) Аггей, I, 5.
[4]) IV книга Царствъ, XVII, 24—40.

для идолопоклонства [1]). Зоровавель отклонилъ предложеніе этихъ выходцевъ изъ Куты, присоединявшихъ къ имени Іеговы имена своихъ прежнихъ боговъ—Адраммелеха, Пиргала, Тартака и Аннамелеха: оскорбленные его отказомъ, они задумали помѣшать выполненію дѣла, къ которому имъ не дали присоединиться, и донесли о немъ персамъ, какъ о предпріятіи, способномъ нарушить миръ въ монархіи. Киръ, введенный въ заблужденіе ихъ доносами, отнялъ у евреевъ данное имъ разрѣшеніе, и едва предпринятая постройка была отложена по царскому указу на цѣлыхъ пятнадцать лѣтъ [2]). Наконецъ, во второмъ году царствованія Дарія, сына Гистаспа, два пророка, Аггей и Захарія, возвысили свои голоса [3]). Захарія, сынъ священника и самъ священникъ, обращался главнымъ образомъ къ Іисусу и въ немъ видѣлъ всю надежду Іудеи. Аггей, еще пропитанный прежними царскими традиціями, возлагалъ надежду на Зоровавеля: „потрясу я небо и землю; и ниспровергну престолы царствъ и истреблю силу царствъ языческихъ, опрокину колесницы и сидящихъ на нихъ, и низринуты будутъ кони и всадники ихъ, одинъ мечомъ другого. Въ тотъ день, говоритъ Господь Саваоѳъ, Я возьму тебя, Зоровавель, сынъ Салаѳиилевъ, рабъ мой, говоритъ Господь, и буду держать тебя, какъ печать; ибо Я избралъ тебя, говоритъ Господь Саваоѳъ" [4]). Упреки этихъ двухъ людей вывели народъ изъ оцѣпененія и заставили его возобновить работы. На этотъ разъ ненависть самаритянъ уже не въ силахъ была помѣшать ихъ окончанію: Дарій, узнавъ отъ сирійскаго правителя обо всемъ происходившемъ, приказалъ въ точности и немедленно исполнить приказъ Кира, и четыре года спустя храмъ былъ оконченъ [5]).

Выполнивъ эту задачу, Зоровавель исчезъ со сцѣны. Неизвѣстно, почилъ ли онъ мирно близъ воздвигнутаго имъ храма, или вынужденъ былъ возвратиться въ Вавилонъ? Одного такого предсказанія, какъ предсказаніе Аггея было совершенно достаточно, чтобы персы заподозрили его въ измѣнѣ и чтобы онъ былъ ото-

[1]) Это выраженіе Квенена „Religion nationale et religion universelle", стр. 214.
[2]) Ездра, IV, 1—5.
[3]) О политическихъ тенденціяхъ Аггея и Захарія см. Квененъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 213—214.
[4]) Аггей, II, 21—23
[5]) Ездра, IV—VI.

званъ [1]). Послѣ него единственнымъ правителемъ остался Іисусъ. Значеніе первосвященника значительно усилилось во время изгнанія. Онъ сталъ не только начальникомъ надъ жертвоприносителями и первымъ между священниками, но и высшимъ духовнымъ лицомъ; по устраненіи потомковъ Давида, къ нему перешло первое мѣсто въ народныхъ совѣтахъ. „Такимъ образомъ, фактически установилось достоинство первосвященника, какъ почти необходимое слѣдствіе положенія дѣлъ и если позднѣе фактъ этотъ возведенъ былъ въ теорію и сталъ главной составной частью законодательства, то насъ это не должно удивлять, тѣмъ болѣе что исторія христіанскихъ папъ представляетъ совершенно тождественный примѣръ. Епископъ города, находящагося въ такихъ условіяхъ, какъ Іерусалимъ или Римъ, не имѣющій къ тому же по близости свѣтскаго государя, всегда имѣетъ шансы самому сдѣлаться государемъ" [2]). Составъ еврейской колоніи сдѣлалъ переходъ этотъ еще легче. Число лицъ, имѣвшихъ ту или иную связь съ храмомъ, было очень велико, и положеніе духовенства измѣнилось. Іезекіиль первый объявилъ, что право прислуживать у жертвеннаго алтаря имѣютъ лишь тѣ, чье благочестіе всегда было непоколебимо, т.-е. „сыны Садока": онъ исключилъ изъ священническаго званія дѣтей Левія, которыя прежде приносили жертвы на высотахъ, и перемѣстилъ ихъ на второстепенныя должности; это распоряженіе, изданное въ теоріи, начало впервые примѣняться на практикѣ по возвращеніи изъ плѣна, и въ первый разъ въ исторіи еврейской религіи званіе священника было отдѣлено отъ имени левита [3]). Понятно, что это разжалованіе не могло нравиться тѣмъ, кого оно коснулось: немногіе левиты, семьдесятъ четыре изъ четырехъ тысячъ священниковъ, согласились оставить Вавилонъ. Затѣмъ іерархію дополнили пѣвчіе, привратники и потомки посвященныхъ Богу рабовъ. Всѣ они вмѣстѣ составляли сплоченную корпорацію въ пять тысячъ человѣкъ, т.-е. около восьмой части всего населенія [4]), и Іисусу не стоило большого труда до-

[1]) Разсказъ Іосифа („Ant. Iud.", XI, 1—2) о двухъ экспедиціяхъ Зоровавеля позаимствованъ, повидимому, частью изъ канонической книги Ездры, частью изъ не каноническаго сочиненія, носящаго названіе третьей книги Ездры.

[2]) Рейссъ, „Bible, l'Histoire Sainte et la Loi", т. I, стр. 229—230.

[3]) Квененъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 202—204.

[4]) Восьмая часть, судя по общему числу, приведенному у Ездры, II, 64, и шестая, если принять въ соображеніе отдѣльныя числа, приведенныя для каждаго изъ семействъ, составлявшихъ колонію.

биться провозглашенія себя начальникомъ этой общины. Ему наслѣдовалъ сынъ его Іоакимъ, затѣмъ внукъ Еліашибъ [1]). Власть ихъ, ограниченная въ политической сферѣ надзоромъ сирійскихъ сатраповъ, была чрезвычайно обширна въ области гражданскихъ и религіозныхъ дѣлъ. Лишь изрѣдка они снисходили до того, чтобы въ серьезныхъ случаяхъ посовѣтываться съ высшими священниками, шейхами или ихъ собраніемъ [2]). Подъ ихъ властью Іерусалимъ скорѣе прозябалъ, чѣмъ жилъ. То, чего ждали отъ Іеговы, было такъ необыкновенно, и пророки такъ много наобѣщали отъ него, что всѣми невольно овладѣло разочарованіе, когда они увидѣли, какъ мало дѣйствительность оправдывала ихъ надежды. Второзаконіе все еще имѣло силу закона, но хотя оно дѣйствовало уже болѣе столѣтія, „оно все еще, сколько мы можемъ судить, не привлекло къ себѣ сердецъ народа. Напрасно раздавались со всею своею серьезностью и настойчивостью его увѣщанія: „Слушай, Израиль... люби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣми силами твоими" [3]). Если слова эти и находили нѣкоторый отголосокъ въ совѣсти небольшого числа людей, то все же не составилось особеннаго народа, посвященнаго Іеговѣ [4]). „Напротивъ, браки съ иноплеменными женщинами моавитянками, филистимлянками и кутеянками, все больше и больше портили чистоту расы. Древній языкъ уже мало-по-малу сталъ исчезать, и можно было предвидѣть моментъ, когда маленькая еврейская семья окончательно потеряетъ свою индивидуальность, если не религію [5]).

Спасеніе пришло изъ Вавилона. Тѣ изъ изгнанниковъ, которые жили тамъ, вдали отъ единственнаго храма, который признавали законнымъ, сдѣлали себѣ обыкновеніе собираться вмѣстѣ каждую субботу для взаимнаго назиданія помощью общей молитвы, чтенія и проповѣди: синагоги, учреждаемыя повсюду, гдѣ только они собирались въ достаточномъ количествѣ, не давали изгнанникамъ быть поглощенными окружавшими ихъ язычниками какъ это случилось съ потомками Ефрема. Въ первое время, послѣ того какъ основы религіи были спасены не заботились о томъ, чтобъ въ чи-

[1]) Неемія, XII, 10.

[2]) О такихъ размѣрахъ власти первосвященниковъ см. Квененъ, „The religion of Israel", т. II, стр 214—215.

[3]) Второзаконіе, VI, 5.

[4]) Квененъ, „Religion nationale et religion universelle", стр. 121.

[5]) Ездра, IV—X; Неемія, 24—31.

стотѣ сохранить внѣшнія ея формы. Правда, Езекіиль ввелъ въ свой планъ возстановленія и ритуалъ, но его идеями въ этомъ отношеніи мало воспользовались его современники: онѣ восторжествовали только при слѣдующемъ поколѣніи и сдѣлались какъ бы правиломъ, которымъ вдохновлялись іудейскіе ученые. Во времена царей Іерусалимскій храмъ имѣлъ свои собственные законы, опредѣлявшіе до мельчайшихъ подробностей даже церемоніи очищенія, даровъ и жертвоприношеній, отношенія членовъ духовенства другъ къ другу и къ общинѣ — словомъ, все, что составляло въ глазахъ вѣрующихъ „право той земли"; но законы эти, передаваемые устно изъ вѣка въ вѣкъ, большею частью не были записаны и подвергались опасности быть забытыми за недостаткомъ храма, гдѣ бы они примѣнялись. Священники занялись ихъ собираніемъ, согласованіемъ и приданіемъ болѣе глубокаго смысла имъ и ихъ происхожденію. Это была кропотливая и долгая работа, но главная часть ея была уже кончена къ половинѣ V столѣтія и составила особую книгу, названную Книгой Началъ. Книга Началъ — это въ одно и тоже время и сводъ законовъ, и исторія, но исторія по большей части играетъ въ нихъ лишь роль, какъ бы мотивировки приведенныхъ законовъ [1]). Если авторъ ея восходитъ до начала вещей, то это потому, что разсказъ о сотвореніи міра является подтвержденіемъ одного изъ предписаній изданнаго священниками законодательства: Богъ, проработавъ шесть дней и отдыхая въ седьмой день, подтвердилъ примѣромъ проповѣдь о наблюденіи дня субботняго [2]). Разсказывая съ наслажденіемъ о заключеніи договора между Богомъ и Авраамомъ, онъ этимъ думаетъ оправдать обычай обрѣзанія и суровыя предписанія, связанныя съ этимъ обрядомъ [3]). Тамъ, гдѣ факты не соотвѣтствуютъ его намѣреніямъ, онъ ихъ сокращаетъ, выпускаетъ, измѣняетъ, придаетъ имъ чисто вымышленный характеръ или до такой степени искажаетъ, что они перестаютъ соотвѣтствовать требованіямъ дѣйствительности. Такъ, идею единственнаго храма онъ приписываетъ Моисею, а израильтянъ въ пустынѣ дѣлаетъ обладателями переносной скиніи. Онъ приводитъ въ цифрахъ ея размѣры, перечисляетъ ея части и высчитываетъ количество матерій, кожъ и металла, употребленныхъ на ея построеніи и обстановку. Матеріалы для этого опи-

[1]) См. объ этихъ вопросахъ: Рейссъ, „Histoire Sainte et la Loi", т. I, стр. 237, и слѣд.; Квененъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 148 и слѣд.

[2]) Книга Бытія, I, II, 4.

[3]) Книга Бытія, XVII.

санія даетъ ему Іерусалимскій храмъ, но онъ забываетъ принорoвить находившіеся въ немъ предметы къ потребностямъ кочевой жизни и обременяетъ дѣтей Израиля принадлежностями, слишкомъ тяжелыми для кочевниковъ [1]). По правдѣ сказать, ошибка тутъ не велика, потому что, гововоря о прошедшемъ, онъ имѣлъ въ виду настоящее: его способъ пониманія судебъ народа пришелся по вкусу вавилонскимъ священникамъ и сдѣлался какъ бы оффиціальной версіей первоначальной его исторіи.

Главные тексты закона, для котораго разсказы служатъ только рамкой, приписываются Моисею - не умирающему Моисею, какимъ онъ является во Второзаконіи, а Моисею — предводителю народа и войска въ Синайской пустынѣ [2]). Здѣсь не мѣсто подробно разсматривать ихъ: Нѣкоторые изъ нихъ, наименѣе многочисленные, аналогичны съ предписаніями пятикнижія Моисеева во Второзаконіи и воспрещаютъ идолопоклонство [3]), приношеніе въ жертву дѣтей [4]), прелюбодѣяніе, кровосмѣшеніе [5]), обвѣшиваніе и обмѣриваніе при продажѣ [6]), но большая часть ихъ относится къ организаціи богослуженія. Раньше жертвоприношеніе было добровольнымъ актомъ и большинство пророковъ готово было воскликнуть вмѣстѣ съ Оссіей: „Милости хочу, а не жертвы и Благовѣдѣнія болѣе нежели всесожженій" [7]). Въ новомъ законѣ, напротивъ, поражаетъ возведеніе религіознаго культа въ обязанность, вмѣняемую всему народу Божію и каждому израильтянину въ частности [8]). Судя по количеству жертвъ, требуемыхъ священниками, можно было подумать, что человѣкъ рожденъ единственно для того, чтобъ удовлетворять потребностямъ жертвенника въ большіе годовые праздники, въ субботу и во всѣ дни. Все тутъ предусмотрено: и способъ доставленія животнаго, и способъ убоя, разрѣзанія на части и распредѣленія этихъ частей. „Если жертва его есть всесожженіе изъ крупнаго скота: пусть принесетъ ее мужескаго пола,

[1]) О скиніи см. Велльгоузенъ, „Prolegomena zur Geschichte Israels", стр. 35 и слѣд. Разсказа о построеніи скиніи еще не существовало въ его настоящей формѣ въ то время, когда сдѣланъ былъ переводъ семидесяти толковниковъ.

[2]) Исходъ, XXV, I—XXXI и 17; XXXV, и слѣд.; Левитъ, VIII—X и т. д

[3]) Левитъ, XIX, 4; Исходъ, XXII, 20.

[4]) Левитъ, XX, 4.

[5]) Левитъ, XVIII, 5, XX, 10.

[6]) Левитъ, XIX, 25.

[7]) Оссія, VI, 6.

[8]) Квененъ, „Religion nationale of religion universelle", стр. 126.

безъ порока; пусть приведетъ ее къ дверямъ скинiи собранiя, чтобы прiобрѣсть ему благоволенiе предъ Господомъ. И возложитъ руку свою на голову *жертвы* всесожженiя, и прiобрѣтетъ онъ благоволенiе, во очищенiе грѣховъ его. И заколетъ тельца предъ Господомъ; сыны же Аароновы, священники, принесутъ кровь и покропятъ кровiю со всѣхъ сторонъ на жертвенникъ, который у входа скинiи собранiя. И сниметъ кожу съ *жертвы* всесожженiя и разсѣчетъ ее на части. Сыны же Аароновы, священники, положатъ на жертвенникъ огонь и на огнѣ разложатъ дрова. И разложатъ сыны Аароновы, священники, части, голову и тукъ на дровахъ, которыя на огнѣ, на жертвенникѣ. А внутренности *жертвы* и ноги ея вымоетъ онъ водою, сожжетъ священникъ все на жертвенникѣ: *это* всесожженiе, жертва, благоуханiе прiятное Господу. Если жертва всесожженiя его (Господу) изъ мелкаго скота, изъ овецъ, или козъ; пусть принесетъ ее мужескаго пола, безъ порока. (И пусть возложитъ руку на голову ея). И заколетъ ее предъ Господомъ на сѣверной сторонѣ жертвенника, и сыны Аароновы, священники, покропятъ кровiю ея на жертвенникъ со всѣхъ сторонъ. И разсѣкутъ ее на части, *отдѣливъ* голову ея и тукъ ея, и разложитъ ихъ священникъ на дровахъ, которыя на огнѣ, на жертвенникѣ. А внутренности и ноги вымоетъ водою, и принесетъ священникъ все и сожжетъ на жертвенникѣ: *это* всесожженiе, жертва, благоуханiе прiятное Господу" [1]). Тоже самое говорится относительно приношенiя въ жертву птицъ [2]). Вся эта проливаемая кровь, все это сжигаемое мясо, возливаемое вино, молоко и масло требовали отъ хранителей храма и жертвенника соблюденiя безупречнѣйшей чистоты. Всякiй частный человѣкъ и всякiй священникъ, обязанные безпрестанно исполнять обрядъ жертвоприношенiя, должны были всегда соблюдать требуемую закономъ чистоту, иначе приношенiе ихъ не имѣло никакого значенiя въ глазахъ Iеговы. „Святы будьте, ибо Святъ Я, Господь вашъ" [3]). „Освящайте себя, и будьте святы, ибо Господь Богъ вашъ Святъ" [4]). Для пророковъ, жившихъ до изгнанiя, святость была нравственной добродѣтелью. „Съ чѣмъ предстать мнѣ предъ Господомъ, преклониться предъ Богомъ небеснымъ? Предстать ли предъ Нимъ со всесожженiями, —съ тельцами однолѣтними?—Но можно ли угодить Господу тысячами овновъ,— или несчетными потоками елея?.. О человѣкъ! сказано тебѣ, что добро,—и чего требуетъ отъ тебя Господь: Любить дѣла милосердiя—и смиренномудренно ходить предъ Богомъ твоимъ" [1]). Для священниковъ чистота эта состояла преимущественно въ матерiальномъ соблюденiи заключавшихся въ законѣ предписанiй. Ея можно было потерять невольно, почти не сознавая этого, отъ прикосновенiя платьемъ своимъ къ нечистому предмету или лицу [2]); а возвратить ее можно было исполненiемъ различныхъ обрядовъ искупленiя. Всякое нарушенiе, какъ бы ничтожно оно ни было, обязывало виновнаго къ особой жертвѣ: разъ въ годъ, въ судный день, священникъ совершалъ очищенiе отъ грѣховъ всѣхъ сыновъ Израиля [2]).

[1]) Левитъ, I, 3—13.
[2]) Левитъ, I, 14—17.
[3]) Левитъ, XIX, 2.
[4]) Левитъ, XX, 8.

Жившие въ Халдеѣ священники и думать не могли о томъ, чтобы лично начать примѣнять это законодательство. Впродолженiи нѣсколькихъ лѣтъ они довольствовались тѣмъ, что пересматривали свое произведенiе, расширяли и объясняли его письменно и устно; за невозможностью быть жертвоприносителями, они сдѣлались учеными и книжниками. Когда же теорiя перестала ихъ удовлетворять, и они захотѣли перейти къ практикѣ, они встрѣтились съ затрудненiями въ Iерусалимѣ. Народъ обнаруживалъ мало склонности платить десятину, правильно соблюдать обряды и исполнять религiозныя обязанности, изъ которыхъ самая главная состояла, повидимому, въ томъ, чтобы содержать на свой счетъ многочисленное духовенство. Священники, которыхъ также коснулась общая распущенность, стали приносить негодныя жертвы и обращаться съ Богомъ такъ, какъ люди обращались съ ними. Одинъ пророкъ, послѣднiй изъ тѣхъ, пророчества которыхъ дошли до насъ [3]), потребовалъ у нихъ во имя Господа отчета въ ихъ поведенiи, но его голосъ, бывшiй слишкомъ слабымъ отголоскомъ великихъ поэтовъ предшествовавшаго столѣтiя, не удостоился вниманiя въ землѣ Израиля. Наконецъ, въ 458 г., въ

[1]) Михей, V, 7—10.
[2]) Такъ напр. отъ прикосновенiя къ трупу нечистаго животнаго (Левитъ, V, 2), даже насѣкомаго (Левитъ, XI, 20—25).
[3]) Левитъ, XVI, I, 29—34. Квененъ, „The religion of Israel", т. II, стр. 251 и слѣд.; „Religion nationale et religion universelle", стр. 125—126.
[4]) Это именно тотъ, котораго неправильно называютъ Малахiей: одно довольно древнее преданiе утверждаетъ, будто этотъ писатель, имя котораго теперь затерялось, былъ Ездра.

царствованіе Артаксеркса I, новая партія поселенцевъ подъ начальствомъ Ездры явилась на подмогу той части населенія Іерусалима, которая пропитана была новыми идеями. Ездра былъ свѣдующій книжникъ, который расположилъ сердце свое къ тому, чтобы изучать законъ Господень и исполнять его, и научить Израиль закону и правдѣ [1]). Его репутація, какъ ученаго и вѣрноподданнаго, такъ прочно установилась среди его соотечественниковъ и среди персовъ, что царь безъ затрудненія далъ ему письменныя полномочія, разрѣшавшія ему въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „обозрѣть Іудею и Іерусалимъ по закону Бога твоего", затѣмъ поставить „правителей и судей, чтобы они судили весь народъ за рѣкою (Евфратомъ),—всѣхъ, знающихъ законы Бога твоего", какъ евреевъ, такъ и ихъ послѣдователей [2]). Изъ племенъ, оставшихся до того времени въ Вавилонѣ, три племени, въ количествѣ тысячи четырехсотъ девяносто шести лицъ низшаго сословія, тридцати восьми левитовъ и двухсотъ двадцати служителей храма, согласились сопровождать его. Исходъ, начатый торжественнымъ постомъ, длился четыре мѣсяца [3]). По прибытіи къ цѣли своего путешествія и по принесеніи благодарственныхъ жертвъ, переселенцы съ горестью узнали, что „народъ Израилевъ, священники и левиты, не отдѣлились отъ народовъ иноплеменныхъ.., они взяли дочерей ихъ за себя и за сыновей своихъ и смѣшалось сѣмя святое съ народами иноплеменными; и притомъ рука знатнѣйшихъ и главнѣйшихъ была въ семъ беззаконіи первою". При этихъ печальныхъ извѣстіяхъ Ездра разорвалъ на себѣ одежды, сталъ рвать себѣ волосы на головѣ и бородѣ, затѣмъ остался на мѣстѣ въ глубокомъ оцѣпененіи, между тѣмъ какъ вѣрующіе собрались вокругъ него. Только въ часъ вечерней жертвы онъ нарушилъ молчаніе, и, упавъ на колѣни, простеръ руки къ Господу, исповѣдывался въ грѣхахъ своего народа. „Боже мой! я стыжусь и боюсь поднять лицо мое къ Тебѣ, Боже мой, потому что беззаконія наши стали выше головы и вина наша возросла до небесъ... И послѣ всего, постигшаго насъ за худыя дѣла наши и за великую вину нашу,—ибо Ты, Боже нашъ! пощадилъ насъ по мѣрѣ беззаконія нашего и далъ намъ такое избавленіе,—неужели мы опять будемъ

[1]) Ездра, VII, 5—10.
[2]) Ездра, VII, 11—29.
[3]) Ездра, VIII, 1—35.

нарушать заповѣди Твои и вступать въ родство съ этими отвратительными народами? Не прогнѣваешься ли ты на насъ даже до истребленія насъ, такъ что не будетъ уцѣлѣвшихъ и не будетъ спасенія. Господи, Боже Израилевъ, праведенъ Ты. Ибо мы остались уцѣлѣвшими до сего дня; и вотъ мы въ беззаконіяхъ нашихъ предъ лицомъ Твоимъ" [1]). Его волненіе сообщилось присутствовавшимъ, и одинъ изъ нихъ, Шеханія, сынъ Іехіила, признавъ беззаконность поступковъ своего народа, спросилъ у Ездры, есть ли какая-нибудь надежда для Израиля: „Заключимъ теперь завѣтъ съ Богомъ нашимъ, что, по совѣту господина моего и благоговѣющихъ передъ заповѣдями Бога нашего, мы отпустимъ отъ себя всѣхъ женъ и дѣтей, рожденныхъ ими,—и да будетъ по закону! Встань, потому что это твое дѣло, и мы съ тобою: ободрись и дѣйствуй!" Ездра не замедлилъ согласиться на это предложеніе, значительно облегчавшее его задачу: онъ принялъ клятву отъ присутствовавшихъ священниковъ и шейховъ, затѣмъ удалился въ одну изъ комнатъ храма и тамъ провелъ ночь безъ пищи и питья, „потому что плакалъ о преступленіи переселенцевъ" [2]). Немного времени спустя, въ 17-й день двадцатаго мѣсяца, онъ приказалъ всѣмъ іудеямъ собраться вмѣстѣ, угрожая тѣмъ, кто не явится на призывъ въ продолженіи трехъ дней, отнятіемъ имущества и исключеніемъ изъ общины. Это происходило въ декабрѣ, и причина созыва осталась тайной для большинства народа, который, собравшись передъ храмомъ, дрожалъ подъ дождемъ, не зная, что ждетъ его. Ездра поднялся, рѣзко обличилъ ихъ въ преступленіи и сказалъ: „Итакъ, покайтесь въ семъ предъ Господомъ, Богомъ отцовъ вашихъ, и исполните волю Его, и отлучите себя отъ народовъ земли и отъ женъ иноплеменныхъ". Только двое осмѣлились возразить противъ этого предложенія и нашли поддержку только въ одномъ шейхѣ и одномъ левитѣ: остальные согласились, попросивъ лишь о нѣсколькихъ дняхъ отсрочки, которая и была имъ дана. Спустя два мѣсяца разводы были совершены. Неизвѣстно, сколькихъ частныхъ людей коснулся этотъ приговоръ, но и въ числѣ ста тринадцати священниковъ, женатыхъ на иноплеменныхъ женщинахъ, нашлись священники, согласившіеся отослать своихъ женъ вмѣстѣ съ дѣтьми ихъ: многіе *поступили по закону* [3]).

[1]) Ездра, VIII, 35—1, X.
[2]) Ездра, X, 1—5.
[3]) Езда, X, 5—44. Ср. Квененъ, „The religion of Israel", т II, стр. 218—223.

Послѣ этого перваго успѣха Ездра, принужденъ былъ прекратить начатое дѣло. Нечестивые браки, которые онъ отвергалъ съ отвращеніемъ, успокоили было ненависть сосѣднихъ народовъ; изгнаніе же женщинъ пробудило ее съ новой силой, и евреямъ опять стали угрожать тѣ же опасности, что и по возвращеніи изъ изгнанія. Эта новая вспышка вражды была тѣмъ прискорбнѣе, что какъ разъ въ то время возмущенія Инара и Амиртея обратили на сирійскія границы государства подозрительное вниманіе великаго царя. Стѣны Іерусалима были разрушены и ворота сожжены [1]), неизвѣстно по какому поводу, но, вѣроятно, при проходѣ войскъ, отправлявшихся въ Египетъ. Возникла было мысль объ ихъ ихъ возстановленіи, но самаритяне воспротивились этому: „Да будетъ же извѣстно царю, что если этотъ городъ будетъ построенъ, и стѣны возстановлены, то ни подати, ни налога, ни пошлины не будутъ давать, и царской казнѣ сдѣланъ будетъ ущербъ... послѣ этого не будетъ у тебя владѣнія за рѣкою“ (Евфратомъ [2]). Былъ полученъ приказъ остановить работы, и святой городъ остался беззащитнымъ противъ нападенія своихъ враговъ [3]). Ездра принесъ съ собой горе и раздоры въ предѣлы страны и униженіе и опасности извнѣ: вліяніе, пріобрѣтенное имъ вначалѣ, ослабѣло, и смѣшанные браки снова стали допускаться. Эти годы уединенія и безсилія не прошли для него даромъ. Онъ былъ очень свѣдущъ въ дѣлахъ религіи, но ему не доставало яснаго пониманія стремленій и состоянія умовъ въ народѣ, пониманія, для пріобрѣтенія котораго ему понадобилось продолжительное пребываніе въ Іерусалимѣ. Книга закона, которую онъ привезъ съ собою изъ Вавилона, очевидно, далеко не соотвѣтствовала потребностямъ положенія Іудеи въ то время; кромѣ того, онъ не могъ ввести ее безъ содѣйствія священниковъ храма [4]), а только время могло обезпечить за нимъ это содѣйствіе. Между тѣмъ, частыя сношенія между евреями, возвратившимися изъ изгнанія, и евреями, оставшимися еще на чужбинѣ, продолжались по прежнему. Одинъ изъ послѣднихъ, Неемія, принадлежавшій къ могущественному роду и служившій у Артаксеркса виночерпіемъ, тронутый бѣдствіями Іерусалима, рѣшился просить царя сжалиться надъ его единовѣрцами. „Въ мѣсяцѣ Нисанѣ, въ

[1]) Неемія, 1—3.
[2]) Ездра, IV, 13-17.
[3]) Ездра, IV, 23.
[4]) Квененъ, „The religion of Israel“, т. II, стр. 232—233.

двадцатый годъ царя Артаксеркса, было передъ нимъ вино, и я взялъ вино и подалъ царю, и, казалось, не былъ печаленъ передъ нимъ. Но царь сказалъ мнѣ: „Отчего лицо у тебя печально; ты не боленъ, — этого нѣтъ; а вѣрно, печаль на сердцѣ?“ — Я сильно испугался и сказалъ царю: „Да живетъ царь во вѣки! Какъ не быть печальнымъ лицу моему, когда городъ, домъ гробовъ отцовъ моихъ, въ запустѣніи, и ворота его сожжены огнемъ!“ Царь, который былъ въ этотъ день милостиво настроенъ, разрѣшилъ ему оставить Сузу, нарубить въ царскихъ лѣсахъ столько дерева, сколько было нужно, и вновь отстроить замокъ, стѣны и домъ правителя [1]). Это было не по сердцу врагамъ іудеевъ, и начальники ихъ, Санаваллатъ изъ Веѳорона и аммонитянинъ Товія, пустили въ ходъ всѣ средства, чтобы воспрепятствовать исполненію этого намѣренія. Но Неемія разрушилъ всѣ ихъ козни, и тайно осмотрѣвъ городъ и ознакомившись съ его положеніемъ, сообщилъ начальникамъ общины о распоряженіяхъ, вѣстникомъ которыхъ онъ являлся: работа, распредѣленная между отдѣльными семьями, окончена была въ пятьдесятъ два дня [2]).

Это былъ союзникъ для Ездры, и союзникъ тѣмъ болѣе могущественный, что его интимныя обязанности при царѣ и титулъ правителя давали ему значительный авторитетъ. Такъ какъ опасность со стороны внѣшнихъ враговъ была устранена, то онъ рѣшилъ, что настало время обнародовать религіозное законодательство, которое должно было сдѣлать изъ іудеевъ служителей Божьихъ по преимуществу. Въ первый день седьмого мѣсяца, незадолго до осеннихъ праздниковъ, народъ собрался въ Іерусалимѣ, на площади передъ Водяными воротами. Ездра стоялъ на деревянномъ возвышеніи, нарочно сдѣланномъ для этого, а рядомъ съ нимъ находились главные изъ помогавшихъ ему священниковъ. „Онъ открылъ книгу передъ глазами всего народа, и когда онъ открылъ ее, весь народъ всталъ. И благословилъ Ездра Господа, Бога великаго. И весь народъ отвѣчалъ, поднимая вверхъ руки свои: — аминь, аминь, и поклонялись, и повергались предъ Господомъ лицомъ до земли“. Началось чтеніе: по прочтеніи каждой главы, стоявшіе здѣсь и тамъ левиты объясняли и развивали на понятномъ языкѣ заключавшіяся въ ней положенія, такъ чтобы

[1]) Неемія, II.
[2]) Неемія, II—VI.

всѣ могли понять ихъ. Длинное перечисленіе грѣховъ и искупленій и заключавшіяся въ нѣкоторыхъ статьяхъ угрозы произвели на толпу такое же впечатлѣніе непобѣдимаго ужаса, какое нѣкогда произвели предписанія и проклятія Второзаконія на современниковъ Осіи: раздались рыданія и проявленія отчаянія дошли до того, что вызвавшіе ихъ Неемія, Ездра и пояснявшіе законъ левиты сами же принуждены были успокаивать народъ: „День сей святъ Господу, Богу вашему, говорили они: не печальтесь и не плачьте... Пойдите, ѣшьте тучное и пейте сладкое, и посылайте части тѣмъ, у кого ничего не приготовлено, и не печальтесь, потому что радость предъ Господомъ — подкрѣпленіе для васъ. И левиты успокаивали народъ, говоря: „Перестаньте, ибо день сей святъ, не печальтесь. И пошелъ весь народъ ѣсть и пить, и посылать части и праздновать съ великимъ веселіемъ, ибо поняли слова, которыя сказали имъ“ [1]). Ездра позаботился о томъ, чтобы первый энтузіазмъ не охладѣлъ: на другой же день онъ созвалъ шейховъ, священниковъ и левитовъ, съ цѣлью установить на будущее время порядокъ праздниковъ. „И нашли написанное въ законѣ, который Господь далъ чрезъ Моисея, чтобы сыны Израилевы въ седьмомъ мѣсяцѣ, въ праздникъ, жили въ кущахъ“. Въ продолженіе семи дней Іерусалимъ былъ весь убранъ зеленью, кущи изъ оливковыхъ, миртовыхъ и пальмовыхъ вѣтвей возвышались вездѣ: на крышахъ домовъ, во дворахъ, въ оградѣ храма, у городскихъ воротъ [2]). Затѣмъ, въ двадцать седьмой день того же мѣсяца, народъ облекся въ трауръ, чтобы покаяться въ своихъ грѣхахъ и въ прегрѣшеніяхъ отцовъ своихъ [3]). Наконецъ, чтобъ завершить дѣло, Ездра и Неемія заставили его торжественно поклясться, что онъ будетъ отнынѣ почитать Моисеевъ законъ и устраивать свою жизнь сообразно съ нимъ. „Мы поклялись... не отдавать дочерей своихъ иноземнымъ народамъ и ихъ дочерей не брать за сыновей своихъ; и когда иноземные народы будутъ привозить товары и все продажное въ субботу, не брать у нихъ въ субботу и въ священный день, и въ каждый седьмой годъ не засѣвать полей и прощать долги всякаго рода. И поставили мы себѣ въ законъ давать отъ себя по трети сикля въ годъ на потребности для дома Бога нашего: на хлѣбы предложенія,

[1]) Неемія, VIII, 1—12.
[2]) Неемія, VIII, 13—18.
[3]) Неемія, IX.

на всегдашнее хлѣбное приношеніе и на всегдашнее всесожженіе, на субботы, на новомѣсячія, на праздники, на священныя вещи и на жертвы за грѣхъ для очищенія Израиля, и на все, совершаемое въ домѣ Бога нашего. И бросили мы жребіи о доставкѣ дровъ; священники, левиты и народъ, когда и которому поколѣнію нашему въ назначенныя времена, изъ года въ годъ, производимыя ежегодно привозить ихъ къ дому Бога нашего, чтобъ они горѣли на жертвенникѣ Господа, Бога нашего, по написанному въ законѣ. И обязались мы каждый годъ приносить въ домъ Господень начатки земли нашей и начатки всякихъ плодовъ со всякаго дерева также привозить въ домъ Бога нашего къ священникамъ, служащимъ въ домѣ Бога нашего, первенцовъ изъ сыновей нашихъ и изъ скота нашего, какъ написано въ законѣ, и первородное отъ крупнаго и мелкаго скота нашего, и начатки изъ молотаго хлѣба нашего и приношеній нашихъ, и плодовъ со всякаго дерева, вина и масла, мы будемъ доставлять священникамъ въ кладовыя при домѣ Бога нашего десятину съ земли нашей левитамъ. Они, левиты, будутъ брать десятину во всѣхъ городахъ, гдѣ у насъ земледѣліе. При левитахъ, когда они будутъ брать левитскую десятину, будетъ находиться священникъ, сынъ Аарона, чтобы левиты десятину изъ своихъ десятинъ отвозили въ домъ Бога нашего, въ комнаты, отдѣленныя для кладовой. И мы не оставимъ дома Бога нашего“ [1]).

Законъ встрѣтилъ горячее сопротивленіе. Многіе даже изъ священниковъ и пророковъ нашли, что реформаторы прибѣгли къ слишкомъ крутымъ мѣрамъ для достиженія своихъ цѣлей, что изгнаніе иноплеменныхъ женщинъ было по меньшей мѣрѣ неблагоразумно, и что увеличеніе десятинъ и умноженіе жертвоприношеній налагали на общину черезчуръ большія тягости. Присутствіе Нееміи долго сдерживало ихъ терпѣніе, но поѣздка, которую онъ совершилъ въ Сузы въ 436 г., возвратила имъ наконецъ, мужество. У Товія аммонитянина было въ Іерусалимѣ много родственниковъ и друзей, и первосвященникъ Эліашибъ отдалъ въ его распоряженіе одну изъ комнатъ храма. Чужеземные купцы и сами евреи открыто нарушали день субботній: выжимали, какъ и во всякіе другіе дни, виноградный сокъ или привозили въ Іеру-

[1]) Неемія, X. Сравн. относительно подлинности свѣдѣній заключающихся въ этой и въ предыдущихъ главахъ: Квененъ, „The religion of Israel“, т. II, стр. 286 и слѣд.

салимъ хлѣбъ, вино, виноградъ, винныя ягоды, рыбу и всякій другой грузъ. Десятина не соблюдалась, и запрещенные союзы опять стали частымъ явленіемъ: внукъ Эліашиба женился на дочери Саннаваллата. По возвращеніи, Неемія не колеблясь прибѣгъ къ угрозамъ и силѣ для возстановленія права. Туземные и Тирскіе купцы не впускались въ городскія ворота въ день субботній. Имущество Товія было выброшено изъ комнаты при храмѣ, и сосѣднія съ нею части храма были очищены. Съ мужьями иноплеменныхъ женщинъ поступлено было очень сурово: „Я сдѣлалъ за это выговоръ и проклиналъ ихъ, и нѣкоторыхъ изъ мужей билъ, рвалъ у нихъ волосы, и заклиналъ ихъ Богомъ". Тѣ, на которыхъ этотъ способъ воздѣйствія не имѣлъ вліянія, вынуждены были удалиться изъ города: внукъ Эліашиба удалился къ своему тестю [1]). Борьба еще долго продолжалась: за нѣсколько лѣтъ до завоеванія Александра Македонскаго другой членъ священническаго рода, Манассія, женившійся на дочери другого Саннаваллата, вынужденъ былъ покинуть Іерусалимъ. Самаритяне приняли его и основали для него на горѣ Гаридимъ храмъ Іеговы, соперничавшій съ Іерусалимскимъ храмомъ [2]). Тѣмъ временемъ оппозиція стала мало по-малу ослабѣвать, и новыя поколѣнія, съ дѣтства пріученныя преклоняться передъ волей Божьей, выраженной въ законѣ, инстинктивно и какъ бы естественно начинали любить и исполнять предписанія, которыя предки ихъ считали черезчуръ суровыми: старый Израиль перерождался. Прежде всего изгладилось понятіе о царскомъ достоинствѣ, а затѣмъ исчезъ и даръ пророчества. Пророкъ, постоянно увлекаемый воображеніемъ и энтузіазмомъ, не могъ уже существовать въ средѣ, гдѣ всякое движеніе и почти всякая мысль опредѣлены были заранѣе и гдѣ малѣйшее уклоненіе отъ правила строго наказывалось: на смѣну ему явился законникъ, книжникъ, умѣвшій объяснять священныя тексты и разгадывать ихъ отвлеченный смыслъ [3]).

Между тѣмъ, народъ размножался; разбросанность не только не вредила, но даже благопріятствовала его развитію, и большинство дѣтей Израиля, сдѣлавшись чуждыми своимъ собратьямъ, не могли уже принимать матеріальнаго участія въ обрядахъ, освя-

[1]) Неемія, XIII.
[2]) Іосифъ, „Ant. jud. XI, VII, 2—4.
[3]) Квененъ, „The religion of Israel", т. I, стр. 240 и слѣд.

щавшихъ національное единство. Законы и преданія были единственнымъ достояніемъ, оставшимся какъ у халдейскихъ, такъ и у персидскихъ или египетскихъ евреевъ, но законы и преданія разсѣяны были во многихъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ нѣкоторыя, какъ напримѣръ, исторія происхожденія еврейскаго народа, книга союза и законодательство Іосіи относились ко времени независимости и не всегда были доступны даже ученымъ. Понятно, что мысль о собраніи и соединеніи ихъ должна была прійти на умъ книжникамъ, смѣнившимъ Неемію: они долго и терпѣливо работали надъ ея осуществленіемъ впродолженіе столѣтія, предшествовавшаго завоеваніямъ Александра. Для составленія исторіи первыхъ вѣковъ міра у нихъ были двѣ книги, изданныя около восьмого столѣтія въ Іудейскомъ и Израильскомъ царствахъ. Онѣ раздѣлили ихъ на части, которыя связали другъ съ другомъ весьма короткими переходами, нимало не позаботившись объ устраненіи противорѣчій и повтореній. Относительно періода непосредственно предшествовавшаго установленію колѣнъ въ землѣ Ханаанской, героемъ котораго сдѣлался Моисей, они придерживались порядка, который указывали имъ свѣдѣнія, заключавшіяся въ двухъ главныхъ сводахъ законовъ. Сводъ Ездры, послѣдній по времени, имѣлъ преимущество, такъ какъ авторъ его утверждалъ, что онъ былъ составленъ у подножія Синая, въ пустынѣ. Сводъ Іосіи, который, какъ полагаютъ, былъ обнародованъ въ равнинѣ Моабитской и на берегахъ Іордана, занялъ второе мѣсто послѣ свода Ездры. Эта совокупность священныхъ разсказовъ и божественныхъ постановленій, впослѣдствіи дополненная и раздѣленная на пять книгъ, и составляетъ въ настоящее время наше Пятикнижіе [1]). Оно еще не было вполнѣ закончено, когда совершилось паденіе персидской монархіи, поглотившее всѣ силы еврейскаго народа и не давшее ему вмѣшаться въ происходившія вокругъ него событія. Народъ этотъ перенесъ на себѣ всѣ политическіе перевороты того времени, какъ вторженіе Тахо въ Египетъ, завоеванія Александра, но самъ не принималъ въ нихъ участія. Да и что могла сдѣлать горсть людей, которою онъ располагалъ для своей защиты, противъ армій, оспаривавшихъ другъ у друга владычество надъ міромъ?

[1]) См. Рейссъ, „L'histoire sainte et la Loi", т. I. Введеніе, доказательство этихъ фактовъ.

Египетъ.

Ассирія уже не существовала; Вавилонъ и Финикія были при послѣднемъ издыханіи; евреи принадлежали еще болѣе прошедшему, чѣмъ настоящему; одинъ только несокрушимый Египетъ спасся среди общаго крушенія и, казалось, долженъ былъ пережить своихъ соперниковъ настолько же, насколько предшествовалъ имъ въ исторіи. Онъ принадлежалъ къ числу восточныхъ странъ наиболѣе знакомыхъ грекамъ: купцы, наемники и путешественники свободно объѣзжали его, и въ писаніяхъ Геката Милетскаго, Геродота Галикарнасскаго и Гелланика Лесбосскаго [1]) отмѣчены всѣ его особенности. Къ нему подъѣзжали обыкновенно съ запада, какъ еще и теперь дѣлаютъ европейскіе туристы и торговцы. До эпохи Александра Ракоти былъ простой деревней [2]), а слава острова Фароса состояла только въ томъ, что онъ былъ воспѣтъ Гомеромъ [3]). Но вдоль Канопійскаго рукава были расположены Навкратисъ и зависѣвшіе отъ него поселенія, Анѳилла и Аркандруполисъ [4]). Они составляли какъ-бы продолженіе Греціи; настоящій же Египетъ начинался только отъ Саиса, на нѣсколько миль восточнѣе. Саисъ былъ полонъ воспоминаніями 26-й династіи: тамъ показывали дворецъ, въ которомъ Псамитикъ II принималъ депутацію отъ Элеи, явившуюся посовѣтоваться съ нимъ относительно Олимпійскихъ игръ [5]), и дворецъ, въ которомъ послѣ пораженія своего былъ заключенъ и казненъ Уаибри [6]). Пропилеи храма богини Нитъ казались гигантскими людямъ, привыкшимъ къ небольшимъ размѣрамъ большей части греческихъ храмовъ [7]). Богиня была очень гостепріимна къ чужестранцамъ: она равно принимала и грековъ, и персовъ на свои празднества и посвящала ихъ въ свои тайны, — не требуя отъ нихъ ничего, кромѣ

[1]) Относительно греческихъ писателей, описывавшихъ Египетъ до Александра, сравн. свѣдѣнія, собранныя А. фонъ-Гутшмадомъ, „Scriptorum rerum aegyptiacarum series“ („Philologus“, т. X).

[2]) Бругшъ, „Dict. géographique“, стр 66, 68, 451.

[3]) Одиссея, IV, 354—359.

[4]) Геродотъ, II, XCVII—XCVIII. Мѣстонахожденіе этихъ двухъ городовъ еще съ точностью не опредѣлено.

[5]) Геродотъ, II, CIXXC; Діодоръ, I, 95, относитъ этотъ самый анекдотъ къ царствованію Амазиса.

[6]) Геродотъ, II, CIX.

[7]) Геродотъ, II, CLXXV

нѣкотораго умѣнія молчать [1]). Вечеромъ, въ 17-ый день мѣсяца Тота, Геродотъ видѣлъ, какъ всѣ обыватели, богатые и бѣдные, поставили вокругъ своихъ домовъ большія плоскія лампы, наполненныя масломъ и солью, которыя прогорѣли затѣмъ всю ночь въ честь Озириса и умершихъ [2]). Онъ проникъ въ храмъ бога съ неизрѣченнымъ именемъ и присутствовалъ, затерявшись въ толпѣ, при сценахъ жизни, страсти и воскресенія, представленныхъ священниками на священномъ озерѣ [3]). Теологи не открывали варварамъ самой сути своего ученія, но и то немногое, что они показывали, внушало греческимъ путешественникамъ уваженіе и удивленіе.

И тогда, какъ и теперь, города, расположенные въ центрѣ и на востокѣ Дельты, посѣщались мало. Тѣмъ не менѣе, путешественники заглядывали для ознакомленія въ одинъ—другой изъ нихъ, стараясь собрать объ остальныхъ какъ можно болѣе свѣдѣній. То, что они узнавали объ этихъ городахъ изъ устъ туземцевъ, способно было возбуждать сильное любопытство. Мендесъ почиталъ своего бога подъ видомъ живого козла [4]) и оказывалъ всѣмъ животнымъ этой породы нѣкоторую долю благоговѣнія, которое чувствовалъ къ священному козлу [5]). Жители Атарбики на островѣ Просопитисѣ поклонялись быку. Когда такой быкъ умиралъ гдѣ либо, его зарывали въ предмѣстьи, выставляя изъ земли только одинъ рогъ или оба, чтобъ обозначить мѣсто погребенія. Разъ въ годъ барки, выѣзжавшія изъ Атарбики, объѣзжали страну и собирали сгнившія тѣла или скелеты, которые затѣмъ тщательно погребали въ общемъ некрополѣ [6]). Религія египтянъ Бузириса носила воинственный характеръ: во время праздника Изиды дѣло доходило у нихъ до рукопашной, и ихъ фанатическая ярость сообщалась даже присутствовавшимъ чужеземцамъ. Карійцы сумѣли даже превзойти туземцевъ: они, подобно нынѣшнимъ мусульма-

[1]) Геродотъ, II, CLXX: Περὶ μὲν νσν τούτων εἰδοτι μοι ἐπὶ πλέον ὡς ἔκαυταaὑτῶν ἔχει, εὔστομα κεέσθω...

[2]) Геродотъ, II, LXII, это праздникъ *зажиганія огня*, день котораго обозначенъ, между прочимъ, въ большой Сіутской надписи.

[3]) Геродотъ, II, CLXXI.

[4]) Геродотъ, увѣряетъ, что козелъ и богъ носили имя Мендеса; на самомъ дѣлѣ надписи называютъ козла, котораго почитали въ Мендесѣ, Биннибдиду, душа, бога, господина Диду, и имя это, произносившееся народомъ Бингдиди, дало грекамъ форму Μένδης, Μενδητος.

[5]) Геродотъ, II, XLVI.

[6]) Геродотъ, II, XLI.

намъ-шiитамъ въ годовщину смерти Гуссейна, дѣлали себѣ на лбу порѣзы ножами [1]). Въ Папримисѣ также драка составляла часть культа, но тамъ это было иначе устроено. Вечеромъ въ праздникъ Онури [2]), при закатѣ солнца, нѣсколько жрецовъ наскоро приносили жертву, между тѣмъ какъ остальное мѣстное духовенство становилось въ дверяхъ храма, вооружившись толстыми палками. По окончанiи церемонiи они ставили изображенiе бога на четырехколесную колесницу, какъ бы для того, чтобы увезти его въ другой храмъ, но остальные жрецы противились этому и заграждали дорогу. Тутъ уже вмѣшивались и вѣрующiе: они взламывали дверь и обрушивались съ палками на жрецовъ, которые достойнымъ образомъ встрѣчали ихъ. Палки были тяжелы, руки сильны и схватка продолжалась долго, но никто ни разу не бывалъ убитъ въ ней, по крайней мѣрѣ, какъ утверждали жрецы, и я не понимаю, почему Геродотъ, не бывшiй жрецомъ въ Папримѣ, позволяетъ себѣ отвергать это свидѣтельство [3]).

Геродотъ почти всегда упоминаетъ о городахъ Дельты только по поводу какого-нибудь храма или праздника, и въ самомъ дѣлѣ, въ второстепенныхъ городахъ Египта, такъ же какъ и въ маленькихъ итальянскихъ городкахъ, нечего было видѣть, кромѣ религiозныхъ памятниковъ. Геродотъ посѣщалъ Буто или Танисъ, какъ теперь посѣщаютъ Орвiетто или Лоретту, чтобы полюбоваться храмомъ или поклониться знаменитому святилищу. Всего чаще самый городъ не значилъ ничего: укрѣпленная ограда, нѣсколько жалкаго вида домишекъ, гдѣ проживали богачи и правительственные чины, да на холмикахъ изъ древнихъ развалинъ, накоплявшихся столѣтiями, утлыя лачужки изъ битой глины или обожженнаго кирпича, раздѣленныя на неправильныя группы узкими и извилистыми улицами. Весь интересъ сосредоточивался на храмѣ и на его обителяхъ, людяхъ и богахъ. Путешественникъ по возможности старался проникнуть въ него, осматривалъ то, что ему показывали, и отправлялся дальше, радуясь, если ему выпадало счастье, какъ Геродоту въ Бубастѣ, прiѣхать какъ разъ къ годовому празднику. Паломники толпами стекались со

1) Геродотъ, II, LIX, LXI.

2) Это египетское имя Бога, котораго Геродотъ называетъ Аресомъ.

3) Геродотъ, II, LXIII. Также точно въ Каирѣ увѣряли, что ни одинъ изъ вѣрующихъ, подвергавшихся испытанiю дозеха, не бывалъ раненъ копытами ходившей по ней лошади.

всѣхъ концовъ Египта, скучиваясь безъ разбору какъ мущины, такъ и женщины, на большихъ судахъ. Во всю дорогу происходило нѣчто вродѣ безпрестаннаго маскарада. Каждый разъ какъ причаливали къ берегу, женщины высаживались при страшномъ шумѣ погремушекъ и флейтъ и принимались ругаться съ туземными женщинами съ плясками и кривлянiями. Праздникъ Бастита не заключалъ въ себѣ ничего, что особенно отличало бы его въ глазахъ чужеземцевъ отъ другихъ египетскихъ праздниковъ: это была торжественная процессiя съ гимнами и жертвоприношенiями. Но въ продолженiе нѣсколькихъ недѣль, предшествовавшихъ ему или слѣдовавшимъ за нимъ, городъ Бубастъ обращался въ обширное увеселительное мѣсто. Боги небесные ликовали, предки радовались; присутствующiе напивались виномъ, украсивъ свои головы вѣнками; народъ весело расхаживалъ съ головами, съ которыхъ струились благовонiя; дѣти съ восхода и до заката солнца рѣзвились въ честь богини [1]). Мѣстные жители не безъ гордости расказывали, что во время праздника въ одинъ день выпивалось болѣе вина, чѣмъ во весь остальной годъ [2]).

Прибрежныя болота давали убѣжище своеобразному населенiю, защищая его отъ персидскихъ вторженiй [3]), и посѣщенiй туристовъ. Населенiе это состояло изъ людей очень храбрыхъ, вѣчно воевавшихъ съ иноземцами, но бѣдныхъ и плохо питавшихся. Свое освѣтительное масло они извлекали не изъ оливокъ, а изъ простой клещевины [4]), и пили исключительно пиво [5]); за недостаткомъ зернового хлѣба, они ѣли корни или зерна лотоса, а нѣкоторые — вареные или жареные стебли папируса [6]). Главной ихъ пищей была рыба, которую имъ въ изобилiи доставляли Мензалехъ и сосѣднiя озера [7]). Объ ихъ населенныхъ пунктахъ и памятникахъ нѣтъ никакихъ свѣдѣнiй, да и очень возможно, что ихъ и не стоило посѣщать. За исключенiемъ нѣсколькихъ купцовъ и нѣсколькихъ предпрiимчивыхъ солдатъ, которыхъ привлекала въ

1) Дюмихенъ, „Dendera", табл. XXVII, стр. 17—19. Это описанiе праздника опьяненiя въ Дендерѣ, но оно вѣрно и относительно праздника въ Бубастѣ.

2) Геродотъ, II, CXXXVII—CXXXVIII.

3) Геродотъ, II, XCIV.

4) Θукидидъ, I, 110.

5) Геродотъ, II, LXXVII. Мѣсто, гдѣ говорится о пивѣ, можетъ относиться только къ египтянамъ, жившимъ въ болотахъ.

6) Геродотъ, II, XCII.

7) Геродотъ, II, XCIII.

эти болота жажда наживы, большая часть чужеземцевъ, проникавшихъ въ Египетъ черезъ восточную границу, держалась военнаго пути, — изъ Пелузы въ Дафну и изъ Дафны въ Бубастъ. Около Керказоръ, въ области верхней Дельты начинали показываться на горизонтѣ пирамиды, сначала казавшіяся маленькими, но по мѣрѣ приближенія къ нимъ достигавшія такихъ размѣровъ, что во время наводненія, когда вся долина отъ Аравійскихъ до Ливійскихъ горъ представляетъ лишь огромную рѣку, судно все время, казалось, плыло у ихъ подножья и почти въ ихъ тѣни [1]). Оставивъ слѣва Геліополисъ съ его храмомъ солнца и каменоломни Трои, путешественники достигали, наконецъ, набережныхъ Мемфиса.

Для грековъ того времени Мемфисъ былъ тѣмъ, чѣмъ долго былъ Каиръ для нашихъ современниковъ: городомъ восточнымъ по преимуществу, представителемъ и какъ бы живымъ типомъ древняго Египта. Несмотря на бѣдствія, постигшія его въ теченіе предшествовавшихъ столѣтій, это былъ еще очень красивый и самый большой городъ, какой только существовалъ на Востокѣ, не исключая и Вавилона. Религіозные празднества, и въ особенности празднество въ честь Аписа, привлекали туда въ извѣстные дни года миріады паломниковъ. Торговля безпрестанно приводила туда толпы чужеземцевъ, пріѣзжавшихъ изъ разныхъ концовъ Африки и Азіи. Его гавань и улицы должны были представлять, подобно нынѣшнимъ улицамъ Каира, пестрое зрѣлище сотенъ различныхъ народовъ и костюмовъ, финикіянъ, евреевъ, арамеянъ, грековъ и ливійцевъ, начиная съ египетскаго жреца съ бритой головой и въ длинной бѣлой одеждѣ и кончая персидскимъ солдатомъ изъ крѣпости Бѣлой Стѣны и суданскимъ негромъ съ умащенными жиромъ волосами, страусовыми перьями на головѣ, кольцами въ носу, въ ушахъ, на рукахъ и на ногахъ и въ короткихъ, полосатыхъ панталонахъ яркихъ цвѣтовъ. Въ большинствѣ случаевъ народы, посѣщавшіе городъ, имѣли тамъ каждый свой кварталъ, носившій его имя: финикіяне — Тирскій Лагерь [2]); карійцы — Карійскую Стѣну; кромѣ туземныхъ мемфисцевъ, были также *каромемфисцы* и *эллиномемфисцы* [3]). Животныя, которыхъ

---

[1]) Геродотъ, II, XVII, XIX, XCVII. Начиная съ Керказоръ, другой дороги, кромѣ Нила уже не было, все равно съ востока ли, или съ запада, со стороны Саиса или Бубаста, направлялись путешественники.

[2]) Геродотъ, II, CXII: - Τοριων ρτοατόπεδον.

[3]) Аристагоръ Милетскій (стр. 5 у Мюллера, „Fragm. H. Gr.“, т. II, стр.

всего менѣе ожидаешь встрѣтить на улицахъ большого города, какъ коровы, овцы и козы безъ церемоніи ходили среди толпы, потому что простонародье, вмѣсто того чтобъ жить, какъ обыкновенно, отдѣльно отъ скота, жило вмѣстѣ съ нимъ [1]), помѣщая его въ своихъ домахъ. И это была не единственная черта нравовъ, которая должна была показаться странной всякому новопріѣзжему. Можно было сказать, что египтяне нарочно старались быть во всемъ противуположностью чужеземцамъ. Булочникъ, виднѣвшійся за работой за дверью своей лавки, мѣсилъ тѣсто ногами; зато каменьщикъ не щадилъ своихъ рукъ и не употреблялъ никакого орудія для своихъ штукатурныхъ работъ, а народъ прямо собиралъ руками уличную грязь, смѣшанную съ нечистотами для замазки стѣнъ своихъ хижинъ [2]). Въ Греціи бѣднѣйшіе жители обѣдали дома при закрытыхъ дверяхъ; египтяне же не стѣснялись ѣсть и пить на улицѣ, потому что, говорили они, некрасивыя и дурныя дѣла должны совершаться въ тайнѣ, честныя же открыто [3]). Первый попавшійся въ сторонѣ отъ уличнаго движенія уголъ промежутокъ между двумя лугами, ступенька, на которой можно было пріютиться у дверей дома или храма, — все годилось имъ для столовой. Меню ихъ было несложно: родъ плоской лепешки, кислой на вкусъ и испеченной не изъ пшеницы или ржи, а изъ полбы [4]), иногда луковица или порей, иногда кусочекъ мяса или птицы, запиваемый кружкой пива или вина. Чужеземцу тутъ нечѣмъ было бы соблазниться, но если бъ онъ и навязался самъ, то ему не были бы рады. Грекъ, питавшійся коровьимъ мясомъ, считался самымъ нечистымъ человѣкомъ, и ни одинъ мущина, ни одна женщина изъ простонародья не согласились бы ѣсть изъ одной миски съ нимъ или поцѣловать его въ видѣ привѣтствія въ губы [5]). Египетская вѣжливость не допу-

---

98), по Стефану Византійскому: Ἑλληνικόν καὶ Κασικὸν, τόποι ἐν Μέμφιδι, ἀφ᾽ ὧν Ἑλληνομεμφῖται καὶ Καρομεμφῖται, ὡς Ἀρισταγόρας, и Καρικὸν, τόπος ἰδιάςων ἐν Μέμφιδι ἔνθα Κᾶρες οἰκήσαντες, ἐπιγαμίας πρὶς Μεμφίτας ποιησάμενοι, Κάρομεμφῖται ἐκλήθησαν.

[1]) Геродотъ, II, XXXVI.

[2]) Геродотъ, II, XXXVI.

[3]) Геродотъ, II, XXXV.

[4]) Геродотъ, II, XXXVI. Въ другомъ мѣстѣ (II, LXXVII) онъ вызываетъ этотъ хлѣбъ χυλλήστις а это названіе, которое извѣстно еще Геккату Милетскому (стр. 290 у Мюллера, „Frag. H. Gr.“, т. I, стр. 20), есть только точный списокъ египетскаго кулишти, нѣсколько разъ упоминаемаго въ документахъ эпохи фараоновъ („Papyrus Anastasi“, V, табл. XXI, стр. 5).

[5]) Геродотъ, II, XLI.

скала такой фамиліарности, какъ греческая: друзья при встрѣчѣ останавливались на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, кланялись и обнимали или дѣлали видъ, что обнимаютъ, колѣни другъ у друга [1]). Молодые люди уступали дорогу старикамъ, а если сидѣли при встрѣчѣ съ ними, то подымались, чтобы пропустить ихъ мимо. Путешественникъ вспоминалъ, что лакедемоняне дѣлали тоже самое, и не особенно удивлялся этому знаку почтенія [2]), но ничто въ Греціи не подготовило его къ тому, чтобъ видѣть, какъ честныя женщины свободно расхаживаютъ повсюду безъ провожатыхъ и безъ покрывала, съ ношами на плечахъ въ противоположность мущинамъ, которые носятъ тяжести на головахъ, какъ онѣ ходятъ по рынкамъ и торгуютъ въ лавкахъ, въ то время какъ мужья и отцы остаются по домамъ, ткутъ полотно, мѣсятъ горшечную глину и исполняютъ разныя ремесленныя работы [3]). Изъ этого не слѣдуетъ, однако, выводить заключеніе, что мущины были порабощены въ Египтѣ, а женщины пользовались господствующимъ положеніемъ. Одни относили происхожденіе этого обычая ко времени Озириса, другіе ко времени Сезостриса; вообще, Сезострисъ былъ для греческихъ историковъ послѣднимъ убѣжищемъ во всѣхъ ихъ затрудненіяхъ [4]).

Окрестности города, особенно окрестности древняго царскаго квартала, защищены были многими прудами, остатками древнихъ священныхъ озеръ, которыя Уаибри нѣкогда вторично вырылъ [5]). Древній дворецъ фараоновъ уже начиналъ разрушаться, но въ Бѣлой Стѣнѣ жизнь еще кипѣла ключемъ. Во время Геродота въ ней помѣщалась цѣлая персидская армія, та самая, которая подавила возстаніе Амиртея и которая предоставлена была въ распоряженіе сатрапа на случай новаго возмущенія. Въ самомъ городѣ находилось множество храмовъ: въ иностранномъ кварталѣ — храмъ финикійской Астарты, въ которомъ священники сирійскаго происхожденія исполняли со времени восемнадцатой династіи мистеріи въ честь великой богини, далѣе храмъ Ваалзефона и храмъ Марнита; въ египетской части города — „храмъ

---

[1]) Геродотъ, II, XXXVII, LXXX.

[2]) Геродотъ, II, LXXX.

[3]) Геродотъ, II, XXXV.

[4]) Нимфадоръ Сиракузскій (стр. 21 у Мюллера, „Fragm. H. Graec., т. II, стр. 380), гдѣ статья XXXV второй книги Геродота приведена почти цѣликомъ, съ прибавленіями неизвѣстнаго происхожденія.

[5]) Бругшъ, „Monuments", t. 1, pl. III; Маріеттъ, „Mon. divers", pl. 30 в.

Ра, храмъ Аммона, храмъ Тума, храмъ Бастита и храмъ Изиды" [1]). Храмъ Фта, еще нетронутый, представлялъ взорамъ посѣтителя зрѣлище такое же, по крайней мѣрѣ, какое представляетъ фиванскій храмъ Аммона въ Карнакѣ. Каждый царь что-нибудь да измѣнялъ по своему въ его первоначальномъ планѣ, прибавляя, кто обелиски, кто колоссальныя статуи, кто пилонъ, кто залъ съ колоннами. Пополняемый такимъ образомъ послѣдовательными заботами тридцати династій, онъ представлялъ собою нѣчто вродѣ музея египетской древности, въ которомъ каждое изображеніе, каждая надпись, каждая статуя, привлекали вниманіе и возбуждали любопытство. Являлось желаніе узнать, что это за народы, такъ странно одѣтые, представлены на той картинѣ, изображающей битву,—какъ звали царя, который ихъ побѣдилъ, и что побудило его построить такую-то часть зданія, — и всегда находились люди, готовые по силѣ возможности удовлетворить любознательность посѣтителей. Тутъ же находились толмачи, переводившіе эти объясненія, и путешественники, имѣвшіе случай пользоваться драгоманами, легко себѣ могутъ представить, какую цѣну имѣли свѣдѣнія, получаемыя такимъ образомъ. Жрецы низшаго разбора, привратники и ключари, были возведены въ званіе толкователей и въ общихъ чертахъ знали исторію храма, въ которомъ жили: Мена основатель его, Мири пристроилъ сѣверные пропилеи [2]), Рампсинитъ — западные [3]), Псамитикъ — южные [4]), Азихисъ—восточные, самые красивые [5]). Кромѣ того они могли разсказать, кто такой былъ Мена. Жители Мемфиса, родившіеся у подножія храма Фта и пирамидъ, были хорошо освѣдомлены относительно Мена и Хуфу и готовы были, поэтому, приписать имъ все, что сдѣлали великаго всѣ фараоны древнихъ династій. По ихъ утвержденію, Мена не только построилъ храмъ но и создалъ самый городъ; онъ не только создалъ городъ, но и извлекъ изъ воды самую землю, на которой городъ построенъ. До него весь Египетъ представлялъ одно сплошное болото, за исключеніемъ Ѳиванской провинціи, и не существовало еще ни одного округа изъ тѣхъ, которые находятся къ сѣверу отъ Меридова

---

[1]) Перечисленіе это большею частью заимствовано изъ „Papyrus Sallier", nº IV, verso, pl. I, l. 1, pl. II, l. 11.

[2]) Геродотъ, II, CI.

[3]) Геродотъ, II, CXXI.

[4]) Геродотъ, II, CLIII.

[5]) Геродотъ, II, CXXXVI.

озера. Наносы мало-по-малу заполнили заливъ, и образовали тамъ новые пласты земли. Мена отвелъ для ихъ оздоровленія воду изъ рѣки и построилъ Мемфисъ на почвѣ, осушенной собственными трудами. И путешественникъ присоединился къ этому утвержденію, потому что онъ самъ могъ видѣть процессъ отложенія осадковъ: на разстояніи дня пути отъ морского берега нельзя было закинуть лотъ, чтобы онъ не покрылся при этомъ черноватымъ иломъ — явное доказательство того, что Нилъ по прежнему продолжалъ заносить дно морское. Мы находимъ Мена во главѣ списка фараоновъ, но я никому не предложу искать на памятникахъ именъ Мири, Азихиса, Ферона, Протея и большинства лицъ, исторію которыхъ разсказываетъ Геродотъ. Египетскія записи представляли нѣсколько способовъ обозначенія государя. На одномъ пилонѣ надпись была вырѣзана съ именемъ его, какъ государя, на другомъ — съ его собственнымъ именемъ или съ присвоеннымъ ему народнымъ прозваніемъ, какъ напримѣръ Сезострисъ; на третьемъ, наконецъ, простой титулъ Прути или Феро, окруженный или неокруженный картушью, указывалъ въ общихъ чертахъ, въ родѣ разсказа, на царя, имя котораго было полностью изображено на другой части зданія. Эта манера выражаться вводила въ заблужденіе даже египетскихъ путешественниковъ и заставляла ихъ принимать одну изъ могилъ Бени-Гассана за часовню Хифу [1]). Иностранцамъ, предоставленнымъ на произволъ драгомановъ, еще простительно было принимать титулъ царя за имя живого человѣка и преображать Прути или Феро въ лицо, построившее храмъ, въ фараона Протея или фараона Ферона [2]). Именамъ соотвѣтствовали и сопровождавшіе ихъ разсказы: иногда они основывались на исторической истинѣ, часто же были по просту сказками, ходившими между жителями Мемфиса. Проводники разсказывали Геродоту, а Геродотъ, въ свою очередь, разсказываетъ намъ съ серьезнымъ видомъ историка о лекарствѣ, которымъ пользовался царь Феронъ для возвращенія

1) Шампольонъ, „Monumens de l'Egypte, Notices", т. II, стр. 423—425; Масперо, „La Mosaïque de Palestrina et les peintures des tombeaux égyptiens" въ „Mélanges publiés par l'Ecole pratique des Hautes Etudes", 1878, стр. 49—50.

2) Относительно Прути см. Лаутъ, „Egyptische Chronologie", 1877, стр. 181, 182; относительно Ферона, Масперо, „Fragment de commentaire sur le livre II, d'Hérodote", въ „Annuaire de l'Association pour l'encouragement des études grecques", 1887, стр. 133—135.

зрѣнія [1]), о похожденіяхъ Париса и Елены при дворѣ Протея [2]) и о продѣлкахъ, сыгранныхъ ловкимъ похитителемъ съ царемъ Рампсинитомъ [3]). И вездѣ: на пирамидахъ, въ Геліополисѣ, въ Фейумѣ, путешественникъ встрѣчалъ тѣ же имена царей, которыя обратили на себя его вниманіе въ Мемфисѣ: одинъ и тотъ же циклъ сложившейся въ народѣ исторіи охватывалъ всѣ памятники, и то, что разсказывалось въ одномъ мѣстѣ, дополняло или казалось дополняющимъ то, что говорилось въ другомъ [4]).

Не знаю, у многихъ ли путешественниковъ хватило времени или охоты побывать по другую сторону Меридова озера: войны, повидимому, прекратили правильную торговлю, которую греки, современники саисской династіи и первыхъ персидскихъ царей, вели съ оазисами при посредствѣ Абидоса. Чужеземецъ, отваживавшійся отправиться въ Ѳиваиду, оказывался въ положеніи европейца, который въ прошломъ столѣтіи рѣшался дойти до перваго Нильскаго водопада. Та же точка отправленія, или почти та же, — Мемфисъ и Каиръ, тотъ же конечный пунктъ путешествія, — Элефантина или Ассуанъ. Тѣ же средства перевоза: ничто такъ не походитъ на современные дагабіехи, какъ изображенныя на памятникахъ барки. Тоже время года: и тогда выѣзжали по окончаніи наводненія, въ ноябрѣ или декабрѣ. То же количество времени, посвящавшееся на экскурсію: переѣздъ изъ Каира въ Ассуанъ требуетъ только одного мѣсяца при попутномъ вѣтрѣ и при остановкахъ, только безусловно необходимыхъ для пополненія провизіи. Поккоккъ, выѣхавъ изъ Каира 6 декабря 1737 г. около полудня, прибылъ въ Ахмимъ 17-го того же мѣсяца уѣхалъ оттуда 28-го, прибылъ 13 января 1738 г. въ Ѳивы, гдѣ пробылъ до 17-го, и вошелъ въ портъ Ассуана 20 января вечеромъ; всего сорокъ пять дней, изъ которыхъ четырнадцать проведены были на сушѣ. Если-бы дневникъ путешествія какого-нибудь современника Александра дошелъ до насъ, мы, безъ сомнѣнія, нашли бы въ немъ аналогичныя числа: отъѣздъ изъ Мемфиса въ ноябрѣ — декабрѣ, прибытіе черезъ двѣнадцать — тринадцать дней въ Панополисъ (Ахмимъ); изъ Панополиса въ Элефантину черезъ Контосъ и Ѳивы около мѣсяца, считая и вынужденное пребываніе въ Ѳи-

1) Геродотъ, II, CXI.

2) Геродотъ, II, CXII—CXX.

3) Геродотъ, II, CXXI.

4) Объ этихъ разсказахъ см. Масперо, „Fragment de commentaire", 1878, стр. 8—17.

вахъ; затѣмъ возвращеніе въ Мемфисъ въ февралѣ или мартѣ. Большая часть времени уходила на переѣзды съ мѣста на мѣсто; необходимость пользоваться попутнымъ вѣтромъ вынуждало путешественниковъ оставлять безъ вниманія не одно интересное мѣсто.

Въ немногихъ мѣстахъ, гдѣ хозяинъ барки соглашался останавливаться, населеніе враждебно принимало грековъ. Къ этому надо еще прибавить, что переводчики, почти всѣ уроженцы Дельты, рѣдко имѣли случай путешествовать по Нилу и чувствовали себя въ Ѳивахъ такими же чужими, какъ и сопровождаемые ими иностранцы. Ихъ роль ограничивалась только переводомъ свѣдѣній, доставляемыхъ мѣстными жителями, когда послѣдніе не отказывались давать ихъ. Въ Панополисѣ Геродота всего болѣе поразилъ одинъ храмъ и гимнастическія состязанія, посвященныя Персею, сыну Данаи. Какимъ образомъ богъ Минъ превратился въ Персея? На это, быть можетъ, мы когда-нибудь найдемъ указанія въ надписяхъ. Драгоманы разсказывали, что Данай и Линкей были родомъ изъ этого города, что Персей, возвращаясь изъ Ливіи съ головой Медузы, свернулъ съ пути, чтобъ посѣтить мѣсто своего рожденія, и что онъ установилъ, въ воспоминаніе о своемъ проѣздѣ, игры, въ которыхъ побѣдитель получалъ вмѣстѣ съ призомъ извѣстное количество скота, платьевъ и кожъ [1]). Ѳивы были уже мертвымъ городомъ: персидскіе правители нисколько не заботились о поддержаніи храмовъ, а Ѳиванскіе князья были или слишкомъ бѣдны, или слишкомъ скупы, чтобы исправлять нерадѣніе хозяевъ страны. Геродотъ почти ничего не говоритъ о городѣ и его памятникахъ [2]). Гекатей описалъ городъ до него, и описаніе его удовлетворило любопытныхъ [3]). Онъ ограничился удостовѣреніемъ того факта, что разсказы ѳиванцевъ въ общемъ согласуются съ разсказами мемфисцевъ: одинъ только вопросъ заинтересовалъ его и показался ему достойнымъ, чтобы о немъ распространиться. Жрецы Аммона разсказывали ему между прочимъ, что двѣ жрицы, увезенныя изъ Ѳивъ финикіянами и проданныя одна въ Африку, а другая въ Грецію, способствовали появленію въ этихъ странахъ первыхъ оракуловъ. Ему сейчасъ же вспомнился слышанный имъ въ Эпирѣ разсказъ о двухъ чер-

[1]) Геродотъ, II, XXIX.

[2]) Онъ приводитъ нѣсколько легендъ объ Аммонѣ (II, XLII, LIV, LVI изсл., LXXXIII и т. д.), о Геркулесѣ (II, LXXIIV), о змѣяхъ, о дождяхъ (II, X) изд.

[3]) Геродотъ цитируетъ его по поводу Ѳивъ (II, CXLIII).

ныхъ голубкахъ, улетѣвшихъ изъ Ѳивъ и достигшихъ одна оазиса Аммона, а другая—Додоны; послѣдняя усѣлась на букѣ и человѣческимъ голосомъ потребовала учрежденія въ этомъ мѣстѣ оракула въ честь Юпитера [1]). Геродотъ былъ внѣ себя отъ радости при мысли, что греческое прорицательство имѣетъ точку соприкосновенія съ египетскимъ: онъ, а вмѣстѣ съ нимъ и его соотечественники думали облагородить происхожденіе эллинскаго культа, возведя его къ египетскому. По прибытіи въ Элефантину, приходилось пускаться въ обратный путь, такъ какъ она была, собственно, послѣднимъ персидской крѣпостью. Дальше начиналась уже область Нубія, вѣчно представлявшая изъ себя спорную территорію для владѣльцевъ Египта и Эѳіопіи. Къ счастью для любознательности путешественниковъ, Элефантина была, какъ теперь Ассуанъ, важнымъ центромъ торговли: на ея рынкахъ можно было встрѣтить и эѳіоплянъ изъ Мероэ, и черныхъ съ Верхняго Нила и озера Чадъ и аммонитянъ, — отъ которыхъ можно было получать всевозможныя свѣдѣнія. Водопадъ, образуемый порогомъ, первыя скалы котораго господствуютъ надъ самымъ входомъ въ портъ, не былъ безусловно непроходимымъ во всякое время; прибрежные жители имѣли привиллегію проводить черезъ него торговыя суда. Подъемъ продолжался четыре дня, вмѣсто нынѣшнихъ двухъ или трехъ; по минованіи водопада, по другую сторону его Нилъ представлялся озеромъ, усѣяннымъ островами, два или три изъ которыхъ, какъ Филы и Бегетъ, были знаменитыми святилищами, которыя принадлежали частью египтянамъ, частью эѳіопянамъ.

Собственно говоря, иностранцы осматривали въ такихъ случаяхъ, не самый Египетъ, а лишь внѣшнюю, такъ сказать декоративную сторону египетской цивилизаціи. Величіе памятниковъ и гробницъ, пышность церемоній, мистическая важность и многочисленность религіозныхъ формулъ, поражали ихъ взоры и внушали имъ уваженіе и къ тому, чего онѣ не видѣли: мудрость египтянъ вошла въ пословицу у евреевъ и у грековъ. А между тѣмъ, эта прекрасная внѣшность едва прикрывала непоправимый упадокъ египетской цивилизаціи. При ближайшемъ разсмотрѣніи нетрудно было замѣтить, что искусство уже не развивалось, что науки обратились въ рутину, и что религія съ каждымъ днемъ вырождалась. Паденіе ѳиванскихъ династій повлекло за собою и паденіе

[1]) Геродотъ, II, LIV—LV.

монотеизма; съ того момента, какъ Аммонъ сталъ безсиленъ сохранять за своими жрецами и вѣрующими первостепенное значеніе, какой смыслъ могли имѣть его претензіи на престижъ божественной власти? Богъ, который не былъ достаточно силенъ, чтобъ восторжествовать надъ другими богами, не былъ уже единымъ богомъ. Съ другой стороны, власть династій, слѣдовавшихъ за двадцатой, ни разу не длилась такъ долго, чтобы дать божествамъ, подъ покровительствомъ которыхъ онѣ царствовали, возможность унаслѣдовать ту важную роль, которую играла ѳиванская троица. Подъ сѣнью политическаго феодализма и въ области божественныхъ отношеній царилъ вездѣ такой же феодализмъ, какъ въ области отношеній человѣческихъ и мендесскіе боги такъ же мало соглашались дать поглотить себя богамъ саисскимъ, какъ медесскія династіи — склонить голову передъ саисскими. Но раздѣленное такимъ образомъ религіозное чувство, тѣмъ не менѣе, не ослабѣвало: напротивъ того, оно сдѣлалось вдвое интереснѣе и вскорѣ стало единственнымъ чувствомъ, объединявшимъ весь Египетъ. Національное чувство ни когда не было особенно сильно въ низшихъ классахъ народа: имъ мало было дѣла до того, кому идутъ взимаемая съ нихъ подати, разъ подати эти были одинаково обременительны, какъ во времена иноземнаго, такъ и во времена національнаго господствъ. Феодальные правители не дорожили отечествомъ: они такъ же подымали возмущенія противъ фараоновъ, какъ и противъ великаго царя, и ихъ безчинства неоднократно являлись гибельными для страны. Только въ одной области, а именно въ области религіи, какъ феллахи, такъ и ихъ правители соединились въ общемъ чувствѣ. Всего болѣе ихъ унижало въ ихъ пораженіи то, что египетскія божества были побѣждены персидскими и греческими: гнетъ никогда не выводилъ ихъ изъ терпѣнія, но малѣйшее оскорбленіе ихъ священныхъ животныхъ вызывало возстанія. Они готовы были все переносить, лишь бы только не трогали ихъ боговъ; боги были для нихъ единственственнымъ живымъ элементомъ, оставшимся отъ ихъ прошлаго величія.